

40 120
ПОЛНЫЙ ПРИВОД
КИЛОМЕТРЫ ВДОЛЬ НОРМАЛЬНОСТИ

К Р И Е Т И И А
М И Э У Х А Р А

Annotation

Жаклин Рочестер врач из Оксфорда (GB) двадцать шесть лет, замужем, влюбляется в восемнадцатилетнего студента, мальчика прекрасного как сама любовь Александра МакЛарена из Глазго (GB). Влюбляется с первого взгляда и - в бесконечность. Восемь лет разницы в пользу женщины. Мужчине восемнадцать и у него есть мечта. Женщине двадцать шесть и её мечта - восемнадцатилетний мужчина. Плюс толпа родни и собака. Что из этого получится? Посмотрим.

Полный привод, или Километры вдоль нормальности

Наш Федя с детства связан был с землею
Домой таскал и щебень и гранит...
Однажды он домой принес такое,
Что мама с папой плакали навзрыд.
Высоцкий В.С.

Дверца духовки захлопнулась мягко и профессионально, своими звуками напоминая действия ненавязчивого, вышколенного лакея.

«Пусть постоит, для начала, минут сорок», — подумала Жак о мясе на косточке, которое только что поставила, в двойном экземпляре — одна порция дядюшке Ламу, другая — её мужу Чарльзу, и продолжила дальше готовиться к отъезду.

Она собиралась навестить в Глазго своего единственного кровного родственника Лавалета Фортескью, а для неё просто дядюшку Лама — родного старшего брата своего покойного отца.

Жак была рада этой поездке. Она очень давно не видела горячо любимого дядюшку, который содержал и растил её сам с девяти лет, после того, как родители Жак — его родной брат с женой, погибли в автомобильной катастрофе. Мистер Фортескью был археологом. Серьёзным археологом. И стал он таковым, как и положено среди серьёзных археологов, полностью посвятив себя своему ремеслу, своей науке, периодически закапываясь по макушку или в пески Среднего Востока, или каменистый ил близ Чокекирао.

Дядюшка Лам никогда не был женат — ему не удалось встретить спутницу жизни среди коллег или женщину, которая согласилась бы, по доброй воле, жить всю жизнь в палатках, готовить на керосинке или костре, принимать душ только при счастливом стечении всех обстоятельств и занять очередь за порцией внимания дядюшки Лама сразу после его незабвенной археологии и простоять там всю свою жизнь. И, как следствие, детей у старика тоже не имелось.

Практически вплоть до последнего времени, когда возраст дядюшки приблизился к тому самому нежному периоду «зашисят», археолог колесил по Миру в поисках того, что еще не откопали, не опознали или, что уже откопали, но, опознав, опять закопали от греха подальше. Он самозабвенно рыл всё, что ему разрешали рыть, и разбираал на фракции различной величины и формы всё, что разбиралось, а что не разбиралось, складировал у себя в лаборатории и в своей квартире в Глазго, как запасливая белка у себя в дупле. Но последние года 3–4, когда силы стали подводить старого матёрого ищейку, он вдруг понял, что уже устал. Он был настолько поглощён своим занятием и доволен своей участью, что, вдруг поняв, что уже не в силах справляться с походными условиями и будучи уже не так заинтересован в постоянных поисках, страшно удивился. Как это так, всю жизнь справлялся, и всё время что-то выискивал, и вдруг — устал.

Когда первое удивление прошло, ещё некоторое время мистер Фортескью пытался бороться, как человек, который боится остаться не у дел после долгого пребывания в авангарде. Он дрался сам с собой как лев за то, что он ещё ого-го, и наравне с остальными его коллегами (которые, справедливости ради, нужно сказать, не все были намного моложе своего куратора) может весь день под палящим солнцем или в промозглом влажном холоде

на коленках ползать вдоль и поперёк по грунту внутри предполагаемого бывшего жилища предполагаемых бывших древних арамеев, но всё больше и больше убеждался в том, что он, скорее всего, для своих коллег и учеников уже больше обуза, нежели помощник. А вот в том, что они не в состоянии без его помощи отличить обычный гладкий булыжник с берега моря от аккуратно отшлифованного, не исключено, что рукой человека, шара правильной формы, он давным-давно убеждал себя сам, и эти его убеждения не имели ничего общего с реальным положением дел.

И тогда он смирился. Он был всё-таки умным, этот дядюшка Лам.

Закончив последние раскопки каких-то древних поселений каких-то древних племён в Монголии, дядюшка не стал, как планировал, отправляться в центральную Америку, в Панаму, для того, чтобы поковыряться в ещё более древних поселениях ещё более древних индейцев куна, а оставил все дела и все свои планы, и отправился в свою квартиру в Глазго, которая пылилась без него на протяжении последних года-двух, и в которой за столько лет он наскладировал столько претендентов на артефакты, что его жилище, как место раскопок, своим потенциалом могло бы посрамить площадь возле Форума в Риме, где дядюшкины коллеги роют уже около ста лет.

В свою берлогу в Глазго мистер Фортескью приезжал, чтобы обработать материал, немного отдохнуть и разработать следующий маршрут. Это была его родная квартира. Он купил её на собственные деньги, ещё будучи довольно молодым мужчиной, для того, чтобы жить поближе к Институту исторических наук и археологическому центру университета Глазго, который активнее других университетов по Миру занимался исследованием археологии мировых сражений, актуальных в то время для Лавалета Фортескью.

Проколесив по планете с дядюшкой с малых лет, Жаклин, тем не менее, умудрялась неплохо учиться, то там, то сям — помогали способности, явно выше средних. Когда у дядюшки заканчивались полевые работы, и он оседал там, где ему было удобно обрабатывать собранный материал (обычно это были большие города с их авторитетными Университетами), Жак шла в школу в этом же месте. Это были и Штаты, и Великобритания, и Франция. Общаясь со многими коллегами её дяди из разных стран по многу месяцев подряд, девочка довольно бегло научилась разговаривать на французском и испанском языках. И ещё немного на немецком. Лингвистика ей всегда давалась легко — когда они с дядюшкой прибывали, допустим, в Марокко, Жак, пару недель послушав местное наречие, всё время звучавшее вокруг них, начинала понемногу изъясняться на этом языке и позже иногда уже даже служила переводчиком для всей команды.

Иногда, изучая школьные предметы самостоятельно, во время каникул или учебного года, девочка сдавала экзамены экстерном. Да она, в принципе, была готова на всё, только бы дядюшка больше не отправлял её в закрытую школу в Дэрби, как он сделал это в первые два года своего опекуинства, когда, немного испугавшись свалившейся на него ответственности за маленькую девочку, перепоручил её воспитателям-профессионалам в частной школе для девочек в Дэрби, графство Дэрбишир в Англии.

Профессионалы профессионально справились со своей работой — уже после года пребывания в этой школе девочка ненавидела их, школу, все школьные предметы во главе с математикой, Дэрби и весь Дэрбишир в придачу. Подождав ещё год — может, ребёнок всё-таки привыкнет и образумится — дядюшка забрал Жаклин с собой, и с тех пор разговоров о закрытых частных школах в Дэрби, или где бы то ни было ещё в Мире, у них не заводилось.

Когда наступило время Жак выбирать профессию и учиться дальше, она поступила в

медицинскую школу в Лондоне, в университете Сити, факультет общественного здравоохранения и первичной медицинской помощи. Сначала бакалавриат. А потом и магистратуру. Дядюшка, будучи сам весьма образованным человеком, всячески поощрял стремления и труды племянницы в получении профессии и оплачивал её учёбу, тем более, что уже давно убедился в её достаточно высоких умственных способностях и серьёзности подхода к овладению знаниями, которыми она планировала зарабатывать себе на жизнь.

Почему медицина? А почему бы и нет? Жаклин считала медицину довольно выгодной профессией, поскольку эта квалификация неплохо оплачивалась, а её факультет и специализация открывали неплохие горизонты в карьере. И к тому же, помотавшись с дядюшкой по полевым лагерям в различных широтах и климатах, она не хотела иметь работу, сопряжённую с некомфортными, антисанитарными условиями труда, ощущая накопившуюся и нереализованную потребность в чистоте, тишине, тепле и уюте.

Что же касается отношений девушки с противоположным полом, то они никак не хотели развиваться по классической схеме: увидела — влюбилась — встретились — переспали — поссорились — помирились или расстались. Меха под огнём огорчений и пессимизма от этого невезения раздували, как водится, подруги. Слушая, как они взахлёб рассказывают об отношениях с мальчиками, о том, как это всё интересно и здорово, Жак им немного завидовала и всё мечтала повторить их подвиг. Девушка хотела хоть раз так же влюбиться, так же потерять голову, отпустить себя именно посредством отношений, именно таким способом, ибо другого она, или попросту не знала, или знала, но они были для неё не приемлемы. Ей хотелось так же взахлёб хвастаться тем, что он ей сказал, и как она ему ответила, и что при этом чувствовала, и прочее и прочее. Но голова упорно не терялась, чего-то большего, кроме как лёгкую симпатию и внутреннее согласие и одобрение, испытывать к мальчикам не получалось и, как следствие, Жак чувствовала себя немного неприкаянной.

И весь трагизм ситуации усугублялся ещё и тем, что периодически она замечала со стороны сильного пола к себе все признаки повышенного внимания, и даже иногда подвергалась ухаживаниям разной степени смелости или наглости, умелости и изощренности, ибо была довольно мила, хоть и не явная красавица — худенькая, среднего роста, с каштановыми волнистыми волосами, глазами приятного цвета шоколада, достаточно тонкими чертами лица, хоть и не совсем правильных форм и рисунков — что называется: «не красавица, но смотреть приятно». Однако же, желания как-то ответить на все эти шаги в её сторону у девушки не возникало, и выдать из себя что-то большее, чем искреннюю благодарность и извинения по поводу отсутствия взаимности, не получалось.

И, тем не менее, годам к двадцати у Жаклин обнаружили зачатки умения неплохо подать себя при знакомстве и, что ещё более важно, подав, не опустить. Она, с одиннадцати лет общавшаяся с учёными мужами — коллегами и оппонентами дядюшки Лама, обладавшими определённым менталитетом и манерой поведения, приняла на себя всю эту их органику и сохранила умение правильно и разумно себя вести в любом обществе, корректно и, при необходимости, обтекаемо, выражать свои мысли, особенно, если приходилось возражать собеседнику, была довольно близко, не понаслышке, знакома с этикетом поведения в обществе, в котором предполагалось общение в соответствии с этим самым этикетом. Но при всём при этом, она не стала ханжой и, будучи студенткой, могла со своими подругами пойти в паб, выпить там пива и довольно много, могла выкурить сигарету, могла вставить грязное словцо. Но всё это как-то так в барах и оставалось, к самой

Жак это не приставало ни коим боком.

Ещё в институте, да и после него, у неё случилась парочка непродолжительных романов, после которых девушка окончательно отчаявшись испытать «то самое», махнула на это всё рукой и приготовилась возвести в ранг жизненной заповеди выражение «не очень-то и хотелось». И именно в это время Жак встретила Чарльза Рочестера.

Дядюшка Лам тогда приехал на какую-то очередную конференцию в Лондон, и Жак, не успев встретить его в аэропорту, пошла сразу к зданию Британского музея, в одном из актовых залов которого и событие и намечалось. Привыкнув к тому, что вход в здание самого музея свободный и бесплатный, Жак и подумать не могла, что в это крыло её не пустят и потребуют или пропуск, или приглашение. Ни того, ни другого у неё не было, и если бы не молодой человек, который, увидев её стоящей у окна с расстроенным лицом, не поинтересовался, в чём дело, и не протянул ей свободное приглашение, она бы никогда не попала к дядюшке Ламу и не познакомилась бы со своим будущим мужем.

Чарльз был историком и преподавал в Оксфорде историю и социологию. Ему исполнилось тридцать и для него это тоже оказался первый брак, что было довольно типично, для современной английской молодёжи. Чарльз показал себя умным, интеллигентным, забавным, зрелым, амбициозным, заинтересованным в семье — короче, подходяще удобным. Он далеко являлся не тем, кто мог, что называется, «снести крышу» двадцати четырёхлетней девушке, но, тем не менее, романтическая составляющая их отношений была, всё-таки, основополагающей.

Жак так же искренне старалась стать для Чарльза хорошей, достойной женой после того, как они поженились, и она переехала к нему в Оксфорд, где у он снимал довольно неплохую квартиру — её даже не пришлось менять с присоединением Жак. Свою квартиру в Лондоне, оставшуюся ей от родителей, она, с помощью дядюшки Лама, сдавала через агенство.

По приезде в Оксфорд, новоиспечённой жене не составило большого труда устроиться в больницу имени Черчилля, доктором в приёмный покой.

Итак, по большому счёту, к поездке всё уже давно было продумано и прикинуто — что взять с собой из вещей, что оставить Чарльзу у из еды, что купить в подарок для дядюшки Лама — это, конечно же, была бутылка отличного Teachers, что привезти потом в подарок Чарльзу у — это, конечно же, бутылка хорошего Vanff. Также ещё была целая посылка для дядюшки от лаборатории при Музее естествознания в Лондоне. Её Жак не открывала, и что там внутри, не имела ни малейшего понятия. Во-первых, знала не понаслышке, как могут быть хрупки и уязвимы предметы, которые археологи посылают негласно друг другу, минуя доставку почты Её Величества, и как можно легко разрушить то, что не разрушили века времени. А во-вторых, как потом трудно правильно уложить всё это, щадимое временем и тобою богатство так, чтобы неожиданности в дороге были к нему столь же благосклонны.

Было утро. Вторник. Пятнадцатое августа. Жак только что попрощалась с Чарльзом, проводив его на работу. Поставила замаринованное мясо в духовку и приступила к окончанию сборов. Такси прибыло в одиннадцать. Девушка ехала с пересадкой на поезде через Бирмингем. Упаковав поджарившееся мясо в фольгу и в корзину для пикников, посылку для дядюшки — в пластиковый чемодан, переложив её своими летними вещами, Жак захлопнула за собой дверь и с лёгкой душой отправилась в поездку.

Скорый поезд из Лондона, на который девушка села в Бирмингеме, домчал её за три часа в Глазго. Всю дорогу Жаклин думала о дядюшке Ламе и своих родителях, периодически

вспоминая себя в детстве. Всё дело в том, что как только опекун окончательно и бесповоротно обосновался в Глазго, он успел сделать одну вещь — жениться. И племянница этому несказанно обрадовалась.

А дело было вот в чем.

Когда дядюшка оставался одиноким холостяком, ей приходилось не реже чем раз в четыре-шесть месяцев ездить его проведать. Она приезжала, мыла окна, полы, убирала накопившуюся грязь на кухне, пила с дядюшкой чай, справлялась о его здоровье и уезжала. Хоть в дом и приходила женщина из службы помощи университета Глазго раз в неделю — готовила, меняла, стирала постельное бельё и пылесосила, но этого не доставало. Приезжала Жак и отдраивала всё остальное.

Мистер Фортескью женился года полтора назад. Его избранницу звали Эшли. Ей исполнилось пятьдесят два года, и она вместе с подругой содержала небольшое кафе в одной из парковых зон Глазго. У Эшли была уже взрослая дочь по имени Маргарет и двое внуков по имени Брайс и Маркас — четырёх и семи лет отроду соответственно. Всех их Жак уже однажды видела и со всеми ними уже имела удовольствие познакомиться, когда приехала к дядюшке, что называется, на знакомство где-то месяцев восемь назад, и не узнала его квартиру — ту будто приговорили к чистоте.

Всё было вымыто, вычищено, упорядочено, убрано и спрятано, но тактично, в обход дядюшкиного кабинета, — кабинет был амнистирован и помилован. Племянница к такой картине жилища, где обитал её дядюшка со всеми своими артефактами, крайне не привыкла, ибо, будучи спокойным, покладистым ребёнком, если только дело не касалось частных школ, она никогда не пыталась наводить порядок в доме с такими жильцами. Жак не считала себя вправе корректировать дядюшкины взгляды на быт и комфорт. Да и сам опекун, видимо, считал точно так же. Никто не имеет право подвергать сомнению и, как следствие, переосмысливать его привычки и уклад жизни, поэтому был злой как черт, метал громы и молнии и грозился, что дайте ему только время, и он всё вернёт вспять.

Но Эшли и, присоединившаяся к ней, Жак успокоили старика, пригрозив, что если он не смирится с тем, что в его квартире теперь хотя бы можно жить, то они «приговорят» и «казнят» и его кабинет, и зачистят, и замоют, и «заубирают» его «до смерти». Старик попытался, но увидев своих женщин, порхающих к праздничному столу с блюдами и обратно, и что-то щебечущих друг с другом, растаял и махнул рукой.

Тогда знакомство прошло очень хорошо к удовольствию всех сторон. Эшли оказалась довольно современной, умной женщиной, хоть и выглядела несколько замученной и усталой. Поначалу Жак даже не могла взять в толк, что же привлекло её в дядюшке, который слыл домоседом, непубличным человеком, далёким от бизнеса, политики и социальных течений и веяний. Но потом, поговорив с ней, послушав её суждения о людях и людском, присмотревшись, как она слушает дядюшкины рассказы о работе и его мысли об устройстве различных малых и больших социумов в различные времена в различных точках Земного шара, поняла, что дядюшка нашел еще одного своего преданного почитателя.

Где сейчас находится отец Маргарет — или Марго, как её все называли — Жак, понятное дело, не спрашивала, и ни Эшли, ни Марго о нём ни разу не упоминали. Видимо, воспоминания об этом человеке были не из разряда приятных для матери и дочери, и Жак решила не спрашивать о нём даже у дядюшки Лама.

Таким образом, избавленная от необходимости регулярно проведывать своего родственника и следить за его домом и бытом, девушка целых восемь месяцев, а может быть

и больше, не показывалась в Глазго. Более того, и сейчас, будучи в отпуске, выбралась только к его окончанию.

Когда она позвонила мистеру Фортескью и сказала, что приедет, то через некоторое время ей перезвонила Эшли и заинтриговала, что в этот раз в честь её приезда устроит небольшой ужин прямо у себя в кафе. В это заведение Жак ещё ни разу не заглядывала и поэтому почувствовала предвкушение.

Глазго встретил её солнцем и теплом в противовес хмурому сегодня с утра Оксфорду, и в Жаклин еще больше укрепилось предчувствие удачной поездки.

Было около четырёх часов, когда девушка, расплатившись с таксистом, направилась к входной двери дядюшкиной квартиры — половины двухэтажного дома на двух хозяев, типичного для Шотландии — коричневым камнем, с черной окантовкой по периметру, с низко расположенными, высокими, узкими окнами за каменным невысоким заборчиком с железной калиткой из прутьев. По всем этим постройкам, включая дом, вились, наверное, все виды лиановых кустарников, встречающихся в этих местах. Всё очень сильно и красиво заросло. А в общем-то, здесь всё оставалось точно так же, как и в её детстве и юности, когда племянница приезжала сюда с дядюшкой и жила здесь с ним по нескольку месяцев, пока он отдыхал и занимался обработкой собранного материала.

Дядюшка встретил её с радостью. Заметно, что соскучился. Жак не стала вручать старику, что называется, с порога, его посылку, и благоразумно умолчала о ней, боясь тут же потерять дядюшку на весь вечер. А потом и еще дня на два.

— Жак, дорогая, как я рад тебя видеть! Как хорошо, что ты снова здесь, со мной! — закричал дядюшка, только лишь распахнув дверь и шагнув за порог, и обнял племянницу. Он пытаясь взять у неё из рук чемодан, но Жак не дала и постаралась быстрее пройти внутрь.

Лавалет Фортескью ростом был не на много выше племянницы, почти весь седой, хоть в молодости он красовался блондином. Всегда довольно мелкие черты его, на самом деле, не самого красивого лица, с годами стали еще более мелкими и невыразительными. Но всю природную невзрачность уравнивал свет из молодых глаз, который бывает только у умных, увлеченных людей.

Опекун выглядел очень даже не плохо, и девушка надеялась, что так же он себя и чувствовал. Потом, чуть позже, она планировала измерить ему давление несколько раз в течение дня и попросить посмотреть его медицинский журнал. Ожидать нареканий и жалоб на здоровье от дядюшки было бесполезно, поэтому Жаклин, предпочитала ознакомиться с мнением его врачей.

Квартира тоже не разочаровала. Везде прибрано и уютно, как и в прошлый раз. Женская рука чувствовалась здесь очень явственно и повсеместно. В квартире имелось две спальни и комната для гостей на втором этаже, и холл с кухней, кабинетом и большой кладовой — на первом. Большая кладовая, дверь которую переоборудовали для входа прямо в кабинет, а не в коридор, как при покупке, послужила решающим доводом при приобретении квартиры мистером Фортескью — эта кладовка своими размерами была призвана нанести сокрушительный удар заносчивой площади возле бывшего Форума в Риме.

Хозяин хлопотал вокруг своей гостьи, пока та выставляла гостинцы на кухне, и очень обрадовался своему любимому мясу на косточке и бутылке «Teachers».

Они поговорили об общих знакомых из Штатов и Франции, которые не забывали мистера Фортескью и периодически позванивали ему, чтобы проконсультироваться или просто узнать, как дела, и часто передавали приветы и его любимой племяннице. Дядюшка

рассказал о некоторых студентах Университета в Глазго, диссертации которых он курировал на данный момент. Жак рассказала о Чарльзе и передала дядюшке от своего мужа привет.

— Тебе ведь Эшли говорила, что сегодня у неё в кафе будет вечером ужин в твою честь? — проговорил дядюшка, как только они поделились друг с другом первостепенными новостями. — Так вот. Марго заедет за нами с тобой в шесть. Осталось, кстати, двадцать минут. Я пойду переоденусь. — И поднялся с кресла.

— А я? — заморгала ошарашено Жак. — Мне ведь тоже нужно принять душ и переодеться. — Она поднялась на ноги.

— Да, пожалуйста! — воскликнул гостеприимный хозяин. — Комната для гостей и ванная в твоём распоряжении. Хотя, как по мне, так ты отлично выглядишь. — И ринулся за своими приготовлениям. Для дядюшки, как для археолога, перерывшего половину земного шара, любой человек, включая его самого, не припорошенный трёхсантиметровым слоем земли и пыли, мог смело претендовать на звание «отлично выглядящего» и преспокойно отправляться, да хоть на приём к самой Елизавете.

Гостья, прекрасно знавшая квартиру, без колебаний поднялась на второй этаж. Войдя в комнату для гостей, последнюю от лестницы, она нашла её в отличном состоянии — воздух был свежим, постель, судя по всему, тоже, везде чисто и опрятно, и девушка с воодушевлением принялась распаковывать вещи и обустраиваться.

Как оказалось парой минут позже, душ тоже работал. Ополоснувшись, Жак надела джинсы и тонкий свитерок тёмно-синего цвета и, расчесав свои роскошные вьющиеся кудри длинной до плеч, спустилась вниз.

Мистер Фортескью разговаривал с кем-то по телефону.

— Она будет через три минуты, — нажал он кнопку окончания вызова на телефоне. И Жак поняла, что речь идет о Марго.

— Тогда, если позволишь, я хотела бы позвонить Чарльзу и сказать ему, что благополучно доехала. — Племянница направилась на кухню.

— Передавай ему привет от меня и поблагодари, что отпустил тебя погостить, — почти прокричал дядюшка на ходу, устремляясь в свой кабинет.

Когда она вернулась, в гостиной, на диване сидела Марго с ключами от машины в руках. Увидев Жаклин, она тут же вскочила и бросилась поприветствовать и обнять её.

— Здравствуй, дорогая. Как хорошо, что ты приехала. Мы очень рады тебя видеть и хотим пообщаться побольше. В прошлый раз всё прошло очень сумбурно и быстро, не успели, как следует, насладиться твоим обществом, — Марго доброжелательно улыбалась.

Она была энергичной, позитивной молодой женщиной, с кем никогда не соскучишься, потому что они всегда найдут о чем поговорить, и с которыми можно расслабиться, потому что они никогда не лезут не в свои дела. А еще Маргарет, без преувеличения сказать, родилась красавицей. Невысокого роста и достаточно миниатюрна. В прошлый раз её волосы были светло-каштанового цвета, но сейчас там местами отливали, довольно крупные блондинистые пряди, что сделало её статус брюнетка/блондинка пограничным 50/50, что ей, как и большинству красивых людей, опять же шло. Глаза у Марго были зелёно-карие, небольшие, можно даже сказать узкие, как будто с постоянным прищуром, но с такими загнутыми ресницами, что делало их очень привлекательными. Носик походил на нос Эшли — прямой, правильный, аккуратный, с довольно узкими ноздрями. Но добрую долю красоты лицу Марго придавал чувственный рот с одинаковой величины и верхней, и нижней припухлыми губами. Если говорить в общем, то Марго была чем-то похожа или на Ким

Бесинджер, или на Дженифер Энистон, со скидкой на двоих сыновей.

— Здравствуй, Марго! — засияла Жак в ответ. Ей очень импонировала эта молодая женщина. — Я тоже очень рада, что наконец-то выбралась к вам. Соскучилась, — Жак ответила на объятия.

— На этот раз, я надеюсь, ты побудешь подольше. И это не обсуждается — мы просто тебя раньше не отпустим. — Глаза Марго зажглись лукавством.

— Да. В этот раз у меня времени немного больше. Надеюсь, мне его хватит, чтобы уговорить вас всех приехать ко мне в гости в Оксфорд. — Засмеялась Жак.

— Спасибо за приглашение. Оно принято. Но сейчас, пока ты здесь, ты в полном нашем распоряжении, и мы сейчас будем тебя чествовать. — Женщина направилась к двери. — Поехали? — спросила она, оборачиваясь к Жак и, уже появившемуся в дверях кабинета, дядюшке Ламу.

— Да-да, дорогая, я готов. Жак тоже. Поехали. — Дядюшка стал торопливо искать в прихожей свою походную куртку, которую племянница помнила еще по частной школе в Дэрби. Кажется, что эта куртка уже стала дядюшкиным Alterego. Или наоборот.

Пока они ехали, Жаклин смотрела на Глазго в окно машины. Ей нравился этот город. Он был эклектичен, как никакой другой. Местами напоминал Лондон, местами Эдинбург, местами Нью-Йорк или даже Париж — во всех этих городах Жак жила, и все эти города стали частью её детства и юности.

Поэтому, засмотревшись и погрузившись в воспоминания и размышления, девушка не заметила, как они приехали. Когда машина прижалась к обочине, и Марго заглушила мотор, Жак осмотрелась и увидела обычную одностороннюю улицу, которая окаймляла довольно большой и просторный парк. Кафе тоже выглядело довольно рядовым, но и вместе с тем функциональным: в таких местах можно закусить и выпить кофе вкусно и недорого. Оно называлось «С.І.С.» и располагалось на первом этаже жилого дома. Довольно старого дома. Окна были большие, витринные, сквозь них виднелось, что в заведении сейчас не очень многолюдно.

— Я не очень часто бываю здесь. — Как бы оправдывался дядюшка Лам, направляясь вместе с племянницей к двери вслед за падчерицей и поправляя свою куртку в руках. — Не люблю, когда много людей, а кормит меня Эшли и дома вкусно.

— Значит, не одна я здесь ничего не знаю. Это хорошо. — Жак подбадривающе улыбнулась своему родственнику.

Внутри тоже оказалось довольно традиционно — матовые панели цвета клёна, немного зелёного пластика и никелированной отделки. Приятно и располагающе.

Проведя дядюшку с племянницей по небольшому коридору, Марго открыла одну из дверей в отдельный кабинет и посторонилась, давая возможность пройти своим спутникам.

— Добро пожаловать! — сказала она, широко улыбнувшись. И добавила, обращаясь к кому-то внутри комнаты. — Встречайте!

Жак шагнула в помещение, и сразу же на неё нахлынули впечатления. Всей своей массой.

Во-первых, комната оказалась красивой — два больших окна с очень красочными занавесками с витиеватым рисунком. По ровным, бледно-коралловым стенам висели разные, но со вкусом подобранные, картины. Здесь была и живопись, и современная живопись, и одна настенная композиция в виде изображенного взрыва в центре с плавленной электрической лампочкой, и пара фотографий — в общем, всё очень и очень впечатляло. На

журнальном столике и комод, стояли две вазы, современного дизайна и, если Жак не ошиблась, может быть даже ручной работы.

Окинув это секундным взглядом и оценив вкус и талант дизайнера и декоратора, кем бы они ни оказались, девушка сосредоточилась на людях, сидящих за столом. Во-первых, к ней на встречу сразу же поднялась Эшли.

— Жак, дорогая, ну, наконец-то! Мы очень тебя ждали. И я так же очень рада за Лама — он по тебе скучает и часто вспоминает, и всегда ждет. — На последних словах Эшли посмотрела на дядюшку, который стоял за спиной у племянницы и наслаждался встречей двух самых дорогих его сердцу людей.

— Ну-ну, — протискиваясь мимо Жак с Эшли, мистер Фретескью мимолётно чмокнул жену в щеку, — не выдавай меня так сразу.

Подойдя к столу, он стал усаживаться во главе. Судя по всему, это было его законное место, что Жак очень порадовало — дядюшку здесь, явно, уважали и почитали.

— Позволь познакомить тебя с моей подругой и компаньонкой Алисой, — Эшли, отступая в сторону, указала на женщину, которая в этот момент поднималась со стула, стоящего в дальнем углу комнаты.

— Алиса, это и есть наша Жаклин. Она очень милая и умная девушка. Я уверена, общение с ней доставит тебе массу приятных моментов, — обратилась Эшли к подруге.

— Добро пожаловать, Жак. Очень рада с тобой познакомиться. — С широкой улыбкой Алиса обеими руками пожала протянутую руку Жак.

— Взаимно. — Девушка слегка кивнула головой и тоже улыбнулась. — Большое спасибо за теплый приём и гостеприимство.

И тут Жак, боковым зрением видевшая, что в комнате находятся еще люди, обратила своё внимание на них, чтобы уж сразу покончить с церемонией знакомства. Два человека, сидевшие до этого в креслах сбоку от входной двери, тут же поднялись со своих мест, стоило госте развернуться прямо к ним.

Это были девушка и парень. Сначала Жак посмотрела на девушку, потому что та была почти одного с ней роста, и мимолётно слегка улыбнувшись ей, тут же, подняла глаза на парня, потому что тот оказался довольно высок.

Глава 2. Знакомство.

«У вас не будет второго шанса произвести первое впечатление.

В жизни любого человека всегда случаются моменты, которые, как нож ломти колбасы от остального батона, отрезают куски нашей жизни от неё в целом. Как правило, эти моменты обозначаются каким-то ошеломляющим событием с положительной или отрицательной эмоциональной окраской. И в чередё мысли и чувств, спровоцированных этим событием, человек в одно из мгновений понимает, что дальнейшая его жизнь, скорей всего, пойдёт уже «под другим флагом», будет «окрашена в другие цвета», и уже никогда не будет как раньше, и сам человек прежним не будет.

Нечто подобное и происходило сейчас с Жак, когда она подняла глаза на парня.

Это чувствовалось сродни мгновенному узнаванию человека в толпе. Такое бывает.

Первое, что ощутила девушка, это облегчение. Она даже будто услышала, как невидимая гора свалилась с плеч и разбилась вдребезги о деревянный пол комнаты. А вслед за ней туда же ухнул и камень с души.

Невероятное облегчение.

Второе, что испытала Жаклин, это огромное, нестерпимое желание коснуться этого парня, убедиться, что он ей не снится. Да и вообще, просто прикоснуться для того, чтобы прикоснуться, и всё. Касание ради касания. Без мотивов и объяснений.

Это был он! Тот самый! Тот, который ей нужен. Тот, которого она хотела и ждала.

Когда-то давно, будучи студенткой третьего курса Университета Сити, Жак разоткровенничалась со своей подругой Лизи о том, что ей, наверно, не дано влюбиться, и она, скорей всего, никогда не почувствует такое чувство, как любовь.

— А вот как ты себе представляешь человека, в которого ты могла бы влюбиться? — спросила тогда Лизи.

— Не знаю, — задумалась Жак. — Наверное, он должен быть хорошим, умным, добрым, внимательным, заботливым. — Она засмеялась своим критериям и поэтому поспешила подытожить: — Самым лучшим, короче, а внешность не главное.

Так вот сейчас, третье, что почувствовала девушка, это желание, чтобы Лизи оказалась в этот момент здесь, тогда бы Жак смогла взять парня за руку, подвести к своей подруге и сказать: «Вот. Вот как он должен выглядеть».

Но в это самый момент до Жак начало доходить одно и ужасное, и прекрасное осознание — всё дело в том, что только сейчас она увидела и поняла, что парень был, на самом деле, беспрецедентно красив и неприлично молод. Или наоборот.

И после этого, четвертым и последним чувством из всех, которые оказались доступны ей в этот момент, это был шок.

Шок не в чистом виде, а под каким-то своеобразным соусом из отрицания и страха. Но шла уже третья или даже четвертая секунда лицезрения новых знакомых, поэтому гостя поспешила одёрнуть себя и повернулась к Эшли, чтобы та могла познакомить её с девушкой и с человеком, которого интуиция Жаклин только что записала ей в её любимые мужчины, даже если мужчиной ему еще только предстояло стать и, возможно, даже не в ближайшем будущем.

А Эшли уже не было, рядом стояла Алиса, которая легко улыбнулась и, указывая рукой

на пару, стоящую перед гостьей, сказала:

— Жак, позволь тебе представить моих детей. Это моя младшая дочь Дженнифер, — с гордостью в голосе мама, показала на дочь рукой.

«Как хорошо, что я еще не успела записать её ему в подруги и порядком испугаться» — подумала про себя Жак, а вслух сказала:

— Очень рада с тобой познакомиться. — И доброжелательно улыбнулась девушке.

— Взаимно, Жак. Тётя Эшли говорила о тебе много хорошего. Надеюсь с тобой подружиться. — Просияла девчушка и протянула Жак руку.

Удовлетворённо кивнув головой, Алиса показала рукой на парня и полным теплоты и умиления голосом сказала:

— А это мой старший сын Александр.

Жак подняла глаза на парня, устремив при этом взгляд внутрь себя. Только так она могла смотреть на этого человека — настолько была застигнута врасплох нахлынувшими чувствами и ощущениями, и настолько стеснялась своей, до такой степени сильной и внезапной, тяги к этому юному прекрасному созданию.

Стоя сейчас перед парнем, влюблённая разрывалась от желания сбежать куда-нибудь, в какой-нибудь укромный уголок и просто посидеть и тупо привыкнуть к новым ощущениям, к этой ее, непонятно откуда взявшейся, тяге к человеку, которого она знала четверть минуты, и, одновременно, от нежелания отдаляться от Александра с этого момента и до конца жизни на расстояние больше, чем пара метров.

Но, ни той, ни другой возможности у неё не имелось. Поэтому она несмело протянула парню руку и сказала:

— Привет, Александр. Рада знакомству. — В свой голос, однако, девушка постаралась вложить как можно больше фамильярных и даже панибратских ноток, на автомате вспоминая юность. Примерно так, она бы поздоровалась с парнем, будь ей лет на восемьдесят меньше.

— Здравствуй, Жак, — ответил парень самым красивым голосом за всю чертову историю красивых голосов. При этом интонации его были подчеркнута, можно даже сказать, показательно располагающими. — Добро пожаловать в Глазго. — Он пожал протянутую ему женскую ладошку.

Рука его была тёплая и большая. Когда он сжимал руку Жак, она почувствовала, как парнишка при этом контролирует силу сжатия, чтобы не переусердствовать. У неё приятно потеплело внутри. Александр был, конечно же, еще очень молод, но при этом дюймов на десять выше и, примерно на столько же, шире в плечах.

Приободрённая столь бережным к себе обращением со стороны юноши и напуганная перспективой, как максимум, бездарно упустить свой шанс оставить о себе, как ей хотелось бы, неизгладимое первое впечатление на Александра, ну, примерно, как он на неё, и, как минимум, своей неспособностью сейчас произвести на него хоть какое-то впечатление, Жак собрала все силы и посмотрела на визави напоследок еще раз очень кратко и целенаправленно, как «пять» отбила, или пальцем указала, или просто в упор сказала: «Ты!», или что-то вроде этого.

И хотя взгляд был максимально кратким, а парень — настолько же молодым, он понял его.

Безошибочно. Даже в обход желания. Для этого у него имелось много чего другого, кроме желания: возможности, умение, привычка, опыт. Выражение глаз самого Александра

виделось, кстати, весьма неопределённым, но, в любом случае, вежливым. В поисках подробностей девушка просто побоялась в них всматриваться. Поэтому, высвободив руку, на что парень с готовностью ответил, быстро отдёргнув свою, отвернулась к Алисе.

— Поздравляю, Алиса, — искренне начала говорить дежурную речь Жак, — у тебя очаровательные дети. О таких детях мечтает любая мать. — Теплотой её улыбки можно было растопить все льды Гренландии. Она очень надеялась, что Александр это заметит и оценит.

— Спасибо, Жак. Мне очень приятно это слышать. Я, наверное, должна объяснить их присутствие здесь. Всё дело в том, что Алекс, — Алиса перешла в разговоре на уменьшительно-ласкательное имя своего сына, — в этом году перевёлся к вам в Оксфорд из нашего Университета Глазго, и мне бы хотелось вас представить друг другу. Возможно там, в Оксфорде, у вас появятся поводы к дальнейшему общению или даже сотрудничеству. Видишь ли, я, как и любая мать, переживаю за судьбу своего сына вдали от дома.

После этих её слов девушка заметила неувловимое движение Алекса. Взглянув на него, она увидела, что тот немного дёрнулся в сторону и закатил глаза. Жак улыбнулась.

— Да-да, — с нажимом в голосе повторилась Алиса, — переживаю. И мне было бы спокойней знать, что у моего сына там будут взрослые и самостоятельные друзья, какими нам всем здесь представила вас с твоим мужем Эшли.

— Я польщена, — расплылась в притворном удовольствии гостя из Оксфорда, загоня мысленно пинками подальше вглубь себя свою досаду. Ей очень не хотелось, чтобы при Алексе её представляли как взрослую и зрелую, ей была неприятна эта мысль. — Мы с Чарльзом всегда открыты для новых знакомств. — Она решила ограничиться этой сухой, ни к чему не обязывающей, фразой. Последнее, что входило сейчас в её планы, так это планировать и обещать знакомство и наведение мостов между мужем и Алексом. Она бы, наоборот, предпочла, чтобы они жили на разных планетах и, ко всему своему ужасу, поняла, что сама уже предпочла бы планету Александра.

Но, как бы там ни было, Алисе пришлось удовольствоваться этой фразой. Что она и сделала, и, тем не менее, продолжила:

— Ну, а эта малявка просто очень любит своего брата и увязывается за ним при малейшей возможности. — Закончила мамаша, притворно, укоризненно воззрившись на дочь.

Дженни ничего не ответила, а только лишь стеснительно поджала губы, а потом, так же стеснительно, заулыбалась.

А у Жак, тем временем, появился отличный повод еще раз взглянуть на красавца, под предлогом увидеть его реакцию. Она ожидала, что услышав такое признание от матери, о привязанности к нему его сестры, он будет польщен, как минимум. Но её ждало разочарование. Может быть, Алекс и был польщен, но выражение его лица говорило как-то вот совсем на другую тему. Его сказочно красивая физиономия не выражало вообще ничего, кроме обреченного укора без тени юмора.

Ответным взглядом Жак он не удостоил, а всё время смотрел только на мать.

«Парень явно не в восторге от этой маменькиной затеи — завести ему знакомство в Оксфорде, — подумала Жак. — Оно и понятно, уже считает себя взрослым и самостоятельным и уверен, что в опеке не нуждается. Интересно, сколько ему лет? На вид восемнадцать-девятнадцать. И если судить о том, что он на втором потоке, то так оно и должно быть». — Решила для себя девушка. «Просто он, действительно, очень высокий» —

что-то объяснили ей её мозги помимо воли. Она даже не поняла: что именно, но объяснение ей понравилось.

— Ну что же, — раздался голос вернувшейся из кухни Эшли, куда она отлучалась, чтобы дать распоряжения насчет ужина, — раз уж у нас здесь теперь все друг с другом знакомы, можно и подкрепиться. Всех прошу к столу. Жак, позволь тебе предложить вот это место. — Сказала хозяйка, направляясь к стулу по левую руку от своего мужа.

— Спасибо, Эшли. С удовольствием. — Направляясь к столу гостя думала только о том, где сядет Алекс.

Все задвигались, рассаживаясь.

Эшли села напротив дядюшки Лама — во главе стола с противоположной стороны. По левую руку от неё села Марго. Рядом с Марго сел Алекс, рядом с сыном — Алиса, которая оказалась прямо напротив Жак и по правую руку от дядюшки Лама. Рядом же с Жак села Дженни и оказалась, таким образом, напротив своего брата. Возле самой Дженни осталось свободное место напротив Марго, по всей видимости, для опаздывающего Итана.

За столом разговор шел обо всем на свете непринуждённо и, вполне себе, по-свойски. Жак первым делом сделала комплимент двум подругам по поводу их кафе, найдя его уютным и оформленным со вкусом. Она уделила немного внимания картинам в этой комнате. Особенно двум, в стиле модерн, на которых были изображены городской и сельский пейзажи что-то на манер среднего между Ходлером и Климтом. Алиса пояснила, что эти картины они с мужем, ныне покойным, отцом Дженни и Алекса, привезли с отдыха на Французской Ривьере, где приобрели их у какого-то местного художника, и что они ей тоже очень нравятся и очень дороги как память. Когда подали блюда, разговор еще коснулся и гастрономической темы, потом погоды, потом досуга и развлечений.

К большому огорчению Жак, Алекс по собственной инициативе в разговоре не участвовал, а только отвечал на вопросы или реплики, с которыми к нему обращались. Поэтому поводов открыто смотреть на парнишку и тайно любоваться им, и продолжать открывать для себя его внешность, мимику, интонации у девушки выдалось абсолютно недостаточно. Но, тем не менее, их вполне хватило, чтобы назвать для себя его красоту беспрецедентной, ибо красивее мужского лица, чем Алекса, Жаклин в своей жизни не встречала и очень хотела бы посмотреть в глаза тому человеку, который стал утверждать иное для себя.

Первое, что бросалось в глаза, это скулы. Они были феноменально скульптурны. Может, даже выглядели излишне точеными, но это смотрелось как акцентирование внимания, а не как утрированный недостаток. Тут же присутствовала и безукоризненная линия нижней челюсти, с хорошо обозначенным мужским, чуть раздвоенным, подбородком. Нос у Алекса имел хорошо заметную горбинку, но настолько плавных, мягких, природный линий, а сама переносица была настолько тонкой и изящной, что Жак невольно на ум пришло сожаление, что она не пластический хирург — копии такого носа для мужчин могли бы стать её авторской фишкой.

Брови у красавца имелись длинные, правильные, довольно женственно выгнутые дугой, а мужскими их делала толщина. Когда девушке один раз удалось заметить, как Алекс одной рукой лезет к себе в волосы и убирает чуб со лба, который, кстати, тут же возвращается на своё место, то ей на миг удалось полюбоваться на высокий, мощный, можно даже сказать, «сократовский» лоб. На таком очень легко, с комфортом, могла бы разместиться её ладонь, если бы у неё появилась возможность положить её туда.

«Ну, к примеру, чтобы пощупать, нет ли у него температуры» — мечтала влюблённая, слушая рассказ Марго о новом щенке, которого она купила своим сыновьям.

Что же касается глаз этого юного представителя сильного пола, то в голове Жак ни одна из мыслей по этому, без преувеличения сказать, прекрасному поводу, рождаясь, не удерживалась дольше секунды — её тут же заглушала одна единственная фраза поселившаяся там: «Господь Всемогущий! Зачем мужчине такая красота?!»

Говорят, что лучшее враг хорошего, так вот, глаза Алекса выглядели так, будто в них не было ничего хорошего, в них имелось всё только самое лучшее, и, скорее всего, врага этим глазам на этой планете, найти очень и очень трудно, если вообще возможно. Там всё было идеально — расположение в глазницах; довольно выразительный размер; соотношение между верхним и нижним веком; плавный, с поволокой, разрез, который придавал некую раскосость, как у кошки; чистая, можно даже сказать, отборная, голубизна и идеальные густые ресницы. При этом красота парня не казалась плоской, напоказ, было в ней что-то и неуловимое, мимолётное, как запах-шлейф от дорогих духов.

Идеальный, кукольный рот парнишки отличался ещё юношеской припухлостью. Жак почему-то подумала, что такие губки от природы достаются или везунчикам, или эгоистам или и тем и другим. Что, тем не менее, не помешало ей пару раз сглотнуть слюну, когда Алекс облизывал свои губки после жирной пищи, и они у него становились блестящими, еще более яркими, припухлыми и манящими.

Так она и сидела и украдкой, и урывками рассматривала юношу.

А потом Алекс взял и улыбнулся какойто реплике в разговоре за столом.

Жак замерла. Застыла. Зависла. Онемела. Перестала дышать.

Потому что это была не улыбка. Это было как откровение. Как проблеск. Как рождение чего-то прекрасного.

«Свя-ты-е-у-год-ни-ки! — только и смогла подумать девушка. — Мне конец!»

Улыбка как быстро появилась, так же быстро и исчезла, но Жак успела поставить на себе крест окончательно. Когда парень улыбался, у него закладывалась очень красивая, мягкая, завлекательная складка нижнего века, что делало его лицо просто адом для кинестетика — очень хотелось прикоснуться, пощупать эту складочку, надавить на неё. А когда он удивлялся, что случалось еще реже, к еще большему огорчению девушки, то глаза его как-то так даже, не то чтобы округлялись, а именно красиво распахивались, как раскрываются цветки тюльпанов на ускоренных кадрах. И это уже было просто раем для визуалов.

Кстати, если бы не Александр, Дженни тоже можно было бы назвать красавицей, хоть они не сильно походили как родные брат с сестрой. Алекс имел волосы цвета пепельный блондин, а Дженни уродилась брюнеткой. Да и черты лица еле-еле перекликались — у Дженни глаза темнели чернотой, и нос курносенький, а лицо пестрело заметными веснушками. Разница в возрасте, судя по всему, была год-два в пользу брата.

«Если Алекс похож на свою мать, значит Дженни — на отца,» — думала Жак, слушая, в который раз, свою историю в исполнении дядюшки Лама о том, как в Китае, в каком-то захолустье, его двенадцатилетняя племянница, подружилась с одной бродячей собакой и назвала её Пини, что означает «друг» по-китайски, и не хотела с ней расставаться по окончании сезона, и спряталась перед отъездом в зарослях с этой псиной. Их искали всем лагерем и нашли только с помощью этой же собаки, отчего в благодарность, пришлось взять эту везучую животину с собой в Париж.

За всё время ужина Алекс почти не смотрел на Жаклин. Да он и на остальных-то почти не поднимал глаз. Очевидно, для молодого парня такие посиделки не представляли ни малейшего интереса, но он слишком хорошо воспитан, чтобы выказывать откровенную скуку окружающим и поэтому старательно сохранял на своём лице выражение понимания важности и момента завязывания нового знакомства, и пополнения их старой сложившейся компании.

В большинстве случаев, Жак ловила его за взглядами на сестру, на окно за её спиной или на его телефон.

Один раз почти перед окончанием ужина ему позвонили. Молодой человек, извинившись, вышел в коридор, или даже, кажется, на улицу, чтобы поговорить. После того как вернулся, гостя заметила, что сестра с братом пару раз перекинулись очень серьёзными, цепкими, понимающими взглядами, явно не имеющим отношения к происходящему за столом. Лица в это момент у обоих были озабоченными и взволнованными и казались даже взрослее, чем у всех остальных за этим столом, включая их мать — она, судя по всему, к невербальному диалогу своих детей не имела ни малейшего отношения и с благостным воодушевлением участвовала в общем разговоре.

От переглядок брата с сестрой Жак полностью поглотило какое-то непонятное нехорошее чувство. Она даже не сразу поняла, что это ревность.

«Господи, что за глупости, Жак! Она его сестра! Куда ты лезешь со своей ревностью к сестре, если у него, наверняка, еще и девушка имеется. Может, это она ему только что звонила. Не представляю, что может уберечь такого красавца от противоположного пола». — Мысленно вопила Жак, обращаясь к самой себе. Это помогло. Тем более, что, как она понимала, ревность ревностью, а время шло, и работало против неё — сейчас ужин закончится, они начнут расходиться, а она так и не выяснит, когда же увидит юношу в следующий раз.

Жаклин уже хотела сама заговорить с парнем, спросить его о учебе, Университете, Оксфорде, почему именно экономика, ну и еще что-нибудь в этом роде, в зависимости от того, что бы он начал ей отвечать — может быть, даже удалось завязать с ним разговор и лучше познакомиться. Она уже даже приготовилась пригласить юношу к ним с Чарльзом домой, в Оксфорде (а потом сделать так, чтобы мужа не оказалось дома в этот момент), хоть у неё и свербело чувство, что она форсирует события.

Но, в конце концов, она всё-таки нашла в себе силы воздержаться и припасти вопросы для беседы с юношей в более приватной обстановке и при меньшем количестве народу. Может, молодой человек вследствие своего возраста и не углядел бы в ней заинтересованность в его персоне, но вот остальные, сидящие вокруг, могли оказаться более прозорливыми. К тому же её останавливала отстранённость и какое-то явно сдерживаемое равнодушие Алекса ко всему окружающему, и боязнь показаться навязчивой.

И вот-вот уже Жак готова была запаниковать и наделать глупостей, как ситуация начала разворачиваться по наилучшему для неё сценарию, и помощь пришла с неожиданной стороны.

Кто-то завёл разговор о магазинах, кажется, это была Дженни, и они с Марго наперебой начали уговаривать свою гостью пройтись с ними завтра по бутикам и рынкам, так сказать, потряхнуть стариной, а заодно и погулять по городу.

— Соглаша-а-а-айся, Жа-а-а-ак, — затянула Дженни. — Пожа-а-а-алуйста, — она сделала умоляющее лицо. — Должны же мы с Марго показать тебе Глазго. Ты здесь была

давно и уже всё забыла.

— А какая завтра погода по прогнозу? — спросила сомневающаяся гостя. Она никак не могла придумать, как бы создать такие обстоятельства, при которых ей бы было проще еще раз увидеться с Александром. Девушка полагала, что он живет с Алисой, и всё гоняла в голове из угла в угол способы, как бы напроситься к ним в гости или выудить его из их дома, допустим, на визит к дядюшке. Жаклин никак не могла спрогнозировать — поможет или помешает ей в этом шопинг?

— Девочки, может быть, Жак хочет завтрашний день провести со своим дядюшкой! Не напирайте на неё! — вполне серьёзным тоном предупредила Алиса.

— Но мы ведь не на весь день, мам, — ответила за всех дочь. — После обеда мы Жак вернём, и она сможет пообщаться с мистером Фортескью.

— Ты так же сможешь прикупить и привезти что-нибудь в подарок своему мужу, — вторила ей более взрослая и дальновидная Марго.

— Марго права. Прислушайся к ней! — Дженни подпрыгнула на стуле от столь удачного, по её мнению.

Но самый удачный довод прозвучал в следующую секунду:

— Я бы мог вас подвезти, если вы не хотите таскаться с сумками и покупками. — Алекс всем корпусом развернулся к Жак, глядя на неё в упор непробиваемым взглядом своих голубых распахнутых «тюльпанов».

Глава 3.

Александр

«Я вышел ростом и лицом. Спасибо матери с отцом».

Высоцкий В.С.

Александр с детства был необычным.

Не то, что каким-то чудиком или странным. Почти с рождения он детством своим как следует не пользовался, поэтому детства как такового у него не получилось. Ну, то есть, оно у него произошло, конечно, но носило весьма формальный характер, поскольку с самого младенчества Алекс рос маленьким взрослым.

У него было всё как у взрослого — скупая мимика, отсутствие огонька в глазах, сдержанность в эмоциях и пониженная подвижность в моторике, во всём, включая симпатии и антипатии, мальчик старался искать личную выгоду и чётко бдел свои интересы при любых раскладах и обстоятельствах. Нет, у него, конечно же, имелись игрушки, машинки, в школе он отлично играл в футбол, занимался боксом, быстро бегал дистанции, искренне любил свою сестру и родителей; но вне и кроме этого никакого смысла в лишние телодвижениях, переживаниях и эмоциях лично для себя не видел, и заняться этой бессмыслицей считал ниже своего достоинства.

Тем не менее, в детстве Александр, как и все детки, довольно часто болел и даже иногда по неосторожности разбивал вазы. Но ведь некоторые взрослые тоже много болеют и тоже иногда по случайности разбивают вазы. Так вот, маленький Алекс и болел, как взрослый мужчина, прощаясь с жизнью на второй день насморка на фоне температуры тридцать семь и два, и разбивал вазы с лицом философа и оптимиста. Когда сын видел, как родители начинали с беспокойством на него посматривать, явно подозревая, что ребенок нездоров, он ложился на самое видное место в доме — на диван в гостиной, отворачивался от всех, фиксировал свой взгляд в одной точке и переставал реагировать на внешние раздражители. Чем в первые пару случаев такого поведения не на шутку испугал своих папу и маму. Позже, уже привыкнув к такому течению обыкновенной простуды у ребёнка, родители перестали остро реагировать, что маленького МакЛарена абсолютно не смущало, и изменять своим привычкам он совсем не собирался: только папа с мамой начинали подозревать его в нездоровье, или же он сам начинал чувствовать вялость и более сильную, чем обычно, апатию — диван, отворот, взгляд в одну точку, ноль реакции...

Александра нельзя было назвать таким уж умным, сообразительным ребёнком, раз уж он уродился таким взрослым, отнюдь. Он казался умнее других в своей серьёзности и невозмутимости, хотя некоторые взрослые считали его скорее спокойным. Ну, вот родился такой спокойный ребёнок, что тут поделаешь.

Но мальчик не всё время радовал всех своим флегматизмом. С рождения и до года Александр орал. Весь год. Он плохо спал, плохо ел, плохо отвлекался на игрушки, плохо шел на контакт со взрослыми, зато отменно орал, отлично рос и развивался физически. Когда ему отпраздновали годовщину, мама Алиса начала письмо своей подруге во Францию следующей фразой: «Здравствуй, Эстер. Александрю исполнился год. Я думала, я не доживу».

Как будто почувствовав, что для начала достаточно попил крови из своих родителей, после года Алекс вдруг резко успокоился. Как выразился папа: «Взялся за ум». Ребёнка

словно подменили. Он, во-первых, начал меньше плакать просто так, во-вторых, он принялся есть, спать, играть в игрушки и обратил-таки внимание на своих родителей, к неопишуемой радости последних.

Радость их, справедливости ради нужно сказать, была недолгой, ибо в перерывах между едой, сном и играми Александр начал упрямиться. За ним стали замечать определённую манеру поведения: он внимательно наблюдал за тем, что ему не позволяли, что от него отодвигали, прятали, дозировали, и принимался требовать именно это и настолько категорично, насколько хватало титановых родительских нервов. Когда нервы заканчивались — а иногда случалось и такое — сын со спокойной душой закатывал истерику. Так продолжалось от года до полутора лет. А дальше, можно сказать, мальчик приступил к упрямству с перерывами на еду, сон и игры.

Александр так же пробовал издавать очень много разных звуков, но, видимо, протестировав их на предмет произношения и звучания, он остановился на одном из них — может быть, ему показалось, что на этот звук легче реагируют взрослые и лучше его понимают, а может быть, он ему просто понравился. Этим фаворитом посчастливилось стать звуку «у» в различных его интерпретациях. Когда ребёнок веселился и смеялся, он кричал при этом: «У-у-у-у-у!..» — и хлопал в ладошки. Когда детки плачут и капризничают, они все кричат: «А-а-а-а-а!..», но только не МакЛарен-младший. Он и тут не баловал разнообразием окружающих и заводил своё традиционное: «У-у-у-у-у...» — и ничего кроме.

Когда мальчик хотел, чтобы ему что-то дали, он просто указывал на это своим маленьким пальчиком и кратко говорил: «У!». Если ему не давали, он мог немножко подождать и повторить то же самое, и так же кратко: «У!» — ребёнок давал взрослым еще один шанс, чтобы они опомнились и реабилитировали себя в его глазах. Если родители, из каких-то своих соображений, этот шанс не использовали или просто упустили по глупости, их сын в самых категоричных и неоднозначных интонациях затягивал своё: «У-у-у-у-у!..» — минут на пять-десять, в зависимости от погоды, настроения и силы потребности в отказанном предмете.

Когда Александру исполнилось три, в его жизни и в жизни его родителей произошло сразу два значимых события. Во-первых, у них родилась девочка — сестрёнка Александра, которую называли Дженнифер, или просто Дженни, а во-вторых, Александр заговорил. Первое слово, которое он сказал, было не «папа», и даже не «мама», он выговорил слово «мяч».

Однажды, гуляя с мамой, которая катила коляску, в которой гуляла его сестра Дженни, Алекс показал пальчиком на мальчишек, играющих в баскетбол возле подвешенной корзины, и сказал: «Мяч». Его мама несказанно обрадовалась и принялась тискать и тормошить сына так, что он тоже засмеялся в ответ. Дальше — больше. Слова из Александр посыпались, как из рога изобилия, и примерно через год, когда ему исполнилось четыре, его мама шутила своей подруге во Францию в письме примерно следующее: «Ты знаешь, иногда я думаю, что лучше бы он молчал. Иногда вот наслушается всякой жути по телевизору, потом как скажет что-нибудь, и думаешь: «Убить? Так, вроде бы, жалко».

Когда родилась Дженни, родители очень волновались по поводу реакции Александра на его сестру. Будет ли он рад компании и готов ли разделить с девочкой внимание папы и мамы? И, как впоследствии оказалось, тревожились они совершенно напрасно. Мальчик очень благосклонно отнёсся к сестрёнке, его слегка озадачило, что кто-то, кто меньше него самого, плачет больше. По его соображениям, это было и странно, и жалко одновременно,

мальш понимал, что плачут, когда плохо. Александр же, при всей его взрослости и упрямстве, не был злым и жестоким ребёнком. Ну, во всяком случае, не больше других детей. Допустим, увидев впервые, как его мама, сидя на диване, вытирает слёзы, он, игравшийся рядом, подполз к её ногам, поднялся по ним и стал гладить её по голове точь-в-точь, как гладила всегда его она, утешая или поощряя.

Александр даже любил животных. Особенно его впечатляли собаки, на долю которых приходилась львиная доля его эмоций. Когда сын с мамой гуляли по улице и встречали соседей, выгуливающих своих собак, мальчик издавал своё фирменное: «У!» — и рвался погладить по голове этих друзей человека, не обращая ни малейшего внимания на породу, размеры клыков и свисающие с шерсти комья грязи.

Так вот, когда родилась Дженни, родители, опасаясь непредсказуемости реакции своего сына на нового младшего члена семьи, очень постепенно и осторожно знакомили Алекса с его сестрой. Они старались особо не нежничать и не умиляться новорожденной в присутствии брата, а так же утверждали, что когда Дженни вырастет и станет такой же большой, сильной и умной, как он, она будет ему другом и помощником. Мальчик всё это слушал очень внимательно, со своим традиционным серьёзным выражением лица и, судя по всему, верил своим папе и маме. А еще так получилось, что он как бы принял их слова как руководство к действию.

С течением времени убедившись, что их сын вполне благосклонен и доброжелателен к своей сестре, чета МакЛарен перестали опасаться его негативной реакции и успокоились.

Александр действительно полюбил свою сестру. По-настоящему. Раз и навсегда. Он уже тогда был на это способен. Чуть позже стало очевидно, что у дружбы между Александром и Дженни — большое будущее, и даже родителям иногда казалось, что они лишние в тандеме между их детьми, что, в принципе, находилось не так уж далеко от истины, поскольку Дженни брата обожала.

Правда, любовь Александра к Дженни вполне можно было объяснить. Во-первых мальчику очень нравилось командовать и направлять сестру в их играх и общении, быть старшим и принимать решения, и иметь под рукой того, кто бы мог претворить их в жизнь. Ему несказанно повезло с тем, что Дженни росла мягкой, весёлой, неконфликтной девочкой, которая с радостью соглашалась участвовать во всем, что предпринимал брат. Была ли эта попытка заклеить кошке лапы скотчем и посмотреть, как она прыгает и пытается сбросить липкую материю, или достать ли эту самую кошку, рискуя сломать себе шею или отбить спину, из вентиляционной шахты в доме напротив, куда её закинули соседние мальчишки.

А во-вторых, Дженни с самого рождения копировала брата во всём и с удовольствием брала с него пример, что называется, «заглядывала ему в рот». Александр же, с высоты своего положения более умного и явно успешного старшего брата, благосклонно позволял ей брать на вооружение все свои наработки, идеи и беззастенчиво использовал девчужку когда ему выгодно.

Однажды, когда они посмотрели очередное какое-то кино «про ведьм», где эти самые ведьмы любили пить человеческую кровь, Александру пришла в голову идея понаставить на их улице ловушек с человеческой кровью, чтобы понаблюдать — придут ли эти ведьмы за этой кровью или нет? Поскольку кровь было взять неоткуда, мальчик попросил сестру порезать палец. Дженни, естественно, отказалась, сказав, что это больно, и она боится. На этом стоить, казалось бы, благое и многообещающее начинание Алекса заглохло, не начавшись. Но через некоторое время его сестра, бегая по улице, споткнулась и упала,

сильно поранив коленку и еще сильнее разорвав свои, довольно-таки еще хорошие, джинсы. Старший брат быстренько сориентировался и, предварительно немного успокоив сестру, предложил, что сейчас принесёт клочки бумаги, которые они вымажут кровью с коленки Дженни, и спрячут в тайниках в разных местах на улице, чтобы увидеть, как придут ведьмы и начнут лизать эти бумажки. Перспектива увидеть настоящих ведьм, лижущих бумажки с её кровью, моментально высушила слёзы на глазах Дженни, и согласилась она на эту гениальную авантюру уже чуть ли не с радостью.

Так они и поступили. И хоть ведьм они почему-то не дождались, но зато очень сильно ругалась мама и упрекала свою в неаккуратности и в том, что она бегаёт, не смотря под ноги и рвёт третьи джинсы за месяц. Александр, еще точно не поняв, что делает, когда уже сказал, что это он толкнул Дженни, и она упала, и даже не забыл уточнить, что это он нечаянно, но всё равно благополучно, в наказание, лишился на две недели компьютерных игр.

А вот когда Александр и Дженни подросли и стали старше, мальчик понял, что любит свою сестру просто так. Просто потому, что она его сестра, и всё.

Когда Алекс пошел в школу, а Дженни осталась в детском саду, их пути-дорожки немного разошлись. У брата появился свой коллектив, друзья, своё расписание, уроки, тесты и прочая школьная суэта. Учился Александр очень хорошо и легко. Он был спокойным и невозмутимым ребёнком, и у него не возникло проблем ни с усидчивостью, ни с усвоением материала. И учителя, и родители не могли нарадоваться.

А потом, через три года, когда к нему присоединилась Дженни, брат с сестрой снова стали много времени проводить вместе — дорога в школу, из школы, уроки. Ну, и, конечно же, бедокурили и даже один раз курили тоже вместе. Но и это долго не продлилось, потому что с ходом времени Александр начал взрослеть, и однажды уже стало всеми невозможно игнорировать один неигнорируемый факт — он очень и очень хорош собой.

Первыми, как водится, это заметили девочки. Тринадцатилетний Алекс тут же неминуемо почувствовал на себе всю силу девичьего внимания. Пошли звонки и СМС-ки, потому как интернет-ресурсы он своим присутствием не баловал; заигрывания; предложения помощи и просьбы о помощи на пустом совершенно месте; комплименты различной степени банальности и креативности — и еще много и много попыток привлечь внимание. До какого-то момента всё это мальчику льстило и тешило самолюбие, и он даже пробовал пользоваться всеми теми благами, которые сулила ему его внешность: легкодоступность поцелуев, помощь с домашними заданиями и подсказки на уроках, зависть и уважение со стороны друзей. Но, познакомившись с обратной стороной этой медали в виде девичьей обиды на тщетность попыток вызвать взаимность и девичьей злобы на равнодушие к их прелестям и хорошеньким личикам, красавец понял, что оно того не стоит, и научился быстро и далеко отсылать одних, а других — еще быстрее и еще дальше. Такие же слова, как «чувства», «влюблённость», «симпатия», в довольно неплохом для его возраста лексиконе Александр не значились.

Но, тем не менее, мальчик всё-таки не хотел упускать открывшиеся для него возможности. Уже. Сразу. Поэтому, оценив ситуацию и получше узнав обстановку, решил, что его время пришло, и он вполне может рассчитывать на первый опыт. Пока любой, а там будет видно. Так как проку от девочек его возраста ему не доставало, если вообще таковой имелся, а азарта и усилий, так и вообще никаких, он решился выжимать из своей внешности по полной и замахнуться на более возрастных представительниц противоположного пола, то

бишь на учениц старшей школы, а если повезёт, то и постарше.

Заявившись однажды на вечеринку к старшим классам, куда ему по возрасту проходить было еще рановато, он пригласил одну из старшекласниц, более-менее приятной внешности и менее-более приятного поведения, на танец, благо, надо признать, ростом парень был с детства не обижен — в среднем все старшекласницы еле-еле доставали ему до плеча.

И началось...

Сделав выводы из своего опыта общения со своими сверстниками, Александр понял, что и делать-то ему особо ничего не надо. Не обязательно быть забавным и смешным, не надо слишком умничать и занимать девушек содержательными разговорами и мыслями, не стоит читать стихи — ничего из этой пасторали. Ему вполне достаточно сидеть, допустим, напротив в кафе и просто предоставлять возможность этой любительнице прекрасного лицезреть своё фантастически красивое лицо, а если этой счастливнице повезёт вдвойне, то и её подругам. И всё. Всё остальное за него, согласно его опыту и расчетам, должны были сделать сами девушки. Его опыт оказался правильным, а расчеты — верными. Девушки, как правило, не подводили.

На слабый пол его внешность действовала безотказно. Первые десять-пятнадцать минут девчонки им просто любовались, забывая обо всём на свете. За это время, кстати, редко какую из них Александр не успевал поцеловать. А потом, после поцелуя, в которых к своим четырнадцати годам паренёк уже порядком поднаторел, они как бы становились уже близкими и знакомыми, и предметы «ухаживания» охотно соглашались сходить погулять, посидеть в кафе и даже иногда приглашали к себе в гости.

Попадались, правда, и такие, которых не впечатляла внешность этого красавца, и они держали дистанцию с первых минут знакомства и сокращать её, судя по всему, не собирались. Таких Александр оставлял в покое сразу же, раздумывая едва ли четверть секунды, и примерно столь же быстро забывал о них.

Со всеми остальными знакомство и общение, парень старался использовать по полной. Ему нужен был опыт. Опыт, который в будущем помог бы ему, как можно выгоднее вложить его беспрецедентную внешность. Юноша на это очень рассчитывал.

И он его получил. Но не весь. Просто не успел. В его дом пришла беда.

Отца не стало в один из обычных, ничем не примечательных дней. Утром он, как всегда, ушел на работу к себе в строительную фирму, где занимал должность довольно крупного менеджера, а вечером его нашли упавшим с крыши одного из жилых домов, на другом конце Глазго. Всё походило или на несчастный случай, или на самоубийство, но мать подала заявление в полицию и потребовала провести расследование, в результате которого признаков преступления не обнаружили. А Алекс меж родни всё-таки услышал какие-то обрывки фраз, в которых проскользнуло слово «любовница».

Парню тогда едва исполнилось пятнадцать, и он со свойственной ему взрослостью и спокойствием взял на себя роль единственного мужчины в доме, после чего его и так отстранённые отношения с матерью стали еще более натянутыми, а теплые отношения с сестрой сделались еще более близкими. Их положение усугублялось еще и тем, что со смертью отца, их финансовое благосостояние резко ухудшилось, сократившись более чем наполовину. Мать держала на пару с подругой Эшли кафе, теперь выручка от него являлась единственной статьёй дохода.

Александр был зол на отца.

Как и на деда.

Когда-то давно его дед Джейкоб, отец Алисы, лишил её наследства за то, что она не согласилась выходить замуж за одного дельца средней руки в Лондоне. Дед Джейкоб был весьма состоятельным человеком, всего в своей жизни добился сам и привык, чтобы его достижения ценили и относились к ним с уважением, и помогали ему в осуществлении новых. Отказ своей дочери он расценил именно как нежелание помочь, и потому тут же полностью сам отказал ей в помощи и поддержке. Выйдя замуж за отца Александра, Алиса сначала работала в гостиничном бизнесе, а потом, когда у них с мужем поднакопилась соразмерная сумма, на пару с подругой купила кафе.

Но у деда Джейкоба Алиса была не единственным ребёнком. У неё имелся старший брат Рональд, младший брат Кирк и младшая сестра Анна. Анна жила в Америке, выйдя замуж за американца. Старший брат Рональд жил отдалённо, в шотландском хайлэндсе, и виделся с семьёй очень редко. Да, в принципе, и младший брат жил не близко — в Лондоне, где весьма преуспел в различного рода предприятиях. Но он приезжал в Глазго довольно часто по делам своего бизнеса и постоянно поддерживал родственные связи, каждый раз по приезду навещая в гости. Именно Кирк поддерживал свою сестру и её детей после потери главы семьи и помогал им жить дальше.

Смерть отца, конечно же, сильно подкосила Александра, но он понимал, что не вправе впадать в отчаяние, потому как видел, как убиты горем Дженни и мать. Поэтому, вольно и невольно, быстро оправился от потери и продолжил с того места, на котором остановился. Печальные события отвлекли его, но не изменили.

Примерно таким он и встретил Жаклин. Ему было семнадцать.

Когда его познакомили с девушкой, у него уже имелось предубеждение против неё. Мать объявила, что прежде, чем он отправится в Оксфорд, она хочет познакомить его с племянницей этого «Гэндальфа», археолога мистера Фортескью, которая на днях приезжает в Глазго проведать своего дядю. Очень милой замужней девушкой, живущей со своим супругом, преподавателем того самого Оксфорда, в том самом Оксфорде. Познакомить так... на всякий случай, а вдруг пригодится.

«Определённо нужно будет держаться от этой племянницы подальше. Маман своим нытьём, если не уговорит, то вынудит эту профессоршу приглядывать за мной там, в Оксфорде, это уж точно. Неплохо было бы сделать так, чтобы этой Жаклин тоже захотелось обходить меня по объездной», — размышлял Александр про себя.

Жак напрасно волновалась по поводу проницательности представителей старшего поколения, присутствовавших на ужине. Ей следовало больше волноваться по поводу наблюдательности самого Александра. Парень сразу же узнал в её поведении отзывчивую реакцию на его внешность и прочитал почти все её взгляды.

«О, нет! Только не это! Какого черта, в конце концов! На кой мне это? — досадовал про себя юноша. — Ну и что мне теперь прикажете с нею делать?! Если прилипнет — пожаловаться её мужу?! При таких раскладах, на месте её мужа, я бы первым делом всыпал бы мне, — запаниковал парень. Но потом всё-таки решил, что для паники ещё рановато. — Ладно, посмотрим, может, всё не так и страшно».

Но по ходу вечера за ужином, понаблюдав немного за этой англичанкой, послушав её общение с остальными и присмотревшись к её речам, скорректировал мнение о Жак и понял, что всё ещё страшнее, чем он предполагал.

«У неё есть мозги. Фак! Это — хреново. Очень хреново — она может меня раскусить. Хотя, стоп! Может, если она умная, у неё хватит мозгов послать мою мамашу куда

подальше? Она и так вон как кисло отреагировала на попытку навязать знакомство. — Александра кидало из огня да в полымя. — Ага, и тогда мать найдёт, а она обязательно найдёт, мне кого-нибудь другого. И скорее всего это будет какая-нибудь её очередная подруга дура, раз Кирку не доверяет. Нет уж, спасибо, лучше бы она остановилась на этой милашке».

«И еще она какая-то странная, — продолжал обсуждать Александр Жак про себя по ходу вечера, — вроде бы с мозгами, а так просто повелась на внешность. Это интересно. Что-то в ней есть. Скорее всего, я бы даже её трахнул. А еще круче, если бы такая умная у меня отсосала. Да! Точно! Вот так — идеально. И что-то мне подсказывает, что она бы, действительно, это сделала», — улыбался про себя парнишка, в силу своего возраста и гендерной принадлежности игнорируя очевидное.

Глава 4

Шоппинг

«— Я тебя люблю.

— Но ты же меня практически не знаешь?

— А какое это имеет отношение к Любви?»

Эрих Мария Ремарк, Триумфальная арка

— Как тебе удалось перевестись из Глазго в Оксфорд? Это было трудно? — Александр и Жаклин сидели вдвоём в переполненном кафе на Бьюкенен стрит.

Шоппинг подходил к концу. Марго пойти не смогла — заболел её младший Брайс. По магазинам Жак ходила только вдвоём с Дженни. Алекс подъехал к самому концу. Покупать ему было нечего, поэтому он проводил девушек в свою машину, куда они сложили покупки, и, взяв макбук, отправился посидеть в ближайшее кафе и подождать, пока этот шоппинг исчерпает себя.

Что касалось Жак, то для неё все эти магазины, с самого начала имевшие мало смысла без молодого МакЛарена, с его появлением в этих его черных классических джинсах и тенниске цвета сафари от Nike и лицом от Господа Бога, и вовсе сделались в тягость. Дженни же, судя по всему, элементарно устала, поэтому, даже не дойдя до конца Аргайл стрит, они повернули назад в кафе, к Александру, его макбуку и трём девицам за столиком сбоку, которые, стоило парню расположиться со своей чашкой кофе, тут же сосредоточились на нём, забросив свои пироженки.

Дженни только сделала заказ, но не смогла усидеть на месте и убежала опять в один из магазинов, всё-таки надумав купить себе какие-то перчатки, которые при первом знакомстве испугали её ценой. Поэтому Жак с Алексом остались вдвоём, решив использовать этот шанс каждый по-своему.

Лёжа в кровати этой ночью с открытыми глазами, влюблённая Жаклин прокручивала в голове кадры вчерашнего ужина. Ей хотелось и петь и выть одновременно и, будь она проклята, если понимала, чего ей хочется больше. Девушка хотела быть рядом с ним каждую чертову секунду и была на двести процентов уверена, ей всё равно будет мало. Она мечтала слоняться с ним по улицам Глазго или Лондона, держась за его указательный палец двумя своими ладошками, как ребёнок держится за родителей. Она хотела бы танцевать с ним медленный танец, обняв его за шею и уткнувшись носом куда-нибудь под линию челюсти и дышать им, и ощущать, как её худенькое тельце теряется в его габаритах. Она грезила стоять ранним тихим утром у окна после ночи, в которую они «выпили» друг друга «до дна», но так и не опустошили, и почувствовать своей голой спиной прикосновение его обнаженной груди, а на своих плечах — прикосновение его рук, таких «недавних» после этой ночи, таких знакомых и уже родных, и от этого еще более желанных и ценных. Жаклин душу дьяволу продала за то, чтобы ехать с ним вдвоём в машине, сидя рядом на переднем сиденье, куда-нибудь к морю, к островам, на Скай, например и ловить его взгляды и ощутить его руки на своих коленках, выставленных специально на показ, из-под одетой для этой цели юбки. Она могла бы болтать с ним с вечера до утра, а потом еще с утра и до ночи. На все темы в Мире. Она узнала бы о нём всё. Буквально. Не прочь рассказать ему о себе. Тоже все и даже больше.

Она была бы счастлива приготовить ему пирог с малиной и смотреть, как он ест всё это с аппетитом, а потом размазать начинку по красивому лицу и слизывать всё это медленно, с наслаждением. Она с радостью затискала, защекотала бы его до смерти, и наслаждаться музыкой его просьб о пощаде, а потом с удовольствием оказаться в тисках его железной хватки, и почувствовать всю силу мужских мускулов, и расслабиться, и сдаться на милость победителю.

И так до бесконечности, насколько бесконечна жизнь.

«Это что, и есть любовь? Или просто такая вот сильная симпатия? Это пройдёт? А если пройдёт, то когда? А если нет, то, что же мне делать? Как я буду с этим жить? А как я буду жить без этого?» — помечтав вволю, Жак приступила к рефлексии.

Продумав так добрые часа два-три, она начала склоняться к мысли, что как бы там ни было, ей нужно избавляться от тяги к этому мальчику.

«Жаклин, опомнись, тебе не стыдно? Да очнись же ты, наконец, дура, педофилка ты чертова! Какая к черту любовь, он же ребёнок еще! Господи, позор-то какой — так втрескаться в мальчишку, в дитя! Подумаешь, красивый как греческий Бог, и что? Ему еще минимум лет десять как гулять, не нагуляться, а тебе уже и рожать пора», — усиленно молотили поршнями мозги Жак. Но, видимо, её случай являлся настолько тяжелым, что даже мозги ей выдали то, отчего она слегка подскочила в кровати:

«Я бы с удовольствием родила от него. Да. Ему. Я хочу именно его ребёнка. Только его и только от него. — От этой мысли её затрясло уже нешуточно, и девушка тут же принялась хвататься за соломинку: — Нет, этого не может быть. Это не я. Я не сумасшедшая. Я не могла так вляпаться. Это к утру пройдёт. Надо заснуть, и всё. Может мне не идти завтра с ними на шоппинг? Сказать, что... что... сказать, что я свою карточку дома забыла, а наличных у меня мало. Или уехать завтра. Ага, так меня дядюшка и отпустил. Но, не желая упустить настрой, она продолжила наступать себе на горло: — Так, Жаклин, ты зачем сюда приехала? Проведать дядюшку? Вот и проведывай. И выкинь всякую ерунду из головы. Тебе, на минуточку, двадцать шесть. У тебя муж. Идеальный. У вас семья. Тоже идеальная. Вот и не забывай об этом. Это главное. — Почувствовав, что сработало, Жаклин подытожила: — Да. Вот так».

«Да и вообще... жить она с ним собирается, то рожать она от него хочет, а у него ты спросила? А его девушку, которая, скорей всего имеется, иначе и быть не может, ты в расчет не берёшь? — спросила себя Жаклин и поняла, что — нет, не берёт. Мало того, поняла, что не взяла бы в расчет даже его жену, окажись, он уже женат. — Даже не знаю, что и подумать, — влюблённая просто устала сама себе ужасаться и смирилась. — И на кой черт я вообще встретила Чарльза и вышла за него замуж?!» — была её последняя мысль, перед тем как заснуть.

Проснувшись Жаклин, вопреки ожиданиям, вполне себе выспавшейся и бодрой где-то около девяти утра. И с пробуждением поняла, что сейчас может отказать себе во многом, очень многом, да, практически, во всём, кроме встречи с Александром. Влюблённая из всех сил искала в себе свой ночной настрой и не находила. Его не было. Как будто его не имелось вообще, или же он ушел на цыпочках, воспользовавшись тем, что его хозяйка заснула.

«Так тебе и надо! Нужно было не спать, а сторожить и поддерживать... как огонь в первобытные времена. А вот теперь проворонила, проспала всё, где его теперь в себе искать? — И как подтверждение, почувствовала, что перспектива, только лишь увидеть сегодня Алекса, услышать его голос, почувствовать энергетику этого мальчика, выносила

весь остальной Мир, включая её внутренний, за скобки. — Я пропала», — безэмоционально вынесла себе приговор девушка и, мысленно махнув на себя рукой, поплелась прихорашиваться в ванную.

«К тому же, он ведь сам предложил подвезти», — сдавала она с таким трудом ночью отвоёванные позиции, чистя зубы. Правда, когда он сделал ей это предложение, от которого она не смогла отказаться, реакция самого парня на её улыбку и согласие моментально обрушила настроение Жак. Услышав ответ, Александр лишь утвердительно кивнул и, тот час же приняв свою обычную позу, что-то одними глазами сказал сестре, вынул из кармана брюк айфон, и углубился в него, потеряв всякий интерес к дальнейшей судьбе вечера, к концу, видимо, всё-таки изрядно его утомившего.

«Ну а что ты хотел? Кто ты для него? Что ты для него? Тётка Жаклин... почти. Замужняя мадам. Господи, ну почему он так молод? И так притягателен! И спасибо, Господи, что он есть, и что он будет там, у меня, в Оксфорде». — Мысли в голове Жаклин перемешивались, как бетон в бетономешалке, когда она стояла, гладила свою любимую кофточку от Oasis, которую собиралась надеть со своим удачным сарафаном от VAON. Всё для Александра.

Который, как всегда, жил и действовал по принципу: «Цель вижу. В себя верю», и не меньше. Но, как оказалось, и не больше.

Жак, почему-то, его забавляла. И это не смотря на то, что из раза в раз в его глазах подтверждала наличие мозгов. Вообще-то, умных красавчик либо старался совсем не трогать, либо, если трогал, то только для разнообразия и в гомеопатических дозах, как пикантное блюдо на любителя, коим он не являлся. А миссис Рочестер, по его мнению, оказалась именно умной — она в меру говорила, в меру улыбалась, в меру манерничала, в меру умничала и глупила, и Александру почему-то это нравилось.

И то, что ему это нравилось, ему это жутко не нравилось. Как и то, что парню даже стало по силам отправить в игнор то убеждение, что Жаклин к нему явно не равнодушна — он это видел, чувствовал, а это его конкретно напрягало — последствия могли быть очень разрушительными.

«Плавали, знаем».

Но, тем не менее, он даже дошел до того, что начал рассматривать её внешность.

«Сиськи у неё, конечно, что надо. Пошли бы, и ещё как. Ножки не очень выразительные, вяленькие какие-то... жаль. Личико — не знаю, не разбираюсь я в личиках, но губки, явно предметные — есть во что впиться. Да и вообще, они бы классно смотрелись, обвитые вокруг основания моего члена. Короче, зачетная молоденькая англичаночка. Не «топ», но пошла бы».

Жаклин совершенно напрасно переживала о том, что она на добрые восемь-девять лет старше Александра — он об этом начисто забыл — парень не видел в ней старшую по возрасту. Может, благодаря разнице в габаритах — юноша возвышался над Жак на голову, да и вообще, был крупнее её на треть. А может, благодаря всё тому же опыту — он с самого начала привык иметь дело с девушками, а чуть позже и с женщинами старше себя, и не всегда эта разница ограничивалась двумя-тремя годами.

Ну, да как бы там ни было...

— Видишь ли... — Александр почесал нос, — я еще не совсем перевелся... я попал под программу обмена студентами. Насколько знаю, по окончании программы в Глазго планируют остаться два человека из Оксфорда. На их место должны взять меня и еще кого-

нибудь. А на эту программу попасть было — да, сложно. Нужно было свои тесты и результаты показывать, подтверждать кое-что, кое-что доздать, собрать кучу бумаг, заполнить много всякой фигни, в общем, волокиты много, как всегда. — Он отхлебнул кофе и посмотрел вслед парочке, прошедшей мимо их столика.

— Ты считаешь, оно того стоит? — Жаклин зеркально пригубила свой латте. — Ваш Универ ведь тоже очень не плох.

Алекс решил начать издалека. Он несколько секунд молча смотрел на девушку напротив своими выразительными «тюльпанами», как бы призывая её сосредоточиться на том, что сейчас скажет. Но не тут-то было, иногда, твоё лицо — враг твой, потому что, глядя на него, очень трудно сосредоточиться на чем-то другом. Не удивительно, что единственной мыслью Жаклин на тот момент была:

«Боже! Ну и глаза!»

— Это правда, что ты с мистером Фортескью объездила чуть ли не весь мир? — Парень откинулся на спинку стула, показывая свою готовность к долгому разговору. Но на самом деле мысленно он предвкушал:

«Фак, скорей бы вечер, и я оттянусь с парнями. Сегодня должна собраться компашка. Квёльц должен был уже прилететь из дому, да и Том с Сэмом обещали подтянуться. Конечно, если бы не профессорша, можно было бы прихватить с собой вон тех трёх обезьянок парням на закуску... — подумывал Александр, мельком взглянув на трёх девиц, взглядами уже, практически, предложивших ему себя во всех позах. — Вон как сиськи на стол вываливают. Хотя эти макаки за этот неполный час уже просто задрали меня. Вечер я уже с ними, пожалуй, не дотяну, сколько бы ни выпил. Да и вообще... баб на сегодня довольно», — подытожил он, мысленно плюсуя сюда и свою собеседницу.

— Ну-у-у... — Жаклин не могла так сразу согласиться с такой сильной формулировкой, — не то чтобы весь, но — да, я с одиннадцати лет разъезжала с ним по площадкам и объектам, да.

— Можешь перечислить, где ты побывала?

— Могу, конечно, но это долго. А зачем тебе? Мечтаешь стать археологом и повторить дядюшкин подвиг? — она отлично понимала, что у неё мало времени, чтобы зацепить парня чем-нибудь в себе и в то же время узнать о нём самом как можно больше, чтобы понять, в кого же она, всё-таки, влюбилась, кто он, и почему именно он? А поскольку с незапамятных времён знала, что лучший друг и собеседник, это тот, кто меньше рассказывает — больше слушает, то разговаривать о себе очень не хотела, тем более, что, действительно, чувствовала к парню совершенно искренний, неподдельный интерес. Девушка бы и двух слов не смогла связать в ответ на вопрос: «Что интересного ты ждёшь от восемнадцатилетнего парнишки?», но чувствовала, что ей с ним будет интересно, даже если он будет зачитывать ей правила пожарной безопасности на лодочной станции.

— Увы, но нет. — Юноша слегка улыбнулся, и на его красивом лице отобразилось что-то на манер «я оценил шутку». — Ничего не имею против заслуг мистера Фортескью, но этот мир полон других примеров для подражания.

— Можешь перечислить? — повторила его вопрос Жаклин с улыбкой.

— Могу, но это долго, — повторил её ответ Александр, возвращая улыбку. — А зачем тебе? Хочешь бросить медицину и стать финансовым воротилой?

— Медицина и финансы — это не взаимоисключающие вещи, если ты об этом, — заступилась за медицину медик.

— Тоже верно. — «Вечер перестаёт быть томным», — подумал Александр. — Тебе понравилось? Я имею в виду — тебе понравились все эти разные страны, разные люди? Побывав во стольких местах, ты бы хотела жить в одном из них? Или всё равно бы выбрала Лондон или Оксфорд?

— Я уже думала над этим. Если бы у меня был выбор...

— Выбор есть всегда.

— Ну, да, может быть ты и прав...

— Я прав, — Александр обезоруживающе улыбнулся.

«День прожит не зря», — выскочил вывод в голове у Жаклин при виде этой улыбки. Но разговор требовал своего.

— Ещё раз меня перебежь... — с игривой угрозой сказала девушка. — Категоричность — привилегия дураков, сомнения — повинность мудрых.

— Да-да, слышал. Извини. Продолжай, пожалуйста. — Юноша скорчил такую умилительную извиняющуюся физиономию, Жаклин только каким-то чудом не кинулась к нему через стол на шею с объятьями. Или с кулаками. Она бы сейчас с одинаковым удовольствием и зацеловала, и поколотила бы его.

— Так вот... — настала её очередь подыскивать формулировки, — наверное, я просто не очень сильно хотела, но если бы мне это не стоило больших усилий, я бы выбрала Нью-Йорк.

Александр опешил, и его «тюльпаны» не заставили себя ждать, заслонив собой чуть ли не половину его лица.

«Если он продолжит в том же духе, я начну грязно ругаться. Вслух», — предупредила неизвестно кого девушка.

— Правда? Нью-Йорк? Ты не шутишь? — Он полностью подался к ней, навалившись на стол.

— Ты считаешь, что Нью-Йорк можно выбрать только в шутку?

— Да не-е-е-ет, наоборот-о-о-от, — протянул он, принимая свою обычную, расслабленную позу. — Этой зимой с Кирком ездил в Америку, в Нью-Йорк и мне там жуть как понравилось. Даже не то, что понравилось, понимаешь, это моё место и мой город. Там всё для меня, и всё как я люблю. — Интонации парня наполнились пониманием того, сколько ему предстоит сделать, прежде чем это место, действительно, станет его.

— Отлично понимаю.

— Во-о-от. Мне в Нью-Йорке посоветовали, что там лучше пробиваться с Оксфордом... или Кэмбриджем. Короче, с громкими именами, которые там слышали. Глазго — это не то. Вот я приехал и решил перевестись. Еще в апреле начал подыскивать способ. Вот подвернулась эта программа. Но у меня четвертое место в курсовом рейтинге за первый год, наверное, поэтому меня взяли.

— В каком колледже ты будешь учиться?

— Святой Магдалены.

— Оу, это круто. Далеко пойдёшь!

— Да, я тоже думаю, что круто, но в связи с этим, я бы хотел тебя кое о чем попросить. — Студент весь собрался и сосредоточился, ибо для него настал момент «икс» — скоро уже могла вернуться из магазина Дженни. Он замолчал, весь подался слегка вперёд на свою собеседницу.

«Может нужно было её слегка покадрить? — на миг прикинул вариант паренёк. — Нет,

не стоит — слишком много рисков. Так что...», — отнёс он это, теребя в вытянутых на столе руках салфетку, и уставился на девушку, в ожидании реакции, своими красивыми, как вырисованными, мягкими «тюльпанами», от чего взгляд у Жак заметался. В поисках, за что бы зацепиться, и остановился на руках юноши. На свою голову.

— Да, слушаю тебя. — Она собрала всю свою не то храбрость, не то наглость и вздёрнула на него подбородок.

— Видишь ли, моя мать, судя по всему, выбрала тебя с твоим мужем в мои соглядатаи в Оксфорде. — Он сделал паузу, давая возможность Жаклин вобрать в себя информацию. Когда та, на минуту задумавшись, дала ему знак продолжать, он продолжил. — Я точно не знаю, когда это случится, может, пока ты будешь здесь, а, может, уже по связи, в Оксфорде, но она обязательно с тобой поговорит и попросит приглядывать за мной: пригласить меня к себе в гости, познакомить с твоим мужем, познакомиться с моими друзьями там, — Александр поводил глазами в пространстве кафе и сделал винтовой жест рукой, — с моей девушкой, ну, не знаю, — он с раздражением откинул мятую салфетку, — что-нибудь еще может придумать, и, хоть я не имею ничего против всего этого, но только, сама понимаешь, всё должно быть не так. Мне жутко не нравится, что она меня контролирует или делает вид, что контролирует, поэтому я тебя прошу, пожалуйста, согласиться на эту роль и пообещать ей, что будешь за мной приглядывать.

Увидев, как после слова «приглядывать», девушка легко дёрнулась на стуле и у неё слегка округлились глаза, Александр заговорил быстрее.

— Не бойся. Всё не так страшно и серьёзно, как рассказываю, и всё это только на первых порах. Со временем, когда привыкнет, что меня нет здесь, с ней, в Глазго, она забудется, потому что я не собираюсь устраивать забегов в ширину, и вся эта её затея сойдёт на нет. Но если ты не согласишься, она не успокоится, пока не найдёт кого-нибудь другого и, скорее всего, это будет какая-нибудь её хорошая знакомая или подруга, которая начнёт выполнять весь этот мамашин бред буквально и не успокоится, пока всё не испортит.

«Мне начинает нравиться этот мальчик», — подумала Жаклин, улыбнувшись про себя.

Но молчала. Информации было много. Во-первых, Александр не исключает, что в Оксфорде он заведёт девушку. Это означало, с одной стороны, что сейчас он либо свободен, либо планирует стать таковым после переезда. Но, ненадолго.

Во-вторых, он доверяет Жак и держит её за свою — за ту, которая сможет не навязываться, но быть рядом, видимо, для него это очень важно.

«Ну? — спрашивала себя Жаклин, — это хорошо или плохо? Это не хорошо и не плохо, это нормально. Дальше. Ну, а что дальше, что дальше-то? Ты — что, сможешь ему отказать? То-то же...».

Но сказала она другое:

— То есть, ты хочешь, чтобы я только пообещала и всё.

— Да.

— Извини, но я так не могу. Это нужно будет потом твоей маме что-то придумывать, что-то врать, чтобы успокоить. Чтобы я ей могла что-то сказать, я должна иметь что говорить, хотя бы в какой-то степени. То есть ты должен, всё-таки, побывать у меня в гостях, может быть, даже познакомить меня с твоими новыми друзьями, ну, что-то в этом роде, тем более, я не вижу в этом чего-то такого уж страшного. А на пустом месте врать и успокаивать я не умею, извини.

Жаклин специально говорила очень медленно и вятно, но твёрдо, чтобы ей удобнее

было наблюдать за мимикой Александра. И реакция её не разочаровала. У девушки просто дух захватывало от метаморфоз, происходивших с парнем напротив. Там молодого, беззаботного юношу в мгновение ока сменил зрелый, деловой молодой человек, которого, в свою очередь сменил капризный ребёнок, но и в этом состоянии тоже долго не задержался, и, в конце концов, Алекс вернул за стол себя, молодого человека, с небольшой поправкой на препятствие.

— Ты только согласишься, а всё остальное уже моя забота. Я позабочусь...

Но тут у него зазвонил телефон.

— Да, Джен. — Ответил парень, не выходя из-за стола. — Угу, — сказал он, что-то выслушав в телефоне, — я понял... угу... смотри, не опаздывай. — Александр завершил вызов. — Это Дженни. Она встретила в магазине своих подруг и хочет с ними погулять. Поэтому просит у тебя прощения, что не сможет сейчас с тобой проститься как следует.

— Ничего страшного. Передавай ей привет.

— Я отвезу тебя домой.

— Да, конечно, спасибо. — Жаклин уже начала обводить глазами зал в поисках официанта, чтобы попросить счет.

— Но, может, мы, всё-таки, допьём свой кофе и договорим? — Александр возрился на поползновения Жаклин с видом человека властвующего над ситуацией безраздельно.

— Я подумала: ты спешишь. Будешь ещё заказывать? — Девушка хотела всё-таки рассчитаться с официантом.

Но у Александр были свои планы.

— Я сам разберусь со счетом, если ты не будешь возражать.

— Разумеется, буду, — тут же возразила Жак. Она хотела допить одним глотком кофе, но неловко взялась за чашку и столкнула на пол свою чайную ложечку. Не успела наклониться, как ложечку уже поднял проходивший мимо парень и с милой улыбкой протянул её девушке. Та приняла ложечку, благодарно улыбнувшись своему помощнику, который, скользнув по ней взглядом, пошел дальше, но один раз, всё-таки, оглянулся с улыбкой, а Жак положила ложку на салфетку с самого края стола и посмотрела на визави.

Тот, явно, был не доволен.

«Я не позволю ему платить за себя. Пусть даже не надеется. Это лишнее». — Она не собиралась сдаваться даже своему предмету обожания.

Но, на самом деле, плата здесь была совершенно не при чем. Предмету её обожания не понравился этот расторопный, услужливый мудака.

«Какие, однако же, благородные олени тут ходят. Мудило. Таких надо наказывать тут же, на месте. Прямо в табло и об пол. А доводить до ума — ногами. Не, ну, каков олень, а! А если бы я был её парнем? И вот так скалиться чужой тёлке, когда её парень сидит напротив! Пипе-е-е-ец! Хорошо, что я не её парень и мне пох, пусть бы он хоть трахнул её прям на этом столе. Жаль, что не трахнул, тогда бы меня уж точно от него не оттащили, пока бы я его кишками не обмотал стрелки часов на башне Толбут. — Глубоко вдохнув пару раз, он потёр глаза большим и указательным пальцами и закончил: — Фак, нужно завязывать с этой англичанкой. В жопу её».

Но, дело — прежде всего, и поэтому воинственный потенциальный собственник уступил место мирному почти что студенту Оксфорда.

— Ты боишься, что не стану тебя уговаривать или настаивать, а просто подкуплю? — Александр улыбнулся той самой улыбкой, которая была отобрана им методом прямого

отбора, за всю историю получения опыта общения с противоположным полом, как самая результативная и имеющая наибольший КПД.

«Детка, на кой мне это? Я еще пару раз улыбнусь, и ты уже начнёшь сомневаться в своем отказе». — Самонадеянность молодого ловеласа уже была с душком отчаяния.

— Совсем нет. Я о тебе более высокого мнения, — улыбнулась в ответ Жаклин.

— Спасибо. Я так понимаю, это кредит. И какова ставка? — Парень был в полном недоумении от себя — он пытался шутить и развеселить девушку, а это, знаете ли, вам не сыр с горы катить. Он не делал этого..., да и не вспомнить ему, когда он это делал в последний раз, если делал это вообще.

— Сочтёмся, — парировала Жаклин.

Александр продолжал улыбаться, но почувствовал, что его безраздельное властвование над ситуацией уже разделили, поэтому взял на полтона ниже, чем планировал.

— Я настаивать и спрашивать не имею права, просто еще раз могу сказать, что было бы здорово, если бы ты успокоила мою мать и сказала, что присмотришь за мной на первых порах вот и всё. — Он опять откинулся на спинку стула, давая понять, что его доводы закончились.

Жаклин сидела и жевала губы.

«Он что-то, явно, не договаривает», — подытожила она, поглядывая то на парня, то по сторонам. В кафе до сих пор оставалось многолюдно, но не шумно. У трёх девиц за столиком сбоку всё хуже и хуже получалось скрывать то впечатление, которое производил на них молодой МакЛарен. А еще хуже у них получалось, скрывать свои чувства к самой Жаклин — они то по очереди, то все вместе глазами вцеплялись ей в волосы и выволакивали её из-за столика и, заодно, из кафе. А одна из них — блондиночка в сереньком, — кажется, уже пошла еще дальше и мысленно пару раз утопила Жак в Клайде.

«Алиса права. Тысячу раз права — за ним нужно присматривать», — подумала миссис Рочестер, еле заметно улыбнувшись одной из завистниц, обратилась к Александру:

— Давай с тобой будем надеяться, что Алиса этого не сделает и, если мы и продолжим знакомство в Оксфорде, то это будет исключительно на добровольных началах, а не в угоду твоей маме.

«Черта с два она этого не сделает! — рубанул про себя Алекс. — А она, всё-таки, подкатывает ко мне, — парень рассматривал Жаклин, — эх профессорша-профессорша...» — У него не было времени и условий разбираться, чем он больше удручен — тем, что не добился желаемого результата на сто процентов или тем, что Жак пытается к нему приблизиться. А может и еще чем-то...

— Как скажешь, — подытожил он и глазами начал выискивать официанта.

Глава 5 Пена для бритья

Глава 5

Пена для бритья

«Не обижайте тех, кто вас любит. Их и так угораздило».

Цитата из интернета.

— С вас двадцать восемь фунтов тридцать пять пенсов, пожалуйста, — улынулась очень приятная на вид молоденькая темнокожая продавщица, приступая к упаковке торта. Она действовала очень ловко, привычными, отработанными движениями, поэтому у неё была возможность мимолётно поглядывать на Алекса.

Жак, мысленно закатив глаза, отсчитывала деньги.

«Нет, это просто невысказано. Как он вообще по улицам ходит?» — набирала она нужную сумму.

Когда часом ранее они с Алексом вышли из кафе, девушка вспомнила об одном своём замысле — испечь торт у дядюшки дома и вечером со всеми домочадцами, а, может быть, и гостями, попить чаю и пообщаться, побеседовать.

Утром, отдав старому археологу посылку из Музея естествознания в Лондоне и предсказуемо потеряв его до сегодняшнего вечера, она могла бы спокойно, в своё удовольствие колдовать на кухне. Но после такой прогулки охоты к кондитерскому делу у неё поубавилось, да и время уже немало — около трёх по полудню, поэтому, направляясь с Александром к его машине, Жак попросила подсказать ей какую-нибудь кондитерскую или булочную с хорошим выбором тортов.

— А зачем тебе его покупать? Закажи его в кафе у матери, тебе тамошний кондитер наваяет любой торт, — искренне удивился Алекс.

— Я могу сама наваять себе торт не хуже твоего кондитера, мне просто некогда.

— Ты любишь готовить, да?

— Да. Очень.

— Твой муж — счастливый человек.

— Типичный ответ мужчины, — девушка состроила ехидную гримаску.

— Да-а-а-а... — протянул мужчина, — поесть я люблю. — И засмеялся. И тут его пронзило что-то типа догадки. Он понял, чем берёт его Жаклин:

«Я понимаю её юмор. Она в состоянии меня рассмешить. Да! Точно! Обычно, когда тёлки пытаются меня насмешить, мне хочется смыться куда подальше от неловкости. А эта вот — смешная. Тогда точно — в жопу её. Довезти к дядюшке, к этому Ламу, и — свободна».

— Поехали, по пути покажу тебе хорошую кондитерскую.

— А ты где-нибудь бывал? Кроме Штатов? — Жаклин, сидя рядом с парнем на переднем сидении, пристёгивала ремень и поправляла юбку сарафана.

— М-м-м-м... да, я бывал пару раз на школьных каникулах в Барселоне и Гамбурге. — Алекс, захлопнув свою дверцу, нажал на кнопку пуска двигателя, и мотор послушно отозвался тихим урчанием. — Пару раз ездил с мамой к тёте Эстер во Францию, сначала в Пюто, а потом она переехала в Париж, и мы были у неё в гостях еще и там. — Он посмотрел по зеркалам и начал выруливать со стоянки, умелыми, уверенными движениями перехватывая руль.

А Жаклин очутилась в нирване — наконец-то! Наконец-то и она, а не только всякие там

девицы в кафе, могла полюбоваться на это произведение природы по имени Александр МакЛарен, не опасаясь быть уличенной в пожирании глазами.

Сейчас, когда они оказались наедине в небольшом, замкнутом пространстве автомобиля, и Алекс следил за дорогой, Жак могла позволить себе чуть покайфовать. Она ни о чем не думала и не давала мысленно никаких характеристик тому, что видела, просто смотрела, и всё.

Внешность Александра сама по себе являлась для неё истинным нескончаемым источником эстетического наслаждения, а красота Алекса с его красивыми руками, лежащими на руле крутой тачки, да еще с этими его плавными, уверенными движениями, заставляла сейчас девушку жалеть, что дядюшка живёт в самом Глазго (да еще и, как назло, не на самой окраине), а не где-нибудь в Инвернесе или, еще лучше, в Гиллсе.

«Если бы не торт, пришлось бы уповать на пробки», — тоскливо подумала миссис Рочестер.

— Один раз мы отдыхали всей семьёй на Канарских островах и один раз — в Греции. И последний раз, ты уже знаешь, я был за границей, когда Кирк брал меня с собой в Штаты, в Нью-Йорк. Но кроме Нью-Йорка, я там нигде не побывал. Летали туда и обратно, — закончил Алекс, останавливаясь на светофоре и поворачиваясь к своей пассажирке, которая, не ожидая этого, сделала вид, что смотрит в его окно на магазины на той стороне улицы.

«Чуть не попалась», — подумала Жаклин.

«Ага, попалась!» — подумал Александр и посмотрел в окно Жак.

— И чем тебя так привлёк именно Нью-Йорк? Вот ты говоришь, что это город для тебя. А каким нужно быть городу, чтобы быть для тебя? — пассажирка оценивающе бросила взгляд на своего водителя.

— Это должен быть город с возможностями. — Загорелся зелёный, и водитель, передёрнув рычаг, нажал на газ.

«Оу! Однако. — Девушка была впечатлена. — Может, ты еще и не совсем вляпалась, Жаклин, паренёк-то явно с амбициями».

— Возможностей Лондона тебе недостаточно, — продолжила раскручивать она тему.

— Лондон тоже хорош. Но Нью-Йорк лучше. Лондон слишком... ну, как бы тебе это сказать... — парень согнутой костяшкой указательного пальца левой руки почесал нос, собираясь с мыслями. — Нью-Йорк больше универсален, понимаешь? Он более свободен, более мобилен и отзывчив. В Лондоне вся эта история, старина, традиции, которые нужно чтить, все эти условности и пунктики. В Нью-Йорке нет такой степени снобизма и церемонности, отстранённости и дистанцированности. Мне это больше подходит. Да и тебе тоже, ты же сама сказала. — Парень мельком взглянул на свою слушательницу, боясь оторвать взор от дороги.

«Ого! А ему точно восемнадцать? Может, больше?» — Девушку охватило некоторое воодушевление, будто получила подарок на Рождество. Надежду. Надежду — в подарок. Надежду на то, что Алекс окажется достоин того чувства, которое она к нему испытывает, что он умный, адекватный человек, парень, мужчина, в конце концов.

Влюблённая была очень рада.

Но всё равно возразила:

— Я немного с других позиций подхожу к этому городу.

— И с каких же? — Юноша включил правый поворотник и стал закладывать поворот. Под действием центробежной силы он немного наклонился к девушке, несмотря на ремни

безопасности и анатомические сиденья, и она всё-таки не удержалась и потянула ноздрями ту лёгкую воздушную волну, которую спровоцировал он своим движением.

Жак почувствовала только лишь запах чистоты, мыла и всё. И никакой туалетной воды.

«Аскет?» — поставила она себе в уме галочку.

— Для меня Нью-Йорк, в первую очередь, город на любой кошелёк, это приятно и всегда может пригодиться.

«Черт бы её побрал с её мозгами», — скрипнул зубами паренёк.

— Ещё мне нравится, что там всё очень просторное: большие квартиры, широкие дороги, широкие тротуары, огромные гипермаркеты. У них к любой школе, любому магазину, везде можно подъехать на машине. В Лондоне об этом приходится только мечтать, сам, наверное, знаешь. В Нью-Йорке тесным и сплошь неудобным, и закрытым принято считать Манхэттен, но даже он, по сравнению с Лондоном, а тем более, с Оксфордом, очень даже комфортный. Но мне не нравятся тамошние школы. Мы с дядюшкой жили четыре месяца в квартире его большого друга, мистера Ватербарта, далеко не в самом центре города, в Куинсе, я там три месяца ходила в старшую школу, и мне очень не понравилось. И учителя, и ученики, и преподавание — я бы не отдала своего ребенка в такой бардак. Они заботятся не об образованности своих граждан, а только об их профпригодности и компетентности, а мне этого мало.

«Фак! Как там зовут её мужа? Мои поздравления, чувак».

— А вы с твоим дядей Кирком где жили в Нью-Йорке? В отеле? — «Что-то я увлеклась», — подумала про себя Жаклин.

— Да. В Бикон на Бродвее, в верхнем Вест-Сайде.

— Ого! Это дорого.

— Да. Но Кирк всегда там останавливается, с самого первого раза. Да мы и из Манхэттена-то не выезжали — дядя был всё время занят. Я только однажды съездил один на Лонг Бич в Бруклин, погулять, посмотреть.

— Ты вот говоришь, что город должен предоставлять возможности, а какие возможности тебе нужны? Я понимаю, что это карьера, но всё-таки. — Девушка от любопытства склонила голову набок.

Алекс немного помолчал, как бы что-то формулируя в голове, а потом озвучил:

— У Кирка есть небольшой филиал в Нью-Йорке. Я хочу, чтобы он мне его передал. Да он, в принципе, и сам не против. Я так думаю, в Нью-Йорке мне этот отдел будет легче раскрутить и поднять на ноги, чем в Лондоне.

— Ясно. А чем занимается твой дядя, если не секрет? — Жак, заметив, что парень не очень хочет распространяться на эту тему, давала ему возможность к отступлению.

«У этого Кирка что, своих детей нет?» — мелькнуло у неё между тем в голове.

— Ну, начинал он с виски и изделий из шерсти, занимался фрахтом судов, а сейчас у него строительная компания. Он строит много всякого и разного: от всяких хранилищ и ангаров до жилья и офисов.

— Ты тоже хочешь этим заниматься? — Девушка уже видела, что просто нагло испытывает терпение парня и оказалась права — он не ответил.

— Вот неплохая кондитерская. — Алекс сбросил скорость и прижался к обочине. — Во всяком случае, так утверждала одна моя знакомая девушка. Сам я сладкого не ем и не покупаю его никогда.

— Даже девушкам?

— Даже им, — сказал он, выходя из машины.

«Жмот?» — поставила себе вторую галочку Жаклин.

— А с чем ты сам любишь пить чай?

— С мясом. — Юноше было приятно удивить эту сладкоежку своим неожиданным ответом.

«Пацан, — с умилением подумала та, обходя машину, — совсем еще пацан. Эх, Жак, Жак. И как же тебя угораздило».

— С жареным? — спросила она, берясь за ручку двери кондитерской.

— Не исключено, — повёл бровями юный гурман, придерживая для дамы дверь и входя за ней следом в помещение. — Но обычно я люблю пить чай с большим сэндвичем с качественным сырокопченым или сыровяленным мясом, типа хамона, и с хорошим копченым или просто твёрдым швейцарским сыром, типа лурса или эмменталю.

— Ты, наверное, неплохо в этом разбираешься?

— Ну, скажем так, я собой доволен, — улыбнулся гурман.

— Ладно, когда-нибудь, в Оксфорде, позову тебя с собой в мясную лавку в качестве консультанта, если ты сможешь уделить мне время, а сегодня торт придется выбирать самой. — Сладкоежка увидела витрину с тортами, и у неё загорелись глаза.

«Женщины», — мысленно закатил глаза мужчина.

Он уже хотел было достать свой айфон и занырнуть в него, дабы скоротать время, но его вниманием опять завладела миссис Рочестер, а вернее, то, как она выбирала торт.

Девушка считала. Она начала ходить вдоль прилавка и что-то считать. Прислушавшись, он понял, что это какая-то детская считалочка. Его изумлению не было предела. Но он держался и молчал.

— Я возьму вот этот. — Видимо, досчитав, Жак указала пальчиком на большой белый воздушный торт с большим количеством взбитых сливок сверху.

— Не знаю, — скривился, стоящий сзади Алекс, — как по мне, так эта «пена для бритья» выглядит не очень съедобно.

— Вау! Джентльмен знаком с пеной для бритья! — девушка, оскорбившись за свой выбор, резко развернулась к парню. — И как давно ты изменил с ней детской присыпке? Этим летом? — Мистер МакЛарен своей насмешливой шуткой разбудил в ней зверя-воспитательницу. Столь же насмешливую.

Парень застыл. Застыли и его распахнутые «тюльпаны». Застыла и Жаклин. Отмирали и обратной последовательности.

— Извини. Но не обижай мой торт. Пожалуйста, — пролепетала зверь-воспитательница и состроила извиняющуюся, кокетливую гримаску, в жесте неловкости сцепив пальцы рук.

— Хорошо. Не буду. Извини, — выдавил из себя Алекс сквозь сдерживаемый хохот. — Я могу даже попросить извинения и у самого торта, если хочешь.

— Нет. Не надо. Это лишнее. — «Хотя интересно было бы на это посмотреть».

— Как скажешь.

Парню же сделалось так смешно, что он даже и не подумал обижаться.

«Вот это язычок! Вот это язва! Вот это я понимаю! В постели, наверное, «горячая штучка», — как только «заговорили» эмоции, мысли юноши неполных восемнадцати лет, потекли строго в одном, вполне предсказуемом, направлении.

— Когда у тебя день рождения, тебе пекут торт с мясом и сыром? — между тем старалась замять всё это «горячая штучка». — Когда у тебя, кстати, день рождения? —

непринуждённо поинтересовалась она.

— Двадцать первого октября. — Юноша посторонился и дал пройти мимо них пожилой паре покупателей.

— И какие торты тебе дарят на день рождения?

— Шоколадные. Ну-у-у-у, в смысле, из самого шоколада... из черного, горького — его я ем и даже люблю. Со всякими там орехами, перцем или рисом и со свечами под шоколад.

— Аа-а-а... это такие... в виде всяких машинок или крепостей, да? — подхватила Жак.

— Типа того. Один раз мне подарили футбольный мяч из горького шоколада в натуральную величину. — Александр руками показал форму мяча. — Он был жутко тяжелый и очень интересный на вкус. Его напичкали какими-то травами и морской солью.

Но когда он закончил говорить, у Жаклин в глазах начали появляться слёзы.

Парень опять застыл, в который уже раз.

«Да Господи-ты-боже-мой, Святые небеса, да что опять не так-то? Истеричка какая-то».

— Извини, извини, — залепетала «истеричка», вытирая пальцами влагу в глазах и шмыгая носом. — Правда, извини. Это ерунда. Я просто вспомнила, как мне маленькой папа, на мой день рождения, когда мне стукнуло шесть, подарил хрустальный башмачок Золушки, сделанный из шоколада. Не стоило мне этого вспоминать, извини, я не всегда могу совладать с собой, когда вспоминаю родителей. Всё, я уже успокоилась. Всё, — проговорила она всё это речитативом, в конце вытерев рукавом кофточки от Oasis всё лицо целиком, ибо ей было, действительно, неловко перед Алексом, а потом сделала паузу и сказала: — Извини за сопли.

— Ничего. Я привычный, — примирительно махнул рукой её спутник и, увидев вопрос в глазах девушки, добавил: — У меня есть младшая сестра, помнишь?

Плакса молча просияла в ответ, мысленно дав себе клятву, что больше и шагу не ступит на улицу без носового платка или салфеток.

— Хочешь, я выберу тебе торт? — Алексу это всё уже надоело.

«Пожалуй, с меня баб довольно уже не только на этот вечер, а на целую неделю. Месяц! Господи, скорей бы довести её к этому её дяде Гэндальфу Ламу или Лэму, пока я не передумал на счет Оксфорда».

Жаклин благодарно улыбнулась, всё так же молча утвердительно кивнула головой, стараясь сделать это как можно более по-детски, умилительно, а Алекс двинулся к прилавкам, усиленно вспоминая по памяти все считалочки, которые он знал в детстве.

* * *

— Ну, так и где же ты побывала вместе с мистером Фортескью? Сейчас спешить некуда — пока доедем, успеешь рассказать, — вернулся к разговору Алекс.

Они опять сидели в машине.

Он помог своей пассажирке расположиться с тортом — она отказалась выпускать свою попку из рук — и, захлопнув за ней дверцу, обошел автомобиль слева направо и сел за руль.

— Америка: Панама, Перу, Мексика, Штаты. Африка: Марокко, Тунис, Египет, Ливия. Азия: Пакистан, Индия, Китай, Бутан, Непал, Бирма, Монголия. Европа: Греция, Италия. Франция. И это, конечно же, не всё. Но не везде дядюшка работал на раскопках, иногда приезжал просто посмотреть на находки, потрогать, проконсультироваться, обозреть местность. — Жаклин говорила почти равнодушно, она в этих всех местах не туристкой ездила и жила не в пяти звёздах, так что особого восхищения воспоминания не вызывали.

А вот на Александр этот список произвёл примерно такое же впечатление, как на дядюшку — посылка из Музея естествознания в Лондоне:

— Впечатляет. Подробности побалуешь? — их поездка приближалась к концу, скоро уже должен был показаться дом мистера Фртескью, и парень, почувствовав приближение конца их сегодняшней встречи, на радостях решил дать девушке надежду на новую.

— Обязательно. При случае, — проворковала, промурлыкала Жак, потому что про себя добавила:

«Я бы тебя побаловала всем, что бы ты только пожелал. И всем — в подробностях», — глядя в лобовое стекло и ухмыляясь одними кончиками губ. Потом, увидев, что они уже подъезжают, заволновалась:

«Неужели он не попросит у меня мой номер? Неужели не попросит? Мне самой просить никак нельзя — у меня нет повода. А вот у него повод есть».

Но сказала уже традиционно другое:

— Если ты выбрал торт, то, может быть, все-таки, захочешь его попробовать? Мы сегодня вечером будем все вместе пить чай, наверное, придёт Марго. Не хотите вместе с Алисой и Дженни к нам присоединиться?

— Большое спасибо за приглашение, и извини, но нет. У меня сегодня вечером встреча с друзьями. У Дженни занятия в изостудии с художником. Может быть, мать сама и подъедет, но мы с сестрой точно не сможем. Еще раз извини.

— Ничего страшного. — Внутри у Жаклин всё рухнуло. — Как-нибудь в следующий раз, когда у нас будет хороший кусок хамона и швейцарского сыра.

Александр просто молча, с лёгкой улыбкой, кивнул, сбрасывая скорость, и, притормозив, завернул в открытые ворота дядюшкиного двора.

— Наверное, Эшли куда-то уехала ненадолго и не стала закрывать за собой ворота, — рассуждала вслух пассажирка.

Водитель остановился и заглушил машину.

Жаклин, выдержав небольшую паузу, слегка развернулась к нему вполоборота и, протянув руку, начала водить указательным пальчиком по рукоятке рычага коробки передач, на которой красовались четыре переплетённых кольца.

— Хорошая машина.

— Подарок Кирка. Новая. У него у самого такая же, только черная. — В голосе «властелина колец» чувствовалось несочетаемое сочетание из гордости и нетерпения.

— Оу, так она твоя? Хороший подарок. Повезло тебе с дядей.

— Да. Я его очень люблю и уважаю, и очень ему благодарен.

«Мы сейчас расстанемся. И встретимся неизвестно когда. Скорей всего, очень нескоро. Ну так почему же ты так со мной холоден и так отстранён, родной ты мой? Неужели я не справилась с ситуацией и несколько ничем тебя не зацепила? Вообще ничем? Нисколечко?» — Девушка была в отчаянии. Она была готова уже не заплакать, а просто разреветься, не чувствуя от Алекса никакой заинтересованности, никакой протянутой ниточки, ни тоненькой, ни единой — ничего.

Но всё-таки ей повезло хотя бы в том, что она нужна ему в Оксфорде.

— Могу я попросить номер твоего телефона? Так... на всякий случай, сама понимаешь. — Красавец накрыл рукой её ладошку на рукоятке коробки передач.

— Ммм... да-да, понимаю... телефон, номер телефона, да-да, сейчас, — лепетала вмиг повеселевшая влюблённая, нащупывая свой мобильный в кармане сарафана, делая вид, что

не всё так просто, и она раздумывает и тянет время. Девушка вынуждена высвободить свою ладошку из-под руки юноши, проклиная себя, что не выучила свой новый номер наизусть и теперь ей понадобились обе руки, чтобы удержать и торт, и мобильник. — У меня недавно изменился номер, я его не помню еще по памяти.

Александр ждал с нечитаемым выражением лица. Молча.

— Вот. — Жаклин достала мобильник, долистала до своего номера и начала диктовать, а Александр нажимал цифры на своём айфоне, не изменяя своему покер-фейсу. — Только, знаешь, тебе, наверное, лучше прямо сейчас сделать мне дозвон, потому что я не всегда отвечаю на неизвестные номера. Ну, или пришлешь потом СМС-ку, если я не отвечу скажешь, что это ты, — девушка из последних сил изображала незаинтересованность.

Парню же, видимо, молчать просто понравилось. Он с прищуром посмотрел на свою спутницу и нажал на «Вызов», не глядя на телефон. Заиграл ринг-тон Eminem&Sia Beautiful rain.

Юноша приятно удивился, но покер, мать его, фейс, держал твёрдо и с ним же сбросил вызов.

— Спасибо, — спрятал он айфон под «торпеду». — Я помогу тебе с тортом.

— Да-да... не стоит... пожалуйста, — ответила Жак уже его спине.

Алекс открыл её дверцу, взял у неё торт и держал его, пока девушка доставала с заднего сиденья сумки с покупками.

— Ну, вот и всё. Спасибо, что подвёз. — Жаклин вытянулась в струнку перед парнем и, наклеив улыбку, посмотрела ему в глаза. Она сама не поняла, как и почему это сделала, но, вдруг, ни с того ни с сего, взяв торт из рук Алекса, довольно привычным движением, как будто всю жизнь только этим и занималась, присела в красивом, элегантном книксене и даже немного склонила голову так, что её богатые красивые волосы упали ей на лицо.

«Господь всемогущий, что это со мной? Что я творю! Остановите меня! — она тут же покраснела как помидор. — Что я наделала! Теперь остаётся только бежать. Беги, Жак, беги».

— Звони, если тебе в Оксфорде понадобится помощь. Пока, — протараторила девушка, глядя куда-то в район его груди, и быстро направилась ко входу в дом, ибо, как только она, отвернувшись, моргнула, по её щекам градом покатались слёзы.

Александр это заметил. Ведь у него была младшая сестра.

— Пока, — сказал он вслед Жак. А потом, проследив, как она зашла в дом и за ней закрылась дверь, добавил: — Фак. — И аккуратно стукнул кулаком по капоту новой красивой машины, будто ставя там какую-то печать, наверное, тоже очень красивую.

Глава 6. Разлука.

«Мы выбираем, нас выбирают,
Как это часто не совпадает.
Я за тобою следую тенью,
Я привыкаю к несовпаденью.»

М. И. Танич

«Почему в книгах всегда так скучно и неинтересно описывают природу?» — думала Жаклин, сидя у окна скорого поезда «Лондон — Оксфорд».

В детстве она очень любила читать. Как же давно это было.

Когда её дядя просиживал неделями в библиотеках, роясь в первоисточниках и документах, племянница тоже, вольно или невольно, «вошла» в литературу.

Началось всё, как ни странно, с того, что ей нравился в библиотеках запах. Девушка с удовольствием вдыхала этот дух старой, лежалой бумаги и типографской краски, покрытой закоксовавшимся налётом от прикосновений человеческих рук. Он запомнился таким... сладковатым и вязким, но вместе с тем еще и очень натуральным и естественным, природным.

Под этот запах она буквально «глотала» Верна и Диккенса, Скотта и Дойля, Твена и Дюма, Остин и Кристи, Купера и Майн Рида. Чуть позже их сменили Золя и Флобер, Лагерквист и Брэдбери, Стейнбек и Хэмингуэй, Толстой и Набоков. Дядюшка не спешил покупать племяннице всякие новые гаджеты — в тех местах, где они проводили по нескольку месяцев кряду, не везде имелась связь, и уж тем более интернет. Зато книги, включая электронные, он с собой таскал целыми библиотеками: и всевозможные сборники, энциклопедии и справочники для себя, и для племянницы — учебники и «книжки почитать».

Когда девочка выросла и поступила в Университет, современная жизнь взяла своё, и она стала читать гораздо меньше — её подруги интересной книге предпочитали интернет, и Жак тоже поддалась влиянию этого столь популярного и незаменимого изобретения человека. И тем не менее, проходя мимо книжного магазина, не могла не заглянуть. Даже если и не встречалось ничего интересного, любила побродить между стеллажами — была для неё в этом какая-то необходимость, какая-то магия.

«Редко, когда можно встретить даже у очень хорошего, интересного автора описание природы, от которого невозможно оторваться, — продолжала грустить мечтательная пассажирка у окна. — В основном написана какая-то романтическая, нудная чушь про ветки, листики, птичек, свежий воздух, и как им легко дышится. А природа ведь, она вон какая... — девушка прикоснулась лбом к стеклу вагона, — просторная, спокойная и разная: в Шотландии — зелёная, сочная и оптимистичная — в Англии, тёплая и страстная — в Африке, и заигрывающая и таинственная — в Америке. На неё можно бесконечно смотреть. А свежий воздух! Он ведь поднимает тебя над землёй. А солёный морской воздух с просторов океана, это же, наверное, почти как Космос, только тут, на Земле, и лететь никуда не надо».

«Англия прекрасна, — как бы согласилась сама с собой англичанка, глядя на свежесть и какую-то особую умильность или даже благодатность, исходящую от аккуратных зелёных

лугов за окном, на которых паслись кругленькие, пушистые, маркированные красителем овечки и лошадки, укрытые попонками, и на низкое, тяжелое, строгое, набухшее дождём небо Великобритании, по которому наперегонки с поездом неслись сизые облака, словно вакуоли, наполненные водой. — Смотрела бы и смотрела, и смотрела. И думала бы и думала, и думала. Обо всём на свете... Александр... — Жаклин обреченно вздохнула. — И вот теперь так всегда. Всё последнее время — о чем бы я ни размышляла, какие бы проблемы ни занимали мою бедную голову, всё заканчивается одним и тем же — ним».

Тогда, в ту самую счастливо-несчастную среду, сбежав от Алекса, девушка, воспользовавшись безлюдностью холла, поставила торт на журнальный столик и мышкой прошмыгнула в свою законную комнату для гостей, где спряталась в ванной и разрыдалась под включенным на всякий случай душем. Мысли отчаяния взрывались в мозгу маленькими бомбочками и оседали брызгами слёз на её щеках. Боль из-за несбывшихся надежд рвала изнутри в клочья.

«За что-о-о-о? Почему-у-у-у? Почему так? Почему так плохо? Почему он так со мной? За что? Неужели это всё? Боже мой, как жалко! Как же я хочу к нему! Хочу быть с ним. Не хочу, чтобы он был таким каменным со мной. Я знаю его — он может быть совсем другим, он другой, я это вижу, я это чувствую. Какой же он классный, какой же он весь такой желанный и недоступный, каждая черточка на лице, каждый ноготок на пальце, лицо, губы, глаза — это просто невыносимо. Какой же он... мой».

Люди придумали поговорку о надежде, которая, как известно, умирает последней, но они мало чего вразумительно написали о том, в какую агонию она ввергает человека в свои последние минуты.

Вволю наплакавшись и выплеснув накопившееся, чуть успокоившись и придя в себя, девушка включила мозги.

«А почему ты вообще решила, что он ответит тебе? — думала она, просушивая волосы феном после душа. — А почему ты решила, что он должен тебе отвечать? А почему тебе вообще кто-то должен отвечать или кто-то должен тебя любить? Не вой — он абсолютно нормально себя с тобой вёл, даже иногда с большим участием, чем следовало бы. Скажи спасибо. Спасибо. Вот так. И не забывай, что ты на добрых восемь лет его старше. Максимальный статус, в котором он может тебя воспринимать — это старшая сестра. К тому же тут есть такой пустячок, как твоё замужество — если ты замужем, значит, предположительно, любишь своего мужа, так ведь? Так. Ну так и при чем здесь Алекс? Вообще непонятно, на что ты там рассчитывала и о чем ты там думала. Всё правильно он сделал, отталкивая тебя и не давая тебе надежду — ничего хорошего из этого всё равно не выйдет. Молодец он. Ты влюбилась в классного парня, Жак, поздравляю. Внимание, вопрос — что теперь делать? С чего начинать учиться быть к нему равнодушной? Как забывать? Как?»

А в это время.

* * *

А в это время, на другом конце Глазго, в пабе, сидел Александр и ничего не понимал. И в этом было его спасение. Пока. Чуть позже он поймёт и разозлится не на шутку. А сейчас...

Парень сидел в окружении своих парней и удивлялся: почему ему всё это абсолютно индифферентно. Вроде бы, всё как всегда. Ну и что, что не пришел Квёльц — его «приземлила» у себя дома родня, но зато здесь были и Март, и Кэм, и Луск, которого он давно не видел. Но наш герой сидел, смотрел на всё это и с ужасом осознавал, что мог бы

сюда сегодня и вовсе не приходиться, и ничего не потерял бы.

А ведь еще днём он так сюда рвался. И что же изменилось?

Алекс принялся вспоминать и остался вполне собой доволен — после того, как ушла «эта англичаночка», ему её стало немного жаль, но, выезжая с подъездной дорожки на улицу, он уже начисто о ней забыл. У него впереди был вечер, классный вечер, и что ему там какая-то профессорша, пусть с ней её муж разбирается, раз она заглядывается на других мужчин.

Потом он поехал в мастерскую, забрал кофемашину из починки и завёз матери в кафе, как и обещал. Затем приехал домой, и залез в интернет, поскольку в теле фоне увидел на почте письмо от профессора Ли, его куратора, который обещал ему скинуть задания — к новому учебному году в Оксфорде бывшим ученикам Глазго требовалось подготовить кое-какие работы. Юноша слегка просмотрел материал и, закрыв всё это дело, начал собираться сюда, в паб. Они встретились с парнями, перекинулись последними новостями и сплетнями, обсудили подруг, новых и старых, своих и чужих и... всё. И вот они сейчас все уже весёлые и на взводе сидят и обсуждают самое главное — футбол и гаджеты, а ему не интересно даже это.

У Александра что-то свербело внутри. У него как будто внутри невесть откуда взялся какой-то пазл, и парню предстояло найти следующий фрагмент, подходящий к нему. Он точно знал, что если этот фрагмент найти и приложить, то картинка сложится сама.

«Может быть, мне нужны тёлки? Не, не то. Пока не нужны. Это точно. Может, я уже скучаю по Кирку? Не, тоже не то. Может, мне нужна хотя бы хорошая дрочка? Опять? Да ну нах. Ну а что тогда? Может, нужно рвануть в горы? Неплохо бы, но точно не оно». — Он менял в голове варианты, как вор меняет отмычки к замку, но картинка не складывалась никак — «отмычки» не подходили и «замок» не открывался.

Парень тёр пальцами подбородок, опёршись локтём о колено. Он выпил еще виски. Потом еще. Потом попробовал забить на это «грёбаное настроение» и продолжить «тереть» с парнями обо всём на свете как ни в чем ни бывало, но очень быстро устал себя насиловать и опять приступил к рефлексии.

И тут, видимо, уже сработал переход количества в качество, ибо ни с того ни с сего, вдруг, в полной неожиданности для себя самого, Александр представил, что сейчас, здесь, в этом пабе, рядом с ним сидит Жаклин. И у него срослось! Именно Жаклин ему сейчас была нужна. Именно её ему недоставало. С ней он хотел быть, а не со своими старыми друзьями.

Эффект догадки оказался настолько неожиданным, а суть настолько нелепой, что красавец дёрнулся вперёд на диване, на котором сидел, и уставился злым, шокированным взглядом в крышку низкого столика, вокруг которого собралась их компашка.

— Э, парень, с тобой всё нормально? — спросил сидевший рядом Арчи, его бывший однокурсник по университету.

— Да. Нормально. Просто я кое-что вспомнил, — паренёк вымученно улыбнулся, — ладно, потом, — он отмахнулся рукой.

Арчи похлопал его по плечу и ничего не сказал.

«Т-т-т-т-тв-а-а-ай-й-й-йу-у-ума-а-а-ать! — между тем вопил про себя Алекс, с трудом сдерживаясь, чтобы не запустить свой стаком в противоположный угол паба, а вместо этого пятернёй вцепляясь себе в волосы. — С-с-сучка!! Гадиана!! Фак! Фак! Фак! Всё-таки пробралась! Эта английская похотливая дура всё-таки пробралась в меня! В мои «настройки». И «сбила» их! Убить её мало, с-с-с-суку! И как смогла только, а? В ней же

нихрена ничего интересного! Ну, во всяком случае, такого, чего нет у других!! Таких сотни! Тысячи! Да мне только бровью повести — любая у меня отсасывать будет! Т-т-т-т-тва-а-ай-й-йу-у-ума-а-а-ать! Этого просто не может быть. Ф-ф-фа-а-ак. — Высказав самому себе всё это, он перенаправил настроение: — Так, ну это мы еще посмотрим. Мне срочно нужно выпить».

И он выпил.

Потом еще.

Потом еще.

И понял он, что «виски против Жак» — это самая плохая идея за всю историю плохих идей только тогда, когда уже в пограничном состоянии между забвением и реальностью ему вдруг нестерпимо захотелось позвонить ей. Или набрать СМС. Просто так. Ни о чем. Написать там: «Привет. Как дела?» Или: «Не режь торт без меня — я еду». И держался он только тем, что всё плыло перед глазами и валилось из рук.

«Фак. У меня никакого опыта против таких вот цепких сучек. Эта первая такая. Не надо было мне надираться. — Но, подумав, добавил про себя: — А может, и хорошо, что надрался: я сейчас не в состоянии ни её номер найти, ни СМС набрать. Всё правильно. Тогда я, пожалуй, еще выпью».

Но было уже поздно. Все стали собираться по домам. Попрощавшись с парнями уже на улице, стараясь не шататься сильно, «пьяница» двинулся ловить такси.

А наутро было похмелье, потом душ, потом Дженни с её компьютерной программой по заполнению пространства, и потом опять мать с её кафе. На следующий день — игра в футбол и сильный ушиб локтя и колени, а потом к ним в гости приехал его двоюродный кузен Хэмиш, четырнадцатилетний, младший сын дяди Рональда, и заботу о нём поручили, конечно же, «крайним» Алексу и Дженни, и так далее.

И когда парень в следующую пятницу сидел почти всё с теми же парнями в этом же пабе, он, вспомнив о Жаклин и о том, как в прошлый раз тут неуютно себя чувствовал без неё, самодовольно смеялся про себя: «Вот болван, а! Идиот! И какого так было паниковать? Паникёр хренов. Всё прошло как пена с волн! Фух... хорошо-то как». — И он дальше погрузился в разговор о сноубордах, кроссах и e-bay.

А еще на следующих посиделках, дней через десять, только уже в другом пабе, Алекс уже вообще ни разу не вспомнил о «профессорше».

Которая в это время «писала» свой вариант этой истории.

Приняв душ и помыв голову, Жаклин немного успокоилась. Перед чаем, когда они с Эшли накрывали на стол небольшой ужин, позвонил Чарльз. Это был звонок вежливости, ничего такого особенного он не хотел, просто поинтересовался, как проходит её визит к дядюшке и намерена ли она вернуться послезавтра, как и планировала, потому, что звонила из Хелстона его мама и спрашивала, когда же можно ждать их в гости — лето заканчивается, а они так и не собрались её навестить.

Жаклин успокоила мужа, заверив, что всё нормально, всё в порядке, скоро они всей компанией садятся пить чай и завтра она посвятит весь день дядюшке — будет измерять ему давление через каждые два часа и изучать его медицинский журнал. А послезавтра, как и планировала, двинется в обратную дорогу, поэтому, возможно, на следующей неделе, они смогут выбраться в Хелстон к миссис Рочестер. Супруга, судя по всему, удовлетворили её объяснения, и он свернул разговор, напоследок предложив встретиться женой в Бирмингеме. Она согласилась.

Вечером они всей своей компанией очень хорошо и уютно посидели за чаем. За столом присутствовали: дядюшка, Эшли, Марго, Итан, который всё-таки смог вырваться с работы, и Алиса, которая тоже к ним присоединилась и как бы случайно за столом оказалась рядом с Жаклин.

Разговор, начав крутиться вокруг особенностей менталитета и национальной кухни американцев, англичан и шотландцев, по ходу вечера вобрал в себя темы о здоровье, спорте, ценах на велосипеды, преимуществе низкопрофильной резины и «шел на всех парах» к качеству продуктов на рынках и в розничных сетях.

Гостья сидела притихшая и спокойная, в беседе участвовала с неохотой, но зато слушала с большим интересом.

В один из моментов, когда все увлеклись спором о том, чьи же огурцы лучше — шотландские на парных грядках или английские грунтовые, Алиса, воспользовавшись всеобщим зашкаливающим уровнем эмоциональной вовлечённости в эту животрепещущую тему, повернулась к девушке.

— Жаклин, большое тебе спасибо, что ты приехала и своим присутствием украсила нашу старую, устоявшуюся компанию, мы очень тебе рады.

— Ой, ну что ты, Алиса, это мне было приятно, — мило улыбнулась гостья.

— Мне хотелось тебя еще раз попросить не отказывать моему сыну Александру в общении и компании там, в Оксфорде. Не бросай его там, пожалуйста. — Женщина говорила медленно, спотыкаясь на каждом слове. Она накрыла ладонь Жак, лежащую на столе, своей уже немолодой рукой. — Мне было бы несказанно спокойнее знать, что хоть некоторые выходные, хоть изредка, он будет проводить вместе с тобой и твоим мужем. Поверь, я об этом прошу не из-за излишней материнской опеки, вернее, не только из-за неё, — она помолчала, как бы раздумывая, а потом продолжила, — просто понимаешь... Александр... и все эти девушки...

«Понимаю», — подумала Жаклин.

— ...они его постоянно преследуют...

«Угу».

— ...и я переживаю...

«Я тоже».

— Когда у тебя будет сын, ты меня поймёшь. — Женщина мягко похлопала девушку по руке.

«Зачем же ждать так долго, — самоиронично подумала её собеседница, — я уже отлично тебя понимаю. А еще я тебе ужасно, просто, бешено завидую — сегодня вечером ты увидишь его. И завтра. И послезавтра. И можешь запросто с ним общаться. А вот я...»

— Не переживай, Алиса, Алекс очень умный, здравомыслящий парень, целеустремлённый. С ним всё будет хорошо, вот увидишь. — «Что там еще говорят в таких случаях? Ах, да...» — Я готова ему помочь, мы с Чарльзом всегда будем рады видеть его у нас дома.

— Спасибо, девочка. Я очень на тебя рассчитываю, — засияла женщина, очень довольная, что «девочка» так хорошо отозвалась о её сыне. — И еще... — она немного замялась, — мне не очень удобно говорить тебе то, что я сейчас скажу, но, пожалуйста, если тебе что-то не понравится в его поведении, если ты заметишь или узнаешь о нём что-то неладное или дурное, дай мне знать, пожалуйста, очень тебя прошу, — закончила она и как будто выдохнула. — Поверь мне на слово, у меня есть причины переживать за него.

«Ни секунды не сомневаюсь», — согласилась Жаклин про себя.

— Я, конечно, постараюсь, Алиса, но сегодня мы с Алексом разговаривали об Оксфорде, о его студенчестве — твой сын действительно сосредоточен на учёбе и очень серьёзно относится к своему будущему. Так что давай всё-таки будем надеяться, что у него всё будет хорошо.

— Я надеюсь, Жак, очень надеюсь. Спасибо тебе, — широко улыбнулась Алиса, утвердительно покачала головой и отвернулась к остальным за столом.

Вернее, они обе отвернулись друг от друга и увидели, что на них смотрит Эшли. Но её тут же отвлек дядюшка Лам, и за столом продолжилась оживлённая беседа уже в полном составе и уже не об огурцах — на смену им пришел общественный транспорт.

А потом у Жак опять зазвонил телефон, который она на всякий случай взяла с собой за стол — надежды на то, что Александр может позвонить, не имелось практически никакой, но, тем не менее, она не смогла оставить мобильник у себя в комнате. Надежда умирает последней.

Извинившись, Жак вышла поговорить на улицу.

Звонила Сесилия Хэмонд — её подруга по работе. Этой женщине исполнилось пятьдесят четыре года, она работала сменной старшей медсестрой в больнице Черчиля вместе с Жаклин и очень часто совпадала с ней по дежурствам. Они подружились. Девушка вообще более охотно и легко сходилась с женщинами существенно старше себя — сказывалось с детства отсутствие рядом матери. Миссис Хамонд оказалась энергичной, контактной в общении деловой женщиной с тремя собаками, тремя уже взрослыми детьми. Она не знала, что её подруги сейчас нет в Оксфорде, и звонила, чтобы сказать, что Чейза Мэйсона опять привезли с кетоацидотической комой, и возможно, Жаклин захочет забежать, посмотреть парня.

Чейз Мэйсон был двадцатилетним парнем, ровесником доктора Рочестер, страдающим врождённым сахарным диабетом. Вдобавок к его лечащему эндокринологу, доктору Мону, Жак являлась его наблюдающим врачом. Этого молодого человека никак нельзя отнести к «лёгким» пациентам — он не всегда выдерживал нагрузки режима, у него заканчивалось терпение, Мэйсон срывался, забрасывал диету и доводил себя до комы.

Жаклин пояснила Сесилии, что очень жаль, но она сейчас не в Оксфорде, возвращается в пятницу и обязательно прибежит в субботу, как только сможет.

После чая, на кухне, когда она относилась грязную посуду, проводив гостей, к ней подошла Эшли.

— Ты сегодня грустная, девочка. Что-то случилось? Не хочешь поделиться?

Девушка даже застыла. Она вмиг вспомнила, как когда-то, в институте, хотела делиться с подругами переживаниями и эмоциями по поводу амурных дел.

«Никогда. — Перед ней как будто мысленно захлопнулся невидимый шлагбаум. — Никогда я не смогу и рта открыть, рассказывая кому-нибудь о НЁМ. Никогда. И это не только из-за Чарльза».

— Да, — залепетала она, — звонила коллега с работы. Моего пациента опять привезли с комой. А я очень надеялась, что он наконец-то возьмётся за ум. Но увы.

Эшли, хотела было скептически сложить губы, но вовремя спохватилась.

— Мда, очень жаль. Хочешь, я согрею тебе молока с мёдом?

— Нет, спасибо, я лучше пойду попрошу у дядюшки что-нибудь почитать перед сном. Спокойной ночи, Эшли.

— Спокойной ночи, милая. — Женщина напутственно похлопала Жаклин по худенькому плечу.

Почитав на ночь «Сагу о Форсайтах» Голсуорси, Жаклин заснула, даже можно сказать, спокойно.

* * *

А вот проснулась — не очень.

Пробудившись и чуть повернувшись с боку на бок, она поняла, что её вот-вот вырвет, вскочила с постели и рванула в ванную.

Когда позывы к рвоте прошли, и вернуться вроде как не обещали, девушка начала чистить зубы и думать.

«Так, выводы пока делать не буду, может быть, это следствие вчерашней истерики, но что-то я раньше не замечала за собой психосоматики, откуда бы ей взяться? Больше ничего не болит. Даже голова. Ела я, вроде бы, всё тоже, что и все. Нужно спросить дядюшку и Эшли, и если рвёт только меня, то, Жаклин..., скорее всего, тебе нужно будет сегодня же купить тест на беременность».

Александр.

Она, конечно же, ни секунды не сомневалась, что будет любить своего ребёнка, кем бы ни был его отец. Но даже понимание, что вчерашняя её мечта о ребёнке Алекса — это всего лишь иллюзия, туманная дымка, сказка, не прибавляло ей восторгов о том, что у неё будет ребенок Чарльза. Слегка расстроившись, она даже постаралась покопаться в себе и всё-таки найти силы порадоваться ребёнку от своего собственного мужа. Но тщетно. В конце концов, ей ничего не оставалось, как сосредоточиться на том, что у неё просто будет ребёнок, её малыш, и это само по себе чертовски здорово.

Они с Чарльзом ни разу не обсуждали подробно тему детей. Как-то раз Жак забыла принять противозачаточные и, когда муж ночью начал свою обычную прелюдию, честно предупредила о возможных последствиях в виде беременности.

Тот удивился.

— Тебя это напрягает? Ты не хочешь детей?

— Я хочу. И стараюсь быть честной с тобой.

— Спасибо, детка. — Мужчина благодарно улыбнулся в темноте и чмокнул её в кончик носа. — Я это ценю. Но предлагаю рискнуть. А? Ты как?

— Я согласна. — Она улыбнулась и соблазнительно заёрзала на постели.

— Договорились. — И Чарльз с нетерпением набросился на неё.

С тех пор их контрацепция стала носить спонтанный, а не регулярный характер — Жаклин перестала пить таблетки совсем, и они начали предохраняться от случая к случаю.

Вообще, справедливости ради, нужно уточнить, что спонтанной контрацепция стала еще и вследствие неоднородности и большой вариативности характера их сексуальных контактов. Чарльз показал себя очень разным в постели. То страстным, но терпеливым любовником, тщательно заботящимся, чтобы его жена достигла оргазма, и пропуская её вперёд. Иногда же просто механическим трахателем, и тот факт, что Жаклин не смогла кончить, обозначал примерно такой фразой: «Что, не кончила, да? Не подсуетилась? Не успела? Ну, ничего, в следующий раз». Иногда он был каким-то излишне нежным и излишне ленивым — то почти уже засыпал, то опять просыпался и принимался за то, на чем закончил, а иногда начинал сначала, с прелюдии. Такую его манеру Жаклин особенно не любила.

И как-то с течением времени сложилось, что она тоже стала в постели вести себя очень по-разному. Иногда отвечала Чарльзу со всей своей страстностью и настраивалась с ним, что называется, «на одну волну». Иногда просто ждала окончания всего этого... этого. Иногда предпринимала сама первые шаги, а порой с трудом находила в себе отклик на поползновения мужа, а изредка и не находила, а предлагала всё это отложить ненадолго, повременить, так сказать. Единственное, чего она никогда, ни разу, не делала — не симулировала оргазм. Не понимала этого, не чувствовала потребности, не видела смысла и не ощущала необходимости.

Но, поскольку её муж являлся для неё первым и единственным сексуальным партнёром, и сравнивать ей было практически не с кем, то девушка не чувствовала себя как-то обделённой или неудовлетворённой, никогда не предпринимала попыток поговорить, что-то изменить и тем более не жаловалась мужу и не пеняла ему.

И вот, скорей всего, они попались.

«Ну что же, если бы Александр меня принял и поманил за собой, я бы, не задумываясь, развелась с Чарльзом и пошла за этим мальчиком хоть на край света, или даже дальше. — Собираясь в аптеку за тестом на беременность Жак. — Но раз нет, значит, нет. Так тому и быть, Чарльз — моя судьба. Алекса не смогла «потянуть на себя», может, показалось, что он — тот самый. Увидела красавца, вот и причудилось, — упорно игнорировала она тот факт, что сначала что-то почувствовала к парню, а потом уже его рассмотрела.

Тест оказался положительным.

«Я беременна! Ну, надо же! Это та-а-а-а-а-ак интересно. — Жаклин сидела в холле и с лёгкой улыбкой на губах просматривала дядюшкины записи в медицинском журнале. Периодически девушка клала себе руку на низ живота, как бы пытаясь дотянуться до своего будущего малыша.

Увидев две полоски, она тут же подсчитала время с последних месячных и поняла, что у неё срок примерно три-четыре недели. Задержка насчитывала дней двенадцать — тринадцать, но Жак не очень этому доверяла. Такое с ней уже случалось. Однажды её месячные задержались на месяц без малого. Она дважды покупала тесты, и они оба оказались отрицательными. И вот сейчас...

Жаклин ни на минуту не могла забыть о своей беременности, и ей в голову лезли все эти гинекологические термины, некоторые из которых она помнила еще с университета. Её это жутко раздражало, и она постаралась как можно поглубже запихнуть в себе медика, доставая поближе обычную женщину — будущую маму.

Влюблённая, конечно же, даже сейчас не смогла заглушить в себе надежду еще раз перед отъездом увидеть Александр, хоть издали, хоть просто в машине, хоть одним глазком. Но её надежды рухнули вечером, когда приехавшая с работы Эшли рассказала, что сегодня сама занималась кафе, потому что Алиса сидит дома и делает примочки своему сыну, который сильно ушибся на футболе.

— Что-то серьёзное? — тут же подскочила врач. — Может, я могла бы чем-то помочь?

— Жить будет, — жизнеутверждающим тоном отрезала Эшли, запихивая хлеб и булочки в хлебницу на кухне. — Лежит, стонет, бесится от своей беспомощности, пьёт обезболивающее, меняет компрессы и ждёт, когда всё пройдёт.

«Даже если мы и встретимся с ним в Оксфорде, я уже буду глубоко беременной. Прощай, Александр, — начала было Жаклин, но её остановила эта дурацкая привычка быть честной с самой собой. — Нет, не могу. Не могу так с ним. Он мой». — И у неё даже

высохли навернувшиеся было слёзы.

Домой беременная женщина приехала вся загадочная и предвкушающая. Дорогой она думала, как преподнесёт Чарльзу эту радостную новость. А то, что для мужа её беременность будет новостью радостной, жена не сомневалась — Чарльзу уже всё-таки тридцать два, наверняка он уже готов стать отцом. Хотя... вот если положить руку на сердце, то она почему-то больше представляла Алекса — отца, нежели Чарльза. Вот как-то младший МакЛарен быстрее рисовался у неё в голове возящимся с малышом на ковре, гуляющим с коляской, кормящим из бутылочки. Чарльз в этих картинках как-то не прописывался. Ничего вразумительного по поводу своих ассоциаций сказать она не могла, поэтому просто объяснила их своим сильным чувством к молодому человеку, и всё.

Муж, как и договаривались, встретил её в Бирмингеме и, распаковав дома чемодан, Жак первым делом вручила ему бутылку «Vanff», на которую повесила маленькую открыточку с наклеенным в её разворот отрезком с двумя полосками.

— Оу, какая красота! — возрадовался мужчина бутылке янтарной жидкости, перебрасывая её из руки в руку. — Спасибо, детка, это очень хороший гостинец.

— Ты даже не представляешь, насколько, — заговорщически сказала «детка», смущенно бегая взглядом по комнате и теребя что-то первое попавшееся в руках.

— Да? — заинтригованно замер муж, — и что же еще такое? Ты выиграла эту бутылку в лотерею?

— Лучше!

— В карты?

Жаклин засмеялась

— Еще лучше!

— Ты купила завод по производству виски?

— Гораздо лучше!

— Детка, ты меня пугаешь. Ты...

— Посмотри открытку на бутылке.

Чарльза не нужно было просить дважды. Он развернул открытку, лицо его вытянулось, а потом сразу нахмурилось, он сдвинул брови.

— Не понял. Что это? Что это такое, а?

— Ты ни разу в жизни не видел тесты на беременность?

— Что? — муж сказал это коротко, как будто пискнул, но только басом.

— Я беременна, — подчеркнуто скромно сказала Жаклин и инстинктивно приготовилась отражать натиск объятий счастливого мужа.

Но Чарльз просто поставил бутылку на столик и замер.

— Что?

— Я беременна.

— Да? — он усиленно моргал.

— Да.

Оба молчали. Мужчина так и не зашевелился, а женщина продолжала что-то теребить. Потом она не выдержала:

— Ты так спрашиваешь, как будто этого не может быть. — Её уже всё это начинало слегка напрягать.

— Да нет, почему, может быть, конечно. Вернее, да — ты беременна, — мужчина зашевелился, оглядывая пол вокруг себя, и усмехнулся. — Вот так новость. — Он подошел к

дивану и плюхнулся на него.

— Ты, что, не рад? — Жаклин сделалось не до смеха.

— Да, нет, почему, рад, конечно. Иди сюда. — Мистер Рочестер протянул к ней руку и, когда жена подошла к нему, посадил её к себе на колени. — Подожди. Ты меня просто огорошила. Дай чуть привыкну к мысли. — Он смотрел на нее извиняющимся взглядом.

— Привыкай. Я подожду. — Беременная опять повеселела.

Муж смотрел на пол и что-то думал. Опять молчание.

— Это точно? — вскинул он голову.

— Девяносто восемь процентов.

— Угу... — пауза, — ну что же, беременна так беременна. — Он одной рукой хлопнул по своему бедру, другой — по бедру жены в жесте «ничего не поделаешь».

— Это всё? — Жак замерла в его руках.

— В смысле «всё»?

— У нас, у тебя будет ребёнок, твой ребёнок, а это всё, что ты хочешь сказать? «Беременна так беременна»? — Жаклин вырвалась и подскочила на ноги.

«Да что же это со мной такое? Одному я не нужна, другому — ребёнок не нужен!»

— Жаклин, детка, ну а что ты еще хочешь от меня услышать? Его же еще нет, ребёнка, он ведь не сегодня и не завтра появится. Вот появится, тогда я буду действительно рад. А пока... — Чарльз говорил с полным сознанием правоты в голосе. — Да и вообще, ты в курсе, сколько мне лет? Мне тридцать два года. Я уже не в том возрасте, когда мужчины скачут от радости при мысли об отцовстве. Такие, как я, сразу думают, как им придётся теперь менять квартиру, потому что нужна будет детская, изменить свои привычкам, которые формировались тридцать два года кряду, распределять траты, внимание и прочие важные мелочи. Я уже не питаю иллюзий по поводу отцовства. Я...

— Ну хватит! Довольно! — она бросилась к окну, просто чтобы быть подальше от него. Слезы не заставили себя ждать. Много слёз. Полные глаза.

Потом, почувствовав, что этого расстояния ей мало, рванула на второй этаж. Девушка очень надеялась, что Чарльз поймёт, как больно ей сделал, и бросится за ней вдогонку.

Но никто за ней не бросился. Ни сразу, ни потом. Она пролежала в кровати до темна с ощущением какого-то внутреннего астматического спазма. С ним и заснула.

А когда проснулась утром от звука захлопывающейся двери, видимо, Чарльз ушел или на работу, или в библиотеку, ей стало просто невыносимо больно. Остро. Боль была повсюду: в груди, в голове, в ногах, в руках, в глазах. Жак не знала, куда от неё деться, от этой боли — хоть на стену лезь. Но тут, к счастью, её отвлекли позывы к рвоте. Жаклин опять, как и в Глазго, стремглав бросилась в ванную, и, когда рвота успокоилась, из неё с такой силой начали рваться наружу рыдания, что она думала, что еще чуть-чуть — и её просто разорвёт изнутри, она лопнет, как воздушный шарик.

Девушка работала доктором и отлично знала, чем ей это грозит, но в ней в тот момент было столько боли и столько злости на... на всё: на свою жизнь; на то, что осталась рано без родителей; на то, что меняла школы как перчатки и везде ей приходилось вливаться в коллективы, приспосабливаться; что вместо весёлых подруг в детстве общалась со скучными археологами; что вышла замуж за такого же скучного, но удобного Чарльза, который оказался не очень удобен; за то, что лишена счастья разделить свою радость по поводу своего будущего материнства; что её угораздило так влюбиться в мальчишку, которому она нужна как прошлогодний снег; за то... да за всё.

Рыдала она долго, рыдания не сдерживала, давая себе волю.

«Могу я хоть в чем-то себе не отказывать? Хоть в слезах». Успокоившись, вытряхнув из себя всё, что имелось, что накипело, она впала в состояние, граничащее с анабиозом — даже если бы сейчас здесь оказался Александр или даже её покойные родители, вряд ли бы девушка смогла найти в себе должный отклик.

Она была пуста. Как вакуум. Как ноль. Ей всё равно. Но зато она успокоилась. Полностью.

Но оказалось уже поздно.

Последствия истерики не заставили себя ждать — вечером у неё заболел низ живота, и пошла кровь. А утром она села в поезд до Лондона и поехала к своему гинекологу доктору Абрамсону за приговором.

С Чарльзом Жак тогда долго не разговаривала. Наверное, дней десять. Естественно, при таких обстоятельствах они не поехали в Хелстон, к его маме, хоть миссис Рочестер и звонила еще раз, разговаривала даже с невесткой, и очень и очень приглашала. Потом еще их звали себе в гости на вечеринку Валентин Норман, коллега Чарльза, со своей женой Фридой по случаю помолвки их сына Марка. Чарльз позвонил Норману, извинился и сказал, что они с Жаклин не смогут прийти, не уточняя причины.

Помириться с женой каким-то особым способом он, кстати, тоже не пытался, хоть она и видела, что мужчина переживает. Его хватало только на что-то типа:

«Жаклин, прекрати заниматься ерундой!», «Не будь ребёнком», «Детка, ну ты сама подумай».

И «детка» думала.

Она очень много думала. Да она тогда, по сути, только этим и занималась.

Первое, что поняла Жак — что уже не будет прежней. Она повзрослела. Стала злее.

Второе — что разводиться с Чарльзом тоже не будет. Она его, конечно же, не простила, да он и не просил её об этом, но, хорошенько подумав, поняла, что не имеет полного права всю вину взваливать только на него. Она тоже не очень горела желанием иметь от него ребёнка. Да она вообще еще не горела таким желанием, так по какому же праву требовала этого от него?

Всё так остро почувствовалось ею еще и из-за влюблённости в этого прекрасного мальчика, в Александра, и из-за его равнодушия к ней. Влюблённая до сих пор нестерпимо скучала по своему любимому глазговцу и рвалась к нему всем сердцем — именно после встречи с Алексом она захотела ребёнка, пусть и только от него. Именно эта встреча разбудила в ней женщину — будущую мать, чего не смогли сделать два года совместной жизни с мужем.

Поэтому, вспоминая реакцию Чарльза, и хорошенько подумав, Жаклин узнала в нём саму себя до этой поездки в Глазго — человека, которому не дано обрадоваться своему будущему дитю, потому что он не только твой, но еще и того, в кого ты даже не влюблён.

Но.

Подумав дальше, девушка поняла, что даже не будучи влюблёнными друг в друга, как она — в Александр, они с Чарльзом довольно неплохо прожили два года. Такую любовь, как к этому юноше, она вряд ли уже испытает, да если такое и случится, то не факт, что история не повторится, и её чувства разделят. Поэтому она решила не рушить свою семью и не ждать теперь слишком многого от своего мужа. Не выискивать в нём доказательства той любви к себе, которую сама к нему не испытывает, и не давить на него, а довольствоваться его

добротой к ней и их партнёрскими отношениями. И всё.

После выкидыша она опять стала принимать противозачаточные таблетки. И даже учитывая, что сексуальных контактов у неё с мужем пока не было, Жаклин не считала свои действия напрасными. К тому же её во всём этом поддерживал доктор Абрамсон, который настоятельно рекомендовал ей полностью восстановиться и физически, и, главное, морально, а потом уже продолжать половую жизнь. Так она мужу и сказала. И тот согласился.

Жаклин наблюдалась у гинеколога в Лондоне, потому как не хотела этого делать в своей больнице, где работала, даже учитывая врачебную этику. Да и к тому же у неё сложились очень хорошие, приятные отношения со старым гинекологом из пятнадцатого госпиталя в Челси, недалеко от её квартиры, доктором Адамом Абрамсоном, к которому она как-то обратилась с болями, ещё будучи студенткой. Мистер Абрамсон был уже в годах, но всё шутил своей пациентке, что пойдёт на пенсию только после того, как она родит ребёнка, и он на пенсии будет нянчить её малыша.

От гинеколога она сейчас и ехала в поезде «Лондон — Оксфорд» с очередного приёма, и думала-думала-думала.

И думала она над третьим — Александр.

Глава 7 Медосмотр

Глава 7

Медосмотр.

«Хоть он глядел нельзя прилежней
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести...»

А.С.Пушкин

Так прошел сентябрь. Пришла пора занятий в Университете.

Вообще-то, новый учебный год в Оксфорде для города и его жителей приходит не очень заметно и помпезно: учеников в Университете хватает и летом. Студенты магистратуры сидят в библиотеках, ходят на консультации, иностранцы занимаются языками, абитуриенты с отвисшими челюстями и глазами навывкате от увиденного шныряют туда-сюда между колледжами и тыкаются во все входы и выходы, как слепые котята, непонятно из каких принципов и соображений из года в год упорно игнорируя многочисленные указатели расположения объектов в кампусах.

Поэтому октябрь пришел буднично, незаметно, скромно, тихим обычным осенним утром. Даже без дождя и ветра. Просто тепло, пасмурно и тихо.

«Он в городе, — только лишь открыв однажды утром глаза, подумала Жаклин. — Он здесь. Я знаю, что он уже здесь. Я это чувствую».

После того, как девушка расставила все точки и акценты в отношениях с Чарльзом и начала понемногу привыкать жить на новый лад, она еще больше затосковала по Алексу.

Жак не питала никаких иллюзий и даже надежд по поводу этого молодого красивого шотландца — он абсолютно ровно и равнодушно простился с ней в Глазго, взял номер телефона, но еще ни разу не позвонил. И как бы ей ни хотелось хоть капли взаимности, Жаклин успокоилась и смирилась. Она поняла, что её удел — довольствование тем, что он здесь, с ней в одном городе, что в лучшем случае иногда посчастливится услышать его голос по телефону и, может быть, даже сможет один раз затащить его к ним с Чарльзом в гости. На большее рассчитывать не приходилось.

Но как бы там ни было, её тянуло к этому мальчику какой-то космической силой притяжения. Он просто-таки держал её на своей орбите, руководил ею и, судя по всему, даже и не думал отпускать. Просыпаясь или засыпая, она думала, проснулся ли или уже спит её Александр? Она сверяла с ним свои поступки: думая, понравилось бы ему вот это или вот то-то или нет, и что бы он сказал вот об этом или вот о том-то? Часто вспоминала их «ту самую» среду, смаковала свои воспоминания и наслаждалась ими, даже если они и причиняли боль.

Для Жак это являлось странным, но с течением времени о плохом думать как-то не хотелось. Девушка всё больше вспоминала хорошее: то, как он рассказывал о своей мечте жить в Нью-Йорке; как после её слезливых воспоминаний о шоколадной тувельке, предложил выбрать торт; как её руку накрыл своей. Жаклин несколько раз видела Александр во сне, но увиденное её не впечатлило — предметы и люди расплывались, чувствовалась только энергетика любимого молодого человека.

Иногда, устав от постоянной тоски по возлюбленному, Жак пыталась найти, нащупать в себе силы, чтобы начинать его забывать. И не находила. И смирялась в очередной раз.

Видя грустное, меланхоличное настроение жены и резонно объясняя его тем, что психика женщины никак не может выровняться после выкидыша, Чарльз пробовал её как-то отвлечь. Он стал принимать приглашения в гости от своих друзей. Они два раза ходили на уикенд к его лучшему другу Айвору Олдансену с его женой Кайрой. Там всегда собиралось не так уж много народу, поэтому Жаклин не удавалось затеряться в толпе и отмалчиваться, приходилось принимать участие в беседах. И она это делала, хоть и без особого энтузиазма. Девушка и разговаривала, и молчала с одинаковым успехом и выражением лица. Видя, что эти вечеринки на жену большого терапевтического эффекта не возымели, мистер Рочестер попробовал отвлечь Жак с помощью её знакомых, и они сходили на званый ужин к Сесилии. Здесь Жаклин чувствовала себя куда лучше и свободней, но ненадолго и очень недолго.

Убедившись, что общение с людьми супруге помогает слабо, муж решил взять в помощь братьев наших меньших и подарил ей щенка.

Это была девочка фараоновой собаки, четырёх месяцев отроду, с родословной, прививками и щенячьим взглядом голубеньких глазок. У неё имелись все признаки породы: нежная короткая шерстка, пока еще светло-рыже-каштанового цвета, с белой отметиной на грудке, и узнаваемые фирменные ушки. Хозяйка назвала девочку Суламита, или просто Сула.

Девочка была очень трогательная, непосредственная и абсолютно беспомощная. Особенно много хлопот ей доставляли собственные уши, которые, кажется, жили собственной жизнью и, как следствие, не всегда слушались хозяйку — иногда, когда щенок спал, они торчали стоймя, улавливая для него кучу всяких отвлекающих от сна звуков, и, наоборот, когда Сула, бодрствуя, пыталась наострить ушки и прислушаться к подозрительным, с её точки зрения, шорохам, противные уши бастовали и наострялись отказывались категорически.

Сула стала для Жак, как для настоящей англичанки, нескончаемым источником привязанности, умиления и бурной деятельности. Девушка с удовольствием ухаживала за ней, играла, тискала, воспитывала, хоть и, понятное дело, иногда уставала. Но самым главным, в конечном итоге, явилось то, что всё это, непонятно почему, не только не притупило тоску по Алексу, а наоборот, обострило — теперь ей хотелось поделиться своими впечатлениями от своей обаятельной питомицы ещё и с ним, ведь все хозяева, а тем более англичане, души не чают в своих красавцах и красавицах и могут рассказывать о них часами.

Жаклин очень хотела видеть Александра. Она соскучилась просто безумно. А поскольку ждать, когда он, здесь, в Оксфорде, соизволит продолжить с ней знакомство и позвонит ей, у неё не хватало выдержки, влюблённая начинала выискивать пути и способы, которыми бы могла с ним встретиться. Разумеется, не навязываясь.

Для начала вспомнила, что тогда, за чаем, там, у дядюшки в Глазго, Алиса как-то обмолвилась, что Александр играл в футбольной команде Университета Глазго и собирается подавать заявку на место в команде Магдален колледжа. Доктор Рочестер еще тогда сразу же подумала, что все студенты-первокурсники, и не только, претендующие на места в спортивных командах Университета, обязаны пройти медкомиссию с началом учебного года. Она вспомнила, как в октябре коридоры их диагностического отделения на первом этаже южного крыла заполняются шумными компаниями студентов, мальчиков и девочек, толпящихся перед кабинетами с аппаратурой.

Это был шанс. Не стопроцентный, но шанс.

И Жак начала действовать.

На репшене у дежурившей там медсестры по имени Мэрил, которую даже немного

знала, Жак попросила расписание медосмотра студентов-спортсменов, чтобы не направлять больных из приёмного покоя в эти дни на первый этаж, а обследовать их в других отделениях. Мэрил подала ей подшивку с файлами, предварительно открыв её в нужном месте. Жак посмотрела сводную таблицу сроков и быстро выискала в списке колледж Св. Магдалены — студенты этого учебного заведения будут обслуживаться три дня подряд, начиная с шестого октября. Поблагодарив Мэрил, Жаклин ушла действовать дальше.

«Во-первых, я должна работать в дневную смену, а не дежурить сутки — с дежурства мне на первый этаж не попасть никак. Нужно поменяться как-нибудь, — планировала Жак, направляясь к себе в ординаторскую. — Во-вторых, я должна хорошо выспаться, вымыть голову и иметь чистую форму. В-третьих, необходимо назначить побольше обследований на первом этаже, чтобы было больше поводов туда наведываться. Пока всё, а там посмотрим».

Так она и сделала.

Девушке повезло в том, что ей не пришлось искать подмену — её саму попросили поменяться. Кевину Киннету, врачу из приёмного покоя, понадобилось несколько отгулов. Мужчина опрашивал всех подряд, кто бы смог с ним поменяться сменами, чем Жак и воспользовалась. Они договорились о трёх днях подмены — больше было запрещено правилами. И еще у неё имелись свои две восьмичасовые смены в запасе. Таким образом, оказалась почти целая неделя работы в больнице по восемь часов.

На шестое октября — начало обслуживания Магдален колледжа, доктор Рочестер назначила обследования трём своим пациентам: одной пожилой леди с подозрением на атеросклеротическую гипертензию, молодому парню с миозитом спины и молодой девушке с гидронефрозом почек после родов.

Пятого числа она прошла в химлабораторию, якобы из-за срочности результатов анализа желудочных выделений у одного из её пациентов, и, словно нечаянно, просыпала там себе на больничную форму цвета морской волны порошок метилового оранжевого, разговаривая с лаборантом и бесцельно перебирая химпрепараты. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что просыпала она не так уж и нечаянно — её уже начинало слегка потряхивать от завтрашней возможной встречи с любимым человеком.

Жак собиралась испортить свой костюм порошком фенолфталеина — его более широко применяют при химическом анализе — однако подвернувшийся под руку метиловый оранжевый тоже легко справился с задачей.

Потом точно так же, долго не думая, рванула в хозяйственную часть за чистым костюмом. И ей его выдали без проблем — пятно было получено в процессе и в результате непосредственной трудовой деятельности, а не кетчупом брызнули в Макдональдсе, так что... Переодеваться тут же девушка не стала, как сделала бы это в любом другом случае, а договорилась с собой надеть обновку в первый раз завтра утром.

Вечером, сидя с Чарльзом перед телевизором, Жаклин, играя руками с Сулой, которая пыталась отгрызть хозяйке хотя бы пару пальцев, размышляла только об одном — краситься завтра на работу или нет? Имелись аргументы как «за», так и «против». Она вообще никогда не пользовалась косметикой, и поэтому, если её на работе увидят с ресницами а-ля Пэрис Хилтон, вопросов и расспросов не миновать. Но, может, это тот самый случай, когда можно и потерпеть? Так и заснула, как ни странно, весьма быстро, ничего окончательно не решив.

Проснулась Жак тоже быстро, часов в пять утра. Это было очень рано, но, поскольку её всю била мелкая дрожь и глаза горели блеском а-ля ЛСД, о продолжении сна мечтать не приходилось.

Ничего не оставалось делать, как пойти выгулять собаку. Щенок пока еще бегал очень неуклюже и медленно, мог не дойти до предназначенного места, не сдержаться и сделать лужу где-нибудь на пути, поэтому предусмотрительная, дисциплинированная хозяйка всегда носила с собой перчатки и впитывающие салфетки. Когда они заходили в скверик, Сула, отпущенная с поводка, забывала про все на свете, включая свою хозяйку, и пускалась знакомиться со сложным возбуждающим букетом запахов — от земляных испарений до крема для обуви. Зачем ей это было нужно, она не знала. Так... на всякий случай... вдруг пригодится. Жаклин смотрела на маленького неуклюжего щенка, с самым деловым видом изучающего окружающий мир вместе с его стоящими и не заслуживающими внимания предметами и моментами, и расслаблялась, и ни о чем не думала.

Душ продолжил дело, начатое Сулой, и немного успокоил и ободрил. Чистая голова прибавила уверенности и приподняла настроение. Только вот воспользоваться косметикой Жак не довелось. Гуляя с собакой, она заметила надвигающиеся со стороны Хэдингтона тучи, подгоняемые многообещающим свежим ветерком. И её наихудшие опасения подтвердились. Зайдя после ванной в кухню выпить чаю, она была встречена звуком барабанищего по стеклу дождя. Подойдя к окну, девушка смогла в полной мере насладиться милейшим видом дуэта из дождя и ветра. Эти две стихии не то сливались в каком-то сексуальном экстазе, не то танцевали друг с другом какой-то танец, типа сальсы, не то понтовались друг перед другом своей безудержной силой. Девушка от всего сердца надеялась, что такая непогода — это хороший знак.

Придя на работу и переодевшись, доктор Рочестер для начала позвонила в травматологию и терапию, узнать, как у них там дела с приёмом и местами. Потом приняла двух пациентов, и, воспользовавшись небольшой передышкой, схватила свой планшет с файлами и побежала на первый этаж в диагностику.

Коридор был почти пуст, и она увидела ЕГО сразу. И, конечно же, моментально узнала.

Глава 8

Режим «авиа».

Первым же желанием Жак было развернуться на сто восемьдесят градусов и рвануть назад, к себе, в ординаторскую, и побыстрее, и спрятаться там.

«Я боюсь». — Она ждала этой встречи полтора месяца, собиралась на неё две недели и оказалась совершенно не готова.

Но было поздно — время резких телодвижений прошло. Мгновенно это уясним, Жаклин пересилила себя и сделала вдох.

Ей тут же захотелось ускорить шаг, а потом перейти на бег и с разбега наброситься на этого сладкого, такого желанного засранца и повалить его на пол, и почувствовать...

«Спокойно, Жак! Без фанатизма!»

Их оказалось четверо. Они сидели под кабинетом респираторной механики. Вернее, сидели на скамье только трое с Александром по центру, а один стоял рядом.

Алекс доктора Рочестер не видел, поскольку углубился в изучение листка в его руках, видимо, медицинскими данными.

Жаклин, же приближаясь и стараясь передвигаться как можно незаметней, вцепилась в парня глазами мёртвой хваткой питбуля.

Он был и всё тем же, и уже будто другим. Немножко... самую малость.

Приблизившись, девушка уже справилась с собой и приготовилась разыграть всё так, как планировала.

— Алекс? — Обратилась она к нему интонациями встречи с Елизаветой II.

Парень резко поднял голову, и «тюльпаны» тут же раскрылись, не зная удержу.

«Мда-а-а... — Жаклин мысленно сделала жест «рука-лицо», как только получила первую мгновенную порцию любования этим произведением природы. — Боже всемилостивый, какой же он... красивущий! Господи, дай мне силы! — вспомнив, что надо дышать, она вдохнула и уже спокойней продолжила: — Ну, здравствуйте, мои старые добрые распахнутые «тюльпаны».

При этом влюблённая изо всех сил старалась «тушить» свои глаза, чтобы они не выдали её с потрохами, и молилась, что вспомнила об этом вовремя.

Не вышло. Александр всё заметил. Опыт. Он либо есть, либо его нет.

«Ну-ну, — мысленно усмехнулся юноша, увидев, как вспыхнули глаза девушки при взгляде на него, — что на этот раз?» — Но здесь он уже оказался не на своей территории, тут он в гостях, и правил балом не он, поэтому шотландец расслабился и поплыл по течению.

— Жаклин? Что ты здесь делаешь? — выпалил он, вскочил со скамьи, и тут же запнулся на полуслове.

Через мгновение они оба рассмеялись.

«Пусть порадуется, что ей удалось застать меня врасплох», — подумал Алекс.

— Ах, да, извини, ты же здесь работаешь, я совсем забыл. Привет. Как дела? — он смущенно свернул свой листок в трубочку.

— Ты меня раскусил, Алекс. Привет. Я в порядке. А ты как? — Жаклин вспомнила все тренировки общения с дядюшкиными коллегами в детстве и великосветский тон.

— Я нормально, — отдежурил своё фразой Александр.

— Пойдём-ка, отойдём в сторонку, — врач показала на «карман» в коридоре.

Парни, с которыми сидел Алекс, пооткрывали было рты и уставились на парочку, но, поняв, что это просто встретились двое знакомых, быстро потеряли к ним интерес. К тому же, оксфордские студенты — воспитанные мальчики, и не суют свой нос в чужие случайные встречи.

«Она сильно похудела, — думал МакЛарен-младший, следуя за девушкой, — вообще одна кожа да кости. Костюмчик вон... пустой прям».

— Ну, — разворачиваясь и прислоняясь к подоконнику «карманного» окна, Жаклин вскинула подбородок, — а что ты здесь делаешь? Я надеюсь, ты здоров?

«И вообще, она какая-то другая», — продолжил студент.

— Я тоже надеюсь, — он улыбнулся. — Прохожу медкомиссию для зачисления в футбольную команду колледжа. Ты, наверное, должна знать, что так положено.

— Да-да, конечно, я знаю, но я не думала, что ты у нас такой футболист. — Жаклин открыто прошлась глазами по парню от макушки до носков кроссовок. — Как-нибудь обязательно приду за тебя поболеть. Ты давно приехал из дому? Как там Глазго, как Дженни, как Алиса?

«Да это вообще не та англичаночка, которая была там, дома», — успел огорчиться паренёк.

— Да-а-а-а... нормально, — он засунул руки в задние карманы джинсов и перекатился с пятки на носок. — Мать работает, Дженни учится, они передавали тебе привет — я попозже собирался тебе позвонить.

«Как же! Дождёшься тебя!» — улыбнулась Жак.

«Твою мать! Что я тут стою перед ней как пацан, бубню что-то. А она вон какая здесь, оказывается: вся из себя деловая, важная, при форме», — продолжил Александр, чувствуя поднимающуюся не пойми почему и откуда волну радости, и на автомате облизнул губы.

Увидев это, Жаклин просто мысленно сделала рукой «Yes!» и поняла, что её расчёт на то, что перед её любимым появится уже не гостья-сиротка из Оксфорда, а женщина-врач, компетентный профессионал при исполнении, в форме и с документами в руках, оказался верным, и что это работает, черт возьми — парень явно под впечатлением.

Что же касается её настроения и энергетики, в которые она старательно кутала себя возле этого красавца, то это было настроение женщины, которая, полюбив, попыталась добиться взаимных чувств, но, получив в ответ только «холод» и «дистанцию», свернула свои «хотелки» в узелок, добавив туда немного гордости и самодостаточности, и теперь будет из этого узелка потчевать этого мужчину его же продуктом столько, сколько мужчина сможет унести.

И всё это должно строиться на фундаменте боли и отчаяния с её стороны.

«А уж чего-чего, а боли и отчаяния у меня по горло».

Если это не сработает, Жаклин готова опять смириться.

— Спасибо. — Врач не сводила глаз с любимого лица и с трудом контролировала себя и ситуацию. — Я уже опять начинаю собираться в гости к дядюшке. Когда поеду, обязательно повидаюсь с ними — они очень хорошие.

— Ты собираешься в Глазго?

— Я всегда собираюсь в Глазго, — девушка смущенно-самокритично улыбнулась. — Собираюсь- собираюсь, — она засмеялась, — а потом еду. Но я думаю на каникулах

дядюшку всё-таки навестить.

И это была чистейшая правда — она действительно собиралась на рождественские каникулы в Глазго, ибо полагала, что Алекс тоже на Рождество поедет домой.

И её расчет в очередной раз оказался верным.

— Да, я тоже на каникулах собираюсь домой если справлюсь с учебой, — юноша всё никак не мог перетянуть на себя выгодность своих эмоциональных позиций в разговоре, они так и продолжали общаться на манер учительница — ученик. Но он видел, чувствовал, улавливал, что всё еще нравится этой девушке.

— Кстати, как твоя уч... — хотела было спросить «учительница», но тут зазвонил телефон у одного из парней, оставшихся на скамье перед кабинетом. Парень совершенно свободно достал аппарат и собрался ответить на звонок.

Услышав рингтон, доктор Рочестер выглянула из-за своего визави, отгораживающего её от парней, и, в мгновение ока превратившись от картинки в маленькую, злую и взрывоопасную, как триста тонн тротила, ведьмочку, взрослым, строгим, непререкаемым тоном, отчеканила каждое слово:

— Молодой человек, Вы должны немедленно отключить свой телефон. Разве не заметили запрещающий знак при входе? Здесь стоит сложная, чувствительная аппаратура. Волны связи могут помешать её работе и исказить показания. Здесь как в самолёте. Если в Вашем аппарате имеется режим «авиа», активируйте его, будьте так любезны, если же, нет, то отключите его полностью. Поверьте, это в Ваших же интересах.

Огорошенный паренёк быстро нажал на экран, и ей телефон, пискнув, отключился.

Но врач уже переключилась на остальных двух потенциальных спортсменов и начала буравить взглядом соседей парня, отмерив им по сто пятьдесят тонн взрывчатки каждому. Те молча смотрели на девушку, как бандерлоги на мудрого Каа.

— Это всех касается. — Жаклин и не думала отступать.

Парни потянулись к своим карманам. Когда их аппараты тоже перестали подавать признаки жизни, доктор Рочестер сменила гнев на милость.

— Большое спасибо, — поблагодарила она и опять спряталась за своего визави.

Александр стоял так, как будто это его самого только что отключили.

«Ого! Вот это да! Вот это моя девочка! Фак!» — Он так увлёкся эмоциями и прогнозами, что не сразу осознал — его тоже буравят взглядом.

После того как на его лице отразилось понимание, что «его это тоже касается», он сощурил свои «тюльпаны», иронично улыбнулся кривоватой улыбкой и поднял руки в жесте «сдаюсь». После того как Жаклин оценила этот жест и отзеркалила выражение его лица, он, не опуская одну руку, другой потянулся в карман джинсов и двумя пальчиками, как пистолет при обыске, вынул свой айфон. Потом так же, всё ещё одной рукой, слегка подбросил мобильник и, взяв его поудобней, нажал на экран. Аппарат вякнул, как в последний раз, и потух.

Владелец так же осторожно засунул свой аппарат двумя пальцами обратно в карман и вновь поднял руку.

«Вот бы обыскать его, — Жаклин сглотнула при виде всей этой эквилибристики. — Пройтись ладонями по этому телу, ощутить стройность юности, твердость и идеальность мускулов, теплоту кожи под рубашкой. Засунуть руки в задние карманы его джинсов. Потом вынуть и подняться ладонями вверх по спине, прижавшись к нему, такому любимому и желанному мальчику, положив голову на грудь... Жаклин, остынь!»

— Вольно! — скомандовала доктор Рочестер, после того как Алекс опустил руки, с улыбкой посмотрела жонглёру в глаза, которые в начале этого действия «лепетали» что-то в притворном страхе на манер «Ой-ой-ой, боюсь-боюсь-боюсь», но в конце его, уже совершенно не скрываясь, отбросив все барьеры и недомолвки, открытым текстом трубили, что игры кончились, и теперь будет всё по-взрослому.

Мечтая об этом столько времени и желая этого так сильно, счастливица к своему счастью оказалась совершенно не готова. В следующую же секунду она застыла от удивления и не могла пошевелиться и дышать. Она опасалась, и поверить той откровенности и однозначности взгляда, которым Александр сейчас гипнотизировал её глаза, и одновременно боялась резким движением спугнуть этот момент.

Но, к счастью, счастье оказалось не из пугливых. Оно не убежало, роняя тапки, даже когда девушка моргнула и сделала вдох.

Ни Жаклин, ни Алекс, не поняли, сколько они так простояли — никто не нарушал этот их момент, а сами они к этому не стремились.

Наконец, это неосознанно сделала женщина — поддавшись напору энергетики желания её спарринг-партнёра по гляделкам, она не выдержала и, смутившись, закусилла нижнюю губку. «Тюльпаны» тут же отреагировали на движение и метнулись к её губам. Зрительный контакт был утерян, волшебство рассеялось, и парочка отмерла. Александр начал топтаться с ноги на ногу от щекотливости момента, а Жаклин забегала глазами по сторонам в поисках подходящей фразы для сглаживания неловкости.

Пока она находилась в поисках, парень опять замер. Вскинув на него взгляд, Жаклин увидела, что он улыбается.

— А у тебя у самой мобильник отключен?

Доктор Рочестер моментально сменила настрой:

— Я его сюда вообще никогда не беру. — Девушка еле удержалась, чтобы не показать язык. — И можешь быть уверен, вход с включенными телефонами в диагностическое отделение запрещен всем — от пожарника до Премьер Министра. Спасибо, кстати, что прислушался и отключил. Хороший мальчик. Это обязательно будет отмечено в твоём досье.

— Где-где? — «хороший мальчик» моментально сдвинул брови и сделал полшага вперёд.

— Где слышал. В твоём досье. — Жаклин выставила указательный пальчик перед собой и упёрлась им Алексу аккурат в солнечное сплетение, притворно серьёзно поглядывая на него из-под невидимых очков. — В Глазго меня Алиса попросила завести на тебя в Оксфорде досье и записывать там свои наблюдения за тобой, вплоть до вклеивания фотографий всех твоих девушек. А потом привозить всё это ей на визирование.

Выражение любимого лица отправило Жаклин прямым в nirvanу — оно было таким, как будто Александр боролся между желаниями выкинуть её в окно или жениться на ней.

— Тогда можешь смело вклеивать туда... — начал было Алекс.

— Жаклин! — раздался голос с угла «кармана» коридора.

Это был Тони Лэнсон. Именно к нему, на кардиограмму, Жак направила сегодня пожилую леди — свою пациентку.

— Да, Тони, я здесь. Ты меня ищешь? — доктор Рочестер сделала несколько шагов навстречу коллеге.

— Да. Ищу, — подошел тот к парочке. — Твоя миссис Янг уже у меня. И мы с ней ждём тебя.

— Уже иду. — Девушка повернулась к своему собеседнику. — Алекс, рада была повидаться. Желаю тебе попасть в сборную Университета, и не забудь включить телефон при выходе. Пока. — Она в прощальном жесте взяла его за руку чуть повыше запястья и вспомнила свой книксен в Глазго.

— Спасибо. Я позвоню. Пока, — ответил парень самым красивым официальным тоном за всю историю красивых официальных тонов, слегка кивнув.

Когда Жаклин направилась направо по коридору вместе с Тони, тот, следуя чуть позади неё, как бы подталкивая её сзади, положил ей обе руки на талию.

«Тюльпаны», смотревшие им вслед, тут же окрасились в свой традиционный красный цвет, налившись кровью.

«Забрать бы её к себе в Глазго, да спрятать там. Да взорвать бы весь этот городишко с его Универсом, её мужем, да вот этим «крабом» с его клешнями».

Не успел Александр помечтать, как ему чуть-чуть помогли — дверь кабинета респираторной механики отворилась, оттуда вышел парень и направился из коридора, а следом показалась медсестра.

— Александр МакЛарен, — громко объявила она.

— Иду, — парень быстро направился в кабинет.

— Так твоя фамилия МакЛарен? — Жаклин остановилась и оглянулась, высвобождаясь из рук Тони, который тоже остановился чуть поодаль.

— Да, — вскинул бровь парень, тоже останавливаясь. — А что?

— Ничего. Просто так. — Девушка смотрела на Алекса как впервые видела. — Ничего, — повторила она, улыбнувшись. — Иди. Тебя ждут. — И не дожидаясь ответа, направилась в сопровождении коллеги дальше работать.

Глава 9. Препродакшн.

«Ради достижения общей цели мы можем пожертвовать многими, очень многими».

В.И. Ленин.

После того, как Алекс прошел в кабинет респираторной механики, последний раз взглянув вслед Жаклин, она ни на минуту не покидала его мысли. Проходил час за часом этого дня, а ничего не менялось. Кроме самих мыслей.

Вообще-то, он вспоминал её еще в Глазго. Пару раз. Когда в сентябре летал в гости к Кирку в Лондон подумал, что вот, мол, он сейчас в Лондоне, а где-то рядом, в Оксфорде, сейчас эта «профессорша». И всё. В его воспоминаниях девушка оставалась «очередной», попавшейся на его внешность и обаяние. Эдакая глупая умница или умная глупышка — от перестановки слагаемых диагноз не меняется. О том, что сам чуть не «встрял», он предпочитал не вспоминать, искренне относя этот неприятный инцидент к разряду банальных недоразумений.

Когда студент прибыл в Оксфорд, то действительно собирался ей позвонить. Потом. Когда оказался готов. Готов к чему, он не знал. Просто готов и всё.

И Жак, действительно, застала его врасплох, там, перед кабинетом, за что Алекс её поблагодарил и не раз — ему есть чем и объяснить, и оправдать свой «прогиб» под эту «кису». Замужнюю «кису», надо не забывать об этом.

Чем дальше по времени, вдоль этого дня, отдалялась их случайная встреча в больнице, тем всё меньше и меньше оставалось в Александре тех чувств, которые просто-таки поднялись откуда-то с самого дна его нутра, в присутствии этой девицы, отбирая себе все силы у всех его внутренних органов и чувств во главе с головным мозгом. А потом — вот, целый день укладывались обратно.

Этим же вечером он сидел у себя в комнате в общежитии, выискивал примеры научно — технического сотрудничества по экономическому праву, уплетал купленный в «Pret A Manger» ужин и думал.

Думал и вырослел.

«Второй раз — это уже почти система». — Настроение у красавца было ни к черту.

Он опять был собой полностью недоволен и категорически не согласен со всем тем, что делал там, у окна. Все эти воспоминания вызывали в нём внутренний протест и, самое ужасное — стыд. Сравнимый разве что только с теми протестом и стыдом, которые он прочувствовал два года назад, когда их, на пару с его товарищем и собутыльником Китом, выдворили из паба, после того как они, набравшись наглости, заявили туда впервые в шестнадцать лет, хоть и выглядели оба чуть старше Питера Пена в его лучшие годы.

Конечно, Жак не смогла обмануть Алекса и на этот раз — она всё так же, всеми своими «антенками», настроена на него, всё так же ловит малейшие его интонации, мимику, и в лучших своих традициях хозяйку выдавали глаза, когда её искренность брала верх над её осторожностью.

Жаклин моментально возникла у него перед глазами. Такой, какая стояла там, у окна.

«Она стала такая... такая классная. Да. И как она — сначала была похожа на ведьму, а потом, почти сразу — нормальная. И обе — мои».

Очнувшись, парень с силой бросил карандаш на стол, и тот, отскочив от стола, полетел

куда-то в угол. — Твою мать! Ведьма! — Алекс уронил руки на стол. — Эта английская ведьма совсем меня испортила! — ему было очень досадно. — Аа-а-а... послать её! В бесконечность и навечно! Выпилить её номер из списка и пусть себе живёт дальше. Пока там мать очнётся и начнёт меня сводить с кем-то ещё, я уже закончу этот Универ. — Но тут его охватило чувство дежа вю. — Кажется, я это уже говорил... или собирался. — Он скептически закусил губу. — Да и вообще, это бегство. Да. Бегство. А значит, англичаночка победила. — Поняв, что совершенно против этого не возражает, Александр встрепенулся. — Не-е-е-ет, её нужно уничто-о-о-ожить... в моей голове, конечно. — Ощущение того, что девушка сидит у него уже не в голове, вернее, не только там, им упорно игнорировалось. — Иначе я так и буду... бегать... от себя. — Юноша консолидировал свои, довольно неплохие мозги, в борьбе со злом. Потом его осенило, и он засмеялся: — В костёр её! И проблем никаких! Ведьмам там самое место! — парень вздохнул, поигрывая в руках упаковкой жевательной резинки «Орбит». — Мда-а-а-а... жаль, что костры вышли из моды. Ну и хрен с ними. Я и без костров обойдусь. Что-нибудь придумаю». — И он отправил в рот сразу две подушечки «Орбит». Естественно, без сахара.

А Жаклин в это время летала на седьмом небе от счастья. Весь оставшийся день, шестое октября, она являлась обыкновенной счастливой девушкой двадцати шести лет от роду. Да и потом некоторое время вела себя соответствующе — любила весь белый свет, чаще шутила, смеялась, дома при любом удобном моменте душила Сулу в объятьях, излучала лёгкость и позитив. Чарльз уже начал надеяться, что его жена наконец-то оправилась от потери ребёнка и попробовал приблизиться к ней с нежностями и прелюдиями, но та мягко отстранилась, а потом, через пару дней, и вовсе замкнулась в себе опять.

Александр не звонил.

Он обещал, но и только. Жак верила ему и предположила, что юноша позвонит хотя бы через день. Но не дождалась звонка даже через двое суток два — ночи включительно. Влюблённая грустнела с каждым часом. И даже Сула здесь оказалась бессильна.

Прошла неделя и один день. Одна бесконечная неделя. И один бесконечный день.

Вообще то, обычно, когда звонит телефон, Жаклин всегда смотрела, от кого звонок и иногда не брала трубку — такую привычку она приобрела, начав работать — звонки иногда мешают, а случайные так и вовсе просто «убивают». Но когда ты каждый раз смотришь, кто звонит, и каждый раз надеешься, что это тот, кто тебе нужен, и постоянно ошибаешься, тебе это надоедает.

Надоело и Жаклин.

Она сидела у себя в ординаторской за компьютером и заполняла электронные карточки. Когда заиграл её рингтон, она, не отрывая глаз от строчек на экране, взяла аппарат в руку и, нажав на кнопку, засунула его между плечом и ухом.

— «Алло».

— Алло. Привет, Жаклин, это Александр.

Плечо дернулось, телефон полетел на пол, доктор Рочестер тут же вскочила и полезла следом за ним.

Она прислонила аппарат к уху еще под столом. Так и выбиралась оттуда.

— ... Жак! Алло! Алло!

— Да-да, алло. — Девушка усаживалась на стул, поправляя волосы.

— С тобой всё в порядке? Ты где сейчас? — в голосе парня слышалась нешуточная тревога.

— Да-да, Алекс, всё в порядке. Телефон выскользнул из рук. Извини. — В ординаторской она сейчас была одна. «Господи, где я? Кто я? Что со мной?» — Эм-м-м... я на работе.

— Можешь говорить? — Не услышать в голосе юноши теперь уже улыбку можно было только при либо очень слабом слухе, либо очень сильном желании.

— Да-да, могу. Слушаю тебя.

— Привет еще раз, как у тебя дела?

— Привет. Я нормально, а ты как? Как на новом месте? Как учеба? — Жаклин с перепугу неумело пыталась взять разговор в оборот, хоть и позвонил первый Алекс.

— Всё отлично. Я доволен. Мне нравится. Правда нравится. Но звоню я по другому поводу.

— Да-да... говори.

— Кажется, я тебе говорил, что у меня в октябре, двадцать первого числа, день рождения? Ну, если не говорил, то вот сейчас сообщаю, что у меня через неделю днюха.

— Да-да, говорил. Поздравляю тебя, Александр. Желаю отлично повеселиться.

— Я как раз об этом.

— О чём? — «Господи, что я несу. Меньше слов, Жаклин, меньше глупостей!»

— Насчет повеселиться.

— А...

— Я тебя приглашаю.

«Аа-а-а-а-а! Черт возьми, да!» — Жаклин захотелось закрыть рукой микрофон телефона, подпрыгнуть до потолка и хорошенько обдать стены этой комнаты добротным девичьим визгом.

Её слегка отрезвила открывшая дверь в ординаторскую и вошедшая Рэйчел Бейзил — одна из штатных терапевтов. В принципе, выражение лица, с которым эта Рэйчел почти не расставалась, могло отрезвить кого угодно. Да хоть полстадиона болельщиков «Arsenal» после гола этой команды в ворота «Liverpool».

Жаклин пришлось выйти из ординаторской в коридор. Она прошла до его конца и встала у торцового окна.

— Я хочу всё это хорошенько отпраздновать и приглашаю тебя на мой праздник, — между тем продолжил парень. — Пабы и пиво мне еще в Глазго надоели, я хочу ночной клуб. Короче, двадцать первое — это пятница. Так вот, как раз в пятницу, мы все будем праздновать в «№ 5», в Сохо, в Лондоне. Прилетают Дженн с Марго, будут три моих друга из Глазго и несколько однокурсников из Оксфорда. Очень надеюсь, что и ты к нам присоединишься.

— Прилетают Дженни с Марго? Я рада за тебя, Александр — на твой день рождения с тобой будут твоя сестра и друзья. Правда, рада. Я тоже постараюсь приехать, но не обещаю: сам понимаешь, у меня работа и муж. — Жаклин усиленно вспоминала, как отпрашивалась у Чарльза примерно год назад тоже в ночной клуб, в Лондон, на встречу со своими университетскими девчонками.

— Да, я понимаю, но Марго с Дженн жаждут с тобой повидаться.

«А ты? А ты — нет?»

— Они останутся в доме у Кирка, в Ноттингхилле, ты тоже можешь переночевать там с ними, чтобы не возвращаться поздно домой.

«Интересно, а где будет ночевать он? Вернётся в Оксфорд?»

— Я вижу, ты всё продумал. Спасибо, твоё приглашение принято. Не уверена, что смогу остаться в Лондоне на ночь, но приехать обязательно постараюсь. Я примерно знаю, где это. Я много раз бывала в Сохо, в ночных клубах. Подожди, а сколько Дженни лет? Как ты собираешься провести её в ночной клуб? Ей никогда и никто не даст восемнадцати и ей нужно специальное ID, ты знаешь об этом?

— Узнаю жительницу Лондона. — Александр сделал паузу и слегка засмеялся. — Расслабься, этот клуб принадлежит другу Дугала, Кэмерону Прайсу. Всё будет в порядке, мне обещали.

— Аа-а-а... ясно. Хорошо. — «Кто у него этот дядя Кирк? Герцог Вестминстерский?»

— Рад, что ты одобряешь. — Было слышно, что Алекс опять улыбается. — Как ты собираешься добираться?

— Ну-у-у... как, как всегда — на поезде и автобусе.

— Это исключено.

— Почему?

— Я пришлю за тобой такси.

— Куда?

— Домой.

— Домой? Ты с ума сошел! Алекс, не надо, остановись, ты еще сам не зарабатываешь.

— Когда я буду зарабатывать сам, то пришлю за тобой самолёт, — самодовольно хмыкнул парень.

«Я знала! Я сразу увидела в нём это!»

— Оу, «British Airways» начинать волноваться?

— Поздно. Они обречены. — Парень понимал, что начинает входить во вкус, но ничего не мог с собой поделать.

— Тебя взяли в футбол, именинник? — Жаклин всё-таки попыталась увести разговор в сторону от «такси», тем более, что в Александре было слышно, что... или ей это показалось, или он не хочет заканчивать разговор.

«Упрямая». — У юноши только что слюнки не потекли.

— Да. Взяли. Но отбор еще идёт, так что, может, меня еще и подвинут. Будет жаль.

— Очень. Хотелось поболеть за тебя на поле.

— Нет проблем. Приходи как-нибудь на тренировку — мы уже один раз играли с UNIV.

— Ну если ты приглашаешь, спасибо, может быть, как-нибудь и приду. — Жаклин опять широко улыбнулась. — А сейчас извини, я должна идти работать. Во сколько у тебя все собираются в «№ 5»?

— В пять.

— Угу, ясно. Я постараюсь запомнить. — Жаклин засмеялась. — Ну что же, до встречи?

— В пять такси будет у твоего дома. Диктуй адрес.

— Александр.

— Да, слушаю тебя.

— Не надо... не усложняй.

— Я просил адрес.

«Упрямый! То, что надо!»

— А ты, оказывается, упрямый! — «Маленький самодовольный красивый засранец».

— Куда мне до тебя, Жак!

— Ну тогда, значит, для тебя не будет ударом или неожиданностью, если я скажу, что я

передумала и вынуждена сказать, что не смогу быть на твоём празднике, — весело до дерзости сказала Жаклин.

— Окей, — ответил ей Александр еще веселее, — не скажу, что я удивлён и поэтому подготовился — я натравлю на тебя Дженни с Марго. Ты этого хочешь?

— Да хоть всех послов доброй воли во главе с «Manchester United»! — Жаклин сказала это уже не «в» телефон, а самому телефону.

— Договорились! — парень уже веселился не на шутку — Жди их звонков и удачи тебе с ними!

— Лайм роуд, сорок восемь, строение два. — «Да будь ты трижды неладен, верзила ты шотландская!»

Хохот из трубки был слышен даже, наверное, на ресепшене госпиталя Черчиля.

— Умница! Двадцать первого в пять будь готова.

«Всегда готова», — мысленно ответила Жаклин, а вслух сказала:

— Ты тоже. — Её голос был похож на коктейль из малинового вина и цианистого калия.

— Не понял: что «тоже»?

— Будь готов.

— К чему, если не секрет?

— Ко всему.

Александр сделал паузу.

— Это мой жизненный девиз, мэм. — Фраза была сказана как-то как наугад, на ощупь.

— Рада за тебя и за твою жизнь. Ну что же, пока? До встречи?

— Пока. — Парень остался одновременно и обрадован, и озадачен, первым нажав на «отбой». — «С ней явно не соскучишься».

Глава 10 Горчица

Глава 10

Горчица

Вообще-то, с тех пор, как Жак стала ждать звонка от Александр, она всё время держала в голове, что у него двадцать первого числа день рождения. Она даже не знала, сколько ему исполняется, но не в этом дело — девушка не собиралась упускать свой законный шанс поздравить его с праздником и не лишней раз его увидеть.

Поэтому начала думать над подарком. И придумала. Если он так и не позвонит, она планировала сделать это сама двадцать первого числа и, попеняв на молчание, всё-таки и договориться, где и когда можно будет вручить ему небольшой подарочек. Так... пустяк... сувенир.

Но раз он пригласил её к себе на праздник, то это, конечно же, меняет дело — Жаклин передумала взять подарок имениннику в клуб, чтобы у неё был повод еще раз, отдельно встретиться с ним специально для вручения.

Неделя!

«Через неделю я буду гулять у него на днюхе в клубе. Как же давно я хочу с ним потанцевать! Вот только пусть попробует не пригласить! Обижусь и лишу подарка!» — веселилась всю Жак, нарезая мясо на кухне под жалобные поскуливания Сулы за закрытой дверью и планируя запечь эту свинину в горшочках с луком и специями, для себя и Чарльза.

Но, о чем бы она ни думала, на задворках мыслей у неё постоянно мигало красное табло с надписью: «Что надеть? Какой прийти? Как себя подать? Прийти женщиной-вамп? Секретаршей? Недоступной секретаршей? Фривольной секретаршей? Романтичной особой? Модницей в авангарде? Как? Как одеться?»

Миссис Рочестер дождалась выходного и поехала сдаваться на милость Нью-Оксфорд Стрит. Она долго бродила вдоль «Primax» и «Selfridges» и поперёк «Esprit» и «Monsoon», и всё-таки купила примерно то, что её устроило.

Это было черное платье от «Gap» тонкого натурального трикотажа с длинным, расклешенным к низу, рукавом, довольно просторное — фигурка похудевшей Жак смотрелась в нём трогательно хрупкой. Неотрезное по талии, с интересно выкроенной горловиной, с предельно допустимым низким вырезом — красивая, богатая грудь девушки была, что называется, подана на блюде.

Платье доходило почти до колена и очень хорошо оформляло её похудевшие ножки.

К нему миссис Рочестер подобрала в «Topshop» грубые на вид, но довольно лёгкие, высокие, кожаные, тоже черные ботиночки, сделанные на манер обуви солдат американской армии — они уравнивали образ и своей грубостью служили неплохим фоном для женственности Жак.

И в примерочной, и уже дома, при окончательном «прогоне» образа, и она, и Сула остались довольны: Жаклин — своим внешним видом, а Сула — шнурками и язычками её ботинок, которые нагло торчали в разные стороны и провоцировали ангельского, без преувеличения сказать, святого щенка на плохие, нехорошие поступки.

Украшения Жаклин носила редко и даже почти не имела. Поэтому оставила свою платиновую цепочку с подвеской-жемчужиной и добавила к ней точно такой же браслет тонкой платиновой ниточки.

— Помнишь, я говорила тебе, что в колледж поступил сын компаньонки Эшли — Алисы? Его зовут Александр, — за три дня до заветной пятницы Жаклин за ужином приступила к «обработке» супруга.

— Да, что-то припоминаю, — довольно бодро согласился Чарльз, разрезая ножом кусок мяса, поджаренного женой на оливковом масле.

Между ними возле стола сидела Сула, и в момент, когда хозяин отправил кусок мяса в рот, издала звук, напоминающий поскуливание заморенной голодом собаки, и слегка подпрыгнула.

— У него двадцать первого числа день рождения, и к нему на праздник прилетает Марго и сестра этого Александра — Дженнифер. Хочется с ними повидаться. — Жаклин строго посмотрела на подпрыгивающую от нетерпения Сулу: — Сула, фу! Нельзя. Сидеть.

«Нельзя» Сула еще могла им устроить, но вот с «сидеть» дела обстояли несравнимо сложнее. Щенок пустился наматывать круги вокруг стола, заодно и присмотреть себе новые подступы к запахам на столе — поудобней и покороче.

— Хм-м-м... ну да ради Бога, в чем же дело?

— Ты знаешь... — девушка изо всех сил старалась изображать полную эмоциональную дистанцированность от обсуждаемых событий, — дело в том... я уже думала над этим. Получается, что если повидаюсь с ними просто так, просто встречусь, то это будет не очень красиво по отношению к мальчишке — выходит, что я его чураюсь, его праздника. — Жаклин намеренно назвала Александр мальчишкой, стараясь подчеркнуть его возраст: «посеять» в муже образ Александра-маленького мальчика лишним не будет. — А если пойду на праздник и, отбив там положенное время, уйду, то могут подумать, что очень жажду общаться с Марго, да и с девчушкой тоже — это будет уже не очень красиво по отношению к ним. Ты не находишь?

Чарльз, вздёрнул брови, размышляя. Потом, сложив губы в трубочку и, хмыкнув как бы в сожалении, что должен согласиться, тем не менее кивнул.

— Мда... я думаю, ты права, дорогая — что-то одно выбрать тебе вряд ли удастся, придётся уделить им достаточно внимания. И как это всё будет происходить? Ты уже в курсе?

— Да, — жена продолжила усиленно делать вид, что занята только степенью прожаренности мяса, ковыряя его ножом. — Двадцать первого, в пятницу, они все собираются в «№ 5» в Лондоне, это ночной клуб принадлежит другу их дяди Кирка. Я так поняла, он будет за нами присматривать там. Я приглашена.

— Ночной клуб? — Чарльз напряженно вскинул брови и посмотрел на жену. — Но ведь это наверняка очень поздно. Ты возьмёшь такси?

— Эм-м-м... скорее всего, нет. Девушки остановятся в доме Кирка в Ноттинг Хилле, я там переночую вместе с ними, если ты не против, конечно. — Жаклин покорно сложила руки в ожидании воли мужа и посмотрела опять на Сулу, сидящую теперь уже с другой стороны от хозяйки и всем своим видом напоминавшую собаку, удерживающую себя на этом свете только титаническим усилием воли и надеждой на кусочек мяса — если бы не они, щенок давно бы уже упал тут замертво, у ног хозяев, и они бы до конца своих дней себе не простили его смерти, раскаиваясь в том, что пожалели для него какой-то несчастный кусочек мяса, который мог бы спасти животному жизнь.

— Да нет, почему я должен быть против? Я тебе полностью доверяю. А сколько парню лет исполняется?

Жаклин была рада вопросу.

— Да ты знаешь... у меня даже не было возможности уточнить. Я вообще с ним общалась мало, больше с девушками, с Марго, ты же в курсе этого, поэтому толком-то и не знаю о нём ничего. На вид ему не больше восемнадцати, а так... наверное, больше.

— Ты приготовила подарок? — уже как-то даже распорядительно спросил Чарльз.

— Откуда? Какой подарок? Я не знала, что у него день рождения. Он застал меня врасплох, когда позвонил и сказал, что к нему на праздник прилетают девушки и хотят со мной повидаться. О подарке я еще и не задумывалась. Но я что-нибудь придумаю, у меня еще есть время. Если ничего не успею, подарю подарочную карту.

— Да, хорошо. — Муж доедал последний кусок бифштекса с рисом. — Очень вкусно. Ты отбивала эту вырезку или просто поджарила? Очень мягкое, вкусное мясо получилось.

— Нет, я замачивала его в горчице с луком, а потом смыла всё это. Горчица смягчает мышечные волокна, ты не знала?

Глава 11

«№ 5»

Если мне понравилась девушка моего друга,
Значит, он мне больше не друг.

В этой квартире была очень большая и широкая терраса. Полукруглая и без навеса — на французский манер. Самой квартиры Жаклин не запомнила, но зато ей очень понравился огромный красивый балкон. Просторный и продуваемый приятным прохладным ветерком. Приятно и даже захватывающе стоять у низкого ограждения в виде бордюра — под ногами большой ночной город излучал огни, принося лучи полноты жизни, а вокруг бесконечное небо уравнивало это ощущение своим умиротворением и спокойствием. Это всё равно, что пить кофе с водой по-турецки — глоток воды, глоток кофе — вода позволяет почувствовать вкус кофейного напитка каждый раз как заново.

Однако, оглянувшись на сам балкон, Жаклин ужаснулась тому, что хозяин сотворил из такого красивого места — он устроил там террариум. Змеи. Везде шевелились змеи. Очень разные по размеру, форме и окрасу. Большие зелёные, желтые средних размеров и маленькие черненькие. Только почему-то сидели не в аквариумах, как положено, а в клетках с очень редкими прутьями. Но не выползали сквозь них. Да этого и не требовалось, потому что между клетками тоже были змеи. Они медленно и вальяжно ползали по полу вокруг их пленённых коллег неодобрительно посматривали на Жаклин своими умными глазами, как бы задаваясь вопросом об её адекватности, поскольку, по их мнению, только ненормальный может вот так запросто прийти к ним в гости, на их террасу, и не пытаться бежать от таких чудовищ, роняя тапки. Змеи всё больше и больше сокращали расстояние между собой и своей гостьей. Заметив это, Жаклин хотела было броситься к выходу, но побоялась наступить на этих милых пресмыкающихся и быстро поняла, что спрыгнуть с крыши будет проще. И, шагнув на бордюр, прыгнула с него, не особо раздумывая, и, задохнувшись от страха, проснулась.

«Фух, — девушка озиралась по сторонам, часто дыша, и, увидев, что рядом спокойно спит муж, немного успокоилась и расслабилась, — дурной сон. Всего лишь сон. Счастье-то какое».

Снам миссис Рочестер не верила. Они как-то не являлись для неё вещами: иногда сбывались, иногда совсем даже наоборот. Но всё равно ей сделалось очень неприятно. Сегодня, в такой день, она предпочла бы проснуться по-другому.

«Ну что есть, то есть». — Кряхтя, девушка выбралась из постели и пошла в ванную.

У неё имелись два выходных — сегодня и завтра — двадцать первого и двадцать второго октября. Правда, за это она всю следующую неделю будет почти не вылезать с работы, но ради того, чтобы увидеть Александра и побыть с ним в одной компании, была готова и на большее.

«Гораздо большее. Да».

Выгуляв Сулу, Жаклин разогрела бобы и пожарила яичницу Чарльзу, проводила его на работу, стараясь не очень заострять внимание на том, что её сегодня ночью не будет, и в то же время боялась переусердствовать и в этой своей непринуждённости, чтобы он не начал подозревать неладное. И кажется, ей это удалось, потому что муж вёл себя как обычно, и, не

выказывая нервозности и озабоченности, отбыл на трудовую ниву.

Поскольку, кроме всего прочего, у Жал был ещё и выходной, она опять улеглась отдохнуть в гостиной на диване и провалялась пару часов, то проваливаясь в дрему, то пробуждаясь, но полноценно поспать так и не смогла.

Душ почти заставил забыть и змеюк во сне, и будущую неделю на работе, и сосредоточиться на том, что предстоит.

Александр!

Одеваясь на праздник, девушка начала очень сильно сомневаться в своём наряде и своём внешнем виде — ей начало казаться, что грудь слишком открыта, в ботинках она долго не выдержит, в таком платье холодно, но что-нибудь предпринимать слишком поздно, и поэтому, вот такая вот, вся в сомнениях, выдворилась из дома.

В такси оказалось тепло и уютно. Женщина-таксист попалась молчаливой как мужчина, поэтому в тишине и спокойствии Жаклин смогла доехать до самого клуба.

Он располагался не совсем там, где предполагала его увидеть Жак — уроженка Лондона планировала его искать в районе Ковент-Гардена, то есть справа от Бериик-стрит, а её повезли в сторону Гайд-парка и Мейфэра. Такси туда подъехало около половины седьмого вечера.

Гостью встретил весьма аскетичный и стильный в ход в «№ 5» — черный пластик в красной окантовке, черное стекло, черный хром и золотистая вывеска. Охранник, чернокожий мужчина внушительных размеров, в черном костюме с белыми лацканами и черной рубашке с одной верхней белой пуговицей и всеми остальными черными, доброжелательно внимательно посмотрел на Жаклин.

— Добрый вечер, мэ. Обязан предупредить — сегодня у нас половина зала отдана под спецзаказ — частую вечеринку, мэ.

— Добрый вечер, сэр. Я как раз приглашена на неё. — Жаклин не смогла удержаться от ноток гордости в голосе.

— Тогда одну секунду, мэ — вас встретят и проводят.

Он достал откуда-то из рукава нечто среднее между сотовым телефоном и рацией и, нажав на что-то там, приложил ко рту:

— Генри, здесь гостя на вечеринку, — и отключился.

Примерно через минуты две из прохода вышел Александр и, увидев Жаклин, тут же заулыбался.

Пока он подходил к девушке, та, чтобы хоть немного нейтрализовать ощущения, которые вызвал в ней вид парня, на автомате начала повторять про себя, что не такая уж она и идиотка, и не такая уж и жалкая, а так же вовсе не страшная и убогая. Только чуть позже до неё дошло, что это была защитная реакция.

И защищаться было от чего.

Например, от его длинных, стройных ног, одетых в черные джинсы мягкого коттона, что-то типа Трусарди, в которые был продет добротный, довольно узкий кожаный ремень цвета отполированной платины с небольшой, кажется, серебряной бляхой. Или от его даже не серой, а именно какой-то дымчатой водолазки с высоким воротом, судя по всему, очень дорогой, и мягко не то облегающей, не то обволакивающей его молодое, стройное тело. «Очарование и роскошь простоты», — пришел на ум госте слоган какого-то дома моды при виде этой картинки. Рукава водолазки парень засучил почти до локтя, а на его правой руке, на красивом, изящном, но крепком запястье, красовались прямоугольные, черной масти

часы, явно породистые, скорей всего, швейцарских или немецких кровей. Насколько могла заметить дезориентированная девушка, обулся именинник в туфли на тонкой подошве со слегка заострёнными носами на пару тонов темнее ремня. И всё это вдобавок к запредельной внешности этого произведения природы.

«А ты думала, будет легко? Пф... соберись, тряпка, это только начало», — дала себе команду гостья.

— Привет, Жаклин. Добро пожаловать. Уже почти все собрались. — Юноша смотрел на девушку весело и доброжелательно, но и вместе с тем с некоторым вопросом и ожиданием. Между делом кивнул охраннику, который, ответил таким же кивком, тут же отвернулся и опять уставился в окно на входе.

Александр чуть посторонился, предлагая Жаклин пройти внутрь.

— Привет. — Девушка направилась по проходу. Дойдя до именинника, она остановилась напротив него и, мысленно зажмурившись и перекрестившись, и затаив дыхание, потянулась на носочках и чмокнула парня в щечку, осторожно, ладошками, почти одними пальчиками, опершись на его плечи. — С днём рождения.

Александр от неожиданности запоздало, но всё-таки слегка наклонился к ней, чтобы облегчить задачу дотянуться до щеки, учитывая его рост.

— Спасибо. — Он ни с того ни с сего подмигнул Жаклин как старой знакомой, как своему парню.

Судя по его реакции, Алекс вообще мало обратил внимание на её выходку, тогда как у неё появилось ощущение, что она чуть ли не в любви призналась ему этим поздравлением. Но девушка не спешила огорчаться, поскольку чувствовала, что от именинника идёт лёгкий запах алкоголя.

— Пойдём, — пригласил он её жестом руки, — там уже кое-кто жаждет тебя видеть. Хочешь оставить пальто в гардеробе?

— Да, конечно, желательно бы. — Жаклин начала расстёгивать пуговицы верхней одежды, приближаясь к стойке.

Дойдя до неё, она распахнула верхнюю одежду и начала его снимать. Юноша хотел было зайти ей за спину, чтобы помочь, но не смог. Декольте...

Он вспомнил, как однажды играл в футбол еще в гимназии, у них шел матч между сборной школ и сборной спортивной школы, и какой-то придурок из команды противника во время борьбы за мяч пытался его отбить коленкой и очень высоко подпрыгнул. Алекс прыгнул навстречу, и они встретились — коленка придурка и солнечное сплетение МакЛарена-младшего. Это воспоминание иногда приходило на ум футболисту. Именно в таких вот случаях.

«Вот это да! Я, конечно, видел, что они у неё отменные... то, что надо... но чтобы так... Представляю, что будет сейчас с парнями!» — именинник отмер и нахмурился — у него возникло желание помочь. Но не раздеться, а одеться. И Жаклин его в этом желании еще и укрепила почти намертво — она завела руки за спину, выпятив грудь колесом, и попыталась скинуть пальто сама, пару раз слегка подпрыгнув на месте.

«Фа-а-ак-к! Ну, это... я уже даже не знаю. Черт!»

Александр очнулся, когда забирал пальто из рук девушки и подавал его гардеробщице. Получив номерок, он повернулся отдать его своей гостье, но опять что-то... как-то... Жаклин в этом платье... была такая... хрупкая, тонкая, изящная, женственная и притягательная, что хотелось её обхватить руками и водить долго и сладко большими

ладонями по этому маленькому, хрупкому тельцу и вообще не отпускать. Никогда больше. Да еще и это чертово декольте опять же...

«Идиот! Какой же я идиот! Дебил!»

— Вот твой номерок. Держи. — У Алекса присутствовали интонации, будто он сейчас скажет дальше примерно следующее: «До свидания. Было приятно повидаться».

Зал оказался не таким большим, как предполагала приглашенная. Второго этажа не имелось, а овальное просторное помещение первого оформили в красно-черных и золотисто-белых тонах. Местами вдоль стен и под потолком висели какие-то геометрические фигуры, обклеенные чем-то стилизованным под газеты. На самих стенах разместились витринные инсталляции с подсветкой, на которых изобразили окна с видами на красивые пейзажи или французского, или итальянского юга.

Мерцала ненавязчивая цветомузыка и играла какая-то обработка клубной версии EdvardMaya.

Народу присутствовало было немного. Виновник торжества провел свою гостью через весь зал. Реакции зала Жаклин не боялась и поэтому смело оглядывалась по сторонам. Несколько парней то там, то сям проводили её цепким, останавливающим взглядом. Девушка наполнилась оптимизмом — это вселяло надежду, что Алексу сегодня она тоже понравилась, просто нужно немножечко подождать его реакцию.

А между тем внутри самого Александра этой реакции уже было хоть отбавляй.

«Идиот! Твою мать! Так просрать свой собственный день рождения! И о чем я думал — они же не дадут мне расслабиться и оторваться. Эх, отправить бы её куда-нибудь... в горы... к Рону! В Килмарнок! Сейчас же. Прямо отсюда».

Пока они приближались, гостя уже разглядела в отдаленном конце овала помещения, в большом полукруге диванов и столиков Дженни и Марго, сидящих в компании парней и девушек.

Подружки тоже её заметили, и Дженни помахала рукой, а Марго заулыбалась. Жаклин почувствовала, что тоже соскучилась и очень рада их видеть.

— Жаклин, как хорошо, что ты здесь, — подскочила к ней девушка. — Очень тебе рада. Сегодня мы с тобой повеселимся! — Потом она глянула на своего старшего брата, стоящего за спиной Жак, и, обращаясь к нему, добавила: — Знаю-знаю — в пределах разумного, потому что я еще маленькая и бла-бла-бла. Я ничего не забыла?

— Почти. Если забудешь, я быстро напомню, — сухо ответил ей старший брат. — «Мало мне было одной, я еще и вторую пригласил! Идиот!»

— Дженни, мы обязательно повеселимся и отпразднуем праздник твоего братца так, что Сохо нас запомнит надолго, — гостя с желанием поддержала юную тусовщицу.

Сзади неё Алекс только крякнул.

— Да! — Юная тусовщица опять чмокнула в щечку свою единомышленницу и, перед тем как сесть предупредила: — Скоро мы идём с тобой танцевать, и это не обсуждается. Взорвём этот танцпол!

— Обещаю, — заулыбалась ей в ответ Жаклин.

— Привет, дорогая. — Марго тоже поднялась с места и поцеловала Жак в щеку. — Очень рада, что ты здесь.

— Привет, Марго. Тоже рада к вам присоединиться. Как твои мальчишки? Как Итан?

— Нормально. Вот отпустили меня тряхнуть стариной и присмотреть вот за этой мелюзгой, — Марго махнула рукой на Дженни. Та обреченно вздохнула и закатила глаза.

Все засмеялись.

Кстати, обо всех: рядом на диванах сидели еще три парня и две девушки.

— Жаклин, позволь познакомить тебя с моими друзьями. — Александр исполнял свои обязанности хозяина мероприятия. — Это мой друг Штэфан Квёльц, мы с ним проучились один год в Университете Глазго и вместе играли в футбол.

Поднялся среднего роста, коренастый светловолосый парень и приветливо пожал протянутую руку Жаклин. Как только она здесь появилась, он изо всех сил, правда, с переменным успехом, старался оторвать взгляд от её декольте, но упрямые глаза всё равно так и тянулись на отведённое им самой природой место.

«В глаза смотреть, придурок!» — внутри себя Александр рвал и метал.

— Приятно познакомиться. — Квёльц смущенно заулыбался и, заметив взгляд своего друга именинника, попытался взять себя в руки.

— Взаимно, Штэфан. Это так мило с твоей стороны — приехать к другу на день рождения в другой город.

Квёльц кивнул головой и, присаживаясь на место, опять воровато скосил глаза на декольте Жаклин, а потом на друга, как бы говоря: — «Извини, братан, но сам же видишь — это сильнее меня».

— А это мой друг еще со школы — Кит МакРонан.

Поднялся черненький худенький парнишка и кратко представился:

— Кит. — В отличие от Квёльца, при появлении новой гостьи этот даже и не пытался оторвать взгляд от девушки, но не только от её груди, а вообще от всей фигуры — он бегал по ней глазами сверху вниз и обратно и никак не мог остановиться на чем-то одном.

— Очень приятно, — попробовала перетянуть его внимание к своему лицу Жак, но как-то безуспешно.

Потом Алекс познакомил её со своим теперешним однокурсником Ником Одли и его девушкой Эмили — очень приятной молодой особой.

Жаклин так понравилось знакомиться со всей этой молодёжью, она так развеселилась и разулыбалась, что, когда именинник указал на светловолосую кудрявую юную особу, сидящую первой слева, и сказал:

— Жаклин, познакомься, а это моя девушка Анна, — до неё не сразу дошел смысл его слов, и она просто по инерции, улыбаясь на холостом ходу, ответила:

— Очень приятно, Анна, — и протянула той руку.

Анна поднялась и, молча пожав протянутую ей ладонь, после чего садиться не стала, а прижалась к Александру своим боком и, обняв его за талию, положила голову на плечо, с каким-то странным, равнодушным или даже усталым вызовом посмотрев на Жаклин. Алекс обнял Анну за плечи и, посмотрев ей в лицо, поцеловал в висок. Таким образом, зафиксировав позу и продемонстрировав гостье свою пару, он подтолкнул девушку опять садиться, а сам, встав сзади Жаклин, представил её всем.

— А это друг моей семьи — Жаклин. Жаклин Рочестер. Она живёт в Оксфорде и работает врачом. — Говорить о том, что девушка замужем, он посчитал излишним — во-первых, это не его дело, а во-вторых, все тут не слепые и легко могут увидеть обручалку у неё на левой руке. — Жак, ты можешь пройти и сесть куда хочешь. Мы ждём еще кое-кого и начинаем.

«Всё! Всё, всё, всё! С меня хватит! Боже мой, как больно! Больно! — Жак обуял ощущение, что её только что сбил грузовик. Она была дезориентирована и разбита в одно

мгновение. — Дура! Какая же я дура! Идиотка! До чего докатилась! Довольно! Я тоже человек, и у меня тоже есть сердце, и я не железная! Не хочу! Не хочу его больше видеть! И даже голоса его слышать не хочу! Надоело! Всё, надоело! Не могу больше. Сил нет. Не могу, — кричала она про себя, усаживаясь между Дженни и Марго и прячась за своими упавшими ей на лицо волосами. — Всё. Его больше не существует для меня. Забуду его. И с Чарльзом разведусь. Всех пошлю и буду жить одна с Сулой. Надоели. Все-о-ни-мне-на-до-ели. Никого не хочу».

Пока девушка усаживалась, Алекс подозвал официанта и, когда тот подошел, обратился к ней:

— Жаклин, что ты будешь? Коктейль? Виски?

«Цианистый калий», — на автомате ответила Жак.

— Сок, пожалуйста. — Она облизнула губы и широко приветливо улыбнулась. Странно — чем больнее ей было, тем легче давались улыбка и веселье.

— Сок?

— Да. Сок. — Она даже дурашливо прихлопнула рукой по столику и улыбнулась еще шире.

— Какой сок?

— Берёзовый. — «Господи, да что ж так больно-то!»

— Берёзовый?

— Да, берёзовый, а что? — «Так, спокойно Жаклин, ты сейчас выдашь себя с головой».

— У нас нет берёзового, — сказал официант.

— У них нет берёзового.

— Ну что же... — она посмотрела по сторонам — все смотрели на неё, чуть ли не открыв рты. Девушка слегка прыснула со смеху себе в ладошку, хотя отлично понимала, что в шаге от истерики. Потом поправилась и сказала уже совершенно серьёзно: — Тогда текилу, пожалуйста.

Официант кивнул и удалился, и вниманием миссис Рочестер, к невероятному её облегчению — она просто не могла смотреть напротив, туда, где сидел Александр со своей девушкой — тут же завладели Дженни и Марго. Началась обычная девичья болтовня: «У тебя хорошее платье...», «А что за браслетик?», «Кажется, я вчера перестаралась в зале на тренажерах», «...у меня первый день месячных. Так живот болит», «Как поживает ваша собачка?», «...если натрут босоножки, буду танцевать босиком», и прочее.

Жак мельком всё же постаралась рассмотреть Анну. Удачливая соперница была явно немаленького роста, стройная, даже спортивная, ничего особенного на лице — большие голубые глаза, короткие светлые ресницы, пухлые, немного неправильной формы губы, прямой обыкновенный нос, немного веснушек и ни тени косметики. Одета в какую-то мудрёную черную короткую юбку и цветастую шифоновую блузку с американской проймой — девушка как девушка, обыкновенная, да и всё.

«Наверняка она всё же чем-то его зацепила, — размышляла Жаклин. — Посмотрим». Смотреть на самого Алекса она заставить себя не могла — он ей казался настолько отвратительным, его вид причинял столько боли, что бедняжка готова была делать всё что угодно: болтать с кем угодно, танцевать с кем попало, пить что придётся, только бы больше не видеть этого красавца. Никогда.

А вечер между тем набирал обороты. Людей в клуб прибывало. Уже появились отдельные танцующие на танцполе. Жаклин принесли текилу. Она выпила. Вместе с ней

изъявили желание выпить и Марго, Квёльц, и Кит. Выдвинулась было со своего места, чтобы присоединиться, и Дженни, но кулак брата, продемонстрированный ей совершенно открыто и конкретно, да еще и подтвержденный недвусмысленным строгим взглядом на манер: «Только попробуй!» — задвинул девушку обратно.

Квёльц и Кит что-то забубнили на счет брудершафта с Жаклин, но она состроила прискорбную, убитую горем мину и сказала, что они оба настолько милые и обаятельные парни, что она просто не в состоянии выбрать из них кого-нибудь одного, а порция текилы у неё только одна, так что как-нибудь в другой раз.

Подошли еще друзья Александра по Оксфорду. Один из них тоже со своей девушкой. Они все вручали имениннику какие-то подарки в упаковках и пакетах. Девушка, пришедшая с парнем из Универа, принесла букет цветов и вручила его виновнику торжества, который тут же подарил его своей Анне. Та расплылась в довольной улыбке, обняла и поцеловала своего красавца в щеку.

Александр всех знакомил друг с другом, и когда в декольте Жак «нырял» очередной вновь присоединившийся представитель сильного пола, именинник начал всерьёз подумывать о том, чтобы свернуть всю эту вечеринку к чертовой матери, схватить миссис Рочестер за руку, запихнуть обратно в такси, да отвезти назад, в Оксфорд, к мужу и поставить в этом вырезе пред его ясные «исторические» очи, и показать этому любителю хронологий и предпосылок, в чем он отпускает свою жену в ночные клубы, мать его.

Анна, познакомившись со всеми и получив букет цветов, сидела почти всё время молча и смотрела на всех умными, серьёзными и абсолютно потухшими глазами, чем совершенно не помогала своей менее удачливой сопернице составить её психологический портрет.

Поскольку все собрались, Алекс заказал шампанского. Они открыли бутылку, все встали и наперебой, и хором поздравили именинника. Жаклин, воспользовавшись многоголосьем, воздержалась от реплики. И именинник это заметил.

«Всё правильно. Так будет лучше», — одобрил он ситуацию и решил «закрепить» достигнутое.

После поздравления, когда все расселись по местам, Анна что-то шепнула на ухо своему бойфренду, и он, улыбнувшись ей лучезарной улыбкой, поцеловал её в губы таким поцелуем, что со всех сторон на них посыпались предложения снять номер.

Но той, кому было предназначено это зрелище, не суждено насладиться полной порцией боли от него — заиграла медленная композиция, и «глубоководные дайверы-ныряльщики» во впадинку между её грудями не заставили себя ждать.

Первыми стартовали Квёльц и Тимоти — парень из Оксфорда.

— Жаклин, разреши тебя пригласить. — Штэфан слегка склонился над девушкой.

— Оу, — та поставила свой почти уже пустой бокал из-под шампанского на столик, — с удовольствием.

Удовольствия, впрочем, оказалось, не так много, как хотелось бы. Может, она даже очень неплохо потанцевала бы с Квёльцем и даже нашла, о чем с ним поговорить, если бы он не пытался время от времени положить подбородок ей на плечо, сам при этом не очень удобно сгинаясь. Её это постоянно раздражало и даже мешало двигаться. Когда она поворачивалась в танце лицом к своей компании, то, конечно же, не сдерживалась и наблюдала за Алексом. Тот сидел, обняв Анну за шею, тем самым положив её голову себе на плечо, и, закинув одну ногу на колено другой, разговаривал со своими друзьями.

Потом заиграла быстрая музыка, и Дженни схватила еще не успевшую сесть Жаклин за

руку и потащила опять на танцпол зажигать и отрываться. И они отрывались. Они топали ногами под One Republic Everybody Loves Me в такт музыке, подпрыгивали и скакали, смеялись и хохотали. И одной, и второй было абсолютно всё равно. Дженни — потому что она точно знала, что брат ей не даст здесь ни с кем познакомиться, и поэтому ей некого стесняться. А Жаклин — от уверенности, что кроме брата Дженни, она никого знать не хочет, а с недавних пор не хочет знать и его, поэтому плевать она хотела на то, кто и что о ней подумает и как на неё посмотрит.

Натанцевавшись и вспотев, они убежали в дамскую комнату немножко остынуть и прийти в себя.

Возвращаясь из туалета, Жаклин увидела, что на танцполе под медленную композицию танцуют Александр с Анной. Они танцевали как пара — между ними вообще не было свободного пространства. Анна обняла парня за плечи и засунула ему руки в волосы на затылке. А Алекс обхватил её за талию и одну из рук положил ей хорошо пониже спины. Короче, они танцевали так, как когда-то хотела с юношей танцевать сама Жаклин. Но уже не сейчас.

Увиденное добавило девушке злобы и решимости:

«К черту его!».

Вернувшись с Дженни за стол и поболтав в компании, она опять немного выпила вместе со всеми. Теперь они пили за Глазго и Оксфорд, за Англию и Шотландию. Жаклин хотела предложить отдельно выпить за килты, но постеснялась.

Потом уже вчетвером с Дженни, Марго и Эмили — больше никто из девушек к ним не присоединился, хоть они и приглашали — пошли на танцпол и дотанцевали под She Script и Superherdes всё, что не дотанцевали под One Republic.

Когда музыка для тела сменилась музыкой для души, к ним подошли Тим, Ник и Алекс. Именинник пригласил Марго, Тим — Жаклин, а Ник — свою Эмили. Кит дёрнулся было пригласить Дженни, но кулак её брата, продемонстрированный теперь уже ему за спиной Марго, охладил его пыл и заставил сбросить скорость до нуля. Дженни, увидевшая эту картину, села на своё место и надула губы.

С Тимоти Жаклин танцевала более удачно. Они хорошо подходили друг другу и по росту, и по темпераменту, и даже немного поговорили. О Лондоне, о Сохо, об Оксфорде, об Универе. Захмелевшая Жаклин, когда Тимоти, который был ненамного трезвее её, пытался шутить, смеялась и играла глазами на полную мощь. И партнёр не подвёл её своей реакцией — он постоянно передвигал свои руки по телу девушки, то беря её за талию, то сцепляя сзади в замок и обнимая её своими предплечьями, то положив ладони чуть ли не в подмышки. Девушка расслабилась и позволила себе ответить на все эти поползновения, сделав захват плеч парня чуть поглубже, тем самым теснее к нему прижавшись. И это даже не помешало их танцу, а наоборот, помогло.

Воодушевлённый Тим пересел к ней на диванах после танца. Жаклин чувствовала себя удобно и спокойно с этим парнем, поэтому даже уже вложила свою ладонь в его протянутую руку, когда он встал, услышав очередную медленную мелодию, и открыл было рот, чтобы озвучить приглашение на очередной танец.

Но его опередили.

— Моя очередь, — отрезал подоспевший Алекс. Тимоти улыбнулся и тут же сел. Потом именинник посмотрел на свою гостью и обратился к ней так по-простому и так нормально, что та даже забыла о своей злости.

— Жаклин, пожалуйста, потанцуй со мной.

«Только ради любопытства!» — она чуть не сказала это вслух, и, вложив свою руку в руку любимого-ненавистного человека, пошла за ним на танцпол, замечая краем глаза, что Анну в это время приглашает какой-то посторонний мужчина.

«Странно», — только и успела подумать Жак, потому как только Алекс взял её в руки, только он положил ей свои крупные мужские ладони чуть повыше талии, большие пальцы расположив по бокам её худенького тела, только девушка приобняла его за плечи, одну руку просунув чуть дальше другой, а голову чуть склонила к его груди, то сразу же почувствовала разницу.

Она почувствовала, что значит танцевать с ТЕМ, ощутила, что значит быть там, где должна. До неё стало доходить, что её злость уходит, раздражение рассеивается, всё опять возвращается на круги своя, и её охватила просто-таки вселенская тоска.

«Н-н-н-н-не-е-е-е-ет, — взорвалось внутри неё, — ну нет, же-е-е-е-е. Я не могу больше. Не могу...» — Влюблённая была просто измучена.

— Как тебе здесь? — начал первым Александр. — Как тебе клуб?

— Лондон. Этим всё сказано. — Пожала плечом.

— Сочту это за комплимент.

— Это и есть комплимент.

— Спасибо.

Она подняла глаза на любимого человека и вымученно, но по-доброму, искренне ему улыбнулась — у неё не было сил говорить. Жак его уже простила. И простилась с ним.

«Он ведь действительно не виноват, что ничего ко мне не чувствует. А там, у окна, в больнице... это было, скорей всего, секундное помешательство..., наверное. Если оно мне не показалось и не приснилось».

— Как ты доехала? Нормально? — Александр не унимался.

— Да, большое спасибо. Я добралась с комфортом.

— Ну, вот видишь, а ты мне не хотела давать адрес.

— Я тебе его и не дала. И не жалею об этом.

— А как же такси?

— Ты такой наивный шотландский юноша, Алекс. Это был не мой адрес. — Жаклин от души наслаждалась, что может продемонстрировать ему свою находчивость. — Я тебе дала адрес соседнего квартала. Там такси и стояло, когда я дошла до него пешком и села.

Юноша тут же остановился, опустил руки ей на бедра — взгляд его был серьёзней сердечного приступа, а губы тоньше линии кардиограммы.

— Скажи, что ты пошутила.

— И не подумаю. — Она стрельнула в парня взглядом и утрированно часто заморгала ресницами.

«Это просто невероятно!» — У того, кого обвели вокруг пальца, внутри всё пело от радости.

— Ты будешь наказана за это.

— Запишись в очередь.

«Чертовка!»

— К черту очереди.

— Как знаешь. И скажи спасибо, что я не отправила такси на другой конец Оксфорда, где бы оно простояло до утра.

«Обожаю! Обожаю эту стерву!»

— Осторожно, Жаклин, это похоже на вызов.

— Как вам будет угодно, мистер МакЛарен.

— Я ведь могу его и принять.

— Сделайте милость, сэр. Буду весьма обязана — потому, что следующий ход опять за мной.

— Это ты так думаешь.

— То, что я думаю — не важно, я еще не дарила тебе подарок на твой день рождения.

«Ты — мой подарок!» — хотел закричать именинник, перекрикивая музыку, и подхватить свой «подарок», и прижать к себе так, чтобы она запросила пощады и воздуха, и закружить со всей силы.

— Мне уже начинать волноваться?

Она вскинула бровь.

— Не поможет. Ты уже проиграл, неудачник.

«Ни хрена! Это мы еще посмотрим! Я поманю пальцем, и ты побежишь за мной!» — принятые градусы раздули и без того внушительную уверенность в себе красавца до угрожающе неприличных масштабов. Но по лицу Алекса было не понять ровным счетом ничего.

— Если я проиграл, то, значит, ты выиграла. И что же? Каков выигрыш, если не секрет?

— Я тоже проиграла...

— Вот как? Значит, «все умерли»?

— До единого, — кивнула Жаклин.

— Но я всё-таки хочу получить свой подарок. Где и когда?

— Ты так говоришь, как будто собрался присылать секундантов.

— Я не дерусь с женщинами.

— Очень жаль. Я бы не отказала себе в удовольствии надрать тебе зад. — «Или пустить пулю в лоб!»

«Оу, а что бы я мог сделать с твоим задом, крошка!» — всё те же градусы при слове «зад» всё-таки решили заставить себя уважать.

— Ладно, я тебе позвоню, когда подарок будет готов. — Обещание Жаклин прозвучало как волеизъявление.

— И я не буду разочарован?

— Ни в малейшей степени.

— Жду. — Александра распирала эмоции, которые раз за разом будила в нём эта замужняя женщина. К тому же, сейчас он был уже действительно изрядно навеселе. От полноты чувств парень так сильно прижал её к себе, расположив ладони меж её лопаток, что той ничего не оставалось делать, как ответить этому драгоценному для неё человеку тем же и положить голову ему на грудь, ощутить породистую мягкость дымчатой водолазки и дышать, дышать, дышать им.

Жаклин стал интересен один момент — она всегда очень плохо переносила запах алкоголя от других людей. Даже от дядюшки. Да даже от Чарльза. А вот сейчас, танцуя с Алексом, чувствовала этот запах и, к своему удивлению, понимала, что ей это нравится, она этим наслаждается. Ей не было противно или тошно, а даже как-то, наоборот, приятно.

И тогда она решилась прибегнуть к самому тяжелому приёму — его она боялась применять даже с Чарльзом — она на секундочку представила себе Алекса тяжело больным,

лежащим в постели, почти без движения, и при виде этой картинке прислушалась к себе. Почувствовав, что будет благодарна, если он просто позволит ей сидеть возле него, не говоря уже о том, чтобы лечить, помогать и ухаживать, она поняла, что — всё, это конец. Она любит этого мальчишку. Любит той самой любовью. Той самой.

«Мне нужно разводиться с Чарльзом, — пришла к выводу девушка. — Что бы там ни было у меня с Алексом, с Чарльзом нужно расстаться».

— И не забывай, Жаклин, что у тебя тоже будет день рождения. Когда он у тебя, кстати? Извини, что поздно спрашиваю.

Но девушка просто покачала головой у его груди.

— Потом, Алекс. Пожалуйста, всё потом.

Парень понял, что ему предлагают не тратить на разговоры драгоценные минуты наедине, а помолчать. И он замолчал.

Это был её и рай, и ад. Одновременно. Она танцевала с НИМ, и это было прекрасно. Только прижавшись к любимому телу, девушка вспомнила поговорку о том, что люди должны найти свою вторую половинку, и только сейчас поняла, что это значит — будучи целой, чувствовать себя половинкой. Чувствовать себя половинкой в целом. В своём целом. Чувствовать не только себя — половинку, но и его как половинку. Так чувствовать человека.

«Это счастье».

А потом музыка закончилась.

Александр первым убрал руки, отстранился и посмотрел на партнёршу. Подняв на него глаза, Жак увидела, что ему тоже не очень-то и весело.

Они шли к своим местам на диванах.

— Сколько тебе лет, Алекс? — задумчиво, но громко спросила Жаклин, глядя перед собой.

— Восемнадцать. — Он даже не удивился.

— Ааа, — догадливо вскинула подбородок миссис Рочестер. — А мне двадцать шесть.

— И что? — а вот теперь он удивился.

Жаклин так же задумчиво помотала головой.

— Ничего. — Потом вскинула на него озорной, весёлый взгляд. — Ничего.

Александр довёл её до места и, посадив между Марго и Дженни, пошел, сел возле Анны, которая была уже на диванах. Он опять притянул её к себе за шею и всё так же поцеловал в висок, а потом еще, большим пальцем приподняв её голову за подбородок, кратко чмокнул в губы.

Глава 12 Четвёртый размер

Глава 12

Четвёртый размер

К Жаклин пришла апатия. Полностью приняв тот факт, что ей здесь больше делать нечего, и она может быть свободна, девушка очень захотела куда-нибудь отсюда... к дядюшке Ламу, например, а еще лучше, если бы папа с мамой были живы. Но...

К Чарльзу она не хотела — он был ей уже чужой.

— У меня к тебе просьба, Жак, — между тем обратилась к ней сидящая рядом Марго, положив руку на колено девушке.

— Да, слушаю.

— Сейчас будут выносить торт. Только что подходил официант от Кэмерона — у них всё готово.

— Ага. Поняла. Видела такое, — закивала головой Жаклин.

— Да. Ну, так вот, я выйду с тортом после Кэма и буду поздравлять Алекса. Ты не могла бы выйти вместе со мной и сказать несколько слов, а? Пожалуйста! Я одна как-то... стесняюсь.

«Ой, как не вовремя», — с досадой подумала гостья.

— Вообще-то, я не мастер речи произносить, — замямлила она.

— Всего несколько слов, Жаклин, не нужно никаких речей.

Девушка раздумывала. Она понимала, что заменить себя Дженни не получится — та и так здесь нелегально, чисто потанцевать.

— Ну, хорошо. — Она накрыла своей рукой руку Марго. — Только не ругай меня потом, пожалуйста, если я всё испорчу.

— Не выдумывай, ничего ты не испортишь. — И женщина благодарно чуть-чуть встряхнула её колено. — Спасибо.

Все уже хорошо выпили, ближе познакомились друг с другом и болтали как старые приятели на все темы в мире. То есть о футболе. И в тот момент, когда Квёльц уже вот-вот готов был доказать всем, что «Ливерпуль» зря купил себе Беллами у «Манчестер Сити» — от этого «тюления» толку что там, что там, как от Стоунхенджа, музыка в зале внезапно оборвалась, свет погас, а вместо него включился прожектор, направленный на середину танцпола. Все затихли и развернулись туда.

Через некоторое время в луч прожектора вступил мужчина лет сорока, не очень высокого роста, коренастый, плотного телосложения и почти лысый. Он был одет не по-клубному, а по-офисному, а именно: в дорогой тёмно-синий костюм и сорочку в мелкую голубую полоску. Пока Жаклин его рассматривала, её мысли о том, что этот человек производит на неё благоприятное впечатление, опять перебила Марго.

— Пора, — прошептала та ей на ухо и потянула за руку куда-то прочь от диванов.

— Дамы и господа, минуточку внимания, — проговорил между тем мужчина в микрофон приятным голосом с лёгкой хрипотцой или даже каким-то слабым надрывом. — Разрешите представиться: меня зовут Кэмерон Прайс, и я владелец этого заведения. — Его прервали довольно дружные аплодисменты, на которые оратор ответил импозантным поклоном головы. — Я надеюсь, вам всем у нас понравилось, и вы наслаждаетесь сегодняшним вечером вместе с нами. — Публика опять была с ним согласна. — Я очень рад

этому. — Владелец заведения сделал левой ногой шаг назад, правую при этом поставив на пятку, и слегка поклонился, перегнувшись уже в пояс.

Жаклин с Марго в темноте подошли почти к самой стене возле бара с противоположной стороны от их диванов. Там уже стояли два официанта возле столика на колёсиках, на котором возвышался двухъярусный шоколадный торт, уставленный по поверхности обоих ярусов, как логически поняла Жаклин, восемнадцатью свечами, стилизованными под шоколад.

— Сейчас они зажгут свечи, а мы с тобой выкатим тележку и поздравим Алекса — вот и всё, — оптимистичным тоном уговаривала и успокаивала её Марго, показывая рукой на официантов, которые, вооружившись зажигалками, уже приступили к делу. Гостья молча кивнула, но глазами показала, что боится.

— Но всё дело в том, — между тем продолжил хозяин клуба, — что этот вечер не совсем обычный. Сегодня празднует свой день рождения названный сын моего очень хорошего друга, замечательный, умный парень Александр МакЛарен.

После этого луч второго прожектора осветил сидящего на диванах Алекса, который тут же помахал всем рукой. Все ответили возгласами и аплодисментами.

— Очень хотелось бы поздравить его с этим замечательным праздником от имени всех нас. Алекс, мальчик мой, поздравляю тебя с днём рождения, будь счастлив и пусть тебе всегда сопутствует удача.

— Поехали, — сказала Марго и сама первая взяла тележку за поручни, и медленно, чтобы не погасли свечи, покатила в центр. Жаклин ухватилась с другой стороны и пошла следом. Тележка ехала практически без усилий.

Они въехали в зону, освещаемую прожектором под «Happy Birthday to you», и остановились рядом с Кэмероном. Жак слегка оробела, когда увидела, что этот владелец клуба, только лишь оглянувшись на них и, судя по всему, мгновенно узнав Марго, посмотрел на неё. После того, как он окинул её взглядом с ног до головы, насколько позволяла тележка, за которой стояла девушка, и освещение в помещении, его глаза не то чтобы зажглись блеском восхищения или уж тем более, желания, но определённо оживились интересом. Взглянув на неё раз, взгляд он уже не отвёл.

Даже когда отдавал микрофон Марго для поздравлений, он смотрел только на Жаклин. Девушка состроила недовольную гримаску, и с ней же отвернулась от мужчины в сторону зрителей.

— Александр, — начала Марго, — ты знаешь, что мы все тебя любим, поэтому твой день рождения для нас всегда праздник. Я тебя знаю очень давно, и очень этому рада — ты очень хороший. Мы всей нашей семьёй поздравляем тебя, желаем здоровья, успешной учебы и удачной карьеры в будущем. С днём рождения тебя, милый.

Именинник встал с места, в несколько шагов своими длинными ногами преодолел расстояние от диванов до танцпола и сгрёб Марго в охапку. Все засмеялись.

Обнимаясь с юношей, женщина за его спиной передала микрофон Жаклин.

Когда именинник освободился, та решила, что пришла её очередь.

— Александр, — она нацепила на себя маску лёгкой дебильности. Парень повернулся к ней, — с днём рождения. Я тебя знаю недавно, но лучше поздно, чем никогда. Здоровья тебе, сбывчи всех твоих мечт и удачи в личной жизни. Поздравляю! — и она, не дожидаясь, пока её тоже сгребут в охапку, сама потянулась к нему, чмокнула в щечку и тут же быстро сделала один большой шаг назад.

И тут погас свет.

«Ну, вот и всё. Хорошо бы смыться под эту темень», — подумала Жак, наблюдая, как Алекс под аплодисменты задувает свечи. Она уже даже стала потихоньку отступать задом с территории танцпола, но сразу же наткнулась на кого-то спиной. К этому моменту именинник уже задул все восемнадцать свечей, и в зале включили боковую подсветку. Обернувшись, неудавшаяся беглянка увидела Кэмерона Прайса и тут же, немного испугавшись, чуть отскочила и развернулась к нему всем корпусом.

— Добрый вечер, — мягким, вкрадчивым тоном, но довольно громким голосом, чтобы перекрыть шум вокруг, сказал мужчина, как бы старясь показать, что его не нужно бояться.

— Добрый вечер, — вежливо ответила девушка, в позе и интонациях которой сразу же засквозили и заинтересованность, и осторожность одновременно.

Тем временем Марго с Алексом и подоспевшая к ним Дженни откатали тележку в сторону для того, чтобы разрезать, а вернее, разломать торт. Появились официанты с блюдами и ножами.

Алекс был очень занят, но отделившись от всех пару Жаклин — Кэмерон заметил сразу.

«Твою мать! А я думал, что хуже быть уже не может. Фак!»

— Я, признаться, не очень подробно знаком с окружением Алекса, поэтому пока лишен удовольствия знать, с кем имею честь, и очень надеюсь, что вы восполните это моё упущение, милая девушка.

Милая девушка пока еще терялась в догадках по поводу цели восполнения этого упущения, но тем не менее ответила:

— Жаклин. Жаклин Рочестер. Я знакомая Алисы. Живу в Оксфорде, поэтому сейчас часто вижусь с её сыном. — Но руки не протянула.

— Ах, вот оно что. — Кэмерон догадливо закивал головой. — Ну что же, будем знакомы? Я — Кэмерон Прайс, владелец этого клуба.

«И, скорее всего, не только его». — Ей показалось, что мужчина хотел бы добавить именно это.

— Очень приятно, — произнесла Жак довольно церемонно — сказывались всё те же уроки этикета от дядюшкиных коллег. Ей даже показалось, что на лицо её собеседника легла лёгкая тень от таких интонаций — судя по всему, он предпочел что-нибудь попроще.

— Как тебе клуб? Как тебе сегодняшний вечер? — Мимо них сновали люди, поэтому Кэмерон, подхватив свою собеседницу под локоть, увлекал дальше к стене от танцпола, но только не в сторону диванов, а в противоположную от бара. Девушка не сопротивлялась — ей было всё равно.

— Хочешь торт, кстати?

— Нет, спасибо, — опять очень церемонно отказалась гостья, осторожно высвобождая локоть, видя, что мужчина, судя по всему, отпускать её сам не собирается. — Клуб очарователен — здесь очень уютно и комфортно. Мне понравилось. У тебя отменный вкус. — Она смотрела, как Александр с рук кормит свою девушку тортом и как они смеются и дурачатся, пачкая друг друга шоколадом.

— Спасибо, Жаклин, я польщен. — Кэмерон понимающе улыбнулся, проследив за её взглядом. — Ты была еще где-нибудь в Лондоне?

— Да, я здесь училась в Университете Сити. На медицинском. — Девушка не собиралась баловать мужчину подробностями о месте своего рождения и выдавала

информацию по минимуму.

— Оу! — Прайс и так был весьма впечатлён.

— Да, я побывала здесь в кое-каких местах.

— А сегодня ты давно уже здесь, в клубе? Что-то я выглядывал, но тебя не замечал ранее в тусовке Алекса.

— Я приехала где-то в шесть-семь часов. Да, я уже давно здесь, и, честно признаться, собиралась уходить.

— Уже? Уходить? А я только хотел показать тебе клуб и самое интересное место в нём — нашу террасу. У нас здесь есть большая терраса, и когда хорошая погода, закатываем вечеринки там. Это бывает очень премило.

Жаклин сделалось обидно, что её обольститель даже не берёт на себя труд скрыть или хотя бы завуалировать свои намерения, и так быстро предлагает ей уединиться.

«Почти как профессионалке», — обреченно вздохнула она. Но потом, увидев, как МакЛарен целует Анну так, как будто хочет вытянуть из неё весь шоколад, которым сам же только что её и накормил, махнула на всё рукой.

— Да, глоток свежего воздуха мне не помешал бы.

Кэмерон молча подставил ей свой локоть, за который гостья взялась не раздумывая, и увлёл ее к незаметной двери, находящейся чуть сбоку от входа.

Александр, который в это время уже отпустил Анну и увидел удаляющиеся по направлению к выходу, над которым висела табличка: «Stuff only», спины Прайса и Жаклин, стало плохо по-настоящему, просто уже нешуточно.

«Д-д-да-а... т-т-твою мать, какого хера?!» — Но он тут же опомнился и сцепил зубы: «Ааа... пусть у её мужа голова болит. — Но всё-таки не выдержал и добавил: — Черт!».

Жаклин, увлекаемая своим спутником через служебную дверь, прошла по коридору, потом еще по одному короткому коридору, потом была лестничная клетка и несколько пролётов и наконец, мужчина распахнул перед ней двойную стеклянную дверь, и они оказались на довольно просторной террасе.

Это место не очень походило на террасу из её сна — во-первых, отсюда открывался вид не на весь Лондон, а только на стены соседних домов и немного улицы и скверика напротив, а во-вторых, ограждения оказались гораздо серьёзней — в низкий толстый бордюр был вмонтирован высокий частокол из витых кованых прутьев, вверху соединяющихся деревянными отполированными перилами на манер Тауэровского моста. Пол покрывала мелкая старомодная плитка кирпичного цвета. Но что касалось величины и простора помещения, то эта терраса не уступала той, во сне. А еще здесь было холодно.

— Шампанского? — спросил Кэмерон.

— Нет, спасибо, я ничего не хочу. — Несмотря на то, что их нахождение здесь расценивалось абсолютно недвусмысленно, Жаклин почему-то чувствовала доверие к этому человеку. Может, из-за разницы в возрасте, а может, и по другой причине. Она прошла к краю балкона и оперлась грудью на заграждения — они, действительно, были весьма высокими и доставали ей до подмышек.

Кэмерон, увидев, как грудь девушки смялась о железо прутья и от этого стала еще более налитой и выпяченной, подошел и стал с ней рядом.

— А я вот хочу, — вперился он взглядом в свою гостью.

— Я знаю, — откликнулась та на откровенность поворотом головы в его сторону.

— И каков будет твой ответ?

— Честно?

— Я взрослый мальчик. — Он сделал брутальное выражение лица.

— Мне всё равно.

— Жаль.

— Извини.

— А почему тогда пошла со мной?

Жаклин отвернулась от мужчины. Она сцепила руки в замок как для молитвы и, прислонившись к ним губами, молчала.

— Не ты первая, — вдруг сказал Кэмерон успокаивающе. — Ты же видишь, какой он. — Он слегка кивнул головой туда, где был сейчас Александр.

Жаклин дёрнулась как от толчка и повернулась к нему, но всё равно хранила молчание.

— А я не насильник. У меня нет необходимости в этом.

— Охотно верю. — Девушка опустила голову.

— Спасибо за комплимент.

— Не имею привычки.

— Я вижу, ты начинаешь замерзать и можешь простыть — может, пройдем ко мне в кабинет?

— Я врач. — Жаклин вздохнула так, как будто разочаровалась в своём выборе профессии и опять отвернулась.

— И что?

— Я не дам себе умереть.

Прайс замер, опустив подбородок, а потом спросил без вопроса в голосе:

— А ты хочешь умереть?

— Не знаю. Но думаю, мне не помешало бы.

Мужчина передёрнул губами туда-сюда.

— Ты такая... реалистка.

— Для меня это не комплимент, — тут же ответила она, как будто заранее знала, что он скажет.

— Зря, — мистер Прайс улыбнулся. Он прошелся по террасе, в раздумье засунув руки в карманы брюк, смотря себе под ноги, и, остановившись в самом отдалённом углу, развернулся на каблуках.

— Хочешь, я отвезу тебя в Оксфорд? — вдруг спросил он.

Гостья в очередной раз оторвалась от ограждения и повернулась к нему.

— Я замужем.

— Вижу.

— Хочу.

— Собирайся.

Она замялась:

— Мм-м-м... — Мужчина вопросительно вздёрнул брови. — Хорошо. Я только возьму свой номерок, — сказала Жаклин и не двигалась с места.

Кэмерон не спешил. Он вынул руки из карманов и скрестил их на груди. Постоял еще немного, оглядывая девушку с ног до головы, после чего направился быстрым, решительным шагом напрямик к ней.

— Идём. — Он положил ей руку на плечо.

— Куда?

— Увидишь. Идём. — Он уже не подставлял локоть, а взял за руку.

Хозяин клуба уверенно вёл свою посетительницу опять по каким-то коридорам, которые та даже и не думала различать или уж тем более запоминать, и вывел к гардеробу.

— Сьюзи, — обратился Прайс к гардеробщице, — девушке нужно забрать своё пальто. Номерок потом тебе принесёт Генри. Иди, забери своё пальто, где оно? — повернулся он к Жаклин.

Той не нужно было повторять дважды — она быстро без труда нашла своё пальто и тут же его надела.

— Скажешь Саймону, что я уже уехал, — приказал Кэмерон работнице. — Буду завтра как обычно. Пойдём, — потянулся рукой он к локотку девушки.

— Хорошо, сэр, — прозвучало им уже вдогонку.

Они опять пошли по каким-то коридорам и вышли теперь уже к гаражу, в котором стояли две машины: «фольксваген транспортёр» и какой-то «мерседес» кабриолет, верх которого сейчас был закрыт — в таких Жаклин не разбиралась, только знала, что их называют не то SLK, не то SLR.

Девушка не заметила, как мужчина нажимал на кнопку сигнализации, но машина сначала молчаливо-приветливо отозвалась мигнувшими фарами, а потом элегантно щелкнули замки.

Хозяин открыл левую дверь и отошел в сторону, предлагая своей пассажирке занять место.

Жаклин была в шоке от того, что делает, но этот шок её даже не тормозил, не говоря уже о том, чтобы остановить.

«Пусть везёт меня хоть в Дувр и утопит в океане. Мне всё равно», — и усевшись, она пристегнулась.

— Ты не хочешь предупредить своих, что уехала? Они не будут тебя искать? — поинтересовался Прайс, когда они выруливали на шоссе Уэстуэй для выезда из Лондона.

— Да, это не было бы лишним, но у меня нет телефона, — как бы спохватившись, ответила пассажирка.

— Нет телефона? Вообще?

— Нет, конечно, телефон у меня имеется, но я его с собой не беру. Ну... вернее, беру, конечно, но не всегда.

Услышав такое, мужчина даже оторвал глаза от дороги.

— И как ты этого добилась?

— Да я и не добивалась вовсе. — Она улыбнулась и отвернулась к окну, наблюдая привычную картину окраин Лондона с его кварталами многоэтажек, которых никогда не встретить в центре. — Я много путешествовала по миру со своим дядюшкой — он был археологом, а там, где мы жили, где дядя работал, не везде была связь. Вернее, её там вообще почти нигде не было. Поэтому я с детства не приучена к этим всем штукам и могу спокойно без них обходиться.

— А почему ты была с дядей? Где были твои родители?

— Они погибли в аварии, когда мне было девять.

— Извини.

Жаклин привычно кивнула — она с девяти лет говорила о том, что её родители разбились на машине и всегда в ответ слышала это слово.

Кэмерон полез во внутренний карман пиджака, вынул оттуда телефон и, что-то на нём

набрав, приложил к уху.

— Алло, Алекс? Это Кэм. Я забрал у тебя твою гостью, извини. — Потом, видимо прослушав ответ, добавил: — Да, она со мной. — Он протянул телефон Жаклин. — Он хочет с тобой поговорить.

Та закатила глаза — она не горела желанием разговаривать с именинником, а тем более в присутствии Прайса, но телефон, понятное дело, взяла.

— Алекс? Извини, что не попрощалась. — В динамике была слышна музыка, но не очень громко — видимо, юноша находился не в зале.

— Жаклин? Почему у тебя не отвечает мобильник? — его голос звучал резко, а интонации — требовательно. Парень был явно на взводе.

— Потому что он у меня выключен, а что? Ты звонил? Когда?

— Когда ты исчезла. Включи телефон.

— Не могу.

— Почему?

Жаклин скептически сжала губы.

— Потому что его нет со мной.

— А где он?

— Дома.

— Вот и отлично. Как только будешь дома, будь добра, включи его — я волнуюсь.

— Не волнуйся, я с Кэмероном.

— Жаклин, ты можешь пообещать мне приехать домой и включить долбаный телефон?

— Он не долбаный.

Пауза.

— Жаклин.

— Что?

— Я многого прошу?

— Смотря с чем сравнивать. Спасибо тебе за вечер, Алекс, всё было клёво, мне понравилось, правда.

— Жаклин.

Но тут в трубке послышались звуки посторонней борьбы и какой-то шепот.

— Жаклин? — это уже была Марго.

— Марго? Извини, дорогая, что не попрощалась.

— Жаклин, тебя уже сегодня не будет?

— Нет.

— А как же я и Дженни? Мы сегодня так на тебя рассчитывали — думали, что хоть ты к нам присоединишься в этом огромном доме Ктрка, в Ноттинг Хилле, там не очень уютно вдвоём.

— Что значит «хоть я» и почему вдвоём? А как же Алекс? Его с вами не будет?

— Он ночует с Анной в квартире Кирка в Челси. Самого Кирка нет в городе, — пояснила женщина.

Эта новость прозвучала в мозгу Жаклин как выстрел из сорок пятого калибра.

«Ах, вот значит как! Обо мне он волнуется!»

— Марго, мне очень жаль, что подвела вас, но надеюсь, вы справитесь без меня. Извини. Увидимся в Глазго? — девушка очень старалась свою злость на Александра не выплеснуть на ни в чем не повинную женщину.

— Ладно..., чего уж там... Спасибо, что приехала составить компанию, с тобой было весело, и — да, до встречи в Глазго. — Голос Марго потеплел.

— Пока.

— Пока.

Жаклин нажала на отбой и вернула мобильник владельцу.

— Спасибо. Ты меня подводишь, а я еще и болтаю по твоему телефону.

Кэмерон молча спрятал телефон обратно в карман.

«Он будет ночевать с Анной в, наверняка, очень роскошной квартире, спать на такой же роскошной кровати. Если они вообще будут спать». — Ей уже по-настоящему захотелось, чтобы этот владелец клуба вывез её в Дувр и утопил в проливе.

— Не могу не спросить у тебя — почему ты мне сегодня помог? — она смотрела прямо перед собой в лобовое стекло.

— Всё просто — ты мне понравилась. — Прайс сказал это так, как будто обсуждал погоду в Новой Зеландии.

— Я или мой четвёртый размер? — Жаклин пошла на свой личный рекорд прямолинейности, хотя размер у неё был не чисто четвёртый, а с примесью третьего.

— Я мужчина.

— Ты не одинок в этом. — Почувствовав, что он как бы оправдывается, она вспомнила друзей Алекса в клубе.

— Это проблема? — мужчина кратко глянул на свою прямолинейную пассажирку.

Та прищурилась, потом закусила нижнюю губу, после чего просто улыбнулась.

— Не только у меня четвёртый размер.

Прайс на это слегка засмеялся.

— Хвала небесам? — сказал даже с каким-то вопросом в голосе, продолжая следить за дорогой.

После этого воцарилось молчание. Они ехали по тёмному, неосвещённому шоссе, лишь по бокам от дороги, вдалеке виднелись огоньки маленьких поселений и ферм. Машина шла мягко, в салоне было почти бесшумно и очень комфортно.

— Но я еще и просто человек, — решил всё-таки продолжить тему своего альтруизма водитель.

— Ну, хоть в чем-то мне сегодня повезло. — Пассажирка на это дурашливо закатила глаза.

— У тебя всё впереди, Жаклин. Тебе еще повезёт.

— Ты видишь будущее?

— Я вижу настоящее. — Прайс с очень конкретным намёком посмотрел на неё.

— Тебя не было с нами на вечеринке — ты ничего не видел.

— Я видел достаточно. И достаточно пожил на свете.

— И? — она повернулась к нему с лёгкой мольбой в глазах.

— Он — твой!

Вообще-то она склонна ему верить. Но вот верить тому, что он говорит... это уже сложнее.

— Он с Анной.

— Хм... — хмыкнул Кемерон уголком губ, — он может быть с тремя Аннами, но он — твой.

— Он сегодня с ней ночует в квартире Кирка. — Жаклин «нажимала» голосом.

— Ну и что? А ты сегодня будешь спать в одной кровати с мужем, и что? Ты ведь всё равно — его.

Девушка сжала губы в прямую линию.

— После того, как его встретила, с мужем я только сплю.

Кэмерон вздёрнул брови.

— Это ненадолго.

— Знаю.

— Ну, так действуй!

— А я что сейчас, по-твоему, делаю? — она распахнула глаза, но продолжала смотреть в лобовое стекло.

Прайс неожиданно улыбнулся улыбкой довольного кота.

— Усугубим ситуацию?

Жаклин зыркнула на него и тоже улыбнулась.

— Соблазн велик.

— Ты даже не представляешь, насколько. — Мужчина «заиграл» бровями и улыбнулся еще шире.

Девушка задохнулась в шутливом возмущении.

— Сэр!

— А что! Сейчас развернём машину и поедem ко мне. — Кэмерон смеялся. — А завтра к обеду, когда ты еще будешь спать у меня, — «сном хорошо оттраханной женщины» — проговорил он про себя, — твой муж начнёт искать телефон этого засранца и требовать, чтобы он вернул ему его жену назад.

Жена грустно улыбнулась.

— К сожалению, мой муж мне слишком доверяет, и я буду должна прожить у тебя дня два, прежде чем он потревожит Александра.

— Я буду только «за».

— Не смущай меня.

— Тебе нужно привыкать. Ты же знаешь, что вот такая вот игра, — мужчина покачал головой на манер качелей, — нуу... в различной степени тяжести — это удел всех девушек, которые хотят быть рядом с такими, как Алекс, и не сойти с ума от ревности.

— Всё так плохо?

Знарок человеческих душ в ответ только высокомерно хмыкнул.

— М-мд-да... — выдавливала из себя Жаклин, — да, ты прав. Тяжело смотреть, как они все пожирают его глазами.

— И не только.

Девушка молча вопросительно вскинула бровь на него.

— Я владелец ночного клуба, — пояснил владелец ночного клуба.

Она только согласно вздохнула.

— Удачи тебе, девочка.

— Спасибо. Тебе тоже.

— Обо мне не беспокойся. Я в порядке.

— Здесь налево, — показала Жак, потому что за разговором они уже въезжали в Оксфорд.

Умело направляя Кэмерона с его машиной, пассажирка довольно быстро привела его к своему подъезду.

— Час ночи, — зачем-то уточнил мужчина, показывая пальцем на «торпеду», где отображались часы, после того как прижался к обочине у подъезда Жаклин и заглушил двигатель.

— Мой муж, скорее всего, еще не спит, — зачем-то уточнила та.

Потом она развернулась к своему спасителю всем корпусом и прислонилась спиной к окну своей дверцы.

— Спасибо тебе. Не знаю, как бы я сегодня еще несколько часов непринуждённо болтала с Марго и Дженни. Ты меня спас.

— Глупости. Я тебя просто подвёз. — Он смотрел перед собой на приборную панель.

— Спасибо. — Она помолчала. — И спокойной ночи?

— Спокойной ночи.

Жаклин думала, что он сейчас потянется поцеловать её либо в щечку, либо руку, но он сидел прямо за рулём, держась за него в самом низу и, судя по всему, даже и не думал шевелиться.

Тогда она сама было двинулась к нему.

— Не надо, — тут же отрезал Прайс. — Иди. — Потом увидев, что девушка слегка оторопела, повернулся к ней и уже мягко повторил: — Иди, Жаклин.

Та только в согласии кивнула головой.

— Да. Пока.

— Пока.

Она вышла из машины, закрыв за собой дверцу, и, не оборачиваясь, пошла к подъезду, прислушиваясь к тому, как позади неё мягко заводится мотор и машина трогается с места, так же мягко шурша шинами.

Открыв дверь, Жаклин традиционно попала в лапы Суле, которая тут же выбежала в коридор, разводя хозяйку «на погулять».

— Ладно, — согласилась та, — но только недолго. Туда и обратно.

Щенок нетерпеливо перебирал лапами, как бы на всё согласный, но на морде было написано что-то типа: «Идём скорей, а там уж как получится».

— Ты уже дома? — вышел из гостиной Чарльз. — Какая же ты у меня умница. А я ждал тебя только завтра. — Он с радостным лицом подошел к жене и с чувством поцеловал её в щеку.

— Да, нас подвезли, — соврала она. — Я сейчас прогуляю Сулу немножко и приду.

Она выгуляла Сулу, потом поговорила с Чарльзом, рассказав ему в общих чертах о клубе, и, сходя в душ, улеглась спать.

«Как же я устала», — думала Жаклин, только прислонив в кровати голову к подушке и отвернувшись от супруга, глядя в темноте на свой выключенный телефон, который лежал мёртвой, бездыханной «тушкой» на прикроватной тумбочке.

Глава 13 Подарок

Глава 13. Подарок.

— Дышите — дышите, дышите ровно, не задерживайте дыхание, иначе вам потом захочется набрать много воздуха в лёгкие, а это напряжет внутрисполостные стенки и мышцы спины — они надавят на почки, и вам станет еще больнее, — разговаривала Жаклин с пациентом, мужчиной сорока четырёх лет, поступившим с приступом почечной колики. Тот в застывшем состоянии лежал на кушетке, накрытый согревающим электроодеялом, боясь пошевелиться и вдохнуть. Врач скорой помощи уже сделал ему укол дротаверина и баралгина по дороге в клинику, поскольку пациент жаловался на боли в левой почке, и, таким образом сняв ему спазм, по приезду в больницу первым делом отправил его на УЗИ.

Доктор Рочестер сидела за своим столом в приёмном покое. Получив результаты УЗИ и убедившись, что у больного в протоке левой почки застрял небольшой камень, она выписала ему направление в стационар и сразу же на томограмму и химанализ природы камня, чтобы у уролога, который будет лечить этого пациента, имелся необходимый первоначальный набор данных по обследованию. Да и самой ей предстояло на основании этих же показаний подбирать мужчине диету. Которую он, скорее всего, соблюдать не станет, а просто через год-полтора опять поступит с коликой.

После того самого двадцать первого числа октября месяца Жак жила будто застыв на старте — она никак не могла понять, на что же ей решиться и решаться ли вообще на что-нибудь.

Сейчас её жизнь протекала в обычном режиме при необычном настроении. Иногда она гуляла с Сулой в парке вместе с Сесилией и её тремя псами. Они грузили всю четвероногую братию в «универсал» её подруги и ехали в Парк Юг. Там, отпустив питомцев на просторы лужаек, женщины неспешно гуляли и разговаривали. Обо всём. Как обычно. Пару раз к ним присоединялась невестка Сесилии — Марта, со своей трёхлетней Кэйт — внучкой Сесилии. Иногда свекровь с невесткой заводили разговор о муже Марты, Лайоме, старшем сыне миссис Хэммонд. В их обсуждениях сквозило столько любви и обожания, что Жаклин понемногу «отогревалась» рядом с ними.

В последнее время старшая подруга старалась всё больше с юмором рассказывать о своём муже, детях, собаках, странных и не очень соседках — она видела, что с Жаклин происходит, мягко говоря, не совсем радостное. Та вела себя как замороженная, будто постоянно мёрзла — всё время куталась и ёжилась не то от холода, не то от какого-то дискомфорта, поэтому женщина как могла отвлекала и успокаивала её своими разными житейскими мелочами и курьёзами.

Кстати, именно тогда Сесилия, понаблюдав за Сулой, предложила Жаклин записаться на курсы дрессировки и немного «довести до ума» собаку. Она находила Суламити весьма смышленной и способной к дрессуре и предрекала этому непоседливому, балованному щенку большое будущее в плане послушания и контакта с хозяевами. А эта женщина, которая всю жизнь держала собак, неплохо разбиралась в этих четвероногих любимцах англичан и знала, о чем говорит. Жак полностью в ней соглашалась, тем более что уже и сама подумывала над дальнейшим воспитанием своей питомицы при помощи профессионала.

Со временем горечь от увиденного и пережитого в ночном клубе отступила, работа забирала львиную долю мыслей, чувств, времени и сил — Жаклин почти всё время дежурила

сутками.

Между дежурствами, по выходным, почти так же сутками спала, а в перерывах хлопотала на кухне и гуляла с собакой, не желая лишний раз беспокоить мужа, который в последнее время напряженно работал над своими статьями.

Сула очень хорошо отвлекала свою хозяйку и веселила. Этот щенок, кажется, вообще не обладал способностью к унынию и негативу, он был всегда рад и счастлив по умолчанию, щедро делился всем этим с владелицей и в любое время дня и ночи с готовностью составлял ей компанию, чем бы та ни занималась. Жаклин немного расслаблялась дома со своей хулиганкой, а потом опять шла на работу.

Она теперь очень редко включала свой телефон. Так... от случая к случаю. Помимо того, что девушка мало кого и о чём хотела слышать, (и даже любимый человек не являлся исключением), звонки действительно мешали работе. Да и вообще, вне зависимости от её желаний, зачем бы сейчас Александр стал ей звонить? Поделиться с ней счастьем — как ему хорошо, весело и удовлетворительно с Анной? И какая она, Анна, всё-таки хорошая подруга? Жаклин с грустью вспоминала те времена, когда готова была слушать от него даже правила пожарной безопасности на лодочной станции.

Почти сразу после той злополучной пятницы племянница позвонила своему дядюшке Ламу. Она справилась о его здоровье, сказала, что постарается приехать на рождественские каникулы и сама чуть не расплакалась при этом — ей сделалось так одиноко и так хотелось в этот момент очутиться рядом с единственным родным для неё человеком. Дядюшка сказал, что будет очень ждать, и предложил приехать вместе с Чарльзом. Жаклин обещала подумать и поговорить с мужем.

Через некоторое время, где-то дней через пять — шесть после её звонка мистеру Фортестью, позвонили Эшли с Алисой.

Доктор Рочестер сидела в столовой клиники, включив на время обеда свой телефон, и просматривала медицинские новости.

Увидев на дисплее имя Эшли, она тут же приняла вызов.

— Алло.

— Алло, Жаклин, добрый день. Как твои дела? — очень доброжелательным, участливым тоном начала женщина.

— Здравствуй, Эшли. Очень рада тебя слышать. Я — нормально, а ты как?

— Я в порядке. В последнее время к тебе невозможно дозвониться. Извини, это не моё дело, но у тебя всё хорошо?

— Да, всё нормально, просто очень много работы, и поэтому постоянно телефон приходится выключать.

— Оу, извини еще раз. Я как-то об этом не подумала. Свою работу я не мыслю без телефона, и по глупости думаю, что это и у всех так. Лам передаёт тебе привет.

— Спасибо, передавай привет и ему. И пусть он поменьше ест всяких острых и солёных кетчупов и соусов с его начинающимся панкреатитом, я это уже говорила, но неплохо бы ему напоминать.

— Да-да, дорогая, я слежу за этим, можешь не сомневаться. Ты собираешься к нам на каникулах? Мы тебя очень ждём.

— Да, я планирую. Я уже пообещала дядюшке, что если мне удастся заполучить хороший график работы перед праздниками, то я вырвусь к вам после Рождества.

— С Чарльзом? Ты с ним уже говорила?

Ни с кем Жаклин еще не говорила об этом, да и не собиралась, потому что сам Чарльз планировал лететь в Париж.

— Он очень занят, Эшли. Вряд ли он будет отдыхать. Не исключено, что ему после праздника придется ехать во Францию.

— Оу, Франция. — Голос её собеседницы сразу же стал мечтательным. — Сама была бы не прочь туда вырваться.

— Да, Франция прекрасна, — тут же согласилась девушка, — но это если отдыхать там. А Чарльз едет на встречу и переговоры — возможно, некоторые французские научные журналы захотят напечатать его статьи.

— Передавай супругу привет и удачи ему на переговорах, — напутственно сказала Эшли.

— Спасибо, передам.

— Жаклин, если ты позволишь, я передам трубку Алисе, она здесь со мной рядом. Она хотела бы перекинуться с тобой словом.

— Да-да, конечно.

— Тогда я с тобой прощаюсь. Пока. И не забывай — мы тебя ждём.

— Не забуду, Эшли. Пока.

— Здравствуй, Жаклин. Как ты? — после мимолётной заминки в телефоне послышался голос Алисы.

— Здравствуй, Алиса. Я нормально, а ты?

— Тоже неплохо. Жаклин, во-первых, я тебе очень благодарна, что ты отметила день рождения моего сына вместе с моими детьми, мне несказанно приятно. Дженни рассказывала, как вы с ней там танцевали и веселились, спасибо тебе большое.

— Не стоит, Алиса, это Александру спасибо, что пригласил, мне было очень приятно, и я отлично повеселилась.

— Как он там себя вёл? Не баловался? — женщина шутила, но шутила той шуткой, в которой имелась только доля шутки.

— Он был паинькой. — «Я так понимаю, расскажам дочери Алиса не доверяет. Видимо, Дженни и Алекс это одна команда. Или банда».

— Вот как?

— Да, он был самым примерным именинником, каких я только видела. Нет, правда, Алиса, всё прошло очень хорошо, все просто веселились и поздравляли, и всё.

— Дженни сказала мне, что Александр был с девушкой.

— Да. Скромная девушка Анна. Она очень тихая и спокойная.

— Ох, как бы я хотела на неё взглянуть. Мой сын не тот, кто будет первую встречную приглашать на свой праздник.

— Ну, может, тебе и представится такая возможность, кто знает.

— Да-да, кто знает. Спасибо тебе, Жаклин — ты меня успокоила.

— Не переживай, Алиса. Вот немного разгрузившись с работой, я планирую пригласить Александр с Анной в гости к нам с Чарльзом.

— Оу, это так мило с твоей стороны, Жаклин. Желая тебе поскорее освободиться, и приятного вам общения. Ты знаешь, я хотела приехать вместе со своим ребёнком в Оксфорд, когда он отправлялся на учебу, чтобы посмотреть, как он там устроится, где будет учиться, а он меня с собой не взял. Не позволил ехать с ним, и всё. Но я еще не теряю надежды как-нибудь вырваться к вам, навестить своего студента.

— Добро пожаловать, Алиса. Мы с Чарльзом будем очень рады принять тебя у нас. Как только соберёшься, дай знать — ты легко сможешь остановиться у нас, места всем хватит.

— Да наградит тебя Господь, девочка, за твою доброту.

— Пустяки. Не стоит благодарности.

— Ну, не буду тебя больше задерживать. Всего тебе доброго, Жаклин.

— Спасибо, Алиса. До свидания.

— До свидания.

Только нажав на отбой, девушка осознала, что она только что сделала.

«Ну и что это было? Что это на меня нашло?» — Ведь она очень не хотела приглашать Алекса к себе домой. С самого начала не хотела.

Во-первых, она вот как-то совсем не жаждала видеть, так сказать, на одной картинке, в одной «системе координат» Александра и Чарльза одновременно. Оно и при сугубо индивидуальном подходе супруг в глазах своей жены уже очень сильно проигрывал молодому, красивому, уверенному в себе и дерзкому парню, а уж если их поместить в одну и ту же «среду обитания»...

Жаклин очень боялась, что не обладает тем запасом прочности, который бы ей понадобился, чтобы после этого смотреть на своего мужа без сожаления.

Во-вторых, она теперь вообще не хотела совершать какие-либо телодвижения в сторону красавца шотландца, боясь снова очутиться в зоне поначалу просто притяжения, а потом еще и турбулентности. Влюблённая опять... опять хотела попробовать оставить его в покое, смириться, привыкнуть в отношении него к статусу «просто знакомый», и обрести самой и покой, и такой же статус взаимно.

Но, в то же самое время, Жак не очень-то и горела желанием, чтобы эта боль, уже можно сказать, родная боль её покинула. Ударив влюблённую там, в клубе, в район солнечного сплетения и «поселившись» в этом месте, боль, что называется, «прижилась». Девушка уже привыкла к ней, как солдаты привыкают к осколкам, сидящим у них в теле, почти началось «срастание тканей и систем кровообращений». И как бы она её ни беспокоила, какой бы дискомфорт ни причиняла, но без этой горечи Жаклин боялась опять, вопреки всем расставленным точкам над «i» и громким воплям из её черепной коробки, попытаться приблизиться к этому, не имеющему для неё аналогов и ни на что больше не похожему источнику радости и печали одновременно под коротким, но ёмким именем «Александр», тем более, что её не всегда устраивало процентное соотношение этих двух чувств.

Это был тот самый старей, добрый замкнутый круг.

Но.

Но всё дело в том, что она не представляла, как будет смотреть в глаза Алисе, да и Эшли тоже, и что будет им говорить, если затянет ситуацию, и окажется, что их студент вот уже как несколько месяцев в Оксфорде, а они с Чарльзом так и не захотели видеть его у себя в доме. Это смотрелось очень грубо и невежливо с её стороны. Именно поэтому, скорей всего, услужливая психика сейчас и подтолкнула её к этому обещанию, которое девушка должна будет сдержать и отдать долг добрососедству, тем самым дав Алексу шанс сделать то же самое.

Ну да как бы там ни было, дело до этого еще не дошло, а прямо по курсу у неё намечался обещанный подарок для своего «источника печали и радости».

Вообще-то Жаклин очень любила дарить подарки. Она понятия не имела — что это

значит, ну вот любила и всё. Обычно она всегда подолгу ломала голову над тем, что подарить тому или иному своему знакомому или знакомой — всем: от дядюшки до Сесилии. И, в конце концов, как правило, ей удавалось придумать что-нибудь оригинальное и неизбитое, что она преподносила в дар с большим желанием и удовольствием.

В случае с Алексом же всё случилось с точностью до наоборот — почти сразу же после того разговора, когда она услышала заветную дату его рождения, мысль о том, что подарить, пришла как-то сама собой, без особых усилий, обычным, тогда еще августовским, днём. А вот на то, чтобы получить удовольствие еще и от процесса, Жаклин сейчас уже рассчитывать не могла никак.

Она нашла подарок незадолго до вечеринки в клубе, ринувшись «на штурм» интернет — поисковиков, потому как конкретно знала: чего хочет, сколько, какого цвета, размера и прочее. Google тогда «держал оборону» дня два — она никак не находила, что придумала. Вернее, что-то отыскивала, но не вот прямо «в яблочко». Но так продолжалось до тех пор, пока круг её поисков ограничивался Лондоном и Англией. Как только она его расширила до масштабов Европы, хоть ей и не очень этого хотелось, удача тут же одарила её улыбкой.

Из Франции.

Из Франции на границе с Бельгией.

Ею была найдена фирма, которая обещала сделать всё так, как хотела заказчица Жаклин Рочестер. Индивидуальный заказ влетел ей в кругленькую сумму, но, учитывая обстоятельства и усилия, потраченные на поиск, Жак было уже не до рачительности.

И вот ей пришла заветная посылка из французского города Лилля. Вскрыв упаковку прямо на почте, англичанка убедилась, что французы марку держат, и даже немного повеселела.

Теперь дело оставалось за малым — нужно позвонить Александру и договориться, где и когда можно вручить ему небольшой подарок.

И поехать.

И вручить.

Всего-навсего.

К звонку девушка готовилась дня полтора — два. Она никак не могла улучшить наиболее комфортные и безболезненные настроение и обстановку, при которых могла бы с минимальными для себя последствиями опять почувствовать его самого, услышать его голос, интонации. Ей всё время казалось, что она позвонит, а рядом с Алексом в этот момент обязательно окажется Анна.

От этой мысли пальцы у Жак слабли и отказывались нажимать на экран телефона, и подчинились только тогда, когда тянуть уже невозможно — прошло почти три недели со дня рождения юноши. Пора.

Жаклин улучила момент, когда в свой выходной днём гуляла с Сулой в их дворовом скверике. Погода была пасмурная, сонная и муторная, но, к сожалению, это сказывалось только на темпераменте людей, но никак не фараоновых собак — на хозяйку напало какое-то умиротворение, Сула же носилась по скверу, «приклеившись» носом к земле, как утюгом «утюжа» им все без разбора поверхности, которые попадались ей на пути.

Девушка долго смотрела на строчку в своём телефоне с девятью заветными буквами «Alexander». Мобильник два раза погасал, экономя аккумулятор, и она опять нажимала и опять смотрела. Но, в конце концов, всё-таки решилась. Палец коснулся сенсорного экрана, и вызов пошел. Жаклин приложила телефон к уху и принялась считать гудки, следя глазами

за своим щенком. Она дала себе зарок после пятого гудка отключиться.

Александр ответил после четвёртого.

— Алло, — просо сказал он.

— Алло, Алекс? Привет, это Жаклин. Ты можешь сейчас говорить? — затараторила она в смущении, всё время опасаясь, что прервёт парня, когда он или целуется с Анной, или что еще похуже — бедняжке прямо так и рисовались перед глазами все эти картинки.

На том конце отвечать, судя по всему, не спешили — случилась маленькая пауза. Но даже её звонившей хватило, чтобы передумать много-много всякого и разного.

— Жаклин? — наконец отозвался Александр уставшим голосом, но с каким-то таким обнадёживающим облегчением. Юноша слышался действительно измученно, но делать вид, что у него всё нормально, всё-таки пытался. — Джеки... — и опять пауза.

— Да-да, Алекс, это я. Я не вовремя, да? Извини, я потом перезвоню.

— Жак! — гаркнул он тут же. — Жак, подожди. — Голос опять стих. — Почему ты решила, что ты не вовремя?

— У тебя уставший голос. У тебя всё в порядке?

— Да... всё в порядке. Я немного устал... много учёбы. Но это ничего. Дальше, говорят будет еще хуже. А как у тебя дела?

— Да... я тоже... много работы. Но это неважно, я звоню по другому поводу.

— Говори. — Он явно оживился.

— Да тут в принципе и говорить-то особо нечего, просто у меня готов твой подарок. Подарок к твоему дню рождения. Помнишь, я обещала? Извини что поз...

— Жаклин.

— А.

— Мне не нужно никакого подарка. — Сейчас он заговорил с ней как с маленькой глупенькой девочкой.

И вот тут «девочка» испугалась по-настоящему. Она застыла на месте, и её бросило в жар. А может быть, и в холод — тогда ей было этого не разобрать. Мысли понеслись вскачь. Если бы ей так ответила, допустим, Эшли, или Алиса, или Сесилия, то девушка еще могла подумать, что те скромничают из вежливости и не хотят показаться меркантильными. Но это была не одна из них, это был Александр. Этот мог говорить так только лишь потому, что не хочет её видеть, и всё — занавес.

Юноша, судя по всему, и так очень устал, а тут еще она со своим подарком к уже прошедшему дню рождения.

«Лучше бы я заказала подарок чуть пораньше и вручила бы его в клубе. Ничего у меня не получается с этой лишней... дополнительной встречей».

Но доводить дело до конца всё-таки нужно — выбора не имелось. Жаклин «включила» мозги и набралась наглости — представила, что Александр — это Эшли или Сесилия, что он тоже только лишь скромничает, а отнюдь ни не хочет её видеть. Может, ему даже всё равно, но с этим уже можно жить. И Жаклин жила. Она собрала себя в кулак, набрала побольше воздуха и твёрдо и упрямо сказала:

— Надо. — И, сделав паузу для дальнейшей консолидации, продолжила: — Как это не надо? Я же обещала, помнишь? К тому же я очень люблю дарить подарки.

После того, что ей ответили, звонившая оторопела во второй раз.

— Ну, надо так надо. Как скажешь. Но я бы мог обойтись и без подарка.

До неё начало медленно доходить:

«Так этот засранец, действительно, скромничает?! Значит, вот так вот, да? Это неслыханно! Я тут уже чуть сознание не теряю, думаю, что он вот-вот меня пошлёт, а он всего-навсего скромничает! Ну, Александр МакЛарен... я буду не я...» — влюблённая жутко обрадовалась, что всё так быстро прояснилось, и на радостях готова была просто придушить своего любимого скромника.

— Нет, не мог бы... — и тут она увидела, как Сула уже нашла на земле какую-то гадость и приготовилась её проглотить. — Сула, фу! Нельзя! Брось сейчас же! — девушка немного отстранила телефон от лица, но потом быстро проговорила в трубку: — Алекс, извини — я выгуливаю свою собаку. — Она направилась к хулиганке, которая, уже зная, что её будут ругать и даже могут пристегнуть на поводок, тут же выронила из пасти свою «добычу» и дала дёру вглубь насаждений, чем вообще-то способна принести своей хозяйке кучу нешуточных проблем, если бы не ограждение и небольшие размеры скверика.

— Я не знал, что у тебя есть собака.

— Есть. Сула, стой. Сейчас же остановись!

— Что за порода? Я люблю собак.

— Фараонова собака.

— Оу! Круто! Интересно было бы взглянуть. Покажешь как-нибудь?

— Если она съест здесь хоть одну какую-нибудь гадость, я тебе её отдам. Подарю на следующий же день рождения. — Жаклин слегка засмеялась. — Ну что за несносная девчонка! Нужно будет пройти с ней общий курс дрессировки, такое поведение совершенно никуда не годится. Сула, мы сейчас же идём домой. Ты абсолютно не умеешь себя вести! — но потом она вернулась к разговору. — Ну так вот, о подарке. Мне очень хотелось бы его тебе вручить. Так надо, Алекс. Это можно устроить? Это, собственно, секундное дело. Торжественно клянусь больше пяти минут тебя не задерживать. — Она быстрым шагом всё-таки настигла свою хулиганку, зажав её в укромном уголке сквера, и принялась пристёгивать поводок.

И тогда молодой человек удивил её в третий раз. И на этот раз уже окончательно.

— Приходи ко мне в общежитие. Заодно посмотришь, как я живу, и опишешь в моём досье. — Он явно улыбался и дразнился, но говорил вполне серьёзно.

«Это всё так странно... — Жаклин рукой с поводком поправляла себе волосы после догонялок со своей фараоновой собакой, — подозрительно как-то... ничего не понимаю».

— Эм-м-м... — замялась она вслух, — а в каком общежитии ты живёшь?

— На Марстон роуд. Знаешь, где это?

— Да, конечно... — она ещё чуть-чуть потянула время.

— Ну, так что? — терпение её собеседника было уже слегка неполным.

— Нет, так не совсем честно. Неправильно, — утрированно по-деловому начала девушка. — Ты приготовишься к моему приходу: уберёшься у себя в комнате, помоешь посуду, поменяешь... — она хотела сказать «постель», но быстро поправилась, — занавески. Нет, так не пойдёт. Я приду к тебе как-нибудь неожиданно, буду идти мимо к какому-нибудь своему пациенту и зайду. Да. Вот так будет правильной, и для досье, опять же, полезней, достоверней. — Под конец её голос совсем окреп от осознания собственной правоты его хозяйкой.

Александр, конечно же, смеялся.

— Жаклин — Жаклин... ты меня плохо знаешь. Я помешан на чистоте. Я всю жизнь заставляю Дженни убираться у неё в комнате, и благодаря мне она всё это жутко ненавидит

во главе со мной. Представляю, какой у неё сейчас там бардак дома, пока меня нет... как она там кайфует без меня. Кстати, если ты мне не веришь, можешь спросить у неё.

— Ты прав — я тебе не верю. Вернее, верю, но проверю обязательно... как-нибудь. Сула! — Она слегка дёрнула за поводок своего непослушного щенка, который, кажется, опять начал рыть носом очередную «добычу». — Вообще-то, если честно, то я звоню сегодня, потому что у меня остался всего лишь один выходной, и я могу взять его только завтра. А после мне в расписании поставили подряд три восьмичасовых рабочих дня — буду занята на работе с утра и до вечера, а потом ещё два дежурства через сутки. Так что...

— Очень жаль... — студент явно огорчился, — завтра меня целый день не будет в Оксфорде, я еду в Лондон.

Жаклин хотела спросить: «Зачем?» — но вовремя спохватилась и задала другой вопрос:

— На чём?

— На поезде.

«Ну и отлично».

— Ну и отлично, — обрадовалась она. — Во сколько ты будешь на перроне? Я подойду к отходу поезда, вручу тебе подарок, и ты поедешь себе спокойненько.

— Эмм... только если он не очень громоздкий. Я еду в «The Independent», туда с большими сумками не пускают.

— Оу, в газету? Ты пишешь статьи? — она чуть не добавила: — «Как и мой муж?»

Студент засмеялся.

— Конечно, нет. У нас была экскурсия в это место. Я её пропустил. Причина уважительная — поехал на другую экскурсию, но мне всё равно нужна отметка, что побывал в этом издательстве.

— Ясно. Ну, так что, договорились? На каком ты поедешь?

— На десятичасовом.

— Ты едешь один? — у неё все внутренности свернулись в тугой узел...

— Нет.

Узел плотно подступил к горлу и спокойно, уверенно, что называется, по-садистски, взял девушку за глотку.

— Гхм... — она прочистила горло. Было ощущение, что это какие-то чертовы тесты на вступление в ряды MI-6. — Ну да ладно... Значит, где-то без пятнадцати десять встретимся на первом перроне, хорошо?

— Хорошо. Так у тебя завтра точно выходной?

— Точно. До завтра, Александр?

— До завтра.

«Фух... — Жаклин нажала на отбой — кажется, справилась. Понятное дело, что я навязчива до безобразия, но, думаю, он переживёт. А едет всё-таки, не один... жаль. — Она в досаде растянула губы. — Может, с другом? Или с друзьями?»

— Так, Сула, я всё вижу! Ты плохая собака! Хорошие собаки так себя не ведут! — и хозяйка отвлеклась на своё лопоухое чудо.

Глава 14 Большое Яблоко

Глава 14 Большое Яблоко

Если спросят меня, где взяла
Я такого мальчишку сладкого
Я отвечу, что угнала
Как чужую машину девятку
Рубальская Л.

Миссис Рочестер вернулась с прогулки, помыла лапы своей девочке, насыпала ей корм, немного посмотрела телевизор и отправилась на кухню готовить рулеты в тесте со спаржей, прошутто и сыром — скоро должен был прийти с работы Чарльз.

С мужем всё оставалось по-прежнему — одна сплошная неизвестность и неопределённость.

Жаклин понимала, что у их семейной жизни включен обратный отсчет. Она не отчаивалась и не горевала, справедливо предполагая, что мужчина без неё не пропадёт — во-первых, у него есть его наука и работа, а во-вторых, он до тридцати лет уже жил один и имеет прекрасный опыт, который, даст Бог, ему и не пригодится — может, её супруг сразу же женится во второй раз. Девушка была бы только «за».

Что же касалось её самой, то она абсолютно нормально и со спокойным сердцем представляла себя живущей одной, как и тысячи молодых людей её возраста. У неё тоже была работа, имелась квартира в Лондоне, есть Сула — теперь ей этого вполне хватало. А вот нелюбимого мужа рядом, наоборот, стало мало. Катастрофически.

По поводу сексуальной жизни с ним — доктор Рочестер прекрасно понимала физиологические потребности мужчин в возрасте Чарльза. Иногда девушке думалось, что он ей наверняка изменяет, и её это волновало чуть меньше, чем корреляция падения нарастания финансовой массы по второй производной в Бангладеш. Иногда ей казалось, что с ним всё нормально, что он отлично себя чувствует и даже не замечает того, что творится с их семьёй и с их сексуальной жизнью, хотя в такую версию верилось слабее.

В любом случае, Жаклин первая заговаривать об этом не собиралась — на данном этапе её всё устраивало.

Чего всё-таки нельзя было сказать о её муже. Проявлять терпение ему становилось всё сложнее, хоть он и видел, что жена ещё пребывает в каком-то потустороннем состоянии — она всё время о чём-то думает, а когда перестаёт думать, начинает грустить. К тому же он всё ещё винил в случившемся и себя, хоть и точно знал, что повторись сейчас тоже самое, повёл бы себя точно так же — на большее он не способен и не видел необходимости культивировать в себе эту способность. Но, пока ещё не особо беспокоясь, действительно, очень доверяя своей супруге, её мозгам, Чарльз верил в то, что жена сделает всё как надо и наилучшим образом. А вообще, жизнь длинная, и они всё ещё успеют.

По поводу завтрашней встречи с Алексом, Жаклин, конечно, переживала, но терпимо.

Во-первых, у неё будет очень мало времени, чтобы сполна насладиться обществом этого красавца и как следует раздражить и растравить себя, и опять почувствовать ту самую силу притяжения. Во-вторых, опять же, вследствие краткосрочности встречи она надеялась, что ей не представится слишком много возможности наделать глупостей или сделать что-нибудь не так. К тому же, он будет не один, а это возводило «во-первых» и «во-вторых» в третью

степень.

Следующим утром она встала рано, около шести. На неё тут же заявила свои права Сула. Призывно поскуливая и позволив своей еще сонной владелице только лишь одеться — процесс дрессировки всё-таки должен быть обоюдным — собака потащила её гулять и долго прыгала в скверике вокруг зевающей Жаклин с мордой, выражающей гениальную идею: «А давай поиграем!!» Хозяйка взяла самоотвод, заменив себя мячом-катапультай. Щенок совсем даже не возражал, но был еще слишком мал и частенько забывал приносить мячик назад, просто ловил его, укладывался со своей игрушкой на землю и начинал грызть. Приходилось вовремя завлекать его к себе или подходить и отбирать эту его драгоценность.

На улице было холодно и ясно, где-то градусов пять-шесть тепла, не больше. Солнце еще не показалось, но день обещал случиться погожим и бодрящим.

После прогулки Жак приняла душ, помыла разморозившиеся со вчерашнего вечера кусочки филе трески, пересыпала их солью и резаным луком, поперчила, притрусил специями и поставила в холодильник, чтобы прийти с вокзала и сделать «рыбу по-польски». У Чарльза сегодня по расписанию занятия со студентами только после обеда, поэтому он спал, просидев над статьями чуть ли не до утра.

Жаклин, боясь потревожить спящего мужа, одевалась в комнате для гостей под чутким руководством Сулы и при её непосредственном участии в виде путанья под ногами и хватания за штанины, шнурки, пояса, галстуки и шейные платки. Но вопреки стараниям своей помощницы, девушке всё-таки удалось надеть джинсы, выбрать мягкий белый облегающий свитерок от Esprit, пуховик болотного цвета, опять-таки от VAON. И даже расчесаться. Из обуви оксфордской зимой она носила итальянские замшевые ботиночки в тон куртке, с меховой опушкой натуральной овчины в тон свитерку.

Прихватив, приготовленный подарок, с предосторожностью спрятанный от Чарльза в нижнем кухонном шкафу, (хотя, может быть, это было и излишним — её муж не отличался повышенным любопытством и подозрительностью), Жаклин направилась на вокзал, от которого они жили буквально в двух кварталах.

Солнце уже полностью вошло над горизонтом, но пригревать не спешило, хоть и светило очень ярко. А может, это только казалось привыкшей к облакам и дождям англичанке.

Оксфорд уже всю жизнь своей жизнью. Традиционные небольшие группы студентов подтягивались к зданиям колледжей. Они эмоционально обсуждали между собой свои успехи и неудачи в учебе, реже — футбол и продукцию компании Apple. С ними контрастировали неспешные, умиротворённые, но от этого еще более традиционные, пожилые англичане и англичанки. Эти направлялись на рынки и в булочные — купить с утра пораньше наиболее свежие и качественные овощи, фрукты и хлеб. Проносились мимо и бегуны, без которых уже трудно себе представить картинку современной Англии. Они бежали в парковую зону, шурша своими спортивными костюмами, и старались не сбиваться с ритма дыхания, устраивая бег на месте перед горящим табло «Wait, please» светофора для пешеходов.

Когда Жаклин шла по безлюдному узкому тротуару вдоль стены Вудстер колледжа, то услышала сзади себя характерные звуки быстрого топота ног, шелеста болоньевого костюма и тяжелого дыхания. В тот момент, когда источник звуков, судя по их громкости, оказался уже совсем близко, девушка остановилась и, не оборачиваясь, прижалась к стене, уступая дорогу бегуну.

— Спасибо! — крикнул пронёсшийся мимо неё мужчина, насколько она смогла заметить, возраста Чарльза и, скорее всего, еще и его коллега.

«Почему я не бегаю по утрам? — отвлекала она саму себя мелочами. — Очень хорошо бы вот так пробежаться сейчас, можно брать с собой на поводке Сулу, можно просто бежать и слушать музыку. Хорошо. — Радуюсь полной грудью новому дню, девушка приближалась к вокзалу. — Осторожно, Жаклин, он будет не один, скорее всего, с Анной, — тут же одёргивала она себя. — Ну а мне-то что? Я поздороваюсь, вручу подарок, передам привет Штэфану и Киту и попрощаюсь. Всё».

На вокзале людей присутствовало как обычно после часа пик — еще достаточно, но уже не толпа, поэтому она сразу увидела чуть в стороне от начала первого перрона Александра. Он стоял пока один, уткнувшись в газету. Жаклин быстро-быстро, почти бегом, ушла с прохода сразу на второй перрон и зашла так, чтобы оказаться почти за спиной у парня.

Который в этот момент оторвался от чтения и посмотрел на вход. Видимо, не найдя ничего интересного для себя, опять углубился в чтение.

Девушка замерла, не в силах отказать желанию минутку понаблюдать за молодым человеком, даже опасаясь, что сейчас к нему присоединится Анна.

Александр стоял, опершись плечом о стойку стенда с правилами пользования железными дорогами Великобритании. Одну свою длинную ногу он согнул в колене и поставил за другую на носок ботинка. Одет он был в тёмно-синие джинсы и короткую дублёнку тёмно-коричневого цвета. На левом плече у него висел небольшой черный рюкзак. Смотрелось завораживающе — высокий, стройный, красивый, аккуратно и со вкусом одетый молодой парень, читающий с умным видом утреннюю газету, то есть в лучших традициях всех английских джентльменов в возрасте поголовной грамотности и со зрением от минус пяти до плюс восьми — смотреть не насмотреться.

Но время тикало. Она тихонько подошла к парню со спины, очень жалея, что не сможет дотянуться сзади до его глаз, закрыть их ладошками и сказать: «Угадай, кто?». Поэтому, за невозможностью лучшего, ткнула ему свой напряженный указательный палец прямо в правую почку, и сказала:

— Руки вверх. Вы арестованы, — низким, брутальным голосом.

Александр застыл. Потом сложил газетку в одной руке, прищепив её большим пальцем, и вместе с газеткой поднял руки вверх. И молчал.

— Ну, — понукунула Жаклин, — и чего мы молчим? — она очень старалась изменить свой голос.

— Я имею право хранить молчание, Жаклин.

«Полисменша» тут же прыгнула к нему вперёд и встала перед «арестованным».

— Нууу... я так не играю, — игриво обиженно заговорила она, улыбаясь. — Как ты меня узнал?

— Методом дедукции. — Молодой «Шерлок Холмс» опустил руки и тоже улыбался, сворачивая газету и откладывая её на подставку к стенду.

— Это как? — Жаклин засунула кулачки в карманы, повесив на запястье пакет с подарком, отставила одну ногу и наклонила голову набок на манер Сулы, когда та была чем-то заинтригована.

— Очень просто. Привет. Пойдём к моему вагону, по дороге расскажу. — Он осторожно развернул девушку за плечо и взял сзади за капюшон.

— Привет. — Она послушно пошла рядом. — А ты разве больше никого не ждёшь? Ты

же сказал, что будешь не один.

— Они подойдут к вагону. — Тон, которым отъезжающий это проговорил, дал ей надежду, что это всё-таки будут его друзья, или даже один друг, но никак не Анна.

— Как у тебя дела? Чем будешь сегодня заниматься? — спрашивал между тем Алекс.

— Спать, — коротко ответила девушка, поглядывая внутрь состава — там было полупусто. — Приготовлю что-нибудь вкусненькое и спать.

— Ясно.

— Ну, так как же ты меня узнал? — не унималась соня.

Он в неодобрении покачал головой, на манер: «Вот упрямая».

— Очень просто — я тебя заметил. — И кривовато улыбнулся.

— Врёшь! — Жаклин даже остановилась.

— Не хочешь, не верь. — Он тоже остановился, но тут же опять мягко подтолкнул её вперёд за капюшон.

— Не верю, конечно же. Я тебя видела...

— Вот уже мой вагон. Осталось восемь минут до отправления. — Он посмотрел на вокзальные часы, остановился и развернулся лицом к своей спутнице.

— С днём рождения, — та вынула из кармана и протянула парню свою сжатую в кулак руку, через запястье которой были перекинута верёвочные ручки пакета с подарком.

Юноша стоял и смотрел то на неё, то на руку, не двигаясь и раздумывая. Потом осторожно снял с её руки пакет.

— Спасибо. — Он взял свой подарок одним согнутым указательным пальцем и опять задумчиво уставился на свою провожатую.

— Ты не посмотришь? — ей очень-очень хотелось увидеть его реакцию, раз уж пока к ним никто не присоединился. — Посмотри, пожалуйста, пока никого нет. — Она опять склонила голову набок на собачий манер, и кучерявый водопад её волос затанцевал вокруг личика, как бы тоже присоединяясь к просьбе.

Александр довольно улыбнулся, откровенно наслаждаясь нетерпением своей дарительницы, и молча полез в пакет.

Вытащив оттуда не очень большой куб, обёрнутый синей в пёстрых брызгах бумагой и перевязанный желтой лентой, он потянул за длинный конец перевязи, та легко поддалась, и упаковка сама собой начала разворачиваться. Парень скомкал и убрал её в пакет, и у него в руках оказалась таких же размеров бледно-золотистая коробочка. Опять посмотрев на Жак, он открыл крышку и тоже кинул её в пакет. А потом заглянул в коробочку.

От увиденного лицо его слегка вытянулось, и «тюльпаны» тоже были, что называется, «в строю». Именно с таким выражением он, в очередной раз посмотрев на девушку, которая в это время испуганно хлопала своими большими карими глазами на него в ответ, начал вытаскивать то, что находилось внутри.

Мистер МакЛарен извлёк на свет божий тоже коробочку, но уже из прозрачной жесткой слюды, в которой лежало очень большое яблоко черного шоколада.

Пока именинник всё так же молча гипнотизировал свой подарок, девушка поспешила объясниться.

— Это Большое Яблоко. Символ Нью-Йорка. Я тебе его дарю, чтобы у тебя всё-всё получилось. То, что ты запланировал — помнишь, ты мне рассказывал? Ну, так вот, я тебе желаю, чтобы ты жил в Большом Яблоке. — Под конец она кокетливо-задно улыбнулась, как бы предлагая оценить её фантазию.

Александр всё это выслушал с очень сложным, витиеватым выражением лица, не проронив ни звука, и дальше стал рассматривать подарок. Яблоко оказалось не совсем простым. На его боках выгравировали и обвели по контуру тонкой золотистой линией символы Нью-Йорка. Здесь присутствовали и Empire State Building, и State of Liberty, и бык (Wall street, и Brooklyn Bridge. Всё было сделано очень точно и аккуратно. Эти же символы нарисовали золотистой линией и на самой прозрачной коробке. А еще к яблоку прилепили черешок и листик, тоже из того же черного шоколада. На листике золотистой линией прорисовали прожилки, и такую же линию провели вдоль черешка.

— Джеки... — наконец-то подал голос юноша, — ты хоть понимаешь, что это произведение искусства?

— Тебе понравилось? Я рада! — выдохнула та, жутко смущаясь такой высокой оценкой её подарку.

«Неужели, она действительно такая?» — глядя на эту... «профессоршу», Александр даже не знал, чему больше удивляться: яблоку или ей самой.

— Сэр, мы отправляемся, — послышался голос сбоку. Служащий вокзала в форме работника железной дороги и синем тюрбане сикхов, явный индус по национальности проходил мимо. — Пожалуйста, пройдите в вагон.

— Да-да, — юноша повесил подарочный пакет себе на запястье левой руки, — сейчас. — Он еще больше придвинулся спиной к самому входу, к самой двери, и смотрел поверх голов людей, снующих на вокзале, как бы высматривая кого-то в толпе.

— Ну, счастливого тебе пути. — Жаклин в один момент вся сникла и от обиды улыбалась одними губами. — «Даже произведения искусства ему нипочем — всё еще кого-то выжидает. Хоть бы попрощался нормально».

— Да-да... спасибо... — растерянно поблагодарил отъезжающий, и только лишь услышав характерный писклявый звук предупреждения о закрывании двери, протянул яблоко Жаклин.

— Подержи.

Та тут же, чуть придвинулась к нему, машинально приняла подарок и прижала его к груди в согнутых руках.

Александр, не говоря ни слова, подхватил Жаклин под локти и, сделав один большой шаг в вагон, молниеносно переставил её в тамбур и продолжил удерживать, пока двери за ними не закрылись.

Глава 15 Поезд

Глава 15 Поезд

Лучший в мире секс с тем человеком, с которым хорошо и без секса.

Жак задохнулась от неожиданности. Потеряв перрон под ногами, она чуть не выронила яблоко, а потом со страху еще больше в него вцепилась. Оказавшись в тамбуре, девушка была так дезориентирована, что у неё открылся рот от удивления, и глаза чуть не выскочили из отбит.

— Ты что делаешь?! — громко возмутилась она, выглядывая за спину своего похитителя на неумолимо сужающийся просвет выхода из вагона. Александр, как только услышал характерный звук закрывшейся двери, тут же отпустил локти своей жертвы. — Ты спятил? Верни меня сейчас же на место! Мне нужно домой!

— Поздно. И у тебя выходной. Ты сама сказала. — Он улыбался и веселился вовсю, но доля опаски в его мимике и интонациях всё же присутствовала. — Господи, Жак, ты ни хрена не вешишь даже вместе с этим яблоком. Ты знаешь, люди, вообще-то, кушают иногда, — попробовал он защититься нападением и взялся руками за коробку с яблоком, пытаясь принять назад свой подарок.

Но не тут-то было — ему его возвращать уже не собирались. Жертва и не подумала расслаблять хватки вокруг коробки и вперилась в нахала взглядом «отними — попробуй».

Поезд тронулся. Нахал покрепче ухватился за коробку и легонько дёрнул её на себя.

— Отдай! — сказал он, делая «страшные» «тюльпаны» и еле-еле сдерживая хохот.

«Я знал, что она меня не разочарует. Это просто чума, а не девчонка!»

— Не отдам! — «чуме» было не до смеха.

— Отдай, я сказал!

— Не отдам. — Она уже слегка нависла над коробкой. — Я передумала. — Показывая, что не шутит, девушка тоже слегка дёрнула коробку на себя. Яблоко внутри зашаталось.

В спёртом, специфичном воздухе тамбура запахло раздором. Имелось для этого даже яблоко. На них покосился проходящий из вагона в вагон парень.

— Ты решила сама завоёвывать Нью-Йорк? — Александр опять легонько дёрнул коробку на себя, чувствуя, что вот-вот сорвётся на хохот и заглушит им шум поезда.

— Нет, — Жаклин, видимо для устрашения, надула щеки, сжала губки и стала похожа на маленького сердитого хомяка, у которого отбирают найденный им корешок или зернышко. — Я его съем сама.

Парень тут же разжал руки и отпустил свой подарок.

— Ешь. Тебе это явно не помешает. — И он даже махнул рукой.

Вредина от того, что её уже не фиксировали за коробку, чуть не полетела в угол тамбура. Её опять придержали за локти.

— Давай хоть подержу. — Он протянул руку. — А лучше пойдём в вагон, и я тебе всё объясню.

— Не отдам. Пусть будет у меня. Так меньше шансов добраться до стоп-клавиши, — девушка еще больше нахохлилась. — И в вагон я не пойду — мне в Рединге выходить.

— Не глупи.

— Тебе можно глупить, а мне — нет?

— Джеки, ну правда, ну что ты как маленькая, ей Богу. Пожалуйста, пройдем в вагон, и

я всё тебе объясню.

Похищенная стояла таким сосудом вселенской скорби, что похитителю сделалось её жаль не на шутку. Хоть он и знал, что когда она смирится с участью и примет ситуацию, то всё пройдёт хорошо. Уж он об этом позаботится.

— Я хотела поспать, — обреченно изрекла девушка.

«Поспишь. Со мной. Когда-нибудь, — тут же мелькнула мысль у будущего жителя Нью-Йорка. — Хотя вряд ли».

— Поспишь. Обязательно поспишь. Потом. А сегодня, составь мне, пожалуйста, компанию в этой поездке в Лондон. — Красавец поставил свои длиннющие идеальные бровки домиком, а «тюльпаны» только что не мироточили. — Пойдём в вагон, а? — К домику из бровок он даже подключил хлопающие ресницы — чтобы уж наверняка сломить сопротивление этой «ежихи с яблоком».

— А по-хорошему пригласить было нельзя? — выговаривала ему «ежиха», всё-таки направляясь в вагон и унося с собой своё яблоко. Александр проследовал за ней.

— А ты бы согласилась?

— Нет, конечно. И что? Это повод для таких вот похищений?

— Да.

Она тут же на ходу резко развернулась и молча зло вскинула на него глаза.

— Шутка. — Шутник удерживал хохот уже практически на своих губах, сжав их в узелок.

Девушка сжала свои в тонкую линию, а потом четко произнесла:

— Ха. Ха. Ха.

И тут Александр прорвало. Он сначала затрясся в немом смехе, прикрывая рот ладонью с пакетом на запястье, а потом уже засмеялся в голос.

Жаклин в ответ сначала улыбнулась, потом хихикнула, а потом тоже засмеялась.

— Давай присядем здесь. — Алекс показал на места за столиком, решив действовать, пока она не сменила милость на гнев. — Господи, да поставь ты это яблоко раздора, что ты в него вцепилась!

Кроме них, в вагоне сидело еще человек десять — тринадцать, не больше. Но все они расположились в глубине вагона, подальше от дверей.

Парень приземлился возле окна на место за столиком, спиной к движению поезда. Он положил пакет в кресло рядом, потом снял рюкзак и бросил следом. Там же, секундой позже, лежала и его дублёрка. На нём осталась тёмно-синяя толстовка с воротом «поло».

Жаклин, не выпуская свой подарок из рук и даже не расстегнув пуховик, плюхнулась напротив.

Она даже не положила, а как-то водрузила коробку с яблоком на стол перед собой, потом передвинула её по поверхности двумя руками Алексу, прямо до самого края с его стороны.

— Выкладывай, — сказала она тоном психоаналитика, сложив уже пустые руки на столе.

— По поводу? — удивился тот, засучивая рукава толстовки до локтя и отодвигая яблоко в сторону.

«Окно к твоим услугам, Жаклин, — не давала себе расслабиться девушка. — Туда и смотри. Он не виноват, что у него что руки, что лицо, что ключица в расстёгнутом вороте толстовки, что... всё».

— Что значит «по поводу»? Выкладывай — как ты дошел до жизни такой?

— Какой «такой»?

— Ну... — она осмотрела вагон, — людей похищаешь среди бела дня.

— Виноват, исправлюсь — в следующий раз я украду тебя ночью.

Жаклин молча несколько секунд смотрела на него.

— Рецидивист, — произнесла она на манер любящей матери, отчитывающей сына за грязные штанишки.

— Даже не сомневайся. — «Сынишка» слегка подался вперед и поставил локти на стол.

— Кстати, ты знаешь, этот прецедент станет «жемчужиной» и достойным украшением твоего досье. — «Мамаша» тоже поставила локоть на стол и подпёрла кулаком подбородок.

— Я стараюсь. — Он игриво выпрямился.

«Плечи. Шея. Боже», — вздохнула про себя Жаклин.

— Вижу. Ну так как там насчет того, кто сегодня к тебе не пришел, и вместо кого я тут... сижу...и еду.

Александр застыл, и девушка поняла, что попала в точку. «Тюльпаны» «забегали» и «запрыгали» по пространству вагона, знаменуя этим бурную мозговую деятельность. Потом красавец как-то так поник всем корпусом и потупил взгляд.

— Я бы не хотел об этом говорить, — и посмотрел девушке прямо в глаза. — Можно? Длинная и неинтересная история.

Та растянула губы и кратко закатила глаза.

— Будешь должен. — Она усиленно вспоминала слэнг, на котором разговаривала, когда ей было восемнадцать.

«Мой Бог, хоть бы не перестараться, изображая тут из себя молодуху».

— Договорились.

— А о чем бы ты хотел поговорить? — из неё вырвался лёгкий вздох.

— О ком, — поправил её собеседник, рассматривая своё яблоко сквозь упаковку.

— О ком?

— Да. О ком.

— Ну, так и о ком же?

— О тебе.

Она сразу же насторожилась.

— А что конкретно тебя во мне интересует?

Юноша явно пытался на что-то решиться — он, закусив губу и о чем-то раздумывая, поглядывал на свою визави. А потом решительно отбросил сомнения.

— Меня интересует — хочешь ли ты сейчас пройти в бар или дождаться разносчика, чтобы купить набор чая или кофе?

«Не решился. Неужели что-то серьёзное?» — резюмировала девушка. Но тут могло быть и кое-что еще.

— Ну и в чём подвох?

Он даже подскочил.

— Господи, Жак, да никакого подвоха! Я просто хотел угостить тебя чаем или кофе, вот спрашиваю — ты предпочла бы его пить здесь или в баре?

— А что ты сразу злишься? — в ответ его спутница тоже подпрыгнула на сиденье. — Вот тебя бы похитили ни с того ни с сего, я бы на тебя посмотрела. — И резко отвернулась к окну.

— Извини. — МакЛарен двумя пальцами потряс её за локоть, — правда..., извини. Ну, так как?

И именно этот момент стал для Жаклин апогеем понимания того, что злиться на этого чертёныша, у неё столько же шансов, сколько повернуть вспять ветер на острове Скай. Её осенило понимание, что сейчас по сути происходит то, к чему она, собственно говоря, и стремилась, о чем мечтала — она ехала со своим любимым человеком в поезде, почти как пара, почти наедине. Ну и что, что Александр её взял, скорее всего, вместо кого-то, кто не пришел? Разве можно упустить возможность побыть с ним вдвоём, к тому же, скорее всего, целый день? Да ни за что на свете! Её красавец сидел сейчас напротив, виновато и с вопросом заглядывал ей в глаза, и что ей, дуре, еще надо, спрашивается?

«Радуйся и лови момент! Используй это, черт побери! Может, именно это твой шанс, идиотка!»

Видимо, то, что кризис миновал, и они только что прошли через переломный момент, вполне ясно и показательно отобразилось на её лице. Потому что лицо её похитителя осветилось неподдельным облегчением, а в глазах читалось примерно следующее:

«Именно! Умница!»

— Здесь. А то вдруг по пути ты где-нибудь между вагонами пересадешь меня на вертолёт. — И, увидев, как от этой идеи распахнулись и вспыхнули «тюльпаны», она в ужасе добавила: — Я пошутила! Забуди!

— Спасибо за комплимент, — расплылся в своей поистине бесподобной улыбке, наверное, самый красивый в мире «гуру киднеппинга». — Тогда, значит, ждём разносчика. — Он придвинул к себе яблоко и молча начал вертеть его на столе, ожидая, пока мимо них проследуют два пассажира — мужчины в возрасте «за сорок», один из которых, тем не менее, успел-таки скосить глаза на девушку.

«Иди уже... — заметил это Алекс, — а то дружок приревнует». — А потом посмотрел на свою спутницу, которая, кстати, не заметила не только этих двух мужчин, а вообще, кроме него самого, забыла весь белый свет и себя в нём в придачу. — «Интересно, у паранджи есть размеры?»

— Жаклин. — Он побарабанил пальцами по коробке с яблоком.

Та стрельнула глазами вправо — влево и, повернув голову боком к нему, выставила ухо, показывая, что она вся обратилась в слух.

— Да?

— Когда у тебя день рождения?

— Оу, вот оно что. — Девушка откинулась на спинку кресла. — Ты хочешь знать, когда у меня день рождения. — Она медленно кивнула. — Угу. — Потом еще помедлила. — Тебе честно?

Александр взбеленился.

— Что значит «честно»? Ты назовёшь мне день рождения Джозефа Стиглица?

— Нет. Я не знаю, кто это.

— Слава Богу.

— Третье августа.

Знаток Джозефа Стиглица недоверчиво повёл бровью.

— Честно, — подняла руку в клятвенном жесте Жак.

Он закатил глаза.

— Это так великодушно с Вашей стороны, мадам... твоя девичья фамилия Фортескью?

— Да.

— Мадам Фортескью.

Она дурашливо мстительно-злобно хихикнула. Но потом очень быстро стала серьёзной.

— Как твоя учёба? Как у тебя дела в Универсе?

— Д-д-да-а-а... неплохо. — Студент пожал плечами. — Жаловаться мне не на что. Конечно, завалы постоянные — только разгребашь один, тут же наваливается другой, но это нормально, я привык.

— Оксфорд сильно отличается от Глазго?

Поняв, что сопротивление обстоятельствам, а значит, и самой себе, по меньшей мере глупость, Жак решила идти, так сказать, до конца, и снять-таки верхнюю одежду. Безболезненный и проходной вариант развития событий её категорически не устраивал, да и, учитывая её третье-четвёртый размер, был, прямо скажем, трудно осуществим. Поэтому, решив использовать ситуацию по полной, она вытянулась в струнку и завела руки за спину. Сведя лопатки, девушка стала стаскивать у себя за спиной рукава пуховика, что выдвинуло её грудь вперёд и вверх, по сравнению с первоначальным положением, дюйма на полтора — два.

«Съешь это, Александр МакЛарен!» — подумала дразнилка, аккуратно сворачивая пуховик и укладывая его рядом с собой на свободное сидение.

Как будто у Александра МакЛарена имелся выбор.

«Ну и что это сейчас было... доктор Рочестер? Это, между прочим, запрещенный приём, милая леди! Они мне и так уже чуть ли не снятся, а тут... Фак! Ты думаешь, если я тебе простил этот твой вырез в ночном клубе, то теперь всё можно? Ни хрена-а-а... Придёт время, и я отучу тебя, моя радость, от этой вреднучей привычки — пару раз оттрахаю сразу же... тут же... где-нибудь... да хотя бы вон в туалете, чтоб боялась... Эх, жаль, что это не самолёт. — Но не смог не добавить в конце: — Моя девочка!»

— Да... отличается. — Ярый борец с вредными привычками сжал губы в тонкую линию и даже слегка заикнулся. — Не сказать, чтобы очень сильно, но — да, отличается. — Видя, что его собеседница молчит и ждёт развития темы, он продолжил: — Во-первых, здесь всё больше, масштабнее — больше площади, больше аудитории, людей больше. — Он сделал неопределённый жест двумя руками, как бы обхватывая ими пространство вагона. — В Глазго учатся только ботаны, остальные просто гуляют, отрываются, а потом выкручиваются. Здесь же учатся все. — Студент улыбнулся. — Ну, по крайней мере, все, кого я знаю. Здесь обстановка более настроенная на учёбу, хоть и как таковой учёбы тут меньше, чем у нас в Глазго. Ну и сама система... ты же знаешь. — Он явно намекал на Чарльза, через которого Жаклин могла познакомиться со структурой и правилами Оксфорда.

— Да. Знаю. Ты сейчас скучаешь по Глазго?

— Да-а-а... наверное, скучаю... но скучать особо некогда. Но если бы Оксфорд находился в Глазго, было бы прикольной. — Под конец он опять засмеялся.

И тут Жаклин посмотрела на него немного по-другому — молодой парень, уехавший из дома, оставивший свой город, в котором родился и вырос, оставил мать, сестру, друзей, подруг.

«Ему, наверняка, сейчас одиноко. А я еще ревновала его к Анне. А может, как раз она ему очень даже помогает, поддерживают, а вот я...»

— Но, я вижу, ты не жалеешь, и это главное. — Девушка понимала, что показать свою жалость к пареньку пока не может — не те отношения.

— Да. Не жалею.

— А когда точно станет ясно — остаёшься ты в Оксфорде или нет?

— Остаюсь. — Он твёрдо кивнул. — Но только уже не по программе обмена студентами. Один человек перевёлся в Штаты... куда-то там... точно не помню, и меня вывели из-под программы обмена и поставили на его место.

— Поздравляю. Рада за тебя.

Студент поблагодарил кивком головы.

— А почему экономика? Насколько я поняла, ты выбрал экономику еще до того, как попал в Нью-Йорк.

— Да... я давно её выбрал... Пошел на экономику методом исключения — на всю другую мутотень хотел еще меньше.

Его собеседница ловила каждое его слово.

— Магистратура? — поинтересовалась она.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет. Не здесь. В Штатах. Я здесь заканчиваю и еду в Нью-Йорк, буду вклиниваться в бизнес, в работу. Магистратура заочно.

«Значит, здесь ему осталось пробыть полтора года». — Жаклин сразу же подумала о своём, о девичьем.

— Мне Кирк посоветовал...

— Кофе, чай, сок, вода, чипсы, сэндвичи, маффины, — в их вагон вошла женщина-официантка из бара, толкая перед собой тележку с товаром и установками с кофе и чаем.

Александр быстро взглянул на Жаклин.

— Что ты будешь?

— У меня есть деньги. — Девушка, правда, немного растерялась. — Я планировала зайти в магазин на обратной дороге с вокзала.

— Вот и побереги их для магазина. Повторяю свой вопрос: «Что ты будешь?»

Официантка, женщина лет сорока — сорока пяти, остановилась возле парочки и вначале посмотрела на клиентов с привычным профессиональным нетерпением, но, получше рассмотрев красавца, невольно решила слегка изменить своему профессионализму и на время стать терпеливой.

— Кофе, — выпалила Жаклин, сдвинув брови к переносице.

— И-и-и..? — Александр подталкивал её к правильному ответу.

— И... всё. — Та даже отодвинулась к окну.

Но его это не смутило.

— И-и-и-и-и-и..? — продублировал он.

Жак недовольно засопела из своего угла.

— И печенье.

— Какое печенье? — тут же подхватила буфетчица, — у нас есть...

— Сэндвич — печенье, — прервала её миссис Рочемтер.

Разносчица перевела взгляд на Алекса.

— Два кофе, два печенья-сэндвич и один просто сэндвич, — отчеканил тот.

После того, как официантка подала им заказ, юноша подвинул ей двадцать фунтов и та, отсчитав сдачу, положила её на столике с краю. Затем двинулась дальше по вагону, не забыв в последний раз зыркнуть на уродившегося паренька.

А парочка принялась за кофе.

Глава 16 Шоколад

Они по очереди помыли руки в туалете. Когда сидели на месте, Алекс придвинул к себе свой подарок и, вскрыв коробку, с явным интересом вынул яблоко, захватив его всеми пятью пальцами как крабом, и положил на салфетки, которые им оставила разносчица.

Жаклин молча наблюдала. Яблоко было действительно ровно таких размеров, что любой мог бы сказать, что это большое яблоко, но никак не огромное. Гравировки исполнены вполне примитивно, но узнавались безошибочно.

Алекс между тем молча приложился к трубочке в кофе, сделав один глоток и взглядом предложив своей спутнице последовать его примеру. Та послушалась и тоже глотнула свой напиток.

Он одобрительно улыбнулся, но молчал.

Потом как-то так провокационно посмотрев на свою визави, юноша протянул руку к яблоку и двумя пальцами — большим и указательным, взялся за его листик. Зафиксировав свой жест, как фокусник во время пошагового фокуса, он стал ждать реакции со стороны своей собеседницы, или даже как бы спрашивая её благословения. Та слегка улыбнулась и «фокусник» тут же отломил листок от яблока с характерным щелчком ломающегося шоколада и протянул плоды своих усилий ей.

Девушка как замороженная, распахнув глаза так, что еще чуть-чуть, и «тюльпанам» мог бы грозить комплекс неполноценности, потянулась рукой за угощением. Уловив её жест, Александр моментально отдернул руку и в отрицании покачал головой.

И только Жаклин приготовилась надуть губы — что это он тут с ней играет, как любитель черного шоколада уже недвусмысленно поднёс листик прямо к её губам.

Жак застыла. Машинально потупив взгляд на шоколад у её губ, она в следующую же секунду с вопросом уставилась в глаза напротив.

Тоска. Тоску, желание и немного самоиронии — вот что она там увидела.

«Ого! Да у нас сегодня прямо аттракцион невиданной щедрости в плане откровенности» — отметила она про себя.

Но на сам взгляд парень ей не ответил — он не хотел упустить момент и смотрел на её губы, а Жаклин в это время разжала рот и захватила шоколад почти полностью так, что её верхняя губка накрыла ноготь большого пальца юноши.

Но такого, как Александр, губками на его ногте не отвлечь — листик он не отпустил, а, закусив нижнюю губу от ювелирности момента, чуть-чуть потянул его на себя, стараясь и не вытянуть полностью, и не оставить того, что Жаклин не положено, у неё во рту. Девушка чуть разжала зубки и он смог высунуть половину лепестка назад, наружу, и застыл в ожидании.

Но та не торопилась и, удерживая лепесток зубами, молча смотрела ему в глаза.

— Вредина, — довольно улыбнулся Алекс и, надавив большим пальцем сверху на этот кусочек шоколада, отломил наружную половину. Девушка стала пережевывать свою долю, а он отправил себе в рот свою и приложился к кофе.

«Чертов шотландец!» — подумала Жаклин, запивая шоколад кофе.

«Это только начало, малыш!» — думал шотландец, глядя на то, как она склонила голову к своему стакану.

— Хм-м-м... вкусный шоколад, между прочим. — Он уже вернул себе бывшую непринуждённость.

Миссис Рочестер оторвалась от стакана.

— Да. Хотя для меня он и слишком... чёрный.

Они встретились глазами и тут же завели зрительный разговор отдельно от вербального — их глаза говорили отдельно, а губы — отдельно.

— Ещё? — Александр озвучил только этот вопрос.

Девушка молча кивнула, а про себя успела подумать:

«Не бери в голову, Жаклин, вспомни, как он кормил тортом Анну».

Её спутник сощурился и улыбнулся, а потом всё так же молча взялся пальцами за черешок. Жаклин уже просто широко улыбалась. Он отломил черешок и опять протянул его к губам девушки. Та немного помедлила, как бы предупреждая, потом с размаху хватанула черешок и рванула его на себя, напоследок слегка прикусив пальцы своему «кормильцу».

— Акула. — Александр одёрнул руку.

А «акуле» пришла на ум идея.

Она взяла новую салфетку, обхватила ею яблоко сбоку и поднесла к губам его хозяина.

Тот застыл и долго, вплоть до неловкости, молча смотрел ей в глаза.

— Тебе нравится имя «Ева»? — наконец спросил он, выгнув красивую бровь.

Положительный ответ был бы честным, но куда девать в таком случае чувство противоречия?

— Нет. Мне нравится логотип компании Стива Джобса. Кусай сбоку.

Александр как бы даже расслабился. Он взялся рукой поверх руки Жак, а второй придержал яблоко снизу и, склонив голову набок, откусил, насколько смог угрызть твёрдый шоколад прямо поверх Статуи Свободы, на которой след от его зубов отпечатался идеально.

Девушка положила яблоко на место.

— Я пошутила. Мне очень нравится имя «Ева». — И улыбаясь, поставила локти на стол, положив подбородок на сложенные в замок пальцы.

«Адам» отхлебнул кофе и откинулся на спинку сидения, отвернувшись к противоположному окну. Потом повернул голову обратно и направил на девушку указательный палец.

— Я должен был догадаться.

Та развела руками.

— В следующий раз.

Алекс ничего не ответил, а полез в карман брюк, поскольку увидел в дверях вошедшего в вагон контролёра.

Жаклин оглянулась за его взглядом и опять хотела было заговорить про то, что у неё есть деньги, но её похититель вскинул на неё ладонь в останавливающем жесте, и ей ничего не оставалось, как просто молча отвернуться к окну.

Пока ей покупали билет, она смотрела на придорожные пейзажи и размышляла. Вспомнила о Чарльзе — он скоро уже должен проснуться. Привычно отключенный телефон остался на тумбочке в прихожей. Чарльз знал, что у неё выходной. Сколько шансов, что у него не возникнет вопроса: «Куда, чёрт побери, делась моя жена?»

Её похититель тем временем возился со сдачей и билетами.

— Скоро проснётся мой муж.

Он застыл в удивлении с выпрямленной ногой для доступа в карман джинсов и рукой в

нём же.

— В каком смысле?

Жаклин тоже сначала удивилась, а когда до неё дошел смысл вопроса, затряслась в немом смехе и схватилась рукой за лицо.

— Во всех смыслах, Александр, — смеялась она. Но быстро став серьезной, объяснила: — Чарльз вчера работал допоздна, потому что сегодня у него занятия только после обеда. Он должен проснуться где-то около одиннадцати — двенадцати. Проснётся, а меня нет. На работе я быть не могу — ему известно про мой выходной. Сула дома... и телефон... — медленно перечисляла она нюансы, приходившие ей на ум, — отключенный остался в моей сумочке, в прихожей.

В воздухе запахло неловкостью — пришло время называть вещи своими именами.

— Вот и отлично, — продолжил «гуру киднеппинга», справившись с карманами и со сдачей, — когда будем в Лондоне, позвонишь ему с таксофона.

— Да... скорее всего, так и придётся сделать. Только вот что мне ему сказать? — она даже немного подалась на него всем телом, как бы показывая степень своей заинтересованности в ответе.

Александр нахмурился.

— А что ты ему сказала, когда тебя привёз Кэм? Когда он тебя, кстати, привёз? — выпалил он так, как будто сдерживался целую вечность.

— Что, прости? — переспросила она, сощурившись.

— Кэмерон. В котором часу он тебя привёз с моего дня рождения, и как ты это объяснила своему мужу? — К последнему слову его вопроса на красивом лице шотландца угадывалась уже не то конечная точка злости, не то начальная стадия свирепости. Хоть и было видно, что всё это помимо его воли.

Жаклин отвернулась в окно.

«Значит, я всё сделала правильно. Спасибо Кэмерону».

— А-а-а... Кэмерон... — протянула она утрированно мечтательно, посмотрев вдаль. — Тогда у меня не было необходимости — когда мы с ним приехали, Чарльз уже спал. Я же его предупредила, что переночую с девочками в Лондоне у вашего Кирка, поэтому он ждал меня только на следующий день. Мне удалось даже его не разбудить. — Девушка равнодушно махнула рукой, потянув из трубочки кофе. — В тот раз было всё нормально. А вот сейчас...

Она видела, что режет парня по живому, но это было сродни операции — доктор делает пациенту больно, чтобы вылечить окончательно.

«Ему это явно не повредит».

«Пациент» тоже приложился к стакану с кофе, очень жалея, что это не виски и не бурбон. Он опустошил стакан, со злостью откинул его щелчком пальцев в конец стола и опёрся на локти.

— Тогда скажи мужу, что ты поехала в Лондон к своему другу Кэмерону. — Он облизнул свои фигурные губки и сжал их так, что они побелели.

Девушка блаженствовала и улыбалась.

— У меня идея! — она еще больше подалась всем корпусом к ревнивцу, опершись о ребро стола запястьями. — Я скажу ему, что поехала в гости к твоей девушке Анне — она живёт в Лондоне. Как тебе?

Мистер МакЛарен тут же смущенно заулыбался и уронил голову над столом так, что его пепельно-блондинистые волосы чуть не заскользили по поверхности.

«Боже! Представляю, если кто-нибудь родит ему девочку, и она будет точь-в-точь похожа на своего отца: пепельная блондинка с глазами-«тюльпанами». Я бы прошла за это через ад. — Где-то в глубине её нутра зашевелились слёзы. — О, нет! — тут же запаниковала Жак. — Это всё потом. А сейчас он здесь, со мной, улыбается вон как. Да и вообще... неужели за всю свою боль я не заслужила даже вот этого?» — она протянула свою руку и зарылась всей пятернёй Алексу в упавшие волосы. Прошлась по всей его голове, от лба до затылка, зачёсывая ему его вихры обратно. Сделав это только один раз и сама испугавшись своей смелости, боязливо убрала руку.

А Алекс застыл.

Потом поднял голову и, посмотрев в испуганное лицо нахалки, не поднимая туловища, протянул руку и, взяв её ладошку, ту, которая только что побывала в его волосах, поцеловал внутреннюю сторону и приложил к своей щеке.

— Я теперь не могу спокойно смотреть на пену для бритья, — сказал он, улыбнувшись, и сощурился на Жаклин как на солнце.

«Солнце» пару раз глупо хлопнула глазами, потому что от того, что сейчас происходило между ними, напроочь перестала соображать.

«Это что? А?» — она сглотнула, и только после этого на её лице отобразилось понимание.

— Так тебе и надо, — почти фыркнула девушка, высвобождая руку из его захвата — они уже въехали в Рединг и остановились на вокзале. Здесь всегда садились новые пассажиры, и такие душещипательные сцены были явно не для их случайных глаз. — Не будешь обижать ни в чем не повинные торты. Кстати, я теперь тоже, когда смотрю на взбитые сливки, всегда вспоминаю твою «пену для бритья».

— Угу. Извини. — Александр встал и помог вошедшим женщине с девочкой закинуть сумку на верхнюю полку. Потом снова сел на место.

Честно признаться, для Жаклин это оказалось зрелищем под названием: «Хотелось бы красивее, да некуда». Смотреть, как молодой красивый парень, мужчина, берёт эту тяжеленную сумку как пушинку и в такой же манере закидывает её почти под потолок вагона, вытягиваясь при этом в струнку, как выпрямляются его длинные ноги, напрягаются мускулы рук, спины и зада. Жак приложила пальцы ко рту и с силой потянула в себя воздух, пытаясь хотя бы таким вот, механическим, способом удержать нечленораздельные звуки, уже вырвавшиеся из её нутра и столпившиеся на кончике языка.

— Какой у тебя рост, Алекс? — спросила она, чтобы саму себя сбить с мысли о...

— Шесть футов, четыре дюйма, а что?

И всё-таки она покраснела.

— Ничего. У тебя хороший рост.

Юноша высокомерно хмыкнул.

— Хм... и не только он.

Она повторила его звук.

— Хм... ну, не иначе, как еще и твоя гомерическая скромность.

Скромник засмеялся и закивал головой.

— Ну, так вот, — просмеявшись, продолжил он, — а помнишь, ты тогда сказала, что как-нибудь возьмёшь меня в мясную лавку в Оксфорде?

«Он это всё что, серьёзно? Значит, «щека» не была случайностью?»

— Конечно, помню. — Девушка поправила себе волосы, пытаясь упорядочить мысли.

Ей даже захотелось помахать на себя ладонью, а еще лучше — веером. — Ты готов предоставить мне свои услуги в качестве консультанта?

— Лучше! Хочу провести для тебя индивидуальную экскурсию. Буду показывать то, что люблю, то, что, по моему мнению, стоит любить. Я раскопал в Оксфорде кое-какие местечки, возможно, ты разделишь мои вкусы. Мы прикупим что-нибудь вкусенького, а потом выпьем чаю где-нибудь, например, у меня в общаге. Как тебе? С чем ты сама, кстати, любишь пить чай? — Александр явно воодушевился.

В ответ на этот вопрос его спутница тут же покаянно склонила голову и стыдливо потупила взгляд. Но улыбалась. Им теперь приходилось вести себя скромнее и тише ввиду близости соседей — женщины с девочкой. Жаклин уже даже загадала — когда же эта женщина рассмотрит её собеседника получше и начнёт на него пялиться?

— Что? — насторожился её собеседник. — Что-то ужасное?

Покачивания головой Жаклин должны было означать: «Хуже только варёные котята».

— С чесноком?

Девушка прыснула, но тут же оправилась и опять приняла скорбно-смиренную позу, и опять покачала головой: «Хуже»

— С рыбьим жиром?

Тут она махнула на него рукой как на безнадёжного.

— С французским коньяком и «пенной для бритья» — когда она говорила «пенной для бритья», то показала пальцами кавычки.

— Со взбитыми сливками? — «любитель» взбитых сливок скривился на манер: «Лучше уж варёные котята». — Ладно, — быстро сменил он гнев на милость. — Я посмотрю, что смогу для тебя сделать. Ну, так как? Мы идём с тобой на рынок, а потом ко мне пить чай, и там нас уже ждёт торт со взбитыми сливками и бутылка французского коньяка. Предпочитаешь что-то определённое?

— Нет. Совсем нет. — Она отрицательно покачала головой и как могла изобразила на своём лице неприязнительность.

— Тогда-а-а-а... — он зарылся себе пятернёй в волосы, — как насчёт... Деламэйн? Делор?

— Второй впервые слышу, но звучит вкусно. — Жаклин состроила кокетливо-заинтересованную гримаску. — Но сам понимаешь, не всё так просто: у меня — работа, у тебя — учеба.

— Сегодня вторник, так? — Алекс всё-таки убрал волосы со лба и, проехавшись локтём по столу, опёрся головой на руку. — Когда у тебя следующий выходной?

— Пока в воскресенье. — передёрнула она плечом. — Но в воскресенье, я, скорей всего, тоже не смогу. — Жак прямо намекала на мужа, ковыряя пальцем что-то на поверхности стола. И юноша это понял.

— Очень жаль. Я тоже свободен в воскресенье. Ну хорошо, а потом, на следующей неделе что у тебя?

— Дай подумать... — она подняла глаза вверх и тоже принялась за свои «пружинки», — наверное, где-то в среду. Или, может быть, в четверг. Не раньше.

— А когда ты будешь знать точнее — в среду или в четверг?

— В субботу, скорей всего.

«Боже, что я творю? А что творит он? А как же Анна?» — но тут же вспомнив Кэмерона и его слова про Чарльза, мысленно во второй раз сказала Кэму спасибо.

— Я позвоню тебе в субботу. Можно? — настойчивостью в голосе юноша уже просто напирал на неё, прямо и откровенно добиваясь свидания.

Даже немного подпрыгнув на месте, Жак насторожилась — на неё нахлынуло настроение времени сразу после его дня рождения — ожидание, разочарование и боль в режиме нон — стоп.

«Опять ждать его звонков? Ну, уж не-е-ет... я уже просто не смогу».

Она замялась.

— А можно, я сама тебе позвоню? Видишь ли, в субботу я буду на работе часов до восьми, а у меня в госпитале телефон выключен почти постоянно.

— Хорошо, — легко согласился парень, — буду ждать. — И тут же продолжил, сменив тон на заинтересованный. — Ты так много работаешь, не жалеешь, что пошла в медицину?

— Ну-у-у... — доктор Рочестер распахнула глаза и сделала губки дудочкой, — я всегда неплохо училась.

Александр кивнул, ибо ему это было очень знакомо.

— Но... всё сложно, — девушка опустила плечи и выдохнула. Её слушатель прищурился и сосредоточился. Жаклин его еще таким не видела — он одновременно сделался очень серьёзным и очень взрослым. Ей даже пришло на ум, что если бы она не влюбилась в него с первого взгляда, то сделала бы это именно сейчас, в этот момент.

— У меня рано не стало родителей. Дядюшка мне, конечно, ни в чем не отказывал и заботился как мог, но всё равно я для него всё-таки обуза — он очень увлечён своей наукой, своими поисками и я ему в этом явно не помогала. — Жак поймала себя на том, что уже почти жалуется и поспешила пропустить этот момент. — Поэтому хотела выбрать такую профессию, чтобы при первой же возможности начать обеспечивать себя, и которая может пригодиться в любой глуши, хоть у меня и квартира в Лондоне. Мне не до призваний — нужно было использовать свои мозги по максимуму. Но если бы пошла по призванию, это был бы, скорее всего, туристический бизнес — мне это нравится, да и в Англии он становится всё популярней. Но в медицине зарплаты выше. Вот такая я меркантильная. А у тебя специализация — коммерция или финансы... или..?

— Коммерция.

Они давно отъехали от Рединга, и уже вот-вот должен был начаться пригород Лондона.

— Я так и подумала. — Жаклин опять взялась салфеткой за бок яблока.

Александр молча наблюдал за ней и переваривал информацию, которой его только что «нагрузили».

«Мда... ей не позавидуешь».

Поискав на поверхности яблока следы от укуса, поворачивая перед собой его тёмно-шоколадные бока, она нашла их там же, где оставил автор — на статуе Свободы. Перехватила яблоко поудобней, и широко открыв рот, вгрызлась в твёрдый шоколад своими зубами в этом же месте.

Её спутник не пошевелился и ничего не сказал.

Потом Жак поднесла яблоко к окну и посмотрела его «профиль» — как смотрится откушенное место — тянет ли оно уже на выемку на логотипе Apple или нет.

— Кажется, достаточно, — положив подарок на место, Жаклин взяла свой стакан с кофе, в котором оставалась еще где-то половина, и подняла его в жесте тоста.

— За будущего бизнесмена Александра МакЛарена. С таким яблоком теперь ты не только должен жить в Нью-Йорке, но еще и карьера твоей компании должна повторить

успех Apple, — и приложилась к трубочке.

— Мне оставь чуть-чуть, — неожиданно сказал будущий бизнесмен таким тоном, будто она допивает уже десятый стакан и еще с ним ни разу не поделилась.

Сделав хороший глоток, девушка протянула стакан ему.

— За твоего дядюшку Лама, за мистера Фортескью. — Александр, открыв крышку её кофе, махом опрокинул в себя остатки содержимого. — Пора собираться. — Прставил он пустой стакан рядом со своим.

— Да. Пора, — встрепенулась Жак, отбросив все мысли на потом.

Глава 17 Лондон.

Твои дожди, свинцовость неба, попеременный легкий сплин

И ветер из миров, где не был голубоглазый пилигрим.

Все это вкупе с тишиною — покой для беспокойных глаз.

И плащевиною седою земля укуталась от нас.

Свое паломничество в вечность я начал с этим октябрем.

Теперь плюс-минус бесконечность нависла над моим челом.

Тони Эллери Weissen

Все засобирались к выходу. Пока Жаклин надевала свой пуховик, на этот раз уже стоя в проходе, а не перед носом у похитителя, Алекс упаковал обратно яблоко в коробку и положил в рюкзак вместе с нетронутыми сэндвичем и печеньем. После чего тоже оделся и подал женщине по соседству её большущую сумку с верхней полки, получив в благодарность «Спасибо», но уже с «расширенной комплектацией» в виде вполне себе женственной, милой улыбки, а не просто «минималку» в стиле унисекс.

К тому времени, когда поезд упёрся в тупик на вокзале, все пассажиры их вагона уже стояли в проходе, приготовившись выходить. Девушка тоже хотела было присоединиться к толпе, присев на сиденье у прохода, но Александр протянул молча руку через столик, легонько одними пальцами дёрнул её за рукав и еле заметно отрицательно мотнул головой: «Не спеши». Та насторожилась, но послушалась.

Они выходили последними. Он шел впереди, она за ним. Ей очень хотелось, чтобы молодой человек, не оборачиваясь, украдкой сзади на ощупь взял её за руку, что в подобных случаях предпочитают парни в его возрасте. Но МакЛарен этого не сделал. Правда, не успела девушка огорчиться, как заметила, что представитель сильного пола чуть притормаживает, увеличивая расстояние до впередиидущих пассажиров. Поэтому не сказать, что вот прямо совсем не ожидала, и на этот раз даже успела тихонько охнуть и схватиться за его плечи, когда он в дверях вагона, резко развернувшись к ней полубоком, подхватил подмышки как ребёнка, которого вынимают из коляски, и одним рывком переставил с тамбура на перрон. Но на этот раз и пришла в себя тоже быстро — тут же смущенно заулыбалась, наклонившись и отряхивая со своих джинсов невидимую пылинку, и спряталась за упавшими волосами.

«Классная такая», — подумал Александр, наблюдая за её реакцией.

— Возвращаю тем же путём, что и забрал. — Он подкинул за дно свой рюкзак, поправляя его на плече.

А вот этого лучше было бы ему не говорить, потому что в ответ Жаклин могла бы произнести целую речь. Ну, например, начала бы с того, что это вообще-то уже Лондон, а не Оксфорд, если он не заметил. Это — раз. Во-вторых, любой уважающий себя юный киднеппер старается всё-таки напрягать свою фантазию, а не похищать и возвращать в одной и той же манере. Это — два. Ну, а в третьих... «В третьих», она, пожалуй, бы ему не сказала, потому что под номером «три» стоит золотое правило киднеппера, которое гласит: «Забирая, забирай». И ничего страшного, что его только что придумала сама Жаклин, её личному представителю этого, без преувеличения сказать, опасного ремесла совсем не помешало бы принять его как руководство к действию. Во всяком случае, лично она была бы

только «за». Но вместо всего этого списка несостоявшаяся ораторша произнесла одно единственное слово:

— Спасибо. — И постаралась сделать это с максимально недвусмысленной интонацией — она поблагодарила Алекса за то, что он взял её с собой, и всё. Только это сейчас для неё имело значение.

— Ты хорошо знаешь Лондон? — он пошел по перрону на выход с вокзала.

— Это мой родной город. — Девушка слегка замешкалась, поправляя свитерок и застёгивая пуховик — в Лондоне солнца не было, только влажность и холодная свежесть. К тому же Жак специально старалась идти чуть-чуть позади — так ей было удобней поглядывать и любоваться на длинные стройные ноги своего спутника, на его узкие бедра и аккуратный крепкий зад, выгодно оформленный коротким фасоном дублёнки. Как только она вышла на перроне Паддингтона и почувствовала себя далеко от всей той жизни, где должна была скрывать свои чувства и даже, не исключено, стыдиться их, её тут же захватил момент — она с НИМ в Лондоне! Вдвоём! В её родном городе. Чарльз с Анной и иже с ними черт знает где. Это было похоже на побег, на уединение, где можно отпустить себя, расслабиться. Хоть чуть-чуть. Да и, в конце концов, её элементарно распирала гордость, что такой красавец — с ней! Сейчас — с ней!

— Ясно. — Красавец как-то так виновато замялся.

— Ага! — обрадовано воскликнула Жаклин. — Так вот зачем я здесь! — она засмеялась и даже приостановилась, чуть притопнув ножкой в итальянском ботиночке с опушкой.

Парень закатил глаза.

— Да ладно! Ваш Лондон простой как Ди*.

— Очень хорошо, — она уверенным шагом топала к вокзальным таксофонам, — тогда скажи: где здесь станция метро?

— Да запросто! Как только ты объяснишь, где это «здесь», будет тебе метро.

Девушка часто заморгала и уставилась на своего спутника.

— Ты что, не знаешь, где мы находимся в Лондоне? — она смотрела на глазговца как на жителя Тегусигальпы. — Ты не знаешь, где в Лондоне находится Паддингтон?

— Нет, конечно. — Тот развёл полами дублёнки, держа руки в карманах, и улыбнулся. Они уже стояли в паре шагов от таксофонов. — А на кой мне это? Я сюда или на машине приезжал, или на самолёте. На поезде ездил только раз или два еще маленьким, но наши поезда из Глазго приходят, кажется, на какой-то там Уэстонс, ты должна знать.

— Мда-а-а... — со скептической улыбкой покачала головой уроженка Лондона, — тогда, действительно, разлинованный в клеточку и пронумерованный Манхэттен для тебя самое место. Если, конечно же, ты умеешь считать до двухсот.

— Да уж куда мне до таких цифр, Жак, — смеясь, воскликнул «горе-математик». — «Обожаю эту язву!»

— Пожалуйста, подожди меня здесь, — игриво-высокомерно бросила в его сторону «язва» и направилась прямо к таксофонам, на что парень только басовито хмыкнул.

В телефоне Чарльза женский голос оповестил, что абонент «вне зоны действия сети», значит, мужчина еще спал. На домашний она звонить не стала — будить мужа было не в её интересах.

— Еще спит, — вернулась Жаклин к молодому человеку.

У того от услышанного глаза тут же подернулись высокомерием и ехидством, а в уголке губ, справа, зародилась кривоватая улыбка.

— Еще раз повторяю: он лёг под утро. — В девушке моментом проснулась жена своего мужа, и юноша тут же «съел» свою улыбочку. — Ладно... пошли в метро? Какой у тебя адрес издательства?

— Флит стрит девяносто восемь, — на память выпалил студент.

— Я так и знала, что это в Сити. Ну что же, туда лучше на Кольцевой. Пошли.

Парочка спустилась в метро. Девушка уверенно вела их по маршруту, ловко лавируя между людьми и ограждениями и со знанием дела ориентируясь в «ветках», направлениях, лестницах, лифтах и эскалаторах. Выйдя на станции Blackfriars недалеко от собора Святого Павла, она повернула сразу же налево на Fleet street. Отыскав здание под номером девяносто восемь, они договорились, что Жаклин подождёт Александра в кафе чуть выше по улице.

Расположившись в условленном заведении за столиком и заказав чашку чая, она, не мешкая, поинтересовалась у официантки: откуда здесь можно позвонить. Та пояснила, что в баре телефон только по городу и графству, но тут недалеко, возле собора Святого Павла, есть телеграф и таксофоны, оттуда можно звонить и на мобильные и на стационарные по всей Великобритании. Девушка поблагодарила и пришла к выводу, что вопрос с Чарльзом опять придётся на время отложить, хоть ей и очень хотелось поскорей покончить с ним, дабы полностью сосредоточиться на Александре. Потому как с этим шотландцем являлось несравнимо сложнее даже начать, чем с мужем — покончить, ибо для этого желательно огромную гору вещей и положений, и с еще большей — попытаться разобраться.

Там, на вокзале в Оксфорде, действие разворачивалось с такой скоростью и имело настолько неожиданный поворот, что о том, чтобы успевать еще и думать, не могло быть и речи. Да и события в поезде, прямо скажем, мыслительным процессам не способствовали. А подумать всё-таки желательно. Жаклин сидела, попивала чай с молочным пудингом и пыталась понять, что же такое, собственно, происходит с её студентом? Он с ней явно заигрывает. Вернее, стадию заигрываний он как-то так пропустил, не иначе как из-за того, что они редко видятся, и сразу приступил к ухаживаниям — назначает свидание, прямым текстом приглашает её в свою жизнь, в свои дни. Насколько это серьёзно? А насколько он вообще способен быть серьёзным? Этого она не знала, но почему-то предполагала, что способен — если молодой человек вполне себе ответственно относится к своему будущему, почему он не в состоянии проявить такой же перфекционизм, такую же скрупулёзность в подходе к отношениям?

Но быть способным и применять свои способности — это разные вещи. Поэтому с его стороны всё это может оказаться только игрой. С ней. И почему, спрашивается, ему захотелось поиграть именно с ней? Он понял, что нравится ей? Ну и что? Он нравится ей одной? Пф-ф... ну-ну. Может, он заигрывает со всеми, кому нравится? Ну, это вообще абсурд какой-то. Этот красавец себя дарить никому не будет — он себе цену знает. Тогда почему именно она? Потому что она старше? Потому что она замужем? Потому что она села и уехала с его дня рождения с Кэмероном?

Так, стоп! Он вспоминал в поезде именно Кэма, и было видно, что очень хотел разнести к чертям полвагона, после того как она в разговоре ушла от подробностей своей поездки с Прайсом, и ограничился только тем, что отшвырнул стакан. У Жаклин от этого потеплело внутри.

«Но при всём при этом, когда я упоминаю Чарльза, мы лишь скептически ухмыляемся», — продолжила смотреть правде в глаза девушка. Почему он не ревнует к мужу, а ревнует к Кэму? Может, ей следовало всё-таки принять во внимание тот разговор в

машине по телефону? Но даже если бы она это и сделала, то что? Всё равно ей слишком мало известно о Прайсе и его отношениях с племянником Кирка. А может, тут нужно учитывать и самого Кирка? Не говоря уже об Анне — ведь есть еще и Анна. Если она конечно же, еще есть. Но если Александр, при наличии в его жизни любимой девушки, позволяет себе такое с ней, с Жаклин, то у Анны очень серьезные проблемы. Очень. Если она, в свою очередь, всё еще заинтересована в своём бойфренде. А как, спрашивается, можно не быть заинтересованной в таком парне как Александр?

Но как бы там ни было, он ревнует! Это была победа! Маленькая, но победа. Там, за столом в поезде, девушка так сосредоточилась на общении, на разговоре, что даже не смогла порадоваться результатам как следует, и вот сейчас навёрстывала упущенное. За этим милым занятием и застал её сам «побеждённый».

Алекс вошел в кафе, держа свой рюкзак в руках, нашел Жак глазами в зале и, подойдя, бросил свою поклажу на свободное сидение рядом с ней. Заказал себе чай и еще сок для неё, а независимую женщину, заявившую о том, что ей пора бы начинать платить самой за себя, окинул таким взглядом, что той захотелось залезть под стол, за которым они сидели.

Студент пришел раздраженный и злой. Он рассказывал об издательстве — какой там у них бардак, и не понятно, как они там, в таком бардаке, вообще работают и не сходят с ума. Пока они нашли списки, пока нашли его в списках, пока пропустили через ресэпшен, пока он дождался того, кого ему сказали подождать, пока они вместе дождались того, кого ждут все и всегда, пока он выслушал лекцию-жалобу о нелёгких буднях газетчиков и их достижениях назло и вопреки всем проискам врагов, короче, отметку ему в личном таблице всё-таки поставили, брошюрок всяких надавали. Отпустили. Ноги его больше не будет в этом аду.

Слушательница смотрела на своего студента во все глаза и ловила каждое слово. Она не могла не думать о том, что вот так же вот, наверное, когда-нибудь в будущем, когда её любимому мужчине стукнет уже где-то под тридцать или даже за тридцать, ну или в любом другом возрасте, он придёт злой и недовольный с работы домой, и его жена, а зная его, можно предположить, что это будет очень хорошая, умная женщина, станет его успокаивать и отвлекать от всех этих проблем, которые, понятное дело, никогда не кончатся, и чем раньше научиться относиться к ним философски, тем полезней для здоровья. Как бы Жаклин хотела быть на её месте.

Девушка как могла попыталась прямо на ходу «слепить» ситуацию. Она представила, что они с Алексом муж и жена и сидят не в кафе Лондона, а в их квартире в Нью-Йорке, и старалась вести себя так же, как вела бы себя эта предполагаемая супруга её любимого человека. Она искренне и в деталях интересовалась тем, что же там, собственно, происходило в этом «рассаднике хаоса и пристанище бездельников», так умело маскирующегося под офис вполне себе уважаемой газеты, внимательно выслушивала ответы и в конце просила своего «мужа» не обращать внимания на всё это и забыть поскорее, поскольку всегда знала, что в журналисты и издатели идут одни тупицы и болваны. А еще ей очень хотелось взъерошить парню волосы и просто обнять, забрав через ласковое прикосновение часть его негатива, но, увы, сейчас это невозможно.

Но что-то у неё всё-таки получилось — этот чей-то будущий муж явно расслабился и успокоился. Перемены в его состоянии случились настолько очевидны, что их заметил даже он сам. Почувствовав, как Жак своей энергетикой умной женщины, адекватного человека, выражением глаз, интонациями действовала на него примерно как правильное обращение на

тринитротолуол, он понял, что ему полегчало, и в конце разговора показательно выдохнул, как бы закрывая тему.

А сам принялся думать и анализировать.

«Хм, интрижка с ней была бы неплоха. Да. И трахнул бы я её с удовольствием. Угу. — Он в упор рассматривал свою визави. — Ну а вдруг она — то, что надо? А если я всё испорчу? — Он почесал затылок. — Короче, пусть этот её... как его... Чарльз спит себе дальше... угу». — И мысленно потёр руки.

— Хочешь почувствовать себя настоящим лондонцем? — спешила закрепить свой явный успех Жаклин.

Александр, выдернутый из своих размышлений, не успел сориентироваться и послушно заглянул внутрь себя, чтобы прямо ответить на поставленный вопрос.

— Нет, — сказал он, — не хочу. Зачем мне это? Я и ненастоящим лондонцем вполне себя неплохо чувствую. А что?

Жак обожающе улыбнулась — этот дезориентированный, непосредственный, сразу такой юный Алекс был таким же притягательным и желанным, как и тот взрослый Александр МакЛарен, с которым она разговаривала в поезде о его будущем и о её выборе профессии. Он так простодушно сосредоточился на вопросе, на который кто-нибудь другой просто автоматически ответил бы: «Хочу», — из любопытства или из желания пойти навстречу в разговоре.

«Он бесподобен! Люблю его!» — с умилением призналась сама себе влюблённая.

— Тебе еще что-нибудь нужно в Сити? — зашла она с другого боку.

— Нет.

— В Лондоне?

— Нет.

— Я так понимаю, мы — домой?

— Нет, то есть, да.

— Мне хотелось бы прокатить тебя до Паддингтона на велосипеде. — Экзаменуяще посмотрела девушка на молодого человека.

Тот не дёрнулся в отрицании в первую же секунду, что уже являлось хорошим знаком, но мгновение спустя всё-таки поморщился.

— Да ну-у-у... — и отвернулся, скривившись.

— Нет, ну понятно, что это не «Ауди» последней модели, но зато и впечатлений больше. — У Жаклин горели глаза, и на губах играла улыбка — парень невольно заулыбался в ответ. Приободренная его реакцией, она протянула к нему руку по поверхности стола.

— Ты говоришь о прокатах? — накрыл он её ладонь своей.

Она низко кивнула.

— И как мы поедем? — недоверчиво прощупывал маршрут Алек, теребя пальчики девушки.

Его спутница тут же подскочила в воодушевлении и даже вынула свою ладошку из-под его руки, чтобы свободно жестикулировать.

— Здесь не очень далеко до собора Святого Павла. — Она показывала себе за спину ладонью. — Там есть стоянка великов. Мы возьмём их там — первый час, кстати, бесплатно — проедем по Холборн и Нью-Оксфорд прямо до Гайд-парка, вернём велосипеды в ячейки на углу у входа в парк — я знаю, где это — и пешком дойдём до вокзала — там уже совсем близко. Как тебе?

«Я уже говорил себе, что с ней не соскучишься?» — «властелину колец» всё-таки было лениво — он предпочёл бы Audi. Любой модели.

— Насколько я помню, и Холборн, и Нью-Оксфорд — очень большие улицы, на них транспорта до шипа — что-то мне неохота там между ним щемиться.

— Это заблуждение, что на велосипедах легче ездить по маленьким улицам и переулкам, — назидательно, со знанием дела, начала уроженка Лондона. — Во-первых, можно легко наткнуться на тупики, поверь, мы пробовали с девчонками в Университете. Во-вторых, не исключено, что попадёшь на многолюдную пешеходную зону, в-третьих, на центральных улицах больше специальных велополос, да и водители там привычные. Так что... — она задрала подбородок на манер всезнайки.

— Ладно. Поехали.

«Я ей навязал эту поездку, а она меня еще и уговаривает. И довольно толково, надо признать». — Юноша поискал глазами официантку, чтобы попросить счет.

Они пешком шли к собору Святого Павла. И вот тут представитель сильного пола, к неопишуемой радости своей спутницы, взял ее за руку. Впервые! Он шел и перебирал тонкие женские пальчики, периодически собирая их вместе и легонько сжимая в своей ладони. Эйфория наполняла Жаклин по кончики ушек. Счастливая бедняга истратила кучу сил и нервов, чтобы идти сейчас с ним и разговаривать о Лондоне, Оксфорде и Глазго, спокойно, как ни в чем не бывало, примерно как делал это он сам, тогда как ей хотелось... да просто обнять весь белый свет во главе с самым лучшим для неё на Земле человеком.

Наверное, вот так — за руку с Александр по Лондону, она могла бы гулять неделю или даже две, но до собора Святого Павла они дошли за десять минут, увы. Позади этого известного на весь мир сооружения есть небольшой скверик в английском стиле, на углу которого, по пути на мост Millenium, стройным рядком стояли в своих ячейках голубенькие велосипеды с логотипом банка Barclays.

Но Жаклин всё-таки для начала нужно было позаботиться о Чарльзе — он должен уже вот-вот проснуться, поэтому девушка направилась внутрь парка, планируя оставить здесь своего спутника, а самой обойти вокруг собора, где с другой стороны уже заприметила вывеску «Телеграф» над первым этажом какого-то здания.

— Подождёшь меня здесь, пока я сбегая позвонить, хорошо? — начала она дипломатичным тоном, кивнув на скверик.

— Хорошо, — скрипучим голосом согласился ее спутник, окидывая недовольным взглядом территорию вокруг собора.

Ему всё это очень не нравилось. Собор Святого Павла входит почти во все туристические маршруты Лондона, поэтому на прилегающей к нему территории всегда очень много туристов и их неизменных спутников — туристических автобусов, которые как огромные контейнеры с пассажирами доставляют своих клиентов во все точки их наибольшего скопления — от гостиниц до Виндзорского замка.

Еще даже не войдя в скверик, сквозь его неплотное кустарниковое ограждение Жаклин насчитала внутри, по меньшей, мере четыре или пять экскурсионных групп, роившихся вокруг своих экскурсоводов, которые держали в руках в качестве опознавательных маяков или нераскрытые зонтики, или указки с цветными лоскутками на концах.

Между этими сгустками толпы бродило еще и предостаточное количество самостоятельных, одиночных туристов. Одна из групп расположилась совсем рядом со входом, через который вошли Александр с Жак, и состояла из мальчиков и девочек, на вид

которым исполнилось примерно столько же, сколько и студенту — лет семнадцать — восемнадцать.

Но всё-таки это были еще школьники — у мальчиков из-под верхней одежды виднелись одинаковые брюки сине-серого костюмного материала, на девочках красовались такие же юбки в складку. Между входом и школьниками осталась одна свободная лавочка, к которой и направилась пара из Оксфорда.

Сделав пару шагов, они оба заметили двух девочек, несколько отделившихся от своих одноклассников и стоявших чуть ближе ко входу. В этот же момент экскурсантки повернули головы в сторону Алекса с Жак.

Кажется, Жаклин за секунду предугадала выражение их лиц после того, как те увидели МакЛарена — глазки школьниц синхронно округлились и в следующую секунду заискрились как бенгальские огоньки.

«Святой Павел был бы очень недоволен», — только и успела подумать девушка, как её спутник остановился, не дойдя до лавочки примерно шагов пять.

— Я пойду с тобой, — сказал он безапелляционным тоном, всё еще держа девушку за руку и оглядывая территорию.

Жаклин тут же поняла, что он сделает именно так, как сказал, и по-другому быть уже не может, потому что не может быть никогда, но всё равно попыталась выправить ситуацию.

— Зачем? Алекс, я никуда не убегу, обещаю. И скоро вернусь. — Она разыгрывала удивление, хотя ей хотелось расхохотаться.

А вот молодому человеку было не до смеха.

— Я один тут не останусь. — Красавец высокомерно скривил свои кукольные губы и отрицательно покачал головой, сощурившись и буквально сканируя взглядом многолюдье небольшой территории сквера, включая двух девочек с горящими глазками. Потом, развернувшись ко всему этому спиной и став ровно напротив Жаклин, отпустил её руку и засунул свои ладони в задние карманы джинсов. — Я боюсь. Меня здесь изнасилуют. — В его «тюльпанах» плясали бесенята.

Глава 18 Это только игра

Глава 18 Это только игра

Тут Жак уже не выдержала и затряслась в немом смехе, чуть сгибаясь в талии. Потом, просмеявшись и шмыгнув носом, вздохнула.

— Ладно уж... пойдём. — Она взяла его чуть ниже локтя, разворачиваясь в сторону центрального входа в собор, за которым находился телеграф. — Не дадим совершиться греху в святом месте, хоть я и уверена, что твоему целомудрию здесь ничего не угрожало.

Покидая скверик, она боролась с желанием обернуться к двум девочкам, оставшимся за спиной.

Алекс опять взял её за руку.

Вообще-то, до последних событий, Жаклин никогда не лгала Чарльзу. Да и вообще, врала очень редко, а мужу — тем более. И сейчас начинала с ужасом осознавать, что не опускалась до лжи не потому что такая вот честная и правдивая, а просто потому что не имелось поводов. Не было поводов, не было и лжи. Её жизнь и поведение в быту сложились настолько простыми и прозрачными, практически для всех окружающих, что самое ужасное, на что она могла сподобиться — это недомолвки и молчание.

И вот сейчас появился этот повод, и вот сейчас она будет врать. Врать по-крупному. Это уже не то, что там «не знать» что подарить Алексу на день рождения или кто там и кого подвёз, и сколько их было в машине. Тут всё по-взрослому.

«Ладно, Жаклин, не дрейфь, может, тебе еще и понравится», — зло пошутила над собой лгунья.

Но ей не понравилось. Тем более, что когда начинаешь врать в двадцать шесть, получается из рук вон плохо. Просто отвратительно.

Чарльз ответил после второго гудка.

Жена начала рассказывать мужу, что ей давно уже звонили из риэлторской конторы, которая занимается квартирой её родителей в Лондоне, и просили приехать, и она, замотавшись с работой, совершенно забыла, что договорилась с ними именно на этот свой выходной и вспомнила об этом только сегодня утром, перелистывая ежедневник. Будить его не стала, помня, как поздно он вчера лёг, но постарается побыстрее и, как только освободится, тут же возвращается домой. Чарльз просил жену не волноваться, но всё-таки научиться всегда брать с собой свой мобильный. Жаклин пообещала. Потом он еще поинтересовался, не знает ли она, что это за синие лоскутки валяются у них по всему дому? Понятное дело, что это Сула, скорее всего, в очередной раз что-то растерзала, но вот что именно и как она до этого добралась, он теряется в догадках. Хозяйка заверила, что как только вернётся, сразу же до отказа разберётся с этой пронырливой хулиганкой, а пока передала ей привет и отключилась.

Чувствовала она себя при этом обыкновенной рядовой преступницей. И теперь ей, как обыкновенной рядовой преступнице только и оставалось уповать на то, чтобы не попасться на месте преступления, то есть не столкнуться, допустим, на вокзале в компании Алекса с кем-нибудь из знакомых, а особенно из знакомых Чарльза, дабы не почувствовать себя ещё кем-нибудь похуже.

Пока Жаклин звонила, МакЛарен, расположившись на подоконнике телеграфа, что-то читал в своём айфоне и жевал купленный в поезде сэндвич — когда твоя честь вне

опасности, можно и подкрепиться. Увидев освободившуюся девушку, когда она присоединилась к нему после звонка, убрал телефон, засунул остатки еды себе в рот и, ничего не спросив о разговоре, повёл за руку назад, в скверик.

Ни один из них на этот раз не стал присматриваться к людям, находящимся возле собора, — обоим это сделалось безразлично. Оформляя прокат велосипедов в автомате, Жаклин хотела было опять воспользоваться своей кредиткой, но оказалось, что у Алекса тоже кредитка с собой.

Они поехали по Holborn Street до самого конца, и по ней выехали на New Oxford Street. Инициатор сего предприятия рулила первая и поначалу постоянно оглядывалась на шотландца в Лондоне, следя за тем, как он справляется с ездой бок о бок с двухэтажными автобусами и не отстаёт ли. Сама она отлично себя здесь чувствовала, и прекрасно ориентировалась в потоке транспорта, и даже успевала посматривать на различного рода дорожные знаки.

Александр ехал сзади и наблюдал за своей проводницей.

«Это мой родной город», — постоянно звучало у него в ушах. Фраза была очень даже созвучна тому, что он сейчас видел перед собой.

«Ей действительно идёт Лондон. Она здесь совсем уже другая — не такая как в Глазго, и даже не такая как в Оксфорде. Какая-то «третья» Жаклин. И что, мать его, интересно... судя по всему... эта — тоже моя». — Он любовался уверенностью, с какой девушка маневрировала в сложном потоке транспорта и управлялась со всеми теми нюансами и требованиями, которые предъявляет людям и требует от них такой мегаполис как Лондон. Парень наслаждался спокойствием, которым веяло от взаимопонимания этой милой англичанки с её родным городом.

«Что-то мне подсказывает, что я счастливчик», — осенила его догадка. Сам он не горел большой любовью к столице, но, тем не менее, всегда признавал, что Лондон — красавец-город. А особенно ему импонировало, что в этом мегаполисе многое было задумано, и предпринято, и сделано весьма и весьма толково, что и позволяло ему неплохо справляться с тысячекратным количеством жителей и гостей, чем то, на которое он был рассчитан изначально.

Они ехали не очень быстро и даже пару раз останавливались на светофоре недалеко от Oxford Circus. Стоя на ногах по обе стороны от велосипеда, Жаклин всё время улыбалась и посматривала на своего спутника — на его самочувствие. Тот выглядел слегка неуверенным, но, в общем и целом, был вполне себе заинтригован и доволен.

— Ну и как? Страшно было? — не выдержала девушка, когда они вставляли своих железных коней в ячейки автоматов на окраине Hyde park в районе Marble Arch.

Юноша закатил глаза.

— Я даже отвечать на это ничего не буду. Извини, у меня пару раз играл рингтон, я отойду перезвонить, — оборвал он тему.

«Анна?» — сразу загрустила его спутница и принялась как ястреб следить за выражением лица молодого человека, когда он слегка поворачивался в её сторону, разговаривая по телефону и вышагивая в отдалении у зарослей кустарника возле ограждения парка. Но юноша умел быть «не читаемым», когда хотел, поэтому старалась она напрасно.

— Я хочу есть, — сказал он, возвращаясь и разглядывая что-то в своём мобильнике. — Уже обед. Что это за район? Здесь можно где-нибудь хорошенько подкрепиться? Если, конечно, ты не очень спешишь.

Вообще-то, Жаклин спешила. Она по опыту знала, что если они даже и не будут сильно разгуливать здесь, в Лондоне, то всё равно домой попадут только лишь под вечер. В таких поездках всегда время уходит непонятно на что и куда. Но она уже привыкла, что одна сторона её жизни постоянно входит в противоречие с другой, что ей постоянно приходится выбирать — если она сейчас скажет, что спешит, то потом будет жалеть, что не позволила себе лишний час в компании любимого человека, а если позволит, то урвёт какой-то кусок времени и сил у Сулы, Чарльза, работы и сна. Она саму себе теперь чем-то напоминала телефон с двумя сим-картами.

— Думаю, перекусить мы можем, но только если на этот раз я буду платить сама за себя.

Александр даже дёрнулся, потом запрокинул голову и развернулся на каблуках.

— Ну, начина-а-а-ается...

После такого его спутница, не мешкая ни секунды, сжала губки в крошечный «бантик» и, поправив волосы, начала застёгивать молнию пуховика.

— Ну что же, пожалуй, мне пора, — возилась она с замком, стараясь, чтобы туда не попала ткань свитера. — Спасибо тебе за компанию, Алекс. Будешь звонить в Глазго, передавай там всем от меня привет. — Застегнувшись и не глядя на молодого человека, девушка развернулась по направлению к вокзалу.

Она успела только занести ногу к первому шагу.

— Стоп! Стоять, — схватил её за капюшон смеющийся юноша. Повернув девушку обратно, он поднял руки в жесте «сдаюсь». — Ладно, я согласен.

Она смотрела молча настороженно.

— Да заплатишь ты за себя, заплатишь, — смеялся он, — ... шантажистка.

Остаться в долгу в планы Жаклин не входило.

— Киднеппер.

Александр сначала было захохотал, запрокинув голову, а потом, видимо, забыв про всё на свете, захватил шантажистку левой рукой за шею и, легко прогнув в спине назад, практически положил её голову себе на согнутый локоть.

Девичье личико, с прищуренными от небесного света глазами сейчас лежало перед ним «на блюде». Он автоматически, под воздействием мышечной памяти, приблизил к её лицу своё, заглянул в карие глаза и застыл. Застыла и Жаклин. Ответить на взгляд «захватчику» она стеснялась, поэтому «железно» уставилась на пепельную прядь волос, свесившуюся со лба МакЛарена.

К сожалению, у Жаклин мышечная память хоть сколько-нибудь применимая к данной ситуации отсутствовала напрочь. На предмет того, чтобы крепко обхватить его руками за шею, после чего, согласно сценарию, должен был последовать поцелуй — девушка никогда такого не делала, и даже подобного, поэтому «помнить» её мышцам было практически нечего.

Поэтому девушка умело и уверенно завела сюжетную линию в тупик, и последовала неловкость. С Александра моментально спало всё веселье, он перестал смеяться и, выпрямив, отпустил девушку, после чего пятернёй зачесал себе волосы назад.

Она тоже слегка потопталась на месте в неловкости, поправляя пуховик.

Но вокруг был Лондон, а тут ритм жизни всегда услужливо быстро перелистывает «странички с сюжетами», подкидывая новые идеи.

— Тогда давай еще раз возьмём велосипеды и проедем через весь Гайд-парк и

Кэнсигтон, — уже нашлась Жаклин — Там, с другой стороны, на Кэнсигтон роуд есть много всяких кафе, они не очень дешёвые, но очень вкусные.

— Годится, — кивнул голодный студент. Кроме Лондона, его «сюжеты» перелистывал ещё и пустой желудок.

Они опять взяли велосипеды и поехали по озвученному маршруту. После шумного, тесного города, в безлюдности и тишине парковых просторов ехать оказалось столь легко и просто, что даже скучно. Парень обгонял девушку и наматывал круги вокруг её транспорта, мешая двигаться. Она грозила ему нешуточными штрафами, через каждые десять метров увеличивая сумму вдвое, а также тем, что если он её всё-таки собьёт, то пойдёт на корм рыбам в королевском Круглом озере.

В западном крыле Kensington Park есть только одна стоянка велосипедов — при выходе на Bayswater Road, там велосипедисты и оставили своих двухколёсных коней. Пройдя мимо Kensington Palace, где живёт принц Уильям со своей Кейт, они сначала вышли на улицу посольств, с которой уже попали на Kensington Road. Свернув в почти первое же попавшееся кафе, которое называлось «Bella Italia», парочка заказала одну на двоих пиццу с цветками тыквы и анчоусами, к которой Жаклин прибавила себе ещё полбокала белого вина и чашку чая, а голодный студент — бокал красного, бифштекс с кровью и пасту.

Они почти не разговаривали — как и предрекала уроженка Лондона, всё оказалось очень вкусным, что и подвигло молодых людей сосредоточиться на шедеврах итальянской кухни в ущерб общению, да и к тому же время поджимало.

Но как бы там ни было, взглянув раз-другой на своего спутника, поглощающего со здоровым аппетитом итальянские блюда, Жак не смогла не залюбоваться этим зрелищем. Женщины вообще любят смотреть, как едят мужчины, а как ест твой любимый мужчина, да ещё и с таким неподдельным желанием и хорошей скоростью — это уже совершенно конкретный и предостаточный повод для умиления и обожания.

«Для такого готовить — одно удовольствие, — будучи под впечатлением, помечтала она. — Кстати...»

— Александр, а что ты вообще любишь кушать, кроме чая с хамоном и сыром?

Ответ её ни удивил, ни разочаровал.

— Мясо. — Говоривший даже не оторвался от тарелки.

«Ну, оно и понятно», — подумала девушка.

— Угу. Мясо. Какое мясо? — ей нужны были подробности.

— Любое.

— Как, совсем любое?

— Совсем. — Тарелка с пастой всё ещё лидировала в борьбе за внимание голодного студента.

— Ну, хорошо — любое мясо. Что ещё?

— А что ещё можно любить, кроме мяса? — И вот тут фортуна улыбнулась и Жак — Александр поднял и распахнул на неё свои «тюльпаны». И сделал это, судя по всему, совершенно искренне.

«Никогда мне не привыкнуть к его глазам». — Ещё и эта мысль была виновна в том, что миссис Рочестер слегка оторопела и сразу не нашлась что ответить. И даже почесав себе согнутым указательным пальцем чуть повыше лба, всё равно ничего не придумала.

— Я прав? — мясоед отправил очередной намотанный на вилке пучок спагетти в рот. — Я прав.

Девушка отпила глоток белого и продолжила.

— А что ты любишь больше всего из мяса? Есть какое-нибудь блюдо, которое тебе нравится больше всего?

Алекс ни секунды не задумывался над ответом.

— Нет, блюда нет, — отпиливал он от бифштекса добротный кусок сочной говядины, — но я люблю мясо попроще и попримитивней. Соль, перец, и на огонь. Желательно открытый. На вертел или решетку над костром, ну или на худой конец, под грилем. Мы с братьями и дядьями, много раз так делали в гостях у дяди Рона в хайлендсе — вкуснятина-а-а-а — ешь и есть хочется. — В глазах у него при таких щемящих душу воспоминаниях засветилась любовь в чистом виде. — Люблю мясо по-арабски на сковороде на сильном огне. Они его быстро «запечатывают» с обеих сторон, — парень на весу повернул ладонь обеими сторонами, что должно было, по-видимому, символизировать манеру «запечатывания» мяса арабами, — а внутри остаётся тако-о-о-ой со-о-о-ок. — От полноты чувств гурман не выдержал и, закрыв глаза, покачал головой — судя по всему, мясо по-арабски было по-настоящему убойной вещью и оставляло неизгладимый след в душе любого, кому посчастливилось его «пережить». — У нас в Глазго есть неплохой ресторанчик ливийской кухни, там готовят такое мясо. Будь моя воля, я бы там обедал каждый день.

Жаклин заслушалась. Она уже давно заметила, что юноша очень даже интересный рассказчик, и это уже не имело никакого отношения к её чувствам к нему.

Увидев, что собеседница притихла, оживился собеседник.

— А что любишь кушать ты? Если ты вообще кушаешь. Я пару раз тебя поднял, и, признаться, начал очень сильно в этом сомневаться. — Александр опустил руки запястьями на кромку стола, держа в них вилку и ложку для наматывания спагетти.

— Ну и напрасно. Я очень даже хорошо кушаю, — отчеканила девушка, и как бы подтверждая теорию практикой, отправила кусок пиццы в рот.

«Я для него худая?»

— И что же ты... хорошо кушаешь? — не унимался мужчина.

Она забегала глазами по пространству зала.

Юноша насторожился и, отложив вилку, потянулся левой рукой к своему бокалу с вином.

— Что... только не говори, что «пену для бритья». — Он неумело показал знак кавычек правой рукой с ложкой.

Отрицательно покачав головой, Жак прожевала, после чего проговорила сказала тихо так, скромно:

— Мороженое.

Её визави, чуть не поперхнувшись вином, пару раз моргнул и посмотрел на неё как на блаженную.

— Мороженое? — переспросил он так, как будто, если это прозвучит в его устах, то обретёт хоть какой-то смысл.

— Да. Мороженое. А что?

— Мороженое, это, по-твоему, еда?

— Мороженое, по-моему, это очень даже вкусно, и мне этого достаточно.

— Угу. Ясно, — ответил он в той манере, в какой отвечает взрослый — ребёнку, который только что ему доказал, что Зубная фея всё-таки существует, мать её. Но потом сразу же широко и по-доброму улыбнулся: — Сладкоежка.

В долгу оставаться Жаклин всё так же не планировала.

— Хищник.

«Хищник» самодовольно засмеялся.

— Ну хорошо, мороженое, а какое ты любишь мороженое?

— Вообще-то любое. С Бейлизом люблю. Но самое вкусное, какое я ела, это трюфельное с мёдом.

Александр даже перестал жевать. Потом склонил голову набок, на манер всё той же Сулы, когда она чем-то заинтригована.

— Я такое впервые слышу, потому что не ем мороженого, или оно действительно редкое?

— Оно редкое. Но, кстати, я его ела именно в Италии, в Неаполе. — Показала она вилкой на пространство зала кафе. — Оно бесподобно. Это итальянский рецепт.

Юноша прищурился и посмотрел на неё как кот на мышь в мышеловке. Затем выпрямился и поискал глазами официанта.

До сладкоежки дошло моментально.

— Алекс, не надо. Сегодня я обойдусь и без мороженого, — прошептала она, зачем-то чуть пригнувшись к поверхности стола.

— Я не обойдусь.

— Ты будешь мороженое?

— Нет, я не обойдусь без тебя, когда ты ешь своё любимое блюдо. Я же ем в твоём присутствии своё любимое мясо, почему бы тебе не съесть при мне мороженое. Я думаю, это будет справедливо.

— Но заплачу я за него сама.

— Нет. Ты будешь платить за то, что заказывала — полпиццы и вино с чаем. Мороженое я закажу сам и платить буду тоже сам.

— Тогда и есть его ты будешь сам.

— Посмотрим.

В этом кафе трюфельного мороженого не оказалось, но имелся очень хороший пломбир, а к нему трюфельная посыпка и мёд.

Когда им принесли на плоской тарелке большую «шайбу» пломбира, обильно сдобренную оговоренными ингредиентами, в центр которой сверху была воткнута тоненькая палочка с блестящей кисточкой на конце, Алекс сразу же поставил её перед Жаклин. Но после того, как сладкоежка отрицательно мотнула головой и отвернулась в сторону, придвинул тарелку себе.

Держась сверху за палочку, он отщипнул прилегающей ложечкой с краю кусочек лакомства и медленным движением отправил себе в рот.

— М-м-м-м-м... — почти пропел он, — божествен-н-н-но.

— Приятного аппетита, — отчеканила девушка с интонацией «Чтоб ты подавился».

— Спасибо, — поблагодарил юноша, ничуть не смутившись.

Её хватило только на четыре ложечки. Когда Александр пятый раз попытался приложиться к «шайбе», девушка не выдержала:

— Дай сюда, — дотянулась она до тарелки, и когда молодой человек отнял руку от палочки, переставила её перед собой и молча протянула к нему руку еще и за ложечкой.

Александр смотрел на неё с умилением — ему стал приятен один момент — Жаклин ест его ложкой. Она не взяла свою из чая, а потребовала его и продолжила начатое им дело.

Но всё ещё посматривала на него как на врага.

злится, она ещё лучше!» — разгорался уже несколько другой аппетит у восемнадцатилетнего.

Чуть только вкусив своего любимого лакомства, Жаклин мгновенно подобрела. Она посмотрела на своего визави и смущенно хихикнула.

Тот победоносно улыбнулся.

И Жаклин не выдержала.

— Понимаешь, в тех местах, где я жила с дядюшкой, где он работал помногу месяцев кряду, мороженое не продавалось. Там было много чего, иногда блюда готовились действительно очень вкусные, из варили нам местные рабочие, но вот мороженого... Оно бывало, конечно, но о-о-очень редко. — Она чуть причмокнула и облизнула губы. — Мне всегда его хотелось. Особенно в Африке и Китае — там такая жара! — девушка схватилась левой рукой за лицо. — Потом я приезжала, допустим, в Париж или Неаполь, или Рим и ка-а-ак накидывалась на эту вкуснятину. — Она губами сняла с ложечки очередную порцию пломбира. — Питалась только им по нескольку дней, пока горло не заболело, и мне уже нельзя было холодного. Вот после этого я его очень люблю.

Александр уже давно уловил себя на том, что, когда она рассказывает о своей жизни, о своём детстве, он почти перестаёт дышать — описываемые ею сюжеты и нюансы её кочевой жизни юношу убаюкивали, завораживали. Для него это происходило примерно как Шахерезада и её «Тысяча и одна ночь». Поэтому, как только Жак замолчала, он стряхнул с себя наваждение и улыбнулся.

— Очень хорошо, что ты мне это рассказала. Спасибо, — сказал он с добротой и благодарностью в голосе.

— Угу, — кивнула путешественница.

Глава 19 Грех

Глава 19 Грех

Они вышли из кафе, заплатив каждый сам за себя, за исключением мороженого, к немалой радости сладкоежки, которой наконец-то удалось настоять на своём. По её же предложению спустились в метро — совсем рядом располагалась станция кольцевой High Street Kensington, сев на которой, можно выйти через остановку на Paddington, прямо у входа в вокзал.

На этот раз в поезде им достались места не за столиком, а обычные парные в ряду.

Перед тем как переступить порог вагона, Жаклин покосилась на идущего рядом Алекса, на что тот понимающе улыбнулся, но, тем не менее, не удержался и, всё-таки быстро передвинувшись ей за спину, слегка подсадил за талию в тамбур. Почувствовав сквозь пуховик и свитерок, какая она у девушки тонкая и гибкая, сытый студент практически обрёл себя на предвкушение.

«Будет у меня по квартире ходить только голая».

Заняв свои места, парочка осмотрелась. В вечернее время вагон заполнился почти наполовину — только сразу за ними два кресла пустовали, а вот через проход ехала взрослая чета: мужчина и женщина, скорее всего, муж и жена, сзади которых в одиночестве разместился молодой парень. Усевшись поудобней, он задремал ещё до отправления.

Жаклин порывалась было расположиться у окна, но Алекс её остановил.

— Давай я туда сяду — поверь мне, так будет лучше.

Та с готовностью закивала.

— Да-да... конечно садись... вот, пожалуйста.

Усевшись в довольно удобное кресло, она сразу же расстегнула пуховик, не став его снимать на этот раз, и откинув голову, закрыла глаза. Проследив за ней, юноша понял, что девушка действительно устала, хоть и старается особо этого не демонстрировать. Он тоже ограничился тем, что только расстегнул дублёнку, потом подождал, пока поезд наберёт скорость, и, подняв воротник и удобно откинувшись в угол между креслом и стеной вагона, взял Жаклин за плечо и немного потянул на себя.

— Укладывайся сюда, — похлопал он рукой себе по боку.

У той в первое мгновение слегка расширились глаза от неожиданности и смелости предложения, но потом осознав, что интимность позы с лихвой нивелируется слоями их одежды, она молча кивнула и, чуть развернувшись и опустившись в кресле, оперлась спиной на парня, положив голову ему на плечо спереди, и опять закрыла глаза.

Даже несмотря на то, что Алекс тут же высвободил свою правую руку и положил её Жаклин в районе ключиц, тем самым осчастливив в который уже раз за сегодня, ей даже удалось задремать. Она действительно заснула — сказывался опыт на работе в ночную смену засыпать даже в неудобном положении, используя любую маломальскую возможность.

Её похитителю повезло меньше — тот всё никак не мог полностью отключиться от мыслей — было над чем подумать. Да еще и пара через проход постоянно бубнила.

Итак, сам для себя Александр принял ситуацию окончательно и бесповоротно — Жаклин ему действительно нравится. Пока он даже и не задумывался над определениями — всему своё время.

«Успею», — отбросил он попытки понять: влюбился или увлёкся.

Но решил, что готов развивать с ней отношения и нести за них ответственность. Трахнуть её хотелось всё так же, но уже в другом статусе.

«Она — моя девушка и в жопу её этого... как его там».

А возвести Жак в статус девушки Алекса заставили не очень понятные и простые для него ощущения — она, как ему вспомнилось выражение: «заточена под него», потому что никогда, никогда ему не было так хорошо и интересно ни с кем, кроме себя любимого. Спорить и препираться — включительно. Вернее, спорить и препираться — особенно.

«К тому же, она очень красивая. Просто красавица». — Юноша чуть приподнял голову и скосил глаза на спящую у него под боком женщину. Ему очень захотелось сделать с ней сэлфи. И, может быть, он бы даже решился — уж больно притягательно-сладкой и доверчивой она казалась в этот момент, но тут его окончательно отвлекла соседская пара — муж с женой что-то заговорили насчет перекура.

Судя по разговору, они оба, попавшие в никотиновую зависимость и будучи в совершенно безвыходном положении, поскольку в скоростных поездах употребление табачных изделий находится под запретом и карается нешуточным штрафом, собирались направиться в туалет какого-то вагона, где приоткрыто окно. Как только супруги, покряхтев и повздыхав, двинулись в своё рискованное и опасное путешествие, Алекс слегка напряг руки и приподнял себя вместе с девушкой. Та слегка проснулась, но не окончательно.

— Спи-спи... — прошептал он. Оторвавшись от своего угла и поддерживая Жак одной рукой в вертикальном положении, хоть она, в принципе, неплохо сидела и сама, юноша максимально развернулся к ней и уселся полубоком. Та не обратила особого внимания на его манипуляции, и не открывая глаз, поелозила плечами и устроилась уже более вертикально в своём кресле, и приготовилась дремать дальше, надеясь, что парень скоро положит её на себя опять.

Он сидел, смотрел, и любовался, неуверенно улыбаясь. Но потом, в какое-то мгновение, для него всё это стало похоже на стритрейсинг с самим собой — в то время как сам он не пошевелил даже бровью, глаза его прищурились, подернулись поволокой и зажглись похотью — «газуя на холостом ходу», юноша предвкушал её реакцию на то, что собирался сейчас предпринять. А потом медленно, тягучим движением начал приближаться к лицу девушки. Его фигурные губы расслабились и раскрылись. Первое, что он сделал, так это лизнул губки девушки снизу вверх, как бы поддев её ротик. Губами, а не языком — именно к этому почему-то побуждала его сонная Жаклин.

— Ш-ш-ш-ш... — проговорил он ей прямо в рот, когда та дёрнулась и от неожиданности распахнула глаза и пробубнила что-то нечленораздельное.

Пока она не развила тему: «Что ты делаешь!? Зачем тебе это надо?! Кругом же люди!!» — и по нарастающей: «Прекрати сейчас же — я пожалуюсь мужу/нажму стоп — клавишу/позову полицию», — он, быстро закрыв глаза, подключил язык и, взяв её лицо в свои руки на манер картинок, где человеческие ладони бережно обнимают земной шар, лизнул повторно, точно так же, но уже языком, задев при этом зубки и язычок между ними. Потом начал пробовать и ласкать её губы снизу вверх, поддевая их своими губами и кончиком языка. Алекс полизывал и слегка пощипывал своими, такими же, мягкими, расслабленными, хоть и очень умелыми и деятельными. Но полностью врываться в рот к девушке явно не спешил. Он боялся «взлететь» еще выше — «взлётная полоса» была явно не та. Он лишь чуть-чуть, встречаясь кончиком своего языка с её мягким, нежным тёплым, как бы знакомился и убеждался что тот готов к «встрече гостей», и опять возвращался к губкам

девушки.

Александр дегустировал, смаковал и наслаждался и понял, что именно этого ему и недоставало.

«М-м-м-м... давно надо было это сделать. Еще там, в моей машине, в Глазго. Это какие-то грёбаные небеса», — эта последняя из его мыслей, на которые он оказался способен в тот момент.

Потому что вскоре его всё-таки «накрыло».

Это Жаклин наконец-то пришла в себя и уже не только поняла, что же сейчас происходит, но и даже поверила в это. Она закрыла глаза и с готовностью расслабила и подставила свои губки парню, слегка потянувшись к нему всем телом, и в то же время отвечала на каждое движение, как бы собирая с его рта всю сладость. Она тоже поддевала, коротко захватывала и нежно касалась, целовала, с радостью замечая, с каким удовольствием он всё это ей позволяет.

Когда же Алекс захватил её верхнюю губу своими и чуть пососал, она лизнула его нижнюю, а потом с силой и по-взрослому ворвалась к нему в рот.

Парень с силой потянул ноздрями воздух и остановился, затаив дыхание, боясь, что оно вырвется наружу уже не одно, а на пару с глубоким, добротным стоном. Он схватил Жак мёртвой хваткой за руки чуть выше локтя и сам держался за неё как за спасательный круг. Потом, оторвавшись, тяжело задышал ей прямо в рот, упёршись в её лоб своим. Та сама дышала ненамного легче и смотрела вниз на его губы.

Один раз моргнув и вдохнув, юноша начал приходить в себя. На лицо вернулась улыбка и в глаза — нежность.

Партнёрша, подняв на него взгляд, вымученно просияла ему своими.

Тогда он легонько её поцеловал опять.

— Спи. — Алекс полноценно улыбался, а «тюльпаны» восхищённо мерцали. Бесенята в его глазах батистовыми платочками вытирали слёзы умиления, а один из них, самый талантливый, вырезал из цветной бумаги велентинки.

Юноша опять удобно устроился в углу и так же легонько подтолкнул девушку на себя. Та и в этот раз послушно откинулась на него и в изнеможении закрыла глаза.

Но в этот раз о сне не могло быть и речи. И, о какой бы то речи, речи тоже идти не могло.

Жаклин лежала и пыталась привыкнуть к тому, что теперь она уже не просто влюблённая в этого юношу, а влюблённая, которую он поцеловал. Она опять, в который раз за сегодня, пыталась не делать поспешных выводов, какими бы желанными и долгожданными они не были. Девушка как могла, сама себя отвлекала и сбивала с мысли. В ход пошло и недоумение от того, что он на это решился, предположительно, будучи в отношениях с Анной; и просто радость от этой недолгой близости с человеком, от которого она «таяла»; и горечь, что им нужно прятаться; и сожаление, что всё так быстро закончилось; и желание продолжить и «пить», и «пить» друг друга, пока не насытишься, а потом почувствовать, что ты живёшь; и нежелание возвращаться сейчас, через пару часов, к нелюбимому, хоть и вполне уважаемому, мужу; и стыд по поводу того, что она ему уже практически изменяет и ни грамма об этом не жалеет.

Грех. Ощущение греха. Жак чувствовала себя грешницей. Не грязной, разумеется, но грешницей — определённо.

Конечно, она не думала, что ей станет стыдно или горько, но то, что от этого возбудится

ещё больше, девушка точно не ожидала.

Ей было мало. Мало этого самого греха. Не хватило. Она вошла во вкус, и к ней пришел аппетит во время еды. Жаклин поняла, что сама в состоянии завалить Алекса хоть куда-нибудь, на какую угодно горизонтальную поверхность и показать ему... небо в алмазах.

Будучи врачом, доктор Рочестер отлично понимала, что только что, одним лишь поцелуем этот восемнадцатилетний мальчик разбудил в ней сексуальность. Девушка повернула голову к нему и скосила глаза на красивое молодое лицо.

Его орлиный профиль с этой самой мягкой горбинкой носа, прекрасная линия лба, бесподобно вычерченный подбородок.

и трахать», — вздохнула Жаклин и вернулась в своё положение.

И под конец, осознав, что скоро всё сегодняшнее волшебство закончится, «каре́та превратится в тыкву», и ей придётся уже этим же вечером, как ни в чем не бывало, опять разговаривать с Чарльзом, а завтра опять на работу, короче, опять туда, где нет ЕГО, девушка всё-таки не выдержала и заплакала. Тихонечко, без всхлипов.

Она, даже можно сказать и не плакала вовсе, только из глаз потекли слёзы.

Молодой человек, уловив её жест, когда она убрала слезинку, опять поднялся и заглянул в лицо.

— Жак, ты чего? — он пытался заслонить её собой от соседей, уже вернувшихся к тому времени вместе с запахом табака. — Что случилось?

— Ничего. Извини. — Она уже всю вытиралась ладошками. — Извини.

Парень нахмурился.

— Иди сюда, — сказал он, показывая рукой на свои колени. — Иди ко мне.

От такого предложения Жаклин не в силах была отказаться. Она привстала и села ему на руки, лицом к проходу, поздноватое поняв, что это не совсем удобно. Поэтому Алекс, опять взяв её под мышки, слегка приподнял, давая понять, что хочет её повернуть. Девушка встала и пересела к нему другой стороной и спрятала лицо у него в районе шеи, уткнувшись носом ему за ухом. Она с шумом потянула воздух с запахом его кожи и волос и успокоилась. Моментально. Даже слёзы высохли.

В благодарность за этот терапевтический эффект девушка еще теснее прижалась, а когда до конца осознала, что и такое с ней тоже впервые, практически вжалась в парня, достав носом ему почти до затылка и... опять не смогла сдержать слезу.

— Ш-ш-ш-ш... — Алекс покачал плаксу на ногах и погладил по коленке, выглядывая из-за её головы на пару через проход, которые перекурив, по всей видимости, решили вздремнуть. — Не плачь. Ну что случилось, а? — Он попытался оторвать от себя девушку и заглянуть в лицо, но та сцепила руки и отрицательно потёрлась носом о его шею. — Посмотри на меня, Жак. — Та же реакция. — Почему?

«Не говорить же ему, что я до крика не хочу возвращаться к мужу. Ни видеть, ни слышать его не хочу».

— Почему всё так? — ослабив хватку, прошептала она ему почти в ухо.

— Как «так»? — мягко спросил тот.

— Почему всё так сложно? Почему я замужем и мне стыдно?

Тело Александр слегка затряслось в немом смехе.

— Ну, если уж говорить об этом, то первому должно быть стыдно мне — я поцеловал замужнюю женщину. Только вот мне, почему-то, ни фи́га не стыдно. — «А даже наоборот».

— Тебе восемнадцать.

— Фак! Жаклин, — парень опять попытался отстранить от себя эту «липучку» и увидеть её лицо, но, поняв, что для этого понадобится применить больше силы, чем он готов сделать это по отношению к девушке, оставил попытку, — все люди разные. Когда тебе было шестнадцать, ты уже ухаживала и за собой и за дядюшкой.

«Липучка» моментально отстранилась сама и вперилась в него немигающим взглядом. Юноша расплылся в своей улыбке, той самой — «одной на миллион», и обласкал взглядом её заплаканное личико.

— Откуда ты знаешь? — выпалила она твёрдо.

— А что тут такого? Мистер Фортескью рассказывал нам всем, какая ты у него чудесная, — искренне удивился Алекс, пальцами убирая пружинистые локоны Жак ей за ухо, а потом не выдержал и чмокнул её в кончик заплаканного носа. Как только он отстранился, воздух между ними сделался вязким и тягучим как жидкое стекло.

МакЛарен, в следующую же секунду став серьёзным, прищурился и, затаив дыхание, приблизился и поцеловал Жаклин лёгким, райским поцелуем. Она тут же ответила и потянулась к нему. Они опять начали играть друг с другом губами и языками, кратко покусывая, полизывая и захватывая.

На этот раз губы у Жаклин оказались солоноватыми от слёз, и юноша, сам не понимая, что делает и почему, начал стараться слизать с них эту влагу. И явно перестарался. Потому что не успел оглянуться, как пару раз с усердием пройдясь по её рту языком, в третий раз уже, себя забыв, впился в неё с силой, после чего оба не застонали на весь вагон только лишь потому, что это и был вагон. Александр медленно, с наслаждением, тщательно целовал её так, словно хотел вылизать из её рта всё, что было до него — все поцелуи, которые были до него и все сожаления, которые возникли с его появлением.

Всё закончилось как и в первый раз — они тяжело дышали, упёршись лбами и глядя друг другу в глаза. И у него и у неё там читалось осознание одного и того же — теперь уже ничего не будет как прежде. Ни один не знал, чем же всё это грозит конкретно, но у обоих имелось одно на двоих, предчувствие перемен.

И им сразу резко расхотелось целоваться — девушка первая отстранилась и опять спрятала лицо где-то за ухом у парня, а юноша тяжело вздохнул и отвернулся к окну.

Жаклин так и просидела на руках у Алекса весь остальной путь да самого Оксфорда, благо оставалось не так уж и много. Пару раз она, правда, спохватывалась, подскакивала, пытаясь сползти на своё сидение, беспокоясь, что ему наверняка тяжело держать её на руках, на что МакЛарен грустно улыбался и еще крепче сжимал руки.

Они молчали. Всё, что можно сказать сейчас, уже сказано. Всё остальное либо понятно и без слов, либо не станет таковым, что бы они не говорили.

Поэтому, обняв девушку, юноша теребил пальчики её правой руки, которую та уронила себе на колени, а она, положив голову ему на плечо, смотрела в окно на сгущающиеся сумерки. И лишь перед самым выходом, как бы на прощание, он позволил себе дотянуться губами до её шеи и сначала лизнуть, а потом коротко поцеловать это же место.

После этого можно было и собираться.

Выходили в Оксфорде тоже молча и по отдельности. За руки не держались. Даже Алекс, посмотрев на Жаклин, решил больше не шутить и не выносить её из вагона.

Только уже на перроне, идя вровень с девушкой, он заговорил.

— Можно вопрос?

— Да, конечно... спрашивай, — тут же с готовностью отозвалась она.

— Что ты сказала мужу?

Жаклин подумала над ответом.

— Правду.

— Что я тебя похитил?

— Боишься? — девушка хитро-высокомерно вздёрнула бровь и улыбнулась, глядя на парня.

— Смотря чего.

— И чего же? Если не секрет.

— Сначала ты. Я первый спросил.

— Я сказала правду о том, что у тебя топографический кретинизм, и я тебе помогла найти издательство, а потом и обратную дорогу на Паддингтонский вокзал. — Она как могла весело посмотрела на своего спутника.

Но на том не осталось и следа его бравады и лицедейства. Вместо них, на фоне вполне понятной грусти, появилась какая-то уязвимость и — Жаклин не верила своим глазам — стеснительность. Он молчал.

— Извини, — не получив отпора, а совсем даже наоборот, девушка устыдилась своей шутки и сникла, — я пошутила... неудачно. Я сказала совсем другое, — продолжила она. А потом вспомнила: — А чего ты боишься?

Александр всё-таки нашел в себе силы отшутиться:

— Щекотки.

— Я запомню.

— Угу.

Они, не сговариваясь, остановились на перекрёстке, на углу Worcester College. Пришла пора расставаться — студенту дальше идти почти прямо, на Georgs Street к своему кампусу, а Жаклин — налево, на Walton Street в свой квартал.

МакЛарен понимал, что завершать сегодняшнюю поездку предстоит ему — на какой ноте решит расстаться он, так всё и будет. Уже стемнело, поэтому, остановившись подальше от света фонарей, похититель безбоязненно обнял ладонью свою жертву за щечку.

— Я... — он запнулся. — Жак, спасибо тебе за этот день, — начал он заново, потирая её кожу большим пальцем. — Мне... мне... — «Твою мать, да что же это со мной?! Соберись, лох!» — мне еще никогда не было так классно с девушкой и это — правда.

«Ну, так! Какие твои годы!» — она в знак согласия и одобрения, накрыла его ладонь своею и теснее прижала к своей щеке, наклонив в эту сторону голову. На её умном и живом личике сейчас отражалась, кроме смущения и полного удовольствия от его откровенности, еще и лёгкая грусть — после таких слов расставаться сделалось тяжелее на пару порядков. Жак, наверное, должна была как-то ответить, что-то сказать, но сейчас могла бы выговорить только то, что не хочет, вот ни в какую не хочет отодвигаться от него вообще ни на дюйм, ни на фут и что ей будет стоить огромных усилий даже оторвать от него свои руки.

Видимо, всё это отразилось у неё на лице, потому что Алекс не выдержал:

— Аа-а-а-а... ч-ч-ч-черт... — в досаде протянул он и начал оглядываться вокруг. Они стояли на перекрёстке, три угла которого являли собой стены домов, а с четвёртый являлся углом парка Worcester College. Он не был огорожен, а обсажен кустарником и не меньше пары столетий назад, поэтому неудивительно, что насаждения больше походили на Великую Китайскую стену и по размеру, и по проходимости.

Александр схватил Жаклин за руку и потянул через дорогу к входу туда. Только лишь

зайдя с ней за ограждение, он на ходу скинул рюкзак в траву, к своим ногам и, развернувшись, обхватил её голову руками и впился ей в губы.

И Жак сделала то, о чем мечтала уже несколько месяцев кряду — зарылась пальчиками ему в волосы на затылке и начала, что называется, «купаться» в них своими ладошками. Она их взъерошивала, и тянула, и теребила, и набирала себе полные руки, а потом опять отпускала и пробиралась ноготками к самой коже.

Слов не было. То есть, вообще.

Они только лишь громко застонали в унисон. Закрыв глаза, оба руками, губами и языками пытались хоть чуть-чуть набраться ощущений друг от друга впрок, на будущую разлуку. Присасывались, отрывались, потом полизывали, затем опять впивались, играли языками то у одного, то у другого во рту — и всё по новой. Когда нестерпимая жажда контакта, жажда прикосновений и не только, стала хоть немного терпимой, Александр оторвался от Жаклин и сгрёб её в охапку.

Теперь он зарылся одной рукой ей в волосы, сминая пружинистые локоны, а она обняла его в районе лопаток.

— Жак.

— М-м-м... — отозвалась та из недр его дублёнки.

— Я буду ждать твоего звонка в субботу.

— Угу.

— И... я не понимаю: что со мной.

— Я тоже.

Он слегка отстранился и удивлённо посмотрел вниз на её макушку.

— Правда?

— Угу.

— А как же твой муж?

Девушка помолчала и начала выпутываться из его объятий.

— Я... — она пожевала губы, — я тогда устала ждать вот этого... вот такого как сейчас... с тобой. — Она взялась за руку юноши повыше локтя, и он поддержал её за локоток тоже. — Мне стукнуло двадцать четыре, но не в этом дело, у меня был только дядюшка. А Чарльз, он действительно неплохой. — Жаклин молча посмотрела вниз на траву, подняла рюкзак молодого человека и протянула его владельцу. Тот забросил поклажу на плечо, взял девушку за руку и повёл опять на перекрёсток.

— До свидания, Александр. — На этот раз она первая остановилась и развернулась к нему лицом. — Я позвоню. — И невидящим взглядом уставилась ему в район яремной впадины, видневшейся в развороте толстовки.

Парень протянул руку и коснулся большим пальцем её нижней губы.

— Спасибо за яблоко. До встречи, Жаклин.

Та вскинула глаза, взяв его руку своими, поцеловала подушечку его пальца и, убрав её от себя, развернулась и пошла по тротуару к своему кварталу, не оглядываясь.

Александр смотрел ей вслед довольно долго, закусив уголок губы. Потом тоже развернулся и направился в свой кампус.

*Ди — (англ. Dee, гэльск. De) — река длиной около 154 км. в северо-восточной Шотландии, в графстве Абердиншир.

Глава 20 Две сплошные

В церкви было сыро, темно и холодно. Как в склепе. Священник тихим, равнодушным, монотонным голосом вёл заупокойную службу. Почти в самом конце прохода, прямо по центру средокрестия, на специальном постаменте, стоял закрытый гроб, покрытый белой ажурной накидкой красивого витиеватого рисунка. Сверху неё как попало лежали — если не сказать, валялись — самые разные по составу и размеру букеты цветов: от фиолетовых гиацинтов и кремовых лилий до белых роз и сиреневых астр.

Возле гроба не было никого. Все сидели на лавочках. Хотя и людей-то в церкви присутствовало немного, да и сама церковь имела размеры чуть менее чем скромные. Обычное строение в романском стиле обычного провинциального городка в английской глубинке. Во время панихиды приходили и уходили люди. Вновь прибывшие тихонечко приближались к гробу, возлагали свой букет и, отступив и осенив себя крестным знамением, усаживались на лавочки, присоединяясь к слушателям. Те же, кто уже почтил память усопшего, вставал, и, перекрестившись, покидал церемонию — всё-таки стоял обычный будничные день, и горожане спешили на работу или же по каким-то своим неотложным делам — провинциальная жизнь не терпит праздности.

Никуда не торопились и не думали о делах только родственники покойницы. Они, как и положено, сидели в первом ряду, по правую сторону от алтаря. Но и их тоже было не очень много — всего-то три человека: дочь покойной, её сын и его жена.

Тогда, во вторник вечером, титаническим усилием воли буквально отодрав себя от Александра, Жаклин шла домой, не замечая ничего вокруг, и выбирала дорогу чисто автоматически — её обуряли противоречивые чувства и мысли.

Алекс казался ей искренним там, в парке Worcester College. Во всяком случае, всё походило на то — признания давались ему явно нелегко — произносил он их весьма неумело, и получились они у него как-то даже коряво, как у человека, который говорит что-то впервые в жизни и сам пробует свои слова на слух. Не тянуло это на притворство или желание поиграть.

А этот ласковый горящий взгляд почти всю поездку, интонации крайней степени заинтересованности, постоянные посягательства на её личное пространство и такие же попытки поделиться с ней своим собственным, не говоря уже обо всём остальном — не настолько уж он опытный и хитрый дамский угодник, чтобы казаться до такой степени правдивым в своём притворстве. К тому же, чуть подумав и попробовав взглянуть на ситуацию под разными углами, Жак не видела конечной цели или выгоды для самого юноши в случае его неискренности. Ну, если только он захотел таким способом поправить себе самооценку после того, как Анна не осчастливила его своей компанией в этой поездке — ведь чисто технически всё выглядело именно так, хоть и с массой нюансов.

Значит, она всё-таки смогла заинтересовать собой своего любимого красивого, молодого шотландца! Он ей ответил! От этой мысли Жак влюбилась в него заново. Вынужденная всё время сдерживаться в своих чувствах даже наедине с собой, привыкшая всю дорогу чуть ли не пинками запихивать глубоко в внутрь свои душевные порывы, всю свою тягу к Алексу, сейчас она уже могла немного расслабиться и даже насладиться так неожиданно свалившимся ей на голову чувством любви.

«Люблю его. Сильно-сильно. Очень-очень».

Только чуть-чуть вкусив взаимности и ощутив, насколько это здорово, влюблённая продолжила мечтать дальше.

«Если бы он действительно меня полюбил, по-настоящему, я бы его... я бы залюбила его до смерти. — Она улыбалась. — Всего-всего... от макушки до пяток. Укутала бы своей любовью как ребёнка». — Подняв плечи, мечтательница полной грудью вдохнула стоявшую в воздухе прохладную вечернюю свежесть влажного, чистого воздуха осеннего Оксфорда, а потом резко, с облегчением, выдохнула и тут же мысленно вернулась на исходные позиции — в настоящий момент не представлялось возможным выяснить, насколько остро парень в ней нуждается, и как глубоко она засела у него внутри — всё это покажет время.

Подумав о будущем, девушка вспомнила о намечающемся свидании в виде похода по магазинам с последующим чаепитием вдвоём у Алекса в общежитии, и, полностью отдавая себе отчет в том, какие последствия могут иметь подобного рода уединения, буквально чувствовала, как перспектива такого развития событий нагоняет густого тумана в её мозги. Она осознавала, что уже почти теряет голову, и ужаснулась: как мало, оказывается, ей для этого надо: всего-навсего пара поцелуев, небольшое признание и приглашение на свидание, и вот она уже в шаге от того, чтобы послать весь окружающий мир, во главе с мужем, ко всем чертям, поделившись этим добром со всеми чертовыми бабушками и дедушками, и уйти вместе с Алексом в эйфорию с головой. И наслаждаться, наслаждаться, наслаждаться, а потом...

«А потом повеситься», — опять зло пошутила она сама над собой — этот красавец, пусть даже и непреднамеренно, уже столько раз заставлял её страдать, что вот так вот просто, в одночасье, ей не по силам избавиться от осторожности или даже пессимистичности в выводах и прогнозах.

Тем более, что как бы ни был он искренен там, на перекрёстке, к сожалению, это не давало никаких гарантий, что у него получится с этого момента и навсегда забыть ради неё всех своих девиц, которые, скорей всего, кружат вокруг него как кошки вокруг воробья, по-другому и быть не может. Всё-таки ему восемнадцать, и, как ни крути, но в этом возрасте и мировосприятие, и обратная связь еще далеко не такие как, допустим, в двадцать шесть. Даже если юноша ответственен и серьёзен во многих своих жизненных проявлениях, то, по соображениям Жак, он всё-таки вполне себе мог в этой поездке поддаться настроению новизны, удачного похищения с последующим интересным общением, энергетики большого города, и поцеловать её чисто от полноты чувств, а утром, так сказать, на свежую голову, уже флиртовать с какой-нибудь другой... симпатичной «пешкой» в Университете, и так далее.

«Это красота и молодость», — как могла, старалась не сильно обнадёживать себя Жак.

К тому же слишком мала вероятность, что даже если он сам и дистанцируется от всех этих своих... красавиц и пошлёт их подальше, то они вот прямо сразу же, смирившись, пойдут по адресу. От этих молодых фурий можно ожидать любой подлянки и напора наивысшей степени оголтелости и отвязности в старании завладеть вниманием такого мальчика как МакЛарен. К подобным мыслям Жаклин подталкивали воспоминания о тех подробностях, которыми делились с ней её университетские подруги после того, как кому-нибудь из них «не штурмом, так осадой» удавалось «взять» какую-нибудь «крепость».

Но теперь уже и «старая клюшка» Жак совсем даже не собиралась выступать в роли лежачего камня и замереть «сбоку дороги», в почтении «сняв шляпу», и отказаться от того,

что, по вновь вернувшись к ней ощущениям, принадлежит ей.

«Он мой! Как я и почувствовала тогда... в Глазго. И сейчас чувствую. Мой!»

Учитывая всё ею передуманное, девушка решила отныне всегда держать в уме то, что сказал ей Кэмерон — чтобы быть вместе с таким как Алекс и не повеситься от ревности, нужно время от времени делать так, чтобы это он при её отсутствии или отсутствии вестей от неё либо утрачивал сон и аппетит вообще, либо если и засыпал вечером и просыпался утром, и пропихивал в себя кусок своего любимого мяса, то только с мыслями на манер: где она, с кем она, чья она и кому принадлежат её оргазмы, а не наоборот, иначе комната с мягкими стенами или ящик с жесткими ей обеспечены.

И вот здесь Жаклин очень мог бы согдиться её муж, если бы парень к нему ревновал. Но что-то... как-то... Видимо, Чарльз не подходит даже для такой роли.

Лишь коснувшись темы супруга — ведь шла она именно к нему, и её совместную жизнь с ним еще никто не отменял — девушка сразу же поняла, что углубляться в неё не имеет ни сил, ни желания — ей всё равно. Если справится с тем же режимом отношений, в котором они находились сейчас, значит, справится, если нет, то насиловать себя уже не станет и что-то выдавливать из себя не собирается — примет как есть любое развитие событий. Даже если Чарльз уже обо всём догадался и сейчас, только лишь она переступит порог, спросит её о другом мужчине, она ему просто признается и всё. И будь что будет.

Обычно, стоило хозяину или хозяйке по приходу пару раз стукнуть подошвами в подъезде, Сула была уже в дверях и тыкалась мордой сразу в пакет, как только простодушные люди доверчиво вносили свою поклажу со вкусами в прихожую. Но на этот раз у Жаклин не было ни времени, ни настроения заходить в магазин, и она пришла с пустыми руками. Однако незадачливой, несмышлёной владелице не провести умную, догадливую фараонову собачку Сулу — та быстро сообразила, что хозяйка уже припрятала пакеты где-то в прихожей. Щенок тут же принялся бегать по комнате и тыкаться носом под все обувные полки и столик для ключей, выискивая заветный пакет, в существование которого он верил столь же свято, как геологоразведчики British Petroleum в несметные залежи нефти под Лондоном. Обескураженная от того, что ничего не может найти, собака бросилась напрямик на кухню, справедливо полагая, что если пакета нет в прихожей, то, значит, ловкая хозяйка уже его как-то не заметно для зазевавшейся Сулы пронесла к холодильнику и спрятала там.

А Жаклин тем временем, пиная на ходу мячики и силиконовые кости своей любимицы, валяющиеся у самого входа, двинулась в гостиную, в глубине которой слышался громкий голос Чарльза, разговаривающего по телефону.

Войдя в комнату, девушка застала только какой-то невнятный обрывок фразы, который ей ни о чем не сказал. Муж сбросил вызов, потом, увидев жену, как-то так тяжело, обреченно уронил руки, повернулся к ней всем корпусом и сказал автоматическим бесцветным голосом.

— Жаклин, мама умерла.

После этого последовали разговоры, сборы, переговоры, договоры. Супруг звонил своим родственникам: двоюродным кузине и кузену, в Warrington — дочери и сыну родной сестры его матери — собираются ли они на похороны? Те выразили соболезнование, долго извинялись, и сказали, что присутствовать на похоронах не смогут. Жаклин договаривалась с Сесилией в отношении присмотра за Сулой, звонила своей начальнице, миссис Вендсон, по поводу отгулов, а в это время муж отпрашивался у своего руководства.

А между тем всё это время девушка думала только о Александре.

Во-первых, она обещала позвонить, а обещания нужно выполнять. Это аксиома. А во-вторых, ей было жаль парня, который, может, даже на что-то там надеется — ну а вдруг? — и не исключено, что ждёт их встречи, и ей хотелось его предупредить. Но в том-то и всё дело, что Александр это далеко не тот человек, который может прийти в восторг от простых и понятных решений, и не подохнуть от скуки, и не потерять интерес, а очень даже наоборот, и случай с Анной и Кэмероном это как нельзя более наглядно подтвердил. Поэтому Жаклин решила всё-таки подняться над ситуацией (или, наоборот, полностью погрузиться в неё) и пока оставить всё как есть. Она знала, что скорей всего, опять отключит свой телефон и не позвонит своему ненаглядному студенту даже в субботу. Не исключено, что пребывание в неизвестности пойдёт ему на пользу, а сама она, по приезду, постарается извлечь максимальную выгоду из поведения девушки, не сдержавшей обещания и возвратившейся к своему парню с повинной головой и готовой к заглаживанию своей тяжкой вины — выбор способа и степени беспощадности наказания можно было покорно оставить за обиженным.

Однако же и затягивать с молчанием тоже опасно, и Жаклин это понимала, но уповала на то, что, несмотря на все обстоятельства, они на родине Чарльза долго не задержатся.

А потом начались вокзалы, поезда, такси, встречи, слёзы, бесконечная череда соболезнований и хлопоты по поводу похорон. Чарльз всю дорогу оставался сосредоточен, хмур и молчалив. Жаклин не лезла к нему ни с разговорами, ни с сочувствием — она всё никак не могла понять, в какой манере ей лучше помочь мужу, как тактичней облегчить его страдания: всегда находиться рядом и поддерживать словами и делами, или молчать и оставить в покое — кажется, мужчину одинаково раздражало и причиняло боль и то, и другое.

Мать Чарльза, миссис Розамунд Рочестер, была еще не такой уж старой и больной женщиной — в канун последней пасхи Жак отправляла ей открытку с днём рождения, (Розамунд отмечала его шестнадцатого апреля) и, поздравляя свекровь с её праздником, тактично умолчала о цифре шестьдесят восемь, которой на данный момент обозначалось количество прожитых миссис Рочестер лет. Покойная не так уж и давно перестала работать аппаратчиком на молокозаводе в соседнем Wendron. Её скоропостижную кончину, без преувеличения, можно назвать неожиданным ударом для всех её знакомых и даже для старшей дочери Мери, которую Розамунд родила в своём первом браке ровно за десять лет до рождения её младшего сына Чарльза — во втором.

Меринелл Уитни, или «мисс Мери», как звали её все окружающие, женщина сорока двух лет от роду, последние двенадцать — пятнадцать носила почётное звание старой девы. В Лондоне такой статус ей не заслужить и к шестидесяти — максимум, на что она могла рассчитывать — это прослыть свободной, самодостаточной леди, не нуждающейся в спутнике для жизни, но не в этом маленьком провинциальном Helston, графства Cornwall, где прожила с матерью и отчимом около тридцати лет, и где статусы «синих чулок» и «старых дев», а во времена «доброй старой Англии» еще и «черных вдов», раздавались более чем щедро и с желанием.

Это была женщина среднего роста, худощавая, с угловатым туловищем, широкими плечами, узким тазом и крупными кистями рук с короткими, тупоконечными пальцами. От попадания в категорию «отталкивающая» её внешность спасало довольно пропорциональное и по горизонтали и по вертикали лицо, которое смотрелось несравнимо правильнее

рельефов фигуры Меринелл. Его украшали соразмерные красивой формы губы, небольшой, аккуратный нос и большие черные глаза. Излишнюю округлость формы последних, имевшую место быть, легко могло бы исправить умелое использование декоративной косметики, которую Мери, понятное дело, игнорировала.

Работала Меринелл учителем математики, по совместительству занимая пост директора школы, и пользовалась большим уважением и авторитетом среди коллег и жителей своего маленького городка. Жаклин почти ничего о ней не знала — виделись они редко, а Чарльзу и в голову не приходило задумываться о жизни сестры, или, не дай Бог, что-нибудь расспрашивать у неё, поэтому внятно ничего рассказать жене о родственнице он не мог. Только лишь однажды что-то вспомнил, что у Мери, кажется, не то в двадцать лет, не то в двадцать два года, случилась какая-то несчастная любовь к одному из местных парней, работавшему не то водителем в придорожной гостинице, не то электриком в энергетической службе, который потом женился не то на её подруге, не то на взрослой ученице, после чего не то куда-то уехал, не то погиб в аварии. С самой Мери девушке сблизиться и найти общий язык так и не удалось — золовка невзлюбила свою невестку практически с первой встречи, и, как казалось самой невестке, руководствовалась при этом одним единственным критерием оценки её персоны — местом рождения. Корнуоллка не брала на себя труд скрывать антипатию к уроженке Лондона, ни единожды намекая, что Жаклин для неё обычная «столичная штучка», и не более того. Не спасала положения и не добавляла очков даже медицинская магистратура Университета Сити.

В день похорон погода случилась самая неподходящая, даже, можно сказать, отвратительная — тучи нагло и лениво «расселись» по вершинам сосен в лесу, который неплотной стеной окружал город почти со всех сторон, и из этих «лентяек» лился вовсе и не дождь, а мокрая пыль, холодная как тело покойника и лёгкая как покрывало на его гробу. Поэтому неудивительно, что на кладбище за гробом пошли еще меньше человек, чем присутствовало на отпевании в церкви.

Жаклин выдержала всё стоически и то и дело поглядывала на Чарльза — за одну ночь, проведенную возле тела матери, у мужчины залегли заметные, так называемые «унылые» морщины от крыльев носа к уголкам губ. Понятно- он переживал, но это оказалось ещё не всё — у него имелся повод винить себя, что так и не навестил мать, которая его звала и ждала еще с лета. Девушка боялась даже представить себе, что он сейчас чувствует.

Чарльз потерял отца незадолго до своей женитьбы, то есть около трёх лет назад. Томас Рочестер, страдал болями в сердце и умер на шестьдесят седьмом году жизни от инфаркта. И вот сейчас от Чарльза ушла еще и мать. А он даже не нашел время повидаться с ней и порадовать её своим присутствием перед кончиной. Конечно же, никто не думал, что такое случится, но так случилось. И уже ничего не вернуть и не изменить.

Жаклин знала, как терять родителей, и видела, что муж просто раздавлен. Она понимала, что в таком состоянии помочь может только время — оно не вылечит, но привыкнуть всё-таки позволит. Девушка даже хотела улучшить момент и поговорить с супругом, немного оправдать его в его же собственных глазах, но не смогла — вокруг всегда суетились люди, а когда они оставались наедине, у неё вылетали из головы почти все тщательно подобранные слова утешения, а те, что не вылетали, застревали в горле.

К тому же рядом с ними постоянно находилась Мери, которая, справедливости ради нужно было признать, выглядела ненамного лучше своего брата — встретившись с золовкой по приезду, Жаклин её попросту не узнала. Единственное слово, которым она могла бы

описать сейчас весь облик этой женщины — «жалкая». От чопорной и принципиальной директрисы горе не оставило и камня на камне. Перед девушкой предстали «руины» Меринелл Уитни, женщина, действительно, вызывала сочувствие.

Нет, она не плакалась всем подряд в жилетку и не бросилась к приехавшему Чарльзу на грудь за утешениями, а скорее даже наоборот — как-то еще больше отстранилась от окружающих, и даже родной брат исключением не являлся. Но это не та отстранённость, при помощи которой страдалец приготовился сам, своими силами, справиться с несчастьем, отнюдь. Это была отстранённость человека, который предпочел полностью погрузиться в своё горе, отдаться ему на откуп и при этом чётко отслеживал, чтобы ни один нюанс в его состоянии не ускользнул от внимания всех сочувствующих.

Жаклин с удивлением наблюдала, как женщина постоянно старалась быть у всех на виду и в центре внимания, что, конечно же, не составляло ей особого труда, ибо на ней лежала ответственность за похороны и решение всех вопросов, связанных с этим печальным событием. В разговорах же у Мери сейчас присутствовала только одна тема — одиночество. Она постоянно напоминала, что осталась одна, говорила только об одиноких и бездетных подругах и знакомых, и уже, видимо, вот-вот приготовилась обозлиться на весь белый свет. Жаклин поставила себе галочку в голове поговорить с Чарльзом о его сестре — может, стоит пригласить её к ним в гости.

Когда они перед отъездом, в последний раз ходили с супругом на могилу миссис Рочестер, пройдя по городу, теперь уже при тёплой солнечной погоде, Жаклин, глядя на заметно более буйную для Англии в целом растительность её юга: на дикий виноград и хмель, увившие приземистые старенькие, но ухоженные домики в английском стиле; светлую зелень лужаек; красивые сиреневые ягоды калликарпа; приятную глазу желтизну ландышевого кустарника; свежие, только что зацветшие розовые и кремовые нежные цветки морозника, на всем известные, но от этого ничуть не менее радующие глаз, рододендроны, думала о них с Чарльзом и о себе с Александром.

Как витиевата и многолика жизнь. При разных ситуациях и обстоятельствах люди поворачиваются к себе и окружающим разными, иногда, противоположными гранями. По-разному оценивают цели, желания и поступки. Насколько человек сложен в своих проявлениях, до какой степени он, зачастую, далёк от логики и как же эта хаотичность и неоправданность поведения на самом деле иногда правильна и оправдана.

Уехав именно сюда, на край острова, выдернутая из круговорота своих дней, из выработанных укладом жизни привычек и расписаний, она вспоминала свою жизнь в Оксфорде как бы со стороны и воспринимала её как-то уже по-другому. Причем, обе её стороны.

А может быть, к этому её подтолкнула не только отдалённость местности, но еще и похороны свекрови. Так получилось, что тема смерти присутствовала в её жизни с девяти лет, после гибели папы и мамы. Да к тому же у них в приённом покое, к счастью, очень и очень редко, но всё-таки случались смертельные случаи, поэтому девушка время от времени задумывалась по этому поводу. Сталкиваясь с тем, что обрывается чья-то жизнь, невольно начинаешь и в своей переосмысливать всё и вся. И даже не всегда важно, какое значение имел для тебя ушедший человек, какую роль он сыграл в твоей жизни, всё равно перед фактом смерти чётче проступают границы, прощше становятся оценки и оттенки, понятней и очевидней приоритеты и мотивы.

Смерть — это завершение жизни, а непоправимость и необратимость делает её

чудовищно результативным в плане рефлексии. Когда для кого-то в одночасье теряют актуальность, как цель, так и средство, ошибки и правильные поступки, многое ставится под вопрос, со многого вопросы снимаются, ты тоже начинаешь примерять ситуацию на себя. Даже если очень смущает цена вопроса.

Поэтому ничего удивительного, что Жак в голову стали приходить плохие мысли — то самое, знаменитое «Memento mori».

«А я ведь тоже могу умереть. Завтра меня может сбить машина. Или послезавтра. А у Алекса на следующей неделе может обнаружиться... даже мысленно не буду произносить названий».

После подобного рода допущений ей уже не казалась такой уж чудовищной и непреодолимой их разница в возрасте. Сейчас для неё это показалось как... «пыль дорог». Но этого мало, теперь девушка уже не сомневалась, что всё сделала правильно, вспоминая свои попытки стать ближе к человеку, которого полюбила с первого взгляда, а значит, просто так, ни за что, ведь всем известно, что именно любовь с первого взгляда является безусловной, как любовь детей и животных.

Пусть даже сейчас он где-то с этой Анной или еще с кем-то, но это уже его, Александра, выбор, его право, а со своей стороны она всё делала правильно, как ей казалось теперь.

Конечно же, Жак и сейчас продолжала сомневаться, что вообще когда-нибудь сможет быть вместе с ним, сумеет наложить одна на другую их линии жизни.

«Если наши дороги и пройдут где-то рядом, то как встречные на шоссе, разделённые двойной сплошной. Ему ещё учиться и взрослеть, набираться ума, а мне уже пора жить здесь и сейчас».

Но всё-таки отсюда, с самой окраины страны, Жаклин полностью внутренне согласилась со своими попытками связать судьбу с этим парнем и видела в этом гораздо больше смысла и созидания, чем в желании забыть его. Последнее ей теперь казалось разрушительным и противоестественным. А еще, плюс ко всему, имея перед собой теперешний пример Мери, да и Чарльза тоже, девушка подумала, что не исключено, что когда-нибудь её жизнь станет правильной только благодаря этим, с первого взгляда неправильным, поступкам.

Что же касательно её семьи с мужем, то вот тут-то, даже при взгляде со стороны, мысли и ощущения миссис Рочестер не сдвинулись ни на йоту. И дело состояло даже не в том, что этот мужчина стал для неё теперь посторонним и чужим, совсем нет. Он ей как-то в один момент сделался незнакомым, неузнаваемым и, что самое главное, абсолютно неинтересным. Ей подвернулась хорошая возможность сблизиться с супругом вокруг такого горя, но Жаклин её не использовала и даже не собиралась — она теперь не видела в этом никакого смысла, признавшись самой себе, что понимает Чарльза, знает, каково ему сейчас, но сочувствует ему ничуть не более чем любому другому человеку, потерявшему мать. И сколько не искала в себе чего-то большее, не находила.

Включив свой телефон в воскресенье днём, чтобы позвонить на работу в хирургию и узнать, как прошла операция у больного с инфарктом селезёнки, которого доктор Рочестер принимала неделю назад, и переведён ли он из реанимации в общую палату, она увидела два вызова от Сесилии, один — с незнакомого номера, еще один — от Кайры Олдансен — жены друга Чарльза, и четыре вызова от Александра: три — датировались вечером субботы с разницей в две-три минуты, и один — часов в двенадцать ночи того же дня. Девушка жутко обрадовалась последним четырём и... разволновалась.

Вернулись они с мужем в Оксфорд только в понедельник. Если по дороге туда Чарльз был молчалив и взволнован, то обратно выглядел усталым, подавленным и отрешенным.

Войдя в квартиру, Жаклин первым делом позвонила Сесилии и попросила привезти ей Сулу. Подруга приехала где-то через час, выпустила из своей машины радостную от возвращения домой и встречи с хозяевами Суламиту и, немного поговорив с Жаклин о последних новостях с работы, отбыла восвояси.

Чарльз, побродив по квартире из угла в угол, постояв у окна и поперекладывая вещи с места на место, изъявил желание пойти пройтись с собакой, а Жаклин, воспользовавшись уединением, решила позвонить Алексу.

Было где-то четыре часа пополудни, девушка понятия не имела, где сейчас может находиться её любимый студент: вероятней всего, на занятиях или тренировках, но вполне возможно, что и с Анной, или какой-нибудь другой девицей, или с друзьями в кафе.

Но Александр, отозвавшийся после четвёртого гудка, оказался у себя в общежитии.

— Алло... — ответил он таким голосом, будто Жак дозвонилась к нему на тот свет.

— Алло, Александр, привет, это Жаклин, — виновато-торопливо взяла словесный спринт Жак, но тут до неё дошло, что с голосом парня что-то не так: — Алло, Алекс, ты меня слышишь?

— Да... — и на этот раз жизни в голосе юноши не прибавилось.

— Что у тебя с голосом? Ты где вообще? Ты хорошо себя чувствуешь?

В телефоне повисла пауза на фоне какого-то копошения и кряхтения.

— Я у себя... болею, — исчерпывающе объяснил студент, и Жаклин поняла, что он мало говорит, чтобы не скатиться на хрип.

— Ты болен? — она вмиг забыла себя, Чарльза, его горе, Сулу, дядюшку и весь остальной мир в придачу. — Что с тобой? Я могу чем-то помочь?

Опять копошение, а потом и вообще — тишина.

— Алло, Александр! — не выдержала звонившая. — Я хочу тебе помочь, ты меня слышишь?

— Нет... — устало сказал больной прямо у самого её уха уже более здоровым голосом, — не слышу... и мне... не сможешь, — побаловал он её подробностями.

— Что? Ты о чем? Чем ты болен?

— Пока, Жаклин, — сказал Александр и отключился.

— Александр! — крикнула в глухой телефон девушка. — Да что же это такое... — она опять набрала номер парня. После третьего гудка вызов оборвали.

Глава 21 Фанендоскоп

С лицом измученным и серым
На белой смятой простыне,
Как жертва бешеной холеры,
Лежит коленками к стене.
Протяжно стонет как при родах,
Трясётся градусник в руках,
Вся скорбь еврейского народа
Застыла в суженных зрачках.
По волевому подбородку
Струится пенная слюна,
Он шепчет жалобно и робко:
«Как ты с детьми теперь одна?»
В квартире стихли разговоры,
Ночник горит едва-едва,
Темно... опущены все шторы.
У мужа тридцать семь и два.
Мария Рубина.

— Так. — Уперла руки в боки Жаклин. — И почему с ним всегда всё так сложно?! Но ты не на ту напал, МакЛарен, — проговорила доктор Рочестер и буквально вся похолодела: — «Неужели я накаркала своими плохими мыслями в Хэлстоне о его болезни?» — и тут же принялась лихорадочно листать контакты в телефоне и, найдя то, что нужно, нажала вызов.

Ей ответили через пару гудков.

— Алло.

— Алло, Эшли, привет, это Жаклин. Как у вас дела, как там дядюшка?

— Привет, Жак, рада тебя слышать. У нас всё нормально — Лам сегодня целый день в университете со студентами, я — на работе — мы в порядке, дорогая. А вы там как?

— У нас тут кое-что произошло, но сейчас не об этом. Я звоню по другому поводу — ты не могла бы дать мне номер Дженни? Он мне очень нужен. У меня к ней дело.

— Да, конечно, могу скинуть её номер, если он тебе необходим. Не думаю, что Дженн будет против. А что случилось? Может, я смогу чем-то помочь?

— Д-д-д-да... так-то ничего не случилось, — начала с сомнением Жак, — просто я тут позвонила Алексу, а он, оказывается, болеет, и то, как он говорил и что сказал, заставило меня забеспокоиться. Он отказался от моей помощи врача и заявил... что-то там... что ему уже не поможешь. Я ничего не поняла и хочу его проведать и осмотреть, узнать, что с ним конкретно и насколько это серьёзно. Поэтому мне нужен номер его комнаты в общежитии.

— А-ха-ха... — засмеялась в трубку Эшли, — я-я-я-ясно... — протянула она.

Жаклин обескуражено ждала объяснений.

— Извини мне мою весёлость, дорогая, но этот мальчишка... — женщина, видимо, качала головой. — Всё дело в том, что наш Алекс если болеет, то болеет именно вот так, как ты описала — он с самого начала уверен, что не выживет, что именно эту простуду ему не одолеть и говорит всё это на полном серьёзе, представляешь? Этот ребёнок всегда жутко

страдает от своей беспомощности, прощается с жизнью и страшно ругается если ему, по его же словам, «не дают спокойно умереть». — В голосе женщины были слышны и улыбка, и умиление, и снисхождение и даже немного какой-то гордости.

Девушка даже не знала, что и сказать.

— Конечно, я дам номер Дженн, — между тем продолжила Эшли, — но говорю тебе, чтобы ты успокоилась и шла проведать его спокойно- наверняка там обыкновенная простуда, и не более того.

— Мда-а-а... — тоже с улыбкой протянула Жаклин, — с вашим Алексом не соскучишься. Но я думаю, мне всё-таки нужно его осмотреть.

— Конечно-конечно, дорогая. Я сейчас скину тебе СМС и передай там от меня этому больному, что, когда он приедет на каникулах, я ему лично уши надеру, чтобы он больше не пугал тебя так, — пошутила напоследок женщина.

— Да, Эшли, спасибо, и спасибо, что успокоила. Передавай привет дядюшке, я позвоню на днях. До свидания. — «Я сама сейчас пойду и придушу этого больного».

— Пока, девочка. Всего тебе доброго.

Через пару минут, которые Жаклин потратила на то, чтобы постоять у окна, выглядывая Чарльза с Сулой, ей пришла СМС с номером Дженни. Она выделила его из текста и нажала на вызов.

Девчушка ответила не сразу и весьма настороженно.

— Алло.

— Алло, Дженни, привет. Это Жаклин из Оксфорда, ты можешь говорить?

— Оу, Жак, привет, рада тебя слышать. Говорить могу, но недолго — у меня занятия в изостудии. А что ты хотела?

— Дженни, я сейчас звонила Алексу, он заболел- видимо, простыл. Я хочу его осмотреть, но он не даёт мне номер комнаты. Звоню тебе, чтобы ты ничего не говорила Алисе — она будет волноваться.

— А-ха-ха... узнаю братца. — Дженни тоже стало смешно, и это явилось хорошим знаком, — Если он заболел, то уже, скорее всего, разогнал там всё общежитие. Он может. Когда «их высочество» болеют, то ненавидят весь белый свет и себя в придачу и мечтают умереть. Его комната триста три, кстати.

— Спасибо, Дженни, — только и успела вставить Жаклин.

— Удачи тебе с ним, Жаклин. Я тебе уже сочувствую. И я ничего не скажу маме, можешь даже не переживать. Извини, мне нужно бежать. Ждём тебя на каникулах, Жаклин, пока, — протараторила Дженни.

— Пока, Дженни. Я постараюсь.

И они обе отключились.

Жаклин пока старалась ни о чем не думать, а начала собираться. В свой медицинский портфель, кроме всякой мелочи типа электронного градусника и набора шприцов и бактерицидных салфеток, она положила фонендоскоп, тонометр-манжету и ингалятор, оставив дома глюкометр и жгуты для остановки крови. Из холодильника захватила ампулы с жаропонижающим, на всякий случай седативные средства и согревающие перцовые пластыри.

Чарльз с Сулой еще не вернулись, и ей пришлось позвонить и сказать, что она вынуждена в срочном порядке навестить одного её больного с каким-то там... обострением обострений — в конкретику доктор вдаваться не стала по причине того, что мужу было

абсолютно не до этого. Но даже учитывая его состояние, говорить ему правду — куда и к кому она направляется, девушка тоже не спешила — береженого Бог бережет.

Выйдя из дома, доктор Рочестер прошла пешком до конца своей улицы, и, попав на Walton Street, села в такси. Назвав адрес Marston Road общежития Magdalen College, Жаклин откинулась на спинку сидения и начала собираться с силами. Ей нужно сначала проникнуть в здание, а потом еще и «не дать умереть спокойно» так этого жаждущему Александру.

— Здравствуйте. Меня зовут Жаклин Рочестер, — официальным, повествовательным тоном обратилась она к консьержу в общежитии, держа в левой руке фонендоскоп и поправляя только что надетый на улице под пуховик белый халат. — Я работаю врачом в приёмном покое больницы Черчила. Здесь, у вас проживает сын моей подруги. Сейчас он болен. Врача он не вызывал, поэтому вызовного листа у меня нет, но хотела бы осмотреть молодого человека и, при необходимости, помочь ему. Могу я пройти?

Статный, серьёзный мужчина — консьерж выслушал её очень внимательно.

— Да, конечно, — беспроblemным тоном ответил он, — но у вас есть при себе какое-нибудь удостоверение личности?

— У меня только жетон спасателя. — Доктор Рочестер отлично знала, что этого вполне достаточно.

Жетон спасателя выдаётся всем медицинским работникам с профилем оказания первой медицинской помощи для предъявления его вне медицинских учреждений в случае возникновения нужды в их услугах. Жетоны именные и в чужие руки практически не попадают.

— Назовите, пожалуйста, еще раз ваше имя и номер комнаты сына Вашей знакомой. — Строгий консьерж раскрыл протянутый ему маленький разворот искусственной кожи с жетоном внутри.

— Жаклин Рочестер. Комната триста три.

Мужчина что-то где-то у себя записал и показал рукой на проход вглубь помещений.

— Можете пройти. Там, по левую сторону лестничная клетка — вам на третий этаж, третья комната от конца коридора.

— Благодарю, — кивнула Жак и двинулась дальше.

По пути в коридоре ей встретились юноши и девушки, снующие туда-сюда между комнатами и этажами, и на врача сразу же нахлынули воспоминания студенческой жизни.

Во время учебы Жаклин Фортескью жила в общежитии. Её квартиру в Лондоне дядюшка продолжил сдавать, как сделал это сразу же после оформления опекуна. Общежитие стояло ближе к Университету, обходилось дешевле даже с питанием, и, самое главное, там было весело.

Жаклин, выросшая среди взрослых дядей и тётей, лишь периодически сталкиваясь со школьной жизнью, не всегда приходившуюся ей по вкусу, поступив в Университет, с удовольствием с первого же дня окунулась в студенчество, когда все только что познакомились друг с другом, подавляющее большинство обладали не самыми плохими мозгами (не то что в школе) и, при всей своей бесшабашности, вполне себе серьёзно относились к тому, зачем они все здесь собрались.

Это было здорово.

Комнату она, действительно, нашла легко. На двери из толстого прессованного дерева висела табличка с цифрами «303». Жаклин, тихонечко стукнув пару раз, нажала на ручку.

После того как девушка открыла дверь, её взору предстало не очень большое,

квадратное помещение с довольно широким окном. Обстановка состояла из стола, кровати, трёх стульев и этажерки с книгами. На улице уже стемнело, поэтому свет исходил только от экрана монитора раскрытого ноутбука, стоящего на столе. За столом, спиной к окну, сидела девушка и что-то писала у себя в тетради при свете экрана. Возле окна на всю ширину стены стояла кровать, на которой кто-то лежал, укутавшись почти с головой, поэтому личности человека было не разобрать.

В комнате царил тишина и умиротворение.

Сидящая за столом незнакомка подняла голову на вошедшую и посмотрела на Жаклин смыслёнными глазами. На вид ей исполнилось не больше восемнадцати, как и Алексу. Её тёмные волосы, тёмные брови вразлёт и большие черные выразительные глаза произвела на доктора Рочестер приятное, позитивное впечатление, хоть и присутствие здесь, в комнате Александра девушки, больно кольнуло куда-то в область солнечного сплетения.

Но вошедшая точно знала, что пришла сюда в первую очередь как врач, а врачам всё равно, какие девушки сидят в комнатах их пациентов, поэтому с присутствием посторонней она справилась почти легко.

— Привет, — прошептала доктор Рочестер и, переступив порог, закрыла за собой дверь.

— Привет, — ответила девушка и тут же зажала кончин ручки меж зубов. Жаклин безошибочно уловила иностранный акцент. Если вы родились в Лондоне, где туристов чуть больше чем китайцев на Тайване, поколесили по миру с дядюшкой и наслушались самых разных языков и наречий, и прожили два года в Оксфорде, где иностранных студентов 30 %, у вас не будет ни единого шанса не разбираться в акцентах.

— Я хотела бы увидеть Александра. Это его комната? — подчеркнуто вежливо и всё так же тихо проговорила врач, ставя свой чемоданчик возле одного из стульев.

— Да. Его, — очень приветливо ответила девушка, постоянно с лёгким восхищением во взгляде возвращаясь глазами к фонендоскопу в руках доктора. Потом она кивнула на нечто замотанное в одеяло на кровати. — Это он. Но только он ни с кем не разговаривает и не позволяет ему помочь. И сейчас, кажется, спит.

— Угу. Ясно. — Доктор Рочестер не смогла сдержать улыбку. — Сейчас посмотрим.

Она подошла к кровати и попыталась заглянуть через тело, поскольку Александр, судя по очертаниям одеяла, спал, отвернувшись к стене. Но лежавший укутался так высоко и тщательно, а в комнате было так темно, что её попытки точно идентифицировать его личность особым успехом не увенчались.

— Аа-а-лее-е-екс... — шепотом, тихонечко позвала она, — Александр.

Ноль реакции.

— Вот видите, — старательно выговаривая английское произношение, прошептала девушка, — я же говорю, что он, кажется, сейчас спит.

— Как Вас зовут? — доброжелательно, с улыбкой, поинтересовалась Жаклин.

— Палома, — тут же ответила девушка. — Я из Испании. Учусь здесь на медицинском.

— Оу, очень приятно. А я — Жаклин. Жаклин Рочестер. Я — врач. Александр — сын моей подруги, и я хотела бы осмотреть его и убедиться, что с ним нет ничего страшного.

— Вряд ли у Вас получится, — авторитетным голосом заявила Палома. — Я второй день прошу его сказать «А» и показать мне горло, но он не слушается.

— Негодник, — еще шире улыбнулась доктор и огляделась вокруг. В помещении царил порядок и чистота. Вещей было не так уж и много — ничего лишнего, и всё лежало... как-то... системно: книги с книгами, тетради с тетрадями, причем, первые расположились на

нижних полках, вторые — на верхних, ручки и карандаши, если и валялись, то только возле органайзера. Там же стояла маленькая модельная машинка Audi Q7 или Q5, которая вполне себе могла гордиться тем, что, по всей видимости, являлась единственным украшением в комнате. За исключением сине-желтой мастерки, накинутой на спинку одного из стульев, не виднелось ни единого предмета одежды и кухонной утвари — скорее всего, первая вся поместилась в шкафу, а вторая — либо где-то в столе, либо просто отсутствовала. На прибитой за дверь вешалке висела какая-то тёмно-синяя куртка и знакомая Жаклин коричневая дублёнка. Удобства гостя заметила в коридоре.

Врач сняла свой пуховик и пошла повесить его у двери. На обратном пути к кровати она зацепила ногой какой-то шнур, не то от ноутбука, не то от настольной лампы, не то от чего-то еще, и в комнате раздался сильный грохот, в такой тишине показавшийся просто оглушительным.

Александр (а это всё-таки был он) сразу же пошевелился, повернулся и, открыв глаза, увидел уже стоявшую у его кровати Жаклин в белом больничном халате.

Парень ошарашено проморгался и тут же нахмурился.

— Как ты сюда попала? — он с раздражением грозно сдвинул брови.

— Твоими молитвами, — парировала Жак, нисколько не удивляясь такому «радушному» приёму, и, не теряя ни секунды, положила свою кисть на прекрасное чело, пытаясь проверить температуру.

Даже её ладонь, кстати, действительно с комфортом разместившись на этом роскошном лбу, почувствовала весьма ощутимый жар.

Больной, ни капли не смутившись, взял её за запястье и раздраженно откинул руку.

— Уходи, — отрезал он и отвернулся.

— Вот. Я же вам говорила, — подала свой тихий голос Палома.

Александр, до этого было шевелившийся, стараясь улечься поудобней и опять хорошенько укутаться, замер. Он медленно...очень медленно начал опять разворачиваться в сторону комнаты, потом, посмотрев мельком на Жаклин, принялся задира́ть голову вверх «на голос», насколько это было возможно, но поняв, что этого недостаточно, закатил вверх глаза. Наконец-то увидев, кто сидит у его изголовья, он прижал губы к зубам раздул свои идеальные ноздри.

— Так ты всё еще здесь? Я же тебе сказал, чтобы я тебя здесь больше не видел! Ну-ка брысь отсюда! — почти прошипел он. Потом посмотрел на вторую свою гостью и добавил: — Жак, ты не представляешь, какой это страшный человек. — Он высунул кончик своего указательного пальца из-под одеяла и ткнул им в Палому. — Она учится на медицинском и лечит всё, что движется, — не увидев у врача желаемой шокированной реакции или паники в глазах, продолжил: — А всё, что не движется, она двигает и лечит. Это просто настоящая маньячка! — плакал и ябедничал заболевший.

Жаклин готова была захохотать — в пылу ситуации она не успела порадоваться встрече с любимым человеком и вот именно сейчас почувствовала ни с чем не сравнимое удовольствие, что видит его и слышит.

Но ей уже нравилась и испанка, которая всё это время спокойно улыбалась.

— Молодец! — доктор Рочестер подмигнула своей будущей коллеге.

Александр фыркнул и закатил глаза

— Тогда обе — на выход! Без вас обойдусь! — он опять отвернулся к стене. — Всё. Приём окончен. Отвалите от меня! — и больной накрылся с головой одеялом.

— Ладно... — поднялась Палома со своего места, — я, действительно, должна идти. — Она опять посмотрела на фонендоскоп. — Думаю, Вы сможете позаботиться о пациенте.

Жаклин закивала с улыбкой — по интонациям студентки было слышно невооруженным ухом, что она всё-таки не совсем справляется с врачебной этикой и немного влюблена в своего больного.

— Да. Я полностью уверена, что смогу ему помочь и вернуть его назад, в студенческую семью, — громко и четко выговаривала доктор Рочестер, как бы вколачивая каждое слово Александру в уши.

Тот только хмыкнул из-под одеяла.

Арина закрыла ноутбук, сложила на него стопочкой тетрадки, и, взяв всё это под руку, повернулась к кровати.

— Выздоровливай, Александр. — И вдоволь насладившись абсолютнейшей тишиной в ответ, она посмотрела на доктора. — До свидания, Жаклин. Рада была познакомиться.

— Взаимно, Палома. До свидания.

И студентка, бросив прощальный тоскливый взгляд на фонендоскоп, тихонько вышла из комнаты, аккуратно притворив за собой дверь.

Жаклин, положив вождеденный будущим медиком медицинский инструмент на стол, сняла и повесила на стул халат, подошла к двери и, повозившись с замком, закрыла его на защелку.

Вернувшись к кровати, девушка пододвинула к ней стул, села на него, закинула ногу за ногу и затихла.

Она смотрела на лежавшего на кровати любимого человека и в очередной раз убеждалась в том, что он для неё значит — Жак могла бы вот так просидеть у его изголовья, наверное, вечность — настолько ей было хорошо и спокойно. Её даже никоим образом не ранила отстранённость Алекса, вот лишь бы он вот так лежал тут перед ней, а она вот так вот сидела тут возле него, и всё. Ещё совсем недавно девушка возненавидела бы в себе это, но уже не сейчас.

Лежавший на кровати не шевелился. В комнате стояла мертвая тишина, которую разбавляли только негромкие звуки из коридора. Так они и пребывали в молчании: Александр лежал, а Жаклин сидела. Потом больной не выдержали, выглянув из-под одеяла, молча повернулся к своей гостье, зыркнул на неё недовольно-нетерпеливым взглядом, издал что-то среднее между «Пффф...» и «Гхммх» и опять принял исходное положение.

И тогда доктор решила, что пора действовать.

Поднявшись со своего места, она присела на корточки у его головы, отогнула одеяло и, зарывшись носом Александру в затылок, поцеловала основания «луковицы» его волос. Жаклин блаженствовала — его кожа была гладкая, родная и вкусная.

«Господи всемогущий! Он пахнет... он пахнет счастьем!»

И хоть у юноши чувствовался жар даже сквозь шелковистость волос, врача это не сильно тревожило — для неё это означало, что его организм борется.

Больной дёрнул головой и, легонько оттолкнув её затылком, опять укрылся одеялом по самые уши. Девушка немного стушевалась, но если уж начала, то, значит, нужно идти до конца, и поэтому, не трогая одеяло, зарылась носом в его шевелюру на макушке. Ей сразу вспомнилась их поездка в Лондон. Ещё тогда в поезде, только лишь вдохнув запах своего любимого мужчины и моментально от этого успокоившись, она поняла, что совершенно не случайно он так понравился ей тогда, в Глазго, с первого взгляда. Она его просто

почувствовала. Жаклин даже собой загордилась — какая она «тонкая штучка» и какая у неё хорошая интуиция. Приободрённая такого рода мыслями, девушка пару раз поцеловала его в волосы, отодвигая одеяло одной рукой ниже к шее.

Алекс не шевелился и уже не пытался её оттолкнуть.

Девушка записала это себе как маленькую, промежуточную победу и пошла «в атаку»: потянувшись к уху парня, она лизнула его почти по всей полуокружности и даже не просто кончиком языка, а высунув его почти полностью. Потом, чуть-чуть пососав мочку, укусила её.

Никакой реакции.

Тогда она пошла дальше. Еще ниже отодвинув одеяло, начала со всей своей нежностью пощипывать губами его шею, потом потёрлась ими об его «луковичку», а увидев сбоку, чуть ближе к плечу, родинку, медленно, тягуче её лизнула.

Бесполезно.

И вот тут Жаклин расстроилась. Она выпрямилась и вернувшись на стул, обреченно сложив руки на коленях. И именно в это мгновение...

— Почему ты не позвонила в субботу, как мы договаривались? — раздался из-под одеяла четкий, здоровый, голос Алекса.

Провинившаяся чуть не сделала рукой знак «Ййеее...», но радоваться было рано.

— Эмм... извини, — начала лепетать она, слегка подавшись к нему всем телом, — я виновата... правда... Извини.

— Ты не хочешь иметь со мной дело? — продолжил оттуда же тот же голос.

Гостья молниеносно закатила глаза, медленно поднялась со стула и опять склонилась над больным. Целовать на этот раз она его не стала, а только лишь зарылась всей пятернёй в волосы на макушке.

— Нет, не хочу, — проговорила она мечтательно. И когда Александр попробовал было дёрнуть головой, слегка надавила на неё в попытке зафиксировать и быстро добавила: — Я хочу иметь тебя, а не какое-то там дело. — Он замер, а Жаклин продолжила медленно, с чувством и наслаждением водить ладонями по волосам и шее парня. — Всего тебя. — Поскольку молодой человек не видел её лица, она пошла на повышение градуса откровенности. — Со всеми твоими странностями и сложностями, со всем твоим умом и дурью... с твоей грубостью и нежностью... категоричностью и неуверенностью... всего тебя.

Тот молчал и не шевелился, поэтому девушка, недолго думая, встала и, вначале присев к нему на кровать, сбросила, не расстегивая замки, свои мягкие осенние туфли с ног, которые, приехав с юга, еще не успела сменить на зимние ботинки, и прилегла к нему сзади и, вытянувшись вдоль его тела, положила себе голову на протянутую левую руку, а правой обняла любимого поверх одеяла.

— Я ждал твоего звонка, — уже глуше проговорил юноша, не делая попыток повернуться.

Жаклин начала гладить его по плечу, как мама успокаивает ночью своего маленького сына, которому приснился страшный сон.

— Я знаю. Извини еще раз. — Она помолчала. — Я очень скучала по тебе, Алекс. Правда. Я жутко соскучилась. — И в подтверждение она закинула на него руку и прижалась к нему сзади всем телом, прислонив боком свою голову у него чуть пониже шеи.

— А почему не звонила? Я тебе звонил.

— Я видела. Я была очень занята. Меня не было в Оксфорде. — И Жаклин отстранилась.

— Вот как? — юноша чуть развернулся к ней. — И где же ты была? Если, конечно, не секрет.

— Нет, не секрет. Я была в Хелстоне, в Корнуолле, на похоронах. Умерла мама Чарльза. Больного как будто подбросило на кровати под одеялом и развернуло прямо лицом к девушке.

Для человека, отчаявшегося пережить простуду и приготовившегося отдать Богу душу, это было очень живенько.

— Жак, а сразу сказать нельзя? А позвонить не судьба? — голос Александр одновременно сделался непростительно далёк от загробного.

«Так надо, — про себя подумала интриганка. — Тебе вон лёгкие послушать нельзя без хитрости, а ты хочешь, чтобы я честно и простодушно попросила твоё сердце. Глупенький».

— Я виновата. — Любимое и, даже несмотря на болезнь, очень красивое лицо сейчас оказалось намного ближе, чем она могла выдержать, поэтому Жаклин быстро опустила подбородок и потупила взгляд. — Прости меня, пожалуйста, но... — она запнулась, а потом подняла в мольбе глаза, — но всё сложно... понимаешь... это всё так свалилось неожиданно и... — девушка тяжело, без притворства, вздохнула, — ... вот.

Александр еще лежал весь укутанный под одеялом, выглядывала только голова.

— Я понял, — он тоже опустил глаза.

«Интересно — что?» — заинтересовалась Жак.

— Мне жаль маму твоего мужа и жаль его самого, — всё-таки выдавил он из себя.

— Да... — замямила Жаклин, — мне тоже... жаль.

— И поэтому из жалости к нему ты пыталась оставить меня и забить на наш уговор? Я угадал? — юноша смотрел на неё уже требовательно-зло.

«А он умён не по годам», — промелькнуло в голове у его собеседницы, прежде чем она округлила свои и без того немаленькие глаза и вперилась в него «стальным», хватким взглядом, раздув ноздри и сжав губы бантиком.

«Да, малыш! — обрадовался юноша, подумав сразу же о своём. — Вот так! Женщину, умеющую так смотреть, может не хотеть только мёртвый мужик. Какой взгляд!»

Но его радость была преждевременна.

— Вау, какая умная мысль! Конечно, угадал! — воскликнула Жаклин и уже оттолкнулась от него, чтобы вскочить с кровати.

Тот моментально вырвал свои руки из-под одеяла и удержал её за плечи.

— И если бы не твоя болезнь, я бы позвонила и попросила забыть о наших планах и вычеркнуть мой номер из твоего списка, чтобы больше никогда тебя не видеть и не слышать. Так? Я угадала? И сейчас бы не вот тут с тобой... лежала... разговаривала, а сидела бы дома, утирала бы соплю мужу, так? — Пока она говорила, ладони Александр начали слабнуть. Было видно, что его одолевает осознание — перед ним встаёт картинка, описываемая его гостьей. После чего юноша медленно обернул свои руки вокруг своего доктора, подсунув правую ей под плечо, и крепко сжал в объятьях, прислонившись виском к её лбу. Молча.

Последовала немая сцена.

«Господи, неужели я, действительно, умная?» — боялась поверить своему счастью гостья.

Отстранившись и опустив глаза на девушку, Александр поцеловал её в лоб, затем — в

висок, потом пошел поцелуями, как шагами, прямо к шее. Немного пососав по дороге мочку, он занырнул губами за нежное, мягкое ушко своей девушки и поцеловал её там, а потом и еще ниже, на шее.

После чего, не отстраняясь губами, освободил Жаклин из плена своих рук.

Получив свободу движений, она опёрлась руками о его плечи и чуть подтянулась вверх, чтобы облегчить ему доступ к своей шее, а сама запустила ладони в волосы на его затылке. Ему эта идея, видимо, пришлась по душе, потому что парень опустил еще чуть ниже сам и с наслаждением и даже каким-то облегчением зарылся лицом ей под нижнюю челюсть и начал водить там раскрытыми губами, поцеловывая, кратко мягко полизывая кончиком языка и нежно чуть прикусывая зубами её белую нежную кожу. Руками при этом он довольно крепко сжал её в талии, явно себе не доверяя и опасаясь сделать лишнее движение.

Оба не произносили ни звука, только лишь шумно дышали.

Алекс опускался губами всё ниже к яремной впадине, которая виднелась в горловом вырезе её кофточки с миниатюрным личным гербом принца Чарльза в верхнем левом углу, (поскольку была куплена в farlows, где одевается эта монаршая особа), пока его подбородок не дотронулся до чего-то мягкого и упругого — прямо по курсу у него показался треть-четвёртый размер.

Юноша отстранился и упёрся взглядом в её кофту аккуратно там, где под ней находилась ложбинка между грудями его доктора. Как под гипнозом, осторожно медленно, даже не отняв, а отлепив руки от талии, он накрыл ими эти возделенные полушария прямо поверх одежды, и, почувствовав, как его раскрытые ладони наконец-то наполнились этой мягкостью и упругостью, которую не в силах были скрыть даже бюстгальтер с кофтой, издал какой-то низкий внутриутробный рокот, напоминающий не то звук выхлопной трубы Yamaha при зелёном сигнале светофора, не то «голос» мотора Ferrari при помахивании перед бампером шахматным флажком.

В следующее мгновение его руки метнулись назад к талии, а дальше — под кофту. Судя по всему, парень вознамерился обойти одежду как преграду.

Он касался тела Жаклин, а она чувствовала, что её мозги растворяются как сахар в чае — бесследно и без остатка.

Тут ей вспомнился один момент. Когда-то давно, еще в Университете, подружки, рассуждая о том, почему она не может найти себе парня, сравнивали её с золотом (они тогда на курсе проходили курс аналитической химии) которое не вступает почти ни в какие химические реакции, ну, по крайней мере, без дополнительных катализаторов. Легко растворяется только в царской водке. Тогда девчонки смеялись, что Жак не встретила еще свой «растворитель», свою «царскую водку». И вот только сейчас при прикосновениях рук этого мальчика к своему обнаженному телу она поняла, что такое растворяться в человеке.

Это чувствовалось божественно. Жаклин улыбалась.

Поскольку головной мозг у неё весь вытек, то не иначе как спинным девушка понимала, что эта ситуация обречена на прибытие в тупик.

Но всё равно ничего не могла с собой поделаться.

Но, сколько верёвочке не виться...

— Алекс... — Жак застыла, почувствовав его пальцы у себя под кромкой лифчика, — у тебя очень горячие руки. Ты болен. — Она остановила свои ладони у него в волосах, но не убрала их.

— Угу... — больной усиленно дышал. — Я знаю... мне недолго осталось, поэтому...

перед смертью...

Девушка, чуть отстранившись, насколько возможно, попыталась посмотреть «смертнику» в глаза.

— Алекс, я не шучу. Ты болен, и тебе нужно лечиться.

— Я знаю. Вот ты меня сейчас и вылечишь. — Тот своими максимально раскрытыми ладонями водил по её телу от пояса джинсов до кромки бюстгалтера. Он загребал ручищами ощущения от её шуплого, маленького тела, от её обнаженной гладкой нежной кожи, как золотоискатели когда-то гребли песок на берегах Клондайка — ему было мало, и мало, и мало. От бессилия, что не может получить столько, сколько хочет, здесь и сейчас, сию же секунду, он подсунул ладони ей под спину, состыковав там свои средние пальцы, и сжал её в талии так, что большими чуть ли не дотянулся до её пупка на животике, зарываясь в этот момент носом в «пружинки» Жак.

«Его нужно отвлечь», — уже начала опасаться та.

— Алекс, ты не можешь... — она замялась.

— Не могу чего? — абсолютно равнодушно-машинально, не выказывая ни малейшей заинтересованности в ответе, спросил тот.

Вообще-то, Жаклин не могла на что-то решиться, не в силах была заставить себя сделать что-то «страшное», она представляла, что стоит на краю обрыва и, мысленно зажмурившись, «прыгала» вниз.

Так поступила и на этот раз.

— Тебе нужно лечиться, а не трахаться, — выпалила она довольно громко и даже резко.

Глава 22 Пульмекс и Эвкабал

Глава 22 Пульмекс и Эвкабал

МакЛарен замер и перестал дышать. Так же замерли и его указательные пальцы, теперь уже опять под кромкой лифчика.

— Пф-ф-ф... — выдохнул он и, убрав от неё руки и поправив кофточку, залез своей пятернёй себе в волосы. — Пф-ф... — кажется, его заклинило.

«Сработало!» — ликовала про себя бесстрашная врач.

— Жаклин, ты что, подумала, что я вот прямо сейчас, здесь в общежитии, на этой убогой кровати, соберусь тебя... — он запнулся и в следующее мгновение в неверии уставился на девушку широко раскрытыми «тюльпанами». Его глаза выражали удивление, но оно направленное не на девушку, а внутрь себя — он не смог вымолвить слово «трахнуть», когда оно коснулось Жак. Это он-то! Который привык раздавать неблагоприятные эпитеты слабому полу направо и налево, потому как только этого в его глазах они и заслуживали. Да и вообще, что такого уж страшного, спрашивается, в слове «трахнуть»? Да ерунда. Мелочь. Он говорил его сотни раз в таких контекстах, которые Жаклин и не снились. Делов-то! И вот, пожалуйста! Получите — распишитесь. Это было просто за гранью добра и зла.

«Ого! Вот это номер! И как давно это со мной, интересно?» — Александр был в шаге от паники.

— Хотя ты права. — Он отмер и быстрыми движениями взерошил себе волосы. — Что-то я не заметил, как увлёкся. Прости. — И как-то так стараясь не касаться её руками и держаться подальше от губ девушки, он чмокнул её в щечку.

«Какие же они у неё! — вспоминал юноша то, что чувствовал сквозь кофточку и лифчик, и которые вот ещё чуть-чуть — и уже были бы у него в руках, минуя вышеперечисленное. — М-м-м-м... когда-нибудь я до них доберусь. И тогда она от меня живой не уйдёт». — Строя такие далекоидущие, коварные планы, парень с улыбкой начал укрывать Жак своим одеялом до подбородка, от греха подальше. И укутав как ребёнка, чмокнул в нос. — Ты заслуживаешь гораздо большего.

«Ну всё, ты попался, тебя никто за язык не тянул», — возликовала гостья.

— А я заслуживаю того, чтобы позволить мне себя послушать, показать горло и измерить градусником температуру?

— О-о-о-о-оне-е-е-ет-т-т-т... — больного как волной отбросило от неё и развернуло на кровати. Он рухнул плашмя и, закрыв лицо руками, что-то промышчал там под ними ругательное.

Жаклин ждала молча.

— Нет, — ответил Александр, убрав руки с лица и уставившись в потолок.

Доктор Рочестер молчала.

Пациент, подождав ответа, глянул на неё и уже с улыбкой повторил:

— Нет.

Она молча ответила ему взглядом: «А если подумать?»

— Жаклин, я говорю по-китайски? Или у тебя английский — второй язык? Читай по губам — мне-не-нуж-на-тво-я-по-мощь, что непонятно?

Та утрированно обреченно вскинула брови и сложила губки бантиком, что неминуемо означало, что доктор Рочестер собралась идти на принцип.

Увидев это, Александр, так скажем, напрягся и сделал жест руками, как в фильмах полицейские успокаивают преступников, приставивших пистолет к голове какого-нибудь заложника.

— О, нет... Жаклин, только не это... я тебя умоляю. — Он еще и предостерегающе покачал головой.

— Нет! — тут же отозвалась врач. — Это я тебя умоляю! И судя по итогам этих уговоров, я действительно мало чего достойна. Ну раз так, то я могу быть свободна? — она начала приподниматься в кровати, всё так же укутанная в одеяло.

МакЛарен только лишь одной ладонью, почти одними пальцами, опрокинул её обратно.

Врач сжала губы в тонкую линию и, не глядя на молодого человека, повторила попытку всё в той же манере. Тот, тоже не озабочиваясь разнообразием манер, опять вернул её в исходную позицию.

— Так, больной, сейчас же, сию же минуту, прекратите этот цирк! Ведите себя прилично, иначе я назначу вам успокоительное внутривенно! — врач почти кричала.

Александр опять накрыл лицо руками.

— Лучше сразу цианистого калия, — расслышала Жаклин под ними.

А Александр, отняв руки, медленно, как перед казнью, и с соответствующим выражением красивого лица, начал задирать свою однотонную черную футболку тонкого трикотажа, как бы подставляя свой торс для «экзекуций».

Жаклин с улыбкой чеширского кота и со скоростью акулы в погоне за сардиной, выпуталась из-под одеяла, вскочила с кровати и, схватив фонендоскоп, быстренько ринулась в портфель за бактерицидными салфетками.

— У тебя есть килт? — она, сидя на стуле, натирала стальную головку прибора и поглядывала украдкой на голую грудь парня. От представленного её взору довольно широкого, спортивного красивого мужского торса и плоских рельефных мышц пресса, ей очень захотелось запустить фонендоскоп в окошко и...

«Жаклин, он болен. Он пациент. Скорее всего, у него вирус. А еще температура. Кстати, как бы заставить его поставить градусник?» — спохватилась та, в которой доктор Рочестер всё-таки победил влюблённую девушку Жаклин.

Пациент пару раз хлопнул глазами.

— Мой Бог, Жак, ты меня когда-нибудь до инфаркта доведёшь своими вопросами. Никогда не знаешь, что придёт тебе на ум в следующую секунду. Зачем тебе знать: есть ли у меня килт?

— Ну-у-у-у... — протянул хитрый врач, раздвигая дужки аппарата и вешая его себе на шею, — чтобы знать: есть ли у меня шанс когда-нибудь увидеть тебя в нём? — Она присела на край кровати к больному. — Только в нём.

В правом уголке губ у Александр зародилась ухмылка.

— Есть. — Он всё-таки полноценно улыбнулся. — Шанс.

Девушка улыбнулась в ответ.

— Но не всё так просто, — тут же продолжил уступчивый студент. Его взгляд потяжелел, а, метнувшись к её груди, стал практически неподъёмным. — Я могу потребовать ответных жестов.

— Например? — Доктор Рочестер заинтересованно сложила руки на коленях, давая понять, что готова повременить с осмотром.

— Если ты меня увидишь только в килте, то я хочу увидеть тебя только в юбке. —

Александр вызывающе вздёрнул подбородок.

Она прищурилась.

— Годится. — Потом весело-игриво посмотрела на больного. — И спорран*! — и в приказном жесте ткнула указательным пальчиком себе в коленку, после чего моментально поменяла выражение лица на «доктор Рочестер за работой». — Так, а теперь больной, пожалуйста, не разговаривайте и дышите ровно, спокойно. — Она вставила оливки себе в уши и аккуратно, стараясь не притрагиваться к телу пациента руками, приложила к сердцу парня головку фонендоскопа. Чуть прислушавшись к звукам в аппарате, девушка прошептала: — Александр, успокойся и забудь о юбках — у тебя систола шумит.

Больной фыркнул и отвернулся к окну.

— Это не из-за юбок. — Он опять посмотрел на своего доктора — Это из-за той штуки, которую ты к нему приложила. Жаклин, меньше слов, больше дела — делай то, что тебе нужно да поскорее, и закончим на этом, пока я действительно не заболел.

Жаклин молча кивнула, улыбнувшись, и засунув подальше в себя влюблённую, очарованную девушку Жаклин, оставила в активном состоянии только доктора Рочестер, приступила к работе.

Она слушала своего любимого пациента долго и тщательно, хмуро сдвинув брови и сосредоточившись на звуках в ушах. Услышав высокий звук явного сдавливания бронхо-лёгочного просвета, она не спешила огорчаться, ей больше не понравились сухие, царапающие низкие хрипы, характерные для начинающегося бронхита. К счастью, они были не очаговые, булькающие, как при пневмонии, которую Жак больше всего боялась здесь обнаружить, (ибо, судя по всему, температура у парня подскочила не очень высоко, остановившись на тех самых, «пневмонийных» значениях), а общие, скорее всего, в крупных ответвлениях бронхиального дерева.

Прослушав Александр грудную клетку, она попросила его сесть и, зайдя ему за спину и, задрвав футболку, прослушала там, сглотнув слюну от открывшегося её взору вида, на отменную мужскую, молодую, гладкую, клиновидную спину, с размером плеч, достойным размаха крыла Боинга 747.

А Александр в это время любовался своей девушкой за работой. Она в этот момент была такая умная, компетентная, такая деловая и сосредоточенная, самодостаточная и профессиональная, что у парня сама собой включалась фантазия на тему того, насколько другой, противоположной, она станет, когда начнёт плавиться под его умелыми мужскими руками, когда он насладится ею и подарит наслаждение ей. Какой она сделается нежной и соблазнительной, отзывчивой и чувствительной, жаждущей и страстной, как будет вымученно и громко кричать в бессилии сдержаться, после того, как он покажет ей, на что она способна.

«Скорей бы». — Студенту не терпелось.

А Жаклин в это время уже сняла с себя фонендоскоп и засунула Алексу электронный градусник в рот, который торчал у него меж губ как сигара у Эрнеста Хемингуэя, и прорабатывала в уме, чтобы такое сотворить с этим пациентом, чтобы побыстрее поставить его на ноги и не дать бронхиту перерасти в затяжную, а потом, не дай Бог, в хроническую форму.

— Докчэор, — градусник во рту Алекса колыхался как хвост собаки породы бигль при запахе лисьей норы. При невозможности претворить свои мечты в реальность он начал баловаться: — Йа шьть пуду?

— Еще хоть одно слово и — вряд ли, — тут же рубанул строгий врач. — Я лично оборву ваши страдания, больной, туго завязав у вас на горле шнуры фонендоскопа красивым бантиком. — Градусник издал сигнал, и Жаклин вынула его изо рта больного, практически выдернув, потому что Александр опять решил поиграть и крепко держал термометр зубами.

И тут у него зазвонил телефон, откуда-то из-под кровати, со стороны окна. Юноша сразу же достал его и ответил на звонок.

— Да. — Да, я у себя. — Он помолчал. — Ни хрена-а-а-а, только файлы и книгу, конспекты я тебе не дам. — Александр прослушал ответ. — Дня на три могу. — Опять молчание. — Давай. Жду. — И он нажал на отбой. — Звонил один чувак — у нас с ним совместное задание. Сейчас должен заехать за моей частью работы.

Девушка только кивнула в ответ. Она уже посмотрела на градусник, на котором красовалась цифра 37,6.

— Вообще-то, я уже могу идти, я убедилась, что воспаления лёгких у тебя нет. У тебя, скорее всего, какого-то особого рода вирус, дающий нагрузку и отёк на бронхи. Пока держится температура, греть нельзя. — Врач обреченно сложила руки на коленях. — Если я выпишу тебе препараты, ты ведь их пить не будешь?

— Пф-ф-ф... за кого ты меня принимаешь! — Александр в негодовании отвернулся к окну.

— И постельный режим ты соблюдать тоже, скорее всего, не будешь, — на автомате сказала врач, а потом поняла, что только что произнесла. Но было поздно.

Пациент даже дёрнулся взглядом от окна. В его глазах бесенята взбивали перины лебяжьего пуха, а один, самый талантливый, на покрывале цветочками изображал фигурки голубей.

Алекс улыбнулся улыбкой чеширского кота.

— Смотря с кем.

Жаклин скептически сложила губы.

— Я так и поняла. Ингаляторы пока тебе бесполезны. Ну, тогда, как только закончится температурный период, нужно заставить тебя наклеить согревающие пластыри... и несколько раз натереть Пульмексом или Эвкалиптом.

— Иди сюда, — тут же выпалил больной. При всплывшей в уме картинке, как он с Жаклин соблюдает постельный режим, и она его попутно лечит, во всех смыслах и всеми способами, а потом еще и при слове «натереть», слетевших с уст этого доктора, в сочетании с какими-то словами, которые после всего только что нафантазированного в его ушах чем-то напомнили названия лубрикантов, Александр протянул руки к плечам всё еще сидящей на краю его кровати Жак и завалил её на себя.

Он, опять проникнув под кофту, обнял руками за талию на спине и зарылся носом в шею, поправив упавшие на него роскошные волосы врача. Лизнув её там, куда дотянулся, но уже не кончиком языка, как ранее, а расслабленным широким языком.

Продолжая блуждать руками по талии и спине доктора вплоть до застёжки бюстгальтера, больной тёрся носом о её шейку и целовал и полизывал там же, не забывая про ушки, блаженно постанывая и побряхывая, звуками, которые как будто накапливались где-то в самых глубинах его нутра и вырывались оттуда с тем самым мучительным блаженством.

Для Жаклин это звучало как музыка.

Которую сочинила она сама, а исполнил Алекс. Она обняла его руками за шею и,

понюхав висок и, потёршись о него вытянутыми губками, поцеловала в скулу и лоб и уже планировала дотянуться до уголка нижней челюсти.

И тут раздался стук в дверь.

Александр застыл и, разочарованно запрокинув голову, застонал по-немому. Доктор тут же вскочила и стала накидывать на себя свой халат, а потом и фонендоскоп.

Хозяин комнаты встал с постели, обул шлёпки, подошел к двери и распахнул её.

На пороге стоял невысокий, примерно ростом с Жаклин, коренастый парень с черными волосами и голубыми глазами, как у большинства ирландцев.

— Привет, — кинул он хозяину и тут же заглянул ему за спину, слегка вытянув шею. Его лицо, при виде девушки, мгновенно разгладилось и просияло. Он догадливо улыбнулся: — Оу, ты не один.

— Привет, Стэплсон. Входи, — Алекса освободил проход.

Гость вошел, не сводя взгляда с миловидного доктора.

— Здравствуйте, — слегка поклонился он.

— Здравствуйте, — Жак благожелательно улыбнулась. У пришедшего было доброе лицо и уважительные интонации. Он ей понравился.

— Брайан, познакомься, это доктор Рочестер. Она врач и подруга моей матери. Доктор Рочестер, к вашим услугам мой однокурсник Брайан Стэплсон, — проговорил Александр по дороге к этажерке с книгами. Он начал рыться в большой стопке бумаг на второй полке, решив как можно быстрее выпроводить незваного гостя.

— Очень приятно, — опять кивнул студент.

— Взаимно. — Жаклин улыбнулась в ответ — Вообще-то, я уже собиралась уходить. — Она всем корпусом развернулась к больному. — Алекс, вряд ли у тебя до завтра спадёт температура, так что пока тебе нужно лежать. Завтра я работаю полные сутки, поэтому смогу прийти только послезавтра, и если всё будет нормально, привезу тебе согревающие пластыри и гели. — Говоря всё это, доктор засовывала свои вещи во главе с фонендоскопом к себе в портфель, а Александр продолжал рыться в стопке, поглядывая на девушку.

— Оу, я тоже не на долго, — воскликнул Стэплсон. — Только заберу бумаги. Если хотите, могу Вас подвезти, куда вам нужно- я на машине. — Он улыбался вовсю.

Девушка насторожилась, а спина Алекса напряглась и застыла как ледовый каток.

— Не стоит беспокоиться, я возьму такси, — Жак обращалась к Стэплсону, а протягивала руку МакЛарену. — До свидания, Александр. Будешь звонить в Глазго, передавай там всем от меня привет.

Пациент пожал ладошку своего врача, держа в другой руке папку с файлами и какую-то книгу.

— Хорошо. Обязательно передам. Спасибо, что зашла.

— Не стоит. Пока. — Девушка развернулась и пошла на выход.

Проходя мимо гостя, она приостановилась.

— До свидания, Брайан. Рада была познакомиться.

— Я тоже, — тут же откликнулся парень. — И всё-таки подождите меня внизу. Я Вас подвезу хотя бы до центра.

— Хорошо. Спасибо, — кивнула Жак и вышла.

Наблюдавший за всем этим Александр остолбенел.

«Мило, однако. А ничего, что я тут стою? Может, мне выйти вообще?» — Гостя спасло только то, что Александр знал, что у того есть девушка, и уже якобы довольно давно.

— Вот. — Он протянул однокурснику папку с книгой.

— Угу. — Брайан рассмотрел то, что ему дали. — У меня три дня?

— Да.

— Ладно. Хоть это и нечестно — ты держал почти неделю.

— Ты охренел? Я сделал всю статистику и обоснование, тебе осталось только выводы настроить и рекомендации. — Александр навис над невысоким напарником.

— Ладно, ладно, остынь. Ухожу. — Он сделал движение к двери. — Слушай, МакЛарен, и за что тебя такие тёлки любят? — заулыбался парень, остановившись.

Хозяин комнаты побелел. Кажется, у него даже температура упала.

— Стэплсон. Она. Врач. И подруга моей матери. И еще раз назовёшь её тёлкой, и тёлки тебе не понадобятся до конца твоих дней. Ты мне веришь? — Голосом Александра можно было покрыть тонкой коркой льда озеро Бенвеулу в Африке.

— Ладно, извини. — Брайан примирительно закивал головой. — Ну, я пошел. А то меня ждут.

— Подожди. — Тон Алекса всё-таки приговорил незадачливое африканское озеро. — У тебя есть для неё два взгляда и две улыбки, вернее, нет — два взгляда и одна улыбка. Превысишь норму, и конец твоих дней наступит до обидного скоро. Я понятен?

— Более чем. — Стэплсон на мгновение зажмурил глаза, не переставая улыбаться. — Расслабься, всё будет нормально. — И он, легко хлопнув ревнивца чуть повыше локтя папкой с файлами, подмигнул: — Пока.

Тот ничего не ответил. Когда Стэплсон ушел, он, закрыв за ним дверь, ударил кулаком рядом по стене.

— Чтобы я больше уехал сюда без машины! — и, дальше выругавшись, побрёл к кровати.

* Спорран (англ. sporran, гэльск. sporan) — поясная сумка — кошель, чаще всего кожаная, носимая на поясе, на ремне килта или на отдельном узком ремешке или цепочке.

Глава 23 ОРЗ

Сула всегда не любила кошек.

И не любила она их в принципе, так сказать, двигаясь от общего к частному и обратно, как и положено яркому представителю конкурирующей организации за человеческое сердце и привязанность.

А ещё у щенка не получилось проникнуться к ним симпатией по той просто причине, что эти асоциальные усатые «элементы» с самых первых встреч и знакомств не шли с ней на контакт. Они не изъявляли ни малейшего желания поиграть или побегать наперегонки, поваляться на пару в сырой траве, поплавать вместе в пруду в парке, погрызть друг другу уши — все эти и прочие радости бытия им были чужды напрочь. Но даже этого оказалось мало, кошки зарекомендовали себя твердолобыми и упрямыми на редкость — сколько ни втолковывай им, что поддеть соседа под брюхо мордой — это чертовски весело, сколько ни показывай, что хватать зубами «коллегу» за загривок на самом деле здорово, сколько ни демонстрируй для них наглядно всё это на своём собственном примере, вредные коты при малейшей попытке вовлечь их или навязать им подобную манеру общения тут же протягивали лапы, выпускали когти «сдохни от зависти, Фредди Крюгер!» и норовили вынуть твои глаза. На кой пёс им твои глаза, только одному их кошачьему богу и известно.

То ли дело белки.

Белки — это круто! Они игривы как живые мячики — быстро подбегают, быстро убегают, много и красиво машут своими хвостиками-дразнилками, не претендуют на место рядом с человеком, их много — выбирай — не хочу, и, самое главное, у них нет этих «сдохни от зависти, Фредди Крюгер» когтей — попрыгуны почти не опасны.

Тем более Суле никак не удавалось их догнать и поймать. А всё потому, что в парках растут деревья.

Вообще с этими деревьями была просто беда. Чуть что, шустрые пушистохвостые создания молниеносно оказывались где-нибудь высоко на стволе. Даже быстрее кошек. Сула им жутко завидовала, была со всем этим форменным безобразием категорически не согласна и ругалась на них что есть мочи: уговаривала спуститься вниз по-хорошему, обещала спустить сама по-плохому, грозилась таки добраться до них, подпрыгивая на дерево, опираясь на ствол передними лапами, как бы пытаясь расшатать его и стряхнуть этих любительниц догонялок с веток как спелые груши, нарезала круги вокруг всех этих тополей и клёнов — бесполезно, белки целые и невредимые сидели на ветках, весело, хором поцокивали что-то там на своём, на беличьем, и, судя по всему, чувствовали себя в полной безопасности и хозяйками положения. Суламиту это страшно бесило.

Скорее всего, в глубине своей фараоново — собачьей души она мечтала вырубить все деревья во всём Оксфорде и уже в чистом поле, так сказать, на равных разобраться с этими хитрыми «друидками».

Жаклин уже давно хотела пройти со своей любимицей общий курс дрессировки. Это ей не раз советовала Сесилия, и настаивали заводчики из Лондона, у которых Чарльз купил щенка, да и сама девушка, наблюдая за взрослыми воспитанными собаками у них во дворе, слушающимися хозяев и хозяек по одному слову или даже движению руки, и выбираясь по выходным со своей хулиганкой в Port Meadow и восхищаясь выучкой тамошних питомцев,

мечтала, что когда-нибудь в будущем и её лопухое чудо станет такой же послушной, воспитанной и умной взрослой собакой. Поэтому к полугодовалому возрасту воспитанницы начала подыскивать хорошего, дельного инструктора.

А пока... а пока ей приходилось бдительно следить за тем, чтобы щенок не наелся какой-нибудь отравы с земли, брать его на руки, чтобы успокоить и унести от дерева, куда его завлекали рыжие обитательницы парков, постоянно отвлекать от кошек и других раздражителей и всячески успокаивать, если он всё-таки напрашивался на кошачьи когти и потом скулил чуть ли не до слёз.

Так случилось и на это раз.

Только лишь хозяйка и её питомица вывернули из-за трибуны стадиона Баннистера, чтобы посмотреть футбольный матч, где играл Александр за команду Магдален колледжа, как Сула, увидев, что двадцать два «идиота» до такой степени бестолково и неуклюже бегают за мячом по такому огромному луку, практически без её непосредственного участия и даже — о, ужас! — не под её чутким руководством, так рванулась на поле, дёрнув поводок, что увлекла за собой свою зазевавшуюся владелицу чуть ли не через беговые дорожки, которыми была опоясана игровая зона.

Когда её столь благородный порыв — поучить этих недотёп, как на самом деле нужно играть в мяч, был остановлен поводком практически у самой кромки поля, Сула, убедившись, что «не в этот раз», залилась таким громким лаем, что Жаклин в ужасе тут же схватила её на руки, хоть та была уже далеко не пушинкой, и унесла назад за трибуну, оглядываясь — не остановил ли игру её четвероногий «арбитр». Но шум стадиона и еще не успокоившийся дневной ветер заглушили голос пышущего праведным гневом щенка, который не оставил попыток хоть как-то повлиять на игру даже на руках у хозяйки и продолжал гавкать, выворачиваясь и стараясь вернуться в гущу событий. Да и к тому же, на счастье Жак, игра велась в тот момент на другой половине поля — лай слышали только вратарь в ближайших воротах, да несколько человек, стоящих на свободной зоне перед трибунами, скорей всего, из тренерского состава, но, оглянувшись и увидев безобиднейшую ситуацию, все они тут же вернули своё внимание к игре. Хорошо, что Сула этого не заметила — столь полное игнорирование её, вне всякого сомнения, компетентнейшего мнения, ей вряд ли пришлось бы по вкусу.

Жаклин собиралась прийти к Алексу в среду, чтобы узнать, как у него дела и помочь выздоравливать дальше, но, как говорится: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах».

Во вторник вечером, будучи на дежурстве, девушка почувствовала у себя знакомые симптомы: слабость, ломоту во всём теле и першение в горле. Она, недолго думая, измерила себе температуру, и когда градусник показал ей 37,4, тут же пошла на первый этаж в аптеку, купила витамины и всыпала в себя целую жменю драже, после чего у них в приёмном покое нашла и приняла еще и аспирин, и надела медицинскую маску.

Но даже если благодаря этим мерам и почувствовала облегчение и обрела надежду, что ей хватит сил доработать до утра, и не свалиться от бессилия, и не допустить упущений в работе в эту смену, то о том, чтобы завтра выходить на улицу, не могло быть и речи. Поэтому, как только между приёмом пациентов появилась свободная минута, она тут же набрала номер самого главного и любимого из них.

Насчитав шесть гудков, но ответа не дождавшись, доктор Рочестер сбросила вызов и откинулась к стене в раздевалке, из которой звонила.

Она всегда скучала без него. Всегда. И вот такие вот банальнейшие заминки сказывались на её настроении с далеко идущими выводами — ей сразу же начинало казаться, что Александр её бросил, что она ему надоела, он передумал, и прочее, и прочие «шедевры логики». Но когда ты влюблён, логика спрятана от тебя такой же толщей эмоций, как дно Марианской впадины от поверхности океана высотой «водяного столба».

Абонент перезвонил сам где-то минут через десять. Услышав рингтон и увидев, от кого звонок, Жаклин будто заново родилась. Она подскочила со стула в приёмном покое, потому как работала за компьютером с данными анализов, и бросилась из кабинета, рукой дав понять Мэнди — сменной медсестре, что скоро вернётся.

— Алло, — закрыла она за собой дверь кабинета и стянула маску с лица.

— Алло, привет, — сказал парень, судя по голосу, с улыбкой. — Ты можешь говорить?

— Да. — Она изо всех сил «глушила» нотки ликования в своём голосе. — Да, могу. Я звонила. Привет, как ты себя чувствуешь?

— Отлично. — Если бы не поспешность ответа, доктор Рочестер, может быть, даже ему и поверила — уверенность в голосе парня можно было разливать по бутылкам.

Врач обескуражено замерла.

— Ты уверен? Такого не может быть, — предположила она, не подумав о том, кто у неё на связи.

— Конечно, я уверен! — воскликнул «бывший» больной. — Я здоров как лось!

Жаклин скептически сжала губы.

— Александр, ты меня ни с кем не путаешь? — уверенность в голосе врача можно было заливать в железнодорожные цистерны. — Это я — Жаклин. Это я слушала тебя вчера и слышала свисты сквозь обструкцию. Если у тебя уже нет температуры, то хотя бы не трогай лосей. Поэтому давай-ка начнём заново. Итак, привет, Александр, как ты себя чувствуешь?

Тот уже смеялся.

«Её не проведёшь! Профи!»

— Я действительно очень хорошо себя чувствую, — настаивал он вслух. — У меня есть небольшой кашель, но это обычная фигня. — Слово «фигня» заглушил звонок с последнего урока, ибо было уже около восьми вечера, и студент стоял в коридоре своего колледжа.

— А-а-а-алекс! — медленно протянула доктор как в прострации, не веря своим ушам, — Александр, ты что... уже на уроках? — Ответом ей было молчание. — Ты спятил? — Жаклин говорила это с такими интонациями, как будто уличала парня в ограблении казначейства Великобритании и сейчас начнёт уговаривать вернуть всё обратно.

— Э-э-э-э... Жак, у меня дофига зачетов, я не хочу отставать — так я могу не попасть домой на Рождество, — вполне себе серьёзно оправдывался студент. Девушка слышала, что он разговаривает на ходу, явно куда-то направляясь.

Доктор буквально задохнулась от возмущения.

— А так ты можешь попасть ко мне на работу с осложнением и на Рождество, и на Новый год! Хоть сегодня-то можно было полежать в кровати! — ослабленная болезнью на этой фразе выпихнула из себя весь воздух и сразу же глубоко и шумно вдохнула.

Александр молчал. И пару раз моргнув, она поняла, о чем молчит он, и тоже замолчала о том же. Но быстро стряхнула с себя наваждение.

— Даже не думай, — сказала она твёрдо, но с улыбкой.

— Ты обещала завтра прийти и растереть меня. — Его голос уже даже не соблазнял, а сразу совращал. Эдак, в лоб. И без прелюдий.

Жаклин обомлела.

— Алекс, ты ли это? Кто ты и что ты сделал с тем засранцем, который вчера вынес мне весь мозг, пока позволил прослушать лёгкие?

— Это не я. Это ты.

Врач насторожилась.

— Что... «я»?

— Это не я, это ты с ним что-то сделала, Жаклин.

«М-м-м... вон как мы заговорили», — врач только что не замурылыкала.

— Это обвинение или благодарность?

— Это правда. — И дав ей чуть времени обдумать его ответ, он вернулся к делу. — Ну, так как?

— Ой, да, извини, — спохватилась она, — э-э-э... — и почесала пальцем макушку, — тут, понимаешь, в чем дело — я тоже заболела, у меня тоже вирус. Поэтому мне, скорее всего, дня три — четыре придётся побыть дома.

— Твою мать, — тихо выругался парень в телефон. — Это я тебя заразил?

— Вряд ли — инкубационный период слишком короткий. Скорее всего, заразилась где-то в поездке. Извини, что подвела тебя.

— Не извиняйся, хоть мне и очень жаль, Жаклин. Правда, жаль. — Его голос мог бы вполне служить олицетворением грусти и печали. — Но ты выздоравливай.

— Спасибо. Я буду очень стараться.

— А когда ты сама болеешь, что делаешь? Как ты лечишься? Ты пьёшь таблетки? Тебя нужно... э-э-э... растирать?

Она хихикнула.

— Я пью много витаминов, Алекс. Мёд и травы. И растираюсь, да. — Девушка дразнилась и хвасталась, но до неё уже начало доходить, что она — таки попалась.

— И-и-и-и...

— Видишь ли... — сразу же замялась больная, — сейчас Чарльз на работе, а завтра он возьмёт отгул и будет меня лечить, не исключено, что и послезавтра. — Она всё-таки пыталась выжать из существования своего мужа хоть что-то.

Повисла неловкая пауза.

— Угу. Ясно. — Александр никак не хотел оставаться в долгу. — Тогда я спокоен — за тобой есть кому поухаживать, — сказал он утрированно жизнерадостно.

Жаклин ни секунды не сомневалась, что такой представитель сильного пола, как её пациент, тоже недостатка в кандидатах на роль сиделки не испытывает, но всё-таки решила подыграть ему.

— А как же ты? — проговорила она с показательным волнением в голосе.

— Я... ну а что я... — Александр понял её игру. — Придётся звать Палому для растираний. А что делать! Хоть я, признаться, всё время боюсь, что она не сможет остановиться вовремя и залечит меня до смерти. — Он замолчал и ждал реакции.

Жаклин сжала телефон в кулак, хоть и подозревала, что растирать себя вот прямо так, не забрав лет пять жизни, и не выпив всю кровь по капле, парень вряд ли позволил бы и ей, и Жизель Бундхен, и Дите фон Тиз.

— Передавай ей привет от меня, — бодро сказала она. — И скажи, что если она натрёт тебя «Эвкабалом», то пусть на спине не опускается на зону почек. Эта мазь плохо влияет на пуриновый и пиримидиновый обмены, Арина уже должна знать, что это такое. А

«Пульмексом» нельзя растереть в один день сразу и грудь, и спину. Он сильно разгоняет кровоток в большом круге кровообращения. Организм сработает обратной реакцией и ослабит скорость крови, а это может отрицательно сказаться на мужской потенции.

Динамик её телефона буквально разорвало от громкого хохота.

— А-ха-ха-ха... я оценил вашу заботу, доктор Рочестер, ваша компетентность в некоторых вопросах просто бесценна. Жаклин, выздоравливай поскорее, я... — парень хотел сказать: «я очень скучаю», но или постеснялся, или просто не смог, — я скоро позвоню, а сейчас должен идти, извини. — Было слышно, что он уже где-то на улице.

— Да-да, конечно. Это ты извини. Пока. — Жаклин отключилась.

И началось.

Она долго и нудно болела. Вернее, болела она не так уж и долго — всего то три дня: среду, четверг и пятницу, и не так уж и нудно — периодически с ней оставался Чарльз, один раз заехала проведать Сесилия, заверив, что вирусы её уже не берут за столько лет работы в больнице, поэтому она смело может общаться с зараженной подругой.

Ну и, конечно же, свою любимую хозяйку очень даже неплохо развлекала и отвлекала Сула, смешно таская в зубах из комнаты в комнату всякие разные ненужные тряпки, волоча их за собой как шлейф. Их ей отдали на откуп сердобольные владельцы, видя, как щенок пытается всё время стянуть одежду с вешалки в прихожей и прямо-таки ломится в платяной шкаф в надежде что-нибудь урвать для себя — так ей нравились все эти мягкие, тряпичные штуки, висевшие на вешалках, она любила вить себе из них гнёзда, складывая всё это богатство в одну большую несуразную кучу и водружать себя на неё как на постамент. Чарльз называл её за это «барахольщицей» или просто «настоящей женщиной».

Но Жаклин всё равно опять очень сильно скучала по МакЛарену. Постоянно. Почти как раньше, только теперь уже всё происходило по-иному. Сейчас ей было что вспомнить, на что надеяться и о чем помечтать. И она вспоминала, и надеялась, и мечтала. Правда, когда дело доходило до последнего, девушка терялась и начинала метаться от программы «минимум» к программе «максимум» и обратно, не в силах определиться с тем, сколько чистой, наглой мечты ей можно добавлять в картинку в её воображении, какое процентное соотношение фантазии и реальности она может себе позволить? Представить, как они с Алексом всё-таки смогут прогуляться по городу и закупить всяких вкусностей к чаю? Как они займутся сексом? Или даже любовью? Как они начнут встречаться? Или как они будут встречаться, ни от кого не скрываясь? То, как они станут жить семьёй? Подумав о последнем, мечтательница скрепя сердце не могла не признать, что картинка вырисовывается весьма абсурдная. И расстроилась. В глубине души всё это время, не переставая, не отвлекаясь на всякие мелочи, не оглядываясь на различные помехи и, самое главное, послав подальше здравый смысл и всё, что к нему прилагается, она всё ещё хотела его ребёнка и ничего не могла с этим поделать. Вот хотела и всё. Хотела.

Добавляли досады и мысли о том, что если бы не болезнь, она, может быть, именно сегодня, даже сейчас, вот в это самое мгновение, натирала бы своего любимого пациента разогревающими гелями и наклеивала согревающие пластыри на его красивые торс и спину, и у него бы пошел процесс выздоровления и восстановления. Ведь наверняка, если бы он остался в Глазго, Алиса смогла бы позаботиться о своём сыне, а предоставленный самому себе он может запустить процесс, не имея ни малейшего понятия о его последствиях. И это всё при живой-то Жаклин, лежащей беспомощно всего в нескольких километрах. Безобразие.

Всё время думая о нём, она столь же постоянно боролась с желанием набрать его номер. Хотела услышать голос, поговорить, спросить, как здоровье и учеба, но, помня о его обещании позвонить первым, сдерживала себя из нежелания быть навязчивой. Поэтому влюблённая раз от раза брала себя в руки, запасалась терпением, и принималась ждать звонка, и очень надеялась, что он не звонит каждый день только лишь из-за боязни поставить её в неловкую ситуацию в присутствии Чарльза.

Чарльз.

Он пребывал в своём горе и всё еще оставался полон своей боли. От каких-либо «забегов в ширину» её мужа спасало только то, что тот никогда не был истеричным, психованным мужчиной. Не изменяя себе и сейчас, он оставался внешне всё так же спокоен, сосредоточен и задумчив, и больше походил на тутового шелкопряда внутри своего кокона, нежели на грозовой фронт внутри своего облака. Чарльз что-то вынашивал внутри себя, какое-то изменение в себе, и во что это выльется, судя по всему, вряд ли знал он сам.

С женой он оставался таким же, как и прежде: предусмотрительным, вежливым, интеллигентным и вполне себе равнодушным. Жаклин чувствовала, что для самого себя он её ни в чем не обвиняет, не укоряет и не считает виноватой в чем бы то ни было, а всё время о чем-то думает, и это «что-то» мало её касается.

У самой же девушки поведение супруга не вызывало абсолютно никакого протеста, ни внутреннего, ни внешнего — ни в малейшей степени. Сейчас свою задачу относительно него она видела только в избавлении его от необходимости выслушивать её воркования с Алексом по телефону, хоть и сомневалась, что Чарльз вообще обратит на это внимание. Но всё-таки рисковать не хотела — это были бы, при сложившихся обстоятельствах, лишние переживания для мужа, а этого Жаклин ему не желала — тому и так досталось.

Таким образом, держала свой телефон на беззвучном режиме, а потом перезванивала тем, с кем для себя видела необходимость или целесообразность в общении. Но во время недомогания с разговорами и вопросами знакомые и коллеги беспокоили её мало — в основном все знали, что она болеет, и не хотели тревожить.

Её ненаглядный позвонил в субботу, часов в десять утра. Пропущенный вызов Жак обнаружила, покончив с завтраком, почти сразу же, минут через десять-пятнадцать после самого звонка.

Пролежав два дня в лихорадке, разбитая ломотой в костях, она и не думала заставлять себя покушать. Даже вчера, в пятницу, почувствовав себя получше, тем не менее, всё еще не смогла проглотить хоть что-то из пищи, и когда Чарльз попытался накормить её фасолевым супом насильно, сдвинула брови и напомнила, что перед ним, на минуточку, врач, и врач сам знает, когда и чем насиловать свой организм. Но сегодня, проснувшись и увидев себя в зеркале в ванной комнате, больная поняла, что пора. Дальше тянуть уже нельзя. Правда, вид еды у неё всё еще не вызывал ничего, кроме чувства лени и бессилия, но девушка переборола себя и съела йогурт и десять ложек овсяной каши. А потом, обнаружив у себя в телефоне свежий звонок от Александр, восприняла его как вознаграждение за победу над собой.

Дождавшись, пока муж засядет в кабинете, решила перезвонить из спальни, со второго этажа.

— Алло, Джеки, привет. Я тут звонил тебе. Как ты себя чувствуешь? — выпалил парень на одном дыхании после второго гудка.

Жаклин почувствовала, что... да что там... от звуков его голоса она просто и заболела, и выздоравливала одновременно. А еще успевала «таять» и завидовать самой

себе.

— Привет. Я уже почти нормально. Кризис миновал, осталось только немного поднабраться сил. Завтра вот планирую выйти на улицу погулять с собакой. А как ты? Только честно, Алекс.

Тот засмеялся.

— Ну-у-у... если честно... кашляю только ночью. Но это остаточное явление и скоро пройдёт. Я на финишной прямой к выздоровлению.

— Оу, я рада. Палома просто волшебница, так быстро поставила тебя на ноги, — не удержалась ревнивый врач.

— Если бы я позвал Палому, боюсь, она бы залечила меня вплоть до инвалидности. Такая перспектива меня... — тут он хмыкнул, — не устраивает.

Доктор решила прощупать почву, ну, или, хорошо, нарваться на сравнение и комплимент.

— А какая перспектива устроила бы Александра МакЛарена?

— Эм-м-м... ну вот, если ты уже завтра планируешь прогулки, я бы хотел тебя увидеть, хотел бы с тобой прогуляться. Не хочешь прийти к нам на игру? Мы завтра играем на Баннистере с Вулфсонами.

Жаклин похолодела.

— Что? Что я слышу, Александр МакЛарен? Ты уже бегаешь по полю? — Она не кричала только лишь из боязни привлечь на крик мужа. — Алекс, ты в своём уме? На улице декабрь месяц!

— Ноябрь, Жак.

— Да какая разница!

— Ну, так ты сможешь прийти? Приходи, Джеки, пожалуйста, — гнул свою линию футболист.

«Надо же, — подумала девушка, умиляясь, — такой маленький, а уже такой мужчина».

— Пф-ф-ф... даже не сомневайся, — всё-таки не удержалась и фыркнула она, — я буду там и всё расскажу твоему тренеру. А еще Палому себе в помощь прихвачу. Вот дай я только до тебя доберусь — всего, до пятки, разотру и «Пульмексом», а сверху еще и «Эвкабалом», а потом так же всего обклею согревающими пластырями. А потом...

Но будущий клиент «Пульмекса» и «Эвкабала» быстро вышиб клин её врачебного накала клином своего мужского напора.

— Оу... а вот что будет, когда я до Вас доберусь, доктор Рочестер... — промурлыкал он в телефон.

У доктора тут же повывлетали из головы все её медицинские термины, а так же общечеловеческие колкости и сарказмы, но зато как-то так мелькнуло подозрение, что её пациент не совсем трезв.

— Когда у вас игра? — продолжила она, планируя получше прислушаться к его интонациям и выговору.

— Завтра вечером в пять! — обрадовался парень, поняв, что победил. Да он, в принципе, и не сомневался, что всегда будет её побеждать. Он с первой встречи чувствовал, что он — её слабость.

— На стадионе Баннистера?

— Да. У нас.

И тут она услышала, как, видимо, где-то там, рядом с парнем, что-то хлопнуло

наподобие двери, и совсем близко от него прозвучал женский смех.

Жаклин только лишь раскрыла рот спросить своего собеседника о его местонахождении, но не смогла — не в её правилах было опуститься до расспросов о передвижениях и ореолах обитания и требований отчетов в действиях и поступках, хоть этот женский смех довольно ощутимо поубавил красок в её мире. Поэтому она замолчала.

Но Александр и тут её удивил.

— Жаклин... ты не хочешь спросить, где я? — услышав её громкое молчание, юноша пошел ва-банк.

— Хочу, — тут же отозвалась она, — да только что мне это даст?

«Да! Я же говорил, что она идеальна!» — возликовал он про себя.

— Я в Лондоне.

— Ладно, Алекс, ничего не говори. Ты свободный молодой человек и волен находиться там, где считаешь нужным.

— Кирк позвал меня с собой на переговоры. Мы сейчас дома в гостях у одного из его подрядчиков.

— Оу, вот даже как. — Такого Жаклин явно не ожидала.

— А ты думала, я умею только целоваться и валяться с температурой?

А вот эта фраза уже окончательно убедила девушку, что её шотландец сегодня, вне всякого сомнения, не разминулся с алкоголем. Она заулыбалась.

— А кто тебе сказал, что ты умеешь целоваться?

— Жаклин... не играй с огнём, — он перешел на низкий гортанный баритон, — тебе их всех перечислить?

— Ладно, будем считать, что ты меня напугал, — притворно вздохнула она. — Ну, так если завтра игра, разве сегодня у тебя не должна быть тренировка? Ты прогуливаешь?

— Пф-ф... и эта женщина минуту назад чуть не угробила мне барабанные перепонки, возмущаясь, что я бегаю по полю. — Футболист с удовольствием засмеялся. — Нет, сегодня тренировки нет. За день перед матчем мы расслабляемся и отдыхаем. Тренировка завтра с утра. — У него слышался очень довольный тон.

— Ясно. На матче я буду с Сулой. Давно с ней не гуляла.

— Договорились. Познакомишь меня со своей фараоновой собакой.

— Если она согласится. — Жаклин хихикнула. — Шучу. До завтра?

— Угу. Да, до завтра. Пока. — Юноша явно улыбался. — Только не болей.

— Ты тоже. И не пей много. Пока. — И она быстренько отключилась, из желания оставить последнюю колкость за собой, после чего сразу же ринулась вниз за очередной лошадиной дозой витаминов и травяным чаем.

Вообще-то Жаклин знала, что за болезнью у неё очень часто следует какой-то подъём сил и, скорее всего, этиология этого самого подъёма лежала в области не физиологии, а психологии. А тем более, сейчас, когда её психологический анамнез отягощался еще и разлукой с Алексом, она действительно воспряла духом при перспективе скорой встречи с этим, так необходимым ей человеком.

Вечером в субботу девушка уже смогла помыть голову, поговорить с дядюшкой по телефону, рассказав ему о смерти миссис Рочестер, и передать от него и всех глазговцев соболезнования Чарльзу.

Потом она, при непосредственном участии Сулы, завела стиральную машинку с постельным бельём и полотенцами. Когда хозяйка, поснимав кое-что с вешалок, а кое-что

достав из корзины, свалила всё в большую грудку на полу в ванной, с её барахольщицей чуть не случился коллапс эстетического восторга — сразу столько добра! Щенок прыгал на кучу как большая рыжая лягушка и никак не хотел расставаться со своим богатством, вцепляясь в него зубами при малейшей попытке разлучить его с его «гнездом».

Затем, с «помощью» всё той же Сулы, Жаклин приготовила очень вкусную тушеную картошку с мясом и бобами, которую сама всё-таки есть не смогла, а вот Чарльз, в компании их домашней любимицы, изголодавшись по готовке жены, проглотил быстро и с удовольствием. После того как они поели, а стиральная машинка постирала, девушка — энерджайзер решила сделать еще одну стирку с рубашками мужа и их домашней одеждой, предварительно выпроводив Сулу из ванной и закрыв дверь перед её породистым носом, после чего «наслаждалась» «музыкой» поскуливания под дверью, пока не закончила. Под конец немного прибралась на кухне и на такой созидательной ноте направилась спать с радостным, предвкушающим настроением.

Глава 24 Лавочка

В воскресенье с утра Жаклин проснулась рано, но долго оставалась в постели, набиралась сил к матчу.

Чарльз позавтракал и ушел в библиотеку, сказав на прощание, что сегодня, раз уж она себя хорошо чувствует, пойдёт играть в шахматы — хочет немного отвлечься.

Мистер Рочестер был заядлым шахматистом и двигал фигуры по доске вполне умело — во всяком случае, жена у него еще ни разу не выиграла. Супруг даже состоял в старинном закрытом клубе шахматистов при университете, который вот уже последние лет двести собирался по вечерам воскресенья в кампусе Kween College, и редко когда любители шахов и матов расходились до полуночи.

Жаклин сидела в гостиной на диване перед включенным телевизором и листала интернет у себя в телефоне. Она всё забывала спросить у Александра: есть ли он в Твиттере, на Фейсбуке и в Скайпе. Пока что понятия не имела, как ей это может пригодиться, и что будет делать, если у него всё это обнаружится в наличии, но... кто владеет информацией, владеет Миром, поэтому на всякий случай спросить не помешает.

Примерно в полдень девушка наконец-то выключила вхолостую работающий телевизор и двинулась на кухню, намереваясь приготовить пирог с мясом. Замесив тесто и поставив его подходить, она поджарила порубленную кубиками свинину с большим количеством лука и, доведя всё это до полуготовности, смешала с приправами, сыром и помидорами черри: свежими и консервированными. Вынув увеличившееся раза в три тесто, разделила его на две неравные части. Из большей раскатала пласт на величину противня и уложила на дно, затем, вывернув туда же всю начинку, покрыла её сверху вторым раскатанным пластом, после чего скрепила края и сделала сверху несколько отверстий ножом.

Отправив всю эту будущую вкуснятину в духовку, чтобы пирог делал то, что от него требовалось, начала собираться на футбол.

Вообще-то, с самой популярной спортивной игрой в Мире Жак познакомилась довольно поздно для англичанки — только лишь в студенчестве. В том обществе, в котором она вращалась с детства, все душевные и физические силы, весь фанатизм направлялся только на один объект — археологию. Если кто-то из дядюшкиных коллег и имел небольшое, невинное увлечение, помимо божественной археологии, то это хобби, как правило, не вступало в противоречие с полевым и кочевым образом жизни, который навязывал род их деятельности. То есть кто-то знал много пошлых анекдотов, кто-то любил играть в нарды, кто-то занимался фотографией, кто-то интересовался геологией. Один научный сотрудник, Жаклин уже не помнила его имени, увлекался вулканами и много знал об их деятельности и активности. Всё.

О том, что где-то в Мире, и не далее чем в Англии, Испании, Италии люди иногда делятся по приверженности футбольным клубам и могут часами обсуждать футболистов, их игру, гонорары, тренеров, гонорары тренеров, погоду во время матча, мужчины — размер бюста девушки форварда и жены вратаря, женщины — выпуклость икроножных мышц у центровых, и все вместе — силу крутящего момента у новой тачки полузащитника, Жаклин узнала, только поступив в Университет. Именно там она, как-то так немного подумав, решила болеть за «Челси», раз уж родилась в этом районе Лондона.

Посмотрев на себя в зеркало после сборов, миссис Рочестер осталась собой довольна настолько, насколько может быть согласен со своим внешним видом человек, только что перенёсший вирусную инфекцию. Видок был явно не ахти — впалые глаза и щеки, не самая пышущая здоровьем кожа, довольно вымученный взгляд, но, поскольку другого в наличии не имелось, пришлось идти на встречу с тем, что есть. Тем более, что кое-что не изменяло ей ни при каких обстоятельствах — её волосы. Они, как и всегда, богато струились крупными, блестящими локонами до самых плеч — хвала создателям витаминных волосяных бальзамов и кондиционеров и, конечно же, её покойному отцу, передавшему по наследству дочери такое богатство.

Перед уходом вынув пирог из духовки — кажется, он получился очень даже неплох — и накрыв его чистой полотняной салфеткой, умелая кухарка поставила своё творение на стол в гостиной, после чего, прицепив на поводок всё это время крутящуюся под ногами Сулу, отправилась в город.

Шли они долго. Благо Жаклин тепло оделась. Им даже удалось развить скорость, вполне себе достойную «улитки-спринтера», и в этом была полностью «заслуга» Сулы — попав в самый центр города, где не бывала отродясь и где её ждала неизведанная, новая богатейшая палитра запахов и звуков, порой сладких и манящих, а порой агрессивных и отталкивающих, которые все без исключения требовали к себе достойного внимания, она не смогла найти в себе силы игнорировать такой богатый выбор занятий и развлечений.

Щенок деловито останавливался на каждом углу, обследовал все попутные автобусные остановки и рекламные стремянки, не пропустил ни одного более-менее подозрительного пятна на тротуарной плитке — обнюхал все, на Gloucester Street потянул Жаклин через дорогу к кафе Red Lion, возле которого стояла толпа студентов, пришедшая на второй ланч и заполнившая воздушное пространство в радиусе километра ароматными, провоцирующими запахами пирогов с рыбой и картошкой и горячих бутербродов с копченой колбасой и пармезаном. Хозяйке пришлось взять животное на руки и отнести подальше от этого «благовония».

Но такая временная мера помогла мало — как только Жаклин, не в силах долго держать на руках уже довольно внушительную тушку своей питомицы, опустила её на тротуар, «тушка» тут же продолжила с того, на чем остановилась — рвалась всей душой с поводка во все кафешки и пабы, попадавшиеся им на пути, и, если её что-то отвлекало от входа в помещение со вкусными запахами, и парочка благополучно его миновала, собака, очнувшись, просилась вернуться назад и всё-таки как-нибудь да проникнуть в это пристанище гурманов и рассадник чревоугодия.

Однако же силы были не бесконечны даже у такого деятельного существа как Сула — отдав запахам и звукам всю себя без остатка, она пару раз присаживалась на свою «пятую точку», чтобы чуть перевести дух и восстановить силы. Жаклин приходилось «входить в положение» и проявлять понимание и терпение. И ждать! Тем более что и тут её хулиганка без дела не сидела, а начинала задирать голову на прохожих — пыталась рассмотреть их получше, улыбаясь им всем без исключения. И надо признать, ей даже удавалось добиться взаимности, и все трудности, которые переносила в пути её хозяйка, окупались теми взглядами и улыбками, которыми провожали это лопоухое чудо проходившие мимо люди — щенок был, действительно, на редкость непосредственен и обаятелен даже для избалованной и искушенной собаками Англии. Львиную долю очарования ему добавляли его бесподобные большие, лопоухие, остроконечные уши фараоновой собаки, которые еще толком не стояли в

силу малого возраста, но уже и не висели как, допустим, у ретриверов, а трепыхались вокруг его точеной головы на манер привязанных на короткой верёвочке воздушных шариков на ветру — смотрелось очень мило и комично.

К стадиону Баннистера они подошли со стороны Iffley Road уже хорошо за шесть часов вечера. Всё это время девушка мучилась одним единственным вопросом: высматривал её Алекс среди зрителей или нет? И вообще, он её ждёт или нет?

В тот самый момент, когда она, со своей фараоновой собакой, вышли к самому полю, и Суламита, естественно, из самых лучших побуждений, попыталась вмешаться в ход игры, шла уже середина второго тайма. Хозяйка, немного успокоив щенка после такого мощного всплеска эмоций, опять спустила его с рук и прошла к самому краю трибуны.

Усевшись на крайнее место нижнего ряда, то есть ближе всех к выходу, она посадила на соседнее сидение Сулу, чтобы, если у той опять сдадут нервы от того, что нападающий — мазила, и она в самых жестких и категоричных выражениях начнёт всё это высказывать ему в лицо, девушка тут же могла дать дёру со стадиона с этой своей оголтелой ушастой футбольной фанаткой.

Зрителей присутствовало не очень много, но большая половина мест была заполнена, что вполне себе хватало для хорошей поддержки командам. Своего любимого футболиста Жаклин увидела и узнала сразу же — он выделялся своим хорошим ростом. Его команда была в белой форме, и у него на спине красовалась цифра «6».

Шестой номер бегал по макушку погруженным в игру — он был зол, сосредоточен и... горяч. Жаклин закусил уголок нижней губы. Пепельно-блондинистые, влажные от пота, волосы прилипли ему на лоб, парень раскраснелся и постоянно дышал ртом — его губы были слегка воспалёнными и расслабленными. Девушка невольно вспомнила, как плавилась под этими губами совсем недавно у него в общежитии.

«Мой! — чуть подпрыгнула она на сиденье. — Никому не отдам!»

И тут её любимый игрок после быстрого бега почти вдоль всего поля, видимо, очень глубоко хватанув холодного воздуха в бронхи, остановившись, пару раз дёрнулся в кашле и тут же сплюнул.

«А вот это уже никуда не годится, — тут же «включилась» в зрительнице доктор Рочестер, придерживая на сидении Сулу двумя руками и периодически поглаживая и почёсывая её за ушками и по спинке, уберегая тем самым от истерики. — Ночью, скорее всего, не сможет спать. Точно обклею пластырями всего! С ног до головы!»

Счет был 4:7, и Жаклин не сразу поняла, что проигрывает команда Алекса.

Влюблённая, понятное дело, почти не сводила глаз со своего футболиста, поэтому и не пропустила момент, когда он тоже её заметил. Игра перешла на ту сторону поля, где почти напротив ворот сидели Сула и её хозяйка. Когда в результате разыгранной комбинации в штрафной зоне мяч потеряли, Александр, воспользовавшись положением «вне игры», оглядел зрителей. Он был мрачнее тучи, но, заметив девушку с собакой, сразу же просиял и, улыбнувшись, очень эмоционально и открыто помахал ей рукой. Та помахала рукой в ответ довольно скромно и несмело, но просияла побольше самого юноши.

До конца игры команда колледжа Святой Магдалены успела забить еще только один гол — его провёл в ворота Вулфсон колледжа какой-то рыженький мальчик, и со счетом 5:7 матч благополучно завершился.

— Привет. Спасибо, что пришла. — Почти сразу же после финального свистка подбежал к ней раскрасневшийся, мокрый, в грязных, оттоптаных ботсах и еще более

потрёпанных в боях за мяч, гольфах, но улыбающийся футболист и тут же, протянув руку к Суле, потрепал и почесал её за ушком. Все перечисленные нелицеприятные мелочи его облика, понятное дело, могли нанести внешности шестого номера примерно такой же урон, как слону — дробина. Он продолжал приковывать внимание и радовать глаз, а на фоне манящей шелковистости породистого английского газона по-прежнему был тем представителем сильного пола, которого хотелось... да просто хотелось и всё.

— Я же обещала. — По уши влюблённая парила над землёй — он подбежал именно к ней, она была в паре с МакЛареном, и сейчас они пойдут гулять — не то песня, не то сказка.

— Привет, — наклонился к Суле юноша. — Какая ты красавица! — Он обнял обеими руками продолговатую морду фараоновой собаки, и та, тут же высвободившись из его ладоней, в ответ попыталась отгрызть его большой палец.

— Ты ей понравился, — довольно заулыбалась счастливая хозяйка — встретились два её любимца и, кажется, подружились.

— Как твоё здоровье? — оторвавшись от Сулы и выпрямившись, спросил Александр. — Может, ты сегодня зря вышла на улицу? Может, рановато? — с опаской закончил он.

От такой наглости у девушки даже лицо вытянулось.

— Смотрите, кто заговорил! — она отпустила руками собаку, так как мяч, кажется, уже убрали из поля её зрения, и та тут же спрыгнула с сидения.

— Ладно, ладно, — Александр тут же поднял руки вверх, — забудь. Я сказал, не подумав. Мы сейчас гулять?

Жаклин недоверчиво кивнула.

Мимо них проходили зрители, продвигаясь к выходу со стадиона. Небольшая группа юношей и девушек остановилась возле парочки, видимо, намеревалась подбодрить Алекса после проигрыша, но, увидев улыбку на его лице, дружески похлопали проигравшего по плечу и, сказав что-то типа: «Клёвая игра, чувак» и «В следующий раз мы возьмём судью на себя», пошли себе дальше.

В ответ парень молча улыбался и, подождав, пока они пройдут, продолжил:

— Тогда подожди меня напротив входа, хорошо? У нас сейчас небольшой разбор полётов, а потом только душ и всё.

Жаклин опять смогла только молча кивнуть, опасаясь вот-вот свалиться как куль к ногам своего молодого человека, потому как Сула уже потянулась куда-то под сидения за брошенным кем-то пирожком и запутала колени своей хозяйке в поводке. Александр, заметив её неловкость, широко улыбнулся, и, слегка ущипнув большим и указательным пальцами за щечку, убежал в раздевалку.

Хозяйка, распутав поводок, вместе со своей неуёмной хулиганкой медленно, не спеша, двинулась на выход со стадиона и расположилась под деревьями чуть поодаль от Западного входа, с противоположной стороны улицы. Она поняла, что её футболист очень огорчен проигрышем и неудобно чувствует себя из-за этого, и намеревалась отвлечь его от этой досадной мелочи. А проигрыш в футболе она считала именно досадной мелочью.

Александр появился где-то минут через двадцать-двадцать пять и опять, по новой, в который уже заставил девушку задохнуться от своей внешности, только теперь уже в джинсах, черной водолазке, скорей всего, шотландской тонкой натуральной шерсти, и в той самой коричневой дублёнке, тоже, видимо, с отменной, безукоризненной «родословной». Внешние данные этого уродившегося шотландца всё время обновляли в её голове понятия о красоте вообще — вот буквально еще и часа не прошло, как у неё захватывало дух от его вида

там, на поле, всего такого потного, разгоряченного, взъерошенного, нервного, злого, в этой белой форме, сидящей на нём столь естественно-небрежно, и вот он уже выходит из-за кованой калитки ворот стадиона, стройный, аккуратный, высокий, длинноногий, уже спокойный, но наглый, дерзкий, но сдержанный.

«Господи, и как это меня так угораздило... влюбиться именно... в такого?» — не успела в очередной раз удивиться Жаклин, как с огорчением заметила, что парень на своём лице сейчас активировал режим под названием: «покер фейс». Это неминуемо означало, что, скорее всего, он только что провёл не самые приятные двадцать-двадцать пять минут своей жизни.

«Это нужно исправить», — была полна решимости его спутница.

— Давай пойдём на берег Айсис, — приблизившись, сходу предложил Александр, — там людей всегда мало и можно гулять с собаками, — и протянул руку к поводку.

— Угу, — тут же отдав ему рулетку и засовывая свои руки в карманы пуховика, развернулась в нужную сторону Жаклин. Она старалась меньше говорить, чтобы не выдать, как ей сейчас хорошо и уютно.

«Вот бы с ним каждое утро на работу ходить, — посмеялась она про себя. — И просыпаться тоже с ним. Каждое утро».

Как только они двинулись в путь, Алекс, приблизившись вплотную к своей спутнице, засунул свою руку в её ближний от него карман и, взяв там её ладошку в свою, переложил их руки в карман себе, после чего слегка пожал пальчики девушки и переплёл их со своими.

Сула же даже не заметила смену хозяина. Кажется, она опять полностью отдалась на откуп новой порции незнакомых запахов, и какое уж тут до хозяев, пусть и дальше думают, что это они ведут её на поводке, хотя уж она-то знает, кто здесь на самом деле главный.

— Извини, что не смогла прийти вовремя, — первая начала её хозяйка. — Я вообще удивлена, что мы дошли — Сула отвлекается на всё что можно и нельзя. Мала она еще, конечно, и невоспитанна, чтобы гулять по городу.

Александр только лишь спокойно улыбался.

— Ничего, мы никуда не торопимся, так ведь? — Он опять пожал руку своей девушки у себя в кармане и заглянул ей в лицо. — Почему именно фараонова собака, Жак? — Они приостановились и смотрели, как эта самая фараонова собака, остановившись на Christ Church Meadow, начала что-то там рыть лапой в траве у обочины тротуара.

— Мне подарил её Чарльз. Ему нравятся эти собаки — он историк, а эта порода одна из самых древних, она связана с древним Египтом, с фараонами. — Девушка задрала голову и посмотрела на небо, вспомнив о созвездии Большого Пса. — Египтологи и сейчас о ней спорят, о мифах про неё, про Огненную собаку, которая жила вместе с фараонами в их дворцах. Говорят, это и была прабабка Сулы. — Хозяйка перевела взгляд на свою любимицу и умилительно улыбнулась: — Но мне она тоже нравится — она красивая, интересная и редкая. А тебе? Тебе не нравится эта порода? — она тоже заглянула Алексу в лицо.

— Мне нравится твоя Сула, — не раздумывая, ответил тот, двинувшись дальше за потомком Огненной собаки, которая, видимо, отрыла то, что ей надо и, поняв, что это ей совершенно не надо, пошла дальше. — Но, вообще-то, я больше люблю лохматых собак, таких... которых всё время хочется потискать, зарыться руками в их шерсть, знаешь, типа ньюфаундленда или тибетского мастифа.

— Или шотландской овчарки. — Девушка кивнула. — Угу. Ясно — чисто шотландский вкус — чтобы не продувало и не мёрзло. — Она с обожанием посмотрела на своего

шотландца.

— Именно, — кивнул тот с улыбкой.

прошли по мосту через реку Cherwell, а потом, обогнув по краю Christ Church Meadow, который уже, начиная с сумерек, становился почти пустынным, попали к острову с Лодочным домиком и лодочной станцией Lincoln College. Здесь уже протекала Thames или Isis, как её называют в Оксфорде, и в этом месте берега её были на редкость живописны — буквально у самой кромки воды росли роскошные взрослые ивы и не менее красивые и мощные дубы.

— А у тебя никогда не было собаки? — спросила Жаклин.

— У-у, — в отрицании мотнул головой её спутник. — Родители не соглашались. Мать боялась собак. Её в детстве сзади за ногу укусил карликовый пинчер, очень глубоко, у неё даже шрамы остались, с тех пор она с собаками не в ладах. Да и аллергия у неё на шерсть. — Он помолчал. — Но я в детстве не сильно просил собаку, так... поканючил годик и успокоился. А вот Дженни! От Дженн родителям хорошо досталось — она ныла лет пять! Мать с отцом хватались за голову, не знали, чем её отвлечь. Сестра всегда говорит, что как только начнёт жить отдельно, заведёт собаку на второй день.

— И какую? Если не секрет. — Жаклин опять начинала ловить себя на том, что готова его слушать двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, только бы он рассказывал хоть что-нибудь и не останавливался.

— Говорит, что хочет далматинца. А лучше — двух.

— Оу, у девушки есть вкус!

— Ну, так! Еще бы! — Алекса распирало от гордости при упоминании о сестре. — Она занимается рисованием, дизайном, архитектурой. Увлекается компоновкой пространства и материала, цвета, формы там... размера и еще много всякой мутотени, в которой я нишиша не разбираюсь, и Дженни, признаться, меня всем этим так достала, что я с удовольствием сбежал от неё сюда, в Оксфорд.

Жаклин захихикала — парень кокетничал! Это было так на него не похоже.

— У многих моих друзей были собаки, — между тем продолжал рассказчик, — у дяди Рональда всегда дома живут собаки. На ферме в хайлэндсе без собак хреново — они и грызунов отпугивают, и крупных животных там... чтоб не вытаптывали, скот пасут — тамошние собаки рабочие и очень умные, самостоятельные. Сейчас у него целая стая бордер колли. Этим летом, в июле, мы с братьями ходили в горы с ночевкой и брали их с собой.

— С ночевкой?! И вас отпустили? — воскликнула Жаклин. — А сколько лет твоим братьям?

— Старшему Бену — девятнадцать, он на полтора года старше меня, а младшему Хэмишу — четырнадцать.

— И как долго вы были в горах?

— Неделю.

— Неделю! — Жаклин даже остановилась. — Ого! — её глаза округлились — удивление буквально распирало изнутри. — Александр, а это точно не опасно? Трех, можно сказать, еще детей отпускать в горы без взрослых на неделю!

Её спутник тоже остановился и застыл, немного откинув голову назад и не поворачиваясь лицом к девушке. Та заволновалась — она уже поняла, что проговорилась, но... скорее всего, было поздно.

Когда «дитя» всё-таки развернулось и вперило в неё «тюльпанами», которые меньше

всего сейчас напоминали что-либо из всей ботаники и не только. Жак показалось, что она смотри в выключенные фары какой-нибудь крутой тачки типа ТТ- на фоне очевидной злости там просматривались открытая воля и скрытая сила.

Но даже сквозь остроту ситуации влюблённая с удовольствием наблюдала, что в молодом человеке не проглядывается и намёка на истеричного, капризного подростка, пытающегося утвердиться тупой обидой и агрессией, а так же, уже в который раз, не могла не залюбоваться его красотой — злость не обезобразила её любимого лица, а с точностью до наоборот — Александр был прекрасен в этой своей злости, тем более, что, скорее всего, зло этому человеку явно свойственно. Видимо, он был злой по своей природе. Причем, сейчас он не вот прямо пришел в бешенство, но «в режим льда» — определённо. От этого «льда» кое-что досталось и ей самой — на спине появился «морозец» и многообещающе пробежался вдоль позвоночника.

«Зря это я... про деток-то... не надо было», — поздно дошло до неё.

Красавец, быстро сбросив с себя свою первую реакцию недовольства на такое «оскорбление», через несколько мгновений уже почти спокойно огляделся вокруг. Поискав что-то глазами, парень направился к стволу ближайшего дерева, ведя за руку девушку и её собаку на поводке.

— Алекс... — у ведомой как-то так незаметно стали подкашиваться ноги.

Но тот не ответил. Он, всё так же молча, отпустил её руку и, подойдя к одной из веток, перекинул через неё корпус поводка-рулетки и рукоятку зацепил за сук, чуть отпустив длину шнура, и тут же, даже не посмотрев на Сулу, развернулся опять к девушке.

Для начала он как-то так оценивающе окинул её с ног до головы, как будто что-то прикидывая в уме, после чего, видимо, придя к положительному выводу, подошел и нежно, мягко взяв за талию, с выражением лица «только так, и никак иначе», стал наступать на неё мелкими шапками, явно намереваясь прислонить спиной к дереву. Когда она ему это позволила, он, сгорбившись, упёрся лбом в её лоб и заглянул ей в глаза взглядом, полным какой-то взрослой усталой иронии или даже философии, плюс к этому, видимо, на правах незаслуженно обиженного, позволил себе добавить еще немного насмешки и осуждения.

Постояв так несколько мгновений и дождавшись, пока Жаклин перестала понимать что-либо вообще, он молча, медленно, с открытыми глазами оторвался от её лба и уже с улыбкой наслаждения от её растерянной реакции, склонив голову набок, приблизился к её губам. Ему тут же раскрыли свои губки навстречу, и, как только его язык первый раз прошелся по её языку и достал до нёба, он сразу же, оторвавшись, со спокойными, холодными интонациями лёгкого садизма прошептал ей прямо в губы:

— Я тебе покажу — «детей». — И тут же быстрым, умелым движением, расстегнув молнию пуховика, буквально ринулся руками дальше, «вглубь», под тёплый свитерок. Нужно было слышать этот первый стон радости и разочарования одновременно, когда он наткнулся там, в «недрах женского Мира», еще и на поддетую под колючесть свитера тоненькую маечку — судя по всему, наличие дополнительной преграды на пути к обнаженному телу девушки его разочаровало, но сам предмет гардероба тонкого египетского хлопка на ощупь понравился. Парень с кратким натужным стоном сгрёб трикотаж пальцами и буквально вырвал подол из джинсов, куда тот был заправлен хозяйкой еще дома. Когда же «обиженный» всё-таки добрался до цели, и прикоснулся к обнаженной нежной женской коже, и почувствовал, какая Жак под его ладонями вся изящная, гладкая и тонкая, его «лёд» вмиг растаял, и Александр в момент «помолодел», став обыкновенным восемнадцатилетним

юношей, наводнённым гормонами.

Он исследовал и наслаждался, заводился не на шутку и просто терял рассудок, накрывал губы девушки своими снова и снова, жадно их покусывая и посасывая, втягивал её язык к себе в рот и сосал его как безумный, внедряясь в неё своим языком, ласкал всё подряд, до чего мог дотянуться, полизывал её зубки и нёбо, надавливал, стараясь как можно более явно обозначить там своё присутствие, и пытался проникнуть в неё как можно глубже в желании слиться, соединиться, стать одним целым. Чувствуя, что напирает на Жак своим телом уже излишне сильно, и у той могут появиться болевые ощущения в спине от соприкосновения с бугристой корой дерева, он протиснул свои ладони ей за спину и, немного отстраняя от опоры, ещё больше вдавливал её в самого себя.

Жаклин из скромности старалась не показывать, как она этого ждала, но, кажется, у неё получилось плохо. На этот раз она не стала тянуться к его волосам, а положила раскрытые ладони прямо перед собой, на его пресс. Ничего задирать ему не стала — постеснялась, а принялась водить ладошками по его стройному, твёрдому, молодому телу под полами дублёнки, прямо поверх водолазки, которая оказалась на ощупь просто божественна, и с радостью принимала всё, что он ей давал: поглощала его стоны своими вдохами и усиливала его рычание своими стонами, не забывая, с готовностью и желанием, платить ему тем же: оттягивала его нижнюю губу, посасывая её своими губками, и дразнила, полизывая языком, потом рвалась Алексу в рот и присасывалась как к чему-то спасительному, оживляющему, дающему силы.

Она настолько потеряла голову и так глубоко погрязла в ощущениях страсти, что не сразу осознала, что уже какое-то время чувствует ЭТО.

Влюблённая, понятное дело, не заметила, когда «это» увеличилось настолько, что его присутствие стало невозможным игнорировать — и немудрено, но не в этом дело. Самым главным было то, что «это», на удивление Жаклин, было ощутимо большим, нежели она ожидала и готова была почувствовать не только здесь и сейчас, в этой весьма далёкой от интимности, обстановке, а вообще, в принципе. Оно упёрлось ей чуть пониже пупка и... и заставило остановиться.

Пораженная, перестала отвечать на поцелуи — Александр, почувствовав, что с предметом его страсти что-то не так, тоже замедлился и оторвался от неё, а Жак, не поверив своему животу, с открытым ртом начала медленно опускать туда, вниз, свои округлившиеся глаза.

Оба тяжело дышали.

До этого дня, в интимном смысле, Жаклин знала только одно «это» — своего мужа. Порно её не впечатлило после того как прошла закалку на практиках в гастрохирургии и травматологии. Поэтому такой уж вот прямо «трепетной ланью» она не являлась. Но то ли весь этот накопленный опыт оказался недостаточен, то ли его характер не подходил под ситуацию, потому как помог он мало.

Она понимала, что парень и сам, мягко говоря, немаленький, но... всё равно очень удивилась, обнаружив такие непривычно — неприличные для неё размеры.

А сам юноша всё это время с прищуром вглядывался ей в лицо, опять, в очередной раз, наслаждаясь её растерянной реакцией. Но думал, понятное дело, немного о другом.

«Аа-а-а-а... ф-фа-а-ак-к, господи, почему мы сейчас не где-нибудь, у меня, в Глазго!! — скрежетал он зубами, мешая имя Господа с матерными словами. — Я хочу в неё, мать вашу! Ч-ч-че-е-е-ерт!» — Юноша готов был сейчас буквально биться головой об ствол этого

самого дерева.

В следующий момент Жаклин, опустив глаза еще ниже, увидела... что Сула, судя по всему, уже давно несильно тянет Александр за правую штанину. Тут и до него самого дошло, что с его брючиной явно что-то не так.

— Сула, фу! — первой среагировала её хозяйка. — Фу! — Она ринулась к своему щенку и, наклонившись и разжав ему сведённые челюсти, подхватила на руки, зная, что так её хулиганку будет быстрее и проще отвлечь и успокоить.

— Какая у тебя защитница, — засмеялся МакЛарен. — Порвёт! — Он аккуратно запахнул дублёнку подальше от глаз девушки и собаки. — И оторвёт, — тут же добавил с улыбкой, но в следующее мгновение слегка дёрнулся и поморщился, когда низ полы ударился об то, до чего достал.

«Черт... и почему для дублёнок не придумали придерживателей?»

А защитница тем временем, как бы в подтверждение его слов, громко гавкнула на руках у хозяйки.

— Точно! Я же говорю! — засмеялся он, двинувшись распутывать корпус поводка.

«Святые небеса, чем занимался с ней её муж? — вспоминая реакцию девушки на свою эрекцию, подумал Александр. — Это с таким-то норовом и острым язычком офигела только от стояка в штанах. Другие на её месте уже ныряли туда руками, а она вон что... шуганулась. Да сама она... дитя... сексуально не возбужденное. А что будет, когда я его достану? Хоть бы в обморок не грохнулась и не убежала с воплями», — переживал и сокрушался обладатель «этого».

После того как хозяйка опустила-таки на землю свою питомицу, та, отряхнувшись, будто на руках её вымазали чем-то нестерильным, направилась «отмываться» напрямик в «чистые» воды Темзы. Парень с поводком в руке приблизился к своей девушке вплотную и, обняв её другой рукой за шею, притянул к себе поближе и, наклонившись к ушку, сказал очень тихо, не иначе чтобы не услышала грозная охранница:

— Еще раз услышу — накажу. — Он кратко пососал мочку этого же ушка и, наклонившись к шее и шумно вдохнув запах своей девушки, отстранился и отпустил её.

— Больше не буду, — прошептала провинившаяся на манер: «Ну это мы еще посмотрим».

Они прошли вдоль берега по направлению к городу, потом свернули на Thames Road.

Сумерки сменились теменью, и уже везде зажглись фонари. Ветер стих до полного штиля — в воздухе царили томность и умиротворение. Немногочисленные прохожие, в основном встречные, являлись почти поголовно так называемыми бегунами, которые стремились к реке — пробежаться на ночь глядя вдоль её берегов.

Александр несколько раз звонили. Он тут же отвечал односложными: «Да. Нет. Хорошо. Я понял. Перезвоню», — и, отключившись, опять прятал телефон в карман джинсов.

— Куда мы идём? — спросил он после очередного звонка. Они просто шли рядом.

— Ко мне.

— Вот так? Ты хочешь познакомить меня со своим мужем?

— Нет, — Жаклин отрицательно закивала головой. — Не хочу. Да я бы никогда такого и не сделала, не спросив твоего разрешения — это во-первых, а во-вторых, Чарльз сегодня будет играть в шахматы в клубе до полуночи.

— Он член клуба?

— Да.

— Оу, круто! — присвистнул парень. — Хотя о чем это я — он же преподаватель! Я как-то, признаться, всё время об этом забываю.

Они поговорили еще об Университете, о Глазго, о горах — Александр, оказывается, с раннего детства ходил в горы с дядьями и братьями — его отец не очень стремился к такого рода прогулкам, но сына, тем не менее, отпускал, хоть и не сказать чтобы охотно.

В горах Рональд с Кирком много общались между собой, вспоминали детство, друзей, случаи из домашней, школьной жизни. Десятилетняя разница в возрасте привела к тому, что старший Рон с детства был младшему брату вместо постоянно отсутствующего по делам бизнеса отца. И хоть жизнь сложилась так, что Кирк преуспел намного больше своего старшего брата, и его карьера бизнесмена сложилась несравнимо более успешно, Рон для него так и остался непоколебимым авторитетом и, что называется, надёжным тылом.

Для мальчишек горы, что и говорить, являлись великим событием. Только то, что собирались одни мужики, без женщин и девчонок, где можно быть свободней в выражениях и в поведении, возводило это события в ранг «из ряда вон». Они все поголовно приходили в восторг от суровых, полевых условий и соответствующей всему этому манеры общения, от возможности спать на открытом воздухе в спальнях мешках на гусином пуху, умываться утром в ледяном ручье или озере, разжигать костёр на ветру, понаблюдать, как горят грибы, готовить еду на костре или в золе, встретить в лесу ёжика, посмотреть фокус под названием: «вскрытие консервной банки обычной фунтовой монетой» и «розжиг огня с помощью пустой бутылки и картофелины», да и просто побегать вволю, не боясь попасть под машину, и покричать во всё горло, не опасаясь, что оглохнут соседи — это ли не счастье?

— Расскажи мне о своих дядьях и тётях вообще — кто они, как живут, какие у них семьи? — просто попросила Жаклин.

— Их четверо. Рональд из них самый старший. Он женился, и его отец, мой дед Яков, подарил им свою ферму в Килмарноке. Рон туда с женой переехали. Сейчас у них двое сыновей — Бен и Хэмиш — я тебе уже говорил о них. Кирк самый младший. Есть еще тётя Анна, которая вышла замуж и живёт в Америке. Детей у неё нет.

— Она живёт в Нью-Йорке?

— Не-е-ет... не в Нью-Йорке... — засмеялся Александр. — В Хьюстоне. Живу неплохо. Работают с мужем на каком-то заводе, выпускающем электронику для машиностроения.

— А у Кирка нет детей? Он был женат?

— М-м-м... нет. — Тут рассказчик слегка замялся. — У Кирка детей нет и женат он никогда не был, — и он замолчал молчанием человека, который не хочет распространяться дальше.

— Угу. Ясно. Поэтому он так привязан к тебе.

— Да, скорее всего, поэтому, — быстро закивал парень.

Пройдя по Norfolk Street, они попали на New Street, которой, несмотря на название, по факту стукнуло, наверное, лет шестьсот — семьсот, не меньше.

— Я пить хочу, — Алекс посмотрел на витрину KFC. — Подожди меня здесь, пожалуйста. — Он протянул хозяйке поводок с Сулой на конце. — Я куплю себе чай. Тебе купить что-нибудь?

— Нет-нет... спасибо, я ничего не хочу.

Парень, намеревавшийся было ринуться за чаем, остановился и опустил плечи.

— Жаклин... — он замялся и запустил руку себе в волосы, — я не стал сразу... ты только что переболела, еще мало времени прошло, но... ты опять очень сильно похудела и тебе нужно хорошо кушать. — Он сделал жест рукой, останавливая попытавшуюся было оправдаться собеседницу. — Я не знаю, куда и на что там смотрит твой муж, честно сказать, меня этот вопрос интересует уже давно, еще со дня моего рождения, — он замолчал, давая возможность Жак понять, о чем речь, а когда у неё в уголках губ заиграла осознанная улыбка, не удостоив её ответной, продолжил: — Но я не он. Я даю тебе сроку неделю, максимум дней десять. Если к этому времени ты не поправишься, я начну принимать меры. Понятия не имею, что буду делать, но что-нибудь придумаю, можешь даже не сомневаться.

— Ты не имеешь права, — сдвинула брови девушка, — моя внешность — это моё личное дело.

— Знаю, — чмокнул её в щечку Александр. — Десять дней, Жак. — Он выставил перед ней обе ладони с растопыренными пальцами, демонстрируя цифру «10», и исчез в дверях забегаловки, оставив моргающую правозащитницу на тротуаре.

А тем временем Сула...

А Сула тем временем увидела кошку. Вернее, кота.

Точнее, кота она заметила уже давно, еще на подходах к KFC. А вот сама хозяйка Жаклин, озабоченная своим любимым, ненаглядным Александром, только что удосужилась заметить, что её собака встретила кота, хотя это было в её же, хозяйки, интересах — выяснить: куда и почему тянется щенок.

Кот был большой. Огромный и, судя по всему, очень наглый. Не то белый, черными пятнами, не то наоборот. Даже сзади в нём угадывался матёрый враг, старый как сама Англия, и добрый как её Волан де Морт. Список званий и регалий этого ветерана сражений, закалённого в боях за главенство и влияние на улицах старого города, этого живого свидетеля бурных событий и старых добрых времён, своей длинной мог посрамить саму New Street, а рисунок шрамов, полученных в схватках, составил бы конкуренцию схеме трещин в фундаменте башни Magdalen College.

Он сидел задом к прохожим, мордой направившись во двор, у входа в который и расположился. Услышав сзади собачье дыхание и тихое поскуливание, котяра, видимо, закалённый жизнью в обожающей собак Англии, наострил уши, но с места не сдвинулся — он был не только тактиком, но еще и стратегом.

— Сула, фу. Забудь про него. Не нужен он тебе, — назидательно-нравоучительно посоветовала хозяйка. Её хулиганка, судя по всему, не поняла конкретно слов, но интонации голоса различила безошибочно и, поскулив еще чуть-чуть для порядку, уселась в позу низкого старта, всем своим корпусом устремившись в сторону наглого представителя кошачьих, видимо, не теряя надежды попортить шкурку этому весёлому старцу.

Жаклин, оставшись одна без своего студента, тут же погрузилась в раздумья и вернулась на сорок минут назад туда, к дереву.

Вообще-то, именно сегодня, на радостях от того, что сейчас происходит между ней и её любимым человеком, она захотела всё-таки перестать играть в игры и как-нибудь так незаметно и тонко признаться ему или хотя бы намекнуть на то, что после встречи с ним оборвала половую жизнь с мужем. Ей, вдруг ни с того ни с сего, очень захотелось, чтобы парень это знал. Но, после того, что почувствовала там, у дерева, девушка даже самой себе уже казалась какой-то меркантильной. Будто сжигает мосты за собой и Чарльзом только лишь после того, как почувствовала себя выгодоприобретательницей в плане размеров

«этого». Стыдобище, да и только.

Она так глубоко погрузилась в мысли и так расслабилась при воспоминании о дереве, что даже не почувствовала неладное.

И неладное не заставило себя ждать.

Сула, которую судьба сегодня явно испытывала на прочность, видя, что котяра не подаёт никаких признаков страха перед ней, тоже подозрительно притихла. Это была настоящая борьба нервов и характеров. Ну и, конечно же, куда уж юной фараоновой собаке до этого ветерана — у неё у первой сдали нервы, она «взяла слово» и громко гавкнула на всю NewStreet. Кот, как по щелчку стартового пистолета, справедливо решив, что пора, ответил молниеносным марш-броском внутрь двора, как бы увлекая собаку за своим пушистым хвостом. Ну и кто такая Сула, чтобы отказываться? Она с таким желанием ринулась с места, что вырвала из руки своей замечтавшейся хозяйки пластиковый корпус поводка.

Что вообще случилось, мечтательная хозяйка поняла плохо, но устремилась за собакой почти автоматически. Вбежав третьей во двор, она увидела, что кот прыгнул на спинку лавочки возле подъезда одного из домов и, думая, что псина его там не достанет, видимо, хотел задержаться, справедливо полагая, что воспитанные английские собаки на лавочки не прыгают.

Сула же, воспитанность которой никогда не была её сильной стороной, не колеблясь ни секунды, буквально взлетела всеми своими четырьмя грязными лапами на лавочку, наверняка немало удивив котяру и вынудив его продолжать движение вдоль дома, наращивая темп. Она, может быть, и дальше преследовала вероломного усатого хама, но пластиковый корпус поводка зацепился за кованую изгородь палисадника перед подъездом. Поэтому, застряв на лавочке, щенок стал топтаться на ней, подпрыгивая в негодовании и бессилии и громко, на весь двор, рассказывать коту, что он с ним сделает, когда всё-таки до него доберётся. А в том, что рано или поздно он это сделает, пусть кошачья морда даже не сомневается.

Но ни Сула в запале погони, ни Жаклин в том же самом, не обратили внимание на двух мужчин, стоящих почти рядом с лавочкой. Оба были одеты как работники обслуживания домов — в комбинезоны, а поверх них — в куртки таких же цветовой гаммы и материала. Один, который повыше и бледный лицом, стоял чуть поближе. Второй находился чуть дальше и смотрелся пониже ростом, немного рыжеват и с усами. Высокий, только лишь собака затанцевала на лавочке, подошел к ней и очень грубо скинул её оттуда, пихнув ногой. Та заскулила, упав навзничь на плитку тротуара, ударившись спиной, и тут как раз подоспела Жаклин.

— Сэр, за что Вы так грубы с собакой? Она же ничего Вам не сделала! — еще издалека начала девушка.

Высокий посмотрел на неё как на микроба.

— А мне не нравится, когда всякие шавки вымазывают лавочку, на которой я люблю отдыхать, — язвительно-медленно проговорил он.

— Я прошу прощения за свою собаку, но всё равно, это было очень грубо с Вашей стороны по отношению к незащитному животному, — закипала Жаклин, хоть и заметила уже, что оба мужчины не совсем трезвы. Она бросилась отцеплять корпус поводка. Сама же поборница чистых лавочек уже сидела, прижавшись к ограде палисадника.

— Не надо меня воспитывать. Ваша собака вымазала мою лавочку, и мне теперь её мыть, — явно с желанием продолжил мужчина. Усатый молча стоял рядом и ухмылялся.

— Ничего страшного она не сделала вашей лавочке. — Девушка уже справилась с поводком и собиралась покинуть двор.

— Да? Не сделала? Иди сюда, я тебе покажу. — Бледнолицый скандалист в два огромных шага подлетел к девушке, сгрёб своей ручищей ее пуховик на левом плече и потянул к лавочке.

— Отпустите меня, сэр! Сейчас же! — только успела крикнуть та, а Сула — ринуться к ноге мужчины, как кто-то сзади Жаклин молча взял мужчину за запястье так, что тот сразу же выпустил одежду девушки. После чего его тут же, за эту же руку, молниеносно слегка развернули задом к лавочке и...

Чпок!

И возле Жаклин уже никого не было.

Бледнолицый, сделав пару нелепых взмахов руками и столько же неуклюжих шагов назад, в конце концов грузным бесформенным кулем плюхнулся возле лавочки на задницу. Александр своим родным левым, хорошо отработанным хуком отправил любителя чистых лавочек аккурат к предмету его симпатии, правда, слегка при размахе задев плечом свою девушку. Поэтому он сразу же, молча, не глядя на Жаклин, отодвинул её двумя руками в сторону, потому что оставался еще и усатый.

— Ты что творишь, щенок! — кинулся тот к своему другу и начал пытаться его поднять. Но убедившись в тщетности своих попыток, ввиду лишней промилле в крови и, как следствие, проблем с координацией и тонусом в мышцах, двинулся на Алекса. — Тебя что, давно ремнём не пороли? Так я сейчас это исправлю! — Он трусливо вскинул подбородок и начал расстёгивать ремень, продетый в пояс комбинезона, маленькими шажками наступая на «щенка».

Молчаливый молниеносный апперкот снизу, прямо под вскинутый подбородок, усадил его почти рядом с его менее благородным, но более несдержанным коллегой.

Александр молча посмотрел на свои сбитые костяшки и повернулся к Жаклин.

— Идём, — только и сказал он и, взяв поводок из её рук, повёл Сулу со двора, которая всё это время поскуливала, раздираемая желанием хорошенько поругаться на это безобразие.

Медленно и неуклюже поднимаясь с тротуара, бледнолицый что-то крикнул о том, что он их из-под земли достанет, но парочка не обернулась.

Только выйдя опять на NewStreet, Жаклин поняла, что её всю трясёт. У неё тряслось руки, ноги и даже зубы. Увидев это, Алекс для начала взял её ладони в свои, но поняв, что это как мёртвому припарки, со словами:

— «Иди сюда», — сгрёб в охапку.

Она будто приросла к нему. Постояв с ним в обнимку некоторое время, у неё появилось чувство, что вот примерно как-то так она и родилась. Ну и, конечно же, в лучших своих традициях, оказавшись у Алекса в объятьях, сразу же успокоилась.

«Господи! — прижималась Жаклин к парню. — Ему ведь восемнадцать, а мне с ним несравнимо спокойней и надёжней, чем со взрослым Чарльзом. Как такое может быть? Всё дело в нём? Во мне? В любви? Не понимаю. Я уже ничего не понимаю. Кто он? Почему так?» — И, вздохнув полной грудью, задрала голову.

— Я больше никогда в жизни не назову тебя дитём. Клянусь!

Александр даже не улыбнулся, а с точностью до наоборот- выражение его глаз стало еще более серьезным и сосредоточенным.

«Я понял тебя, малыш. Я всё понял», — подумал он о том, что можно стать

полноценным мужчиной в глазах своей женщины не подчинив, а защитив её.

Дальше к дому Жаклин они шли уже довольно быстро и даже без происшествий. Было около восьми вечера. Окна квартиры четы Рочестер, сейчас тёмные и безжизненные, напоминали пустые глаза статуи из черного мрамора. Хозяйка открыла дверь своим ключом, и все трое вошли в прихожую.

— Проходи, располагайся, — сбросив пуховик и кинув его на тумбочку, Жак отцепила от поводка и подхватила на руки собаку. — Я сейчас помою лапы Суле и приду.

— Я помогу, — тут же отозвался гость, вешая и свою дублёнку, и пуховик девушки на вешалку и не предпринимая попытки осмотреться в помещении — для него всё здесь было того... Чарльза. Это был его дом, его быт, его мебель и... его жена, увы.

Жаклин остановилась.

— Не стоит, — сказала она доброжелательно. — Я быстро. А потом мы попьём чаю. Ты ведь хотел пить.

— Я и сейчас хочу. Поэтому помогу тебе. Чтобы побыстрее.

— Ну хорошо. Идём.

Когда они зашли в маленькое, тесное помещение ванной комнаты, воздух сгустился как горячая карамель. Но девушка решила не подавать виду и, поставив свою питомицу в ванну, включила душ.

— Подержи, пожалуйста, — попросила она добровольного помощника, протягивая ему держатель.

Александр молча взял душ и направил его на лапы Суле-грязнуле, Жаклин по очереди вычищала из всех четырёх песок, грязь и мельчайшую гальку. Щенок только жмурился и облизывался, но терпел и не дёргался — он уже привык.

Все молчали.

— Всё. Спасибо. — Жак выключила кран и легонько отжала лапы своей хулиганке. Как только она вынула щенка из ванной и начала обтирать его «собачьим» полотенцем, Александр присел и взял Сулину морду в свои ладони.

— Хорошая девочка... умная... молодец — поощрял он её к примерному поведению, глядя под глазами большими пальцами. Жаклин увидела, как воспалились и покраснели ссадины на костяшках его левой руки.

На морде фараоновой собаки было написано, что она изо всех сил старается соответствовать тем характеристикам, которыми награждает её молодой человек, но это не помешало ей пулей рвануть из ванной, почувствовав, что её уже помыли и более не задерживают, попутно сбив ведро со шваброй и мыльными принадлежностями.

— Сейчас побежит к своим тряпкам и начнёт в них вываливаться. — Жаклин ополаскивала руки под краном. — Тебе нужно промыть твои ссадины. — Она потянулась к ванной полочке. — Вот, возьми, это антибактериальный гель. Сейчас принесу тебе новое полотенце. — И она тут же вышла.

Вернувшись, хозяйка застала Алекса подставившим свои костяшки левой руки под струю холодного крана. Увидев вошедшую, он закрутил воду и взял у неё полотенце. Вытираясь, парень молча смотрел на девушку, улыбаясь своей полуулыбкой, полуухмылкой. Та, не дожидаясь, пока он закончит, взяла его руки в свои прямо поверх махровой ткани и, глядя ему в глаза, на ощупь высвободила его левую руку и стала поочередно целовать сухими поцелуями каждую сбитую костяшку.

Она дошла только до третьей — на большее МакЛарена не хватило. Скомкав полотенце

и, не глядя, швырнув его на стиральную машинку, он, толкнув Жаклин к стене, на которой висели махровые халаты и другие ваннные тряпичные принадлежности, и накинулся на неё, как человек, соскучившийся за год по морю, ныряет летом в первую свою волну.

Вроде бы Жаклин к этому и вела, но всё равно оказалась не готова — всё произошло быстрее, чем успела набрать воздуха перед «погружением». Вот она стоит с руками Алекса, а вот уже прижата его телом, и её руки вытянуты полностью вверх его руками, а его язык уже прижимается у неё во рту к её язычку, а губы в это время творят что хотят и даже больше.

Но Жаклин, уже успев худо-бедно изучить любимого человека, поняла, что что-то не так. То есть вроде бы всё, как и должно быть. Но всё равно что-то не то. Он после каждой порции поцелуев словно приостанавливался, ожидая не то её ответа, не то какой-то оценки, не то даже отмашки, и по тем звукам, которые в это время издавал — какой-то рык сквозь зубы, Жак поняла, что это звуки не только и не столько возбуждения, сколько звуки злости-Александр её не целует, он её как будто клеймит. В прямом смысле. Юноша хочет показать своё владение ею, свою власть над ней здесь, в этих стенах.

— Я твоя, Алекс. Твоя, — тут же выдохнула девушка ему в рот и лизнула его расслабленным широким томным языком.

Она хотела успокоить собственника, но добилась обратного — только лишь услышав её слова, тот стал извлекать из себя звуки несравнимо более низкого происхождения. Во всех смыслах. Он, с каким-то утробным гулом двигателей «Боинга 747», отпустил её кисти и схватил внизу за ягодицы.

А набрав полные ладони мягкого, женского тела и сжав так, будто хотел пропустить сквозь пальцы, загудел уже «Аэрбасом 380».

Жаклин никогда не думала, что такое вообще случается на белом свете. Они оба как обезумели. Девушка была в шоке от самой себя, потому что, почувствовав желание дорваться до голого, такого любимого, такого сладкого тела своего мужчины, ей вдруг захотелось разорвать эту его бесподобную чертову черную водолазку в клочья. Желательно зубами. Она тоже зарычала как и он — глубоко изнутри как молодая собака — первый раз в жизни, несмело пробуя на звук звучание своего молодого рыка, и с силой схватила его за волосы на затылке.

От этого её звука, и почувствовав хватку у себя в волосах, Александр, кажется, обезумел вконец, поскольку в один из моментов начал толкаться в неё своим пахом, как бы симулируя фрикции, и просто пожирать её рот своим. Девушка уже давно чувствовала его член чуть повыше своего лобка, но, не будучи «девственницей» в отношении «маленького» Александра», встретила его как родного. А «большой» Александр, видимо, был не в силах и не собирался скрывать или стесняться чего бы то ни было вообще — соображал он сейчас очень и очень мало, и, судя по всему, его регрессия прогрессировала.

Но, тем не менее, хватаясь за остатки разума и держась за свою девушку, что называется, из последних сил, парень всё-таки соображал, что все эти ваннные комнаты на вечеринках у друзей, стиральные машинки в доме у мамы, оргазмы на полном ходу автомобиля и иже с ними стоит приберечь на потом, и в том, что это «потом» наступит, он ни секунды не сомневался. Однажды, на одной из скучных лекций по этике и эстетике, вспоминая Жаклин, он размечтался, что когда-нибудь, где-нибудь глубоко в горах в хайлендсе, на открытом воздухе, совершенно голым будет заниматься любовью с такой же голой Жаклин. И в свидетели возьмёт только такое же голое небо и такую же оголённую землю. Вот такая у него получилась «нудистская» картинка.

Но всё это будет в будущем, а пока... пока очень буднично, очень просто и быстро, посреди всего этого безумия, чиркнул ключ в замке входной двери, она открылась, и кто-то вошел в квартиру.

Глава 25 Пирог с мясом

Глава 25 Пирог с мясом

Парочка тут же застыла, еле-еле сдерживая дыхание. Каждый посмотрел на своего партнёра, и оба очень сильно удивились, что им удалось сотворить друг с другом — они походили не то на бешеных, не то на полоумных: расфокусированный взгляд, губы всмятку, волосы как два вороньих гнезда: одно — белое, другое — черное, пружинками. Александр, глянув на свою девушку, прямо умилился своей работе и даже смог улыбнуться.

Но сквозило в ситуации и кое-что еще — обоим захотелось знать, о чем сейчас подумал другой.

«Ну что же, — решила Жак, — значит, так тому и быть. Жаль Чарльза».

«Мда-а-а... — расстроился Алекс, — кажется, мне сегодня тоже прилетит. И этот её Чарльз будет тысячу раз прав, если как следует врежет мне».

Они мигом поправили свою одежду, и «преступница», поняв, что время работает против них, сквозь приоткрытую дверь ванной вышла в прихожую. За нею тут же последовал её «подельник».

В прихожей, прямо на тумбочке для ключей, сидел Чарльз. Кисти его рук свисали с бёдер у него между ног, подбородок он уронил себе на грудь, волосы упали на нос — мужчина был беспробудно пьян.

В коридоре, за распахнутой настезь входной дверью, в замке которой торчал ключ, перебирала лапами Сула с вопросом на морде: «Ей уже можно начинать верить в чудеса, потому что, не успев прийти с прогулки, они уже опять открыли коридор, значит опять — гулять, или с чудесами еще подождать немножко?»

— Сула, домой! — тут же нетерпеливым тоном скомандовала ей хозяйка, приблизившись ко входу, и щенок походкой «я так и знала» поплёлся в прихожую, но войдя, тут же ринулся к Чарльзу. Собака встала хозяину передними лапами на колени и хотела было лизнуть его в лицо, но, почувствовав нехороший, резкий запах, отскочила.

И тут Чарльз стал заваливаться на бок, грозя свалиться с тумбочки и что-нибудь себе повредить.

— Алекс, помоги. — Жаклин, захлопнув дверь, ринулась к мужу. Тут же подскочил и помощник. Они с обоих боков взяли пьяного под руки.

— Туда. — Хозяйка кивнула подбородком на распахнутые двери гостиной.

Когда они с трудом подняли и затащили мужчину в гостиную, девушка кивнула на единственную дверь, сразу слева от входа, ведущую уже из гостиной.

— Туда.

Она потащили Чарльза еще и к этой двери. Жак пнула её ногой, и та легко распахнулась.

Их взору предстало типичное царство науки и мозга — кабинет хозяина квартиры. Помещение было не очень большим, размером с комнату Александра в общежитии. Во всю длину двух параллельных стен стояли этажерки, забитые до отказа книгами, журналами, папками, какими-то блокнотами и ежедневниками. Большую часть площади занимал внушительных размеров добротный письменный стол, заваленный тем же, чем и этажерки. У стены, противоположной окну, втиснулся довольно длинный, но узкий диван.

— Сюда, — кивнула на него Жак.

После того, как они уложили хозяина, она вышла назад в гостиную, подошла к столу и

взяла сегодняшний пирог с мясом.

— Вот, возьми и иди, пожалуйста, на кухню. Я сейчас приду. — И протянула блюдо гостю.

Тот пирог взял, но, выходя из комнаты, остановился боком в проходе и стал наблюдать.

Девушка, не обращая на «вуайериста» никакого внимания и вообще как будто напрочь забыв о его существовании, подошла к креслу в гостиной и откинула его сидушку. Внутри лежали сложенные аккуратными стопочками пледы. Она взяла один из них и опять прошла в кабинет, не закрывая за собой дверь. Жена сняла с мужа туфли и поставила их сбоку дивана, после чего подложила ему под голову маленькую подушку. Поняв, что этого недостаточно, прибавила еще одну. Пока она укладывала голову Чарльза, у него растрепались волосы. Жаклин поправила ему прическу, пятернёй зачесав её назад, потом расправила плед и накрыла спящего. Тут же активизировалась Сула. Увидев, что хозяина накрыли такой большой, отличной тряпицей, хоть от него и не очень хорошо пахнет, тем временем как чистенькую, послушную собачку Сулу уже давно не радовали обновками для её гнезда, она предложила хозяину поделиться и, схватившись зубами за угол пледа, потянула его на себя.

— Сула, фу! — шикнула на неё Жаклин и легонько щелкнула «барахольщицу» по носу. Та, пару раз чихнув, отскочила и понуро выдворилась в прихожую, где в углу на тот момент и «гнездовалась», аккуратно возле своих столовых приборов.

Пока Жаклин воспитывала собаку, у Чарльза свесилась с дивана рука. Девушка терпеливо поправила еще и руку и, последний раз взглянув на всю картинку в целом и подцепив пальцами его туфли, выпрямилась, намереваясь уходить, и тут же угодила глазами в Алекса.

Тот всё это время стоял неподвижно и молча наблюдал за всей этой... картинкой. Жаклин опять смотрелась как-то по-другому. И эта Жак была первая, которая была явно не его. Пока. Но, всё дело в том, что и эта ему тоже понравилась. Он смотрел на девушку прищуренными «тюльпанами» и удивлялся. Себе. Парень поражался не тому, что ему интересно видеть, как Жак общается со своим вдрызг пьяным мужем, а тому, что ему это вообще интересно, в принципе. Юноша понимал, что это означает что-то очень важное, но вот что именно, он пока не знал.

— Пойдём, — протиснулась хозяйка в проходе мимо гостя, застывшего как статуя с блюдом в руках.

Она по пути на кухню поставила туфли Чарльза в шкаф для обуви в прихожей, судя по всему, опасаясь мести Сулы (та, не получив плед хозяина, могла взять его туфли), и направилась в кухню.

Алекс двинулся за ней.

Кухня оказалась не очень большой, но и не тесной. Справа от входа светилось огнём от уличного фонаря окно, слева вытянулась вдоль стены кухонная мебель, по центру стоял круглый обеденный стол под большим английским абажуром.

Гость поставил пирог на стол и сел на стул рядом, а хозяйка помыла руки и начала хлопотать с чаем. Налила воды в чайник и поставила его на плиту — они с Чарльзом пользовались чайником со свистком, а не электрическим. Потом достала чашки. И чашки она достала разные: одну поменьше — для себя, другую побольше — для Александра. Тот это сразу же заметил, и у него почему-то потеплело внутри.

Правда, он быстро спохватился и так же быстро сообразил, что к чему:

— «Мда-а-а... кажется, мне конец, — выносил он себе приговор, пока Жак,

потянувшись повыше в шкаф, доставала большую, красивую, с китайскими мотивами, жестяную коробку для чая. — Я, мать вашу, гибну... мда-а-а. Мне она начинает нравиться любой... да и в ней тоже... всё подряд уже нравится. Поздравляю, чувак, ты приплыл», — пессимизму юноши не было предела.

— Какой ты любишь чай, Александр? — спросила Жаклин, открывая крышку и не поворачиваясь к гостю.

— Крепкий, — просветил её гость.

Хозяйка покопалась во множестве пакетиков, которыми коробка наполнилась до краёв, и, достав там, видимо, то, что ей нужно, положила его в чашку для мужчины, а потом, быстро взяв первый попавшийся лежавший сверху, кинула в чашку себе.

Сула присутствовала тут же и своим поведением напоминала шахматную фигуру — она садилась сбоку хозяйки и пыталась разглядеть, что делает та на столе. Не имея в этом большого успеха, в силу своих пока ещё скромных размеров, оставляла это дело и делала несколько шагов, как слон или конь по шахматной доске, и точно так же садилась перед Алексом, заглядывая на руки ему. Но и от этого толку оказывалось недостаточно, поэтому щенок повторял свои «ходы» до тех пор, пока гость не сжалился над этой «ладьёй» и не дал ей одну ржаную хлебную палочку, стоявшую на столе в специальной вазе. И «шахматная» собака, тут же сделав выбор в пользу парня, осталась с ним, видимо, поклявшись про себя хранить ему верность до самого конца чаепития.

Жаклин достала еще небольшое блюдо, наложила в него немного всяких сладостей, потом взяла еще два чайных блюдца и, залив кипятком кружки с пакетиками, всё это стала выставлять на стол.

— Ты его любишь? — принялся помешивать свой чай Алекс, наблюдая, как девушка разрезает пирог на шесть равных частей.

Жаклин на мгновение застыла, а потом молча продолжила делать своё дело.

Когда пирог был разрезан и два куска лежали в блюдцах, девушка встала и, потянувшись к одному из шкафчиков, достала пачку сигарет с зажигалкой.

Александр остолбенел. «Тюльпаны» приняли свой максимальный размах.

— Ты, что, куришь? — Он, легонько хлопнув ладонями по столу, сказал это таким тоном, как будто уличал её в том, что она бьёт свою Сулу розгами.

Сула, кстати, сидела тут же и, наблюдая, как хозяйка управляет с пирогом, подумывала, уж не изменить ли с ней гостю?

— Нет, не курю, но иногда... бывает. — Девушка начала вытаскивать сигарету.

— И ты думаешь, я разрешу тебе курить? — мужчина даже веселился.

— Позволь тебе напомнить — я у себя дома. — Курильщица взяла сигарету в рот.

— Твой дом — я! — Юноша выдернул у неё изо рта сигарету и сломал её пальцами.

От такой неслыханной, несусветной наглости и самонадеянности со стороны этого красавца остолбенела теперь уже Жаклин, но... но это прозвучало почти как признание, против которого она была абсолютно безоружна, если бы вдруг стала врагом самой себе и вздумала с этим воевать.

— А ты — мой, — видя, как она не нашла что возразить, продолжил красавец, кроша сигарету в руке.

Жаклин вздохнула, откладывая пачку.

— Давай пить чай.

Ярый борец за здоровый образ жизни взял со стола бумажную салфетку и, завернув туда

то, что осталось от сигареты, пошел с этим в ванную опять мыть руки. Поборница здорового образа жизни ждала его возвращения, пряча улыбку в уголках губ.

Когда они наконец-то приступили к церемонии, парень, размешав сахар, отложил в сторону ложечку и принялся пить из кружки, поставив локти на стол и посматривая на девушку. Которая в это время прихлёбывала горячую жидкость всё той же ложечкой, склонив голову к чашке, чтобы можно было спрятаться за волосами.

Но его не устраивало и это.

— Жак... — он поставил чашку на стол и убрал волосы девушке за ушко, скользнув напоследок костяшками по щеке, — я... - и тут же потёр мочку своего уха, — я сам ничего не понимаю, но мне с каждым днём всё труднее тебя с ним делить. — Он кивнул головой влево, на гостиную и кабинет.

Жаклин прихлебнула чай, уставившись на поверхность стола абсолютно невидящим взглядом.

— Я... мне... я понимаю, что ты еще не готова сделать выбор... — хотел продолжить было МакЛарен, но его перебили.

— Не было никакого выбора. — Девушка подняла голову и посмотрела на своего собеседника. Красавец в удивлении вскинул свои идеальные брови над прекрасными «тюльпанами». — Я всё расскажу, — мелко утвердительно закивала она. — Всё. — Жаклин с ужасом чувствовала, как ей не хватает сигареты. «Он прав — пора отвыкать от этого баловства». — Я, действительно, хотела тебе кое-что сегодня сказать. — Она еще раз взглянула на своего собеседника, потом помолчала, низко опустив голову, после чего продолжила: — Я не люблю своего мужа. Теперь я точно знаю, что не люблю. — Александр от этого признания так воспрял духом, что даже потянулся за пирогом. — Я... — Жаклин ломала пальцы, — я вышла за него замуж от одиночества. От полного одиночества — устала смотреть на пап и мам подруг в институте, братьев, сестёр, их парней, а у меня не было никого — дядюшка постоянно разъезжал по объектам, с мальчишками у меня не складывалось. — Она отхлебнула чай и улыбнулась. — Но я не жалею. Чарльз был мне хорошим мужем — он добрый, — Жаклин закивала и посмотрела на Алекса, запивающего чаем пирог, — он действительно добрый... заботливый, ненавязчивый, я не жалею, — повторила она, и юноша насторожился — было похоже, что девушка именно жалуется.

Чарльза рядом с Жаклин Александр пока что терпел только лишь потому, что она на мужа никогда не жаловалась, а даже наоборот, иногда защищала от его нападков. Первая же жалоба от неё на свою семейную жизнь — и парень планировал забрать её к себе в квартиру, которую снял ему Кирк в Оксфорде. В Университете установилась вполне оправданная традиция — первый год обучения обязательно прожить в общежитии, поэтому сейчас в этой квартире вместо студента жила какая-то партнёрша его дяди по бизнесу.

Но на третьем курсе МакЛарен планировал переселиться именно туда.

— А потом... — Жаклин остановилась, набираясь смелости, или, скорее всего, даже безрассудства, — а потом... этим летом... я встретила тебя. — Она с вызовом посмотрела на своего любимого человека. — Вернее, нет, не так, этим летом я увидела тебя. — Девушка отвернулась и посмотрела в окно, где виднелся только свет уличного фонаря и немного веток деревьев, росших у подъезда.

Александр молчал. Не перебивал.

— Понимаешь... — рассказчица обвела края чашки по контуру своими пальчиками, — благодаря тебе, вернее, благодаря тому, что ты заставил меня почувствовать, хоть мне пока

не удаётся разобраться точно, что это, — она решила, что еще не время ставить все точки над «і», — мне стало понятно моё отношение к мужу, да и самого начала... тоже. Как бы тебе объяснить... — Жаклин прищурилась, — это вот как... знаешь, как будто ты идёшь-идёшь, долго-долго в тёмном, дремучем лесу, и тебе совсем даже неплохо в этом лесу, совсем нет, тебе в нём тепло, сытно, сухо, тихо, никто не тревожит — всё классно, а потом неожиданно лес заканчивается высоким обрывом. И вот ты стоишь на краю этого обрыва, а с него перед тобой открывается огромнейшая красивейшая долина, огромнейшее — преогромнейшее пространство, И ты... и у тебя есть выбор: прыгнуть с этого обрыва или вернуться назад в лес. Прыгнув, ты или полетишь и научишься летать, или сразу разобьёшься. А вернувшись в лес, ты обречён постоянно вспоминать эту долину и огромную свободу над ней. — Девушка опять отвернулась к окну. — И я поняла, что больше не хочу назад, в лес. Не-хо-чу. Я уже увидела эту долину, и мне теперь мало леса. Мне теперь лучше разбиться на атомы над этим прекрасным местом, чем жить в... тихом, тёплом лесу. Мне даже стало обидно за себя — насколько на самом деле мало я имею, каким малым я обхожусь. Было ощущение, что я как объедки с чужого стола подбираю, как питаюсь продуктом моментального приготовления, понимаешь? Даже если ты сейчас встанешь и уйдёшь, и я больше никогда в жизни тебя не увижу, то всё равно уже не смогу больше жить с Чарльзом, не-смо-гу, — сказала она по слогам и замолчала.

Александр, немного восторженно взглянув, обласкал девушку взглядом.

— Я не уйду, Жаклин. Уже — нет. — Он скептически ухмыльнулся, что должно было означать:

«Поздно».

Она его поняла и даже застеснялась. А потом продолжила:

— Но этим летом Чарльз меня еще и очень сильно обидел, — с трудом выдавила из себя девушка, и взявшийся было за пирог, гость завис на полпути. Он сразу вспомнил, каким равнодушным проявил себя с «профессоршей» летом, как она ему тогда была индифферентна, по крайней мере, пока он не выпил, и у него защемило в груди: -

— Что он сделал? — отложил он пирог на тарелку.

— Ничего такого, что могло бы сразу прийти тебе в голову. Он... — Жаклин почесала лоб, — он оказался ко мне равнодушной, чем я могла себе предположить. Он не любит меня так же, как и я его.

— Когда он тебя обидел? — спросил Александр, хоть и понятия не имел: что ему это даст.

— В августе. После моего приезда от вас, — вздёрнула Жаклин подбородок. Юноша молча смотрел на неё, как бы подталкивая взглядом к подробностям, но рассказчица была к ним не расположена. Не сейчас. — Во-о-от... — продолжала она, — я на него сильно обиделась и с того самого момента, то есть с августа месяца, с ним не сплю. — Она вздёрнула подбородок еще раз и мягко положила раскрытые ладони на стол, как бы показывая, что у неё на этом всё. — Хотела сказать тебе именно это. Чтобы ты это знал, — скороговоркой подытожила рассказчица и испуганно скосила глаза на своего слушателя.

Тот сначала удивлённо посмотрел на неё, потом пальцами потёр один глаз, потом второй — он думал. Но не удержался и всё-таки мысленно заликовал:

«Аа-а-а... кайф-то какой! Я же говорил, что я везунчик!» — Ему очень захотелось притянуть девушку к себе на колени, а дальше... всё по сценарию. Но вырубить себе мозги сейчас, когда разговор еще не окончен, явилось бы полной глупостью и непростительным

упущением.

— Тогда что тебя с ним держит? — наконец-то выдал он удивлённо. — У вас контракт? Совместный кредит?

— Кажется, я тебе говорила, что у меня в Лондоне есть квартира моих родителей, вернее, моих бабушки и дедушки по линии отца. Кстати, тоже в Челси, как и у твоего Кирка, где вы ночевали с Анной после твоего дня рождения.

Красавец самодовольно улыбнулся, что ощутимо кольнуло его собеседницу — она отнесла эту улыбку к приятным воспоминаниям о той ночи. Но быстро всё это отбросила — сейчас он был с ней, поэтому прошлое — в прошлом.

— Если я разведусь с Чарльзом, то хочу уехать в Лондон и жить в своей квартире. Зачем мне снимать её здесь и работать тоже здесь, если лучше переехать и налаживать жизнь там — устроиться на работу, поселиться наконец-то в своём жилье, в своём родном городе?

— Ты могла бы попробовать жить здесь, со мной. — Юноша явно пробовал свои слова на слух.

— Ключевое слово — «попробовать», Александр, но пусть даже не в этом дело, жить где? В общежитии?

МакЛарен посмотрел на неё взглядом: «Думай, что говоришь».

— Нет. Мне Кирк снял квартиру в Оксфорде. Я перееду туда на третьем курсе.

Жаклин в непонимании часто заморгала и тряхнула головой.

— Зачем он снял тебе её сейчас?

— Ну-у-у-у... я ведь сейчас уже на втором. Он думал: я миную стадию общежитий. А мне посоветовали этого не делать. Он сейчас пустил в квартиру какую-то свою знакомую женщину.

Жаклин почесала ногтем висок — это было новенькое для неё. Но она тут же лукаво улыбнулась.

— Я бы согласилась жить с тобой даже в общежитии. — И её улыбка стала еще шире.

— Пфф... еще чего! — студент высокомерно вздёрнул голову. — Забудь! Я себя не на помойке нашёл, чтобы приводить свою женщину в общагу.

— Ну и зря. Тебе... — его женщина только хотела сказать «восемнадцать», но быстро осеклась и поправилась: — Ты еще не в том возрасте, чтобы располагать жильём. Кстати, в квартиру, снятую на деньги дяди, тебе женщину приводить не зазорно.

— Это не его деньги, это мои. Мой траст. — Молодой человек будто вколачивал каждое слово в поверхность стола. — Кирк крут, он заменяет мне отца, поддерживает, дарит нехилые подарки, но здесь все расходы на учебу и проживание — это мой траст. Дед за неповиновение лишил мою мать наследства, но оставил нам с Дженн по трасту. У меня попечитель — Кирк, у неё — Рональд, но с того дня, как мне исполнилось... — юноша улыбнулся, — восемнадцать, я сам могу распоряжаться деньгами. — Он помолчал. — Только у меня пока нет в этом необходимости — Кирк и так ни в чем мне не отказывает.

— Ясно. — Жаклин закусила верхнюю губу, потом улыбнулась — я подумаю над твоим предложением, но... но есть кое-что еще. — Она показала указательным пальцем на стену справа от себя, имея в виду гостиную с кабинетом и того, кто там сейчас спал. — Я не могу его сейчас бросить — он потерял мать, и с ним творится что-то непонятное.

Александр оттолкнулся от стола

— Ну начина-а-а-ается...

— Я серьёзно, Алекс, я впервые вижу его таким. Не помню, чтобы он так напивался. —

Девушка сосредоточенно закивала. — Не ожидала от него. Мне нужно убедиться, что это временное явление. Еще не хватало, чтобы после расставания со мной он начал пить. Я не могу подтолкнуть его к этому.

Молодой человек сидел, сцепив зубы.

— К тому же, до твоего третьего курса, когда ты переедешь в свою квартиру, еще ведь есть время, так ведь?

Александр, сощурившись и закусив уголок нижней губы, барабанил пальцами левой руки по столу, будто играл на пианино. Он — думал, Жаклин — ждала.

— Давай поступим так, — положил обе раскрытые ладони на стол мужчина, — пока оставим всё как есть, чего бы мне это ни стоило, — он посмотрел на губы Жаклин, — но я намерен вернуться к этому разговору в самом ближайшем будущем, желательно в другой обстановке и при другом настроении. Хорошо?

— Да, согласна, — закивала та головой. — Хоть и насчет ближайшего будущего не уверена — мне скоро на работу, я там почти две недели не была, придётся навёрстывать — тоже, наверное, недели две, а то и три, не меньше, так что...

— Я столько не выдержу! — испуганно-категорично тут же перебил её собеседники в ужасе замотал головой. — Это даже не обсуждается, Жак, я действительно не выдержу. Ты шутишь — три недели? — выражение его лица просто вопило о благоразумии его собеседницы и взывало к её здравомыслию. Но своим признанием он «включил» в ней совсем другое — девушка сразу же просто засветилась от счастья как рождественская ёлка. Ей даже не требовалось ничего отвечать, всё без труда читалось в её глазах. Между тем счастливица от избытка чувств приблизилась к любимому лицу и чмокнула его в его роскошный нос.

— Ты что-нибудь придумаешь, — и утвердительно зажмурилась, после чего перешла почти на томный шепот. — А теперь давай приступим к тому, зачем я тебя сегодня сюда привела.

МакЛарен даже перестал дышать. Его «тюльпаны» тут же вспыхнули как фары R8 перед стритрейсингом. В лучах этого света отлично виднелись бесенята, выскочившие откуда-то из «цветоложа» как из табакерки и талантливо танцевавшие джигу в предвкушении шабаша.

— Это то, о чём я подумал? — он приблизил свои губы к её губам. От одного голоса этого «властелина тюльпанов» можно было прикуривать.

— Именно! Даже не сомневайся, — бодро и по-деловому подвела итог девушка, отстраняясь от молодого человека и выпрямляясь за столом. — Итак, больной, идите в гостиную, раздевайтесь по пояс и ложитесь на диван лицом вниз, врач подойдёт к вам, как только освободится. — И она хлопнула ладошкой по столу.

— По пояс сверху или по пояс снизу? — сжал свои кукольные губы больной.

— Сбоку!

— Сбоку правого или сбоку левого?

— С обоих!

— Так, я всё понял, — начал подниматься пациент, — спасибо, было очень вкусно, мне пора. — Он отодвинул от себя пустые чашку из-под чая и тарелку из-под пирога.

— Александр... — попыталась остановить его Жаклин, — Алекс.

— До свидания, Сула, — встав со стула, обратился парень к щенку, который тут же, сидя, задвигал своим хвостом по полу как Q7, оставшаяся в Глазго, своими «дворниками» по лобовому стеклу во время весеннего шотландского ливня, — оставайся со своей хозяйкой. И

не более никогда — не подставляйся ей.

— МакЛарен!

— Да.

— Что ты хочешь взамен?

Пауза. Бесенята, которых как корова языком слизала фразой «Итак, больной...», повысовывали в любопытстве свои мордочки и плотоядно уставились на Жаклин.

— Ты хорошо подумала?

— Вообще не думала и не собираюсь, — сказала та с выражением лица «я тебе и так всё отдам, включая себя».

И тут взгляд больного упал на нетронутый кусок пирога своего врача.

Бесенята смиренненько, рядком, расселись на лавочке, и позажимали сложенные вместе копытца между коленок.

— Вот пирог. — Парень тоже сел и ткнул в тарелку девушки указательным пальцем. — Вкусный пирог, кстати, спасибо.

Кухарка кивнула на манер: «на здоровье».

— Я съел большой кусок, ты — не притронулась, поэтому у тебя фора. Мы с тобой доедаем его напололам, и я остаюсь, и ты издеваешься надо мной, пока не устанешь. Клянусь. — Он поднял левую руку в клятвенном жесте. — Если не съедаешь — я уйду.

Жаклин сидела как громом пораженная.

— Но ведь ты же знаешь, что мне половину этого никогда не съесть! — Отчаянье в голосе девушки слышалось настолько явственно, что заставило сидящую рядом Сулу кратко заскулить. Она как бы поддакнула своей хозяйке: «Да-да, вот именно! Только вместе со мной!»

— Садист! — процедила сквозь зубы Жаклин.

— При вас, доктор Рочестер, проявлять садизм, всё равно что при Паганини играть на скрипке. Ну так как?

Доктор Рочестер сникла, опустила плечи, обреченно глянула на Сулу, потом зло — на больного, потом на пирог — как на бомбу с часовым механизмом — последнее, что она сейчас хотела, так это есть.

«Может, выпроводить его, пока не поздно? Но ведь он сегодня не заснёт от кашля. Его просто необходимо немножко поддержать, подлечить».

— Я поставлю чайник.

— Умница! — и с рыком: — «Га-а-а-ам!» пациент кинулся зубами к шейке своего врача.

Она ела пирог с видом марафонца, добегающего последние километры при температуре воздуха 100 по Фаренгейту. «Садист» сидел рядом и млел от этой картинки.

— Нажо была тивя сжазу выпжаводить, — сказала «обжора» с набитым ртом, глядя на своего мучителя. — Не, не выпжоводить, спустить с лесс-с-ницы! Да, вот так было бы идеально! — и она подняла вверх свой пальчик в назидательном жесте.

Мучитель уже давно доел свою последнюю часть пирога и сидел как ни в чем не бывало, не выказывая на своём красивом лице и грамма перенасыщения или даже сытости. Услышав девушку, он расплылся в улыбке чеширского кота.

— Ты играешь с огнём, девочка. Я сейчас обижусь и уйду! — пригрозил он сладко-садистским голосом.

— Клятвопреступником, — скопировала его тон «девочка».

Когда она затолкала в себя свою вторую большую порцию, и перед ней осталась половина пятой, надвое разделённой, части пирога, девушка откинулась на спинку стула с видом человека, за которого не взялся бы даже их реаниматолог доктор Чейстер.

— Всё. Не могу больше. Не буду. Иди домой. — «Чревоугодница» отвернулась к окну.

Парень в притворном ужасе сцепил и заломил руки.

— О, нет, Жак, ты не можешь быть такой тряпкой! Ты упускаешь такой шанс! Соберись! Не сдавайся! Сделай меня! Ну-ка, давай, надери мне задницу!

— Шут, — бросила та, кратко повернувшись к своему «болельщику», и опять отвернулась к окну.

С «болельщика» тут же сошла вся притворная весёлость, сменившаяся трагичностью человека, только что похоронившего своего любимого хомячка.

— Ну что же, — обреченно сказал он, — нет, значит, нет. — Как бы смиряясь с ситуацией, фанат пожирательницы пирогов развёл руки и хлопнул себя по бёдрам. — Ладно... пойду я.

Получив в ответ полный игнор, он протянул руку к девушке и, взяв её сзади за шею, потянул на себя. Та в непонимании повернулась и тут же угодила под его губы. Он, не подключая язык, просто пососал её губки своим ртом, как бы одновременно и перемешивая их вкусы и закусывая её губами.

— Давай, я тебе помогу, — сказал он, оторвавшись, и улыбнулся.

Та, не веря своему счастью, и, как оказалось впоследствии, совершенно не напрасно, пододвинула к нему своё блюдо с остатком пирога.

— Это так мило с твоей стороны.

Алекс взял последний кусок пирога с её блюда и поднёс к её рту.

— Ешь.

Обманутая посмотрела на своего кормильца как на предателя всей Англии и сжала губки бантиком.

— Ы-ы, — покачала она головой, не разжимая рта.

— Ладно. Я там, кажется, тебе был должен? Долг погашен. — И, откусив почти половину половины пятой части пирога, он взял чашку Жаклин и отпил из неё большой глоток чая. Потом чуть пожевав, отправив в рот остатки злополучного куска, отряхнул руки и поднялся.

— Тэ-э-эк, уже мноо врэмни... чем ты там хотеа мне... не навредить? Пшли... не навредишь, — промычал с набитым ртом больной.

Врач тут же подскочила со стула и кинулась к нему на шею. Она со всей силы сжала его в объятьях и тут же отпустив, отскочила.

— Я сейчас. — Больной даже не смог быстро среагировать и обнять в ответ, только Сула кратко твякнула. — Иди, ложись в гостиную, — уже на пути на второй этаж почти прокричала доктор.

Пока врач с её «орудиями пыток» еще не пришла, пациент сделал всё так, как ему и было сказано: прошел в гостиную, разделся по пояс, стянув водолазку со спины, и улёгся на диван лицом вниз. И надо сказать, всё это он проделал не без удовольствия — да, ему было восемнадцать, но футбол это вам не шахматы.

Только лишь войдя в гостиную со своим чемоданчиком в руках, Жаклин задохнулась от вида вытянувшегося на диване стройного, молодого тела с голой клиновидной, красивой спиной. А она знала толк в этом. Будучи врачом, а перед этим еще и студенткой

медицинского факультета, доктор Рочестер много и долго осматривала, и прослушивала, и простукивала. Видела разные фигуры, да и просто тела, и с высоты своего опыта могла точно и определённо сказать, что природа отсыпала её мужчине полной мерой, не поскупившись.

Но за соседней дверью спал муж. Пока еще муж.

— Господи, Александр, что это? — воскликнула с порога девушка приглушенным криком. — Почему у тебя все лопатки в каких-то длинных кровавых царапинах? Кто тебе расцарапал всю спину?

Лежащий застыл на вдохе. Потом медленно начал отжиматься на локтях и разворачивать своё вытянувшееся лицо к докторше. Бесенята отставили каждый одну ножку на пяточку и сделали «руки в боки».

— Жаклин... — озадаченно сказал больной, — с тобой всё в порядке? Ты хорошо себя чувствуешь?

Врач умильно улыбнулась, подойдя, легонько нажала своей рукой больному на голову, укладывая его опять на поверхность дивана, и поцеловала от всей души в затылок.

— Я пошутила.

Тот, с кем только что так пошутили, только вздохнул.

Шутница для начала достала фонендоскоп и прослушала ему дыхание. Как она и ожидала, шумы в бронхах стали мягче, более пузырьчатые и переместились на вдох. Но выдох всё еще был слишком долгий и жесткий. Она попросила его чуть покашлять и когда услышала, что мокрота отделяется не сразу, а только при определённых усилиях, сделала вывод, что очень даже правильно поступила, затащив сегодня парня к себе и съев этот пирог. Хоть у неё и была надежда, что Александр бы не ушел, а позволил ему помочь.

Она выдавила себе на руки чуть-чуть геля «Пульмизима» (это почти аналог «Пульмекса», но более щадящий. «Эвкабал» ей не очень нравился) и... застыла — врач элементарно боялась прикоснуться сейчас к этому телу. Но, подбодрив себя улыбкой, всё-таки положила ладони на такую любимую, такую родную спину.

Александр был тёплым. И гладким. И молодым. Жаклин пришёл на ум термин «новый». Вот именно что новый. МакЛарен чувствовался новым, «с ноля» — от него шло ощущение только что купленной и принесённой из магазина вещи. У Жаклин чуть не выступили слёзы на глаза от этой ассоциации. Но она была врач, а непрофессионализм штука въедливая, поэтому доктор взяла себя в руки.

Тем более, что как только она начала водить по спине пациента руками, её отвлекли звуки, которые начал издавать этот бедолага. Это было что-то новенькое — он пел. Понятное дело, что не какую-то конкретную мелодию или даже песню. Он начал тихо тянуть букву «э», а трели выводила на этом звуке уже сама Жаклин, надавливая и сотрясая плечи и спину певца своими пальцами. Получилось забавно. Вскоре они оба не выдержали и засмеялись.

Хорошенько растерев больного и увидев, что вся его спина уже буквально «горит», доктор наложила на неё медицинские, невпитывающие салфетки, которые накрыла еще и новой, мягкой бумажной пелёнкой, после чего, придерживая всё это, попросила переворачиваться.

Что тот и сделал. И оказался лицом к лицу со своим доктором.

Что касается врача, то, получив такой набор тактильных ощущений от этой бесподобной любимой спины, она уже была готова ко всему, поэтому смогла сохранить на лице вполне себе профессиональное, отстранённое выражение. Больной же, получив набор своих

тактильных ощущений, держался, судя по поволоке в глазах, из ряда вон плохо. Только лишь развернувшись, он, сам еще не поняв, что сделал, как положил свои обе ладони на груди врача, прямо поверх тёплого шотландского свитерка.

Бесенята не заставили себя долго ждать и тут же искупали хозяина в овациях.

— Жак... — прохрипел вмиг охрипший пациент.

Доктор же в ответ просто «прибила» его взглядом.

И словом.

— Для вас, мистер МакЛарен, я доктор Рочестер. Руки уберите от врача, исполняющего на данный момент свои непосредственные профессиональные обязанности, кстати, в отношении Вас же, сэр, пытающегося вам помочь.

— У-у-у-у-у-у... — отдёргнув руки, бедный больной выгнулся дугой, откинув голову и опёршись на локти и выставив доктору свой молодой кадык, памятуя о муже в кабинете, тихонечко и сдержанно не то завыл, не то заскулил.

— Да, помочь! — отчеканил врач. — И будьте так любезны умерить свой пыл и вести себя прилично, чтобы мне не пришлось надевать на вас наручники.

Только произнеся слово «наручники», строгий врач поняла, что она на самом деле сказала и осеклась.

Но пациент это понял секундой раньше.

— Нару-у-у-у-у-учники... — протянул он с таким лицом, какое обычно бывает у нормальных людей, когда они говорят о красивых белоснежных парусниках в океане.

Бесенята прошлись колесом, а один, самый талантливый сделал сальто-мортале.

А Жаклин тем временем продолжила.

Она выдавила себе на руки гель и приготовилась было опять начать растирать Александр зону бронхов, но, занеся руки над его торсом, сделала одну ошибку — заглянула ему в глаза. Бесенята наперебой махали ей своими копытцами и посылали воздушные поцелуи. Один бесёнок, а особо талантливый и пластичный, прошелся «лунной» походкой.

— Так, — сжала губы девушка и стала оглядываться вокруг, — это никуда не годится. — Она достала одну из бумажных медицинских салфеток, неловко сложила её руками, вымазанными в геле, в широкий валик, и положила Алексу на глаза как загорающему на пляже. Когда тот попытался убрать эту... накладку, прозвучало:

— Только попробуй!

Ответом ей была улыбка «сдохни от зависти, Том Круз».

И только после этого врач опустила руки на плоть подопечного.

Жаклин и сама-то толком не понимала, на чём держалась. Всё-таки профессионализм — это убойная вещь. Растирая любимое драгоценное тело, которое мечтала перецеловать буквально по миллиметру, доктор чуть ли не плакала — это было по-настоящему жестоко. Её спасало только то, что у Александр были накрыты глаза, и она могла своим взглядом и пожирать, и ласкать его торс сколько угодно.

Оба молчали.

Закончив с торсом, врач так же, как и спину накрыла его салфетками, а сверху — пелёнкой. И опять попросила перевернуться. Её послушались. Но, послушавшись, не преминули тихо пробубнить что-то там на манер: «И чего мне, идиоту, не жилось спокойно», сделав тем самым удовольствие исполнителя экзекуций от всей процедуры почти полным.

Врач сняла со спины и салфетки, и пелёнку и, отклеив от согревающего пластыря

защитную наклейку, наложила его больному на одну половинку спины, аккуратно напротив нижних ответвлений бронхов — при прослушивании ей слышалось, что из верхних мокрота и воспаление уже ушло. Проделав тоже самое с другой половиной спины, она прошла к креслу и, достав еще один плед, среди мохерового индийского, перуанского из шерсти альпаки, и шерстяного шотландского выбрав последний, укрыла им больного.

— Тебе нельзя еще вставать — на груди у тебя гель не впитался. — Она пересела на кресло. — Нужно минут десять полежать. Потом я сменю салфетки на пластырь, и ты сможешь быть свободен.

После слова «свободен» «мученик» закатил глаза и отвернулся к спинке дивана.

— Хочешь, я тебе почитаю вслух? — вдруг предложила услужливая хозяйка.

— Я засну.

— Вот и здорово.

— И просплю до утра.

— А это вообще то, что доктор прописал — тебе после растираний нежелательно выходить на улицу.

— А что ты скажешь мужу утром?

— Что я тебя знать не знаю — вчера вас обоих кто-то привёл к дому полностью «готовых», и я разложила вас по диванам.

Потенциальный собутыльник Чарльза обернулся и уставился на потенциальную лгунью так, будто бы она попросила дополнительную порцию пирога с мясом.

— Да вы, оказывается, страшный человек, доктор Рочестер, с вами опасно иметь дело. — Бесенята выстроились в почётный караул и палили из пушек.

— Ты мне льстишь, но я буду стараться оправдать твои ожидания. — «Страшный человек» поклонилась. — А ты любишь читать, Алекс?

Парень скривил губы.

— Смотря что.

— И что же?

— Ну, если ты о художественной литературе, о всяких там Гюго, Золя, Мопассанах и Хемингуэях, то — нет, всю эту муть мутную я не читал — не моё.

«Но перечислил довольно бодро», — заметила врач.

— Вернее, читал, конечно, но совсем чуть-чуть по программе. Я всегда любил энциклопедии, справочники, журналы всякие, короче всё, где была голимая, отборная информация, знания в голом виде. В интернете инфу рыл.

— И что же ты... рыл?

— Про войны всякие. Мне нравились сражения, битвы, — мечтательно вспоминал юноша, — это интересно. Древние войны: Карфаген, Александр Македонский, Пирр. Когда еще оружие было примитивным и многое зависело от самого воина, от его умений, физической силы, ловкости. А не то что современные — бах-бах и сто трупов — это неинтересно. Я любил холодное оружие, много читал про все эти самурайские японские мечи: тати, кото, нагината, шотландские палаши, клейморы, баллоки — сталь, графит, рукоятка, заточка, все дела. У Кирка, кстати, всего этого целая коллекция.

— У тебя, наверное, в школе был любимый предмет — история?

— Нет. — Лежащий скептически скривил рот. — У нас по истории была дура. Она меня достала своей тупостью — вечно втирала нам про революции да про смену какого-нибудь там общественного строя, да форму власти, чем они отличаются и почему их нельзя путать

— бр-р-р... нудятина. Я любил физику, математику. По физике я тоже много чего читал, рыл. Занимательную физику очень любил — кинетика, скорость, самолёты, вечный двигатель, да много чего. А ты? Что любила ты?

Девушка медленно, глубоко вздохнула и пожала плечами.

— Читать. Книжки всякие любила читать про людей, про их жизнь, про их чувства. — Она перевела взгляд вверх, как бы пытаясь там освежить свою память. — Я всегда жила или в маленьком обществе экспедиций, где мало народу, или в больших городах, где никого не знала, да и вообще, там тоже никто никому не нужен, все живут отдельно от всех, поэтому я любила читать про всякие там маленькие городки и кварталы, где люди давно живут друг с другом, где все друг друга знают, где весело и уютно.

— У тебя есть любимая книга? Любимый писатель?

— Одного нет, штук пятнадцать могу назвать.

— И?

— Ну-у-у-у... Ремарк, Маркес, Мураками.... Драйзер, Оруэлл, Остин, По, Стейнбек... да много их.

Услышав список, «отскакивающий от зубов» девушки, Александр не удержался от мысли:

«И что она во мне нашла, интересно?»

— Ты чем-то похожа на Эшли... — сказал он вслух, — она тоже очень любит читать. У неё примерно такой же список.

Они поговорили еще немного о школах, одноклассниках, учителях, померялись оценками, и навскидку Александр оказался впереди, но ненамного.

Минут через пятнадцать врач встала и, подойдя к больному, сняла с него плед.

— Перевернись, пожалуйста, — мягко, с любовью и улыбкой попросила она своего пациента.

От таких интонаций тот даже не стал злиться и перевернулся.

Жаклин с его торсом проделала тоже самое, что и со спиной, наклеив согревающие пластыри.

Бесенята улыбались и вертели на копытцах наручники.

— Пластыри будут греть дня два. Не снимай их, пожалуйста. Они антиаллергенные, поэтому...

И тут у Алекса в кармане джинсов зазвонил телефон. Он тут же спохватился и, достав аппарат, ответил.

— Да.... да, привет... — он послушал ответ. — Кто? Сразу за Лугом Ангелов? — парень оживился. — Так-так-так, прямо на площади? Вау, это круто, чувак, мне подходит! Спасибо, что набрал меня. — Он опять помолчал, прослушав ответ. — Да. Я жду. Давай. — И отключился. — Откуда я могу позвонить? — тут же обратился он к врачу. — Это насчет парковки — хочу после Нового года приехать сюда на машине.

— Из кухни, но сначала оденься, — отрезала врач.

Александр быстро натянул свою водолазку, даже забыв про пластыри, хотя при других обстоятельствах долго бы ныл, куксился и кривился, и ринулся на кухню.

Сначала он ждал, пока ему пришлют номер телефона хозяина дома, у которого имелось свободное парковочное место. Когда он позвонил, то оказалось, что это древняя старушка «божий одуванчик», которая ничего не решает, а всем заведует её дочь. Он попросил старушку прислать телефон её дочери. Пока старушка отсылала телефон Александр своей

дочери, а потом еще он долго торговался по поводу платы — «Всегда торгуйся, — говорил Кирк. — Всегда. Торгуйся еще до того, как узнал цену и условия. Даже уже после того, когда якобы согласился, говори, что передумал и торгуйся опять», — прошло уже много времени.

Поэтому, когда усталый Александр, договорившись о парковке, вернулся в гостиную, он увидел девушку, свернувшуюся калачиком на том же месте, где недавно лежал он сам — она сладко спала.

От этой трогательной, уютной, мирной картины у парня распёрло грудь. Он не выдержал и, подойдя к дивану, опустился возле своей девушки на колени. Его буквально разрывало на части от вида этого нежного, трепетного, бесконечно сладкого создания, так доверчиво, так, даже как-то по наивному, вот просто так уснувшего на диване. Ему захотелось, чтобы сейчас ей угрожала какая-нибудь жуткая опасность, тогда бы он загрыз эту угрозу зубами, а то, что не смог бы загрызть зубами, разорвал бы руками, а то, что не порвал руками, отпинал бы ногами. А потом...

А потом до утра сидел и смотрел на неё, и сторожил бы её сон.

Встав с колен, юноша прикоснулся к девушке и та, зашевелившись, выпрямилась, чем он тут же воспользовался, подсунув свои руки ей под коленки и шею и подняв.

— Ш-ш-ш-ш... спи-спи, — опять сказал он, как и тогда, в поезде, когда она слегка пробудилась. — Я отнесу тебя наверх.

Жаклин тут же, поняв кто она, где она и с кем она, крепко обняла Александр за шею, прильнув к нему со всей своей нежностью и любовью.

Парень поднялся по лестнице на второй этаж и, увидев там две двери, лишь одна из которых была открыта, прошел именно туда, справедливо решив, что это и есть спальня.

Это она и была. Он аккуратно положил девушку на кровать и та, почувствовав знакомую упругость матраца, нащупала рукой край покрывала и накинула его на себя, после чего протянула руку к своему гостю.

— Полежи со мной. Пожалуйста, — попросила тихо, не открывая глаз.

Бесенята, просто убитые горем оттого, что шабаш откладывается на неопределённое время, рыдали на плечах друг у друга, громко сморкаясь в батистовые платочки, держа их в своих копытцах, и промокали ими уголки глаз.

Конечно же, он не мог ей отказать.

Лёг рядом, обняв девушку поверх покрывала.

— Але-е-екс... — пробормотала соня, — а где ты научился так драться?

«Ну, наконец-то! Я уж думал, она совсем не впечатлилась», — с облегчением выдохнул боксёр.

— Я четыре года занимался боксом, — его голос был тих и спокоен. — Да и сейчас еще... иногда... тайком от матери тренируюсь. У меня хорошо поставленный удар, Жак, — не смог удержаться он от хвастовства.

— Ну надо же... — продолжила бормотать девушка, — и этот человек называл меня страшной женщиной. А сам... — Она поцеловала водолазку своего боксёра в районе ключицы. — Сейчас... я чуть-чуть полежу и провожу тебя.

— Не надо. Спи. Я закрою за собой дверь. — Он погладил её по спине.

Ответом ему был еще один поцелуй водолазки. Они затихли.

Когда парень услышал у себя на груди равномерное, глубокое дыхание, то потихоньку высвободился и встал. Укрыв свою драгоценность второй половиной покрывала, он чуть постоял рядом с кроватью, после чего вышел из комнаты, не закрыв за собой дверь.

Спустившись в прихожую, он увидел Сулу, которая тут же подняла к нему свою породистую мордочку в ожидании команды: «Гулять».

Парень вспомнил, что, когда Жаклин доставала из шкафа эти свои сигареты, он увидел на нижней полке пакеты корма для собак. Пройдя на кухню и достав один из них, отсыпал содержимого в миску собаке, которая начала хрустеть своей едой тут же. Затем поставил корм назад и, взяв кружку из другого шкафа и налив в неё воды из-под крана, наполнил собачью поилку.

Потом он прошел в гостиную и выключил там свет. Зайдя в кухню, сгрёб со стола злополучную пачку сигарет и смял её в руке. Выключив свет и в кухне, гость вышел из квартиры в полной темноте, сопровождаемый звуками хруста кормовых гранул под зубами Сулы, и тихонько закрыл за собой дверь.

Выйдя из подъезда, он выбросил смятую пачку сигарет в урну и направился в сторону центра города Оксфорд, Великобритания.

Глава 26 Трогательные геи

Стук каблучков о старый деревянный пол коридора студенческого общежития колледжа Святой Магдалены в пустоте пространства отдавался эхом по стенам и, не имея выхода ввиду полного отсутствия окон, оставался в длинном узком «рукаве» помещения. Звуки эха предыдущих шагов смешивались со звуками последующих, создавая стойкий, монотонный шум с отбоем. Девушка шла ровным спокойным шагом, не маршируя как солдат на плацу, но и не стесняясь напирать на пятку, под которой был подкованный каблук добротного, с высоким голенищем, кожаного сапога от фирмы «ессо».

Она не спешила. Но и не медлила. Пусть даже в спрятанных в нагрудных карманах куртки руках, сжатых в кулачки, сквозила некоторая доля неуверенности и нервозности. К тому же несколько нагнетала ситуацию полная безлюдность и пустота помещения, в которой её шаги звучали чуть ли не зловеще. Пройдя почти весь коридор до конца, она остановилась напротив третьей двери от торцевой стены и тут же постучала. Три раза.

Тук — тук — тук.

В комнате послышалось шевеление и за ним, сразу же, приближающиеся шаги.

Дверь распахнулась.

Распахнул её высокий, красивый молодой блондин, одетый в черное трико фирмы «Nike» и горчичного цвета футболку с принтом одной из старинных эмблем «Черной стражи» — сорок второго шотландского полка Британской империи — в виде звезды с надписью поверх неё: «Black Watch». Как только он увидел, кто к нему пожаловал, его, и без того угрюмое, сосредоточенное выражение красивого лица сменилось на еще более недовольное с примесью страдальческого. К которому он, тем не менее, тут же, после молниеносного закатывания глаз, добавил изрядную долю вежливости и внимания.

Но всё-таки остался предельно сух и краток.

— Слушаю, — проговорил он, не предлагая войти.

— Я к тебе, — объяснила приветливым тоном гостя со смущенной улыбкой.

— Угу... — блондин сделал свои фигурные губы дудочкой и опустил подбородок.

— Мне нужна твоя помощь.

— Да что ты говоришь! — взлетели в притворном изумлении длинные, идеальные брови хозяина комнаты. Как же ему всё это было знакомо — все эти «девы в беде» и помощницы, из которых первые всегда нуждаются в твоей помощи, а вторые — жаждут тебе её оказать.

Он немного помедлил, но всё же отступил с прохода.

— Ну, входи. Только побыстрее — у меня мало времени.

* * *

Чарльзу дали группу.

Группу под названием «Центр научных исследований Новой Европейской истории Оксфордского Университета». Его назначили руководителем тех работ, которыми он занимался последние четыре — пять лет. Именно своё новое назначение он и обмывал столь обильно и тщательно вчера, в воскресенье.

Звонок от Габриэля Горовица — профессора кафедры Новой истории, на которой преподавал и сам Чарльз, застал его сидящим в библиотеке и просматривающим журналы на предмет статей с последними трудами американских политологов и социологов по

полипарадигмальному подходу к социальному пространству. Звонивший сообщил, что позавчера, в пятницу, на очередном заседании миди-кворума конвокации, совместно с приглашенными туда руководителями их кафедры, приняли решение именно Чарльза поставить руководителем работ «Группы Европы», как её кратко называли историки Университета, после того как месяц назад её предыдущий глава Филипп Бинни на два года уехал работать в Канаду. А уже сегодня ему, Горовицу, стало известно, что решение завизировал канцлер.

И вот тут Чарльза прорвало. Мужчина уже просто не выдержал.

Конечно, он не расплакался в следующую же секунду. И даже не рассмеялся. Но эмоциональное напряжение последних двух недель после смерти матери было настолько тяжелым и гнетущим, что первое же значимое радостное событие повлекло за собой очень мощный всплеск. Он понял, что пришло время позаботиться о психике и немного расслабиться, иначе метание между приступами стыда, волнения и беспричинного веселья на ближайшие дни пять-семь, а если не повезёт, то и дальше, ему обеспечены. И вот, чтобы избежать всего этого, мужчина решил тотчас выпить. Немедленно.

Что и проделал с большим успехом. Со счастливой улыбкой на губах и влагой в глазах поблагодарив своего коллегу за отличную, чудесную новость, он отключил телефон и, сразу же бросив все дела в библиотеке, отправился в паб.

На следующее утро Жаклин проснулась от громкого голоса мужа, доносящегося снизу, из гостиной. Она посмотрела на часы в телефоне — было без пятнадцати минут девять. Вчера немного поспав после ухода своего любимого гостя, она встала и спустилась на кухню: убрала там остатки их пиршества, заметив отсутствие своих сигарет, уложила все медицинские принадлежности в гостиную, и только после этого переоделась и легла спать дальше. Будучи под впечатлением от того, что происходило между ней и её студентом в тот день, девушка хотела немного полежать, подумать обо всём этом, но провалилась в сон быстрее, чем смогла вспомнить, с каким счетом проиграла его команда.

Под звуки голоса Чарльза она, набросив халат, спустилась вниз и застала мужа и Сулу расхаживающими по гостиной туда- сюда. Мужчину — с телефоном у уха, Сулу — с каким-то маленьким красным лоскутком в зубах. Увидев хозяйку, собака тут же кинулась навстречу в предвкушении прогулки, выронив по дороге свой строительный материал для «гнезда», и получила от Жаклин в качестве приветствия и обещания почесывание за ушками.

Судя по отрывкам фраз, Чарльз договаривался о переносе занятий и просил поискать свободную аудиторию. На нём был его тёмно-зелёный махровый халат в полоску и комнатные тапочки, влажные после душа волосы он растирал маленьким итальянским полотенцем.

— Мардж, ну я же не химию преподаю, мне не нужно спецоснащение, мне подойдёт любая обычная комната двадцать на пятнадцать футов со столами и стульями внутри, ну неужели я так много и так часто прошу! — он помолчал, прослушав ответ. — Очень надеюсь. Перезвони мне потом, хорошо? — сбросив вызов, супруг обратил внимание на свою жену. В ответ на её тревожный взгляд с налётом ожидания, он немного смутился, но тут же заулыбался.

— Доброе утро, дорогая. — Повесив полотенце вокруг шеи, Чарльз подошел к супруге, обнял её за плечи чуть выше локтя и чмокнул в щеку. От него пахло мужским шампунем и зубной пастой. — Прости за вчерашнее, но у меня прекрасные новости: «Группа Европы» — моя.

— Правда? — тут же встрепенулась и забыла обо всём Жаклин. Она, конечно же, не планировала сегодня утром долгий, сложный разговор о непотребном виде, в котором явился вчера её благоверный, но, тем не менее, очень хотела показать ему и дать почувствовать своё негативное отношение к тому самому случаю, когда подобное поведение входит в привычку. Но раз уж всё разъяснилось так скоро и на такой радостной ноте, девушка сразу же оставила вчерашний инцидент в прошлом. — Тебя назначили?

— Да.

— Это чудесно, я очень рада за тебя, дорогой. Поздравляю!

— Спасибо. Я тоже очень рад.

— Как ты узнал? — Жаклин всё искала на его лице признаки тяжелого похмелья и не находила. Видимо, новость была для него чудесной во всех смыслах.

— Вчера мне звонил Горовец.

— Оу, ну если сам Горовец, то тогда группа у тебя в кармане. Смотри... не заважничай только, — тут же пошутила она, положив кисти рук мужчине на грудь, — ты ведь теперь руководитель.

— Руководитель — это, прежде всего, ответственность, Жак.

— Оплачиваемая ответственность.

— Да. Где-то около трети к окладу.

— Здорово! Заживёшь! То есть... заживём, я хотела сказать, — с улыбкой и заговорщическим видом потёрла ладошки меркантильная жена.

«Это очень хорошо, что у него появились успехи на работе».

— Да-а-а... — он встал сбоку и обнял её за плечи одной рукой. — Вот поднакопим немножко и полетим в Мексику, а! Помнишь, как мы мечтали?

— Помню. Можно и в Мексику. — Она высвободилась из объятий. — Но... думаю, для начала всё это дело нужно хорошенько отметить. К тому же мы уже давно у себя никого не собирали. Ты как? Может, закатим как-нибудь на днях вечеринку?

— Я с удовольствием. Когда? — поднял на неё брови супруг.

— Точно не скажу... — сразу озаботилась интриганка, — мне нужно выйти на работу, посмотреть, какое мне поставят расписание на ближайшие десять дней, и потом уже смогу сказать, когда буду готова. Хорошо?

— Отлично. — Чарльз опять слегка прижал её к себе — он любил весь белый свет.

— А сейчас давай я что-нибудь приготовлю, и мы вкусненько поедим. Ты выгуливал Сулу, кстати? — девушка в очередной раз высвободилась из объятий.

— Вывел её только на пять минут. И уже попил чаю. Осталось только переодеться, и я должен бежать. — Муж всплеснул руками. — Горовец велел мне сегодня утром явиться сразу на кафедру — принимать дела. Нужно определиться с датой вводного собрания, я буду его вести и должен к нему тщательно подготовиться. Не помешает зайти в группу: посмотреть бумаги Филиппа, и что у него там в электронном виде, поговорить с ребятами — в общем, дел по горло. Но думаю, к вечеру я буду дома — занятий у меня сегодня немного — только одна пара, и то, если Мардж найдёт аудиторию, а если нет, то и его придётся вынести из расписания. А ты? Какие у тебя планы? Как ты, кстати, себя чувствуешь?

— Я здорова. Сейчас позвоню в больницу, спрошу, кто там сегодня из терапевтов сможет меня принять — зайду закрою больничный.

— Встретимся вечером?

— Угу. — Почесала затылок Жаклин.

— Я побежал. — Муж поцеловал еще раз жену в щеку и направился было на второй этаж. — Кстати... — не успев сделать и шага, он тут же развернулся, — а как я оказался на диване в кабинете? Я сам пошел в кабинет?

— Нет. Это я тебя туда дотащила. — Жена даже глазом не моргнула.

— Ты? Одна? — Чарльз потоптался на месте.

— Нет, не одна. — Она в шутливой гордости вскинула подбородок.

— А с кем? — простодушно заморгал глазами муж.

— С Сулой! — выкрикнула девушка и рассмеялась.

— Жа-а-а-ак, ну зачем ты надрывалась... — он опять двинулся к ней, чтобы обнять, — нужно было оставить меня на диване в гостиной — он и удобней и ближе.

— Нужно было пить меньше, и тогда бы ты сам смог выбрать себе лежбище.

«Лучшая защита — это нападение».

— Да, ты права. Но ведь не каждый же день дают руководство группой, правильно? — мужчина опять приблизился. — Извини меня. — И виновато поцеловал жену в лоб.

— Извинения приняты. Кстати, вчера при тебе не было твоего портфеля. Ты его случайно не потерял?

— Нет, я его сдал на хранение в библиотеке у миссис Хоуп.

— Это так предусмотрительно с твоей стороны, — иронизировала миссис Рочестер. — Ясно. Ладно, иди — мне нужно погулять с Сулой.

— Да-да... конечно... пока, — и он наконец-то ушел переодеться. А когда, чуть позже, Жаклин в ванной чистила зубы, то услышала, как за ним захлопнулась входная дверь.

В принципе, этот понедельник для неё оказался не самым тяжелым.

Она выгуляла собаку, а потом, замочив в остром томатном соусе рыбу на ужин, немного прибралась в квартире.

После чего отправилась к себе в больницу: побывала у терапевта и закрыла больничный, зашла к своей начальнице, главврачу Вэндсон, получив от той недовольный взгляд при встрече, интонационный упрёк при разговоре и соответствующее всему этому расписание работы на следующие десять дней — доктору Рочестер предстояло работать почти всё это время по восемь часов, с девяти до шести, с перерывом на обед.

— А потом посмотрим, — отрезала начальница.

Работа в таком режиме означала только одно — никаких выходных среди недели и никаких отгулов. А поскольку Жак не помнила, когда последний раз при восьмичасовом режиме уходила точно в шесть вечера с работы, обычно это случалось, как минимум, на пару часов позже, да плюс ко всему еще и банальная усталость, то следующая встреча с Алексом медленно, но верно стремилась к статусу миража и откладывалась на неопределённый, вплоть до болезненности, отрезок времени.

Она хотела позвонить своему любимому человеку, рассказать о расписании и попросить, чтобы он сказал на её начальницу какое-нибудь плохое слово, но опять побоялась «бежать впереди паровоза» и не хотела отбирать инициативу у мужчины.

И мужчина её проявил.

Этим же вечером, возвращаясь из больницы, девушка попутно заскочила в ближайший «Marks&Spencer» и накупила пару немаленьких пакетов продуктов. Сула, встретившая её в дверях, не заставила себя долго ждать и ринулась к пакетам как к дорогим её сердцу гостям. Пока хозяйкина поклажа проходила «таможню» у её собаки, которая совала туда свой нос и обнюхивала содержимое, как служебные, натасканные на наркотики псы на границе,

Жаклин поднялась в спальню и переделалась.

Чарльз уже был дома и работал с какими-то бумагами у себя кабинете. Жена не стала отвлекать новоиспеченного руководителя группы, а, перекинувшись с ним парой фраз, отправилась на кухню готовить ужин. Когда она ставила настоявшееся в соусе рыбное филе с картофелем и специями в духовку, её телефон, лежавший на холодильнике, издал одиночный сигнал сообщения.

«Привет! Как ты? Когда я могу тебе позвонить?» — писал абонент под именем «Александр».

Жаклин, конечно же, удержалась, чтобы не поцеловать аппарат, но вся любовь во взгляде, предназначенная абоненту, сенсорному экрану всё-таки досталась.

«Когда бы мне лучше позвонить? Нужно рассказать ему о вечеринке и о расписании».

«Ты сегодня вечером на связи?» — набрала она фразу и положила телефон опять на холодильник.

После чего, взглянув, как там её рыба в духовке, принялась мыть посуду.

Девушка успела поставить на полку чистыми только пару чашек, как мобильник опять ожил.

«После 10», — было написано в окошке СМС.

Жаклин посмотрела на часы на микроволновке — почти восемь часов вечера.

«Я позвоню тебе сама. Можно?» — написала она и на этот раз осталась сидеть с аппаратом в руках, дожидаясь ответа.

«Нужно! Жду», — пришло через полминуты.

Рыба получилась отменная. Острый мексиканский томатный соус и оливковое масло пропитали нежное филе радужной форели, а специи и картофель составили друг другу достойную конкуренцию за «роль второго плана».

Почти весь ужин Чарльз вещал о том, кто и как из знакомых и коллег воспринял его новое назначение, до какой степени ему теперь будет некогда, и о своих первоочередных планах в качестве руководителя группы.

— Кстати... — вдруг встрепенулся он уже за чаем, — забыл сказать: сегодня звонила из Лондона душеприказчица моей матери- миссис Декстен.

— Вот как? — совершенно искренне удивилась Жаклин. — У твоей мамы душеприказчик в Лондоне, не в Труро?

— Оказалось, что так. Для меня самого это новость.

— Позволь предположить — звонок был по поводу завещания?

— Да. — Чарльз отхлебнул чай и кивнул. — Его оглашение состоится тринадцатого декабря в десять часов утра. Мне, Мери и остальной родне, — он слегка скривился, — уже направлены официальные письма с оповещением.

— Угу. Ясно.

— Я позвонил сестре. Она тоже в курсе и приезжает двенадцатого к нам. Если ты не против, разумеется, — мужчина вопросительно посмотрел на жену.

— Оу, ну о чем ты говоришь, дорогой, конечно же, я не против. — Жаклин тоже отхлебнула свой чай. — Кстати, — она застыла, задумавшись, — а что у нас за день недели — тринадцатое?

— Пятница, — тут же подсказал муж. — Я уже смотрел. Мери приезжает двенадцатого в четверг, а на следующий день мы едем с ней в Лондон.

— Я просто тут подумала... — внимательно дослушав, девушка почесала ногтем лоб, —

а что, если устроить вечеринку по поводу твоего назначения вместе с Мери? Думаю, она будет тоже очень рада за тебя, за твои успехи, и с удовольствием отпразднует это дело. К тому же твоя сестра могла бы пообщаться с новыми людьми, развеяться, сменить картинку. Если она, конечно, сможет задержаться на выходные. Я надеюсь, к тому времени моя начальница устанет выжимать из меня соки и поставит на сменный режим — у меня появятся пара отгулов среди недели и возможность подготовиться к небольшому торжеству. Если Мери согласится, то тогда даже можно будет... — Жаклин слегка улыбнулась, — пригласить кого-нибудь из твоих холостых коллег.

Чарльз скептически сжал губы, пряча улыбку.

— Ну а вдруг! — продолжила с горячностью жена. — Конечно, было бы лучше, если бы она нашла себе спутника жизни там, где живёт и работает, но, мне кажется, если ей не удалось сделать этого до сорока двух лет, то... шансов уже мало — городок-то очень небольшой.

— Да... городок небольшой, — задумчиво повторил слова жены Чарльз, и оба замолчали, обдумывая перспективу вечеринки с участием Мери. — Ну что же... — пришел к решению мужчина, — думаю, это можно устроить. И, может быть, это было бы даже неплохо. Решено, — он стукнул указательным пальцем по крышке стола, — я завтра же позвоню ей и озвучу наше предложение. Послушаю, что она на это скажет.

— Угу. Скажи, что мы будем ей рады, — поддакнула жена.

После этого они продолжили определяться с остальным списком гостей.

В него включили Сесилию, друзей и коллег Чарльза — чету Олдансонов и его холостого приятеля Майкла Стюарта — тоже преподавателя истории, а также соседей Таниту и Гвидо Тикарани — итальянцев по национальности, которые уже давно жили в Оксфорде и преподавали культурологию.

— Чарльз, раз уж у нас собирается компания, могу я пригласить дядюшкиного земляка Александра? Помнишь этого молоденького мальчика, у которого я была на дне рождения в Лондоне? Он уже два месяца как в Оксфорде и еще ни разу не был у нас в гостях, мне кажется, это не очень вежливо с нашей стороны, ты не находишь? — она помолчала, намекая на ответ. — Ты же знаешь, я собираюсь после Рождества в Глазго и просто боюсь представить, как буду смотреть в глаза его матери, да и Эшли тоже, если за весь триместр ни разу не захотела видеть их студента у себя в доме, — тараторила Жаклин.

— Да-да, дорогая, ради Бога, конечно, зови! Познакомишь нас заодно. — На радостях от новой должности Чарльз стал само гостеприимство. — В каком колледже он, кстати, учится?

— Магдален.

— Угу. Ясно. Он будет один?

Жаклин застыла:

«Ого! Вот это вопрос!»

— Что ты имеешь в виду? — «Уточнить никогда не помешает», — она была сама осторожность.

— Ну... — муж развёл руками, — он будет один? Или с девушкой?

— Эм-м-м... — она часто заморгала, — я точно не знаю... на своём дне рождения, он был с девушкой. Анной. Но вот приведёт ли он её сейчас, и вообще, встречаются ли они до сих пор или уже расстались, я не знаю. — Жак опустила плечи. — Но я у него уточню. Думаю, здесь нет ничего предосудительного.

— Да-да, уточни. Чтобы не было каких-нибудь сюрпризов.

— Хорошо, — твёрдо пообещала жена с внутренним хохотом и внешней улыбкой. — Я тоже против сюрпризов.

На том и порешили.

Ужин закончился незадолго к десяти, поэтому, немного убрав со стола, Жаклин заспешила на улицу с Сулой. Было уже темно, и хозяйка не стала отпускать щенка с поводка даже в огороженном скверике из боязни, что не сможет проследить за всем, что он там делает, а только лишь сделала длину шнура побольше и достала телефон.

— Алло, — муркнул любимый голос с не менее любимой улыбкой, хоть и сейчас невидимой.

— Ты виски пьешь?

Пауза.

— Открою вам секрет: я — шотландец, мэм.

— Шотландец, говоришь... — Жаклин задрала голову к тёмному небу, — тогда с тебя килт!

Александр опять помолчал.

— Нет проблем. Но килт идёт только в комплекте с волынкой.

Пауза.

— Ладно, уговорил: один-один. Привет, как твоё здоровье? Надеюсь, ты не сорвал пластыри еще вчера при выходе из моего подъезда? — врач сосредоточилась и вся обратилась в слух — она приготовилась максимально прислушаться к интонациям, с которыми сейчас должен был отвечать пациент, стараясь различить в них нотки лжи.

— Привет. Нет, не сорвал. А что, должен был? Да-а-а, они вроде и не сильно мешают. На спине, так я вообще про них забыл. Кстати, спал я сегодня и вправду первый раз без кашля. Так что, спасибо.

«Верить? Или не верить? Странно, но, вроде бы, не врёт», — несмело сделала вывод доктор Рочестер.

— На здоровье. Я очень рада, что ты наконец-то понял, что ради своего же здоровья врачей всегда нужно слушаться.

— А я что делаю! — немного раздраженно воскликнул парень — обещание слушаться врачей было для него излишне резким выходом из зоны его комфорта. — Особенно когда врач правильную тему мутит, — поспешил он «вернуться обратно».

— М-м-м... что, прости?

— Ты что-то сказала про виски...

— Оу..., точно! — «Вот так. Муха ты пожилая, Жаклин — только он «включает» молодёжный сленг, ты уже начинаешь переспрашивать». — Извини, я с трудом переключаюсь с темы твоего здоровья.

Для Александра это было уже слишком.

«И почему она именно врач? Не дизайнер, не экономист, не менеджер, не экскурсовод там какой-нибудь или искусствовед, а именно долбаный врач!!»

А врач между тем перенастроила интонации.

— Да. Ну, так вот. Мы с Чарльзом приглашаем тебя к нам на вечеринку в честь присвоения моему мужу новой должности главы «Отдела Европы» на кафедре истории. Кстати, это своё новое назначение он так обильно обмыл вчера. Наш а-ля фуршет состоится в пятницу, тринадцатого декабря, в шесть часов после полудня по адресу Оксфорд, Грейт-

Кларендон стрит, строение восемнадцать, квартира пять.

— А где это?

— У нас дома. Добро пожаловать.

Александр молчал. Жаклин даже послышалось, как что-то скрипит в динамике телефона — не то это были его зубы, не то шестерёнки в мозгах.

— У меня есть выбор? — спросил приглашенный, заглушая скрип.

— Боюсь, что нет — ты отказываешься, и я тут же звоню твоей маме.

— Жа-а-а-к... — досады в голосе парня хватило бы на всех остальных, претендовавших, но не получивших руководство членов «Группы Европы».

— Шучу. Выбор есть всегда. Помнишь? А на выбор влияют причины. Твоя мама очень просила меня ввести тебя в круг моего общения в Оксфорде.

Парень затих, опять заскрипел мозгами. И, видимо, не напрасно, потому что ответил:

— Спасибо за приглашение, но я не смогу прийти. Извини.

Этого Жак не ожидала, но не спешила обижаться и списывать отказ на банальную лень или набивание цены — она чувствовала, что чего-то не знает или не понимает. У Алекса, скорей всего, есть причины так поступать. Но ей так хотелось видеть его в своём кругу, у себя дома, в одной компании с той же Сесилией, с которой она познакомила бы своего любимого человека с большим удовольствием, чтобы та увидела и убедилась, какой он обаятельный, умный, внимательный, воспитанный, именно до того, как Жак ради него бросит своего мужа, а не после.

— Ну что же, очень жаль, мистер МакЛарен. Не буду скрывать — я разочарована. Ждите сегодня же звоночек от миссис МакЛарен и удачи вам с нею.

— А-ля фуршет, говоришь... — тут же обрадовала её поспешная фраза.

«Ага! Значит, всё не так уж и серьёзно», — подумала она с облегчением. И тут же «ударилась тяжелой артиллерией»:

— Виски.

— Какой?

— Точно не помню, но, кажется, «Джонни Уолкер».

— «Уолкер» бывает разный, но я буду везде, где будет «Джонни Уолкер».

— Мама будет тобой довольна.

— ... и я буду там не один.

У его собеседницы распахнулись глаза, и отвисла нижняя челюсть. Девушка невидящим взглядом уставилась на стену своего дома, из нескольких окон которого приветливо стелился тёплый свет от английских абажуров в пастельных тонах.

— Беру свои слова про маму обратно. — Она даже и не пыталась скрыть оторопь в голосе. — И с кем же ты будешь, если не секрет?

— С девушкой.

После этого звонившая поняла, что тут явно что-то не так, но расслабляться, даже мысленно, не спешила:

«Этого не может быть. Это ведь вчера он мне говорил, что не выдержит без меня три недели, так ведь? Я ничего не путаю? Мне же это не приснилось?»

— Вот как? Это очень интересно. Могу я рассчитывать, что ты не будешь держать её имя от меня в секрете? — Жаклин понимала, что имя ей, скорее всего, ничего не даст, главным было не услышать слово «Анна».

— Можешь. Её зовут Палома.

Жак выдохнула и закатила глаза.

— Оу, вот оно в чем дело... ты хочешь прийти к нам с Паломой.

— Это не я с ней, это она со мной.

«Это, что, никогда не кончится?».

— Алекс! Ты можешь наконец-то рассказать всё нормально?

— Не могу — нормального здесь мало. Эта медик-маньячка заявила ко мне сегодня утром и попросила познакомить её с тобой поближе. Им дали задание на второй триместр — выбрать какую-нибудь специализацию в медицине и сообщить куратору. Он каждому разработает программу по этому направлению, и они будут её выполнять весь второй триместр. Она просится к тебе — хочет сообщить преподавателю твою специализацию, чтобы ты ей помогала ну-у-у-у... с материалом там, данными, с тонкостями, недостатками, ну не знаю я, что там у вас, у медиков, важное, а что не важное. Во-о-о-от... Паломе ты понравилась, и она надеется на твою помощь. — Александр вроде бы как закончил, но потом, предупреждая ответ девушки, поспешил добавить: — Я хотел напроситься с ней к тебе в гости в какой-нибудь другой день, когда ты будешь свободна, но раз уж тут подвернулась эта вечеринка...

Жаклин слушала, не перебивая — такой поворот событий являлся для неё большой неожиданностью.

— Ну-у-у... я не знаю... — она усиленно думала и пыталась спрогнозировать ситуацию, — в принципе, я могу, мне не жалко, если девушка старается учиться.

— Я так понял, она хочет поразить своего куратора и группу достоверностью источника информации — «из первых рук», так сказать.

— А мне почему-то кажется, что она хочет поразить кого-то другого. — Жаклин заулыбалась. — Смотри, Алекс, девушка к тебе явно равнодушна, не успеешь оглянуться, а ты уже скормишь её сердце попугайчикам в Кенсингтонском парке.

— Её сердце в безопасности. Я подстраховался.

«О господи! С таким... — от полноты чувств Жаклин была не в силах подобрать достойное название своему собеседнику. Из неё рвалось сплошь всё не самое литературное, — гостем... — победили в ней годы общения с интеллигентными учеными мужами-археологами, — в двадцать шесть лет и поседеть недолго». — У неё сложилось полное ощущение, что её насильно запихнули в русские горки, которых она боялась до ужаса, и перевели тумблер в положение «вкл».

— Ты меня пугаешь. И каким же это образом, позволь осведомиться?

— Я сказал ей, что я — гей.

Жак прыснула так, что спугнула Сулу, ковыряющуюся в листьях под деревом.

— Просил её никому не рассказывать — не хочу, чтобы все знали. Именно поэтому мне периодически приходится заигрывать с девушками — боюсь, что люди догадаются про мою любовь к парням — я очень ранимый и меня страшит реакция социума. Медик-маньячка обещала молчать. Уверен, если не сегодня к ночи, то завтра с утра ко мне непременно потянутся звонки с поздравлениями с каминг-аутом.

Жаклин уже смеялась вовсю.

— А-а-алекс, не думаю, что она тебе пове...рила, — постанывала она от смеха.

— В Универе меня никто ни разу не видел с девушкой. Я сказал Паломе: это потому что я влюблён, — продолжал доканывать Жак новоиспеченный «гей».

— В парня? — «Как это «никто не видел с девушкой»? А как же Анна? Ничего не

понимаю», — попутно вспомнила она.

— В двух. Сразу. И никак не могу определиться. Страдаю.

Ей было приятно всё это слышать, тем с большим удовольствием она продолжила смеяться.

— А-а-алекс... ну ра-а-азве та-а-ак мо-о-ожно... — Жаклин приложила руку к солнечному сплетению.

— Приглашай Палому к нам... Мы ей найдём нормального парня, а тебе в пару позовём на вечеринку Эдварда Капински, это один из коллег Чарльза... гей.

— Если он неплохо целуется, то я согласен — геи, они, вообще-то, такие трогательные.

— Я с ним не целовалась, не знаю. Можешь попробовать и расскажешь мне, как много я потеряла.

— Жаклин, но тринадцатое декабря — это почти через две недели! — передёрнул тему Александр.

— Кстати, я еще хотела тебе сказать, — девушка еще не полностью отдышалась после смеха, — моя начальница не упустила шанса отомстить мне за долгое отсутствие и поставила на каждодневный режим почти на десять дней кряду. В субботу, правда, я дежурю сутки, поэтому в воскресенье у меня выходной, а в остальные дни буду занята с восьми утра и где-то до семи-восьми вечера, раньше никто из нас не освобождается, когда работает только днём.

— Твою мать... — выдавил Алекс.

— А как у тебя с занятостью?

— Да тоже ничего хорошего... на этой неделе вечерние консультации, — в свою очередь начал недовольно перечислять студент, — потом на выходных я должен съездить к Кирку — он просил, а вот со следующего понедельника я свободен по вечерам — пришла пора тестов, а их мы обычно сдаём утром.

«Господи, у него же конец триместра, занятий полно, тесты, а я его тут на свидания подбиваю да на вечеринки. Хороша девушка своего парня, нечего сказать».

— Алекс, тесты вы сдаёте утром, а готовитесь к ним вечером, так что давай сосредоточься на учёбе — я никуда не денусь, обещаю.

— У-у... — не согласился молодой человек своим фирменным звуком.

— Я буду звонить.

— У-у...

— Часто.

Молчание.

— Каждый день.

— Договорились!

— Вымогатель! — умилилась влюблённая.

— Ты мне льстишь. Так что я могу передать Палому?

— Ну-у-у... что передать... — доктор Рочестер задумалась, — скажи, что у меня специализация звучит как «Первичная медицинская помощь», и я с удовольствием ей помогу, чем смогу. Она, кстати, приглашена вместе с тобой на нашу вечеринку, надеюсь, там мы сможем уделить время её заданию.

— Понял. Так и передам. А вообще, что за публика будет?

— Коллеги Чарльза, может быть, его сестра, моя подруга, соседская пара и вы с Паломой — всё.

— Ладно... договорились.

«Да неужто! Снизошел-таки! Не прошло и года!»

— Ну, тогда... до связи? — «закинула удочку» Жаклин, глядя как Сула, которая уже обошла все «свои точки» в родном скверике, начала подумывать над тем, на что бы ей решиться сверх нормы, а это уже было чревато последствиями.

— Когда?

— Я пришлю сообщение.

— Буду ждать, — сказал Александр, но прощаться не спешил. Не спешила и его собеседница. И её терпение было вознаграждено. — Я очень скучаю по тебе, Джеки. Постоянно, — выпалил мужчина одним выдохом.

Он делал ей уже и более смелые признания, но почему-то именно сейчас на неё нахлынули ощущения полёта вот над той самой долиной, которую она вчера описывала гостю. Не то благодаря этому тихому, упоительному вечеру и огромному пространству на удивление чистого звёздного неба над головой, не то явному напору Александр в направлении дальнейшего общения и сближения, а может, на неё повлияло его чувство юмора — этого всего Жак не разобрала, но: «Даже если я разобьюсь, он того стоит», — решила она, а поскольку отвечать нужно было что-нибудь другое, «спустилась на землю».

— Тебе придётся взять себя в руки и набраться терпения, Александр. Как и мне.

— К чёрту терпение! Я скучаю по тебе с самого моего дня рождения, между прочим! — У юноши были такие интонации, как будто он собирался просто «убить» девушку этим своим откровением наповал.

Но та лишь грустно улыбалась.

— Я скучаю по тебе с августа, Алекс.

Последовала долгая пауза.

— Я тогда был дураком.

— Я рада, что ты так думаешь, хоть это и неправда. — Жаклин вздохнула. — Мы будем часто созваниваться.

— Мммхм...

— А-а-алекс... — протянула она предостерегающе, — я только тебя прошу...

— Ладно, я понял, — перебил её молодой человек.

— И пожалуйста, не переусердствуй там в заигрывании с девушками, не то Палома заподозрит тебя в бисексуальности.

— Договорились. Буду усердствовать в заигрывании с мужчинами, — он шутил, но в его голосе не было даже улыбки, не говоря о весёлости.

— Отлично! Всех тех из них, кто сносно целуется, направляй сразу ко мне — буду должна. — Его собеседница скопировала его серьёзный тон, но не смогла удержаться и прыснула со смеху.

— Обойдётся! — тут же возмутился юноша, и, слыша, что Жаклин не перестаёт похихикивать, добавил: — Ага, очень смешно! Прямо обхохочешься!

— Жадина. Кстати, пока к тебе не потянулись поздравления с каминг-аутом, можно я буду первой? С каминг-аутом тебя, Александр!

Ответом ей были короткие гудки. Она улыбалась.

А со следующего дня вступила в свои права работа.

А когда у доктора Рочестер начинается работа, то этот оплачиваемый «дурдом» сходу приступает к пожиранию львиной доли сил, времени, мыслей, внимания, нервов и многих

других нужных и полезных в жизни вещей. Потянулись пациенты, которые объясняли, что у них болит, оперируя не симптомами, а сразу диагнозами, и почти сплошь ошибочными, стало дёргать начальство, продолжила командовать хозяйственная часть и посылать подалеже лаборатория — в общем, всё как всегда.

Но и вне работы у Жак дел имелось немало. Она всё-таки нашла инструктора, или, как назвал его Алекс, «дрессировщика» для Сулы — энергичную, строгую, настроенную на работу женщину по имени Зои. Оплатив её услуги, девушка получила расписание занятий, согласно которому из «хулиганки» в «леди» её любимицу будут превращать в течение трёх месяцев, два раза в неделю, в «плавающем» графике.

К выходным позвонили глазговцы. Дядюшка слёзно просил племянницу сходить в Болдианскую библиотеку, в отдел Саклера, и сделать ему копию брошюры по террасному земледелию народа Мольо под редакцией Катерины Клапстовой — он отчаялся найти эту публикацию хоть где-нибудь, и даже в магазинах на заказ её тоже нет. Мистер Бошан уже посылал запрос в картотеку читального зала по интернету, и ему ответили, что в электронном виде этой брошюры нет, но её могут сделать индивидуально и только в его присутствии, после того, как он идентифицирует издание. Старый археолог попросил племянницу присутствовать за него и долго перечислял все характеристики этой брошюры, вплоть до цветовой гаммы оформления тыльной страницы. Та всё это записала и обещала исполнить просьбу в лучшем виде.

Эшли, с которой Жаклин разговаривала сразу после дядюшки, просто поинтересовалась, когда девушка сможет приехать к ним на каникулах, а вот Алиса, взявшая трубку последней, начала расспрашивать про своего сына-студента. Как там у него дела? Не видится ли с ним Жаклин и не знает ли, как продвигается его учёба? «Надзирательница», конечно же, умолчав о недавней болезни своего «подопечного» — не стала волновать мать — просто обтекаемо сформулировала, что видится с Алексом довольно редко, ввиду того, что, и он, и она готовятся к каникулам: он усиленно учится, а она много работает, и, объясняя всё это, очень надеялась, что её слова в отношении студента не сильно расходятся с реальным положением дел.

Так же еще рассказала, что её мужу дали руководящую должность, и они устраивают по этому случаю вечеринку, на которую Александр тоже приглашен, и даже уже пообещал прийти. Судя по голосу, которым Алиса рассыпалась в благодарностях, женщина была несказанно рада это слышать.

Александр и Жаклин созванивались постоянно, используя любую возможность. Болтали обо всём на свете. Примерно через неделю девушка знала уже почти всех его друзей, подруг, преподавателей и с большим удовольствием констатировала, что, если судить по его вкусам в одежде, музыке, кино и прочему, он старше её лет на двадцать — тридцать, не меньше.

В музыке МакЛарен числился в поклонниках почти всех, без исключения, представителей oldschool рока, в упор не признавал рэп и еще больше не любил музыку регги и Боба Марли, тогда как сама Жаклин рэп любила. Иногда под настроение юноша мог включить что-нибудь наподобие белого соула Майкла Болтона и модернизма Брайана Ферри с его RoxуMusic. На саму же девушку всё перечисленное нагоняло жесточайшую скуку. В кино ему нравились не «Звёздные войны», как можно было предположить, и даже не Бэтмен с Джеком Воробьём. Парень был влюблён в американские вестерны типа «Великолепной семёрки» и «Красной реки», Клинта Иствуда и Чарльза Бронсона, а также в старые французские детективы и Жана Габена — всё это, и ему подобное, Жаклин могла смело

«принимать» вместо снотворного.

А однажды он просто «убил» её своим признанием, что иногда смотрит немое кино, на которое его «подсадил» Кирк. Тот всегда говорил, что его просто убивает эта постоянная болтовня на экране, и немое кино — прекрасная этому альтернатива и выход из положения.

Еще она узнала, что у юноши нет любимого цвета, он просто любит клетчатый узор ткани, и любимого числа — ту тему вообще всё равно и вообще, он не понимает, как можно любить число. Сама рассказала, что её любимый цвет — фиштакшый, любимое число — 11, любимые цветы — орхидеи.

Где-то после второго или третьего разговора с этом человеком она с удивлением вспоминала, что когда-то жила без него, без знаний о нём, без этих разговоров с ним, без его голоса, шуток, злости, нигилизма, доброты, внимательности к мелочам, заносчивости, надменности и остальных подробностей характера, которые, к своему очередному недоумению, все уже просто обожала, не разделяя на положительные и отрицательные.

А между тем приближалась пятница, тринадцатое.

— Жаклин, — как-то дня за три до вечеринки начал Александр в разговоре. Доктор Рочестер дежурила очередные сутки на работе и, оставшись на посту поздно вечером одна, могла поговорить по телефону, — я всё хочу тебя спросить: ты сейчас хорошо кушаешь? Я, знаешь ли, не забыл своё обещание проследить этот момент. К тому же десять дней уже прошли. Ты готова предъявить результаты?

— Я хорошо кушаю, не беспокойся... — пробубнила хорошо кушающая, с явной неохотой возвращаясь к этой теме, поскольку кушать-то она кушала, но, учитывая её загруженность и дома, и на работе все эти десять дней, её обильное чревоугодие особого эффекта на жировую прослойку не возымело. — Но ничего предъявлять тебе не буду, не дождёшься.

Александр засмеялся.

— Жаклин, ты меня ни с кем не путаешь? Я — ждaть? Я надеюсь, ты шутишь? — парня явно «несло». — Смотри, если я увижу на тебе всё еще «пустую» одежду, пеняй на себя.

— Боже, как страшно! — съязвила собеседница. — Ничего ты мне не сделаешь.

Молодой человек только вздохнул.

— Всего лишь приду на эту вашу вечеринку, сгребу тебя в охапку, поцелую при всех так, чтобы всё поняла даже твоя Сула, не то, что все... люди и увезу к себе в квартиру. Выгоню эту тётку, посажу тебя под домашний арест и буду подсовывать еду под дверь, периодически взвешивая на руках.

— Bravo, мистер МакЛарен! Мы впечатлены: я и Рэй Бредбэри.

— Ты мне не веришь? — мистер МакЛаренуже почти хохотал. — А ты меня проверь, Жаклин! Я разрешаю.

Девушка хотела было рассмеяться и сказать, что его никто за язык не тянул, и она обязательно воспользуется его разрешением, но... но что-то её остановило.

— Мне нравится быть худой. Ты, между прочим, тоже худой.

— И это твой ответ, — без вопроса в голосе подытожил Алекс.

— Да. Каков вопрос, таков и ответ.

— Ясно. Ну, в общем, я так вижу, разговоры на тебя не действуют...

И как только доктор Рочестер следующим же утром, в половину девятого, собиралась с работы домой после «суток», ей опять позвонил мистер МакЛарен.

— Доброе утро, доктор Рочестер.

— Привет. Что-то случилось?

— Да. Я жду тебя на пересечении со Старым шоссе, ты сможешь подойти?

— Александр... я после «суток»... — начала было Жаклин, — а что случилось?

— Что — «ты после суток»?

— Не очень хорошо выгляжу, вот что!

Александр засмеялся.

— Я уже на месте. Жду. — И его голос сменился гудками, а Жаклин мысленно поблагодарила того человека, который придумал душ на работе.

Когда девушка свернула с Churchil Drive на Old Road, то сразу же заметила чуть поодаль вправо, под деревьями, загораживающими Naffield Centre, мотоциклиста, сидящего боком на своём железном коне. «HONDA» — прочитала она крупные буквы на бензобаке. Самогонщика в его коричневой дублёнке она узнала безошибочно, и у неё слегка завибрировали все внутренности — хоть они созванивались и болтали постоянно, но виделись девять дней назад.

— Привет, — заулыбался мотоциклист, когда она приблизилась.

— Привет. — Её движения и мимика были настороженными и опасливыми, как будто она ждала от него какого-нибудь подвоха, но в глазах плескалось счастье. — Что случилось?

— Случилось ужасное. — Юноша сделал «страшные» «тюльпаны» и воровато чмокнул девушку в щечку. — Но поправимое — я соскучился.

— Алекс, вечеринка послезавтра... мы больше ждали. — Жаклин не помнила, чтобы еще когда-нибудь кокетничала с таким же удовольствием и внутренним согласием с самой собой — ей было несказанно приятно, что он не выдержал. — К тому же мне нужно сейчас домой — готовиться к празднику.

— Мне тоже. — Всё это время мотоциклист, слушая её в пол-уха, надевал на себя шлем, который до этого держал в руках, потом снял с руля еще один и начал водружать его на голову своей пассажирке. Та не сопротивлялась, в чем парень, кстати, не сомневался.

— Что «тоже»? — спросила Жаклин, поправляя шлем на подбородке.

— Нужно готовиться к празднику.

— А при чем здесь я?

— Садись. — Он, кивнув на место сзади себя, перекинул ногу через корпус мотоцикла и оседлал его.

Жаклин для порядку скептически сложила губки, но как только устроилась позади своего любимого мужчины, позволила себе полностью отдаться своему счастью, крепко схватившись за обожаемое тело. Правда, максимально прижаться мешала её рабочая сумка, зажатая между ними, а положить голову на спину — шлем, но это были такие мелочи.

Они проехали до конца Old Road и выехали на Eastern By-Pass Road. Александр провёл их совсем недалеко по этой крупной, оживлённой автостраде и свернул влево на какую-то еле заметную дорогу. По ней они тоже ехали совсем недолго. Буквально через три — четыре минуты он съехал и с этой дороги, остановился возле небольшой кучки деревьев позади полей фермерского хозяйства и заглушил мотоцикл. В

ся дорога заняла где-то минут семь — десять, не больше. Как поняла Жаклин, проследив за окрестностями, Александр просто объехал жилой массив напротив больницы Черчиля и остановился с другой стороны фермерских хозяйств, расположенных на задворках этого массива.

Только после того как слезла с железного коня, девушка заметила в гуще этой мини-

рощи две простенькие лавочки, сделанные из цельных брёвен и установленных на примерно такого же диаметра пеньках. Брёвна, размещенные параллельно друг другу, были одинаковы по длине и толщине и походили на математический знак «равно».

«Угу», — сделала вывод пассажирка.

Они молча сняли свои шлемы и положили их на сиденье. Там же осталась лежать и её сумка.

Александр с какой-то виноватой улыбкой в уголках губ и ласкающим взглядом, взял девушку за руку и повёл за собой к лавочкам. Он молча быстро уселся на торец одного из брёвен и потянул к себе на колени Жак. Она попыталась было сесть ему на руки боком, но он развернул её руками за бёдра так, чтобы она оказалась прямо напротив него. Ей ничего не оставалось, как раздвинуть ноги и оседлать молодого человека точно так же, как только что его (или не его) мотоцикл.

Девушка обняла мужчину за плечи, их лица оказались почти нос к носу.

— Ну, привет, — выдохнул мужчина, посмотрев на неё с каким-то тихим, радостным восхищением, после чего тут же закрыл глаза и потянулся ртом к желанным губкам.

Жаклин «потеряла» мир вокруг себя на второй секунде. А на третьей «потеряла» и себя саму.

Наслаждение и удовольствие было настолько желанным, долгожданным, мощным и обоюдным, что ни один даже и не пытался справиться с собой, своими стопами и руками. Никакого «прощупывания дна» и привыкания — поцелуи вмиг стали грубыми, наглыми, собственническими и требовательными. На этот раз парень начал расстёгивать её пуховик без объяснения причин и отчета в действиях. Тем более что не в силах был оторваться от её рта и перестать вылизывать своим языком там всё подряд.

Когда затрещала молния, Жаклин, которой уже был знаком этот манёвр, даже не отреагировала, и парня это слегка огорчило и задело — он любил её огорошенную реакцию и наслаждался, когда мог её удивить. Поэтому, расстегнув пуховик и забравшись под кофточку, и недолго побродив там руками по субтильному тельцу девушки, чуть вспомнив его знакомую нежность и мягкость, он тут же накрыл своими ладонями её третье-четвёртый размер поверх бюстгалтера. Она на мгновение застыла, но и это тоже было уже не ново, поэтому быстро освоилась и даже прогнулась в спине, выпятив грудь навстречу его рукам.

«Ну, раз так...», — решил юноша.

Не успела обладательница третье-четвёртого размера опомниться, как он залез своей крупной, щуплой кистью, с большой пястью и длинными пальцами, внутрь чашечки бюстгалтера и вынул оттуда одну из грудей.

— Алекс... — выдохнула Жак, оторвавшись от губ любимого человека. — «Как хорошо, что на мне сегодня эластичный «intimissimi», а не «железобетонный» «DIM», — подумала она помимо своего желания.

Но тот не отреагировал. Просто не смог. После того как в его руке оказалась эта обнаженная округлая, гладкая, упругая, внушительных размеров тёплая женская плоть, он тут же захотел это видеть. Забыв про всё на свете, даже про саму Жаклин, тут же задрал ей кофточку под самое горло, чтобы просто посмотреть. Вид белой налитой женской груди, приподнятой смятым под ней бюстгалтером и выставившей на него свой возбуждённый набухший сосок, сделал его почти безумным.

Свернув «тюльпаны» и даже как бы утопив их в глазницах, Александр с каким-то тихим страдальческим воем, с налётом радостного облегчения сильно пригнулся и, приподняв

одной рукой грудь к своим губам, ринулся ртом к ореолу соска, и, втянув его полностью, стал сосать и легонько покусывать. В качестве следующего шага он тут же, не мешкая, завёл свою свободную руку девушке за спину и начал там как помешанный тереть застёжку её лифчика. Но застёжка третье-четвёртого размера — кремень! Стояла «насмёрть»! Хотя и она тоже не на того напала. Юноша, потерпев поражение сзади с кнопочками и крючочками, вернул руку вперёд и просто взял и вынул вторую грудь точно так же, как и первую и опять, задрвав уже опавшую кофту, посмотрел на творение рук своих.

Он мял их с каким-то даже остервенением. Пытался соединить вместе, то пригибался, и полизывал, и посасывал как большие чупа-чупсы, то покусывал, то закрывал глаза, то открывал, то вдруг устав от неудобности позы, выпрямлялся и опять накидывался на губы, то вновь соскучившись по груди, устремлялся вниз.

Жаклин в это время, слегка откинув голову и опустив веки, зарывалась в его волосы ладонями, в это «пепельное золото», хоть ей в это время довольно ощутимо резали плечи натянувшиеся лямки бюстгалтера. Её руки в этих, уже довольно внушительной длины, вихрах, были похожи на дельфинов, резвящихся в море — они то погружались в «пучину» его волос, то «выныривали» на поверхность, показывая на солнце свои гладкие «спины».

Девушка уже плохо справлялась с эмоциями и изо всех сил боролась с собой, чтобы не закричать, как ей казалось, на весь Оксфорд. Но Александр всё-таки её победил — он отнял от груди свою левую руку и просунул её между раздвинутыми бедрами Жак, положив аккуратно на крестовидный шов её джинсов, и довольно ощутимо сжал ладонь.

— А-а-а... — вскрикнула и дёрнулась девушка, попытавшись соединить ноги. Она уронила голову себе на грудь, распахнула глаза и посмотрела на Александра.

Тот тут же, как будто обжегшись, отдёрнул руку, оторвался от её груди и, уронив голову ей на плечо, просто дышал и молчал. После чего буквально разлепил свои «тюльпаны».

В его глазах не было ни тени улыбки, самодовольства или просто довольства. Они, на фоне остаточного возбуждения, наполнились до верха усталостью, граничащей с досадой и обречённостью.

— Я попал, малыш, — он блуждал взглядом по её лицу, а руками ласкал её голый живот. — И крепко.

Та ответила не сразу, поскольку его интонации её немного обидели.

— Ты говоришь так, как будто жалеешь.

— Не говори ерунды. — Александр чмокнул её в кончик носа и улыбнулся. — Я ни о чём не жалею. Вернее, жалею, конечно же, но только вот об этом. — И он обвёл глазами кроны деревьев вокруг них и скосил взгляд на лавочки, его губы скривились в досаде. — Честно признаться, всё это «детство» меня начинает доставать.

Жаклин, не найдя что ответить, в это время быстренько, пока не поздно, заправила свои груди внутрь бюстгалтера и опустила кофточку.

Молодой человек улыбался, опустив свои ладони ей на бёдра.

— Ну вот, теперь можно и на вечеринку. — Бережно хлопнул он по ногам девушки.

В ответ она только молча, догадливо заулыбалась:

«Всё-таки полегчало, значит».

В благодарность за то, что он готов довольствоваться таким малым, хоть скорей всего, это стоит ему нешуточного дискомфорта, она притянула его голову к своей шее, напоследок глубоко зарывшись руками ему в затылок опять и, предварительно один раз поцеловав в

волосы и шумно вдохнув их запах, прижалась к ним щекой. Александр по новой начал целовать её под линию челюсти и блуждать руками по бокам, но только теперь уже поверх кофты.

И когда Жаклин почувствовала, что в его поцелуях становится всё больше чувств, в руках — всё больше силы, а вдыхании — тяжести, мягко отстранилась и накрыла его лицо ладонями.

— Александр.

— Знаю. — Он, слегка зажмурившись, приложил её руку к своим губам и поцеловал внутреннюю сторону ладони. — Знаю. — И открыл глаза.

Жак смотрела на его лицо и чувствовала, что может рассматривать и целовать это произведение природы бесконечно, миллиметр за миллиметром, и ей всё равно будет мало.

Поэтому она решила, что пора.

— Где ты взял мотоцикл?

Александр широко заулыбался, и, чувствуя, что время тикает, бросился обыскивать и ощупывать руками её тело на толщину жировой прослойки.

— Неплохая попытка, Джеки. Я оценил. — И тут же защекотал её в боках пальцами так, что девушка зажалась руками и, завизжав, засмеялась. Она попыталась вырваться, но его руки держали её как ремни безопасности на русских горках. Он покровительственно засмеялся. Когда же, дождавшись, пока она успокоится, все-таки отпустил, и Жаклин быстро вскочила, поднялся сам.

Усаживались на мотоцикл они тоже в полном молчании — всё было понятно и без слов.

Александр довёз её до Университетской почты. Не заглушая железного коня, подождал, пока Жаклин слезет и снимет шлем, повесил защиту опять на руль, чмокнул девушку в щечку, сказал:

«До встречи», — и уехал, зло дав по газам на весь Оксфорд.

Глава 27 Пятница, тринадцатое

Глава 27 Пятница, тринадцатое.

Часть 1

— Чарльз, — представился мистер Рочестер, протягивая руку своему гостю.

— Алекс, — ответил тот на рукопожатие.

— Рад знакомству, Алекс. Добро пожаловать. — Хозяин дома улыбнулся.

— Взаимно. Поздравляю с повышением. — В ответ его улыбкой не одарили.

— Спасибо.

Жаклин стояла сбоку между ними, и у неё разбегались глаза — на кого смотреть первого, на кого — второго. Для начала ей не хотелось пропустить реакцию Чарльза на МакЛарена — она видела, что её муж явно рассматривает нового знакомого, хоть и справедливости ради должна была признать, что любопытство его весьма поверхностно.

И действительно, на хозяина дома этот юноша, конечно же, произвел какое-то впечатление, раз уж даже побудил к разглядыванию своей персоны, но не особо. Чарльз только лишь отметил про себя, что сам на пару дюймов ниже этого студента (конечно же, неминуемо польстив себе в этом плане, ибо проигрывал он парню дюймов пять, не меньше) и даже немного уже его в плечах, как это сделал бы любой другой мужчина при знакомстве с «новым самцом» — сразу же автоматически стараясь визуальнo определить его физическую силу. Что же касалось картинной красоты гостя, то дать ей оценку хозяину было намного сложнее в силу, во-первых, своей гендерной принадлежности и сексуальной ориентации, а во-вторых, студенты мелькали у него перед глазами каждый день, составляя своеобразный калейдоскоп из лиц, тем самым отучив преподавателя разглядывать и оценивать их милые молодые мордашки. За редким исключением.

«Кажется, ничего не почувствовал. Да, в принципе, и с чего бы? Если только с внешности этого красавца», — резюмировала Жаклин- ей, опять же в силу своей гендерной принадлежности и сексуальной ориентации, делать предположения, игнорируя внешние данные уровня Алекса, было несравнимо сложнее.

А вот сам красавец являл собой картинку заметно сложнее и интереснее своего визави. Сейчас перед ним, кроме всего прочего, стоял еще и преподаватель, поэтому было заметно, что в юноше студент, с его элементарным уважением к учителю, к человеку, обладающему более высоким уровнем эрудиции и интеллекта, борется с тем мужчиной, которому удалось умыкнуть из-под носа этого самого интеллектуала и эрудита сердце его жены. Поэтому парень воззрился на Чарльза с эдакой вежливой иронией, и, судя по всему, прилагал ещё и весьма ощутимые усилия, чтобы не скатиться на высокомерие и как следствие — снисходительность.

«Позёр!» — с любовью и умилением подумала Жаклин.

Чарльз в компании Мери немного опоздал на свой собственный праздник — они задержались в Лондоне. Поскольку уже было близко к семи часам вечера, то почти все гости собрались и ждали только Сесилию, пообещавшую захватить в компанию своего среднего сына Кевина. А пришли уже Айвор и Кайра Олдансоны, Танита и Гвидо Тикарани, Александр и Палома, а также Майкл Стюарт.

Войдя в комнату, виновник торжества первым делом попросил у всех прощения за опоздание, после чего Жак смогла представить друг другу своего мужа и любимого

мужчину. Так уж получилось в её жизни, что это были два разных человека. Очень разных.

После того как Чарльз, познакомившись с присутствующими студентами, пошел дальше здороваться с остальными гостями — своими знакомыми, в комнату вошла Мери. Она чуть задержалась в прихожей со встречавшей своего хозяина Сулой, к которой только вчера приехавшая женщина уже успела очень сильно привязаться.

В общем-то, ничего беды не предвещало — Жаклин, как и положено хозяйке праздника, двинулась навстречу золовке, чтобы познакомить её со всеми присутствующими, и поскольку впереди всех стояли Александр и Палома, то начать ей предстояло именно с них.

Только лишь взглянув на вошедшую, девушка поняла, что что-то не так. Мери застыла на пороге гостиной в нерешительной позе, нервно сжав кулачки, бегая глазами по всему пространству помещения, и периодически не то удивлённо, не то восхищенно, не то даже как-то испуганно, останавливала взгляд прямо перед собой. Проследив за её глазами, невестка поняла, что та столь неоднозначно поглядывает именно на МакЛарена.

«О-о-о-о, не-е-е-ет... только не это! — мысленно завопила Жаклин, но тут же, взяв себя в руки и проглотив досаду, зацепилась за мысль: — Надеюсь, Алекс знает, что делать — у него есть опыт в этих делах». — О своей помощи в получении этого опыта девушка могла только догадываться.

— Мери, дорогая, разреши тебе представить сына моей подруги — Александра МакЛарена. Он учится в нашем Университете, на экономическом.

Мери чуть встрепенулась от звука своего имени, с неё спало наваждение и, взглянув на невестку и поняв, что от неё требуется, она смогла взять себя в руки. Женщина вернула себе грацию учителя математики и приняла позу, достойную должности директора школы — разжала кулачки, расправила плечи и слегка вздёрнула подбородок. Однако, быстро сообразив, что это не тот случай, добавила сюда еще и какое-то застывшее, приветливо-кукольное выражение лица.

— Мне очень приятно... э-э-э... — бедняга даже не сразу поняла, что не может назвать по имени человека, с которым её пытаются познакомить. Засмотревшись на его хозяина, само имя она попросту прослушала.

— Алекс, — помог ей хозяин имени, на доли секунды опередив в этом хозяйку квартиры. Он тоже уже оценил ситуацию и привычно приготовился лицедействовать, а при первой же возможности — дистанцироваться.

— Очень приятно, Алекс, — пролепетала Мери, смутившись, и первая протянула юноше руку.

— Александр, позволь познакомить тебя с сестрой моего мужа — Меринэлл Уитни. Она живёт в Корнуолле и работает учителем математики, занимая пост директора школы. — Невестка хотела еще и с помощью упоминания профессии и должности своей золовки вернуть той хоть в наименьшей степени чувство реальности, от которой, судя по всему, оно так и норовило ускользнуть.

Пока Жаклин говорила, Александр уже взял протянутую ему ладонь и держал её в руках.

— К вашим услугам, мадам, — поприветствовал он женщину на старинный манер, слегка сжав её кисть. Убедившись, что намёка та не поняла — она еще сильнее расправила плечи, продолжая неумело хлопать глазками — парень выпустил её ладонь и быстро отошел в сторону.

«Боже, храни нас всех», — успела подумать Жаклин, прежде чем произнести:

— А это Палома, знакомая Алекса. Она тоже учится в Университете, на медицинском,

моя будущая коллега.

На Меринэлл стало неудобно смотреть — она сдвинула брови, и, видимо, изо всех сил старалась ограничиться только этим, за считанные мгновения пытаюсь понять: является ли Палома девушкой Алекса или нет, и может ли повлечь за собой какие-либо последствия для самой Мери ответ на этот вопрос. Судя по всему, она, как настоящая англичанка, моментально причислила себя к пострадавшей стороне, поскольку через пару секунд одними только сдвинутыми бровями уже не ограничилась, а добавила к ним в компанию еще и сжатые в лёгкой злобе губы. И хотя туда же просились еще и сильные руки, которыми бы она с удовольствием вышвырнула молодую «нахалку» из квартиры, но в общем и целом, зная эгоистичный нрав Мери, можно было с уверенностью констатировать, что при появлении на горизонте потенциальной «соперницы», умению женщины держать удар мог бы позавидовать даже Леонардо ДиКаприо на очередном вручении кинопремии Оскар.

— Здравствуй... — она запнулась, — Палома.

— Палома, познакомься, это сестра моего мужа — Меринелл Уитни, или просто мисс Мери, как все её называют.

— Приятно познакомиться, мадам. — Девушка просто слегка поклонилась.

«Вечер перестаёт быть томным», — подумала Жаклин, кладя руку на спину золовке и подталкивая её к остальным гостям для дальнейшего знакомства.

Продвигаясь позади Меринэлл, она внезапно оглянулась и стрельнула глазами в Александр, который опять уже стоял возле Паломы. Это получилось озорно и насмешливо, как посмотрела бы сестра на брата, в которого только что влюбилась очередная девчонка. «Брат» в ответ только кратко раздраженно закатил глаза. Сейчас парочка могла себе это позволить, потому как всю остальную публику всё ещё занимал Чарльз. Палома же, уловив их переглядки, понимающе улыбнулась — она тоже заметила некоторую странность в поведении этой взрослой женщины по отношению к своему привлекательному спутнику.

Александр с Паломой пришли с полчаса назад. Гостыя преподнесла Жаклин букет орхидей, а гость — небольшой торт-мороженое в виде снеговика. И та, и другой были вознаграждены реакцией хозяйки на свои подарки в виде загоревшихся глаз, восхищения на лице и краткого: «Yum...» при встрече со снеговиком. Александр еще хотел вручить Чарльзу бутылку коньяка Napoleon, но так как тот задерживался, то алкоголь был просто поставлен в центр праздничного стола.

Когда сегодня при встрече влюблённые впервые посмотрели в глаза друг другу, девушка в своих родных раскрытых «тюльпанах» с ужасом увидела знакомую толпу бесенят, сидящих на лавочках — брёвнышках. В каждом из «тюльпанов» — по «брёвнышку». На торцах, закинув ногу на ногу, уселись самые крутые и продвинутые, согнав лузеров в середину, и листали рекламки бюстгальтеров от «intitmissimi». И всё это на фоне лукавой улыбки в уголках губ их хозяина.

Жаклин отобрала у бесенят рекламки лифчиков и раздала им всем по томику Джона Донна взглядом в глаза своему гостю с примерным содержанием: «Постарайся хотя бы сейчас не думать о сексе!» — на что получила молчаливое: «Это в твоём-то присутствии!» — и бесенята, улюлюкая, получили свои брошюры назад.

Тот, который не может не думать о сексе, сегодня одел отличную классическую, без украшений и излишеств, тёмно-синюю рубашку, какие обычно носят под костюмы менеджеры звена так эдак, выше среднего, и в мягкие джинсы нежно-палевого оттенка, или, как его еще называют, «цвета греческого мрамора». Рубашка была либо безупречно

выглажена, либо новая. И как всегда, в лучших традициях Александра, от него не пахло абсолютно ничем, за исключением чистоты.

«И молодости», — подумала девушка.

Жаклин же, раздумывая над гардеробом для этого вечера, пыталась исходить из соображений того, что сегодня ей прежде всего предстоит роль хозяйки званого ужина, даже если к ней в гости должен пожаловать тот, перед кем промахов в её одежде быть не должно. Поэтому она соорудила на себе беспроегранный классический вариант из обычной черной юбки до колен от BooHoо с тоненькими в ниточку лампасами, вышитыми матовым серебристым бисером и красиво мерцающими чуть впереди боковых швов. В комплекте с которой пошла мягкая кофточка, цвета этих же лампас, от Kenzo, с оторочкой из белого мохера, стилизованной под длинношерстный мех.

— Привет, Алекс, — она первая протянула руку на правах женщины и хозяйки торжества.

— Добрый вечер, Жаклин. — Гость тут же взял её ладошку и непроизвольно чуть-чуть потянул девушку на себя. У неё почему-то перед глазами всплыла картинка голой клиновидной спины молодого парня, лежащего на диване в её гостиной.

— Добро пожаловать. Ты давно разговаривал с Глазго? Как там у них дела?

— Позавчера звонил. С ними всё нормально. Ждут меня на каникулы и тебя — в гости. — Он всё ещё держал её руку.

— Спасибо. Я уже пообещала дядюшке приехать.

— Обязательно, Жак. Ты помнишь Палому? — и только сейчас отпустил, не отказав себе в удовольствии напоследок слегка потереть её пальчики.

— Разумеется. Здравствуй, Палома. Добро пожаловать.

— Здравствуй, Жаклин. Спасибо. — Девушка застыла в третьей позиции воспитанницы балетной школы и с выражением лица паиньки и отличницы, которое, судя по всему, было ей свойственно, если не вообще тождественно. Ну и раз такое дело, в одном с ней пространстве вспоминать голые спины и переглядываться так много говорящими взглядами было не очень уместно, поэтому влюблённые, не стовариваясь, взяли с девушки пример и на этом свернули своё приветствие, таким образом, проведя его почти в лучших традициях аскетизма.

А вот остальные присутствующие встретили вновь прибывших более эмоционально отзывчиво. Дамы неминуемо сразу же попали под впечатление и ощутили на себе влияние внешности и обаяния красавца студента, дав об этом понять распахнутыми глазами и попытками спрятать смущенные улыбки, а мужчины, столь же гарантированно, напряглись при его появлении. Но и те, и другие быстро взяли себя в руки при посреднических интонациях Жаклин, когда она представляла всем своих молодых друзей, поэтому знакомство прошло вполне себе непринуждённо и дружелюбно.

Вечер набирал обороты. Минут через десять после Чарльза приехала Сесилия со своим Кевином — учеником выпускного класса школы при колледже Святого Эдварда. Опоздавшая тоже очень сильно извинялась, что заставила себя ждать, оправдавшись затянувшимся визитом к стоматологу.

Уже за столом, немного распробовав блюда, почти половину из которых, по традиции, принесли сами гости, все выслушали поздравительную речь в честь Чарльза в исполнении его ближайшего друга Айвора Олдансона. Выпив за успешную профессиональную деятельность новоиспеченного руководителя «Группы Европы», собравшиеся под

негромкую музыку, включенную хозяином дома через ноутбук, приступили к обсуждению всех университетских новостей различной степени свежести и важности, поскольку это учебное заведение для Оксфорда являет собой нечто вроде градообразующего предприятия.

Вспомнили почти всю вертикаль власти своего начальства, его кадровую политику, качество финансирования каждой своих учебных и научных программ. Танита рассказала о слухах вокруг расширения школы реставраторов, Стюарт пожаловался, что в такую неприступную цитадель образования и престижа как Оксфорд, мало проникают прикладные направления наук, и, как следствие, Университет выигрывает недостаточно грантов на разработки, все вместе посетовали на непродуманность расписания занятий, консультаций и собственно часов научной работы, и закончили разговоры об Оксфорде излюбленной темой всех жителей города: «Пора ли переводить должность канцлера с пожизненной на срочную или не пора».

Александр сидел через стол от Сесилии, между Паломой и Майклом Стюартом напротив которого усадили Мери. Он, как и тогда в Глазго, по большей части молчал, не торопясь высказывать своё мнение и не вступая в разговоры по собственной инициативе. Однако этим его сходство с самим собой на том их первом совместном ужине с Жаклин и ограничивалось. На этот раз парень с интересом разглядывал присутствующих за столом, делая исключение только для Мери, очень внимательно слушал всё, о чем велась беседа, не всегда мог сохранять нечитаемость лица и, судя по всему, даже не прилагал к этому особых усилий. Короче, нынешняя компания ему показалась явно интересней, и составлял он её с заметно большим удовольствием.

Жаклин еле-еле сидела на стуле не подпрыгивая. Её просто распирало от удовольствия — он здесь, с ней, с её друзьями, за одним столом, она познакомила его со всеми — это по-настоящему здорово.

Будучи под впечатлением от такого достижения, девушка не смогла обуздать свою фантазию и прогнать из головы поселившуюся там картинку: она танцует с Алексом на одном из праздников в Глазго. Танцует перед всеми: дядюшкой, Алисой, Эшли, Дженни, Марго. Он прижимает её так, как делал это на своём дне рождения с Анной — между ними вообще нет свободного пространства, его ладони почти на её ягодицах, а она зарылась ему в волосы на затылке. Они смотрят друг на друга, и Алекс периодически кратко целует её губы, глаза, щеки, виски. При всех. И никто не хлопается в обморок, и Эшли не хватается за голову, и Алиса не держится за сердце, Марго верит своим глазам, а дядюшка, так тот просто скользит равнодушным взглядом по уже привычной для него картинке. А всё потому, что уже давно ни для кого не секрет, что Жаклини и Александр без ума друг от друга, что они вместе, и они — пара. Эта картинка стала для неё своеобразной навязчивой идеей застолья и всячески мешала «гасить» свой внутренний отклик на пребывание предмета её любви в паре метров от неё, и при обращении к нему, и при взглядах на него не выказывать ему своего особого предпочтения. Но всё-таки компания из десятка человек во главе с мужем достойно противостояла этой, так не вовремя сформировавшейся, мечте и служила довольно действенным отрезвляющим фактором.

А вот с Мери в этом отношении дела обстояли куда хуже. И даже десять человек ей помогали мало. Она смотрела на студента гораздо чаще и задерживала на нём взгляд непростительно дольше, чем это позволяли понятия элементарной вежливости. И даже когда тактичность и воспитанность брали верх, и женщине удавалось перенаправить своё внимание на других присутствующих за столом, или даже — о, чудо! — заинтересоваться их

беседой, первое же заметное или резкое движение этого красивого шотландского юноши «отбрасывало» её далеко назад на пути к равнодушию по отношению к нему. К тому же, к немалому огорчению невестки, её золовка не проявляла ни малейшего интереса к сидящему напротив Майклу Стюарту. И судя по всему, это было взаимно.

Что же касалось самого красивого шотландского юноши, то сколько Жак ни посматривала на него, сколько ни подглядывала, так и не смогла определить его отношение к поведению своей гостьи из Корнуолла. Не смогла она уличить парня ни в раздражении нетактичностью Мери, ни в том, что всё это тешит его самолюбие — именно эти две реакции с его стороны были для девушки априорно ожидаемы в данной ситуации.

«А ведь сегодня будут еще и танцы», — уже заранее начинала переживать она.

И её опасения оказались не напрасны.

Когда все отдали должное блюдам и напиткам за столом, после чего почувствовали себя более раскованно и свободно, некоторые из присутствующих, включая Александра, приступили к игре в бридж, который всё еще остаётся неизменным атрибутом английских вечеров, и проследовали для этого в кабинет Чарльза, в котором Жаклин до этого прибиралась два дня кряду. И только лишь один Гвидо Тикарани, найдя в плейлисте хозяина медленную композицию Бьяджо Антоначи и Адриано Челентано, которую сам же ему и скинул с полгода назад, пригласил свою жену на медленный танец.

Жаклин, незаметно подойдя к Паломе, позвала её в комнату для гостей на второй этаж. Там стоял небольшой стол, за которым можно было побеседовать о том самом задании.

Просмотрев список вопросов и подборку требований, которые принесла студентка, доктор Рочестер пришла к выводу, что ничего особенного и особенно сложного в них нет. Это был довольно стандартный набор моментов по травматике, обострениям, приступам. Давались некоторые варианты ситуаций, к которым нужно привести примеры и данные статистики. Так же куратор не обошел вниманием документацию и правила её заполнения. Заканчивалось всё предложением дать рекомендации к обеспечению безопасности здоровья людям, находящимся в зоне риска, и подчеркнуть и обосновать важность здорового образа жизни. Жаклин пообещала помочь в том плане, что смогла бы подобрать некоторые истории болезней, разумеется, без личных данных и данных страховки, и перечислить нюансы оформления документов в различных случаях. Палома заранее поблагодарила.

Когда они спускались по лестнице, к ним навстречу уже шла Мери со своими нервно сжатыми кулачками. Однако преградила путь она только одной Паломе и молча, в ожидании, посмотрела на Жаклин, как бы предлагая ей следовать дальше, не задерживаясь. Что та и сделала, пройдя в гостиную.

Но очень заволновалась — она не очень доверяла золовке, зная её прямолинейность, эгоистичность и, ей было не совсем удобно употреблять это слово даже про себя — неотесанность. Мери, с её грубоватыми, деревенскими замашками легко могла сообразить неловкую ситуацию, а увлечшись привлекательным студентом, стала опасна вдвойне.

Жаклин чисто из благих побуждений, куда бы там ни была вымощена ими дорога, устроила эту вечеринку с участием Мери. Вспоминая состояние женщины в Хемпстоне, девушка действительно хотела ей помочь, немного развлечь и подарить положительные эмоции. Будучи той, которой повезло родиться в Лондоне, она чувствовала себя в выигрышном положении по отношению к таким как Мэри, и из великодушия, как могла, старалась чуть скорректировать положение, предоставляя возможность провинциалке хоть ненадолго вырваться из глубинки, из узкого, замкнутого круга её общения и сменить его

вместе с картинкой перед глазами. Тем более, что её золовка была всё-таки довольно умна и иногда неожиданно сообразительна и интересна в общении — это если привыкнуть и не обращать внимания на её манеры и повадки. Ну, кто ж знал, что «старая дева» и «синий чулок» по-корнуолльски сможет увлечься юношей, годившимся ей в сыновья. Поэтому девушка проследовала к гостям, мысленно решив «быть поблизости».

Но в гостиной её быстро отвлекли — на диване сидела Сесилия, почесывая за ушками разлётную рядом Сулу, и беседовала о чем-то с расположившейся в соседнем кресле итальянской четой. У окна, возле бюро с ноутбуком, в котором играла очередная медленная композиция, стояли Кевин и Майкл и что-то в нём просматривали. Оглянувшись на вошедшую, последний тут же развернулся к ней навстречу, раскрыв объятия — за время отсутствия хозяйки мероприятия мужчина явно успел прибавить промилле в крови.

— Жаклин, дорогая, разреши тебя пригласить. — Он протянул ей руку.

Танцевать с кем бы то ни было еще, кроме Алекса — последнее, что сейчас хотела бы «дорогая», «спасибо» еще и золовке, но «должность» обязывала, и поэтому...

— С удовольствием, Майкл, — великосветски улыбнулась приглашенная.

Мужчина мягко обнял её за талию и повёл в танце.

Услышав громкий голос Майкла в гостиной, из кабинета выглянул Айвор и с возгласом: «Оу, да здесь танцуют!» — опять исчез в дверях. Через некоторое время он вытащил оттуда свою Кайлу, которая слегка упиралась и смущенно смеялась, глядя в том числе и на Жаклин, и так же смущенно приняла приглашение мужа на танец.

Вскоре из кабинета вышел еще и виновник торжества. Только взглянув на Чарльза, девушка поняла, что, скорей всего, бридж для него, как и для Майкла, явно не прошел «всухую»: «Не иначе как играли на выпивание, и они с Майклом в паре опять продули». Такое бывало уже не раз, став почти традицией — насколько Чарльз хорошо играл в шахматы, настолько же плохо — в карты.

— Ха! Дружище! — увидев танцующих, сходу воскликнул Чарльз. — Мало того, что ты играть не умеешь, и из-за тебя мы продули, так ты еще и с чужими женами танцуешь без разрешения. — Он, смеясь, подошел к ним и положил руку жене на плечо. — Жаклин, дорогая, бросай этого лоха, потанцуй лучше со мной.

Майкл со смехом тут же повернул свою пару так, что оказался сам спиной к приятелю.

— Да это ты играть не умеешь! Еще раз говорю: на кой было лезть с теми двойками? Кто тебя просил? — бросил он, посмеиваясь, через плечо.

— Да что ты пристал к моим двойкам. Самому нужно было козырей не жалеть, а отбиваться, и всё бы было нормально... так что... отпусти её, — Чарльз легко ударил мужчину сзади по лопатке.

— Отойди от нас, — в шутку дёрнул в его сторону плечом Майкл. — Жаклин, скажи ему.

— Мальчики, не ссорьтесь, — принялась было смеяться девушка, но тут же поперхнулась, ибо увидела, что ко всем наблюдающим за ними в гостиной присоединился еще и Александр, остановившись в дверях кабинета. — Чарльз, скоро песня заканчивается, и следующий танец я буду танцевать только с тобой, дорогой, — закончили её губы сами по себе, тогда как мозг был занят фразой: — «Господи, и почему сегодня именно пятница и именно тринадцатое!».

Услышав, что после слов жены композиция действительно пошла на убыль, Чарльз отошел к столу, а Майкл, слегка дурачась, поклонился своей партнёрше.

— Спасибо за танец. — Та в ответ молча кивнула. — Повторим, когда твоего картёжника не будет рядом?

Девушка засмеялась, но ничего не сказала — её интересовало только одно: что в эту минуту думает и чувствует Александр, который сейчас уже о чем-то разговаривал с Кевином, стоя у бюро с ноутбуком.

И вот тут «пятница, тринадцатое», вознамерившись подтвердить свою репутацию и показать, что заполучила её не зря, решила чуть встряхнуть компашку и напомнить, кто здесь на самом деле правит балом.

Чарльзу, который почему-то оказался самым пьяным на этом вечере, вдруг вздумалось пообщаться с молодёжью. Он подошел к парням у бюро и что-то начал у них расспрашивать. Самих слов было не разобрать, но Жаклин, на тот момент присевшая рядом с Сесилией, не сильно переживала — если Алекс уже участвует в бизнес-переговорах с Кирком, у него должно хватить ума, минуя вниманием количество градусов в выпитом им алкоголе, поддерживать разговор адекватно обстановке, и благоразумия — не подвергнуть опасности конфиденциальность своего статуса «любимого мужчины жены собеседника».

Не успел хозяин дома перекинуться и парой фраз со своими молодыми гостями, как к троице присоединился Майкл, и вот тут уже на горизонте замаячили последствия, характер которых явно оставлял желать лучшего.

Конечно же, Майкл перетянул внимание Чарльза на себя и начал что-то в шутливой форме ему высказывать.

— Ну так а я откуда знаю, Майк! — громко возмутился в ответ Чарльз, смеясь. — Они мне сказали, что ловили на перемёты, а там, может быть, и на удочку, я не проверял. — После чего, прослушав что-то от своего приятеля, продолжил: — Они ездили на озёра, названия я не помню, но точно знаю, что это туда...в сторону Сайренсестера. — И он, вскинув руку, махнул ею на окно у себя за спиной, опрометчиво забыв о диффенбахии — подарке жене от одной из коллег на последний день рождения-самым коварным образом «притаившейся» почти на самом углу бюро, ближе к окну.

Это яркое комнатное растение с крупными пятнистыми, так называемой «тигровой» окраски, листьями в красивом глиняном горшке всегда стояло на окне в его кабинете и с третьего августа успело уже заметно подрасти, достигнув примерно фута полтора в высоту. Но пару дней назад Жаклин принялась убираться в «логове» преподавателя истории, и, поскольку все его бумаги со стола абсолютно никуда не помещались, она сложила всю эту «макулатуру» на подоконник и элементарно задёрнула шторой, а цветок перенесла сюда, в гостиную, и поставила на бюро, поскольку здешнее окно и так уже очень сильно напоминало оранжерею.

Диффенбахия упала на пол прямо к ногам Алекса, глиняный горшок разбился на множество осколков, земля рассыпалась прямо парню на ботинки, несколько листиков преломились.

— Гав! — первой, как и положено, среагировала Сула, после которой засуетились и заговорили все сразу.

Александр ничего не оставалось делать, как нагнуться и первым делом взять в руки выпавшее из посуды растение. Он держал его ладонями снизу, за корневую систему, вместе с зацепившимися остатками земли.

— Чарльз! — крикнула Жаклин, направляясь к бюро и с укором глядя на мужа.

Её хулиганка тоже намеревалась было присоединиться к хозяйке и помочь отчитать

хозяйина и убрать беспорядок, но её не пустила Сесилия, предложив щенку понаблюдать, как беспомощные и бестолковые люди будут справляться с ситуацией самостоятельно, лишённые направляющей силы разума их умницы.

— Оу, извини, дорогая, я не хотел! Прости, пожалуйста, — залепетал мужчина.

— Алекс, идём со мной, — приказала девушка, глядя на застывшего гостя с ростком в ладонях, — сейчас освобожу ведёрко из-под йогурта для щенков, и ты туда положишь цветок. — Она поманила рукой юношу за собой на кухню.

— Жаклин, где у тебя совок и веник? — попутно спросила хозяйку подскочившая Танита. — Я пока подмету.

— В ванной, дорогая, — пояснила девушка на ходу. — Возьми там, пожалуйста, и всё что соберёшь, выбрось в мусор в прихожей.

— Хорошо, — кивнула соседка и тоже направилась из комнаты.

— Всё из-за тебя! — в шутку выверился Чарльз на Майкла.

— А я при чём?! Нет, вы видели — он руки не может при себе держать, а я виноват, — посмеиваясь, оправдывался Майкл.

Влетев на кухню, хозяйка первым делом ринулась в холодильник и, схватив там ведёрко с йогуртом для Сулы, метнулась в прихожую и вылила собаке остатки содержимого, к немалой радости последней. Справившись, она в раковине быстро вымыла ёмкость горячей водой.

Александр молча неподвижно стоял почти рядом с раковиной с цветком в руках.

— Вот. — Повернулась к нему Жаклин от мойки с уже чистым ведёрком. — Клади сюда. — И вскинула взгляд на гостя.

И вот тут он расплылся в улыбке. В глазах бесенята катали друг друга на газонокосилках, а тот, самый талантливый, крутился на черенке лопаты, изображая движения стриптизёрш. Сделав ещё полшага вперёд и оказавшись вплотную к девушке, «лучший друг диффенбахий» начал поднимать свои сцепленные руки с ростком у неё над головой и опустил их уже за её спиной, как бы «надев» их на девушку через голову. Ведёрко ему очень мешало прижаться к ней всем телом, но хозяйка убирать посудину не спешила по понятным причинам, которые и не заставили себя долго ждать.

— Александр, что ты... — зашипела в ужасе девушка, но видя, что её слова могут принести больше вреда в виде подозрительных звуков, нежели пользы как шанс образумить её гостя, продолжать не стала.

Только-только юноша чуть прижал её к себе, слегка надавив на спину предплечьями, поскольку ладони у него были заняты, и только начал наклоняться к её губам, как послышались чьи-то твёрдые шаги. Он молниеносно расцепил руки, освободив свою «пленницу» и рассыпав немного земли вокруг них, и в следующую же секунду уже опускал цветок в ведёрко.

А в дверях стояла Мери.

Часть 2

То, что она вообще остановилась на пороге, а не прошла в кухню сразу, было плохо. Очень плохо. Но Жаклин, уже давно привыкшей к не самому доброжелательному отношению к себе со стороны корнуоллки, и смирившейся с тем, что та её всегда подозревала не то в чем-то архи неприличном, не то и вовсе в чем-то мега преступном, удалось быстро справиться с собой и взять ситуацию под контроль.

— Спасибо, Александр. Можешь пойти помыть руки в ванной, — сказала она, стараясь вернуть себе свой тембр и интонации пятиминутной давности. И не дожидаясь, пока юноша последует её совету, отвернулась опять к крану, чтобы чуть налить воды в ведёрко. — Мери, ты что-то хотела? — проговорила она через плечо уже как ни в чем ни бывало всё еще не двигающейся с места золовке, мимо которой протискивался к выходу «спаситель диффенбахий».

— Я вот... принесла, — золовка положила на стол подставку под горшок, неизвестно каким чудом сохранившуюся в целостности и сохранности. — Может, еще пригодится. — И, развернувшись, тут же вышла из комнаты.

— Фу-у-у-ух-х-х-х... — с желанием выдохнула Жаклин и опёрлась руками о раковину, — «Адреналина ему, видишь ли, захотелось. — Она прошла и поставила ведёрко на окно. — Вот попались бы сейчас, адреналина бы тут всем хватило. Никто бы без адреналина не ушел». — Поставив ведро, она принялась поправлять в нём цветок.

После того как всё было прибрано и вымыто, Чарльз, видимо, желая загладить свою вину, подошел к жене, стоявшей и разговаривавшей с Танитой, и, обняв её за талию, подвёл к столу и предложил опять всем выпить. На этот раз — за его супругу. Без которой, по его словам, он не смог бы добиться того, что они все сегодня здесь празднуют.

Все уже были в сборе в гостиной и с желанием откликнулись на поступившее предложение. Сесилия, воспользовавшись интересом, проявленным к её подруге, тут же не преминула вставить несколько слов о том, какая она у неё замечательная: умная, весёлая, трудолюбивая, порядочная, приятная в общении и при этом настоящая леди. Женщина взяла такую «высокую ноту» в своём положительном мнении о хозяйке, что всё тот же Майкл, стоявший по другую руку от Жаклин, напротив Чарльза, выглянул из-за неё на своего друга.

— Повезло тебе с женой, старина, — и он изобразил улыбку, которая, судя по всему, в его понимании должна была выглядеть лукавой. — Береги её, а не то уведу. — После чего к «лукавости» он добавил еще и «агрессивности».

Чарльз тут же показал ему кулак, после чего другой рукой вальяжно обнял свою жену за шею, развернул к себе и довольно бесцеремонно и спьяну неумело поцеловал в губы.

Он давно этого не делал. Довольно давно. Поэтому на Жаклин сразу же нахлынуло очень много воспоминаний: она вспомнила его губы, его вкус, его движения, его манеру пускать много слюны при поцелуе, и когда неминуемо пришла очередь сравнивать с поцелуями того, кто сейчас стоял где-то сбоку стола, от почувствованной разницы у неё защемило внутри. Почему она никак не может решиться уйти от этого мужчины, почему жалеет его и позволяет обстоятельствам давить на себя? Почему унижает его обманом? Почему она такая слабая и нерешительная? Почему так?

Но и сейчас было не время отвечать на эти вопросы, поэтому, взяв себя в руки, девушка

приготовилась продолжить играть свою роль — когда Чарльз, под возгласы и аплодисменты гостей, оторвался от неё, она смущенно-мило улыбалась.

Смотреть, что там с Алекса, она боялась, опасаясь увидеть в его глазах толпу своих друзей-бесенят, вооруженных до зубов какими-нибудь пулемётами Uzi или лазерными пистолетами — она видела такие в кино про Бэтмена... кажется. Но любопытство и желание быть в курсе всё-таки победило, поэтому через некоторое время девушка решилась, для отвода глаз обведя взглядом всех присутствующих.

Никаких Uzi и лазерных пистолетов в её любимых «тюльпанах» не присутствовало и в помине. Там бесенята, насвистывая мелодию из фильма «Эммануэль», полировали свои копытца лоскутками тартана, периодически вытягивая лапки и любуясь своей работой. Александр излучал высокомерие и спокойствие — у парня были все задатки непробиваемого характера, и он, вне всякого сомнения, был достоин компании Мери и Леонардо ДиКаприо. Или даже они — его.

«Пф-ф... и это, по-вашему, поцелуй, профессор? — сцепив зубы, он на всякий случай сделал полшага назад, на этот раз не доверяя своему покер-фейсу. — Вот это вот? Серьёзно? Ну-ну... — после чего он встретился глазами с Жаклин и, прочитав в них вопрос: она беспокоилась о том, как он себя чувствует после «такого», удовлетворил её любопытство. Потом девушка перенаправила своё внимание на других присутствующих, а он продолжил: — Пф-ф... с ним всё ясно, — с натужным удовольствием парень ставил оценку преподавателю истории. — На её месте я бы тоже от него ушел. Так... мусолить и слюнявить такие губки, такой ротик, а там внутри еще и такой язычок! Да еще и когда у тебя есть шанс показать себя во всей красе! — Александр понимал, что сейчас может себе позволить только это и очень немного, хоть ему и хотелось другого и намного больше. — Меня бы на его место... — уделив достаточно внимания Чарльзу, юноша тут же переключился на себя, любимого, и дьявольская улыбка заиграла в уголках губ, — я бы им всем тут показал. — При такой перспективе улыбка стала шире и он, облизнувшись, спрятал глаза в стакане с виски, а отхлебнув, сложил свои идеальные губы в такой же идеальный бантик. — Хотя, нет, на хрен надо — моё место меня больше устраивает». — И как бы желая выпить именно за это, он одним махом опрокинул остатки обжигающей жидкости себе в горло.

Парень, может быть, продолжил и дальше в том же духе, но тут к нему с каким-то пустяком обратилась Сесилия, и он с удовольствием откликнулся — эта женщина внушала ему симпатию и доверие с первого взгляда. И хоть, судя по разговорам, она работала медсестрой, то есть, скорей всего, образование у неё было не самое лучшее, но зато мозги отменные, да и характер тоже не подкачал. Ему почему-то казалось, что вот именно такой будет Жаклин в её, Сесилии, возрасте, ну или же Александр просто выдавал желаемое за действительное — сам он этого не понял.

Пока наливали, пили и перекидывались фразами, опять заиграла медленная мелодия. И вот тут «пятница, тринадцатое» «ударил» «тяжелой артиллерией».

— Александр, разреши пригласить тебя на танец, — подойдя к юноше, Мери взяла рукой его за плечо.

Все смолкли, немного оторопев, но тут же быстро засуетились как в ни в чем не бывало — это дело не их, а только этой женщины и этого молодого человека.

Жаклин застыла. Её сковал довольно внушительной силы страх того, что Александр сейчас может автоматически посмотреть на неё в поиске одобрения или просто реакции на

происходящее, а это было бы уже лишним. Но после того, как приглашенный сразу же посмотрел на Палому за этим же самым, улыбнулся и, получив улыбку в ответ, сказал, обращаясь к женщине: «С удовольствием, Мери. Прошу вас», — и протянул ей руку, Жак выручило только то, что всем было абсолютно не до неё. Да если кто-то и обратил бы внимание на её расширенные зрачки и раздутые ноздри, вряд ли нашел бы в этом что-то подозрительное или неестественное после смелости её золовки.

Но всё это её богатство в мимике относилось не только к откровенности и открытости поступка Мери, а еще и к поведению того, кого она «осчастливила» своим приглашением — получив такой реверанс в его сторону от взрослой, состоявшейся женщины, старше его в два раза, Александр отреагировал так, будто Жаклин не имелось ни в этой комнате, ни в его жизни.

«А я как дура ему в глазки заглядываю: не обидел ли его этот поцелуй, не больно ли ему? — ревнивица чего испугалась, на то же и обиделась. К тому же она точно знала, что на его месте не смогла бы повести себя столь же безупречно, и от этого злилась еще больше. — Да подумай! Тоже мне, Мистер Совершенство! Куда уж нам... таким всем неидеальным до такого... «бриллианта». — Обиженная рвала и метала внутри, направляясь к Чарльзу, чтобы пригласить его на танец.

А еще Кевин предложил потанцевать Паломе, этим же решили заняться супруги Тикарани и Майкл с Сесилией, которую Брайс и Кайра сменили на посту у ушек Сулы, чередуя их теперь уже со спинкой и пузиком, только на диване не в гостиной, а в кабинете.

Девушка очень плохо помнила, о чем они разговаривали с мужем во время танца. Кажется, начав с Мери и её «подвига», они обсудили то, как продвигается вечер и чем всё это дело желательно бы закончить.

Жаклин на правах переживающей маленькой хозяйки большого бала, в которую она в мгновение ока превратилась после инцидента с Мери с Алексом, в общем-то, не стесняясь, разглядывала их пару — только лишь взглянув на Палому и Кевина, она осталась за них спокойна — те что-то уже оживлённо обсуждали между собой.

А вот колоритная парочка учительницы и студента выглядела менее стабильно. Миссис Рочестер изо всех сил старалась энергию своей ревности, вообще не пойми откуда взявшуюся, перенаправить на поддержание, так сказать, гомеостаза* этого вечера. Девушка очень боялась, что Мери не остановится на достигнутом, войдёт во вкус и продолжит испытывать на прочность терпение и джентльменство юноши. Но, как бы там ни было, понаблюдать за ними оказалось интересно и, что самое важное, поучительно.

Что касалось Алекса, то о нём речь не шла вообще — он танцевал со своим старым добрым покер-фейсом и, судя по всему, изменять ему с другими выражениями своего лица-картинки не собирался.

Лицо Мери же на полном серьёзе светилось торжеством победы над своими годами и над очевидностью того мезальянса, который она сейчас составляла со своим партнёром по танцу. Она воспринимала себя слишком всерьёз в этой ситуации. Впрочем, как и во многих других.

«Ей бы юмора... самоиронии... хоть капельку... — делала заметки себе в голове Жаклин. — Да и мне, наверное, тоже, не помешает». Она теперь мысленно поблагодарила золовку за её выходку, которая позволила ей посмотреть на себя со стороны.

Как разошлась после танца самая колоритная пара вечера, хозяйка не уследила — когда музыка подходила к концу, к ним с Чарльзом подошли Кайра и Айвор, имея «на хвосте» в

мгновение ока разбалованную вниманием Сулу, и стали благодарить за прекрасный вечер, готовясь откланяться.

Все засуетились и стали продвигаться в прихожую — провожать Олдансонов. Только Кевин и Палома, достав свои телефоны, ушли на кухню и что-то там сверяли в мобильниках друг у друга, да еще Александр направился в кабинет — посмотреть библиотеку хозяина дома.

Когда все уже собрались у входных дверей и попрощались, Айвор вдруг вспомнил, что в кабинете, за диваном, забыл пару журналов «Science», которые давал Чарльзу для проработки. Жаклин вызвалась их принести. Неверная Сула, с недавних пор водившая дружбу теперь уже с Сесилией и супругами Олдансонами, а не со своими хозяевами, видимо, всё-таки соизволила вспомнить, чья она собака, вернуться в лоно семьи и, решив помочь хозяйке с журналами, рванула вслед за ней.

Выворачивая из гостиной в кабинет, девушка увидела стоявшего там у стеллажей с книгами МакЛарена. Он явно слышал её обещание в прихожей и уже поджидал взглядом в упор. Она притормозила, «споткнувшись» о его глаза, но её ждали журналы и Айвор, и поэтому Жаклин поспешила. Не разрывая зрительного контакта с молодым человеком, девушка вошла в кабинет и тут же была в полном молчании молниеносно захвачена за шею сильной родной рукой и затянута чуть за дверь комнаты. Её слегка опрокинули назад, и в это же мгновение её рот уже терзали сладкие желанные губы. Только Жак успела раскрыть навстречу свои, а Сула- вцепиться наглецу в брючину, как всё закончилось — её отпустили.

— Сула, фу, дай пройти, — тут же громко заговорила конспираторша, отдирая щенка от ненавистной брючины. Охранница, как ни странно, послушалась сию же секунду, как бы давая понять, что, когда ее хозяйку не трогают, она тоже никого не трогает. Жаклин, пригрозив щенку пальцем, прошла к дивану, оглядываясь на Александр, который сейчас взглядом продолжал дело, начатое руками и губами. Девушка, улыбаясь и не в силах скрыть своё довольство произошедшим, взяла пакет и, свернув журналы прямо вместе с ним, направилась на выход. Проходя мимо «захватчика», она сделала вид, что уже собирается выйти, но, быстро развернувшись в пол-оборота, легонько хлопнула журналами ему по лбу и тут же пулей рванула в гостиную под повизгивания своей собаки.

Буквально вылетев из комнаты, она увидела застывшую на пороге в гостиную Мери. Золовка стояла в нерешительной позе со своими неизменными спутниками — сжатыми кулачками, готовая вот-вот выглянуть за угол в кабинет. Выбегающую оттуда невестку она встретила вскинутым подбородком, выгнутой бровью, линией губ «в ниточку» и открытым вызовом и подозрением во взгляде. Ни девушка, ни её собака не успели как-то отреагировать на женщину, а молча пронеслись вдвоём мимо в прихожую.

«И как давно... это привидение здесь стоит, интересно?» — только и успела подумать Жак.

После того как ушли Олдансоны, Палома, вернувшись в гостиную, объявила, что ей тоже пора уходить и посмотрела на Алекса. И тут всех удивил Кевин — он с другого конца комнаты громко попросил её задержаться еще на один танец и, получив согласие в виде улыбки и кивка головы, кинулся к ноутбуку выбирать композицию.

Сесилия снисходительно заулыбалась, а мистер МакЛарен, не мешкая, подошел к Жак и протянул руку.

— Могу я пригласить на танец хозяйку этого гостеприимного дома?

Та подала ему свою ладошку, просто не в силах скрыть удовольствия и чувства

глубокого морального удовлетворения, да и как бы она это сделала, интересно, с его еще не остывшим поцелуем на своих губах.

«К тому же, раз уж он у нас теперь тут общепризнанный красавец, то почему мне не может быть приятно с ним потанцевать, так ведь?» — заносчиво оправдывала она саму себя.

— Ну, так ты всё-таки решила, как будешь встречать Рождество? — спросил Александр, только лишь положив руки ей сзади на талию, намекая на их недавний разговор по телефону о планах на праздник.

— Да, мы будем дома вдвоём с Чарльзом. — Она посмотрела на супруга, приглашающего в этот момент на танец Сесилию. — Мери не хочет приезжать к нам на сам праздник — говорит, Рождество встречает только дома, но всё-таки, хвала небесам, согласилась сразу после сочельника приехать и посидеть на каникулах с Сулой, пока Чарльз будет во Франции, а я — в Глазго. А ты? Что у тебя? Ты едешь домой? — сделала она ударение на слове «едешь», как бы интересуясь его готовностью к каникулам в плане учебы. Девушка подняла глаза на своего партнёра с серьёзным, участливо-любопытным выражением, этим как бы отстраняясь от всех ради Алекса, показывая, что хочет сосредоточиться на этом своём госте и уделить ему достаточно внимания, как любая уважающая себя гостеприимная хозяйка. Хотя у неё уже давно было ощущение, что она изменяет этому парню со всем белым светом во главе с Чарльзом.

— Да. — Александр кивнул. — То есть, нет. — Опять такой же кивок. — Я не сразу направляюсь в Глазго. Сначала двадцатого еду в Лондон к Кирку, потом на двадцать второе у нас с ним билеты из Хитроу в Прествик. На следующий день, двадцать третьего, мы все вместе: он, я, мать и Дженн едем на моей машине к Рональду — Рождество будем встречать у него в Килмарноке.

— Какая красота! — глаза девушки распахнулись с детской непосредственностью и зажглись восхищением. — Рождество в горах, на ферме! Ой, ну что может быть лучше! Это та-а-ак классно, Александр. Кто это придумал?

— Кирк. — Юноша улыбался, залюбовавшись её искренностью. — На самом деле, тут и придумывать-то было нечего — мы уже так делали пару раз. Он любит забуриться в горы на праздники, поэтому договорился с Ронам приехать к нему. За ним увязался я, потому что мне тоже это по кайфу. — Жаклин умильно улыбнулась. — За мной потянулась Дженн. Ну а матери не встречать же Рождество одной, она тоже едет с нами.

После перечисления этой цепочки у его партнёрши только что на лбу не загорелось табло с надписью: «А я? Я тоже хочу с вами!» Но реакция парня на её сложенные домиком бровки и глаза «кота из Шрэка» была, мягко сказать, неожиданной. В пару секунд став серьёзным, он низко опустил взгляд, как бы собираясь с мыслями, а когда поднял их, Жак даже немного отстранилась. Ей захотелось оглянуться по сторонам — где там Мери и не смотрит ли на них кто-нибудь другой? В «тюльпанах» её любимого мужчины будто шел текст какого-то вежливого интимного послания. А следующие слова прозвучали как дайджест.

— Я обязательно свожу тебя в горы, Жак, когда мы будем в Глазго. Обязательно. Но ты поедешь туда только со мной... вдвоём... ты и я. Ты, главное, приезжай, хорошо? — он наморщил лоб и прищурился. Бесенята в его глазах вешали между столбами растяжки со словом «Welcome», а один, самый талантливый, уже открывал зубами бутылку шампанского.

Жаклин часто заморгала и судорожно вздохнула.

— Мм... да-да, конечно, я же сказала, что приеду. — Она вернула взгляд к Алексу и

часто закивала. — Обязательно приеду.

— Я буду тебя там ждать. — Почти одними губами поставил молодой человек «печать» под своим посланием, ею же скрепив их уговор. От такого обещания и вытекающей из него перспективы Жаклин как-то сразу смутилась и притихла. Опустив голову, она так же потихонечку, незаметно для окружающих, во всяком случае, так она надеялась, прикоснулась лбом чуть ниже левой ключицы своего партнёра — этот жест был наиболее невинным, как ей казалось, из всех, каким она могла сейчас дать понять своё отношение к поездке в горы с ним вдвоём.

У юноши от этого прикосновения потеплело внутри. Не отнять свои руки от её талии в этот момент, и не зарыться ими в эти шелковые «пружинки», и не прижать её голову к себе еще сильнее стоило ему усилия воли, необходимого для двухдневного занятия по риторике, которую он возненавидел с первой минуты первого занятия и называл «балабольнёй». Да и вообще... как только не называл.

Однако лишенный возможности проявить сейчас всю свою нежность, которую, в таких непривычных для него количествах, рождала в нём эта англичаночка, и, понимая всю опасность того, что она сейчас делает, он, тем не менее, не стал «выдергивать» её из этого состояния и разрушать их интимный момент. Вместо этого парень как ястреб принялся «сканировать» пространство, охраняя это их прикосновение от грубого и неминуемо разрушительного внимания окружающих, и чтобы при первой же опасности привести всё в благочестивый вид, не дав присутствующим с хозяином во главе и с Мери в авангарде, повод заподозрить Жаклин в превышении «служебных полномочий».

Но всё было вполне себе невинно и спокойно: пьяненький Чарльз танцевал с Сесилией, вернее, меньше танцевал, больше о чем-то оживлённо болтал, пара Кевин — Палома отличалась от них только меньшей степенью опьянения партнёра.

А потом из прихожей вошла Мери.

Александр среагировал мгновенно.

— Знаешь, что мне сказала Палома?

— Нет. — Жаклин подняла голову и отрицательно покачала головой. — Что?

— Что к ней подходила Мери и спрашивала: является ли она моей девушкой или нет? И если да, то можно ли этой Мери пригласить меня на танец? — рассказывая всё это, он так повернул свою партнёршу в танце, что она боковым зрением смогла увидеть вошедшую золовку, которая даже и не скрывала, что смотрит только на них. Но ни Жаклин, ни Александр не хотелось гадать о том, чем конкретно они обязаны такому вниманию: симпатией к нему или уже подозрению в существовании «их».

Поэтому они принялись просто болтать.

— И та ей «дала зелёный свет», и Мери тебя пригласила.

Юноша кивнул и дополнил:

— А еще Палома предложила, что если мне, как заднеприводному...

— Александр!

— ... если мне как гею неприятны подкаты этой... — он хотел сказать «тётки», и его собеседнице даже показалось, что она уже услышала это слово, — мадам, то я мог бы ей признаться, что предпочитаю мужчин — в этом нет ничего паршивого и постыдного. Эта медичка-маньячка, признаться, уже достала меня со своей толерантностью — постоянно склоняет к каминг-ауту. — Александр раздраженно закатил глаза.

— Она хорошая и желает тебе добра. — Жаклин без зазрения совести лукавила,

заступаясь за свою будущую коллегу. Вообще, она приходила в ужас от того, как он легко мог сделать её счастливой, всего лишь негативно или насмешливо отозвавшись о любой другой женщине здесь или где-нибудь ещё в Мире. Понукаемая своим воспитанием, она даже про себя решила бороться с этим. Когда-нибудь потом. — К тому же, ты просто можешь перестать с ней общаться.

Лицо «гея» окрасилось высокомерием, и губы искривились тем же.

— И профукать необходимость её сопровождать, как шикарный повод видеться с тобой? За кого вы меня принимаете, доктор Рочестер? Не-е-ет, она пока мне нужна... так что... пусть будет.

Жаклин зажмурилась и в неверии покачала головой.

— Какой же ты корыстный, Алекс.

Тот в лучших традициях Мефистофеля выгнул свою идеальную бровь.

— Я плохой?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она скептически сжала губы.

— Плохой — Усама бен Ладен, а ты... — девушка хотела как-то охарактеризовать его, дать ему какое-то определение, но быстро сдалась: «Какие уж тут могут быть определения». — Кстати, об Паломе — как ты относишься к тому, что они с Кевином явно интересны друг другу?

Красавец отвернулся в сторону.

— Мне — в две линии.

У неё даже лицо вытянулось.

— Вот как? А вдруг он займёт твоё место и начнёт её везде сопровождать, в том числе и на встречи со мной? — Жак прищурилась.

Александр сдвинул брови и задумался. Но быстро вернул свою уверенность и лёгкую надменность и даже чуть ли не зевнул.

— Пусть Кевин пойдёт умоется и почистит зубы — я знаю кое-какой секрет.

«С ним никогда не соскучишься»

— Какой секрет?

Парень просто молча смотрел на неё, явно чего-то ожидая.

— Это такой секретный секрет, что ты не можешь мне его рассекретить?

Тут он картинно закатил глаза как человек, которого достали уговоры.

— Жаклин, это с твоим-то умом не понимать очевидного. Ты меня разочаровываешь. Вернуть внимание Паломы проще простого — нужно просто заболеть, ну или хотя бы притвориться, что заболел, и всё, она твоя. У меня есть реальные подозрения, что она от этого возбуждается.

Его партнёрша слегка затряслась в немом смехе.

— Что ты смеёшься, я не шутил, между прочим. Хочешь, давай прямо сейчас проверим — я подойду к ней и скажу, что у меня болит голова. Ставлю свою Q7, что Кевин будет забыт в четверть секунды. Говорю тебе: она маньячка.

Девушка покачала головой, опять упёршись в его плечо. Со стороны можно было подумать, что она пытается его забодать. Но потом всё-таки подняла голову.

— Я тебе верю... — она хотела продолжить, но её остановил в его глазах лихорадочный блеск и бесенята, щекочущие друг друга дефибрилляторами. — А-а-а-алекс... — предостерегающе медленно сказала она. — Алекс, я тебя умоляю...

— Всё будет нормально. Не бойся. — И он заговорщицки ей подмигнул.

Переубедить его, судя по всему, было бесполезной тратой времени и сил, тем более что музыка подходила к концу. МакЛарен, глядя девушке в глаза, отпустил её талию, и, взяв ладошку обеими руками, приложился губами к тыльной стороне. Хорошо так... приложился.

После чего решительно направился напрямиком к Паломе, которая стояла и разговаривала с Кевином. Александр подошел к парочке и что-то сказал девушке, забравшись всей левой пятернёй себе в волосы. Палома вскинула на подошедшего внимательный взгляд, и в первую же секунду после его слов её глаза зажглись нешуточным беспокойством, а во вторую — блеском воодушевления. Будущая врач что-то ему ответила, после чего перевела взгляд на хозяйку вечеринки и направилась напрямиком к ней.

— Жаклин, большое спасибо тебе за гостеприимство, — затараторила она в спешке, остановившись перед девушкой, — за этот чудесный вечер, но, к сожалению, мне пора, да и у Алекса что-то голова разболелась, наверное, нужно ему давление измерить.

«Из неё получился бы отличный реаниматолог», — с удовольствием подумала доктор Рочестер.

— Голова, говоришь? Вот как? А мне он что-то ничего не сказал. — Потом она прибавила порядочную дозу децибелов в голос. — А давление я могу ему и здесь измерить и даже укол эналаприла сделать. — Она перевела взгляд на «больного».

Услышав страшное слово... анлаприл... алаприна... ну, в общем, какое-то страшное слово в контексте со словом «укол», «больной» слегка побледнел своим красивым лицом и, того и гляди, грозил из категории «лже» с давлением сто десять на семьдесят перейти в категорию «реальный» с тем же показателем, но уже двести на сто двадцать.

— Нет, спасибо, я думаю, такие радикальные меры преждевременны, — попыталась вернуть ему розовый цвет лица Палома, поскольку тоже говорила довольно громко. — Полагаю, он просто переутомился с учебой, а тут алкоголь этот...

— Он шотландец, — безжалостно отрезала доктор Рочестер, чётко отслеживая, чтобы каждое её слово достигало шотландских ушей. — Еще не хватало, чтобы у шотландца от виски голова болела. Но ты права, — сменила она гнев на милость уже потише, видя, как к ним направился тот самый шотландец с Кевином на хвосте, — ему лучше отдохнуть. Большое спасибо всем вам, что пришли, — обратилась она уже к Паломе и к подошедшим парням с благодарной милой улыбкой, в которой Александр всё-таки рассмотрел налёт садизма, — и благополучно добратья домой. Палома, как только я соберу кое-что для тебя, тут же дам знать.

Студентка с благодарностью кивнула, а Александр, сжав губы, молча смотрел на Жаклин взглядом: «Ты мне за это ответишь. За этот твой аланапр...»

«Эналаприл. Угу», — ответила она ему глазами.

Но тут к ним подошли Чарльз с Сесилией, которая тоже засобиравшись домой со своим, действительно, почти забытым Паломой, Кевином — девушка и вправду простилась со своим новым знакомым как-то вскользь — Q7 может спокойно стоять в Глазго.

Хотя Жаклин с Алексом в поднявшейся общей суматохе простились ненамного лучше — он лишь, проходя мимо, быстро схватил её ладошку в свою и крепко пожал, успев немного потерев пальчики, да еще у самой двери смог мельком поймать её взгляд и еле заметным движением приложить руку к своей идеальной челюсти, оттопырив большой палец к уху, а мизинец — к подбородку, что должно было означать: «Созвонимся».

Она легко кивнула и тут же с опаской оглянулась вокруг.

«Когда-нибудь эта конспирация меня добьёт», — мелькнуло у неё в голове.

Выгуливая поздно вечером изменщицу Сулу, Жаклин вдруг вспомнила, что сегодня, впервые с августа месяца, забыла принять противозачаточные.

«Значит, так тому и быть», — обрадовалась она своему упущению, потому что, несмотря на богатство и свежесть впечатлений от сегодняшнего приёма, ловила себя на мысли, что уже практически обо всём этом забыла и вспоминать не хочет категорически. Ни об этом, ни о своих гостях, ни о Мери, ни о Чарльзе — ни о ком.

Она вся была уже там, в Глазго, в горах.

Гомеостаз — саморегуляция, способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Стремление системы воспроизводить себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды.

Глава 28 На свободу

Глава 28 На свободу

А потом наступило Рождество.

Рождество — это своеобразная встреча сказки и реальности. Это тот самый, единственный день в году, когда в гости к повседневности приходит что-то необычное, доброе, волшебное, хорошее, исполняющее желания, нарушая тем самым все мыслимые и немыслимые законы бытия. В Рождество принято всем радоваться жизни и ждать чудес, подразумевая под этим, прежде всего праздничные бонусы и премии, оттягивающие карман Рождественского деда чуть ли не до его бедных артритных коленок. Потом еще неплохо бы девяносто девяти процентные скидки в Harrods, солнечную, безветренную погоду в декабре месяце на северо-востоке Атлантики, и такую же безоблачную, беззаботную неделю каникул, желанных гостей с дорогими подарками, а так же мира во всём Мире и победы над безработицей. Короче, чудес больших и малых, которым не учат в Хогвартсе. А жаль.

Жаклин Рождество любила. Даже, несмотря на то, что каждый раз ей грозило дежурство в сказочную ночь. А в первый год их совместной жизни с Чарльзом эта угроза оказалась совсем даже не пустой — доктор Рочестер работала в сочельник, хоть смена тогда, действительно, и впрямь как по волшебству, прошла на редкость спокойно и благополучно. Жак не очень-то и нуждалась в целой неделе выходных — они с супругом никуда не выбирались и никого не принимали у себя, а сидели у телевизора, или же муж работал с бумагами — поэтому она могла спокойно выйти за праздники на пару дежурств.

А вообще ей нравилась атмосфера приближающихся каникул: рождественские гимны, слышимые изо всех возможных и невозможных медиаустройств, оживление в глазах прохожих, воодушевление на лицах коллег, уж не говоря о красивом убранстве улиц и витрин Оксфорда и Лондона. К тому же у неё имелось не так и много подруг и родственников, поэтому особых проблем с подарками девушка не испытывала. А то, что сама их никогда много не получала, уже давным-давно вошло у неё в привычку.

Обычно она преспокойно, где-то после двадцатого декабря, брала пару выходных и ехала в Лондон — пройтись по магазинам и рождественским базарам. Это было что-то сродни ритуалу, которому её научили еще подружки в Университете. В своё удовольствие бродила по Hayd Park и South Bank Of Thames, ездила в Barbican Arts Centre и на Portobello Road, перебирала товар, высматривала и выискивала что-то новенькое и неожиданное. Покупала, правда, немного, и только для себя или подруг. В подарок дядюшке в этих местах выискивать было абсолютно нечего. Для него сразу же нужно смело идти в книжный, а еще лучше — в интернет к букинистам и консультироваться у них, заказывать какую-нибудь книгу по истории или археологии — это вообще беспроблемный вариант.

Очень удачно и удобно решили они проблему рождественских подарков и с мужем — обменивались ежедневниками на предстоящий год, которые к Рождеству уже в великом множестве продавались в магазинах, и всё. Чарльз выбирал и покупал ежедневник ей, а она — ему. Элементарно.

И вот теперь всё изменилось.

Александр.

Во-первых, она нуждалась в этой неделе каникул как в воздухе. Отсюда ни о каких выходных до Рождества речи идти не могло — доктор Рочестер после вечеринки в честь

нового назначения мужа поселилась на работе. Понимая, что за подарками в Лондон ей не выбраться, в лучшем случае это будет центральный рынок Оксфорда, влюблённая первым делом заблаговременно озаботилась подарком для любимого человека.

Что можно подарить на Рождество восемнадцатилетнему парню, который ездит на Q7, носит дорогие, как выяснилось в телефонном разговоре (для которого он, кстати, использует последнюю модель айфона), всё-таки шведских кровей часы, учится в Оксфорде, не курит и внешне является прямым воплощением самых смелых грёз и самого волшебного сна всех девчонок, мечтающих о прекрасном принце? Ну, если только белого коня, не иначе.

Первое время о серьёзном подарке речь не шла вообще. Жак хотела опять что-то символическое, полусувенир — полушутку, примерно как получилось у неё с шоколадным яблоком. Вначале подумывала купить любимому какую-нибудь качественную, дорогую пену для бритья. Но потом это показалось ей слишком «плоско». Наряду с этим вынашивала идею о футболке с надписью наподобие: «Повелитель тюльпанов» или что-то из этой же темы, но это явилось для девушки излишне странным. Со временем все её варианты от майки футбольной команды «RangersFootballClab», которая наверняка у него тоже уже была, до какого-нибудь символического пояса чемпиона мира по боксу по какой-нибудь там очередной версии в супертяжёлом весе, вытеснило одно-единственное желание.

Девушка даже не запомнила момент, когда эта мысль пришла ей в голову, но как-то так получилось, что с каждым днём увлекалась ею всё больше. Ей очень сильно захотелось подарить Александру трость. Обыкновенную трость, не роскошную и элитную, но всё-таки что-то оригинальное и с претензией. Ну и что же, что он не англичанин и ему только восемнадцать, зато он студент Оксфорда — среди них трости опять возвращались в моду. И она по новой углубилась в интернет.

Для начала Жак изучала и знакоилась с «линейкой» интересующего товара: материалы, назначение, особенности устройства, страны-производительницы, концепции в моде и прочее. Под конец всего этого, просмотрев ещё и цены, она всё-таки сделала выбор.

Трость была тонкая, черная, из стабилизированного палисандрового дерева, с круглой серебряной рукоятью, что подчеркивало декоративное назначение предмета, и довольно тяжёлая — почти под восемьсот граммов весом. Регулировалась по длине вплоть до модификации «посох», в аккуратное круглое отверстие, где-то в сантиметрах десяти от верха, была продета верёвка с кистью, которую Александр, Жаклин могла дать любую руку на отсечение, уберёт. Сделали изделие в Испании, и стоило оно немало — рождественские бонусы доктору Рочестер оченьгодились. Делала заказ и оформляла предоплату Жаклин по интернету, таким же способом получила от торговой фирмы обещание, что её подарок будет готов от недели до двух дней к Рождеству.

Чарльз у девушка купила ежедневник в Оксфорде, запихнув подальше в себя угрызения совести по поводу такой, можно сказать, неприличных размеров разницы в количестве вложенных в оба подарка — для любимого человека и для мужа — финансов и фантазии. Дядюшке же в презент племянница заказала новые очки — терять, ломать, разбивать, забывать, давить свои очки являлось его коронным номером, поэтому новые ему никогда не будут лишними.

Повезло ей и с подарками для Эшли, Алисы и Марго. Её соседка, художница Танита Тикарани, иногда брала заказы на оформление декораций в школах и театрах, а так же на художественную роспись предметов интерьера и стен. А ещё время от времени они с мужем занимались поделками из дерева.

Гвидо заказывал у какого-то плотника, кажется, из Kidlington, различные заготовки: подносы для пива, большие деревянные декоративные блюда, подставки для ножей, кухонные разделочные доски, небольшие навесные шкафчики и полочки, шкатулки, иногда даже рамы для картин, а Танита их расписывала на заказ красками, изображая на них различные мотивы по желанию заказчика или на свой собственный вкус. После чего её муж покрывал их лаком, и заказ был готов.

Жаклин, будучи у них в гостях, залюбовалась на кухне расписанной хозяйкой деревянной хлебницей. Девушке очень понравились сочные, броские, яркие, не смешанные, насыщенные краски ягодного натюрморта на манер примитивизма или наивного искусства, поэтому она, долго не раздумывая, заказала три разделочные декоративные доски для своих новых знакомых женщин из Глазго. Где-то дня за четыре до Рождества Танита позвонила и сказала, что заказ выполнен и его можно забрать. На одной из досок была изображена жар-птица, на другой — Арлекин, а на третьей — радуга, нависшая над маленькой сказочной избушкой с палисадником.

Жаклин очень хотела прикупить что-нибудь интересное для Дженни, но, зная по рассказам Алекса о креативных вкусах сестры, сформировавшихся занятиями рисованием, лепкой, дизайном и изучением национальных художественных промыслов и мировой культурологии, махнула рукой — за таким подарком нужно ехать в Лондон на Portobello road или в центр современного искусства. Поэтому она прикупила для Дженн и мальчишек Марго по пакету сладостей в праздничной упаковке и после этого засобиралась в Глазго.

Конечно же, как настоящая англичанка, Жаклин даже и помыслить не могла изменить рождественским традициям — их с Чарльзом квартира благоухала купленными, уже оформленными как следует, ветками хвои и небольшой ёлочкой, установленной в углу гостиной. С двадцать четвертого на двадцать пятое была зажарена в духовке молоденькая гусыня под крыжовниковым соусом и сварен plumpudding*. В этот пудинг девушка, как и всегда, положила напёрсток, своё обручальное кольцо, пуговицу и монету.

Они с мужем по традиции сели ужинать вечером двадцать четвёртого декабря, не забыв про Сулу, которая понятия не имела, что происходит, но была всему рада по умолчанию. Конечно же, всё гадальное блюдо они съесть не смогли, но Жаклин тем не менее успел достаться кусочек с наперстком, который по приметам гарантировал ей холостую жизнь, а её муж ухватил порцию с монетой, которая означала богатство — мужчина радовался как ребёнок. Обручальное кольцо девушки осталось внутри блюда, к немалому её облегчению, поэтому, уезжая в Глазго, она наказала Чарльзу, что оставляет кашу для его сестры. Может, Меринэлл тоже захочет погадать и отрежет себе кусочек, и именно там окажется обручальное кольцо. Не исключено, что гадание окажется пророческим, и корнуоллка в наступающем году расстанется со своей холостой жизнью всем на радость.

Кстати, о Мэри.

Она обещала приехать к ним двадцать пятого, после обеда, чтобы успеть послушать вместе с братом рождественскую речь королевы в три часа пополудни. Поэтому Жаклин приняла решение ехать в Глазго самым ранним утром этого же дня. Своё столь поспешное отбытие в Шотландию, даже не повидавшись с золовкой и не выслушав по телевизору всё, что накипело у монаршей особы, она объяснила стремлением успеть проводить в отпуск Марго с мужем, которые на Новый год собрались в жаркие страны «за девочкой» — как объяснила сама мать двоих сыновей. Она позвонила Жак где-то числа пятнадцатого декабря и пригласила чету Рочестер на небольшой домашний ужин по случаю их с Итаном отъезда.

Это приглашение для Жаклин подвернулось как нельзя кстати — ей очень хотелось разминуться со своей золовкой — после вечеринки девушка никак не могла привыкнуть к своему новому отношению к сестре своего мужа, которая открылась для неё слегка в ином свете.

Во-первых, сама Жак ничего не могла с собой поделать — чувствовала себя той самой «счастливой соперницей» по отношению к Меринэлл, хоть здесь слово «соперница» звучало как-то даже нелепо. Так получилось, что у девушки и до этого были поводы для жалости по отношению к сестре своего мужа — всё-таки у той не сложилась личная жизнь, и, когда умерла её мать, женщина осталась совсем одна, а Жаклин очень хорошо знала, что такое настоящее одиночество, и вот теперь в полку поводов для жалости прибывало. Девушка понимала, что ни в чём перед Мери не виновна, но всё равно чувствовала себя немножко неуютно, тем более что как бы там ни было, но корнуоллка согласилась пожить у них в квартире на каникулах с Сулой, пока Чарльз будет улаживать свои дела во Франции, а Жаклин — гостить в Шотландии. Видимо, оставаться одной в Хемпстоне для Мери сделалось уж совсем невозможным, может, именно поэтому она в телефонном разговоре с Жаклин благословила идею той навестить в столь радостное, благостное время своего уже немолодого дядюшку, единственного родственника, который её вырастил.

Во-вторых, всё это смотрелось тем более странно, ведь после ухода гостей с вечеринки и до отъезда Мери домой стало ясно, что она всё-таки что-то подозревает. Правда, оставалось тайной, покрытой мраком, насколько глубоко она погрязла в своих подозрениях и что конкретно её на них натолкнуло: то, что она чуть не застала что-то до жути неприличное на кухне; или услышала нечто еще более ужасное в кабинете; или же всё-таки поймала какой-то из многозначительных взглядов парочки; а может, что-то почувствовала на правах влюблённой женщины с жизненным опытом. Ну да как бы там ни было, скорей всего, одной из этих причин Жаклин была обязана «удовольствием» на следующий день после вечеринки, за завтраком выдерживать на себе долгие тяжелые взгляды своей золовки, максимально возможной минимизацией их общения со стороны последней, а так же её кратким ледяным прощанием, которое гостя упростила вплоть до элементарности, управившись одной единственной фразой: «До свидания, Жаклин», не обременив его таким неподъёмным словом как «спасибо».

Поэтому ничего удивительного, что невестка в качестве ответного шага лишила Мери удовольствия провожать себя в Глазго, в тот самый город, где сейчас находится красивый мальчик с глазами- «тюльпанами». Она боялась, что не сделала ничего такого уж хорошего в жизни — не нашла лекарство от СПИДа или рака и не перевела достаточное количество старушек через дорогу, чтобы заслужить такую благодать, как возможность лицезреть «милейшее» выражение лица своей золовки и выслушивать её крайне «доброжелательные» напутственные речи перед поездкой.

Что же касалось Чарльза а, то он был настолько поглощен своей новой должностью и так озабочен предстоящей поездкой во Францию, что, кажется, не замечал вообще ровным счетом ничего. Мужчина жил в своём собственном мире и пребывал там с самим собой, судя по всему, в полной гармонии.

А вообще Жаклин уже могла честно признаться самой себе, что все они ей настолько надоели за последнее время, отняли столько сил и эмоций, что когда она двадцать пятого числа, декабря месяца, 2011 года от Рождества Христова, вышла из квартиры с чемоданом, направляясь на вокзал, то звук захлопнувшейся за спиной двери принёс ей несказанное

облегчение, очень сильно напоминающее чувство счастья.

В поезде она думала только об Александре.

После вечеринки они, конечно же, продолжали созваниваться при каждом удобном случае.

Правда, оставалось всего десять дней до Рождества, и часовая болтовня о пустяках стала непозволительной роскошью, но вот эта вот необходимость слышать голос, разделить эмоции, ощутить присутствие, почувствовать отклик на твои чувства, на твоё желание быть рядом прямо-таки заставляла их снова и снова, при первой же возможности и малейшей необходимости хвататься за телефон. Это не обязательно были звонки. Допустим, получив в зачете по социологии задание: «Социальные связи и социальная солидарность в теории эмпирической социологии Дюркгейма» Александр мог сначала блестяще ответить на вопрос, а потом написать ей СМС: «Дюркгейм дурак», потому что ему было интересно, важно и необходимо поделиться тем, что он обо всём этом думает, не со своими однокурсниками, а именно с Жаклин.

А она, два часа промучавшись с Сулой на занятиях с инструктором, пытаясь приучить свою хулиганку не отрывать внимание от хозяина во время прогулки в общественном месте и ничего не добившись, могла написать ему: «Тебе не нужна собака? Недорого». Они, не сговариваясь, вообще не обсуждали тему вечеринки, ни один из них не вспомнил ни Чарльза, ни Палому, ни даже Мэри. В их мире были только они двое, только они вдвоём важны друг для друга, их чувства, их поступки, их планы, их Глазго, их горы.

Кстати, о горах.

МакЛарен звонил ей и когда уезжал двадцатого к Кирку, и когда уже с Алисой и Дженни они направились двадцать третьего к Рону на ферму, в Килмарнок. Дозвонился даже с фермы в горах. Делился впечатлениями, осторожно намекал на то, как она увидит их горы, предвкушал её реакцию. Юный «горец», судя по всему, действительно любил свой хайлэндс, эту часть своей жизни, которая являлась его потребностью, его страстью, примерно как футбол или бокс. Парню дико не терпелось, чтобы Жаклин разделила с ним эту любовь.

Девушка всё это выслушивала с большим интересом, с каждым разговором её любопытство росло, но только вместе с опасениями — Александр не баловал её подробностями по поводу своих планов насчет их пребывания в Глазго и последующей поездки в горы, видимо, желая сделать сюрприз, и это её настораживало. Не то чтобы она против, но однако же боялась, что её шотландец здесь, у себя на родине, на своей территории, осмелеет (или даже обнаглеет) и сделает что-то уж слишком авангардное или совершит какой-нибудь смелый прорыв в их отношениях. В общем-то, Жак не возражала даже и против этого, её только не устраивал вариант, при котором парень прихватил бы по случаю в свидетели всю его родню и хорошо, если не пол-Глазго.

В канун Рождества, после ужина с Чарльзом, она прочитала в своём телефоне от «горца» СМС: «С Рождеством! Загадывай желание», — и, не откладывая ответ ни на минуту набрала текст: «С Рождеством, Александр. Загадала», — и, получив слово: «Завтра», с улыбкой отправилась спать.

В одном из разговоров в Оксфорде они обсудили свою встречу в Глазго и сошлись на том, что, скорее всего, встретятся на том самом ужине у Марго и Итана. Юноша был всем этим страшно недоволен, бубнил, что этим двоим, как он выразился: «Надоело делать ЭТО в Глазго, им вздумалось лететь за этим на Барбадос», а это значит, что с их ребятами

остаются Эшли и миссис МакРосс — мама Итана. А это, в свою очередь, означает, что, во-первых, Алисе придётся взять на каникулах кафе на себя, и поэтому двадцать пятого с фермы он будет возвращаться не один, как надеялся, а с матерью. А во-вторых, маман обязательно потащит его на эти самые проводы, которые ему интересны как прошлогодний снег. А в-третьих, самой Жаклин придётся потерять массу времени по приезду в гостях у этих «кроликов», в то время как если бы не они, он, Александр, мог бы легко прямо с поезда забрать свою девушку к себе в пустую квартиру в Глазго и пару дней вообще никому на глаза не показывать.

Вернувшись к этой теме еще с десятков раз и набубнившись вволю, Алекс пришел к решению сказать матери, что за время учёбы в Англии очень близко познакомился с четой Рочестер, и будет вполне уместно, если он, в благодарность за гостеприимство, которое они оказали ему в Оксфорде, съездит за Жаклин на вокзал и доставит сразу же к Марго. Пока так, а дальше будет видно.

Жаклин согласилась и сейчас уже на подъезде к городу, предварительно вынув из чемодана в отдельном пакете трость, приготовившись к выходу, пыталась справиться с волнением.

Он ждал её у стены вокзала сбоку второго пути, на который прибывают поезда в час дня из Лондона.

Из них двоих девушка увидела своего любимого первая благодаря его выдающемуся росту и, тут же спрятавшись за двух идущих впереди женщин с достаточными для этого габаритами, «вынырнула» из-за них уже практически перед самым его точеным носом, обрадовавшись тому, как при виде неё просияло его красивое лицо.

«Это так странно, — спустя много времени вспоминала Жаклин, — вот ты идёшь-идёшь, вокруг люди, сумки, служащие, поезда, их много, а потом ты натыкаешься взглядом на одного-единственного человека, и всё остальное исчезает, и ничего не остаётся. И что самое интересное, ты не замечаешь — как и куда, твоя чувствительность ко всему окружающему миру будто атрофируется, кроме одной-единственной точки в пространстве — той, где находится сейчас так любимое тобой лицо. Тебе кажется, что ничего нет и не было, кроме этого лица, этих глаз, этой улыбки, и для тебя потеря окружения проходит совершенно незаметно и безболезненно. Это по-настоящему странно».

— Привет. — Он потянулся к чемодану в её руках и попутно кратко, почти незаметно, чмокнул в щечку. — С приездом.

— Спасибо. Вы давно приехали? Алиса у Марго?

— Да. Чуть позже должна прибыть еще и Эшли из кафе. Ждут тебя. Поехали? — Он легко перекинул её чемодан в левую руку, а правой потянулся к её ладошке.

Жаклин была настолько смущена и взволнована, что как юная школьница опустила голову и, покраснев, смогла только слегка кивнуть и тихонько угукнуть.

«Это вот примерно так мы с ним отправимся в горы, да?» — увидев на стоянке знакомую тёмно-коричневую Q7, подумала девушка, после того как они вышли из здания вокзала.

«Властелин колец», отпустив её руку, нажал в кармане на кнопку ключа, и автомобиль послушно отозвался огнями. Замков Жаклин не услышала, поскольку в Глазго дул сильнейший шквалистый ветер вместе с мелким дождём, да еще и отъезжающие со стоянки машины громко шуршали шинами по мокрому асфальту. Александр, открыв багажник, положил туда её чемодан, а его пассажирка, не теряя времени, быстро юркнула на своё

сидение и, вынув чехол с тростью из пакета, тут же протянула его водителю, как только тот уселся на своё сидение и захлопнул за собой дверцу.

— С Рождеством.

Парень застыл, переводя взгляд с упаковки на девушку — Жаклин подала ему подарок той стороной, где не было надписи о его содержимом, и поняла, что по виду упаковки молодой человек не может догадаться, чем его пытаются одарить — скорее всего, тростей в футлярах он никогда не видел.

— С-с-с-спас-с-сибо. — МакЛарен несмело взял подарок в руки. Жак с интересом за ним наблюдала — ей была безумно любопытна его реакция и на подарок, и на неё саму, точнее, на её присутствие.

Но всё-таки природа победила, и Жаклин не удалось сбить парня с верного пути.

— Иди сюда. — Он быстро развернулся к ней и притянул к себе за шею через разделительный вещевой ящик и с разбегу впился в губы, даже не успев посмотреть в глаза. Она зарылась одной рукой ему в волосы на затылке. С силой поцеловав её и дотянувшись языком у неё во рту до всего, чего хотел, и почувствовав отклик в виде нежных, ласкательных движений языка и губ, юноша наконец-то оторвался: — Вкусная. — Александр улыбался и потёрся о её нос кончиком своего, и, когда их глаза встретились, ринулся к её губам по новой. Закрепив повтором все свои достижения и завоевания у неё во рту и на губах, он, вроде бы, немного расслабился. Теперь можно было заняться подарком.

Юноша повертел его в руках и, найдя надпись: «Трости от Малдос», и дальше логотипы и реквизиты, моментально распахнул свои «тюльпаны».

«Господи, только чтобы увидеть такие глаза, стоило купить эту чертову трость. — Жаклин иногда казалось, что она проваливается в голубизну его глаз, как Алиса — в кроличью нору. — Никогда мне не привыкнуть к его красоте».

— Трость? — между тем в интонациях красавца послышалось столько неподдельного удивления, что девушка даже перестала волноваться по поводу виражей своей фантазии при выборе подарка и просто рассмеялась.

— Почему нет? Хочу, чтобы она у тебя была. Она мне понравилась просто как вещь, её приятно держать в руках, она красивая и стильная. Ну и к тому же, трость это опора, а я хочу, чтобы у тебя в жизни всегда было на кого или на что опереться. Вот дарю тебе её еще и как символ. Ты не рад? Я не угадала? — хотя она уже поняла, что угадала — «тюльпаны» на полную мощь излучали восхищение.

— Джеки... ты такая выдумщица. — Юноша как бы в неверии покачал головой. Он потянулся рукой к её лицу и даже не то что обнял, а как-то именно укутал в своей ладони её щечку. Жаклин от удовольствия опустила веки, и её ресницы задрожали, поэтому ничего удивительного, что Алексу захотелось провести по ним большим пальцем. — А я вот ничего лучшего не придумал. — Она открыла глаза, а он полез в карман своей черной куртки, сшитой на манер весенней формы лёгчиков Её Величества, и достал оттуда нитку жемчуга.

Не сказать, чтобы Жаклин не думала об этом. Периодически она принималась гадать: подарит он ей что-нибудь или нет, и тут же смеялась сама над собой: «Какие подарки могут сравниться с его присутствием. Он сам и есть один сплошной подарок». Но всё-таки, если бы юноша этого не сделал, она бы, конечно, расстроилась.

Но увидев перед своими глазами болтающееся и позвякивающее каким-то музыкальным клацаньем жемчужное ожерелье, впала в состояние близкое к прострации.

— О-го... — проснувшаяся в ней прелестница и кокетка с открытым ртом и

ошалевшими глазами смотрела на крупные круглые белые жемчужны, будучи не в силах даже протянуть к ним руку. — Алекс-с-с... — Она подставила обе руки как под капли дождя, и юноша повесил нитку ей наискосок ладоней.

Однако тяжелые круглые шарики тут же скатились в центр её кистей, столпившись там небольшой кучкой. Нитка бус была не очень большая по диаметру, наверное, расположилась бы как раз вокруг шеи девушки, но по качеству, размеру и цвету жемчужины подобрали практически безукоризненно. Ко всему прочему, они застёгивались на витую мощную, размером с сами жемчужины, винтовую серебряную застёжку изящного, замысловатого рисунка. Только лишь взглянув на изделие, можно было сказать, что его выбрал человек с безукоризненным вкусом к вещам, хорошим таким, добротным кошельком и полумер не приемлющий в принципе.

Жаклин сидела и пересыпала ожерелье из рук в руки как гальку, и не могла оторвать глаз от этого матового мерцания и насытиться ощущениями от тяжести, твёрдости и холодности жемчуга.

Потом, вспомнив про Алекса, она подняла на него расфокусированный взгляд и в следующую же секунду с размаху прыгнула ему на шею через разделяющий вещевой ящик и коробку передач с твёрдым намерением задушить в объятьях.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Он погладил её по спине. — Но тут есть одно дело... — осторожно прозвучало у её затылка. Она отстранилась с испугом на лице. — Господи, Жак, да не смотри ты на меня так, будто я собираюсь отобрать у тебя твоё ожерелье.

Она шутливо вскинула подбородок и завела за спину руку с ниткой жемчуга.

— Не отдам! — но тут же приняла обычную позу. — Говори. Что за дело?

— Я хотел бы с тобой договориться кое о чем, пока ты добрая.

Девушка округлила глаза.

— Я что, такая злая?

— Да нет, ты не злая, ты принципиальная. Вот я и хочу с тобой договориться с самого начала, так сказать, тут, «на берегу». — Александр полез в пассажирский бардачок и достал небольшой сиреневый, толстого картона и качественной полиграфии, бумажный пакет. — Вот возьми, это от твоего жемчуга.

— Спасибо. — Жаклин заглянула в пакет и вынула оттуда такой же сиреневый атласный футляр с золотистой надписью: «Asprey London Contemporary collection». Прочитав надпись, положила футляр себе на колени. — Так о чем ты хотел меня попросить?

— Давай, пока ты у меня в гостях, в Глазго, ну или уже там, в горах, всё, куда я буду тебя водить и возить, буду оплачивать я сам, а? Чтобы мы с тобой не препирались и не устраивали разборки каждый раз перед дверьми любого встречного кафе или ресторана, хоть и видит Бог, препираться мне с тобой тоже иногда очень нравится.

— Оу... — девушка в понимании вскинула подбородок и стала теревить мочку уха, — понятно. — Она принялась продумывать ответ, а Александр в это время не выдержал и рванул липучки чехла своего подарка.

Первое, что ему попало в руки, это самая главная — верхняя часть изделия. Он медленно, с восхищением или даже с каким-то благоговением, вытащил трость из чехла полностью. Покрутил круглую рукоятку чёрного серебра, украшенную такими же витиеватыми узорами, как эфес у французских шпаг, а когда увидел кисть, ту самую, из пакистанской жаккардовой нити, его лицо вытянулось.

— А... а это что еще за... — его губы искривились, — хвост!

Жаклин зажмурилась от смеха и согнулась пополам.

— Это не хвост! — она выпрямилась и поправила растрепавшиеся в упаковке нити. — Это кисть. Её кстати, можно развязать и вынуть, а отверстие заткнуть серебряной заглушкой, она там есть в наборе. Но я бы на твоём месте этого не делала — так красивей.

— Угу... — Александр глянул на неё на манер: «Еще чего!» — Но тут же забыл про этот «хвост» и стал рассматривать свой подарок. — Трости нет даже у Кирка. — Он водил пальцами вдоль shaft изделия, прокручивая его между пальцами, и опять потянулся к своей пассажирке за поцелуем, которая двинулась ему навстречу. На этот раз, просто лизнув её губки и чмокнув в них, он сразу же отстранился. — Ну, так как? Договорились?

— Нет. Договариваться я ни о чем не буду — мало ли что ты там придумал и на какую сумму. Думаешь, я не догадываюсь, сколько может стоить такой жемчуг?

Александр высокомерно ухмыльнулся.

— Как говорите, вы, англичане: «Я не настолько богат, чтобы покупать дешевые вещи».

— Вот! — в назидательной манере согласилась девушка. — Вот именно поэтому договариваться и не буду. Но по пустякам спорить сама не хочу — не то настроение.

МакЛарен покачал головой на манер: «Вот упрямая».

— Я так и знал. — Он засунул трость обратно, закрыл липучки и отложил подарок на заднее сидение. Потом взял её руки в свои, положив их на кожаную обшивку центрального вещевого ящика. — У меня к тебе предложение. — Он нервно улыбался.

Девушка прищурилась, но промолчала.

— Я знаю, что ты планировала остаться в Глазго на Новый год, но хотел бы тебе предложить завтра или, максимум, послезавтра распрощаться со всеми и сказать, что ты возвращаешься домой в Оксфорд, и я забираю тебя с собой в горы.

Жаклин высвободила руку с ниткой жемчуга, поправила волосы и тут же опять вложила свою кисть назад в ладонь юноши.

— Мы с тобой вдвоём встречаем Новый год в горах, а потом сразу же вместе едем в Оксфорд на моей машине. Ноги моей больше не будет в этом городе без моей красавицы. — Он обвёл глазами салон.

Девушка расплылась в улыбке. И медленно вздохнула. Она посмотрела на их руки, потом скосила глаза на консоль управления, потом на руль, затем опять вздохнула.

— Я согласна. — И улыбнулась в смущении, опуская подбородок на грудь.

Александр отпустил её руку и, подняв ей подбородок, потянулся к её лицу и начал медленно и нежно целовать в губы. Вроде бы, он делал всё как всегда — просто посасывал, поцеловывал и полизывал, но на этот раз его поцелуй был похож на какой-то танец — движения губ зарождались где-то в районе груди и плеч — парень предвкушал.

— Спасибо, — первое, что сказал он, оторвавшись от неё, и опять кратко чмокнул в губки.

— Но только всё это не завтра — я должна хоть недолго побыть с дядюшкой. — И Жаклин, ни с того ни с сего, тоже чмокнула его в губы и широко, открыто улыбнулась. Юноша зарылся носом ей в шею и, поцеловав там и лизнув, отстранился.

— То есть, мы опять целый день не увидимся?

Жаклин с улыбкой потёрлась носом о его нос.

— Я буду звонить.

— О не-е-е-е-ет... — тот даже подпрыгнул, — сколько можно, Жак, к черту звонки! Я

хочу тебя, а не звонки. — Он выпрямился на своём сидении, отпустив её руки. — Ладно, посмотрим... — и нажал на кнопку пуска двигателя.

Глава 29 Шпрехшталмейстер

Глава 29 Шпрехшталмейстер

По пути к Марго, под рассказ юноши о своём Рождестве с братьями на ферме, девушка укладывала ожерелье в футляр, еще раз полюбовавшись им напоследок.

Алекс рассказывал, как их компания прибыла двадцать третьего в Килмарнок, а после обеда пошел такой сильный снег, что они с Дженн и Кирком не удержались и ринулись играть в снежки, прихватив с собой Хэмиша и Бена. Парни скопом закопали в сугроб девчушку, а она потом вечером насыпала им соли в чай. А утром они проснулись и не нашли ничего: ни дорог, ни машин, ни домов, ни собачьих будок, ни бетонных плит, сложенных во дворе — везде был только один снег. У Рональда есть маленький комбайн, которым он летом косит траву, а зимой убирает сугробы, и основную площадь он разгрёб комбайном, но машины, собачьи будки и пороги всех входов и выходов парням пришлось откапывать вручную.

Александр всё это рассказывал примерно с такими же интонациями, с какими рассуждал о Нью-Йорке, всё-таки любовь к своей Шотландии в нём сидела очень глубоко. Жаклин слушала, раззявив рот — с севером она была знакома плохо, а уж с сугробами так и подавно. Но всё-таки... что-то... как-то... она не могла отделаться от ощущения, что парень ей меньше рассказывает, больше заговаривает зубы. Зачем ему это, она не знала, но галочку себе в уме всё-таки поставила.

Марго с Итаном жили в центре Глазго, в Valornock, почти на границе с Gorbals, где расположен железнодорожный вокзал, поэтому приехали они довольно быстро. При выходе из машины Жаклин попросила свой чемодан. Александр открыл ей багажник, и она запрятала подальше в свои вещи пакет с ожерельем, а потом решила взять поклажу с собой в квартиру — из-за подарков.

— Мы проводим этих «кроликов» за моря, потом я поеду с матерью домой и завезу тебя к дядюшке, хорошо? А завтра утром как проснёшься, сразу же мне позвони. — Алекс, поставив перед подъездной дверью чемодан, слегка сжал её ладошку и ободряюще улыбнулся. Жаклин кивнула, и он нажал на звонок домофона.

Дверь им открыли Итан и уже подросший с лета щенок фокстерьера по имени Чемми.

Почти все уже были в сборе. Жаклин, заметив какого-то незнакомого ей мужчину, сидящего в кресле в углу гостиной, поприветствовала и обнялась с Марго и Алисой. Тут же бегали и Брайс с Маркасом. Эшли задержалась в кафе.

— Марго, — вдруг раздался мужской резкий, громкий голос из кресла, — а почему ты не знакомишь меня с этой очаровательной леди?! — незнакомец поднялся. Мужчина был среднего роста и весь какой-то... светлый. Светло-рыжие волосы, брови и ресницы, светлая кожа, светлые веснушки, небольшие, кажется, зелёно-коричневые глаза, довольно крупный, курносый нос и такой же большой рот с фигурными, пухлыми губами. На вид ему исполнилось не больше тридцати пяти — тридцати семи лет.

— Не всё сразу, Шон, — отозвалась хозяйка квартиры, — девушка только с поезда, дай ей время.

— Ну, она, может, еще и не успела осмотреться, а вот я — уже, и признаться, я очарован. — Он поднял над собой распростёртые руки вверх на манер шпрехшталмейстера в цирке, когда тот здоровается с публикой. — Пожалей меня, пожалуйста, представь нас

скорей друг другу с этой богиней, пока я не умер от нетерпения.

Все заулыбались и посмотрели на «богиню», ожидая её реакции. Жаклин, пребывая в лёгком недоумении с не самой положительной эмоциональной окраской от такой бурной реакции на своё появление, прилагала все усилия, чтобы не искать глазами Алекса — еще один её «ухажер» мог стать мощным ударом по неокрепшей молодой ревнивой психике юного шотландца, пусть даже его внешность и позволяла ему не тратить нервные клетки по таким пустякам. Поэтому она с ожиданием глянула на Марго в намерении быстрее познакомиться с этим «циркачом» и покончить на этом.

— Жаклин, это родной брат моего мужа, его зовут Шон. Шон МакРосс. Он живёт в Глазго и работает на общественном транспорте.

Жаклин вспомнив, что это имя уже несколько раз проскальзывало в разговорах, протянула свою ладонь мужчине.

— Мне очень приятно, Шон.

— Шон, это падчерица моей мамы — Жаклин, Жаклин Рочестер. Она живёт в Оксфорде и работает врачом.

— Жаклин, я повторяюсь: я очарован. — Шон поцеловал девушке руку.

— Мне тоже очень приятно. — Та старалась показать, что польщена столь высокой оценкой своей персоны, искренне надеясь, что мужчина в состоянии разграничивать понятия: «быть» и «казаться» и отнести её поведение к правильной категории.

Но её надежды не оправдались — когда гостя попыталась перейти к стадии подарков и поздравлений с Рождеством, работник общественного транспорта славного города Глазго и не подумал оставить её в покое и не отставал ни на шаг. Даже когда она вручала свои подарки ребятишками поздравляла их с праздником, он стоял рядом и не всегда брал на себя труд удерживаться от комментариев.

Взглянув мельком на Александр, который вместе с Чемми о чем-то разговаривал столько что получившим свой подарок Маркасом, опустившись перед ребёнком на корточки, она сразу поняла, что парень явно зол — судя по тому, как старательно он дистанцировался от происходящего в комнате и делал вид, что ничего плохого не происходит, а если и происходит, то ему — в две линии, его реакция на встречу его любимой девушки с работником местного транспорта была далека от положительной.

После того как вернулась из кафе Эшли и поприветствовала приехавших, все переместились к столу и выпили за благополучный отдых четы МакРосс, что, определённо, не было лишним — в окна бил всё тот же штормовой ветер, из-за которого могли закрыть аэропорт для малой авиации на внутренних рейсах.

Марго, не усидев за столом и пяти минут, опять принялась бегать по комнатам, делая последние сборы и приготовления, а Жаклин решила рассматриванием квартиры отвлечь своё внимание от Александр и его покер-фейса, с которым он, сидя на диване, листал какой-то журнал об автомобилях.

Помещение было одноэтажным, но довольно-таки просторным, ощущение чего усиливалось еще и бело-голубыми тонами, в которых дизайнеры выдержали цветовую гамму стен, потолка, мебели и текстиля на окнах, разбавив контрастными всему этому осветительными приборами в виде черных кованых люстры, торшеров и бра, а так же предметами интерьера, представленными здесь изящными черно-желтой вазой и часами на стене.

За столом шел бурный обмен впечатлениями от собственных прошлых отпусков в

жарких и не очень странах и обсуждение планов на будущие вояжи туда же и не только. Поэтому никто не обратил внимание, когда у Эшли зазвонил телефон, и она начала что-то отвечать в аппарат. Но все тут же смолкли как по команде, когда женщина громко обратилась к Алисе:

— Дорогая, у меня для тебя плохие новости: они достали не ту телятину. — Та в ответ сосредоточенно посмотрела на подругу, явно понимая, о чем идёт речь. — Вальдемар начал размораживать, но там оказались куски с костями — стейки делать не из чего. Жаклин, подай мне, пожалуйста, мою сумку в кресле — я дам Алисе ключи от второй морозилки.

Алиса перевела взгляд на своего сына.

— Тебе придётся свозить меня в кафе, — сказала она своему недовольному ребёнку, беря из рук подруги связку ключей. — Поехали?

— И протруси там мозги Вальдемару, — с чувством напутствовала Эшли. — Ему нужно быть повнимательнее — мало того, что тебе мотаться через весь город, так еще и мясо придётся повторно замораживать, а это уже никуда не годится. Его теперь проще на фарш переработать.

Алекс сжал губы в тонкую линию.

— А кто отвезёт Жаклин?

После его интонаций притихли даже игравшиеся со сладостями и Чемми ребяташки.

— Я! Я отвезу Жаклин! — прозвучал мужской резкий, а сейчас еще и радостный голос. — Куда её нужно доставить? — с воодушевлением поинтересовался Шон у парня.

— В район Университета. — Тот изо всех сил старался не цедить сквозь зубы. — Вам не по пути.

— Но им всё-таки удобней заехать к нам, чем вам с матерью мотаться из конца в конец города, — резонно заметила Эшли.

— Конечно, нам удобней! — воспользовался поддержкой женщины Шон. — Только если придётся заезжать в студенческий квартал, то выдвигаться нужно чуть пораньше.

— Жак, дорогая, ты не против? — спросила тут же у девушки почувствовавшая себя немного неудобно Алиса. — Ты не против, чтобы Шон завёз тебя к Ламу по пути в аэропорт? Мы с Алексом сделали бы это с радостью, но слишком уж долгая история получается. Но если ты не согласна, можно вызвать тебе такси. — Она показала рукой на своего сына, которого в этот самый момент терпение покидало самым безжалостным образом. Капля за каплей. Он всё еще сидел на диване и призывал на помощь небеса и что там еще есть, что можно призвать на помощь, чтобы не встать тут посреди комнаты, не скрестить руки на груди, поставив ноги на ширину плеч, и не заявить, что без Жаклин не сдвинется с места ни он, ни его Q7.

Жаклин, всё это наблюдавшая чуть ли не с открытым ртом, встрепенулась и часто заморгала.

— Оу, ну что ты, Алиса, конечно, поезжайте. Я могу и сама вызвать себе такси, невелики хлопоты.

— Это исключено! — тут же поспешно отрезала Эшли. — У нас стоят четыре машины во дворе, а ты будешь вызывать такси? Шон завезёт тебя к нам, это дело десяти минут.

— Договорились! — хлопнул в ладоши улыбающийся от уха до уха работник транспортного цеха города. — Не переживай. Доставим в лучшем виде. — И, получив от девушки благодарную улыбку в ответ, подмигнул ей. — Только тогда давайте собирайтесь поживее и загружайте сначала вещи этих тропиканцев, — он положил руку брату на

плечо, — а сверху чемодан этой очаровательной леди — ей первой выходить. — И он в очередной раз мило улыбнулся гостье из Оксфорда.

После этого все зашевелились, намереваясь закончить то, для чего они здесь собрались.

Не двинулся с места только один Александр.

Под неотрывным укоризненным взглядом матери он лихорадочно обмозговывал ситуацию, не стесняясь показывать своего недовольства — Алиса легко могла списать его хмурый вид на нежелание кататься в кафе. Конечно, картинка Жаклин, садящейся в машину к Шону, опрокидывала навзничь его настроение, поднявшееся было после её согласия буквально через день улизнуть с ним в горы, но всё-таки, «поработав газом» в мозгах, он признал, что ничего ужасного не происходит.

— Сейчас, — ответил он матери на нетерпение во взгляде и достал из кармана айфон. — Одевайся, — кивнув ей подбородком на прихожую, Александр углубился в телефон. Найдя номер Жаклин, он набрал ей текст: «Как доедешь, позвони мне» и, отправив сообщение, которое незаметно отозвалось в кармане её пуховика, висевшего на вешалке в прихожей, единичной вибрацией, поднялся с дивана.

Пока Алиса прощалась с Итаном и Марго, желая им благополучно долететь, хорош отдохнуть и вернуться довольными своим вояжем, Алекс наблюдал за Жаклин, в скором порядке вручающей подарок Эшли. Юноша заметил, что девушка была огорчена — он уже достаточно её изучил, чтобы это увидеть — и это согрело ему нутро: «Она тоже хотела ехать домой со мной. Чертово мясо, чертов этот Волан де Морт или Вольдемар, или как его там, уроды этого», — костерил он во весь рост нового, еще неопытного, помощника повара в «С.І.С».

Наконец-то расположившись рядом с Марго на заднем сидении Форда Шона, Жаклин можно сказать, почти расслабилась — скоро она обнимет своего дядюшку, по которому уже всё-таки очень сильно соскучилась, попьёт с ним чаю, они посидят, поговорят о них самих, о давних знакомых, о том, кто, что и про кого слышал или знает доподлинно, потом она примет душ и уляжется в свою кроватку, к её приезду застеленную Эшли свежим бельём в комнате для гостей, будет перебирать свой жемчуг и думать о Александр.

Когда Чарльза не было рядом в радиусе пятисот километров, она находила в мыслях о любимом человеке особое удовольствие.

Однако, когда они свернули на Meryhill Road, то сразу попали в пробку. Вообще-то в Глазго пробки были редкостью, но в плохую погоду их вероятность резко возрастала. Тем более, район Университета, наряду с районом верфей — это одна из самых старых частей города, улицы здесь гораздо уже, нежели в центре, поэтому пробки на въезде случались чаще.

Чтобы не застрять в массе машин окончательно, чего они позволить себе не могли категорически, Шону пришлось свернуть в первый же правый переулок и попытаться попасть в университетский район с другой стороны по Clyden Road. А поскольку не они одни оказались такими умными, быстро соображающими и знающими город, то и здесь их встретило и приняло в свои ряды огромное «стадо» таких же бедолаг. Они «легли в дрейф» в этом потоке автомобилей, но так как время тикало, то на развязке возле Coval Road Шону пришлось подняться на мост и развернуться в сторону аэропорта. На этом настояла сама Жаклин, ибо мысль о том, что Итан с Марго могут опоздать из-за неё на рейс, бросала её в жар. А потом и в холод.

Аэропорт пока ещё работал: самолёты летали, главное табло постоянно обновлялось, у

стоек регистрации стояли несколько очередей — всё вселяло надежду на благополучный исход или, вернее, заход отдыха четы МакРосс.

По дороге Жаклин позвонила дядюшке и просила его не волноваться насчет её приезда, сказала, что будет чуть позже, вот только проводит Марго в Лондон. Поэтому, как только они выгрузились из машины и занесли все вещи в здание вокзала, Эшли уже звонила своей дочери и требовала отчета: что случилось, почему Жаклин звонит Ламу из аэропорта? Пока та объяснялась с матерью: по какой причине они не смогли доставить племянницу к дядюшке, у самой племянницы тоже зазвонил телефон и, увидев на экране имя Алисы, девушка поняла, что звонок от Алекса уже не за горами.

Так оно и случилось.

Ответив женщине и объяснив ей ситуацию, она даже не стала класть аппарат в карман, так и осталась стоять, зажав его в руке.

— Да, — мяукнула она в телефон, отойдя чуть в сторонку от своих спутников, после того как услышала рингтон и увидела на дисплее любимое имя.

— Жаклин, что случилось? Почему ты в аэропорту? — с первой же секунды «взял быка за рога» Александр.

— Привет, — не забыла про вежливость англичанка. — В район Университета было не пробраться — там везде пробки, мы застряв побоялись, поэтому сразу же развернулись и уехали. Я сама это предложила — очень боялась, что они из-за меня опоздают. Мне всё равно спешить некуда, а вот им... — Жаклин зажала пальцем свободное от телефона ухо, поскольку начали объявлять какой-то рейс.

— Самолёты летают? — Александр разговаривал интонациями командира дивизии, интересующегося положением дел на его участке фронта.

— Да.

— Их рейс уже объявили?

— Нет, он только на табло загорелся. Вот стоим, ждём с минуты на минуту.

— Значит, назад ты поедешь вдвоём с... Шоном?

Жаклин не сразу ответила, не приходило на ум что-нибудь такое... успокоительно-убедительное.

— Алекс, ну я, конечно, могу взять такси только ради тебя, но сам представь — как это будет выглядеть.

— Я сейчас за тобой приеду.

Она даже не возмутилась.

— Угу, приезжай, конечно, сделаешь Шону сюрприз. — Тут её толкнули в спину, она оглянулась и увидела, что это какая-то большая семья арабов, нёсшаяся по зданию вокзала как стадо мамонтов. Они, правда, тут же извинились и понеслись дальше... извиняться.

— Ч-ч-че-ер-р-рт-т... — процедил сквозь зубы ревнивый шотландский юноша, — у-у-у... черт бы его побрал, этого... Шона.

— Я позвоню, как только доберусь до дядюшки. Обещаю.

Он помолчал, а потом выдал:

— Я буду тебя там ждать.

— Где? У дядюшки?

— Нет. В моей машине. Недалеко от его дома.

— Не говоря о том, что это уже похоже на преследование, как ты туда доберёшься, если там везде пробки?

— Но вы же с... Шоном как-то туда рассчитываете доехать.

— У нас нет другого выхода, а у тебя нет даже причины.

Он замолчал, а Жаклин услышала объявление рейса на Лондон.

— Извини, пожалуйста, — она и тут осталась верна Англии, вежливости и себе, — объявляют рейс Марго, я позвоню.

— Хорошо... буду ждать.

В общем-то, всё сложилось довольно благополучно — МакРоссы прошли регистрацию, и Жаклин с Шоном радостно махали им вслед руками, когда те отправились на посадку.

Оставшись вдвоём с Шоном, Жаклин, привыкшей быть честной с самой собой, пришлось признать, что мужчина ей самой тоже, мягко говоря, не очень симпатичен и доверия как такового не внушает. И когда Алекс пожелал, чтобы этого работника транспорта забрал нечистый, в душе она была только «за».

Поэтому, как только уселась в Форд, и младший МакРосс взял курс на дом её дядюшки, девушка достала свой телефон и, набрав номер Чарльза, стала ему так это по-свойски, с радостными, панибратскими интонациями, в подробностях расписывать все свои сегодняшние приключения и завтрашние планы, чем, скорее всего, немало удивила супруга. А после того как он в ответ поделился с ней новостью о том, что его сестра действительно отвела гадальный рождественский пудинг и ей достался кусочек с обручальным кольцом, Жаклин и вовсе ушла в разговор с головой.

Таким вот способом, кстати, весьма беспардонным для англичанки, буквально «поселив» Чарльза в этой же машине между собой и Шоном, она, завершив разговор по телефону, принялась дальше болтать с мужчиной, с немалым облегчением заметив в нём перемену в сторону серьёзности и отстранённости. И то, что он даже не помог ей вынуть чемодан из багажника своего Форда, когда наконец-то доставил к дядюшке, записала себе как окончательную победу и полный разгром его так не к месту зародившейся симпатии и порождённого ею игривого настроения.

Простившись с Шоном и встретившись с дядюшкой, который её уже заждался, Жаклин воплотила в жизнь все свои отложенные планы, немного поменяв их местами в очерёдности — сначала сходила в душ, а потом уже они выпили с родственником чаю.

Завершив церемонию и прилегающую к ней беседу, она хотела позвонить Алексу, но время было позднее и, помня о том, что он сегодня рано утром выехал из Килмарнока, она предположила, что парень уже наверняка спит.

Да и сама Жак порядком утомилась, к тому же душ с чаем сделали своё дело, поэтому племянница, пожелав дядюшке спокойной ночи, поднялась вверх к себе в комнату для гостей.

Заснула она очень быстро, равно как и проснулась. А пробудившись, поняла, что разбужена звонком своего телефона.

— Да, — прохрипела в трубку, даже не посмотрев от кого звонок.

— Жаклин, дорогая, это Эшли. Ради Бога извини за столь поздний звонок, мне действительно, очень жаль тебя будить, но я очень волнуюсь — с Маркасом что-то случилось.

— Что с ним? — тут же села в кровати доктор Рочестер.

— Они вместе с Брайсом заснули, я перед этим почитала им книжку, всё как всегда, ничего страшного не заметила. А где-то через час Маркас проснулся и начал тереть глаза, и чесать их, и чуть не плачет, говорит: глазкам больно. Я посмотрела на него — Жаклин, у

него белки все красные, черные мешки под глазами набухли, из глаз течёт.

— Температура есть? Ты измеряла температуру?

— Нет... в смысле, не измеряла, но, кажется, её нет. Я не заметила, чтобы он был горячий. Но я могу измерить.

— Поставь ему градусник и... есть что-нибудь из «глазного» в доме?

— Я понятия не имею, но могу посмотреть.

— Посмотри, и как что-нибудь найдёшь, позвони мне сразу же, а я сейчас вызову такси и приеду, — тут же выпалила Жаклин. — А сколько времени?

— Время: полпервого ночи. Ты, пожалуйста, одевайся быстрее, а я пока вызову тебе такси сама.

— Хорошо, Эшли. Жди меня, — сказала Жаклин, уже стоя у стула со своей одеждой, и отключилась.

— Скорее всего, это аллергический конъюнктивит, — говорила она, уже сидя перед бедным ребёнком на кровати. — У него заплыли сразу оба глаза и интенсивность одинаковая, и нет гноя на ресничках, и всё это на фоне нормальной температуры тела. При бактериальном и вирусном конъюнктивитах обычно заплывают глаза по отдельности, и гной на ресницах хлопьями лежит, — объясняла она стоящей за её спиной Эшли. — Но на всякий случай нужно Брайса всё-таки отправить куда-нибудь... да можно хоть к нам с дядюшкой.

— Да нет, зачем к Ламу? Его заберёт их вторая бабушка, мама Итана, а сейчас я отнесу его в кровать к родителям. Я ведь почему позвала тебя, Жаклин, хоть ты и на отдыхе здесь у нас, если это заразно и об этом узнают врачи, то Маркаса потом очень долго продержат на карантине и не пустят в школу, а это очень плохо. Мне бы не хотелось, чтобы он сильно отставал в программе, он только начал учиться.

Притихший перед тётей доктором ребёнок лежал в своей кроватке и держал на глазах ватные тампоны, смоченные в «искусственной слезе». Он, видимо, очень хотел спать, но зуд и резь сильно ему мешали и не давали забыть.

— Ой, ну что ты такое говоришь, Эшли. Конечно же, ты правильно сделала, что позвонила мне. Я сделаю всё, что смогу. У него замечали на что-нибудь аллергию?

— На бананы и помидоры, — тут же ответила Эшли. — Он как только съест что-нибудь из этого, на личике появляются какие-то белые волдыри, а вокруг них покраснение.

— А сегодня он не ел ничего такого?

— Ой, Жаклин, да разве за ним уследишь! Да еще и в такой суматохе как сегодня. К тому же я сегодня его брала с собой в кафе, а там он мог схватить всё, что угодно, — махнула рукой женщина.

— Ясно, — подытожила доктор Рочестер, с волнением вспоминая, что тоже внесла свою лепту в это черное дело подарками со сладостями. — А как он пережил отъезд папы и мамы? Не сильно переживал? Я сама вечером так вроде бы этого не заметила? Но может быть, у него от расстройства иммунитет качнулся, и на этом фоне проявилась аллергия?

— Да как пережил... — Эшли вздохнула, — переживал, конечно, но они ему всё объяснили, сказали, что детям еще рано так долго быть в дороге и так резко менять климат — он может заболеть, и в море его всё равно не пустят. Ну, он огорчился, ходил смурной, поныл немножко, а потом заигрался да и смирился.

— Ладно, если не хочешь отправлять его на анализы, то тогда нужны мазь и капли. Ты поедешь в круглосуточную аптеку или подождёшь до утра?

— Поеду в аптеку. Напиши мне, пожалуйста, названия, а я пока пойду, оденусь.

После того как Эшли уехала, предварительно заварив для Жаклин чашку чая, а Маркас вроде бы чуть успокоился и затих, девушка прошла в ванную, чтобы немного умыться и привести себя в порядок. Когда она вытиралась полотенцем, у неё в кармане джинсов зазвонил телефон.

— Алло, — сказала она, не глядя на экран, справедливо полагая, что Эшли из аптеки хочет проконсультироваться по поводу лекарств.

— Привет. Извини что разбудил, — сказал Алекс. — Я долго ждал твоего звонка и вырубился. А сейчас вот проснулся и увидел, что ты так и не позвонила. Ты нормально добралась? Еще раз извини, что разбудил, но я не мог ждать до утра.

— Мммм... — «замычала» Жаклин в трубку, лихорадочно соображая: что же ей делать? — Видишь ли, я не сплю. — «Лучше сразу не врать. Он всё равно узнает и будет только хуже».

— Почему? Что-то случилось? Ты нормально доехала?

— Да, всё нормально, мы нормально добрались... но-я-сейчас-не-у-дядюшки, — выпалила она одним словом.

— Что, прости? — интонации Алекса ей очень не понравились.

— Я сейчас не у дядюшки, — уже более членораздельно, но всё еще очень неуверенно повторила девушка.

— Как это «ты сейчас не у дядюшки»? Ты что, не у него дома в два часа ночи? А где же ты? — последний вопрос он задал уже с абсолютно никуда не годными интонациями.

— Я у Марго дома. Меня позвала Эшли — у Маркаса обнаружился конъюнктивит, и я приехала ему помочь... вот.

Последовала небольшая пауза.

— Так я тебя не разбудил... и ты опять где-то в другом месте, и завтра ты опять, скорее всего, будешь либо с малышом, либо с дядюшкой, либо... я даже боюсь загадывать...

— Александр, я позвоню тебе...

— Хватит!! — гаркнул парень в телефон так, что Жаклин вздрогнула. — Жак, мне до чертей всё это надоело!! — Он помолчал. — В Оксфорде я неделями ждал, пока ты вылечишь всех больных города, постоянно вдальбивал себе в голову, что приехал туда учиться и должен всё время откладывать тебя на «после занятий». Видит Бог, Джеки, я старался, и терпел, и не тревожил тебя, пока ты там разбиралась и нянчилась со своим мужем, потому что знал, что наступит Рождество и ты будешь здесь, у меня, в Глазго, а потом мы поедем в горы.

— Но мы поедем в горы! — почти прокричала Жаклин и сама ужаснулась, как в этот момент выглядело её лицо в зеркале ванной комнаты.

— Я не могу больше так рисковать. Ты уже приехала сюда, уже была почти у меня в руках, но тебя из под моего носа хрен знает куда увёз этот... солнечный олень. — Он опять замолчал, но тут же продолжил: — Но я проглотил и это, надеюсь, что завтра, после того как ты пообщаешься еще и со своим дядюшкой, я наконец-то заполучу тебя хоть на несколько часов. Но я смотрю, и это опять откладывается?? Фак, всё, Жаклин, с меня хватит, — сделал он вывод почти спокойно. — Пусть всё катится к чертям и все идут... туда же и... еще дальше — я сейчас же еду к Марго и забираю тебя с собой. Пришла моя очередь и пусть они все... подождут.

— Александр, остановись. Эшли...

— Да плевать мне на Эшли, ясно?! Я сказал: с меня хватит! Я знаю, кто такая Эшли и

что она скажет. Я знаю её всю свою жизнь, Жак, сколько себя помню, поэтому не вздумай меня учить, как мне себя вести с моей... почти роднёй. — Он опять помолчал. Молчала и девушка, будучи в полном шоке и страхе. — Всё, ждите меня — я еду, — буркнул парень в трубку и отключился.

«Ой, что сейчас будет...» — Жаклин нащупала рукой сзади себя ребро ванной и тяжело опустилась на него.

* * *

Эшли быстрым шагом подошла к разрывающемуся домофону.

— Да? — сказала она, нажав на кнопку громкой связи, недоумевая про себя: кто бы это мог быть в три часа ночи?

— Эшли, это я. Впусти меня, — ответил ей знакомый голос.

— Входи. Что-то случилось?

— Нет, ничего не случилось. Сейчас объясню, — ответил парень, заглушая сигнал открытия подъездной двери.

«Что-то не нравится мне всё это», — подумала женщина, открывая замок квартиры своей дочери.

Александр вошел через несколько секунд и с каким-то таким вежливо-угрюмым выражением лица посмотрел на ожидавшую его в прихожей женщину. После чего защелкнул за собой дверь.

— Жаклин у тебя?

У женщины внутри всё ухнуло: «Значит, это правда», — с досадой подумала она.

— Да, она здесь. У Маркаса что-то с глазами, и я её позвала. А что? Зачем тебе Жаклин? Кто-то плохо себя чувствует?

«Да, черт побери! Я! Я плохо себя чувствую!» — хотел заорать юноша на всю квартиру — его и так всё достало, а тут еще сейчас придется с Эшли объясняться, без этого никак.

— Нет, у нас все здоровы, — сказал он и со спокойным, наглым вызовом посмотрел ей в глаза, после чего проговорил чётко, как бы отделяя каждое слово: — Мне нужна Жак. — Когда на лице подруги его матери отобразилось честное понимание, которое, юноша ни секунды не сомневался, она легко могла бы спрятать и не показывать чисто из каких-то своих соображений, он решил оценить её откровенность и ответил ей тем же. — Я хочу её видеть. Где она?

Эшли молчала, растянув губы в тонкую линию. Но всё-таки проявила великодушие.

— Она с Маркасом в детской. Я только что привезла лекарства, и она обрабатывает ему глазки.

— М-м-м..., мне жаль, что Марк заболел, Эшли... правда жаль. Но без неё я не уеду извини. — И поставив подбородок под углом в девяносто градусов — не больше, но и не меньше, он посмотрел на женщину одним из своих «боксёрских» взглядов.

Эшли, чуть помедлив, отступила с прохода.

— Проходи.

МакЛарен прошел в квартиру.

Проследовав по второму коридору и попутно услышав, как из-за закрытой комнаты для гостей в дверь скребётся услышавший шаги Чемми, парень дошел до приоткрытой двери в детскую, и медленно толкая её двумя пальцами, открыл примерно наполовину и, не входя в комнату, застыл в проходе.

— Ш-ш-ш... мой сладкий, ш-ш-ш... не надо плакать, не плачь. А то мазь размажется и

не попадёт в глазки, и они у тебя не выздоровеют. Постарайся заснуть. Спи, — тихо приговаривала Жаклин, убирая одной рукой маленькие ручонки от маленьких больных глазок. — Сейчас мы ещё положим сверху компресс и тебе станет полегче, и ты заснёшь. — Не замолкая, она оглянулась на шум открывшейся двери. Увидев того, кто там стоял, немного споткнулась в словах, но тут же быстро отвернулась опять к ребёнку. — Всё-всё-всё, мой хороший, — в очередной раз поймала руки мальчика уже у его глазок, — сейчас — сейчас... потерпи еще немножко. — И свободной рукой начала расправлять ему обильно смоченный в «искусственной слезе» ватный тампон на правом веке.

Парень немного постоял, не в силах оторвать взгляд от этой, неизвестно с чего так зацепившей его картины, потом встrepенулся, сбросил наваждение, закатил глаза и отступил назад в коридор — он чувствовал себя каким-то варваром — она — врач, она помогает больному ребёнку, а он...

«Но я тоже болею без неё, мать вашу! Мне она тоже нужна!» — не хотел сдаваться влюблённый. Он вернулся назад в холл. Эшли сидела на диване, как-то так обреченно сложив руки на коленях. Александр встал ровно напротив неё.

Они помолчали, будучи заложниками ситуации — он не хотел объяснять перед женщиной тонкости своей личной жизни, она не горела желанием быть свидетельницей отношений восемнадцатилетнего юноши, которого знала с самого рождения, и своей двадцатилетней замужней падчерицы.

— Я вижу, ты знала, — всё-таки не выдержал юноша после небольшой паузы.

Она стрельнула в него взглядом и скептически-недовольно сжала губы.

— Догадывалась.

— Вот как... — он сделал рот дудочкой и закивал головой как болванчик.

— Будь осторожен, Александр. Один раз ты уже... напортачил.

— Оу, ну конечно! — с досадой дёрнулся от неё в сторону парень. — Разве можно тут без Киры обойтись!

Это слышала и идущая по коридору Жаклин и замедлила шаг.

— Конечно, нельзя! — зашипела Эшли. — Да, нельзя! Кира была обычным случаем и простой девчонкой, и что получилось? А Жаклин... — женщина замолчала, не желая озвучивать свои мысли.

— Что «Жаклин»? — вперился в неё взглядом Александр.

— Жаклин, она... она тебе не Кира! С ней нужно быть в сто раз осторожней, вот что! Только не говори, что ты этого не видишь! — теперь уже Эшли отвернулась от собеседника.

— Вижу! Вот именно что: Жаклин это не Кира! Та была дурой.

Из коридора с пакетиком отработанного мусора в руках вышла Жак и остановилась за спинкой дивана.

Последовала небольшая немая сцена.

— Жак. Подойди. Ко мне, — медленно, почти по слогам, как к освобождаемой заложнице, обратился к своей девушке Александр, подтвердив слова кивком головы.

Та послушалась, не раздумывая, и, обогнув диван и подойдя к молодому человеку вплотную, развернулась и тоже встала лицом к женщине. МакЛарен, обняв её за плечи одной рукой, чуть притянул к себе и, наклонившись, кратко, но весьма выразительно вплоть до демонстративности, поцеловал в губы.

— Ты больше не нужна Марку?

— Пока нет, — подняла она голову на молодого человека, но тут же повернулась к

своей мачехе. — Эшли, Маркас уже почти спал, когда я укладывала ему последний компресс. Во сне он его, скорее всего, сбросит. Где-то через два часа положи ему новый, хорошо? Из «искусственной слезы». Или если успеешь, завари травы, которые я тебе оставила там... на столике. Вообще, чем чаще менять компрессы, тем лучше. Завтра я обязательно приеду и осмотрю его.

— Хорошо, Жаклин. Спасибо тебе, — довольно сухо отозвалась женщина.

— И не забудьте увезти отсюда Брайса, как только он проснётся. И проследите, чтобы ни за что здесь не хватался руками, — ничуть не смутившись её холодностью, продолжила доктор Рочестер.

— Я поняла. Спасибо, — как бы желая закончить на этом, промолвила Эшли.

— Всё. Поехали, — резанул интонациями Алекс, разворачивая Жаклин к прихожей.

Эшли не пошла их провожать, так и оставшись сидеть на диване. После того как Жаклин сбегала выбросить мусор на кухню и вернулась в прихожую, парень уже ждал её там всё с тем же непробиваемым взглядом в глазах и её пуховиком в руках.

Жаклин неплохо знала Глазго, но в ночном городе ориентировалась с трудом. Стоило юноше пару раз свернуть в какие-то незнакомые переулочки, и она уже не понимала, где они находятся, и просто по картинке за окном машины делала вывод, что он рвётся на окраину или же вообще прочь из города.

Парень ехал молча, недовольно-зло уставившись на полотно дороги перед собой.

— Эшли не скажет Алисе о нас? — попробовала заговорить девушка еще и для того, чтобы услышать, с какими интонациями он будет отвечать.

— Эшли? — он кратко посмотрел в ответ. В его голосе была уверенность и раздражение. — Никогда! Эшли — кремень! Она никогда не лезет в чужие дела. Хоть я и сказал, что мне на неё плевать, но я всё равно её очень люблю, и она меня тоже. Эшли — это второй Кирк, только женщина.

— И всё равно я не вижу необходимости в твоём появлении у Марго сейчас. Можно было подождать до завтра.

— Я же обещал в следующий раз украсть тебя ночью. — Юноша ухмыльнулся. — И судя по всему, с тобой по-другому нельзя, не получается.

Жаклин не нашла, что ответить, и поэтому это оказалось всем, что прозвучало в машине за всю дорогу, тем более, что по пустым улицам ночного города, в котором ещё и разыгралась непогода, они ехали очень недолго.

Как девушка и предполагала, Q7 привезла их на окраину: дома были современные, деревья молодые, улицы просторные. Сбросив скорость, водитель свернул в какой-то новый, и, скорее всего, еще не полностью заселённый двор — перед подъездами стояло всего две машины.

«Александр купил себе новую квартиру? — размышляла девушка, пока парень парковался напротив одного из подъездов. — А зачем ему квартира в Глазго, если он едет в Нью-Йорк? Может быть, тут обосновался Кирк? Хотя тоже вряд ли. Странно как-то».

Дома были невысокими, четырёхэтажными, спроектированными в традиционном стиле жилища Британских островов, только выполнены из современных материалов. В уже благоустроенном дворе возле лавочек горели мягким светом большие круглые фонари на манер комнатных ночников.

— Приехали, — Александр заглушил двигатель. Жаклин смотрела на него немного испуганно, но молчала. Парень, не мешкая, отстегнул свой ремень и вышел из машины. Она

сделала тоже самое. Оставаясь всё еще в том же «режиме льда», он всё-таки взял её за руку, направляясь по уложенной плиткой тропинке к дому.

Они вошли в подъезд, и загорелся свет. Александр не стал подниматься по лестнице, а сразу же подошел к одной из дверей на первом этаже, на которой была приклеена цифра «8». Он быстро открыл квартиру одним ключом и распахнул её.

— Прошу.

Жаклин не раздумывая, первая шагнула в помещение, а он, войдя следом, закрыл дверь и хлопнул пальцами по выключателю.

Глава 30 Ты

Хочу тонуть в твоих озерах из шоколада с молоком,
И всякий раз бывать призером, если наградой будет он -
Твой взгляд, до дрожи неприличный, он проникает прямо в душу,
И после, резко-хаотично, пожар сердец постелью тушим.
А утром кофе или чай и, сигарету поджигая,
Решу, что если ты — не рай, то по-любому створки рая.

ToniElleryWeissen

— Ты. — Только лишь включив свет, Алекс тут же почти вплотную приблизился к Жаклин, которая уже стояла лицом к нему. Юноша засунул ключ в карман куртки и сразу же другой рукой взял девушку за подбородок. Он положил большой палец ей на губы и, надавив им, заставил её раскрыть рот. Когда она это сделала, юноша как крючком зацепился за её передние нижние зубки.

— Везде только ты. — Его голос был тихим до вкрадчивости, говорил он неспешно и с каким-то шипением в звуках. Из «тюльпанов» выплёскивались и восхищение, и презрение вперемешку, его взгляд и уничтожал, и короновал одновременно. Девушка, отвечая готовностью, взяла его руку за запястье обеими ладошками, и, сомкнув губки, нежно и чувственно пососала его палец, обласкав его своим мягким язычком.

— Одна ты. В голове, в груди — везде. — Его лицо-картинка исказилось надменностью. Он высоко вздёрнул подбородок и несильно потянул её голову своим пальцем к себе, положив вторую руку ей на скулу.

— Везде и всегда — ты. — Он начал приближать к её лицу своё.

— Ты ведьма, Джеки, только ведьмы так могут. — Засунув большой палец другой руки, он лизнул её губки и свои пальцы у неё во рту. После чего проник языком ещё глубже. Как только она облизала и пососала и его пальцы, и его язык, он взял её лицо в свои руки как чашу, и медленно, осторожно, как бы боясь расплескать, но тем не менее сильно впился ей в губы по-настоящему.

Ни он, ни она почему-то не застонали — всё происходило в полной тишине. Юноша целовал её агрессивно, зло, собственнически, но в то же время как-то скованно в движениях, застыв почти всем своим телом. Утолив жажду контакта, жажду уверенности в обладании девушкой через поцелуй, парень оторвался от неё и стряхнул с себя куртку к ногам, а потом, поддев руками, снял с неё пуховик и не глядя, отбросил куда-то в сторону.

Наступая на неё и заставляя пятиться, юноша, всё так же поцеловывая и нежно покусывая зубами её губы, щеки, нос, скулы и шею, залез ей под свитер и, наученный горьким опытом, сразу же ринулся к своей старой знакомой — застёжке третье-четвёртого размера. И хоть это была уже не та же самая, с которой он сражался там, на брёвнах, а её «сестра», но тоже, видимо, «с характером», поскольку, на этот раз, дав парню расстегнуть целых два крючочка, застопорила его на третьем, последнем, который держал оборону как ДАртаньян за своих друзей мушкетёров. Но тоже недолго. Пару раз дёрнув упрямо устройство и поняв, что эта история может длиться очень долго, юноша рванул со всей силы ненавистную застёжку и вырвал её с корнем — враг был повержен.

— Я куплю тебе новый. — Оторвался он от лица девушки. — Пять новых. — Показал он

ей ладонь с растопыренными пальцами

Жаклин в это время почувствовала, что сзади упёрлась во что-то мягкое внутренним сгибом коленей. Оглянувшись, она увидела диван.

Он рванул с неё через голову свитер, попутно прихватив и бюстгальтер, и она тут же, и осмелев, и возбуждись от своего полуголого вида в его присутствии, сняла с него толстовку.

И вот тут их накрыло полностью и окончательно.

Алекса затрясло. У него начали трястись руки, плечи, колени, ноги задёргались в нетерпении, и один раз он даже негромко лязгнул зубами, прежде чем опять прикинуться к её рту, а руками пуститься в «путешествие» по своим желанным изгибам и выпуклостям.

Жаклин, во время этих первых, так сказать, вводных поцелуев, видя, что пока не может тягаться с силой его напора и желания, принялась наслаждаться его телом, и только лишь прикоснувшись к его коже, вся до кончиков пальцев «поплыла» от удовольствия — это было долгожданно, бесподобно и так сладко. МакЛарен на ощупь остался всё таким же: твёрдым, стройным, гладким, нежным, «новым» и любимым. А ещё — доступным.

— М-м-м... — выплеснула она из себя впечатление от ощущений, в то время как губы снова и снова накрывали другие, такие же жадные и ненасытные.

Они буквально «пожирали» друг друга ладонями и ртами, которые чувствовались везде и всюду одновременно. Алекс, как и тогда на брёвнышках, периодически наклонялся ртом к её груди, а потом, оставляя её на попечении своих рук, опять накидывался на губы, шею, скулы. Жаклин то прижималась к нему всем телом и елозила по его торсу грудями в нестерпимом желании раствориться в блаженстве, сладкой неге не только от поцелуя, но и от этого обнаженного любимого тела. То отрывалась от его ненасытного умелого рта и принималась нежно ласкать его торс своими расслабленными губками, поцеловывая и его кожу, и свои пальцы на ней одновременно, изливая на это родное, драгоценное тело всю свою любовь и нежность, которая накопилась в ней за столько времени. Не удержавшись, тем не менее, она очень сильно укусила его за сосок, отчего Александр тут же толкнулся в неё своим пахом.

Но самое главное, что сейчас чувствовала Жак, так это то, что ей уже мало. Ей всего этого было чертовски мало. Что уж говорить о восемнадцатилетнем, которого тремор уже буквально «брал за глотку». Это немного отвлекало и смущало его девушку. Поэтому, когда он пошел дальше и, потянувшись руками ей за спину и засунув ладони сразу и в джинсы, и в трусики, сжал в своих кистях её голые ягодицы, насколько позволяли тесные джинсы, она немного отстранилась.

— Алекс... мне это... мне нужно в душ.

— Что? — спросил он её так, как будто впервые слышит слово «душ», да и вообще с трудом понимает английский. «Тюльпаны» прищурились.

— Мне нужно в душ... — терпеливо повторила ему девушка, — у меня месячные, — выпалила она.

— Что-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о? — интонации и длительность звука говорили сами за себя. — Что ты сказала? — «Тюльпаны» приняли свой максимальный размах, да и накала в голосе хватало. Но зато, кажется, его перестало трясти, чего, собственно, Жаклин и добивалась, ведь в этом его нетерпении вплоть до трясучки имелась доля и её вины тоже.

— Я пошутила, — тут же сдала свои позиции шутница.

«Хоть он и пепельный блондин, но всё-таки седина у него будет заметна» — подумала

она, будучи под впечатлением от его реакции.

— Пф-ф-ф... — Александр закатил глаза и сделал круговое движение головой, — да я тебя сейчас... — он подхватил её на руки и опустил на диван как ему было удобно, — съем! — и схватился руками за пуговицу её джинсов. Девушка в это время, поддев пятками, скидывала свои итальянские ботиночки с опушкой.

Быстро расстегнув и отвернув её ширинку, Александр выпрямился и окинул высокомерным оценивающим, но вместе с тем и влюблённым взглядом свою девушку. Её роскошные кудри раскинулись вокруг личика по дивану, большие груди немного расплылись по грудной клетке, став более округлыми, а торчащие вверх соски — вызывающими и манящими. Плоский живот втянулся еще сильнее, отчего стройный стан стал очень женственным.

— Может быть, ты и пошутила... — дьявольская улыбка заиграла в уголках его губ, — а вот я — нихрена-а-а-а... я точно тебя сейчас съем! — и он, склонившись, укусил и тут же поцеловал, и лизнул ей животик, и быстро руками стал стаскивать с неё джинсы. Жаклин, сперва чуть дёрнувшись от укуса, тут же стала помогать, приподняв ягодицы.

Александр всё делал быстро — его нетерпению могло составить конкуренцию только его желание.

Немного поиграв с волосиками у неё на лобке, он тут же двинулся пальцами ей между складочек.

— У-у-у... — взвыл он своим фирменным звуком. — Жаклин... — сам не понимая, что он хочет или может ей сказать, парень просто выпрямился и взялся руками за пуговицу своих джинсов.

— Стой! — тут же крикнула Жаклин и вскинула руку. — Можно я? Я тоже хочу. — Села она в кровати и протянула руки к его ширинке, под которой уже давно «бился в истерике» «маленький Алекс». Хотя, маленьким его назвать уже язык не поворачивался.

Пока она довольно умелыми движениями расстёгивала ему джинсы, юноша взял в рот те пальцы, которые только что побывали у неё между ног, и, тяжело дыша, облизал их.

— Не пропадать же добру, — объяснил свой поступок юноша и даже сумел улыбнуться. Жаклин окаменела — ничего эротичней она в жизни не видела. Девушка отмерла и продолжила стаскивать с него джинсы. Только джинсы.

Спустив ему брюки до колен, она наткнулась на мысль, что понятия не имеет, что правильнее сделать дальше. Села и глупо уставилась на его боксёры, под которыми вздымался заметный бугор, после чего подняла голову вверх на владельца всего этого богатства.

Тот тут же присел и поравнялся с ней лицом.

— Ложись, — подтолкнул он её. После того как она откинулась на спину, и до того как он, буквально рухнул с ней рядом, не прошло и пяти секунд — юноша лежал уже без джинсов, без ботинок, без носков и без боксёров — без ничего. Жаклин первым делом скосила глаза к его паху и невольно вспомнила фразу: «Стенки влагалища насчитывают в себе три слоя: слизистый, гладкомышечный и мышечно-эластичный».

«Надеюсь, в моём эластичном слое достаточно эластина», — подумала доктор Рочестер, попутно замечая, что её шотландского пациента опять начало потряхивать.

А пациент, всё больше и больше налегая, опять утаскивал её в омут возбуждения поцелуями и ласками. Жаклин прильнула к нему всем телом. Это было неопишное блаженство — вот так слиться телами, переплестись ногами, ласкать друг друга губами и

руками, озвучивая всё это сладостными стонами — счастье. Девушка уже всю стремилась к нему своими бёдрами.

— Боже, Жак... — вырвалась из Алекса полу молитва, когда он просунул туда руку и почувствовал, насколько она его хочет. — У-у, фак! — и шире раздвинул ей ноги коленом. Она чуть приподняла к нему таз, и он, приставив свой член к её входу, видимо, намеревался дождаться её реакции или даже какого-то знака — разрешения, но не смог и, только лишь почувствовав головкой её набухшую влажность, тут же толкнулся внутрь.

Он взвыл на всю комнату или даже квартиру своим фирменным звуком, задрав голову вверх, как волк — на луну. Жак тоже вскрикнула от полноты ощущений, даже забыв порадоваться, что он всё-таки вошел и даже поместился.

После этого они оба задохнулись от нахлынувшего все поглощающего удовольствия, и когда юноша выдохнул, и опустил голову, и посмотрел ей в глаза, она не узнала его во второй раз в жизни — на неё были направлены пустые, стеклянные глаза волка. Именно направлены, потому что смотрели они внутрь себя, взгляд был почти завораживающим и гипнотизирующим как у хищника. Да и был парень точно как волк, не зря же этот звук так полюбился ему чуть ли не с рождения. Скулы у «волка» были сведены так, что уши прижались к голове, ноздри раздулись как у возбуждённой лошади, на шее вздулись вены. Пару раз моргнув, он немного очнулся и начал потихоньку двигаться и даже выругался:

— Фа-а-а-ак! Черт! Как хорошо! — Немного прозрев, Алекс разглядел и Жак. И увидел на её лице неподдельную муку.

«Сдерживается, — сделал он вывод. — Не порядок».

— Не терпи, Жак, не вздумай терпеть! Кричи! — сказал он, уже опять погружаясь в себя взглядом, — кричи, Жаклин!

— Ауф... — потихоньку вскрикнула девушка, — а-а-аих, — повторила она уже чуть громче.

Александр, имея в ушах эти звуки, утопил глаза в глазницах, и, опустив голову, начал просто умело, четко, методично, как хорошо отлаженная машина, толкаться в неё своим членом. Парень, отбросив всё на потом, явно шел к концу. Скорее всего, только к своему концу, но Жаклин почему-то была уверена, что её он не обидит. Через десяток толчков, он, дыша ртом, со звериным оскалом на лице и упавшими на глаза волосами, уже ошалело и так часто, как только был способен, вколачивался в неё со всей своей молодой дури.

А потом он открыл глаза.

И на фоне всё того же стеклянного взгляда его лицо начало корёжить от нестерпимо-сладкой тяжести желания и ожидания близкой разрядки, пока в конце концов всё-таки не взвыл каким-то острым, резким как выстрел криком, как подстреленный, раненый волк, не желающий расставаться с его никчемной волчьей жизнью. Алекс впервые был для Жак и страшен и прекрасен одновременно в этот момент. Его идеальное от природы лицо действительно исказилось не самым красивым образом, но то, что именно с ней он дошел до такого, именно она заставила или помогла ему пройти через всё это, делало Жаклин абсолютно, полностью, по-настоящему счастливой.

Изливаясь в неё, юноша вместе с семенем сам выворачивался наизнанку. Эмоции рвались из него помимо воли как частички нутра, в этот момент полностью контролируя своего хозяина.

Жаклин в это время уже была почти в беспамятном состоянии, измученная его напором и своими ощущениями. Её отрезвило рухнувшее на неё тело Александр. Он вышел из неё и

тут же обнял голову руками и, задышавшись, начал целовать всё на своём пути. Они молчали, не в силах произнести что-либо членораздельное, и тяжело дышали.

Спустя некоторое время, немного отдышавшись, и уже в какой-то мере обретя себя самого, и почувствовав, что у него есть мозги, парень на столь радостной ноте, будучи под впечатлением от только что пережитого, начал говорить первое, что приходило ему в голову:

— Сладкая моя, — он чуть пососал её губы. — Моя, — чмокнул в кончик носа. — Хочется разбить весь этот чертов Мир у твоих ног. Вдребезги!

Жаклин взяла его лицо в свои руки и водила по нему ладошками.

— Когда буду готова, я отвечу тебе на эти слова, хорошо? — вкрадчиво смущенно проговорила она в ответ, сдерживая дыхание. — Мне, действительно, очень многое нужно тебе сказать. Очень. Сейчас я ничего не соображаю, я просто счастлива. — И она опять поцеловала его в губы, а после облизнулась. — Алекс, чья это квартира? — спросила она, чтобы не расплакаться в этот момент от счастья. Девушка уже начинала конкретно злиться на себя — когда о чувствах говорит смысл твоей жизни, она уже в который раз не справлялась с ситуацией и либо съезжала с темы, либо готова была пустить слезу. Либо и то, и другое, всё вместе и много.

— Понятия не имею, — поцеловал её в плечо МакЛарен.

— Вот как? А кто тебе дал ключ?

— Никто. Я сам взял его у Дженн. — Лизнул он её шейку.

— У Дженни? — Жаклин даже дёрнулась — не ожидала услышать здесь имя молоденькой сестрёнки. — И что всё это значит?

Александр недовольно-скептически скривился и перекатился на бок.

— Ну, то и значит... — посмотрел он в потолок, продолжая одной рукой водить по её животу, — это новые дома. Пока продано всего лишь несколько квартир. Дженн занимается в школе дизайнеров. Её куратор кое-что здесь оформляет. Сестра со своей подругой по студии ей помогают. Эту квартиру продали, и хозяева сделали заказ на две детские... там... дальше по коридору. — Александр махнул рукой на ведущий из холла проход. — Во-о-о-от, эти две детские будут обустраивать и расписывать Дженн с подругой. Они уже нанесли что-то там типа грунтовки, что ли, на стены, оставили не то подсыхать, не то... выстаиваться, не запоминаю я эти её словечки, и я взял у Дженн ключ, я знаю, где он у неё лежит. Это «строительный» ключ, его потом хозяева выкинут — когда они въедут, их замок перекодируется.

Жаклин посмотрела на него во все глаза: «Новая, абсолютно новая квартира», и после этого наконец-то обвела взглядом помещение. Жилище, действительно, скорее всего, «с нуля». Оно чем-то неуловимым, но всё-таки отличалось от квартир и домов после капитального ремонта. Пахло свежей краской и гипсом, и что самое интересное, обустроено всё было ни в шотландском, ни в английском стилях совершенно. Декораторы всё подобрали под хай-тек, но в какой-то шведской, густавианской интерпретации — много светлого дерева, стекла, льна, довольно бесформенная мягкая мебель, небрежный и натуральный текстиль.

— Дженни тебя ругать не будет?

— Она знает, что я её никогда не подведу. — МакЛарен уже полностью отдышавшись, опять начал пододвигаться к девушке. Он прильнул губами к её груди, посмаковав торчащий сосок.

— А хозяева не войдут сюда завтра утром?

— Пока здесь работают оформители, никто не имеет право входить сюда без них. Только так они берутся отвечать за результат.

— Значит, мы здесь с тобой хозяевам обновили диван? Лишили его девственности, так сказать. — Жаклин улыбаясь, зарылась рукой ему в волосы.

— Угу... — медленно кивнув, он принялся за другую грудь.

— Надо же, здесь еще никто, ни разу не занимался сексом.

— Ни разу... — Александр пошел поцелуями вниз по её животу.

— Мы были первыми.

— Я тебе больше скажу... — парень оторвался от её живота и вскинул голову. — Мы будем первыми, кто займётся здесь любовью и на кровати. — И не дав ей толком ничего сообразить, он вскочил, подхватил девушку на руки и кинулся в тот самый коридор. Жаклин только охнуть успела.

Войдя в одну из дверей, они оказались в спальне. Большая кровать без изножья, но с довольно высоким изголовьем, небрежно обтянутым каким-то полотном на манер гобелена, установлена на довольно высоком подиуме, куда вели целых две ступеньки. На ней лежало огромное покрывало из короткошерстного искусственного меха, края которого, спускаясь до самого пола, небрежно раскинулись по периметру мебели. У изголовья как попало валялись четыре большие подушки, обтянутые таким же мехом.

Александр, взойдя на подиум, очень бережно положил свою ношу на кровать.

На этот раз всё случилось по-другому.

Это было чем-то средним между каким-то интимным до неприличия танцем и купанием нагишом в океане ночью при луне.

Они купали друг друга в себе и купались друг в друге. Окутывали один другого своими телами, руками, ногами, губами, своими чувствами, ощущениями, отношением друг к другу. То Александр дегустировал, и пировал, и блаженствовал над телом Жаклин, погружая её в сладостную любовную истому, раз за разом прикивая к её груди губами и водя руками по всем её женственным изгибам и мягкостям, сминая их и наслаждаясь их нежностью, тонкостью, податливостью, subtilностью, то есть всем тем, что было так непохоже на его собственное тело.

То Жаклин опрокидывала его на спину и целовала-целовала-целовала, нежно пощипывая губами, и скользила своей обнаженной грудью по его прессу, и тут же ласкала его своими роскошными волосами, наслаждаясь его протяжными, сладостными стонами. А когда она взяла в руку его уже давно готовый к новому раунду член, парень вдруг сел и потянул её вверх на себя — в его взгляде опять появилось что-то звериное, чужое.

Он откинул её навзничь на кровать и, неотрывно глядя в глаза, раздвинул ноги и прислонил между складочек свою руку внутренним сгибом локтя, и протащил эту руку у неё между ног, как бы проелозив всем своим предплечьем и кистью, таким образом размазав себе по внутренней стороне руки все её соки вместе со своими. Затем, всё так же глядя в глаза, понюхал этот влажный след, проведя носом по всей его длине, как дорожку кокаина, а потом повторил этот путь широким расслабленным языком.

Жаклин какое-то время смотрела на всё это как под гипнозом, даже не моргая, но долго не выдержала и, сама того от себя не ожидая, села и потянулась к этому влажному следу тоже. Он подставил ей свою руку, и она лизнула её несколько раз. Там был лёгкий терпкий привкус с запахом её, его и его кожи — вкуснятина.

— Если я — ведьма, — оторвалась она и серьёзно посмотрела ему в глаза, — то ты

точно — дьявол.

От такой картинки и таких слов юноша не выдержал и, опять притянув её за затылок, впился в губы. Он, теперь уже медленно, положил её на кровать и так же осторожно и аккуратно вошел в неё.

— Я в тебе, Жак! Ты понимаешь это? Я в тебе! — проговорил он, опьянённый ощущениями.

— Да-да, — закивала она лихорадочно и часто-часто. — Это такое счастье, Александр! Принять тебя... впустить... почувствовать.

Жаклин быстро погрузилась в какое-то бездонное пространство, наполненное сладостью, удовольствием и счастьем, которое было тем полнее, чем более очевидно вместе с ней туда провалился и Александр. Он двигался плавно, мягко, сладостно и томно, смакуя каждое движение, каждый всплеск ощущений. Работал теперь уже не на результат, а на процесс — тот самый случай, когда путь оказывается важнее цели.

И, как правило, при таком варианте развития событий, результат превосходит все ожидания. Когда Александр, не останавливаясь, только лишь принялся раздражать её клитор средним и указательным пальцами, девушка, абсолютно без каких-либо усилий и стараний, разразилась криками невыносимого, нестерпимого, взрывного удовольствия. Оргазм пришел легко и просто, она даже не смогла толком подготовиться к своему освобождению, поэтому этот взрыв застал её чуть ли не врасплох, и этим самым ощущался еще более прекрасным.

Почувствовав, как она пульсирует вокруг его члена, Александр сделался очень серьезным и сосредоточенным. Держа в руках бьющуюся в оргазме девушку, которую ломало и трясло как под напряжением, он стал вторить ей своим рыком. Таким низким, утробным рычанием, как тогда у неё в ванной, когда их прервал пьяный Чарльз. И когда она успокоилась и затихла, в бессилии откинувшись на покрывало кровати, юноша, не замолкая, с чувством стал ускоряться. И может быть, даже в этот раз он кончил бы уже более спокойней и быстрее, если бы не его девушка.

Во-первых, войдя во вкус, а во-вторых, сделавшись более чувствительной после оргазма, она, от таких его движений и от своих каких-то просто бешеных ощущений от них, будучи уже просто на грани паники, что не выдержит такого накала эмоций и, либо сделает что-то не так, либо же просто соскочит, заколотила кулачками по кровати.

— А-а-а... я не могу-у-у...

— Кричи! Кричи, Жак! Громко! — он уже понял, что ему нужно делать.

— А-а-а... я не выдержу-у-у...

— Громче, малыш! Кричи так, чтобы охрипнуть!

— А-а-а-а...

И когда её стеночки стали вновь сокращаться вокруг его члена, он взорвался таким мощным оргазмом и буквально взревел на всю квартиру.

Александр рухнул рядом. Оба дышали так, будто уносили ноги с того света. И тут, почти сразу же, юноша начал немного похохатывать. Жаклин, еще не пришедшая в себя, ошарашенно на него оглянулась.

— Джеки... — парень, улыбаясь и пытаясь отдышаться и немного остыть, ибо на его теле выступила лёгкая испарина, налёг ей на грудь и обнял ладонью за висок. — Жак, мало того, что ты теперь моя, ты еще и настоящее чудо! — он приподнялся на локтях, не желая давить на неё своим телом. — Господи, какое счастье, что я родился... таким и сразу же понравился тебе тогда, на ужине, — он поцеловал её в губы, — и ты захотела быть рядом,

попыталась приблизиться ко мне. — Он прошел поцелуями по её щеке и виску. — Спасибо тебе, малыш, — и по очереди поцеловал её глаза. — Я всегда знал, что я везунчик.

Жаклин молча потянулась к его губам. Она целовала его так... самозабвенно, с такой любовью, с такой отдачей, что Александр её понял и без слов. И поскольку время её признаний еще не наступило, она осталась верна себе и опять съехала с темы.

— Я пить хочу. В квартире идёт вода?

— Идёт. Но у меня в машине есть бутылка шампанского и бокалы. А кушать ты не хочешь? Я взял еще и еды.

— Похоже, везунчик здесь не ты один, — обрадовалась Жаклин.

— Я сейчас, — чмокнул её в кончик носа юноша.

Он вскочил, и быстро надев прямо на обнаженное тело джинсы и ботинки, кинулся с голым торсом в коридор. Там он накинул куртку и вышел из квартиры.

— Хорошее шампанское, — похвалила Жак, выпив от жажды почти полбокала-флюте. — Последний раз я пила шампанское... у тебя на дне рождения в «№ 5», — вспомнила она. — Там оно тоже было вкусное. — Она надела свой свитер и трусики, пока парень ходил за шампанским, и сидела сейчас на кровати на пятках. Александр полулежал напротив в джинсах, но с голым торсом и босой, и водил пальцами по окружности подставки своего бокала, и сыто-довольно ухмылялся. Он походил на кота или скорее даже на тигра — такой же грациозный, ленивый, уверенный, спокойный, высокомерный до надменности, весь из себя и себе на уме. — А можно вопрос? — подползла к нему девушка и чмокнула в губы.

— Можно, — ответил он только на вопрос, проигнорировав поцелуй.

— Кто тогда к тебе не пришел на вокзал, когда ты забрал меня в Лондон?

— Никто, — ответил он так, будто она разочаровала его своими умственными способностями.

— Но ты же сказал, что едешь не один.

— Конечно, не один — я ехал с тобой.

— А если серьезно?

— Я серьёзен как сердечный приступ, Жак.

— Так ты тогда не Анну ждал на вокзале?

Александр чуть помедлил — он явно напрягся.

— Нет, не Анну.

— Ты ждал меня?

— Да. Я ждал тебя.

— К тому времени ты уже расстался с Анной?

— Нет.

Теперь напряглась Жаклин.

— Ты похищал меня, а встречался с Анной?

— Нет.

Девушка быстро заморгала.

— Ничего не понимаю: ты с ней и не встречался и не расставался. А как же тогда?

— Ну, наконец-то! Дошло! Я с ней и не встречался и не расставался, потому что вообще никогда не мутил с Анной.

Она зажмурила глаза, а потом открыла их.

— Но ты же тогда представил её как свою девушку. Ведь не приснилось же мне это.

— Нет, не приснилось. Я тогда пошутил.

Жаклин сдвинула брови и даже повернула голову правым ухом к своему собеседнику.

— Что ты сделал?

— Пошутил. — Вздёрнул брови парень как ни в чем не бывало. — Анна — девушка из сопровождения. Её мне подкинул Кирк. Я тогда... хотел оттолкнуть тебя. Ну, понимаешь... видел, как ты ко мне относишься, и чувствовал, что и со мной что-то не то. А на кой мне это? Вот и решил тебя... устранить. Я боролся с собой... и с тобой.

После этих слов лицо Жаклин вытянулось. Девушка сначала чуть посидела неподвижно, как бы отдыхая от чего-то, потом опрокинула в себя остатки шампанского и поставила бокал на пол подальше от кровати. Затем, не говоря ни слова, приняла у юноши его уже пустой бокал, с которым он просто лежал и игрался, и поставила рядом со своим.

— Ах, ты с-с-с-сук-к-к-кин сын! — схватила она одну из кроватных подушек. — Да я тебя сейчас просто придушу, Александр МакЛарен! — Жаклин хотела опустить её Алексу на лицо, но тот вовремя подставил руки, удерживая её в паре сантиметров от своего носа. — Всё, ты — труп, понял?! Молись! Тебе осталось жить четверть секунды! Да ты знаешь, сколько из меня крови выпила твоя Анна? А оказывается, всё это на пустом месте?! Потому что, видите ли, «он боролся с собой»! Я как дура месяц тихо умирала, а он... «боролся с собой». Идиот! Ненавижу тебя! — Алекс играючи мог скрутить Жаклин так, чтобы она сама отдала Богу душу, но он откровенно наслаждался её злостью. Жаклин-злючка особенно была ему по вкусу.

«Она — чудо», — успел подумать юноша.

— Согласен. Жаклин, подожди. Дай скажу! — выглянул из-за своего укрытия.

Увидев, что с её «орудием смерти» у неё ничего не получится, Жак тут же отпустила подушку и, сжав кулак, со всей силы ударила парня под ребро. Тот охнул и, тоже откинув «своё укрытие», попытался схватить её за руки, но та махала ими как мельница и уворачивалась так, что даже смогла еще раз ударить его в бок, чуть левее поджелудочной железы.

— Джеки, да подожди ты! — Александр всё-таки схватил драчунью за руки и рванул на себя. Уложив её плашмя на своё тело, он довольно сильно прижал девушку к себе.

Жаклин ударила его по плечу кулаком, но парень даже не обратил внимания.

— Отпусти.

— А ты меня выслушаешь?

— А толку? Я тебя всё равно придушу, что бы ты там ни сказал.

— Жаклин, я тогда не знал, что люблю тебя. Я люблю тебя, мальш.

Она застыла. О том, чтобы вымолвить хоть слово, не могло быть и речи. Они долго лежали и молчали.

— Ну что же ты молчишь? — он расслабил свою хватку.

Но она всё равно молчала.

— Скажи, что ты меня любишь. Ведь ты же любишь меня, Жаклин! — Александр слегка потряс её маленькое, худенькое тело.

— Да, — ответила она ему шепотом почти в ухо. Девушка теперь просто свободно лежала на своём молодом человеке. Потом отстранилась и облокотилась на кровать, — но... - закусил она уголок нижней губы и очень серьёзно посмотрела на парня, почти как на постороннего в этом разговоре — она еще не закончила свой внутренний монолог, а он торопил и подталкивал её к внешнему, — но мне страшно.

— Страшно? — нахмурившись, он убрал ей волосы с лица. — Чего ты боишься?

— Всего и всех. — Она уронила голову ему на грудь. — Тебя, себя, твоей любви, своей любви.

— Ну-у-у, Жа-а-а-ак, что за манера сразу думать о плохом! — Юноша скуксился как капризный ребёнок.

— Ты не хочешь думать о плохом? — она села в кровати прямо возле него.

— Да.

— Именно поэтому ты не поднял вопрос контрацепции?

— Оу, вот ты о чем. — Он тоже подтянулся и почти сел у изголовья кровати. Жаклин залюбовалась тем, как вздулись и красиво обозначились его бицепсы. — Видишь ли, сегодня мне всё равно. Правда. Всё равно. Я не собираюсь заниматься с тобой любовью с презервативом, и это не обсуждается, поэтому не взял их, хотя они у меня дома есть. А таблетки без тебя покупать не стал — планировал сделать это вместе перед отъездом в горы. Тем более, что ты врач.

— Ну а сегодня? Как быть с сегодняшним днём?

— А почему ты не подняла вопрос контрацепции?

— Это долго.

— Угу, понятно. У тебя опасные дни?

— Да.

— Вот как?

— Да.

— Ну что же, я готов рискнуть.

— Вот как?

— Да. И даже если ты мне родишь потом пятерых, ни о чем не жалею.

Жаклин счастливо улыбнулась.

— Я люблю тебя, Александр.

Глава 31 Печень-чатни

— Может быть, вот эти желтые?

— Фу, с рождения ненавижу желтый цвет.

— А какой цвет ты любишь с рождения?

— Я же тебе говорил, что у меня нет любимого цвета. Ты забыла?

— Оу, точно, извини, забыла. Ну, тогда давай купим кораллового цвета. Я люблю коралловый цвет.

— А как насчет твоего любимого, фисташкового?

— Можно и фисташковый. Но мне кажется, он будет смотреться не очень... эстетично.

— Гхм... тебе видней. Ладно, давай коралловый. А они тут есть? Эти... коралловые...

— Должны быть. Здесь всякие есть.

— Ну, тогда давай поищем.

— Давай.

Александр и Жаклин выбирали презервативы. Ничего из выставленного на витрине, им не нравилось. На самих упаковках были нарисованы красивые и забавные картинки, как на детских игрушках: смеющиеся кукурузные початки с большими лукавыми глазками и шишками на голове, подмигивающие самолётики с улыбочками под передней частью фюзеляжа и утрированно вытянутыми осями пропеллеров, игривые дельфинчики с непомерно крупными рыльцами, радостные космические ракеты с толстенькими рассекателями воздуха и кувыркающиеся, резвящиеся бананы с кокетливо загнутыми черешками — всё это походило на детский магазин игрушки при выборе только лишь сбивало с толку. К тому же Алекс никак не мог найти свой третий размер. Видимо, в этом... «детском мире» размеры не имели значения.

— Ничего не понимаю, Жак, а где размеры? Ты видишь размеры? Я — нет.

— Размеры? — она искренне удивилась и тоже начала вглядываться в ценники. — Не вижу. Може, нужно спросить у продавца?

— Да пошла она! Спрашивать у неё еще! Много она понимает! Давай, я померяю, да и всё.

— Давай. А где здесь примерочная?

— Да зачем примерочная? Я и так могу. — И, взяв с витрины упаковку с презервативом, Александр вскрыл её и стал раскатывать себе по члену латексное изделие. Но у него что-то ничего не получалось. — Жаклин, он не налезает. Помогите мне.

И Жаклин принялась помогать ему двумя руками. Как только она приложила к его члену свои маленькие ладошки, парню сходу захорошело так, что мир поплыл перед глазами.

— М-м-м... — издал он свой первый звук этим утром и проснулся.

Жаклин действительно обхватила своей правой рукой его эрегированный член и водила по нему вверх — вниз какими-то пробными, несмелыми движениями, ртом при этом прикоснувшись к плечу своего любимого мужчины. Просто так. Без поцелуя. После того как юноша зашевелился и открыл глаза, девушка почему-то тут же отдернула руку и отстранилась.

— Оу, извини, что разбудила. — Она даже чуть отодвинулась. МакЛарен довольно заулыбался и, опять закрыв глаза, стал шарить рукой по кровати, а после того как Жак

подставила ему свою ладошку, ухватился за неё и, поцеловав внутреннюю сторону её кисти, тут же вернул её на место, то есть на свой член.

— Я проснулась и увидела, что он у тебя... — девушка смущенно заулыбалась. Она ласкала «маленького Алекса» и сама наслаждалась интересными, противоречивыми тактильными ощущениями у себя в ладони от твёрдого, как будто из камня вытесанного члена, на ощупь очень напоминающего напряженный пресс или бицепсы своего хозяина, и в то же время до того нежной, тонкой кожицы на этом органе, что вздувшиеся венки под ней будто лежали на самой поверхности, которая была очень гладкая, прямо как отполированная. Наверное, ещё и поэтому «маленький Александр» чувствовался каким-то... голеньким.

— М-м-м... — это был второй звук от юноша за это утро. Он сначала сонно и лениво выгнулся спиной, а потом весьма резво толкнулся вперёд бёдрами.

— А ты спишь. Вот я и подумала, что, может... тебе стоит...

Юноша резко открыл глаза и развернулся на бок к своей девушке. Не дав ей договорить, он схватил её за талию и, перевернувшись опять на спину, уложил на себя, после чего принялся смаковать её губки.

— М-м-м... — издал он свой третий звук с момента пробуждения, — определённо, стоит! Это так приятно! — прохрипел он севшим голосом после сна и в следующее мгновение уже придавил Жаклин к кровати своим напряженным голым туловищем, тем самым очень плотно зажав между их телами «маленького Алекса». Скорей всего, к немалой радости последнего. — С добрым утром, любимая.

Вообще-то Жаклин не очень любила секс по утрам. Одно дело, когда ты видишь своего мужа за ранним завтраком и очень недолго, затем вы расходитесь каждый по своим работам и за целый день, общаясь с посторонними людьми, успеваете не только отдохнуть друг от друга, так еще не исключено, что и соскучиться. И тогда бывало даже приятно, несмотря на усталость, реализовать свою физиологическую потребность сексом перед сном. А вот за ночь соскучиться по Чарльзу у Жаклин никак не получалось. Ей всё время казалось, что вот только что она закрыла глаза, последнее, что видев перед этим — лицо или затылок супруга, и вот ей уже их нужно открывать и лицезреть опять всё тоже самое, только заспанное, всклокоченное, дурно пахнущее, которое при всём при этом хочет и ждёт от неё душевных и телесных порывов. Еще и из-за этого девушка вообще не любила просыпаться с ним. Засыпать ей нравилось гораздо больше.

А вот с Алексом...

С утра всё чувствовалось немного по-другому. Когда девушка, будучи дезориентированной и не во всеоружии, ещё совершенно несобранной и расслабленной после сна, такой почти беззащитной и уязвимой, открыла глаза и увидела рядом с собой... любимого, чистейшее счастье заполнило её до краёв. «Мечты сбываются» — пришло ей на ум. Проснуться рядом с человеком, который делает её счастливейшей из женщин одним лишь своим присутствием — кажется, она начала ждать этого еще задолго до встречи с ним. И вот, наконец, дождалась. Теперь можно расслабиться и просто любить, с началом нового дня заново обрадоваться своему чувству, да и просто существованию.

Вернее, существованию обоих: и его, и своему, поскольку уже не всегда в состоянии была демаркировать два этих факта.

Спящий МакЛарен был бесконечно сладким, очень юным, слишком красивым и нестерпимо желанным.

«Боже, — подумала Жаклин, разглядывая досматривающего последний утренний сон красавца, — он прекрасен! — девушка просто не верила своим глазам. — Человек не может быть настолько красив». — Её эстетическое наслаждение было всепоглощающим. Даже лёгкие, нежные поцелуи казались ей каким-то грубым и слишком прямолинейным способом разбудить такое творение природы. Поэтому она проследила глазами вдоль его тела и, увидев «маленького Алекса», решила «пойти в обход». Тем более, что уже давно хотела это сделать.

И «большой Александр» не разочаровал её своей реакцией и достойно продолжил дело, начатое «маленьким».

Это было завораживающе: после пробуждения попасть не в реалии жизни и быта, а в какую-то волшебную невесомость, не успев вынырнуть из одного забытья, провалиться в другое, только несравнимо более сладостное, сказочное, дарящее одно сплошное наслаждение.

Она перекатывалась и растекалась в его руках как ртуть, становилась мягкой и податливой как тёплая карамель, потягивалась, вытягивалась и выгибалась спинку как молодая кошечка, то подставляя под его руки и губы свои большие груди с возбуждёнными торчащими сосками, то выпячивая ягодицы и открывая для своего мужчины те места, где жаждала его прикосновений больше всего.

Александр своими довольно ощутимо болезненными покусываниями её кожи, сопровождаемыми нежными, любовными, балующими прикосновениями и поглаживаниями, и сменяя их на лёгкие, несмелые поцелуи и просто лизания влажным языком вместе с сильными, властными, собственническими, подчиняющими захватами её тонкого гибкого стана, доводил Жаклин до состояния настоящего транса. Он то как будто приподнимал девушку над землёй и помогал «летать», то словно отпускал её там, «на высоте», и после того как она «ухала на дно» омота возбуждения, сам «нырял» вместе с ней.

«Твой дом — я!» — невольно вспомнила Жаклин, потому как, будучи в чужом городе, в чужой и абсолютно незнакомой квартире, в его молодых, но таких родных, очень умелых и жаждущих руках, чувствовала себя мало того что дома, Александр давал ей удивительное чувство защищённости, безопасности, спокойствия, безмятежности и, что самое главное, оптимизма — рядом с ним она помимо своей воли загоралась этой утопической, с её точки зрения, идеей, что всё будет хорошо. А может быть, ей просто так хотелось.

Но после одной абсолютно бредовой мысли, как-то невзначай пришедшей ей в голову, она всерьёз задумалась над тем, что, скорее всего, рядом с ним и впрямь начинает меняться ментально и, причем, совсем не исключено, что этот процесс кардинален. Она иногда, моментами, ловила себя на том, что в какой-то степени начинает понимать смысл паранджи — теперь её мозг и нутро не вступали в жесточайший, категоричный антагонизм с мыслью о том, чтобы её ноги, руки, лицо — короче, всё её тело, всю её саму видел только её Александр и всё. Ей очень хотелось принадлежать только ему одному. И принадлежать целиком и полностью.

Поэтому Жак отдавалась ему с готовностью, и даже с какой-то преданностью подставляла себя его рукам и губам.

А самому Алексу только это было и нужно. Он с новым днём набирался заново ощущений от её тела, её кожи, губ, ресниц, волос, пытаясь сделать это впрок на целый день. Мужчина ртом и руками ласкал и целовал её груди, живот, плечи, шею, лицо, припадал к губам, а потом опять пускался в путешествие по ней самой, собирая с любимого, стройного,

миниатюрного, желанного тела волшебные для него ощущения: девушка была сонная, сладкая, незащитная, родная, податливая, отзывчивая, трогательная, мягкая, томная и любящая; и запахи: она пахла сном, негой, сексом, желанием, женщиной и какой-то особой красотой. И даже лёгкий запах материи искусственного меха, исходящий от неё, почему-то его только лишь возбуждал.

Но среди всех этих новых, незнакомых, волнительных и многообещающих ощущений и нюансов был для молодого человека один самый интересный и важный — Жаклин для него была не то что лучшей — лучших он видел и... в разных позах в том числе, и немало — а какой-то яркой, выделяющейся из толпы. Все остальные девушки сейчас казались каким-то... фоном, массовой. Ну, это примерно как если бы Жаклин была картиной Моны Лизы, висящей на стене, а все остальные представительницы прекрасного пола — обоями, на эту стену наклеенными.

Парень чувствовал себя каким-то ставшим на место суставом, мячиком для гольфа, которого кидало по полю на манер Броуновского движения и никак не могло загнать в лунку — все ему были не по глубине, не по размеру и не по форме. И вот наконец-таки он нашел свою «лунку».

Закусив от предвкушения нижнюю губу, он легко перевернул Жаклин на живот и вошел в неё со спины.

— А! — очень громко и кратко вскрикнула девушка, как только он наполнил её своим телом сзади, изменив тем самым силу давления в точках соприкосновения, что вызвало шквал новых удовольствий. — Да. Ещё, — полетели из Жаклин восклицания после того, как он начал совершать первые свои движения. — А-а-а... как сладко...

— Да, малыш, — он лизнул её шейку. — Ч-черт... Жак, какая ты... у-у-у, фак! — Набрав себе полные ладони её груди, возбуждаясь ещё и от твёрдости уткнувшихся ему в центр кистей сосков, Александр начал двигаться медленно, сладко, тягуче, покусывая её сзади за шею и худенькие плечики и «купая» свой точеный нос в шелке её волос. — Сладкая моя, — и он очень сильно засосал кожу у неё за ушком.

Этим утром парень упивался даже тем, что духовное с плотским бились в нём не на жизнь, а на господство. Нутро говорило: «Не спеши, потяни удовольствие. Получи от этого по полной. Наполни себя ЕЮ до краёв, отдай всего себя ЕЙ до последней капли», — и предательское тело ускорялось, требуя разрядки. И слегка удовлетворив свою и её потребность в ощущениях, Александр послушался последнего и отдался-таки на откуп своим инстинктам.

Он начал вколачиваться в неё с чёткими, ритмичными плотными шлепками плоть о плоть, уже абсолютно бесконтрольно со своей стороны. Им владели и управляли только два желания: чтобы это вообще никогда не кончалось и чтобы как можно быстрее закончилось тем самым, беспрецедентным чувством с россыпью умопомрачительных взрывов удовольствия в организме.

Поэтому, когда уже в криках Жаклин стало больше нестерпимой муки, чем блаженства, он отнял левую руку от её груди и засунул свой средний палец ей в рот. И эта... чертовка ни с того, ни с сего взяла и сильно прикусила его за подушечку, после чего любовно и заботливо пососала и облизала своим нежным язычком, как бы извиняясь и залечивая рану.

Его тут же подхватил безумный, сладостный вихрь. Он вырвал палец из её рта и, просунув руку под их телами, им же надавил ей на клитор, еще сильнее прижимая её к себе и изливаясь в неё своим семенем, а в воздух — всё тем же резким, раздирающим криком

раненого волка.

Тут же последовала за ним и Жаклин, сокращаясь вокруг его члена и принимая и поглощая и его семя, и его крики. Чтобы немного сдержать силу своих конвульсий, стесняясь нелепости поз, в которые её всю буквально скрючивало, она утопила ногти в подушке, за которую держалась, и потянула её под себя. Увидев, что она опять старается быть сдержанней, Александр среагировал моментально.

— Не вздумай! Отпусти себя! Сейчас... же!

— А-а-а-а-а, — послушалась его девушка и после того, как её тело дёрнулось сильнее обычного, и она в муке удовольствия выгнулась в спине, Александр опустился на неё сверху и оберегающее обнял всем собой, чтобы поглощать всё, что с ней сам же и сотворил, и не пропустить ни единого движения её разрядки, ни малейшего выплеска её наслаждения.

После того как она успокоилась и затихла, он вышел из неё и повалился рядом на бок, тут же притянув её к себе и соорудив из их тел позу «ложек». Парень ничего абсолютно не соображал, а просто чувствовал, что оторваться от неё у него сейчас столько же шансов, сколько вернуться в свой сон и натянуть-таки тот упрямый презерватив.

— Боже, Жак... — он поцеловал её в место своего засоса за ушком, пытаясь при этом пальцами нащупать на её животе хоть махонькую жировую складочку и ущипнуть за неё, но, увы, тщетно, — то, как тебя всю бьёт и колотит, твой крик, будь я проклят, если это не лучшее, что я видел и слышал в своей жизни. Это даже лучше, чем... V12 моей малышки на перевале Далл. Где, черт побери, ты была всё это время?

Жаклин, тоже дышала с трудом, но всё-таки сумела в ответ хихикнуть.

— Ты хотел бы встретить меня еще раньше? — она чуть развернула к нему голову, накрыв его руки у себя на животе своими. — Когда тебе было сколько — пятнадцать? А не рановато ли?

— В самый раз, — он улыбнулся и чмокнул её в плечико. Они замолчали, просто переваривая ощущения от этого утра, да и вообще от всего посещения этой квартиры в целом. Каждый из них понимал, что пришла пора уходить.

— Мне нужно проведать Маркаса, — начала Жаклин, чуть переведя дыхание.

Последовала небольшая пауза.

— Ну, Маркаса, так Маркаса. Но я, признаться, надеялся отвезти тебя к дядюшке. Он наверняка уже звонил.

— Угу... скорей всего. А потом, я уверена, сразу же позвонил Эшли, и что она ему сказала, одному Богу известно. Еще и поэтому мне обязательно нужно с ней повидаться. — Она развернулась к любимому лицом и поцеловала в краешек губ, после чего носом уткнулась в линию челюсти.

— Не бойся. Эшли я беру на себя. — Он погладил её по волосам, после чего отстранился и чмокнул в кончик носа. — И вообще, это было бы очень хорошо, если бы он позвонил Эшли — она всё правильно ему скажет, можешь даже не сомневаться. — Юноша раскрытыми ладонями начал гладить её по спине, опять, в тысячный уже раз, даря чувство успокоения.

— Очень надеюсь. Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. А пока... что здесь можно сделать: почистить зубы, принять душ, выпить кофе, причесаться? — она показательно растянула в разные стороны кончиками пальцев свои «пружинки», демонстрируя «воронье гнездо».

— Умыться.

— Ну и на этом спасибо, — девушка чмокнула его в шею. — Это — туда? — ткнула она пальчиком в одну из дверей спальни.

— Нет. Кажется, нет. Это гардеробная. Ванная там, — махнул парень рукой в противоположную стену, где тоже была дверь, но более узкая и со стеклянной вставкой.

— Оу, точно. Эта больше похожа на дверь ванной.

Вчера, сказав друг другу такие важные слова, они, по новой раскидав одежду вокруг кровати, закрепили свои признания еще одним раундом. После чего оба, выдохнувшись до упора, моментально провалились в сон, уткнувшись один в другого как пазлы и укрывшись искусственным короткошерстным покрывалом.

Поэтому сейчас Жаклин предстояло встать с кровати и предстать перед Александром в «костюме Евы».

Это было вполне понятно — будучи возбуждённой, не стесняться того, что этот мужчина входит в тебя своим членом и проводит рукой у тебя между ног, но когда тебе предстоит уже в нормальном, вменяемом состоянии просто встать и одеться, то этот стриптиз наоборот сковывает тебя как начинающую модель — первые промеры её фигуры.

— Ты не мог бы отвернуться? — смущенно-недовольно обратилась к юноше Жак, встав к нему боком возле кровати и поочередно всовывая ноги в свои трусики.

Александр вытянулся на смятом покрывале во весь свой немалый рост нагишом и, судя по всему, не стеснялся этого ни грамма. Он сцепил у себя на затылке кисти рук в замок, для лучшего угла обзора, и с довольным видом наблюдал за манипуляциями своей девушки. Услышав её просьбу, «нудист» прищурился так, как будто она попросила его... оформить обе здешние детские вместо его сестры и её подруги.

— Чего-о-о?

— Что слышал. Ну, или закрой глаза. Чего интересного смотреть, как человек одевается?

— Пфф... — фыркнул в сторону юноша, — много ты понимаешь. — Он сел в кровати, наблюдая, как Жаклин надевает на голое тело свитер, поскольку её бюстгальтер, «приказавший долго жить», так сказать, грудью защищая грудь своей владелицы от посягательств, лежал сейчас «бездыханной тушкой» где-то в холле, за диваном. — Твоё одевание это как... — он пожевал губы, — как вишенка на торте! — и только Жаклин, оглянувшись, рассмотрела в его глазах своих уже, можно сказать, корешей — бесенят, двое из которых еще уплетали за обе щеки остатки белкового торта, а остальные уже кидались кремом и пуляли косточки от вишен друг в друга, как их хозяин рванул с кровати молниеносным движением хорошего боксёра, чтобы схватить свою девушка в охапку и опять повалить рядом с собой на подушки.

И он обязательно добился бы желаемого, если бы она, завизжав так, что чуть не довела его барабанные перепонки до инфаркта, не спрыгнула с подиума одним прыжком и пулей не рванула в ванную под не менее громкий хохот её мужчины.

После того как Александр, уже в джинсах, присоединился к Жаклин у умывальника, и они там набрызгались водой вдоволь, девушка, напоследок стряхнув с пальцев воду ему в лицо, так же быстро метнулась назад в спальню. Сходив за джинсами в холл, она не удержалась и открыла дверь в гардеробную — очень уж ей нравилось рассматривать варианты хитро-мудрых решений устройства полочек, шкафчиков и вешалок.

В этой всё было очень и очень лаконично: такое же, как по всей квартире, светлое дерево, из которого сделали явно на заказ три ряда нижнего яруса ящиков на манер комода.

Следующим ярусом шли вешалки и полочки, а под самым потолком ниши для коробок перемежались с закрытыми, сквозными антресолями. Так же тут была предусмотрена откидная гладильная доска, большое студийное зеркало и небольшая, в две ступеньки, лестница — сидуха. Жаклин вошла в комнату и первым делом натянула на себя джинсы, попутно заметив, что обязательно нужно приобрести прокладки на каждый день — её трусики сильно промокли всеми этими... последствиями их волшебного пробуждения. Пусть даже эти последствия пока были и не столь далеко идущими, как ей хотелось бы.

Она пригладила пятернями волосы перед зеркалом, после чего бездумно стала открывать и закрывать пустые ящики под звуки голоса своего молодого человека, доносящиеся из коридора, который, судя по обрывкам фраз, объяснялся со своей матерью по телефону.

— Нравится?

Жаклин слегка вздрогнула, не ожидая услышать его почти позади себя.

— Оу... дда... мне интересны гардеробные. Наверное, я барахольщица, как и Сула, — она улыбнулась, вспомнив свою хулиганку. — У нас с Чарльзом нет гардеробных — в старых домах их не делали. Да и в моей квартире в Лондоне тоже отдельного гардероба нет. А мне бы хотелось. — Девушка обвела взглядом мебель от пола до потолка. — Это так... упорядочивает пространство, «разгружает» его, делает многое удобным, современным.

Александр подошел и положил руки ей на талию и, зарывшись носом в «пружинки», глубоко, с наслаждением вдохнул, после чего сладко пососал мочку её ушка.

— М-м-м... — эротичным низким шепотком протянул он притихшей девушке в это самое ушко. — Жак...

— А.

— ... поехали отсюда, пока я тоже... не полюбил гардеробные.

Сложив пустую бутылку из-под шампанского, бокалы-флюте и испорченный бюстгальтер в два отдельных пакета, которые Александр нашел где-то в будущих детских, они расправили смятые покрывала и вытерли, как смогли, упаковочной бумагой брызги в ванной.

Перед самым выходом парень еще раз прошел по комнатам и проверил, не оставили ли они что-нибудь после себя — видимо, он действительно очень серьезно относился к тому, чтобы не дай Бог, не подвести свою младшую сестрѐнку.

Уже в прихожей, достав из куртки ключ от квартиры, Александр взглянул на Жаклин, терпеливо ожидавшую его у входной двери, и... положил его назад. Он вплотную приблизился к девушке, поднял указательным пальцем ей подбородок и очень нежно и легко поцеловал в губы, эдаким райским поцелуем, поставив тем самым точку в их пребывании в этой квартире.

— Я люблю тебя, Жак, — сказал он, оторвавшись.

У той глаза вспыхнули восхищением. Но ей почему-то тут же сделалось смешно. Она сжала губки в плотный бантик, сдерживая смех, но всё-таки не выдержала и прыснула.

Юноша закатил глаза и высокомерно покачал головой.

— Никакой романтики с тобой. Ладно уж... пошли, что ли, — и он обхватил её за шею.

Было уже почти одиннадцать часов утра, когда они вышли из подъезда. Непогода улеглась полностью, как будто её и не было никогда. Светило довольно яркое солнце, и ощутимо похолодало.

Проверив телефон, Жаклин нашла три пропущенных вызова от дядюшки около девяти

часов утра, и один — от своей университетской подруги Эстер, из Лондона, которой еще в Оксфорде звонила поздравить с Рождеством, но та не брала трубку.

— Я позвоню Эшли, — предупредила девушка, когда Александр выруливал со двора, после того как сходил и выбросил мусор в контейнеры разделительного сбора.

— Нет, я сам позвоню Эшли, — отрезал он, глядя на дорогу.

— Оу... — сразу же притихла его спутница, — ну... мне просто нужно узнать, как дела у Маркаса.

— Вот я и узнаю, — уверенно кивнул головой юноша.

— А еще я всё волнуюсь: как там долетели Марго с Итаном?

— И об этом могу спросить, хоть и думаю, что еще рановато.

— Хорошо, — как ни в чем не бывало согласилась Жаклин. — Значит, мне остаётся только вечером созвониться с Чарльзом — у него билет на сегодня, на утренний рейс в Париж, да поинтересоваться, как там Мери с Сулой. И всё, — хлопнула она себя по коленкам.

Александр ничего не сказал, а только улыбнулся, чуть развернув голову в её сторону.

По пути, пока Жаклин набирала подруге СМС, парень остановил машину возле какого-то кафе.

— Пойдём, выпьем по чашке кофе, — отстёгивал он ремень безопасности.

— Я — за, — его спутница улыбнулась, отправила готовую СМС и засунула свой телефон обратно во внутренний карман пуховика.

Только лишь они уселись за столик, Жаклин взяла меню, а Александр достал свой айфон.

— Алло, Эшли, привет, — начал он спокойным, уверенным тоном. — Как дела у Маркаса?

— Доброе утро. — На этот раз интонации у подруги его матери были мягче и доброжелательней, нежели вчера. — Ему, вроде бы, получше. Под утро он даже заснул спокойно. И сейчас спит. Передай Жаклин спасибо большое. Она с тобой?

— Да.

— Спроси у неё: Брайса уже увезли? — прошептала Жак, чуть подавшись корпусом к молодому человеку.

— А Брайса уже увезли? — продублировал её вопрос Александр.

— Да, как только он проснулся, я позвонила Моне. Она приехала и забрала.

— Очень хорошо. А как там Марго? Она звонила?

Жаклин прислушивалась к интонациям, с которыми разговаривал её «похититель», пытаясь уловить в них нотки вины или сожаления или виноватости, но не находила. Видимо, увести с собой в ночь замужнюю женщину Алексу для чувства вины было недостаточно.

— Нет, пока еще не звонила. Вот сижу... жду, — меж тем ответила Эшли.

— Угу, понятно. Мы сейчас приедем к тебе.

— Хорошо. Я жду вас. До встречи.

— До встречи.

— У Дженни есть парень? — спросила Жаклин после того, как они заказали кофе и бутерброды, а Александр взял себе еще тушеную фасоль и яичницу с беконом — ночные затраты энергии это не покрыло бы даже и близко, но всё-таки уже кое-что.

— Нет, — юноша скептически сжал губы.

— Ты точно знаешь?

Александр резко распахнул на неё свои «тюльпаны». Жаклин всё больше и больше нравилось его удивлять — форма и выражение глаз при его искреннем и достаточно сильном удивлении были бесценными.

— Ты, что, не рад? — удивилась девушка. — Ты хотел бы, чтобы у неё уже кто-то появился?

— Да.

— Зачем тебе это? — продолжила Жаклин, но тут подошла официантка и начала выставлять им на столик их заказ.

— Если бы у неё появился парень, — Александр тут же придвинул к себе тарелку с беконом, как только официантка отошла, — я бы мог это уже как-то контролировать. Обязательно с ним поговорил, объяснил ситуацию, пошагово, в подробностях, обрисовал бы ему его будущее, если бы он её обидел, дал гарантии, и когда меня нет здесь, в Глазго, её мог бы защищать или поддерживать уже он сам. А так... — сказал он, жуя, — неизвестно чего ждать... кто он будет... и когда.

Жаклин слегка оторопела. У неё сложилось впечатление, что Александр сам себя не слышит.

— Алекс... ты понял, что ты сейчас сказал? — она улыбалась.

— А что? Что я такого сказал?

— Ты хочешь, чтобы у твоей сестры появился молодой человек, но общение с ним планируешь начать с угроз, если я, конечно, правильно тебя поняла. Может, она и нравится какому-нибудь хорошему юноше, но зная тебя, он боится даже посмотреть в её сторону.

Александр выпрямился и задумался.

— Ну и пусть боится дальше. — Вернулся он к еде. — Кому она нравится, не испугаешь. Так что... всё правильно.

— Ну хорошо. А почему ты решил, что девушка не сможет справиться сама без защиты и поддержки со стороны парней? И почему ей обязательно должно что-то угрожать или осложнять жизнь?

— Она так привыкла. — Александр опять углубился в тарелку. — Я всегда был рядом. В нашей школе её очень долго знали как «сестру МакЛарена», это потом уже она стала Дженни, которая хорошо рисует и хочет стать дизайнером.

— И ты считаешь, что это хорошо? Что это нормально?

— Жа-а-а-ак, — протянул юноша, — не разочаровывай меня. Ни за что не поверю, что ты не видишь разницы между «хорошо» и «нормально». Не всё то, что нормально — хорошо, и наоборот. То, что люди умирают, это не есть хорошо, но это нормально.

Девушка медленно кивнула.

— Уговорил. Ну и к какой же категории ты относишь свой случай с Дженни? — Девушка отхлебнула кофе.

— К категории неизбежностей, — парень самодовольно улыбнулся.

Она опустила невидящий взгляд на стол, потом стрельнула глазами вправо-влево и наконец подняла их на своего визави.

— Не вижу повода.

— Ничего удивительного — ты не училась со мной в школе, — охотно пояснил тот — разговорам и обменов мыслями с Жаклин, с недавних пор, в его глазах мог составить конкуренцию только секс. Тоже с Жаклин.

Она в ответ сдержанно-догадливо заулыбалась, скептически сжав губки.

— Ну конечно! Как я могла не догадаться!

— Именно! — радовался как ребёнок юноша. — У меня в школе были и друзья, и враги, в том числе и среди учителей. Они, кстати, самые опасные. Девчонку можно послать, если она слишком назойлива, парню — дать в морду, при всём том же самом, а вот с учителями... тут всё сложнее. И Дженн пришлось учиться после меня почти у всех этих людей.

— Ты разжег моё любопытство. Расскажи! — его собеседница облизнула губы.

Александр это льстило, но он сделал над собой усилие и поднялся над ситуацией.

— Потом.

— Ловлю на слове. — Жаклин улыбнулась и ткнула в него чайной ложечкой. — Ну-у-у, хорошо... а если Дженни будет против того, чтобы ты вмешивался в её личную жизнь? — она наклонила голову набок «а-ля Сула».

— Вот когда у неё будет эта личная жизнь, тогда она сможет быть против. А пока... маленькая она еще для личной жизни.

Его собеседница от возмущения даже положила назад в сэндвич кусочек сыра, который пыталась вытащить и съесть, и сделала руки в боки.

— А сам? — улыбалась она в шутливом возмущении. — А сам-то ты во сколько лет начал личную жизнь? Если не секрет, конечно.

Александр ухмыльнулся.

— Я — другое дело, я — мужчина.

«Вау! Какие мы взрослые!» — умильно подумала Жаклин, но виду не подавала — у неё еще остался свеж в памяти звук, с которым этот юноша прикоснулся своим левым кулаком к челюсти того... бледнолицего на Новой улице.

— А действительно, во сколько ты начал свою личную жизнь? — она не надеялась на серьёзный ответ.

— В четырнадцать. И что? — отчеканил парень и вскинул подбородок как бы в ожидании вознаграждения. — Но я здесь ни при чем, это всё тёлки...

— Александр!!

— ...это девушки были не против, мне оставалось только лишь уважать их желания. — В его глазах бесенята вешали друг другу на кителя ордена и медали за заслуги перед всем женским поголовьем самого большого города Шотландии.

Жаклин отхлебнула кофе и больше развивать эту тему не стала, запланировав обговорить всё это позже и уже максимально откровенно — уж больно любопытный персонажей достался.

Поняв, что вопросов больше не будет, юноша взял разговор в свои руки.

— Какие у тебя на сегодня планы?

Жаклин глубоко вздохнула.

«Она уставшая, — подумал он про себя. — Ничего, в горах отдохнёт».

— Я хочу своими глазами увидеть, что с Маркасом всё хорошо. Потом мне нужно к дядюшке — убедиться, что и с ним тоже всё нормально. Ну а потом... вернее, это уже завтра с утра, — она развела ладони в стороны, — я в полном твоём распоряжении.

МакЛарен облизнул губы.

— Повтори это еще раз.

— Что именно? — Жаклин вскинула бровь.

— Последнее.

— Я в полном твоём распоряжении.

Он даже не стал ничего отвечать. Да этого и не требовалось: из-под его полуопущенных век Жаклин отчетливо видела бесенят, которые, матерясь на чем свет стоит самыми последними адовыми ругательствами, вытаскивали друг друга за хвосты из уже разбитых палаток в борьбе за более удобные, уютные места. А один самый талантливый жонглировал горящими головешками из костра.

— Тогда, значит, так: сегодня ты говоришь мистеру Фортескью, что уже завтра утром отправляешься в Оксфорд и... где тебе удобней, чтобы я тебя забрал?

— Ну, вообще-то, из дому, но дядюшка всегда провожает меня до такси, это своего рода ритуал, так что... встретимся на вокзале.

— Ясно. Я буду ждать тебя там.

— Да. Но я думаю, мы еще созвонимся.

— Обязательно, — теперь уже звонки не вызывали в юноше внутреннего протеста столь мощной, сокрушительной силы, как при их встрече.

— Кстати, скажи спасибо, что я не устраиваю разборок на предмет того, кто будет платить за кофе.

— Спасибо. — И он поцеловал её в воздухе.

* * *

Дверь открыли Эшли и Чемми.

— Входите, — проговорила женщина, опустив голову и не глядя им в глаза.

— Доброе утро, — поздоровалась Жаклин и тут же начала стаскивать пуховик. Александр еле успел его подхватить, чтобы повесить на вешалку.

— Привет, — пробубнил он из-за спины своей девушки.

— Маркас в детской? — тут же поинтересовалась доктор Рочестер.

— Да. Он всё еще спит.

— Нужно его разбудить, Эшли. Сон — это очень хорошо, но если он будет только спать, то может опять проснуться с заплывшими глазами, — по-деловому продолжила гостя.

— Да. Конечно, Жаклин, как скажешь, — легко согласилась женщина, а Чемми, услышав её доброжелательные интонации, еще сильнее завилял хвостом.

— Я — в ванную, помою руки, — сказала врач и отправилась прямо по коридору.

— Ты можешь пройти на кухню, — обратилась хозяйка к своему гостю, — я там заварила чай. Паштет и ветчина в холодильнике.

У Александр в глазах бесенята принялись повязывать себе слюнявчики, а один, самый ответственный, уже полировал столовые приборы кисточкой своего хвоста.

— Спасибо, Эшли. Знаешь ты, чем можно гостя...

Тут женщина, уже развернувшись было следовать за Жаклин, резко оглянулась и просто прибила его взглядом. Юноша зажал губы между зубов.

— Спасибо, говорю. — Он стал несмело стаскивать куртку. — Ну, так я это... пройду?

Эшли не ответив, направилась в детскую. За ней было рванул и Чемми.

— Чемми, Чемми, — позвал его юноша, — не ходи за ними. — Собака, ошастливленная вниманием, тут же закрутилась вокруг парня и со всей силы завиляла хвостом, тихонько поскуливая. — Пошли лучше со мной на кухню, у меня вот что есть, — и он, достав из кармана куртки пакет с остатками их с Жаклин еды из квартиры, опустил перед щенком на корточки и дал ему это понюхать.

Чемми был готов! Практически на всё!

— Пошли, — парень поднялся и направился на кухню.

Жаклин подождала, пока Эшли тихонечко разбудит своего внука. Когда мальчику даже удалось сесть в кровати, и он перестал валиться в постель, она присела к нему на край.

— Та-а-ак, ну-ка покажи мне свои глазки. Так, молоде-е-е-ец, молоде-е-е-ец, — поощряла она ребёнка, когда он терпеливо подставил ей своё личико. — Ну что же, это, действительно, аллергия, — резюмировала доктор Рочечстер, оттягивая ребёнку то верхнее, то нижнее веко по очереди. — Отёк уменьшился, чернота на коже ушла почти полностью, лопнувшие капилляры остались только на закрытых слизистых, открытые уже намного лучше. Ложись, мой хороший, — обратилась она к мальчику и поддержала его, пока он укладывался.

— Я сейчас напишу тебе пару названий, — начала объяснять Жаклин мачехе, выдавливая себе немного мази на палец. — Маркас, открой глазки, — обратилась она к малышу, и когда тот посмотрел на неё, подхватила ему веки пальцами и аккуратно ещё их чуть раздвинула. — Всё-всё-всё, малыш, всё, сейчас еще на второй глазик положим мазь, и всё, и ты сможешь ещё поспать. — Она опять выдавила себе мазь и уже не травмируя ребёнка просьбами, оттянула ему нижнее веко и в него как в кармашек положила каплю мази. — Всё- всё. Больше не буду. Спи, — сказала она, придерживая малыша ручки, которыми он норовил выдавить себе мазь из глазок. — Это антигистаминные, — продолжила она, закручивая тубу с лекарством, после того как мазь у малыша растаяла и растеклась по глазу. — Вообще-то, любые их можно купить в любой аптеке, но лучше попросить именно с детской дозировкой и в детской упаковке — так будет правильной. Я всё это напишу.

— Хорошо, Жаклин. Сейчас Алекса и отправлю, — уже довольно будничным тоном проговорила женщина.

Врач тут же на неё оглянулась.

— Ну да... можно и... его, — поднялась она с кровати, направляясь в ванную помыть руки.

* * *

— Ну и что дальше? — приступила к разбору полётов Эшли. Они уже втроем сидели на кухне и пили чай.

Женщины присоединились к молодому человеку в тот самый момент, когда его чайная церемония в столь приятном уединении с Чемми и холодильником была в самом разгаре — перед ним уже возвышалась небольшая пирамидка из пустых маленьких баночек из-под паштета из индейки с добавлением мякоти апельсина и утиной печени с привкусом брусники, да и кусок черной бэдэнхэмской ветчины тоже очень сильно убавил в толщине. Жаклин, на этот раз уже без особого приглашения села за столом рядом с Алексом. Эшли — напротив.

— Ничего такого ужасного, что ты могла бы себе вообразить, — юноша нахмурил брови и прихлебнул свой чай.

Его девушка даже и не планировала открывать рот, предоставив ему возможность разобраться со своей... почти роднёй самому. Во-первых, он мужчина, во-вторых, это он не выдержал и принёсся ночью за ней на всех парах, в-третьих, он здесь у себя дома, так что — вперёд!

— Мы завтра едем вдвоём в горы, а после Нового года — в Оксфорд, — кратко и буднично обрисовал Александр цепочку столь грандиозных событий.

Эшли иронично улыбнулась, но глаза глядели по-доброму. Она чуть склонилась и

зарылась пятернёй в свои густые короткие волосы.

— А потом? — опять вскинула она голову.

Юноша нетерпеливо закатил глаза.

— Ну а что потом... потом... дело за малым, то есть за Жаклин, — и пока девушка не успела обидеться, что её отнесли к «малому», чмокнул её в щечку. — Будь моя воля, я бы хоть завтра забрал её к себе в квартиру, в Оксфорде, ну-у-у, ты знаешь, — юноша сделал резкий жест рукой, в нежелании повествовать об известных вещах.

— То есть как это «забрать»? — женщина оттолкнулась от стола и откинулась на спинку стула. — Шустрый какой! «Забрать»! Она, между прочим, замужем! И у неё законный муж есть! Его куда?

Парень молчал, зло сжав губы.

— Ну, хорошо, — Эшли посмотрела уже только на Жаклин, — с ним всё понятно, — махнула она рукой в сторону юноши, — но ты, Жак! Ты меня, конечно, извини, ты взрослый, самостоятельный человек, и я не имею ни малейшего права задавать тебе такие вопросы, но... а как же Чарльз, девочка моя?

— В жопу Чарльза, — тут же выпалил парень.

— Александр! — моментально возмутились на него в два голоса женщины, а Жаклин даже слегка ткнула локтем в бок.

Тот скептически скривил губы и отвернулся в сторону.

— Чарльз... — падчерица повернулась обратно к Эшли и в раздумье закусил уголок нижней губы, — я... я его не люблю и никогда не любила, Эшли. И уже давно, вернее, сразу же, как только поняла это, должна была его оставить, чтобы не обманывать, не унижать обманом, но я... я боюсь, — опустила она плечи и чуть отодвинула от себя свою чашку с чаем. — Я панически боюсь сделать его несчастным. У меня какая-то... внутренняя убеждённость, что сделав несчастным его, мне не стать счастливой самой никогда, понимаешь? — Эшли кивнула. — Мне хотелось бы быть уверенной, ну-у-у... насколько это возможно, что наш разрыв пройдёт для него безболезненно, что мы расстанемся друзьями. Пока, как мне кажется, это невозможно — я точно знаю, что он не любит меня точно так же, как и я его, но вижу, как он нуждается во мне... просто как в спутнице жизни, как в человеке, который рядом.

— Угу, как в ночном горшке, — опять вставил своё Александр.

— Александр!! — опять шикнули на него обе дамы.

— А что «Александр»! Александр, между прочим, правду сказал, — как-то беззлобно и беспомощно возмутился юноша.

— О таких предметах — за столом! — пояснила ему подруга его матери, сурово сдвинув брови.

— Нууу... что-то вроде того. Вообще-то, да, ты прав, — решила поддержать парня его «половинка».

— И что же ты намерена делать? — тут же спросила Эшли.

— Я... — Жаклин запястьем откинула невидимую волосинку со лба и тяжело вздохнула, — я хочу, чтобы он поближе стал общаться со своей сестрой Мери. Когда я его рставлю, у него кроме неё никого не останется. — Она в раздумье разглядывала предметы на столе а потом заговорила быстро, с желанием, с пылом. — Чарльз, он, понимаешь... он как ребёнок — живёт в своём мире и практически не сомневается, что я живу там вместе с ним и мне так же хорошо и комфортно, как и ему. Чтобы довести до его сознания, что это далеко

не так и не обрушить его мир, нужно постепенно давать понять, намекать, что меня не всё устраивает, приучать его к мысли, что я не та, которая ему нужна, что он ошибся, выбрав меня... а может быть, даже и сам мир, а это всё может занять очень много времени. Конечно, идеальным был бы вариант, если бы он тоже нашел себе пару. Я искренне желаю ему этого.

По мере того, как говорила падчерица, лицо её мачехи всё более прояснялось и окрашивалось довольством.

— Александр, — обратилась она к парню, не отрывая глаз от Жаклин, — ты вообще понял, кого заимел себе в девушки?

Тот тут же расплылся в улыбке от удовольствия и, заглянув девушке в лицо, чмокнул в губки.

— Я, может быть, не должна говорить того, что сейчас скажу, — продолжила женщина, обращаясь к Жак, — но я еще тогда на ужине у нас в кафе заметила, как ты на него... — она показала глазами на парня, — поглядывала. — Её глаза светились лукавством.

Услышав такое, девушка тут же вспыхнула, заулыбалась и уткнулась лбом Александр в плечо, спрятавшись за упавшими волосами. Парень обнял её ладонью за голову, зарывшись пятернёй в «пружинки» у неё на затылке.

— Но почему-то была уверена, что это всё быстро пройдет, — рассуждала вслух Эшли, — мда-а... Жаклин, да не смущайся ты так. Ну что поделать, если он уродился у нас вон какой... — и она, скептически улыбаясь, с неодобрением опять кивнула подбородком на красавца, который после её слов скорчил придурковатую гримасу и закатил глаза под потолок.

— Ну а мне-то что прикажете делать? — тяжело вздохнула женщина и, облокотившись на стол, подпёрла щеку кулаком.

Александр тут же одёрнул себя, закусил нижнюю губу, пряча улыбку, поставил свои длинные брови домиком и зашаркал под столом ножкой.

— Ты нас прикроешь?

Все эмоции покинули лицо подруги его матери, оставив там удивление, мало того что в полном одиночестве, да еще и в немалом количестве. Но она быстро взяла себя в руки.

— Что мне за это будет? — спросила она по-деловому.

Услышав такой вопрос, Жаклин оторвалась от плеча своего молодого человека и в недоумении стала переводить взгляд с одного на другого своих собеседников. И всё-таки Александр победил в борьбе за её внимание, потому как метаморфозы, случившиеся с его лицом, были разительны: оно просветлело и расслабилось, глаза загорелись радостным, лихорадочным огнём и воодушевлением. Он заулыбался, а бесенята вытаскивали откуда-то из-за спины толстенные пачки банкнот и раскрывали их веером, как колоды карт. А один, самый талантливый, делал их них самолётики и пускал в воздух.

— А что ты хочешь?

Эшли тоже широко улыбнулась.

— Кирка школа, — ткнула она пальцем в будущего бизнесмена. — Попытка засчитана, Александр, и я повторяю свой вопрос: что мне за это будет?

— Олав.

— Когда?

— После Нового года.

— После какого Нового года, Александр? 2012-го? 2020-го? 3456-го?

— 2012-го.

— Когда конкретно «после Нового 2012-го года»? В январе? В июне? В декабре? Я твоего Олава жду с августа 2011-го, между прочим.

— Он у тебя был в сентябре.

— Твоя правда, был. Но всё равно, если Олав, то не позже первого февраля.

Парень в досаде закусил нижнюю губу.

— Нет, до февраля я точно не успею.

— Да уж куда тебе, — с недовольством вставила подруга его матери, — ты у нас теперь другим занят.

— Давай так, — оставил без внимания её колкость Алекс, — Олав где-то в районе апреля и канистра бензина сверху.

Эшли излучала самодовольство.

— Жаклин, — обратилась она к не понимающей, что происходит, девушке, не сводя глаз с парня, — ты не представляешь, какой это... хитрый жук. — Женщина указала ладонью на «жука». — Однажды он проспорил мне канистру бензина и привёз восьмилитровую девяносто второго.

— Правильно, — тут же радостно, с бахвальством, подхватил хитрец, — а имел полное право привезти пятилитровую или, вообще, трёхлитровую — уговора-то точного не было!

— Да. Не было. А теперь будет. Мне двадцать литров девяносто восьмого и Олава не позже первого мая.

— Эшли, побойся Бога, на кой твоей «божьей коровке» девяносто восьмой?

— Тридцать литров девяносто восьмого! А еще раз назовёшь мою машину «божьей коровкой», будет уже сорок.

— Договорились, — отмахнулся от неё юноша.

— Неустойка? — тут же поспешила подстраховаться женщина.

Её «партнёр» пожевал губы.

— Десять процентов от стоимости ремонта.

— Тридцать.

— Двадцать.

— По рукам.

— По рукам-то по рукам, но сделала ты меня конкретно. — Александр был недоволен собой.

— Ну-ну, не прибедряйся. Кто тебя сделает, тот трёх дней не проживёт. — Эшли опять в раздумье залезла пятернёй себе в волосы — Ладно... поезжайте. Горы — дело хорошее. Но только, пожалуйста, я вас очень прошу, ведите себя там как взрослые люди.

Юноша тут же скривил губы в ироничной улыбке и, чуть приопустив веки, буквально промурлыкал:

— Ты читаешь мои мысли, тётушка Эшли.

— Да иди ты! — тут же замахала на него руками тётушка Эшли. — Мне вот мать твою жалко... да и тебя тоже, балбеса неугомонного. — Но она всё-таки сменила гнев на милость. — И я пошутила насчет уговора, мне ничего не нужно, я и так перед Жаклин в долгу. Просто сейчас съездишь и купишь Маркасу лекарство. Жаклин, напиши ему названия и укажи обязательно, что нужна именно детская дозировка. А мы его пока с тобой подождём. — Женщина встала и откуда-то с поверхности холодильника достала стопку стикеров для заметок и маркер.

— Оу, Эшли, извини, но я не могу ждать, — Жаклин приняла из её рук всё это и оторвала один стикер, приготовившись писать. — Мне нужно к дядюшке. Он, кстати, звонил тебе?

— Конечно, звонил.

— Когда?

— Утром. Часов в девять.

— И... что ты ему сказала? — с заиканием поинтересовалась заблудшая племянница.

— Ну... что сказала... сказала то, что и должно было бы произойти, если бы этот, — женщина кивнула подбородком на парня, — не прилетел посреди ночи. Сказала, что ты помогла Маркасу, и я тебя уложила спать здесь, в комнате для гостей, и ты спишь до сих пор, поскольку ночью провозилась с мальчишкой.

«Провозилась с мальчишкой» — как верно сказано», — про себя отметила девушка.

— Спасибо тебе большое. Мне нужно поскорей к нему, — и доктор Рочестер, склонившись над листком, написала на нём пару названий. — Я опять хочу проверить его медицинский журнал и измерить давление днём, вечером и рано утром, — она протянула листок Эшли.

— Его сейчас нет дома, — объявила та.

— Вот как? И где же он? — Жаклин в изумлении посмотрела на мачеху.

— Он тоже... того... не ночевал дома, — захихикал Александр.

— А ты всё ещё здесь? — вызверилась на него Эшли. — А ну марш в аптеку, быстро! — Она насильно сунула парню стикер в руку.

— Ой-ой, как страшно! — в притворном ужасе замахал на неё юноша. — Ладно... поехал я. — Он поднялся из-за стола и, наклонившись, чмокнул свою девушку в губки. — Если на этот раз я вернусь и тебя здесь не застаю, Интерпол будет поднят по тревоге через пятнадцать минут, поняла меня?

— Д-д-да... — чуть заикнулась Жаклин от такой его, мало того, что храбрости быть столь откровенным в присутствии Эшли, да еще и смелости не показаться смешным с такого рода заявлениями. — Поняла. — И, вдобавок ко всему, утвердительно моргнула глазами.

— Умница, — и он опять, наклонившись, чмокнул её в губки.

— погоди, я тебе деньги дам. — Эшли метнулась к одному из кухонных шкафчиков.

— Что-о-о-о? — Александр в притворном изумлении приложил руку к груди. — Деньги?

— Да. Деньги.

— Боже мой, какой ужас — она предлагает мне деньги! — голос парня был в опасной близости от фальцета.

— Не паясничай. Это на лекарства. — И, повозившись с кошельком, женщина протянула ему пятидесятифунтовую купюру.

— Эшли, — обратился к ней юноша уже четким, нормальным голосом, не делая попытки протянуть руку к купюре, — мне мама не разрешает брать деньги у других тётенок. — И тут же, развернувшись на пятках, вышел из кухни. За ним выбежал и Чемми. — Эшли, к моему приезду, пожарь мне печенки, а! — через секунду услышали женщины его крик из коридора. — Она у Марго там лежит свежая в холодильнике. Я видел!

— Чего ты орёшь! — тут же, выглянув из кухни в коридор, зашипела на него Эшли. — Ребёнка разбудишь!

Ответом ей был хлопок входной двери.

— Ох, Жа-а-а-ак... — протянула женщина, вернувшись к столу, но присаживаться не стала, — что ты с ним сделала?! Это же не тот Александр, которого я знала восемнадцать лет.

Жаклин заулыбалась.

— И как же он изменился? — мягко поинтересовалась она.

— Изменился? О неееет... он не изменился. Он исчез! Испарился! — улыбнулась Эшли, подойдя к холодильнику. — Во-первых, я выпучила глаза, когда увидела его вчера на проводах у Марго — мне сразу стало любопытно: что конкретно посулила ему Алиса, что он осчастливил нас своим присутствием? За просто так такого, как наш Александр, на такие посиделки не затащишь. Он всегда умел ценить своё свободное время. — Она вынула из холодильника лоток с куском говяжьей печени и положила его на рабочий стол. Перед ней тут же из коридора материализовался Чемми.

— Давай я, — робко, очень робко, предложила Жаклин.

— Что «ты»? — остановилась в недоумении Эшли.

— Давай, я ему пожарю печень.

Женщина прищурилась.

— Ну... на... — она отступила в сторону от стола, улыбаясь.

— У Марго здесь есть лук, морковь, мёд, яблоки и специи? Я могла бы сделать печень — чатни. Так готовят в Китае и Индии. Из любой печени, не только из говяжьей.

— Конечно, у Марго всё это есть — не забывай: у неё три мужика в доме. Она, как и я, для дома покупает не по принципу «надо/не надо» как мы с Алисой делаем это для кафе, а по принципу «есть/нет» в доме — на кухне всё пригодится. — И Эшли опять полезла в холодильник, откуда достала четыре яблока и луковицу с морковкой. — Столько хватит?

— Да. Спасибо.

— А что это такое... печень-чатни?

— Вообще-то, «чатни» — это соусы в Индии, их добавляют к мясу, курице или рыбе. Готовят их отдельно, чтобы они дольше хранились — в Индии ведь очень жарко. Но на один раз можно сделать и вместе с основным ингредиентом.

— Ясно. Это очень интересно. Я тоже обязательно попробую это блюдо, если Алекс не съест его вместе со сковородой.

— Ну, так как же изменился Александр? Куда же он исчез? — девушке явно не терпелось поговорить о своём любимом хоть с кем-нибудь, а уж тем более с таким человеком как её мачеха.

— Это, наверное, у тебя нужно спросить. Но то, что он ночью явился за тобой, не побоявшись меня, хотя мог бы и подождать до утра, говорит о том, что того, «старого» Александр больше нет. Тот Александр вообще не приехал бы. Насколько я слышана, этот...плейбой любил приглашать девушек к себе по телефону, диктуя адрес. Они сами к нему ездили.

— И Кира? — аккуратно, как бы на ощупь спросила Жаклин, остановившись на мгновение — она уже нарезала печень на узкие, длинные полоски.

Эшли застыла с банкой мёда в руках.

— Ты слышала.

Девушка молча утвердительно кивнула.

— Они встречались, да? Кира — это его бывшая девушка? — продолжила делать своё Жаклин.

— Да, — вздохнула женщина, — бывшая. — Она поставила банку на стол.

— Они расстались?

— Да, — в той же манере проговорила Эшли, — расстались. Кира была единственной его девушкой, с которой он встречался. Что-то около полугода.

— А почему расстались? Где у Марго сковороды? Мне нужна такая... — Жаклин показала руками большую округлость, — как вок или кахари.

— А кто его знает: почему расстались? Он ведь нам не отчитывается. Надоела она ему, наверное, разлюбил... эх, да не знаю я. — Женщина поставила на стол глубокую сковороду и бутылку с маслом виноградных косточек.

— А почему именно он — её? Может быть, это она его разлюбила, — попробовала пошутить девушка и слегка улыбнулась.

— А вот это вряд ли, Жак. После того, как он её бросил, она из-за этого покончила с собой. Повесилась.

Рождество

После этих слов девушка, только что налившая лужицу растительного масла в сковороду, опёрлась обеими руками о стол — её ноги сделались ватными и держали из ряда вон плохо.

— Что-о-о? — протянула она.

— В записке написала, что он сволочь, каких поискать, и еще много всяких плохих слов, но она всё равно не может без него жить, не видит смысла, — между тем продолжила женщина, — её нашли у неё в рюкзаке. После уроков Кира повесилась в колледже в мужском туалете на ремне от джинсов.

— Ка-кой-кош-мар! — воскликнула Жаклин и прикрыла рукой рот от ужаса. От её эмоций Чемми слегка подпрыгнул на своей пятой точке и тихонечко заскулил. Но масло уже разогрелось, и девушке пришлось действовать. — И что потом? — попыталась перекричать она шкворчание в сковороде.

— Ну а что потом. Похоронили. — Эшли принялась убирать со стола после чая.

— А что Алекс?

— Он тогда сильно разозлился. Он и сейчас на неё очень зол и до сих пор говорит, что она — дура. — Женщина включила воду и стала мыть чайные чашки. — Ну, в принципе, его можно понять — он ничего ей не должен. Они встречались как и все, и расстались так же. — Махнула рукой Эшли. — Он же не виноват, что... эта девочка либо была очень эгоистична, либо не умела проигрывать. А может, и ещё что-то, кто его знает, что там у неё на уме.

— Мда-а-а... — Жаклин автоматически начала чистить яблоко. — Она не была беременной? — спросила уже «включившаяся» в ней доктор Рочестер.

— Я точно не знаю — её родственники не оглашали результаты вскрытия — но, вроде бы, нет.

— А когда это было?

— Почти два года назад. Он тогда выпускался из школы, а Кира училась на втором курсе экономического колледжа — она была на два года старше Алекса. Девочка, вроде бы, планировала работать в гостиничном бизнесе вместе с родителями. — Эшли принялась споласкивать чашки.

— Она не принимала наркотики?

— Нет. Не знаю. Алекс ни разу ничего такого не говорил.

— А он ходил на её похороны?

— Да. Пошел. — Кивнула мачеха. — Но что он там делал и с кем разговаривал, не знаю — ни я, ни Алиса у него не спрашивали, ни сами туда не ходили.

— А ты видела эту Кира при жизни? — Жаклин помешала печенье на сковороде.

— Конечно, видела. Давай, я почищу морковь, — подошла к ней освободившаяся Эшли. — Он с ней пару раз приезжал к нам в кафе на мотоцикле. Тогда у него еще был мотоцикл, это потом уже ему Кирк купил машину. А однажды я с ними встретилась в «Семи озёрах». Я водила Маркаса на карусели, и в это время там был какой-то рок-концерт, на него пришли Алекс с Кирой. Мы случайно столкнулись.

— И что это была за девушка? Как она тебе? — Не унималась Жак.

— Ну, внешне она была, конечно, красавицей. Что и говорить, смотрелись они с Александром очей эффектно — королевская пара, да и только: оба высокие, светловолосые, стройные, спортивные такие, подтянутые. А по характеру я её не знала, а это наш... плейбой никогда ничего не рассказывает. Если это восточная кухня, то, наверное, морковку нужно не тереть, а крошить соломкой, так? — перебила саму себя женщина.

— Да-да, конечно, соломкой, — откликнулась Жаклин.

— Не знаю я, — потянулась в шкаф за еще одной разделочной доской Эшли, — но мне именно так всё показалось. Кстати, я тоже считаю, что как бы там ни было, но вешаться — это придурь какая-то. Но ты знаешь, что интересно, она очень нравилась Алисе. Да-да... они как-то нашли общий язык с этой Кира. Девчонка частенько бывала у них дома, общалась и с Дженни, и с Кирком даже, когда тот приезжал.

— Всё это, конечно же, ужасно... — задумчиво протянула Жаклин, начиная крошить яблоки и добавлять в сковороду, — но для меня это ничего не меняет, — добавила она тихо, не делая попытки заглушить новую волну шкворчания фрукта на горячем масле виноградных косточек. — Всё равно, если он позовет, я пойду к нему по битому стеклу и по раскаленным углям, а с ним — куда угодно, хоть на край света, хоть к черту, хоть на эшафот, мне без разницы, — проговорила девушка очень тихо, как будто обращаясь к самой себе. — А я понравлюсь Алисе, как ты думаешь? — обратилась она уже громче к мачехе. — Именно как девушка Александр. Высыпай сюда морковку, —скомандовала она, увидев, что её помощница уже управилась с шинковкой.

Эшли немного скривилась с сожалением на лице.

— Я думаю, что нет. — Она спустила рукой морковь с доски в сковороду. — Мне кажется, Алиса будет против. — И, увидев на лице падчерицы разочарование, развела руками. — Понимаешь, Алиса... как бы это тебе сказать, она, да простит Господь мне такую дерзость, не очень умна. Какой гарнир сделаем к печени? Наверное, рис лучше всего, да?

— Да, рис подойдет идеально.

— Ну так вот. — Эшли наклонилась в стол за кастрюлей. — Алиса — моя подруга, я дружу с ней очень много лет и люблю её как сестру, у неё масса достоинств, но вот что касается ума, то... сколько мы с ней вместе работаем, столько мозгами думаю я. — Эшли поджигала газ под кастрюлей с водой. — С Кирой ей было, судя по всему, очень комфортно, они прекрасно общались, а вот с тобой... я думаю, с тобой Эл будет чувствовать себя скованно и может даже злиться от этого. — Эшли стояла и вытирала руки полотенцем.

— Но ты же с ней сумела общаться. — Жаклин приготовилась чистить и резать лук, и плакать.

— Я привыкла. Алиса щедрая: и в плане материального, и в плане внимания. — Хозяйка открыла шкафчик в поисках пакета с рисовой крупой. — Она добрая, отходчивая, незлопамятная, весёлая... такая живая вся, энергичная — ой, да что там говорить — у неё масса достоинств. Если ты сможешь всё это разглядеть и в общении упираться именно на эти её качества, то я думаю, вы подружитесь. Но это, опять же, благодаря тебе.

— А вообще, это странно, — подумала вслух о своём Жак. — Насколько я знаю, матери часто считают, что ни одна, пусть самая идеальная подружка, не достойна её мальчика. — Она состроила грустную гримаску, но улыбнулась. — А уж тем более, такого как Алекс.

— Ну! — воскликнула Эшли и вздёрнула подбородок вверх. — Это уж как полагается. Я уверена, что и Мона считает, что Марго не заслуживает её Итана. Но ты, главное, сама будь уверена, что ты его достойна, и всё. И через какое-то время в это поверит и Алиса. Именно

такой совет я давала и своей дочери, когда она выходила замуж.

— Но всё дело в том, что я тоже считаю, что я его недостойна, понимаешь? Ему ведь только восемнадцать, а он уже вон какой! А я! Я иногда чувствую себя рядом с ним какой-то... плебейкой... — девушка нахмурила брови, шмыгнув носом от лука, — простушкой какой-то. — Все ингредиенты были уже в сковороде, поэтому она просто стояла и помешивала своё блюдо, приготовившись добавлять приправы и мёд.

— Господи, что ты такое говоришь, девочка моя! Ты — врач!! Это, во-первых.

— Вот именно! Всё, чем я могу с ним сравняться, только благодаря тому, что я старше. У меня уже есть образование, работа, я самостоятельна и независима. Но ему только восемнадцать, и наверняка в моём возрасте он уйдёт гораздо дальше. — Она открыла деревянную притёртую крышку бочонка с мёдом и, зачерпнув вымытой ложкой оттуда содержимого на кончике, положила в сковороду и стала помешивать. — Мне нужна ложка муки. Можно?

— Да-да, конечно... сейчас. — Эшли из крайнего шкафчика достала пакет с мукой. — Вот.

— Спасибо, — кивнула головой Жаклин, не отрываясь от помешивания.

— Может быть, и уйдёт. А может быть, и нет, — продолжила нить беседы женщина.

— Я уже сейчас не чувствую разницу в возрасте в плане интеллекта. — Жаклин опять вымыла ложку под краном. — Я знаю его с августа и ещё ни разу не слышала от него какую-нибудь откровенную глупость или детскую наивность, недалёковидность. Иногда он бывает ребячливым, но это всё мимикрия, которой пользуются даже дедушки и бабушки. Он взрослый, понимаешь?

— Я знаю его с рождения и ни разу не слышала от него ничего такого уж глупого для его возраста или наивного. Он всегда был взрослым. — Эшли начала засыпать в кастрюлю с закипевшей водой рисовую крупу, помешивая ложкой. — Если он видел, что ничего умного сказать не может, то молчал. Да если и может... то тоже молчал. Наверное, поэтому я вообще мало от него что слышала — он был настоящим молчуном. Это с твоим появлением парень что-то... прямо разговорился. А раньше он был таким, вот как вчера здесь, на ужине — его не видно и не слышно, он сам по себе и сам с собой.

— Ну, тогда, значит, очень правильно, что я его старше. Если бы мы встретились в равном возрасте, у меня бы вообще не было никаких шансов. Не представляю, чем бы я тогда смогла его зацепить.

Эшли зажмурилась и скептически покачала головой, после чего закатила глаза. Видимо, позиция Жаклин взрывала ей мозг.

— В тебе, девочка моя, есть одно очень редкое сочетание качеств. — Мачеха устало присела за стол, опершись на него рукой. — И если он этого не разглядит, я обязательно ткну его в это носом, пусть даже не сомневается. — Она погрозила пальцем кому-то за окном на улице. — Ты не боишься быть женщиной. Некоторые боятся, косят под мужиков, чтобы их не посчитали дурами — какая всё это несусветная глупость, как будто среди мужчин мало откровенных тупиц.

— Эшли, извини, я тебя перебыю, мне нужно карри и еще кое-какие приправы, — спросила девушка.

— Сейчас я тебе дам всё, что есть у Марго, а ты уж сама выбирай там, что тебе нужно.

— Угу.

— Я подохну от скуки в Мире, где женщины будут похожи на мужчин, а мужчины — на

женщин. — Хозяйка вынула из стола узкий, глубокий нержавеющей поддон, в котором рядком, как книги на книжной полке, стояли пакетики и кулёчки с приправами, и поставила его перед падчерицей. — Ты мягкая, женственная, добрая и при этом далеко не дура — вот это, по-моему, действительно, по-настоящему круто. — Она замолчала, оглядывая свою падчерицу, которая в это время перебирала пакетики с приправами, выбрав измельченный имбирь, семена аниса, корицу, карри и гвоздику. — Не думаю, что наш оболтус это уже понял, но не сомневаюсь, что чисто своей чуйкой на людей, которая у него, безусловно, есть, точь-в-точь как у его деда, он тебя уже, что называется, прочувствовал, просчитал, поэтому так и вцепился мёртвой хваткой, и мне не постеснялся показать.

Жаклин, полностью смущенная и застеснявшаяся, предпочла свернуть эту тему.

— Эшли, ты подняла мою самооценку до небес. — Широко улыбалась Жак, пробуя подливу от печени. — Пожалуй, Алекс меня недостойн. А можно у тебя еще кое-что спросить? — Жаклин смотрела на мачеху даже как-то лукаво.

— Спрашивай.

— Вот ты сказала, что заметила, как я на него смотрела еще в кафе, так?

— Так.

— А что, это действительно было так заметно? Неужели я так быстро прокололась?

— Хм-м... видишь ли, Жаклин, в чём тут дело, — Эшли опять принялась за матерчатые салфетки, — я знаю Александр практически со дня его рождения, он вырос у меня на глазах. У меня была масса возможностей наблюдать, как при виде его, а уж тем более, вот так как ты — впервые у девочек, ну или девушек распахиваются, загораются глазёнки, — женщина подняла ладони к лицу и возле глаз резко раскрыла кисти. — Ой, да сколько раз такое было. Опыт! У меня опыт в этом деле. Алиса несёт ответственность за своего мальчишку, ей не до того, а я могла себе позволить в своё удовольствие подмечать и замечать... ухмыляться и посмеиваться. — Эшли слегка ухмыльнулась.

— А надо мной ты тоже... посмеивалась? — Жаклин достала два семени гвоздики и кинула их в сковороду.

— Ты знаешь... да я, в общем-то, твоему случаю не придавала особого значения. А что, собственно, такого уж произошло? — Мачеха развела руки в стороны. — Девушка приезжает в другой город, приходит на ужин, её знакомят с новыми людьми, потом разворачивают за плечи, и в следующую секунду перед её носом уже стоит такой... экземпляр. Конечно же, женщина, нормальная женщина, обязательно на это отреагирует. К тому же я была уверена, что как только ты уедешь назад, к себе, в Оксфорд, то тут же его забудешь. Вы с Чарльзом казались мне идеальной парой: оба умные, грамотные, серьёзные, сосредоточенные на работе, на карьере. Ну, подумаешь — понравился смазливый мальчишка, ну с кем не бывает.

— Извини, Эшли, я тебя перебыю, у Марго есть соевый соус?

— Там... в дверце, — показала женщина рукой на холодильник.

— Угу. Спасибо. Продолжай, пожалуйста. — Достав бутылочку с соусом, Жаклин принялась рассматривать её на предмет производителя, пытаясь сделать вывод по поводу качества продукта.

— Ну, так вот... а потом ты позвонила, когда Александр заболел, и даже ничего не сказала о смерти свекрови, и я поняла, что история продолжается. Ну а уж после того, как он поехал вчера за тобой на вокзал, да ещё и плюс ко всему вот это вот его: «А кто повезёт Жаклин?», я уже почти была уверена, что между вами что-то есть. И даже не знала, кому мне больше удивляться: тебе или этому засранцу — уж больно не похоже это ни на одного из вас.

От тебя я вообще не ожидала, что увлечёшься восемнадцатилетним мальчиком.

— Это не увлечение, Эшли. — Жаклин очень уверенно отрицательно покачала головой. — Я никогда не поступлю так, как Кира, но как смогу жить без него, если он меня бросит, не могу себе представить даже отдалённо. Он для меня... всё. Я без него... — девушка даже не смогла договорить, не найдя слов.

— Ну, тогда значит, постарайся сделать так, чтобы он мог сказать тоже самое про себя в отношении тебя. Хотя это будет и очень нелегко. Я тебе даже немного сочувствую — наш мальчик не прост, ох как не прост. Он рвётся к состоятельности, к бизнесу. Но и всё-таки, — Эшли задумчиво закусила уголок губы, — вместе с тем и завидую. — Она утвердительно закачала головой. — Да, завидую. Алекс... как бы это сказать... он лакомый кусочек и прекрасная партия в одном флаконе. Чаще бывает, что между этими двумя моментами нужно выбирать. Я тоже женщина, и у меня есть взрослая дочь, и я знаю, о чем говорю. Так что Александр... стоит только посмотреть, как он управляется с учёбой, как помогает Кирку, как вникает в бизнес. К тому же парнишка очень любит свою сестру — это важно. А с годами, да еще и рядом с такой как ты, он будет только лучше... ценнее, я в этом уверена. Удачи тебе, девочка.

— Спасибо. Она мне определённо понадобится. — И поскольку на эту тему было сказано уже предостаточно, Жаклин решила её сменить. — А почему ты сказала, что дядюшки сейчас нет дома? А где же он?

— Отправился на заседание общества садоводов. Когда он будет дома, то обязательно мне позвонит.

— А-а-а... — обрадованно протянула девушка, выключая огонь под сковородой, — что-то припоминаю, да-да, он говорил мне!

— Да. Он всё-таки решил привести в порядок усадьбу. Но если бы это решили сделать ты или я, мы бы с тобой зарылись в интернет и собрали бы там массу информации. А он нашел по знакомым это общество, вступил в него, заплатил взносы и теперь посещает его заседания раз в месяц. Правда, из трёх заседаний одно уже пропустил, да и...

И тут произошли сразу две вещи: зазвонил телефон Эшли где-то на холодильнике, и завыл домофон в прихожей.

— Жаклин, встретить Александр, пожалуйста, — кивнула женщина подбородком на коридор и потянулась за телефоном. — Да, дочь, алло, слушаю тебя.

Девушка двинулась в коридор. Чемми остался на кухне — в прихожую его не пустили местные запахи.

— Да, — взяла она трубку домофона.

Ей ответили после мимолётной заминки.

— Я рад, что ты всё ещё здесь.

Она сообразила мгновенно.

— Входи быстрее, а то мне уже нужно бежать — кое-что случилось, — прибавила она изрядную порцию волнения и нетерпения в голос и нажала кнопку домофона.

— Что? — рявкнул юноша на фоне пиликанья открывающейся подъездной двери.

— Входи скорее, сейчас расскажу.

Неизвестно, через сколько ступенек перепрыгивал молодой человек, но вошел он тотчас, как только она успела, чуть повозившись, открыть замок.

— Что случилось? — буквально ворвался он. — Я тебя всё равно никуда не пушу — мы едем в горы.

Жак самодовольно улыбалась.

— Я пошутила.

Александр замер, после чего медленно, очень медленно выдохнул и опустил плечи. Затем он наклонил голову и костяшкой согнутого указательного пальца почесал себе кончик носа.

— Пошутила, значит, — посмотрел он на девушку, наморщив лоб.

Та, ломая пальцы, несмело утвердительно кивнула.

— Угу... пошутила.

А в следующее мгновение уже была прижата спиной к стене позади себя. Алекс не надавливал, но, тем не менее, твёрдо взял её рукой за горло. Жаклин обеими ладонями схватила его за запястье и хотела отодрать от себя его кисть, но не смогла даже сдвинуть с места — у парня была волчья хватка.

Из кухни слышался негромкий разговор Эшли по телефону.

— Александр... Эшли, — прохрипела Жаклин.

— Плевать, — он наклонился и поцеловал её в губы. — Твоё последнее желание.

Она сглотнула и принялась думать.

— Считаю до трёх, — ледяным тоном продолжил её «захватчик», — раз.

— Видеть, как ты уплетаешь печень, которую только что приготовила для тебя Эшли.

— Оу, вот оно как, — тут же убрал руку и сконфуженно отступил от неё юноша, — я не знал. Ну что же, желание женщины — закон. — Он с предвкушением улыбнулся и потоптался с ноги на ногу.

— Да... пока желание мужчины — женщина, — подхватила Жаклин, — слышала, знаю. — Она сделала шаг к нему и, потянувшись на носочки, обвила руками вокруг его шеи. — Но я опять пошутила.

— Насчет печени? — обреченно опустил плечи Александр, видимо, смирившись.

— Нет. Насчет последнего желания, — тихо, мягко промурлыкала Жаклин и лизнула его губки, а потом поцеловала.

Александр «развил» было «тему», ворвавшись ей в рот языком, но они тут же отпрянули друг от друга, почувствовав рядом чьё-то присутствие.

В проёме второго коридора в пижамке и носочках стоял заспанный, взъерошенный Маркас и таращился на тётю доктора, ту самую, которая привезла ему целый кулёк сладостей и мазала глазки, и Александра.

— Маркас! — тут же ринулся к нему парень и, подхватив на руки, понёс в кухню. Жаклин последовала за ними.

— Оу, кто у нас проснулся! — обрадовалась бабушка внуку. — А твоя мама только что звонила. Передавала тебе привет, Марик. — Она чмокнула внука в щечку, и Александр опустил мальчика на пол.

Эшли ожидала от внука бурной реакции на мамин звонок, но, видимо, ребёнок после беспокойной ночи и еще более шокирующего утра всё ещё был под впечатлением от увиденного в коридоре, поэтому, не дождавшись от него и слова, женщина посмотрела на молодых людей.

— Звонила Марго: они долетели хорошо до этого... как его... Бриджтауна. Уже едут на своё место к отелю. Обещала, как расположится, еще раз позвонит. Ты купил лекарства? — вперилась она взглядом в вновь прибывшего.

«А вот я даже не поинтересовалась этим», — подумала доктор Рочестер.

— Да. Купил.

— Выложи их на холодильник.

— Спасибо тебе большое, Эшли, за всё. Я, наверное, поеду, — начала вдруг прощаться Жаклин, потому как Маркасу она помогла, про Марго узнала, с Эшли поговорила, с печенью Александр разберётся и без её помощи. — Пока доеду, и дядюшка доберётся. А если нет, так я что-нибудь ему приготовлю, пока он приедет.

— Но ведь тебя же повезёт Александр? — мачеха посмотрела на падчерицу.

— Нуу... в принципе, я могу и сама добраться.

— Прямо даже будет интересно понаблюдать, как тебе удастся выйти из этой квартиры без него или выудить его отсюда до того, как он приговорит содержимое сковороды. Подожди, не начинай без меня — я должна это видеть. Пошли, Марик, я тебя быстренько умою.

— Очень просто! — отозвался юноша, выкладывая упаковки с лекарствами на холодильник и не отрывая глаз от приготовленного блюда на плите. — Я возьму эту сковороду с собой!

— Забирай! Это любимая сковорода Марго! — прокричала женщина уже из коридора.

— Оу, я передумал, — в притворном ужасе округлил глаза гурман, скидывая с себя куртку и вешая её на спинку стула. — Марго насмотрится там на этих...местных жителей, приедет и за свою любимую сковороду мою печень вырвет, зажарит и съест.

Жаклин, стоя возле холодильника и просматривая препараты, которые привёз молодой человек, прыснула со смеху.

— Ты попутал. Это в Океании: Полинезии, Мелонезии живут бывшие каннибалы, а Марго полетела на Барбадос.

— Ну значит, прилетит и скальп с меня снимет за железяку свою, делов-то! — Парень чмокнул свою девушку в щечку. — Я — в ванную, помыть руки.

Вернулся он вместе с Эшли и Маркасом. Мальчик, окончательно проснувшись после умывания, немного освоился.

— Доброе утро, — сказал он Жаклин и тут же стал усаживаться за стол.

— Доброе утро, — с удовольствием ответила ему тётя доктор.

— Маркас, ты будешь кашу? — спросила его бабушка.

— Нет.

— А что ты будешь?

— Бекон с яичницей.

— Молодец, — взлохматил ему волосы на голове Александр. — Мужик! — и тоже уселся за стол.

— Яйца ему сейчас лучше не давать. — И Жаклин, глядя на ребёнка, сделала умоляющую физиономию. — Маркас, прости. — Она улыбнулась, ставя перед своим мужчиной тарелку, полную печени-чатни с двумя ложками риса.

— Тогда он будет бекон с рисом. А потом чай, — резюмировала бабушка. — Жаклин, я так понимаю, шоколад ему тоже пока нельзя?

— Да, пока лучше ему это не давать. Он пропьёт хотя бы дня три таблетки, снимет гистаминную нагрузку, тогда можно уже будет... понемногу...

— У-у-у-у... — раздалось на всю кухню, и все обернулись на источник звука. Это Александр взял первый кусочек печени в рот. — М-м-м-м... — продолжил он развивать высказанную им мысль вглубь и вширь, демонстрируя полное владение материалом. — Если

Эшли что-то делает, то она это делает! Очень вкусно! — воскликнул юноша, тыча вилкой в тарелку.

— Это не я, — спокойно сказала Эшли и посмотрела на юношу как на безнадёжного, — это приготовила Жаклин.

Александр на мгновение застыл, но в следующую секунду закричал еще громче.

— Уууу... я знал! — он даже подскочил на стуле, подняв теперь вилку вверх как копьё. — Фак, я так и знал!

— Александр! — опять воскликнули женщины в унисон.

— Оу, Маркас, не слушай, Алекс шутит, — обратился большой мальчик к маленькому и опять взлохматил тому макушку. — Я так и знал, что ты бесподобно готовишь! Жаклин, ты просто обязана выйти за меня замуж, — подскочил он со стула и сжал свою девушку в объятьях так, что она тихо ойкнула. — Мы действительно созданы друг для друга. Я начинаю по-настоящему в это верить. — И он опять поцеловал её в губы, предусмотрительно закрыв от присутствующих собой, после чего шепнул на ушко: — А почему сразу не призналась?

— А зачем? — так же тихо, но с хитрецей в глазах и голосе ответила девушка. — Вдруг бы ты стал хвалить только потому, что это приготовила я. — Она показала ему кончик языка.

— Хитрюга, — сказал Александр и закусил нижнюю губу уже с похотью в глазах. Но тут же взял себя в руки — у него еще будет возможность...

Тут у Эшли опять зазвонил на холодильнике телефон.

— Да, Лам, алло, — взяла она аппарат и направилась с ним в коридор. Но перед дверью оглянулась: — Жаклин, поджарь, пожалуйста, Маркасу бекон, он в холодильнике. Что ты говоришь, Лам?

Жаклин, заглянув в стол, нашла еще одну сковородку и поставила её на сильный огонь. Потом из холодильника достала самый нежирный кусок бекона и, отрезав от него три тонких пласта, разложила их на уже очень горячей сковороде.

Александр, полностью отдавшись было «букету» вкусов печени-чатни, с интересом стал за ней наблюдать. Казалось, в этом нет ничего необычного: смотреть, как твоя женщина, с которой ты этой ночью занимался любовью, сейчас управляется на кухне и кормит ребёнка, и Александр не собирался заострять на этом своё внимание. Но оно как-то само... заострилось.

Жаклин была вся... несмелая, неуверенная, и он даже не увидел в ней какой-то такой уж прямо решимости или особого выраженного желания при хлопотах на кухне и общении с ребёнком, но она определённо была полна готовности.

«Хочу её к себе на кухню, — загорелся мыслью юноша. — Чтобы она вот так же управлялась с посудой, с плитой, с холодильником. Нужно поговорить с Кирком: пусть эту свою тётку деваает куда угодно. Хоть на Луну запускает. Мне нужна эта квартира». — Он окинул взглядом Жаклин с ног до головы.

— Маркас, ты кушаешь жареный лук? — вывела его из задумчивости вопросом Жаклин. Ей показалось, что бекон с рисом — это очень «сухо» для ребёнка.

Мальчик по-детски старательно-сильно покачал головой из стороны в сторону.

— Нет. Не кушаю. Я кушаю жареный перец.

— Сладкий?

— Нет... — но потом подумал и добавил: — Да, сладкий.

— Лам едет сюда, — объявила вошедшая в кухню Эшли. — Я его покормлю здесь, а

потом Алекс вас вместе отвезёт домой. Кстати, — указала она пальцем на молодого человека, — твоя мать сегодня вечером заедет ко мне. По делам.

— Это вряд ли, — юноша, жуя, скептически сжал губы. — Когда я ездил в аптеку, звонил Кирк. Они с Дженн после обеда выехали из Килмарнока — ему нужно в Лондон, он постарается улететь сегодня последним рейсом. Сейчас их везёт Бен. Так что... где-то к вечеру они будут у нас дома.

Эшли, задумавшись, закусила губу и присела к столу.

— Ну и что они там будут делать у вас дома? Алиса весь день в кафе — поесть нечего, может, даже отопление приглушено, да и сама она тогда ко мне не попадёт. Александр, — поднялась она, чтобы налить своему внуку чай, — давай звони Кирку, и пусть они все едут сюда: Алиса будет здесь, Лам, вы с Жак, Бен, Дженни, Кирк — посидим вечером все вместе, своего дядю отвезёшь в аэропорт от нас.

— Позвонить можно, но не знаю, согласится ли он, — мягко засомневался Александр, задобрённый коротким, но ёмким «вы», в которое подруга его матери объединила его с Жаклин персоны.

* * *

Кирк согласился.

Сначала приехал дядюшка Лам. Эшли разогрела ему варёную курицу в тушёной картошке со сметаной. Пока он ел, Жаклин опять обрабатывала глазки Маркасу и объясняла его бабушке, как нужно принимать мальчику таблетки и какие анализы на аллергены лучше.

В это время Чемми гулял с Алексом на улице. После чего уставший и выгулянный до предела юноша вздремнул на диване в гостиной под тихо, ненавязчиво работающий телевизор, а Чемми из последних сил на кухне помогал мачехе с падчерицей, которых мистер Фортескью развлекал милой болтовнёй, готовить блюда к ужину.

Потом приехали Кирк с Дженни и Беном.

Жаклин в ожидании родного дяди своего любимого мужчины, который, судя по всему, занимал очень важное место в жизни племянника и имел на него сильное влияние, даже разволновалась — а вдруг она Кирку не понравится? А этого ей очень не хотелось бы. А вдруг он не понравится ей? А этого ей не хотелось бы еще больше — придётся постоянно прятать свою антипатию при общении.

— Жаклин! — кинулась Дженни с порога на шею девушке. — Как я рада, что ты здесь! Привет! С Рождеством тебя!

— И тебя с Рождеством, Дженни. Успехов тебе и всего хорошего и интересного, — поприветствовала девчущку Жаклин.

— Жаклин, — окликнул её уже успевший обняться с дядей Александр, подходя к девушке в прихожей вместе с темноволосыми каким-то взлохмаченным мужчиной, — позволь представить тебе младшего брата моей матери — Кирка Бикстера.

— Мне очень приятно, Кирк, — буквально пропела девушка, включив в себе грацию и интонации воспитанницы дядюшки и его коллег, и протянула руку новому знакомому. Мужчина тут же порывисто ответил на рукопожатие.

— Кирк, познакомься, это племянница мистера Фортескью — Жаклин Рочестер. Она живёт в Оксфорде и работает врачом в больнице Черчиля. Они с мужем были настолько любезны, что пригласили меня к ним в гости на одну из их вечеринок. Я считаю, мне очень повезло иметь в этом городе такое милое знакомство.

Вообще-то, Жаклин полагала, что Кирк устанет слушать столь длинную тираду своего

племянника и, может быть, даже перебьёт его или что-то в этом роде. Во всяком случае, ей самой пришлось побороться с желанием сделать именно это. И каково же было её удивление, когда после того, как Алекс замолчал, мужчина продолжал стоять с таким выражением лица, как будто с интересом ждёт продолжения.

Кстати, о его лице. Оно было приятным. И делали его таковым достаточно молодой возраст — около тридцати четырёх-тридцати пяти лет, правда, вокруг рта уже успели залечь довольно крупные, те самые «унылые» морщины, примерно как и у Чарльза — и большие, близко посаженные, с пушистыми, густыми ресницами, светло-коричневые глаза, смотревшие живо и даже с некой... издёвкой. Овал лица обозначался мягкими, обтекаемыми линиями — никакой точеной, скульптурной нижней челюсти как у племянника, и тем более никакого волевого, грубого, как топором рубленого мужского подбородка как у него же, никаких резких углов и бескомпромиссных линий — ничего брутального. Даже брови у мужчины были какими-то плавными, прогнувшимися, к тому же довольно тонкими и даже, кажется, ухоженными.

«Метросексуал?» — подумала про себя девушка. А вообще она с уверенностью могла сказать, что дядя с племянником непохожи настолько, насколько это можно себе представить. Не проглядывалось в их чертах одного и того же источника. Ну, если только за исключением роста — мистер Бикстер был тоже довольно высок, и если и уступал в этом своему молодому родственнику, то дюйма два-три, не больше.

— Очень рад с вами познакомиться, доктор Рочестер. — Кирк довольно ощутимо встряхнул её ладошку. Да и само его рукопожатие оказалось довольно твёрдым и каким-то нетактичным — мужчина явно не озаботился контролем над силой своих ладоней при применении её по отношению к даме.

— Здесь я просто Жак, — продолжила дальше «петь» девушка.

«Наверное, он до сих пор не женат совершенно неслучайно. И вообще, что-то в нём... не так», — почему-то тут же не то подумала, не то почувствовала она.

— Очень приятно, Жаклин, — чуть склонил голову Кирк.

«Хороша! — подумал он, — Что и говорить, хороша! Леди! Не люблю таких. Они опасны — усыпляют, а когда проснёшься — она уже сидит у тебя где-нибудь в подкорке... в гипоталамусе. Поэтому... муж мужем, а осторожность никогда не помешает. Нужно бы держать её от мальчишки подальше, а не знакомить и просить приглядывать, как моя безмозглая сестрица».

— Оу, Кирк! — воскликнула вышедшая из гостиной Эшли. — Добро пожаловать. Давно тебя не видела. Проходи, дорогой, располагайся. — И все двинулись в комнату, где уже был накрыт ужин.

После того как подъехала еще и Алиса из кафе, и все собрались за большим обеденным столом в гостиной МакРоссов, для Жак началось то самое, настоящее Рождество — было многолюдно, в воздухе витало воодушевление, и разговоры не стихали, потому как разговаривали все со всеми и сразу.

Маркас с Чемми расставлял фигурки каких-то динозавров на ковре. Бен уже звал Жаклин к ним в гости на ферму на Новый год, суля незабываемые впечатления. Принимая приглашение, девушка не упустила случая подразнить Алекса и обещала гостеприимному молодому горцу, что передаст его предложение своему мужу и, может быть, они даже приедут в Килмарнок на один из праздников в будущем году.

Кирк спорил с дядюшкой о достижениях индейских племён Южной Америки. Мистер

Фортескью считал, что народы аймара, мольо и кечуа помогли выжить инкам своим развитым земледелием, а не только скотоводством и охотой, как у тех же разбойников арауканцев на юге, которые ничего не знали, как только грабить, угонять скот да хлестать спиртное. А Кирк утверждал, что инки выжили, и даже неплохо себя чувствовали, потому что у них имелось золота чуть больше, чем сейчас в золотом запасе Китая. Если бы не этот благородный металл, испанцы и португальцы их бы вместе с их кукурузой и жареным куем «на второй день знакомства угнали бы на галеры».

Эшли с Алисой тут же обсуждали дела в кафе, время от времени присоединяясь к спору, а Александр по мере возможности и целесообразности поддерживал то один, то второй разговоры, чем, судя по всему, немало удивлял и мужскую и женскую пары собеседников. Понимание причины сего из ряда вон выходящего поведения сквозило только на лице Эшли. А Алиса даже принялась рассматривать линейку бокалов, выставленных за столом перед её сыном, и их содержимое — Александр был за рулём и ему еще предстояло везти Кирка в аэропорт, а лицам, не достигшим двадцати одного года, в Великобритании за рулём запрещено употреблять спиртное.

Но такая идиллия продержалась очень недолго. Дженни, заскучав в этом царстве ученых мужей и деловых женщин, повернулась к родному братцу и начала его дразнить рассказами о том, как после его вчерашнего поспешного отъезда из Килмарнока она всё-таки доконала своих двоюродных братьев своим нытьём поучить её верховой езде, и они сдались.

От этой новости у родного брата сдвинулись к переносице и опустились на глаза брови, раздулись ноздри, и губы сжались в тонкую линию.

— Я же просил не подпускать её к лошадям! — повернулся он к Бену.

— Да разве за ними уследишь?! — начал оправдываться и возмущаться тот. — Я только успел съездить в Луск с сухим молоком, приезжаю, а Хэм уже усадил её на Теслу и катает по первому базу.

— На Теслу?! — взбеленился Александр, зло зыркнув на сестру. Та в ответ показала ему язык. — Но ведь это же лошадь! Что, нельзя было усадить её на пони? Да хотя бы на Пенку!

— Сам садись на Пенку! — теперь уже раздула ноздри сама Дженн, но потом всё-таки улыбнулась — картинка её шестифутового братца, сидящего верхом на низкорослой Пенке, могла выдавить улыбку и из более серьёзного человека, нежели пятнадцатилетняя девчушка. — Хитрый какой! Самому Змея подавай, а я так — на Пенку.

— Она одна сидела? — не обратив ни малейшего внимания на её праведный гнев, Александр опять обратился к Бену. — Хэм с ней не сел?

— Да какой там! Хэм говорит, что она пока уселась, замучила бедную Теслу вусмерть.

— Ой, да что т-т-ты! — уже начинала по-настоящему обижаться девчушка. — Ничего вашей Тесле не будет. Переживёт как-нибудь. А будете так со мной себя вести, в следующий раз оседлаю вашего Змея, ясно?!

— Следующего раза не будет, — низким спокойным голосом и ледяным тоном отрезал Александр.

— Ага! — наоборот, обрадовался Бен. — Попробуй сесть на Змея, ага, попробуй-попробуй! Меня не забудь позвать — я хочу это видеть. У него круп выше твоего носа, он отца вот только-только начал признавать, Алексу ребро сломал, — в этом месте Жаклин дёрнулась на стуле, — и чуть ползагона не разнёс, а тебе и подавно он себя мучить не даст, это тебе не Тесла.

— А как это... — Жаклин прочистила горло, — а когда он Алексу ребро сломал? — как будто со стороны услышала она свой голос.

— Да этой весной, — безо всякой задней мысли и с удовольствием продолжил Бен. — Его за зиму мало выводили на прогулки — очень холодно и ветрено было, а он ведь молодой еще, да и к тому же «англичанин». Вообще-то молодого жеребца после такого застоя нужно по весне по кобылам поводить немного, а потом уже под седло ставить. А этот, — Бен кивком указал на Алекса, — приехал, увидел, что Змея выпустили на баз, и быстрее на него уселся. Да ещё и по-ирландски, без седла. Ну тот его и скинул не назад, а вперёд, да еще и копытом ударил в спину. — Увидев, как Жаклин побелела, он поспешил её «успокоить». — Да ты не думай, ничего страшного. Ты ведь, врач, да? Врачам всё кажется страшным, а на самом деле это обычное дело, когда возишься с лошадьми, — пояснил доктору Рочестер Бен и довольно улыбнулся.

Услышав такое «успокоение», врач развернулась к своему любимому шотландскому пациенту и посмотрела на него таким же взглядом, каким он минуту назад одарил свою младшую сестру.

«Следующего раза не будет», — прочитал Александр в глазах своего любимого медика и закатил глаза.

Змеем был двухгодовалый вороной скаковой жеребец. Для самих скачек его отбраковали по причине небывалого роста, силы, ширины груди и красоты — всё это для резвости и скорости оказалось необязательно. А вот племенная работа с этим красавцем могла принести немалые дивиденды. Именно по этой причине Рональд и купил его на прошлогодней осенней ярмарке в Таин.

Это уже потом выяснилось, что у красавца ещё и темперамент был... племенной — все кобылы, к которым его возили на свидания, оставались весьма счастливы и довольны, не говоря уже об их хозяевах — там, где обычному жеребцу нужно организовать семь-восемь садок, прежде чем он покрывал «невесту», Змей управлялся одним, максимум двумя подходами.

Но в содержании жеребец оказался очень сложным. Особенно невлюбил он почему-то именно Александра. О чем недвусмысленно дал понять при первой же их встрече. Только лишь парень с Рональдом вошел к нему в стойло — дяде не терпелось похвастаться такой красотой перед городским племянником, приехавшим в гости на прошлый Новый год, как животное начало жаться по углам и фыркать на всю конюшню, явно готовясь к нападению. Тогда никто не обратил на это особого внимания, потому как жеребец на тот момент еще никого толком не знал и чурался всех подряд. Но когда парень сел на него впервые уже на базу, и Змей начал монотонно бегать по прямой линии взад-вперёд, не реагируя на удила — явный признак того, что он присматривает место, куда бы сбросить своего седока, Рональд поспешил остановить эту езду, пока не случилось беды.

Беда случилась, когда дяди не было рядом — Алекс принял поведение коня как вызов и устроил ему «раунд» в апреле, который и закончился его полным разгромом и сломанным ребром. Ну и, конечно же, как после такого парню было не загореться идеей всё-таки усмирить этого норовистого красавца и мечту всех кобыл и их хозяев в радиусе ста миль.

В этот свой приезд он кормил Змея вместе с Беном, приходил в конюшню сам, приносил жеребцу сладкую варёную картошку и долго разговаривал с ним. Тот всё внимательно слушал, картошку кушал, почти не фыркал, мотал на ус, но как только парень открыл дверь в стойло, сразу же прижался к боковой стенке. Юноша решил отложить всё это

дело до будущих времён — к нему в Глазго ехала любимая девушка, которая могла неправильно понять и не оценить его сломанные рёбра, так что конь пока подождёт.

За разговорами и общением время летело незаметно и уже приближалось к девяти часам вечера — Кирку было пора выезжать в аэропорт. Поэтому Жаклин, посмотрев на Александр прямым взглядом в упор, сказала всем, что ей нужно сделать пару звонков, извинилась и вышла в комнату для гостей. Там она даже не стала включать свет, а сразу приготовилась ждать.

И дождалась.

Дверь открылась, осветив комнату светом из коридора, и тут же закрылась. Александр сходу одной рукой ринулся ей под свитер, где не имелось в наличии бюстгальтера, а другой схватил за затылок. Было такое ощущение, что он целовал, и сжимал, и обнимал её на время — сколько можно успеть за ту минуту, которую они могли себе позволить, не вызвав подозрений.

— М-м-м... сладкая моя, — просто хапал он без разбору всё, что попадалось ему под губы и руки в темноте, — хочу в тебя... — пару раз даже просто лизнул её щечку.

— Алекс... — первая попыталась очнуться Жаклин.

— Да, — сказал он и пососал мочку её ушка.

— Я закажу такси на завтра на семь утра. Поэтому где-то в половине восьмого буду на вокзале.

Он отстранился.

— Понял. Но сегодня, как только посажу Кирка на рейс, я ещё позвоню тебе — хоть вас и повезёт Бен, но с тобой всё равно нужно держать руку на пульсе.

— Я бы попросила тебя этого не делать — этот разговор может затянуться далеко за полночь, а нам с тобой лучше отдохнуть и поспать.

Александр тяжело и медленно выдохнул, после чего устало и обреченно свесил руки вдоль тела.

Потом одной пятернёй взлохматил себе волосы.

— Ты права. — И чмокнув девушку в носик, добавил: — Черт бы всё это побрал.

Жаклин улыбнулась в темноте.

— Я буду ждать тебя в зале ожидания.

Он хмыкнул.

— Скорее всего, это я тебя там буду ждать.

— Договорились. — Она потянулась на носочки и обвила руками вокруг его шеи. — До завтра? — спросила Жаклин, вдохнув запах его кожи под нижней челюстью.

— До завтра. — Он с чувством на прощание поцеловал её в губы. — Всё. Мне пора.

И Жаклин заметила, как юноша, выйдя из комнаты для гостей, тут же открыл дверь в ванную комнату и туалет, которая была чуть наискосок по коридору. А сама она включила свет и взялась за телефон.

Чарльз долетел благополучно и, поселившись в гостинице и уже отдохнув с дороги, сейчас работал с бумагами. Завтра он отправляется за город на переговоры к одному редактору.

Мери тоже заверила, что у них с Сулой всё хорошо, хоть и была в разговоре традиционно насторожена, сдержана и лаконична. Что Жаклин, собственно, полностью устраивало.

Расходились и разъезжались все сумбурно и весело.

— С богом, Жаклин, — шепнула ей Эшли, обнимая девушку на прощанье, — берегите себя там. Вы нам очень дороги оба: и ты, и он.

— Спасибо тебе большое за всё, Эшли. Ты — лучшая, — с чувством поблагодарила мачеху падчерица.

С Алексом она, понятное дело, не смогла перекинуться даже взглядом — пока дядюшка прощался с его оппонентом Кирком, а она давала последние наставления Эшли по уходу за Маркасом, обоих парней: Александр и Бена уже послали перекладывать вещи Кирка из машины в машину — Рональд никогда не отпускал младшего брата без гостинцев.

* * *

Александр гнал свою Q7 по ночным улицам родного города. Сейчас Глазго казался ему каким-то не таким, как раньше. Чужим.

Чужим не в смысле враждебным, а просто чужим, и всё. Каким-то уже не тем Глазго, из которого он уехал три месяца назад, другим. Другой город, другие улицы, другой родной дом, другой он, другие друзья, другие желания, другая жизнь. То, что Жаклин в эту ночь будет ночевать без него, а он без неё, взрывало ему мозг. Наверное, можно было всё-таки что-нибудь придумать, соорудить какой-нибудь форс-мажор или просто рассказать всё еще и мистеру Фортескью, заявившись к нему на ночь, а потом просто отодвинуть мужчину с дороги и пройти к любимой в спальню, лечь рядом, обнять и заснуть. Просто заснуть.

Но, конечно же, ничего такого он делать не будет — пришло время включить мозги.

Только вот загвоздка в том, что отдохнуть ему тоже лучше было бы с Жаклин. А ей — с ним.

Домой Александр пришел недовольный и хмурый. Молча прошел мимо Дженни и Бена сидящих рядом в гостиной за ноутбуком, поприветствовав одним только взмахом руки — спросить у них лишь о том, как они довели Жаклин к дядюшке и всё, было излишне странным, а разговаривать о чем-то, кроме этого — излишне обременительным. Еще и поэтому он безжалостной рукой закрыл перед носом матери, которая хотела было с ним что-то обсудить, дверь своей комнаты, бросив через неё краткое: «Все разговоры завтра утром».

В комнате он плюхнулся навзничь на кровать и уставился взглядом в потолок. Голова была пуста как после экзаменов. Сейчас, во время каникул, когда учёба на время отказалась от своих прав на его внимание и усилия, в мыслях и действиях действительно осталась только одна Жак. Только ради неё он был готов сворачивать горы и поворачивать реки вспять. Всё остальное — мимо. И этим вечером ради неё он даже готов был попытаться заснуть. Тем более, что вскоре ему пришла СМС: «Спокойной ночи» от некой «Профессорши» — он так и не переименовал её номер в своём айфоне, сохранив его еще тогда, в августе, под этим именем.

Написав ответ: «Завтра», он встал, чтобы переодеться. А когда лёг, предварительно заведя будильник в телефоне на шесть утра, заснул сразу же, мгновенно.

Проснулся парень не от мелодии телефона, а от того, что кто-то легонько тряс его за плечо и какой-то женский голос звал по имени:

— А-але-екс, А-але-екс... проснись, пожалуйста.

— Что?! — он подскочил в кровати.

— Тс-с-с... тише, тише, не кричи так. — На краю его кровати сидела Дженни. — Я... — она неуверенно сложила руки на коленках, — поговорить.

Это была их своего рода традиция — они иногда разговаривали. С детства. Особенно по ночам. Поэтому, наверное, нисколько не удивительно, что Дженни знала о брате почти всё.

Даже несмотря на свой юный возраст. За всю историю их доверительных отношений болтливой и общительной Дженни каким-то волшебным образом удалось никому и ни разу не выдать ни единой тайны брата, ни единого его секрета, этим своим достижением ввергая в изумление даже его самого.

— О чём? — не стал злиться Александр — после того, как он приехал на каникулы, они еще ни разу не разговаривали, и, скорее всего, завтра тоже не получится. — У тебя всё хорошо? — протёр он глаза.

Девчушка молча кивнула головой.

— Да. У меня всё нормально, всё по-старому. Я смотрю, с тобой что-то не так. — Она ковыряла пальцем простынь. — Ты какой-то... не такой. И у Рона был... странным... и сейчас. Может быть, расскажешь мне? — просто попросила сестра.

Александр разлёгся на кровати, тяжело выдохнул и запустил себе пятерню в волосы.

— Мы завтра с Жаклин едем в горы. Вдвоём.

Даже в темноте он заметил, как часто заморгала Дженнифер.

— Чего-о-о? — она принялась то попеременно моргать, — в горы-ы-ы-ы? — то просто тарашить глаза. — Александр... — у девчушки явно не было слов. — С Жаклин?!

— Я люблю её, — сказал и повернул к ней голову брат, — а она любит меня.

— Боже... — Дженни была как замороженная. — Алекс... ничего не понимаю. — Нс тот молчал, решив дать ей время. — Это вы в Оксфорде, да?

— Да.

Девчушка пожевала губы.

— Но ведь она же...

— Что... «она же»? Замужем?

— Да, но не в этом дело. Она такая... доктор, она умная и она... англичанка.

— Господи, Дженн, англичане что, не люди, что ли?

— Люди, конечно... просто я думала, что... — она еще чуть-чуть помолчала, размышляя, но, видимо, нюансы и моменты, которые не укладывались в её голове, и которые, по её мнению, могли воспрепятствовать влюблённым быть вместе, кончились, потому что она вдруг предприняла следующее: — И-и-и-и-и... — приглушенно завизжала девчушка и так же тихонечко захлопала в ладоши. — А-а-а-а... я так рада, — она упала брату на грудь и обняла за шею, но тут же выпрямилась и затрясла за плечи. — Расскажи!! Алекс, расскажи мне всё! Боже, я так рада! Ты и Жаклин! Это так... необычно... так... креативно... так... интригует! Расскажи! Давай-давай, рассказывай! — не давала она ему вставить и слово, и трясла его за всё, что попадалось под руки. Уже хотела было ухватить за ноги и тоже потрясти.

Александр довольно посмеивался.

— Дженн, ты никогда не разочаровываешь меня своей реакцией. Ты одна всегда за меня рада и всегда готова меня поддержать.

— Да-да... конечно, готова. А как это всё... между вами, а? А-а-а-а-а... — тут же перебила она сама себя догадливым криком, — так вы уже це-ло-ва-лись?!

И тут Александр замер. Готовое было сорваться признание зависло у него на кончике языка как прыгун в воду на самом краю десятиметровой вышки. Юноша понял, что впервые в жизни не готов обсуждать свои отношения с девушкой. Ни с кем. Даже с Дженн! Это было неслыханно!

Но перед ним сидела его родная сестра. Та, которая его очень любила, и которую он

тоже очень любил. С которой они выросли вместе и поддерживали друг друга всё это время.

— Дженн, — он указательным пальцем на мгновение закрыл себе одну свою тонкую ноздрю, но тут же опустил руку, — я люблю эту женщину...

— Ой, — приложила ладонь ко рту Дженни, — всё, я поняла. Извини, я просто не подумала. Да — да, конечно, это я всё от неожиданности. А вы поженитесь? — вдруг подскочила она на кровати так, что и Александр тоже подбросило на пружинах.

— Ну, скажем так: я хотел бы жить с ней вместе.

— А она?

— И она тоже. Но у неё есть муж. Правда, там не муж, а одно название, но всё равно...

— Александр, а как же Нью-Йорк?

Парень напрягся. Но быстро оправился.

— Дженн, наши отношения только начинаются. Я еще сам толком ничего не знаю, поэтому давай-ка идём спать, — и он спустил ноги с кровати. У них с сестрой имелась ещё одна традиция, порождённая привычкой разговаривать по ночам — Александр обязательно провожал её после этого в кровать. Правда, как и у большинства традиций, у неё была вполне себе разумная и понятная история возникновения — если Дженни не выпроводить в кровать за руку, дожидаться от неё, что она поднимется и уйдёт сама, весьма и весьма проблематично. Вернее, практически, невозможно.

Вот и сейчас, после того как они поднялись с его кровати, брат положил ей ладонь на ближайшее к себе плечо, не обнимая, и повёл в её комнату.

— А вы деток хотите? — пыталась выжать по максимуму из оставшегося времени Дженнифер.

Александр закатил глаза.

— Каких деток, Дженн? Ты о чём? — тянул он время.

— Ну каких... мальчиков... или девочек. А? Не хотите?

— Нет. Не хотим.

— Жаль.

— Угу.

— Жаклин МакЛарен. А что, звучит! А как ты её называешь, когда вы только вдвоём?

Юноша застыл на месте.

— Я не знаю. — Он развернулся к сестре и ошарашенно уставился на неё. — Никак.

— Да уж... — очень по-взрослому скептически сжала губы девчушка, — «я люблю её», — передразнила она брата. — А милого прозвища не дал!

— А на кой оно ей? — искренне удивился Александр и опять двинулся дальше по коридору.

— Да и правда, что?! На кой? — Дженни закатила глаза. — А кой тебе её имя? Дай ей кличку и зови по кличке.

— Я бы с удовольствием называл её... Сасенак.

— Пф-ф-ф... — девчушка схватилась за голову, — оч-ч-чень романтично. Александр, ты безнадежен. Что за пережитки прошлого. У нас вообще-то уже почти 2012-й год на улице и политкорректность.

Брат молчал.

— Но ты знаешь... — скривила губы его сестра, — а ей, между прочим, пойдёт. Она такая... саксоночка, такая Сасенак. Главное, чтобы она не обиделась и поняла тебя правильно.

— Она поймёт. — Он ухмылялся, распахивая перед сестрой дверь её комнаты. Он уже всё решил. — Она всегда меня правильно понимает. Да и вообще, она всё делает правильно, вернее, как я люблю.

Он довёл девчущку до постели, отогнул ей одеяло и придерживал его, пока она укладывалась. После чего накрыл её до подбородка.

— Передавай ей привет от меня и передай спасибо за подарок — мне мама отдала его сейчас дома, — напутствовала сестра брата, укладываясь в постель. — Но всё равно, скажи, что если она тебя обидит, то будет иметь дело со мной.

— Не переживай. Она сделает меня счастливым. Обязательно. Вот увидишь.

— На самом деле я очень рада за тебя. А можно, когда вы будете жить вместе в Оксфорде, я приеду к вам в гости, можно?

Александр поцеловал сестру в лоб.

— Нужно.

— Ой, как здорово! Спокойной ночи и хорошей погоды вам в горах. А куда вы поедете?

— Спасибо. Сначала на Торридон, а там посмотрим.

— Вау! Круто!

— Угу.

— Тейлор ездила туда с родителями летом. И, кажется, ещё Саймон там был. Там классно!

— Угу. Ладно. Уже очень поздно, а мне завтра рано выезжать. Спокойной ночи. Спи, — и, сказав это, он вышел из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

Глава 32. Лох-несское чудовище

Глава 32 Лох-несское чудовище

Часть 1

Мистер Фортескью всю свою взрослую жизнь мечтал отрастить усы. Будучи солидным ученым мужем, он хотел и выглядеть таковым же — умным и с усами. Привести, так сказать, в соответствие форму и содержание. Но у него всё никак не получалось — то руки не доходили, то терпения не хватало. Всё-таки подобного рода украшению мужского лица необходимы постоянное внимание и усилия в содержании, а в своих полевых условиях и сменяющей их бесконечной чередой квартир в различных уголках света ни того, ни другого археолог позволить себе не мог — наука требовала жертв.

Но то, что не позволено быку, то позволено Юпитеру — как только мужчина покончил со своим космополитизмом и попробовал примерить жизнь эндемика, то тут же вплотную занялся своей внешностью. И у него получилось! Кто на пенсии берёт себе собаку, кто кошку, кто выращивает цветы или помидоры, дядюшка, понимая, что всё вышеперечисленное, при его тщательном уходе, ждёт жалкое существование, а впоследствии, не исключено, что и бесславная гибель, во главе с ним самим, завёл себе усы.

Усы получились светлые, густые, ровные, щетина легла аккуратно и равномерно, будто взойшла первоклассно засеянная пшеница. Счастливый обладатель сего роскошества подстригал его ножницами в ванной у зеркала, часто мыл с мылом после еды и просушивал феном. Он наслаждался.

Именно в них он и улыбался этим ранним утром, усаживая свою племянницу в такси и провожая её «в Оксфорд». Ситуация казалась ему презабавнейшей.

Всё дело в том, что Жаклин не смогла соврать своему дядюшке Ламу. Не получилось.

Во-первых, он её вырастил. Одно это могло заставить племянницу как максимум замаркировать свой столь поспешный отъезд грифом «Совершенно секретно» и как минимум просто промычать что-то нечленораздельное на манер: «Мне надо домой».

Во-вторых, дядюшка уже изрядно пожил на свете и был мудр.

В-третьих, племянница пыталась, но так и не смогла вспомнить, когда бы ей случалось уличить во лжи самого дядюшку. Недомолвки и уходы от тем были, но вот лжи она не припомнила.

Ну, и, в-четвёртых, девушке всё-таки очень хотелось узнать, что обо всём этом скажет её опекун, что он по этому поводу думает. Тем более, что когда она повторила ему свою историю о себе и Чарльзе, рассказанную Эшли несколькими часами ранее, то, описывая мужа, невольно ловила себя на мысли, что примерно всё то же самое можно отнести и к её дядюшке, с той лишь разницей, что у последнего хватило трезвости взгляда на ситуацию, чтобы отдавать себе отчет в далеко не самом лучшем качестве себя как супруга и главы семьи и сквозь всю свою жизнь высоко пронести знамя своей трепетной взаимной любви с археологией и союза с ней же.

Дядюшка долго молчал. Было видно, что он понимает, насколько важны его слова для племянницы и не хотел болтать первое, что пришло в голову.

Племянница ждала. Они сидели за вечерним чаем на кухне.

— Ты прости меня, девочка, — вымолвил, наконец, качая головой, мистер

Фортескью, — я был... плохим опекуном.

Жак опешила.

— Мой бог, дядюшка, о чем ты говоришь?

— Я... не перебивай меня, — в нетерпении опять покачал он головой, — я сам собьюсь. — Мужчина тяжело вздохнул. — Я... очень обрадовался, когда ты встретила Чарльза. — Старый археолог говорил медленно, подбирая слова. — Правда, обрадовался. Всё-таки, согласишься, он не так уж плох: надёжен, грамотен, перспективен, — мужчина загибал пальцы, — всё это обещает благополучие. Мда... благополучие. Меня тогда так ошастливило, что ты разделяешь моё видение ситуации, раз уж выходишь за него замуж. Я был эгоистом, Жаклин, окончательным эгоистом. Мне, признаться, и в голову не пришло, что ты можешь быть с ним настолько... сама не своя, не разглядел я в тебе этого.

— Ты и не должен был.

— Мда... может и не должен. Но мог. И поэтому я очень рад, что ты... ты только посмотри на себя Жак! — мистер Фортескью радушно развёл руки и в восхищении смотрел на племянницу. — Ты вся светишься, когда говоришь об Алексее! Тебя буквально не узнать! Я очень рад за тебя, девочка моя. — Он похлопал девушку по руке, лежащей на столе.

«Как же мне её жаль, — в это время думал про себя дядюшка Лам, — ох как же ей будет непросто с этим заносчивым... как непросто». — В этот момент мужчина почувствовал знакомую боль в сердце. Свою последнюю кардиограмму и её описание он попросил не клеивать ему в медицинский журнал и оставил в больнице у кардиолога, напомнив доктору о врачебной этике и правах человека. Не мог он допустить, чтобы это попало на глаза Эшли или, упаси Бог, Жаклин.

«Такой не успокоится, пока не сломает её и не выжмет всю до капли. Ох, не к добру всё это, ох, не к добру. С этой... любовью, черт бы её побрал, только одни беды», — резюмировал он про себя.

— Спасибо большое, дядюшка. — Жаклин была счастлива, ей ощутимо полегчало. Теперь у неё остался только один, пусть и самый главный, разговор — с Чарльзом. Но это потом. — И извини, что не смогла побыть подольше.

Не исчезло чувство облегчения и сейчас, этим ранним утром, когда опекун усаживал её в такси.

— Я очень хочу, чтобы у тебя всё было хорошо, Жаклин, и очень тебе этого желаю. И уже опять жду в гости.

— Спасибо, дядюшка, — с лёгким сердцем прощалась племянница. — Я обязательно приеду. И не забудь, пожалуйста, что я тебе говорила о диете. — Мистер Фортескью кивал головой. — И когда будет звонить Скарлет, передавай ей привет от меня, — напомнила она ещё раз про их общую знакомую по экспедиции в Баньпо в Китае, которая жила в Торонто и работала в их знаменитом Университете. — Я до сих пор люблю готовить её яблочные оладьи.

— Обязательно передам. Поезжай, девочка моя. Счастливого пути вам с Александром и хорошей погоды.

— Спасибо. Пока, — махала девушка рукой уже из открытого окна такси, после чего уселась поудобней и скомандовала таксисту: — Поехали, пожалуйста.

Как только машина тронулась и Жаклин посмотрела перед собой в лобовое стекло, то почему-то вдруг заволновалась. Не сказать, чтобы волнение нахлынуло на неё вот прямо душной волной, но, тем не менее, явно дало о себе знать.

«Хм, что это с тобой? — попробовала побеседовать с собой, ломая пальцы. — Это же Алекс. Ты уже ездила с ним в Лондон. Хотя..., при чем здесь Лондон, это Алекс, и этим всё сказано. И не смей волноваться. Не дури».

Но она всё равно волновалась. Ей очень хотелось позвонить любимому, услышать его голос, почувствовать в который раз то чувство спокойствия, которым он её всегда буквально обволакивал. Но она не стала этого делать, полностью отдав инициативу мужчине.

Так она и сидела в зимнем зале ожидания на втором этаже железнодорожного вокзала Глазго. По её приходу Александра там не оказалось, вопреки его предсказаниям или даже обещаниям, но зато предостаточное количество народу сновало туда-сюда в проходах между рядами кресел, поскольку в праздничные и выходные дни было назначено несколько дополнительных поездов на Инвернесс, Эдинбург и Ливерпуль.

Кто выносил из кофейни в держателях стаканы с кофе, кто читал газету, кто зевал по сторонам, поглядывая на электронное табло с расписанием. Жаклин периодически следила за всеми тремя входами в зал по очереди, точно не зная, откуда ей ожидать появления своего горца.

«Интересно, почему это мы опаздываем? — размышляла она, наблюдая, как сидящая от неё наискосок старушка постоянно шарит по многочисленным карманам своего утеплённого болоньевого пальто и ещё более многочисленным пакетам, расставленным на полу вокруг её ног. — Грозился быть на вокзале раньше меня и ждать. Уже почти восемь. Странно».

Но вскоре обыденная, неспешная картинка вокруг даже в отсутствии её мужчины настолько её успокоила, что Жаклин смогла слегка отвлечься и задуматься, толком не уловив, о чём.

В какой-то момент она почувствовала, что на неё кто-то смотрит. Девушка машинально повернула голову в начало своего ряда.

Он стоял там, расставив ноги на ширину плеч, спрятав руки за спину и развернувшись корпусом к тому месту, где она сидела. И почему-то не предпринимал попытки подойти. На нём были черные джинсы, кажется, даже новые, знакомая ей коричневая дублёнка нараспашку, меж пол которой виднелся классический красивейший тёмно-серый мохеровый свитер, скорее всего, исландского производства. Такие свитера никогда не были в моде и поэтому никогда из моды не выходили, и Жаклин ну никак не ожидала увидеть такого рода одеяние на молодом человеке.

«Хотя... — с гордостью подумала она, — такой может украсить собой и ввести в моду любую одежду. Да хоть комбинезон космонавта и скафандр водолаза. Не говоря уже о килтах. Эх...» Выражение его красивого лица говорило о серьёзности и сосредоточенности, но лёгкое перекатывание с пятки на носок выдавало ещё и волнение.

Неизвестно, сколько Александр так простоял, но как только она его заметила, он тут же двинулся вперёд, вытащив из-за спины букет светло-салатных орхидей с одной кремовой в центре. Жаклин, увидев такую красоту, забыла даже о том, кого ждала.

Парень шел спокойно, медленно, чуть ли не вразвалочку. Он даже не подходил, а именно приближался.

— Привет, — остановился напротив неё, опустив на девушку глаза, но не голову. — Извини, что заставил ждать. — Поскольку Жаклин потеряла дар речи и молчала, ему пришлось продолжить: — Это тебе, — протянул он её орхидеи.

— С-с-с-спасибо, — услышала девушка свой голос и увидела свои ладони, принимающие у него орхидеи. А потом подняла глаза.

— Поехали? — протянул он ей руку.

Жаклин и так плохо понимала, почему они вдруг оба разволновались и почувствовали столько неловкости, а после такой встречи даже немного растерялась. Поэтому взяла и ни с того ни с сего, тепло, мило, по-доброму улыбнулась, прежде чем вложить свою ладонь в его ладонь.

Александр, не ответив на улыбку, прищурился и потянул её вверх, поднимая с сиденья. Девушке показалось, что вместе с ней сейчас поднимется весь зал ожидания.

«Только этого нам и не хватало», — подумала она про себя.

«Мой Бог, как бы довести её до Торридона, — переживал в это время Александр. — Хоть попутчика бери».

— Мой чемодан, — показала рукой девушка. Юноша молча поднял её багаж и повёл за руку с вокзала.

Q7 ждала их уже не на парковке, как два дня назад, а на соседней HolmStreet. А ещё Жаклин в этот раз не стала сразу садиться в салон без своего водителя, благо позволяло тёплое, тихое, туманное утро и градусов пять-шесть тепла, а решила заглянуть в багажник.

И не пожалела.

Восемьсот с лишним литров вместимости были заполнены больше чем наполовину. Коробки, пара рюкзаков, пара небольших канистр, стопка пледов в большом пакете, пара рулонов карематов, и даже несколько маленьких поленьев для камина в магазинной сетке, и еще много каких-то баулов и свёртков больших и малых — Алекс подготовился серьёзно и ответственно.

Уложив сверху всего этого ещё и её пластиковый чемодан, который показался игрушечным посреди такого серьёзного снаряжения, юноша вопросительно посмотрел на свою спутницу и нажал на кнопку закрывания багажника. Дверца медленно поехала вниз, а Жаклин, никак не объяснив свой интерес к их вещам, развернулась на пятках и поспешила к месту пассажира. Они оба забрались в машину почти одновременно и так же в унисон хлопнули дверцами.

И вот тут началось самое интересное.

Жаклин скосила глаза на молчаливого сегодня юношу, который уже нажал на кнопку пуска двигателя. Ей вдруг всё это стало казаться забавным.

— Хих, — кратко хихикнула она и спрятала лицо в орхидеях.

Александр быстро оглянулся. Он уже посмотрел по зеркалам, готовясь отъехать от бордюра, но потом передумал, полностью откинулся на спинку сидения и расслабился.

— Хи-хи, — затряслись в смехе плечи у его спутницы.

Парень опять зыркнул на свою пассажирку.

— Смешно ей, — вернул он внимание к лобовому стеклу.

— Александр...

— Подожди, — попросил тот, чуть мотнув головой в стороны. — Жаклин, я до умопомрачения хочу тебя сейчас поцеловать, — он на мгновение сильно зажмурился, но тут же открыл глаза, — но если сделаю это, мы никуда не уедем, — повернул он голову к девушке и открыто посмотрел ей в глаза, — а завернём в ближайшую гостиницу.

Жаклин перестала смеяться и сделалась серьёзной.

— Дай мне свою руку, — протянула она ему свою ладонь над разделительным бардачком.

Юноша скосил туда глаза, а потом вложил свою большую ладонь в её. Она, оставив

букет на коленях, тут же взяла его кисть своей второй рукой и поднесла к губам, не сводя глаз с парня.

Это был поцелуй — поддержка, поцелуй — обещание. Александр столько раз давал ей чувство надёжности и уверенности, и когда содействие понадобилось ему, Жаклин с готовностью принялась за дело.

Кроме самого поцелуя, она еще и довольно сильно сжала в своих руках его ладонь в знак того, что понимает, что с ним сейчас происходит и даже разделяет его чувства.

Но взгляд её уже мерцал. Руки были отдельно, а глаза — отдельно, и из последних лилась похоть в чистом виде. И если в подобной ситуации у её молодого человека выскакивали бесенята, то в её «шоколадных озёрах» Александр начал различать кого-то наподобие плещущихся русалок, которые плавно, грациозно, как по дуге, ныряли в воду, дразняще взмахивая своими красивыми хвостовыми плавниками, а когда выныривали, то зазывно улыбались, демонстрируя ему свои идеально-красивые груди, и указательными и большими пальцами складывали в воздухе сердечки.

Александр облизал губы.

— Осторожно, Жак... — прохрипел он, — ты с огнём играешь.

Девушка высокомерно закатила глаза.

— Пф-ф... — фыркнула она, но тут же добавила, перейдя на эротичный шепот: — Это только начало, малыш, — после чего утрированно — сексуально поцеловала внутреннюю сторону его запястья.

— Ах ты... — засмеялся Александр и, выдернув руку, пальцами схватил её за шею, — дразнилка! — с него в момент спала вся неловкость и напряжение.

Жаклин засмеялась вместе с ним.

— Поехали?

— Да... точно... поехали, — он уселся прямо и по новой посмотрел по зеркалам.

Они довольно быстро и без проблем оказались на Great Western Road для выезда из города.

— Я рассказала о нас дядюшке, — вдруг выпалила Жаклин, поправляя руками лепестки цветов.

— Что? Зачем?

Девушка с удовольствием заметила, что молодого человека её признание только лишь удивило, но никак не разозлило. Это ещё больше подняло ей настроение.

— Д-д-да... просто не смогла соврать и всё. Он мне никогда не врал, вот и я... не смогла.

— И что он сказал?

— Ну что сказал... — Жак почесала висок, после чего запустила руку в волосы. — Немного посокрушался, что я не нашла своего счастья с мужем, потом порадовался, что встретила тебя, а потом, узнав, что мы с тобой едем в горы, весь вечер рассказывал байки про Лох-несское чудовище.

Александр ухмыльнулся.

— Я надеюсь, это не я вызвал в нём такие ассоциации. Он считает меня настолько плохим?

— А-а-алекс, мой дядюшка уже слишком стар, чтобы оперировать понятиями «плохой» и «хороший».

— Я-я-ясно, — с сомнением в голосе протянул молодой человек. — Ладно, посмотрим.

— А что ты сказал Алисе по поводу своего отъезда? — не смогла совладать со своим любопытством Жаклин.

— Что поехал в горы, — ответил Александр, вспоминая, как сегодня рано утром мать хотела было надавать ему заданий в кафе на все оставшиеся каникулы, но увидев, что он опять куда-то собирается, устроила такой разнос, что разбудила Дженни и Бена.

— Она спросила: с кем?

— Нет, — медленно покачал головой юноша, и когда, после некоторой паузы, от Жаклин не последовало реплики — она явно не знала, как лучше продолжить разговор — пошел ей навстречу. — Нет, не спросила — если я уезжаю, то ей уже всё равно, с кем и куда, главное, что оставляю её без своей помощи.

— Она так нуждается в твоей помощи?

Парень передёрнул плечами.

— Она хотела, чтобы я на каникулах помогал ей в кафе, — он чуть помолчал. — Эшли занята да и мы все только что из гор.

— Оу, вот оно что. — Жаклин в нерешительности пожевала губы. — Может, тогда действительно не стоило нам так спешить? — Александр опять кратко глянул на неё. — Может, тебе нужно помочь, а потом бы мы съездили в горы просто встретить Новый год.

Парень закатил глаза.

— Жаклин, я с июля по октябрь провозился с её кафе. Я не возмущаюсь — кафе — это наш заработок, но точно знаю, что была бы воля матери, она бы устроила меня туда работать. А через пару лет повесила бы его мне на шею. — Юноша помолчал. — Я не хочу сильно вникать в это кафе, понимаешь? Поэтому и заниматься им тоже не хочу. Иначе мать в два счета сделает меня и там незаменимым, и я уже не смогу ей отказать. — Он опять ушел на небольшую паузу. — Если ей трудно, пусть продаёт свою долю и отдаст деньги Кирку, он вложит их в дело или в бумаги. Если вложит Кирк, ей процентов вполне хватит, чтобы заплатить за учебу Дженни, а я уж как-нибудь сам. Кирк уже прокрутил мой траст пару раз и весьма удачно. Доучиться-то уж мне так и так хватит.

Жаклин слушала его очень внимательно и сама не заметила, что почти не дышала — парень не баловал её информацией о делах в его семье, поэтому девушка ловила каждое слово.

— Понятно, — на судорожно вздохнула. — Но ведь ты же собираешься заниматься бизнесом. Ты не думаешь, что в кафе мог бы чему-нибудь научиться?

Будущий бизнесмен скептически скривился.

— Жак, я тебя умоляю. Всё, чему я мог бы научиться в кафе, я уже научился ещё в школе. Я хочу заниматься стартапом, аутсорсингом, а он уже очень далеко от кафе.

— Стартап, — проговорила она, как бы пробуя слово на вкус. — Все помешались на нём.

— Сейчас самое дорогое в мире — это идея. — Александр собрал все подушечки пальцев правой руки вместе и потряс этой ладонью в воздухе. — Так вот, стартап занимается разработкой идей, схем бизнеса на основе наукоёмких технологий... и не только. То есть это такой своего рода научно-исследовательский институт бизнеса. Люди, знающие бизнес, изучающие его, ищут по миру талантливых изобретателей, программистов с толковыми, жизнеспособными идеями, вставляют эти идеи в передовые бизнес-схемы и либо обкатывают этот продукт и продают его, либо внедряют сами, но это редко. Важна воспроизводимость и масштабируемость модели. Кирк предлагает мне заняться именно

этим.

— Но ты же собирался взять его филиал в Нью-Йорке.

— И я обязательно возьму его. — Низко кивнул юноша. — Мне нужно работать, набираться опыта, пока буду учиться в магистратуре. Но одно другому не мешает. На экономике нас уже всю дрессируют на кейсах*. Всё это очень интересно, мне нравится, и я буду вникать в это и дальше.

— А ты уже решил, в какой Университет будешь поступать в США на магистратуру?

— В Колумбийский.

— Ого!

— Жаклин, я учусь в Оксфорде.

— Ну, вообще-то, да. Я как-то не подумала об этом.

Они всё ещё ехали по улицам. И хоть это были уже улицы предместья Глазго, а не самого города, ощущения, что они выехали из него, не возникло — придорожные дома с их магазинами, кафешками и различными мастерскими настолько плотной шеренгой выстроились вдоль дороги, что рассмотреть за ними масштабы поселений не представлялось возможным. Да и самих гор ещё не было видно, хоть и каким-то неуловимым образом чувствовалось, что природа здесь, с этой «шотландской» стороны Глазго уже довольно сильно отличается от той, южной, «английской».

Такая картинка тянулась до самого Национального парка Loch Lomond и одноимённого с ним озера, вокруг которого этот самый парк и организовали. Жаклин спросила Александр, когда в последний раз он был в горах именно на отдыхе, и, пока он рассказывал, как они с парнями в прошлую зиму отправились в Cairngorms кататься на лыжах, за окном Q7 уже мелькали улицы городка Alexandria — последнего населённого пункта перед въездом в сам парк.

Александр сбросил скорость.

— Мне нужно заправиться, — пояснил он, не отрывая левую руку от руля, а направив её указательный палец на показавшиеся вдали над дорогой вывески АЗС с расценками. — На территории парка заправки запрещены, в горах их тоже не сказать чтобы много, да и горючее там дороже. — Он улыбнулся и кратко взглянул на Жаклин. — К тому же, здесь рядом есть неплохое кафе, а я, признаться, жутко хочу есть.

И вот тут Жаклин прыснула со смеху, опять-таки спрятавшись носом в своих орхидеях. Александр включил поворотник и, ухмыльнувшись, кратко взглянул на девушку.

— Что? Что-то не так?

— Знаешь, есть такой диснеевский мультик «Том и Джерри».

— Знаю, — кивнул парень, поворачивая на заправку, — и что?

— Там в одной из серий к Джерри в гости прислали его родственника — крошечного мышонка. При нём было письмо со словами: «Он постоянно голоден». — Александр заулыбался. — Я знаю, с какой надписью закажу тебе футболку на следующее Рождество.

Тот, кто постоянно голоден, подъехал к колонке, остановил машину и развернулся корпусом к своей будущей поставщице футболок с креативными надписями.

— Это будет надпись на спине, — ткнул он указательным пальцем в девушку. — А впереди пусть напишут: «Во всех смыслах». — И пока Жаклин рассматривала в его глазах бесенят в футболках, которые, кто как мог, крутились друг перед другом, хвастаясь принтами картинок из «Камасутры» и споря, у кого поза круче, их хозяин, нащупав сзади себя ручку дверцы и нажав на неё, резко развернувшись, вышел из машины, оставив свою

пассажирку в гордом одиночестве перебирать в уме варианты тех самых... смыслов.

Даже вкусные запахи поджаренных сосисок и ветчины в кафе не разожгли у Жаклин аппетита. Его не было. Она, в принципе, не сильно переживала, надеясь благополучно доехать до места в горах, потому как вообще по жизни не боялась чувства голода и даже научилась его игнорировать, пока позволяло здоровье.

Так было всегда. Но только до тех пор, пока в её жизни не появился Алекс. Который сидел сейчас напротив в этом мохеровом свитере стального цвета исландского производства, являя собой ходячий ад для кинестетика — Жаклин всё время хотелось его потрогать, помять эту «исландскую сталь» на нём, ощутить мягкость, почувствовать нежную ворсистость мохера поверх твёрдого, стройного молодого тела.

— Мне только чашку кофе, — сказала девушка официанту — мужчине тридцати-тридцати пяти лет (что было весьма почтенным возрастом для этой профессии), у которого на груди, справа, красовался бейдж с именем «Дерек», и который, невзирая на свои столь «почтенные» годы и это сонное раннее утро, смотрел на девушку весьма живо и с огоньком в глазах, улыбаясь явно сверх меры и профессиональной необходимости.

«Да твою жеж мать!» — выругался про себя МакЛарен.

— То есть как это «чашку кофе»? — проговорил он вслух и вперился взглядом в свою девушку. — Ты хорошо позавтракала сегодня утром?

— Я завтракала, — заёрзала Жаклин на стуле. — Но у меня что-то нет аппетита.

— Значит, будешь есть без аппетита.

— Алекс...

— Тебе сконы с ветчиной или пай с телятиной и грибами? — назвал он типично шотландское и типично английские блюда.

— Сконы, — смирилась девушка.

— Отличный выбор, леди! — юноша даже не посмотрел на неё, а сразу обратился к любвеобильному официанту Дереку: — Девушке две красные колбаски на гриле, порцию сконов с беконом и кофе, а мне, — заглянул он опять в меню, — пюше по-шотландски, жареные креветки, оладьи с копченостями и тибетский чай, — он захлопнул папку. — И рассчитайте нас сразу, — бросил он Дереку, не глядя. — Вот так. А что делать — ты мне, вообще-то, живая нужна, — развёл он руки в стороны после того, как влюбчивый официант отошел.

— Рада это слышать, — недовольно проворчала Жаклин и отвернулась к окну, — а то у меня уже такое ощущение, что ты откармливаешь меня на убой.

Александр смеялся долго и с удовольствием.

— Всегда хотел себе в подруги девушку, которая может меня рассмешить, — врал и не краснел плейбой.

— Угу, — всё также недовольно угукнула подруга — комплимент её не тронул. — И которой, судя по всему, вместо дверей нужны гаражные ворота, — вспомнила она цитату из какого-то фильма, где говорилось о тучной женщине. Девушка скосила глаза на двух весьма упитанных мужчин за столиком по соседству, на поверхности которого от выставленных блюд яблоку негде было упасть. Судя по всему, эти двое являлись водителями того большегруза, который стоял сейчас на стоянке для дальнобойщиков возле заправки. Даже если бы её наградили, Жаклин бы со стопроцентной уверенностью не смогла бы определить, кто из этих двоих толще.

Александр рассмеялся ещё громче.

— Ну, не-е-е-ет, это уж слишком, — он замолчал и прищурился. А потом добавил с нажимом в голосе, как бы призывая девушку придать особое значение этим его словам. — Но тебя не мешало бы подкормить.

Жак с брошюркой кафе о блюдах на вынос в руках, которую намеревалась просмотреть, буквально застыла от своей догадки.

— Подожди-ка, меня осенило — тебе что, нравятся толстые девушки? — спросила она и тут же по новой замерла от тех метаморфоз, которые произошли в следующую же секунду с её визави: он обмяк, как-то так весь сомлел, видимо, от намеченной ею перспективы, и довольно заулыбался. Но молчал. — Тебе... нравятся... толстые... девушки? — она смотрела на Алекса так, будто он объявил ей, что связал этот свой «мохеровый ад для кинестетика» своими руками.

— Во-первых, мне нравишься ты, — он со стуком опустил два пальца левой руки: указательный и средний, на край стола. — Но-о... скажем так, — смутившийся Александр был настолько необычен, — я люблю, чтобы было за что ущипнуть, да! — потом воспользовался оцепеневшим видом Жаклин и добавил: — Или ещё лучше — укусить.

И поскольку от последнего его уточнения девушка потеряла дар речи окончательно, то подошедшего Дерекка они встретили в полном молчании.

Проводили тоже плохо — в столь же полной, но только ещё и очень тяжелой, гнетущей тишине, не считая шума проезжающих за окном автомобилей и работы челюстей двух мужчин за столиком по соседству. Александр же в это время, спокойно, со знанием дела, сверлил глазами дырку у официанта прямо по центру виска. Потом, посмотрев счет, он вынул две пятидесятифунтовые купюры и пристукнул ими поверх счета, как бы давая понять, что на этом у него на сегодня всё — влюбчивый официант свой лимит исчерпал, его ресурс выработан, и видеть его ещё раз в планы МакЛарена не входит. — Сдачи не надо, — кратко подтвердил юноша свой жест словами и вздохнул с облегчением, простившись с влюбчивым работником общепита по имени Дерек.

Но как оказалось, весьма преждевременно.

— Это даме от нашего заведения. Просто так. Для настроения, — появившись опять, так сказать, по собственной инициативе, поставил официант перед Жаклин тарелочку со швейцарской шоколадкой, по центру стола — блюдечко со сдачей, а настроению Александра — шах и мат. И получив от дамы излишне показную улыбку и: — «Большое спасибо. Мне очень приятно», — победитель удалился.

Из кафе Жаклин вышла с красными колбасками в руках, которые завернула в салфетки — путешествуя с тем, кто постоянно голоден, пусть и в каких-то там особых смыслах, без средств первой необходимости и экстренной помощи можно было найти на свою голову очень большие приключения. Очень. Доказано влюбчивыми официантами — Александр вышел из кафе без сдачи.

Девушка уже направилась было к припаркованной тут же Q7, но почувствовав, что её взяли под локоть, оглянулась с вопросом на лице.

— Там аптека, — не очень уверенно пояснил юноша и махнул рукой на противоположную сторону улицы.

— Оу, — она тут же развернулась в направлении аптеки, высматривая её среди домов вдоль дороги, и затопталась на месте, — Алекс... эм-м... можно, я схожу одна?

Теперь затоптался на месте её мужчина.

— Ну, д-д-да... в принципе, можно. Ты меня стесняешься?

Жаклин улыбнулась.

— Ты мне не доверяешь?

— Пф-ф, — тут же дёрнулся парень, — иди.

— Спасибо, — поблагодарила она голосом пайныки и послушной девочки и направилась было к светофору, возле которого планировала перейти дорогу.

— А у тебя деньги есть? — задержал её юноша.

Жаклин только молча закатила глаза, гордо вскинула подбородок и зашагала прочь по тротуару.

В аптеке она пробыла довольно долго. Конечно же, с аптекарем у неё проблем не возникло (его, кстати, звали Хев) — она быстро выяснила, какие у них есть гормональные контрацептивы так называемой экстренной помощи, но вот выбрала упаковку «Женале» только после тщательного допроса о действующем веществе, группе, к которой оно относится, и побочных эффектах. Как это ни странно, но девушка чувствовала, что такой тщательности выбора она обязана ничему иному, как надежде на то, что ничего из этого ей не пригодится. Прибавив к таблеткам ещё и столь же тщательно подобранную упаковку вагинальных свечей «Ноноксенола», пачку презервативов и упаковку прокладок на каждый день, она тем же путём, через светофор, вернулась в машину.

Александр, глянув на упаковочный пакетик сети аптек «Pharmacy», не проронил ни звука, посмотрел по зеркалам, выехал со стоянки и хорошенько вжал педаль своей машины в пол, потому как недалеко впереди виднелся указатель «Конец населённого пункта».

Парк Loch Lomond их встретил красотой и табличкой с надписью на гэльском:

«Pàirc Naiseanta Loch LoaimainnIs Nan Nroisichean» и английском:

«Loch Lomond&Trossachs National Park» языках.

— Я никогда не была в этом парке. Здесь красиво?

— Если тебе в хайлендсе не понравится хотя бы один пейзаж или хоть один вид, я тебе буду должен, проси что хочешь! — его очень обрадовала реакция девушки на красоты его края — всё-таки она кое-что повидала в жизни и удивить её красивыми, необычными, интересными местами было очень сложно. И какой бы красавицей не слыла его Шотландия, заявляя, что Жаклин влюбится в хайлендс с первого взгляда, шотландец крепко рисковал и понимал это.

— Смотри... — кокетливо отозвалась девушка, глядя, как у парня в глазах бесенята, одетые в спасательные жилеты, катаются верхом на Лох-несском чудовище, сидя вдоль его хребта гуськом, как на надувном банане, а тот самый, талантливый, едет сзади на водных лыжах, выделявая сальто — скилайн и различные серпантины, — я ловлю тебя на слове.

— Я никогда не отказываюсь от своих слов.

Девушка ничего не ответила, а отвернулась к окну и отдалась на откуп окружающим пейзажам.

А отдаться там явно было чему. Гладь озера Lomond открывалась перед ними, как бы дразнясь и заигрывая — то появится на мгновение в прогалине между деревьями, то тут же опять скроется за стеной лиственницы и хвои. И так несколько раз, пока Жаклин не оставила попытки рассмотреть знаменитое место. И только она смирилась и с недовольством откинулась на спинку сидения, решив, что пока её удел — это живописная дорога, проложенная сквозь реликтовый лес, непонятно каким чудом сохранившийся с незапамятных времён и давший повод к образованию Национального парка, машина свернула по шоссе в сторону берега, стена леса осталась позади, и озеро предстало пред

ними во всей своей красе.

Совокупность причудливых, неоднородных по форме, структуре и высоте берегов и однородности и гладкости водяного зеркала завораживала. Озеро и горы одновременно и противостояли друг другу, и дополняли. К воде подступали то пологие и песчаные берега, то довольно высокие холмы или даже горы, которые, в свою очередь, тоже очень сильно варьировались внешне — скалистые, рваные, с небольшими «лепёшками» снега наверху, или же землистые, без растительности на вершинах, равномерно припорошенных снегом, а по низу поросшие деревьями, стоящими сейчас голыми. Вследствие неоднородности берега дорога по отношению к нему шла тоже очень неравномерно — то приближалась, пролегая почти вдоль кромки берега, то удалялась, рассекая собой лесные и равнинные ландшафты парка.

Жаклин спрашивала у Алекса о незнакомых и непонятных ей вещах. Например, как называются старинные усадьбы с такими же старинными замками, виднеющиеся то где-нибудь вдали, на пригорке, то вообще на утёсе или скале противоположного берега, и почему старый, ржавый катер, как будто улёгшийся набок отдохнуть у самого берега, не убирают, ведь он портит эту идеалистическую картинку, созданную самой природой.

Проехав мимо многочисленных полей для гольфа, на одном из которых увидели группу мужчин с сумками за плечами, полными клюшек — видимо, шли приготовления к игре, пара была обречена на разговор об этом шотландском изобретении. Выяснилось, что Александр пробовал бить по мячикам, поскольку гольфом увлекался его отец и даже состоял в одном из клубов Глазго, но эта, как выразился юноша, «забава для чистюль» ему не пришлась по нутру и вообще, его мутит только лишь от вида этих чистоплюев в белых, обтягивающих брючках с наглаженными стрелками. Когда девушка спросила: куда ей деть, после вышесказанного, его неоднократные заявления о собственной гиперчистоплотности, ей были ответом только два слова: «Куда хочешь». И вообще, ему больше нравится сражаться с живым противником, а не с косогорами и лунками.

Шотландец называл ей названия населённых пунктов, замков, гостиниц, пляжей, гольф-клубов, которые знал, короче, с удовольствием делился своей Шотландией. Когда они подъехали к «островной» части Loch Lomond, где на нём расположились несколько довольно крупных, поросших деревьями, островов, Александр назвал всех их по имени, рассказал, что там находится и как можно туда добраться.

Когда парочка доехала до узкой, длинной части озера, где грозные, мощные горы сжали его с боков так, что оно стало похоже на реку, Жаклин, уже немного привыкнув к красоте за окном, вдруг спросила:

— А кто такой Олав?

Её водитель даже немного дёрнулся от неожиданности. Но выдохнув, всё-таки ответил:

— Очень талантливый автомеханик. К нему в очереди стоит пол-Глазго. Мы с ним приятели.

— Он работает в сервисе?

— Нет, наоборот, он в сервисах не работает. Он занимается старыми машинами и даже увлекается реставрацией. Умеет поднимать агрегаты из руин.

— Откуда ты его знаешь?

— Он как-то проиграл у меня на гонках.

— На каких таких... гонках? — напряглась девушка — она ещё не забыла Змея.

Александр совсем не горел желанием говорить о таких вещах с женским полом.

— Гонках на мотоциклах в горах, — сказал он так, как будто одолжение сделал.

— Что-о-о? Ты гоняешь на мотоциклах в горах? — подскочила на сиденье девушка и развернулась к нему всем корпусом, насколько позволяли ремни. У неё появилось ощущение, будто парень объявил ей, что его на войну забирают.

— Я так и знал, — закатил глаза молодой человек. — Уже нет, — сказал он успокаивающе и вздохнул. — Гонял, когда у меня был мотоцикл.

— Так у тебя был горный мотоцикл? — Жаклин сделала ударение на слове «горный».

Александр чуть повернул к ней голову, не отрывая глаз от дороги.

— Тебе известно, что у меня был мотоцикл? Откуда? Я тебе про него рассказывал? — Жаклин зажала нижнюю губу между зубов и молчала.

— Мне-рассказала-Эшли, — выпалила болтушка Жаклин одним словом. А потом выпрямилась, выпятила грудь и добавила: — Только подожди... я что-то не пойму... то, что у тебя до машины был мотоцикл — это тайна?

— Да нет, почему тайна, — ухмыльнулся юноша, — не тайна.

— Ну, так и как же ты оказался в горах на обычном мотоцикле, да ещё и выиграл у Олава?

— А почему ты решила, что он крутой гонщик? По горам он ездит еще хуже меня.

— А по дорогам?

— А на дорогах я тоже хорошо езжу.

— Ну и что? И что дальше? Ты выиграл у него в гонках, и он теперь будет вечно ремонтировать вам все машины?

— Жаклин, тебе нужно не в больнице, а в МИБ работать — ты жутко жадная до информации и въедливая как клещ.

«Я жутко жадная до тебя», — ухмыльнулась про себя девушка.

— Ну, — сделала она притворно смиренную гримаску, — ладно, извини. Не хочешь — не рассказывай.

«Ну и как вот после такого не рассказать?» — оправдал её ожидания Александр.

— Я познакомил его с девушкой, — он кратко глянул в окно своей дверцы.

— Я должна была догадаться, — хлопнула себя по коленкам Жак. И увидев, что юноша не собирается баловать её подробностями, не выдержала: — Кто сказал «А», тот должен сказать и «В».

«Лучше сразу всё рассказать — всё равно не отстанет».

— Когда пойдёшь устраиваться в МИБ, и тебе будут нужны рекомендации — обращайся. Напишу такую, что возьмут сразу начальником отдела.

— Какого отдела? — веселилась Жаклин.

— Снабжения.

— Снабжения чем?

— Информацией, конечно. Не ананасовым же соком, в самом-то деле! — спокойно возмутился Александр.

Жаклин сжала губки в маленький бантик.

— А ты на фестивале стрелочников смело можешь претендовать на место председателя жюри — ты что-то там говорил про Олава и девушку.

«Стрелочник» кратко закатил глаза.

— В... первый день последнего учебного года... — вздохнул он, — мы с парнями после уроков пинали мяч на заднем дворе. Как там оказались первоклассники, я, признаться, так и

не понял, не до этого было. — Приложил он левую руку к груди. — Я пасанул, мяч соскочил по ноге и отлетел немного в сторону и свалил одного пацанёнка. А у него менялись зубы и держались на волосинке. Он ударился подбородком о рейку ограждения и у него вывалился нижний зуб. Кровищи, воплей, рёв — мой Бог! — Забрался пятернёй себе в шевелюру МакЛарен. — И тут, значит, мамаша идёт забирать его со школы. Ну, я подскочил, стал извиняться. У меня в рюкзаке были чистые салфетки, мы пацанёнка вытерли, я извинился и перед ним, и перед мамашей, и они ушли. — Парень немного помолчал. — А потом я увидел её уже в школе...

Жаклин понимающе заулыбалась, вспомнив медосмотр.

— ... она как-то попалась мне на глаза. Мы обменялись взглядами. Потом ещё раз. Ну и... — Александр замолчал, надеясь, что после «и» ему кое-что позволят пропустить в повествовании.

— И? — не оправдала его ожидания «будущая служащая МИБ».

— Ну и пошло — поехало. Я бывал у неё дома — она снимала квартиру на двоих с подругой, и эта подруга как раз тем летом вышла замуж и съехала.

— А сколько этой... мамаше было лет?

— Двадцать четыре. Твоя одногодка. Она такая, — Александр постучал согнутым указательным пальцем себя по лбу, — странная. Я с ней так и не понял... что у неё к чему. Да, признаться, не очень-то и старался. Ну, так во-о-о-от... — парень передёрнул рычаг скоростей, поскольку они въезжали в очередное селение и ему пришлось сбросить скорость. — А потом я однажды взял её с собой на мотоцикле вечером потусить с ребятами. В тот раз там был Олав. Он как раз жил у себя в мастерских и искал жильё поближе к работе. Во-первых, они с этой мамашей сразу друг другу понравились, а во-вторых, у неё была свободная комната и довольно близко к его мастерской. Они до сих пор живут вместе и сейчас ждут ребёнка. Теперь мы с ними хорошие друзья. Конец истории.

— У тебя лёгкая рука, — улыбалась Жаклин. — Это комплимент.

— Скорее, нога — если бы мяч тогда не соскользнул, я бы с ней не познакомился.

— А когда она бросила тебя ради Олава, ты не ревновал?

— Не-а. Ни грамма. Наоборот, уже тогда подумывал её бросить.

— Почему?

— Не знаю. Стало неинтересно, и всё.

Жаклин как-то сразу, в момент, резко огорчилась и сникла. Александр это заметил.

— Эй... — окликнул он её, — Жаклин, — он, удерживая руль, весьма далеко дотянулся до её руки и поднёс к своим губам. — Я люблю тебя. Верь мне, — поцеловав он внутреннюю сторону её ладошки.

— Я верю, Алекс, верю.

А потом были Inverarnan, Tundrum, Auch, Achalander и Glencoe, после которого машин на дороге ощутимо поубавилось — многие останавливались на горнолыжных трассах близ этого места.

Пейзаж за окном автомобиля оказался настолько разным, а иногда даже противоречивым, что Жаклин несколько раз просила Алекса остановить машину — ей хотелось удостовериться, что песчаные дюны и сиреневого цвета скалы в горах Шотландии ей не померещились, а реки, вытекающие прямо из леса, промеж деревьев не плод её воображения. Это был настоящий природный калейдоскоп из видов и пейзажей: гор, холмов, скал, озёр, валунов размером с небольшую церковь, рек, долин, равнин, распаханых и

поделённых на участки ферм и ещё много чего другого.

Проезжая в машине мимо всего этого буйства природы, девушка в один из моментов удивлялась дикости края, по которому они ехали, его черно-коричневым тонам, каменистой земле вокруг, и даже какой-то враждебности и неприветливости окружающих их зарослей и возвышенностей, а в следующее мгновение, за очередным поворотом, уже вполне себя уютно чувствовала в зелёной, обжитой, многолюдной, по местным меркам, долине с небольшой милой речушкой — песчаные берега по центру.

Александр на её поспешные просьбы остановиться, смеясь, проезжал мимо и обещал, что дальше будет ещё интересней.

Остановились они только в Fort Willam — выпить кофе и размяться. В кафе сидеть не стали, а, взяв стаканы «TakeAway», пошли пройтись по пирсу Loch Eil. Погода явно налаживалась: от тумана не осталось и следа, было облачно и пасмурно, но тучи время от времени расступались, и солнцу удавалось обласкать своим теплом склоны гор и зеркало озера. Небесное светило как бы говорило людям на Земле: «Не забывайте про меня, не теряйте меня, я всё ещё здесь».

Парочка неспешно прогуливалась над обмелевшим в зимний период берегом озера, прихлёбывая горячий кофе (Александр съел ещё и красные колбаски Жаклин. Обе.) и беседуя о своих прошлых путешествиях и о многом другом.

Девушка рассуждала о том, что всё вокруг ей напоминает больше Южную Америку и Перу, хоть там и нет такого разнообразия ландшафта и растительности, чем, допустим, тот же горный Китай с его очень сильно выраженным суровым высокогорьем и жаркими тропиками в низовьях. Ну а Александр, понятное дело, утверждал, что нигде нет такой красоты, как у них в Шотландии. Особенно красиво здесь, в хайлэндсе, хоть надо признать, что и лоулэндс тоже по-своему хорош. Ну а когда Жаклин заметила, что равнинная Шотландия, или лоулэндс, от Англии практически ничем не отличается, он скептически ухмыльнулся, но всё-таки нашел в себе силы утвердительно кивнуть.

Разговаривая, они всё время ненароком подглядывали друг за другом. Ловили взгляды один другого на своих губах, не справлялись с долгим зрительным контактом и отводили глаза в сторону от греха подальше.

Им обоим страшно хотелось целоваться. Вот просто целоваться и всё. И он, и она с удовольствием замечали, что это желание взаимно. Целиком и полностью.

Немного взбодрившись и размявшись, пара двинулась дальше. Севернее и глубже в горы.

До места Invergooy они ехали вдоль распаханной, плодородной долины Spean, а дальше, до Invergarry — вдоль мелкого, но очень чистого Loch Lochy, где дорогу проложили чуть ли не по самой кромке берега. Было ощущение, что ты едешь по асфальтированному пляжу.

После того как парочка на развилке после Invergarry повернула в направлении Kaly O Lochalsh, Александр хотел было объявить, что большая часть пути уже позади, но не захотел отбирать у Жаклин эффект неожиданности. Ему доставляло истинное удовольствие наблюдать за ней, когда она, пребывая в полном неведении, куда её везут, удовольствовавшись простым словом: «горы», как только видела особо живописное место с красивыми видами и как будто вкраплёнными в них то тут, то там «пряничными» домиками какого-нибудь поселения, в восхищении подскакивала на сиденье: — «Боже, Александр, тут та-а-а-ак красиво! Мы не сюда едем, нет?» — и когда водитель, довольно улыбаясь, отрицательно качал головой, грустно добавляла: — «Жа-а-а-аль, я бы здесь осталась».

Как бы там ни было, из Глазго до конечной точки своего сегодняшнего путешествия — Upper Loch Torridon они добрались к часу дня. Именно столько показывали часы на приборной панели, когда Александр вырулил прямо по гальке к водам озера Torridon в том самом месте, где на его берегах расположился одноимённый посёлок.

— Приехали, — он заглушил двигатель.

Притихшая Жаклин разглядывала окрестности в окна машины и ничего не отвечала.

— Я сейчас вернусь. Ты подожди меня здесь, хорошо? — он уже открыл дверцу, но видя, что девушка, по всей видимости, его не слышит, задержался. — Жак!

— А! — подпрыгнула от неожиданности та.

— Ты меня слышишь? Я, говорю, схожу в гостиницу за ключом и вернусь. Жди меня в машине, хорошо?

— Угу. Хорошо, — с готовностью закивала Жаклин и тут же нажала на ручку дверцы, готовясь выйти.

И вышла. Александр только закатил глаза.

— Далеко от машины не уходи.

— Угу, — согласилась девушка, направляясь к берегу и лишь мимолётно взглянув на единственную улицу посёлка, который состоял из десятка домов, выстроившихся вдоль линии берега. Вокруг стояла мёртвая тишина, и не было ни души.

С того момента, как их Q7 выехала на открытый участок берега озера Torridon, и оно предстало пред ними во всей своей красе, Жаклин напрочь зависла от этой особой, северной, красоты, которая обступила её со всех сторон.

Берега Torridon были очень разными и настолько причудливого витиеватого рисунка, что с первого взгляда такой степени замысловатость слегка даже обескураживала. Жак стояла на очень пологом, мелком, галечном берегу, лишенном какой бы то ни было растительности, где то тут, то там сильным волнением выбросило на берег стволы деревьев, довольно прилично отшлифованные водой, а чуть правее виднелись уже весьма высокие, землистые, поросшие кустарником сходы в воду, из которых ещё чуть дальше вдоль берега водную гладь раздвинула собой пара маленьких остроконечных полуостровков. Поверхность ближнего, того, что поменьше, состояла из ровных, гладких, каменных плит различного размера. Издали этот полуостров напоминал черепаху. А второй, тот, что побольше, сплошь порос почти карликовой, на северный манер, корявой лиственницей. На самом конце «черепахи» стоял на приколе вполне себе современного вида белый катер, а по самому центру водной глади виднелся внушительных размеров остров, тоже поросший деревьями.

Противоположный же, «высокий», берег окружили громадных размеров горы. Первые три из них, выстроившиеся по росту, очень сильно напоминали великанов, охраняющих поверхность воды от волнений, а домики людей, живущих у их подножия в этом тихом, затерянном месте — от случайных любопытных глаз и неожиданных гостей с тыла.

Вокруг царило умиротворение, спокойствие и уверенность самой природы. Было видно, что здесь хозяйка именно она, а люди — просто гости, скромно примостившиеся с краешка пространства. Но в том-то и закралась изюминка в ощущениях, что, чувствуя себя здесь гостем, человек наполнялся таким огромным, всепоглощающим чувством свободы, как внешней, так и внутренней, что ему начинало казаться, что он властелин всего Мира.

Примерно то же самое происходило сейчас и с Жаклин.

Поэтому неудивительно, что находясь как под гипнозом от волшебства природы, она потеряла ощущение времени и даже не уловила: долго ли Александр ходил за ключом, после

того как за её спиной захрустела галька под его ногами.

— Ну и как тебе? — приблизился он вплотную сзади, положил подбородок ей на плечо, а руки прямо поверх её рук засунул в карманы её пуховика и переплёл там их пальцы.

Девушка судорожно вздохнула.

— Александр, это просто какой-то чёртов космос, — качала она головой, как будто не веря своим глазам.

Это было оно! То самое! То самое, что он и хотел, и ждал от неё услышать. Она опять попала «в яблочко», «в десятку», именно в его «яблочко» и его «десятку», опять не подвела, и опять оправдала ожидания.

Парень и так уже был на взводе, а услышав всё это, резко, с силой, развернул её к себе и жадно впился в губы.

— М-м-м-м... — выпихнули оба из себя воздух одним и тем же стоном.

Поцелуй подействовал на всё тело Жак, как прострел. Завороженная и умиротворённая красотой пейзажа, от жадности его губ она завелась в одно мгновение. Как дорогая иномарка. Появилось дикое, необузданное желание опрокинуть парня на спину прямо здесь, тут же на берегу, сию же секунду, и... она даже сама не представляла, чтобы могла с ним сделать. Да всё сразу! Зацеловать до смерти! Заездить до полного изнеможения так, чтобы вообще не было сил шевелиться. Выдохнуться на нём! Сдохнуть! Выжать и из себя, и из него всё до последней капли.

И, видимо, по тому, как она зло засопела и сильно вцепилась ему в волосы на затылке и подалась бёдрами к его паху, парень понял если не всё, то многое. И, не медля, ответил — ладонями прижал её ягодицы к себе ещё сильнее, и из него вырвался полукрик-полурык. Это немного отрезвило Жаклин — она оторвалась от его губ.

— Алекс... — взглянула она на своего любимого. У того глаза горели агрессивным, злым, лихорадочным огнём, из ноздрей и открытого рта пар валил как у загнанного коня.

— Поехали, — схватил он девушку за руку и чуть ли не поволок к машине.

— Куда мы? — спросила Жаклин, как только они уселись в авто. Соображала она с трудом, а оказавшись с любимым в стеснённом пространстве Audi, еле-еле удерживала себя в состоянии, адекватном ситуации.

Парень запустил мотор, но тут же опять притянул её к себе за затылок и опять с силой поцеловал.

— Здесь недалеко, — сказал он, оторвавшись, и резко тронулся с места.

Они двинулись дальше вдоль домиков местных жителей, по грунтовой дороге, проложенной вдоль берега, и начали огибать Loch Torridon уже по противоположной стороне, у подножия первой и самой большой горы.

— А мы разве остановимся не в посёлке в гостинице? — искренне удивилась девушка.

— Нет, не в гостинице, — сквозь сцепленные зубы выдавил Александр — ему было явно не до разговоров.

— Ясно, — промямлила Жак, хоть ей и не было ясно абсолютно ничего из происходящего.

Как только они замолчали, в пространстве автомобиля стало нарастать напряжение. В тишине над обоими начало довлеть то чувство неловкости от нетерпения и желания, или наоборот, которым ознаменовалась ещё их утренняя встреча в Глазго на вокзале. А теперь, когда к ней прибавился ещё и этот поцелуй на берегу, ситуация стала просто невыносимой.

По крайней мере, для Жаклин.

Увидев, что они углубляются по дороге в какую-то глушь — колея становится всё менее различимой, а деревья, растущие вдоль дороги, всё чаще царапают кузов машины, и конца и края этому не видно, она не выдержала.

— Алекс, — прохрипела она, глядя перед собой в лобовое стекло невидящим взглядом, и положила правую руку, сжатую почему-то в кулак, на разделительный бардачок.

Тот повернул к ней голову на своё имя.

— ... возьми меня...

А после того, как он тут же резко остановил машину и они оба по инерции дёрнулись чуть вперёд, она добавила:

— ... здесь.

Жаклин знала, что он не сможет ей отказать. Не говоря уже о себе самом.

Александр резко дёрнул автомобиль с места и, чуть съехав с дороги, насколько позволяли растущие вдоль неё деревья, так же резко остановил машину и заглушил двигатель.

— Иди ко мне, — протянул он к ней одну руку, а другой в это время нажимал на кнопки регулировки своего сидения.

Даже когда она перелезала через самый неудобный разделительный бардачок в мире, он уже целовал её лицо. А что началось после того, как девушка оказалась у него в руках, иначе как безумием назвать нельзя.

Абсолютно ничего не соображая, а только лишь чувствуя, и чувствуя одно желание на двоих и всё, они начали лихорадочно избавляться от одежды. Пока юноша целовал её губы и расстёгивал ей ширинку, Жак кое-как сняла с себя пуховик и, не глядя, бросила его на своё сиденье. Из её внутреннего кармана что-то выпало и громко стукнулось об пол Audi. Скорее всего, это был телефон, но девушка даже не дёрнулась в ту сторону и не скосила глаза — ей было наплевать.

В это время она уже бёдрами и ногами помогала Александру стаскивать с себя джинсы вместе с трусиками, а сама положила правую руку на его ширинку и с желанием и каким-то особым удовольствием сжала его выступивший бугор под тканью.

— А!... - распёрло его грудь от крика. Он прокричал это почти ей в лицо, а она, довольная, лизнула его подбородок. Александр дёрнулся вперёд бёдрами. — Ещё!

Жаклин тут же, напирая на его рот своими губами и языком, принялась расстёгивать его ширинку, потому что её джинсы с трусиками юноша уже присоединил к пуховику.

Когда она с задачей справилась и стала сквозь боксёры массировать его член, парень приподнял бёдра и спустил нижнее бельё вместе с джинсами. Жаклин не теряя ни секунды, приподнялась на коленках, которые разместились по бокам от его таза, и сама, держа его член в руке, расположилась над ним и чуть провела им у себя между складочек.

— Фа-а-ак... — протянул со стоном Александр, держась за её ягодицы, — малыш, ты течёшь.

— Да! — кратко выпихнула себя девушка, упёрла его член в свой вход и тут же опустила себя на него.

Оба буквально задохнулись от полноты ощущений и на мгновение замерли и зажмурились.

— Боже... — не смог сдержать впечатлений парень и выдохнул, начиная тяжело и прерывисто хватать ртом воздух.

— Даа, — вымученно, через силу, улыбнулась ему Жаклин и с наслаждением, медленно

лизнула его открытый рот. После чего попробовала чуть двинуться вверх-вниз, от возбуждения сжав стенки влагалища.

После того как Александр опять почувствовал, какая она внутри тёплая мокрая и тугая, а Жак вспомнила, каково это, когда он наполняет её собой всю до упора, у обоих снесло крышу.

Девушка, какой-то мёртвой хваткой вцепившись парню в плечи, обтянутые мохеровой тканью серого свитера исландского производства, начала быстро, как ополоумевшая, двигаться на его члене вверх-вниз с полуприкрытыми глазами от того, что творилось в её теле, периодически наклоняясь к его лицу и целуя его губы, щеки, глаза — всё, что попадалось.

А Александр поддерживал её за ягодицы, тем самым помогая не сбавлять темпа, и с готовностью тянулся навстречу.

Они даже ничего не говорили и не издавали никаких звуков, а только держались руками и, что самое главное, взглядами друг за друга. В машине изменяли тишину к лучшему только злое, сосредоточенное, ритмичное сопение и шлепки тела друг о друга.

Из-за такого сильного накала страстей разрядка пришла слишком быстро. Жаклин даже не успела как-то дать понять, что она уже ничего не может с собой поделать, Александр почувствовал, как она начала сокращаться и пульсировать вокруг него.

Свой освободительный стон она выдавила вымученно, со страданием. И первый раз полностью рефлексивно дёрнулась всем телом.

Почувствовав её пульсацию и услышав такой стон, последовал тут же за ней Алекс. Он притянул её на себя, чтобы она была у него в руках, пока её всю трясёт и колотит — для него это было почти таким же удовольствием, как и всё то, что этому предшествовало. Да и самому удобнее изливаться в девушку, держа её в объятьях.

Когда удовольствие сошло на нет, они оба, немного отдышавшись, обессиленные такими напряжением, нагрузками и разрядками, обмякли, расслабились и дружно, вдвоём, вошли в состояние, близкое по ощущениям к алкогольному опьянению.

Александр в сиденье лежал почти как в шезлонге, обнимая за талию свою девушку, которая буквально развалилась на нём, не в силах подняться и принять более-менее вертикальное положение.

— Боже, Александр, что это со мной, а? — ляпнула она первое, что пришло на ум, ватными, обессиленными губами. — Это же бешенство какое-то.

Наверное, Александр рассмеялся бы, если бы мог. Собрав себя в кулак, он всё-таки слабо затрясся в немом смехе.

— Что смешного, — вяло пробурчала опять Жак у его уха.

— Это горы, Сасенак, го-ры.

Сасенак подняла голову. Она очень внимательно стала рассматривать своего любимого шотландца, а потом улыбнулась.

— Я вижу, горы подействовали не на меня одну — я знаю, что означает это слово.

Он потянулся головой и чмокнул её в губки.

— Нет, ты знаешь, как оно переводится, а вот что оно означает... и что оно теперь означает для меня...

Девушка ответно его поцеловала. Ей очень хотелось расспросить его об этом, а заодно, не исключено, что и нарваться на комплимент или даже очередное признание, но она не стала этого делать.

— Спасибо, — просто поблагодарила Жаклин и наконец-то смогла отжаться на руках и выпрямиться.

* * *

Придя в себя, одевшись и продолжив путь, они проехали не более четверти мили, как дорога начала огибать следующую гору, а вправо от неё, в ущелье, ушла еле проступающая в траве колея. Туда Александр и свернул.

По ней они проехали буквально не больше пары сотни футов, как чуть выше по ущелью показалась пологая крыша дома, а потом и сам дом и каменистая тропинка к калитке. Жаклин сидела притихшая, заинтригованная и посрамлённая — она не дала парню довести её до места чуть более полумили, накинулась на него как голодная, обезумевшая вконец самка — стыд и срам! Нимфоманка чертова!

Но тут сюрприз ждал и самого МАкЛарена. Возле калитки в усадьбу стоял серебристый минивэн Ford и какая-то девушка или женщина возилась у его открытой дверцы-купе.

— Кто это? — спросила Жаклин, но потом, посмотрев на юношу, поняла, что он сам хотел бы это знать.

Услышав шум двигателя, женщина оглянулась и, увидев их приближающуюся Q7, радостно заулыбалась и двинулась им навстречу, что-то прокричав и помахав рукой кому-то за машиной или перед домом.

— Здравствуйте, — с сильным акцентом поздоровалась она с вышедшим первым из машины Алексом. У неё были такие интонации, как будто она ждала его приезда всю свою жизнь, но увидев красивое и хмурое лицо молодого человека, чуть смутилась. Сама она оказалась довольно миловидной девушкой лет тридцати — тридцати трёх, невысокого роста, европейской внешности. — Как мы рады вас здесь видеть! — обращаясь уже и к вышедшей из машины Жаклин. После чего резко обернулась назад и громко крикнула с этим же акцентом: — Девочки, идите сюда, скорее — здесь люди!

Через мгновение из-за машины показались ещё две женщины: одна примерно такого же возраста, как и первая, а вторая чуть постарше. Они тоже с одинаковой радостью на лицах двинулись к вновь прибывшим.

— Могу я осведомиться о цели вашего визита сюда? — официально начал Александр. — Этот дом арендован мной.

— Да-да, — затараторила примирительным тоном одна из тех, что подошли позже. Та, что помоложе. — Ради бога, извините нас, мы не хотели вас беспокоить. Да и вообще, никого не хотели беспокоить. Мы заблудились, — заговорила она с таким же выговором, как и её подруга.

Жаклин, наслушавшаяся в жизни акцентов, сразу же подумала, что девушки из Восточной Европы и их выговор ей даже очень знаком и кого-то напоминает. Но никак не могла вспомнить — кого.

— Оу... вот оно что, — смягчился Александр. — И куда же вы направлялись?

— В Фернмор.

— Ах, Фернмор, — юноша почему-то заулыбался, и у всех троих заблудившихся распахнулись глаза с блеском восхищения, а уголки губ невольно поползли в стороны в ответной улыбке.

«Ну, начина-а-ается», — внутренне скривилась Жак.

— Тогда вы правильно заблудились, — продолжил Александр. — Вы, наверное, пользовались навигатором?

— Да мы и по навигатору пробовали, и у людей спрашивали, — сказала та, что возилась у дверцы.

— Да — да, навигатор, — с желанием утвердительно закивала та, что подошла позже. — Сволочь такая, совсем нам мозги запудрил.

Третья — та, что подошла позже и была постарше — молчала.

— Всё дело в том, что это место, эта усадьба, — парень ткнул указательным пальцем в землю у своих ног, — тоже называется Фернмор, в честь этого мыса. Только вам, наверное, нужен город Фернмор? Насколько я знаю, там есть пара очень хороших гостиниц. Либо вы ошиблись, набирая адрес, либо у вас прибор не очень качественный.

— Да, может быть, и то, и другое, машина-то прокатная, а мы не очень ладим с незнакомой техникой, — смущенно пояснила та, что копалась у дверцы. Жаклин с недовольством замечала, что девушка отрывает глаза от Александр всё с большим и большим трудом.

— Да-да, город, угу, нам нужен город, — опять вставила своё та, что подошла позже, очевидно, радуясь, что всё начинает наконец-то проясняться. — Нам нужно в гостиницу в Фернморе — у нас там забронирован номер по интернету. Я звонила на стойку администратора, но они ничем нам помочь не смогли, потому как так и не выяснили, где мы точно находимся.

— А откуда и куда вы ехали? — спросил Александр.

— Мы в горах уже почти неделю, — с кивком головы продолжила повествовать та, что звонила в гостиницу. Она, видимо, тоже уже начинала попадать под обаяние молодого шотландца, потому как с довольно заметным воодушевлением взяла инициативу в беседе в свои руки. — Уже возвращаемся назад. Туда мы ехали через Фанич, потом Пулу и до самого Дандонелла. А обратно вот решили ехать через Торридон и заблудились.

— Если ехать с той стороны, то вы, наверное, поехали прямо вдоль горы?

— Д-д-да... наверное, — закивали девушки.

— А вам нужно было свернуть вдоль озера и поехать по противоположному берегу. Дальше по этой дороге вы в Фернмор не попадёте. Вам нужно вернуться и ехать вдоль озера, не отворачивая от него, пока не приедете в Шилдейг. После него будет указатель: основная дорога уйдёт влево, на Локкарон, но вы туда не сворачивайте, езжайте прямо по более узкой дороге до самого мыса.

Девушки что-то кратко переговорили между собой на своём языке.

— Оу, ясно. Спасибо большое. Только у нас есть ещё одна маленькая проблемка, — затараторила возившаяся у дверцы. — Вы не могли бы одолжить нам немного бензина, чтобы мы смогли доехать до ближайшей заправки, а заодно и подсказать, где она находится.

— В Шилдейге. Она находится в Шилдейге. К сожалению, ничем не могу помочь с бензином — у меня дизель, но уверен, в посёлке Торридон в полумиле отсюда — вы в него неминуемо попадёте, когда поедете вдоль берега — вам обязательно помогут с горючим, — сказал Александр, и Жаклин невольно посмотрела на парня. Только ей было заметно, что ещё чуть-чуть, и он сам отвезёт эту троицу куда угодно, только подальше от этого места.

— Спасибо!

— Спасибо! До свидания, — наперебой начали благодарить и прощаться девушки, включая ту, что постарше и в беседе не участвовала.

Та, что звонила в гостиницу, и её молчаливая спутница направились к минивэну, а та, что возилась у дверцы, обратилась к Жаклин.

— Большое, огромное вас спасибо. Вы нам очень помогли! — с чувством поблагодарила она свою спасительницу поневоле.

— Ну что вы. Не стоит, — мило улыбнулась в ответ та.

— До свидания. Удачи вам всегда и во всём, — продолжила вежливая иностранка.

Увидев, что девушка собирается присоединиться к своим подругам и усаживаться в минивэн, Жаклин всё-таки решилась её задержать.

— Спасибо большое. Я сильно извиняюсь, но можно вопрос?

— Да, конечно, — с готовностью отозвалась девушка.

— Я слышу, вы разговариваете с акцентом, но... откуда вы?

— Мы из России, — тут же с радостью ответила иностранка.

«Точно!» — тут же сработали мозги Жаклин — она вспомнила русских коллег дядюшки из этой страны.

— Я — Надя, а это Ксения и Ирина, — кивнула россиянка на своих спутниц.

— Очень приятно. Я — Жаклин, — в ответ представилась девушка. — А это Александр, — кивнула она на парня, который в этот момент уже возился в багажнике.

— Очень приятно, — заулыбалась Надя. — Отличный выбор, Жаклин, — с большим намёком в глазах, показала девушка отогнутым большим пальцем в сторону багажника.

— Спасибо, — смущенно-понимающе заулыбалась Жаклин.

— Удачи, — и Надя поспешила к своей машине.

Глава 32. Часть 2

Часть 2

— Так, я хочу есть! — хлопнул в ладоши Алекс сразу же после того, как они вошли в дом.

Заблудившиеся девушки уехали столь скоро, как собрались, а парочка направилась в свою временную обитель. Жаклин прихватила пакетик с таблетками и орхидеи и, первым делом высмотрев кухню и найдя там стаканы и кувшин, запила таблетку «Женале», а букет поставила в кувшин и отнесла в гостиную.

Дом показался ей удивительным. Девушка пришла от него в полный восторг.

Во-первых, всё вокруг, куда не кинешь взгляд, демонстрировало современные материалы и технологии. Заднюю стену здания, сделанную из мощного темного морёного дубового бруса и напоминающую сплошной забор, почти под крышу вмонтировали в гору, поэтому оба этажа — а дом был именно двухэтажным — получились цокольными. С этой стенкой сильно контрастировали остальные три, собранные из больших листов толстого стекла, вдоль которых были протянуты поручни, на манер современных кабинетов в офисах. Но эта стеклянная конструкция служила стенами не дому, а коробу, внутри которого сам дом, сделанный из такого же тёмного дерева, и расположился.

Внутреннюю деревянную часть отстроили от заднего «забора», отступив с краёв футов пять-шесть. Ровно на столько же и остальные три стены деревянной внутренней «коробки» были короче внешней, стеклянной. То есть, сам дом как бы окружили с трёх сторон прозрачной верандой. На веранде отопления не предусматривалось, а в самом доме решили отказаться от окон и обойтись только широкими, с половину стены, дверьми — купе, которые все без исключения выходили на веранду. Прямо над домом, на горе, предусмотрели снегоуловители и отводы дождевой воды.

Обстановка и внутреннее убранство знаменовали собой торжество аскетизма и лаконичности. Из мебели дизайнеры допустили только самое необходимое: кровати в спальнях, угловой диван в гостиной, большой длинный обеденный стол и стулья на кухне, где не было даже кухонной настенной мебели, а только лишь электроплита с мойкой и с небольшой рабочей зоной между ними, современный буфет, стоявший в углу, да холодильник, занявший угол противоположный.

Но зато почти всю поверхность светлого паркета покрывали ковры. И даже неотапливаемая стеклянная веранда была устлана чем-то наподобие войлочного ковролина. В гостиной, почти по центру комнаты, расположился красавец камин с принудительной тягой, который, судя по всему, мог работать и на газу, и на угле, и на дровах. Последние, кстати, уже лежали в нём, предусмотрительно сложенные в небольшой конус.

Среди запахов, витавших в комнатах, Жаклин узнала запах камина, сандала, виски и ковролина, что абсолютно не облегчило ей задачу догадаться: кто обычно останавливается в таких домах в горах, и кто останавливался здесь до них. Зачем ей это было надо, она не знала, но всё равно знать бы хотелось.

— Я подумал, что старинными замками и домами с привидениями тебя не удивить и решил привезти сюда... вот в такой вот... дом, — пояснял Александр, втыкая в сеть вилку электрической батареи в гостиной, на первом этаже, и регулируя температуру.

— Александр... — Жаклин вертелась по сторонам и, как будто не веря своим глазам,

качала головой, — это просто... у меня даже слов нет. Смотри, перестараяешься, и я откажусь отсюда уезжать, — улыбнулась она.

Тот, закончив с батареей, подошел к девушке и обнял её лицо руками.

— Если тебе здесь понравится, мы сможем приезжать сюда часто, — и поцеловал её не в губы, а в лоб. — Очень часто.

— А на сколько ночей ты арендовал этот дом сейчас? Мы встретим Новый год здесь?

— Я взял его пока на трое суток, а там уже как пойдёт. Можно продлить аренду и встретить Новый год здесь. Но я бы не стал задерживаться на одном месте — мы можем рвануть ещё дальше, на север или на восток, там тоже очень много красивого и интересного. — Александр ходил по комнате и проверял выключатели.

— Три дня здесь, — девушка провела указательным пальцем по боковушке дивана. — А что мы будем делать эти три дня? Мы на гору полезем?

— На какую? На эту? — парень ткнул пальцем куда-то в потолок. — На эту точно — нет. Здесь недалеко есть горы поинтересней. Если захочешь, конечно. Но сначала я бы хотел, чтобы ты как следует выспалась и отдохнула — у меня на завтра на твой счет большие планы, — сказал он и, как бы подчеркивая, что у него на этом всё, вышел из гостиной и направился в кухню тоже включить отопление.

У Жаклин даже лицо вытянулось.

— Это форменный садизм! — от возмущения она распахнула глаза и, сделала брови домиком, ринулась следом за молодым человеком.

Тот даже захохотал.

— А-а-алек... — заканючила голосом девочки-ломаки доктор Рочестер, — пожа-а-а-а-алуйста.

— Джеки, это сюрприз.

— Сюрприиииз, — протянула мечтательно девушка и сложила руки как для молитвы. — Александр, ну хоть намекни, а не тоя ночь спать не буду, и не выплюсь, и не отдохну, и у тебя сюрприза не получится.

Парень остановился возле мойки, где хотел проверить наличие воды в кране, опустил плечи и выдохнул.

— Это касается того острова по центру озера, — почти сдался он и махнул рукой куда-то туда, в сторону Torrison.

Жаклин сначала на миг окаменела, а потом на фут подскочила и захлопала в ладоши.

— Правда? Мы поедем на этот остров? Боже, как интересно! Вот на том самом белом катере, да? — «Мой Бог, остановите меня — я стремительно деградирую. У меня гебефрения*. Ещё пару дней беззаботной жизни с Александр на всём готовом, и меня уже будет не отличить от пятнадцатилетней девочки», — запаниковала доктор Рочестер.

— Не скажу, — решительно-отрицательно покачал головой юноша, — даже не проси. Давай-ка для начала разберёмся с едой, а не то, прежде чем ты не выспишься, я умру с голода — у меня в горах всегда открывается зверский аппетит, — и он, выходя из кухни, кистью, как клешней, ухватил девушку за попку и, добавив: — Во всех смыслах, — пошел дальше на выход из дома.

— По-моему, он у тебя и не закрывается, — пробубнила та ему вслед.

Как только они мало-мальски осмотрели первый этаж, Александр пошел заезжать машиной во двор, который почти весь был выложен камнем. Хоть, чуть подальше вправо, за отдельными воротами, стоял гараж, юноша не спешил им воспользоваться, решив загнать

туда «свою красавицу» чуть позже, на случай снегопада. Жаклин двинулась за ним, чтобы помочь заносить в дом вещи.

Выходя из дома, остановившись на пороге, она посмотрела прямо перед собой и буквально окаменела — природа сегодня явно испытывала девушку на прочность.

Перед ней открылся вид на озеро в том самом месте, где были те два маленьких остроконечных полуострова. Уже наступали сумерки, но ещё виднелся кусочек острова «с сюрпризом» по центру водоёма, а из-за густого леса на противоположном берегу выглядывали снежные вершины каких-то гор, окрашенные сейчас, сквозь прогал в облаках у горизонта, остатками заката в желто-розовые тона. Синева вод сделалась темнее и насыщеннее, деревья стояли спокойно-коричневого цвета, кое-где зелень травы придавала свежести картинке в целом, заснеженные, кремово-розовые шапки горных вершин и небо глубокого серо-голубого цвета... — Жаклин быстро развернулась назад, в дом, и кинулась на второй этаж, где, как оказалось, лестница заканчивалась маленьким выступом — смотровой площадкой.

Пейзаж был неопишуем. Ни мыслей, ни слов, чтобы передать красоту картинки перед ней, девушка не нашла как ни искала, поэтому просто стояла и смотрела. Сейчас ей казалось, что вот так простоять она может все три дня и ей не надоеет, и не будет скучно.

Зазвучали шаги по лестнице. Юноша подошел сзади, молча обхватил за плечи, скрестив руки у неё на груди, и прижался к ней всем телом. И тоже не проронил ни звука. Это были минуты чистой релаксации. «Я бы хотела вот так встретиться с ним старость», — не преминула помечтать Жаклин, откидывая голову на грудь любимому человеку.

* * *

Кое-какие баулы и рюкзаки, во главе с её пластиковым чемоданом, они занесли в дом и аккуратно сложили в холле, а кое-что Александр оставил в машине. Увидев и оценив, как упаковал вещи, Жаклин ещё раз убедилась в том, что он, скорее всего, действительно помешан на чистоте и порядке.

Сделав сенсационное заявление о том, что проголодался, юноша полез в какую-то коробку и достал оттуда кастрюлю. Открыв её, он показал Жаклин четыре заранее заготовленных огромных бифштекса мраморного мяса, посыпанных перцем и ещё какими-то специями. Парень засунул свой точёный нос в посудину и хорошенько потянул ноздрями воздух.

— М-м-м... — вынырнув, выдохнул гурман и в блаженстве закрыл глаза. — Эту говядину мы привезли от Рона — он занимается разведением этой черной породы... для мраморного мяса. Во дворе есть место для барбекю, а в кладовке, как мне сказали, должно быть полно сухих дров для камина и костра.

Они нашли дрова, разожгли костёр на улице, в жаровне, и довольно быстро пожарили на решетках стейки. Вдобавок к ним Александр замотал в фольгу несколько картофелин и засунул их в угли.

Найдя в буфете бокалы, тарелки, столовые приборы и откупорив бутылку «Кьянти», прихватившую с собой юношей, пара села обедать, облюбовав для этого один из углов стола на кухне. Было уже почти пять часов вечера и за стёклами веранды полностью стемнело, отчего сделалось даже немножко жутко. Но только одной Жаклин.

— За тебя, — сказал Александр, после того как они чокнулись бокалами.

— За тебя, — ответила девушка. — Спасибо, что привёз меня сюда. — Казалось, в её глазах теперь навечно поселилось восхищение. — Я даже слов не могу подобрать к тому, что

видела сегодня, — пригубив из бокала, продолжила она, ставя его возле своей тарелки и показывая рукой себе за спину, туда, где было Loch Torridon с его маленькими полуостровками. — Не знаю, как можно назвать такую красоту, — сделала она руками в воздухе пару взмахов беспомощности.

Шотландец блаженствовал.

Даже комплименты себе любимому так не трогали его шотландского сердца, как охи и ахи по поводу красоты края, в котором он родился и вырос.

— Местные говорят, что уже не замечают этой красоты, глаз привыкает. А я себе такого не представляю. Каждый раз, когда бываю в горах, меня накрывает по новой.

— Ты разговаривал с местными? — заинтересовалась девушка. — А кто они, эти местные? Чем они зарабатывают здесь себе на жизнь? Гостиницами? Торговлей? Ну-у-у, кроме фермеров, конечно, с теми всё понятно.

— Да-а-а... работают в гостиницах, в магазинах, на горнолыжных трассах, — рассказывал юноша, орудуя ножом и вилкой над поджаристым куском стейка. — Здесь в озёрах разводят много рыбы в садках. Рон знаком с проводниками в горах. Один бывший однокурсник Кирка живёт здесь вместе со своим другом. Они парой ходят в море механиками — четыре месяца вместе в море, четыре месяца вместе живут здесь, в этой глуши. В одном из рейсов и познакомились, и полюбили друг друга. — Александр улыбался, освобождая от фольги картофелину.

— А где учился Кирк?

— Военный колледж управления и технологий в Шрайвенеме.

«Вот! Значит, я правильно подумала, что что-то в нём не так», — мелькнуло в голове у Жаклин.

— Так, значит, Кирк бывший военный, — констатировала она вслух. — Жаклин вспомнила свою вчерашнюю встречу с Кирком и в нерешительности закусила нижнюю губу. — А помнишь, ты сказал, что Анну тебе подкинул Кирк?

— Да. Помню. А что?

— А как ты ему объяснил: для чего она тебе понадобилась? Ты сказал, что за тобой приударил одна взрослая замужняя дура, и ты хочешь от неё избавиться?

Юноша недовольно скривился и отвернулся в сторону.

— Жа-а-ак, ну зачем ты так, — сделал он свои брови домиком.

— Ну, как-то же ты должен был ему объяснить, что тебе на твой день рождения нужна девушка из сопровождения. Ты ему сказал про меня? Так?

— Не совсем, — Александр костяшкой согнутого указательного пальца почесал себе кончик носа. Но потом сдался. — Да, почти так, — сказал он с таким выражением, как будто признался в убийстве Джона Кеннеди и потянулся рукой за зубочистками, стоявшими тут же, которые тоже предусмотрительно взял с собой. — Только я не говорил: кто эта девушка, не уточнял её семейное положение и уж тем более, возраст.

Жаклин был неприятен этот разговор, но она почему-то чувствовала, что он пойдёт ей только на пользу.

— И что сказал Кирк? Как он на это отреагировал?

Теперь нижнюю губу закусил уже Александр.

— Видишь ли, — зажал он себе указательным пальцем одну ноздрю, но тут же отпустил, — со мной уже такое было.

Девушка округлила глаза.

— Вот как?

— Да, — без особого удовольствия подтвердил юноша, облокочиваясь о стол и надкусывая кончик зубочистки, — только на чужом дне рождения. Я тогда ещё... глупый был. — Он лучезарно улыбнулся. — Попросил одну свою соседку, она училась в другой школе, сходить со мной на днюху, ну-у-у... чтобы и она мне там не мешала, и другие не мешали. А потом эта соседка замучила Дженни просьбами передать мне записки, потому что все её сообщения я отправлял в спам, СМС-ки удалял, не читая, а её не слушал, даже когда она... — юноша замолчал, замялся и с досадой откинул зубочистку на край стола, но тут же встал и выкинул её в мусорный контейнер под мойкой.

— Что... «она»? — осторожно спросила девушка.

— Не важно, — отмахнулся он рукой, опускаясь на свой стул. — Я всё это говорю к тому, что Кирк в курсе, чем всё это может закончиться, и поэтому сразу же пообещал помочь. Да он и сам несколько раз пользовался этими услугами.

Тут вдруг Жаклин приложила руку к груди и поморщилась, глядя на поверхность стола.

— Что такое? — чуть подался к ней встревоженный Александр.

— Что-то меня... мутит, — через силу выдавила из себя девушка и тут же боязливо, с опаской, глянула на своего молодого человека.

— Господь всемогущий, Жаклин, не смотри на меня так, как будто я тебя сейчас буду бить за то, что тебя тошнит, — даже возмутился юноша.

Но тут она скривилась ещё сильнее. А спустя мгновение, зажав себе рукой рот, подскочила, затарахтев стулом, и стремглав бросилась в ванную. Парень бросился за ней.

— Не заходи! — крикнула она ему, склонившись над унитазом, как только он попытался приблизиться. Он остановился в дверях. Но не уходил.

— В доме есть молоко? — спросила она, усаживаясь на пятки и нажимая на слив, как только позывы к рвоте прекратились.

— Нет, молока нет, но есть мороженое. Вернее, должно быть... в морозилке. Я заказывал его для тебя.

— Пойди, пожалуйста, проверь, хорошо? Мне нужно молоко — я думаю, это у меня от таблетки. — Александр скрипнул зубами. — Либо выпила на голодный желудок, либо смешала с алкоголем, но это вряд ли, а препарат не подходит. — Видя, что молодой человек стоит и как бы ждёт чего-то ещё, Жаклин добавила: — Для беременности ещё очень рано. Двое суток не прошло — токсикоз сейчас просто не реален.

— Хорошо, я сейчас посмотрю мороженое, — оттолкнувшись кулаком от косяка двери, Алекс исчез на веранде.

Мороженое оказалось на месте и помогло.

Умывшись и почистив зубы, Жаклин смогла опять сесть за стол и со своим любимым лакомством составить компанию своему молодому человеку с его стейками, то есть, с его любимым лакомством. Она очень надеялась, что мороженое понизит всасываемость таблетки, хоть и осознавала, что это риск.

Итак, на повестке дня нежданно-негаданно в лидеры опять выбился вопрос контрацепции, казалось бы, так легко решенный Алексом ещё в той, новой, квартире. Оба сидели молча и думали сейчас именно над этим, но заговорить не решался ни один из них — уж больно щекотливой была тема, а на ум ничего разумного и жизнеспособного не приходило. Сотрясать воздух о сложившемся положении не хотел никто.

— Ты съел моё яблоко? — даже неожиданно для самой себя спросила Жаклин, не

выдержав молчания, когда Александр, сидевший перед ней в своём мохеровом свитере стального цвета исландского производства, уже поглядывал на третий кусок стейка.

По мимике парня было заметно, что он не сразу понял, о чём идёт речь.

— Нет, не съел.

— А где оно у тебя?

— У меня дома, в моей комнате. Я привёз его сюда, в Глазго.

— А почему ты его не ешь? Оно невкусное?

— Оно очень вкусное, и ты это знаешь не хуже меня.

— Ну, и?

Он пожевал губы и на мгновение отвернулся в проём распахнутой двери-купе, где сквозь стекло веранды ещё пару часов назад виднелось озеро и кусочек снежной вершины за ним. Парень лихорадочно думал над тем, как бы красивее обыграть ситуацию — он готов был признаться в том, что убил Кеннеди, но только не в том, что ему просто пока не хотелось шоколада.

— Ну, во-первых, это, действительно, произведение искусства. — Юноша облокотился о стол с вилкой в руке, на которой красовался кусок бифштекса внушительного размера и изумительной красоты, почти как то самое яблоко. — А во-вторых, я жду тебя — когда-нибудь мы съедим его вместе. А пока пусть постоит. — Юноша опять прищурился, как бы пытаясь представить себе эту картинку в будущем.

Но Жаклин поняла всё. Ей стало немного обидно, что он не ест её шоколад, и как-то даже жаль своих трудов, потраченных на то, чтобы соорудить такой подарок. Хоть умом и понимала размеры своей глупости в данной ситуации, но поделаться ничего не могла. Могла только поругаться на себя: «Это либо ко мне возвращается пубертатный возраст от вольной жизни, либо пресловутый ПМС», — ставила она себе «диагнозы» один за другим.

И тут же прописала «лечение».

— Бинго! — подняла она указательный палец вверх. — У меня же есть шоколадка! — девушка тут же подскочила и кинулась к своему кулёчку с лекарствами, куда засунула и подаренную влюбчивым официантом Дерекком сладость. Достав нож, она стала стругать плитку себе на мороженое.

Александр вмиг овладело желание по приезду купить ей чертову шоколадную фабрику вместе с Чарли, только чтобы она сейчас позволила ему пухнуть эту шоколадку в Torricon, прямо в фарватер. «Надо было ещё по дороге выкинуть эту гадость из машины», — подумал парень.

Поэтому не удивительно, что как только она положила плитку на стол, он не удержался и убрал её к себе, за свою тарелку.

Жаклин остолбенела.

— Отдай, — вполне нормально попросила она.

— Тебе сейчас вреден шоколад — насколько я знаю, он тормозит пищеварение.

Жаклин заморгала глазами.

— Александр, ты это мне говоришь? Тебе напомнить, как звучит моя профессия? Отдай мою шоколадку, — уже чуть повысила тон девушка.

— Не отдам. Забудь про неё. Мы завтра съездим в Хилдейг и я куплю тебе коробку с шоколадками.

— Договорились. А сейчас отдай мне мою шоколадку. — Это уже можно было смело интерпретировать как «доктор Рочестер пошла на принцип».

Но на принцип умела идти не она одна.

— Жаклин, я сказал: забудь про неё. Всё равно не отдам. Только через мой труп, это понятно?

Жаклин вся собралась и сгруппировалась.

— Как скажешь, — спокойно сказала она и молниеносно рванулась рукой к шоколадке.

От хохота Александр зазвенели стёкла на веранде. Он поймал её руку ещё на подступах к своей тарелке.

— Ха-ха-ха... Жак... ха-ха-ха... да погоди ты...

— Это... моя... шоколадка... — зло выпихивала она из себя слова, пытаясь высвободить свою руку из его захвата. — Это... мне... её... подарили. — Такое уточнение сработало как маленький атомный взрыв в наполненном гормонами восемнадцатилетнем организме.

«Организм» чуть привстал, потянулся и, дёрнув девушку на себя за руку, за которую держал, рывком усадил её к себе на колени, после чего тут же поймал её вторую руку, которой она пыталась ударить его по бедру, обнял за талию и буквально пригвоздил её запястья к её же животу. У Жаклин было ощущение, что её поместили в железобетонный футляр, но кое-что предпринять ей всё-таки удалось — она попыталась пяткой ударить Александр по большой берцовой кости правой ноги, но, конечно же, немного промахнулась, и удар смазался. Парень чуть дёрнулся, убрал ноги под стул и впился губами ей в шею, чуть позади сонной артерии.

Девушка быстро вырвалась и боднула его макушкой почти в надбровную дугу.

— Мр-р-рм-м-м... — примерно с таким звуком Александр с силой поднял её со своих колен, намереваясь вскочить и сам, но она слишком резко крутанулась и задела локтём один из бокалов с «Кьянти», которые они оставили после её недомогания, но, видимо, недостаточно далеко.

Бокал упал прямо Алексу на бок, чуть выше пояса, вылив своё содержимое на мохеровый свитер стального цвета исландского производства, после чего свалился на пол и разбился.

— Фак! — Парень оттолкнул Жаклин ещё дальше, чтобы не забрызгало ещё и её, и тут же вскочил сам.

— Быстрее в ванную! — скомандовала девушка.

Он бросился из комнаты, оттягивая от себя бурое мокрое пятно на свитере. В ванной он включил воду, и, нагнувшись и сильнее потянув свитер, подставил пятно под струю воды. Краснота исчезала на глазах — вино быстро вымывалось из качественной мохеровой нити. Хорошенько промыв, Александр отжал ткань свитера левой рукой и тут же, одним движением правой, стянул его с себя со спины.

— Это место нужно... — развернулся он было к Жаклин, но запнулся, увидев её стоявшую замороженной.

Теперь замерли оба.

Девушка, глядя прямо перед собой на его атлетический торс, где были видны следы от красного вина, успевшего проступить к его телу сквозь вязку свитера, медленно протянула свою раскрытую ладонь и положила её на его голую грудь. Потом сдвинула эту руку чуть в сторону и прибавила к ней вторую, после чего поцеловала место между ними, прямо напротив своих губ. А потом подняла глаза.

Одежда, во главе с мохеровым свитером стального цвета и исландского производства, разлетелась по углам ванной не более чем за четверть минуты. Александр только лишь успел

обернуться на душевую кабинку и вывернуть кран на полную. Порядка полусотни тонких холодных струй разом ударили в пол. Парень кронштейном направил их на дальнюю стену кабинки душа и повернулся к Жак.

В принципе, торопиться им было некуда — впереди их ждал совместный душ, благовонные гели для этого приятного и полезного занятия и много, много удовольствия, которое сейчас уже вполне себе можно было и растянуть.

Но куда всем этим доводам против одного лишь довода природы.

Он опять притянул её за затылок и впился в губы. Они с блаженством бродили руками по голым телам друг друга, пока от воды не пошел пар. Александр пустил струю воды опять отвесно вниз, оторвавшись от своей девушки. После чего, глядя ей в глаза, взял с полочки гель для душа «Pinacolada», выдавил лужицу себе на руку и размазал её по той стене, куда только что била струя горячей воды. Под конец шагнул к двери в ванную комнату и распахнул её до упора — открылась ровно половина стены.

Александр молча потянул Жаклин за собой в кабинку душа. Они продолжили с того, на чем остановились, только уже под струями воды, которая катализировала удовольствия друг от друга — тела сделались мокрыми, скользкими, шелковистыми. Парень целовал девушку с желанием, вспоминая, как он до взрыва мозга хотел сделать это там, на пирсе Fort Willam, наклонялся к грудям, щипал за соски со стонами, сжимал бока и прижимал к себе за спину. Не желая останавливаться на достигнутом, он пустился в путешествие по её телу вниз и, когда просунул руку ей между ног...

То, что он там обнаружил, опять вмиг сделало его диким.

Со стеклянными, ничего невидящими, слепыми от страсти глазами, он, резко напирая грудью, подтолкнул Жаклин к стене, на которой был намазан гель, и в следующее мгновение почти впечатал девушку в неё спиной, прижав своим торсом. Подхватил её под ягодицы, она обвилась ногами вокруг его таза, и после того, как он чуть отстранился, рукой взяла его член и приставила его к своему входу. Александр тут же толкнулся в неё.

Шум воды заглушал их сопение, но его толчки заглушить вода была не в силах. В этот раз они не позволили себе привыкнуть к ощущениям, а сразу приступили к делу. Когда он, мокрый, с прилипшими тёмными волосами, окаменев всеми мускулами, вколачивался в неё со злым, агрессивным, волчьим оскалом на лице, когда оголтело и зло целовал и покусывал её мокрые губы и щеки, в его глазах была настоящая, живая ненависть. Но направленная, опять-таки, внутрь себя.

Жаклин выглядела ненамного лучше. Её «пружинки» распрямились и прилипли к плечам и лицу, выражение которого говорило не то об экстазе, не то об обмороке. Она обхватила Алекса за шею, как будто от этого зависела её жизнь и своими ответными сильными поцелуями всячески показывала ему, что готова ответить на любой его напор.

И отвечала.

Чувствуя какую-то первобытную, примитивную сексуальную агрессию к этому человеку, которого ей в какое-то мгновение захотелось просто расцарапать в кровь или укусить до крови, она, чтобы хоть как-то дать выйти этой дикости, сильно впила ногтями ему в кожу на спине и, процарапав, сжала руки в кулаки. И укусила за губу.

Он взвыл зло, свирепо, с силой и внутренним напором. Услышав этот звук, Жаклин захотелось сделать что-нибудь ещё и она вцепилась в волосы юноше на затылке и как могла, сжала стенки влагалища.

Для Александр это стало последней каплей. Парень шел к разрядке семимильными

шагами — у него было ощущение, что его «маленький Александр» бежит впереди него самого и тянет его за собой за ручку, а кто-то невидимый ещё и подталкивает в спину. Поэтому после серии мелких, неглубоких толчков, он припечатал Жаклин к стене так, как будто хотел выдавить её в соседнюю комнату и...

Его нутро разорвало чудовищным, безудержным криком. Он выгнулся дугой и запрокинул голову. Юноша морщился от сладости как от боли и продолжал надавливать бёдрами на Жаклин, будто хотел как можно глубже в ней оставить своё семя.

Опустошив себя до дна, тем не менее, нашел в себе силы, выйдя из неё и поставив её на ноги, тут же опуститься перед Жаклин на одно колено, раздвинуть ей складочки и лизнуть между ними языком. Причем не кончиком, чтобы подразнить, а широким расслабленным языком, чтобы вылизать всё до капли. Жаклин тут же чуть согнула колени и раздвинула ноги, и от такой картины и ощущений, которые подарили ей эти его прикосновения, взорвалась моментально.

Она схватилась за его волосы, а когда он поднялся с колена и опять придавил её собой к стене, обхватила за шею как утопающий — свой спасательный круг.

Он обнял её с такой нежностью, с такой томностью и блаженством в движениях, в нём было столько любви и обожания, когда он наслаждался тем, как она просто не знает, куда себя деть и мечется от сладостных конвульсий в его руках.

— Да, малыш, да, вот так, умница, девочка моя...сладкая, — приговаривал он, наслаждаясь тем, что творит с ней её разрядка. — Люблю тебя, Сасенак, — невесомо поцеловал он её в щечку, после того как она затихла, обмякла и ослабла в его руках.

Жаклин улыбнулась, но опять промолчала в ответ.

— Извини, — юноша всё ещё придерживал её у стены собой, боясь, что она свалится на пол. — Прости...

— Что? О чём ты? — девушка блаженно улыбаясь, поцеловала его в плечо.

— Я... — Александр всё ещё тяжело дышал, — я не должен был так быстро. Так не должно быть. Но я... — ему было явно трудно говорить и из-за щекотливости момента, и из-за того, что мысли в голове путались и формулировались из ряда вон плохо. — Понимаешь... — он оторвался от неё и посмотрел в глаза, — я тоже не знаю, что со мной. Ничего не понимаю. — Он мотнул головой из стороны в сторону.

— Что ты имеешь ввиду?

— Это только поначалу там... срывает крышу с девушками... а потом... — Александр протёр лицо ладонью, а потом опять подставил под струи воды. — А с тобой всё наоборот. Я постоянно хочу тебя трахать. — Он уткнулся лбом в её лоб, как бы прося извинение за грубость, и вода стала бить им на макушки. — Даже сейчас. Я только что кончил, но хочу ещё. Иногда, когда я в тебе, мне хочется разогнаться на полную и затрахать тебя до смерти, а потом остановиться и застрелиться самому.

Жаклин молчала — у неё пока не помещались в голове его слова, и мыслей на этот счёт тоже не было. Не дождавшись от неё ответа, парень продолжил:

— Останови меня, Жаклин. Иначе...

А вот после этого слова побежали впереди неё.

— Господи, Александр, да тут бы саму кто остановил.

От их совместного счастливого хохота затряслись окна веранды.

Часть 3

Александр выключил фен и, окончательно расправив свои отросшие вихры пальцами, вышел из ванной. Пройдя по веранде в кухню, он увидел там Жаклин в белом махровом халате, которая уже на чистом и абсолютно пустом столе сворачивала и разворачивала рулон с махровым полотенцем и серым мохеровым свитером исландского производства.

Полотенце, кстати, было точно таким же, как и обмотанное в данный момент вокруг мужских шотландских бёдер, генетически привыкших к килтам.

— Сделано в Исландии. — Девушка держала пальцами этикетку на спине под воротом. — Это странно, — продолжила она расправлять изделие и встряхивать его, чтобы оно высохло как можно быстрее, но при этом не свалялось.

— Что именно, — парень взял с буфета бумагу, в которую была упакована бутылка «Кьянти», и принялся мять её своими сильными и большими, но всё-таки тонкими жилистыми руками.

— Да всё, — встряхнула свитер на весу Жак. — Во-первых, такие свитера сейчас почти не носят. Тем более люди твоего возраста. — Александр комкал бумагу и молчал. — Во-вторых, ты, шотландец, носишь вещь, произведённую в другой стране, да ещё и ладно, если бы в Шотландии вязали мало свитеров, но ведь шотландские свитера — это бренд, примерно такой же, как и килт. — Девушка изо всех сил старалась сосредоточиться на свитере, чтобы постепенно привыкать к виду голого торса и бёдер в полотенце.

«Нет, ну в самом-то деле, не набрасываться же на него опять!»

— Во-первых, — начал Александр, перекидывая из рук в руки бумажный ком, — мода как социальное явление интересует меня чуть менее, чем никак. Во-вторых, — он открыл холодильник и достал оттуда недопитую бутылку «Кьянти», — у меня полно всяких свитеров, и не только шотландских или исландских. В-третьих, я купил этот свитер в Нью-Йорке. А в-четвёртых, мне тоже кое-что непонятно. Возьми, пожалуйста, пару новых бокалов из буфета, — сказав это, он вышел из комнаты, как бы приглашая Жаклин следовать за ним.

«Это тебе за засос!» — подумала девушка, глядя на багровые полосы на его спине от её ногтей, и двумя пальцами прикоснулась к пятнышку у себя за ушком.

Зайдя в гостиную, она застала его разжигающим камин — бумага от бутылки, которую он втиснул между дров, уже загорелась довольно хорошо, показался небольшой дымок, и парень включил тягу. Рядом с камином был расстелен большой шерстяной плед болотного цвета, который Александр привёз с собой.

— И что же тебе непонятно? — поставила она бокалы на паркет рядом с керамическим огнеупорным ободом вокруг камина и уселась на плед.

— Есть один момент, — проговорил юноша, поднимаясь и направляясь к двери, на ходу снимая с себя полотенце. — Я вот понимаю, почему так отношусь к контрацепции я, но не понимаю, почему так же к ней относишься и ты. Извини, подожди секунду, я сейчас вернусь, — и он голяком вышел на освещённую, стеклянную веранду.

Жаклин осталась сидеть и часто-часто моргать.

— Тебе не подошла таблетка, а ты даже не разволновалась и не расстроилась. Это странно, — вошел голый Александр с рюкзаком в руках. — Ты не боишься забеременеть от

меня?

— А почему так к контрацепции относишься ты? — закусил Жаклин нижнюю губу, чтобы не начать хихикать от его обнаженного вида.

— Ну, вообще-то, я первый спросил, — «нудист» прищурился и, достав из рюкзака какие-то вещи, которые чуть позже, аккуратно разложенными на диване, оказались боксёрами, футболкой и спортивными штанами, стал обратно застёгивать рюкзак, — ну да ладно. Видишь ли... — он выпрямился и запустил руку себе в волосы, — я отношусь к детям как... ну, примерно как к инопланетянам. Извини ещё раз — я только отнесу рюкзак, — и он вышел опять.

Жаклин округлила глаза и шмыгнула носом. Но у неё тут же проснулся внутренний голос:

«Дура! — громко сказал он. — Нет бы ловить момент и наслаждаться, а она хихикает!»

— Они от меня далеко, и я ничего о них толком не знаю, — вошел между тем всё ещё голый и уже без рюкзака Алекс, — поэтому ничего плохого или хорошего сказать о них не могу.

— А как же Брайс и Маркас?

— Я их не так часто вижу, тем более, сейчас, — натягивал на себя боксёры юноша. — А они так быстро растут и так меняются... за ними не уследишь. К тому же, это только мальчики, а ведь есть ещё и девочки, — просунул он ногу в штанину. — Некоторые мои знакомые парни бесятся, что после секса, как бы ты там не предохранялся, всё равно могут появиться дети и начина-а-ают... — Александр закатил глаза. — Если так бояться детей, то хрена ли тогда вообще трахаться? — расправлял он футболку на плечах, поигрывая мускулами. — Кулак и душ — твоя контрацепция. — Он подошел к камину и маленькими щипцами поправил разгорающиеся дрова. — Со мной всё не так. Мне всё равно: появится — значит, так тому и быть, не появится — тоже хорошо. Делай, что должно, и будь, что будет. — Парень взял бутылку с вином и принялся разливать остатки содержимого по бокалам. — Жак, я просто пытаюсь быть с тобой честным, чтобы у тебя не было иллюзий и разочарований, понимаешь? — протянул он один из бокалов своей девушке. — Раз уж, как я вижу, контрацепция тебя не волнует. — Александр лёг на ковёр. — Но я твёрдо уверен, что когда ребёнок желанный, это лучше, чем когда вот так, как у меня — похрен и всё, — он чокнулся с бокалом девушки ножкой своего бокала, сделал плоток, и, облокотившись о ковёр, поставил вино перед собой, после чего в ожидании посмотрел на свою визави.

Жаклин сидела перед ним на пятках.

Отпив из бокала, она отставила его в сторону и на четвереньках подползла к молодому человеку.

Убрав и его бокал в сторону, она наклонилась к красивому лицу своего любимого и нежно чмокнула его в щеку, потом в висок. Александр убрал локоть и медленно улёгся головой на ковёр. Жаклин грудью прилегла к нему на его торс и опять несколько раз нежно поцеловала его подбородок и шею. Парень запустил пальцы ей в волосы на затылке и немного помассировал. А потом убрал упавшие пряди за уши.

— Знаешь, почему я не признаюсь тебе в любви? — сказала девушка с интонациями начала длинного разговора.

— Мм? У меня масса вариантов. Это долго.

— А самый правдоподобный?

Александр пожевал губы и засунул их между зубов.

— Насколько я понял, для тебя это очень чувствительно — то, что я младше. Для тебя это... странно... это чувство, я имею ввиду, и, возможно, даже неправильно, поэтому ты не говоришь об этом.

— Версия интересная.

— Я не угадал?

Жаклин не ответила на вопрос. Девушка выглядела очень грустной. Она даже вздохнула, прежде чем заговорить.

— Видишь ли, мне трудно признаваться тебе в любви, потому что то, что я чувствую к тебе — это не любовь, — она отстранилась и села опять. — Это больше чем любовь, Алекс. — После этих своих слов Жаклин заметила, как её любимый мужчина вошел в свой излюбленный режим покерфейса. «Видимо, у него есть на это причины», — поставила она себе в голове галочку. — Это почти болезнь. Говорят, очень сильно любить нельзя, это тоже плохо, это разрушает. — Девушка потянулась к его бокалу и сделал глоток. Она отвернулась от парня и посмотрела на начинающие потрескивать дрова. — Мне нужно постараться не испортить всё своим безумием. — Александр немного оживился лицом, но промолчал. — Ты моя жизненная необходимость, Алекс, — говорила Жаклин, прислонив его бокал к своему лбу и глядя на его содержимое сквозь чистое стекло. — Ты легко и просто, даже играючи, заменяешь мне весь Мир. — Она говорила медленно и почти безучастно — было видно, что все эти слова ею прочувствованы, продуманы не по одному разу, и сейчас она их только озвучивает. — Я готова жить только одним тобой, у меня все мысли о тебе, а это очень плохо и очень тяжело, когда другой человек так тебя контролирует только лишь одним своим существованием — это нездорово. — Она быстро отставила бокал и легонько потрясла юношу за плечо, после чего слегка оттолкнулась от него и тоже легла на ковёр навзничь, только головой к его ногам. Александр поднялся и опять облокотился о ковёр. — Любовь должна быть нормальной, созидательной, дарить больше радости, чем волнений и печалей, — запустила она руки себе в волосы со лба, рассматривая белый потолок с продольными деревянными балками морёного дуба.

— Жак...

— Подожди, — подскочила девушка и опять села. — Я всё это говорю не для того, чтобы ты мне как-то ответил на мои чувства. Ты ничего мне не должен, моё помешательство на тебе — это только мои проблемы, — она уронила голову на руки. — Просто я хотела объяснить, что слова: «я тебя люблю» в моём случае не передают того, что я на самом деле чувствую. Но я сама должна с этим справиться, — поковыряла она пальчиком плед, — пока чего-нибудь не натворила. — Вот тут Александр окончательно распрощался со своим покерфейсом и напрягся. — Поэтому, я думаю, излишне говорить, что я с удовольствием родила бы от тебя ребёнка, — у парня распахнулись его «тюльпаны», — это была бы часть тебя, та часть, с которой я могла бы разделить свою любовь к тебе, хоть и опять же, думаю, что это тоже не совсем правильно — ребёнок не может быть лекарством от излишне сильного чувства... но... но мне просто ничего лучшего на ум не приходит. — Жаклин в сожалении растянула губы. — Поэтому я бы хотела попросить тебя... — она опять встала возле него на четвереньки и, опять мягко напирая губами, уложила его на ковёр, — попросить тебя забыть о контрацепции. Короче, я хочу от тебя ребёнка. Твоего ребёнка. Если ты мне откажешь, я не обижусь и не надую губы, не переживай — я вполне себе уважаю твою волю, твои желания.

Александр даже не раздумывал.

— Жаклин, но ведь я же только что тебе сказал, что я равнодушен к детям! Ты хочешь, чтобы я зачал ребёнка с абсолютно ровным к этому нутром? Но ведь это тоже неправильно. К тому же, ты пойми, я тоже хочу захотеть своего ребёнка, я тоже хочу его ждать с нетерпением, волноваться... и что там ещё бывает... не знаю я. — Он притянул её к себе и пососал её губки. Так, чуть-чуть. Без фанатизма.

— Помнишь, я тебе сказала, что Чарльз меня этим летом сильно обидел? — после того, как он оторвался, она наклонила голову и приложила ухо к его груди.

— Да, помню. Я ещё тут же захотел утопить его в Айсис. — Он опять пальцами начал массировать её затылок.

— Да, ну так вот, он обидел меня примерно такими же словами, какие сказал ты сейчас. — Девушка поднялась. Александр тоже.

— Он не хотел детей?

Она вздохнула.

— Хуже. Ему было всё равно. Вот примерно как тебе сейчас. Этим летом, приезжая тогда в Глазго, я обнаружила, что беременна. — Жаклин опять принялась усаживаться рядом, поправляя полы махрового халата на коленях. Она одновременно и не знала куда себя деть от этого разговора и наслаждалась им. Это смахивало на мазохизм хорошей такой, конкретной степени. — Во-о-от, я приехала домой, полная решимости забыть встречу с тобой и рожать ребёнка своего мужа. А Чарльз меня встретил примерно такими же вот словами о том, что пока ему всё равно, что вот родится ребёнок, тогда он обрадуется, да и вообще, радоваться детям, а тем более будущим, это глупо и странно. — От нахлынувших воспоминаний девушка чуть помолчала. — Я разрыдалась, и к утру у меня случился выкидыш. После этого секса у нас не было. Наверное, со мной действительно что-то не так, раз мои мужчины не видят во мне матери своих детей.

— Не говори ерунды. — Александр отвернулся в сторону с раздражением. Потом повернулся и опять чмокнул Жаклин в щечку. — Ты думаешь, что я, как и твой Чарльз, могу и в тридцать не захотеть детей?

— Можешь. Вполне можешь. — Жак усиленно закивала головой. — Почему нет? Насколько я поняла, ты увлечен своей карьерой, Нью-Йорком, а когда у тебя уже начнёт что-то получаться, а я в этом ни секунды не сомневаюсь, ты неминуемо с головой уйдёшь в работу, как и мой муж.

— Жаклин, но я хочу в будущем иметь детей! — воскликнул Александр. — Уже хочу! Сейчас! — он ткнул пальцем в пол возле себя. — Но хочу в будущем. И вообще, я не представляю, как можно не хотеть детей от любимой женщины в тридцать?!

— В тридцать два, — спокойно поправила его девушка. — Александр, — она погладила его по плечу, а он накрыл её ладонь своей, — конечно же, тебе детей ещё рано, с этим спорить может только полный идиот. Поэтому решение в любом случае за тобой. Я не Кира и приму его любым, каким бы оно ни было. Но если ты будешь настаивать на контрацепции, я соглашусь только на совместные, равные усилия.

Оба замерли. Жаклин от мнимой неожиданности, от того, что якобы проговорилась, Александр — от неожиданности настоящей.

— Ты знаешь про Киру? — у него брови сдвинулись к переносице.

— Мне очень жаль. — Она опять утвердительно закивала. — Я нарочно проговорилась, потому что тут есть ещё один момент...

— Подожди, извини, я тебя перебую, тебе рассказала Эшли?

— Да, — «мяукнула» девушка. — Только не ругайся на неё, пожалуйста. Уверена — она хотела как лучше.

— Эшли мне мстит, — сказал парень, как ножом отрезал, и опять откинулся на ковёр.

— За что?

— За то, что взял её в свидетели первую. Ну да ладно... ну так и что же она тебе рассказала?

— Да немного. Сказала, что вы с Кирой встречались, а потом расстались, и из-за этого она повесилась.

— И всё?

— Всё. Насколько я поняла, это всё, что она знает.

— Ну да, конечно! — воскликнул полный скепсиса юноша. — Эшли знает гораздо больше. Уверен! Но теперь уже поздно это выяснять. Ну, так ты говоришь, что ты не Кира. Пф-ф... — юноша весь на эмоциях запустил себе руку в волосы, — конечно, ты не Кира. Теперь таких, как она, я за милую чую!

— Александр... — Жаклин опасно стеснительно глянула на него, — всё дело в том, что я где-то знаю, что она чувствовала, понимаешь?

— Чушь!

— Не волнуйся, я никогда не сделаю так, как Кира, но это не значит, что мне не могут быть близки её решения, — она опять прилегла к нему на грудь. — Скорее всего, у неё ты тоже занимал огромную часть её жизни. Ну а что, если ты был и её миром тоже, что тогда? — ей показалось неудобно так разговаривать, поэтому она опять села на пятки. — Я согласна — это очень примитивный, глупый никчемный мир, ещё хуже, чем у меня — у меня хоть есть работа, Сула, я смогу как-то себя вытащить книгами, музыкой, фильмами, собакой! — Жаклин запнулась. — А Кира не смогла. Вот не смогла и всё. Потому что нечем было. — Она развела руки в стороны. — Не смогла заменить тебя — не было у человека ничего внутри, в голове, кроме тебя. Я повторяю: это плохо, это глупо, но это так. А потом в один момент этот мир её бросил. Почему, кстати, ты её бросил?

«Мой бог, что-то мне уже не нравятся все эти разговоры», — закипали мозги юноши.

— Что значит «бросил»? Да не бросал я её! — Александр перекатился на бок и, подперев рукой голову, уставился на разгоревшиеся дрова в камине. — Я с ней расстался, — скосил он глаза на свою собеседницу. — Нормально расстался: поговорил, сказал, что она хорошая девушка и, скорее всего, ей ещё повезёт с каким-нибудь парнем, пожелал удачи — всё как положено. Она была первая, с кем я встречался, и первая, с кем мне пришлось расставаться, поэтому я старался не облажаться. — Он взял свой бокал и хорошо из него отпил. — После неё я не заводил отношений.

— А почему ты до неё не заводил отношений?

— А на кой мне это? Мне и так девушки не отказывали. Первая, кто отказала, была Кира.

— Вот как?

— Да. — Он опять посмотрел на Жаклин. Та сидела в позе и с выражением лица: «Я само внимание», поэтому ему ничего не оставалось делать, как продолжить. — Я тогда... уже не знал, куда себя деть. — Он опять уставился на огонь. Жаклин не сводила с него глаз. — Мне так хотелось подойти к какой-нибудь тёлке... ну, вернее, к девушке, и чтобы она меня вот прямо сразу же возненавидела и послала. Сразу же! — юноша вертикально ударил кулаком в пол. — Грязно, зло и подальше. Думаю, что я тотчас влюбился бы в неё как

пудель и носил бы на руках. — Парень посмотрел на свою слушательницу. — Но ничего из этого не случилось, Жак. Даже близко. Они все расплывались в улыбках, — он высокомерно скривился, — все начинали кокетничать и требовать внимания, в лучшем случае попадались такие «рыбы мороженые», которые ни послать, ни полюбить не в состоянии. Кира была первой. Она так посмотрела на меня, — юноша сделал высокомерное выражение лица, — и отвернулась. Это было неслыханно и та-а-а-ак круто! Я завёлся. — Тут он попытался было встать, чтобы поправить щипцами уже чуть прогоревшие дрова.

— Лежи. Я сама, — остановила его Жаклин рукой. — А потом? — спросила она уже со щипцами в руках.

— А потом мне всё это нравилось всё меньше и меньше — постоянно нужно было оправдывать её ожидания, она постоянно требовала внимания. Если тебя мне приходилось неделями ждать, пока ты освободишься от своей этой работы, то Кира постоянно свободна и требовала, чтобы и я был возле неё. Ей всё мало, мало, мало. Ей всё время приходилось что-то обещать, что-то делать, а взамен почти ничего такого, чего бы у меня не было и без этого. Да ну... — юноша махнул рукой, — мне надоело. К тому же, мне предложили отношения другого уровня, и я ушел туда.

— Что за отношения? Если не секрет, конечно, — девушка положила щипцы сбоку камина и отряхнула руки.

— Да это и не отношения были вовсе, просто секс без обязательств. Меня это вполне устраивало и в тех, в новых отношениях, мне очень помогли, между прочим.

— Господи, Александр, ты просто какое-то чудовище — тебе не жаль девушку, а заботит только то, как на тебе отразилась её смерть.

— Не буду спорить, — он утвердительно закрыл глаза и отрицательно покачал головой. — Но только лишь потому, что мне очень много есть что сказать на этот счет, — поднял он вверх указательный палец.

Жаклин улыбнулась. Она опять уселась на пятки и, потянувшись к своему молодому человеку, щекой потёрлась о его точеную челюсть.

— Значит, у меня есть повод гордиться: я раскрутила на отношения самого Александра МакЛарена.

— Лучше. Ты раскрутила его на любовь.

— Ну-у-у... да, — девушка заулыбалась ещё счастливее. — Но любовь тоже может сойти на нет, растеряться в быту, во времени, может появиться новая любовь, — она отстранилась. — Пусть она не будет такой же сильной, как прежняя, но она будет новая, молодая, и поэтому сильнее, и поэтому может победить...

Александр уставившись глазами в пол, задумался.

— Кстати, — почесал он волосы себе за ухом, — а что ты там проговорила, что если я буду настаивать на контрацепции, то ты... что-то там... будешь настаивать на том, чтобы предохраняться по очереди, я правильно понял?

— Абсолютно, — низко кивнула головой Жаклин.

— Каким образом?

— Один раз я пью таблетку, вернее, теперь нужно будет придумать что-нибудь другое, скорее всего, тампоны, один раз ты надеваешь презерватив.

Александр скривился.

— Но сегодня со мной нет презервативов. Я их не взял. — В его глазах бесенята выворачивали свои карманы, обыскивали друг друга, повизгивая от щекотки.

— Я взяла.

Бесенята тут же спрятались, а их хозяин прочистил горло.

— Вот как? Ты возишь с собой презервативы?

— Конечно! Это обязательно! Я вообще без презервативов из дому не выхожу. Особенно, когда сажусь в поезд — вдруг какой-нибудь симпатичный сосед попадётся, а ехать долго, за сексом время в пути скоротать очень удобно: пара оргазмов и ты на месте.

Александр молчал, не моргая.

— Я так вижу, когда включается твоя ревность, чувство юмора тебе отказывает, — спокойно, почти не меняя интонаций, продолжила Жак. — Расслабься, я сегодня купила их в аптеке вместе с таблетками.

— Силы небесные, по-моему, из нас двоих чудовище здесь ты, Сасенак. Хорошо, уговорила, мы попробуем не предохраняться, — после этого заявления последовала улыбка «Сдохни от зависти, Том Круз!» — Хватит с меня презервативов.

Шоколад её глаз на глазах начал плавиться как на горячем воздухе в пустыне.

— Мур-р-р... — она обвила руками вокруг его шеи. Но тут же отстранилась и потянулась к губам. — Чудовище ты моё Лох-несское.

Александр улыбнулся в поцелуе. Он рукой раскрыл полы её махрового халата, а Жаклин разъединила колени.

Глава 33 Open air

У меня в кошельке — долгий список безвизовых стран.

Кто-то умный сказал: «Все границы в твоей голове»...

Можно выехать ночью, а можно собраться с утра

И смотреть из вагона струящийся мимо рассвет.

Можно долго планировать улицы, даты, пути.

Можно сесть на автобус, не зная, что будет потом.

Можно ехать, лететь или плыть, или просто идти.

В каждом встреченном — свет, в каждом встреченном городе — дом.

Можно видеть. И знаешь, однажды любому пора

Перейти эту грань и почувствовать мир на крыле...

У меня в кошельке — долгий список безвизовых стран,

А в безвизовом сердце — желание быть на земле.

Анна Кукушкина.

«Чирк», — услышала Жак сквозь сон, — «чирк».

Девушка замерла в пограничном состоянии между сном и явью, пытаясь понять: это чиркает у неё во сне или не у неё наяву?

«Чирк», — то, где она лежала, начало колыхаться и слегка потряхивать её на поверхности. Рядом явно кто-то дышал и шевелился, но к ней не прикасался.

«Открыть глаза? — размышляла она. — Или пусть мир ещё проявит себя как-нибудь?»

«Чирк», — проявил себя мир.

«Интересно, где я? Кажется, меня зовут Жаклин. Да, точно, Жаклин. Александр!» — распахнула она глаза в следующую же секунду...

«Чирк», — сработал фотоаппарат айфона в руках того самого Александра.

Он сидел на пятках перед ней на кровати и был уже в боксёрах (хотя Жак точно помнила, что засыпали они оба голыми и на пледах в гостиной), и улыбался своей фирменной улыбкой.

— Ты такая прикольная, когда спишь, — улыбаясь, юноша склонился и чмокнул её в губки. — Утро доброе, Сасенак.

— М-м-м... — сладко потянулась девушка. — Ты с ума сошел, — пробормотала она, — фотографируешь меня сонную, страшную, заспанную — фу!

— Просыпайся, соня, — опять поцеловал её Алекс. — Нас ждут великие дела, — он отложил свой айфон на пол.

— Подождут, — махнула рукой соня куда-то туда, где, по её мнению, находились те самые дела, удел которых — ждать, и, развернувшись к своему фотографу задом, тщательно укуталась, свернувшись в позе зародыша и оттопырив попку.

Несколько секунд ничего не происходило.

— Гам! — громко гаркнув, Алекс хватанул её зубами за ягодицу прямо поверх одеяла.

— А! — подскочила Жаклин как ужаленная и тут же, почти в воздухе, развернулась к парню лицом. — Ты! Ты меня укусил!

— Не возмущайся, малыш — время завтрака. — Юноша стоял в кровати перед ней на четвереньках. — А мой завтрак — это ты! — и он накрыл её своим телом поверх одеяла.

Жак предполагала, что утренний секс у Алекса войдёт в те самые «большие планы на неё» на сегодняшний день.

Но она ошиблась — планы начались со щекотки.

Ей показалось, что у парня рук примерно восемь-десять, не меньше, и на каждой по двадцать пять пальцев, которые даже сквозь одеяло впивались ей в бока как резиновые пули.

— А! Ал... ахаха... Але... а! — она пыталась было отбиваться, но очень быстро ослабла от смеха.

— Поздно! У меня разыгрался аппетит! — он впился пальцами ей в ногу чуть повыше колена.

— Аа-а-а-а-а-а-а... — зарядила Жаклин и, не в силах победить силой мышц, решила победить силой звука и кричать до тех пор, пока он её не отпустит. — А-а-а-а-а-а-а-а-а... — продолжила она, видя, что Александр пока ещё не догадался о её намерениях. Когда ему либо надоело, либо до него дошло, он отдёргнул руки, и девушка тут же захлопнула рот.

«Ну ладно, Александр МакЛарен, не я это начала», — подумала она про себя и внешне тут же сменила настроение.

Кое-как вытащив из-под одеяла свою правую руку — левая была намертво прижата к её боку-Жаклин потянулась к его щеке и нежно, с любовью обняла точеную скулу. После чего запустила свои пальцы с виска ему в отросшие волосы, которые свисали сейчас на красивое лицо. Она зачесала кистью его вихры, но они тут же упали обратно.

— У тебя уже так сильно отросли волосы. Ещё чуть-чуть, и чуб можно будет за уши заправлять. — Девушка, не скрывая своего восхищения, любовалась своим личным произведением природы по имени Александр МакЛарен. Потом она оставила в покое его волосы и провела пальчиками по «топором рубленому» подбородку. — Хочешь, я тебя подстригу?

Он повалился рядом с ней на кровать поверх одеяла, тем самым освободив любимую из плена, и сам зачесал свои волосы с лица.

— Я не хочу их стричь.

— Вот как? — Жаклин приподнялась на локте, развернувшись к нему всем телом. — А почему?

— Хвост хочу.

— Ух, ты, как интересно! — зажглись воодушевлением глаза девушки. — Ты считаешь, что тебе стрижки не идут? Тебе хочется выглядеть ещё красивей? — посыпались из неё вопросы на эту животрепещущую тему.

Красавец фыркнул, задрав голову, и закатил глаза.

— Что я, клоун, что ли — красиво выглядеть! — возмутился он. — Главное, чтобы было удобно. Волосы отрастают, начинают лезть в глаза, мешают и раздражают, а постоянно бегать по салонам мне лениво. Да и вообще, стилисты там эти... и стилистки...я их боюсь.

Жаклин прыснула.

— Дааа... стилисты и стилистки это почти врачи, только ещё хуже, — засмеялась она.

— Вот именно, — ткнул он в неё указательным пальцем. — Поэтому я даже не удивлён, что ты умеешь стричь. Где ты научилась, кстати? Хотя, погоди, дай угадаю — в экспедициях с дядюшкой, так?

— Угадал! — с охотой кивнула «стилистка». — Не помню, чтобы какая-нибудь экспедиция могла позволить себе парикмахера. Всему приходится учиться самим. Мужчина из металлолома собирают дизельные генераторы, а женщины — из муки и воды ваяют

шедевры кулинарии, а из топинамбура и жира — свечи и горелки.

— Тогда я согласен! — хлопнул парень рукой по одеялу на её бедре.

— Правда?

— Правда.

— Ты согласишься мне свою внешность? — теперь уже она ткнула указательным пальчиком в его голую грудь.

— Пф-ф... обижаешь, Сасенак — я доверил тебе своё сердце, а ты беспокоишься о какой-то там внешности.

— Ты настолько легко относишься к собственной внешности? — тут же зацепилась за его заявление Сасенак.

Александр зажмурился и в недовольстве отрицательно покачал головой.

— Клещ, а не девушка.

— Я просто хочу знать — каково это: жить таким красивым, как ты?

— А-а-а... — он плашмя рухнул на неё сверху, как подстреленный в бою солдат. И не шевелился.

— Александр, — Жаклин чуть дёрнула плечом, — А — лекс...

Ни звука.

— Александр... — она опять чуть пошевелилась под ним, — больная тема?

— Ты предлагаешь мне согласиться с тобой в том, что я красивый? — промычал он где-то в районе её шеи.

— А у тебя есть выбор?

— Есть.

— Ты сможешь отрицать, что ты красив? Что за чушь!

— Ну, красив, ну и что? Дальше-то что? — он поднялся с неё и опять улёгся рядом, уставившись в потолок.

— Мне интересно, — пожала плечами «интервьюер», а потом не выдержала и, придвинувшись к красавцу, как кошечка потёрлась плечом о его плечо. — Расскажи, пожа-а-а-алуйста, — и кончиком носа прочертила вдоль точёной линии челюсти юноши.

Тот «таял» на глазах.

— Что ты хочешь знать? — повернул он к ней голову.

— Всё! — подпрыгнула девушка — «кошечка», но тут же осеклась и сдержанно добавила: — Ну-у... всё, что ты готов мне рассказать, — потупила она взор и стала ковырять пальчиком одеяло.

— Да нечего мне рассказывать! — он опять дёрнулся в сторону.

— Ну, вот что ты чувствуешь, когда тебе девушки прохода не дают?

— Раздражение! — тут же выпалил красавец, не задумавшись ни на секунду.

— И тебе это не льстит? Ни грамма?

— Я не с этих позиций подхожу к вопросу — льстит мне это или нет, мне похрен. Главное, какой мне от этого толк.

— И какой?

— Если девушка... э-э-э... — он закрыл себе одну ноздрю указательным пальцем, но тут же отпустил — аппетитная, я могу... э-э-э найти в себе силы и засунуть подалее раздражение. Ну, или, скажем, мне нужна от неё какая-нибудь услуга.

— Например.

— Например, она в первом триместре делала задание, которое задали мне на второй

триместр. А если мне от неё ничего не нужно, она посылается очень быстро и далеко, Ну а если я вижу, что она ещё и дура непроходимая, то такая посылается ещё быстрее и ещё дальше. Занавес.

Жаклин в ужасе и неверии покачала головой.

— Негодя-я-я-я-яй.

— Я — чудовище, забыла? — он потянулся и чмокнул её в губки.

— И тебе не было жалко этих девушек?

— Пфф... ещё чего! Их проблемы! Нехрен бросаться на красивую внешность... всё о прекрасных принцах мечтают. — Он уже вплотную приблизился к Жаклин и начал с наслаждением водить губами по её лицу и вдыхать запах её кожи.

— Да ты прям у нас волонтер в плане обучения науке жизни влюбчивых молоденьких девчонок, — и она со всей силы, сколько в ней было на тот момент, впилась всеми своими пальцами «волонтеру» в бока.

— У-у-у-у...

Ей показалось, что Александр подпрыгнул до потолка. А за ним подпрыгнула она сама, кровать, дом и горы в придачу.

* * *

— Не беспокойся, Жаклин, у нас всё нормально, — отчитывалась перед невесткой её золовка с такими интонациями, будто посылала подальше налоговую полицию.

— Мери, извини, я не хотела тебя лишней раз беспокоить. И ещё раз спасибо тебе, что согласилась нам помочь, — не обращая внимания на тональность беседы, продолжила делать своё Жаклин.

— Ты меня не побеспокоила, но, тем не менее, должна поставить тебе на вид, что ты зря так часто звонишь, будто не доверяешь мне. Мне сорок два года, Жаклин. Неужели ты думаешь, я не в состоянии позаботиться о себе и о собаке и обязательно должна всё испортить?

— Ещё раз извини, Мери. Мне как-то не доводилось расставаться с Сулой так надолго, поэтому я волнуюсь. Прошу, пойми меня правильно.

— Твоя Сула в полном порядке, иначе и быть не может, ведь я рядом. Так что, пожалуйста, поверь в меня и перестань контролировать своими ежедневными звонками.

— Хорошо. До свидания, Мери. И ещё раз спасибо.

— До свидания, Жаклин.

Чарльзу девушка и так звонить совсем не жаждала — не хотелось ей «протягивать ниточку» в ту свою жизнь ещё и отсюда, с гор, а после такого «холодного душа» от золовки последние крохи желания растворились в воздухе как остатки тумана над Torriron в это солнечное утро.

Поэтому, позвонив Эшли и узнав, что с Маркасом уже совсем всё хорошо, она решила на этом со звонками на сегодня покончить.

«На работу позвоню завтра, а Чарльз сам отзовется, когда вспомнит», — резюмировала она. Жаклин стояла на втором этаже, на веранде и заново открывала для себя Torriron и Шотландию.

Солнце всходило из-за той самой горы, под которой расположилось их временное пристанище. Была зима, и поэтому даже в одиннадцать часов гора отбрасывала приличную тень на водную гладь. Там, где поверхность озера уже освободилась от тени, вода цветом напоминала небо и, пожалуй, если бы водная стихия и небесное пространство встретились

на горизонте, то визуально просто слились бы в одно целое. А там, куда гора ещё не пускала лучи небесного светила, вода сильно походила на грозовой океан тёмно-зелёно-синего цвета, скорее всего, ввиду очень даже приличной глубины и Torrison, и океана.

Глядя на это, сразу начинало казаться, что ты смотришь на чистые воды Северного Ледовитого где-нибудь у берегов Норвегии. Того и гляди, из этой глубины покажется горб кашалота, или огромный красивый хвостовой плавник синего кита, или бивень нарвала. А ещё, сейчас, при свете солнца, во вчерашнем коричневом, голом лесу напротив, Жаклин то тут, то там рассмотрела зелёные кустарники. Над всем этим разнообразием «висели в воздухе» заснеженные вершины гор.

Пройдя по веранде в правый угол дома до конца, девушка смогла рассмотреть кусочек галечного пляжа посёлка, где вчера она начинала своё знакомство с Torrison, хоть самих домов и не было видно. А когда она посетила угол левый, то ей почти полностью открылся вид на остров — «сюрприз», который точно так же как и лес, оказался кое-где с вкраплениями вечнозелёного кустарника.

«Уже третий день нет дождя, — размышляла она про себя. — Значит, скоро он будет лить неделю. Это плохо».

А вообще, утренний Torrison показался ей, конечно, менее таинственным, чем вечерний, но зато более жизнеутверждающим.

Александр заказывал завтрак на одиннадцать, и именно в это время еду им и доставили. Когда заиграл звонок домофона, и парень пошел получать заказ, Жаклин, воспользовавшись его отсутствием, нырнула в душ и закрылась на защелку. Когда она оттуда вышла, то через стекло веранды увидела юношу, с телефоном у уха вышагивающим возле открытого багажника «его красавицы».

На удивление девушки, парень, вернувшись с улицы, даже ни взглядом, ни жестом, ни интонациями не упрекнул её в том, что она в душе обошлась без него.

«Скорее всего, он даже и не хотел, и не пытался ко мне туда пробраться», — резюмировала она, после того как молодой человек, бросив фразу: — «Я сейчас быстренько в душ, а потом мы будем завтракать», — скрылся в ванной. «Странно. Размеры его планов были им явно преувеличены», — уже приготовилась она надуть губки.

Оборвавшийся звук шума воды в душе, где сейчас плескался её молодой человек, оборвал любование Жаклин окрестными пейзажами.

«Он закончил. Сейчас мы будем кушать!», — и она бросилась на кухню.

Фасоль с мясом, помидорами и кровяной колбасой; омлет с сыром; картофель с грибами, луком и зелёным горошком; пара упаковок с соусами; круассаны с творогом и печенье Shortbreds — всё это Жаклин раскладывала по тарелкам. Завтрак вовсе не потребовал дополнительного разогрева, поскольку был упакован в одноразовую термостатную посуду, и от блюд даже исходил лёгкий парок. Вместо стаканов «TakeAway», как это сделали бы в гостинице там, в Loulands, здесь, в Highlands, им принесли термос с чаем.

Если в прошлое утро девушка к еде была настроена абсолютно нейтрально, то сегодня более чем равнодушно — у неё разыгрался аппетит. Подгоняемая им, она не удержалась, зачерпнула себе полную ложку картошки с луком и грибами и отправила в рот. За этим непривычным для неё занятием и застал её пришедший из душа в белом махровом халате Алекс.

Увидев Жаклин с набитым ртом и раздутыми щеками, с аппетитом всё это

перемальывающую (да ещё и она приложила руку к губам, чтобы еда ненароком не вывалилась изо рта), парень реально остолбенел. И онемел.

«Чревоугодница» с выражением лица, как будто её застали за воровством конфет из буфета, вместо приветствия попыталась улыбнуться, насколько позволяла натянутая кожа на щеках. Эта умильная картина вернула юноше вербальные способности, и он даже попробовал оформить словесно свои умозаключения от увиденного.

— Ты... — он запнулся, — ты хочешь кушать, да? Ты голодная?

— Угмхм... — даже не закивала, а утвердительно затрясла головой Жаклин, как будто хотела вытрясти из своего рта его содержимое.

— Вау! — вспыхнули восхищением «тюльпаны». — Я знал! Я так и знал, что горы творят чудеса. Так! — он хлопнул в ладоши. — Такое событие нужно отпраздновать не завтраком, а полноценной едой — мы едем в паб!

«Голодающая» часто-часто заморгала, не прекращая работать челюстями.

— Ф пап? — прошамкала она. — Шдес есь пап?

— Здесь есть всё! — воскликнул Александр. — И я чертовски голоден! — дополнил он, отодвигая свой стул.

В это утро еда исчезала со стола примерно с такой же скоростью, с какой вчера их одежда разлеталась по углам ванной комнаты. Картинка того, как Жаклин набивает себе рот пищей и уплетает практически всё, что он для неё заказал, делала юношу счастливым по-настоящему.

Но как оказалось, это было только начало.

— Я хочу танцевать, — заявила девушка довольно будничным тоном, катая по своей тарелке оставшиеся одиночные зелёные горошины.

Александр перестал сразу делать четыре вещи: шевелиться, дышать, моргать и жевать.

— Я очень хочу танцевать, — повторила она, чтобы у её визави отпали всякие сомнения по поводу здоровья его слухового аппарата, и наколола на вилку последние две горошины.

Удостоверившись, что он не ослышался, юноша начал хотя бы моргать и дышать.

— Танцевать?

— Угу, — как бы между прочим подтвердила Жак своё душераздирающее признание, отпивая чай из кружки.

— А как ты хочешь танцевать? — тоже «включил» будничный тон парень.

— Да без разницы, — облизнула она губки, — лишь бы музыка была и место, где развернуться.

МакЛарен задумался и поелозил губами туда-сюда.

— Развернуться... — он пятернёй полез себе в волосы на затылке и задумался. — Ну что ж, хорошо.

Будет тебе музыка и место, где развернуться. Только у меня одно условие, — положил он запястья обеих рук на кромку стола.

— Условие? — вскинула на него голову Жаклин. — Это интересно. И какое же?

— У тебя есть с собой платье?

— Платье?

— Да, платье.

— Эм-м... какое платье?

— Джеки, ты чего? — в неодобрении чуть отодвинулся от стола юноша. — Обыкновенное. Женское. Платье, — проговорил он слова по отдельности.

— Оу, ну да... конечно... у меня есть платье, — с готовностью закивала девушка.

— Надень его, — ткнул он в неё в воздухе вилкой.

— Когда?

— После завтрака. Мы уезжаем.

— Куда?

Александр в удивлении поднял глаза.

— Всё-всё, — скептически сжала губки Жаклин и в защитном жесте выставила перед собой ладонки, — сюрприз так сюрприз.

Убрав со стола, она поднялась в ту спальню, где они ночевали. Ну или проснулись — девушка так и не удосужилась уточнить время, когда Александр перенёс её в кровать. Сам же молодой человек, как она поняла, чтобы не смущать себя и её, ушел одеваться в соседнюю — на втором этаже спален было как раз таки две — по обе стороны от лестницы.

Собираясь в горы, Жаклин прихватила с собой довольно длинное трикотажное платье на пуговицах из монгольского кашемира фирмы «GOBI». Неброский, приятный глазу цвет осоки; низкий полукруглый вырез горловины; подол, скрывающий ноги хорошо пониже колен; большие тёмно — зелёные пуговицы, подчеркивающие изящность фигуры — всё это приглянулось ей в одном из магазинов в Риме, когда она ненадолго летала в столицу Италии к дядюшке в гости после третьего курса Университета. К платью прилагалась фирменная упаковка в виде капроновой тубы, поскольку кашемир лучше транспортировать свёрнутым в рулон.

Девушка расстегнула молнию на чехле и, вынув платье, раскатала его по всей длине. Ей увиделось, что ткань выглядит всё-таки весьма помятой, поэтому, поругавшись на себя, что не вывесила изделие по приезду, взяла вешалку из встроенного шкафа-купе и направилась в ванную. В небольшом пространстве комнаты ещё оставалось достаточно пара после их утренних водных процедур, но она всё равно включила в душе горячую воду и повесила платье на вешалку для полотенец. Способом «пара в ванной» её научили разглаживать вещи женщины в экспедициях.

Пока она копалась в чемодане и приводила в порядок свои «пружинки», платье обдало паром, и оно более-менее выпрямилось. Слегка подсушив его феном, находчивая Жаклин отправилась одеваться.

Одевалась девушка долго и тщательно. Не имея ни малейшего понятия, где и при каких обстоятельствах ей придётся всё это снимать, она полагала, что должна подготовиться ко всему и быть, так сказать, во всеоружии. Вообще-то, под такой кашемир из нижнего белья было бы уместным надеть имеющийся в наличии красивый тёмно-зелёный бюстгальтер от Logmar, но так как он был без комплекта, то она предпочла ему гарнитур бесшовного немецкого белья от Triumph цвета красного вина.

Открыв дверь спальни как ни в чем не бывало, Жак уже хотела было её закрыть и направиться на первый этаж, чтобы посмотреть, как её платье будет выглядеть в комплекте с пуховиком и итальянскими ботиночками с опушкой — что-то её будущий внешний вид в верхней одежде и в платье из кашемира внушал ей чувство лёгкого беспокойства — как она буквально наткнулась взглядом на стоявшего спиной к ней у стекла веранды, воина.

Именно воина.

«Воин! — подумала Жаклин. — ВОИН?!» — тут же завопили её мозги. Даже спустя некоторое время она так и не смогла понять, почему не закричала в тот момент от неожиданности или даже от испуга.

Воин стоял, расставив ноги на ширину плеч и сцепив руки в замок за спиной. Мужчина явно любовался видом за стеклом, судя по всему, направив свой взгляд на тот самый остров — «сюрприз». На нём был надет так называемый, большой килт тёмно-синего цвета с мелкими черными, белыми и желтыми полосками и такого же тёмно-синего цвета жакет. Воин обернулся и оказался её Александром.

Вернее, её Александр в килте и со спорраном.

Жаклин пару раз моргнула — Алекс в большом килте и со спорраном не исчез. Тогда на неё вдруг, ни с того ни с сего, нахлынуло какое-то волнение и осознание важности и серьёзности момента. Выражение её лица стало таким, как будто сейчас происходит что-то архи значимое во всей её жизни и даже, может быть, решается её судьба. Юноша тоже был сосредоточен и без тени юмора и улыбки даже в глазах, не говоря о губах, вперился в неё ответным взглядом. Девушка, чуть удивившись нахлынувшему на них настроению, молча приблизилась к «воину» и начала окидывать его взглядом с ног до головы как в первый раз в жизни.

Она измерила его рост, поведя вверх-вниз по его фигуре не только глазами, но и головой, заглянула ему в лицо, почесала себе указательным пальцем щеку, потом взяла его двумя пальчиками за рукав и немного повернула вокруг оси. Александр чуть сдвинулся, а девушка стала обходить его с правого боку. Жаклин положила руку на серебряную застёжку для верхнего яруса большого килта, который Александр запахнул на плечо только сзади, провела по всей полосе запахнутой ткани, после чего попробовала пересчитать складки нижнего яруса сзади на ягодицах, но быстро сбилась. Встав опять перед «воином», она пощупала кожаный спорран, видневшийся меж запахнутых за пояс пол верхнего яруса килта. Кошель висел на нержавеющей цепочках, пристёгнутым, как и положено, к ремню. На ногах у Алекса были уже не зимние короткие полуботинки на замке, как вчера, а грубые сапоги с широким низким голенищем и оторочкой из меха оленя, из-под которых, обтягивая икры, выходили высокие носки — хосы с завязками.

— Дай мне ещё минутку, — наконец вымолвила девушка и скрылась в «своей» спальне.

В бытность Жаклин студенткой Университета Сити, с ней в группе учились две подруги. Жуткие модницы. Одну звали Барбара, а другую — Сиена. И та, и другая вполне себе успешно умудрялись совмещать шмотки, наряды и довольно неплохие отметки. И вот однажды, будучи на практике в госпитале в Bromley, одна из этих модниц, а именно, Сиена, увидела в коридоре больницы женщину-доктора, у которой из-под больничного халата бледно-ультрамаринового цвета, сзади на чулках тянулись прямые и довольно выразительные швы. Бог весть где, и главное, зачем эта женщина купила себе чулки со швом, но Сиена с Барбарой, подойдя к проблеме вплотную, решили её в самые сжатые сроки, и ни больше ни меньше как через неделю, чулки со швами под больничные халаты носили уже все девушки их группы. Включая Жаклин.

Она тогда взяла себе сразу три пары и пояс, а через некоторое время, обучившись волшебству делать так, чтобы стрелки сидели ровно, начала чулки со швами носить уже не только под больничный халат (ей никогда не нравились её ноги, она находила их некрасивыми), и чулки с этими тоненькими, выразительными линиями сзади, в тех случаях, когда джинсы были неуместны, оказались как нельзя кстати.

Если бы её кто-нибудь спросил: зачем она взяла эти чулки с поясом в горы, Жаклин, наверное, просто ушла бы от ответа, чтобы не врать, но самой себе обязательно призналась бы, что сгребла дома всё, что казалось ей хоть каплю сексуальным, тем более, что этого

оказалось совсем немного.

— Один-один, — улыбнулся юноша, увидев у своей девушки сзади на чулках прямой, как след пули, шов.

— Я обязательно загляну тебе сегодня под килт. Даже не сомневайся! Я знаю, что вы не надеваете под него нижнее бельё, — бросила она через плечо, спускаясь впереди него по лестнице и подняв вверх указательный палец в назидательном жесте.

— Хм... считай, что ты меня напугала, — басовито хмыкнул парень. — Тогда твоим этим... ниточкам тоже недолго осталось. Уверен, для тебя это даже не секрет.

— Не-а, — покачала она головой.

— Поехали.

Чем пахнет утро?

Логично было бы ответить, что постелью.

Банально было бы ответить, что свежестью.

Оригинально было бы ответить, что новостью.

Романтично было бы ответить, что восходом солнца.

Фривольно было бы ответить, что утренним сексом.

Пессимистично было бы ответить, что новым рабочим днём.

Оптимистично было бы ответить, что будущими достижениями.

Чистосердечно было бы ответить, что тем же, чем и вечер.

А чем пахнет утро в горах?

А в горах утро, кроме всего прочего, пахнет временем. Временем и вечностью. Здесь, казалось, сама атмосфера настояща на днях, годах, тысячелетиях. Примерно так же, как и в Риме, на Акрополе, вокруг Стоунхенджа и Танаиса. И хоть творения человека находятся в несколько другой возрастной категории, нежели творения природы, а понятие «времени» не всегда подходит к понятию «вечности», но всё равно, именно в таких местах приходят мысли о тысячелетиях, веках, их мудрости, о незыблемости и зыбкости, о бесконечности и безначальности. И воздух, миллионами лет насыщаясь неизменностью, постоянством картинки девственной природы, отдаёт тебе этот запах именно по утрам, когда дневные хлопоты ещё не оккупировали твой мозг до отказа.

С этим крыльцом определённо что-то было не так — опять, только выйдя за двери дома, Жаклин остановилась и вдохнула она полной грудью. Александр остановился у неё за спиной. Девушка уже видела почти всё тоже самое с веранды на втором этаже, но через стекло не различить влаги на траве и камнях, которыми был устлан двор, не почувствовать тепла от озера и холода — от снега на вершине «их» горы за спиной. Стекло не пропускало запаха сырости, который, вырвавшись из кустарника, окружавшего дом, будто вступал в соревнование с запахом отсыревших углей из жаровни для барбекю — кто из них в этом дворе главный. А ещё пахло и снегом, и травой, и деревом, и камнем одновременно.

И опять вокруг было настолько тихо, что казалось, можно услышать, как стекают капли росы с кузова Q7 и разбиваются о камни двора.

После того как они уселись в Audi, Жаклин тут же опустила своё стекло до упора и удивилась, почему ей не пришло в голову сделать это вчера. Но сегодня в машине имелось уже кое-что поинтересней сказочных видов за окном, и девушка скосила глаза на подол килта своего горца — ей было до жути интересно, как будут смотреться его широко расставленные голые коленки под рулём. А ещё она невольно зыркнула глазом на то место, выше споррана, которое в брюках прикрывается ширинкой.

«Интересно, почему это я в первый же момент подумала, что передо мной стоит воин? Неужели мужчина, надевший килт, прибавляет себе столько воинственности? Мужчина в «юбке» воинственен? Странно... должно быть наоборот. Или, может быть, это Алекс, надевая килт и зная, что это одежда воина, начинает ощущать себя более воинственно и это сказывается на осанке?» — в это момент ей впервые захотелось задрать ему эту чертову «юбку».

Когда они приблизились к берегу озера с другой стороны, и водоём открылся им

большей частью своей акватории, у обоих заболели глаза от того, как «горела» вода на солнце. Это было похоже даже не столько на россыпь бликов серебра на воде, а на то, как будто озеро — живой организм и сейчас, под лучами солнца, его «шкура» покрылась жемчужными мурашками. Смотрелось одновременно и красочно, и празднично и в то же время даже немного жутковато.

Машина уверенно продвигалась вдоль кромки берега, и Жаклин наконец-то увидела стоявший на приколе маленького полуострова — «черепахи» катер — он был на месте. В посёлке сегодня прибавилась пара машин на стоянке у гостиницы, и несколько человек возились возле одной из них. «Видимо, они ночевали здесь и сейчас уезжают, — подумала Жак. — Интересно, наши вчерашние заблудившиеся благополучно добрались?»

Александр на этот раз в посёлке не остановился, а проехал мимо по дороге вдоль берега.

Мысли в голове Жак роились примерно как блики солнца на поверхности Torridon. Ей было любопытно всё: куда они едут сейчас, где будут танцевать, какой сюрприз ждёт её на острове, и...

«Кстати, у МакЛаренов синий тартан?» — осенило её мыслью.

— Это цвета МакЛаренов? — девушка всё-таки провела рукой по чистошерстяной, мягкой, но колкой ткани на мужском бедре.

— Нет. У меня нет килта с цветами МакЛаренов. Это цвета Университета Глазго. Это парадная форма студентов.

Девушка часто заморгала в непонимании.

— Насколько я знаю, обычно парадным делают «малый» килт.

Парень в одобрении качнул головой.

— Правильно знаешь. Но я нёс флаг. На празднике посвящения в студенты выносят знамёна. Студент выпускного курса несёт флаг Шотландии, а студент первого курса — флаг Университета. Вот им положено иметь «большие» килты.

— Ты хочешь сказать, что до того, как ты стал студентом, у тебя не было килта?

— Не было. — Он мотнул головой. — Не было повода иметь килт. Отец этим не интересовался, а в школе у нас была обычная форма.

— Впервые слышу, чтобы шотландцу для того, чтобы иметь килт, нужен повод. Ну хорошо, у тебя не было килта с цветами МакЛаренов. А Бикстеров? Кирку тоже это неинтересно?

— У него есть килт. Но я не Кирк и не Бикстер. Я — МакЛарен.

«Ну, слава Богу! — воскликнула про себя Жаклин. — А я уж было подумала, что он совсем не любит своего отца».

Между тем они уже обогнули мелкий берег Torridon и подъезжали к перешейку первого полуострова — «черепахи». Юноша, оставив основную дорогу, свернул на еле заметную колею, уходившую к воде сквозь заросли прибрежного кустарника, и в этот самый момент их обогнала машина, возле которой копошились люди в посёлке.

Жаклин притихла.

«Кажется, началось», — мысленно потирала она в предвкушении ладошки.

— Сейчас будет сюрприз, да? — решила сыграть она в непосредственность.

Юноша только лишь ухмыльнулся. Он остановил машину прямо на дороге, в самих зарослях, не доехав до берега футов двадцать пять — тридцать.

— Приехали, — сказал он, заглушив двигатель.

Жаклин тут же нажала на ручку двери и вышла из салона чуть раньше своего водителя. Даже имея за плечами такое детство, какое имела она, здесь и сейчас, на берегу этого северного шотландского водоёма она чувствовала себя, наверное, примерно как Нейл Армстронг и Базз Олдрин на Луне.

Жак направилась к берегу, а Алекс обошел машину и открыл багажник.

Перешеек этого крошечного полуострова состоял в основном из камней, которые по мере приближения к водоёму становились более плоскими и ровно уложенными относительно друг друга. Берег тоже был каменистый, но только состоял уже не из серебристой гальки, как в посёлке, а из каких-то коричневых грубых бутовых булыжников.

Вода в озере даже при самом ближайшем рассмотрении оказалась чистойшая. Чтобы убедиться, что абсолютнейшая прозрачность ей не показалась, Жаклин прошла по камням за кромку прибоа.

— Ну, надо же... — пробормотала девушка, — и впрямь как слеза.

— Что ты говоришь? — спросил её приближающийся юноша. Он нёс в одной руке какую-то длинную полупустую брезентовую сумку и магазинную сетку с дровами для камина, а в другой — большой, круглый, как будто надутый воздухом баул. На левом плече у парня примостился рюкзак.

«О, господи, я надеюсь, мы не в кругосветку собрались? — тут же начала опасаться Жаклин.

— Я говорю: я бы с удовольствием летом здесь окунулась, — сказала она громко, приседая на одном более устойчивом на вид камне и зачерпывая ладошкой немного воды из водоёма. — Вода просто неправдоподобно чистая.

— А-ха-ха... — вольготно-покровительно засмеялся парень, проходя мимо неё к катеру и слегка поигрывая сзади складками килта. — Я привезу тебя сюда летом, если ты мне обещаешь купаться со мной только нагишом. Идёт? — тут же слегка оглянулся он на девушку.

Та даже не выпрямилась, а именно подскочила.

— Нет проблем! — раздула она ноздри. — Если ты хочешь, чтобы меня голую увидело всё население хайлэнда, то кто я такая, чтобы идти вразрез с твоими желаниями, — почти прокричала Жаклин. — Нудист чертов, — прошептала девушка уже себе под нос и направилась забрать дублёнку этого «чертова нудиста», которую он оставил лежать на кустарнике рядом с «его красавицей».

Александр подошёл к маленькому, пять на пять футов, причалу и скинул там всю свою поклажу. Жаклин двинулась за ним. Юноша сходу перепрыгнул на подножку кормы катера, отстегнул и откинул натянутый зимний тент.

Вблизи габариты судна, нужно было признать, впечатляли. «WINDY» — прочитала девушка большие буквы на его корме у носа. Пластиковая крытая рубка вместе со спойлером сейчас была зачехлена, поэтому рассмотреть что-либо внутри неё пока не представлялось возможным. Также Жаклин не увидела навесных моторов на корме, скорее всего, их встроили в корпус. На этом информация, которую могла «выжать» девушка из внешнего вида «WINDY», заканчивалась, поскольку и в катерах, и в яхтах разбиралась слабо и, скорее всего, на вопрос: — «Какие вам нравятся катера?» — максимально вразумительное, что смогла бы ответить: — «Такие... белые», — помогая себе руками.

Юноша тем временем сходил в рубку, что-то там проверил или просто осмотрелся и, вернувшись, протянул к ней руки.

— Иди ко мне, — сказал он без тени улыбки.

Жаклин потянулась руками к его плечам, а он, ухватив её за талию, переставил к себе на подножку кормы. Но руки не убрал.

— Я хочу, чтобы тебя голую увидел только хайлэндс, без его населения, — добавил он максимальную дозу вкрадчивости и даже какой-то ядовитости в голос. — Очень хочу, — и, не дав девушке опомниться, впился ей в губы.

В этот момент ей во второй раз захотелось задрать ему эту чертову «юбку».

* * *

— Ты умеешь водить катер? — спросила Жаклин, убирая с прохода его брезентовую сумку и с удивлением обнаруживая, что стоит сейчас, скорее всего, на крышке трюма. На самом катере вещей почти не было видно, не считая швартовых канатов и каких-то гаечных ключей возле пассажирского кресла.

Александр перекинул всю свою поклажу на коклит и, открыв каким-то ключом замок на цепи, на которую был привязан катер, так сказать, отдал швартовы.

— Своевременный вопрос, малыш. Bravo! — засмеялся он. — Конечно, я умею водить катер! А что тут уметь! — весьма бодро и уверенно продолжил юноша, надевая свою дублёнку. Девушке в его голосе слышалась бравада. А может быть, и не слышалась.

— А разве водить катер — это просто?

— Нет, это не просто, — сказал он, проходя мимо неё в рубку и попутно чмокнув в щечку. — Это очень просто.

— Вот как?

— Водить катер очень просто, особенно для тех, у которых машина с правым рулём. Сложно только научиться причаливать. Проходи, садись вот сюда, — показал он на вращающееся на триста шестьдесят градусов кресло рядом с водительским. — Там многое зависит от того, правый у посуды винт или левый, сколько этих винтов: один или два, какая волна на воде, да и от устройства причала тоже многое зависит. — Александр сам уселся на кресло водителя и вставил ключ в скважину зажигания.

— А у тебя есть права на вождение катером? — неуверенно уюстилась на своё место Жаклин.

Парень вскинул подбородок.

— Они не нужны, — он повернул ключ: загорелись датчики на приборной панели, а спустя доли секунды заработали двигатели, — если я не собираюсь на этом зарабатывать. Предъявляешь водительские права, и сумма залога будет чуть больше.

— Залога? Какого залога?

— Когда ты берёшь в аренду катер и выезжаешь на нём на озеро... выходишь в море, океан, ты оставляешь залог или платишь страховку. Так вот, если у тебя нет отдельных прав на управление водным транспортным средством, оставляешь чуть больше залог от ущерба. Вот и всё.

— И сколько составил залог у тебя сейчас за такую красоту? — Жаклин окинула глазами отменный пластик, приятный дизайн и удобную приборную панель «WINDY».

— Пфф... это ты ещё внизу не была, — ткнул парень указательным пальцем в подол своего килта.

— Ну, так сколько? — она была уверена, что он не скажет.

— Полторы тысячи.

— Ого! Я надеюсь, не наличными?

— Нет.

— Фух-х-х... — опустила плечи девушка. — Ну, хорошо, а где ты научился водить катер? Здесь, в горах?

— Немного здесь, — кивнул юноша. — Но вообще-то меня научил отец, когда мы были на Канарах в Тереситасе. Там на причале яхтклуба гостиницы держали свои катера и сдавали их в аренду. Вот видишь, — стукнул он указательным пальцем по какому-то значку на «торпед», — у нас сейчас два левых винта. Значит, сила потока отнесёт корму вправо, а нос — влево. Поэтому, ещё не начиная двигаться, нужно немного повернуть руль вправо, — Александр чуть повернул колесо руля вправо. — На заднем ходу идёт реверс, и винты меняются местами — правые становятся левыми и наоборот, поэтому и посудину начинает разворачивать в противоположную сторону. Поэтому, когда сдаёшь задом, руль нужно чуть выворачивать влево. Но это глиссирующий катер, а не водоизмещающий — у него очень сильные скуловые брызгоотбойники, а значит, очень тяжелая, неповоротливая корма, поэтому его меньше заносит, чем простые, спокойные катера. Поняла? — улыбнулся он Жаклин.

— Нет, — ошарашено покачала она головой.

— Ну, тогда застёгивай свою курточку и поехали, — Александр по очереди нажал на рычаги дросселя. «WINDY» послушно и мягко двинулся вперёд.

— Вообще-то, я должен прочитать тебе ту же самую лекцию, которую прослушал от менеджера гостиницы по поводу безопасности на воде, — парень направлял судно в сторону фарватера. Сразу же подул очень ощутимый, прохладный ветерок с кормы, и Жаклин почему-то пришло на ум, что вот сейчас она по-настоящему почувствует, что такое север. — И ты обязательно должна знать, что спасательные жилеты находятся вот тут, — хлопнул он ладонью еле заметную дверцу на спинке её сиденья с картинкой спасательного круга. — Нажимаешь вот так, — чуть надавил он пальцами на пластину, и дверца тут же открылась, — и вынимаешь. Дёргаешь за шнур, и он сам надувается. Точно такая же и у меня на спинке. Поняла? — он захлопнул дверцу.

— Поняла, — с готовностью закивала пассажирка. Но ей было уже далеко не до каких-то там спасательных жилетов — нос катера направился прямо на остров- «сюрприз».

— Вау, смотри, там наш дом показался! — воскликнула девушка и даже чуть привстала в кресле, увидев с правого боку угол знакомой стеклянной веранды.

— Его было видно ещё с причала. Просто ты не присматривалась, — парень направил судно к берегам острова — «сюрприза». Жаклин, налюбовавшись «их» домом, переключила внимание на небольшой причал в виде каменного трамплина, уходящего в глубину вод, расположившегося на более-менее открытом пространстве этого островка. Девушка уже приготовилась высаживаться на этом месте, и каково же было её удивление, когда Алекс молча промчался мимо.

Кстати, взглянув на своего водителя, она опять заметила, что с ним, очевидно, что-то не так — он был явно излишне напряжен. Отнеся это к его сосредоточенности по поводу управления водным транспортным средством, Жак не стала заострять на этом внимания. Она наблюдала, как они огибают остров по кругу, и изучала его берега. «Сюрприз» был довольно низким и пологим. И почти весь, за исключением места вокруг причала, вплоть до линии прибоя, зарос листовным кустарником с вкраплениями каких-то карликовых, покорёженных представителей хвойных.

МакЛарен вел катер вокруг острова, а Жаклин ждала, когда же и куда же он решит

причалить.

И не дождалась.

Юноша спокойно объехал вокруг, по новой проехал мимо причала-«черепахи» и направил судно в прямо противоположную сторону от посёлка. Они всё больше удалялись и от острова-«сюрприза», и от полуострова-«черепахи», и от посёлка, и от «их» дома, а Жаклин всё сидела и думала: — «Что же всё это может значить?»

Перекрикивая шум ветра и моторов МакЛарен начал что-то вещать про суда и их оснащение, и у Жаклин опять создалось впечатление, что он развлекает или отвлекает разговорами не столько её, сколько самого себя.

— Здесь скорость дана в узлах, — ткнул он опять куда-то в приборную панель. — Это катер внешнего использования, то есть на нём можно выходить в открытый океан. Если бы здесь были указаны километры в час, это был бы простой «утюг» для внутренних вод, — он посмотрел на Жаклин — лицо девушки моментально переключилось в режим «плохо скрываемый ужас». — Мой Бог, Джеки, да что с тобой?

— Я... — она сглотнула, — я надеюсь, ты не в открытый океан собрался?

Тот натужно рассмеялся.

«Нет, с ним определённно что-то не так», — окончательно убедилась Жак.

— Спасибо за комплимент и веру в меня, как в капитана и лоцмана, но нет. — Чуть помолчав и подождав, пока Жаклин успокоится, он добавил: — Но кое-что сделать я всё-таки смогу, — и потихоньку начал «утапливать» рычаги газа вперёд.

Моторы загудели как два могучих вулкана, а нос судна стал задираться. Жаклин показалось, что они вот-вот пойдут на взлёт.

«Господи, если не в открытый океан, то в открытый космос», — проворчала она про себя. При этом парень очень внимательно и сосредоточенно смотрел за рулём. Стрелка на механическом спидометре медленно, но верно, ползла вправо — узлы нарастали, и катер перешел на глиссирующий режим. Жаклин почувствовала, что как только нос задрало и их немного опрокинуло назад, кресло под ней тут же выпрямилось так, что девушка опять приняла почти вертикальное положение.

А между тем они всё-таки «вышли в открытое море», то есть выплыли прямо в центр озера.

Из своего фарватера Torridon открылось им не менее прекрасным, чем с берегов, хоть здесь вода и земля, так сказать, менялись местами.

Если с берега суша казалась какой-то беспокойной и волнительной с её шевелящейся на лёгком ветерке листвой, проезжающими машинами, двигающимися людьми, а гладь озера — наоборот: спокойной, расслабленной, замершей, притихшей, умиротворяющей и успокаивающей, то отсюда, с самого центра акватории, всё казалось наоборот — озеро ощущалось очень живым, даже каким-то бурлящим и взволнованным, а берега проплывали мимо такими умиротворёнными, сонными зарослями, где, казалось, всё живое, как только ты его покинул, успокоилось и впало в спячку до твоего возвращения.

Жаклин опять замолчала как завороченная. Кустарник на левом низком берегу сменил высокий хвойный лес. Сосны, тонкие и стройные, стояли вдоль берега как выстроившийся в честь проезжающего мимо катера почётный караул. А с высокого правого берега горы всё так же сменяли друг друга, перемежаясь ущельями различной модификации и замысловатости. Снег лежал только на самих вершинах.

Но ехали они совсем недолго. Прямо по курсу появился большой, по местным меркам,

полуостров, с левой стороны перешейка которого и расположился посёлок Shieldeig. Оставив по левому борту понтонные садки небольшого рыбоводного хозяйства, расположенного у левого берега полуострова, Александр перевёл катер в водоизмещающий режим и направил его в узкий пролив между мысом полуострова и правым, высоким берегом LochTorridon.

— После этого пролива начинается озеро Шилдейг, — вынужденно громко, из-за всё ещё весьма ощутимого шума двигателей, сказал юноша. Когда катер шел носом кверху, двигатели ревели так, что о разговорах не могло быть и речи.

Жаклин во все глаза смотрела на причудливый ландшафт большого полуострова. По её понятиям, это был образец самодостаточности — там наличествовало всё: круглые обтекаемые скалы, издали напоминающие сбежавшее тесто; большие острые, даже немного опасные на вид, скалистые выступы, кое-где сохранившие снежный покров; участки каменистой, рыжей на цвет, почвы покрывал мох и низкий, вечнозелёный, только что отцветший, вереск; чуть ближе к воде виднелись небольшие группки голой лиственницы, а немного глубже к перешейку то тут, то там, стояли не очень густые, но всё-таки стройные ряды сосновых «караулов».

Но изюминкой всей этой «коллекции» без преувеличения можно было назвать маленькое, совсем крошечное, озерцо правильно-овальной формы. Этот полуостров имел собственное озеро! Да ещё и, что интересно, оно располагалось явно выше уровня самого Torrison.

— Смотри, там крошечное озеро, — тронула Жаклин своего «капитана» за плечо.

— Угу, — едва взглянул тот на это маленькое чудо и опять вернул внимание к рулю.

— Тебя не удивляет, что озеро находится на полуострове выше уровня самого Торридон? — девушка была даже обескуражена.

У юноши и так было не самое довольное выражение лица, а после её слов он даже сморщился.

— Сасенак, я тебя умоляю, здесь водопады текут вверх, а ты хочешь, чтобы я удивлялся какой-то луже.

«Ну и не надо», — обиженно вскинула подбородок девушка. Но тут же всё-таки не выдержала и опять скосила глаза на это нано-озеро.

А между тем их быстроходный катер уже обогнул мыс, и Александр направил его прямо к берегу перешейка, по дуге которого, на террасах горы Eun, и расположился посёлок Shieldeig — конечная цель их поездки. Асфальтированная дорога посёлка змейкой вилась в гору, и на горизонтальных, более длинных, участках этой «змеи» выстроились односторонние улицы в десять-пятнадцать домов. Кое-где, у подножия, виднелись так же и одиночные усадьбы, в том числе и заброшенные.

Александр сбросил скорость.

— Это посёлок Шилдейг. Нам сюда, — улыбнулся он своей спутнице.

Та ответила горящим взглядом.

«Значит, здесь мы будем танцевать», — резюмировала она про себя.

Юноша на очень малом ходу приближался к высокому, крупнокаменистому пирсу. Поравнявшись с бетонным настилом, он прошёл на корму и, достав из коклита канат, накинул его на мощный, одинарный кнехт. Потянув за незакреплённый конец, аккуратно пришвартовал катер к причалу и, выпрыгнув на бетон с подножки кормы, красиво вильнув килтом, обмотал канат вокруг тумбы.

— Иди ко мне, — опять протянул он руки к Жаклин и проделал процедуру, обратную

той, что при посадке на полуострове- «черепaxe». Рывком поставив девушку на пирс, сам он спрыгнул опять на судно, чтобы зачехлить рубку.

— Пойдём? — сказал парень, улыбаясь гораздо более широкой улыбкой, чем на катере. Да и вообще было заметно, что он готов растянуть губы до максимального положения — во всём его поведении сквозило явное облегчение.

— Стой! — крикнула Жаклин тотчас же, как только её осенила догадка. Юноша послушно остановился. — У тебя что, морская болезнь?

Он, выдохнув, опустил плечи.

— С чего ты взяла? Нет у меня никакой морской болезни, — и скептически сжал губы.

Доктор Рочемтер смотрела на него во все глаза.

— Врёшь!

— Не вру, — нагло врал юноша. — Пойдём, а, — опять скривился он.

— Ну как хочешь, — опять двинулась вперёд доктор Рочестер. — Я бы могла тебе помочь.

— Угу, — промычал себе под нос Александр, — да-да, помочь, конечно, обязательно, я помню.

— Александр, — она вдруг остановилась опять, — а как же вещи? — девушка кивнула подбородком в сторону катера. — Их никто не возьмёт?

Тот устало запрокинул назад голову и сделал ею круговое движение.

— Сасенак, я тебя умоляю, это тебе не Лондон, и не Оксфорд, это хайлэндс, здесь все свои, — опять потянул он её за руку.

* * *

На самой первой, нижней улице, находящейся практически у берега, Жаклин сразу же увидела нечто похожее на магазин.

— Давай зайдём, — сходу предложила она.

— Зачем?

— В доме есть плита, и я хочу что-нибудь приготовить.

Юноша на ходу заулыбался как сытый котяра.

— Я видела, в холодильнике у тебя хранится ещё довольно много мяса, из него можно что-нибудь придумать.

Это было уже чересчур: твёрдая земля под ногами и перспектива вкусного жаркого, приготовленного для него умелыми руками его Сасенак — Александр преградил Жаклин дорогу и, схватив её за плечи, слегка потряс.

— Сасенак, ты лучшая! Ты знаешь это? — он поцеловал «лучшую» сначала в одну щечку, потом в другую.

— Тоже мне новость, — провела она указательным пальцем у себя под носом и шмыгнула.

Парень засмеялся и, обняв её за плечи, повёл в магазин.

«Buth Biadh» — гласила надпись над входом.

— Как это читается на гэльском? — кивнула англичанка на вывеску и вопросительно посмотрела на своего шотландца.

— Бад Биадх, — даже с какой-то гордостью ответил тот.

— А как переводится?

— Лавка продуктов.

Первое, что увидела Жаклин в лавке, это большую вывеску «Hogmanay» над стендом с

товаром позади продавца. Впрочем, её это не удивило, поскольку она была в курсе, что в Шотландии, по историческим причинам, связанным с пресвитерианством, главным праздником является именно Новый год, который называют здесь Hogmanay, а не Рождество, в которое шотландцы только лишь отдыхают и, что называются, отмечают, но не празднуют.

Она самым тщательным образом изучила имеющийся в наличии товар и выбрала небольшой, но спелый филиппинский ананас, потом ещё банку консервированных ананасов и сыры: Sabok» и «Teviotdale»- самый мягкий и самый твёрдый соответственно, из имеющихся.

Александр заплатил за покупки, взял в одну руку пакет с продуктами, в другую — свою девушку, и бодрым шагом направился дальше. Жаклин потащила за ним как воздушный шарик за верёвочкой.

Пройдя до окончания вереницы домов и обогнув по петле дороги огорода нижнего яруса улицы, они попали на второй ярус.

Погода ещё держалась, но, видимо, уже из последних сил — солнце светило, но большие белые облака уже начинали толпиться на небе, как бы соревнуясь: кто из них быстрее и тщательней закроет светило собой.

Когда парочка шагала мимо заброшенной, полуразрушенной пары домов, чуть дальше от дороги в гору, Жаклин стало немного жутковато — развалины смотрелись неприветливо, угрюмо и даже как-то зловеще. Ощущение усугублялось ещё и полной безлюдностью улицы. А ещё девушка поняла всю нелепость своего опасения по поводу безопасности их вещей на катере — то тут, то там перед домами лежали вытащенные на берег надувные лодки с моторами, полные каких-то снастей и баулов. Рядом с ними на кольях сушились сети, под навесами, в кубической формы остовах, обтянутых нейлоновым газом, висела рыба. Рядом стояли традиционные современные автомобили.

— Здесь где-то должна быть гостиница. Там на первом этаже, как говорят, очень хороший паб, — пробормотал юноша.

— Может быть, вон там она, — сказала Жаклин, показывая ладонью на крупную двухэтажную постройку в скандинавском стиле с верандами.

— Может быть.

Это действительно оказалась гостиница.

«Abhach Dasaig» — было написано крупными голубыми печатными буквами над окнами второго этажа. А чуть наискосок, в уголке, мелкой прописью приписали перевод: «Funny Anchor». Видимо, для тех, кто не знает ни гэльского, ни английского, тут же повесили ещё и кованый якорь с лукавыми глазками и улыбкой от рога до рога.

— Весёлый якорь, — улыбнулась англичанка.

Перед зданием стоянка машин была почти заполнена, примерно так же, как и паб, устроенный на первом этаже заведения.

Первое, что увидела Жаклин, зайдя в помещение, так это несколько мужчин в килтах, сидящих за столиком прямо возле входа. Она даже хотела дёрнуть Александр за руку, чтобы он увидел, что он будет здесь не один такой... аутентичный, но потом, проведя глазами по залу, поняла, что это совсем не обязательно — на большинстве представителей сильного пола, сидящих за столами, виднелись верхние подолы килтов, закреплённые на плечах. Рядом с ними сидели женщины в грубых вязаных свитерах, кофтах и льняных мятых платьях, натуральных, как будто вылинявших, красок. Складывалось ощущение, что дамы просто не захотели выделяться среди мужчин и нарядились как можно более простецки.

«И всё-таки, кэжуал не зря появился именно в Шотландии», — пришло на ум англичанке. Но и стыдиться своего кашемира она не собиралась, тем более что цвет осоки самый что ни есть натуральный.

Похоже, почти все уже были хорошо навеселе, и гомон стоял порядочный. Равно как и запах — пахло стойким перегаром виски, жареной рыбой и какой-то не то травой, не то приправой.

«Ого! — округлила глаза девушка на проследовавшего мимо официанта в килте, который, лавируя между столами, зазывно вилял подолом. — Вот это я попала!» И тут же очнулась, почувствовав, что её шотландец подозрительно притих. Она резко повернулась к нему и застала за внимательным наблюдением за собой — он прищурил глаза и сжал губы в тонкую линию.

— Пойдём, сядем, — тут же потянул он её за руку вглубь зала.

Им достались места в отдалённом углу, но близко к импровизированной сцене, которую соорудили здесь явно не так давно.

— Такие сцены прямо в вестибюле устанавливают на праздники, потом убирают, — пояснил Александр, увидев, с каким интересом девушка разглядывает помещение.

Итак, они находились в гостинице, в её вестибюле размером примерно футов сорок на сорок пять с чистыми стенами цвета слоновой кости и невысоким белым потолком с продольными, крашеными морилкой деревянными балками. Напротив входа, между двумя дверьми, скорей всего, служившими проходами к номерам на втором этаже, была сооружена невысокая временная сцена. Вокруг расставили деревянные модули из столиков с лавками, оттеснив стойку администратора в самый дальний левый угол от входа. В противоположном углу установили бар. Повсюду на стенах и дверях висели украшения из веток хвои, ёлочных и мягких игрушек и разноцветных лент, какими друиды во время обрядов обвязывают деревья. Ну и, конечно же, здесь тоже красовалась новогодняя растяжка с названием праздника: «Hogmanay».

— Ты будешь хаггис? — спросил её Александр, намереваясь пойти сделать заказ, поскольку в пабах, даже в Highlands, заказы делают только у стойки бара, сообщая номер столика, которые указаны прямо сбоку столешницы.

— А? Что? Хаггис? — встрепенулась Жак и часто-часто заморгала. — Да, конечно, — кивнула она утвердительно. — Я уже ела его как-то в Глазго, но — да, я буду хаггис.

Парень покровительственно улыбнулся.

— Пиво, виски или эль?

Девушка почесала себе висок.

— А ты сам что будешь?

— Эль.

— Мне тогда тоже эль.

— Если не будет верескового, — он оглянулся на зал, — не исключено, что его уже выпили — то яблочный или медовый?

— М-м-м, — сжала губы девушка, — яблочный.

— Ясно. Я понял, — кивнул юноша. Он уже хотел идти делать заказ, но задержался. — По праздникам здесь очень многие надевают килты, — заговорил он приглушенно. — Это примерно как в Манчестере надеть шарфик болельщика во время игры их «Единобо» с «Ливерпулем». — После чего подмигнул. — Это хайлэндс, детка, — и, пристукнув по столу подушечками пальцев, как бы придавая безоговорочность своим словам и ставя точку,

развернулся и направился делать заказ.

Как только он отошел, тотчас же к девушке повернулись пара мужских голов за столиками по соседству. Гостя их Оксфорда расправила плечи, свела коленки, чопорно сложила губки бантиком и неприступно вскинула подбородок. Головы отвернулись.

— В три часа здесь начнутся танцы, — через пару минут обрадовал её вернувшийся МакЛарен, приземляясь на лавку. Бармен сказал: у них тут одна семья из Куайга танцует и поёт. На праздниках они выступают по местным пабам.

Они ели суп-рагу из ягнёнка, который парень заказал для них обоих по порции, и всё шло своим чередом: люди разговаривали, смеялись, пили, жестикулировали руками, кто-то входил, кто-то выходил, два молоденьких официанта (оба в килтах) сновали туда-сюда между столиками. В один из моментов появилась целая группа молодых девушек и шеренгой проследовала в двери возле сцены. В руках они несли много пакетов и сумок, а на плечах — рюкзаки. За ними прошел мужчина с волынкой в руках.

— Танцоры приехали, — резюмировал Александр, отправляя в рот кусок картофельной запеканки с окороком и черносливом.

— Сейчас начнётся, да? — воодушевилась его спутница, хоть её в данный момент занимало совсем другое — перед ней стояла тарелка с двумя запеченными фаршированными патиссонами довольно внушительного размера. Один был доверху набит анчоусами, копчено-вяленым сыром и помидорами, а в другой вместо рыбы добавили грибы. И у одного, и у другого вместо крышек использовались гренки, вырезанные ровно по размеру отверстия в патиссонах и сбрызнутые чесночным маслом. Только потом девушка подумала, что это ловушка — когда ты съедаешь два таких похоже-непохожих блюда, одно вкуснее другого, то невольно начинаешь их сравнивать, мучаясь выбором. И мучаешься очень долго.

— Уважаемые постояльцы этой уютной гостиницы и посетители этого гостеприимного заведения... — Жаклин, увлечшись патиссонами, даже не заметила, как к краю сцены подошла какая-то женщина, одетая в складчатую юбку с тартаном фирмы «Burberry» и белую блузку. Дама, заявив о себе приветствием, подождала, пока в вестибюле установится тишина, — здравствуйте, — закончила она свою фразу.

Зал ответил громким гомоном, кое-где даже взлетели вверх руки.

— Мы рады представить вашему вниманию небольшие сценки и зарисовки по мотивам народных шотландских танцев. Встречаем наших артистов.

Зал наполнился довольно дружными аплодисментами.

На передний план сцены вышли четыре девушки в таких же, как и женщина, складчатых юбках с тартаном «Burberry» и в такого же рисунка гольфах. Обуты они были в мягкие кожаные тапочки. Позади них на сцену поднялся мужчина-волынец, женщина отошла к нему и откуда-то достала скрипку, и ещё к ним присоединился парень с бубном.

С первыми звуками волынки зал преобразился сразу же. Во-первых, некоторые посетители тут же начали притопывать ногами, некоторые — прихлопывали в ладоши, некоторые — даже пристукивать кружками из-под пива об стол. Жаклин тоже хлопала и стучала и всячески глазами и руками призывала к этому Алекса, который так и остался сидеть, откинувшись на спинку лавки и положив запястья на кромку стола. Но смотрел очень внимательно.

Девушки танцевали легко и плавно, выделявая ногами различные сложные, витиеватые па, помогая себе руками, что отличает шотландские танцы от ирландских — в последних руки почти не участвуют, а всё время сложены в замок за спиной. Чуть позже стало понятно,

почему выступающие в костюмах используют тартан именно «Burberry» — протанцевав первый, вводный, ознакомительный танец, они достали шарфы от «Burberry» и продолжили танцевать уже с ними. Танцовщицы махали ими в воздухе, как спортсменки в художественной гимнастике — своими лентами, связывали их вместе как карусель и крутились вокруг неё, прыгая вокруг друг дружки, плели из шарфов косички и тут же их расплетали в танце.

А потом девушки достали ещё и зонтики от «Burberry». Танец с зонтиками получился очень красивый и зрелищный. К концу выступления Жаклин уже всюю подпрыгивала на лавке и того и гляди, норовила вскочить к ним на сцену.

Поэтому, когда заиграла новая мелодия волынки и скрипки, и танцовщицы, сойдя со сцены, встали друг напротив друга на свободном месте в зале и начали танцевать очень несложный танец, хлопая друг с другом в ладоши и меняясь местами, Жаклин тут же захотелось к ним присоединиться. Видимо, этого же добивались и сами девушки — две из них, оставив друг друга, двинулись выбирать себе пару из зала, и одна из них подошла к Жак. Та тут же с радостью вскочила и составила им компанию. Через минуту танцевали уже более десятка пар. Доктор Рочестер с удовольствием топала вместе со всеми ногами, хлопала в ладоши, менялась местами и партнёрами. К тому времени, когда музыка стихла, ей уже казалось, что от неё исходит лёгкий парок.

Её молодой человек всё это время сидел, развалившись, на своём месте и не сводил с неё глаз.

Он не поднялся даже тогда, когда к нему пару раз подбегали девушки-танцовщицы. Жаклин его приглашать не пыталась. Она почему-то была уверена, что это бесполезно — он не пойдёт.

Но, тем не менее, поинтересовалась:

— Почему ты не танцуешь? — запыхавшись, плюхнулась она на своё место на лавке.

Александр поморщился и чуть отвернулся в сторону.

— Не моё.

— А что твоё? — с всё ещё горящими глазами и улыбкой девушка еле переводила дыхание.

Парень скептически скривился.

— Ну не знаю... — он забрался пятернёй себе в волосы. — Если бы здесь гоняли в футбол, я бы обязательно присоединился. Или боксёрская груша бы висела — вот это тема. А дрыганье это... — он высокомерно махнул рукой в сторону сцены.

Через какое-то время после того, как танцоры завершили своё выступление и ушли, а посетители расселись по своим местам, в зале чуть приглушили свет, и в динамиках, стоявших по углам сцены, заиграла медленная композиция.

Пока Майкл Розенберг пел о доме на холме, и две пары уже покачивались по центру сцены в медленном танце, Александр сидел молча, лицом к залу, и смотрел на свою девушку и на всё, что к ней прилагалось. Сама она в это время уже приступила к разборкам с паштетом из сельди, фундука, яблок и ещё чего-то непонятного и незнакомого — вкус блюда был очень необычным.

— Извините, можно пригласить вашу даму? — как из-под земли выскочил невысокого роста черноволосый парень возраста Жаклин. Девушка даже слегка подскочила — потенциальный «кавалер» появился у неё за спиной, и его шагов из-за музыки слышно не было.

Пока она открыла, было, рот, набитый паштетом...

— Нет, — прозвучал голос Александр. — Нельзя.

Не успев рассмотреть «гостя», девушка тут же повернула голову к своему парню в ожидании продолжения или разъяснения, почему он её не пускает. Но тот, видимо, не счел нужным отчитываться в своих мотивах и поступках и молчал, лишь подкрепив свои слова вытянутой на столе рукой, сжатой в кулак.

— Извините, но я пока не танцую, — повернулась девушка опять к черноволосому, проглотив предварительно порцию паштета во рту.

— Оу, извините, — её несостоявшийся «кавалер» посмотрел на её губы, видимо, убеждаясь, что девушка действительно занята приёмом пищи, и отошел, будучи даже ничуть не смущенным.

Глянув ему вслед, на его походку, Жаклин поняла, что он не совсем трезв. К тому же, на нём были брюки.

«Скукота», — тут же оценила его внешний вид англичанка.

Она повернулась к Александр, и он опять согнул руку в локте и вернул своё изящное, но крепкое запястье на кромку столешницы.

— Я сама в состоянии ответить за себя, — заносчиво вскинула она подбородок.

— Он спросил не тебя, а меня. Здесь только так, малыш, — спокойно, с ухмылкой, но уже и с потяжелевшим взглядом, ответил её мужчина.

Крыть ей было нечем, и девушка опять отдалась паштету.

А потом заиграла следующая медленная композиция Hurt «Illuminated».

В воздухе между Александр и Жаклин повисло нечто новенькое — и он, и она понимали, что период «танцев» в своих отношениях они уже прошли. Но ей сегодня хотелось танцевать, и он это знал.

Может быть, потому, что с паштетом было покончено, может быть, ему понравилась музыка, а может быть, его заставил следующий, приближающийся к их столику мужчина, но Александр поднялся. Он обошел стол под неотрывным взглядом карих глаз и протянул девушке свою руку.

— Жаклин, пожалуйста, потанцуй со мной, — сказал он так, как будто точно знал, что приглашает её в последний раз в жизни — была в нём какая-то обречённость, хоть он и явно сдерживал улыбку.

Она молча, не отрывая от него глаз, вложила свою ладошку в его ладонь.

Он сразу же повел её не на сцену, и даже не на свободное место перед ней, а к противоположному отдалённому углу вестибюля — там было наиболее темно и наименеелюдно.

Спрятаться в таком маленьком помещении, конечно, составляло проблему, но попытаться привлечь к себе как можно меньше внимания, было можно.

В прошлые оба раза: и у него на дне рождения, и у неё на вечеринке, в медленном танце она клала руки ему на плечи, а он брал её за талию. В этот раз всё было с точностью до наоборот. Остановившись для танца, Александр тут же притянул её к себе вплотную и обнял за плечи, чуть склонив к ней голову. Жаклин ничего не оставалось делать, как обвиться руками вокруг его пояса, обмотанного большим килтом.

«Унеси мои печали и попытайся забыть в бреду на миг, ведь сегодня такая прекрасная ночь. Тебе нужно оставить все запреты», — пел Тео Хатчкрафт, и Александр, чуть отстранившись, посмотрел на свою девушку. Жаклин пыталась выжать хоть что-то из своего

словарного запаса, но кроме как слово «мужской», ей ничего на ум не приходило. Александр смотрел на неё именно каким-то задумчивым мужским взглядом. Таким взглядом смотрит мужчина на свою женщину, когда хочет её чем-нибудь побаловать: эдакий коктейль снисходительности и любования, осознания силы, власти и зависимости.

Каким выражением глаз можно девушке ответить на такой взгляд? Только идолопоклонническим. И никак иначе. Что она и сделала. Хотя и тысячи раз запрещала себе такие глупости. В ответ глаза её личного «идола» подёрнулись поволокой, взгляд потяжелел, и Жак почувствовала, как его торс начал сильнее надуваться воздухом — Александр задышал глубже. Его руки поползли вверх и остановились, зарывшись у неё в волосах на затылке. Он обнял её за шею сзади, как обнимают маленького ребёнка, поддерживая ему головку, когда хотят положить горизонтально. Юноша опять, как и в первый их поцелуй в поезде, наклонился и поддел девичьи губки своими расслабленными губами и следом лизнул их таким же томным языком. Девушка тут же потянулась к нему и раскрыла навстречу рот. Парень кратко обласкал её язык у неё во рту своим языком и пососал верхнюю губку. После чего отстранился. И тут Жаклин поняла причину его обречённости, когда он её приглашал — он понимал, что на первом же их медленном танце их вечер закончится.

И начнётся ночь. Та самая.

Она опустила голову и ещё теснее прижалась к его телу, а он начал сильнее зарываться в её волосы на затылке — если бы не всё то, что было вокруг, Жаклин бы первая толкнула его сейчас к стене. Или уложила бы на пол.

— Пойдём со мной, — сказал ей на ухо юноша, будто прочитав мысли у неё в голове.

Парень подошел к бару и что-то сказал официанту, суетившемуся за стойкой, потом схватил за руку свою девушку и пошел на выход, прихватив попутно её пуховик и оставив свою дублёнку лежать на лавке.

Уже полностью стемнело. Луну и звёзды заслонила облака, поэтому было тепло, тихо и сыро — впрочем, как обычно. Александр быстрым шагом буквально вылетел из бара и направился тут же в обход здания. Жаклин ещё даже толком не успела завернуть за первый же угол, как уже рывком была затянута туда и прижата спиной к каменной, побеленной стене.

Тихо но, сильно застонав, Алекс впился ей в губы. Она выдохнула ему в рот своё ответное желание.

Зажав пуховик у под мышкой, парень схватил лицо девушки руками и принялся пожирать её губы своими, а большими пальцами водил по щекам, глазам, ресницам, бровям, зарываясь остальными пальцами в волосы. Жаклин лихорадочно шарила ладошками по его телу и понимала, что она его хочет. Здесь и сейчас. Немедленно! Как вчера в машине, только ещё сильнее.

— Хочу тебя! — сквозь плотно сжатые зубы зло процедил он, находясь с ней нос к носу. — Х-х-хо-очу! — он сильно и агрессивно сжимал и мял её личико. Потом выдохнул и прижался к ней лоб в лоб.

И вот тогда-то ей в третий раз захотелось задрать ему эту чертову «юбку».

— Пошли, — осенило её мыслью. — Идём! — она протянула руку к своему пуховику, и Александр, разжав плечо, отдал её одежду.

Жаклин двинулась назад по улице, надевая на ходу пуховик. Юноша первые десять шагов плохо понимал, что она задумала, но потом, увидев, куда вдоль дороги направлен её взгляд, тут же вырвался вперёд и начал увлекать теперь уже её саму.

Прямо по курсу у них стояли два полуразрушенных дома.

Александр выбрал тот, что подальше, хоть и без крыши, в отличие от того, что поближе.

Торопясь широким шагом, МакЛарен ни разу не споткнулся на кочках, тогда как Жаклин за пару десятков шагов того и гляди грозила затормозить носом по камням, если бы не её горец. Как он в такой темноте передвигался, не спотыкаясь, только Highlands и известно.

Здесь всё повторилось вновь: только лишь переступив порог, Жаклин уже была прижата к каменной, обшарпаной стене спиной. Но в этот раз Александр не впился ей в губы, а начал лихорадочно покрывать её лицо поцелуями.

— Сладкая... — он поцеловал её в правую щеку, глаз и в висок, — вкусная. — Потом лизнул её шею и тоже начал покрывать поцелуями. — Моя...

А Жаклин — наконец-то! — сделала то, что хотела сделать целый день — она потянулась руками к подолу его килта и задрала его, попутно скользя пальчиками по мужским голым напряженным бёдрам.

Алекс остановился, закрыл глаза и медленно и глубоко выдохнул.

Девушка взяла под килтом в руки его, уже готовый ко всему, член и начала лихорадочно его лапать, предварительно буквально заткнув Александр рот поцелуем, ибо справедливо полагала, что тот может своим криком распугать всю рыбу в Shieldeig.

МакЛарен тут же подтвердил её догадку нечленораздельными звуками, и, взяв подмышки поднёс в стоячем положении к окну. В окне сохранилась только лишь одна деревянная рама без стёкол, разделяющая пространство проёма на множество небольших прямоугольников так, что оно было похоже на плитку шоколада. Подоконника тоже уже не имелось, поэтому Александр посадил Жаклин прямо на камни стены и тут же принялся за её пуговицы на платье. Его терпения хватило только на три нижние, дальше он просто задрал ей подол, раздвинув полы, и в темноте различил кружево чулок, пояса и трусики.

— Будь я проклят... — пробормотал он себе под нос, массируя женские бёдра поверх кружева, делая этим комплимент дизайнерам нижнего белья и чулочно-носочных изделий.

Но и природа тоже не дремала и быстро вернула свои утраченные было позиции с помощью Жаклин, которая, не теряя времени, раздвинула ноги и опять забурилась руками под килт. Александр, зажмурив на миг глаза, почти на ощупь положил руку прямо на ластовицу её трусиков.

И тут же почувствовал прокладку.

— Это ежедневная, — сию же секунду поспешила успокоить его Жаклин, уже всю массируя под килтом и спорраном его «маленького Александр».

Мало соображая, парень отстегнул один из карабинов споррана. После того как тот повис сбоку, Алекс заглянул девушке между ног, отодвинул ластовицу в сторону и положил руку на то, что было под ней.

— У! — Добравшись наконец-то до самого-самого, он не выдержал и, вырвавшись из рук Жак наклонился и пару раз лизнул её между складочек и чуть пососал. Она как сумасшедшая смотрела на всё это широко раскрытыми глазами. Выпрямившись или даже вскочив, юноша принялся не целовать, а именно вылизывать ей рот. Он приблизился вплотную, провёл головкой члена между складочек и буквально воткнулся в её лоно.

Они оторвались друг от друга — у обоих опятьхватило дух от разницы в ощущениях и мощи нахлынувших чувств. Жаклин хватала ртом воздух, а руками — его плечи, а Александр никак не мог выдохнуть полностью, как ни старался, и тоже держался за ягодицы девушки,

чуть подсунув руки под её попку.

— Я в тебе, Жак, — получилось-таки выпустить воздух из лёгких у него со словами. — Я в раю.

— Да, — пьяно улыбаясь, кивнула головой та. — Я тоже.

И вот тут его опять затрясло. У него пару раз стукнулись колени о стену ниже окна, и Жаклин почувствовала его попытки успокоить свои дрожащие руки у неё на ягодицах. Она вспомнила, как юноша вчера признался, что хочет затрахать её до смерти.

«Сдерживается», — промелькнуло в её затуманенных мозгах.

— Кончи в меня... Алекс! — сквозь прерывистое дыхание выпихнула она из себя. — Так... чтобы этот дом рухнул наконец-то. Угробь его к чертовой матери!

Услышав это, юноша трясущимися руками отстегнул второй карабин у споррана, и тот с грохотом упал на каменистый мусор под ногами.

Пару раз «пристрелявшись» к позе, он начал с места в карьер вдалбливаться в неё так, что она схватилась руками за боковины окна.

С ними произошло самое настоящее остервенение. Его лицо опять исказилось уродливым, звериным оскалом. Он сцепил зубы и безумным, слепым взглядом уставился Жаклин куда-то в район ключицы. Александр натягивал свои эмоции и нервы так, что сделался похож не на хорошо отлаженную машину, а на хрупкий взведённый тончайший механизм — одно неверное движение, и он разлетится вдребезги.

И он разлетелся.

— Агх-х-х-х-х... — упал лицом на плечо девушке и громко выпихивал из себя нечленораздельные звуки прямо в её капюшон. Тело Жаклин буквально загудело, наполнившись вибрацией его голоса. Она последовала она за ним, запрокинув голову и тарабаня кулачками по его плечам.

— Д-да — выпихнул из себя всё до капли вместе с последними толчками Александр. — Чувствую... тебя, — натужно зашептал он возле её шеи. — Люблю... тебя.

Сразу же как девушка затихла и перестала сокращаться вокруг него, и он из неё вышел, они ещё некоторое время стояли, просто уткнувшись друг в друга у окна, восстанавливая дыхание. После чего в полной мере смогли оценить удобство сегодняшней своей «экипировки» — Александр одёрнул килт и был уже практически одет, а Жаклин, которую юноша, взяв под мышки, снял с окна, поправила ластовицу трусиков, опустила подол платья и, застегнув последние три пуговицы, оказалась окончательно готова к выходу.

Парень нашел на полу свой спорран, пристегнул его и, поскольку выходить на дорогу на подкашивающихся ногах не совсем удобно, присел теперь уже на подоконник сам, обнял Жаклин за плечи и опять принялся её целовать. Нежно. Сладко.

Это чувствовалось занятно. Они занимались сексом буквально на каком-то мусорнике, развалине, всё походило на обыкновенную животную страсть, похоть, голимый трах, случайную связь, короче, всё что угодно, но только не любовь. Любовь они сюда добавили с помощью именно вот этого вот, последнего, поцелуя.

Глава 33. Часть 3

Александр завёл двигатели «WINDY» около семи вечера.

Вернувшись в паб, он расплатился у стойки и попросил завернуть им с собой их нетронутый хаггис и сконы. Направляясь к пирсу, разговаривали они мало, двигались быстро.

Доктор Рочестер, правда, оставаясь врачом до мозга костей, перед посадкой всё-таки вспомнила про очевидные признаки кинетоза у её восемнадцатилетнего капитана и в очередной раз попыталась предложить ему свою помощь и попросила, если уж он ни в какую не хочет признаваться («Ага, тебе признайся, — меж тем думал про себя капитан, — нашла идиота»), то пусть хотя бы запомнит название «Скопаламин» — это очень хорошее и действенное лекарство от морской болезни.

Больной в это время демонстрировал вопиющую невоспитанность, проявляя полное равнодушие к столь ценной и полезной информации, пропускал всё это «богатство» мимо своих шотландских ушей, продолжая делать своё дело: переставил своего доктора на катер, включил фары на спойлере, отдал швартовы, отчалил от пирса и, довольно умело развернув катер, «утопил» вперёд рычаги газа. Вот так! Никакого уважения.

Обреченно вздохнув, Жаклин опять принялась осматривать пейзажи.

Ночь. Ночью всё кажется другим: сколь визуально, столь и эмоционально. У ночи другая энергетика, другая логика, другая жизнь. Сейчас огромные горы высокого берега казались зловещими и враждебными, несмотря на свои всё такие же плавные и уютные очертания. Они будто нависли над озером, излучая некую угрозу и опасность. Но это не мешало им оставаться всё такими же красивыми. Особых слов заслуживала вода, которая смотрелась тяжелой, чуть ли не свинцовой. Ни луны, ни звёзд на небе так и не появилось, поэтому поверхность водоёма виделась матовой, а не глянцевой и казалась плотной, почти стоячей, будто это и не вода вовсе, а глицерин или соляная кислота. Если кратко, то для Жаклин в такой воде Лох-несское чудовище смотрелось бы очень логично и органично. Там ему самое место.

Катер обогнул большой полуостров, и когда узкий пролив между Shieldeig и Torrison остался позади, Александр опять перешел на глиссер. Если туда они просто доехали, то оттуда — домчались или даже долетели. Девушка уже приготовилась высматривать впереди причал полуострова — «черепахи», и каково же было её удивление, когда юноша, увидев в свете фар тот самый остров — «сюрприз» с причалом — трамплином, направил судно напрямик к нему.

Жаклин, наученная предыдущим случаем странного поведения её восемнадцатилетнего капитана по отношению к этому острову сегодня днём, предвкушать не спешила.

«Сейчас опять объедет вокруг разок, да и причалит к тому... к «черепахе», — только и успела подумать она, как Александр существенно, и довольно резко, сбросил скорость.

Юноша, уже почти на холостом ходу, чуть проехав мимо причала — «трамплина», повернул какой-то тумблер на приборной панели, и фары на спойлере же развернулись в противоположную сторону. Развернувшись сам и разглядывая из-за распахнутого чехла то, что творилось у катера перед кормой, работая рулём и газом, он медленно, потихоньку пришвартовал посудину к берегу. Увидев, что ему удалось не ударить катер о бетон, он с радостью на лице заглушил двигатели и тут же кинулся к швартовым канатам.

— Идём со мной, — вернувшись в рубку, сказал он замороженной Жаклин и протянул ей руку.

Девушка с распахнутыми глазами подала ладонь и пошла с ним к корме. У неё даже не нашлось слов, чтобы задать вопросы, вертевшиеся у неё на языке.

«Сюрприз. Надеюсь, сейчас будет сюрприз», — осторожно прогнозировала она про себя.

Увидев её ошалевший взгляд, Александр хихикнул, перемахнул одним прыжком на пирс, опять, уже сложившейся практикой переставил свою спутницу к себе на бетонный «трамплин» и тут же чмокнул в щечку.

— Расслабься. Всё будет хорошо. Я обещаю, — на него явно опять напало то самое облегчение, что и на пирсе в Shieldeig — он на твёрдой земле, и под его ногами мир уже не покачивается столь шатко и хлипко.

Пока Жаклин при свете фар катера осматривала место на острове, юноша перетащил все их пожитки на расчищенное место размером примерно футов двадцать и тридцать в минимальном и максимальном диаметрах соответственно, поскольку по форме напоминало овал. Почва под ногами чувствовалась глиняной и каменистой, но больших глыб видно не было.

Даже не остановившись, парень тут же кинул магазинную вязанку дров по центру площадки и, собрав по берегу несколько толстых палок валежника, уложил их сверху. Достав откуда-то из рюкзака облитый полиэтиленом кубик сухого спирта и такие же, упакованные в полиэтилен по одной, спички, он подложил кубик под дрова и поджег его, после чего принялся собирать ещё сухих веток.

Найдя на берегу очень неплохое тонкое бревно, только лишь с одного боку мокрое от воды, он подтащил его к костру и сунул в него сухим концом. Поняв, что дрова лишними не будут, Жаклин, не задавая вопросов, чуть углубилась для их поисков в заросли и притащила оттуда пару небольших охапок, чем заслужила от Александр ещё один поцелуй в щечку.

Костёр разгорелся весьма резво, и юноша сходил на катер выключить фары. Потом он тут же достал из сумки два тех самых каремата, которые девушка видела у него в багажнике ещё в Глазго, раскатал их по земле и положил сзади них рюкзак и сумки, соорудив, таким образом, что-то наподобие лавочки. Они уселись бок о бок у костра на «лавочку» и некоторое время молча смотрели на огонь.

Огонь — одна из четырёх стихий, существующих в природе. И он тоже творит чудеса. Этот тёмный безлюдный холодный клочок суши посреди довольно внушительной акватории не менее холодного озера, окруженный всё теми же враждебными, нависшими горами, накрытый черно-синим небом без звёзд и Луны, с костром на его берегу вмиг превратился в уютный, гостеприимный, приветливый уголок, располагающий к приятному отдыху и не менее приятной беседе.

— А помнишь, ты мне обещал рассказать, как вы вместе с Дженни учились в школе и...

— Нет, — оборвал он её абсолютно безапелляционным тоном. — Нет, — повторил уже чуть тише. — Всё, Джеки, давай остановимся. Ты всё время из меня что-то вытягиваешь...

— Но мне интересно! — «оправдалась» та.

— Да что ты говоришь! — на это раз Алекс именно округлил свои «тюльпаны», а не распахнул их. — А я-то думал! — Он сделал паузу. — Но сейчас моя очередь! Я буду задавать вопросы.

Жаклин поджала губы.

— Ты хочешь что-то знать обо мне? — спросила она так, как будто подумывала начать подвергать сомнению его умственные способности.

— Почему нет? — теперь уже распахнул свои «тюльпаны» их «повелитель».

— Не представляю, что во мне может быть интересного, — скривила губы девушка и отвернулась к зарослям.

— Да всё! — парень даже развёл руки в стороны от возмущения.

— Всё? — переспросила она, повернув к нему голову и глядя на землю у его ног. — Но моё «всё» я тебе уже рассказала. Я жила с нелюбимым мужем... — девушка запнулась, — что ещё... — почесала себе висок, — ну вот видишь, я сама не знаю, что тут можно ещё добавить.

— Жаклин, я тебя умоляю, не морочь мне голову, по-моему, я этого не заслужил.

Та посмотрела на его профиль, озаряемый светом от огня.

— А я тоже тебе не вру, — покачала она головой.

— Да я и не говорю, что ты врёшь, но ты жила с мужем два года, тебе двадцать шесть, значит, ты вышла замуж в двадцать четыре, так? Где-то же ты была все эти двадцать четыре года, что-то же делала.

— А-а-а... вон ты о чём, — медленно вскинула подбородок девушка. — Была. — Она помолчала. — Делала.

— И что же ты делала?

Жаклин вытаращила глаза и пожалала плечами.

— Жила.

— Где?

Она улыбнулась.

— Да везде.

И поскольку Александр молчал, видимо, намекая на то, что не будет вытягивать из неё признания, она продолжила:

— Ну как ты и знаешь, я с дядюшкой ездила по всему миру, пока не поступила в Университет Сити на медицинский. Там я проучилась шесть лет, живя в общежитии с девчонками, с Лизи — это моя подруга, а после Университета устроилась работать в госпиталь в Челси и переехала в свою квартиру. Там я прожила чуть больше года и вышла замуж за Чарльза и переехала к нему в Оксфорд. Конец истории.

— А с кем ты встречалась до Чарльза?

— Ни с кем.

Александр наморщил лоб, нахмурил брови и скосил глаза на землю теперь уже перед её ногами, одетыми в итальянские ботиночки с опушкой.

— Как это?

— Что значит «как это»? Ни с кем не встречалась, да и всё. Что тут такого? — девушка опять отвернулась к зарослям.

Юноша, видимо, чтобы не задать ей все те вопросы, которые столпились у него на кончике языка после её ответа, привстал и принялся поправлять дрова в костре.

— Ну, хорошо, — сел он опять на место. — А как ты познакомилась с Чарльзом?

Жаклин вздохнула.

— Да на какой-то конференции... в Британском музее. Дядюшка приезжал туда... — она опять почесала висок, — кажется, из Америки, уже точно не помню. Я его встретить в Хитроу не успела и поехала сразу на это совещание. Но у меня не было пропуска, и в

служебные помещения меня провёл Чарльз.

Александр чуть проморгался и вскинул вверх свои идеальные брови.

— Ничего не понимаю. Ты ни с кем не встречалась, а потом вышла замуж за первого, с кем начала встречаться?

— Да. А что в этом такого?

— Твой возраст. Тебе было двадцать четыре.

— И что? На что ты намекаешь?

— Я не намекаю, я пытаюсь понять, почему ты не вышла замуж раньше или позже? Если девушка сумела остаться одна до двадцати четырёх, значит, вполне способна продолжить в таком же духе и до двадцати восьми, и до тридцати. Но если ты не выходила замуж, потому что никого не любила, то почему вышла за Чарльза, которого не любила тоже? В чём причина? В чем отличие Чарльза?

— Да дело не в нём, а во мне — я год прожила одна, и мне это надоело. Вот и всё.

— Угу, понятно.

Девушка видела, что Александр ходит вокруг да около своего самого интересного вопроса и не знает, как к нему лучше подойти, но помогать ему не намеревалась.

— И всё-таки, я не понимаю, как можно ни с кем не встречаться до двадцати четырёх лет, — это юноша уже чуть ли не пробубнил.

Жаклин не выдержала и всплеснула руками.

— Александр, — развернулась она к нему почти всем корпусом, — у меня Чарльз был первым мужчиной! — Она помолчала. — Доволен? Ведь именно это ты хочешь знать, так?

Тот пожевал губы.

— И это тоже. — Но тут же подскочил как ужаленный. — Что?! Как это «первым мужчиной»? Ты хочешь сказать, что до двадцати четырёх лет была девственницей? — «тюльпаны» раскрылись максимально, брови взлетели чуть ли не под линию волос.

— И что? Это проблема?

— Проблема? — судя по всему, у парня начались проблемы с усвоением информации. Он, закусив уголок губы, видимо, что-то обдумывал, хотел сказать что-то важное. Но сказал просто: — Я надеюсь, Чарльз это ценил.

— Да нечего здесь ценить, — с мученическим выражением лица выдавила она из себя. — У меня так получилось не потому, что осуждаю секс до брака или секс без любви, или ещё что-то там, совсем нет. Я врач, не забывай об этом, я знакома с физиологией, и моральная составляющая вопроса меня трогает, честно признаться, очень мало. Просто я... просто у меня не было мамы, которая бы меня воспитывала, мне приходилось воспитывать себя самой, и как видишь, это оказалось гораздо действеннее — я не сделала это из любопытства или потому что это делают все вокруг, как, могу биться об заклад, это сделал ты.

— О не-е-е-ет, — МакЛарен тут же закатил глаза и запрокинул голову на тёмное небо.

— Во сколько лет ты лишился девственности? — быстро-быстро выпалила Жаклин, пока её смелость её не покинула.

Александр уронил голову в подол своего килта и закрыл лицо руками. Его отросшее пепельное «золото» свесилось ему почти до споррана.

— В четырнадцать, — поднял он голову и зажал ладони между голых коленок.

Наступила тишина, разбавляемая только потрескиванием поленьев в костре и еле слышимым плёском воды о причал и корму катера.

Жаклин невидимым взглядом уставилась в костёр перед собой. Пару раз моргнув, она как робот повернула голову к своему спутнику.

— Я надеюсь, ты шутишь?

Юноша посмотрел на неё очень серьёзно. И молчал.

Девушка отвернулась. У неё даже вылетели из головы все вопросы. Она запустила себе руку в волосы.

— Мне спрашивать: «Понравилось тебе или не понравилось»?

Парень равнодушно скривил губы.

— Спроси.

— Не буду.

— Мне понравилось. Только не спрашивай: кто она была, я всё равно тебе не скажу.

— А мне и не надо. Я и так знаю.

— Кто она была?

— Да.

— И кто же?

— Педофилка.

Он раскатисто, во всё горло, рассмеялся.

— Попробуй опровергни! — чуть повернулась к нему Жак и выставила на него указательный палец.

— Да запросто! Почему ты решила, что она не была моей сверстницей?

— Пф-ф-ф... за кого ты меня принимаешь! Зачем тебе в четырнадцать лет сверстница? Что ты с ней смог бы сделать? Не-е-ет, такие, как ты, начинают с «учительницами», — девушка пальцами показала знак кавычек. Александр вздрогнул сквозь смех. — Что? — встрепенулась она. — Я угадала? — её глаза округлились. — Она была учительницей?! — Жаклин выпихнула из себя всё своё возмущение.

Юноша отрицательно покачал головой.

— Не скажу. И вообще, я в четырнадцать был ростом выше всех выпускников, — немного приукрасил он ситуацию.

— И что это меняет?

Парень всё ещё посмеивался и не произносил ни слова. О лишь пожал плечами и действительно не собирался распространяться о своей первой половой партнёрше.

— А вот что было бы, если бы это твоя педофилка забеременела? А ведь тебе четырнадцать лет!

Наконец он перестал смеяться и вздохнул.

— Малыш, я ни разу в жизни, — сделал паузу, как бы предлагая верить его словам, — я ни разу в жизни, до той нашей с тобой первой ночи, не занимался сексом без презерватива. Ни разу. — Он опять замолчал. Молчала и Жаклин — она была искренне удивлена и даже не собиралась этого скрывать. — Никому никогда не доверять — это моё железное правило. — Опять тишина. — Я ему изменил только с тобой, малыш. Меня не интересовало, кто там из девушек и что принимает: таблетки, уколы, обо всём этом я даже не слушал.

— И Кира?

— Кира в первую очередь.

Девушка прищурилась, что неминуемо должно было означать её бурную мозговую деятельность.

— Отрицательный опыт? — спросила она.

Александр кивнул.

— И он тоже. Всему этому меня научил Кирк.

— Опять Кирк?

— Опять.

— А твои родители? Они какое-то участие принимали в этой стороне твоей жизни?

Алекс даже подскочил.

— Да Боже меня упаси! Чтобы моя мать заела меня поездом? «Камикадзе», конечно, слово красивое, но я лучше побуду МакЛареном.

— Ну вот о чём я и говорила, — Жаклин закивала головой как болванчик. — Мне очень хочется верить, что моя мама не ныла бы и пилила меня. Она у меня была другая.

— Ты помнишь свою маму?

— Помню, — уверенно кивнула головой девушка. — Она была такая... настоящая, — Жаклин сжала кулачки, — никогда не кричала, но и не сюсюкалась со мной. И всегда, когда требовала, объясняла, зачем это делает, и что будет плохого, если я ослушаюсь.

— Извини, что спрашиваю, но... — Александр почесал себе шею, — как погибли твои родители?

Девушка сцепила руки в замок.

— Они разбились на машине. Возвращались с папиной командировки из Саффолка. За рулём сидела мама. Одна женщина пошла на обгон перед подъёмом дороги. Было лобовое столкновение. Никто не выжил. — Жаклин обняла ладонями свои колени поверх платья.

— Извини, что напомнил, — Александр накрыл своей рукой одну из них.

— Я и не забывала. Это не забывается, — она отрицательно покачала головой.

— А кем были твои родители?

— Папа — менеджером спортивных команд по лёгкой атлетике, а мама работала специалистом по пожарным сигнализациям в управлении пожарной безопасности, разрабатывала схемы на компьютере.

— И у тебя совсем нет никого, кроме мистера Фортестья?

— Есть. У меня есть какие-то дальние родственники по маме, но они живут во Франции. Дядюшка иногда с ними созванивается. По папе тоже вроде бы была какая-то родня, но он с ними не общался и, кажется, их тоже нет в Англии — насколько я помню, они уехали в Австралию, или уезжали, а потом вернулись, точно не знаю.

Юноша обнял её за плечи, притянул к себе и поцеловал в щеку. Он целовал медленно, не торопясь, и вовсе не спешил врываться ей в рот. Жаклин даже показалось, что ещё чуть-чуть, и он оставит её губы в покое и пойдёт поцелуями по лицу.

Так он и сделал. Александр нежно, немного полизывая языком, немного прикасаясь губами, проследовал по её щеке к уху. Пососав мочку, он рукой отстранил её волосы с шеи и, опустившись, лизнул там. Девушка сделала глубокий вдох и, выдохнув чуть с придыханием, откинула голову, чтобы ему было удобней. Он одобрил нечленораздельным мычанием и принялся уже нешуточно зарываться лицом ей в шею. Жаклин запустила пальцы ему в волосы на затылке и стала перебирать в ладонях пряди.

Вдруг ни с того ни с сего он отстранился и вскочил на ноги. Жак, не успевшая переключиться, даже потеряла равновесие.

Александр обошел вокруг костра, взялся за тот самый мокрый конец того самого тонкого бревна и, к полнейшему удивлению девушки, начал им отодвигать горящие поленья в сторону. Причем он явно старался не просто их отодвинуть, а разложить в линию или даже

полукругом, после чего накидал в этот полукруг ещё немного сухих веток. Жаклин сидела, боясь пропустить хоть что-то из сего действия — она уже начинала стирать от любопытства примерно как этот самый костёр.

Разобравшись с этим, юноша подошел к зарослям лиственницы и, выломав несколько густых веток и сложив их вместе подмёл этим импровизированным веником остатки костра.

Жаклин молчала.

У них получилась площадка, по центру которой оказалось пустое место от костра, с одной стороны которого сейчас горели выложенные дугой поленья, а с другой — «стояла» их «лавочка».

Александр подошел, и молча подал руку своей девушке. Она уже привычно вложила свою ладошку в его, и в её глазах к вопросу прибавилось ещё и опасение.

Юноша потянул её вверх.

— Не бойся, — сказал он, заметив её боязливость, и, притянув в свои объятия, сильно прижал к себе. — Я же сказал, что всё будет хорошо, — шепнул он ей на ушко.

«Угу, — тут же подумала про себя англичанка, — только не уточнил, «у кого» и «когда».

А парень опять внезапно отстранился и за руку подвёл её почти к центру бывшего костра и, сделав пару шагов назад, встал прямо, вытянув руки вдоль швов, напротив девушки. После чего потянулся к булавке на своём плече, державшей подол килта сзади, и отстегнул её.

Жаклин перестала дышать.

Верхние полы килта сзади упали вниз, и после того как Александр высунул из-за пояса и передние, стал похож на юношу в женской юбке восемнадцатого века. Жак как под гипнозом потянула молнию пуховика вниз. Парень расстёгивал пуговицы на своём жакете — девушка спустила с плеч пуховик, после чего сняла его и кинула на рюкзак, оставшись в кашемировом платье. Жар от близкого огня, тепло от земли, где только что горел костёр, и холодный воздух заставили её просто потеряться в ощущениях.

Но это было только начало.

Александр скинул свой жакет и тоже метнул его на рюкзак. Жаклин начала расстёгивать пуговицы на своём платье. Юноша вытащил низ рубашки из-за пояса и, легко стянув её со спины, остался в одном килте, после чего быстро засунул руки под верхний слой пледа и отстегнул ремень. Ткань вместе с ремнём и спорраном тут же упала к его ногам, укутав сапоги эдаким облаком в клеточку.

Девушка даже забыла, когда моргала в последний раз. Но это не помешало ей окинуть словно прощальным взглядом чернеющие горы, тёмные воды вокруг и, раздвинув полы платья, снять его. У неё хватило соображения не бросать кашемир на рюкзак, а пока оставить его в руках, но, тем не менее, прикрываться им она не стала, а опустила руки вдоль туловища.

Оставшись только в сапогах и носках — хосах, (Жаклин почему-то вспомнила историю о банковском грабителе, который грабил банки нагишом, и поэтому никто из свидетелей не мог описать его внешность) Александр, выпутав из пледа ремень со спорраном, откинул их к «лавочке», а ткань стал расстилать прямо поверх ещё довольно горячей земли. Он сложил втрое свои двадцать три фута, таким образом, смастерив из них ложе, примерно, восемь на пять футов.

Жаклин аккуратно положила своё платье на «лавочку», после чего подошла к краю «ложа».

Юноша, встав рядом, молча посмотрел на её обувь. Девушка ту же скинула свои итальянские ботиночки с опушкой и в одних чулках ступила на килт.

Александр тоже скинул свои сапоги и присоединился к ней на ткани уже только в одних хосах, после чего, с лёгкой паникой в глазах, уставился на застёжки пояса на её чулках.

Улыбнувшись на манер довольной кошечки, она начала одну за другой отстёгивать клипсы пояса на кружевных ободках чулок, слегка поворачиваясь разными боками к огню, чтобы согреться, и спустила со своих ног прозрачный капрон. Александр снял последнее, что на нём оставалось, и остался стоять и ждать девушку. Хотя и было видно, что уже буквально из последних сил.

Та сжалась над ним. Она быстро завела руки за спину и привычным движением расстегнула и скинула бюстгальтер, и откинула его на «лавочку» поверх платья.

Увидев её обнажившиеся груди, паренёк сжал губы в тонкую линию и сглотнул. Но стоял.

Девушка, поддев большими пальцами, стянула вниз пояс и, откинув его на край килта, с вопросом посмотрела на своего визави.

Тот стоял как вкопанный, но зато глаза «бегали» и «прыгали» по её телу не то как бешеные, не то как полоумные. Он «скакал» своими распахнутыми «тюльпанами» по её фигурке как ладья по шахматной доске.

Тогда девушка в такой же манере как и пояс, сняла трусики и тоже отложила их на край килта. И выпрямилась в ожидании.

Александр тяжелым взглядом, но с улыбкой, посмотрел ей в глаза и, убедившись, что она не дрожит и не ёжится от холода, двинулся обходить вокруг.

— Знаешь, — сказал он, зайдя ей за плечо, — а я ведь не шутил, — встав ровно сзади, заправил ей волосы за ухо и прошептал в него: — когда говорил, что хотел бы, чтобы тебя голую увидел хайлэндс. — Юноша придвинулся полностью к ней сзади, обняв руками за плечи и набрав себе полные ладони её груди, прошептал на другое ухо: — Это была моя мечта, Сасенак, моя сексуальная фантазия. — Он очень сильно сжал её соски между указательным и средним пальцами.

Девушка стояла неподвижно. Ею овладело ощущение, что её не то выпустили в открытый космос, не то опустили на дно Марианской впадины. Это была как параллельная реальность — она не чувствовала ни себя, ни почву под собой, ни воздух вокруг. Как будто её сенсорика, устав фокусироваться на жаре и холоде, на наготы Александра посреди открытого пространства и на её собственной, «сломалась» и вырубилась.

А юноша, обойдя вокруг, приблизился к ней вплотную, взял её подмышки руками и медленно лизнул в щеку от линии челюсти до скулы.

— Малыш, — он легко поцеловал её губки, — побудь со мной. Побудь со мной свободной, слышишь? — он слегка потряс девушку.

Жак подняла на него замороженный взгляд. Девушка плохо соображала, что делает, но, приняв эту просьбу как руководство к действию, потянулась и, лизнув его торс прямо напротив своего рта, прижалась к юноше, обхватив его руками, и начала елозить и тереться об него всем своим телом. Тот ответил ей тут же и прижался сильнее. Им не хватало контакта. Хотелось слиться телами полностью.

Это было начало даже не секса, и не занятия любовью, это был какой-то танец, обряд, посвящение. Всё происходящее наталкивало Жаклин на мысль, что Алекс посвящает её,

свою любимую женщину, в какое-то существо одной с ним крови. Она бы даже не удивилась, если бы её шотландец откуда-нибудь вытащил свой личный нож шотландский Sgian Dubh, надрезал им обоим пальцы или запястья и, приложив рана к ране, заставил произнести какую-нибудь клятву.

А между тем, парень, окинув взглядом костёр и убедившись, что тот горит вполне уверенно, опустился на корточки вместе с Жаклин, потом полностью уселся на килте, после чего лёг на спину, и, вытянув ноги и поправив свой эрегированный член, уложил девушку на себя. Она почувствовала животом его «маленького Александра» и потёрлась об него.

— Ф-ф-ф... — отозвался большой Александр и начал лихорадочно водить руками по её спине и ягодицам.

И Жаклин начала нежно, потихоньку покрывать поцелуями своё любимое лицо. Александр же, закрыв глаза, с наслаждением снова и снова зарывался руками ей в волосы на затылке. Девушка с удовольствием и довольно сильно укусила его за его идеальный подбородок.

— Всё время мечтала это сделать, — прохрипела она, отстранившись. Потом двинулась ещё чуть ниже и лизнула ключицу. После чего потёрлась носом о его сосок и вдруг, ни с того ни с сего, довольно сильно его прикусила.

— Ауч! — вскрикнул юноша больше от неожиданности, чем от боли, и схватил её за плечи.

— Нет! — отодрала девушка его руки от себя и раскинула их в стороны и немного так придержала, как бы зафиксировав их и дав Алексу возможность запомнить, как он должен их держать и дальше. — Только дёрнись, — вперилась она непробиваемым взглядом в своего горца, — и твои горы запомнят тебя надолго.

— Ах, ты... — прищурил тот свои «тюльпаны», — ты мне угрожаешь? — и в следующее мгновение она уже лежала под ним, прижатая его телом к килту.

— Что, не нравится тебе свободная Жаклин? — процедила она сквозь зубы и скептическую улыбку. — Это только начало, малыш, — и довольно сильно вцепилась ему зубами в плечо.

Александр, запрокинув голову, взревел на весь хайлэндс. Отодрав её от себя, схватил одной рукой за шею и уложил опять головой на плед.

— Джеки, не дразни во мне зверя. Тебе это может не понравиться, — прохрипел он, тяжело дыша.

— Я рискну, — пошевелившись под ним, девушка всё-таки извернулась и высвободила из-под его тела одну ногу, согнув в колене. Её ступня при этом оказалась в опасной близости от «маленького Александра», но не надавила на него.

Большому этого оказалось достаточно — он, зафиксировав её шею и левую руку, сел верхом ей на живот и даже оказался довольно тяжелым. Но Жаклин сдаваться не собиралась. Она со всей силы, на какую только была способна, хотела пнуть его под спину, но только лишь толкнула под задницу. Он чуть подпрыгнул, лязгнув зубами, и, получив таким образом небольшое ускорение, слегка продвинулся по её телу вперёд. Девушка тут же свободной рукой, проигнорировав его член, ухватила юношу за тот самый, парный, единственный наружно-внутренний орган в организме.

«Организм» застыл.

— Жаклин, это запрещённый приём. — Он всё ещё держал её шею, ибо она могла зубами дотянуться до его руки, а её левое запястье прижал к пледу.

— В любви и на войне... — и она опять пнула его ногой под зад.

— Фак! — услышали горы.

Парень, отпустив её руку и шею, молниеносным движением кинулся к её пальцам, зажавшим его мошонку, и, без труда разжав их, тут же ухватил её правое запястье. Но было уже слишком поздно — Жаклин, не в силах «взять хлебом», «взяла деньгами» и другой, освободившейся рукой схватила его «маленького Алекса». Пока горец разжимал и эту руку, девушка пыталась достать его левое предплечье своими пальчиками на правой руке с неплохими, вообще-то, коготками и всё норовила приблизить его руку к своему рту, чтобы укусить. И в это же время она максимально согнула теперь уже обе ноги в коленях и не забывала подталкивать молодого человека поближе к себе под задницу. И когда он пытался со всем этим справиться так, чтобы ничего не повредить ей, ибо легко мог бы голыми руками свернуть ей шею, она брыкалась и царапалась как дикая кошка.

— Ах ты... бидс... — юноша поймал обе её руки своими, сложил запястья себе в левую ладонь и, удерживая так и опёршись правой рукой о плед, наклонился и, придерживая торсом Жаклин в лежачем положении, всё-таки улёгся на неё всем телом и, преодолевая боль от очередного укуса в шею, который девушка не упустила шанс сделать опять, всё-таки нащупал свой член и как мог, придавив её таз, хоть она и пыталась им шевелить из стороны в сторону, и раздвинув коленями ей ноги, буквально воткнул в неё свой член.

— Фа-а-а-ак... — простонала Жаклин на вдохе. Задрав подбородок так, будто хватает ртом воздух, девушка счастливо и вымученно заулыбалась. Драчунья тут же расслабила все свои мышцы и потянулась и лизнула место, где отпечатались её зубы на его шее. Александр облокотился на плед по бокам её тела и поцеловал в губы, после чего разжал свою левую руку. Она тут же обвилась вокруг него и ответно поцеловала в губы. Оба тяжело дышали.

— А теперь покажи своему хайлэндсу, как ты умеешь любить, — прошептала Жак.

Ответом ей была кривоватая улыбка и первый сильный толчок.

— А! — ту же вскрикнула девушка и задохнулась. — Ещё! — прошептала она, выдохнув.

Александр сделал «ещё». И «ещё». И «ещё». Он делал это не быстро, останавливаясь каждый раз, когда был максимально глубоко внутри её тела до упора, как бы закрепляя каждый толчок, и делая ощущения от такого положения полными.

А потом ему «ещё» стало мало. Толчки пошли один за другим, и они оба тут же утонули в ощущениях.

— Вот так, сладкая! — выпихивал из себя парень, целуя её в губы и загоняя в неё свой член до конца. — Вот так! — слушали камни у берега. — Почувствуй меня, Сасенак, — услышала вода в Torridon.-Я люблю тебя, — донеслось до вершины горы.

И вроде бы всё это между ними уже было, их уже разрывало изнутри на части от нестерпимого удовольствия и захлёстывало чувство эйфории, что они сливаются в одно целое своими душами и составляют одно целое своими телами, но каждый из них мог поклясться, что ему ещё никогда, ни разу в жизни не было так волшебной-сладостно, как на этот раз, здесь, по центру озера Torridon.

Жаклин казалось, что ей ещё никогда до такой степени не хотелось почувствовать его внутри себя, а его руки и губы — на своих грудях, ещё никогда она с такой охотой, с таким желанием не открывалась ему, никогда так не тянулась за поцелуем, когда он наклонялся к ней, чтобы ласкать её всеми доступными способами. У девушки на глазах выступили слёзы.

— Люби меня, слышишь? — выдохнула она. — Всегда люби меня!

А Александр мог дать голову на отсечение, что ещё ни разу, проникнув в неё, не

растворялся в ней до такой степени, чтобы всё его тело казалось ему каким-то одним «сосудом вселенского удовольствия», ещё ни разу он не «плавился» так от ни с чем не сравнимой неги — быть внутри любимой девушки.

— Всегда... — отвечал он, слизывая с её висков слёзы. — Что бы ни случилось, я буду любить тебя. Только тебя.

На этот раз он даже не пробовал бороться с собой — крики начали вырываться из него ещё до разрядки. От предчувствия, что его нутро вот-вот разорвёт от невыносимой сладости, а в голове мозг испытают на прочность салютом из залпов ни с чем несравнимого удовольствия, он начал кричать в это абсолютное, свободное, не ограниченное ничем пространство так, как будто шел к этому оргазму всю свою жизнь.

Его корёжило и било в конвульсиях как в последний раз. Он выгнулся дугой, отжавшись на руках и изливаясь в лоно своей женщины. Когда юноша огласил холодное, тёмное пространство над водой Torrison душераздирающим криком, и эхо его голоса, оттолкнувшись от ближайших гор, вернулось к ним на остров, он почти упал плашмя на Жаклин.

— Твоя очередь, Сасенак, — сказал он, даже не отдышавшись, и, не выходя из неё, раздвинул её складочки и слегка подразнил пальцем клитор.

Этого хватило — Жаклин дёрнулась так, что соскользнула с него тут же.

Она сначала схватилась руками за плед и сгребла его пальцами, но Алекс отцепил её руки от ткани, и девушка ухватилась за его плечи. И тоже выгнувшись дугой, выпятила грудь колесом и, запрокинув голову, и кричала и кричала раз за разом в черное небо хайлэндса.

— Да, Сасенк, да, — целовал её груди, ключицы и шею юноша. — Девочка моя, сладкая, любимая. Вот так.

Не справившись с эмоциями, стала вырываться из его рук Жаклин. Она озвучивала сладостные взрывы у себя внутри, пока её разрядка не подошла к концу.

После того как они затихли, Александр ещё долго лежал сверху, не желая прощаться с этим моментом. Даже если им удастся когда-нибудь в будущем всё это повторить, это будет уже ничто иное как фарс.

«Поэтому, лучше пусть этот случай останется единственным и неповторимым», — решил юноша.

Глава 34 Подводная лодка

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою — как никто другой.
Я тебя отвоюю у всех времён, у всех ночей,
У всех золотых знамён, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца -
Оттого что в земной ночи я вернее пса.
Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! -
У того, с которым Иаков стоял в ночи.
Но пока тебе не скрещу на груди персты -
О проклятие! — у тебя остаешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, -
Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

Марина Цветаева.

— То есть как это, у тебя нет шапки?

— А что здесь такого? Нет и всё.

— Вообще нет? Совсем? Даже дома?

— Да. Совсем. Даже дома.

— А чего у тебя ещё нет? — Александр стоял позади стула и, опершись руками о спинку, барабанил по ней пальцами.

— У меня нет всего того, что мне не нужно. — Жаклин убирала остатки еды после завтрака.

Эта ночь вдвоём на острове, в спальнике из утиного пуха, задалась на редкость горячей. В прямом смысле.

Примерно через пару часов сна Жак проснулась от того, что ей нестерпимо жарко и совсем даже нет желания теснее прижиматься к своему соседу, а вообще-то очень хотелось бы. К тому же, её ноги в его хосах буквально горели. Поэтому, немного потревожив её заботливого спутника, который взял в горы Шотландии спальник, рассчитанный на льды Антарктики, только бы не простудить свою «рафинированную» Сасенак, она стянула носки, расстегнула молнию их «жилого модуля» чуть ли не по пояс, и, почувствовав, что именно вот при таком раскладе у неё где-то глубоко в членах зарождается желание прижаться всем телом к своему, так и не пробудившемуся, горцу, обняла его руками и ногами и мгновенно провалилась в сон опять.

Проснулись они, по меркам каникул, довольно рано, около девяти утра и, сложив все вещи и переправившись на благородном «WINDY» (с которым вот никак не хотелось расставаться) на «материк», заехали на обратном пути в гостиницу и забрали свой завтрак сами.

В это утро в ряду блюд, входящих в меню, случилось пополнение. И произошло это, к

немалой радости Жаклин, за счет трёх коробок конфет «Baccarat» и небольшой плетёной корзинки с содержимым в виде набора кускового шоколада, банки шоколадных дропсов и одной большой розы. Тоже из шоколада.

Полностью обалдев от столь многообещающей вакханалии вкусов, девушка благодарно чмокнула в щечку своего дарителя и всю оставшуюся дорогу к дому очень старалась не мурлыкать вслух.

А сейчас, позавтракав, они собирались совершить своё восхождение на гору, которую присмотрел Алекс.

— У меня была шапка и, между прочим, купленная дядюшкой в Перу. — Жаклин доставала из холодильника хороший кусок надпочечной части свиньи. — Но я её носила только там, в Лиме... и ещё немного в Нью-Йорке, но как только поступила в Университет, сразу же забросила подальше. Повзрослела, — улыбнулась доктор Рочестер, принимаясь нарезать мякоть на довольно крупные куски. — А потом отдала Сесилии, когда у её Дэйлза потекли уши и она ему их мазала и одевала ему шапку с завязками. — Девушка посыпала мясо молотым черным перцем и раскрошенным лавровым листом, которые, как оказалось, юноша прихватил с собой из Глазго. — Вскоре такие шапки вошли в моду, кстати. — Она принялась тщательно перемешивать свою заготовку деревянной лопаткой.

Александр стоял молчал, ухмылялся и скептически кривился.

— Так что я обойдусь и капюшоном, — ответила его молчанию девушка.

— Угу. Капюшоном. Понятно, — юноша сложил губы дудочкой и опустил подбородок на грудь. — Ну что же, не скажу, что мне неинтересно посмотреть, как ты будешь стучать зубами и зажимать свои окоченевшие ушки ладошками там, наверху.

— Не дождёшься!

— Твой капюшон сорвёт раньше, чем ты успеешь... — мелко потопав ногой, он окинул взглядом кухню, после чего в задумчивости уставился на крышку стола. — Да ничего ты не успеешь. Там ветер от штиля до урагана разгоняется за шесть секунд, малыш.

— Знаю. Я была на высокогорье.

— Тогда, уверен, ты знаешь, что твой капюшон — это для Лондона или Оксфорда. А здесь хайлендс! И с ним шутки плохи.

— Ты уже это говорил.

— Видимо, мало. А ты обещала не пререкаться.

— Во-первых, не обещала, а во-вторых, мы говорили о деньгах, а не о шапках.

— Ты наденешь мою шапку, — Александр хлопнул ладонями по спинке стула и направился из кухни. Выйдя на веранду, он сразу же завернул на лестницу на второй этаж.

— А ты?

Парень даже не оглянулся. Не получив ответа, Жаклин решила зайти с другого бока.

— Только если она мне подойдёт! Я себя уродовать не собираюсь! — громко сказала она вслед шагам на ступеньках. Те на мгновение прервались, но тут же продолжились.

Он принёс обычную мужскую трикотажную шапку чёрного цвета с небольшим отворотом и маленьким лейблом на боку, гласившим: «Diadora», и тут же начал напяливать её девушке на голову. Но та прельстилась кое-чем другим — через шикарную шею Алекса был перекинут не менее шикарный мохеровый шарф цвета бурых мишек, подобранный, скорее всего, в тон к его дублёнке. Ничего не говоря, Жаклин потянула за один конец изделия, таким образом разлучив его с его владельцем, и направилась к зеркалу.

Шарф ей понравился. Он идеально подошел к её карим глазам.

* * *

— Это гора Эйгх, или гора Крика, — шагая вверх чуть впереди Жаклин и ведя её за собой за руку, пояснял юноша.

— Почему «Крика»? Там кто-то кричал? — девушка всё время смотрела себе под ноги, ибо точно знала, что не обладает таким чудесным даром, как прогулки по камням не спотыкаясь, который, кажется, был дан не иначе как от рождения её проводнику.

— Многие. Там кричали многие.

— И мы там будем кричать?

— Мы — вряд ли. Гора Крика, потому что у её подножия очень интересное гулкое эхо. Говорят, такое ощущение, что ты кричишь внутрь себя — звук долго держится, не затихает и не уходит. Скорей всего, это потому что Эйгх основанием стоит почти по кругу — примерно как если бы от большого кратера отрезали четвертую часть.

— Это бывший вулкан?

— Всё может быть. Но тогда он очень старый.

— Это всё с той стороны, да?

— Да, это с той стороны. Сейчас там много снега, скорей всего.

— А почему здесь его почти нет? — Жаклин старательно вышагивала по коричнево-зелёному мху и серым камням, которые только изредка, то тут, то там, были укрыты белыми лепёшками.

— Наверное, его сдувает ветром. Ему здесь не за что зацепиться, когда сильно метёт. А с той стороны его задувает ещё вначале зимы внутрь, и он лежит до весны. — Александр остановился и, наклонившись, отковырнул какой-то камень. Что-то рассмотрев под ним и надавив пальцем на землю, юноша двинулся дальше. — Вода сливается к центру, поэтому у самого подножия озеро. — Парень запрокинул голову и посмотрел на небо. Увиденное, судя по всему, ему не очень понравилось, потому как, заметно нахмурившись и сосредоточившись, он прибавил шаг. — А вообще эта гора очень разная. С этого, южного, склона от дороги на неё можно подняться чуть ли не прогулочным шагом. Вот примерно как мы сейчас с тобой...

«Ну, это кому как, — тут же промелькнуло в голове у запыхавшейся девушки, которая всё сильнее и сильнее цеплялась за руку своего горца. — Я бы не была столь категорична в оценках». Ей всё меньше нравилась эта идея с восхождением. Глиссировать на катере было куда приятней.

— ...а с той, северной стороны, по ней тяжело лезть даже со специальным снаряжением. Особенно летом, — продолжал ничего не подозревающий и не чувствующий усталости восемнадцатилетний юноша.

— Особенно летом? Почему?

— Очень сыпучая порода. Лёгкая, неустойчивая... чуть ступил и — камнепад. Засыплет к чертям. На ней даже трава с деревьями корнями не могут зацепиться — она вся голая стоит. А вот зимой её покрывает лёд, и с ледорубом и в «кошках» с хорошим монозубом на неё взобраться можно.

— А откуда ты всё это знаешь? Ты ведь здесь впервые.

— Я вырос здесь, Сасенак. Много слышал, читал, смотрел. Про западное побережье кстати, я не так много знаю, меня больше интересовали острова. Но туда очень далеко плыть.

— Куда? На Скай? Так туда можно и на машине доехать.

— Скай — фуфло. Я бы дальше проехался: на Балешар, Кирибост, Тарансей, на пляж Ласкентир. Ты слыхала про наш Ласкентир? — в голосе шотландца явно прибавилось воодушевления, и англичанке очень захотелось заглянуть в его красивое лицо, на котором её любимые «тюльпаны» наверняка уже горели радостным, лихорадочным огнём — не налюбоваться!

— Пф-ф... спрашиваешь! — тем не менее, сказала она вслух. — Конечно! Кто же не слыхал про ваш Ласкентир!

— Ты представляешь, каким должен быть пляж, чтобы при температуре воды в семь градусов войти в сотню лучших пляжей мира? — юноша поднял в назидательном жесте указательный палец.

— Представляю!

— Вот! Вот он такой и есть, — ткнул он этим же пальцем в землю. — Мексике такой пляж и не снился.

— И не снился, — соглашаясь, отрицательно покачала головой Жаклин. — Но и туда тоже не очень долго на пароме. Черт, прости, забыла — у тебя же кинетоз!

— Нет у меня никакой морской болезни!

«Угу. Значит, есть надежда, что и «Скопаламин» он тоже запомнил!» — успела подумать про себя коварная доктор Рочестер.

— Ну-у-у... извини, забыла, у тебя же нет морской болезни, — она пожала плечами и, зло шмыгнув носом, продолжила шагать вверх.

* * *

— Йоху! — крикнула, подпрыгнув, Жаклин. — Йоху! — она мигом стянула с головы шарф Алекса и принялась махать им над головой, приветствуя картинку перед собой. Вернее, под своими ногами. Они стояли на вершине горы Крика, а вокруг «плескалось море». Море из гор.

Горные вершины словно волны выглядывали друг позади друга, как бы нагоняя одна другую. Их белые заснеженные шапки смотрелись как пена на гребнях. Куда ни глянь, горное «море» различной степени «волнения» простиралось практически до самого горизонта, где сливалось с небом, теряясь и растворяясь в пасмурном сумраке, как в пограничном буфере между горным и небесным пространствами.

Кстати, о небе. С самого утра оно заслуживало особого внимания. Только лишь вылезши из палатки и взглянув вверх, парочка дружно погрустнела: о таком небе говорят «набухшее» — того и гляди его прорвёт. И с течением дня, судя по всему, гнев на милость небесное пространство менять не собиралось. Поэтому парню с девушкой ничего не оставалось, как наслаждаться последними каплями везения в плане погоды.

— Боже мой, Алекс, эта красота стоила десяти таких восхождений, как мы сейчас сделали! — кинулась она на шею к своему проводнику, но тут же отстранилась и продолжила с того, на чем остановилась. — Йоху, как здорово! Йоху!

— Прыгай осторожней, не то скатишься вон туда на заднице, — и он показал на крутой, вогнутый склон горы Крика под их ногами, напоминающий огромную, широкую детскую горку, особенно с правой, восточной стороны, где снежное покрытие простиралось вплоть до подножия.

В принципе, здесь так и просились в руки санки, если бы не встречающиеся на этой «горке» то тут, то там, внушительного размера рваные валуны с острыми краями, которые не в силах были замаскировать даже немаленькой толщины сугробы. Такие «камушки»

неминуемо не оставили бы ни единого шанса при встрече с ними на скорости. Центр полукратера облюбовало себе небольшое, тихое, мелкое озерцо. Водоём был настолько круглый и такого умиротворяющего вида, что так и напрашивался на характеристику: «свернувшийся клубочком».

— Стой спокойно, — сжал парень плечо девушки и слегка встряхнул. — Не прыгай пока. — Он полез во внутренний карман расстёгнутой дублёнки и достал айфон. — Стой, не шевелись, — навёл он аппарат на свою «модель». Как только её «фотограф» замер, «модель» подпрыгнула так, что достала задниками ботинок до низа пуховика у себя на ягодицах.

«Щелк» — сработала камера.

Жаклин засмеялась, а Александр с укоризной поджал губы и в неодобрении покачал головой.

— Дай я посмотрю, что там получилось, — подошла к нему девушка и заглянула в телефон. — Оу, круто! — она ошарашенно шмыгнула носом. — Потом скинешь это мне на Фейсбук, ладно?

— Иди сюда, — чуть согнувшись в коленках, обнял её за плечи юноша и, вытянув руку с айфоном перед ними, щелкнул кадр. После чего, пока Жаклин не принялась опять скакать и размахивать руками с шарфом, повернул ладонью её голову к себе и сильно, с желанием, буквально засосал её губки и тоже задокументировал сей интимный момент. Целоваться на вершине горы Крика, находясь в самой пучине этого горного «моря», оказалось не менее захватывающе и возбуждающе, нежели на берегу Torridon, поэтому Александр, даже не разорвав поцелуя, погасил экран телефона и засунул его в задний карман джинсов.

Взяв в свидетели своего взаимного притяжения теперь ещё и почти половину западного побережья хайлэндса, они отстранились друг от друга. Девушка потёрлась носом о свой любимый мужской подбородок и, просунув руки под дублёнку, обвилась ими вокруг стройного молодого тела. Юноша обнял её за плечи.

— Мы сейчас домой? — тихо спросила она в вязаное полотно свитера на его груди.

— Нет. Я хочу показать тебе ещё одно место. Здесь совсем недалеко. — Он первый разжал объятья — Надевай шарф. Сегодня ветра, можно сказать, почти нет, но даже такая погода в хайлэндсе бывает обманчива. Не хватало тебе ещё уши простудить. И пойдёшь ты тогда к Сесилии забирать свою шапку назад, — улыбнулся заботливый молодой человек.

Жаклин развернула в руках шарф и в следующее мгновение уставилась на него в испуге.

— Ой... я не смогу его здесь завязать! — подняла она на Александр полный ужаса взгляд. — Мне нужно зеркало!

Тот цокнул языком и закатил глаза.

— Дай сюда, — принялся он обматывать ей шарфом голову как ободом. — Я — твоё зеркало, — умильно улыбнулся он.

— Ты — моё отражение, — немного с детскими нотками в голосе промурлыкала Жак.

— Есть такое дело, — утвердительно кивнул парень, сооружая впереди на шарфе небольшой отворот, ибо теперь за её внешний вид на будущих сегодняшних фото он отвечал головой или даже чем поважнее. — Я очень люблю в тебя вглядываться, — легонько чмокнул он свою капризулю в кончик носа и накинул на всю эту красоту капюшон.

Та, будучи настоящей капризулей, а не притворной, капюшон тотчас же откинула, вернув красоту миру, и развернулась опять к «мюрю».

Они просто молча стояли бок о бок и любовались. Англичанка не находила, да, признаться, не особо и искала слова, которые бы смогли выразить то, какие чувства

испытывала она, уроженка Лондона, здесь и сейчас, стоя на вершине горы Крика, когда эта северная красота, простирающаяся у её ног, делилась с ней своим величием, мощью, какой-то особой, еле уловимой идеей или даже парадигмой. Именно такие сеансы «философии от природы» вызывают желание тщательно пересмотреть и, что называется, «перетряхнуть» свои устоявшиеся, выработанные годами жизни и работы в больших городах, жизненные акценты и приоритеты. И хоть главный приоритет Жаклин стоял сейчас рядом с ней по правую руку, картинка перед глазами так и нащёптывала, так и внушала, что это ещё далеко не всё.

А сам «приоритет» с гордостью и одобрением окидывал взглядом свой хайлэндс, примерно как владелец смотрит на его любимых лошадей, хорошо выступивших на параде или скачках и показавших себя во всей красе.

Из состояния задумчивости обоих вывели снежинки. Обыкновенные снежинки. Эти крошечные кристаллики беззвучно, незаметно начали спускаться откуда-то сверху на одежду парочки, превращаясь на её поверхности в такие же микроскопические капельки.

Сначала их было всего несколько штук. Они появились тихо-тихо, как бы крадучись, и по количеству и по поведению напоминая разведчиков, которых «основной отряд» выслал вперёд разузнать обстановку. По всей видимости, «разведчики» доложили, что ситуация благоприятная, потому как вся остальная «белая гвардия» не заставила себя ждать — буквально через считанные секунды снег повалил будто пух из распоротой подушки.

— Пошли скорей, — тихонько тронул за плечо Александр свою Сасенак.

— Угу, — машинально отозвалась та. — Пока, — помахала она горам рукой у плеча.

Спускаться оказалось ненамного легче, чем подниматься. У девушки было ощущение, что её посадили за руль AstonMartin и выпустили на оживлённые улицы Нью-Йорка — на скорости приходилось различать и сортировать по виду камни на «спокойные» и «не очень» и тут же избегать попадания ногами на последние, потому как некоторые из них выскальзывали из-под подошвы как живые лягушата. Мокрый, скользкий мох не вызывал у неё доверия в принципе.

По ходу спуска, снег становился всё более мокрым и тяжелым, а у подножия, на дороге, где стояла припаркованная Q7, лил уже обыкновенный дождь. Только горный, непривычно холодный.

Девушка быстренько юркнула в машину и засунула руки в карманы пуховика. Ей очень хотелось попросить Алекса отвезти её в дом, к камину. Она могла бы даже согласиться, что зря воображала по поводу шапки, но признаться шотландцу, что горы в нагрузку с дождём потеряли для неё львиную долю своего очарования, духу не хватило. Или наглости.

Поэтому они тронулись дальше.

Если от их жилища до горы Крика им пришлось проехать мили две, не больше, то сейчас преодолённое ими расстояние, по той же дороге прямо, составило футов восемьсот — девятьсот и всё. В принципе, то, что они проехали при хорошей погоде, можно было бы с удовольствием пройти пешком.

— Приехали, — пробыв в пути не более минуты, сказал МакЛарен и сам улыбнулся от того, как быстро они добрались.

За окном автомобиля шел дождь. Выходить не хотелось.

— Пошли? — взял юноша за руку свою пассажирку. — Не бойся, лазать по горам я тебя больше не заставлю. Хотя, вообще, конечно, жаль, что погода испортилась. Не дала нам нормально досмотреть какую-то малость.

Слово «малость» придало Жаклин ускорения.

— Ладно, пойдём, — одной рукой девушка ответно сжала его ладонь, а другой нажала на ручку двери.

На этот раз шли они пешком. И по полю. И хоть идти было примерно столько же, сколько ехать на машине только что, это не помешало Жаклин мысленно проститься со своими итальянскими ботиночками, ну или, как минимум, с их опушкой, рассчитанной только лишь на улицы Рима и Лондона. Ну, может быть, ещё и Парижа, но уж никак ни на довольно высокую, хоть и пожухшую зимой, мокрую от дождя траву.

В одном конце этой равнинной местности, которую они пересекали, возвышалась гора, своими очертаниями сильно напомнившая Жаклин пирамиду Хеопса — очень острая, правильной формы вершина находилась почти по центру возвышенности, а угол наклона склонов был весьма близок к сорока пяти градусам. Зарождаясь где-то у подножия этой горы и опоясывая её понизу, вправо от неё уходил негустой хвойный лесок из невысоких стройных молодых сосен. Именно к его окраине, судя по всему, парень сейчас и увлекал свою спутницу.

Жаклин шагала молча, накинув на голову уже и капюшон, только бы не намочить и не испортить чужой шарф. Дождь не усиливался и не ослабевал, из чего напрашивались выводы, что пришел он надолго.

Уже на подходах к лесополосе девушка смогла рассмотреть промеж деревьев какой-то водоём.

За лесом, действительно, притаилось озеро.

Оно оказалось весьма небольшим, смотрелось уютным, даже несмотря на дождь, и размером составляло примерно футов тысячи две в длину и восемьсот — девятьсот — ширину. «Пирамида Хеопса» стояла как бы в голове водоёма, а сторону, противоположной той, на которой расположился лесок, оккупировали невысокие холмы мягких плавных очертаний.

Обогнув лесополосу и подойдя почти к самой кромке воды, Алекс остановился и принялся многозначительно в ожидании посматривать на свою спутницу. Та моргала, вытирая капли дождя с подбородка, и всё никак не могла понять: зачем и почему её привели именно сюда?

— Милое озеро, — наконец-таки выдавила она из себя.

Парень радостно засмеялся.

— А-ха-ха... Сасенак, я очень рад, что оно тебе понравилось. Как ты думаешь: что в этом озере интересного? Почему мы пришли именно сюда?

Жаклин вздохнула и принялась поправлять под капюшоном шарф на голове.

— Оно солёное? — она оторвалась от картинке перед глазами и с мольбой посмотрела на своего «мучителя».

— Нет, — покачал головой тот. — Не думаю, что у него есть шансы здесь быть солёным.

Девушка сложила губки в бантик и почесала ногтём кончик носа.

— В нём водится какая-нибудь особая рыба? Или, может быть, млекопитающие?

— Млекопитающие? В таком маленьком озере? — искренне удивился юноша. — Они бы тут точно с голоду подошли. При всей моей любви к хайлэндсу, озёра здесь не блещут кормовой базой.

У девушки сделалось такое выражение лица, как будто она вот-вот заплачет.

— Ну а что тогда... оно высыхает?

— Здесь? В Шотландии? Это с такими-то дождями? И такими подземными источниками? Не смей меня, Жак. Ни единого шанса, — отрицательно покачал головой Александр.

— А как оно называется? У него есть название? — просто спросила Жаклин, надеясь, что по названию она сможет додуматься хоть до чего-нибудь.

— Умница! — подхватил её парень подмышки и, прижав, переставил на другую сторону от себя.

— Правда, да? Название? Дело в названии? — обрадовалась Жаклин, одёргивая свой пуховик.

«Сейчас мы поедем домой!» — уже ликовала она про себя.

— Да. Дело в названии, — сжал губы в тугой бантик юноша, сдерживая свою широчайшую улыбку.

— Вау! Как интересно! — попыталась подыграть ему девушка. — И как же, черт побери, называется это озеро?

— Жак, — просто ответил МакЛарен.

Та застыла.

— Что? — прищурилась она уже не только от дождя. — Что ты сказал?

— Я сказал: «Жак». Это озеро называется: «Озеро Жак».

Жаклин замерла, округлив глаза. Она тут же забыла про дождь, дом, камин, тепло, шапку, капюшон и опушку на ботиночках.

— Вау... озеро Жак... как интересно, — задумчиво произнесла девушка и принялась рассматривать водоём заново. — Подожди, — спохватилась она, — но ведь «Жак» — это мужское имя, да ещё и французское. Озеро в Шотландии, в хайлэндсе названо чужим именем?

— Я бы сказал, что оно названо французским именем в гэльской интерпретации, — с удовольствием принялся просвещать англичанку шотландец. — На карте название написано без бесконечных французских окончаний. Просто три буквы и всё.

— Как ты думаешь, оно названо так в честь кого-нибудь?

— Ну, насколько я знаю горцев, просто так они ничего не называют. Наверное, этот Жак или эта Жаклин чем-то прославились среди них, сделали им очень много хорошего, не иначе.

Девушка простояла не некоторое время, задумавшись. Капли дождя всё так же омывали её личико, словно борясь за внимание девушки и соперничая в этом с озером.

«Эй, посмотри на нас. Забудь о нём. Смотри сколько нас много. Неужели мы тебе не мешаем?» — как бы твердили

— Спасибо, что привёз меня сюда, — Жаклин в очередной раз вытерла лицо ладонью и подняла голову на юношу.

— Это только начало, — Александр, несильно откинув ей голову, потянулся к её губам.

Ни один из них ещё ни разу в жизни не целовался под дождём. Это было впервые даже несмотря на особенности климата, в котором им обоим приходилось свои прежние отношения оформлять и украшать романтическими моментами. Целоваться в постели, благоухающей кондиционером для белья, при температуре двадцать градусов по Цельсию, влажности воздуха 52 % и освещённостью четыреста двадцать пять люкс — это было одно, а вот поцелуй здесь, в этом безлюдном, почти диком месте, на берегу такого вот уединённого

озера, холодными губами, в мокрой одежде, когда тебе на веки капают капли дождя и стекают по твоим щекам, а руками ты можешь ухватить не шелковистую, нежную, упругую кожу любимого человека, а его мокрую куртку — это нечто иное. Это то, что заставляет ещё сильнее искать теплоты дыхания, возможности почувствовать, что ты нужен даже здесь, даже такой вот, весь мокрый и холодный, и продемонстрировать, что человек необходим тебе тоже любим и что удовлетворить свою взаимную необходимость друг в друге не помешает ни дождь, ни ветер, ни холод, ни время. В этом есть вызов.

— У меня ощущение, что ты метишь территорию, — первое, что выпалила Жаклин, когда они налагожились губами друг друга.

— В смысле?

— Тебе нужно везде здесь, в хайлэндсе, если не заняться со мной сексом, то хотя бы поцеловать.

Александр сжал губы бантиком и утвердительно кивнул.

— Угу. Ты в чем-то права, — он улыбнулся. — Но вообще-то я хочу, чтобы у меня было как можно больше мест, связанных с тобой. Хочу больше воспоминаний о тебе, о нас.

— Ты собираешься обо мне вспоминать?

Парень понял, что ляпнул что-то не то, и тут же замолк.

— Значит, ты собираешься обо мне забывать? — закончила свою мысль Жаклин.

Он ответил не сразу.

— Малыш, я не буду бить себя пяткой в грудь и говорить: — «Никогда...» — и так далее, я только хотел, чтобы тебя было больше в моей жизни, — попытался было развеселить юноша взгрустнувшую девушку и чуть пощекотал ей бока поверх пуховика. — Не грусти, Сасенак, — мягко указательным пальцем поддел он кончик её носа.

— Пообещай мне одну вещь, — чуть отвернулась от него в сторону Жаклин.

Тот прищурился и замер весь во внимании.

— Что бы там у тебя не случилось: разлюбил, надоела, встретил другую, не вхожу в твои планы и ещё что, пожалуйста, не тяни время, не обманывай меня, как я это делаю с Чарльзом, хорошо? Скажи мне прямо. Я хочу узнать об этом первая и именно от тебя.

На мокром красивом лице юноши проскользнула грусть и даже некоторая обида. Он часто заморгал склеившимися от дождя ресницами.

— Не могу этого обещать.

— Почему?

— Потому что точно знаю, что говоря: — «Хочу узнать от тебя первого», — ты имеешь в виду: — «Александр, не бросай меня никогда».

Жаклин молча нахмурилась и облизала мокрые от дождя губы.

— Я пробовал, Жак. Я много раз говорил девушкам в глаза и даже пару раз приходилось орать им в лицо, что между нами ничего быть не может только лишь потому, что мы трахнулись пару раз. Это не помогает. Увы. Они либо не понимают... либо не хотят верить... а тем, до кого всё-таки доходит, скорей всего, также больно, как если бы им сказал не я, а... диктор в новостях.

Жаклин прищурилась и молчала. Может быть, впервые в жизни она абсолютно не знала, что ей сделать или сказать.

— Да не собираюсь я тебя бросать! Не придумывай, пожалуйста! — воскликнул МакЛарен, видя её замешательство.

У неё губы дрогнули в нервной улыбке.

— Говоря «Не собираюсь я тебя бросать», ты говоришь: — «Отстань от меня. Радуйся, пока я рядом, а там посмотрим».

Юноша зажал себе одну ноздрю указательным пальцем, но тут же отпустил.

— Хорошо. Ты узнаешь об этом первая и именно от меня. Обещаю, — сказал он и вскинул подбородок в дождливое небо.

Девушка медленно моргнула и облегченно выдохнула, опустив плечи.

— Спасибо, — в тон ему поблагодарила она.

— Не за что. Пойдём?

— Нет. Сфотографируй меня вдвоём с моим озером.

— Восток или запад, а дом — лучше*, - выдохнула Жаклин, заходя в прихожую и расстёгивая на ходу молнию пуховика. Александр остался на улице загонять машину. Девушка стянула верхнюю мокрую одежду, и, прихватив стул из кухни, отправилась в гостиную. Отопление здесь было уже включено, поэтому она поставила стул почти по центру комнаты и развесила на его спинке куртку.

Разложив на сиденье влажный мохеровый шарф, Жаклин направилась в ванную. Быстро вымыв руки, побежала на кухню и, включив плиту и достав сотейник, поставила его на огонь. Пока сковорода накалялась, девушка перебрала кусочки мяса, выложив наверх те, что хотя бы с одного боку были покрыты жиром, после чего начала их один за другим выкладывать в разогретую посудину жиром на дно. Покрыв таким образом всё днище и вывалив сверху оставшееся мясо, она сделала потише огонь и, услышав, как открывается входная дверь, стремглав бросилась в душ.

— Оу, уже вкусно пахнет, — повёл по воздуху ноздрями вошедший Алекс. Сняв свою мокрую дублёнку и заглянув на кухню, которая оказалась пуста, если не считать наполнившего её под завязку дурманящего запаха поджаривающихся свиных шкварок, и прислушавшись к шуму воды в ванной, парень направился в гостиную.

Увидев там висевший на спинке стула пуховик, он аккуратно разложил на диване свою дублёнку и пошел в кладовую за дровами — в такую погоду не развести огонь в камине, с его точки зрения, было большим упущением или ещё большей ленью.

Пока он возился с огнём и дымом и звонил в гостиницу насчет точного прогноза погоды, Жаклин вышла из душа и опять так же, стремглав, бросилась к сковороде. Жир немного вытопился, мясо пустило сок. Девушка, перемешав будущую вкуснятину (она в этом не сомневалась), достала из холодильника ананас.

— Мой Бог, Сасенак, какие запахи! — Александр вошел в кухню и первым делом заглянул в сотейник. — Это уже можно... — он хотел было сказать «сожрать» — именно это слово было адекватно силе его голода — но вовремя спохватился и сказал: — употребить?

— Нет, конечно. Оно же сырое. Неужели ты не видишь? — назидательно возмутилась Жаклин, срезая кожицу с ананаса.

— Да? Сырое? Нет, не вижу. По мне так оно уже вполне... Ладно, я пока — в душ, — он отодвинул девушке волосы на шее в сторону и чмокнул её в оголившееся местечко.

Пока мужчина принимал водные процедуры, женщина переделалась из гостиничного махрового халата в свой, домашний, из тяжелого натурального японского атласа. Самым интересным в этом халате был его цвет — абсолютно чёрный, насыщенный, сочный, бескомпромиссный, без оттенков и нюансов. Как называла его сама Жаклин: — «Цвет «Мерседеса» представительского класса». Халат походил на отполированный черный автомобиль президента или премьер-министра страны и даже, застёгиваясь на все пуговицы, сверху заканчивался высоким официальным, чопорным воротником-стойкой.

— Ого! — не выдержал с порога Александр — халат струился вокруг стройного женского тела как чёрный водопад. Так и хотелось набрать полные ладони такой вот гладкости и шелковистости, а ещё лучше — провести по всему этому руками и почувствовать все мягкие, нежные изгибы под ним.

— Что? — в испуге оглянулась на него Жаклин.

— Ничего, — старательно замотал головой юноша и невинно захолопал своими «тюльпанами», как будто его поймали пришедшим домой с годовой подшивкой «PlayBoу». В его глазах бесенята шаркали по полу копытцами, пожимали плечами и в недоумении разводили руками.

«Это тебе за мохеровый свитер!» — подумала мстительная Жаклин и, чтобы закрепить свою маленькую победу, прошла к мойке так, чтобы этот любитель «PlayBoу» увидел на её ножках кокетливые комнатные сапожки угги бело-кремового цвета с черными помпонами на боках.

И он увидел.

«Фак! — пожевал юноша губы, оценивая обстановку и чуя в воздухе «жареное» уже и в переносном смысле. — Ну что же... доктор Фортескью, кто я такой, чтобы вам отказывать!» — улыбнулся он про себя и, войдя, остановился у стола. Присев на его краешек, юноша скрестил вытянутые длинные ноги и сложил руки на груди. От греха подальше.

— Ты давно научилась готовить? — спросил он с интонациями начала долгого разговора.

Жаклин, вымывая разделочную доску и уже приготовившись было почувствовать его ладони на своём теле сзади, слегка вздрогнула и чуть повернула голову к плечу.

— Я ещё не научилась, — тут же взяла она себя в руки. — Это невозможно. — Девушка закрутила кран и стряхнула воду с доски. — Готовить учатся всю жизнь. — Она подошла к другому краю стола и, уложив очищенный ананас на доску, принялась выковыривать из него «глазки». — Но к плите я стала сразу же, как только дядюшка забрал меня из частной школы. Очень хотелось быть ему хоть чем-то полезной. — Она чистила плод по спирали, отрезала готовые части и укладывала их на доску. — А потом, спустя некоторое время, выяснилось, что я люблю это делать. Мне нравится.

— Ты, наверное, умеешь делать даже мороженое.

— Оу, это незаживающая рана! — Как только всплыла тема её любимого лакомства, Жаклин тут же отодвинула на потом и свой замысел, и ананас. — Я очень много раз пыталась приготовить его сама. — Девушка выпрямилась и принялась разговаривать, глядя на своего собеседника. — Хотелось научиться это делать и в будущем поэкспериментировать со вкусами и наполнителями. — Она сделала круговые движения в воздухе ножом. — Максимум, чего я добилась, это съедобности. — Она обречённо махнула рукой и опять нагнулась к плоду. — После этого, если я хочу поэкспериментировать со вкусами, я беру обычный пломбир и смешиваю его с... ну допустим, с сухим шампанским.

— А что тебе ещё нравится, кроме как готовить? — повёл плечами Александр, наблюдая, как его кухарка прошла к плите помешать мясо, и халат на её изгибах «заиграл» своими отливами как нефть. Юноша передёрнул руками на груди и поменял местами ноги.

— Ну-у-у... ещё мне нравится спать, гулять с Сулой. А ещё читать.

— Ты и сейчас читаешь?

— Я читаю всегда. — Закончив с ананасом, Жаклин прошла к буфету и достала с верхней полки большую тарелку.

— И что ты всегда читаешь?

— Сейчас что-нибудь посовременней, — она грустно улыбнулась и принялась нарезать ананас на такие же кусочки, как и мясо. — Хочется быть в курсе... иметь представление. — Она вывалила с доски в тарелку горку нарезанного благоухающего тропического плода. — Хоть я не прочитала ещё даже всего Маркеса и Ремарка, но тем не менее. Но и каких-то

особенно креативных авторов типа Пинчона, Бретона с их сюрреализмом и постмодернизмом, или Супо там...Тцара, Гэдис с их дадаизмом, я не читаю. Прочитала несколько работ и вернулась к Верберу, Бегбедеру, Лу. Очень понравилась Джоанн Харрис и её «Шоколад», «Поправки» Франзена. Короче, больно уж крутой модернизм я не потребляю, но и дамских романов тоже не читаю. — Докрошив плод, Жаклин отставила тарелку с горкой ананасных кубиков.

— Вот как? — выгнул Александр свою идеальную бровь. — Я думал, все женщины без ума от дамских романов.

— Ты не дослушал, — взглянула она на юношу из-под невидимых очков, направляясь к холодильнику за сыром. — Я их сейчас не читаю, потому что когда-то перечитала, наверное. Дочиталась до того, что меня от них стало тошнить. С тех пор — не могу.

— И когда же это «когда-то»? С дядюшкой в экспедициях?

— Не угадал, — высокомерно вскинула подбородок Жаклин, попутно рассматривая упаковки и мягкого сыра «Sabok», и твёрдого «Teviotdale». — Меня на них в Университете подсадила Лизи, подруга. Мы вместе плотали том за томом, менялись книжками, обсуждали героев, любовные сцены. — Жаклин принялась соскребать размокшую белую технобумагу с мягкого сыра. — А потом надоело обеим. Я как-то совсем недавно, этой весной, кажется, — девушка дунула на падающие на лоб волосы, — пыталась вернуться к ним, но... не смогла — ощущение какой-то незрелости, недоразвитости что ли. Так что, или ваш МакЮэн, или — поспать. — И она принялась нарезать продукт на довольно толстые, короткие полоски.

Повариха болтала без умолку как ни в чем не бывало, пластая сыр и иногда поглядывая на своего слушателя, оценивая результаты своих трудов.

«Кажется, расслабился, — осторожно предположила хитрая Жаклин. — Пора».

— Интересно, у них тут есть тёрки для овощей, или придётся твёрдый сыр тоже кромсать ножом? — подойдя к буфету, она открыла дверцу правого нижнего отделения и, нагнувшись, стала заглядывать внутрь. — Можно, конечно, и покромсать, но хотелось бы засыпать ровным слоем. — «Даже если он поймёт, то кр...»

— Не шевелись, — прозвучал сзади низкий хриплый голос.

— Что? — попыталась было выпрямиться и оглянуться она, но ей на спину уже легла властная сильная мужская ладонь и, надавив, вернула в исходное положение.

Рука эта тут же жадно принялась скользить вверх- вниз по прогнувшейся девичьей спинке, а вторая в это время нащупала внизу упругую грудь под шелковистостью халата и начала её сминать, тормошить и играть возбуждёнными сосками. В разрез попки упёрлось нечто странное, непонятное, по ощущениям очень сильно напоминающее эрегированный мужской член довольно внушительных размеров. Оно слегка потёрлось меж её ягодиц, насколько слово «тереться» подходит к японскому атласу.

Александр застонал.

— Тот, кто придумал такую материю — гений, — оформил он свою мысль. Руки, обследовав спину и грудь, принялись за ягодицы, которые поместились в них почти полностью. — Но ты вкуснее.

Жаклин почувствовала, как сзади подол халата начал задираться.

«Ну наконец-то! — только и успела подумать она про себя. — А то я уже...»

— Т-т-т-твою... ма-а-ать... — почти что взвыл мужчина. — Чтоб меня!

«Бах!» — как бы согласившись с ним, отрезала путь к отступлению захлопнувшаяся дверца нижнего правого отделения.

Александр, чуть подтолкнув девушку вперёд, грудью уложил её на столешницу буфета. Он прикоснулся подушечкой большого пальца к области копчика, поскольку на Жаклин не было трусиков, и провёл вниз одним движением меж её ягодиц и складочек. Она была уже готова.

Юноша выпихнул из себя в секунду несколько совершенно не похожих друг на друга звуков, после чего проделал всё тоже самое, только всей ладонью.

— Ч-ч-че-ерт... — он опустил на одно колено и, раздвинув пальцами её складочки сзади, принялся вылизывать всё, что было между ними.

Жак закусила нижнюю губу и раздвинула ноги до ширины плеч: сначала своих, а потом и Александра.

Который в это время руками то поддерживал её складочки, то принимался жадно лапать и мять ладонями сзади нежные ягодицы и бёдра, то даже старался совмещать два этих занятия. Утолив свой голод в соках своей любимой женщины, парень поднялся и, достав из штанов на свет Божий свой разрывающийся от жажды бурной деятельности член, тут же буквально с разбега вогнал его в тело девушки до упора.

— А! — закричала Жак как от боли.

— Пф-ф-ф...

У обоих опять начались проблемы с дыханием — их распирало.

— Мой Бог... — еле выдохнул парень. — У! — вскрикнул он, одновременно и толкнувшись вперёд, и насадив Жаклин на себя. — Малыш, — продолжил он задирая ей халат чуть ли не до самых лопаток, — я тебя сейчас просто оттрахаю. — Он легонько шлёпнул по белой голой округлой ягодице и опять смял её пальцами. — Тупо.

— Как, — еле дыша, выпихнула из себя «малыш», — интересно.

— А-ха-ха... — сдавленно засмеялся юноша. — Ну что же...

Буфет спасло только то, что он был новый и задвинут в угол. При каждом толчке Алекса передние, а через раз и задние ножки отрывались от пола и гулко стучали наподобие сердца огромного животного. Посуда, под «аккомпанемент» всего остального содержимого во главе с кухонным комбайном фирмы «АЕG», звенела и гремела как во время землетрясения в Чили 1960-го года. Партию «колоратурного сопрано»* выводили три французских бокала для вина с высокими тонкими ножками, стоявшие на нижней полке верхнего отделения. Два из них, либо более умные, либо менее выдержанные, сразу же предпочли принять горизонтальное положение и просто кататься из угла в угол, дабы уцелеть. Третий продолжал стоять и упал, уже только когда затрясло основательно. В наказание за гордыню он остался без ножки.

Но ничего из этого абсолютно никого не смущало и не останавливало — Александр делал своё дело и, судя по всему, планировал довести его до конца, даже если бы на осколки грозила разлететься на весь хайлэндс вся стеклянная веранда.

Жаклин схватилась руками за боковушки буфета, чуть приподняв голову над столешницей. Юноша держал её за кости таза, подставив свои пальцы под зону бикини, чтобы она ничего себе не надавила.

Сейчас парень не занимался сексом и не блаженствовал. Он не чувствовал эмоционального контакта с девушкой и поэтому не ждал отклика и не рассчитывал на него. Он просто брал. Брал и пользовал. Он трахал. В этом соитии в жанре «секс минус любовь» было больше драйва, чем прямолинейного удовольствия.

Оно получилось обалденным и, самое главное, чертовски желанным и своевременным.

Поэтому ничего удивительного, что юношу охватило чувство свободы от привязанности и влюблённости в эту девушку, и от этого его сексуальная агрессия множилась многократно. Он понимал, что безумствует и звереет, но ничего не мог с этим поделать. Да и не собирался. Ему хотелось долбить и долбить своим членом её лоно, не заботясь о том, получит ли она свой оргазм или нет. Парень оторвал левую руку от её таза и опять, ткнув большим пальцем в районе копчика, начал спускаться им ниже. Но на этот раз, проследовав только лишь до отверстия её попки, он, вогнав туда палец сначала по ноготь, а потом и по вторую костяшку, схватился ладонью за её ягодицу, после чего разъярился вконец.

В этот момент ему стало плевать, что она чувствует и насколько ей всё это нравится или не нравится. Примерно как это случалось у него давно, с другими девушками, которых ещё тогда красавчик сравнивал с машинами стритрейсинга, когда он утапливал педаль газа в пол, разгоняя агрегат с нуля до сотни за восемь секунд, и выжимал из него всё до капли, только бы прийти к финишной черте первым, если не вообще единственным.

И он пришел. Это был поистине настоящий финиш.

Звук его рёва вырвался из стен кухни, ударился о стекло веранды и будто заметался в панике, не имея выхода из ограниченного пространства помещений, ринулся на второй этаж. — Аааа... — испытывал на прочность акустические способности дома Александр, продолжая вколачиваться в девушку, со всей силы сжимая её в руках, и изливая в неё своё семя.

Только когда приступ яростного, нестерпимого удовольствия прошел, и как только парень осознал: кто он, где он, что с ним и кто виноват, молниеносно принял решение, что делать. Выйдя из Жак и рывком выпрямив её, он развернул девушку к себе.

— Малыш... — с каким-то бессилием начал целовать её губы, а рукой полез под подол халата.

— Нет. — Вырвавшись из плена его рта, Жаклин, так же, еле дыша, схватилась обеими руками за запястье. — Нет, — высвободилась она из плена его рук и, сделав пару шагов к плите, выключила конфорку под сковородой.

— Что? Почему? — Александр поправил свои спортивные штаны и, всё ещё не восстановив дыхание, плюхнулся на стул и потянул за руку свою девушку к себе на колени. Он продолжил лихорадочно водить руками по её телу в этом халате, изобретателя материала которого уже причислил к гениям, приближаясь к месту бикини.

— Нет, — Жаклин одной рукой обняла его за плечи, а второй еле успела придержать наглую мужскую ладонь в опасной близости от своего лобка. — Будешь должен.

— Должен? — «тюльпаны» прищурились. — Ну и что это значит?

— Потом, — посмотрела на него из-под приопущенных век девушка. В уголках её губ играла ухмылка. — Всё потом. А сейчас, если позволишь, я хотела бы закончить с обедом.

Александр на мгновение «завис». Потом проморгался.

— А, да, обед, конечно, — он чмокнул её в щечку. — Конечно, тебе нужно закончить с обедом. — Юноша уже хотел было отпустить своего «повара», но понял, что это не так-то просто — руки как намагниченные «утюжили» и «утюжили» халат на её теле. Жаклин попыталась было встать сама, но на неё тут же надавили его ладони, удерживая на коленях.

— Алекс... — выпрямилась девушка.

Тот остановился и упёрся лбом в её плечо.

— Чертов халат, — но развёл-таки руки в стороны.

— А ты думаешь, мне было легко, когда ты почти весь день маячил у меня перед

глазами в этом своём мохеровом свитере? — высказала наконец-таки всю свою боль Жаклин, направляясь из кухни в спальню за трусиками.

Александр в непонимании сдвинул брови, но потом взгляд его просветлел, лицо разгладилось, в глазах заплескалось понимание и ликование.

— Я пойду, посмотрю, как там камин, — сказал он и тоже вышел из комнаты.

Жаклин, обжарив со всех сторон мясо, уложила на него порезанный свежий ананас, перемежая его кусочками консервированного. Покрыла всё это слоем пластинок из мягкого сыра и засыпала тёртым твёрдым. Посолила, залила сиропом из банки, насыпала молотого перца и ещё розмарина, который нашла в многострадальном буфете, накрыла крышкой и сделала жар в конфорке минимальным.

Александр всё это время крутился вокруг, изображая из себя бесценного помощника. Он, по просьбе девушки, помыл несколько картофелин, которые взял с собой из Глазго и, залив их водой в кастрюле, поставил варить. Затем убрал и выкинул осколки разбившегося французского бокала, помыл в мойке посуду, которую испачкала Жаклин во время готовки, и уж по собственной инициативе доел не пригодившиеся остатки ананаса и сыров и принёс из машины бутылку виски «TheMacallan».

— Во сколько лет ты первый раз попробовал виски? — поинтересовалась Жаклин.

— Я надеюсь, ты шутишь? Какой шотландец тебе ответит на этот вопрос, если у нас маленьким детям соски обеззараживают в стакане с виски.

«Шеф-повар» засмеялась.

— Какие же вы всё-таки становитесь хвастливые, шотландцы, когда речь заходит о вашем виски.

— Ну так...если есть чем! — Александр любовно погладил красивую, удобную бутылку с жидкостью цвета жженой пшеницы, запихивая в рот остатки ананаса, после чего, чуть подняв ее, утвердительно стукнул ею об стол. — Кстати, ты тоже можешь похвастаться...в ответ.

— Мне нечем, — девушка посыпала тёртым сыром содержимое сотейника.

— Да ну?

— Угу, — она сжала губы и кивнула.

— Давай, я тебе помогу. Какое самое необычное блюдо ты ела в Китае? Что-нибудь из сушеных червячков и кузнечиков?

Жаклин повела бровями и округлила глаза.

— Ты, наверное, думаешь, что в экспедициях примерно как в отеле на Карибах — тебе готовят повара, пытаются удивить различными блюдами кухни своей страны. Ты лакомишься, наслаждаешься, отдыхаешь. Угу. Нет, всё совсем не так, мистер МакЛарен. — Девушка опять двинулась к буфету и открыла судьбоносную правую дверцу нижнего отделения в поисках специй, но наклоняться уже не стала, а присела на корточки. — Там люди работают. А работать в чужой стране, поверь мне, не так уж и приятно. К этому нужно привыкнуть. — Передвигала она по полке предметы и, прищурившись, заглядывала вглубь. — Поэтому повара в экспедициях, если их нанимают по очень строгой рекомендации прежних экспедиций в той стране, где идут работы, а не везут с собой из Штатов, допустим, что гораздо дороже, так вот, повара стараются готовить обычные европейские ходовые блюда, те, которые люди едят у себя дома. — Она, наконец, извлекла подставку для салфеток, куда вместо того, для чего она предназначалась, были втиснуты пакетики с приправами. — Потому что другой климат, другая вода, другой часовой пояс — могут

возникнуть проблемы со здоровьем, которые никому не нужны, поскольку уехать в экспедицию, чтобы потом валяться там в постели, никому не интересно, поверь мне. — Подойдя к столу, Жаклин принялась перебирать и нюхать содержимое своей находки. — Все стараются держаться, а по приезду домой уже начинают заниматься своими болячками. Там не болела даже я! — гордо вскинула она подбородок и лучезарно улыбнулась. — Да и к тому же, если в экспедиции есть итальянцы, или французы, или мексиканцы, то они знать не хотят вообще никакую кухню, кроме своей. И ни одному из них невозможно вдолбить, что кроме, допустим, цуппо, или...гуакамоле, или рататуйа в мире есть ещё очень много чего вкусного. — Выбрав из всех пакетиков только лишь один розмарин, она подошла к сотейнику, открыла крышку и посыпала блюдо специей.

— И ты в Китае даже не поела жареных кузнечиков или суп из ласточкиных гнёзд?

— Почему сразу кузнечиков? Я там ела очень вкусные маринованные утиные яйца в соусе из древесной золы со специями и приправами.

Александр поморщился.

— Фу... древесная зола? И на что это похоже?

— На творог.

— На творог?

— Да, на такой творог...с грибами.

— А у тебя есть фотографии из экспедиций? Я хотел бы взглянуть на тебя в детстве.

— У меня полно этих фоток — в экспедициях принято фотографировать и протоколировать каждый шаг. Примерно как сейчас в Твиттере. А у тебя есть детские фотки? Я тоже хочу увидеть тебя маленьким.

— О не-е-е-ет, только не это, — развернулся от мойки на пятках Алекс. — У меня есть фотки, но меня там не видно.

— Почему?

— Я там везде спрятан за щеками Дженн.

* * *

Обедать они сели в гостиной, на полу, на расстеленном пледе, по центру которого Жаклин хаотично раскатала в несколько слоёв бумажные полотенца.

— За нас, — сказал Александр, чокаясь с девушкой стаканами, на дно которых плеснул немного «TheMacallan».

— Угу, — согласилась та. Она пригубила обжигающий напиток и, поставив стакан на полотенца, как-то так оценивающе посмотрела на своего шотландца — тот приготовился дегустировать её свинину с ананасами.

Юноша взял в рот первую порцию и по мере того, как он распробовал блюдо, любопытство уходило с его красивого лица, и ему на смену появлялось блаженство.

— М-м-м-м... господи, это почти как секс! — будто в неверии покачал он головой, после чего потянулся через их импровизированный стол и чмокнул в щечку своего повара. — Там, кажется, осталось ещё половина? — кивнул он в сторону кухни.

— Да. Где-то половина, а что?

— Я съем всё! — подвёл он черту в воздухе вилкой. — Уверен, до ночи я смогу её «приговорить».

— Ешь, — покровительственно улыбнулась Жаклин.

После этого они принялись за картошку, которую, сварив в кожуре, размяли ложкой и вилкой и сдобрили сливочным маслом, оставшимся с завтрака. Завершили «букет» вкусов

стручки молодой маринованной французской фасоли из банки, которую предусмотрительный шотландец тоже прихватил с собой.

— Это вкус... настоящего ресторанного блюда... между прочим, — вовсю работая челюстями, прокомментировал он.

— А в кафе у Алисы и Эшли хорошо готовят? Ты любишь там есть? — поинтересовалась девушка.

— Я люблю есть везде, где готовят, малыш. Если готовят, то чего не есть?

— А Алиса вкусно готовит? Тебе нравится?

— Жаклин, ну какому же ребёнку не нравится, как готовит его мать? Конечно, вкусно!

— А что по этому поводу говорил твой отец?

Юноша мгновенно напрягся и застыл.

— И отцу нравилось, — ответил он сдержанно.

— Он у тебя погиб, да? — как можно более тактичным, нейтральным тоном «закинула удочку» девушка.

— Ты разве не видишь, что я не люблю о нём говорить, — вот так вот прямолинейно и твёрдо парировал младший МакЛарен.

— Извини, — виновато опустила голову Жак, — я не хотела тебя тревожить и ставить в неловкое положение.

Они помолчали. «Разговаривали» только их вилки с тарелками.

— Он сбросился с крыши, — тихо и даже как-то надменно выдавил из себя парень и опрокинул в себя остатки виски в стакане. — Почему он это сделал, никто не знает. Я... — он зло пережевывал мягкую, распаренную в ананасовом сиропе, свинину, — я тогда здорово психанул. — Юноша перестал жевать и чуть отодвинул от себя своё блюдо. — У него была какая-то любовница. И какого черта ему не жилось? Жена, дети, любовница, работа — живи и радуйся. Нет!

— Александр... ну, может быть, он запутался.

— Я считаю, это безответственно: сначала заводить двоих детей, а потом... запутываться.

— Ты представляешь, что нужно чувствовать, чтобы решиться лишиться себя жизни? Наверняка твоему отцу тоже было нелегко. — Жаклин очень хотелось хоть как-то примирить сына с поступком его отца, хотя бы для его же блага.

— Нелегко? Угу... нелегко. А мы? А Дженнифер? Она ревела месяц! Знаешь, чего мне стоило вытащить её из этого дерьма? Она даже мать перестала признавать. А его отец, мой дед Эварт? Он умер меньше чем через полгода после своего сына. Отцу было нелегко, и он решил поделиться этим с нами... типа, ну-ка, нате-ка, хлебните тоже. Только мы-то тут причём? Почему запутался он, а распутывали мы? Ненавижу его... — парень зло буквально бросил в рот вилку с картошкой и начал жевать с расслабленными губами.

Жаклин молчала, дожидаясь, пока он чуть успокоится. Она была уже не рада такому повороту в разговоре, но всё равно чувствовала, что лучше уже познакомить друг друга со своими «скелетами в шкафах».

— Мне Кирк говорил, что отец женился на матери из-за приданого, из-за того, что она была из обеспеченной семьи, — чуть успокоившись, продолжил Алекс. Он отставил тарелку и опять наполнил стаканы виски. — А потом, когда дед лишил её наследства, он сильно разозлился и пустился во все тяжкие. Я Кирку не очень-то верю, — юноша опрокинул свою выпивку в рот и, поморщившись, отправил вслед за ним стручок фасоли, — он не любил

моего отца. Но следствие установило, что любовница, действительно, была. Чёрт его знает, чему и кому верить — отец не был таким уж... соблазнителем, волокитой, а наоборот, казался очень спокойным, флегматичным ко всему, в том числе и к женщинам.

— Ну, может быть, он только таким казался, — осторожно заметила Жак. Разговор подошел к очень интересной теме, и девушке захотелось за неё зацепиться. — Ты вот тоже кажешься очень сдержанным, молчаливым, скупым на эмоции, но-о-о... неужели ты никогда не изменял своим девушкам?

Александр ухмыльнулся и причмокнул губами.

— У меня не было моих девушек, Жаклин, чтобы они могли претендовать на меня и мою верность, поэтому и измен как таковых не было. — Парень опять углубился в тарелку. — Кире я не изменял — она умудрилась сделать так, что после неё меня от тёлочек начало просто тошнить. — Он чуть помолчал, но видя, что от него ждут чего-то ещё, продолжил: — Но если ты хочешь знать мою позицию...

«Очень хочу!» — воскликнула девушка про себя.

— ...то... — Александр опять сделал паузу, усиленно работая челюстями, — мне лениво. Я не знаю, что будет дальше, но пока мне лениво изменять. Это надо постоянно врать, выкручиваться, придумывать что-то, запоминать: что ты наврал и кому, всё время контролировать себя. И всё это только лишь ради дополнительного траха? Да ну нахрен такое!

— То есть тебя не устраивает только техническая сторона вопроса, с моральной точки зрения, тут всё нормально.

— Да. Нормально, — вскинул он подбородок. — Это честно. Я просто не хочу начинать отношения со лжи и говорить слово «никогда», понимаешь? Мой отец клялся моей матери в верности перед алтарём, и что? И что получилось? А получилось то, что она года полтора не улыбалась после того, как узнала, что он сбросился с крыши дома, где жила его любовница.

Жаклин пыталась оценить эту откровенность, и должна была признать, что стоило ей это предостаточно.

— Спасибо за честность, — она с трудом сглотнула.

— Пожалуйста. Понимаешь, если я буду изменять, то буду только трахаться и всё, — как ни в чем не бывало вещал МакЛарен. — Я не буду интересоваться человеком, пытаться вместе проводить время, нуждаться в его обществе, заниматься с ним любовью. — Водил он по кругу вилкой в воздухе. — Короче, я не буду его любить. — И твёрдо посмотрел на свою визави. — Если я его полюблю, то уйду к нему, к ней. А трах, это всего лишь трах... — скривился юноша, работая челюстями, — это как вон... в футбол поиграть, на гитаре побренчать, — махнул он рукой куда-то за стену в сторону озера, — боксёрскую грушу отколошматить. До встречи с тобой, кстати, я верил только в это — в хороший трах. И если я перепихнусь где-нибудь на стороне, человек, которого я люблю, никогда об этом не узнает, я этого просто не допущу.

Жаклин слушала, будучи в состоянии оторопи.

«Юношеский максимализм, — думала она. — Какой же он всё-таки ещё мальчишка».

— Угу, хорошо, — девушка отмерла. — Ну а как насчет того, если изменю тебе я, и ты об этом узнаешь?

— Это конец! — безапелляционным тоном отрубил юноша и сделал отрицательный жест рукой. — Если в тебе побывает какой-нибудь... гондон, то меня там уже не будет. Мне там делать нечего, как бы я тебя не любил. Извини.

— Значит, если я хочу быть с тобой, то мне тоже лучше сделать так, чтобы ты никогда даже не догадался о том... что во мне побывал какой-то...член... ну то есть, мужчина?

Александр заметно вздрогнул, но тут же взял себя в руки и, сглотнув, твёрдо ответил:

— Да.

* * *

— Смотри, уши поосторожней.

— Не беспокойтесь, клиент, ваши уши в полной безопасности.

— И с боков не отстригай.

— Хорошо.

— А там, в самом низу, покороче.

— Сэр! — уже прикрикнула Жаклин, взмахнув руками в воздухе. — Я же сказала, что всё поняла, — добавила она потише.

Александр сидел в ванной комнате верхом на стуле, скрестив вытянутые руки на спинке. На плечи парню был накинут новый большой полиэтиленовый пакет, аккуратно разорванный Жак по шву. Обильно смоченной под краном расческой девушка хорошенько увлажнила отросшие золотисто-пепельные вихры и приступила к делу. Ловко и быстро подрезав саму длину волос, «стилистка» явила миру родинку на шее, ту самую, которую так нежно целовала ещё тогда, в гостях в общежитии у своего любимого студента. Впоследствии Жаклин иногда чувствовала её подушечками пальцев, хватаясь руками за его шею.

— Мне всегда нравилось стричь дядюшку — у него очень жесткие, послушные волосы. — Девушка, склонившись над головой клиента, старательно и умело орудовала ножницами. — Они всегда ложатся как надо. — Она выпрямилась и отстранилась, пытаясь оценить результаты и наметить планы. — А вот меня никто стричь не любил. Даже в салонах. Мои волосы распрямляются только когда очень-очень мокрые, такие и стричь-то неприятно. А как только начинают чуть подсыхать, тут же закручиваются в спирали. — Она принялась снимать постепенно так называемые «слои».

— У тебя самые красивые волосы, какие я когда-либо видел в своей жизни.

Девушка остановилась.

— Спасибо, — наклонилась она к нему и аккуратно, чтобы не сорвать пакет, губами легонько коснулась губ юноши. Тот, сидя укутанный полиэтиленом, весь в волосах, попытался было углубить поцелуй, но его стилистка, стараясь сейчас оставаться профессионалом, быстро отстранилась и вернулась к своим непосредственным обязанностям. — А тебя когда-нибудь стригли не в салоне? Ну-у-у... я имею ввиду, тебя стриг кто-нибудь из знакомых? — продолжила она щебетать как ни в чем не бывало.

— Мм... да. Меня один раз стригла Дженни и пару раз Марго.

— Ну и как это было?

— Нормально. Мне понравилось.

— Но ты повторять не стремишься.

— Да я бы в принципе, не против, но всё это происходило по случаю. Марго стригла нас с Дженн как-то ещё в детстве — мы плохо себя вели вдвоём, и мать боялась с нами ходить в салон. Даже в детский. — Александр как-то так засмеялся по-стариковски, как бывалый «морской волк», вспомнивший молодость. — А сама Дженн подстригала меня позапрошлым летом. Вернее, нас. Мы были у Рональда, и Нильта, его жена, попросила Дженн укоротить ей волосы — ездить в город лишний раз в горах и некогда, и дорого. Ну, та согласилась и подстригла сначала Нильту. У неё очень даже неплохо получилось, во всяком случае, всем

понравилось. И раз такое дело, сестра подстригла всех: Хэма, Рона, Бена, Зака, это друг Бена по школе, он иногда помогал им управляться со стадом, и меня заодно.

Тема была практически исчерпана, поэтому Жаклин её сменила.

— Вас с Дженни назвали в честь кого-то? — девушка отложила ножницы, взяла расческу и принялась зачесывать волосы Александр так и эдак, пытаюсь сравнить новую длину в различных местах.

— Эмм... — парень, стараясь не шевелить головой, почесал нос, — нет. Просто назвали и всё. Имена понравились.

— А тебе самому нравятся какие-нибудь имена мальчиков или девочек?

Красавец поднял брови и распахнул свои «тюльпаны», после чего несколько раз взмахнул ресницами — судя по всему, вопрос застал его врасплох.

— Я ещё не думал над этим. Не приходилось.

— И тебе никогда не нравились какие-либо имена?

— Нет. Здесь, в Шотландии, точно, нет. — Было заметно, что ему очень трудно что-то отрицать, не имея возможности покачать головой. — Мне не очень нравятся шотландские имена вообще — они все привычные и одинаковые, и какие-то грубые. — Он поводит раскрытыми кистями рук одна вокруг другой, как бы изображая вращающееся барабанное колесо. — А вот когда мы с матерью ездили во Францию, там мне нравились почти все имена. Шанталь, Батист... Беренис... Жаклин, Винсент — да много их! Там уйма красивых имён, и все такие необычные.

— А ты бы смог назвать французским именем, допустим, своего сына? — опять взявшись за ножницы, девушка ходила вокруг клиента, заходя ему то с одного боку, то с другого, понемногу ровняя длину по всей окружности головы.

Александр скривился.

— Наверное, нет.

— А как бы ты его назвал?

— Сына не знаю, а дочь точно назвал бы Эдельвейс.

Стилист замерла с ножницами в его волосах.

— Эдельвейс? Вот как?

— Да, — твёрдым голосом подтвердил Александр свой выбор. — Эдельвейс приносит удачу.

— И ты в это веришь?

Юноша поморщился.

— Жаклин, я не очень хорошо взаимодействую с понятием «веры» вообще, не до конца его понимаю и не умею правильно им оперировать, поэтому, скажем так, я надеюсь.

— Ну, хорошо. А почему ты думаешь, что так нельзя назвать сына?

— Ну, мальчика называть в честь цветка... как-то не очень солидно.

— И как же тогда быть? — девушка чувствовала, что уже буквально припирает парня к стенке, но ничего не могла с собой поделать.

Юноша скептически поморщился.

— Ну-у-у... так навскидку... — он дёрнулся было почесать волосы, но вовремя остановился, — Кирк! Я назвал бы его Кирк!

Жаклин заулыбалась.

— Именем своего сына ты хочешь умиловать своего дядю?

— Нужды нет, — высокомерно скривил губы Александр. — Кирк и так меня очень

любит. — Он сделал паузу. — Это все знают. Имя моего сына — это простая попытка быть благодарным и показать, что я ценю, вот и всё.

— Уверена, Кирк был бы польщен, — кивнула головой Жаклин. — Ну что же, готово, — она принялась аккуратно убирать полиэтилен с плеч Александра. — Сейчас я сниму с тебя эту накидку, и ты сможешь посмотреть на себя.

Дождавшись, пока пакет исчезнет с него, парень встал со стула и, развернувшись к зеркалу, провел рукой по затылку и шее.

— Спасибо.

— Тебе нравится? Я не испортила вашей сиятельной красоты, мистер МакЛарен?

Красавец на это только с укоризной молча стрельнул взглядом в свою девушку.

— Ну, тогда значит, я так понимаю, тебе нужно принять душ. Давай я здесь всё уберу, и ты можешь смыть с себя мельчайшие волоски.

— Сасенак, я сам всё уберу. Ты иди, отдыхай, а я чуть позже подойду. И спасибо тебе ещё раз, — юноша чмокнул в щечку своего личного стилиста.

Скинув гостиничные тапочки, Жаклин за порогом ванной надела сапожки угги и направилась напрямиком на кухню. Но задержалась на веранде. За стеклом разворачивалась привычная картина.

Дождь. Вряд ли девушка вспомнила бы, когда в её жизни он был бы более некстати, чем сейчас, даже учитывая довольно высокую степень привыкания к нему. Как бы ей хотелось убежать от него. От его унылости и пессимизма. А сейчас, вечером, к пасмурной погоде прибавились ещё и сумерки. Полумрак размыл очертания леса, озера, острова-«сюрприза» и полностью скрыл вершины гор, рассмотреть которые не представлялось уже никакой возможности. Картинка удручала и навевала грусть вплоть до тоски.

— Ничего, — тихо, упрямым голосом, проговорила девушка, — всё равно я когда-нибудь от тебя, дождь, убегу. — Она помолчала, как бы ожидая ответа на свою реплику, и не дождавшись, добавила: — С ним! — отвернувшись от стекла, она оттолкнулась руками от поручней веранды и направилась дальше по делам.

Войдя на кухню, где уже горел свет, девушка включила электрический чайник. Заварив в термосе чай и прихватив его с собой вместе с парой чашек и коробкой конфет, она направилась в гостиную к догорающему камину, запахом которого пропах уже практически весь дом. Жаклин уселась на пол, опершись спиной о сиденье дивана, и молча уставилась невидящим взглядом на мерцающие древесные угли. Она стала думать.

Первые же мысли её были о Чарльзе и Оксфорде, но девушка быстро их отбросила.

«Рано. Об этом ещё рано. Пока я здесь и пока я с ним, я хочу его. И только его». Она собиралась кое о чем поговорить с Алексом и размышляла, как бы лучше подступиться к теме. Жаклин открыла термос, налила себе полчашки чая и взялась за конфеты. Это было ассорти, но назвать содержимое коробки таким одним, пусть и довольно красивым словом, всё равно что про нежнейший, чистейший, мягкий, ласковый песок на Мальдивах сказать, что это диоксид кремния.

Суфле из топлёного молока с мармеладом из черной смородины и черноплодной рябины, белый и розовый зефир, цукаты арбуза и дыни, вишня в вишнёвом и персиковом ликёрах, миндаль в белом шоколаде с кокосовой стружкой и без- всё это и ещё многое другое было упрятано в толстый слой первоклассного шоколада и обсыпано, обваляно, облито рисовыми и гречневыми шариками, «жемчужной» и «вермишелевой» посыпкой, порошком какао, карамелью, фруктовой глазурью, ореховой и арахисовой крошкой, цветным

сахарным «бисером».

«Мне бы их фантазию», — помечтала Жаклин, будучи по макушку в коллапсе гастрономического восторга.

— Оу, чай! — прервал её размышления сам Александр.

Из душа юноша вышел не в халате, а уже в штанах и футболке. Теперь, с остриженными волосами и оголившейся шеей, он выглядел на свои восемнадцать, тогда как обычно казался немножко старше и солиднее. Красивый, высокий, стройный, спортивный, слегка надменный и высокомерный как всегда, немного расслабленный и вальяжный как сейчас, он прямо-таки насаждал сексуальное желание и заставлял себя хотеть. И Жаклин его хотела. Очень. До слёз.

«Ну, вот как его можно не хотеть? Как? Если он весь...такой», — девушка наблюдала, как красавец, поправив угли в камине, направился к ней и уселся рядом, тоже опершись спиной о диван. Она молча поставила перед ним на ковре вторую чашку и, открыв термос, наполнила её парящей тёмно-янтарной жидкостью, после чего подвинула к нему коробку конфет, хоть и отлично помнила, что он их не ест.

— Погода совсем испортилась, — начала она с сожалением.

— Да, — шмыгнул уголком губ юноша и отхлебнул обжигающий напиток. — В гостинице администратор сказала, что будет лить до самого Нового года. Это скверно, — он почти спрятал в своих ладонях чашку с чаем.

— Ну и что будем делать? Сегодня же последняя ночь, за которую ты заплатил, так ведь? — по интонациям девушки было слышно, что она полностью полагается на волю своего мужчины — как тот решит, так и будет.

— Вообще-то, если тебе не понравилось бы или надоело здесь, я планировал прокатиться дальше по побережью и встретить Новый год в Брэ или Рознхолле. — Он посмотрел на девушку и по её сдвинутым бровям понял, что она не знает, где это. — Там тоже можно арендовать такие вот очень неплохие гостиничные дома, короче, есть где спрятаться. Да и места там... глаз не оторвать... и зимой, и летом. Но говорят, льёт по всему хайлэндсу. Скорее всего, остаток каникул пройдёт под дождём. — Александр было замолк, но ту же радостно подскочил. — Но зато на Бен снегу навали-и-ит!

— У меня есть с собой зонтик, — тихо пробормотала девушка, пропустив мимо ушей восторги горца по поводу обновления и утолщения снежного покрова на самой высокой вершине Великобритании.

— Зонтик? — невесело засмеялся юноша. — Шикарно! Правда, при таком раскладе, больше подошла бы подводная лодка, но зонтик тоже неплохо.

— А-а-але-е-екс, — Жаклин отставила свою чашку подальше и, придвинувшись к своему мужчине под бок, закинула на него одну руку и одну ногу, — ты знаешь... — она хитренько потёрлась носом о его плечо, — я тоже так хочу.

Тот тут же напрягся и настороженно уставился на почти уже догоревшие угли камина.

— Как?

— Я тоже хочу, чтобы тебя было как можно больше в моих днях, в моей жизни, в моих воспоминаниях.

Юноша выдержал паузу.

— Продолжай, — прихлебнул он свой чай.

— Ведь сейчас я — в твоей жизни, так ведь? А я хочу тебя — в свою.

Из такой «исчерпывающей» информации казалось очень сложно выстроить хоть одну

логическую цепочку и сделать хоть какой-нибудь промежуточный вывод, но парень пошел на риск.

— Подожди... ты хочешь, чтобы я поехал с тобой в Лондон, — спросил он с утвердительными интонациями и, прищурившись, взглянул на Жаклин.

У той радостью зажглись глаза, и она быстро-быстро утвердительно закивала головой.

— И там с тобой встретить Новый год.

Девушка молча, с улыбкой, зажмурилась, но тут же открыла глаза.

— Ты считаешь, что Новый год в Лондоне — это плохо? Тебе неинтересно? — несмело поинтересовалась она.

— Да мне вообще-то, честно признаться, похрен, хоть в Антарктиду, лишь бы с тобой, — он рукой наклонил к себе её голову и поцеловал в волосы. — Просто... — и парень замолк, не зная, что сказать — слишком уж неожиданно поворачивались события. — Итак, ты хочешь в Лондон.

— Нет, я не хочу в Лондон, я хочу в Лондон с тобой! Я тоже хочу, чтобы город, где я родилась, увидел меня с человеком, которого я люблю. Я так долго тебя искала... ждала... разочаровывалась, ошибалась, смирялась, пугалась, и вот наконец-таки нашла! — потянулась она руками Алексу за шею и села на него верхом. Тот как можно дальше отставил кружку с чаем и опять, для начала обнял пальцами Жаклин за тонкую талию, после чего принялся водить ими по её фигурке, обтянутой атласным халатом. — Я никогда не бродила по улицам Лондона в обнимку с человеком, которого люблю, никогда не целовалась на эскалаторе в метро, никогда не валялась с ним на траве в Грин-парке. — Она помолчала. — С Чарльзом мы ездили гулять пару раз, но я брала его под руку и... и всё. А о том, чтобы целоваться на улице, не могло быть и речи.

— А как там с погодой? — слегка отрезвило Александр слово «улица».

— Я ещё в Оксфорде слышала, что обещали в новогоднюю ночь местами мелкий дождик, но ведь это ерунда, правда?

Мужчина молчал.

— Ты только, ради всего святого, не подумай, что мне не понравилось с тобой в горах! Мне очень, очень понравилось! Я вообще не представляю, как такое может не понравиться или оставить равнодушным, но лондонские новогодние салюты считаются чуть ли не лучшими в Мире.

— Угу, на которые весь этот самый Мир и съезжается, — пробубнил Алекс.

— Положись на меня — я знаю несколько укромных мест, там можно отдохнуть от толпы. Ммм..? Что скажешь?

А юноша, уже попав под влияние не только своей фантазии по поводу картинок, нарисованных его девушкой, но и атласного халата, потянулся к её губкам. Она ответила на поцелуй. Обняв его со всей своей нежностью за шею, опять почувствовав пальцем «открытую» сегодня заново родинку, девушка взяла инициативу в свои руки, вернее, в свои губы, и томно, сладко начала целовать молодого человека сама, внедряясь языком ему в рот.

Парень застонал, сминая в руках её ягодицы под натуральным атласом.

Потом оставив в покое его губы, Жаклин потянулась чуть выше и прижала его голову к своей груди. Александр, расстегнув пару верхних пуговиц, зарылся носом в её третье-четвёртый размер.

— М-м-м... — поделился он впечатлениями.

— Алекс... — сладостно буквально пропела девушка, — ну так как?

— Я согласен, — поднял голову юноша и чмокнул свою манипуляторшу в подбородок, — но у меня одно условие.

— Какое? — почему-то его заявление манипуляторшу ничуть не взволновало.

— Мы остановимся у Кирка, в его доме в Ноттинг-хилле.

— У Кирка? В Ноттинг-хилле? — Жаклин слегка отстранилась. — А сам он живёт сейчас в своей квартире в Челси? — девушка опять опустилаась и села на него верхом.

— Угу.

— Какой у него там адрес?

— Барклейроуд, 19/2.

— Оу, если мне не изменяет мой склероз, это недалеко от стадиона.

— Не изменяет. Это, действительно, недалеко.

— А как мы к нему попадём в дом? У тебя есть ключи?

— У меня есть ключи и от дома, и от квартиры.

— Правда?

— Ну а как я, по твоему, провожал Марго с Дженни утром после моего дня рождения?

— Понятия не имею. Я вообще думала, что ты провожал из квартиры и кое-кого другого.

— Жаклин, ты всё ещё не можешь поверить, что Анна — девушка из сопровождения?

— Мм... могу. Кстати, — хоть это было и совсем некстати, но Жаклин всё-таки спросила: — а как вы расстались с Анной?

— Да просто отлично расстались! — Александр от полноты чувств даже развёл руками, найдя в себе силы оторвать их от халата. — После того как ты уехала, мне стало не до Анны, и она попросила такси.

— И даже нисколечко не запала на тебя?

Парень скептически сжал губы.

— Жаклин, я — её работа...

— Хорошо-хорошо... — сразу же перебила его девушка. — Так ты у Кирка в квартире ночевал один?

— Нет. Дядя заявился среди ночи с аэропорта.

— Александр, а на дне рождения, кроме тебя, кто-нибудь знал, что Анна не твоя девушка? Марго, например.

— Нет, Марго не знала. И вообще никто не знал, кроме Дженн.

— Вот как? Дженни? И ты рассказал ей, что хочешь меня отпугнуть?

— Нет, я рассказал ей о нас только сейчас в Глазго, перед отъездом сюда.

— И что она сказала?

— Мне кажется, она расстроилась.

— Очень жаль. Почему?

— Пф-ф-ф... — парень опрокинул голову назад, на диван. — Ну... понимаешь, раньше все мои приключения с девушками разворачивались на её глазах, она знала каждый мой шаг, если ей это было интересно, а ей было, поверь мне. — Приложил он руку к груди. — А сейчас я ей сообщаю, что уже практически люблю замужнюю женщину, мои отношения с этой женщиной зашли так далеко, что я еду с ней в горы, вдвоём, и Дженн узнаёт это только сейчас. Наверное, ей показалось, что мы с ней отдаляемся друг от друга. Хотя, скорее всего, так оно и есть.

Жаклин помолчала.

— Прямо чувствую себя какой-то злой мачехой, разлучившей брата и сестру.

— Не говори ерунды. Я пригласил её к нам в Оксфорд, когда мы будем с тобой жить вместе. Как только Кирк приедет после Нового года в Лондон, я поговорю с ним об этой его... тётке.

— А Кирка сейчас нет в Лондоне? А где он? Если не секрет.

— Не секрет. Он в Малайзии.

— В Куала-Лумпуре?

— Да.

— По делам?

— Да. Там... программно-технические комплексы по переработке отходов бытовой техники. Он строит для них цеха.

— Угу. Ну что же, у Кирка так у Кирка. Какой у него адрес?

— Ладброкрод, 5. Это недалеко от какого-то парка, кажется. Я помню, когда мы были у него в гостях с Дженн, он водил её туда рисовать павлинов.

— Это голландский парк. У меня там недалеко подруга живёт.

Для людей, между которыми неминуемо возникает сексуальное притяжение при малейшем физическом контакте, они болтали уже слишком долго, поэтому ничего удивительного, что на последних словах Александр буквально сминал руками её тело, путешествуя ладонями по нему куда только мог добраться, вплоть до разреза попки, а Жаклин, зарывшись пальцами в его волосы, ласкала губами кожу на его лице и шее и тёрлась щекой о точёную челюсть, вдыхая родной запах.

— Значит, это последняя наша ночь здесь, в горах, в этом доме. — Он решил уже, что называется, «спустить себя с поводка» — гладил руками бёдра девушки под халатом, забираясь ими всё выше и выше, надеясь, что ему удастся довести это всё в очередной раз до логического завершения.

— Черт, и уезжать совсем не хочется, но и встречать Новый год под дождём... тоже. — Жаклин поцеловала уголок его челюсти.

— Мм... тогда пошли в кровать? Устроим напоследок пижамную вечеринку?

— Тебе так не терпится отдать мне долг?

— Какой долг?

Она ответила не сразу.

— Ну... как «какой». Ты мне сегодня задолжал. Ты забыл?

— Ах ты, черт! Точно! Долг! Ну что же, долг так долг. Долг это, вообще — то, святое. Кстати, я тебе могу его отдать прямо сейчас, не трогаясь с этого места, — юноша, забравшись-таки девушке между ног, провёл тремя пальцами по ластовице её трусиков.

Жаклин поморщила носик.

— А потом задолжать ещё в три раза больше, — руку от ластовицы он, конечно же, оторвать уже не смог, и поэтому, надавливая сквозь материал на мягкие складочки, потянулся к её губам.

Девушка на это только буравила его взглядом.

— Я хочу так же, как ты, — тоном девочки-ломаки пробубнила она, насупившись.

Юноша отстранился и «завис».

— То есть, как это «как я»? — он поморгал в недоумении, но потом, видимо, что-то поняв, начал посмеиваться. — Ахаха... у тебя не получится, Жаклин, — его плечи уже конкретно затряслись, — ты другого пола.

— Не смейся, — она легонько шлёпнула его в плечо. — Знать биологические различия мужчин от женщин, это конечно, весьма похвально, мистер МакЛарен, но я серьёзно.

— Ну-ка, ну-ка, это становится интересным. Побалуй-ка меня подробностями. — Его левая рука, судя по всему, сепарировалась от своего хозяина, «послала» его подальше и продолжала всю орудовать меж её ног.

— Я хочу, чтобы ты не мешал мне это делать так же, как не мешала тебе сегодня я там, у буфета.

— В смысле? — Александр усилием воли всё-таки вернул себе контроль над рукой и положил её девушке на ягодицу.

Жаклин молчала, закусив уголок губы и потупив взгляд, ковыряла пальчиком его футболку.

— Уж не хочешь ли ты меня связать?

Она даже подпрыгнула от ужаса.

— Господи, Александр, жуть какая! Как ты мог такое подумать!? Тебя! Связать!! Какой кошмар! — но потом, помолчав, добавила тихо и быстро: — Только руки.

— Что-о-о-о-о-о-о? — теперь подпрыгнул уже Алекс. — Может, у тебя ещё и наручники и плётка имеются по такому случаю?

— Хи-хи... — хихикнула Жаклин, — боишься? Алекс, какие наручники? Какая плётка? У меня даже шапки нет! — и пока парень формулировал ответную реплику, добавила: — Хотя наручники здесь очень дажегодились бы.

Парень ударил себя ладонью по лбу.

— Мой Бог, с кем я связался! — Он прикрыл себе рукой глаза, что бы Жак не увидела его бесенят, которые арестовывали друг друга лицом к стене, обыскивая и зачитывая права — тема наручников была им «раскрыта» ещё в школе.

А девушка поспешила воспользоваться его благодушным настроением — она придвинулась к нему нос к носу, сгребла кистью футболку у него на груди и чуть потянула на себя.

— Пойдём со мной, малыш, — томно, низким голосом не то прошептала, не то прошипела она.

— А я не пожалею? — улыбаясь, парень оставался абсолютно спокоен и ироничен.

— Пожалеешь. Обязательно пожалеешь, — кивнула Жаклин, бегая глазами по своему ненаглядному лицу. Она потёрлась о его пах и медленно моргнула, — но тебе понравится.

Глава 34 Часть 3 (рейтинг +21)

— Ты знаешь... — Жак провела влажным расслабленным языком по всей оси его голого пресса, с наслаждением поглаживая ладошками своё любимое, драгоценное тело, — иногда мне хочется таскать тебе в зубах мышей. — Девушка поцеловала место, где под рёбрами билось принадлежащее ей сердце.

Александр плашмя лежал на кровати. Руки его были связаны на запястьях (тем самым чулком со швом), позади одного из прутьев спинки кованой железной кровати в спальне, где всего лишь сутки назад он надевал килт.

— А иногда... — прищемила она губами весь ореол его соска.

— Твою мать... — успел вставить юноша.

— ...я бы с удовольствием отняла у тебя твою жизнь.

Услышав такое, парень прищурился и вперился в неё горящим, восхищенным взглядом.

— Тебе хочется меня убить?

— Нет, — она отрицательно качнула головой и лизнула его второй сосок. — Я не хочу твоей смерти, но я очень хочу твоей жизни, — девушка склонила голову перпендикулярно его шее и поцеловала молодой кадык, после чего выпрямилась и лизнула фигурные губы. Юноша потянулся к ней за поцелуем, но она быстро отстранилась. — Иногда мне хочется, чтобы твоей убийцей была не старость, а я. Именно я и никто другой. — Жаклин поочерёдно, нежно, еле касаясь, поцеловала его глаза и пощекотала свои губы о его ресницы. — Чтобы именно я забрала себе твою жизнь, — опять плавно переместившись к шее юноши, девушка захватила зубками и оттянула кожу на его сонной артерии. — И этого было бы уже не изменить. Никогда.

— Дьявол... — выдохнул из себя парень. — Иди сюда, — потянулся он подбородком за поцелуем.

Жаклин отпрянула и выпрямилась, стоя на коленях. Выпятив грудь и прогнув спинку под тонкой батистовой туникой из египетского хлопка, она медленно отрицательно покачала головой.

— У — у.

Облизнув губы и сцепив зубы, МакЛарен в бессилии откинулся на подушку. Вся его поза и выражение красивого лица говорили о том, что он и заинтригован, и разочарован одновременно.

— Я вижу, ты уже начинаешь жалеть, малыш, — довольно уверенным, властным движением она залезла рукой ему в пижамные штаны. Там её уже заждались.

— Ммм... — озвучив гостеприимное приветствие, Александр столь же радушно толкнулся бёдрами навстречу её руке.

— Ну, вот видишь, тебе уже нравится, — девушка приспустила с него штаны. Юноша услужливо помог ей, приподняв таз. Она оголила его лежавший поверх паха член, на котором уже висела капля смазки. — Мне тоже нравится, — поставив одной рукой вертикально «маленького Александра», она наклонилась и длинным острым языком сначала размазала эту каплю по головке, а потом слизнула её, пальчиками другой руки поигрывая мошонкой.

— Ш-ш-ш... — выдохнул юноша. — Ф-ф-ф-ф, — тут же вдохнул он. Сейчас дышать у него получалось только так — со звуками. Всё-таки это неплохо разгоняет кровь — когда

кто-то другой, а не ты, контролирует самые чувствительные и уязвимые из твоих причиндалов.

Вдохновлённая такими результатами, Жаклин начала облизывать и обсасывать головку. Она целовала и сосала его член и ловила себя на мысли, что делает это с такой же любовью, какую у неё получалось изливать на его лицо, губы и всё остальное.

«Мне пора бы привыкнуть к тому, что я люблю его, — промелькнуло у неё в голове. — Всего. Целиком». Достаточно смочив весь ствол слюной, она вобрала его в себя так, чтобы головка упёрлась ей в горло.

— Да! Фак, да! Жак... у-у-у... — юноша запрокинул голову, задрал подбородок и выставив вперёд кадык. Он приподнял таз над кроватью, как бы просясь дальше. Глубже. И тогда Жаклин пошла до конца. Она, вынув «маленького Алекса» изо рта, сглотнув слюну и сделав пару вдохов, тут же, по новой вобрала его в себя и, расслабив горло, воткнула туда головку.

Рывком выгнувшись дугой, юноша откровенно заорал.

— Ч-ч-ч-ч-черт! — шипел он, и это было последнее человеческое и членораздельное, что он смог выдать, потому как в нём тут же заговорили уже несколько другие сущности — он зарычал. Низко, гулко, утробно, гортанно. Примерно как эхо у подножия горы Крика. Александр выпихивал этим звуком и демонстрировал всю свою звериную, сексуальную агрессию, чувствуя, что уже довольно глубоко трахает её плотку. Жаклин таки разбудила в нём зверя и тут же вынула его член изо рта.

— Мальш, да! Фак! Ааа... — частично вернув свои вербальные способности, складывал он слова, восклицания и звуки в одну кучу, не в силах сделать ни вдох, ни выдох.

Девушка, восстанавливая дыхание, начала почмокивать, полизывать и посасывать головку, заправив волосы за уши, чтобы они не мешали Александру всё это видеть. Чуть отдохнув, она принялась за старое.

— Ещё! Мальш, а-а-у-у... черт! Ещё! — распинало парня, когда она насаживала своё горло на головку его члена. — Да! Ещёо-о-о...

Именно с этим звуком тёплая струя ударила ей в нёбо, и Жаклин спокойно проглотила всё что излил ей в рот юноша. О том, что глотать мужскую сперму может быть противно, у них, на медицинском факультете никто из девчонок даже не заикался. Не говоря уже о мальчишках. Всё по своим местам расставили первая же пара занятий по анатомии с настоящими человеческими костями да последовавший за ними поход в морг.

Хотя, дело было, конечно же, не в этом — в обоих случаях со спермой Чарльза, а их было как раз таки два, ей ничего из вышперечисленного не помогало — во время процесса все её мысли можно было уместить в одну единственную фразу: «Скорей бы это закончилось», потому как вторая минута процесса уже казалась ей отрезком вечности.

С Александром же всё закончилось, едва начавшись. Жаклин была счастлива его реакцией. Она ни секунды не сомневалась, что будет вспоминать каждый его звук и каждую конвульсию, и млеть от удовольствия, и наслаждаться, наслаждаться, наслаждаться.

Они оба опять переводили дыхание, но если девушка победоносно улыбалась, поправляя на парне пижамные штаны, то сам он дышал и жмурился так, будто у него сыпались искры из глаз. В принципе, это было недалеко от истинного положения дел.

— Мальш, это было... убойно, — как в неверии и блаженстве одновременно покачал он головой. — Твоему Лондону придётся попыхтеть, чтобы после такого удивить меня своим салютом. Всё, отвязывай меня, сладкая. Пора делать новые долги.

— У-у, — медленно покачала головой «малыш».

— Отвязывай, я сказал. Жаклин, не зли меня.

— У-у, — опять покачала головой теперь уже Жаклин. — И я тебя не боюсь.

Александр ухмыльнулся, всё ещё тяжело дыша.

— Осторожно, Жаклин, не сжимай сильно пружину, она может рвануть, и пожалеть можешь уже ты. Я хочу тебя, мать твою! Сейчас же развяжи меня, слышишь!

— Ты меня хочешь? — промурлыкала «кошечка» — Жаклин. — Глупенький, что ты можешь знать о том, как можно хотеть человека. И о том, как хочу тебя я! — Слово «я» она уже практически выкрикнула и как волчица перед нападением угрожающе вытянула и пригнула голову.

Александр замер. Закусив уголок губы и спрятав туда довольную улыбку, он «маякнул» ей своими вспыхнувшими на мгновение «тюльпанами». Вот теперь парень был удовлетворён полностью.

Но ему понравилось. Поэтому он продолжил «жалеть».

— Фак! — выпихнул парень сквозь зло сжатые зубы. — Я знал, что пожалею.

— Угу. Но ведь тебе уже понравилось? — мгновенно вернулась девушка к кошачьим интонациям.

Воспоминания о том, как чувствовалось её нежное горлышко вокруг головки его члена, выдавили из юноши улыбку. Но он молчал.

— Это только начало, — наклонившись к его уху, прошептала она.

— Ах ты... — Алекс, кое-как ухватившись за прут кровати руками, подтянулся ногами к голове и обхватил коленками девушку за талию. Перетащив её ногами к изножью, повалил там и придавил к постели. Она визжала и хохотала как полоумная.

— А... Алекс, отпусти! Я развяжу! Развяжу!

Он отпустил.

— Сейчас принесу ножницы, — и с этими словами Жак слезла с кровати и вышла из комнаты.

Через полминуты она вернулась с ножом.

Парень молчал.

«Господи, какой же он красивый! — подумала девушка, увидев с порога вытянутое стройное молодое тело. — Как же мне всё-таки повезло».

Она залезла на кровать с изножья и встала на коленки по обе стороны его длинных вытянутых ног.

Опустившись на четвереньки, она с ножом в руках начала продвигаться над его телом к изголовью, видимо, намереваясь перерезать чулок на его запястьях. Нависнув грудью прямо над его лицом и укутав его своей туникой, Жаклин уже взялась было руками за чулок, но Александр в это время потянулся губами к её соску и стал сквозь тонкую ткань ловить его ртом.

Почувствовав это, она выпрямилась. Глядя прямо в глаза своему мужчине, девушка ни с того ни с сего задрала тунику, под которой оказались салатного цвета хлопковые трусики, и медленно просунув нож под боковой шов, начала его «пилить». Довольно быстро и легко разрезав ткань, она обратилась к другому боку. Когда и там шов был повержен, Жаклин вытащила трусики у себя между ног и застыла с ними в одной руке и с ножом — в другой.

— Иди ко мне, — прохрипел парень, ртом и взглядом показывая на её лобок.

Девушка молча отрицательно покачала головой. Просунув нож и то, что осталось от

трусиков под подушку, на которой лежал юноша, она медленно полезла руками под тунику и начала ласкать себя между ног, выгибаясь всем телом так и эдак, и тихо, сладко постанывая.

Молодой человек просто обалдел от такой наглости.

— А я?! — воскликнул он с какой-то даже обидой в голосе.

Ноль реакции. Жаклин, сидя верхом на его животе, продолжала заниматься собой.

— Покажи! — тогда гаркнул Александр. — Я хочу это видеть, дьявол тебя побери, ведьма!

«Ведьма», запрокинув голову и закрыв глаза от удовольствия, опять медленно покачала головой в отрицании.

— Жа-а-а-а-а-ак! — заорал на всю комнату юноша.

Девушка опустила голову и разлепила веки. Она посмотрела на парня как на чужого, не вовремя появившегося гостя, но всё-таки скрестила руки и так же молча, грациозно поведя бёдрами, а потом и плечами, через верх стянула с себя одежду. Бросив её в угол кровати, она раздвинула одной рукой свои складочки, а другой начала ласкать и дразнить себя между ними, иногда, как бы между прочим, прикасаясь к клитору.

— Вот... смотри, — равнодушно — флегматично вымолвила она и, по-новой закрыв глаза, откинула голову.

— Уууу...фа-а-ак! — в голосе парня слышалось уже намного больше отчаянья, чем вожделения. — Дай! — опять гаркнул он на всю комнату. — Дай мне!

Жаклин не отреагировала, видимо, отдавшись процессу полностью. Без остатка.

— Да дай же мне! Чёрт! — дёрнул как бы в предупреждении ногами Алекс.

Жаклин опять посмотрела на него сверху вниз. Очень серьёзно. Она вынула руку у себя между ног и одним из пальчиков, которыми только что ласкала себя, прикоснулась к его губам.

— На.

Тот тут же втянул его в себя.

— Ещё! Больше! Я хочу больше! — пососав, зло выпихнул из себя.

Дразнилка изучающе, как бы в раздумьях «справится/не справится» взглянула на страждущего.

Потом, видимо, всё-таки решив рискнуть и доверить столько тонкое дело мужчине, всё-так же держа складочки раскрытыми, придвинулась на коленках к его рту, не прекращая ласкать сама себя свободным средним пальцем той же руки. Александр вытянул голову и припал ко всему этому как нищий к золотому дождю. Он лизал, сосал, целовал, а Жаклин в это время свободной рукой спокойно-равнодушно перебирала волосы у него на голове.

Кончилось всё это тем, что она в один прекрасный момент ухватила за его вихры так, будто хотела выдрать их с корнем, и, дёрнувшись назад, скрючилась в позе эмбриона, насколько это было возможно. И вымученно застонала.

Алекс откинулся на подушку.

— Жаклин!

Но та с нестерпимой мукой на лице вся сжалась в комок у него на груди, потом, дёрнувшись опять, накинута губами на его рот и начала как безумная с жадностью засасывать его губы и язык, в то время как всё её тело било и колотило в конвульсиях. Юноша тут же с охотой ответил ей на поцелуй, опять кое-как ухватившись руками за прут и подтянув свои ноги, чтобы хоть ногами поддержать любимую во время её разрядки.

И вот тут в первый раз он пожалел по-настоящему.

«Чтобы я ещё хоть раз в жизни на такое пошел! Идиот! Так мне идиоту и надо!», — думал он про себя в это время.

После того как шквал удовольствия прошел, Жаклин положила голову ему на грудь, свернувшись клубочком, и затихла.

— Малыш... — не выдержал юноша.

— Ш-ш-ш... — приложила пальчик к его губам «малыш», после чего легко поцеловала его и опять прилегла к нему на грудь.

Чуть отдохнув, девушка вынула нож из-под подушки и перерезала чулок на его запястьях. Она успела только выпустить нож из рук, как уже лежала на спине, придавленная к постели любимым телом.

Алекс как безумный бросился мять её голые груди.

— Чёрт, как же я соскучился, — бросился он к её губкам. Она была вся обмякшая, томная, нежная и сладкая после оргазма. — Люблю тебя, — парень покрыл поцелуями её лицо. — Вкусная моя.

Жаклин обвилась вялыми руками вокруг его шеи, откинув голову на подушки.

— Я тоже очень соскучилась... — тихо прошептала она, млея в его руках и чувствуя родное, приятное тело. — Очень-очень... — чмокнула она его в скулу. — И ты тоже вкусный.

Александр гортанно хихикнул. Но сейчас девушка под его телом показалась ему какой-то особенно хрупкой и маленькой, поэтому он поспешил опять перекатиться на спину и уложить её на себя сверху, чтобы она как следует отдохнула и пришла в себя.

Но той было почему-то не до отдыха — оказавшись опять сверху, Жаклин застыла. Она потянулась руками к его красивому лицу и начала любовно гладить по щекам, скулам, глазам, лбу.

— Мой милый, — она медленно потянулась всем телом выше, — красивый, — и ласково поцеловала его линию челюсти, — нежный, — вдохнула запах на его виске, — сладкий, — «пригубила» роскошный лоб, — желанный, — прикоснулась губами к закрытому веку, — страстный мальчик, если бы ты только знал, как я тебя люблю, — она легонько поддела его губы своими. — Ты не можешь представить, что ты для меня значишь. Я завидую сама себе, что влюбилась в тебя и что ты меня заметил.

— Я не заметил. Я тоже влюбился в тебя.

— Ш-ш-ш... — опять приложила она палец к его губам. Он не только замолчал, но, кажется, даже перестал дышать. — Это так прекрасно: радоваться не только тому, что есть я, но и тому, что где-то есть ты. — Она погладила его по скуле и положила руки на шею. — Ты моя ожившая мечта, мой самый смелый, волшебный сон. — Ей на глаза навернулись слёзы, и парень большими пальцами вытер их в уголках. — Я легко взойду с тобой на эшафот, и, если тебе вздумается грабить банки, буду держать на мушке кассира, пока ты будешь выгребать наличку. — Александр хотел сказать, что умные люди уже давно грабят банки, сидя за компьютером, но просто молча, грустно улыбнулся и заправил своей горе-грабительнице упавшую прядку за ушко. — Пожалуйста, будь, Алекс. — И Жаклин со всей своей любовью нежно и томно обвилась руками вокруг шеи любимого человека и сильно, всем своим голым телом прижалась к нему. Тот гладил её раскрытыми ладонями по голой спине.

Но потом, в какой-то момент, девушка перестала чувствовать его руки.

Она отжалась от его тела. Александр лежал под ней всё так же вытянувшись, но уже схватившись руками за тот же прут, к которому несколько минут назад был привязан — он

предлагал ей самого себя добровольно.

— Ты уверен? — с опаской вымолвила она.

— Я не отниму руки, даже если ты приставишь мне к горлу нож. — Жаклин скептически улыбнулась. — Не веришь? Проверь! Я разрешаю! — как-то очень по-мужски, по-взрослому сказал юноша и спокойно улыбнулся. — А лучше всего, трахни меня, Жак. Изнасилуй, если хочешь! Видит Бог, говорю и разрешаю такое впервые, — в интонациях голоса парня прослушивались все четыре года его сексуального опыта.

Девушка как под гипнозом, не моргая и почти ничего не чувствуя, завела руку себе за спину и нащупала его опять уже готовый член. Потом, экзаменуя поглядывая на молодого человека, она захватила этой же рукой и его мошонку. Хозяин только сузил глаза.

Она скакала на нём не так, чтобы слышать их стоны и шлепки голых тел друг об друга, а так, чтобы вдавить как можно глубже его таз в эту кровать.

— Сильнее! — процедил Александр со звериным оскалом на лице и сумасшедшим, пылающим взглядом. — Сильнее, малыш! Трахни меня так... чтобы провалить эту... чертову... кровать... в преисподнюю... — подстраивал он свою речь под ритм движений его «насилъницы».

А у той от работы мышц и гормонов одновременно всё тело начало сворачиваться в огромный тугий, чувствительный узел. Ещё чуть-чуть, и она почувствовала, что в её организме что-то порвётся, что-то лопнет. Когда сила натяжения превысила силу сопротивления, у Жаклин появились ощущения, что ею, как ядром, выстрелили из огромной пушки.

На этот раз она завизжала. Именно завизжала, потому что сама немного испугалась того, что с ней происходит — такое было впервые.

— Умница! — Юноша моментально сел в кровати и сгрёб её в охапку, после чего вдруг очень сильно сжал, так, что у неё чуть кости не захрустели.

И начал изливаться в неё. Он сжимал и мял в руках бьющуюся в конвульсиях девушку, стараясь как можно плотнее держать её на себе.

Немного отойдя от напора ощущений их почти унисонной разрядки, Жак тоже обняла его за шею.

Оба традиционно еле дышали как будто, действительно, только что каким-то чудом, избежали прямого попадания в преисподнюю. Да и вообще со стороны всё это очень напоминало картинку финальных кадров какого-нибудь голливудского фильма-катастрофы. Только на заднем плане не хватало взорванных, горящих цистерн с соляровкой, да неба в черных клубах дыма.

Жаклин первая разлепила объятая. Она посмотрела на своего любимого человека, как бы пытаясь оценить его состояние и самочувствие. Убедившись, что он вроде бы цел, и даже не исключено, что может усваивать человеческую речь, девушка чмокнула его в кончик носа.

— Один-один, — сказала она и широко улыбнулась.

* Речь идёт об известной английской пословице: «East Or West, The Home Is Best»

Глава 35 Q7.

Существует немало механических устройств, усиливающих сексуальное наслаждение, в особенности, у женщин. Лучшее из них — «Мерседес — Бенц 380 SL» с откидными сиденьями.

Патрик ОРурк

Четыре стороны света, четыре лапы у собаки, четыре расы людей, четыре стихии на Земле, четыре всадника Апокалипсиса, четыре времени года, четыре мушкетёра, чемпионат Мира по футболу проходит раз в четыре года, концерт «Audi», имея название из четырёх букв, образовался путём слияния четырёх компаний: «DKW», «Horch», «Wanderer» и «Audi», и его символом стали четыре перекрещенных кольца.

Давным-давно, ещё в середине позапрошлого века, в маленьком уютном немецком городке Виннинген с населением в триста человек, в семье кузнеца родился мальчик. Семья жила очень небогато, поэтому у ребёнка было трудное детство — в тринадцать лет, бросив школу, он начал работать вместе с отцом в кузнице, а в шестнадцать уже напрессовывал ударами кувалды стальные бандажи к колёсам на паровозостроительном заводе. Может быть, именно поэтому, получив урок тяжелого, изнуряющего низкооплачиваемого труда, паренёк при первой же возможности вернулся к учёбе. Тогда ему было двадцать.

Получив специальность инженера в Саксонском инженерном училище в Митвайде, он устроился в лейпцигскую судостроительную компанию конструктором, но, увидев однажды на выставке детище к тому времени уже прославленного Карла Бенца — автомобиль BenzVelo, тут же написал письмо самому мэтру с просьбой принять его, начинающего специалиста по двигателям, к себе в команду.

Интересно, догадывался ли великий Карл Бенц, что, удовлетворив просьбу энергичного, напичканного толковыми идеями двадцативосьмилетнего парня и назначив его в столь юном для инженерной профессии возрасте на должность руководителя производства, он сделал непростительную ошибку и, как говорится, «пригрел змею на груди», потому как многое вложил и многому научил никого иного, как основателя концерна Audi — Аугуста Хорьха, — смелого, талантливого конструктора и амбициозного, неуживчивого человека, детище которого в будущем на многие годы станет «зубной болью» и «занозой в заднице» компании «Benz», составляя ей достойную конкуренцию на улицах городов и деревень и с завидной регулярностью заставляя глотать копоть из своих выхлопных труб на гоночных трассах? Вряд ли.

А знал ли сам Аугуст Хорьх в 1900-м году, на заре двадцатого века смастерив автомобиль с двухцилиндровым двигателем в пять лошадиных сил и с приводом на задние колёса в виде кожаного ремня, что когда-нибудь, в будущем, его последователи доведут количество цилиндров до двенадцати, кожаный ремень заменят гидромеханической, восьмиступенчатой коробкой передач, к заднему приводу прибавят ещё и передний, сделав его, таким образом, полным, и обойдутся вообще без мотора? Вместо мотора его коллеги из будущего поставят под капот машины с четырьмя перекрещенными кольцами на решетке радиатора обыкновенную «атомную бомбу» в пятьсот лошадиных сил.

Хотя, зная Хорьха, можно предположить, что он похвалил бы потомков за то, что их

«атомная бомба» работает на дизельном топливе, потребляет такой пустяк, как десять литров на сто километров трассы, разгоняет с нуля до сотни машину весом без малого в две тонны за пять секунд, и, скорее всего, был бы жутко недоволен и топал бы ногами, и стучал бы своей тростью об пол, и кричал, что они лентяи, бездари и тупицы — двадцать первый век на дворе, люди строят «умные» дома, разговаривают по телефонам, разгуливая по улицам, практикуется космический туризм, а под капотом его машин всё ещё до сих пор не...

— Вечный двигатель — когда его уже изобретут, мать их? — возмутился Александр, буравя досадливым взглядом табло с надписью: «Запас хода — 6 миль» на торпеде «своей красавицы». — Неужели это так сложно? — нажал он где-то под сиденьем рычаг замка топливного бака и вышел из машины под дождь.

Он заливал дизтопливо из запасной канистры, а Жаклин сидела в пассажирском кресле и скромно улыбалась.

«Не хочет ехать в Лондон», — подытожила она поведение парня за это утро, вспоминая, как тот еле-еле проснулся только лишь около десяти утра — ей даже пришлось сделать вид, что напрашивается на утренний секс, а как только сонный юноша, пару раз отмахнувшись для поддержания игривого настроения, всё-таки снизошел, девушка вырвалась и испуганной ланью скрылась из виду в ванной и закрылась там. Когда же она, приняв душ, сама освободила себя из «плена», не дождавшись прекрасного пылкого принца, её «принц» мирно посапывал почти в той же позе, в которой она его оставила.

«Заездила парня, — умилилась Жак этой пасторальной картинке. — Сволочь я последняя, разлучаю ребёнка с родиной. Он и так, наверное, скучает по своей Шотландии, а я его — в Лондон. Эгоистка чертова».

Направляясь назад, в Англию, она могла ругать себя самыми последними словами, ей по силам было выдержать даже не самое лучшее настроение её шотландца, потому как ехала встречать Новый год с любимым человеком в город, где родилась, и где прошла ее юность. По понятным причинам, увы, безрадостная.

— Если под капотом твоей машины был бы вечный двигатель, она стоила бы, наверное, как «Конкорд», — ответила она Алексу, когда он, уже весь мокрый, залез в машину.

— Если бы она ещё и летала как «Конкорд», я бы её купил, — засмеялся тот, опять нажимая на кнопку зажигания. Поскольку в мокрой дублёнке сидеть было не очень приятно, да и в сухой тоже, парень её снял, повесил на крючок над задней дверцей и остался в этом мохеровом свитере стального цвета исландского производства, увидев который на нём ещё в доме, в комплекте с какими-то очередными новыми джинсами, Жаклин тут же облачилась в своё кашемировое платье. На всякий случай.

— Если бы она стоила как «Конкорд» и летала бы как «Конкорд», её было бы проще угнать, — вскинула подбородок законопослушная доктор Рочестер, в то время как её водитель приготовился разворачиваться во дворе дома.

— А-ха-ха... — засмеялся юноша, — точно! Я всегда знал, что вы практичная женщина, доктор Фортескью. — Он упорно продолжал игнорировать её фамилию в браке.

Жаклин тут же вспомнила о Чарльзе, вмиг погрузилась и отвернулась к окну.

— Пока, — еле успела она помахать исчезнувшей из поля зрения стеклянной веранде. Девушке хотелось пообещать вернуться сюда ещё когда-нибудь, встретить опять эти места и сказать: — «Привет. Я скучала», — но делать этого не стала, а молча провожала тоскливым взглядом остров-«сюрприз», показавшийся сразу же, как только они завернули от дома к

посёлку. С грустной, любовной улыбкой посмотрела она в последний раз и на благородного «WINDY», мокнувшего под дождём на своём посту возле маленького причала и на всё такой же безлюдный, пустынный посёлок, приунывший в пасмурную погоду так же, как и катер. Жак понимала, что это глупо, но всё равно ничего не могла с собой поделаться и чувствовала себя предательницей — когда тут светило солнце и по небу плыли чистенькие, белоснежные облака, она с удовольствием составляла компанию и посёлку, и озеру, и катеру, но как только пошел дождь и эти места погрузились, она вместо того, чтобы поддержать и развеселить их, села в шикарный автомобиль и уехала, прихватив с собой одного из самых лучших сынов этой земли.

«Угонщица, она и есть угонщица», — продолжала девушка выдерживать утро в стиле самобичевания.

Жак опять вспомнила их жаркую ночь во всех смыслах. Они тогда поднялись со своего ложа, обулись и оделись, парень собрал с земли килт и, скомкав, бросил его в костёр. Запахло палёной шерстью. У неё тогда возник вопрос.

— Ты только не злись, хорошо? — сейчас положила Жак ладонь на разделительный бардачок.

Юноша рассмеялся, плотно сжав губы.

— Я опять хочу у тебя кое-что спросить.

Он только скептически вздохнул. И опять улыбнулся.

— Вот ты просил меня побыть свободной, а что такое свобода для тебя?

Юноша тут же стал серьёзен и в задумчивости передёрнул рычаг скоростей — они выехали на ещё более широкую трассу.

— Свобод много. — Скептически скривился он и пожал плечами. — Есть абсолютная свобода, — юноша сделал веерообразный жест рукой, — она не обременена ничем, в том числе плотью, её мы можем достичь только после смерти... я так думаю... — заложил он одну ноздрю указательным пальцем, но тут же отпустил, — но это крутая философия, хоть Фрейд и пытался перенести её в психологию, это мы ещё в Глазго учили, так что об этом можно очень долго. — «Философ» чуть помолчал. — Есть свобода мысли — в этом случае мозг свободен от условностей, штампов, клише. Сюда же входит свобода слова. Есть свобода самовыражения — это творчество и весь эмоциональный спектр. В свободе самовыражения у меня также стоит свобода вероисповедания, ведь вера — это эмоция. Есть свобода передвижения — с нею вообще все ясно. Что до остальных свобод, — МакЛарен, не отрывая глаз от дороги, почесал за ухом, — то тут все зависит от человека... от его желаний и возможностей что-то менять и что-то привносить в свою жизнь. Что до меня, — юноша опять зажал себе ноздрю указательным пальцем, но тут же отпустил, — я не имею возможности обрести абсолютную свободу, для меня свобода — это максимальная возможная совокупность всего того, что я перечислил и ещё того, что забыл. Как-то так. Но 100 % здесь, конечно, быть не может, иначе это либо психологическая анархия... либо патологическая утопия.

Жаклин слушала, затаив дыхание. Потом сморгнула и спросила:

— А как ты думаешь, влюбляясь, человек теряет свободу или приобретает?

— Я не думаю, что свободу можно потерять или приобрести. Совокупность свобод величина постоянная, как мне видится. Просто меняются местами формы, возможности — вот и всё. Когда человека сажают в тюрьму, его ограничивают в пространстве и времени, но освобождают от поисков работы, пропитания, от многого того, что довлело над ним в быту.

Есть люди, которые не выдерживают большую степень свобод. У таких сильно развито стремление к зависимости — любой: никотиновой, алкогольной, наркотической, гастрономической.

— А когда ты в меня влюбился, что у тебя поменялось? — чтобы не растянуть губы в улыбке, девушка зажала их между зубами.

— Многое.

— Например.

— Теперь я не так свободен в своих поступках в повседневной жизни. Мне постоянно хочется быть рядом с тобой, быть в тебе, — Александр ухмыльнулся, — видеть тебя, но зато чувство к тебе даёт стимул быть самостоятельным, сильным. Я смог спокойно рассказать Эшли, что люблю замужнюю женщину — это свобода. Когда наступит время, я так же спокойно представлю тебя своей матери, и мне абсолютно всё равно, что она на это скажет. Равно как весь белый свет.

— И Кирк? — Жаклин в неуверенности погладила свою коленку.

— И Кирк. — Уверенно кивнул Алекс. — Поэтому я и хочу, чтобы ты тоже освободилась от ответственности за тридцатилетнего мужика, своего мужа.

— Да... — с сожалением сжала губы девушка, — на твоём фоне я выгляжу... жалко. А ведь я влюбилась в тебя с первого взгляда, но почему-то это никак не придаст мне смелости.

— Подробностями побалуешь? — кратко пожал он её руку на бардачке и ухмыльнулся.

— Не-а, — отрицательно помотала головой Жак. — Их нет. Подробностей. Я на тебя глянула и влюбилась. Всё конец истории.

МакЛарен молчал, глядя на дорогу как сытый котяра.

— Подробности начались потом, — продолжила Жак. — Ты попросил меня пообещать Алисе, что я буду за тобой присматривать в Оксфорде.

— И ты красиво ушла от прямого ответа.

— Ну-у-у... да, — пригнула голову к плечу девушка, — что-то вроде этого. А потом я уехала, а потом была беременность, депрессия, а потом еле дождалась пока ты приедешь в Оксфорд. Я очень сильно тебя ждала, — развернулась она почти всем корпусом к парню. — Хотелось тебя увидеть. Я тогда всё подстроила.

У водителя дёрнулась нога на педали газа, и машина еле заметно дёрнулась.

Но он молчал.

— Я узнала, когда ты будешь проходить медосмотр, и пришла туда, — признавалась, ломая пальцы, Жак.

Александр неуверенно, медленно расплылся в улыбке.

— И эта женщина обвиняла меня, что я что-то там подстроил с Анной.

Она ответила ему коротким смешком.

— Да. Мы стоим друг друга. — Жак помолчала. — А потом... а потом был твой день рождения, и после него я начала учиться жить в другом мире. В мире, где ты не можешь быть рядом.

— Но зато рядом может быть Кэмерон.

Жаклин цокнула языком.

— Александр, я тебя сейчас ударю.

Тот затрясся в немом смехе.

— Ты смешная.

— Ага. Прямо обхохочешься. Не было у меня ничего с Кэмероном.

— А у него с тобой? Не забывай: я знаю Кэма лучше.

— Ну, хорошо. Он вёз меня в Оксфорд и уговаривал развернуть машину и поехать к нему.

— Вот! — хлопнул рукой по рулю юноша. — Я же говорил! Кэм своё дело знает тонко! Он своего не упустит.

— Уже упустил — я не согласилась.

— Почему?

«Всё. Хватит с него», — решила девушка.

— То есть как это «почему»? Я же замужем!

В салоне машины грохнул их дружный смех.

Как и в районе Torrington, дальше на пути их везде сопровождал дождь. Однообразный, обложной. По лобовому окну машины монотонно-ритмично туда-сюда ходили дворники. Слушая их приятный, ненавязчивый, благородный звук и наблюдая, как они умело и тщательно собирают капли со стекла, Жаклин смотрела на проносящиеся мимо мокрые холмы, поля, небольшие лесополосы, подножия гор, поскольку только у невысоких при такой низкой облачности были видны вершины, и начинала понимать, что вот именно сейчас стало наглядно понятно, что не благодаря солнцу сформировались такие пейзажи. Солнце, иногда заглядывая сюда, только лишь не давало всему этому погибнуть. Питали же всё вокруг, взращивали, покровительствовали всему этому дожди и ветра. Именно два этих явления природы являлись «дизайнерами» местных ландшафтов. И когда солнце скрылось, и его сменили осадки, здесь, в горах, пострадавшими выглядели только человек и его творения, сама же природа вполне органично и довольно комфортно чувствовала себя во всём этом и встречала дождь «как родного». Она не страдала от него, не скукоживалась и не пряталась как люди, она дождём наслаждалась, принимая его за благодать.

— Твой ход, ковбой. Вскинула подбородок Жак. — Я жажду услышать подробный рассказ о кровопролитных битвах и сражениях с самим собой.

— Пф-ф-ф... — он протёр себе ладонью лицо и вскинул брови.

Жаклин даже сделалось его жаль.

— Давай, я тебе помогу. Что ты чувствовал, когда мы с тобой покупали торт тогда, в Глазго?

— Обычное раздражение — ничего нового. — Отрицательно покачал головой парень и сделал отгораживающий жест рукой, боясь оторваться глазами от дороги. — Извини. Я видел, что нравлюсь тебе, и решил это использовать. Почему нет? — Александр явно подбирал слова. — Понял, что ты умная, и подумал, что с тобой можно будет иметь дело.

— Да ты прямо романтик, — не смогла не откликнуться на такие подробности ядом в голосе девушка.

— Не обижайся, Сасенак. Если тебе тяжело, я не буду рассказывать.

— Нет-нет-нет, — спохватилась та, — рассказывай, пожалуйста. Извини, я не сдержалась.

— Ты мне понравилась на медосмотре, и я придумал Анну, — и тут он замолчал.

— Ну, — нетерпеливо затарабанила пальчиками по консоли Жаклин, — и что дальше?

— Как будто ты не знаешь! Дальше — ты уехала с Кэмом.

Миссис Рочестер сделала губки бантиком.

— Я надеялся, что ты сдашься, прогнёшься, начнёшь приставать, тогда бы я точно выкинул тебя из головы. — Глядя слепым взглядом на дорогу, Алекс щелкнул пальцами

левой руки и закусил верхнюю губу. Но тут же очнулся. — А потом две недели мне являлись картинки тебя с Кэмом.

— Господи, у тебя был мой номер! — Воздела руки к полочку салона Жак. — Почему не позвонить?!

— Я всё ещё надеялся, Сасенак. Я надеялся, что всё-таки перегорю и успокоюсь. Мне это было нужно. Очень нужно. — Приложил он руку к груди.

— Тогда зачем ответил на мой звонок?

— Я не хотел отвечать. — Юноша помолчал. — Но не смог.

Внутри у Жак всё смешалось. Она немного погрустнела.

— Когда ты в первый раз захотел меня трахнуть?

Водитель даже чуть задохнулся от неожиданности, но быстро справился с собой и часто — часто заморгал.

— Ну, если уже совсем честно, то ещё тогда, на ужине, в кафе, в Глазго.

— В первую же встречу? — Жаклин зажмурилась и в неверии покачала головой.

— Да. Почему, нет?

— Нет, ты точно чудовище.

— Угу.

— А как ты думаешь, нас тогда на острове видел или услышал кто-нибудь?

— Думаю, нет. — Скептически скривился МакЛарен. — Ну а если и увидел и услышал то ради Бога. Может, именно так и рождаются легенды.

— Легенды?

— Да. Легенды о Торридонском чудовище.

Итак, им предстоял путь на юг, в Лондон, и поскольку дорога здесь была только одна и пролежала через знаменательный посёлок Shieldaig, то парочке пришлось проехать мимо тех самых двух полуразрушенных домов и попрощаться взглядом ещё и с ними. Они оба, как по команде, скосили глаза влево, в сторону развалин, после чего лукаво переглянулись между собой, и Александр тут же вернул глаза на дорогу, а Жаклин смущенно хихикнула и отвернулась в окно. На противоположном конце посёлка парень остановился на заправке и, запасшись топливом для своей «атомной бомбы», двинулся дальше.

Жаклин предполагала, что в Лондон Александр поедет не через Глазго, а через Эдинбург, и не ошиблась.

Но не успела удивиться тому, что возвращался назад он, по своему пути сюда, только до Invergarrí, после которого свернул не на запад, на Fort William, откуда они приехали, а на восток, на Fort Augustus, как ей пришлось опешить ещё и от того, что и туда они тоже не доехали — парня остановила еда.

— В таких местечках очень неплохая кухня, — кивнул он подбородком на небольшой, одинокий, приземистый, ухоженный домик, примостившийся у дороги, рядом с которым, в углу клумбы, на корявом деревянном столбе, на манер старинных трактирных вывесок с креплением в виде кованых лилий, висела табличка из таких же грубых, потемневших досок с выжженной надписью: «Nether wood Bed&Breakfast». То, что не прозвучала коронная фраза: «Я хочу есть», натолкнуло Жаклин на вывод, что дело совсем не в голоде, ибо Александр сыт как пекинская утка. Дело в кухне.

Поэтому, ни слова не говоря, покорно вышла из машины и, накинув от дождя капюшон, направилась к входной двери заведения. Александр, выйдя из автомобиля, пикнул сигнализацией, после чего эту же руку с ключами закинул девушке на плечи и, обняв, повёл

внутри.

Здесь официант тоже красовался в килте.

— Я ничего не... — в панике начала было Жаклин, только лишь переступив порог кафе, предупреждая все уговоры, торги, угрозы, шантаж и прочие милые приёмы юноши в борьбе за её объёмы и формы.

— Краннач будешь? — перебил её тот.

— ...э-э-э... буду! — автоматически выпалила она и резко кивнула головой, что было вполне нормальной реакцией женского организма на слово «краннач». Шотландский краннач знали все даже в Англии. Особенно женщины. Особенно сладкоежки.

— То-то же, — шмыгнул парень уголком рта.

Ну да, как бы там ни было, но шотландская тыквенная похлёбка с перловкой на бараньем бульоне; порция гуся, фаршированного крыжовником и овсяными хлопьями с луком и виски; паштет из рыбы с сыром; чай с молоком и яичным желтком на одном конце стола перед Алексом, никак не могли пожаловаться на невнимание к своим персонам и испытать комплекс неполноценности перед тем самым кранначем с протёртой ежевикой, взбитыми сливками и виски, стоявшим перед Жаклин в высокой стеклянной креманке — и парень, и девушка отдали своим блюдам должное одинаково, как говорится, не щадя живота своего.

Еда была вкусная (даже очень), дорога — дальняя, официант в килте — излишне предупредительный, в безлюдном кафе тишина — почти полная, поэтому ели молча.

Так же молча из кафе и вышли.

После того как Алекс отъехал от богатого на угощения домика, к удивлению Жаклин, он не стал сразу же наращивать скорость, а принялся что-то искать в магнитоле. Включив одну из композиций группы Collective Soul, парень продолжил ехать вдоль обочины ровно, очень медленно, как бы крадучись, всё время посматривая в окно своей дверцы, в чашу придорожного леса, и вглядываясь во что-то между деревьями.

Проехав в такой манере футов двести, он вдруг ни с того ни с сего съехал с дороги вправо в кювет. Жаклин потом очень жалела, что не закричала в этот момент ему прямо в ухо. Надо было крикнуть так, чтобы навсегда отбить желание к таким сюрпризам — у неё чуть сердце не выпрыгнуло.

Перепуганная насмерть девушка, (хорошо ещё, что пристёгнутая), упёрлась руками в дверцу бардачка на «торпеде», поскольку машину чуть ли не воткнуло передним бампером в землю на самом дне кювета.

Но не воткнуло. Всё обошлось.

Нажав «MENU» на панели управления, Алекс вошел в настройки автомобиля и выбрал режим «Lift off road». Кузов заметно подняло над шасси. Молодой человек с помощью своей «атомной бомбы» и ещё многого того, что к ней присовокупили последователи Аугуста Хорьха во главе с Фердинандом Пьехом, аккуратно-медленно вывел кроссовер по противоположному склону вверх.

Жаклин, даже задыхаясь от выброса адреналина, тем не менее очень явственно почувствовала, как машина, словно какое-то огромное животное когтями и зубами, буквально «вцеплялась» и «вгрызалась» колёсами в грунт. Это ощущение девушку немного успокоило, к тому же она догадывалась, что именно её бурной панической реакции юный провокатор и добивается, поэтому сжала кулаки, сцепила зубы и молчала насмерть, во все глаза наблюдая за дальнейшим развитием событий.

— Побывать в хайлэндсе и не размять мою красавицу... — ухмыльнулся Алекс. — Она мне не простит. — Не дождавшись тумачков и проклятий от своей пассажирки, он, выбравшись из кювета, сначала развернул Q7 вдоль леса, но тут же взял и въехал прямо в него между деревьями.

— Твоя красавица настолько ценит эффект неожиданности? Это у вас входит в обязательную программу разминки? — всё-таки не сдержалась Жаклин.

— В желательную, — парень вмиг расплылся в улыбке от удовольствия: цель достигнута — пассажирка находится под впечатлением, она в ужасе и сочится сарказмом — трюк удался.

По лесу, наугад, они продвигались тоже совсем недолго, хотя он и оказался довольно уютным и гостеприимным — даже ветки деревьев не били и не царапали по кузову Audi, а именно как-то гладили и скользили, возможно, потому, что были мокрыми и тяжелыми от дождя.

Футов через двести путь автомобиля пересекла еле различимая дорога. Александр тут же свернул на неё. Повернув пару раз то вправо, то влево, дорога вывела их из леса и тут же исчезла, как разматывшийся до конца клубочек.

Дальше стало ещё интересней. Они ехали просто по полю. По камням, глиняному грунту, мху, траве, объезжая какие-то норы и камни, пни, поваленные одинокие деревья, мимо ещё одного такого же леса и довольно высокой скалы, пару раз им пришлось пересечь небольшие ручейки. Даже учитывая переключенную в мягкий режим подвеску и почти две тонны веса, машину подбрасывало и трясло как на военном испытательном полигоне, хотя автомобиль и шел практически без усилий — мотор шумел ровно, ненатужно, «прогулочным» звуком.

Когда Жаклин уже готова была взять слово по поводу: — «А может, всё-таки лучше по трассе?», впереди показалась дорога.

Она начиналась даже не от какого-то определённого тупика, а просто из поля, будто выходила на поверхность из тоннеля. Дорога была грунтовая, но довольно ровная, и на первый взгляд казалась вполне себе проезжей, поскольку грунт в этой местности состоял на 40 % из камня, и колею почти не продавили. Выехав на эту практически трассу по сравнению с тем, что им пришлось преодолеть только что, Александр переключил скорость и двинулся дальше уже «с ветерком».

По мере продвижения стало ясно, что «трассу» проложили по неглубоким ущельям, а так же по проезжим участкам гор и холмов. Дорога извивалась и петляла как безумная, просто себя не помня. У Жаклин сложилось впечатление, что они едут по следам убегающего от лисы зайца. Девушку даже стали посещать «забавные» мысли о том, что Александр, не желая уезжать из хайлэндса, просто решил покататься по косогорам, заблудиться и вернуться обратно, мотивируя тем, что он потерял направление. И она ему бы поверила.

И как тут не поверить, если сама после пары первых резких поворотов чуть ли не в обратную сторону напрочь перестала различать: где восток, где запад, а где север с югом. В адекватном состоянии: от панических ноток в голосе и ужасе во взгляде её удерживало только выражение лица её шофёра — подбородок того был упрямо воткнут в грудь, глаза исподлобья горели лихорадочным огнём, взгляд в восхищении метался по местности за окном.

Иногда, въезжая на пригорок и окидывая сверху оком очередную порцию этих

«заячьих» петель, он съезжал с дороги и направлял Q7 прямо по косогорам, не обращая внимание на... да ни на что не обращая внимание.

Срезав путь, юноша возвращался на «трассу» только там и тогда, где и когда она продолжала опять соответствовать интересам его и «его красавицы», или же без неё было просто не проехать.

Один раз, обнаглев окончательно, он проигнорировал целый мост. Правда, очень маленький.

Увидев на пути старый каменный мост в три небольших пролёта, парень прямо перед ним свернул с дороги и спустился к берегу реки возле первой опоры. Въехав в воду и отлично видя, что речка от дождей сделалась более полноводной и мутной, он, тем не менее, спустился в самый поток. Но только водная стихия — это уже вам не кротовьи норы и камушки в чистом поле, она тут же весьма ощутимо дала по колёсам, видимо, обидевшись, что её не принимают всерьёз и не боятся. Течение грозило того и гляди взять Q7 вместе с её пассажирами уже в своё путешествие по руслу к более крупной реке, а потом и к Северному морю. Но глупая река просто ещё не встречалась в своей жизни с «атомными бомбами» и всем тем, что к ним прилагается. Александр опять что-то переключил на панели управления, потом поработал педалью газа, все пятьсот лошадей подали голос, и речка осталась позади продолжать свой путь к морю в одиночестве.

А потом дорога опять привела их в лес. Почти такой же, с какого всё началось. Жаклин с ужасом ожидала, что парень и здесь может начать сокращать путь, переоценит свои силы и любовь «его красавицы» к разминкам, и тогда им придётся... девушка не знала, что им тогда придётся делать. Плакать, наверное. Но лес быстро закончился, и когда в одном из широких ущелий «трасса» неизвестно из каких соображений пошла широким зигзагом, и Александр проехал его просто насквозь, пассажирка уже даже глазом не моргнула. Всё-таки даже женщины иногда поддаются дрессировке.

Но женское любопытство ещё никто не отменял.

— Александр, а куда мы едем?

Тот засмеялся.

— В Лондон.

Жаклин, выгнув бровь, обвела взглядом пустынные, дикие места с россыпями различного размера и калибра камней, с поваленными ветром деревьями, уже прогнившими и превратившимися в труху. Земля, не дождавшись, пока они станут чернозёмом, начала сама потихоньку хоронить их под собой, ровняя с окружающим пейзажем.

— Что-то я не узнаю места, — наконец, глянув на еле заметную колею перед капотом машины, не всегда умело лавирующую посреди всего этого, пожаловалась пассажирка.

Александр сначала захохотал, запрокинув голову, а потом потянулся рукой и схватил пальцами девушку за шею. Но этого ему показалось мало — он привлёк её к себе, потянулся навстречу сам и поцеловал в губки.

— Язва, — даже причмокнул языком слово юноша, отстранившись, как будто съел какое-то лакомство, — люблю тебя.

— Нет, ну просто несколько неожиданно, что дорога на Лондон больше похожа на какой-то автомобильный слалом или... скорее на Кэмел-трофи. Что-то как-то... не тянет это на двадцать первый век, — девушка даже с некоторой опаской уже начала оглядывать места за окном, поскольку чем дальше они продвигались вперёд, тем с большей вероятностью за ближайшим поворотом она ожидала увидеть не встречный автомобиль или какой-нибудь

современный город, пусть и небольшой, а лагерь с войском шотландских горцев. Все воины, естественно, в килтах, грязные и вооруженные до зубов палашами и дирками.

— Кстати, про Кэмел-трофи. Мечтаю погонять по пустыне на полуспущенных шинах или на цепях. Я уже пробовал на перевале Далл прошлой зимой, как только Кирк пригнал мне её в феврале из Лондона, но снег — это не то. Песок, говорят, лучше. Интересней.

— Именно для этого тебе Кирк купил...этот танк?

— Сначала он такой же танк купил себе. Зачем нам машины, на которых до всего самого интересного не доехать, правильно? Платить за них налоги и только лишь и иметь от этого удовольствия, что головную боль насчет парковки и городских пробок? Нет, это непрактично. По городу можно и на метро передвигаться, а раз в неделю в супермаркет и на такси съездить. Если уж покупать машину, так только такую — сел и человеком себя чувствуешь. Что в городе, что за городом. Мы с моей красавицей команда, ясно? Мы — банда: я люблю её, она любит меня.

Жаклин скептически улыбнулась.

— Мне начинать ревновать?

— Да, — твёрдо, не задумываясь, кивнул парень. — Тут — да. Я действительно люблю свою машину, Жаклин, и не советую соревноваться с этой любовью.

«Господи, глупости какие», — скривилась про себя Жак.

— Согласен, — сказал Александр.

— С чем ты согласен?

— Ты подумала, что это глупо — любить грудку железа.

— Нет, не подумала.

— Нет, подумала.

— Мне лучше знать, о чем я подумала.

— А мне лучше знать тебя — ты будешь отрицать из вредности или упрямства.

— Ну, хорошо. Ты меня раскусил. Я подумала, — примирительно положила ладошки себе на коленки Жаклин.

— Ну, вот я и говорю: я согласен.

— С тем, что любить грудку железа — это глупо?

— Угу.

— Но ты всё равно её любишь, — спросила она без вопроса в голосе.

— Обожаю. Примерно, как и тебя.

— Сейчас обижусь, — сжала девушка губки в маленький пухлый бантик.

— Не выдумывай! Вот ты же меня любишь, так ведь?

— Да, — почти не разлепив губ, одним языком буркнула Жак.

— Но это же не мешает тебе любить твою Сулу.

— Ну, так! Ты сравнил! Это же собака! Живое существо!

— Подумаешь! То породистая собака, а это породистая машина — всё. Все различия. Делов-то! Кстати, всё интересное мы уже проехали, это Лагган, — юноша опять только лишь отогнул указательный палец от руля и направил его на показавшиеся за поворотом несколько домов. — Надеюсь, моей красавице понравилось.

— Оу, можешь даже не сомневаться. Одной из них так уж точно, — с чопорной улыбкой выпалила Жаклин, позволив себе такую нескромность. — Кстати, — она решила отказать Алексу в ответной реплике, — название «Лагган» мне ни о чём не говорит. После этого Лаггана какой город мы будем проезжать?

— Эдинбург.

— Уже скоро Эдинбург?

— Да. Но сначала Перт.

— Оу, Перт я знаю.

До самой столицы Шотландии Жаклин с любопытством и удовольствием смотрела в окна автомобиля на маленькие провинциальные местечки восточного хайлэндса. Ей были интересны небольшие местные городки. Девушка замечала: в каком состоянии находятся их центральные магазины, сколько в городе аптек, где расположены велостоянки, какого размера школы, какие машины припаркованы у домов, где хозяйки сушат выстиранное бельё, с ужасом иногда замечая на верёвках, во дворах домов, бюстгальтера и женские трусики — страшный сон для англичанки.

Когда прямо по курсу показался Эдинбург, вернее, его объездная, Александр остановился на заправке.

Жаклин воспользовалась остановкой, вышла из машины, залезла в один из пакетов в багажнике, которые упаковала перед отъездом, и вытащила оттуда ещё одну коробку конфет. Взяв её с собой на сиденье, довольная сладёна уселась обратно.

Выехав с заправки с полным баком горючего, юноша тут же остановился на обочине дороги и принялся настраивать навигатор. Когда девушка из прибора обрадовала его, что связь со спутником установлена, парень озадачил её лондонским адресом Кирка. Девушка-робот, обработав информацию, отчиталась, что проехать им придётся триста пятьдесят две мили и тут же посоветовала продолжать движение четыре мили.

— У твоей красавицы приятный голос, — улыбнулась вторая красавица. — Вот интересно... — задумчиво заметила Жаклин, надкусывая грильяж в шоколаде, — по горам, по каким-то непролазным дебрям, ты спокойно едешь без навигатора, находишь в чистом поле какие-то непонятные, вообще неизвестно каким волшебным образом проложенные дороги, но как только попал в гущу цивилизации, тут же схватился за карту. Парадокс получается.

— Это не парадокс, это муки выбора, малыш. — По тону юноши чувствовалось, что он уже обсуждал с кем-то этот вопрос ранее. — В горах особого выбора нет, даже на таком танке как Q7 с дизелем, а здесь... миллион дорог — замучаешься выбирать. — Включив поворотник, Александр смотрел в боковое зеркало, пропуская мчащиеся мимо по шоссе автомобили. — Жаль только, он не показывает, где тут хорошие автомойки, — сказал он, мельком взглянув в лобовое стекло на небо. — Дождь, скорее всего, скоро кончится, нужно бы сразу машину помыть.

Так они ехали долго. Теперь их в салоне было трое, но им понравилось. Девушка-робот всё время задавала им всякие интересные задачки типа: «Через полторы мили круговое движение. Второй съезд», или «Через восемьсот футов возьмите правее», или «Через пятьсот футов поверните направо» и, поскольку парочка по неопытности не всегда правильно отсчитывала съезды и не всегда могла отличить «взять правее» от «повернуть направо», то между людьми и их компьютером иногда возникало недопонимание. Особенно с Александром. Того просто до истерики доводила короткая, но ёмкая фраза: «Вы ушли с маршрута», произнесённая беспристрастным приятным женским контральто.

— Ну, так тогда говори нормально! — тут же возмутился он.

— Ш-ш-ш... мальчики, девочки, не ссорьтесь, вы же команда, — мирила их Жаклин, улыбаясь улыбкой воспитательницы детского садика. — Она нормально говорит, это,

видимо, мы приняли вот тот поворот перед кольцом за съезд, помнишь? А это был просто поворот.

— Ладно... — выдыхал воздух из лёгких и опускал плечи Александр. — Давай, возвращай нас обратно, — обращался он к экрану навигатора.

«Через восемьсот футов поверните налево», — всё таким же ровным, спокойным голосом, командовала девушка-робот.

А потом позвонил Чарльз.

Ничего беды не предвещало — шел пятый час после полудня, дождь оставил их в покое почти сразу же за Эдинбургом, только всего лишь однажды напомнив о себе где-то между Lauder и Langshaw.

На окрестные пейзажи спускались умиротворяющие сумерки, которые после второго пасмурного дня под фиолетово-бурым небом казались лишь дополнительными слоями облаков, застилающие небесное пространство, будто уже имеющихся в наличии недостаточно. Встречные машины включили ближний свет. Навигатор только что показал, что они проехали границу Шотландии с Англией, и сейчас по курсу у автомобиля марки Audi, модификации V12 6,0 TDI Quattro с государственным регистрационным номером «GG54RAB» лежал маленький городок Rochester, до которого, как заверила их девушка-робот, оставалось двадцать миль.

В принципе, отдав сейчас, на каникулах, Чарльзу инициативу в общении, Жаклин предвидела, что тот захочет с ней связаться в самый неподходящий момент. И не ошиблась. Это было так на него похоже.

«Как он ещё во время секса не объявился», — пробубнила про себя миссис Рочестер, уставившись на экран телефона и слушая фирменный рингтон компании Nokia, которым отметила только лишь мужа и дядюшку. Она сомневалась. Можно было ответить на звонок, но говорить с супругом при Алексе ей не очень хотелось. Можно не отвечать, а потом перезвонить, но посеять в любимом человеке подозрение, что у неё есть от него какие-то секреты, тем более с её мужем, хотелось ещё меньше. Поэтому она всё-таки приняла вызов.

Это у Жаклин много чего изменилось за последние пять дней. Это у неё кипела жизнь, она многое почувствовала, многое увидела, многое узнала о людях, о себе, о любви, в конце концов, и ей казалось, что и во всём остальном мире жизнь тоже «била ключом», мир тоже очень изменился, многое почувствовал, понял, осознал. Девушка предвкушала, что по приезду в Оксфорд она город просто не узнает, хоть он почти не изменился за последние лет шестьсот, наверное. Не узнает и Сулу, и Чарльза, и Мери, и те обязательно ответят ей взаимностью. Ну, может быть, за исключением Сулы, конечно же.

Но пока она до мира и Оксфорда ещё не добралась, Чарльз быстро, первой же парой предложений, опрокинул навзничь все её ожидания и предвкушения. Он принялся подробно, только что не в лицах, рассказывать о том, как редактор «Анналов» согласился издать его статью, но лишь в адаптированном варианте, если он, Чарльз, уберёт из неё почти всю социологию и сделает упор только на истории. Но зато предложенный вариант очень подошел им для их официального сайта в интернете.

Второй журнал — Жаклин принципиально пропустила мимо ушей его название — согласилась опубликовать труд преподавателя из Оксфорда полностью, так, как он написан, но только в с трудом обозримом будущем. Поэтому его командировка во Францию, увы, не последняя. А завтра утром он возвращается домой, и было бы неплохо, если бы и Жаклин смогла составить ему компанию при встрече Нового года, поскольку Мери, скорее всего, сразу же после его приезда отправится домой.

Жаклин конечно же, ничего подобного делать не собиралась, да и вообще слушала мужа вполуха, а вникала в то, о чём он говорил, так и того хуже, поскольку его голос почему-то вызвал в ней чувство сродни безгливости и желание держаться подальше. Но поскольку

сразу же на ходу ничего правдоподобного для полного, категорического отказа сочинить не смогла, обещала поговорить с дядюшкой и подумать над предложением супруга.

— Всё то же, всё те же, всё там же, — подытожила свой разговор с Чарльзом Жаклин, нажимая отбой, и посмотрела на своего водителя. Тот был хмур и сердит.

— Ты что, поедешь к нему на Новый год? — ответил он вопросом на её молчаливый взгляд.

Девушка аж подскочила в кресле.

— Господи, как тебе такое в голову пришло?

Тот не отвечал.

— Святые угодники, да ни за что на свете! Не представляю, что могло бы меня заставить сейчас ринуться к нему.

— Но ты не отказалась.

— Да у меня просто нет серьёзной причины для отказа. Ну, сам подумай, ну что может так уж держать меня...

— Это привычка, — перебил её Александр.

— Прости? — сощурилась и сдвинула к переносице брови Жаклин.

— Это привычка. Ты привыкла придумывать только серьёзные причины для отговорок, только серьёзно относиться к тому, что ему соврать, как его обмануть.

Жаклин молчала.

«Он прав», — не молчали её мозги.

— А между тем, мы собираемся с тобой уже вот, может быть, через неделю-другую жить вместе и не совсем важно: поверит он тебе сейчас или нет, заподозрит в чём-то или нет. Ведь так?

Жаклин ответила не сразу.

— Ты прав, — вздохнула она наконец. — Это привычка.

— Ты всё ещё держишь его как «запасной аэродром», если, конечно, вообще планируешь жить со мной.

Девушка опять нахмурилась.

— Я не пойму, почему ты сомневаешься во мне? — удивилась она совершенно искренне. Ей казалось, она не заслужила таких сомнений в её намерениях.

Александр, сожалея, поджал губы, после чего с таким же настроением шмыгнул уголком рта.

— Я сомневаюсь не только в тебе, малыш, но и в себе тоже.

— В себе?! — округлила глаза Жаклин. — Ты сомневаешься в своих чувствах ко мне?

— Нет, я не об этом.

— Но ты не можешь сомневаться в своих силах. Этого просто не может быть! Уверенней в себе человека, чем ты, я ещё не встречала!

— Вот именно что, «в себе». «В себе», Жаклин. Ты пугаешь уверенность в себе с наглостью, а я уверен в том, что я сам из себя представляю, — тыкал Александр указательным пальцем в кожаную обшивку руля, — и отлично отдаю себе отчет, что ты всё-таки старше меня и об отношениях знаешь больше. Я постоянно жду, что мы приедем в Оксфорд, и там ты начнёшь опять тянуть время со своим разводом, и, что самое страшное, будешь предъявлять мне вполне разумные доводы, называть вполне уважительные причины, почему опять нужно подождать, потерпеть, повременить. — Александр передвинул рычаг коробки передач, чтобы переключить скорость, поскольку нагнал еле-еле ползущий впереди

Орел, а обгон на этом участке дороги был запрещен. — Я боюсь, что чего-то не учитываю, — он потрясал в воздухе кистью, сжатой вокруг большого, невидимого яблока, — чего-то не понимаю в силу возраста, в силу своей неопытности в отношениях вообще. И ты об этом молчишь, — сделал парень ударение на слове «ты». — Вроде как не очень хочется омрачать то, что было у нас в горах и, скорее всего, будет там, в Лондоне, но и неизвестность тоже вымораживает мозги.

Жаклин принялась думать над его словами. Вслух.

— Ты думаешь, что я о чем-то молчу... — почесала она кончик носа. — Не знаю... ни о чем я не молчу. Честно. И причин у меня никаких нет и отговорок серьезных, — пожала плечами девушка. — Конечно, нам придётся решить кучу вопросов. Допустим, я даже не знаю, где находится эта твоя квартира и есть ли там скверик, чтобы выгуливать Сулу, но для этого, насколько я что-то в чём-то понимаю, нужно только время. Ну а что ещё, — Жаклин в задумчивости обвела блуждающим взглядом салон машины и уставилась прямо перед собой в лобовое стекло. — Может, что когда у меня на работе узнают, что я ушла от преподавателя Оксфорда к восемнадцатилетнему студенту, а они, скорее всего, узнают об этом очень скоро, то, наверное, долго будут за спиной крутить пальцем у виска. Ну а так... Да и вообще, я не думаю, что под одну крышу нас должно соединить желание жить вместе.

— А что ещё?

— Невозможность жить отдельно.

Было видно, что парню очень понравились эти её последние слова — она опять сказала именно то, что он хотел от неё услышать — но он уже «пошел в поводу» у своих страхов и сомнений, и растормошить его, и вернуть ему былую непринуждённость составляло большую проблему. Всё-таки будущее развитие ситуации между миссис и мистером Рочестер по приезду в Оксфорд парня порядком напрягало. В удобном, мягком, даже можно сказать, заботливым кресле дорогой машины он чуть сдвинул колени, выпрямился и сидел напряженный, как говорят: «будто лом проглотил».

И тогда Жаклин в голову пришла смелая, а по её личным меркам, так и вовсе наглая идея. Видя, что всё это может затянуться надолго, с мыслями: — «Чёрт бы его побрал, этого Чарльза. Кто его вообще просил соваться со своим звонком. Приеду, сразу же соберу вещи, возьму Сулу и уйду и сим-карту поменяю», — она решила последовать примеру своего Алекса там, возле кювета, и прибегнуть к шоковой терапии.

Поскольку её пуховик уже висел на крючке над задней дверцей, ей осталось только расстегнуть одну из своих огромных зелёных пуговиц на платье аккуратно в районе бикини. Александр дёрнулся взглядом к её рукам, но тут же вернул глаза на дорогу. Девушка, неотрывно за ним наблюдая, расстегнула следующую пуговицу ниже. Парень, пряча улыбку, скептически сжал губы в тонкую линию, но всё так же, не моргая, смотрел на дорогу. Жак расстегнула ещё одну пуговицу вниз и, таким образом, до конца подола у неё не расстёгнутой осталась только одна. Последняя. Юноша, уже не сдерживая улыбки, на мгновение отвернулся к окну, но тут же опять посмотрел прямо. Девушка, разделавшись с последней пуговицей, откинула голову и закрыла глаза, после чего раздвинула ноги и свободной рукой полезла к себе в трусики под колготками.

— Джеки.

Молчание.

— Малыш...

— Мм?

— Что ты делаешь?

— Снимаю твоё напряжение.

— Моё?

— Да. Твоё.

— Моё напряжение нужно снимать у меня между ног... сладкая.

— Ты хочешь минет? — буднично и просто проговорила «сладкая», разлепляя веки и заглядывая парню в лицо. Она отложила свой телефон в нишу разделительного бардачка.

Александр дёрнулся вперёд, чуть дрыгнув ногой, поэтому чуть вздрогнула и его Q7, потом он задохнулся и выдохнул только через надутые щёки.

— Пф-ф-ф... Жаклин, разве так можно?

— Вот и я так подумала, когда ты почти опрокинул машину в кювет.

Парень в удивлении вздёрнул брови, но потом понял, о чём она.

— Тот, кто опрокинет эту машину, тот трёх дней не проживёт — у неё устойчивость как у носорога, — он опять переключил скорость и всё-таки обогнал Opel-«улитку», наплевав на сплошную полосу.

Жаклин молчала, продолжая делать своё дело.

— И — да, я очень хочу минет, — всё-таки не дал уйти из разговора столь приятной для него теме Александр.

— Я знала, что ты не откажешься, — промямлила девушка, по новой откидывая голову и закрывая глаза.

— Если тебе парень скажет, что он не хочет минет, смело вызывай либо скорую, либо полицию, потому что он либо заболел, либо врёт и задумал что-то очень нехорошее.

— Ммм... — выдохнула Жаклин, прикоснувшись к клитору. У Audi отменная звукоизоляция, поэтому в машине было тихо настолько, что водитель улавливал кое-какие звуки у неё между ног.

— Фак! — ударил он ребром ладони по рулю.

— Ммм... — продолжила она. Чарльз уже был вышиблен из их машины и забыт всеми, включая даже, наверное, девушку-робота, которая сама обещала молчать целых двадцать миль.

Жаклин уже ощущала желание довести начатое до конца, не прерываясь и не останавливаясь, но, тем не менее, после того как почувствовала чью-то ладонь поверх своей у себя между ног, ей стоило немалых усилий сохранить серьёзность момента и удержать ситуацию в нововведённом, столь пикантном, настроении. Она тут же уступила инициативу этой ладони, убрав свою руку в сторону, и возбудилась ещё сильнее.

— К-к-айф! — процедил сквозь сжатые губы Александр.

И тут перед Жаклин одновременно всплыло много разных, самых лучших картинок того, что было между ней и её шотландцем там, в хайлэнсе.

И она взорвалась. Громко.

— Дьявол! — парень тут же отдёрнул руку, а девушка подтянула ноги к груди и вся сжалась в комок. — Малыш, — парень, поглядывая на дорогу, тыльной стороной ладони провёл по её щёчке, — сладкая моя.

Жак с желанием поймала его ладонь у себя на щеке и поцеловала её внутреннюю сторону, но тут же отпустила — всё-таки, чтобы вести машину, лучше использовать две руки. Так безопасней.

Когда её разрядка прошла, девушка, даже почти не отдышавшись, выпрямилась,

развернулась к своему водителю и для начала положила руку на разделительный бардачок. Она улыбалась. Убедившись, что Александр этот её жест заметил и не испугается, если что, переложила кисть на его ширинку.

— Останови в ближайшем кафе, — заставило её произнести то, что она там почувствовала.

Но тут промелькнул указатель, что в миле пути находится автомойка.

Это был знак! Подарок судьбы! Проехав эту пресловутую милю в полном молчании, парочка убедилась, что мойка бесконтактная.

Съехав с дороги, на что девушка-робот не упустила шанс поругаться фразой: — «Вы ушли с маршрута», Александр остановился у этого «самостоятельного» предприятия и вышел из машины. Подойдя к банкомату и набрав на активном экране нужную ему операцию, он выбрал максимально интенсивную мойку с «четырьмя каплями», «душ» горячим воском, сушку и чистку днища, после чего засунул в банкомат купюру и принял чек.

Жаклин сидела в машине и ждала.

Вернувшись, юноша открыл свою дверцу, как-то так осторожно зыркнул на свою пассажирку и нажал на кнопку электрорегулятора сидений. Его кресло поползло вперёд.

— Пересаживайся назад, — скомандовал он ничего не понимающей девушке и, подождав, пока кресло максимально придвинется к рулю, захлопнул свою дверцу.

— Чего? Зачем? — усиленно моргая, запоздало попросила уточнений Жаклин.

— Потом объясню, — ответил юноша, распахивая уже её дверцу.

— Александр, ты сумасшедший? — округлила на него глаза девушка, спуская ноги на землю и выбираясь из автомобиля.

— Да, да. Садись в машину — холодно на улице, — сказал он резко, в то время как сам стоял только лишь в мохеровом свитере стального цвета исландского производства.

«Придушить мало этого Чарльза, — ругалась про себя Жаклин, открывая заднюю дверцу машины и залезая на сиденье, отодвинув свой висящий на окне пуховик. — Всё из-за него. Каштаны в огонь кинул, а я вытаскивай. Вот сейчас арестуют нас тут... будет своей жене, мотающей срок за занятие сексом в общественном месте, передачи носить».

Александр в это время, заглядывая в чек, нажимал какие-то кнопки на воротах мойки, после чего они медленно начали открываться. Парень вернулся к машине и, еле протиснувшись между креслом и рулём, уселся на своё место. И если сам он, будучи очень и очень стройным и поджарым, смог поместиться на придвинутом кресле, то вот его длинные ноги, никак не моли выпрямиться к педалям, застревают коленками внизу торпеды.

— Ааа, черт! — открыв дверцу, юноша буквально выпрыгнул из-за руля. Чуть отодвинув сидение, он опять уселся и на этот раз его счастливое воссоединение с педалями состоялось.

Заехав в помещение, где уже включился свет, он остановился, почувствовав, что колёса упёрлись в какую-то преграду — автомобиль дёрнулся вперёд, но тут же немного отпрыгнул назад. Это были ограничители движения. После того как кроссовер остановился, такие же ограничители как из-под земли выскочили чуть позади задних колёс — машина встала на место.

Опустив козырьки над своим сиденьем и сиденьем Жаклин, парень вылез из-за руля и, опять максимально выдвинув своё сидение вперёд, открыл было заднюю дверцу, но застыл.

— А почему ворота не закрываются? — удивился он.

— А...эмм... потому что ты должен выйти из помещения и закрыть их сам стой стороны, — объяснила Жаклин, прочитав горящее табло над въездом на немецком:

«Verlassen Sie Den Bereich», что, девушка точно знала, означает: «Покиньте помещение». Видимо, оборудование было немецкой фирмы.

Александр вышел за ворота, нашел кнопку закрытия, и пока те медленно закрывались, быстро проник между ними в помещение мойки опять.

«Ой, а что же это я сижу! — встрепенулась девушка и, задрав платье, принялась стаскивать колготки и трусики. — Сейчас ведь придёт, разбираться долго не будет, потому как некогда особо, и порвёт всё. Колготки с собой единственные остались».

За этим милым занятием и застал её Александр. Распахнув заднюю дверцу и, увидев девушку, с явным старанием на лице пытающуюся быстрее избавиться от своих трусиков и колготок, он не смог сдержать улыбки, а после того как она, увидев его улыбку, ещё и надула губы, уже просто захохотал.

— А-ха-ха... Жаклин, я всегда знал, что ты — чудо, но тебе опять удалось превзойти саму себя, — юркнув на заднее сидение к девушке, он захлопнул за собой дверцу. Ворота закрылись и мойка тут же «ожива»: задвигались рамы с распылителями воды высокого давления, забарабанила вода по кузову, что-то зашуршало по дну. Поначалу от потоков воды и пены, плывущих по стёклам ничего не стало видно, а потом к воде присоединился ещё и пар. У Жаклин, которая оглядывалась вокруг и не знала, куда бы ей припрятать «последние колготки» вместе с трусиками, появилось ощущение, что они плывут по небу внутри какого-то облака — погремущи.

Но водителю было не до облаков.

— Иди ко мне, — не присаживаясь на сидения, а развернувшись лицом к креслам, ринулся он к её пуговицам. Вообще-то, со сдвинутыми передними креслами сзади места стало предостаточно. Машина была, действительно, на все случаи жизни, и налоги свои оправдывала полностью. Расстегнув пуговицы, на этот раз все, так быстро, как будто это были кнопки, парень распахнул полы её платья.

От её вида в одном лифчике, его глаза ожили как автомойка.

Одной рукой Александр ринулся под чашечку бюстгалтера к груди, другой сразу же — между ног, а лицом наклонился и лизнул и поцеловал животик. — Ммм...хххх, — это уже была реакция на последствия её недавнего оргазма у Жаклин между ног.

— Хочу в тебя. Внутрь! — найдя у неё между ног последствия недавнего оргазма, вытолкнул он из себя слово и принялся целовать девушку, внедряясь языком ей глубоко в рот.

— Алекс, — высвободив рот, прошептала девушка, — здесь тоже камеры.

— Я опустил козырьки, а на боковушках — одежда. — Александр расстегнул ширинку и, чуть приспустив боксёры с джинсами, достал член, который уже дёргался и вздрагивал как застоявшийся в стойле и потряхивающий сбруей конь, только что копытом землю не рыл.

Подтянув девушку к краю сиденья, юноша встал на колени на пол автомобиля и, приблизившись к её складочкам своим пахом, вошел в неё.

— Да! — «выстрелил» он из себя восклицанием, после чего подхватил её ноги под коленки и очень удобно уложил икрами к себе на плечи.

Жак потерялась в ощущениях, всё ещё не забывая про «облако».

— Боже... — дыша так, как будто только что на стометровке обогнал Усейна Болта, выдохнул парень и сделал первый толчок. — Я сейчас кончу, малыш, — предупредил он.

— Твоя очередь, — согласилась та.

И именно в это время мойка, как назло, смыла с машины всю пену и принялась обрабатывать её горячим воском.

Но Александр всё равно кончил ровно после пятого толчка. Он простонал, начав изливаться и продолжая вдальбливаться в девушку. В голове рвались снаряды, тело наполнилось отборным наслаждением, как героином, а вокруг работала мойка.

— Ты права, — сказал он, сквозь неровное, натужное дыхание. Остановившись, спустил со своих плеч её ноги и, выйдя из неё, тут же повалился сверху.

— Я всегда права. В чём на этот раз? — поинтересовалась Жаклин, зарывшись пальцами парню в волосы и не забыв нащупать родинку на шее. Губками она нежно касалась его скул.

— Мы будем вместе не потому, что хотим быть вместе, а потому что не сможем быть отдельно. Просто не сможем.

У Жаклин глаза загорелись счастьем, она заулыбалась широкой радостной солнечной улыбкой.

— Я счастлива, — ответила девушка и уже полноценно поцеловала любимого в губы.

— Вот-вот, — ответил тот, когда она отстранилась, — вот и я о том же. Мне постоянно нужно касаться тебя, дотрагиваться, чувствовать твоё тело, твои груди, руки, — он легонько сжал её грудь под бюстгальтером, — хоть раз в день, но поцеловать обязательно, — чмокнул он девушку в губки. — Я уж не говорю о том, чтобы оказаться внутри тебя.

— Даже не представляю, какой счастливой я смогу быть, когда во мне будет твой ребёнок, — обняла его за шею и прижала со всей силы к своей груди Жак.

И тут мойка стихла: подача воздуха прекратилась, половина огней погасла, и начали медленно открываться ворота перед машиной.

Александр тут же отстранился и, отжавшись на руках, выпрямился.

— Я сейчас поставлю сиденья на место. Одевайся и пересаживайся вперёд, — принялся он натягивать опять джинсы с боксёрами.

— Ни за что! — выпалила Жаклин, потянувшись рукой за колготками и трусиками в багажный отдел. — Я больше не выйду под камеры, хоть застрели.

Александр засмеялся.

— А-ха-ха... да не будет тут никто рассматривать эти камеры, если нет претензий от клиента.

— Нет!

— Ну хорошо, — парень, уже будучи полностью одетым, открыл дверцу и собрался было выйти. — Иди ко мне, — потянулся он к девушке и напоследок чмокнул в губки.

Выехав из помещения мойки, юноша остановился, отрегулировал передние кресла по горизонтали, опять прижал козырьки к потолку и, усевшись поудобней, довольный двинулся дальше с Жаклин на заднем сиденье.

— Александр, я видела, там предусмотрен штраф за то, что мы не покинули автомобиль во время процедуры, только не рассмотрела цифру, — спросила та, перебравшись через разделительный бардачок на своё место, как только они отъехали отпомещения, и девушка-робот объявила им, что связь со спутником установлена.

— Семьдесят фунтов, — недовольно-ворчливым тоном процедил парень.

— Тридцать пять — с меня, — отрезала Жак.

— Джеки, не...

— Не спорь!

Пауза.
— Гмх...

Глава 36 Человек с зонтом.

Жизнь — это дождь. Сплошной дождь.

Иногда он моросит мелкими капельками, иногда переходит в ливень.

В жизни каждого бывает человек с зонтом.

Он приходит неожиданно и укрывает от всего плохого.

Важно его не потерять — человека с зонтом, который приходит только раз.

Цитата из интернета.

Огни Лондона в черноте пространства за окнами автомобиля показались только после полуночи. Они напоминали мерцающие угли угасающего костра. Город «догорал».словно костёр, в котором не поддерживают огонь, усталый мегаполис медленно погружался в сон. Его «дыхание» и «пульс» выравнились и замедлились, однако «биение сердца» чувствовалось отчётливо — на самом деле, в Лондоне жизнь не затихает ни днём, ни ночью. И даже если улицы пусты, то всё равно, или вот здесь, у края дороги, какая-то женщина выходит из машины, а за угол заворачивает полный мужчина, или вон там какой-то молодой человек с французским бульдогом на поводке перебегает дорогу одинокому мотоциклисту, а из подземного перехода поднимаются парень с девушкой. И это только на окраине. В центре же жизнь кипит ночью почти так же, как и днём, и люди мельтешат туда-сюда, как в каком-нибудь заполярном городе зимой — темно, но никто на это не обращает внимания, все продолжают делать своё дело — жить.

«Как хорошо, что большие города бодрствуют всегда, — думала Жаклин, сидя в удобном кожаном кресле «Audi» и посматривая на освещённый желтыми фонарями город. В их золотом свете серый асфальт казался коричневыми напоминал ту укатанную дорогу посреди безлюдных холмов и косогоров хайлэндса. — Это очень хорошо», — согласилась сама с собой девушка. Полностью, окончательно, беспробудно «уснувшие» города, которых она в своей жизни повидала предостаточно, оставляли в ней не самое приятное «последствие». Давно покинутые одними людьми и полуразрушенные другими, они не выглядели столь органично в своей пустынности как, допустим, тот же хайлэндс, а сразу же ощущались именно мёртвыми. Как огромные каменные трупы. И хоть к трупам Жаклин относилась в первую очередь профессионально, но всё равно умершие города не любила и не любила воспоминания о них.

«Города созданы для жизни, и пусть жизнь в них не иссякает», — подытожила девушка, будучи в прекрасном расположении духа, хоть сейчас для неё выгода в пустынности ночного Лондона и была очевидна — они с Алексом въезжали в столицу как король с королевой, для которых перекрыли полгорода. Не хватало только мотоциклистов сзади и спереди да людей, столпившихся вдоль дороги и машущих маленькими британскими флажками.

А причиной хорошего настроения Жаклин был, конечно же, ни кто иной, как её шотландец. Чем ближе они подъезжали к городу, тем чаще подавала голос девушка-робот, направляя их по различным развязкам, связкам, отворотам, поворотам, круговым движениям и съездам с них. А уж когда колёса машины зашуршали по асфальту самого Лондона, то тут «рот» у неё уже почти не закрывался. Она заняла, без преувеличения сказать, лидирующие позиции в салоне машины, развела бурную деятельность и раскомандовалась не на шутку. Жаклин с плохо скрываемым злорадством и иронией наблюдала, сколько усилий стоит

МакЛарену слушаться женщину, пусть и робота, беспрекословно. Правда, не всегда.

Периодически чаша его раздражения переполнялась, а терпения, наоборот, опустошалась, и тогда он давал решительный отпор заносчивому навигатору фразами: «Не умничай», «Без тебя вижу», «Там ремонт дороги, бестолочь».

И поскольку мужчина полностью отдался противостоянию с искусственным интеллектом, женщине пришлось подумать о хлебе насущном.

— Нам, наверное, нужно заехать в магазин. У Кирка, скорей всего, в холодильнике «мышь повесилась», если он не живёт в доме, — забеспокоилась Жак.

— Угу. Да. Ты права, — поспешно согласился Александр.

— Если мне не изменяет мой склероз, мы уже едем где-то по Веллингтонскому шоссе. Вот тут, с правой стороны, должен быть Веллингтонский госпиталь — мы туда как-то за формалином ездили — возле него — парк, а напротив парка — круглосуточный супермаркет. Правда, он не очень хороший.

— Тогда он нам не подходит. Нам нужен только хороший.

— «Марк и Спэнсер» закрывается в восемь, Александр.

— Знаю.

«Sainsburys» — гласили огромные прописные буквы, горящие оранжевым неоновым огнём над ярко освещённым входом в магазин. Парковка была полностью пуста, поэтому Александр остановился прямо напротив дверей.

«Вы ушли с маршрута», — тут же не упустила шанса укорить его девушка-робот.

— А пошла ты, — заглушил двигатель парень. — Достала.

Магазин, как и его парковка, как и окраины Лондона, оказался почти безлюдным. Не считая продавцов. Его тоже будто специально закрыли для приехавших из Шотландии, из самого хайлэндса, Александра МакЛарена и Жаклин Рочестер, чтобы они смогли спокойно закупить продукты.

Жаклин вообще не поняла, в какую конкретно минуту это произошло, как и почему, но, оказавшись в магазине, вдруг, ни с того, ни с сего почувствовала себя счастливой. Она сама не ожидала, что рядовое попадание в супермаркет в случае с Алексом может принести ей столько удовольствия. Её красавец, легко, играючи толкающий перед собой тележку и высокомерно-снисходительно наблюдающий процесс выбора ею продуктов — в этом было столько интимного и личного. Как прелюдия.

«Наверное, примерно так же будут смотреться его руки на ручке коляски с маленьким МакЛареном, — помимо своей воли тут же провела параллель девушка. — И может, даже выражение лица будет таким же», — предположила она.

Александр выглядел каким-то и трогательными солидным, и уязвимым и гордым одновременно. Картинка захватывала дух. Это было такое счастье — наблюдать, как он молча, терпеливо ждал, пока она найдёт именно то, что ей нужно, как ласкал взглядом её сосредоточенную, ищущую мордашку, обращенную к прилавкам, как не очень умело скрывал, что от некоторых её вопросов просто теряется и абсолютно ничего не понимает. Допустим, к бекону с яичницей лучше взять каперсы, маринованную брокколи или консервированные пальмовые листья? А яйца — перепелиные, голубиные или куриные? Такие муки выбора для него были явно лишними на сегодня, поэтому он всё время говорил:

«Бери всё, а там посмотрим», — и в неловкости принимался внимательно высматривать что-то в глубинах безлюдного «Sainsburys», не иначе как навигатор по супермаркетам. Жаклин вспомнила выражение этого же лица и поведение этого же парня там, на

бездорожье хайлэндса, его воткнувший в грудь подбородок и сощуренные «тюльпаны».

«По-моему, слова тут излишни».

В конце концов, чтобы всё-таки сосредоточиться на продуктах, она сделала вывод, что, скорей всего, уже никогда не сможет переступить порог супермаркета прежней и принялась вспоминать, чего ещё не взяла к фриттате.

Александр вообще не приблизился ни к одному из прилавков, не протянул руки ни к одному из продуктов и не взгляделся ни в одну этикетку или ценник. Ему это было неинтересно. Единственное, что он взял сам, так это газеты. Подъезжая к кассе, зацепил на стойке с прессой пару изданий и кинул поверх всей их покупки. А до этого он вообще не отнимал рук от тележки, а следовал за девушкой и смотрел, как она берёт продукты, читает рецептуру, срок хранения или ещё что-нибудь, а знакомое и нужное кладёт в тележку сразу же, не изучая. Он тоже наслаждался.

Парень понимал, что ничего, ну вот абсолютно ничего такого уж интересного или крутого не происходит, они просто закупают всякую съедобную и не очень дребедень, поскольку искать в супермаркете хорошее мясо — дело бесперспективное, но всё равно «таял» и ничего не мог с этим поделаться. Было во всём этом для него что-то незнакомое, новое, умиротворяющее. Как Жаклин вертит в своих маленьких ручках с тоненькими пальчиками и ноготками без маникюра упаковки с продуктами, пытаюсь найти дату выпуска, как тут же разворачивается к нему и очень вежливо задаёт какой-нибудь вопрос, как в попытке что-то вспомнить лезет себе в волосы со лба или трёт подушечками пальцев висок, как начинает вслух объяснять, почему возьмёт к лазанье именно куриную грудку, оливки, помидоры и сыр, а не мясо, морскую капусту и грибы. Девушка выглядела такой домашней, такой уютной, но в то же время уверенной в себе и деловой в этот момент, такой «его Сасенак». Александр за эти какие-то полчаса до такой степени битком налезли в голову всякие умильные эпитеты, ласковые слова и высокопарные сравнения, что он в своих собственных глазах того и гляди грозил окончательно превратиться в какого-то «влюблённого пуделя».

Поэтому, дабы прогнать из головы всю эту чепуху, парню пришлось прибегнуть к помощи «тяжелой артиллерии» и вспоминать, как эту же девушку колотило и корёжило во время оргазма в его руках там, в хайлэндсе. Вот это была тема! Правильная тема!

— А ты знаешь... мне понравилось, — сказал он, садясь в машину. — Теперь я начинаю понимать, почему люди иногда ездят закупаться по ночам — никого нет, тишина и спокойствие — красота. Я же говорю: мне понравилось.

«Глупенький, — ликовала про себя Жаклин. — Просто тебе понравилось делать это со мной!» Но вслух ничего не сказала, а просто мило улыбнулась.

* * *

Выбором дома Кирку удивить Жак не удалось. И уж тем более, восхитить. Хоть она и предвкушала нечто неординарное, не входящее в линейку лондонских построек, но встретило её именно это: надоевший английский красно-коричневый кирпич с побеленными молдингами по фасаду, обычные три этажа с уменьшением высоты потолков от нижнего к верхнему, стандартная, если не сказать банальная входная дверь под козырьком на шести колоннах, узкие высокие окна с рамами а-ля «плитка шоколада» — короче, глазу зацепиться абсолютно не за что. Именно на такой, и никакой другой дом, в её понимании, риэлторы должны были раскрутить мужчину с деньгами Кирка и без женщины. Но, поскольку это был именно Кирк, Жаклин надеялась, что он смог (если захотел) унять рвение посредников и

выбрать у них то, что ему нужно купить, а не то, что им нужно сбыть с рук, и приобрести себе нечто иное, не такое, как у всех из его категории «состоятельного одинокого волка». Увы.

«Хотя... чего я ждала от холостяка. К тому же ещё и бывшего военного, — окончательно сбросила со счетов как ценителя и знатока архитектуры и креативных решений, дядю своего молодого человека Жаклин. — Наверняка в доме куча ненужных комнат, маленькая кухня, коридоры как ходы внутри пирамиды Хеопса и планировка такая, что сквозняками задирает юбки. О гардеробных и двухэтажных холлах можно даже не мечтать».

Александр сказал ей не выходить из машины во дворе — они войдут в дом через гараж, который не подключен к сигнализации, хоть там и стояла ещё одна точно такая же Q7, только черная. В самом гараже уже не так слышно, как воеет сигнализация на двери в дом, и у них меньше шансов поднять на уши полквартала соседей.

Жаклин почти не ошиблась. По поводу дома. Только с той лишь разницей, что в комнатах оказалось не так уж много мебели, то есть довольно-таки просторно, несмотря на отсутствие постоянных жильцов, свежеприбрано, и, невзирая на преобладание холодных сине-белых тонов, весьма приятно. Внутри жилище не так уж сильно походило на холостяцкую берлогу бывшего солдафона, а скорее, на не очень гостеприимное убежище или даже прибежище довольно успешного, самодостаточного, неглупого мужчины, ценящего комфорт, уединение и практичность, поскольку при попадании в комнаты бросалась в глаза единичность экземпляров мебели. Нигде не было видно дополнительных кресел к стоявшему по центру гостиной дивану, больших столов на «полк» гостей и «батареи» стульев, выстроенных вдоль стен — всё окружающее пространство рассчитали и предусмотрели только для одного человека.

«И всё-таки он умён, этот Кирк, — первое, что подумала Жаклин, пройдя по коридору из гаража, попутно заглянув на кухню и очутившись в гостиной. — Увы. Умён».

Покрыв в один день расстояние что-то около шестисот миль, пусть и в хорошей машине и с неплохими остановками, и Александр, и Жаклин всё-таки устали. К тому же шел уже третий час ночи. Поэтому только лишь включив отопление в комнате для гостей на первом этаже и приняв еле тёплый душ, поскольку бойлер тоже был включен только что, забрались в кровать, оказавшуюся вполне себе удобной, прижались друг к другу в «позе ложек» и провалились в сон.

* * *

«Убегай, отворачивайся, убегай, отворачивайся, убегай, отворачивайся», — начала опять командовать девушка-робот.

«О, не-е-е-ет! — выпрямил руку и уронил её на постель Александр. — Ну, нет же! Опять она! Она, что, теперь никогда не отвяжется? Сейчас начнёт: поверните направо, поверните налево, продолжайте движение десять тысяч миль!»

«Убегай, отворачивайся, убегай, отворачивайся, убегай, отворачивайся», — продолжала вопить его вчерашняя «Ариадна».

— Ммм... — заворочавшись, промычал спросонья парень. — Я убью её.

— Да. Слушаю, — произнёс рядом бодрый, деловой, женский голос.

Александр открыл глаза, уже поняв: кто он, где он, и с кем он.

— Привет, Мэт, — поздоровалась Жаклин с каким-то Мэтом.

«Чертова роботша... совсем вчера мозги запудрила. Теперь из каждого утюга слышится», — юноша уже понял, что во сне припев песни группы Bronski Beat — Small town

Воу, который стоял у Жаклин на рингтоне, принял за голос девушки-робота. — Дожили! Земляка не признал!», — подумал парень о своём знаменитом соотечественнике Джимми Сомервилле — солисте группы и уроженце славного города Глазго по совместительству.

— Да, спасибо, и тебя с праздником, — не глядя на своего соседа, продолжила доктор Рочестер и замолчала, а в динамике её телефона кто-то затараторил как заведённый.

«Это что ещё за «Неспящий в Сиэтле»...или где он там...ублюдок звонит ей в такую рань», — проворчал про себя МакЛарен. Окончательно проснувшись, Александр сдвинулся к краю кровати и пошарил рукой по ковру. Нащупав свой айфон, он включил его и, увидев на экране большие, тонкого шрифта, цифры: «1:13 p. m» округлил свои заспанные красивые глаза максимально.

«Ого! — завопили его мозги. — Вот это мы поспать!»

— Оу, очень сочувствую, Мэт, но меня сейчас нет в городе, поэтому заскочить на минутку никак не могу, — продолжила Жаклин, а рядом её молодой человек, принявшийся было листать список своих пропущенных звонков, которые накопились у него ещё со вчерашнего дня, напрягся и замер.

— Кто там сегодня дежурит из сестёр в приёмном покое? Поговори с ними. Если не согласятся, набери меня ещё раз, я сама с ними поговорю, — не заметив абсолютно ничего из происходящего у неё под боком, продолжала доктор Рочестер, а Александр расслабился.

«Надо бы домой позвонить», — углубился он в список своих абонентов.

— Там, кажется, есть халаты после обработки, если они их за каникулы ещё не все использовали. — Она прослушала, видимо, благодарственную речь «ублюдка». — Не за что, Мэт. Удачи тебе на дежурстве и ещё раз с Новым годом. — Опять пауза. — Угу. Пока, — и Жаклин, отключив телефон, отложила его на ковёр возле кровати. — Я ждала, пока ты меня разбудишь своими поцелуями и объятьями, а разбудил меня Мэт, — потянулась девушка к своему мужчине, проникла руками под одеяло и принялась там бродить ладошками по его ещё сонному, душистому, сладкому телу. — С добрым утром.

— С добрым, сладкая. Это что ещё за козёл? — принял её в свои объятия Александр, тоже выключая и откладывая телефон.

— Это Мэт Фейсон. И он не козёл, он — терапевт, — поцеловала она свои любимые «тюльпаны».

— Все козлы, будящие мою девушку вместо меня — козлы и есть, — мял под одеялом её ягодицы Алекс.

— Забудь о нём, — предложила Жаклин, взбираясь на своего молодого человека верхом. Тот тут же забыл про Мэта, вернее, всех Мэтов в мире, а так же про всех Фейсонов и терапевтов и даже про то, что сегодня 31 декабря. Вернее, про это он ещё и не вспоминал.

Они кувыркались. Именно этим словом охарактеризовала бы Жаклин то, что происходило между ними в постели и вне её этим утром. Кувыркались, дурачились и любили. Они «наедались» друг другом, общением друг с другом, ощущениями друг от друга, тёрлись животами, ногами, руками, щеками, губами о плечи, скулы, лбы, ладони, колени, груди, торс, запоминая друг друга на ощупь твёрдости мускулов и мягкости волос, на вкус растаявшей во рту конфеты и просто на вкус, на запах шампуня и геля для душа, на звук шелеста кожи, стонов из нутра, криков во время оргазма и отрывистых, тугих шлепков тел друг о друга.

Это было то самое утро, когда щекотка и хватание за коленки плавно и не очень перетекала в секс, секс — в поцелуи до умопомрачения, поцелуи до умопомрачения — в

душ, душ — в чаепитие, чаепитие — в полноценную еду в постели, полноценная еда в постели — в милые воспоминания и признания о том, кто во сколько лет и при каких обстоятельствах пробовал курить в детстве, признания о том, кто во сколько лет и при каких обстоятельствах пробовал курить в детстве — в щекотку, щекотка — в нежные, райские поцелуи, нежные райские поцелуи — в затяжной, неспешный сладостный секс. Это был своеобразный круговорот любви в доме. Любовь вращалась здесь по пространству комнат и коридоров, как воздушные массы над Атлантикой, останавливая время и обесценивая деньги, принимая самые разные и необычные формы и выражения. Ведь для того, чтобы сказать: «Я тебя люблю», существует бесконечное множество способов и возможностей.

Можно, допустим, съесть всю лазанью, приготовленную твоей девушкой, а можно восхититься умением водить машину твоим парнем, можно жениться на ней или взять на руки и погладить её кота, а можно родить ему сына или закрыть после него тюбик зубной пасты, можно сходить с ним на футбол (или даже бокс!), а можно посмотреть с ней фильм «Сумерки», можно сказать, что его начальник — придурок, каких свет не видывал, а можно взять её за руку, переходя через дорогу — способов масса.

— Хочешь, я заварю тебе чашку чая? — спросила Жаклин у Алекса, когда тот собирался сходить в гараж, разобрать кое-какие вещи в машине, чтобы оставить их в доме Кирка, а не везти к себе в общагу. Часы на камине показывали десять минут пятого после полудня. Решено было вскоре выдвигаться из дома встречать Новый год вместе с Лондоном.

— А ты? — обернулся тот на полдороге.

— А ты — мне, — засмеялась Жаклин. — Хорошо, я заварю нам по чашке чая, а потом мы начнём собираться — уже много времени, — решительно заявила девушка, слезая с кровати и влезая ногами в свои угги.

* * *

— Ну и как тебе дом? — помешивая в кружке красно-коричневую прозрачную дымящуюся жидкость, спросил юноша.

Они сидели на кухне. Войдя сюда впервые, Жак подумала, что эта кухня вот просто ни убавить, ни прибавить — в самый раз. Помещение не было столь уж большой площади, по которой устанешь ходить туда-сюда, выискивая уютный уголок, и так и не найдёшь, но и тесным его назвать язык не поворачивался. Гарнитур из натурального шпона цвета клёна и кухонная плита в старинном стиле с прорезами вокруг конфорок и дополнительным поддоном снизу приятно радовали глаз и наполняли теплом нутро любительницы приготовить что-нибудь вкусненькое. Окинув опытным взглядом пространство в целом, девушка не стала бы утверждать, что тут всё под рукой и, поселись она здесь, ей не захотелось бы ничего изменить и переделать, но, тем не менее, при взгляде на рабочую зону с кухонными предметами почувствовала явное, устойчивое чувство внутреннего согласия и комфорта.

Правда, справа от входной двери, у стены стоял кожаный кейс. Своим присутствием и видом здесь, среди кастрюль и сковородок, он всё ставил на свои места.

«Это точно дом Кирка, — сразу же подумала девушка. — Не иначе как он поставил сюда этого «Цербера» присматривать за глупой посудой, чтобы не баловалась тут без него и не своевольничала сильно», — улыбнулась она про себя.

— Он большой, добротный и... ожидаем. Он очень... типичен для таких, как Кирк. И плохо, что здесь никто не живёт. Кирк здесь вообще когда-нибудь жил? — Жаклин принялась аккуратно перебирать кончиками пальцев кусковой шоколад в корзинке

«Вассарат».

— Он живёт здесь летом. Вернее, в самом доме почти не бывает — всё время торчит с ноутом и бумагами на заднем дворе, когда не в отъезде. — Александр махнул чайной ложечкой куда-то туда, в сторону стены с холодильником. За ней был расположен коридор, одна из дверей которого вела на задний двор. — Это не только вложение денег, но ещё перемена мест. Кирк непоседлив.

— А тебе самому нравится этот дом?

— До того, как в нём появилась ты, он мне казался идеальным.

— Я для тебя испортила этот дом?

— Окончательно, — низко кивнул парень. — Он никчемен.

— Почему?

— Ты здесь совершенно не смотришься, не гармонируешь с этим домом. Тебе нужен совсем другой.

— Я знаю: мой дом — ты! — чуть подскочила на стуле Жаклин, как ученица, у которой учитель спросил именно то, что она выучила на сегодня.

— И это тоже, — прикрыл на мгновение глаза Александр.

— И какой же, по-твоему, нужен дом мне?

Он улыбнулся какой-то кокетливой, женской улыбкой.

— Букингемский дворец.

Девушка закусилла нижнюю губу.

— Спасибо за комплимент, но я серьёзно.

— Я серьёзен как страховка альпиниста. Кстати, а тебе нравится твоя квартира в Челси?

Жаклин задумалась и полезла руками убирать волосы за уши.

— Теперь уже даже не знаю... ведь ты в ней ещё не был, — она широко улыбнулась. —

Но до этого мне там не нравилось абсолютно.

— Ну, так... может, мне нужно там побывать?

— Чтобы она мне понравилась? Ну-у-у..., наверное. Когда там поселюсь я — добро пожаловать.

— Адрес? — выгнул бровь парень.

— Бовингдон 87/39 квартира 2. Челси. Лондон. Всё просто.

— А это далеко от стадиона? — сделал ударение на слове «это» МакЛарен.

— Нет. Совсем нет. Двумя кварталами ниже к Темзе — мимо парка Брук и Новой Королевской улицы вниз.

— Но ты не хотела бы жить там, — без вопроса в голосе спросил юноша.

— Не-а, не хотела бы, — покачала головой Жаклин и прихлебнула чай.

— В квартире, где жили твои бабушка и дедушка.

Жаклин замялась.

— Видишь ли... — она потёрла подушечки пальцев друг о друга, — я на это смотрю чуть по-другому, — девушка долгим взглядом посмотрела юноше прямо в глаза. — Я живу на планете, где жили мои бабушка и дедушка, и мне этого достаточно. К сожалению, не могу сказать, что я вот прямо гражданин Мира, наверное, я своё отпутешествовала в детстве, но вместе с тем научилась не привязываться к улицам, городам, странам. Есть места, куда волнительно, приятно возвращаться, но постоянно жить там совершенно необязательно, — Она пожала плечами и углубилась взглядом в свою чашку чая. — Дом старый, улица неуютная, да ещё совсем рядом лет десять назад соорудили новую высотку в восемнадцать

этажей. Я тогда была ещё несовершеннолетней, поэтому дядюшке по почте пришло ходатайство поставить свою подпись под протестом против этого строительства. Он, конечно же, поставил, но дом, конечно же, построили и окончательно квартал испохабили, — девушка поджала губы.

Александр слушал очень внимательно, и как только она закончила, выпрямился и оглядел поверхность стола.

— Ммм... да. Помнишь, мы с тобой разговаривали о Нью-Йорке, и ты сказала, что он тебе нравится?

— Я помню всё, Александр. Он и сейчас мне нравится.

Юноша улыбнулся и закусил уголок губы.

— Иди ко мне, — потянул он её за руку к себе на колени.

Девушка пересела, а он притянул её к себе за шею и принялся целовать. Губы у обоих были слегка воспалённые от горячего чая и от этого сделались ещё более чувствительными. Александр уже начал мять своими сильными кистями её плечи поверх всё того же черного атласного халата, внедряясь к ней в рот языком всё глубже и всё сильнее присасываясь к её губкам.

— Алекс... — успела выпалить Жаклин, но её тут же опять поцеловали, — мы...

— ... пропустим Новый год? — спросил, оторвавшись, юноша.

— Да.

— Ладно. Давай встретим уже этот чертов Новый год.

Вообще-то, Новый год он Новый год всегда. И везде. Как говорится, дело житейское: всё тот же Лондон, всё те же украшения и гирлянды, сверкающие какими только можно огнями, цветами и оттенками на вывесках и витринах, те же ёлки на Trafalgar Square и Westminster Abbey Square, всё то же небо Лондона и дождик различной степени интенсивности и продолжительности, окропляющий или поливающий всё это и толпы туристов, снующих от одного туристического объекта к другому, как косяки сельди иваси от берегов Камчатки к побережью Сахалина и обратно.

Среди туристов Лондона по размерам «косяков» нет равных группам из Китая. В Китае живёт огромная толпа народа — почти полтора миллиарда. У Жаклин всегда складывалось ощущение, что, дабы высоко нести знамя самой многочисленной нации на планете, и ни в коем случае не дать забыть об этом людям в других странах, и напоминать им об этом по поводу и без, китайское правительство и его комитет по делам туризма четко отслеживают численность туристических групп их страны. Чтобы персон пятьдесят-шестьдесят, и ни человеком меньше.

Но этого мало. Видимо, это же правительство и этот же комитет самым строжайшим образом — не иначе как под страхом смертной казни — запрещают своим гражданам передвигаться по туристическим городам без своих групп. Как-то иначе объяснить то, что китайцев невозможно увидеть слоняющимися по Лондону по два-три человека, если они не местные жители, миссис Рочестер была не в состоянии. Когда гости из Поднебесной вот таким вот «косяком» «проплывали» мимо неё по улице, на тридцатом, сороковом человеке, у девушки начинало складываться ощущение, что идёт миграция народов. А если ещё и был «не её день», и она сама попадала внутрь такой толпы, то знала, что лучше остановиться и ждать, пока они все сами тебя обойдут. Начнёшь выбираться, и они заберут тебя с собой. Так и увлекут, как течение реки — какой-нибудь плот или бревно, и даже могут «посадить на своём аэродроме», как истребители — чужой самолёт. Даже в самом Китае, когда племянница была там проездом с дядюшкой в Шанхае, толпа на улицах не доставляла столько неудобств.

Второе место по встречаемости в людском потоке держат сами англичане — провинциалы, съехавшиеся в столицу встретить Новый год и посмотреть салют. Эти, как правило, ходят семьями. Максимум — семьями с друзьями. Но они, даже, несмотря на численность, довольно незаметно и безболезненно ассимилируются в толпу самих лондонцев и, как правило, неудобств не доставляют. Потом ещё навстречу попадает много итальянцев, французов и местных арабов с индусами, но это уже неизбежность.

Короче, народу было много, но Жаклин толпа только воодушевляла. Это, конечно, не то, что крикнуть на всю планету: — «Эй, мир, я люблю самого лучшего парня на свете! Я счастлива! Ты рад, мир?», но и уже кое-что. Ходить по многолюдному городу, где она родилась, в обнимку с человеком, которым девушка уже давно живёт и дышит, но не имеет возможности открыто заявить об этом, было несказанным счастьем и ещё большим облегчением.

Ну и чего уж греха таить, очень она гордилась, что идёт рядом с ней, и обнимает, и целует именно её такой красавец. Порой, когда ей самой случалось засмотреться на Алекса, у неё буквально сносило крышу волной эстетического наслаждения от его красоты,

помноженного на любовь к этому парню. Коктейль из этих чувств и ощущений в ней мог легко составить конкуренцию сексуальному возбуждению и наслаждению при близости с этим красавцем. Из чего Жаклин делала вывод, что её чувство к нему в какой-то степени платоническое.

«Да иначе, наверное, и быть не может, когда имеешь дело с шедеврами природы», — размышляла девушка. Иногда, чтобы не спугнуть своё счастье, она пробовала одёргивать себя фразой:

«Истинная красота внутри, истинная красота внутри, Жаклин». И это даже помогало. Но плохо.

Над городом уже кружили вертолёты — BBC снимала последние кадры панорамы Лондона при свете дня, а у входов в метро волонтеры в куртках и колпаках Санта-Клауса раздавали листовки со схемой и расписанием встречи Нового года в городе Лондон, Великобритания.

Взяв одну из них у крупной, светловолосой краснощёкой женщины на лестнице входа на станцию Piccadilly Circus, Жаклин с первого взгляда на брошюрку убедилась, что всё как всегда.

— Что там? — заглянул МакЛарен в небольшой красно-белый листок в её руках.

— Это схема оцепления центра города перед салютом и расписание работы метро. Так всегда делают, чтобы не было давки, — девушка зажала пальцами кончик носа и шмыгнула от холода. — Вот смотри, — ткнула она ногтём в карту, — полицию и ограждения ставят тут и тут, — показала она на пересечение York Road с Westminster Bridge и с Waterloo Bridge. — Ну и ещё набережную Виктории оцепляют. Перегораживают здесь, — она показала на въезд на Westminster Bridge от здания Парламента, — и здесь, — на выход с Victoria Embankment на Bow Street.

— И зачем? — прищурившись с сомнением, посмотрел на неё Александр.

— Как зачем? — искренне удивилась Жаклин. — Ты не представляешь, что там творится! Вокруг кольца обозрения собирается почти три миллиона человек. Сразу! Если всех этих людей пустить как попало, они и себя передавят и Лондон снесут. Поэтому их направляют расходиться после салюта против часовой стрелки. Вот эти все центральные станции метро закроют во избежание давки. — Девушка обвела пальчиком район на карте, где все станции были обозначены красным цветом. — А все отдалённые будут работать не до двенадцати, как обычно, а круглые сутки, — «поклевала» она ногтём все зелёные значки дальше от центра. — В восемь часов оцепление вокруг центра замкнут в кольцо, и проход туда будет закрыт.

— Что-то мне уже страшно, — Александр взял девушку за руку (в другой руке он нёс её зонтик) и направился по Regent Street к Waterloo Place.

— Да нет, не бойся. Я же с тобой! Я три раза попадала внутрь оцепления. Живая как видишь.

— А почему только три раза? Ты ведь здесь училась шесть лет, — оглянулся парень на неё на ходу.

— Хи-хи... — хихикнула Жаклин, — в первый же Новый год, на первом курсе, мы с девчонками опоздали. Что-то долго собирались, потом зашли за одной подружкой домой, и её мама долго не отпускала. Короче, опоздали. — Девушке пришлось на время замолчать, потому что они с парнем на ходу внедрились в громогласную толпу фанатов футбольного клуба «Арсенал», которых легко можно узнать по красным рюкзакам, шарфам и значкам с

изображением старинной пушки — тот самый случай, когда глубокие переживания по поводу успехов любимой команды столь же глубоко пускают корни в жизнь людей, и даже «побочные» праздники, типа Нового года и Дня Рождения Монарха, они празднуют вместе. — Потом, на третьем курсе я летала к дядюшке в Нью-Йорк на Новый год, — продолжила Жак, когда «футболисты» проследовали дальше, обдав их напоследок запахом пива и парфюма. — Там у меня подруга живёт, Янина. Очень хорошая девушка — молодая дядюшкина коллега. Сейчас она вышла замуж и родила двоих детей. Мы иногда созваниваемся, но очень редко. А на последнем курсе я приболела и лежала в постели. Можно, было пойти, конечно, но мне уже как-то не очень хотелось.

Слово «постель» заставило парня слегка дёрнуться взглядом к её лицу. Он прищурился и улыбнулся каким-то своим мыслям. Бесенята в его глазах выстроились в позе низкого старта.

— А когда вы опоздали, вы не смотрели салют вообще?

— Нет, почему, смотрели. С Гвардейской площади. Но оттуда мне не очень понравилось, — поморщилась девушка и опять шмыгнула носом от холода.

— А где тебе понравилось? В постели? — улыбаясь, Александр крепко сжал её ладошку в своей, перешёл почти на шепот, на два-три тона ниже опустил голос и, наклонившись к лицу, чмокнул в кончик носа.

Бесенята в его глазах уже катались на своём чёртовом колесе в открытых люльках-корзинках и выбивали друг у друга красивые салюты искр из глаз подзатыльниками и тумаками.

— Пошляк, — вскинула подбородок девушка, но потом зыркнула на парня и засмеялась. — Александр, постарайся хотя бы сейчас не думать о сексе, — заговорщически шепнула она своему спутнику.

Тот наклонился к её ушку.

— Когда я с тобой рядом, у меня ощущение, что это не я думаю о сексе, это сам секс думает о тебе... — он выпрямился, — малыш. И так громко, что я глохну.

Жаклин подняла на него глаза, потом закатила их ещё выше и в отрицании покачала головой, скептически сжав губы.

— Интересно, что? — вернула она взгляд перед собой.

— Что он думает?

— Хотя... можешь не отвечать, мне плевать, что он обо мне думает, я о нём не думаю вообще! — и девушка опять с гордостью вздёрнула подбородок, довольная своей фразой. Вернее, не своей, но не важно.

— О-о-о-о! — тут же театрально схватился за сердце юноша рукой, на запястье которой висел зонтик. — Как ты можешь так говорить! И это после всего того, что между нами было! — в его глазах одни бесенята полезли на бортик люлек-корзинок, чтобы с горя выпрыгнуть и разбиться насмерть с такой высоты, а другие их удерживали и не пускали.

— Хорошо. Уговорил. — Жаклин медленно моргнула и кивнула, после чего опять скептически сжала губы. — Я так понимаю, после всего того, что между нами было, как честная девушка, я обязана на тебе жениться. Александр, выходи за меня замуж.

Парень расплылся в довольной улыбке.

«Как можно не быть счастливым рядом с девушкой, которая может тебя рассмешить?» — подумал он. Но вслух сказал другое.

— Ты делаешь мне предложение?

Жаклин кивнула.

— Угу. Делаю.

— Я должен подумать, — отогнув мизинчик на руке с зонтиком, кокетливо пропел юноша.

— Пфф... а чего тут думать! Обо мне сам секс думает, а ты «подумать». Соглашайся. И побыстрее — сразу же после Нового года я зашлю к Кирку подружек жениха на предмет помолвки.

— А кольцо! — теперь голос Александр взлетел на пару октав выше обычного. — У тебя нет кольца! А я хочу с брильянтиком!

— Сколько?

— Чего «сколько»? — чуть ли не басом поинтересовался юноша.

— Карат, говорю, сколько?

— Оу, карат, — Александр выпятил грудь колесом, как бы символизируя превращение себя в женщину, сложил губы в кокетливый бантик и старательно захлопал ресницами. — А сколько нужно, чтобы Пэрис Хилтон удавилась от зависти?

Жаклин затряслась в немом смехе, но тут же взяла себя в руки и чуть повисла на его шее, чтобы он наклонился.

— Чтобы Пэрис Хилтон удавилась от зависти, каратов недостаточно. Достаточно тебя, — и, не дав парню опомниться, девушка накинута на его губы. — С набережной! — отстранившись, произнесла она уже полноценным громким голосом. — Мне понравилось с набережной. Под самым колесом обозрения — нам мальчишки в Университете рассказывали — не очень интересно — там все в дыму от залпов. А лучше всего, интересней всего с Вестминстерского моста — там и повыше и поближе. Говорят, того и гляди, искры салюта тебе в ладони опустятся. Но мы туда ни разу не забирались. Там очень много профессионалов.

— Кого? Профессионалов? — нахмурился юноша. — Профессионалов чего? Встречи Нового года? — хмыкнул он высокомерно, поигрывая пальчиками девушки в своей руке. Они как раз проходили мимо бизнес-центра Regus London Pall Mall, возле которого было припарковано три Мерседеса S-класса, а в двери входила группа уважаемых джентльменов.

«Бизнес работает даже тридцать первого декабря», — мимоходом подумал парень и понял, что немножко тоскует.

— Фотографов, операторов. Они наверняка уже там сидят. Ждут. Ещё с утра занимают самые выгодные места у перил моста, садятся на раскладные стульчики и ждут.

— В этот раз им придётся подвинуться, — шутливо-угрожающе проговорил юноша и, обняв девушку за шею, сильно прижал к себе и поцеловал в волосы.

Они шли не спеша, прогуливаясь вразвалочку. Торопиться было особо некуда — до восьми оставалось почти два часа времени, да и плотность толпы пока ещё позволяла, поскольку место салюта находилось в нескольких кварталах отсюда. Жаклин держалась обеими ладонями за руку Алекса, свисавшую с её шеи, а он периодически прижимал её к себе и целовал или в висок или в щёчку, или наклонялся сразу к губам и не всегда находил в себе силы прервать поцелуй на светофоре или зебре.

Как же давно Жак об этом мечтала!

— Кстати... я тут вспомнил... когда в Лондоне рванули метро в 2005-м, ты была в городе? — поинтересовался Александр, ввиду своего роста, поглядывая поверх толпы на

тротуаре.

— Эмм... нет. Я как раз тем летом улетела к дядюшке в Рим. Он там работал в тот момент и снимал квартиру в тринадцатом Муниципалитете. Но здесь остались почти все мои подруги. Я тогда два дня сюда не могла дозвониться и здорово переволновалась — в Лондоне на сутки связь пропала.

— С твоими подругами ничего не случилось?

— Нет. С ними — ничего, но вот у одной нашей сокурсницы очень сильно ранило тётю.

— А на это лето у тебя есть какие-нибудь планы? У тебя, случайно, отпуск не намечается?

— Ты об Олимпиаде?

— Всегда приятно поговорить с умным человеком, — улыбнулся Александр и кивнул.

— Нет. Я не планировала попасть на соревнования. А ты? Ты хочешь посмотреть?

— Обязательно! Кирк уже купил нам билеты на открытие. Уговаривал меня пойти с ним на прыжки в воду, но я согласился только на синхронное плавание, — и новоявленный фанат синхронного плавания широко улыбнулся.

Жаклин опять закатила глаза.

— Ты неисправим, — покачала она головой.

Так неспешным прогулочным шагом они прошли до конца по Pall Mall Street, и, когда перед ними развернулась Trafalgar Square, девушка остановилась напротив входа в Лондонскую Национальную галерею.

— Не хочешь зайти? — кивнула она на двери.

— А что здесь? — начал глазами искать какую-нибудь табличку на здании юноша.

— Ты не знаешь, какое здание стоит на Трафальгарской площади?

— Оу, точно! Уже площадь! А я и не заметил, — как будто только что увидел он перед собой два знаменитых фонтана и бутылку с флагманом «Виктория» адмирала Нэльсона на четвёртом постаменте*. — Ваша картинная галерея.

— Да. Не хочешь зайти? Время ещё есть немного, — девушка кивнула на табло электронных часов, видневшееся сквозь стеклянные двери вестибюля.

Парень поджал губы и чуть помедлил.

— А там есть кафе? — нашел он стоящий предлог. В его глазах бесенята за круглым столом чокались бокалами с аперитивом и засовывали себе за воротнички сорочек белоснежные салфетки.

У Жаклин улыбка исчезла с лица, как будто её стёрли ластиком.

— Или вай-фай? — продолжал доканывать её Александр. Один бесёнок с подносом, полным планшетов фирмы «SAMSUNG», обходил своих друзей по кругу и раздавал каждому по гаджету.

Девушка просто уронила в бессилии руки вдоль тела.

— Ладно, ладно, давай зайдём, — сжалился юноша. — Только Дженн не рассказывай — я жизнь положил на то, чтобы убедить её, что равнодушен к искусству.

Жаклин засмеялась, направляясь к двери.

— Любому? — оглянулась она на парня.

— Абсолютно! — утвердительно закрыл на мгновение глаза Алекс. — С ней иначе нельзя — она заговорит насмерть.

— А сама она здесь была?

— Конечно! Несколько раз! И на экскурсию с художественной школой ездила, и с

матерью — к Кирку в гости.

— И что ей больше всего нравится здесь?

— Ты издеваешься? — юноша с испугом и иронией посмотрел на девушку. — У меня нет свободных двух-трёх недель, чтобы выслушать всё, что она ответит на этот вопрос.

— Скорей бы она приехала к нам в Оксфорд — я тоже об этом могу говорить бесконечно, — выдавила из себя Жаклин так, как будто призналась, что прибегает к помощи пуш-апа.

— О, не-е-ет! — поморщился парень. — Если вы заведёте эти нудные беседы, я лучше уйду жить к твоему Чарльзу. И Сулу с собой заберу — бедное животное не должно мучиться!

Жаклин иногда пропадала здесь часами. Ходила сюда, как верующие ходят в церковь. Ей нравились не только картины: это само собой, но и сама атмосфера в комнатах, запах, свет, цвет, звуки. Тихий, по большей части, благоговейный шепот вокруг. Как в библиотеке. Ей нравились люди рассматривающие, любующиеся картинами. И не обязательно «Подсолнухами» Ван Гога, или «Прудом с кувшинками» Моне, или «Аллегорией благоразумия» Тициана. Просто картинами. Любыми. Здесь от людей — не говоря уже о картинах — исходило нечто-то особенное, какая-то необычная аура, энергетика, какое-то «высокое» спокойствие, даже зависание. Именно для этого Жаклин сюда, можно сказать, затащила и своего любимого человека. Как он умеет любить, как он умеет любить в постели, трахаться, заниматься сексом, она уже знала. А так же, как он водит машину, помогает на кухне, торгуется с Эшли и покупает продукты в супермаркете. Теперь девушка хотела испытать его картинной галереей.

И картинная галерея себя оправдала. Она оказалась помощнее хайлэндса с его кюветами и супермаркета с его тележками. Выяснилось, что Александр оказался совсем не тем, за кого себя выдавал всё это время. Искусство его вмиг «раскусило». «Раскололо»!

Во-первых, Жаклин, вследствие ограниченного количества времени, минуя залы античности, флорентийской школы, французской готики и иже с ними, провела его сразу же к фламандским и голландским мастерам. Только войдя туда и оказавшись нос к носу с «Францисканским монахом» Рембрандта, МакЛарен замер. Есть люди, которые умеют устанавливать контакт с картинами и чуть ли не разговаривать с ними, а есть сторонние наблюдатели, созерцатели, они смотрят на полотно, иногда подолгу, но со стороны. Александр был из первых — между ним и монахом не нашлось места ни для кого. Эти двое ни в ком не нуждались. Даже в Жаклин. Девушка буквально ликовала про себя от того, что вмиг была забыта.

«Вот не зря его родная сестра — художник», — тут же применила она логику. Так и не вспомнив о своей спутнице, юноша начал перемещаться от картины к картине — получив от «Францисканского монаха» хорошую, «ударную» дозу ощущений, впечатлений и настроения, парню захотелось ещё. Большего! Взгляд его иногда был цепким, иногда скольльзящим, иногда восхищенным, иногда непонимающим. Брови съезжались к переносице, разъезжались, губы сжимались, разжимались, рот приоткрывался, а потом захлопывался. Периодически он вспоминал про Жак и искал взглядом, но найдя, тут же возвращался к картинам. Девушка и почувствовала, и поняла, что вот именно сейчас перед ней стоит настоящий Александр МакЛарен. Такой, каким он бывает с самим собой. В данный момент он не юродствовал и не пытался быть: смешным, сильным, умным, защитником, ответственным, мужчиной, мужиком и прочее, он просто был и всё.

Жаклин очень не хотелось нарушать камерную атмосферу его общения с шедеврами, но

она задолжала. К тому же парень подозрительно притих не перед какой иной картиной, а именно перед «Судом Париса» Рубенса.

— Ну и как тебе? — обвилась она руками вокруг рукава его дублёнки в районе локтя и прижалась к нему всем телом.

Александр посмотрел на неё сверху вниз и ухмыльнулся. Потом вернул глаза на полотно Рубенса.

— Мне нравится, — утрированно восхищенным голосом сказал он. Юноша определённо не хотел всерьёз озвучивать то, что чувствовал на самом деле.

— Вижу, — ответила Жаклин. — Я очень рада.

— Это красиво. Ты знаешь... а этот Рубенс был совсем... ничего. Не говоря уже о его натурщицах, — причмокнул юноша языком.

— Александр поцелуй меня, — скороговоркой попросила девушка. И добавила: — Пожалуйста.

Конечно же, в первое мгновение он чуть удивился, но тут же всё понял. Юноша улыбнулся и с умилением посмотрел на свою красавицу. Потом, быстро окинув взглядом зал, где присутствовало человек семь-восемь — таких же «любителей кафе и вай-фаев», как и он, обнял Жак за плечи одной рукой, отвернул к картине, наклонился и припал к любимым сладким губкам. Он целовал её не так, как в хайлэндсе, а с улыбкой. Александр не брал, он дарил поцелуй в подарок. Но, учитывая ещё и обстановку и повод, получилось всё так же сладко и интимно.

— Я сюда часто приходила одна, — объяснила Жаклин свою просьбу, после того как парень разорвал поцелуй.

— Я понял, — кивнул он всё с той же улыбкой в уголках губ.

— Спасибо, — сказала девушка и, высвободившись, опять отошла.

— Ну и как? Тебе понравилось? — спросила она, спускаясь со ступенек уже у выхода, когда смотрительница зала импрессионистов объявила им, что галерея закрывается.

— Ты шутишь? Какой к черту понравилось — кафе нет, вай-фая нет! — отгибал Александр пальцы на руке с зонтиком. — Столько времени впустую!

Жаклин не смеялась.

— Не смешно, — она сжала губы в строгий бантик. — С леопарда пятна не исчезнут — как ты был Лох-несским чудовищем, так ты им и остался.

— Ладно, ладно, извини, — мягко приобнял её за плечи юноша. — Конечно, мне понравилось! И кое-что я себе даже присмотрел. После первого же удачного контракта — молнией сюда. Там вот, во втором зале, где мы были... приглянулась мне одна картина... — он поиграл пальцами в воздухе, — желтенькая такая вся. И ещё, пожалуй, одну такую пёстренькую я там заметил... подарю Дженн на день рождения, если разбогатею.

«Ясно. Серьёзного разговора не будет, — досадовала про себя Жаклин. — Значит, нужно будет как-нибудь повторить... при случае».

— Если, — отрезала вслух девушка.

— Ты во мне сомневаешься?

— В тебе?! Ты шутишь?! — она была удивлена совершенно искренне.

— Вот то-то же. — И после паузы добавил: — Мне понравилось всё, малыш! Спасибо, что затащила, — и к словесной благодарности он прибавил ещё и поцелуй в щечку.

Они вышли из дверей центрального корпуса галереи и после тёплого, специально подсушенного воздуха в здании с наслаждением вдохнули влажную свежесть лондонских

улиц. Уже совсем стемнело и немного похолодало. Фонарей зажглось ещё больше, и они горели ещё ярче. Парочка побрела дальше по Whitehall Street.

Здесь люди уже не помещались на тротуарах и выходили на проезжую часть улиц — вопиющее нарушение в будние дни. Некоторые были хорошо навеселе, но в основном местные и студенты. Туристы же, во главе с группами из Китая, продолжали перемещаться из одной сувенирной лавки в другую, озабоченно-неуверенно осматриваясь по сторонам: не виден ли отсюда уже «London Eye» — главное «действующее лицо» будущего салюта.

Александр с Жаклин всё так же в обнимку вышли к статуе Уинстона Черчилля у здания Парламента.

Свернув на Westminster Bridge, они почти сразу же наткнулись на оцепление. Въезд на мост перегораживали два ряда устойчивых железных ограждений. Два пролёта были ещё открыты. Через один из них парочка свободно проникла на мост, насколько свободным можно назвать передвижение в довольно плотной толпе.

Часы на башне Святого Стефана (которую во всём мире называют Биг Бен по имени колокола, висящего внутри), показывали пятнадцать минут восьмого. Еле заметно крутилось колесо обозрения — салют салютом, а работу для аттракциона «London Eye» ещё никто не отменял.

Как и предсказывала уроженка Лондона, вдоль перил на мосту сидели группы мужчин, довольно тепло одетых и, судя по всему, собравшихся и подготовившихся к салюту основательно — возле них, прямо на асфальте, стояли начатые бутылки со спиртным, сумки с аппаратурой и женщины. В толпе мелькало много молодых арабских и индийских лиц. Тоже, в основном, мужских.

Даже пройдя весь мост насквозь в такой толпе, Александр заметил, что никто не толкается и не суетится. Все стараются вести себя вежливо и коммуникабельно. Даже пьяные.

«Лондон. Англичане, — подумал про себя шотландец. — Манеры — прежде всего», — и скосил глаза на свою англичанку, пробирающуюся рядом с ним.

В самом центре моста стоял автокран. На его выпущенной вверх стреле, на специальном укреплении, как гроздь бананов, висели две огромные связки больших музыкальных колонок. В них, пока ещё негромко, играла музыка, а на колесе обозрения и на здании компании «Shell» в такт ритму шла инсталляция света и каких-то красочных зарисовок и образов. Между композициями ди-джей в микрофон приветствовал гостей и жителей города, приглашал встречать всем вместе Новый год, обещал незабываемый лондонский салют и объявлял какой-нибудь очередной шлагер.

— Какие сдержанные, скромные ди-джеи в Лондоне, — заметил на ходу шотландец. — Такие спокойные.

— Это только здесь, — улыбнулась Жаклин. — Разогреть толпу в два-три миллиона человек никто не хочет. А в клубах, там всё по-другому.

В конце моста тоже уже стояли ограждения и тоже в два ряда. Не доходя до них, парочка свернула на набережную правого берега Темзы.

— Ты когда-нибудь был там? — приближаясь к колесу обозрения, кивнула вверх подбородком Жаклин.

— Угу, — просто кивнул юноша. Он был уверен, что дальше она спросит: — «Давно?», но ошибся.

— Днём? — спросила девушка.

— В смысле?

— При свете дня? Или ночью?

— Днём.

— Днём — это ерунда. Лондон почти постоянно укрыт облаками, и с колеса видно только Сити и Собор Святого Павла. А вот ночью! Ночью там красота. Это почти как хайлендс, только... только Лондон. — Они стояли рядом с местом посадки на колесо и невольно обратили внимание, как, предварительно остановив аттракцион, девушки-работницы в комбинезонах и куртках с надписями на спине «British Airways», помогали выезжать из кабинки на инвалидной коляске пожилой индуске.

— Ладно, давай посмотрим, — увидев такую картину, юноша вдруг стал серьёзен и сосредоточен.

Оставив парня покупать билеты в здании «Подземелий Лондона», Жаклин умчалась занимать очередь на посадку.

В кабинку, к полному ужасу юноши, запускали по пятнадцать человек, поэтому, проникнув в эту стеклянную капсулу, он тут же прижал Жаклин к поручням у стекла и схватился руками по бокам от неё, как бы отгораживая девушку от всей остальной толпы. Но только лишь взглянув за стекло, тут же забыл обо всём.

Лондону шла ночь. Она была ему к лицу. Чернота. Не темнота, а именно чернота. Говорят, чёрный цвет — цвет ума, а глупым этот город вряд ли кто-нибудь решится назвать. Так вот Лондон смотрелся очень органично, погрузившись в ночь. Особенно в такую ночь. Новогоднюю. Вся его чопорная, надменная, величавая, ну и что уж говорить, красивая старина растворялась во тьме, исчезла, а на поверхности оставалась современная, живая, играющая огнями картинка. В этом городе появлялся секс, зарождался драйв. Город «гудел» энергетикой, настроением. Вплоть до того, что в нём натягивался какой-то уязвимый нерв. Красота! Ночной Лондон вполне себе мог составить конкуренцию даже хайлендсу. Ему так же ночь была во благо, как тем северным горам — дождь. Этот город явно не только построен по уму, но и «сделан с любовью». Он заставлял себя уважать, собой восхищаться, подражать себе. Даже шотландца.

— Мощный город, — признал Александр, окидывая взглядом бескрайние просторы разноцветных огней мегаполиса.

— Говорят, с верхней точки колеса видна только его пятая часть. Так что можешь себе представить.

Девушка тоже любовалась, но немного другим. Она видела музыку. Музыка города, зарева его огней в чёрно-синем небе над ним. Её завораживали отражения огней в Темзе, игра света самого колеса, подсветка здания-«иглы» и ледового катка в Юбилейном саду у подножия колеса — такое вот равномерно-неравномерное распределение цвета и огней по территории Лондона. Ну и конечно же, Александр. Его реакция на панораму за стеклом. К тому же, ей очень хотелось, чтобы он сам догадался. Ну, может быть, она только чуточку подсказала ему взглядом.

— Иди сюда, — улыбнувшись, он потянулся к её губам. Жаклин внутри подпрыгнула до потолка капсулы и захлопала в ладоши, а внешне просто подставила губки для поцелуя.

Как это ни странно, но в этом поцелуе юноши она почувствовала уважение. Или даже, чем черт не шутит, робость. Будучи под впечатлением от увиденного, он целовал девушку как присмиривший жених в гостях у родителей невесты. Будто сейчас за спиной Жак, сложив руки на груди, стояли, по меньшей мере, шестеро её взрослых братьев, готовых в любой

момент за грубое или неосторожное слово в её адрес порезать жениха на ремни.

— Интересно, где будет следующий поцелуй? — в неловкости смущенно прошептала девушка, строя глазки своему красавцу.

— На Эмпайер Стэйт Билдинг, — громко сказал тот.

Тут она стушеввалась вконец и опять вернула внимание к городу.

— Пойдём, подойдём к другой стороне. Здесь не видно здание Парламента.

А между тем, остальные тринадцать человек их попутчиков метались по капсуле из одного места в другое, пытаясь рассмотреть как можно больше и ещё больше сфотографировать. Со стороны они, наверное, напоминали мух в стеклянной банке или попавших в заточение пленников, которые мечутся по камере и только что кулаками не колотят в стёкла, а вместо этого щелкают без усталости фотоаппаратами. Александр тоже полез во внутренний карман за айфоном.

— Джеки, — окликнул он девушку, стоявшую возле перил и разглядывающую здание Парламента с толпой внизу. Та оглянулась, и он нажал на кружок на экране. Затем тут же, немедля подошел, встал рядом и, обняв за плечи, сфотографировал себя с ней. Он ещё хотел щелкнуть кадр с поцелуем, но воздержался — даже несмотря на захватывающую картину за стеклом, его уже заметили — на него начала поглядывать одна из молоденьких «сокамерниц», явно пытаясь рассмотреть красавца получше. И когда, видимо, решив, что увидела достаточно, девушка начала дёргать за рукав свою подругу, намереваясь поделиться с ней впечатлениями от встречи с прекрасным, парень закатил глаза и отвернулся к стеклу, зажав айфон в ладони.

Сойдя с аттракциона, влюблённые продолжили слоняться по правому берегу Темзы, где на набережной стояли ларьки с вкусностями и сладостями. МакЛарен всё так же шел медленно, вразвалочку, одной рукой обняв Жаклин за шею, а в другой нёс её зонтик. Девушка, прижавшись к нему всем телом, обвилась руками вокруг его талии.

Поскольку можно сказать, ночь уже вступила в свои права, да и было сейчас в этом воздухе над Лондоном что-то эдакое, пьянящее, возбуждающее, будоражащее, парень, поддавшись настроению, зарывался рукой ей в волосы с виска, а когда увлекался, то не выдерживал, чуть увлекал в сторонку, в заросли Юбилейного сада, и целовал. Быстро, жадно и взасос. В эти моменты у Жаклин земля уезжала из-под ног, а Лондон в голове пускался в путешествие на русских горках. Это была её мечта, её щемящая душу фантазия. Вот именно вот так вот, в открытую, на весь город, хотела она любить и быть любимой, когда была чуть моложе. Даже если бы в её жизни случилось только это и ничего больше, она уже была бы счастлива.

В одном из ларьков с горячими напитками он купил им по стакану кофе и по пончику с орехами. Жуя пончик и прихлёбывая кофе, девушка оглянулась на часы на башне Святого Стефана. Они показывали двадцать минут девятого.

— Всё. Оцепление закрыли, — подытожила девушка, повернувшись обратно к своему спутнику. — Сколько людей сейчас есть на этой территории, столько и будут здесь встречать Новый год. Выйти отсюда ещё можно, а вот зайти уже нельзя.

Допив кофе, они направились обратно на мост, решив в этот раз смотреть салют именно оттуда. Рядом с «профессионалами».

Начиная от подножия «London Eye», в толпе уже можно было перемещаться только с большими усилиями. Примерно как в битком набитом автобусе. Люди с окраин оцепления стали подтягиваться к Темзе, к колесу обозрения. Уже ни о каких объятиях речи идти не

могло — Александр продвигался вперёд, таща за собой за руку свою уроженку Лондона. Они пробирались очень медленно, поскольку в толпе, даже в такой пьяной и взбудораженной, как сейчас, царило настроение понимания не только исключительности, но и опасности момента. Того, что тесно всем, и никто не имеет право решать проблемы своего личного пространства за счёт окружающих. И парочка полностью это убеждение разделяла.

Однако же далеко не все здесь собрались ради салюта. Небольшие группки молодёжи расположились на окраине Westminster Bridge и Jubilee Gardens. Они стояли или сидели на корточках, образовав круги, в центре которых кучей лежали их рюкзаки и гитары, и как почти все вокруг, пили пиво, целовались и обнимались друг с другом.

Вообще Алексу всё это очень сильно напоминало поездки с парнями и девчонками в Манчестер и Ливерпуль на футбол. Только там, конечно, все были куда пьянее и громогласнее. Но народу столько не набиралось даже и близко. Здесь будто собрался весь Манчестер с Ливерпулем, да ещё и Глазго прихватили с собой.

«Твою мать, неужели в Мире народу ещё больше?! Откуда они все здесь!?!» — Пробирался он дальше к середине моста, извиняясь и прося прощения направо и налево. Протискивающаяся за ним Жаклин дублировала каждое его: «Простите», «Извините» и «Мне очень жаль». Англичанка она или нет!

В колонках на автокране Кэти Перри пела свой «Фейерверк». В такой толпе уже невозможно было разобрать: кто, где и с кем — все стояли вместе со всеми. Некоторые разговаривали и обсуждали, судя по обрывкам фраз, что-то совсем постороннее, кто-то осматривал толпу вокруг, кто-то слушал музыку и любовался игрой цвета и света на колесе обозрения и здании компании «Shell». Некоторые пританцовывали и подпевали. Встречались даже мамы с колясками.

Именно возле одной такой мамочки-арабки, примерно на середине моста — между четвёртым и пятым фонарём — Александр и решил остановиться. Молоденькая девушка очень невысокого роста с добрым, ласковым взглядом и улыбкой в уголках губ, увидев новых соседей, сначала посмотрела на Жаклин, потом на Александра, немного задержала взгляд на парне, после чего опять перевела глаза на Жак и понимающе, с какой-то солидарностью во взгляде, улыбнулась. В сидячей коляске у неё мирно спала маленькая девочка. Причем было видно, что девочка маленькая не столько по годам, сколько по росту. Видимо, вся в маму.

«Таких молоденьких арабок обычно мужья одних с детьми далеко не отпускают, особенно в такую толпу. Скоро к ним присоединится их папа», — спрогнозировала Жаклин.

— Перед каждым Новым годом в Лондоне начинаются гадания на счет песни, под которую запустят салют. Даже разворачивают тотализатор. Мы раньше тоже с девчонками гадали и спорили. А сейчас вот у меня и вариантов нет, — Жаклин огляделась по сторонам.

Где-то справа кто-то громко засмеялся, и зазвучала итальянская речь, где-то слева — английский язык с валлийским акцентом. Когда они остановились возле мамы-арабки, «Фейерверк» Кэти Перри сменил «Зонтик» Рианны. Чуть развеселившись песней девушки из Санта-Барбары, толпа под песню девушки с Барбадоса разогрелась не на шутку. Когда Рианна в припеве несколько раз пропела окончание слова «Umbrella», в такт затопали ногами, видимо, все, потому что Жаклин явно почувствовала, как под ней, в такт музыке запружинил мост.

— Ой, — испугалась девушка и первым делом с ужасом оглянулась на Алекса, — ты это почувствовал?

По нему было видно, что почувствовал, но признаваться не спешил.

— Что? Что почувствовал, малыш? — заботливо наклонился он к ней.

— Мост! Мост качается! Вот только не говори, что ты не понял. Сейчас опять будет припев, и ты почувствуешь.

И как только Рианна взялась опять повторять свой припев, мост опять решил, что он — батут. Чувствовалось, как люди притопывают на нём, а он их всех легонько подбрасывает.

— Чувствую, — сказал юноша, уже видя, что девушка не сильно испугалась.

— Интересно, правда? — в восхищении распахнула глаза Жаклин.

— Очень! — подыграл ей юноша и тоже в ответ распахнул свои «тюльпаны».

Стояли они долго. Больше двух часов. Жаклин то принималась что-нибудь рассказывать и вспоминать о прошлых встречах Нового года и салютах, то замолкала. Александр то тянулся к её губам и целовал, то начинал что-то спрашивать, уточнять или рассказывать сам.

Над центром города опять показали вертолёты. Запечатлеть столь грандиозное событие как новогодний салют — святой долг для ВВС.

Жаклин вспомнила, как они ждали салюта с девчонками там, внизу, на набережной, и ощущала разницу. Не то чтобы с подругами она скучала, вовсе нет, но с ними всё-таки поглядывала на время и торопила его.

А рядом с парнем на время ей было просто плевать. Вот так, обвившись вокруг него руками, зарывшись лицом в его мохеровый свитер стального цвета и исландского производства и вдыхая родной запах, она могла простоять на одном месте ровно столько, сколько потребуется. Два часа, значит, два, три, значит, три. Сутки? Да запросто! Она чувствовала, что ей не будет тяжело, скучно или нудно. Этот восемнадцатилетний юноша, скорей всего, действительно был её домом, потому что здесь, в этой плотной толпе абсолютно чужих ей людей, она чувствовала себя с ним уютно и расслабленно. Почти как у себя в гостиной на диване.

«Стоп! — остановила она свои разогнавшиеся было мысли. — Где «у себя»? В какой гостиной? На каком диване?» — девушка тяжело вздохнула. Чем ближе подходило дело ко второму января, тем навязчивей становились её мысли о скорой встрече с мужем, как бы она их не запихивала в самые отдалённые уголки своих мозгов, как Скарлет ОХара, постоянно повторяя себе: «Я подумаю об этом завтра».

Этим утром она позвонила супругу и довольно равнодушным тоном объявила, что на Новый год не приедет. Причины — не по телефону. Но Чарльз остался верен себе — не заметив перемен в ней, тут же сообщил, что у Мери начались проблемы со здоровьем, поэтому она решила дождаться возвращения Жаклин для консультации.

«Ну, вот только Мери мне и не хватало», — принялась было расстраиваться доктор Рочестер, но тут же решила отложить до поры до времени и это.

После того, что случилось у неё с Алексом в горах, она не представляла себе, как сможет лечь в гостиной Чарльза на диване. На том самом, на котором до этого спокойно валялась два года. Вот так вот зайти в квартиру и разлечься?

«Господи, а как я теперь с ним в одну кровать-то лягу? А если он всё-таки начнёт приставать? Соскучится после Франции и начнёт? Что я буду делать? Сразу уходить? Куда? В общежитие? Меня туда с Сулой не пустят».

В принципе, это были очень даже своевременные мысли на последний час уходящего года, тем более что их для обдумывания за каникулы накопилось немало, но что-то уж больно безрадостная складывалась картинка, поэтому Жаклин опять пошла на попятную:

«Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления. Может, с Чарльзом и не

изменится ничего, а я тут уже паникую». И она опять заёрзала в объятьях МакЛарена, пытаясь поглубже внедриться к нему под дублёрку. Парень, почувствовав, что девушка теснее в него вжимается, наклонился и поцеловал её за ушком.

Он, кстати, незаметно, но всё время как-то так пододвигался к перилам. От него до ограждений уже оставалось не более трёх футов. А ещё Жаклин заметила, что за ними к перилам продвигается семья арабов с милой, улыбчивой молодой мамой. К ним совсем недавно присоединился их папа, который если и был ростом выше своей супруги, то только номинально. Вот такая получилась семья. Алекс смотрел на них как на чудо — даже Жаклин эта пара доставала едва до мочек ушей, а уж ему-то едва доходили до груди. Что они с таким ростом собрались рассмотреть здесь, в такой толпе, оставалось загадкой.

А потом, будто решив, что мизансцена устарела, люди в ней заскучали, и их не мешает немного взбодрить, заморосил дождик. Зонтики раскрыли не все. Но Александр, только лишь почувствовав первые капли на своём точёном шотландском носу, сделал это одним из первых.

Жаклин оторвалась от его груди и задрала на парня голову.

«Человек с зонтом, — вспомнила она притчу, услышанную в одной из экспедиций. — Он — мой «человек с зонтом». Точно!» И как будто в подтверждение её слов ударил Биг Бен, отсчитывая последние секунды уходящего года. Александр тут же зонт сложил, ибо из-за него ничего не было видно стоящим сзади. Тем более, что парень каким-то волшебным образом пробрался-таки к самим перилам.

Жаклин слушала удары колокола с замиранием сердца — ей очень хотелось, чтобы родной город оправдал её ожидания.

И Лондон её не подвёл — после последнего удара, ровно в двенадцать, бабахнуло так, что казалось, колесо сейчас расплавится и согнётся в грудку металлолома. Вокруг сделалось светло как днём. Сначала это были даже не отдельные красивые залпы и россыпи, под песню Адель «Я поджигаю дождь» небо осветилось каким-то месивом из огня. Огромное огненное облако всё расширялось и расширялось над Темзой, грозясь накрыть собой весь город. Но потом оно погасло.

И последовали залпы.

Эти красавцы будто соревновались между собой: кто из них красивее, кто ярче, кто выше взлетит, кто дольше не погаснет, у кого размах огней шире, у кого разноцветней. Были тут и мерцающие россыпи огоньков, и круглые шары размером с Собор Святого Павла, и огненный «дождь», и одиночные всполохи, и парные и тройные.

Колесо обозрения старалось отдельно. Оно меняло цвет пятнадцать раз в секунду, подделываясь под свои фейерверки, которые то выпрыгивали между капсул все вместе, то пробегали по кругу, выстреливая то одинаковыми фонтанами огней, то чередовались двумя-тремя видами.

Это было незабываемо.

Кстати, даже полностью себя забыв, Жаклин вспомнила о чете арабов, стоявших за её спиной.

Оглянувшись, она увидела, что папа разбудил свою дочку и пытается показать ей красоту в небе. Но поскольку он вместе с девочкой на руках вряд ли составлял рост Алекса до подбородка, то ребёнок хлопал сонными глазками, крутился на руках, но всё равно из-за высокого дяди и кучерявой тёти, стоявших между ним и салютом, видел только самые высокие залпы.

Жаклин дёрнула Алекса за рукав, и тот посмотрел на неё. Девушка молча кивнула ему на папу с дочкой, и парень тут же, не раздумывая, протянул руки к ребёнку и улыбнулся мужчине. Тот даже как-то расслабился и, заулыбавшись в ответ, протянул свою дочь парню. Александр поставил девочку ножками прямо на самый широкий бетонный поручень и обнял двумя руками, потому как ребёнок практически навис над самой Темзой.

Жаклин оглянулась на маму и, увидев застывший страхи ужас в её глазах, отрицательно помахала ей головой.

— Не бойся. Он ни за что её не упустит, — «Он же «человек с зонтом», — добавила она про себя, а мама, кажется, немного расслабилась. И Александр, девочка-арабка, Жаклин и ещё два — три миллиона человек продолжили хватать ртом воздух от зрелища, разворачивающегося над их головами.

Фейерверк испытывал людей на прочность минут пятнадцать. Адель уже давно допела, и включили One Direction. Когда стало понятно, что больше ничего не будет, Александр первым делом развернулся и передал девочку назад её отцу. Тот, взяв дочь, тут же отдал её жене, а сам протянул парню руку и сказал: — «Спасибо. Большое спасибо», — на не очень чистом английском.

И тут зашевелилась толпа. Вернее, она только завибрировала, о том, чтобы тронуться с места, не могло быть и речи.

— Куда нужно идти? — услышала Жаклин у самого уха родной голос.

— Туда, — кивнула она подбородком на Lambeth Bridge. — Сейчас основная толпа двинется на мост Ватерлоо, к гостиницам и в парки гулять до утра, а нам лучше на мост Ламберт, там сейчас собрались все такси города.

Окружающие крутились вокруг своей оси и топтались на месте — пока идти было некуда. Но, тем не менее, все оставались на своих местах и терпеливо ожидали, пока станет немного посвободнее, потому как каждый понимал, что начини он раскачивать такую толпу — и нахождение в ней сделается на пару порядков опасней.

Александр оказалось легче других — он на верных полголовы возвышался над окружающими, а чуть привстав на носочки, вполне себе мог оценить обстановку.

— Там только ещё со съезда моста начинают расходиться, — описал он увиденное. — Тут ждать можно до утра, — сделав такой вывод, юноша крепко схватил Жаклин за руку. — Идём.

В ответ на это слово девушке захотелось рассмеяться, но парень начал медленно, прося прощения за беспокойство у всех подряд, продвигаться вдоль перил. Жак волочилась за ним. Им на пути попадались всё те же фотографы и операторы с камерами, которые складывали свои стульчики и упаковывали аппаратуру. Александр останавливался возле них и либо проталкивался в обход, либо ждал, пока они освободят место, куда можно хоть ногой ступить. Когда парочка продвинулась к последнему фонарю на мосту, тут уже можно было почти шагать, а не проталкиваться.

Оцепления на пересечении моста с York Road уже не было, как будто не было никогда. Как службам удалось так быстро собрать ограждения, известно только им самим. Но зато идти приходилось по хорошему, добротному слою мусора. Пустых бутылок из-под алкоголя валялось как на свалке — грудями. Но Александр с удовольствием заметил, что среди них почти не было битых. Да вообще не было.

Покинув место бывшего оцепления, они направились к Lambeth Bridge. Там им действительно удалось поймать такси. Или наоборот, поскольку кольцо у моста сейчас было

похоже на таксомоторный гараж под открытым небом.

Назвав таксисту адрес, парень обнял девушку на заднем сиденье.

— Ну и как тебе? — слова буквально сорвались с кончика её языка — так ей не терпелось узнать его мнение. — Только не говори, что тебе не понравилось, всё равно не поверю.

— Не понравилось, — улыбнулся улыбкой чеширского кота Алекс.

— Врёшь! — ткнула его под бок костяшками пальцев девушка, улыбаясь. — Говори правду! Сейчас же!

— Понравилось, понравилось...

— И что тебе больше всего понравилось?

— Натурщицы Рубенса.

— Александр!

— Жаклин, я не жалею, что приехал на Новый год в Лондон. Оно того стоило. Честно. Я под впечатлением. На этом — всё. Больше ты из меня ничего не выжмешь.

— Ну, вот видишь! Я же тебе говорила!

— А сейчас я хочу скорей домой, — начал он зарываться носом ей в шею.

Для новогодней ночи они доехали довольно быстро. Прорвавшись через Lambeth Bridge, таксист быстро провёз их переулками Кенсингтонского района и сразу же выехал в районе Голландского парка.

Расплатившись с водителем, Александр открыл дверь ключом, поскольку не ставил дом на сигнализацию, и как только Жаклин переступила через порог, сразу же закрыл дверь, отложил её зонтик на полку в прихожей и прижал девушку к стене своим телом.

— Всё, Джеки, мы таки встретили этот чёртов Новый год, будь он трижды неладен, — полез он ей руками сразу под свитерок и сжал в ладонях обнаженное тёплое хрупкое тело, — и теперь ты в полном моём распоряжении. Я не выпущу тебя отсюда до второго января. Ты от меня живой не уйдёшь, малыш.

Жаклин подняла на него потяжелевший взгляд.

— Боже... как страшно, — она облизнула губы. — Да ты меня прямо напугал, Александр. Я сейчас умру от страха, тебе даже не придётся меня... держать здесь до второго января.

— У меня на тебя большие планы... сладкая.

Жаклин на это молча выгнула бровь.

— У Кирка наверху есть джакузи, — объяснил парень, стрельнув глазами куда-то в потолок.

Девушка выгнула вторую бровь.

— Готовься, — он посмотрел на губы девушки, но отстранился. Сделав шаг назад, стряхнул с плеч дублёнку и, развернувшись, направился прямо по коридору, на ходу стягивая со спины свой мохеровый свитер стального цвета исландского производства.

«Боже, — провожала его стройную, высокую удаляющуюся фигуру, восхищенным, обалдевшим взглядом Жаклин, всё ещё стоя у стены, — неужели это происходит со мной?»

Она вошла в ванную комнату где-то минут через двадцать, найдя её на втором этаже по звуку льющейся воды. Жаклин осторожно открыла деревянную дверь цвета клёна и увидела Алекса, который в одних джинсах, босиком, стоял возле круглой стильной джакузи с золотистой овальной табличкой на боку, гласившей: «Jacuzzi», и, опёршись руками о борт, что-то рассматривал на пульте управления. Вода набиралась в ёмкость через водопад.

— Алекс, — робко позвала Жак, ибо из-за шума воды парень не услышал её появления.

— Да, — оглянулся и выпрямился тот. Девушка в своём черном халате и сапожках и была само очарование. Но, взглянув ей в лицо, юноша восторженно — она чем-то сильно расстроена. — Что-то случилось, малыш? Что с тобой?

— Алекс, — она зажала губы между зубами и на мгновение потупила взгляд.

— Что? Да говори же! — всплеснул он ладонями.

— У меня это... месячные, — Жак опустила руки вдоль туловища и сжала их в кулачки.

МакЛарен замер и перестал дышать.

— Начались только что. — Окинула взглядом комнату девушка.

— Что-о-о-о-о? — парень тут же вспомнил её шутку там, в новой квартире. — Жаклин, это плохая шутка, — он обошел ванну и встал напротив неё.

— Вот потому что она плохая, это не и не шутка вовсе. У меня. Месячные, — Жаклин отвернулась и уставилась на боковую стену комнаты.

Юноша часто-часто заморгал, но потом расслабился.

— Ну... ну вот джакузи готова, — несмело пожал он плечами. А потом так и вовсе воспрял духом и повторил более жизнеутверждающе: — Джакузи готова, малыш! — но по её реакции понял, что ей не до этого — она очень расстроилась. Александр шагнул к ней вплотную. — Иди сюда, — сгрёб он её в охапку. — Не расстраивайся, — погладил юноша Жаклин по голове.

А Жаклин вроде бы и готова не огорчаться, но что-то всё не могла взять себя в руки. Она как никто другой понимала, что возможность зачатия была мизерной, может быть даже одной из миллиона, но всё равно пришедшие месячные (да ещё и так не вовремя) обрушили её настроение и установили его на той самой противной и вымораживающей нулевой отметке — ни больше, ни меньше.

Она понимала, что торопится. Но её поспешность осознавали лишь мозги, а в груди, как ни искала, не находила какие-то тормозящие порывы или хоть что-то отторгающее её инстинкты. В душу мысль о беременности проникала абсолютно беспрепятственно. Настолько же органично и естественно, как «маленький Александр» — внутрь её тела.

— Не расстраивайся. — Юноша, обняв девушку за талию и даже не притрагиваясь к её голым грудям и возбуждённым от горячей воды соскам, которые иногда всплывали на поверхность как перископы подводной лодки, покрывал лёгкими нежными поцелуями её увлажнившееся от пара личико.

Они лежали на покато́й стороне джакузи.

Жак не отвечала. Да и вообще ощущалась в руках как ватная, безвольная кукла. Она пристроилась к Алексу под бок, даже не положив, а как-то именно склонив голову на силиконовый подголовник, а парень уместился шеей на широкое ребро ванной. Уровень наполненности ещё не достиг высоты, при котором включаются насосы, поэтому толща

воды оставалась спокойной и прозрачной.

В комнате основное освещение не горело. Саму ванну приятным, спокойным ультрамариновым светом наполняли небольшие неоновые лампочки, вмонтированные в стенки и дно ёмкости в хаотичном порядке, как звёзды на небе. Вода, в свою очередь, рассеивала в пространство комнаты мерцающий, оживлённый водяными бликами свет океана.

«Конструкторы джакузи не зря свой бутерброд едят», — подумала Жаклин, впервые увидев такую картинку. Только вот жаль — девушке было совсем не до этой красоты.

— Угу, хорошо, — наконец кивнула она. — Это сейчас пройдёт. Извини. Потерпи, пожалуйста, я буду в норме через секунду. — Она лежала и пыталась нащупать в груди какое-то чувство или «поймать за хвост» в голове какую-то мысль. Это что-то такое, что касалось Чарльза. Она подумала, что если бы носила под сердцем ребёнка Алекса, то это очень упростило бы её уход от мужа. В этом случае, все «мосты» сгорели бы сами собой.

От этой мысли ей сделалось хоть немного легче, и девушка спохватилась.

«Мой Бог, да что же это я! Из месячных трагедию века делаю. Вот корова. Разревелась тут. И как он только меня терпит», — она подняла лицо к своему молодому человеку, но тянуться к его губам не стала, а поцеловала то, что было прямо напротив — грудь чуть повыше соска. А потом и сам сосок. Затем пошла поцелуями вверх к его ключице.

Конечно же, он не выдержал — слишком долго сдерживался. Шутка ли: ему пришлось самому её раздеть и уложить в джакузи. Александр тут же, почти автоматически схватил Жак за талию и попытался было лечь на неё, как сделал бы это в постели. Но вода это не матрац на пружинах, девушка, сдвинувшись со своего места, сразу же «пошла на дно», поэтому пришлось и себя, и её вернуть на место.

В воде всё чувствовалось по-другому. Вода была им даже не то чтобы союзницей или посредницей, а именно какой-то сводницей. Она холила и лелеяла все их движения, объятия, взаимные ласки и сексуальный натиск. Будто качала их в колыбели, делая гладкое — ещё более гладким, скользкое — ещё более скользким, чувствительное — ещё более уязвимым.

Попав под влияние такого мощного «катализатора», Жак, даже не поняв толком, чего ей хочется и почему именно этого, потянулась руками к члену своего любимого мужчины. Её ладошки в такой момент оказались сообразительней и проворней её мозгов. Тельце «маленького Алекса» всегда имело исключительно нежную, гладкую кожицу, а сейчас, сделавшись под водой ещё и скользким и потеряв часть своего веса (но не объёма), смело могло претендовать на звание «рая» для такого кинестетика как Жак. Девушка тут же вспомнила, как Александр не в силах был оторвать руки от её атласного халата.

Почувствовав, как её пальчики бережно, заигрывающе обвилились вокруг его «ствола», юноша рефлекторно толкнулся к ней бёдрами. Сильно, с желанием поцеловав девушку, он принялся дразнить языком и лизать её крупные, торчащие соски, сминая ладонями под водой мягкие, нежные ягодицы. Парню «сносила крышу» картинка плещущейся вокруг его любимого хрупкого женского тела воды. Эта «живая», подвижная среда очень неплохо меняла, оформляла и дополняла привычную статичную картинку обнаженных женских прелестей.

Дотянувшись кончиками пальцев до её промежности, юноша не сразу решился двинуться дальше, но всё-таки решился. Только лишь приступив к заигрыванию в воде с её складочками, парень опять вернулся к поцелуям, с решительным напором внедряясь языком к ней в рот. Жак чувствовала, что он целует её губы, уже будучи мысленно весь там, у неё

между ног. Сама она, оставшись одной рукой на его члене, второй ладонью периодически обмывала водой его торс и плечи, любуясь, как жидкость стекает по бесподобным любимым рельефам, и сама пальчиком повторила путь, проделанный каплями.

«Я хочу быть мылом, намыливающим его тело».

— Алекс... — поговорить ей хотелось немного про другое.

— Мм... — он лизнул её щечку.

— А как... — она запнулась.

— Как всё это будет? — юноша отстранился и кривовато улыбнулся.

— Да.

— Это будет волшебно, малыш, — потянулся он к её шее.

— А ты... — девушка опять запнулась.

«Да что же это такое со мной!» — её уже начало порядком утомлять недовольство собой.

— Делал ли я когда-нибудь так?

— Да.

— Нет. Ни разу.

У Жаклин глаза тут же зажглись любопытством и восхищением.

— И ты вот так просто в этом признаёшься?

— Д-д-да... — парень всё-таки чуть смутился, — не так уж чтобы просто. Я, конечно, хотел бы сказать, что однажды занимался сексом в лифте Эйфелевой башни, но этого пока не случилось, и у меня ещё есть к чему стремиться. — Он всё ещё играл под водой её складочками, но уже было видно, что из последних сил — только мощным усилием воли удавалось парню удерживать себя в адекватном состоянии. — Фак! Мне не хватает твоих соков, сладкая. — Накрыл он ладонью всё, что под неё поместилось между ног у девушки, и хорошенько сжал.

И Жаклин отзеркалила движение Алекса — взяла его член опять двумя руками и хорошенько сжала. Она сдавливала и ждала, когда же он поддастся её пальцам и хоть чуть продавится. Но «маленький Александр» — кремень, от её крепких объятий он ещё больше каменел и только что не смеялся ей в лицо.

Не то твёрдый характер этого немаленького и гордого детородного органа, не то ладонь молодого человека меж её ног, а скорей всего и то, и другое разбудили в девушке чувство какой-то неконтролируемой агрессии — в ней проскользнули вспышки желания разодрать парня в кровь. Всего. Ну, или хотя бы нанести ему какую-нибудь рану.

«Прямо вот этими вот руками, — опустила она взгляд на свои ладони. — Это гормоны», — тут же поставила себе диагноз доктор Рочестер и решила отвести угрозу от целостности кожных покровов красавца — взяла и максимально раздвинула согнутые в коленях ноги в воде.

Это послужило последней каплей.

Александр откинулся спиной на покатый участок джакузи, а голову положил на силиконовый подголовник и подтянул Жаклин на себя верхом.

— Сядь на него, — попросил он, глядя на девушку каким-то твёрдым, но расфокусированным взглядом, теребя в руках свой член.

Жаклин не нужно было повторять дважды. Она привстала, пододвинулась, оседлала парня и, не отказав себе в удовольствии поелозить головкой у себя между складочек, насадила себя на его «ствол».

— А! — кратко задохнулась девушка. Мозги сразу же перестали иметь место, а грудь начало распирать от ощущений.

Парень с каким-то кряхтением или преодолением, запрокинул голову и закрыл глаза, буквально выталкивая воздух из грудной клетки, чтобы хоть как-то дышать.

— Будто... сто лет... в тебе не был. — Он виновато ухмыльнулся.

Жаклин ответила не сразу, даже учитывая обстановку.

— Я уже... — она тоже еле дышала, — практически уверена, что родилась с тобой внутри. А потом узнала при встрече. Твой член во мне, — девушка чуть поелозила взад-вперёд, — это последняя капля. — Она попробовала сделать движение вверх-вниз, но вода сразу пригрозила выплеснуться за края ванной.

— Сейчас... погоди секунду, — Алекс потянулся рукой к пульту и что-то на нём нажал. Струя водопада тут же захлестала чуть ли не на середину ёмкости.

Парень хотел было опять откинуться на пологий склон ванной, но будучи нос к носу с девушкой, посмотрел ей в глаза и застыл. Чуть помедлив и только один раз моргнув, он опять принялся ладонями сминать её хрупкое разомлевшее в тёплой воде тело и накиннулся на губы. Жаклин, перестав двигаться, с жаром ему ответила.

— Сладко... малыш, — отстранился он. Но, как бы там ни было, всё-таки проделанная им на этих каникулах работа по взятию под контроль своих потребностей и инстинктов путём многочисленных сексуальных контактов с любимой женщиной дала свои плоды — желание получить большее, ускориться и прийти к разрядке во что бы то ни стало сейчас же, сию же секунду, «присмирело» и поутихло. Это была почти победа! — Я не хочу быстро кончать, — набрав себе полную, максимально раскрытую ладонь её груди, он сминал эту мягкость и упругость, вдавливая в неё подушечки пальцев. — Хочу побыть в тебе... — зажал он другой рукой сосок второй груди и довольно ощутимо его прищемил между большим и указательным пальцами.

— Да-да... — но зато в этот раз, кажется, Жаклин была на грани безумия, (видимо, ей эти каникулы — как с утки вода) потому что именно её от нетерпения и желания основательно потряхивало, и именно у неё на этот раз постукивали зубы. Она даже удивилась, вспомнив, что ещё пять минут назад огорчалась от неудачи. Поэтому, отняв руку юноши от своего соска, положила её себе между ног. — Но я хочу, Алекс.

Он тут же начал он играть под водой её складочками, сначала только иногда задевая клитор, а потом и вовсе взялся за её центр.

И тут уровень в джакузи достиг своей рабочей отметки и включился гидромассаж. Вода «закипела», движение потоков в ёмкости изменилось, и Жаклин, как бы испытывая поведение воды на постоянство, начала понемногу двигаться вверх-вниз.

— Мм... ты тёплая и вода тёплая, — чуть улыбнулся юноша.

Жаклин хватило буквально нескольких движений и нескольких прикосновений его рук, чтобы взорваться. Девушка кричала как в последний раз в жизни, чувствуя, что вместе с экстазом из неё вырывается всё то, что она хотела бы выплакать, но не смогла.

К тому же ею руководила задвинутая куда-то глубоко внутрь мысль, что неизвестно, когда она снова сможет оказаться в этой ситуации, поэтому использовала последнюю возможность по полной.

Очнулась Жак, только почувствовав, что довольно ощутимо процарапала ногтями по его спине. Девушка тут же испугалась, что сделала любимому больно, и растёрла это место подушечками пальцев. После чего прижалась или даже вжалась в него всем телом,

вцепилась в парня как в спасательный круг, чтобы он максимально почувствовал её конвульсии, придавив между ними свои голые груди, и, поскольку её губы оказались прямо у его шеи, присосалась ртом к его коже тут же.

— Да, малыш! М-м-м... я сейчас кончу... — вдавливал он в свой пах ягодицы девушки. Но всё-таки дождавшись, когда её разрядка сойдёт на нет, начал сам поднимать и опускать обмякшую после оргазма Жаклин, окаменев всеми мускулами.

Он заревел как медведь, только лишь начав изливаться в девушку. Сейчас юноша сжал её ягодицы в ладонях так, что Жаклин показалось, будто у неё натянулась кожа на спине. Александр так придавил её бёдрами к своему паху, что казалось, хотел просто приклеить её к себе навсегда.

«Господи, — промелькнуло в голове у неё, — он такой худой. Откуда в нём столько силы?»

— Жак, я ещё хочу, — выпихнул парень из себя, даже не отдышавшись. — Мне мало. Я бы вообще не выходил из тебя до второго числа. А потом бы после приезда в Оксфорд и ещё недели две.

Девушка согласилась улыбкой.

— Но сначала мы поплаваем! — наклонила она на бок голову.

— Ух... — выдохнул он через сжатые в дудочку губы. — Хорошо. Мы поплаваем.

И они поплавали.

Александр и Жаклин плавали в этой пусть и фирменной, но небольшой джакузи, и делились представлениями о Мальдивах, Сейшелах, Фиджи, островах Кука и иже с ними. Мужчина, естественно, сразу же завёл разговор о купании нагишом.

Жаклин нырнула под воду головой, а когда вынырнула, он поразился, какие, на самом деле, у неё длинные волосы, оказывается. Её пружинки распрямились, и концы волос полностью закрывали лопатки, тогда как сухими доставали только до плеч.

Так, за разговорами и планированием секса на пляже, влюблённые опять незаметно начали заигрывать друг с другом. Но на этот раз Александр сразу же вошёл в девушку, и они опять в очередной раз задохнулись от ощущений, после чего принялись наслаждаться своим соединением телами. Между всем этим блаженством следовали поцелуи, поглаживания, ласки и ещё много всяких интимностей, эротики и, конечно же, секса.

В принципе, джакузи может держать заданную температуру воды столько, сколько потребуется, но парочка всё-таки к часам трём ночи утомилась. Укутав Жаклин в махровую простынь, которая нашлась у Кирка тут же, в шкафу, Александр вытерся сам и отнёс девушку в спальню.

* * *

Жаклин с рождения боялась высоты. Не вот прямо чтобы панически, но всё-таки. Она почти не выходила ни на один из балконов их с дядюшкой временного пристанища в Нью-Йорке, в Куинсе, на двадцать пятом этаже, да и в окна этой квартиры выглядывала без особого удовольствия. Последнее девушка с успехом практиковала и в самолётах, на регистрации выбирая себе место у прохода. Ну и так далее.

Поэтому ничего удивительного, что если ей и снились кошмары, то зачастую с высотой «в главной роли» и с довольно скудным «амплуа» — в своих страшных снах она почти всегда проваливалась в лужи.

Будучи ещё совсем ребёнком, маленькая Жаклин удивлялась, насколько вода в лужах иногда бывает похожа на чёрную тушь, которую использует мама для своих чертежей. Став

чуть постарше, девочка заметила, что эта «тушь» обладает удивительным свойством отражения. Отражающиеся в ней небо, облака, деревья, трава, бордюры тротуаров, голуби, пьющие из лужи, имели столь же контрастные очертания и насыщенные краски, сколь и реальные, что делало саму лужу похожей на дыру в поверхности земли, на «замочную скважину» в двери в тот, соседний мир. Будто ты ступаешь по тонкому-тонкому насту, но только не снежному, а земляному, и стоит тебе ступить в воду, ты тут же улетишь в тот другой мир, как Алиса — в кроличью нору.

И Жаклин «летала». Часто.

Особенно после смерти папы и мамы. И может быть, даже этот мир был не совсем другим — судя по виднеющемуся в отражении точно такому же небу, как и над её головой, скорее всего, там, за этим небом тоже есть земля. Только, наверное, очень далеко. Во всяком случае, ни в одном из своих «полётов» достичь хотя бы какого-нибудь «дна» Жак так и не удалось.

Однако же повторяемость и однообразность кошмаров со временем стала иметь свои плюсы — девушка уже узнавала свои страшные сны, понимала, что она спит и, значит, скоро проснётся, опять окажется в своей реальности, и этот ужас закончится. Но ей всё равно было очень страшно.

Александр проснулся и понял, что ещё ночь — вокруг стояла темень. Он только не понял: почему он проснулся, когда темно — это не в его правилах и уж тем более привычках.

Пункт первый золотого правила Александра гласил: просыпаться нужно только тогда, когда спать уже нельзя. Ежели спать ещё можно, то просыпаться запрещается. Категорически! За непослушание — спотыкание на ходу, многочисленные удары лбом о косяки дверей и трудности в социализации, а конкретней-лёгкая социопатия с её постоянным желанием убивать. Всех.

Юноша вспомнил, что сейчас каникулы, они с Жаклин в доме Кирка, значит, спать ещё можно и должно, и если ты не чувствуешь тела девушки на себе или под собой, нужно нащупать хотя бы её руку или ногу, по ним опознать всё остальное, подтянуть его к себе и, прижавшись, спокойно вернуться к старине Морфею.

Пару раз хлопнув по постели рядом с собой и не нащупав ничего из намеченного, МакЛарен распахнул глаза на этот раз уже шире. И замер. Жаклин сидела в темноте, опёршись спиной о спинку кровати в изножье и, обняв поджатые коленки руками, смотрела на него немигающим взглядом. Как лунатик.

Парень хотел было спросить, почему она не спит, но не стал этого делать.

— Жак, малыш, иди сюда, — похлопал он ладонью по кровати возле себя и протёр глаза указательным и большим пальцами.

Она тут же встала на четвереньки и поползла к нему, Александр даже успел увидеть, как повисли её большие груди в вырезе маечки. Забравшись к любимому человеку под одеяло, девушка примостилась к нему сбоку и прижалась всем телом.

— Алекс, мне страшно, — прошептала она почти одними губами.

— Жаклин, я люблю тебя и никому не отдам, — юноша, развернувшись на бок, лёг с ней нос к носу и положил руку на талию. — Поверь мне, пожалуйста.

— Я верю, — всё так же еле слышно прошептала девушка. — Но-о... боюсь.

— Малыш...

— Давай не поедem туда. Давай останемся здесь, — горячо затараторила она, сжав

ладошкой его за плечо. — Я не хочу туда, я не хочу к нему, Алекс. Я не хочу его видеть! Я не выдержу.

— Ну, хорошо, давай, пока Кирк не освободит мою квартиру, мы поживём у меня в общежитии.

— А Сула? — Жак закусила ноготь большого пальца.

— А тебе обязательно забирать её прямо сейчас? Она может побыть с твоим мужем. Не думаю, что он её обидит.

— Он может не замечать её неделями. Нет, я не смогу её ему оставить, — она чуть помолчала, прикидывая ситуацию. — Да и потом, придётся ходить и проведывать её. Или даже идти забирать, а я хочу уйти от него только один раз и больше никогда не встречаться.

— Но в общагу её не пустят.

— Знаю.

— Может быть, можно её отвезти пока к твоей Сесилии? — парень рукой принялся гладить девушку по голове, перебирая кончиками пальцев её «пружинки».

— Нет, — Жаклин отвернулась. — Столько хлопот из-за моей слабости, — вздохнула она. — Хорошо. Я постараюсь.

Юноше захотелось её ещё как-нибудь приободрить.

— Ты не сделала ничего плохого, Жаклин.

«Соберись, тряпка», — мысленно закончила за него девушка.

— А когда прилетает Кирк? — поинтересовалась она вслух.

— Четвёртого. Но может и задержаться. Как только он будет в Лондоне, я сразу же еду к нему.

— Угу. Хорошо, — промямлила Жаклин каким-то детским голосом. — Александр, извини, а можно я кое-что спрошу как врач? — как будто спохватилась она.

— Ой, Джеки, а может, не надо? Что-то мне уже нехорошо.

— Прости, но всё может быть, поэтому... Александр, а вдруг кто-то из нас бесплоден?

— О-о-о... я так и знал, — откинулся на спину юноша. — И это ты спросила не как врач, а как истинная англичанка — у тебя какая-то патологическая потребность сразу думать о плохом.

— У меня бабушка была француженкой.

— О самом плохом, Жак! — ткнул он указательным пальцем в кровать возле себя.

— Извини-извини-извини, это я всё от... мыслей этих... которые никому не нужны.

— Я не врач, но даже я знаю, что так бывает. Проносит людей как-то, — и Александр хихикнул. — У тебя и так скоро встреча с Чарльзом, а тут ещё и это, вот ты и запаниковала.

— И тогда я должен задавать тебе вопрос: а что, если я не смогу иметь детей? Что тогда? Ты меня разлюбишь?

— Нет, конечно! Что за чушь! — тут же вспылила девушка и опять прижалась к нему. — Я не хочу ребёнка, я хочу ребёнка от тебя. Твоего ребёнка и только твоего.

Александр молчал. Поэтому она поспешила с пояснениями.

— Это примерно как: я не хочу в Лондон, я хочу в Лондон с тобой, я не хочу в горы, я хочу в горы с тобой, понимаешь?

Юноша сдвинул брови к переносице.

— Ч-ч-честно признаться, с трудом, — в раздумье проговорил он. — Я думал, с детьми всё иначе. Это инстинкты.

— О-о-о... — улыбнулась Жак, — если бы рожали мужчины, именно всё так и было бы.

Но у женщин с инстинктами сложнее, — и она, забыв обо всём, заелозила животом у него под боком, а ногами попыталась обхватить его ближайшую к себе ногу.

— Жаклин, ещё одно такое движение, и я не посмотрю, что темно, поволоку тебя назад в джакузи.

* * *

— И что сегодня? Британский музей? — Александр разрезал ножом свою порцию фриттаты у себя в тарелке.

Напротив него, за обеденным столом на кухне, сидела Жаклин и намазывала себе на большой кусок французского батона соус «Песто» из маленькой стеклянной баночки.

— Ой, нет! Только не это! Этого всего мне в детстве с лихвой хватило, — она повела ножом в воздухе под подбородком. — Больше не хочу. Как ты относишься к современному искусству?

— Эти бидоны с кровью и кучи дерьма? Извини, но это всё — без меня.

— Тогда я хочу сегодня напиться, — заявила Жак.

Парень застыл с ножом и вилкой в руках.

— Что, прости?

— Выпить, — будничным тоном пояснила девушка. — Напиться.

— Ты, — он попробовал окинуть взглядом её худенькую фигурку, — напиться? Как интересно. А ты вообще когда-нибудь напивалась?

— Я не напивалась, я пьянела. По неосторожности. А ты?

— Я напивался. В этом сентябре мы однажды напились с Кирком тут, в доме, — парень вскинул глаза в потолок, видимо, имея в виду кабинет на втором этаже, где, собственно, всё и происходило. — У него, кстати, здесь ещё оставался хороший виски в баре, в кабинете. Ну так и куда же мы пойдём напиваться?

— В паб, конечно, — Жаклин облизнула губы после жирной фриттаты. — Только напиваться буду я одна, а ты потом меня пьяную отвезёшь домой.

— Договорились. Я в предвкушении. Но тут есть ещё кое-что. Я обещал тебе купить эти... — Александр кивнул подбородком на грудь девушки, обтянутую японским атласом.

— Что, — Жак в непонимании опустила взгляд себе на грудь.

— Ну, эти... — парень не отрывал взгляда от её груди. — Пять штук.

Девушка сначала немного опешила, а потом затряслась в немом смехе.

— Ты не можешь выговорить вслух слово «бюстгальтер», Александр? Почему? Что здесь такого? Скажи: «бюстгальтер».

Юноша вскинул брови и, недовольно — скептически сложив губы, вернулся к трапезе.

— Я обещал тебе купить их пять штук. Я должен сдержать обещание.

— Пока ты не скажешь вслух слово «бюстгальтер», я отказываюсь разговаривать на эту тему.

— Жаклин, у тебя есть шанс выбрать их самой, иначе я их выберу сам и просто подарю.

— Да не нужно мне пять... Александр, ну скажи: «бюстгальтер», — она уже веселилась вовсю.

— Где у вас здесь есть магазины, где они, — парень опять кивнул подбородком ей на грудь, — продаются?

— Ты будешь их со мной выбирать? А как же мы с тобой сможем общаться в магазине с такими пробелами в твоём лексиконе?

Парень тяжело вздохнул и в печали склонил голову.

— Даже не знаю, как сказать, но поход сомной по магазинам, — он пожевал губы, — где все эти молоденькие продавщицы, цепкие как чертополох, это не есть хорошая идея, малыш. Всё и всегда по одному и тому же сценарию, — юноша горестно вздохнул: — Увы.

— Хорошо. Я поняла. Эти... — девушка накрыла своими ладонями свой третье-четвёртый размер поверх халата, — обычно я покупаю на Новой Оксфордской улице, но сейчас там народу, как вчера на мосту, поэтому, если ты настаиваешь...

— Настаиваю, — низко кивнул парень.

— ...то можно пройти на улицу Кромвеля. Там, напротив музея Виктории и Альберта есть очень неплохой магазинчик нижнего белья. Может быть, и сам себе что-нибудь подберёшь. Ну или молоденькие продавщицы помогут, — девушка не стала говорить, что вообще-то в этом магазине в зале работают парень с девушкой.

— Решено, сначала я тебе покупаю эти... — Александр накрыл ладонями свои груди, — а потом ты напиваешься.

— Договорились.

* * *

На улице было промозгло и пасмурно. Этой ночью, дав людям более-менее нормально встретить Новый год, дождь всё-таки взял своё часов после трёх и разогнал по домам даже пьяных. Но небу от этого легче не стало — оно выглядело совсем не как после дождя, и даже не как перед дождём, а именно как во время. Тот самый случай, когда гулять не хотелось абсолютно. Хотелось вернуться в дом, зажечь камин, перерыть весь кабинет, а если понадобится, то и весь дом в поисках виски Кирка, разлить его по стаканам, сесть перед окном и смотреть на тех дуралеев, которые в такую погоду отправились гулять.

Но Александр нужно было сдержать обещание, а Жаклин... а Жаклин хотела хоть каким-нибудь образом избавиться от этих дурацких предчувствий.

Наикратчайшая дорога из района Notting Hill к музею Виктории и Альберта на одном из участков пролегает по диагонали Кенсингтонского парка. Предварительно немного прогулявшись по фешенебельному району Кирка, Александр с Жак шли по парку и вспоминали, как чуть больше месяца назад ехали здесь на велосипедах.

«У нас уже есть что вместе вспомнить», — ликовала про себя девушка. Людей на улицах было как в обычный выходной. Скорее всего, основная «новогодняя» масса туристов ещё не отошла от салюта и являть себя Лондону и лондонцам не спешила. Да и вообще, о вчерашнем новогоднем ажиотаже не напоминало уже практически ничего. Даже мусор.

Пошёл дождь. Опять. И парень, и девушка, имея внушительный опыт жизни в климате со значением годовой нормы осадков, зашкаливающим за стратосферу, не сговариваясь, начали оглядываться: где такой дождь можно было бы переждать — он ненадолго.

— Здесь за деревьями есть беседка, — показала рукой Жак на ответвление дорожки вдоль границы парка.

Александр, раскрывая её зонтик, тут же повернул в этом направлении.

Беседка Кенсингтонского парка является частью ансамбля под названием «Итальянский сад». Правда, сада как такового там нет. Четыре прямоугольных бетонированных пруда, расположенных с четырёх сторон небольшого красивого фонтана на манер римских чаш с питьевой водой, огородили невысоким красивым кованым заборчиком витиеватого рисунка и поставили на дорожках между ними мраморные лавки на манер римских уличных — всё. Элементарно. С одной стороны дорожка выходила прочь из ограждения и упиралась в ступеньки беседки. Куда парочка, собственно, и направилась.

Но на этот раз здесь их ждало нечто необычное. Только лишь сад показался из-за зарослей магнолии, разросшейся вдоль дорожки, как они увидели девушку. Довольно высокая, стройная девушка, в которой безошибочно можно было узнать модель индустрии моды, бегала под дождём по дорожкам сада в красивом, пёстром, ярком летнем платье. Оно развевалось летящим шлейфом сзади, и именно за этим шлейфом бежал укутанный в полиэтилен оператор, пристроив объектив обмотанной таким же полиэтиленом камеры у ног модели.

— Тори, быстрее! Быстрее, Тори! — слышался почти истеричный женский голос из беседки. — Сейчас подол в лужу упадёт, и всё! Ничего не получится! — кричала какая-то женщина в тёмной одежде, стоя на самом выходе из беседки.

Пока Александр с Жаклин следовали вдоль красивого ограждения, девушка успела пробежать туда-сюда по дорожке и прямо с разбегу заскочила в беседку. За ней, уже выпрямившись, так же вбежал оператор, а следом за ним зашли Александр, Жаклин и ещё двое каких-то мужчин: один в чалме сикхов, а другой — с дипломатом в руках.

— Виктория, ну что ты как неживая! Тошно смотреть, как ты бегаешь! — продолжила настаивать на своём женщина.

Пока Александр складывал и стряхивал зонтик, Жаклин обратила внимание на эту голосистую мадам — та на вид выглядела весьма забавно даже для выдавшей всякое уроженки Лондона. Довольно высокого роста и плотного телосложения а-ля «телевизор на ножках», женщина, тем не менее, судя по всему, не собиралась озабочиваться недостатками и изъянами своей фигуры, потому как облачилась в довольно объёмную куртку — парку, завязанную внизу на утягивающий шнурок, что делало верхнюю часть её туловища ещё более округлой. Такие куртки Жаклин напоминали секретеры — в их недрах и по поверхности разместилось с различной степенью комфорта и доступности несчетное количество кармашков разной формы и размера. У девушки иногда возникали мысли, что к таким курткам нужно сразу прилагать путеводители — иначе запомнить, в каком кармане что лежит, нереально. Свою довольно крупную голову женщина перевязала какой-то тряпицей, похожей на ткань платья, в котором только что бегала девушка, а из-под повязки в разные стороны, сверху и снизу, выбивались всклокоченные мелко-кучерявые волосы, очень сильно напоминающие волосы Пьера Ришара, только раскрашенные во все цвета радуги. На правой брови и на нижней губе сильно морщинистого лица мисс или миссис, напомнившего Жаклин почему-то Ульфриду Вальтера Скотта, красовался пирсинг.

«Весёлая дама, — залюбовалась ею Жаклин. — Может быть, они снимают рекламу какого-нибудь текстиля из Индии?» Она, кстати, наблюдала за женщиной не одна — в беседке уже укрывались от дождя около полутора десятка человек.

— Ну и что, что дождь. Так даже интересней. Вот увидишь, — возражала между тем сама себе дама, поскольку девушка, к которой она обращалась, ещё не проронила и слова. — А ты, кажется, слишком близко держал камеру к ней. Подол прямо по объективу хлестал — может получиться рваная картинка, — переключилась эта «сестра Пьера Ришара» на оператора.

— Если что, я вырежу, — очень тихо и спокойно возразил тот, стряхивая воду с полиэтилена на камере.

— Ну, смотри, — недоверчиво покачала головой женщина и повернулась было куда-то в угол беседки, где на скамейке грудой были свалены какие-то вещи, в которых рылись ещё две высокие и стройные девушки. — Девочки, кто следующий?

Но тут женщина невольно скользнула взглядом по Александру с Жаклин. Лица девушки она коснулась глазами, как чайка в полёте — гребня волны, да и парня тоже, но тут же вернула на него взгляд опять. И замерла.

— Вау, — сказала она неожиданно тихо и абсолютно без восклицания в голосе. — Вот это лицо, — пояснила женщина свою мысль.

Александр немного скукожился и скривил губы, но его глаза заулыбались.

— Молодой человек, — «сестра Пьера Ришара» даже немного засмушалась, подходя ближе и рассматривая парня в упор. — Нет, ну надо же! — только сейчас воскликнула она и, выдохнув, захихикала. — Извините меня, пожалуйста, за такую бесцеремонность, но могу я спросить: вы случайно не работаете моделью в каком-нибудь агентстве?

— Нет, — просто ответил Александр, зачем-то сразу же обнял Жаклин и тут же «спрятался» за своим покер фейсом, — не работаю.

— Не-е-ет?! — удивлению «сестры Пьера Ришара» не было предела. — Но этого просто не может быть! В Лондоне такие лица агенты не пропускают. Или вы не живёте в Лондоне? Ой, извините, я не представилась. Меня зовут Оззи Ваттербард. Не удивляйтесь, — тут же продолжила она, судя по интонациям, свою обычную речь при знакомстве, хоть парень с девушкой не успели ещё не то что удивиться, но даже и расслышать толком. — Вообще-то, моё имя Эбигейл, но все зовут меня просто Оззи, а Ваттербард — фамилия моего третьего мужа, он был немцем, а сама я — англичанка, — беззастенчиво пудрила мозги и заговаривала зубы она молодой паре. — Ну, так как? Вы не живёте в Лондоне?

— Нет, не живу, — качнул головой Алекс.

— Очень жаль — очень жаль, — потёрла подбородок Оззи и закусила пирсинг на нижней губе, после чего сделала полшага назад и оглядела парня с головы до ног. — Мда... рост, конечно, великоват, на подиуме вы будете смотреться выскочкой. Хотя с таким лицом это и не грех вовсе, — и она показательно засмеялась. — Сколько в вас, кстати? Футов шесть, наверное, и дюймов тоже где-то пять-шесть. Я угадала?

— Почти, — кивнул Александр, пока ещё не выказывая своего раздражения. — Шесть футов, четыре дюйма.

Оззи скривилась.

— Вы уверены?

Красавец округлил свои «тюльпаны».

— Что значит «уверен»?

— Вы давно измеряли? — ничуть не смутилась от его явного недовольства Оззи.

— В начале учебного года, на медосмотре.

Копаящиеся в ворохе одежды девушки забросили своё тряпьё и тоже начали поглядывать на парня, которым заинтересовалась их агент.

— Не знаю — не знаю, — опять недоверчиво покачала головой женщина и скептически скривила губы. — Или я старею, или с начала учебного года вы подросли, молодой человек. — И тут она обратила внимание на Жаклин. — Оу, кудрявая моя, извини, что отбираю внимание твоего кавалера, но сама ведь видишь, кого отхватила. Поздравляю, кстати — отличный выбор.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Жаклин.

— Ну, так как, молодой человек? Вы уж извините, я не спрашиваю вашего имени, дабы не внедриться окончательно в ваши личные данные и, если у вас ещё и имя такое же

красивое, как и вы, не влюбиться в вас окончательно. Не желаете к стипендии иметь заработок модели? И знаете что, из моделей вам прямая дорога в актёры! Да-да, помяните слово старой Оззи! Там вам уже давно прогулы ставят, между прочим, — погрозила она в воздухе кому-то пальцем с облезлым маникюром черного цвета.

— Извините, но у меня другие планы на жизнь, — МакЛарен вежливо поклонился. Стало заметно, что эта прямолинейная, разбитная тётка здесь, в Кенсингтонском парке, в самом «логове» англичан с их сложной вежливостью и церемонностью, начинает ему нравиться.

— И где же вы учитесь, если не секрет?

— В Оксфорде.

— Оу, голубая кровь. Тогда понятно. — И она перевела взгляд на Жаклин. — Беру свои поздравления обратно и начинаю люто тебе завидовать, кудрявая. Ну что же, очень жаль, — обратилась она опять к Алексу. — Но можно я всё-таки ещё займу секунду вашего времени? Тейлор! — крикнула женщина, не дожидаясь разрешения и не меняя положения головы. К ней тут же сзади приблизилась самая невысокая из трёх девушек и, по-видимому, самая младшая — совсем молоденькая девчушка в куртке поверх примерно такого же платья, как и на Виктории, и в джинсах — под ним. У неё были очень светлые волосы, почти как у альбиносов, светлая полупрозрачная мраморная кожа, светло-серые глаза с белёсыми бровями и ресницами.

— Да, Оззи? — спросила она из-за плеча своей начальницы.

Женщина, не сводя глаз с Александр, будто из опасения, что он исчезнет, нащупала сзади себя руку девушки, подтащила её к парню и поставила рядом, абсолютно не смущаясь тем, что тот так и стоит в обнимку с Жаклин.

— Идеально, — сделала она опять шаг назад и окинула взглядом пару Александра с Тейлор. — Мда... ну что же, очень жаль. Всё, свободна, иди дальше переодевайся, — оттащила Оззи девушку от парня и подтолкнула её куда-то себе на спину.

Жаклин, наблюдавшая за девушкой, заметила, как та, отходя, стрельнула заинтересованным взглядом в парня.

— Ну что же, молодой человек, очень жаль, что вы не хотите использовать то, что дал вам Всевышний, очень жаль. Вот вам моя визитка, — она полезла в один из карманов своего «секретера». — Если передумаете, буду очень рада, — закончила «сестра Пьера Ришара», протягивая карточку Алексу.

— Спасибо, — взял тот у неё из рук визитку и, не взглянув на содержание, засунул в задний карман джинсов.

— Так, всё. Кудрявая моя, если он не будет работать со мной, больше с ним на глаза мне не попадайся — уведу, — расплылась Оззи в не самой красивой и женственной улыбке.

Жаклин улыбнулась и слегка кивнула.

— Всего доброго, — чуть поклонилась агент и, сделав пару шагов назад, отвернулась к своим подопечным.

— Сухенькие мои, ко мне! — захлопала она в ладоши. — Вы готовы? Кто из вас следующая? — и женщина опять полезла, но уже в какой-то другой карман своего «секретера».

Пока готовилась следующая девушка и оператор, дождь прекратился, и Александр с Жаклин тут же двинулись дальше.

Выйдя из парка возле RoyalAlbertHall и пройдя по CromwellStreet, они попали к музек

Виктории и Альберта.

В скверике напротив этого красивого, украшенного множеством лепнины и витражей старинного здания стояло четыре туристических автобуса, а толпа из их пассажиров образовала длинную «жирную» «змейку» очереди на вход в музей.

Только лишь обойдя по противоположной стороне улицы это сборище страждущих соприкоснуться с шедеврами творчества народа Великобритании и не только, парочка почти сразу же, в череде уличных магазинчиков, наткнулась взглядом на витрины с фотографиями резвящихся и хохочущих девушек и парней с идеальными телами и одетыми в идеальное нижнее бельё. «Minx» — гласила «скромная» надпись над дверью между ними.

— Ты иди, выбирай, а я подожду тебя там, — показал Александр зонтиком на скверик с автобусами.

— А вдруг тебя здесь изнасилуют? — вспомнила Жаклин его реплику возле Собора Святого Павла.

— Из двух зол нужно выбирать то, которое менее вероятно, — твёрдо посмотрел ей в глаза юноша. — К тому же мне нужно позвонить кое-кому. Как только я закончу, найду и оплачу всё, что ты выберешь.

Жаклин устало хихикнула и не трогалась с места.

— А может, всё-таки вместе? Ты ничего не бойся. Я же с тобой, помнишь?

— Нет, — покачал головой парень. — Иди, Жаклин, — кивнул он подбородком на магазин.

Девушка сожалеюще сжала губы, потянулась на носочки, чмокнула своего мужчину в щечку и, развернувшись, направилась дальше по тротуару.

Внутри магазина её ждал небольшой сюрприз — работавшей здесь раньше в паре с парнем девушки в зале не оказалось, а вместо неё консультировал ещё один парень. Таким образом, их стало двое.

Жаклин сразу же захотелось вернуться к Александра и обрадовать его, что в связи с изменением «вводной» результаты его теории вероятности претерпевают изменения, но тут же одёрнула себя, поняв, что парню скорей всего могут не понравиться результаты теории вероятности теперь уже в отношении неё самой. Увидев этих двух продавцов, он вполне способен вытащить её отсюда и либо отложить покупку, либо купить всё в подарок.

«Нет, спасибо, если он вслух не может выговорить слово: «бюстгальтер», представляю, что он купит», — тут же подумала про себя девушка и решительным шагом направилась к вешалкам с женским бельём, поскольку в магазине был ещё и довольно обширный отдел мужского.

Александр вошел в магазин, когда она стояла возле вешалок и перебирала комплекты от «AMBRA» расцветки «английская гостиная». Рядом с ней стояли консультанты. Оба. Это были явные друзья по интересам, который вращался скорее всего вокруг тренажерных залов и магазинов продуктов с повышенным содержанием белка. У одного из них, того, что стоял ближе к девушке, расставив ноги на ширину плеч, из больших, плотных, узловатых рук, привыкших, скорей всего, к рейке штанги или рукоятке силового тренажера, того и гляди грозили посыпаться комплекты женских трусиков и лифчиков, которых он набрал, наверное, больше, чем висело на вешалке. Второй просто стоял рядом, поставив ноги в третью позицию, в чём безошибочно угадывалось его балетное прошлое, и сцепив руки в замок за спиной.

Сходство фигур усугублялось ещё и формой работников магазина: одинаковыми

чёрными брюками, чёрными рубашками с коротким рукавом, из-под которых выглядывавшие бицепсы «играли» просто в неприлично выгодном свете, и серыми галстуками.

Звякнул колокольчик над закрывающейся дверью. Алекс «окаменел» на пороге. Жаклин замерла с комплектами в руках. Консультанты обрадовались.

— Добро пожаловать! — с чарующей улыбкой буквально ринулся навстречу новому покупателю тот, что «с балетным прошлым». — У нас рождественские акции и скидки. Скидки до семидесяти процентов, а по акции, выбрав два предмета нижнего белья, третий вы получаете в подарок, — он остановился прямо перед юношей, едва доставая тому до его точёного носа. — Проходите, выбирайте, что вам понравится. Может, вы ищете что-то конкретное?

— Угу, — басом промычал МакЛарен, — конкретней некуда.

Жаклин заметила, как он начинает «тушить» свои «тюльпаны» и успокаивать начавшие было дрожать ноздри. Чуть обогнув этого «бога маркетинга», парень направился напрямиком к девушке.

— Ты уже выбрала? — спросил он, как бы отгораживая интонациями и положением тела себя с Жаклин от консультанта с руками, полными женского белья.

— Эмм... да... почти, — промямлила она.

— Ей только осталось примерить, — поспешил доложить консультант, не забывая улыбаться, и опять подвинулся телом так, чтобы быть с ними третьим.

Идеальные брови взлетели максимально вверх, «тюльпаны» распахнулись, просто себя не помня.

— Вот как? Примерить? — Александр сглотнул. — Как мило.

— Я хочу примерить вот это, — как бы спохватившись, затараторила Жак, показывая ему комплект в руке, — и вот это, — она оглянулась и, потянувшись куда-то к стоявшим за ней вешалкам, достала ещё один. — Думаю, что вот этот может быть мне мал, — потрясла она в руке вторым комплектом, — но он мне очень нравится.

— У девушки размер груди чуть больше третьего, — услужливо поспешил доложить консультант, и, когда после этого пояснения по телу Александра пробежала лёгкая волна электрического тока, добавил: — По её словам, ей бывают малы бюстгалтера третьего размера, а этот очаровательный комплект имеется в продаже только до третьего. Больших размеров именно в такой цветовой гамме нам, увы, не поступало.

— Какая жалость, — ледяным тоном выдавил из себя Алекс и опять сглотнул. — Сочувствую.

— Я сейчас быстро. Подожди, пожалуйста, — Жаклин умоляющим взглядом стрельнула в своего мужчину и, взяв в каждую руку по комплекту, скрылась в коридоре, ведущем к примерочным. Александр сделал пару шагов вслед за ней, как бы перегораживая собой дорогу в эту «святую святых» и, чтобы не сильно демонстрировать свои серьёзные намерения отстранить консультанта от его профессиональных обязанностей в отношении своей девушки до конца его дней, отвернулся к вешалке с мужским бельём, находившейся тут же возле прохода.

На его счастье, в магазин вошли две женщины, и продавец, освободив свои руки от содержимого в какую-то коробку, стоящую под вешалками, направился к ним, а «бог маркетинга» материализовался прямо рядом с парнем.

— Вот наша новая коллекция, — обвёл он товар жестом, который его балетное прошлое

выдал в нём с головой. — Какую ткань предпочитаете? Чистый хлопок? С эластичной нитью? Какой фасон? Шорты? Боксёры? Стринги? С жестким поясом? С мягким?

— Боксёры мне на ринге надоели, в жизни я ношу шорты, — врал и не краснел юноша.

— Оу, так вы спортсмен! Коллега, значит, — лицо продавца засветилось такой радостью, как будто Алекс пообещал оплатить его годовой счёт за электричество.

Шотландец медленно начал переводить на него взгляд, а потом так же медленно осмотрел его с ног до головы.

— Могу я узнать вашу весовую категорию? — спросил он довольно отстранённо.

— Нет, к сожалению, я боксом не занимаюсь. Только бодибилдингом, — похвастался продавец. — Кстати, у нас для вас, как для спортсмена, есть вот такие прекрасные модели, — он сделал пару шагов в сторону, вытягивая носок, и показал на какую-то шеренгу из упаковок.

Александр хотел было двинуться за ним, но тут его кто-то легонько толкнул в плечо: из примерочной вышел парень — обычный покупатель с несколькими предметами нижнего мужского белья в руках и, привычно быстро извинившись перед юношей, прошёл дальше к кассе.

«Твою мать! Фак! — выругался МакЛарен и ринулся в коридор к примерочным. Оказалось, что кабинок всего три, и две из них открыты нараспашку и пусты.

— Джеки, — тихо постучал он в дверь третьей, закрытой.

— Да, — отозвалась девушка почему-то с обиженными интонациями.

— Ты скоро?

— Алекс, он мне маленький, — судя по голосу, она готова была вот-вот заплакать.

— Кто маленький?

— Да не «кто», а «что». Бюстгальтер этот маленький.

И тут Александр засмеялся.

— Это хорошо, — сказал он, трясясь от смеха.

— Чего хорошего? Я хочу именно этот комплект апельсинового цвета! Но четвёртого размера у них только оливковые!

— То есть, я хотел сказать: горе-то какое! Наверное, тебе всё-таки придётся... — Александр покачал головой, — купить какой есть. Мне так вообще всё равно — лишь бы растёгивался быстро.

— Пошляк! — прикрикнула на него Жаклин из-за двери всё с такой же обидой. — Иди отсюда! Я сейчас выйду.

Всё так же смеясь, юноша удалился.

Жаклин всё-таки купила комплект от «Parache» оливкового цвета, а так же ещё один расцветки «английская гостиная». Потом прихватила два одинаковых бюстгальтера от «intimissimi»: черного и бежевого цветов, получив за них в подарок красивую хлопковую маечку. А так же впервые в жизни взяла один очень интересный комплект ручной вязки от «Gossard», весь в дырочках и с кистями.

— И часто в Лондоне нижнее бельё продают культуристы? — Александр взял из её рук бумажный пакет сразу же, как только они вышли из магазина.

— Хмм... — девушка состроила гримаску довольной кошечки, — это Лондон, малыш. Привыкай.

— Угу. Обязательно!

— У меня в Лондоне ещё и гинеколог — мужчина, чтоб уж сразу тебя информировать.

Александр остановился.

— Гинеколог? — он прищурился. — Мужчина? — съехались к переносице его длинные брови. — В Лондоне?

— Да. Мужчина, — задрала Жаклин подбородок и тоже остановилась.

Юноша помолчал. А потом выдал:

— Или он меняет пол, или ты меняешь гинеколога. Ещё не хватало, чтобы какое-то существо с «прибором» в штанах касалось моей девушки.

— Александр! Это гинеколог! — чуть громче возмутилась Жак.

— Да хоть Папа Римский! Нет! — громче неё гнул своё Алекс.

— Но, это же маразм! — прибавила она ещё больше децибелов и показала пальцами себе на висок.

— А мне плевать! — не уступил ей в наращивании звука юноша. — Не-е-е-ет!

Жаклин вздохнула.

— Ладно, узурпатор, — скептически сжала она губы, пряча улыбку. — Доктор Абрамсон уже довольно взрослых лет — ему где-то под семьдесят. Пол менять в таких годах... поздновато и опасно. Он всё время шутит, что уйдёт на пенсию, как только я рожу маленького, и будет его нянчить. Такими специалистами не разбрасываются, — с укором посмотрела на парня Жаклин, двигаясь дальше по тротуару.

Юноша только медленно покачал головой, тяжело вздохнул и пошел за девушкой, никак не прокомментировав последнее уточнение.

— Господи, Алекс, а что мне прикажешь делать со старыми моими комплектами и бюстгальтерами? Куда мне их девать? — совершенно искренне озадачилась Жаклин, беря на ходу парня за руку.

— Выкинь.

— В Лондоне сбежать от большей массы туристов довольно просто — они в основном изучают и умеют пользоваться только метро. Поэтому, если хочешь обмануть их, пересаживайся на поезд. — Только лишь отойдя от магазина нижнего белья, девушка тут же свернула с Cromwell Street в какой-то совсем маленький переулок.

— Мы сейчас поедem на поезде? — показывал «высший пилотаж» логики Александр.

— Ты абсолютно прав, мой шотландский друг, — засмеялась англичанка, а он, получив такую ироничную реплику, притянул девушку к себе за шею и довольно сильно прижал. — Мы сейчас поедem на поезде с вокзала Виктория до станции Ржи. Это в Пекхэме, — продолжила она, отдирая его руку от себя. — Там есть один замечательный паб. Я уверена, он тебе понравится. Во-первых, в нём пиво в основном от небольших домашних пивоварен, а в Англии не бывает плохого домашнего пива, примерно как в Италии не бывает плохого «вино де ля каза» — домашнего вина, а во-вторых, там поют под гитары сами посетители. И что интересно, даже если не у всех хороший голос или слух, то всё равно, это так мило — слушать, как люди делают это просто так, в подарок.

— А еда там вкусная?

— Еда там обычная. Вообще, в Лондоне очень трудно найти плохой паб, с плохой едой и пивом, но и найти самый лучший практически невозможно. Его просто нет. Они все примерно одинаково хороши. В некоторые пабы люди ходят поколения подряд. Ну, я думаю, тебе это знакомо — у вас в Глазго так же бывает.

— Угу. А виски там какой?

— Разный, Александр. Виски там разный.

— Разный — это хорошо, — почесал себе щеку шотландец.

К поезду на вокзале Виктории Жаклин их провела не через главный вход и кассы, а сразу к автоматам северного перрона. Юноша купил билеты, после чего девушка взяла его за руку и как мама — ребёнку, повела к нужной платформе.

«Southern3.30» — горели на табло у входа на перрон название и время отправления маршрута. В принципе, поездка на городском поезде в Лондоне очень мало чем отличается от поездки в городском автобусе — за окном практически та же картинка и столь же частые остановки. Александр в дороге смотрел в окно примерно так же, как Жаклин изучала восточный хайлендс за окном его Q7. Красивое лицо юноши излучало совершенно искреннее любопытство. Конечно же, в первую очередь его интересовали изменения в линейке марок машин, припаркованных у жилых домов, по мере удаления от центра, а многочисленные футбольные поля, проплывавшие мимо, он просто пожирал глазами. Жаклин не могла им не залюбоваться.

— Алекс... — отвлекла она его. И подождав, пока он «стряхнёт» с себя наваждение очередным овальным газоном для футбола, продолжила: — Дженни когда-нибудь тебя рисовала?

Юноша тут же «сверкнул» «тюльпанами», показывая, что его в очередной раз застали врасплох.

— Да, — он опять отвернулся в окно, но было видно, что его глаза улыбаются. — И много.

— У неё есть твои портреты?

— У неё целый альбом моих портретов. А кто, по-твоему, ещё мог бы ей позировать столько времени?

— У тебя хватало терпения ей позировать? — Жак в неверии покачала головой. Не складывалась у неё в голове картинка того, как МакЛарен стоит или сидит часами в роли натурщика.

— Нет, конечно. Я лежал на диване, допустим, что-нибудь учил, а она пристраивалась напротив, просила не шевелиться и принимала что-то там чёркать у себя на бумаге.

— Тебе нравилось, как она тебя изображала? — у Жаклин чуть слюнки не потекли от того, что у кого-то есть такой уважительный повод смотреть на него сколько понадобится.

— Не всегда, — красавец поморщился. — Она иногда меня изображала как-то так... — он полез рукой себе в волосы, — я даже не знаю. Таким рисункам нужно соответствовать. Примерно как сыграть в кино Иисуса Христа. А я не очень люблю, когда меня... идеализируют.

— Но ведь ты для неё... — Жаклин чуть замялась, — ну, по крайней мере, до тех пор пока не появилась я, был для неё очень хорошим братом. Почему бы ей тебя не приукрасить. А может, она тебя видит лучше, чем ты сам себя.

— Поэтому я оставил ей все эти её работы. Хотя некоторые очень хотелось выбросить. Да и труд её жалко. — С сожалением кривился юноша.

— Если она соберётся к нам в Оксфорд, пожалуйста, попроси её прихватить с собой этот альбом, — очень мягко и вежливо попросила Жаклин.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Если Дженн будет у нас в Оксфорде, можешь даже не сомневаться, она начнёт рисовать тебя. Готовься! — Александр почесал скулу. — А Сулу мне уже заранее жаль. Дженн нарисовала всех собак, кошек и ёжиков всех своих подруг и соседей. У нас ничего этого не было, а изображать мои футбольные мячи, кубки и гантели ей быстро надоело.

— Кубки? У тебя есть кубки? Какие? — Заморгала девушка.

— По боксу. — Боксёр равнодушно пожал плечами. — В школе я любил соревнования. У меня там есть и за первые места, и за третьи. И медали такие... детские, — парень сделал движения рукой, будто вкручивал электрическую лампочку. — Я занимался боксом, пока отец разрешал, — он отвернулся в окно опять. — Мать не хотела с ним ругаться постоянно, поэтому мирилась с моими подбитыми глазами и рассеченными губами. А потом отца не стало, и она тут же первым делом запретила бокс. Но... но это в прошлом, — Александр повернулся к девушке. — Я бокс не бросал и бросать не собираюсь. А какие у тебя отношения со спортом?

— Нууу... у нас с ним, так скажем... взаимное игнорирование, — засмушалась та.

Так за разговорами они подъехали к станции Rue в районе Peckham.

— И как называется паб? — Алекс оглядел перрон в поисках выхода.

— Идём сюда, — взяла его за руку Жак и потянула в обход навеса над перроном. — Паб называется: «Слон и сигара». Когда-то здесь были пастбища за стенами города, и на них разбивали свои шатры бродячие цирки и кукольные театры, — оглядела девушка типичный жилой район Лондона с длинными узкими улочками и двухэтажными домами, — церковь не пускала их в город.

— Ты сама здесь часто бывала?

— У-у, — покачала головой Жаклин. — Только два раза. В Университете я о нём не знала. Меня сюда привела моя подруга Мара из седьмого госпиталя в Челси. Её компания

любит здесь бывать, и меня пару раз брали с собой.

Они шли по улице, которая и впрямь очень напоминала сельскую местность — асфальт не везде был оформлен бордюром, заборы палисадников попадались и из дерева, а не только из камня, далеко не все двери подъездов «осчастливили» домофонами — в общем, только что петухи не кукарекали.

— Нам туда, — кивнула подбородком Жаклин на угловой домна пересечении дорог.

«Elephant&cigar» гласила надпись, как и положено, золотыми буквами на сером фоне, между первым и вторым этажами. Второй этаж, скорее всего, когда-то, очень давно, покрасили в желтый цвет, но в таком климате это следовало бы делать чуть чаще — вымытая дождями и обшарпаная ветрами стена выглядела не старинной как, скорее всего, должна была, а просто бедной. А вот первый этаж, отделанный грубым морёным дубом, смотрелся вполне себе респектабельно, солидно и с претензией на историчность. Английский колорит подчёркивали узкие, высокие окна с рамами «плитка шоколада», если не учитывать того, что сама плитка шоколада здесь вторична — именно по образу и подобию «клетчатых» окон английских пабов и был когда-то придуман рисунок формовки этого кондитерского изделия из какао-бобов.

Внутри «Elephant&cigar» оказался стандартным английским пабом: дерево, от пола до потолка полированное тысячами и тысячами касаний рук и одежды, на барной стойке — шеренга кранов пива, позади — стена, уставленная алкоголем, в зале — массивные деревянные столы с лавками, с той лишь разницей, что здесь все они, без исключения, были круглыми. К тому же у паба предусматривался второй этаж на манер балконов в театре. Столики там отсутствовали, но зато вдоль всего периметра стены к ней приделали прилавок — традиционные места для тех, кто пришел сюда за уединением и не желает быть вовлечённым в общение.

На крохотной сцене у стены в согнутый микрофон уже пел какой-то гитарист. В противоположном углу под потолком висел огромный телевизор, который в этой старине и традициях смотрелся каким-то гостем из будущего. Во время важных, судьбоносных матчей по футболу этот паб, как и тысячи других по всей Великобритании, неминуемо превращался в рассадник неконтролируемого, девиантного поведения. В глазах Жаклин примерно так должно было выглядеть празднество Врумалии* в Древнем Риме с вырванными клочками волос по полу, а так же лужами алкоголя и слёз: как радости, так и горя.

На улице ещё даже не стемнело, поэтому свободные места были в наличии — в зале сидело всего несколько компаний разной численности и качественного состава. Но поскольку вокруг каждого столика имелось по пять стульев, которые с течением вечера скорей всего, будут заняты, парочка решила приземлиться за самой барной стойкой. Александр заказал себе свинину горячего копчения, жареный картофель, маринованные томаты и виски, а Жаклин — солянку из капусты с картошкой, жареную камбалу и тоже хотела было заказать виски, но взглядевшись в меню, замерла.

— У них завезли шоколадное пиво! — воскликнула обрадованно девушка и подняла на Алекса горящий взгляд. — И пиво — Амаретто!

Услышав эти словосочетания, юноша сделал кислую мину.

— Фу. Шоколадное пиво. Бррр...

— Оу, а мне оно очень нравится, — ничуть не смутилась его реакцией девушка. — Его не часто можно встретить. В центре так его вообще сразу же выпивают.

— Что-то у меня есть некоторые сомнения по поводу того, что шоколадным пивом

можно напиться.

— Ладно, напьюсь в другой раз, — не задумываясь и ни капли не огорчаясь, махнула рукой Жак и лучезарно улыбнулась.

А тем временем певец — высокий, худой парень с бледным лицом, как и у большинства англичан, пропел ещё одну жалобную песню, поднялся и, положив гитару на свой стул, куда-то вышел.

— Сейчас начнётся, — шепнула юноше Жаклин.

— Что начнётся?

Но ей ответить не дали.

— Леди и джентльмены, минуточку внимания, — громко произнёс мужчина лет сорока пяти за столиком возле стены, — моё имя Найджэл, и я исполню для вас несколько своих любимых песен.

И он принялся петь. Пел он про поезда, дельфинов, стрелки на часах, руки матери, туман над Лондоном, занавески на окнах, дождь, снег, дрова в камине и ещё многое другое. Короче, про жизнь.

— Твоё здоровье, — Алекс дном своего стакана с виски чокнулся о край бокала с шоколадным пивом.

— Твоё здоровье, — кокетливо улыбнулась девушка и пригубила свой напиток.

Опрокинув в себя виски, парень скривился.

— Пфф... пить в английских пабах разливное виски всё равно что негру загорать у нас в хайлэндсе. Бурда, — поморщился он. — Где там у них меню, может, тут есть съедобный коньяк? — потянулся парень к стопке папок, лежавших чуть дальше на стойке.

А Жаклин в это время обратила внимание на только что вошедшую компанию. В ней никто из этих четырёх женщин и двух мужчин не походили на местных и даже на англичан — их одежда была излишне яркая, красочная и опрятная, тогда как лондонцы одеваются более мрачно и небрежно. Все шесть человек компании разместились за столиком в центре зала.

— Мартель, пожалуйста, — вернул к себе внимание девушки Алекс, заказав порцию коньяка.

Мужчина продолжал мучить гитару, уши своих спутников и их товарищей по несчастью, то есть всех остальных посетителей паба во главе с барменами. После него взяла слово какая-то молоденькая девушка, пришедшая сюда с подружкой и со своей гитарой. Предварительно представившись Линдой, она довольно неплохим голосом спела несколько песен, закончив своё выступление лёгкой композицией про счастливого мусорщика, который не имел ни гроша за душой, но зато был счастливым человеком. А потом повисла пауза.

— Что-то сегодня солисты быстро закончились, — прошептала Жаклин, чуть подавшись к юноше головой. — В прошлый раз здесь песни не умолкали. Наверное, все устали от каникул.

И тут она увидела, как один мужчина из вновь прибывшей «нарядной» компании встал и проследовал к только что певшей девушке. Одолжив у неё гитару, он сел на место и протянул инструмент довольно упитанной леди с гладко причёсанными на прямой пробор черными волосами и лучистыми, добрыми глазами в очках. Жаклин как-то до конца не верилось, что петь будет именно эта женщина, но тем не менее леди в очках, взяв гитару в руки и сделав на ней несколько пробных аккордов, заиграла и запела.

Пела она что-то совершенно необычное и на необычном языке. Даже Жаклин, послушавшая в своей жизни наречий и диалектов предостаточно, смогла понять только то, что это что-то близкое к итальянскому. К тому же голос у женщины был явно природный — не поставленный учителями по вокалу, а прекрасно оформленный от природы. Её послушать присели на стульчики даже бармены.

— Фу, коньяк тоже какой-то... колючий, — поморщился между тем МакЛарен, только лишь пригубив напиток. — Напиться им можно, конечно, только смысл!? Придётся пить пиво, хоть и не хочется.

Пропев одну ритмичную песню типа тарантеллы и одну мелодичную — на манер романса, женщина взяла последние аккорды и, закончив, прижала ладонь к струнам. Никто не хлопал. В практически мёртвой тишине она передала назад гитару мужчине. Тут ей её спутница, соседка по столику, что-то тихо шепнула.

— Оу! — тут же воскликнула громко солистка, вскочила с места и густо покраснела. — Извините, я забыла представиться. Моё имя Флави. Я итальянка, — и женщина очень по-итальянски, импозантно поклонилась.

И вот тут зал взорвался аплодисментами. Хлопали и Жаклин с Алексом.

«Скорей всего, она пела на неаполитанском или салентинском диалекте», — резюмировала Жаклин.

После Флави пришел петь исполнитель на сцене, а парочка опять сосредоточилась друг на друге.

По некой особой влажности красивых глаз парня и блеску в них девушка поняла, что её спутник уже слегка навеселе. Она улыбнулась. И тут же зажала уголок губы в досаде:

«Эх, трахнуть бы его сейчас... вот такого вот... пьяного, размякшего», — посмотрела она на своего красавца «кошачьим», хищным взглядом, в то время как тот тоже поглядывал на неё из-за бокала.

— Знаешь... — облизал губы после пива Александр, и поставил бокал на стойку, — чего я хочу?

Жаклин слегка задумалась, а потом, улыбнувшись, приблизилась к его уху.

— Минет? — предположила она.

Юноша уронил голову к стойке и засмеялся.

— Я угадала? — громко спросила Жаклин.

— Почти, — закивал головой он. — Я хочу, чтобы ты родила мне ребёнка, — произнеся это, он слегка отстранился и приготовился наслаждаться реакцией.

Жаклин его не подвела — она тут же испуганно-серьёзно распахнула глаза, как будто он достал из кармана живого пингвина. Но молчала.

— Вернее, нет, не так. Я хочу, чтобы ты от меня забеременела.

Не отрывая своего поблёскивающего, «плавающего» взгляда от испуганных, удивлённых глаз напротив, он ответил её молчанию:

— Сам в шоке.

Девушка судорожно вздохнула, потому как до этого, кажется, не дышала.

— А ты знаешь, что если я от тебя забеременею, то скорее всего от тебя у меня родится ребёнок.

Юноша сжал губы тугой бантик.

— Угу, — кивнула Жак, — твой ребёнок.

Он почесал верхнюю губу.

— Это страшно, — МакЛарен улыбнулся какой-то затаённой улыбкой и опять отпил из своего бокала.

— Хорошо, что ты признаёшься.

Алекс ничего не сказал, а принялся допивать свою порцию.

— Чёрта с два! — излишне громко стукнул он пустым бокалом о поверхность стойки.

Жак вздрогнула, но не испугалась, а замерла в ожидании.

— Мне почему-то кажется, — парень вытер себе рот уже довольно опьяневшим движением руки, — что у тебя обязательно будет мой ребёнок, — проговорил он медленно, словно взвешивая каждое слово.

Жаклин решила что, не смотря ни на какие его слова, не напомним ему, что он пьян. И даже не стала говорить, что если у неё будет его ребёнок, то у него тоже будет её малыш.

— Я уже успокоилась и забыла про это, — она отвернулась к залу. У неё вертелось на языке уточнение на счет мальчика или девочки, но девушка воздержалась и придвинулась плечом к юноше, загородив их совместное пространство от зала. Она потянулась губами к родному лицу.

— А я это вижу, — кратко чмокнул он её в губки.

Дальше Александр почти не пил, но его всё равно ещё чуть развезло, поэтому Жаклин обратилась к девушке — барменше, чтобы та вызвала такси.

В такси будущий отец почти сразу же задремал, а Жак всё прокручивала в ушах его слова. Говорил он под действием промилле в крови, но ей почему-то казалось, что у них в Англии алкоголя не хватит, чтобы заставить Алекса говорить то, чего он не хочет. Ну, в принципе, на этом её мысли и заканчивались. И она опять принималась просто вспоминать. Вспоминать и наслаждаться.

Проснулся юноша только под окнами дома Кирка. Расплатившись с таксистом, они ввалились в дом.

Раздевшись, парень заявил, что ему нужно запить всю эту бурду, что он влил в себя в пабе, и отправился на второй этаж. Оттуда спустился с графином какой-то светло-ореховой жидкости.

— Это почти что домашний виски, — зайдя в гостиную, поднял он сосуд на уровень своей головы. — Виски одного знакомого Рональда. У него свой заводик. Кое-что он делает для себя и угощает других. Неси стаканы, — скомандовал он девушке.

Включив электрический камин, они сели рядом и пили очень хороший, чистейший, качественный виски с ароматом имбиря и сигар. И вроде бы этому вечеру был уготован сценарий встречи двух добрых друзей, съевших в прошлом не один пуд соли, которым есть что вспомнить и есть над чем основательно поржать, если бы не Александр. Опять.

Он так вальяжно расположился на ковре в гостиной со своим стаканом, опять так сексуально опьянел и разомлел, его бесподобные глаза так заманчиво и многообещающе мерцали и ласкали взглядом, а в жилах Жаклин так мощно разыгралась «ядерная» смесь алкоголя и гормонов, что она сначала забралась к парню на колени, а потом буквально поволокла его в душ и, как и мечтала почти весь вечер, прижав к стене, трахнула под струями душа.

Но когда тёплая струя ударила в её горло, а утробный рёв её любимого человека заглушил шум воды, когда он, стоя прямо в центре душа, играл её складочками и наслаждался отзывчивостью девушки на свои касания её центра и её сладостными конвульсиями, когда, прижав теперь уже к стене её и полностью отпустив себя,

вдалбливался в неё членом со всей дури своего «заточенного» под секс естества, они в очередной раз доказывали каждый себе и друг другу, что всё, что происходило с ними вместе, было фильмом, а не кадром, было временем, а не моментом, было прибоем, а не волной. Сливаясь и перемешиваясь между собой, растворяясь и купаясь друг в друге, они поняли и окончательно осознали, что теперь это так и останется любовью.

* * *

— Знаешь... — почти одними губами прошептала Жак, когда они с Алексом лежали лицом друг к другу на диване в темноте гостиной, уже почти полностью одетые. На Лондон за окном спускались сумерки второго января. Пора, — есть такое выражение: «человек дождя». Имеется ввиду, что в жизнь человека приходит другой человек и дарит свежесть, очищает воздух вокруг, душу. А я когда-то слышала притчу о человеке с зонтом. — Девушка обняла парня за плечо, а он её — за талию. — Так говорят о том, кто приходит и укрывает тебя от всех бед и несчастий. — Она чуть помолчала. — Ты для меня и человек дождя и человек с зонтом одновременно. — Опять прервавшись, девушка оценила на слух свою неточность. — Только встретив тебя, я поняла насколько задыхаюсь в своих недоотношениях с Чарльзом, в своих попытках сделать вид, что и так люди живут, и я проживу. Не каждому посчастливилось хотеть кричать на весь мир от любви, кому-то приходится и наоборот. А потом пришел ты. И очистил меня от лжи самой себе. Я поняла, какой жизнью живу, насколько стала слабой, насколько позволила себе привыкнуть. Это и был мой дождь, Алекс. Ливень! Внутри меня сверкали молнии, и гроыхало так, что я боялась оглохнуть. И когда я уже почти тонула, ты раскрыл надо мной зонтик. Ты дважды спас меня. — Девушка помолчала и, видя, что Александр не спешит ей отвечать или перебивать, закончила: — Я люблю тебя.

Парень молча, чуть задумчиво улыбаясь, начал гладить её по спине.

— Хочешь, я спасу тебя в третий раз? — начал он так же тихо, как и она. — Я могу, — распахнул он в темноте свои «тюльпаны», — я могу сегодня же пойти с тобой и забрать к себе в общагу. Я не боюсь твоего Чарльза и ему меня не смутить. Я виноват только в том, что полюбил его жену, а она полюбила меня.

— Я постараюсь выдержать всё это, — Жаклин твёрдо сжала свои пухлые губки. — Я очень сильно постараюсь не наделать глупостей, пока ты будешь заниматься квартирой. Алекс, — так же тихо продолжила девушка, — есть такое выражение: «Спроси у человека, о чём он мечтает, и ты узнаешь, чего ему не хватает». О чём ты мечтаешь, Александр?

Он скосил глаза на обшивку дивана под её головой.

— Это не очень то, о чём ты, может быть, хотела бы услышать, Сасенак, — и улыбнулся.

— Нет-нет, говори честно. Только честно.

— Я мечтаю о своей компании. Хочу иметь нормальный, устойчивый бизнес, руководить им, заниматься им, развивать его. Не такой, конечно, чтобы мной начало интересоваться государство и лезть в мои дела со своей политикой, со своими интересами, но такую компанию, чтобы у неё было будущее и настоящее.

Жаклин ответила не сразу.

— Угу. Ясно, чего тебе не хватает, — она тоже улыбнулась.

— А о чём мечтаешь ты?

— Эмм... — она зажала губы между зубами, — боюсь тебя разочаровать, но это не лекарство от СПИДа и не мир во всём мире, — начала она рисовать пальчиком узоры на его груди, обтянутой мохеровым свитером стального цвета исландского производства. — Я

мечтаю о том, чтобы прожить с тобой всю жизнь: я буду лечить людей, а ты — заниматься своей компанией. И когда мы будем совсем старенькими, знаешь вот... идти с тобой по парку под ручку, прогуливаясь. Никуда не спешить, ни о чём не переживать, не волноваться. Чтобы была хорошая погода, светило солнце, и ты был рядом. Это моя мечта. Вот такая я домашняя клуша.

Александр, заулыбавшись, притянул девушку к себе и принялся покрывать поцелуями её лицо и шею.

* * *

«Мой Бог, как хорошо, что в Оксфорд мы едем всего лишь из Лондона, а не от самого хайлэндса. Не представляю, как бы я целый день ехала навстречу Чарльзу» — думала миссис Рочестер, сидя в машине по дороге на Westway.

В салоне опять командовала их старая знакомая девушка-робот, потому что ни Жак, ни Алекс не знали, как выбираться из Лондона в сторону Оксфорда. Правда, на этот раз водителю было не до неё — он просто молча исполнял её команды и думал о чём-то своём.

Жаклин хотела, чтобы он довёз её до железнодорожного вокзала, а она оттуда бы взяла такси, но МАКЛарен настоял на том, чтобы довезти её до дома, только остановиться возле соседнего подъезда.

Только лишь показалась табличка с надписью «Оксфорд», юноша почти сразу же за постаментом остановил машину, притянул Жаклин к себе и начал жадно целовать, забираясь руками под свитерок и сминая мягкое, нежное, хрупкое, женское тело. Она тут же зарылась ладошками ему в волосы, а потом начала лихорадочно ласкать руками его лицо и шею. Они даже сказать ничего не смогли, а просто, отдышавшись и поправив одежду, въехали в город.

Перед выходом у соседского подъезда Жаклин повернулась к юноше, но тот не развернулся в её сторону, а продолжал невидимым взглядом буравить лобовое стекло.

— И ещё, — как бы продолжая один из их недавних разговоров, ледяным тоном отчеканил парень, — если мне захочется, если я почувствую, что что-то не так, или что-то мне не понравится, я просто приеду и заберу тебя. Куда угодно: в общагу, в квартиру, в машину, с вещами, без вещей, с Сулой, без Сулы — мне похрен. Это понятно?

— Угу. Хорошо.

— Я позвоню, — он отвернулся к своему окну.

— Я буду ждать, — она нажала на ручку двери.

Вытащив из задней дверцы свой чемодан, куда, по её предусмотрительному настоянию, поместил его Алекс, она поставила его на колёсики и покатила к своему подъезду. На ходу её обогнала тёмно-коричневая Q7.

Открыв домофон своим ключом, миссис Рочестер вошла в подъезд, и, поднявшись к своей двери, нажала на звонок.

Послышался лай, а потом дверь распахнулась. На пороге стоял Чарльз, а в левой руке у него с ошейника рвалась Сула.

— Здравствуй, Чарльз, — поздоровалась Жаклин.

* Четвёртый постамент — Постаменты по углам Трафальгарской площади были сооружены для её украшения в 1841 году. На три постаменты установили скульптуры британских государственных деятелей (Георг IV, Генри Хейвлок и Чарльз Джеймс Напир), а четвёртый пустовал. С 1998 года постамент предоставляется Королевским обществом покровительства искусстваам в пользование современным скульпторам для демонстрации на нём их работ.

* Врумалия, также Врумелия, Брумелия[1] — древнеримский зимний праздничный период в честь Крона, Деметры и Вакха (Дионисия), оканчивающийся в день зимнего солнцестояния.

Глава 37 Удар

Достигнув однажды конца того, что следует знать, ты окажешься в начале того, что следует чувствовать.

Джебран Халиль Джебран.

Кирк прилетел пятого. Утром.

Его самолёт приземлился в шесть утра, а в семь он уже звонил Алексу из такси по поводу их совместной командировки в Iden графства Kent на предстоящей неделе.

Дядя как-то рассказывал племяннику, что тамошние власти объявили тендер на строительство очень даже немаленького спорткомплекса, и он разрабатывает проект, с которым смог бы этот тендер выиграть.

В семь утра, в воскресенье (а пятое января было именно воскресеньем) от телефонного звонка Александр если и смог проснуться после сна, в котором всю ночь напролёт буквально купался в длинных шелковистых кучерявых волосах какой-то девушки, то всё равно как-то не весь. Ещё практически спящими мозгами, даже под бодрящий шум голоса Кирка, продолжавшего что-то вещать насчет командировки, парню удалось вспомнить только лишь преамбулу о том, что дети небольшого южного городка учатся в единственной местной школе, а значит, занимаются на физкультуре в спортзале. После постройки спорткомплекса спортзал планируется переоборудовать в конюшни — ребятишек начнут учить обращаться с лошадьми — а новый спорткомплекс будет призван дать возможность, так сказать, до конца удовлетворить потребность в физических нагрузках не только школьникам, но и всем жителям города. Разумеется, тем из них, кому их адски не хватает.

Юноша тёр рукой лицо, чесал затылок, гладил ладонью по бокам своё стройное, худощавое тело, но всё равно никак не мог врубиться в разговор — ему чего-то не доставало или, наоборот, что-то мешало, что-то тут было явно не так.

«Жаклин!» — это имя буквально «прошило» его насквозь, и он наконец-то проснулся. Теперь уже весь.

— Ээээ... Кирк, Кирк, подожди, — перебил дядю вмиг пробудившийся племянник, — у меня к тебе дело.

— Дело?

— Да. Давай я сейчас приеду, и мы всё с тобой обговорим, окей?

— Ты? Сейчас? Приедешь?

— Да.

— Ну что же... хорошо. Я еду в офис.

— Я понял.

* * *

Приехав к офису Кирка теперь уже вдвоём с девушкой-роботом, с которой, без Жаклин на пассажирском сидении, пререкаться оказалось абсолютно неинтересно и даже как бы и без надобности, Александр, издав издав узнав здание на Fenchurch Street, в котором его дядя арендовал весь шестнадцатый этаж, не стал протискиваться к стоянке этого небоскрёба, а остановился в соседнем переулке перед Институтом Рисков Менеджмента — в воскресный день парковка там была почти пуста, что давало простор для манёвра.

Имя: «Александр МакЛарен» Кирк уже давно внёс в списки гостей компании

«BeecsterHouseLtd», поэтому юноше осталось только предъявить у турникета водительские права.

Довольно взрослая девушка-охранник, даже явно старше Жаклин, лет примерно тридцати — тридцати трёх, взглянув на красивого юного воскресного гостя, принялась рассматривать его документ так, как будто ещё чуть-чуть, и попросит поставить на нём автограф и подарить на память. Пока она набирала данные его удостоверения на компьютере, Александр успел раз пять мысленно закатить глаза. Но зато сегодня был выходной у секретарши Кирка, а это уже экономия минут пятнадцати времени и хорошего пучка нервов.

Мистер Бикстер в своём просторном запылённом кабинете с телефоном у уха ходил вокруг огромного дорогого полированного даже не заваленного, а именно захламлённого бумагами стола и с сосредоточенным выражением лица что-то внимательно выслушивал в аппарате. Рядом на стуле стоял раскрытый чемодан, тоже довольно внушительных размеров. Мужчина свободной рукой доставал оттуда папки и файлы с бумагами и, видимо, считая, что его рабочее место недостаточно завалено макулатурой, клал их поверх уже имеющихся.

Услышав скрип входной двери, он быстро оглянулся и, увидев входящего Александра, бросил очередную папку назад в чемодан и двинулся навстречу гостю.

Вместо приветствия он на ходу молча медленно-одобрительно кивнул молодому человеку и на мгновение закрыл глаза, что, по всей видимости, должно было означать: «Входи-входи». Подойдя к племяннику, Кирк свободной рукой обнялся с ним и этой же рукой подтолкнул парня под спину вглубь кабинета.

— И что? — проговорил он вслух, ладонью указывая Алексу на небольшое кресло возле своего стола. — Честер, ты мне зачем звонишь вообще? Рассказать, как тебя коммунальщики поимели? И что? — он помолчал. — Всем нужны инвестиции, в том числе и коммунальным сетям, но я не буду строить дополнительные фильтры, ясно? — Мужчина опять помолчал, а потом неожиданно взревел: — Да мне, мать твою, похеру, что им хочется! Флойду дали разрешение? Дали! А у него в отходах только трупного яда нет. И мне дадут — у меня там бытовые стоки одни. — Он опять что-то выслушал в телефоне. — Значит, подождём дня два-три и опять пойдём, но уже к другому инспектору. Всё. Мне сейчас некогда. Я дома был последний раз перед Рождеством. Завтра найдёшь меня, я посмотрю, что он там тебе написал. Всё, — мужчина отнял телефон от уха и, сбрасывая вызов, зло посмотрел на экран, после чего небрежным движением сунул аппарат в карман пиджака.

— Привет, сынок. Как ты? — обходя кресло, он потряс племянника за плечо и тут же продолжил вытаскивать бумаги из чемодана, но теперь уже сразу двумя руками.

— Я — нормально. Это насчет общежития? — тут же спросил Александр, указывая пальцем на телефон в кармане Кирка.

— Д-д-да... — мужчина взял очередную папку и, прочитав на неё надпись, отложил чуть в сторону. — Они всё надеются, что я не отличаю сантехнику от сангидротехники. Ну да ладно... я уже привык. У тебя ко мне какое-то дело? — глянул он на юношу.

— Да.

— Ты есть хочешь?

— Хм... Кирк, когда это я от еды отказывался?

— Тогда давай так: я сейчас тебе буду говорить, что нужно делать, мы быстро разложим здесь всю эту... работу, — он показал рукой на гору бумаг на столе, — а потом заскочим в ресторан, пожрём там хорошенько, — мужчина встряхнул воздух сжатым кулаком, — и ты

отвезёшь меня домой.

— Годится. Только недолго — я записался сегодня на спарринг на пять вечера.

* * *

— Ну так что у тебя за дело? — Кирк окидывал голодным предвкушающим взглядом блюда перед ним.

Они сидели в ресторанном зале огромного по лондонским меркам и почти нового паба в Сити под названием «TheCrosseKeys». Его построили в 1969 году, скорее всего, на манер какого-то старинного железнодорожного вокзала континентальной Европы, соорудив неоправданно высокие потолки с плавными, округлыми сводами, переходящими в массивные мраморные колонны, да и стены не постеснялись отделать панелями из этого же строительного материала. В воскресенье народу здесь было немного, и в основном одни туристы.

— Мне нужна моя квартира, — Александр отправил кусок запечённой с сыром и картофелем свинины в рот.

Кирк тут же вскинул на него глаза и немного повёл головой в сторону.

— Вот как? — он выразительно моргнул. — Зачем тебе сейчас квартира? — вертел он перед собой тарелку с кроликом в сметане, салатом из баклажан и маринованными корнишонами. — У тебя какие-то проблемы в общежитии? — заботливо уточнил он, накалывая вилкой кусочек крольчатины.

— Нет, в общежитии у меня всё нормально, но... но мне всё равно нужна квартира.

Кирк жевал, положив руки запястьями на ребро стола и молча разглядывая своего племянника.

— Сынок... — наконец проговорил он, — не заставляй меня предполагать, что квартира — это твой каприз. Я надеюсь, у тебя найдутся железные причины для того, чтобы я, в мёртвый сезон, посреди учебного года, озабочился поиском квартиры для Скаут. Так ведь? — и он вернулся к своей крольчатине.

Юноша, проглотив мясо, застыл и выговорил с какими-то особенными, доходчивыми интонациями, как будто старался заранее «разжевать» смысл своих слов:

— Я собираюсь там жить с девушкой.

— О, не-е-ет... — лицо его дяди тут же окрасилось недовольством и усталостью. Он закатил глаза. — Уже? — посмотрев на племянника, он тяжело вздохнул.

— Да.

Даже это короткое слово Александр сказал так, что Кирку это не понравилось.

«Прямо как кулаком по столу ударил, — проворчал он про себя. — Далеко пойдёт, ой, далеко-о-о-о...»

— Я думал, ты хотя бы до конца этого учебного года дотянешь, — посетовал вслух мужчина.

— Была бы моя воля, я бы и до конца учёбы дотянул, а потом бы и ещё... лет десять, — парень закусил верхнюю губу, — но...

— Ну и что мешает? Ты не найдёшь места, где трахнуть бабу? — и вот тут, после этих его слов, для Кирка случилось нечто неординарное — Александр ощутимо напрягся, его красивое лицо разгладилось, и на него легла лёгкая тень злости.

«У-у-у-у... — почуял неладное мистер Бикстер, — а вот это уже нехорошо».

— Неужели какая-то «соска» стоит того, чтобы заселять её в квартиру? — поддал он «огоньку», решив проверить свои умозаключения, и не пожалел об этом.

«Твою мать! — досадовал мужчина, наблюдая, как у Александр заходили желваки. — Я просрал парня? Уже? Так быстро? Не надо было с него глаз спускать! Фак! Ну и что это там за... цаца, интересно? Что его вон как всего...выворачивает».

— Сынок, да расслабься ты! — воскликнул он натужно-оптимистично. — Я знаю, что для какой-нибудь... тёлки ты не стал бы так... хлопотать. Что за девушка? Красивая? — дядя по-свойски заговорщически подмигнул и улыбнулся племяннику, к концу фразы перейдя на шепот.

— Не в этом дело, — отрезал юноша.

«О, нет! Только не это! — Кирка начала накрывать паника. — Вот только не это, мать твою!»

— А в чем тогда? — отправил он кусок запеченного баклажана из салата в рот.

Александр молчал, сосредоточенно жуя картофель.

— Побалуй-ка старика подробностями, — подгонял его с ответом «старик», вальяжно откидываясь на спинку своего кресла.

— Кирк, давай я не буду делиться с тобой частностями в подробностях, — поморщился Алекс. — Это явно не для твоих «наждачных» ушей. Эта девушка... — юноша в искреннем раздумье пожевал губы, после чего сложил их дудочкой, — она — моя, понимаешь? И на этом — всё, — легонько прихлопнул он ладонью по столу. — Давай лучше о квартире. Я могу помочь с поисками нового места для твоей Скаут. Кажется, она преподаёт экономику в каком-то колледже?

«Твою мать. Дело — херня», — мужчина внутренне сделался полностью серьёзным, весь собрался и опять принялся за еду.

— Да. Она преподаёт экономику и консультирует меня в вопросах налогообложения, — он опять наколот кусок крольчатины на вилку. — Хорошо, я не буду лезть в твой... пасторальный замес, ты мне только одно скажи: ты не забыл, чему я тебя учил?

Но Александр опять молчал.

«О, нет...» — Кирк внутренне похолодел и уже не пытался скрывать это внешне.

— О, нет... — выпалил он тут же, даже не прожевав. — Только не говори, что ты забыл про презервативы и она беременна. Хоть ты меня пожалей, Ал...

— Нет... — быстро перебил его племянник. — Вернее, да — я забыл про презервативы, но она не беременна.

— Да назови же ты мне её уже, чёрт бы тебя подрал! — от радости и облегчения сдержанным воплем взревел мужчина. На его громкую тираду оглянулся сидящий наискосок дедушка, пришедший в ресторан днём с внучкой — девочкой лет двенадцати, которая с аппетитом уплетала стоявшую перед ней изрядную порцию мороженого. — Что от этого изменится? — опять перешел на спокойный тон мистер Бикстер, заметив, что начинает привлекать к себе внимание. — Аренда квартиры оформлена на тебя, и я обязан освободить её по первому твоему требованию.

— Я не требую, я прошу.

— Да без разницы. И к тому же, если у вас так всё серьёзно, я всё равно с ней познакомлюсь, так ведь?

Лицо Александр очень сильно изменилось — на нём отобразилось какое-то выражение уязвимости и волнения. Юноша ещё сильнее склонился к своей тарелке.

— Что... — забеспокоился Кирк, — что такое? — но парень продолжал молчать. — Да говори же уже, черт бы тебя подрал! — покосился мужчина на дедушку с внучкой.

— Ты уже с ней знаком, Кирк, — поднял голову юноша.

Его дядя распахнул свои светло-карие глаза и искренне удивился.

— Знаком? С твоей девушкой?

— Да. Я вас уже познакомил.

— И когда же это, интересно, успел? Она из Глазго? В Оксфорде и Лондоне я вообще никаких девушек не знаю... ну по крайней мере...

— Это Жаклин Рочестер, — глядя на дядю в упор, даже не выговорил, а «выстрелил» именем Александр и в следующее же мгновение увидел, что последствия его слов примерно адекватны его интонациям — Кирк застыл с поднятыми плечами, как будто принял пулю на вдохе.

Это был даже не то что бы удар под дых или нож в спину, у мужчины появилось ощущение, что он приготовился сражаться с Майком Тайсоном, а ему на ринг вывели Уинстона Черчилля — как бороться с малолетними профурсетками, он ещё мог предположить, но это...

— Что? — прищурившись, спросил он так кратко, как будто боялся обжечься вопросом. Или ответом. — Что ты сказал? — Мистер Бикстер буквально потерялся в своих мыслях и ощущениях. У него перед глазами всплыл образ интеллигентной молодой женщины, леди, довольно привлекательной внешне, с живым умным взглядом и примерно таким же поведением. В принципе, он бы и сам мог на такой жениться, если бы не был самим собой. Мужчина весь сник. Или поник. Но это была только первая реакция.

«А-а-а-а... я идиот! Кретин! — он уже готов был отпинать сам себя ногами за такое неумение держать удар. — Как сопливый новобранец, ей Богу!»

— Что слышал: это Жаклин Рочестер. Я познакомил тебя с ней на Рождество в Глазго, — повторился между тем Александр, показательно-равнодушно жуя свою картошку.

«Сука! — мысленно обхватил Кирк худенькую шейку Жаклин и сжал её своей сильной рукой, а в реале смял в кулаке льняную салфетку. Мужчине тут же сделалось легче от этой грубости — ему удалось в своих собственных глазах приравнять «Майка Тайсона» с «Уинстоном Черчиллем». — Сука! — он облизал губы и сжал их в тонкую линию, опустив голову к тарелке. — Я закажу эту английскую шалаву. Я же сразу её просёк там, в Глазго. Это моя тупая сестрица их так свела? Ну что, Элис, добилась своего? Теперь твой сын под надёжным присмотром? — вопил он про себя, запихивая куда-то очень глубоко и далеко крамольные мысли, что ничего в этом мире просто так не случается, и именно такая, как Жаклин, в его глазах и была достойна такого, как Александр. Именно такая! И была бы она дочерью Брендона Бехтеля* или правнучкой Эндрю Битти**он, Кирк Бикстер, уже открывал бы шампанское за то, что его племянник сорвал-таки джекпот, а значит, он не зря верил в этого парня. — Так... нужно что-то говорить. Ах, да...»

— Сынок, но кроме того, что она старше, она, как бы это сказать... немного замужем. Понимаешь, в чем дело, — мужчина призвал на помощь всё своё самообладание, на какое только был способен, и поднял голову.

— Она замужем, а не в рабстве — как вышла замуж, так и разведётся, — Александр сделал плоток брусничного морса, который заказал себе, чтобы не пить пиво перед спаррингом. Ему не понравилась реакция дяди — тот отреагировал слишком спокойно, появилась вероятность, что он затаился.

«Это плохо», — с сожалением констатировал парень.

Но Кирк тут же отмотал ситуацию чуть назад.

— Угу. Я так понимаю, о том: любовь это или не любовь, вопрос не стоит, — сделал он итоговый жест рукой. — С этим всё ясно.

Юноша тут же купился на это и утвердительно кивнул. Ему очень, очень хотелось, чтобы Кирк принял его Жак, чтобы, что называется, подпустил её к их клану, к их семье, поэтому, услышав слова о том, что его дядя как бы признаёт его чувство к этой девушке как свершившийся факт, как непреложную истину, он немного расслабился и пошел на небольшой реверанс в сторону родственника.

— Кирк, мне поначалу и самому это, мягко говоря, не нравилось, — скрестив руки на груди, парень облокотился о стол и подался вперёд. — Очень не нравилось. И я... я боролся. Честно боролся, — он низко опустил голову, но тут же поднял, ибо его вихры грозились опуститься к нему в тарелку. — Помнишь, ты мне подогнал девушку из сопровождения? — Мужчина прищурился и кивнул. — Ну так вот, это я тогда хотел отпугнуть именно её, Жак, — Александр пятернёй зачесал себе волосы назад. — Хотел, чтобы она разочаровалась во мне, чтобы возненавидела... прокляла... да что угодно! Стала бы чураться как прокаженного или как бандита какого-нибудь. Тогда бы и я справился с... с собой. А когда она действительно меня послала... ну или почти послала — уехала с моей вечеринки с твоим Кэмероном...

— С Кэмом? — тут же перебил его Кирк.

— Да.

— Подожди... ты подобрал её после Кэма? Александр...

— В том-то всё и дело, что она тогда послала и меня, и Кэма.

— Кэма послала? — удивлению Кирка не было предела: — «Мата Хари грёбаная. Кэма она послала!»

— Да. Кэма. — Алекс скомкал салфетку, ударил ею об стол и выпрямился. — И если он тебе ничего не рассказал о том вечере, то значит, точно послала. Без вариантов, — он вскинул подбородок. — Но... всё дело в том, что я бы подобрал её даже после Кэма, Кирк, тем более, что сам же толкнул её к нему. Да и после кого угодно тоже... подобрал бы. Я не могу без неё. Извини, — и юноша развёл руками.

«Сможешь! Куда ты, нахер, денешься! Ещё как сможешь. Даже не сомневайся! — мистер Бикстер, облокотившись о стол, поглаживал тремя пальцами себе подбородок. Злость исчезла, паника прошла, пришла пора думать. — Та-а-а-а-ак... этот плейбой недоделанный, скорее всего, ещё не натрахался с ней — вон как глазёнки горят. Нужно немного подождать. Пусть она ему чуть надоест. Да-да... пусть надоест. И даже можно ускорить этот процесс. А с ней нужно обязательно поговорить. Обязательно! Кстати!»

— Кстати. Что-то я отвлёкся. Так вы с ней не предохраняетесь? — Александр просто молча отрицательно покачал головой. — Александр, мальчик мой, ты тронулся умом? — вкрадчиво, даже с какими-то садистскими интонациями прошипел мужчина.

«Мальчик» в расстройстве откинулся на спинку кресла.

— Я тебе уже полчаса именно это и пытаюсь втолковать! Да, Кирк, я тронулся умом! Врубись уже в этот факт как-нибудь, мать твою! — он отвернулся в окно ресторана, где за стеклом, по улице Церкви Милосердия, медленно-вальжно «проплывали» красные двухэтажные автобусы, между ними мельтешили автомобили, по тротуарам куда-то спешили пешеходы-это Лондон спокойно-привычно руководил своими жителями и гостями.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

«Господи, пронеси нас всех!» — мысленно закатил глаза к небу мистер Бикстер.

— Кирк, ей двадцать седьмой год, и она хочет иметь ребёнка.

«Ну что я могу на это сказать. Она ещё большая сука, чем я о ней думал. Что уж тут...»

— сразу же сформулировал Кирк, но вслух молчал.

— Она имеет полное право хотеть и иметь ребёнка, Кирк. У неё нормальная работа, есть своя квартира в Лондоне, — принялся отгибать пальцы юноша, — в Челси, кстати, это тоже недалеко от стадиона, она любит меня. Почему, скажи мне, почему ей не хотеть иметь ребёнка? — подался он вперёд, наседавая на дядю.

«Любит она тебя, мать её фак. Я тоже тебя люблю, и что?»

— Но тебе-то восемнадцать, ты только на втором курсе, у тебя нет своей квартиры вообще нигде, и работы тоже. И самое главное, тебе нельзя связывать себя всякими обузами, сынок, у тебя бешеный потенциал, ты должен двигаться и двигаться вперёд!

— Если бы ей было восемнадцать, я бы спал в презервативе, как ты меня и учил.

«Балбес! Щенок! Молокосос! — ругался мужчина. Он в бессилии опустил плечи и окинул глазами зал, но Александр всё-таки притянул к себе его взгляд. Так было всегда. — Но зато какой красивый. Картинка просто», — не смог не полюбоваться на своего визави мистер Бикстер.

— А что касается движения вперёд, так она мне здесь не помеха, — продолжил меж тем юноша. — Она полностью признаёт, что мне ещё рано иметь детей и ни на что не претендует. Только лишь примет то, что я сам захочу дать ей и ребёнку.

— Я первый перестану тебя уважать, если ты не захочешь дать своему ребёнку всё, и только самое лучшее, — сказал Кирк как отрезал.

— Точно! — обрадованно подпрыгнул в кресле парень. — Ты всё правильно говоришь, Кирк! — у него загорелись его «тюльпаны», и он заулыбался. — Вот и я тоже так думаю! Поэтому я решил начать с главного — хочу дать своему ребёнку самую лучшую в мире мать. — Александр замолчал. Молчал и его дядя. — А то, что Жаклин будет самой лучшей матерью в мире, я не сомневаюсь. Я бы и сам хотел себе такую, — добавил он уже совсем тихо. На это Кирку ответить было нечего. — Кстати, — юноша всё-таки хотел закончить тему, — Жаклин какая-то неправильная англичанка, — он мечтательно улыбнулся.

«Боже...я сейчас заплачу», — скривился про себя его дядя.

— Она тоже любит всё новое и тоже хотела бы жить в Нью-Йорке.

«Сиротка прям, мать её фак! Ждёт её кто-то в Нью-Йорке. Думает, если смогла взлезть на член к восемнадцатилетнему, то и Нью-Йорк ей по зубам. Ну-ну. Короче, надоела она мне...»

— Хорошо, — Кирк плотно прижал к поверхности стола раскрытую ладонь. — Я освобожу тебе квартиру и как можно скорее, но никаких молниеносных результатов не обещаю.

— Меня устраивает, — кивнул Алекс.

— С этим — всё?

— Всё, — кивнул юноша.

— Тогда нас с тобой ждёт спортивный комплекс — я хочу, чтобы ты присутствовал при обсуждении проектов. Хотя бы пары из них.

— А сколько их всего будет?

— Ну-у-у, я думаю, где-то пять-шесть наберётся.

И дальше мужчины углубились в свои дела, отодвинув женщин на потом.

— Привет... Жаклин, — со слабой улыбкой поздоровался с женой Чарльз, запинаясь на полуслове, потому как Сула практически отрывала ему руку.

— Давай мне её на поводке и возьми чемодан, — Жак перекатила свою поклажу через порог. — Я немного прогуляюсь с ней, пусть прыгает вокруг меня на улице.

Мужчина сначала где-то за дверью достал поводок, пристегнул трепыхающуюся Сулу и принял у жены чемодан.

Наверное, поводок был даже излишним, потому как собака никуда убежать не собиралась, да и вообще, судя по всему, не смогла бы отойти от хозяйки и на шаг. Прыгала вокруг Жаклин, пытаясь достать до лица, чтобы лизнуть хоть разочек, и поскуливала, и повизгивала, и даже погавкивала, радуясь и высказывая девушке всё, что думает о таких вот хозяйках, которые уезжают со всякими там шотландцами неизвестно куда и зачем, бросают с директорами школ своих преданных друзей, а те мучаются от тоски и ждут их — своих нерадивых непоседливых владельцев.

«Ни за что не брошу её на Чарльза!» — думала Жаклин, взъерошивая приятную гладкую породистую шерстку своей любимой хулиганки. Обнимая и прижимая к себе Сулу, хозяйка заметила, что её питомица успела даже чуть заметно подрасти за эту неделю.

Как только запахнулась входная дверь, и девушка увидела мужа, ей тут же захотелось оставить чемодан, развернуться и бежать. Не оглядываясь. Бежать куда угодно, главное, чтобы подальше. И подольше. Хотя она и готовилась внутренне к этой встрече, но всё-таки в первые мгновения аутотренинг ей не помог.

Чуть позже, когда у Сулы порыв необузданной радости сошел на нет, и собака вспомнила, что хозяйка хозяйкой, а обход территории ещё никто не отменял, Жаклин, прислушиваясь к себе и анализируя своё самочувствие от встречи с супругом после разлуки, с удивлением осознала, что бежать ей захотелось почему-то всё-таки не к Александр, а к дядюшке.

«Это потому, что я с ним толком не пообщалась, — подумала она с тоской. — Всё-таки плохая я племянница. Как только всё устроится, нужно будет с Алексом съездить в Глазго дня на три, — планировала девушка, глядя, как Сула уже что-то роет лапой под кустом, тычется туда мордой и фыркает как бегемот. — Ещё раз повнимательней прослушать дядюшкино сердце», — вспомнила она, как в этот раз ей очень не понравилась чёткая, ритмичная работа «мотора» мистера Фортестью. Прямо как у молодого. Раньше у него, как и у всех нормальных людей его возраста, проскальзывали кое-какие еле заметные признаки экстрасистолии, или начиналась лёгкая тахикардия от волнения, что происходит довольно часто с пожилыми людьми во время осмотра.

«Да и с не пожилыми тоже, — в уголках губ доктора Рочестер заиграла улыбка. — У Алекса тогда в общаге вон как систола молотила, диастола бедная за ней еле попевала, — вспоминала она ещё недавние, но уже такие далёкие времена и события. Никакая, даже очень важная тема не могла вышибить из её головы тему Александр. — Всё-таки на некоторых фонендоскоп действует магически», — окончательно расплылась в умилении доктор Рочестер.

Ну так вот, на этот раз у дядюшки сердце работало именно как часы — тик-так, тик-так.

«Это странно, — продолжила размышлять девушка, каким-то волшебным образом сумев

сбросить с себя наваждение по имени «Александр». — Так не бывает. Он явно что-то принял перед моим осмотром. Скорее всего, нитроглицерин», — подытожила она, ужасно злясь на себя и стыдясь, что подумала об этом только сейчас. Эгоизм, жажда собственного, такого долгожданного счастья заставили её там, в Глазго, сделать вид, убедить саму себя, что всё нормально, всё так и должно быть. И вот каникулы закончились, впереди предстояла черед будней, трудностей и бесконечных выяснений отношений, тут-то и всплыло в мозгах то, что было отодвинуто, засунуто, запихано подальше, от чего в своё время отвернулась.

«Нужно связаться с его кардиологом, — наметила себе планы Жаклин. — Обязательно».

Вообще-то, в минуты раздумий, представляя свою, пусть теперь и недолгую, жизнь бок о бок с Чарльзом и все вытекающие из неё последствия, Жаклин тем не менее планировала взять себя в руки, доиграть свою роль до конца и, выражаясь языком вокалистов, «выдержать все такты и дотянуть все целые ноты». Но только лишь зайдя в квартиру уже с Сулой, да ещё и почувствовав лёгкий поцелуй мужа на губах и его неуклюжие объятья, поняла, что ей не справиться.

Не перебороть, не проигнорировать, не запихнуть глубоко в себя то, что рвётся в пространство; не выпестовать, не взрастить в себе и не выгащить из нутра на поверхность то, чего там нет и в помине. Не проигнорировать, не умножить на ноль, не удалить одним нажатием клавиши эту колоссальную, без края и дна, разницу в её чувствах к этим двум мужчинам, в отклике её собственного тела на банальное, элементарное присутствие их рядом с ней.

Александр и Чарльз рождали в ней ощущения различные не только и не столько по своим проявлениям и последствиям, сколько, как она сама формулировала, пользуясь медицинской терминологией, отличающиеся именно «этиологией», механизмом возникновения. Другими словами, источники были совершенно разные. Поэтому, поняв и осознав свои довольно скромные актёрские способности в борьбе за «лучшую женскую роль» в этой мелодраме и Оскар за неё как следствие, девушка решила если и говорить, то как можно меньше, и если и врать, то как можно ближе к тексту.

Зайдя впервые после приезда на кухню вместе с Сулой, которая, пристроившись у ноги своей хозяйки, сопровождала её теперь повсюду, видимо, из желания не пропустить момент и составить компанию, если та опять вздумает рвануть куда-нибудь со своим молодым шотландцем, Жаклин остановилась, посмотрела, развернулась на пятках и вышла.

«Неинтересно» — охарактеризовала она свои ощущения от изменений, которые привнесла в интерьер Мери: подставка с ножами находилась теперь слева, а не справа от плиты; на ручке духовки не висело полотенце, чего девушка практически не допускала; магнетики на холодильнике выстроились в линию как солдаты на плацу, а до её отъезда были разбросаны по всей поверхности дверцы как овечки по английским лугам; на обеденном столе стояли сахарница и какая-то тарелочка с чайной ложечкой, тогда как сама Жак между приёмами пищи держала поверхность стола практически пустой.

Поднявшись на второй этаж, опять же вместе с Сулой, и войдя в супружескую спальню, девушка окинула комнату взглядом. В первую очередь бросилась в глаза не застланная кровать. И, судя по всему, уже давно. Скорее всего, с самого её отъезда. Свежесть белья тоже оставляла желать лучшего. Супружескому ложу, сего неприглядностью и неопрятностью, делать картинку в целом ещё более удручающей помогали брюки мужа с просунутым ремнём, перекинутые как попало через спинку стула. Тут же небрежно валялись на его

прикроватной тумбочке несколько файлов с бумагами и с очками поверх них — видимо, доцент Рочестер просматривал документы перед сном, не до конца была закрыта дверца шкафа, из щели которой высовывался рукав её любимого весеннего плаща. Одиноким мужской комнатный тапок прибил к ножке кровати, как будто ища у неё защиты от врагов. И немудрено — им сразу же заинтересовалась Сула. Не иначе как его горькое одиночество тоже было на её совести. Увидев неравномерно распределённую по окну занавеску, Жаклин хотела было подойти, поправить и посмотреть: поливала ли Мери циссус на подоконнике или нет, но тут же передумала.

«Неинтересно», — повторилась она и, взглянув вниз на стоявший у порога свой пластиковый чемодан, куда, судя по всему, его занёс Чарльз, подхватила поклажу и, окликнув Сулу, вышла из комнаты.

Итак, она не стала брать на себя труд что-то скрывать, что-то изображать, в чём-то убеждать мужа, стараться сложить в его голове какую-то определённую картинку её самочувствия и настроения, а просто внутренне вся сжалась в комок, как сжимают у неё на работе файлы с историями болезней для архивации, сгруппировалась и приготовилась оуклиться. Что называется, законсервироваться. До поры до времени.

Не искать общения и по возможности его минимизировать, не проявлять инициативы самой и к инициативам супруга относиться только через призму своей личной необходимости, заинтересованности, выгоды и целесообразности. Никакой эмоциональной благотворительности, никаких интеллектуальных и физических вложений. Довольно.

Но ведь тут ещё и Мери никто не отменял!

Буквально с первых же минут общения втроем золовка очень сильно напомнила Жаклин девушку-робота из тёмно-коричневой Q7. И хоть мелодичностью голоса директор школы не могла тягаться с мягким, обволакивающим тембром немецких авто, но зато занять лидирующие позиции в тесной ячейке общества из трёх человек, не считая собаки, в небольшой квартирке Оксфорда у неё получилось почти профессионально.

«Её бы к Алексу в машину. Интересно, на какой секунде он бы её высадил?» — прослушивая фонендоскопом сердце своей золовки, усмехалась про себя Жаклин.

И она могла себе позволить такую фривольность, ибо заставить невестку сильно переживать за своё здоровье у Меринэлл так и не получилось — жалуясь на некое, почти мифическое, общее недомогание и боли в области сердца, она пугалась в показаниях и не блистала точностью и конкретикой в описаниях самочувствия: то у неё немели пальцы, то локти; то сдавливало грудную клетку, то голову; то ей казалось, что её сердцу тесно в груди, то она вообще его не чувствовала. Под конец, окончательно потерявшись в своём организме и его неполадках, она очень сильно возмутилась, что простого заявления о том, что «у неё болит и всё» недостаточно, и смолкла.

Поэтому доктор Рочестер с лёгкой душой сделала вывод о подозрении на обычный кардионевроз, очень характерный для людей в стадии расслабления после какого-либо сильного стресса, типа потери близкого человека. Она пообещала золовке завести историю болезни, направить на консультацию к гематологу, назначить дополнительную консультацию психотерапевта к той, которую проходят ежегодно все учителя школ, после чего бережно передать с рук на руки на лечение кардиологу или даже кардионеврологу.

Скорей всего, они назначат кучу анализов и после ЭКГ даже могут прикрепить прибор Холтера. А потом обязательно — на физиопроцедуры: массаж, электросон, гальванотерапия,

электрофорез, магнитотерапия, ультразвук, низкоэнергетический лазер, СВЧ — всё, что сочтут нужным и что имеется в больницах Корнуолла.

«А лучше всего тебя бы в горы, в хайлэндс... на недельку с каким-нибудь... шотландцем, — помечтала для пациентки доктор Рочестер, — чтобы ты и думать забыла про своё сердце».

Но с дальнейшим развитием событий, пробыв в квартире с Мери где-то с час, Жаклин уже готова была отправить её куда угодно и даже за свой счет. И с ящиком шампанского в придачу. Вернее, ящик шампанского с Мери в нагрузку.

Погоуляв с Сулой неделю, золовка не поленилась тут же указать Жаклин на недостатки и недочёты в уходе за животным: фиксатор рулетки поводка слишком мягкий для такой крупной собаки, миска слишком мелкая — гранулы корма Сула разбрасывает по всей прихожей, да и вообще, растущему организму лучше не эта «пластиковая отравка», а настоящее сырое мясо.

— Как этого можно не понимать? Это же очевидно! — вскинув брови, искренне удивлялась корнуоллка. — И взрослая полугодовая собака уже должна быть в состоянии сидеть смирно, когда ей чистят и обрабатывают уши, — продолжила она, абсолютно не смущаясь гробовой тишиной в ответ — Чарльз что-то просматривал в ноутбуке, а Жаклин ковырялась в тумбочках прихожей. — Она у вас излишне разбалована в этой своей необъяснимой страсти к тряпью.

— Вот, Мери, примерь эти, — вошла девушка в гостиную со своими старыми осенними сапогами в руках.

— Всё это нужно пресечь и запретить, пока не поздно, — не зная отдыху, вещала Мери, принимая из рук невестки обувь. — Иначе вы потом сами будете плакать, когда эта здоровая псина разнесёт и разорвёт вам полквартиры, — принялась она примерять обувь. Всё дело в том, что один из её собственных сапог, в которых она приехала в Оксфорд, пал смертью храбрых в неравной борьбе с режущимися резцами и клыками молодой фараоновой собаки. Поэтому для того, чтобы не возвращаться домой в Корнуолл босиком, ей пришлось позаимствовать старую обувь невестки. — Хорошо, Жаклин. Они мне почти как раз. Я поеду в них. Спасибо, — оценивающе посмотрела женщина на результаты своих усилий, сменила гнев на милость и насколько могла умильно улыбнулась своей любимице, лежавшей тут же на паркете гостиной и, по всей видимости, уже визуальнo оценившей только что появившиеся целые сапоги на стойкость и сопротивляемость.

«Интересно, а как отреагировал бы Александр, если бы Сула съела его кроссовок?» — задумалась тем временем Жаклин. Она очень-очень старалась быть объективной, в конце концов, от этого зависела её жизнь с любимым мужчиной, но вот представить себе ситуацию, при которой юноша отчитывает такую прелесть как её Сула за какой-то несчастный кроссовок, она не смогла.

«Да и вообще... — Жаклин взлохматила себе волосы, — может, он и не заметит, если быстро купить ему новые, — чуть улыбнулась девушка. — Черт, как же я уже скучаю!»

Но от Мери доставалось не только женщинам. Своего брата она тоже не смогла обойти вниманием и оставить на произвол судьбы, чтобы он так и состарился абсолютно неорганизованным и невоспитанным.

— Что за дурацкая необходимость складывать книги на этажерках стопками, тогда как человечество уже давно изобрело довольно удобный способ ставить их в ряд? Что за анахронизм?! — сурово сдвинув брови и макая в чашку пакетик чая, возмущалась мисс

Уитни, сидя в гостиной на диване и выказывая своё категорическое, ортодоксальное «нет» действительно не самой лучшей манере Чарльза складывать книги в стопки. — А потом они у него сыплются на пол как... как бомбы! — округляла она свои и без того круглые глаза. — Я каждый раз просто холодею от ужаса! Кажется, что в квартире что-то разбилось или взорвалось. А ведь у меня, между прочим, больное сердце!

Уже к ночи, сразу после приезда, у Жаклин появились видения большого директорского стола и кресла прямо у них в центре гостиной, и девушка начинала всерьёз мечтать дать Меринэлл ещё чуть-чуть больше времени — не исключено, что она сможет запудрить Чарльзу мозги настолько, что он забудет: кто он, что он, где он и с кем он, тобишь, что Жаклин — его жена, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Девушка очень боялась первой ночи с Чарльзом. Вернее, того, как она сможет выкрутиться из ситуации, ведь о том, чтобы лечь с ним в постель, не могло быть и речи. Это всё равно что пить чай, стоя на голове: неестественно, неудобно, странно, стыдно и ни капли в рот не попадёт.

Спасибо, что хоть от его поползновений в её сторону у неё имелся железный джокер в рукаве в виде месячных. Это был тот самый случай, когда если бы месячных не было, их бы стоило придумать. Вспомнив, как они с Александром в джакузи обвели вокруг пальца её организм, она попробовала представить в подобной ситуации Чарльза...

«Обязательно накажу своей дочери, чтобы она ни дня своей жизни не тратила на человека, с которым не сможет заняться сексом в джакузи во время месячных», — неожиданно зло подумала Жаклин, с каким-то остервенением вытаскивая из шкафа набор постельного белья. Девушка настолько поверила своему любимому человеку, когда он заявил, что у неё всё-таки будет его ребёнок, что принялась строить планы уже не по его зачатию, а по воспитанию.

— Я пока буду спать здесь, — небрежно кинула она простынь и наволочку на диван в гостиной.

Мери уже поднялась к себе в комнату для гостей, пожелав всем спокойной ночи. Сула в прихожей с упорством бронетранспортера наносила последний сокрушительный удар заносчивым корнуольским сапогам. Чарльз сидел в кресле с ноутбуком и что-то читал. Услышав заявление жены, он посмотрел на неё с интересом и замер. Когда до него окончательно дошел смысл её слов, мужчина отложил гаджет с колен и поднялся.

«Мой Бог, дай мне силы, — успела завопить мысленно Жаклин, стараясь не менять при этом выражение лица. В этот момент она смогла бы убежать прочь отсюда, наверное, даже без Сулы, не говоря уже о чемодане.

— Дорогая... — подойдя, Чарльз взял её ладони в свои и поднял на уровень груди между ними, — я вижу, с тобой что-то не так.

«Нет, дорогой, ты ошибаешься, это со мной было что-то не так. Сейчас со мной как раз-таки всё так».

— Ты вернулась оттуда какой-то...озабоченной.

«И опять мимо, Чарльз. Я не вернулась. И уже никогда не вернусь. Меня уже нет рядом с тобой. Когда же ты, чёрт бы тебя подрал, наконец-то это увидишь?» — последний вопрос девушке захотелось прокричать на весь Оксфорд, но и это ей пришлось отложить.

— Что-то с дядюшкой? — предположил между тем супруг.

«Ну и на том спасибо — всё сам объяснил».

— Да, ты прав, дорогой. — «Господи, ни за что, никогда не назову Алекса

«дорогим». — Я посмотрела его медицинский журнал, и вроде бы ничего нового и никаких особых ухудшений, но что-то мне не понравилось его сердце в этот раз, — начала Жаклин, помня о договорённости с собой врать как можно меньше. — Оно работало слишком хорошо, как-то неестественно, понимаешь? Я думаю, дядюшка что-то принял, чтобы сбить меня с толку. А если он хочет сбить меня с толку, значит, у него проблемы, — Жаклин объясняла, слушала свои слова на слух и начинала очень жалеть, что не обсудила этот момент с юношей.

«Он бы обязательно что-нибудь придумал или хотя бы сказал что-нибудь такое, что я хочу услышать», — почему-то верила девушка.

— Что ты собираешься предпринять? — спросил её муж.

«А не спрашивал у меня: что я собираюсь предпринять», — мысленно закатила она глаза.

— Я думаю, стоит позвонить Эшли и спросить у неё о его кардиологе. И в следующий раз сходить сразу к нему.

— Да, ты права. Нужно поговорить сразу с врачом. Ты же у меня умница, — он поднёс к своим губам по очереди обе её руки и поцеловал. А потом притянул её к себе.

Жаклин даже сама себе не смогла бы, наверное, описать, на что для неё сейчас были похожи его объятия. На объятия брата? У неё никогда не было братьев. На объятия друга? Точно — нет. Друзья её обнимали быстро, резко, по-дружески как-то. На объятия дядюшки? Тем более — нет. Дядюшка всегда обходился с ней как с большой фарфоровой статуэткой. Она ничего не могла понять, потому как ничего, кроме примитивной, однообразной, всепоглощающей скуки не чувствовала.

Ей даже не было противно и уж тем более омерзительно. Ей было... никак. Никакой, ни положительной, ни отрицательной реакции. Так она стояла и быстро перебирала в уме варианты, а потом Чарльз взял и поцеловал её за ушком. И Жаклин поняла, на что это похоже.

«Это похоже на объятия нелюбимого, неинтересного, чужого мужа. Который тебе нужен как прошлогодний дождь», — подумала девушка и тут же опять вспомнила про человека дождя, но только уже в слегка другом контексте. Когда-то она смотрела фильм «Человек дождя» с Дастином Хоффманом и Томом Крузом. Там героя Хоффмана, больного савантизмом, целует девушка, и, когда спрашивает о впечатлениях от поцелуя, он отвечает ей: — «Мокро». Вот! Вот именно такое впечатление было у Жаклин от поцелуя мужа у неё за ушком. Мокро. После осознания этого откуда-то из глубин её нутра, из самых нижних слоёв души начала подниматься удушающая, чёрная, тяжёлая, липкая, вязкая мука. Жаклин испугалась.

— Чарльз, — напряглась она.

— Мм? — откликнулся супруг, целуя её в шейку.

— У меня первый день месячных.

Он тут же застыл.

— Вот как? — резко выпрямился и отстранился мужчина. Девушке даже показалось, что в его глазах промелькнуло какое-то подозрение. А может быть, это было простое недовольство.

«Плевать», — равнодушно подумала она.

— Ты случайно не поэтому перебираешься на диван? — как-то излишне высокомерно произнёс мужчина.

— Нет. Не поэтому, — окончательно высвободилась Жаклин. — У внука Эшли — Маркаса — обнаружился конъюнктивит. Эшли его на анализы попросила не отправлять, поэтому я не знаю, какой он природы. Мне пришлось его лечить наугад. Не исключено, что это бактериальный или даже вирусный. У бактериального инкубационный период от тринадцати до пятнадцати дней, — на ходу увеличила Жаклин реальный вдвое. — Поэтому хотя бы дней десять мне нужно держаться от твоей постели и полотенец подальше. Ты же не хочешь практически ослепнуть на неделю.

— Оу, вот оно в чем дело, — Чарльз явно проникся ситуацией и сразу же не то боязливо, не то благоразумно отошел в сторону.

«Ну вот и умница», — выдохнула девушка.

Улёгшись в гостиной на диван и перед тем как завести будильник, она проверила звонки и СМС. На удивление везде было пусто.

«Это затишье не иначе как перед бурей», — тут же подумала доктор Рочестер о предстоящей работе. Правда, пока она ставила время на будильнике, ей пришло СМС от некоего Александра. Раскрыв его, девушка обнаружила там только одно слово.

«Жаклин...» — написал респондент и, видимо, решив, что этим он всё сказал, именем и ограничился.

«Прямо до слёз...» — набрала она текст в ответ и отправила. Потом, не дожидаясь ответа, написала:

«Спокойной ночи», — отослала, отложила телефон на пол рядом с диваном и принялась укладываться поудобней — время было позднее.

Засыпая, Жаклин вспоминала, как ещё сегодня утром просыпалась с МакЛареном в одной постели, как они долго валялись и разговаривали, а потом завтракали, а потом собирались, а потом...

На следующий день, проведив в пять утра Мери в Лондон, откуда та должна была проследовать на поезде до Корнуолла, Жаклин отправилась на работу.

Работа накинута на неё с гораздо большим желанием и вожделением, нежели её «пылкий» муж. Вот кто действительно по ней соскучился! В компьютере накопился список поступлений длиной с Великую Китайскую стену, на столе дожидались файлы с историями болезней, анализов, направлений, уточнений, для подписи, печати и ещё бесконечного множества вопросов.

В обеденный перерыв она сама написала Алексу, что у неё всё нормально — она медленно, но верно идёт ко дну, и если к концу дня её не разорвут на тысячу маленьких Жаклин, значит, у неё девять жизней как у кошки. Он просился позвонить, но девушка осторожно свела к нулю возможность разговора, поскольку Чарльз, скорей всего, сегодня выгуляет вечером Сулу сам, и она уже не пойдёт делать это повторно, потому как завтра у неё «сутки». Александр завершил переписку своим фирменным: — «Ну начинается...»

«Сутки» ей показались годом. Високосным. Она даже планировала прийти домой и, прежде чем лечь спать, посмотреть перед зеркалом у себя в волосах седину. И поняла, что, не обнаружив ни единого белого волоска, будет очень сильно удивлена. Ни о каких разговорах по телефону речи идти не могло, Александр просто прислал СМС о том, что Кирк сегодня не приедет, он прилетает завтра рано утром.

«И почему я не беременна, — досадовала девушка, еле-еле выползая утром из северного входа больницы Черчилля. — Сейчас бы уже работала только в день, и у меня была бы куча отгулов».

Почти всё воскресенье она проспала. Всё так же — на диване в гостиной. Чарльзу надоело ходить вокруг неё на цыпочках, он собрался и ушел, оставив жене записку, что направился в библиотеку.

«Господи, хоть бы он завернул в клуб шахматистов в колледже Королевы», — помечтала девушка.

Иногда мечты сбываются, и в десять часов вечера она, сидя в гостиной, абсолютно спокойно смогла поговорить по телефону со своим МакЛареном, недавно вернувшимся со спарринга. Он рассказал ей о встрече с Кирком, и они разделили на двоих радость того, что дядя принял ситуацию и скоро освободит им квартиру.

Жаклин описала, как её встретил Чарльз, как она смогла улизнуть из супружеского ложа, немного упомянула Мери, немного Сулу. Отчитавшись, что ещё не распаковывала вещи и даже не собирается, девушка поделилась планами начать выбирать из квартиры все свои оставшиеся пожитки. Александр посоветовал брать только самое необходимое и то, что доподлинно принадлежит именно ей, чтобы не тащить за собой вещи Чарльза и не давать ему поводов для дополнительных визитов и встреч.

Под конец он вспомнил, что у Паломы появились дополнительные уточнения к заданию, и эта медик-маньячка уже стопорила его в коридоре общежития, напрашиваясь на визит к доктору Жаклин. Александр даже в шутку пригрозил, что если доктор Жаклин их не примет у себя в ближайшие дни, он наестся мороженого, заболеет и уляжется к ней в больницу, ибо это единственный способ вытащить её на свидание. Как в подтверждение его слов, принявшись сверять свои расписания, парочка традиционно выяснила, что в

ближайшее время встретиться они смогут, только если случится что-то из ряда вон выходящее.

И оно случилось.

Утром во вторник, седьмого января, на работу доктор Рочестер прибыла на удивление в прекрасном расположении духа.

Вчера, в понедельник, она почти целый день пробыла дома одна. Чарльз с утра ушел на работу и вернулся только поздно вечером. Александр днём был занят в колледже, а вечером — на футболе, поэтому девушка с помощью Сулы принялась перебирать книги в кабинете мужа. Выбрав свои издания по медицине и сложив их в большую коробку, она поставила её в чулан под лестницей.

Так же Жаклин не забыла перетряхнуть шкафы в доме и упаковать кое-какие личные вещи: красивые египетские полотенца, которые ей дарила Скарлет из Торонто; заварочный чайник, купленный с дядюшкой в Китае в Баньпо, не пригодившийся и простаивающий на кухне, поскольку они пользовались чайным сервизом Чарльза; коллекцию чайных ложечек, которую девушка насобираала, оставляя по одной на память из каждой экспедиции — всё это и кое-что из её летней одежды, которая, по идее, ей ещё не скоро пригодится, перекочевало в тот же коробок.

Управившись с «приданым» и приготовив паприкаш из курицы со сметаной, она отправилась с Сулой на тренировку, которые их инструктор Зои возобновила после каникул с этого понедельника.

Побежав со своей хулиганкой два часа по Портовому лугу, где проходили занятия, и отработав различные команды и упражнения курса дрессировки, Жаклин так устала, что придя домой, даже не смогла огорчиться присутствию в квартире Чарльза с Мери — ей было абсолютно всё равно.

Золовка, передав школу своим заместителям, приехала подлечить сердце. Поэтому, раскладывая сейчас у себя в кабинете на столе свои канцелярские и медицинские принадлежности, Жаклин уже звонила по внутреннему телефону в кардиологию насчет часов работы доктора Актинсона — именно к нему она планировала выдать направление своей родственнице.

Дозвонившись и записав данные в стикер, девушка попросила ассистирующую ей сегодня сестру Хиффет принести бланки для рецептов к провизорам, иначе придётся бегать во время приёма.

Почти сразу же после того, как за ушедшей сестрой закрылась дверь, у Жаклин на телефоне заиграл рингтон «Titanium» Си, которым был обозначен только один Александр. Девушка насторожилась, потому как у её любимого студента сейчас должны были начинаться занятия в колледже.

— Да, — неуверенно произнесла она в микрофон, приняв вызов.

— Алло, Жак, привет. Ты на работе? — начал юноша.

— Привет, ты же знаешь, что на работе. Что-то случилось?

— Ничего страшного. Я тут немного приболел, и меня притащили к тебе.

Стараясь сразу же уложить в голове смысл его слов во главе со словосочетанием «ничего страшного» и какие-то неопределимые интонации родного голоса, Жаклин часто заморгала.

— Ко мне?

— Да.

— Ты приболел? — девушка, прежде чем спросить напрямую: что с ним, пыталась определить по разговору, насколько это серьезно, чтобы хоть как-то себя подготовить или оттянуть время.

— Жаклин, ты чего? Я лежу у тебя в больнице. Ты слышишь меня?

— Тебя положили в больницу Черчилля? Сюда?

— Да. Суки медицинские — извини, Жаклин — воспользовались моим слабым положением, спеленали и уложили.

— Что... что с тобой, говори быстрее, — подскочила она со стула. Жаклин хотела тут же выбежать из кабинета, но поняла, что ей придётся дожидаться сестру.

— Вчера вечером у меня воспалился аппендикс.

— Аппендицит? Тебя уже прооперировали? Что говорит врач? — «Господи, да где же эта Хиффет», — «закипала» Жак, не зная, в какой бы угол кабинета метнуться и совершенно не обращая внимания, что для человека после недавней операции у Александр неоправданно бодрый голос.

— Нет. Меня не оперировали и говорят, не будут. Говорят, будут лечить.

— Вот как? — тут открылась дверь, и как мадонна с неба явилась Хиффит. — Мне нужно отлучиться, — выпалила доктор Рочестер, выскакивая из кабинета как ошпаренная. — Где ты? В гастроэнтерологии?

— Нет. Я в хирургии..., кажется...

— Какая палата?

— Четыреста тридцать первая.

— Иду. Отключи телефон, пока его у тебя вообще не отобрали.

В принципе, в больницах иногда складываются такие нехорошие ситуации, при которых все начинают бегать и суетиться — может быть, какому-нибудь пациенту становится плохо, и это начинает угрожать его жизни, или же приезжает какое-нибудь нешуточное начальство, но кажется, на этот раз, не в силах дожидаться лифта и бросившись на лестницу, Жаклин, перешагивая через две ступеньки, переплюнула всех.

В четыреста тридцать первой палате Александр лежал один. Рядом с ним оставались ещё два свободных места.

— Привет, — влетела туда Жак, пожирая глазами любимое лицо и ища на нём следы измождения болезнью. Её шотландский пациент выглядел немного взволнованно, немного сконфуженно, немного зло — в общем, в нём просматривалось много чего, но только не болезненность. Доктор Рочестер выдохнула, насколько позволяло её учащенное дыхание.

— О-о-о... пожалуйста, не смотри на меня так! — с порога встретил восклицанием юноша свою девушку, увидев её взгляд.

Даже будучи дезориентированной, тем не менее, приблизившись, первым делом она наклонилась и чмокнула его в губы. Александр автоматически попытался тут же зацепиться за этот поцелуй и углубить его, но парня отвлекли её ладони, которые уже забирались к нему под одеяло.

— Фак, — очень тихо буквально выплюнул он и замер в жесте «руки вверх», позволяя себя осмотреть.

Подняв одеяло и взглянув на его живот, Жаклин, имея в своей врачебной практике даже присутствие при операциях, вскрикнула и прикрыла рот пальцами. На теле Александр с правого боку, чуть повыше места аппендикса на поперечной мышце живота красовалась огромная яркая вздувшаяся гематома. У девушки в момент на глаза навернулись слёзы — то,

что сейчас он не чувствовал боли, могло говорить только о том, что больной находится под действием анаболиков или спазмолитиков.

— Что... это... — с мольбой посмотрела на своего любимого мальчика доктор Рочестер.

— Это последствия от удара, — равнодушно проговорил тот с улыбкой в уголках губ. Но всё-таки без огонька в глазах.

— Удара? — в этот момент глаза девушки очень были похожи на глаза девочки Сейлор Мун из одноимённого аниме. — Чем?

— Коленом. На поле такое иногда случается, малыш, и не только со мной, — заметив на глазах своего любимого доктора слёзы, Александр тут же схватил его за запястья и чуть потянул к себе. — Малыш, ты чего? Это же обычная травма в спорте! У меня таких знаешь сколько было! Просто в этот раз меня аппендицит подвёл. А так... отлежался бы, да и всё.

И только Жаклин обратила было внимание на сбитые костяшки на его руках...

— Доброе утро, — раздалось из дверей. Александр тут же опустил руки девушки. На входе стояла медсестра. Увидев в палате постороннего врача, она поспешила зайти.

— Доброе утро, — тут же ответила Жаклин, в скором порядке высушивая слёзы и на ходу возвращая себе официальный тон. — Я доктор Рочестер из приёмного покоя. Этот больной — сын моей подруги. Могу я поговорить с его лечащим врачом? — накрывала она Александр одеялом.

— Да, конечно, — сестра чуть вышла в коридор, как бы приглашая девушку следовать за ней. — Но у доктора Верстера сейчас утренний обход.

«Доктор Верстер... что-то слышала, но я с ним точно не знакома», — размышляла девушка, направившись из палаты вслед за медсестрой. На пороге она оглянулась, показав Александр взглядом, что скоро вернётся.

Доктора Верстера они встретили в коридоре, когда он как раз возвращался с обхода. Это был уже довольно взрослый мужчина, лет больше шестидесяти, опытный, серьёзный врач, высококлассный специалист. С первого же взгляда он внушал уважение, и Жаклин даже немного расслабилась.

— Александр МакЛарен? — переспросил мужчина, когда она обратилась к нему насчёт его пациента.

— Да.

— У него катаральная стадия аппендицита. Мы сразу же сделали УЗИ — закупорки просвета нет, поэтому вырезать там пока нечего — это простое осложнение после простуды и сужение сосудов после удара. При таком анамнезе приступ неизбежен. Будем убирать воспаление... — врач немного нахмурился, судя по всему, пытаясь что-то вспомнить, — кажется, одестонем. Я прописал ему либо одестон либо мебеверин, сейчас точно уже не вспомню, не буду лезть в историю, извините. Если воспаление не пройдёт за двое суток, будем оперировать. Но я думаю, до этого не дойдёт, и мы скоро переведём его в гастроэнтерологию.

— Да-да, конечно доктор, спасибо. Но вы сказала «осложнение»? Какое осложнение? — нахмурилась Жаклин.

— Пациент поведал мне, что у него начались боли в области аппендикса после недавней простуды. Видимо, он перенёс её на ногах. К тому же парень занимается боксом и футболом, то есть бегают на открытом воздухе при низких температурах в лёгкой одежде и периодически получает удары в живот. При таких воздействиях на организм осложнения и

приступы — закономерность.

— Да-да, я знаю. Я поняла. — «Теперь во время простуды он из постели у меня поднимется только через мой чёртов труп!», — сжала кулаки доктор Рочестер.

— Кстати, — тем временем продолжил врач, — если вы знакомы с его родителями, то может быть, вам стоит узнать, что, как мне рассказал его тренер — пациента ведь привезли с тренировки — парень получил травму не на поле, а в раздевалке. Подрался. Я думаю, тренер должен будет сообщить родителям.

— Подрался? В раздевалке? — Жаклин во все глаза смотрела на хирурга. — «Так вот почему у него костяшки сбиты». — Да-да, спасибо, что сообщили мне, доктор. Большое вам спасибо, — быстро-быстро с благодарностью закивала девушка.

— Не стоит, — пожал её предплечье врач и, развернувшись, поспешил себе дальше.

На этот раз в палату к своему парню доктор Рочестер шла, не замечая вообще никого и ничего.

— Александр! — остановилась она на пороге. — С кем ты подрался?

Юноша скривился и отвернулся к окну.

— Тебе уже врач наябедничал.

— Что значит «наябедничал»? — вспылила девушка, проходя в палату и приближаясь к его кровати. — То есть, что значит «наябедничал»? — взяла она на пару октав выше, но тут же выдохнула и в бессилии опустила плечи. — Ну, хорошо, что там у тебя получилось и как теперь оградить Алису от волнения?

— Я попросил тренера рассказать не матери, а Кирку, — повернулся юноша.

— Из-за чего ты подрался, Александр?

— Тебе я тоже не скажу, — он отвернулся опять.

— Не скажешь? Почему?

— Это лишнее и для тебя, и для матери.

Услышав такое оправдание, Жаклин тут же старательно задумалась. Её мозги принялись усиленно молотить поршнями.

— Ты подрался из-за девушки?

Парень скептически недовольно сложил губы и, молча, продолжал рассматривать жалюзи.

— Из-за девушки? — принялась насесть на него Жаклин.

Пациент опять посмотрел на неё и на этот раз долго не отрывал твёрдого, прямолинейного взгляда в глаза.

— Это не я подрался из-за девушки, это со мной подрались из-за девушки. Я люблю тебя, Жаклин, — сделал он ударение на слове «тебя». — Все остальные девушки мне — в две линии. Всё. Больше я тебе ничего не скажу.

Жаклин немного смутилась и в неловкости осмотрела палату.

— Ну что же... — в раздумье проговорила она, — снимать воспаление тебе будут где-то, наверное, неделю.

— У меня к тебе по этому поводу просьба, малыш.

Она вспылила, прежде чем успела подумать.

— Ах, уже «малыш»! Просьба у него! — всплеснула она руками. — Он мне ничего говорить не хочет, но у него ко мне просьба! — у неё только что пар из ноздрей не повалил.

— Бро-о-ось, Жа-а-ак, — Александр потянул её на себя за руку. Девушка плечами упала ему на грудь, стараясь держаться как можно дальше от его живота.

Волосы доктора Рочестер были спрятаны под врачебную шапочку, поэтому она прислонилась лицом к его шее. Даже учитывая то, что дверь в палату была открыта полностью, и из коридора обзревалась почти вся кровать больного, она не могла не вдохнуть с наслаждением родной запах его кожи. Александр поцеловал её за ушком. А потом лизнул в шейку. — Жаклин, пожалуйста, можно я не буду тебе ничего рассказывать, а ты выполнишь мою просьбу.

— Нет, — буркнула доктор Рочестер, чтобы не мурлыкать от удовольствия.

— Жа-а-ак, — эротичным, гортанным шепотом протянул парень и опять лизнул и поцеловал её за ушком. — Малы-ы-ы-ыш...

Девушка поняла, что Алекс совершенно не понимает, с чем играет. К тому же она заметила, что он ещё ни разу не пошевелил нижней половиной туловища — видимо, движения всё-таки доставляли ему боль.

— Так, больной, — вырвалась и выпрямилась она, — я слушаю вашу просьбу, но ничего не обещаю.

Александр заулыбался во все тридцать два. У Жаклин почему-то именно после этой его улыбки появилось убеждение, что ему нужна только она одна, и никто кроме.

— Умница. Ну, так вот, — уложил он свои выпрямленные руки вдоль туловища. — Я уже звонил Кирку. Он сейчас занят. Освободится только вечером, как он сказал. А здесь посещения до семи. Можно, я дам ему твой телефон? Ты сможешь проводить его ко мне, если он опоздает? Ты во сколько сегодня уходишь домой?

Жаклин тяжело вздохнула и покачала головой — к концу дня к ней собиралась зайти Мери после обхода врачей.

— Теперь уже и сама не знаю, — честно призналась доктор Рочестер. — Хорошо, — тут же решительным голосом заявила она, — дай мой телефон Кирку, я, скорее всего, смогу его провести, только очень ненадолго. «Теперь ведь Кирк знает, что я люблю его племянника и изменяю с ним своему мужу! Матерь Божья, помоги мне!»

— Спасибо, — озорно улыбаясь, Александр быстро притянул её к себе вниз, легко чмокнул в губки и тут же отпустил.

* * *

Жаклин сидела у себя в кабинете за компьютером и в авральном режиме перекраивала своё расписание. Она выискивала в списках больных, которых можно было бы принять чуть позже, что-то отодвигала, что совмещала. Какие-то плановые, полугодовые или даже годовые осмотры переносила на следующую неделю. Кому-то отменяла приём, поскольку ещё не пришли анализы, и если раньше она бы согласилась встретиться с пациентом лишней раз, чтобы просто обновить данные о самочувствии и изменить в соответствии с ними планы в лечении, то сейчас ей стало не до этого, и доктор Рочестер готова была принять только тех, у кого пропусков в списке анализов не было ни единого. Если находила что-то, уже утратившее актуальность, но не отмеченное, обрадованно отмечала или удаляла и очень старалась сохранять холодную голову, не наделать ошибок и не удалить лишнего. Ей нужно было как можно больше свободного времени для Алекса. Ведь Александр — это святое! Между визитами пациентов она уже успела пару раз сбегать к нему на четвёртый этаж, но застала в постели только однажды — один раз больного забирали на анализы.

В шесть часов к ней пожаловала Мери. Ей сегодня сделали ЭКГ, которая показала отсутствие изменений в работе сердца, а так же корнуоллка нанесла визит невропатологу и гематологу.

Жаклин вполуха слушала её впечатления от встречи со специалистами и листала описания анализов. Её телефон зазвонил, когда она, уже занеся все данные в историю болезни, хотела приступить к выписке направлений на лечение к кардионеврологу, после чего планировала благополучно отправить Мери домой.

— Да, — ответила доктор Рочестер. Увидев на экране неизвестный ей номер, девушка справедливо решила, что это Кирк.

И ошиблась.

— Алло, Жаклин? — спросил сексуальный мужской голос с благородной такой хрипотцой.

— Да, это я, — девушка даже слегка опешила.

— Добрый вечер, Жаклин. Это Кэмерон. Кэмерон Прайс. Помнишь такого?

— Оу... — она зашевелилась, — добрый вечер, Кэмерон. Конечно, помню. — От улыбки при воспоминании об этом интересном, импозантном мужчине её удержало только выражение лица сидящей напротив Мери.

— Как твои дела, девочка?

— Спасибо, я в порядке. А у тебя как? Как дела в клубе?

— Дела в клубе остаются ночными и в дневные превращаться не хотят. Ну да я не об этом. Жаклин, я тут за рулём сейчас. — Девушка действительно слышала небольшой шум в телефоне. — Въезжаю к вам в Оксфорд. Рядом со мной сидит некто знакомый тебе Кирк Бикстер — мы возвращаемся вместе с ним из одной деловой поездки. Он собирался позвонить тебе сам, но не смог по объективным причинам. Мы бы хотели, чтобы ты провела нас к Алексу, если это возможно.

— Извини, Кэмерон, я смогу провести только одного из вас. Но ты сможешь подождать Кирка здесь у нас в уголке комфорта. Тем более, что я уверена, он долго в палате Алекса не задержится.

— Хорошо, Жаклин, договорились. Как мы можем тебя найти?

Дальше доктор Рочестер назвала ему номер своего кабинета и рассказала, как его найти.

* * *

— Джентльмены, прошу знакомиться: это сестра моего мужа, мисс Меринэлл Уитни, — показывая ладонью на золовку, Жаклин как только могла выделила интонациями социальный статус своей родственницы как незамужней женщины, не озвучивая все её звания и регалии на профессиональном поприще. Мужчины весьма импозантно поклонились, хоть у обоих в глазах плескалось очень много чего.

«Вау! У нас всё-таки изобрели машину времени? — принялся ёрничать про себя Кэмерон Прайс. — Больше ничем не могу объяснить попадание этого пугала из восемнадцатого века прямо сюда, к нам, — мужчина очень старался не улыбаться. — И если её брат такой же, я даже не поленюсь и как-нибудь расспрошу Жаклин, из каких соображений она вышла за него замуж».

Кирк же, в первое мгновение немного оторопев от такого персонажа, тут же про Мери забыл — ему было явно не до неё. Он выглядел взвинченным, взволнованным и заметно нервничал.

— Мери, разреши тебе представить брата моей подруги Алисы МакЛарен из Глазго, Кирка Бикстера. А это его друг — Кэмерон Прайс. — Мери протянула руку сначала Кирку, а потом и Кэмерону. — Ну что же, господа, я проведу сейчас Кирка в палату к Алексу, а вам, — Жаклин посмотрела на Кэмерона и Мери, — придётся подождать меня в коридоре.

Прошу извинить, но при всём моём уважении, я не имею права посторонних оставлять в кабинете.

— Жаклин, не извиняйся. Всё нормально, — вальяжно-доброжелательно улыбнулся Прайс.

«Хм... да я бы и из больницы с удовольствием вышел. Что-то уж больно всё это похоже на... «Ночь в музее-2» с этим... динозавром, — втянул он щёки, краем глаза поглядывая на Меринэлл. — Сегодня перед сном обязательно нужно будет выпить — не дай Бог такое приснится».

— Да. Не беспокойся, Жаклин, — вторила ему Мери, складывая бантиком свой правильный рот и вскидывая подбородок, — мы все здесь — взрослые люди.

«Да я с этим... агентом 007 и минуты в одном помещении не протяну. У меня, между прочим, больное сердце. Святой Дунстан, да от него же... спермой, господи отведи и помилуй, за милую несёт! Фу... до чего омерзительен», — и она с трудом сглотнула.

— Ну что же, вот и познакомились. Так что, Кирк, прошу вас за мной, — проговорила Жаклин, снимая с вешалки запасной халат. — Накиньте, пожалуйста.

Все вышли из кабинета. Кэмерон и Мери расположились в коридоре в креслах напротив, а Кирк с Жаклин направились в хирургию.

— Итак, — начал мужчина, — могу я от вас услышать: что же с ним сейчас? И по возможности, пожалуйста, общечеловеческим языком. Пожалуйста, — Кирк улыбнулся, и в этот момент Жаклин почувствовала от него запах алкоголя. Оставшись с девушкой почти наедине, не считая остальных присутствующих в коридорах больницы, Кирк заметно взял себя в руки, из чего девушка сделала вывод, что он действительно переживает за Алекса.

— Ну, если общечеловеческим, то у него от простуды осталось осложнение в слепой кишке, в аппендиксе. Александр признался своему хирургу, что иногда чувствовал боль в правом боку.

«Жаль, он тебе не признался, врачиха ты грёбаная. Как ноги перед ним раздвинуть, так это ты быстро сообразила, а за здоровьем парня проследить ума не хватило», — заругался про себя не совсем трезвый мистер Бикстер.

— А потом этот удар, и именно в это самое место. Сосуды сузились, кровоток нарушился, воспаление усилилось, и пошло обострение. Кстати, а вы случайно не знаете, из-за чего произошла драка? — идя рядом с Кирком, Жаклин заглянула тому в лицо.

Мужчина вскинул брови и пригладил ладонью свои растрепавшиеся на ходу волосы.

— Как рассказали тренеру ребята из команды, один из них встречался с девушкой, пока эта девушка не увидела Алекса и не бросила этого парня. Никто не знает, оказывала ли она знаки внимания моему племяннику или нет, и если да, то как он на них реагировал, но, видимо, её бывшему молодому человеку хватило и того, что она его оставила. После тренировки он подошел к Алексу и у всех на глазах со всего маху заехал ему в живот.

От этого описания Жаклин сделалось дурно. Она сглотнула и чуть притормозила.

— Не переживайте, Жаклин, — оценив её состояние, поспешил подбодрить девушку Кирк, открывая перед ней дверь очередного коридора. — Парень занимался боксом много лет. Для него такие удары — далеко не новость. Просто, скорее всего, вмешалось осложнение. А этот... нападавший либо действительно сильно влюблён в эту девушку, либо не знал, что Александр ещё и боксирует, либо просто глупец, потому что, по словам тренера, пока он подоспел, мой племянник парой ударов так отделал этому лоху лицо... — Кирк иронично усмехнулся и гордо покачал головой. — Бедолаге на лоб три шва наложили.

— Д-д-д-а-а-а... — «проблеяла» сама не своя девушка. В мире дядюшки с его коллегами и Чарльза с его бумагами с таким взаимным членовредительством ей сталкиваться не приходилось. — Я видела сбитые костяшки у него на руках. — Жаклин очень хотелось, чтобы Кирк ей что-нибудь сказал напутственное по поводу их с Александр дальнейшей совместной жизни, но мужчина молчал.

Александр лежал в кровати всё в той же позе и той же футболке, накрытый по грудь одеялом. В руках у него был айфон, в котором он что-то не то читал, не то писал. Увидев гостей, юноша обрадовался и заулыбался.

В присутствии Кирка Жаклин постеснялась даже приблизиться к парню. Пропустив мужчину вперёд, она остановилась на пороге.

— Джентльмены, у вас пять минут. На большее я вряд ли уговорю медсестру.

— Спасибо большое, — ребячливо-громко крикнул ей со своего места Александр.

— Благодарю. Этого вполне достаточно, — на ходу развернулся к ней Кирк.

И девушка вышла из палаты. Она прошла на пост медсестёр, чтобы честно предупредить, что привела с собой посетителя к пациенту — своему почти что родственнику — и он там пробудет около пяти минут.

Сестра, сидевшая на посту в углублении коридора за загородкой, спросила появившегося доктора: откуда она, и когда Жаклин ответила, что из приёмного покоя, женщина принялась рыться в бумагах и листочках.

— Можно Вас попросить отнести на приём заверенные списки больных нашего отделения? — протянула она девушке файл с бумагами. — Нужно было сделать это утром, но после каникул первый понедельник — это просто кошмар какой-то, — женщина покачала головой. — От вас нам уже звонили.

— Хорошо. Я отнесу, — пообещала Жаклин, поскольку сама просила об услуге.

Проговорив с сестрой ещё о докторе Верстере — та его очень хвалила, говорила, что это один из самых лучших опытных врачей отделения — Жаклин посмотрела на часы на стене позади женщины и, попрощавшись, направилась в палату Алекса за Кирком. Она на ходу сворачивала в руке файл с данными, которые ей дала медсестра, и взглянула на дверь палаты её любимого пациента, только чтобы не врезаться в косяк.

Лучше бы она врезалась в косяк. Или косяк врезался в неё. Лучше бы ей никогда не встречать этого мальчика с глазами — «тюльпанами» прекрасного как сама любовь. Лучше бы ей не становиться врачом, а выучиться например, на менеджера по туризму. Лучше бы ей никогда не родиться на этой планете под странным названием Земля, лучше бы...

Картина, представшая её взору, была сродни вот той самой гематоме, которую она увидела сегодня на животе этого юноши. Это было как нож в спину, как удар под дых, как огромный, шарообразный комок боли, повисший по центру пространства этой комнаты с бежевыми стенами.

Кирк целовал Александр в губы затяжным, сильным поцелуем. Парень не отвечал ему, но выражение его лица, его мимика говорили о привычности происходящего для него.

Девушка рванула с порога как пуля, под громкое:

— Жа-а-а-а-а-а-ак, — голосом Александра.

Глава 38 Папарацци

Глава 38

Папарацци

Почему с нами случается то, а не иное? Почему именно с нами? И почему случается?

Кто запускает механизм, даёт отмашку шахматным флажком, нажимает курок стартового пистолета, заводит механического зайца, врубает тот самый «тумблер» рассвета и даёт начало новому дню, чтобы кто-то вышел рано из своей квартиры, дома или комнаты в общежитии и встретился нам сегодня в метро или на заправке? И почему он встречается нам утром на заправке, а не на светофоре, допустим, или не в кафе за ланчем? И есть ли разница?

И как так получается, что одного человека, который встретился нам в кафе за ланчем, мы достаиваем лишь взглядом, а на другом женимся или выходим за него замуж? Но самое занятное в том, что задумываемся мы над всем этим только после того, как случается нечто экстраординарное, необычное. И даже не совсем важно: плохое или хорошее, просто необычное. Но ведь чередой обыденностей и повседневностей тоже где-то начинается, их тоже кто-то запускает. Только нас это мало интересует, потому как будничность проходит почти мимо нас без видимых последствий, незаметно.

А вот то, что проходит сквозь человека, то вваливаясь в него неожиданными гостями, проталкивается внутрь эдакой толпой первых покупателей нового айфона, всю работу локтями, или же прокрадывается, просачивается хитрым шпионом, а потом взрывается внутри атомными взрывами или новогодними салютами с последствиями различной степени созидательности или разрушительности, то просто, особо не церемонясь, пронизывает человека насквозь или проносится по нему грузовыми железнодорожными составами, он тут же начинает анализировать и препарировать. И зачастую приходит к выводу, что истоки, «спусковые механизмы», причины у форс-мажора и у рутины практически одни и те же.

Обо всём об этом Жаклин уже задумывалась. И не раз. Оставшись в девять лет без родителей и мыкаясь с дядюшкой по планете в составе различных экспедиций, девушка была доподлинно осведомлена о тщетности поисков ответов на все эти и аналогичные им вопросы, решив больше не ломать голову над подобной философией, а причины, механизмы, «тумблеры» и «стартовые пистолеты» искать в себе.

И она уйдёт в себя. Вся. Но только чуть позже.

А сейчас доктор Рочестер просто шла по коридору, автоматически выбирая дорогу. Она даже не бежала. Жаклин сразу же оставила эту мысль, ибо передвигаться со скоростью звука, предпочтительной для неё в данную минуту, всё равно не получится, так какая разница, насколько быстро удалиться от палаты четыреста тридцать один на четвёртом этаже. На секунды быстрее, на минуты медленней — без разницы.

Думать девушка не могла. Ей мешали стоявшие перед глазами губы Кирка, целующие её Алекса.

Но и обижаться она не спешила, понимая, что обидеться всегда успеет и обязательно это сделает. Потом. А сейчас, в данную минуту, вкупе с всепоглощающей злостью на всё и вся без разбора, сквозь агрессию и раздражение присутствием, да и вообще существованием Кирка, ею овладело ещё и огромное, мощное чувство удивления.

Жаклин была поражена, сбита с толку, ошеломлена, изумлена, её застали врасплох.

«Что это было... а? Ничего не понимаю, как же так? Кто они друг другу? И насколько давно? А кто им я тогда? Кто я для Алекса?» — вопросы в её голове «надувались» полусферами пузырями на лужах во время дождя и так же быстро «лопались». Девушка понимала, что ей ещё предстоит многое переосмыслить, «перекрасить» в другие цвета, обязательно поговорить с юношей и только потом выработать ко всему этому своё отношение, а в соответствии с ним — и дальнейшую манеру поведения.

Жаклин на бегу — а доктор Рочестер, оказывается, всё-таки бежала — вдруг остановилась как вкопанная на последней ступеньке лестницы перед дверью на первый этаж.

«Поговорить с Алексом? — удивилась она опять, но теперь уже самой себе. — Я уже собираюсь с ним разговаривать? То есть как это? Я его не обвиняю?! — завопили её мозги. — Да. Точно. Я его уже не обвиняю, — ответила она сама себе, очень стараясь, чтобы до неё дошла её же собственная мысль. — Я, что, вот так вот его прощу? Вот так вот просто, да? — девушка часто-часто заморгала. — Нет, не прощу. Уже простила. Я его уже простила. Чёрт! Чёрт! Чёрт! — она три раза дёрнула в воздухе сжатым кулачком. — Чёрт бы его подрал! Этого не может быть! Я не могу его любить так! До такой степени! — сейчас Жаклин напоминала самой себе строительную рулетку: держа перед глазами картинку губ Кирка, она довольно легко раскручивала или накручивала себя, из глубин нутра вытаскивая злость и агрессию, но, как только это воспоминание сменялось на любимое родное лицо, р-р-р-раз — и всё вышеперечисленное, как полотно рулетки — пружиной, моментально сворачивалось обратно в «корпус». — Но это же неправильно. Так не должно быть. Это уродливые отношения, — медленно покачала она головой от бессилия перед самой собой, перед своим чувством к этому пареньку. — Хотя... о чем это я. Как будто для меня это новость», — и доктор Рочестер резко рванула дверь на себя, вышла с лестничной клетки и, очутившись в коридоре первого этажа, повернула в сторону приёмного покоя.

Жаклин всё делала автоматически: зашла, поздоровалась, отдала документы, обсудила с Говардом Вилсоном — тоже врачом приёмного покоя, дежурившим сегодня — закрытие на неделю дневной лаборатории, а значит, увеличение сроков обработки анализов до неопределённых временных рамок, и отправилась в туалет с дурацким желанием не только оттянуть время возвращения в свой кабинет, немного побыть одной и, что называется, прийти в себя, но ещё и хоть где-нибудь найти себе нормальные мысли.

«А не то, что у меня сейчас в голове», — досадовала она сама на себя, но тут же улыбнулась, потому как, прежде чем войти в туалет, открыла дверь и заглянула внутрь — не тут ли спрятались её нормальные мысли, хоть и понимала, что ведёт себя как ненормальная. Но туалет был пуст, и, войдя и закрыв за собой дверь, Жаклин наконец-то осталась одна.

Девушка застыла посреди комнаты и долго стояла, не решаясь посмотреть в зеркало, висевшее над умывальником справа на стене. А когда всё-таки повернула голову к своему отражению, то ничего нового не увидела. Никаких рогов или носа крючком, никаких выехавших из-под врачебной шапочки ушей — никаких изменений. Всё та же Жаклин, всё те же усталые глаза, всё то же самое привычное овальное лицо и пухлые губы.

«Жаклин — Жаклин, и во что же ты вляпалась? — задала она вопрос своему отражению. — И что с тобой теперь будет?» Но конец вопроса заглушили вопли её внутреннего голоса: — «Дура, — он, как всегда, не сильно церемонился со своей хозяйкой. — Ты лучше вспомни, что с тобой было! И не ной!»

— Точно! — отвернувшись от зеркала, вскинула она подбородок и сложила губки бантиком. — И если хорошее было, то значит, оно ещё будет, — и, развернувшись, вышла.

Перед кабинетом её ждала Мери с белым халатом в руках и озадаченным выражением на лице. Как это ни странно, но Жаклин, наверное, ни разу в жизни так не радовалась своей золовке, как в этот момент. Один лишь вид этой строгой женщины, которая легко могла бы олицетворять собой ту самую «добрую старую Англию», немного успокоил её невестку.

— Жаклин, почему ты мне не сказала, что этот юноша... этот Александр лежит здесь в больнице?

— А зачем тебе это знать, Мери? — Жак открыла ключом дверь своего кабинета. — Эти джентльмены уже ушли? Входи. Я сейчас закончу, и мы сможем идти домой.

— Да. Они только что ушли. Тот... который ходил с тобой, оставил мне халат, — пройдя в кабинет, Мери повесила одежду назад на вешалку. — Господи, Жаклин, никогда больше не оставляй меня с этим... — золовка округлила глаза, — с этим наркобароном! В жизни не встречала человека омерзительней!

— Он не наркобарон, Мери, он — владелец ночного клуба.

— Пфф... — фыркнула Мери, — тот же суп, только в другой кастрюле! — она чуть поводила головой. — Он сидел... и смотрел на меня и... и улыбался! Что за манеры! Кто его воспитывал, интересно?! И воспитывал ли вообще?!

— Ты зря волновалась — он безобиден.

— Ты уверена?

— Да, — подтвердила Жак с внутренней улыбкой.

— Что-то не похоже, — скривилась Меринэлл. — Я прямо чувствовала... что на мне... мало одежды. Так и хотелось ещё во что-нибудь укутаться.

— Мери, ты в полной безопасности, — как бы между делом, передвигаясь по кабинету и перекладывая какие-то предметы с места на место, успокаивала золовку Жаклин. — Кэмерон Прайс весьма занятой человек. Он владеет ночным клубом и, насколько я поняла, не одним. И скорей всего, не только ночными клубами, — достав из кармана телефон, стоявший сейчас на беззвучном режиме, она посмотрела на экран. В нём значились три пропущенных вызова от Алекса. Жаклин равнодушно отключила аппарат и бросила его в свою сумку, лежавшую сзади на тумбочке.

— Угу. А ещё публичными домами, — между тем продолжила Мери.

— Мери, вряд ли вы с ним когда-нибудь встретитесь снова, — усаживаясь за стол, уже с раздражением сказала доктор Рочестер.

Мери вздёрнула подбородок.

— Его счастье! В следующий раз я уже не буду сидеть перед ним как... как девочка, а выскажу ему всё, что я о нём думаю! Ну так, где ты говоришь, лежит этот парень Александр? — тут же переключилась корнуоллка.

— Он лежит в хирургии в четырёхста тридцать первой палате. Можешь его проведать завтра, когда придёшь на приём к кардиологу.

— Четырёхста тридцать первая палата. Хирургия, — повторила Мери для того, чтобы запомнить ещё и на слух. — Хорошо. Я запомню. А что с ним?

— Аппендицит, — пояснила Жаклин, заново листая историю болезни своей золовки.

* * *

Говорят, чтобы пища была полезной и вкусной, готовить её должен человек добрый по характеру и обязательно в хорошем расположении духа. По части доброты Жаклин про себя

ничего определённого сказать не могла, а вот по поводу настроения точно знала, что варит, жарит и тушит с большим желанием, а иногда и вплоть до потребности, когда, что называется, «всё нутро в кошачьих царапинах». Чистка овощей, разделывание мяса или рыбы, шинковка и помешивание, в её случае весьма действенно отвлекали от мучительных мыслительных процессов, которые при неприятностях, увы, неизбежны.

Следующий день, восьмое января, среда, у доктора Рочестер был выходным, и она уже доподлинно знала, чем займётся. Её выбор пал на картофельный суп с клёцками, сыром и грибами.

Чарльз рано утром ушел на работу. Чуть позже него Мери выдворилась на приём к доктору Аткинсону, после которого собралась сразу же отправиться на вокзал, дабы отбыть к себе домой в Корнуолл. У Жаклин появилась отличная возможность поколдовать на кухне и хорошенько обо всём подумать.

Даже гуляя вчера поздно вечером с Сулой, девушка поймала себя на мысли, что относится к сцене в четырёхста тридцать первой палате как к чему-то далёкому, уже успевшему затеряться в архивах памяти. Было и прошло. Она и сама удивилась, насколько быстро ей удалось отправить этот пикантный момент в прошлое. В своё прошлое. И вроде бы как от этого горечь и боль должны притупиться, но прошлое принято вспоминать, и когда Жаклин вспоминала, ей становилось плохо как в настоящем. И следующее утро, увы, облегчением её не порадовало.

Промывая грибы под струёй воды и в который раз прокручивая у себя в голове «кино» с Кирком и Алексом в главных ролях, первое, что ощущала Жаклин, так это досаду. Вроде бы при такой постановке вопроса, какую избрал Кирк там, в отделении хирургии, на первый план у девушки должна была выйти ревность. И Жаклин готова была ревновать — ну а почему бы и нет, коль уж в смысл твоей жизни не влюблены, кажется, только что каменные изваяния острова Пасхи, — но даже поревновать нормально ей было не суждено.

Если классика ревности приблизительно формулируется фразами со смысловой нагрузкой на манер: «и что он нашел в этой мымре/гримзе?» или «что она нашла в этом мудиле/лохе?», то девушке вдобавок к этому достался ещё и такой «импрессионизм», а скорее всё-таки «модерн», как то, что Кирк знал её Алекса тысячу лет, они — родня, они уже семья, им повезло любить друг друга, ценить друг друга и держаться друг за друга внутри семьи, когда сплошь и рядом люди в кланах ссорятся из-за наследства, ревности к родителям, большей успешности, состоятельности и прочее.

«А тут... вот так... да», — нарезая чищеную картошку, грустно резюмировала Жак. Ей было обидно, что Кирк целовал её парня, очень обидно, но, кажется, судьбе или обстоятельствам этого показалось недостаточно, и вдобавок девушка ощущала себя чужой, лишней в сложившейся команде, в устоявшихся отношениях, в налаженной системе, которая мало того что самодостаточна сейчас, так ещё и таковой же грозит уйти за горизонт — Кирк и Александр собираются вместе работать.

Она чувствовала себя папарацци, вторгшимся в чью-то частную жизнь, чужестранкой, иноземкой, варваром, посягнувшим на чужие земли. Она очень боялась, что останется лишней, ненужной, что эта целостная, настроенная система начнёт её отвергать, выталкивать из своего жизненного пространства и, в конце концов, оставит одну на обочине километров своих дорог.

«Наверное, в моём случае, странница это если не диагноз, то уж точно — судьба», — вспомнила она свои скитания с дядюшкой по экспедициям и, прервав шинковку сладкого

перца, сложила руки на столе, устала в окно кухни и задумалась.

Она понимала: ей нужно время. Много времени. Перекрыть свой мир, вписать в него то, чему её насильно взяли свидетельницей. Это сродни работе художника, почти завершившего работу над картиной, обойдясь без какого-либо тюбика с краской, и получившего его только по окончании — теперь ему придётся что-то подрисовывать или, наоборот, зарисовывать, примерно как Даниэле да Вольтерра довелось закрывать тряпочками обнаженные части тел в «Страшном суде» Микеланджело в Сикстинской капелле.

Но с большей охотой Жаклин сравнила бы себя с вязальщицей, уже почти связавшей изделие, когда ей принесли необходимый в начале клубок ниток. Девушке предстояло «распутить» связанное полотно её мира с Александром и начинать «вязать» его теперь уже вместе с этим «клубочком». А это дело не одной минуты. Ведь для начала нужно «сменить узор».

И вот тут теперь следовало учесть очень много чего.

Жаклин никогда не была гомофобом. Тем более, она часто становилась свидетелем разговоров дядюшкиных коллег об античности с её гедонизмом и сексуальной раскрепощенностью, где не всегда и не везде секс четко и категорично разделяли на межполовой и внутри пола. И уже позже, выучившись на врача и изучив физиологию, так сказать, вдоль и поперёк, она полностью закрыла для себя вопрос о праве на существование однополых отношений. Но Кирк научил этого мальчика предохраняться, купил ему дорогую машину, пообещал отдать свой филиал в Нью-Йорке — учитывая это, его поцелуй приобретал уже несколько повышенную вариативность в интерпретациях.

Что же было между ними? Чего ей МакЛарен не рассказал? И почему не рассказал? А может, он ей врал? Интересно, он сам стеснялся этого? Что-то как-то не вязался в голове Жаклин образ юноши со словом «стесняться». И кому ещё, кроме неё, «посчастливилось» быть свидетелем настолько тесного взаимодействия между дядей и племянником? И что это был за демарш со стороны Кирка? Порыв души? Демонстрация? И то и другое? Что чувствует этот зрелый мужчина к своему племяннику? И что чувствует племянник к своему дяде? То, как вёл себя Александр во время поцелуя, и это его протяжное «Жак» ей вдогонку наталкивали на мысль, что юноша ей не врал, а просто чего-то не договаривал.

«Господи, то у него Кира, то Кирк! Отец, опять же. Сколько ещё скелетов успел насобирать в своём шкафу этот юноша до восемнадцати лет? — у Жаклин голова шла кругом. Она крутила мозаику мыслей как кусочки цветного стекла в калейдоскопе — и так, и эдак, но пока хорошо получались только вопросы. Ответы, даже самые удачные, всё равно оставляли желать лучшего. — Нужно поговорить с Алексом, — подумала девушка и ухмыльнулась. — Вау, какая свежая мысль! Bravo, Жаклин. Стоило столько ломать голову, чтобы прийти к такому выводу», — с иронией отозвалась она сама о себе.

Предложение того, чтобы после инцидента в хирургии расстаться с парнем, мелькнув в этом бурном потоке вопросительных и восклицательных знаков, было тут же охарактеризовано девушкой как неисполнимое и вообще бредовое и с раздражением отброшено.

Уйдя таким образом в себя на целый день, да ещё и попутно переживая за здоровье парня, (правда, это не помешало ей не притрагиваться к своему выключенному телефону), на следующее утро, на свои очередные «сутки» по расписанию Жаклин уже даже не шла, а неслась.

Во-первых, она направлялась в здание, где присутствовал Александр. Просто был и всё. Никакие обстоятельства не смогли уменьшить в её глазах достаточность этого факта для того, чтобы рваться в больницу.

Во-вторых, она уже не могла находиться дома, поскольку это неминуемо гарантировало опять эти «хороводы» с мыслями и вопросами да ещё и с Чарльзом в одних стенах. Девушка до такой степени натасовала в голове все свои догадки и звенья логических цепочек, что ей уже начало казаться, будто они набили до синяков стенки её черепной коробки изнутри.

Работа оправдала ожидания — всё вокруг завертелось, закрутилось: больные, начальство, коллеги, медсёстры, и прочие представители окружающего мира. Но даже тогда, когда этот хаос ослабевал или же периодически принимал более-менее упорядоченные очертания, навестись к Алексу доктор Рочестер не спешила, а, включив на обеде свой телефон и обнаружив семнадцать пропущенных вызовов от своего любимого пациента, убедилась, что делает всё правильно.

Ей доставляло некое тягучее удовольствие знать, что он здесь, в этом здании, он в курсе её расписания на эту неделю и тоже знает, что она здесь, и наверняка думает о ней. Жаклин понимала, что дразнит парня и делала это с упоением и полным согласием с собой. Чуть позже она позвонила в гастроэнтерологию и получила от них список поступлений в отделение за последние сутки. Найдя в нём имя: «Александр МакЛарен», доктор Рочестер и вовсе успокоилась и решила отказать на сегодня себе и парню в общении категорически.

Он появился сразу же после полуночи.

Часть 2

На своём посту доктор Рочестер осталась одна и, решив воспользоваться ситуацией, вышла покурить на улицу.

На первом этаже имелась специально оборудованная комната, но, поскольку из приёмного покоя дверь выходила прямо во двор больницы, куда доставляли пациентов машины скорой помощи, то легче было выйти просто на ступеньки. Да и, кроме всего прочего, избежать расспросов и свидетелей, чего Жак особенно не любила. Она оставила дверь в кабинет чуть приоткрытой, чтобы заметить, если кто-то войдёт из коридора, и немного отойдя, чтобы сигаретный дым не затягивало в помещение, остановилась на крыльце.

Девушка стояла, куталась в свой пуховик, наброшенный поверх халата, и делала затяжку за затяжкой, когда услышала, как скрипнула дверь коридора и кто-то быстро прошмыгнул в кабинет.

Шаги вошедшего слышались как лёгкие, крадущиеся. Жаклин только собиралась затушить сигарету и посмотреть, кто там пожаловал, как в проёме двери возник Александр в белом халате, своих спортивных штанах и тапках.

Его появление сразу же ознаменовала череда событий: увидев, как при виде неё с сигаретой в руках юноша округлил свои «тюльпаны» и сверкнул ими так, что у Жаклин у самой потемнело в глазах, девушка только было хотела завести руку с окурком себе за спину (хоть и понимала, что это её уже не спасёт) как её запястье уже схватила уверенная сильная ладонь, и торчавший между пальцев окурочок исчез.

Парень молчал. Молчала и девушка.

Они уставились друг другу в глаза, и у обоих из ноздрей валил пар ввиду влажности воздуха, его низкой температуры и ещё много чего.

«Тюльпаны» Алекса горели «дальним светом» так, что, казалось, освещали дорогу, по которой подъезжают машины скорой. Именно этот пар и «дальний свет» его глаз отрезвил Жаклин первую — она вспомнила о холоде, воспалениях и скорой помощи, а очнувшись, моментально пришла в ярость.

— Что. Ты. Здесь. Делаешь? — принялась она ронять слова к ногам парня как огромные булыжники.

— Угу, — зло кивнул в ответ Алекс, отпуская её запястье и посматривая на не затушенный окурочек в своей руке. Он тут же смял его о железную балку, державшую козырёк крыльца. — Неплохая попытка, Жак.

— Какая попытка? Какая Жак?! — наращивала децибелы врач. — Немедленно марш в палату! — сделала она шаг на него.

Александр почти послушался и отступил в коридор приёмного покоя. Жаклин зашла за ним и закрыла за собой дверь на улицу.

— Что ты здесь... — продолжила было доктор Рочестер, но тут случился небольшой казус — она закашлялась: - Кхы — кхы — кхы — кхы, — девушка чуть согнулась и поднесла кулак к губам.

— Так тебе и надо, — прозвучало откуда-то сверху.

Жаклин подняла на парня покрасневшее от кашля лицо, как бы удивляясь не то его

присутствию здесь, не то его способности говорить, не то смыслу им сказанного. Тот в ответ смотрел на неё с досадой и укором в своих прекрасных глазах, но тут же потянулся и попытался было стукнуть курительницу по спине.

Дёрнув плечом и продолжая кашлять, Жаклин кинулась в кабинет к шкафу, где стоял ещё тёплый чайник — они недавно с медсестрой пили кофе. Быстро плеснув в свою кружку воды, девушка принялась жадно пить.

— Что ты здесь делаешь? — не дала она парню проронить и звука, отняв кружку — позывы к кашлю прекратились.

— Пытаюсь уберечь тебя от рака лёгких, — ледяным тоном отрезал юноша. — Жаклин, ты в своём уме?

Девушка скептически сжала губы.

— Неплохая попытка, Александр. Сейчас же марш к себе в отделение, — повернувшись к нему, отстранённым тоном произнесла доктор Рочестер. Поставив кружку и закрыв шкаф, она опять начала наседать на пациента. — Немедленно в палату! Сию же секунду! — наступая на Алекса, девушка сложила свои ладошки так, как будто прогоняя его, собиралась захлопать на парня как на настырного гуся или голубя.

«Не иначе как очаровал какую-то медсестру», — мимолётом предположила Жаклин, глядя на белый халат на парне.

— Я никуда не уйду, пока не поговорю с тобой, — он сделал шаг навстречу к ней и тут же спрятал эти ладошки в своих ладонях.

— Нет! — вызверилась на него девушка. — Ты пойдёшь! Здесь тебе не хайлэндс и не футбольное поле, здесь не ты контролируешь ситуацию. Марш в палату! — раздула она ноздри, но смогла выдернуть только одну руку (и то только с помощью силы воли) и указала ею на дверь в коридор. Юноша даже и не подумал двигаться с места. Он заулыбался. — Ну! — добавила девушка для непослушно-непонятливых.

Но МакЛарен только чуть-чуть потоптался на месте и остался стоять эдаким сосудом вселенской скорби, изо всех сил стараясь соорудить «глаза кота из Шрэка», насколько это возможно при взгляде с высоты его роста.

— Когда мы сможем поговорить? — ласкал он её рассерженное личико своими красивыми влюблёнными «тюльпанами» и всё так же улыбался. Жаклин уже давно заметила, что её гнев его только лишь умиляет. И от этого разозлилась ещё больше.

— А сейчас мы с тобой что делаем? — грозно сдвинула она брови.

— Ты знаешь, о чём я, — юноша тоже стал серьёзней.

Жаклин выдохнула и опустила плечи.

— Когда ты выздоровеешь, мы обязательно поговорим.

— Я не выздоровею, пока мы не поговорим.

И тут открылась коридорная дверь, и на пороге показался Руперт Балфонсон — дежуривший сегодня терапевт.

— Привет, Жаклин, — замер он на пороге. В руке у мужчины были какие-то пухлые файлы. Девушка выдернула свою вторую ладошку из рук любимого человека. — Я хотел бы передать тебе несколько историй. Думаю, их лучше оформить через вас, чтобы быстрее заработали страховки. Посмотришь? — и он дёрнул рукой с бумагами.

— Да сейчас, Рупер, — залепетала доктор Рочестер, очень стараясь не выдавать себя смущением. Девушка обрадовалась гостю — Жаклин с Балфонсоном знали друг друга мало, поэтому он вряд ли сможет заострить внимание на МакЛарене. — Я только вот провожу

пациента в отделение, хорошо? Ты подождёшь?

— Да, — с готовностью кивнул вновь прибывший.

— Проходи, присаживайся. Я сейчас вернусь, — гостеприимно продолжила доктор Рочестер, и, не глядя на Алекса, начала подталкивать его за рукав к двери в коридор. Почувствовав сопротивление его тела, она глянула на парня — он так смотрел на терапевта, будто ему предложили отдать этому незваному гостю свою почку. Или обе.

«О, не-е-ет, — мысленно закатила глаза Жаклин, — вот это уже лишнее».

— Идём, — потянула она пациента за рукав халата, но тот тут же схватил её за руку и всё-таки вышел с ней в коридор. — Какая у тебя палата? — спросила девушка, направляясь на второй этаж в гастроэнтерологию, хотя отлично знала номер из списков.

— Двести четвёртая, — парень чуть замедлил шаг, пытаясь заглянуть ей в лицо. — Малыш...

— Алекс, только давай не сейчас, хорошо? Как ты себя чувствуешь? — спросила она, пользуясь случаем.

— Жаклин, то, что ты увидела, это ничего не меняет.

— Что тебе говорят врачи? — они шли по первому этажу к лестничной клетке.

— Это просто Кирк был немного пьян... и расчувствовался.

Девушка закатила глаза.

— Будем считать, что ты идёшь на поправку.

— Я всё равно тебя люблю, — проговорил её любимый шотландский пациент, и тут они завернули на лестницу. Датчик присутствия ещё их не увидел, поэтому свет не загорелся. Парень молниеносным движением пригвоздил девушку к стенке сразу возле двери и впился ей в губы.

Он еле-еле слышно застонал.

Жаклин затуманило мозги просто как по щелчку пальцев. Тут же. Так же легко и быстро девушка начала проваливаться всё ниже и ниже в эту быстрину сладостных, долгожданных ощущений. Будто кто-то уверенной рукой убрал до ноля резкость окружающих предметов и собрал все её рецепторы в одной точке — на губах. Александр бережно и умело обнял её ладонями за шею, как гончар обнимает будущую вазу на гончарном круге. Надавлив большими пальцами на щёчки, юноша чуть запрокинул голову девушки и смаковал её губки как путник, дорвавшийся до сладостного прохладного напитка.

И тут Жаклин обратила внимание, что он не напирал на неё своим животом и даже почти не касается. Это её вмиг отрезвило, она схватила ладонями его запястья и дёрнула головой.

— Ал... — попыталась она сказать слово.

Тот оторвался от неё. Оба дышали натужно, но с явным расслаблением и успокоением. Парень ещё раз мягко чмокнул её в губки — ему явно полегчало.

— Идём, — двинулась Жаклин на лестницу, и тут же включился свет.

Пока они поднимались, Александр шел сзади девушки и сжимал её талию своими ладонями, продвигаясь руками по бокам вперёд и вверх. Он прямо на ходу накрыл её груди в белом халате своими раскрытыми кистями и сжал. Жаклин было не очень удобно идти, и она принялась отдирать его пальцы от себя.

К счастью, второй этаж — не четвёртый, и они пришли довольно быстро. Правда, на последней лестничной площадке, Александр всё-таки развернул её резко на себя, опять стиснул в руках и хорошенько, сочно поцеловал.

Двести четвёртая палата была четвёртой по счету от лестницы. Весь второй этаж уже окончательно погрузился в сон, тишину и полумрак коридорных ночников.

— Иди в палату, — тихо шепотом проговорила доктор Рочестер, останавливаясь сразу же возле лестницы. Александр смотрел на девушку с ожиданием в глазах. — Мы поговорим. Обязательно. Алекс, иди в палату. Мне некогда — меня ждут, — ответила она на его взгляд.

— Подождут, — больной не трогался с места.

— Послезавтра я буду работать в своём кабинете и напишу тебе СМС, когда ко мне можно будет подойти, — пообещала Жак, справедливо полагая, что парень помнит её расписание наизусть.

Юноша широко заулыбался.

— Умница, — он наклонился и чмокнул девушку в губы. — Если я не дождусь СМС, сама понимаешь...

Жаклин вздохнула и кивнула головой.

— Понимаю.

— Вдвойне умница, — Александр улыбнулся ещё шире и просто кратко коснулся своими губами губ Жаклин. — Я люблю тебя, малыш, — нагнувшись и поравнявшись с ней глазами, прошептал он, после чего нажал указательным пальцем на кончик её носика и, выпрямившись и развернувшись, крадучись направился в свою палату, снимая на ходу белый халат.

— И я тебя люблю, — одними губами ответила Жак, глядя ему вслед, а потом, спохватившись, стремглав бросилась обратно на первый этаж, буквально физически ощущая у себя за спиной крылья.

Именно на этих крыльях она летала всю оставшуюся смену. Доктор Рочестер продолжала делать всё почти автоматически, но уже с улыбкой в уголках губ.

Конечно, девушка не собиралась вот так просто спускать с рук Алексу этот инцидент, меняя на ходу свою тактику — тут она осталась при своём, а вот со стратегией всё обстояло куда сложнее.

Теперь её желание поговорить с парнем неожиданно отошло на второй план — ей достаточно сказали его глаза и губы в эту ночь, юноше осталось только всё это озвучить словами и оформить деталями. А вот с позицией Кирка Жаклин бы с удовольствием ознакомилась и сразу же приготовилась ждать, поскольку понимала, что никогда не сможет проявить инициативу сама.

Глава 39

Чёрная Q7

Она появилась буквально из ниоткуда. Эта чёрная Q7.

Машина словно не подъехала к краю дороги, идущей вдоль Портового луга, а возникла там по взмаху волшебной палочки. Только что её не было — и вот она уже стоит там спокойно и неподвижно.

Попытки Жаклин увидеть какие-либо шевеления в авто или вокруг него успехом не увенчались — эта черная «Audi» казалась пустой и безлюдной и даже какой-то зловеще — мёртвой.

— Сула, ко мне! — громко и четко произносила хозяйка, дёргая поводок и держа в руке наготове кусочки сухого корма в качестве вознаграждения, как учила её инструктор Зои.

Проспав сегодня после смены почти до прихода Чарльза с работы, девушка только лишь поздоровалась с мужем и, сославшись на спешку, не стала накрывать ему на стол, а быстро собралась, взяла Сулу и ушла на занятие, которое было назначено на четыре часа после полудня.

Она отработывала у собаки навык приближаться к хозяину по первому требованию. Пока у Сулы получалось только с третьего.

«Да что же это такое?! — досадовала Жаклин. — Почему меня никто не слушается! Тот по больнице разгуливает с больным животом, эта красавица никак не хочет понять, чего от неё хотят, — опять покосилась девушка на Q7. — Вот Кирк — умница: быстро объявился», — даже под страхом обнаружить у себя лёгкую паранойю она всё-таки решилась взять на себя смелость предположить, что в машине именно дядя её любимого шотландца и никто иной — англичане не очень жалуют кроссоверы и внедорожники, тем более в маленьком, тесном Оксфорде.

Сегодня с Зои их занималось только четверо, поэтому по окончании занятий они всем составом двинулись на выход с луга, как можно ближе держа на поводках своих ещё не до конца воспитанных питомцев.

Жаклин шла молча, выслушивая стенания и восклицания своих партнёров о нелёгкой доле обладателей и воспитателей крупных собак. Рядом плелись те самые крупные собаки и, судя по их понурому, усталому виду, их мысли были полностью адекватны хозяйским словам.

Предчувствия девушку не обманули — как только они приблизились к Q7, щелкнула дверца водителя, и из машины вышел Кирк. Он был одет в довольно дорогое на вид, лёгкое длинное тёмно-синее пальто, под которым виднелся тёмно-песочного цвета шарф и серый классический мужской костюм.

— Доктор Рочестер, — довольно громко поприветствовал девушку мужчина, улыбаясь всей их весёлой компании, во главе с самой старшей из них — акита-ину по кличке Микки.

Жаклин невольно опустила взгляда на его губы.

«Губы как губы», — спокойно подумала она, но потом, прикинув, что, скорее всего, Кирк приезжал проведать племянника и только что от него, опять нахмурилась.

— Чем обязана, мистер Бикстер? — отделяясь от группы, довольно приветливо, но без особого энтузиазма, поинтересовалась она.

— Я планировал совершить свой вечерний моцион. Не составите ли мне компанию с вашей очаровательной спутницей? — Кирк кивнул головой Суле, которая, сразу же забыв всё, чему её учили только что два часа кряду, потянулась к мужчине за знакомством.

— Извините, но я спешу — уже поздно, — двинулась было девушка дальше за своими товарищами — ей очень захотелось посмотреть, как Кирк начнёт на неё давить.

— Я весьма занятой человек, миссис Рочестер, — тут же оправдал её ожидания мужчина. — Вы уверены, что я приехал бы сюда и побеспокоил бы вас, не будь у меня достаточно серьёзных причин для этого? — Жаклин скептически сжала губы, придерживая Сулу ближе к ноге. — Уверяю вас, нам с вами необходимо обговорить кое-какие моменты, касающиеся моего племянника. Не думаю, что вам это безразлично.

— Только если не очень долго. Признаться, я очень устала и должна поторапливаться, — двинулась она назад по дорожке вдоль окраины луга, разворачивая Сулу.

— Спешите к мужу? — поинтересовался Кирк с ироничной улыбкой, направляясь вслед за ней.

— Не угадали, — ничуть не смутилась Жаклин. — Мне завтра на работу, мистер Бикстер. Итак, могу я узнать цель вашего визита?

— Разумеется, — тоже не смутился мистер Бикстер. — Я хотел бы немного прояснить ситуацию вокруг вас и Александра. Взаимно.

Девушка высокомерно вскинула брови. Сула, поняв, что они опять куда-то идут, а не возвращаются домой к миске, тряпкам и остаткам корнуолльских сапог, была сбита с толку и принялась слегка нервничать и дёргаться.

— Вашего племянника, мистер Бикстер? У вас весьма специфическая манера сначала усложнять ситуацию, а потом её упрощать. К чему бы это? — девушка наклонилась и прямо на ходу погладила свою хулиганку по холке, пытаясь её успокоить.

— Именно. Я не сказал: «упрощать», я сказал: «прояснить». И вы заблуждаетесь, милая миссис Рочестер, этим поцелуем я ситуацию не усложнил, а проявил, сделал её чуть более прозрачной. Не находите?

— Возможно, но вы называете мне далеко не взаимоисключающие вещи, сэр. И давайте ближе к делу.

Кирк застыл на ходу. А потом так же, не трогаясь с места, чуть улыбнулся.

— Я начинаю понимать своего племянника: с вами приятно иметь дело, миссис Рочестер. Если вы продолжите в том же духе, я уверен, мы достигнем консенсуса, — и он опять двинулся вперёд.

— Спасибо за комплимент и присоединяюсь к вашему стремлению к консенсусу. Итак?

— Итак... я далёк от идеи посвящать вас в тонкости и нюансы моих сексуальных пристрастий и взаимоотношений с моим племянником. Также меня не интересует степень того вожделения, которое внушает вам Александр, ибо поверьте мне, на исход дела — а исход будет, обязательно будет, миссис Рочестер — это никоим образом не повлияет. Те чувства, которые вы испытываете к моему племяннику, и даже те, которые он питает к вам, могут только лишь немного скорректировать цепочку дальнейших событий, но конец истории всё равно будет таким, каким напишу его я.

— Вот как?

— Именно так, — медленно и низко кивнул мужчина, сложив свои губы дудочкой. — Александр никогда не расскажет вам того, что расскажу вам я. А я поведаю вам о том, что

такого, как этот парень, забирает тот, у кого первого хватит ума разглядеть, кто перед ним.

Жаклин ответила не сразу.

— И это, конечно же, вы, мистер Бикстер.

— Совершенно верно. Вы весьма проницательны.

— Вы первый рассмотрели Александра и первый поняли, что он из себя представляет.

— Bravo, миссис Рочестер. Вам остался пустяк — сделать верный вывод о том, что вы слегка запоздали в своей влюблённости в Алекса.

— И вы надеетесь, я буду интересоваться тем, что же конкретно вы в нём рассмотрели, и кем же является Александр, по-вашему.

— Я бы настоятельно вам это советовал, дражайшая миссис Рочестер. Это в ваших же интересах. Ибо не исключена возможность, что в любовном запале, польстившись на прекрасные внешние данные этого юноши, кое-какие нюансы вы всё-таки упустили.

— Хорошо. Уговорили. Просветите-ка меня, — кажется, их неспешная беседа и размеренный шаг успокоили даже Сулу — она плелась рядом со своей хозяйкой, перестав рваться ко всем встречным кустам и деревьям. Поэтому Жаклин решила позволить себе ещё несколько лишних минут в обществе Кирка.

«Этот сэр жаждет держать речь. Ну что же... послушать никогда не помешает».

— Александр рос на моих глазах, — Кирк сцепил руки в замок за спиной. — То, что у мальчика будет необычный характер, мне стало заметно, когда ему исполнилось года три-четыре, наверное, не больше. Он вёл себя исключительно малоэмоционально для ребёнка такого возраста, всегда был погружен в себя и сосредоточен только на себе. Умел отвлекаться от ненужного, лишнего, неинтересного. Дальше — больше. Лет примерно с семи мальчик уже неплохо умел манипулировать детьми, и в первую очередь сестрой. И я, признаться, был удивлён, насколько быстро он «закипал», когда кто-то из детей пробовал делать тоже самое с ним. — Кирк замолчал и слегка погрузился в себя, видимо от нахлынувших воспоминаний. — Александр практически не допускал, чтобы кто-то руководил им или его сестрой или же, не дай-то Бог, обижал Дженнифер. Это были задатки добротного дельца, хорошего руководителя и организатора. — Мужчина опять замолк. Они шли по дорожке парка, которая освещалась фонарями, ибо было уже практически темно. Мистер Бикстер явно не спешил. У Жаклин начало складываться впечатление, что он действительно отдыхает в её обществе. — То, что случилось со мной, когда этот мальчик вырос, я, пожалуй, опущу, ибо это слишком личное. Я даже не буду просить вас, дражайшая миссис Рочестер мне поверить, когда скажу, что я прошел большой путь к тому, чтобы всё остановилось на том моменте, в который встретили его вы — Александр был свободен от отношений, сосредоточен на себе, учёбе и карьере. Я однажды отказался от этого парня, приложив для этого усилия, о которых известно только мне одному, и теперь вправе требовать того же от любого. Это мальчик должен двигаться дальше. У него отменный потенциал плюс внешность — то есть всё, чего был лишен в своё время я. Ему только немного обосноваться и обвыкнуться в Нью-Йорке, а там, с его способностями и внешними данными, он сможет сделать себе партию, равную по масштабам слиянию Трамп и Кушнер или Арно и Гансия. Я позабочусь об этом лично. Он птица не вашего полёта, девушка. И я просто не допущу, чтобы всё, что я в него вложил и ещё собираюсь вложить, пропало зря в сопливой семейке с толпой голожопых ребятишек и женой из захудалой больнички.

Жаклин понимала только одно: ей нельзя поддаваться ему. Нельзя давать то, чего он сейчас и добивается — опустить её самооценку ниже плинтуса.

— Но ведь это же проституция, уважаемый сэръ, — девушка изо всех сил старалась придать своему голосу нотки ироничного спокойствия. — Вы, мистер Бикстер — сутенёр, который готовит парня в проститутки, чтобы подороже продать его способности и внешние данные.

— О-о-о-о... я вас умоляю, не нужно таких громких слов, — улыбаясь, мужчина поднял руку в останавливающем жесте. — Александр — это мои инвестиции, мои вложения. Я сам когда-то полюбил этого парня, но всё-таки смог засунуть подальше свои чувства, сосредоточившись на его состоятельности как будущего делового человека, как мужчины, в конце концов.

— Ну, вот это и прозвучало, — Жаклин была близка к ликованию — ей удалось немного пошатнуть его, пробить небольшую брешь в его уверенности и спокойствии.

— Что? Что прозвучало?

— Признание в педофилии, — девушка мягко улыбнулась.

— Чушь, — спокойно произнёс Кирк. — Детей я не люблю и, признаться, абсолютно ими не интересуюсь. Но я ожидал подобного рода обвинения от вас и могу сказать, что в принципе, у меня нет ни малейшего повода перед вами оправдываться, тем более, что разница в возрасте между Алексом и вами тоже не в вашу пользу, и я ни секунды не сомневаюсь, что как раз-таки именно вы меня прекрасно понимаете, — сделал Кирк ударение на слове «вы», — дело не в возрасте, а именно в самом Александре, — мужчина резко повернул голову в сторону девушки. — Не так ли? — Жаклин молчала, низко опустив голову. — Он хорош! — мечтательно вскинул подбородок мистер Бикстер, устремив свой взгляд опять вдаль. — Чертовски хорош! — он сжал губы в плотный бантик и поднял их к носу. — И вы это знаете не хуже меня. Мда... — мужчина посмотрел под ноги идущей рядом девушки. — Да и вы тоже.

— В смысле? — тут же удивилась она.

— Поймите, Жаклин, я не считаю вас плохой, — Кирк принялся поправлять шарф и слегка запахнул пальто. — Вы умная, хорошая, любящая, верная, да-да, верная, меня, как видите, не смущает ваше замужество. Вы действительно его достойны. Но всё это не имеет ни малейшего значения в моём мире? При всём моём желании и симпатии к вам лично я не смогу взять и отменить все свои планы. Я должен думать и действовать только в интересах своего дела и ради успешности Алекса. Я сам смог отказаться от личных интересов в отношении этого красивого мальчика, откажитесь и вы. Я в этом ни секунды не сомневаюсь.

— И каким же это образом, позвольте осведомиться? Вот поговорю сейчас здесь с вами и тут же отправлю ему СМС, что между нами всё кончено и больше не хочу его видеть? — девушке стало очень плохо, но она сжала себя в кулак и держалась.

— О-о-о-о... бросьте, Жаклин, я не настолько наивен. Наверняка вы будете драться за него, — Кирк будто оборвал сам себя на полуслове и продолжил уже совсем другими интонациями: — Будете рваться в компанию к его безмозглому папаше и этой идиотке Кире. Нет проблем, миссис Рочестер, давайте усеём жизненный путь этого мальчика трупами.

Жаклин остановилась. Сула, не в силах сразу же сделать то же самое, принялась топтаться вокруг своей хозяйки.

— Что? Что вы сказали? — сдвинула девушка брови, часто-часто моргая. — Что? Вы? Сказали?

— Что слышали, миссис Рочестер. — Тоже остановился Кирк.

— Вы мне, что, угрожаете? — «Этого не может быть, — тут же одёрнула она себя. — У

нас двадцать первый век на улице».

— Если вы слышали в моих словах угрозу, то это ваше личное предпочтение и право. — Кирк осмотрелся вокруг. — Со мной не шутят, девушка, когда я не шучу в ответ, — вкрадчиво-вежливо проговорил мужчина, делая шаг вперёд и останавливаясь ровно напротив Жаклин.

«Девушка» и верила и не верила своим ушам.

— Это... — она выдохнула в возмущении, — это неслыханно! Это же какой-то... каменный век!

— Как вам будет угодно, — мистер Бикстер чуть поклонился, делая шаг назад.

— Мне уже начинать бояться за свою жизнь? — в возмущении округлила глаза Жаклин.

— Итак, я сказал вам всё, что хотел, дражайшая миссис Рочестер. На этом должен откланяться и не смею больше задерживать, — он сделал ещё пару шагов назад.

— Вы блефуете! — Жаклин не могла отпустить мужчину на «его» ноте.

Тот это понял. Он остановился и долго стоял молча, спокойно-задумчиво глядя Жаклин прямо в глаза. Потом, так и не проронив ни слова, развернулся на каблуках дорогих ботинок и быстрым шагом направился к своей чёрной Q7.

Глава 40

Ржавчина.

Я, правда, не знал, что бывает вот так, как с тобой,
Что в жизни случается что-то такое с людьми.
Я вижу твоими глазами другого себя
Так близко, что кажется, ты уже где-то внутри.
Себя без всего, что мешает свободно дышать,
Наросшей ненужной, постылой, чужой шелухи,
Как город, вздыхающий летом в предчувствии дождя.
Нас двое, но вместе становимся чем-то одним.
Постой. Посмотри на меня, ну, куда ты спешишь?
Ты скажешь, и вдруг я пойму, что теперь не один.
Моими глазами ты видишь другую себя,
Твоими глазами я так безнадежно любим.

РОКОКУ 2015

Даже расставшись с Кирком, Жаклин не могла избавиться от ощущения присутствия этого мужчины рядом. Уйдя от девушки быстрым шагом по дорожке Портового луга, мистер Бикстер каким-то непостижимым образом всё-таки сумел оставить возле неё нечто вроде своей тени, которая, по всей видимости, была призвана наблюдать за «дражайшей миссис Рочестер» и отнять у той право на уединение и остатки покоя.

Это началось ещё с возвращения домой с Сулой. Находясь под впечатлением от этого отвратительного, унижительного разговора, Жаклин уже о многом жалела.

«Дура! — ругала она сама себя. — Не так надо было!»

Острое желание или даже необходимость договорить буквально съедало девушку изнутри, а ещё лучше переговорить эту беседу заново. Ей казалось, что вот именно сейчас у неё в голове рождаются гораздо более умные мысли и едкие фразы.

«А ещё лучше, не идти у него на поводу, а навязать свой разговор! — досадовала миссис Рочестер. — Рассказать этому... бизнесмену, как мы с Алексом любим друг друга, как нам было хорошо на этих каникулах в хайлэндсе и на Новый год в его лондонском доме! Да!»

Девушка очень жалела, что не смогла дать понять, разъяснить этому дяде — раз уж он сам не в состоянии этого сделать — что это не она, а он опоздал. И даже если ему удастся убрать её с дороги — живой или мёртвой — его личный вариант финала этой истории уже невозможен. Поздно. Жак уже течёт по венам Алекса в потоке почти такой же крови, как и у самого Кирка, а его племянник с первого взгляда ассоциируется у неё со смыслом жизни. Девушка очень жалела, что не догадалась ударить в мистера Бикстер ревностью.

Как только в голове прозвучало это слово, Жаклин буквально пронзила догадка — ревность! Она даже чуть замедлила шаг, и Сула тут же натянула поводок, потому как сейчас даже армия хозяек не могла бы остановить собаку на пути домой к миске с кормом и тёплому тряпью, в которое можно замотаться и даже поиграть с ним. А до её владелицы начало доходить, что именно не давало ей покоя с момента начала этого вечернего моциона. Какое-то нехорошее ощущение, нечто странное и неестественное свербело девушке нутро.

«Он же ревнует! Точно!» — осенило её. Кирк очень сильно ревновал Алекса к ней.

Общаясь с ним, Жаклин отчётливо расслышала в его словах и интонациях соперничество, зависть. Утвердившись в своей догадке, девушка, вот так сходу, не смогла взять в толк, что ей это даёт и поэтому вернулась от частного к общему.

«И на что же мне решиться сейчас?»

Тяжело вздохнув на ходу и опустив плечи, Жак шла и жалела о том, что как не отвлекаясь на попутные мысли, как не делай вид, что ничего такого уж страшного не произошло, но намёки Кирка на его ужасную, времён каменного века, манеру решать дела никак не отменить.

«Что-то предпринять просто необходимо! — она пожевала обветренные на холодном влажном воздухе губы. — В любом случае, сначала нужно поговорить с Алексом».

И на следующий день, в субботу, одиннадцатого числа, придя на работу, доктор Рочестер сразу же принялась готовиться к разговору. И физически и морально.

В кулинарном смысле она вооружилась «до зубов». Во всех смыслах.

Зная наверняка, что просто так уединиться для беседы в рабочее время даже в личном кабинете, пусть и в этот момент у неё нет пациентов, ей никто не даст, Жаклин решила устроить аудиенцию своему шотландскому пациенту в обеденный перерыв. Подозревая, что этот инцидент с Кирком, если и изменил того, кто «вечно голоден», то не настолько, чтобы он позволил ей пожертвовать самой трапезой, она приготовила дома вечером куриный бульон со свежей петрушкой и луковицей, а также сконы с бужениной, огурцами, оливковым маслом, прованскими травами и соусом «Tabasco».

Упаковав булочки в бумажный кулёк и залив бульон в термос, девушка прихватила к ним в компанию ещё кекс со сливами и принесла всё это сегодня с собой.

Где-то часов в десять утра она отослала парню СМС с просьбой подойти к ней в кабинет после двенадцати. Получив в ответ два слова: «Я буду», доктор Рочестер постаралась сосредоточиться на работе, поскольку и от этого тоже зависела возможность разговора.

Он появился минут за пять до двенадцати, когда Жак только-только успела поставить компьютер в спящий режим и сложить бумаги в стопку на краю стола.

Даже не войдя, а именно проникнув к ней в кабинет, Алекс тихонько прикрыл за собой дверь и как-то так странно уставился на девушку. Затем молча, не здороваясь, он всё так же, не отрывая от неё взгляда, приблизился и замер, напротив.

Слегка оторопев, Жаклин чуть подалась корпусом назад.

— Что с тобой? Всё в порядке?

Парень, окинув взглядом пространство кабинета и, засунув руки в карманы трико, медленно наклонился к ней и показательно шумно втянул ноздрями воздух возле её уха.

— Привет, Джеки, — отстранившись, он развернулся и направился на выход.

Жаклин уже было подумала, что гость сейчас рванёт дверь на себя, выйдет и будет таков, но парень только щёлкнул замком.

Объясни толком, в чём дело! Чего ты хочешь?

Я не хочу, ответил он, делая ударение на частице «не».

И чего же ты не хочешь? — Жаклин тоже сделала ударение в этом же месте. — Покажи мне живот, направилась она к пациенту.

Я не хочу почувствовать от тебя запах сигарет, он остановился и, кратко закатив глаза и подняв руки вверх, отвернулся к окну.

Ну, что же, сочувствую, ибо я курю и с некоторых пор очень много, задрал больному

футболку, врач осмотрела потемневшую, теперь уже почти чёрную, гематому с желтоватыми разводами вокруг, но зато уже без опухоли. Видимо, воспаление действительно удалось победить.

Не надо меня пугать, отрезал пациент таким тоном и тембром, от которых доктор тут же вздёрнула на него испуганный взгляд. — Да. Именно, кивнул парень. — Не надо. Тебе мало проблем?

Ты об этом хотел со мной поговорить? — Жаклин опустила его футболку. Чуть покрутившись на месте в неловкости, она направилась к шкафу, где лежала сумка с едой.

Нет, Алекс поправил футболку и подтянул штаны. — Была бы моя воля, я бы предпочёл вообще никогда не иметь разговоров на эту тему. Особенно с тобой. Ну да ладно, — взялся он руками за спинку стула. — Во-первых, Жаклин, я должен извиниться перед тобой и попросить прощение за эту нашу с Кирком дурацкую выходку. Мне очень жаль, что тебе пришлось это увидеть. Правда, жаль. Этого больше не повторится: между мной и дядей уже давно всё ясно.

Я убедилась в этом там, в хирургии, девушка подошла к тумбочке в углу, у окна, и нажала клавишу стоявшего на ней электрического чайника.

Это была мимолётная слабость, порыв со стороны Кирка. Мы больше такого не допустим.

На одном месте Алекс удерживал себя только усилием воли. Ему очень хотелось подойти и подкрепить свои слова действиями: прикоснуться к девушке, обнять, стиснуть, ущипнуть в конце концов. Но он понимал, что должен просить прощения, не прибегая к разного рода физиологическим ухищрениям и без помощи слабости, которую питает к нему доктор Рочестер, поэтому стоял как вкопанный.

А с твоей стороны что это было? — врач заметила и оценила его выдержку, хоть и делала вид, будто полностью занята хлебом насущным.

А я, — увидев, что она вынимает из шкафа большую сумку, юноша тут же ринулся на помощь, я действительно очень хорошо к нему отношусь, он дорог мне как... куда это поставить? — дойдя до стола, повернулся он к девушке.

Сюда, придвинула она стул к столу.

Он дорог мне как человек, который меня хорошо знает, водрузил Алекс сумку на стул и отошёл, а Жак принялась вынимать из неё еду. — Кирк знает меня всю мою жизнь, он любит меня. Ведь, по сути, кроме Дженн и тебя меня никто по-настоящему не любил.

Жаклин застыла. Ей это показалось кокетством. Особенно, вспоминая Киру. Но она отбросила, и эти мысли, и момент любви между Алексом и Алисой, сочтя их в данном разговоре неуместным, и поставила себе в голове галочку.

Я надеюсь, в конце концов, он смиритесь с ситуацией, закончил меж тем юноша.

Девушка почесала лоб и направилась опять к шкафу.

У меня к тебе очень много вопросов, но я не уверена, что могу спрашивать обо всём, принялась она вытаскивать с полки одну за другой кружки под бульон и чай.

Спрашивай всё, что только приходит тебе на ум, парень уже разворачивал сконы, но в это время щёлкнула клавиша закипевшего чайника. Где у тебя чай?

Там, кивнула Жак головой на шкаф, выставляя кружки на стол.

Обо мне ты имеешь право знать всё. — Парень направился за чаем. Я тебе расскажу всё, что знаю. Но кое-чего не знаю даже я, и поэтому... он взял с полки упаковку пакетиков чая «Fortnum&Mason» и пошёл за чайником.

У тебя с Кирком была связь? — быстро проговорила Жаклин, разливая бульон по кружкам.

Да.

Давно?

Жаклин, только вот давай я тебе сейчас всё расскажу, и ты мне поверишь, а? — Александр вытаскивал пакетики чая и, держа их за бумажные этикетки, опускал в чашки.

Жаклин застыла.

Александр, вот давай я тебе сейчас скажу, и ты запомнишь: я верю тебе всегда! нажала она клапан термоса английской фирмы «TalleR» и отставила его на край стола.

Год назад, парень кивнул головой на её реплику, — мы всё выяснили и решили прекратить, когда были в Нью-Йорке, он наполнил кружки кипятком. После смерти отца я очень сильно сблизился с Кирком, и он предложил потихоньку вникать в его дела. Я вникал, юноша опустил на стул для пациентов, разглядывая, чего там ещё доктор Рочестер вытащит из своей волшебной сумки. — Потом он взял меня с собой в Нью-Йорк. — Жак, выложив кекс со сливами последним, отбросила пустую сумку на тумбочку и тоже уселась на стул. — Там он брал меня на всякие переговоры и объекты, присматривался ко мне, а в конце предложил отдать этот филиал. Я согласился и по приезду начал хлопотать о переводе в Оксфорд, а поскольку Кирк не привык мешать рабочее и личное, то после поездки мы остались только дядей и племянником. Это было год назад. Только после того, как мы всё выяснили между собой, я согласился на машину, он откусил почти половину булочки с бужениной и прихлебнул бульон.

А когда начались ваши отношения? — девушка тоже отпила горячий напиток, но к сконам приступать не спешила.

Усиленно работая челюстями, МакЛарен почесал макушку и задумался — он явно не знал с чего начать.

Всё началось после смерти Киры.

«Чёрт!» — Жаклин только что на стуле не подскочила.

Мне тогда было хреново по-настоящему, Жак. Я на стены лез, он пальцами разорвал пополам остаток сконы и одну из частей отправил в рот. После сделал ещё один большой глоток бульона. — Понимаешь, — Александр замолчал, поскольку был очень сильно занят пережевыванием, и посмотрел в окно, устал я от этих тёлочек, от их липкости... похотливости. И выбрал Киру — у неё был тот ещё характер, парень забросил в рот остатки сконы и потянулся за следующей. — У меня появилась официальная девушка, и это давало ряд преимуществ, юноша прихлебнул бульон. — Еф! с набитым ртом строго ткнул он пальцем в булочку, лежавшую рядом с кружкой девушки.

Я ем, схватилась та за свою порцию, но откусывать не спешила.

Я вижу, жуя, юноша сложил руки на коленях, всем видом показывая, что будет говорить только после того, как Жаклин приступит к трапезе.

Скептически поджав губы и недовольно, мученически глянув на юношу, она откусила-таки скону и принялась пережёвывать с расслабленными губами.

Ну, так вот, тут же продолжил Алекс, потом разочаровало и это, парень обречённо махнул рукой. — А когда Кира наложила на себя руки, тут я психанул по-крупному. Мне тогда ни футбол, ни бокс не помогал. И Кирк, он... он, понимаешь, очень хорошо тогда меня поддержал. Показал, что бывают другие отношения, такие... мужские — без соплей, капризов... навязчивости и выноса мозга. Ежедневно! юноша опять прихлебнул бульон,

укусил булку и уставился на картинку с каким-то английским пейзажем с церковью, висевшую на стене позади доктора Рочестер. Отношения с женщиной... — он в раздумье пожевал губы, — хоть я и не считаю, что у нас с Кирком были отношения, скорее взаимоотношения, тоже имеют свои плюсы. — Алекс посмотрел на Жаклин и закивал головой. — Это было тем, что мне нужно на тот момент, после смерти Киры. Потому как баб рядом я уже просто выносить не мог. Мужики проще, грубее, примитивнее, Александр сделал неопределённый жест рукой и отправил остатки еды в рот, запив изрядной порцией бульона.

«Да уж, тут же подумала Жаклин, что примитивнее, так это уж точно», вспомнила она, удаляющуюся по дорожке Портового луга фигуру Кирка.

Мужик плюс мужик, это как два плюс два равно четыре — всё просто! — развёл руками Алекс. — А мужик плюс женщина — это как один день: два и три плюс один и семь равно четыре, парень сильно склонил голову на левый бок, а на другой день: один и девять плюс два и один равно четыре, кивнул он вправо. — Я устал от этой сложности, и мне захотелось два плюс два. У нас с дядей всё прозрачно и понятно даже в бизнесе: он использует меня как молодую, свежую кровь, я использую его как опору, фундамент с которого буду начинать. Я же говорю, что хочу иметь свою компанию и Кирк — это самый нормальный и удобный путь к ней, Александр опрокинул в себя остатки бульона.

А кто ещё знает о вас с Кирком кроме меня? — Жаклин перекусила пополам вытащенный из сэндвича кружочек свежего огурца.

Только Дженн, и всё.

Дженни?! — девушка подпрыгнула на стуле как ужаленная. — Да ты с ума сошёл! — Жаклин переполнило возмущение. — А Кирк! — всплеснула она руками, в одной из которых был зажат кусочек сконы. — Он-то куда смотрит?! Да вас посадить мало!

Парень упрямо опустил голову и начал отрицательно кивать ею из стороны в сторону.

Дженн должна любить и принимать меня любого, ледяным тоном отрезал юноша. Таким, каков я есть. — Он сжал кулаки на столе. — Она моя родная сестра и родная племянница Кирка, и примет нас любыми. Мы не воры и не торговцы наркотиками, но даже если кто-то из нас убьёт человека, мы не отвернёмся от него. Мы — семья. Клан. Это то, на чём мы все сидим, и что делает нас сильными.

Слепое принятие? Жаклин передвинула по столу по направлению к больному одну сторону сконы с бужениной, которую доедать не собиралась. Ей в это мгновение как-то нужно было отвлечь себя от мысли о том, что она тоже готова принять его любым, кого бы он там не убил. Да хоть её саму!

«Но вот убийство отца я бы, конечно, не простила никому», мелькнула мысль в голове у девушки.

Называй, как хочешь, Алекс тут же свернул пополам то, что она ему подсунула, и отправил в рот, после чего взял кружку Жак с бульоном и шумно отхлебнул из неё.

Так что же произошло в палате?

Да нифега ужафнага! — всё ещё жуя, Александр встал, подошёл к Жаклин и подал ей руку. Когда девушка вложила свою ладонь в его, он проглотил пищу и потянул её вверх. — Ты видела почти всё: Кирк был пьян и расчувствовался от вида моей раны. — Подняв Жак со стула, Алекс уселся на её место и за бёдра опустил девушку к себе на колени. — Он попросил об одном поцелуе. Я не смог ему отказать — уж больно расстроенным он выглядел. — Парень каким-то тягучим движением, с затаённым, сдерживаемым желанием и

грацией соблазняющего хищника, обвился руками вокруг хрупкого девичьего тела и с удовольствием прижался к нему. — Вот и всё. Я надеялся, ну, в общем, я надеялся, что ты нас не застанешь, но больше не хочу, — и он поцеловал её в шейку. — Это действительно лишнее. Чёрт меня дёрнул, хрень какая-то получилась.

Жаклин вся превратилась в слух. Не видя лица парня, она старалась уловить в его интонациях хоть малейшие нотки фальши, желания закрыть глаза на ситуацию, попытаться проигнорировать тот факт, что его дядя спит и видит, как бы вбить клин между своим племянником и его любимой женщиной. И не уловив ничего из желаемого, девушка огорчилась. Очень. Скорее всего, Александр говорил совершенно искренне и считал, что ничего особого не произошло: они с Кирком совершили ошибку и не более того.

Кирк-гей? — не забывая о гематоме своего любимого пациента, Жаклин развернулась боком у него на коленях и обняла за шею.

Эмм... нет. Насколько я знаю, нет, поцеловал он её в щёчку. У него, кажется, даже сейчас есть какая-то женщина.

Он бисексуален?

Да.

Как и ты?

Это вряд ли, юноша ухмыльнулся уголком рта. — Хотя, я слышал, что мужчины более бисексуальны, чем женщины.

Да. Вам не нужно рожать, поэтому вы легче образуете пары, в которых репродукция не возможна.

Наверное. Тебе виднее.

Так тебе это не понравилось? — Жаклин чуть прищурилась.

Д-д-д-д-а-а, ты знаешь, Александр почесал бровь, мне, вроде бы, и противно-то не было и отвращения я никакого не испытывал, но и особого такого вот прям удовольствия тоже, юноша скептически скривил губы. — Просто что-то новое. Интересно же! А потом, чуть позже, я начал скучать по девушкам, при слове «скучать» юноша довольно сильно прижался к Жаклин. — У нас с Кирком была договорённость, что ни о какой верности речь не идёт, поэтому, чуть очухавшись рядом с ним, я опять начал поглядывать на женщин. Мне стало не доставать запаха женщины, юноша ткнулся своим точёным носом в ложбинку груди доктор Рочестер в вырезе халата, мягкости, парень несильно сжал её ягодицы, хрупкости, — переместив руки на талию девушки, кистями он почти взял в кольцо эту часть её тела. — Думаю, что этого же не хватало и Кирку.

Но ты не жалеешь, спросила Жаклин без вопроса в голосе и повернула голову к юноше, проигнорировав замечание о Кирке.

— Ни грамма! — тут же ответил Александр, глядя ей в глаза. — Я очень жадный до опыта, Жак. Я не хочу получить опыт как гребень, когда у меня выпадут все волосы. Я хочу здесь и сейчас. Повторять именно этот опыт у меня нет ни малейшего желания, видимо, я удовлетворился окончательно, он усмехнулся, но о том, что было, не жалею.

Кирк сыграл очень важную роль в твоей жизни, Жаклин открыла парню только «вершину айсберга» своих мыслей. — Он для тебя авторитет.

Александр задумался.

Видишь ли, Кирк не боялся меня понимать, юноша почесал себе кончик носа. — Отца это пугало. Папа опасался, что поймёт во мне что-то не очень хорошее, — он виновато ухмыльнулся, — то, что должен будет исправить или вообще запретить. Он всегда был

осторожен и строг со мной. Я видел, что он не решается стать мне другом, видимо, остерегался, что не сможет остаться родителем, не хотел ронять авторитет. — МакЛарен поджал губы. — А Кирку всё было пофиг. Он такой, какой он есть. Свободный.

Жаклин слушала, с каким желанием и готовностью размышляет Александр о себе, и понимала, что сейчас он буквально исповедуется перед ней. Рассказывает сверх того, что она просила.

«Бедный, сжималось сердце у девушки, мало того, что его по-настоящему никто не любил, так им ещё и не интересовался никто».

Кирк как-то рассказал мне о наркоте, о том, как он пробовал это дело и посоветовал никогда не открывать этот «ящик Пандоры». — Алекс говорил, а его руки блуждали по телу доктора Рочестер. — Я ему поверил раз и навсегда, юноша прищурился, вдаваясь в воспоминания. — Я привык доверять его мнению, его опыту, понимаешь? — парень взглянул на Жаклин и погладил её по бедру. — Он никогда ерунды не советовал. В школе я, наверное, свихнулся бы на почве всеобщего обожания, если бы Кирк не направил меня в сторону бизнеса. Это почти как спорт, только со смыслом. Там твоё смазливое личико ничего не стоит и нифига не решает. Тебе могут дать в морду, могут окунуть в дерьмо, могут съесть с потрохами, и когда ты это побеждаешь, ты чувствуешь, что это победа, твоя победа! — «тюльпаны» сверкали как алмазы с огранкой в сто две грани. Это не сравнить с тем, что ты получаешь от тёлочек с их влюблёнными взглядами. Кирк открыл мне жизнь с реальными, взрослыми приоритетами, Александр с силой сжал кулак, зацепками, ориентирами. Поэтому, когда он сказал, что стоит получить опыт с женщиной, я согласился. Он сам его когда-то получил и не жалеет, и я не жалею.

А ты когда-нибудь хоть раз сопротивлялся влиянию Кирка? У тебя никогда не возникало желания его послать подальше? — Жаклин высвободилась из объятий любимого человека и поднялась: пора было пить чай.

Нет, не было, Александр тоже поднялся и пересел на свой стул. Дядя весьма ненавязчив. Он никогда, облокотившись о стол, юноша сделал винтовое движение рукой, он никогда не высказывает мнение, он делится с тобой своими взглядами, и ты волен разделить их или нет. В его позициях всегда больше описания, чем предписания, ты понимаешь, о чём я?

Абсолютно, кивнула Жак, разламывая кекс со сливами. — В этом нет ничего сложного.

Вот пообщаешься с ним и поймёшь, что у него есть чему поучиться нам всем. Кирк любого заставит себя уважать, парень улыбнулся и помешал чай в своей кружке.

М-да, девушка скептически сжала губы и отхлебнула чай из ложечки. — Видишь ли, в чём тут дело, Алекс, она почесала щёку, я уже привыкла, что ты вызываешь некоторую симпатию у представительниц моего пола, но вот к вниманию со стороны твоего я, признаться, ещё не готова, вздёрнула она брови. Да ещё и от того, кто для тебя является таким авторитетом. Плюс ко всему, вы часто видите и много времени проводите вместе.

Мой Бог, Жаклин, я же тебе говорю, что Кирк не смешивает работу и личное! — вскрикнул парень. Он не заводит романов с секретаршами и помощниками! Никогда!

Ну, хорошо-хорошо, Жаклин выставила ладони вперёд в успокаивающем жесте. — Я только тебя очень прошу: не дави на меня. Мне нужно подумать, обмозговать всё. Я должна, девушка потёрла подбородок, подбирая слова, короче, мне нужно время, чтобы хоть как-то свыкнуться с мыслью и понять, как жить с тобой дальше.

Счастливо! — Александр широко улыбнулся и откусил большой кусок кекса.

«Нет, тут же мысленно закатила глаза Жаклин, это не улыбка, это психологическая

атака какая-то! Если мы будем жить вместе, как я смогу на него дуться, если он будет мне вот так улыбаться?»

— Счастливо жить, Жак! Кстати, я уже начал искать квартиру для Скаут — это тётка Кирка. улыбчивый юноша прихлебнул чай, и если бы не этот придурок Гарри...

Это тот, который тебя ударил?

Д-да, парень осторожным движением накрыл ладонью место гематомы, урод этот.

В тебя влюбилась его девушка, Алекс.

Тот распахнул свои «тюльпаны».

И что?! А я причём? У многих парней есть девушки, и не все они западают на меня. Пусть он её трахает получше и почаще, тогда...

Александр!

А что, «Александр»?! Что я такого сказал? Он её, наверное, плохо удовлетворяет, раз она по сторонам оглядывается.

Ладно, замотала головой доктор Рочестер, показывая, чтобы он не продолжал. — Я ещё раз прошу: дай мне, пожалуйста, время, я сама тебе позвоню.

Жаклин, только если не очень долго, юноша сделал бровки домиком и «глаза кота из Шрэка». Терпение — не мой конёк, сама знаешь, он своей кистью накрыл её ладошку, лежавшую на столе. К тому же я уже опупенно тебя хочу.

Часть 2

И вот тут она обиделась. А что, могла себе позволить, между прочим. Алексу же вон можно быть таким близоруким и не замечать очевидного, так чем она хуже?

На девушку с новой силой нахлынуло чувство одиночества, того самого «иноземства». Но сдаваться она не собиралась, тем более, что рядом с любимым человеком у неё напрочь пропало ощущение присутствия тени Кирка, хоть они и проговорили почти всё время именно о нём. Это было весьма странно, непонятно, но и в тоже время чертовски здорово и обнадеживающе.

Жаклин уже совершенно не хотелось думать. Абсолютно. Ей хотелось любить, быть любимой, беременной, босоногой, и на кухне.

«Но, кажется, выбор у меня не велик, вздохнула девушка, ожидая после работы автобус на остановке. — Он же вон ищет квартиру, старается что-то делать. Так что, думай, Жак, думай», пытаясь сосредоточиться, куталась она в свой пуховик.

Итак, от чего ей захотелось отказаться в первую очередь, так это от идеи стравливать дядю и племянника. Она тут же подумала о своём дядюшке. Жаклин не очень поверила, когда мистер Фортескью так радушно обрадовался её роману с восемнадцатилетним юнцом. И что ей было бы делать, вздумай дядюшка Лам «посыпать песком» их с Алексом «лёд»?

«Я бы никогда не смогла предать его за это анафеме, — подумала девушка. — Он желает мне добра. Конечно, добра в его понимании, но скорее всего, если бы он был против нас с Алексом, то искренне верил бы, что ему виднее, что для меня добро, а что нет», спокойно резюмировала она, сидя в автобусе и прижимая к себе сумку с пустым термосом.

Жаклин представила ситуацию, при которой Александр ей рассказывает, что дядюшка предпринимает попытки изолировать его от своей племянницы, и понимала, что не смогла бы вот так сразу сделать выбор в пользу одного из них, хоть и где-то в глубине души подозревала, что всё равно предпочла бы любимого человека.

«И скорее всего, дядюшка это понял, Жаклин слегка улыбнулась самой себе, глядя в окно на улицы вечернего Оксфорда с его горящими витринами, фонарями и довольно многочисленными прохожими — в студенческих городках жизнь всегда замирает только к ночи. — Эх, как бы было здорово, если бы Алекс дал понять Кирку, что выберет меня. А может быть, и не выберет? Ведь это не меня он видит в своих мечтах, а компанию». Девушка теперь дорого бы дала за то, чтобы присутствовать при разговоре в Лондоне и узнать, как Александр описал дяде свои отношения с ней. Как любовь? Интрижку? Как любовь всей жизни? Страсть? Уважение?

«Интересно, что сказал бы Алекс, если бы я предложила ему послать дядю подальше и начинать всё с нуля самому? Ну, вместе со мной, разумеется. Я бы даже могла продать квартиру и вложить эти деньги в его предприятие. Показать, насколько я ему доверяю».

От предпочтительности этой перспективы девушка нетерпеливо заёрзала на сиденье.

«Попробовать сделать так, чтобы от своих планов Александр отказался? От мечты о своей компании? А почему нужно отказываться? И стоит ли оно того? Чувств какая-то в голову лезет, поморщилась она. — Или заняться Кирком? Пообщаться с ним, изловчиться и обаять его, она понимала, что от версий плавно переходит к мечтам, но решила позволить себе эту слабость. — Ай, да ладно, чего уж там, разбогатеть, да и всё! Делов-то!

Посоветоваться с дядюшкой и отрыть где-нибудь клад или затонувший галеон с золотыми монетами. А ещё проще получить нечто подобное в наследство, она заулыбалась. Или всё-таки уговорить мистера Бикстера отказаться от идеи выгодно «вложить» племянника? — Жаклин залезла пятернёй в свои «пружинки». — Нет, легче отрыть галеон. Да и вообще, уже начинала досадовать сама себе девушка, — Кирк, Кирк, Кирк. Везде один Кирк. Не мужчина, а тень отца Гамлета», вспомнила она своё решение, принятое вчера перед сном, не идти на поводу у этого человека, не поддаваться ему и не сверять свои поступки с его желаниями и притязаниями.

Начав, так сказать, по свежим следам анализировать их разговор на предмет подлинности его угроз, девушка прикидывала и так, и этак, но у неё всё равно получалось, что вывести Кирка на чистую воду можно только лишь подвергнув риску свою жизнь. И обязательно при свидетелях.

Как иначе проверить готовность этого бизнесмена так далеко зайти в устранении помех своим планам, она не знала. Продумав часа два кряду и растеряв остатки сна, Жаклин пришла к выводу, что, скорее всего, именно вот этих её терзаний Кирки добивался. Дай он ей понять что-то определённое, попытайся запугать окончательно, у него всё равно не имелось бы гарантий, что она струсит и порвёт отношения с Алексом, а не начнёт действовать — пойдёт в полицию и потребует повторного расследования гибели мистера МакЛарена и Киры или напишет заявление об угрозах и преследовании.

Поэтому Жаклин твёрдо решила не идти на поводу у мистера Бикстера и все эти раздумья и рефлексии оставить. В том числе и на этом сиденье автобуса она встала и прошла на выход, поскольку уже подъезжала к своей остановке у Издательства Оксфордского Университета.

Когда подошло время сделать хоть какие-то выводы из всего передуманного и перелопаченного мозгами, девушка резюмировала следующее: доказывать что-то Кирку заочно бесполезно, это нужно делать только в его личном присутствии. То есть, если она возьмёт и назло ему переедет к Алексу, допустим, в общагу или какую-нибудь квартиру, Кирк узнает об этом по телефону, это даст ему возможность спрятать свою истинную реакцию, перебеситься, успокоиться и начать действовать.

«Нет, это не годится. Это полный провал, гуляя с Сулой этим же вечером после работы, отклонила идею Жак. — Его нужно застать врасплох, вывести на эмоции, — вспомнила она, как мистер Бикстер довольно живо отреагировал на её обвинение в педофилии. Заставить действовать немедленно. Примерно, как он меня».

Идеальным ей виделся сценарий, в котором Александр приглашает Кирка на воскресную мессу в церковь, где на самом деле планируется их с Жаклин венчание и Кирка просят быть свидетелем. Вот это было бы идеально. Но абсолютно невыполнимо по многим причинам, в том числе, и вопросам вероисповедания. Она не знала: является мистер Бикстер верующим или нет. А наносить удар Кирку не у него на глазах, Жаклин находила опасным, бессмысленным и бесперспективным.

На следующий день доктор Рочестер дежурила целые сутки. Было воскресенье, и если начальство ещё придерживалось недельного распорядка и оставило их в покое, то больные поступали, невзирая на выходные и отвратительную погоду на улице, один за другим.

Однако же, как только выдалась свободная минута, Жаклин тут же набрала Алекса по телефону. Когда приятный женский голос сообщил ей, что вызываемый абонент временно недоступен, девушка тут же нажала «отбой» и быстро кинулась на второй этаж. Но

«абонент» оказался недоступен и там. Сосед по палате худой, болезненный мужчина средних лет, у которого только что на лбу не было написано: «язва желудка» рассказал ей, что «студента» позвали на анализы.

Доктор Рочестер, не называя себя, попросила передать «студенту», чтобы он, как вернётся, тут же включил свой телефон, зная наверняка, что ему обязательно опишут её внешность во главе со словом «кучерявая», поскольку сегодня вымокшие на дожде волосы по дороге в больницу она не стала прятать под медицинскую шапочку.

Её шотландский пациент позвонил, когда Жак дослушивала грудную клетку только что поступившей женщины, у которой на работе в супермаркете после разгрузки бытовой химии случился астматический приступ. Больной отчитался, что у него взяли кровь и сделали УЗИ. Если всё будет в норме, завтра придёт его врач и выпишет из «этого лагеря орков». Жаклин заметила, что, скорее всего, ему ещё продлят физиопроцедуры и может быть даже — о, ужас! уколы. После словосочетания «продлят уколы» тоскливый, истощённый вой парня, кажется, был слышен и из телефона, и из коридора. А вот после того как она предложила ему свою помощь при выписке, взвыть захотелось уже ей — юноша отказался, сказав, что за ним на машине приедет Кирк.

Выходные после суток дежурства Жаклин называла «отсыпными» и поэтому немудрено, что они вдвоём: она и её выключенный телефон, спали часов до трёх.

Проснувшись сама и «пробудив» аппарат, девушка обнаружила в нём шесть пропущенных вызовов. Четыре из них от МакЛарена. Четыре цифра серьёзная, так сказать «с претензией», поэтому доктор Рочестер тут же набрала своего любимого пациента. Тот, ответив на звонок после второго гудка, поведал ей, что «он порвал орков» его выписали. Но окончательно не отстали «суки медицинские», а прописали противовоспалительный гелевый массаж «с какой-то гадостью с идиотским названием» и инфракрасные лучи. Взяв разгон с описаний своих непростых взаимоотношений с медициной, парень попытался было на этом же дыхании прощупать почву на предмет настроения Жак и поболтать с ней по телефону, но та, узнав всё, что хотела, тут же быстро, и даже излишне поспешно, свернула разговор, опять попросив её не беспокоить. Скрип шотландских зубов в динамике её телефона услышала, наверное, даже фараонова собака, лежавшая в этот момент у ног хозяйки.

Потом Жаклин позвонила Эшли. Девушка чувствовала, что ей уже давно следовало это сделать и узнать: как дела у Маркаса, как провели отпуск Марго с Итаном ну и, конечно же, не замечает ли мачеха каких-либо проявлений болей в сердце у дядюшки. Не хватает ли он за это место ненароком, на каком боку больше спит и не наблюдается ли за ним повышенная боязнь переживаний и лишних эмоций?

Узнав, что с Маркасом уже давно всё в порядке, Марго вернулась с Барбадоса с обгоревшими плечами, а Итан с заложенным ухом после ныряния, Жаклин долго проболтала с Эшли о дядюшке Ламе, поскольку женщина тоже начала многое замечать и даже сама уже записалась на приём к кардиологу мистера Фортескью. Падчерица очень просила обязательно ей позвонить после этого и рассказать о результатах.

Во вторник, доктор Рочестер принимала больных у себя в кабинете, поэтому не спеша, в обеденный перерыв, отправилась в физиокабинет и проинформировала работающую там свою хорошую знакомую Трэйси, с которой постоянно приходилось общаться по делам больницы, о том, что пациенту по имени Александр МакЛарен продлили процедуры. Парень получил хороший удар в живот и воспаление, поэтому даже после выписки ему сменили

гальванотерапию на инфракрасные лучи. Его мать очень волнуется: не станет ли её отпрыск прогуливать процедуры и отлынивать от долечивания. Девушка попросила коллегу, если только больной хоть один день здесь не появится и пропустит хотя бы один сеанс, звонить ей сразу же. Вот так! Никакого доверия. Только строжайший контроль и полная отчётность.

И всё-таки ей было приятно, что он не выдержал. СМС от юноши пришла в этот же день где-то часов в одиннадцать вечера. «Я понял! Они все хотят моей смерти!» поделился догадкой студент. Жаклин заулыбалась. «Я отомщу за тебя» набрала она в ответ, отправила, и тут же отключив аппарат, улеглась спать.

Насколько понимала Жаклин, Александр сейчас предстоит плотная занятость на долечивании и в колледже, поэтому очень надеялась, что ему будет не до неё, и она сможет спокойно побыть одна.

Чарльза девушка уже почти не принимала во внимание и к своему несказанному облегчению пользовалась у мужа полной взаимностью. Он предпочёл ей свои статьи, которые готовил к повторному предложению французским журналам и на днях собирался в Париж опять. Поэтому в очередной выходной, выпавший на среду, пятнадцатого января, она принялась вспоминать и «перевязывать» свою историю с Алексом заново.

Перемещаясь по квартире и занимаясь чем-то типа уборки, перебирала в памяти всё, что, так сказать, попадалось под руку, начиная с той самой их первой встречи в кафе у Алисы и Эшли и её такой внезапной и ненормальной тяги к этому прекрасному мальчику.

Потом она тут же переключилась на следующий день, когда он подвозил её к дядюшке. Жаклин с иронией и самодовольством думала о своей готовности утешиться самым малым, мысленно вернувшись к тому моменту, когда замышляла свою встречу с новоиспечённым студентом Оксфорда на медосмотре. И сколько было в ней надежды на его день рождения в «№ 5». Девушка вспомнила Анну и Кэмерона и потом сразу же их с Алексом танец на вечеринке в честь Чарльза.

«Значит, когда я встретила Алекса там, в кафе, он только полгода как прекратил отношения с Кирком. А потом, когда уехала из Глазго, он летал к нему в Лондон. И даже Анну ему Кирк подогнал, чтобы отшить такую влюблённую дурочку как я».

Сейчас девушку немного покорило от мысли, что она разъезжала в машине, купленной на деньги Кирка и два дня жила в Лондоне в его доме. Теперь уже сцена в джакузи не казалась ей столь волшебной и интимной.

«Он как ржавчина — всё портит, разрушает. Ай, да пошёл он!»

Глава 41

В ожидании неожиданностей

Поняв, что она на пороге ещё одного дня тяжёлых раздумий и общения с тенью мистера Бикстера, очередного блюда, или даже нескольких и их верного спутника выноса мозга, Жаклин решила напроситься в гости. Без разницы к кому, лишь бы побыстрее.

Сесилия давно звала её к себе на чай после каникул, но, набрав номер подруги, девушка наткнулась на отключенный аппарат. Жаклин тут же хотела было набрать номер Кайры, но задумалась. Вспомнив, что Олдансоны всё-таки больше общаются с Чарльзом, чем с ней, она открыла для себя такой простой факт, что, наверное, когда уйдёт от мужа — а в этом Жак уже практически не сомневалась эта семья может принять сторону именно Чарльза, а не её. Потому как его-то они понять смогут, а вот её — вряд ли: для них Чарльз хороший человек, порядочный муж, перспективный учёный.

«Ну, что же, очень жаль! Хотя, может, они и не отвернуться от меня. Подумаешь, развод. С кем не бывает?»

Полная надежд и оптимизма девушка продолжила листать список своих контактов.

Танита Тикарани ответила сразу же после второго гудка и очень обрадовалась.

Жаклин, давай к нам! Мы с Гвидо только что вернулись из колледжа, но у нас гостит свекровь. Она два дня назад приехала из Препеццано, привезла лимончелло и наготовила паэлы. Приходи прямо сейчас!

Жаклин жутко обрадовалась — семья итальянцев и испанская паэлья это как раз то, что ей сейчас нужно.

Отлично, Танита, я иду.

Прихватив с собой грубое деревенское печенье с сушёной вишней и семенами подсолнуха, которое сделала на скорую руку ещё в прошлый выходной, Жаклин направилась в гости.

Даже если в комнате собирается всего трое итальянцев, то всё равно у вас сложится ощущение, что их как минимум в два раза больше. Перед Жак всплыли образы её бывших знакомых жителей Апеннинского полуострова по экспедициям. Она уже далеко не всех помнила по фамилиям и даже именам, но их говорливость, громкоголосость и гостеприимство ей не забыть никогда.

На двух электрических конфорках стояла огромная, но не глубокая сковорода с горкой паэлы, а на столе в гостиной лежали куски чиабатты с луком, сбрызнутые оливковым маслом и посыпанные какими-то травами, скорее всего, орегано. По центру стоял графин с не очень аппетитной на вид не то эмульсией, не то суспензией мутного бледно-жёлтого цвета.

Маму Гвидо звали Мэнди. Это была ещё не совсем возрастная женщина с оливкового цвета кожей, тонкими полукруглыми бровями, огромными черными глазами и довольно крупным носом. Только лишь сев за стол Гвидо, выпив пару глотков лимончелло и отведав бесподобной маминой паэлы, (за которую та всё время извинялась, сетуя, что в доме её приготовить по-настоящему невозможно, то ли дело во дворе на дровах), засобирался с Мэнди уезжать — проведать каких-то их родственников в Лондоне.

Танита, даже будучи очень занятой разговором и общением почувствовала, что её гостье

нужно отвлекаться.

Почему ты никогда не красишься? У тебя есть косметика? — спросила она, кладя вымытую тарелку на стол дном вверх: они с Жак мыли посуду.

Нет. У меня нет косметики, отрицательно покачала головой гостья, вытирая полотенцем чайную чашку. — В экспедициях с дядюшкой было не до этого, а в Университете я пробовала, но попав пару раз под дождь, оставила эту идею. Так что, положила она чашку на решетчатую полочку в шкаф, не срослось у меня с косметикой.

Давай, я тебя сейчас накрасю! — сверкнула глазами итальянка. Хотя я и художник, а не визажист, но очень люблю рисовать на лицах.

Ой, Танита, нет, не нужно на мне рисовать, заулыбалась в смущении Жаклин.

Нет-нет, я не буду на тебе рисовать, но накрасить тебя мне очень хочется, — Танита оценивающим взглядом осматривала лицо Жаклин. Сейчас домоем посуду, и я тебя накрасю.

Перед тем как сесть перед Танитой на стул и замереть в позе мольберта, Жаклин проверила свой телефон. От Александр пришла СМС: «Как ты?». В ответ она отправила текст: «Я у подруги» и, засовывая аппарат в карман пуховика, ни с того ни с сего поняла, что если они оба затаятся: и она и Кирк, то эта история может длиться очень долго, а ей уже вот-вот что-то нужно было решать с ЧАрльзом.

«Нужно вывести его из себя, — размышляла девушка, закатив глаза и позволяя Таните, красить себе ресницы. Даже такое странное и из ряда вон выходящее занятие, как мейк ап не смогло избавить её от мыслей об этом мужчине. И так, чтобы это видел Алекс. А как это сделать?»

Вообще-то, ей очень хотелось на глазах у Кирка толкнуть самого юношу к какой-нибудь вертикальной поверхности или завалить на горизонтальную, и поцеловать взасос. А ещё лучше, если бы нечто подобное сделал с ней сам МакЛарен, хоть она и понимала, что такого как Кирк поцелуйчиками не проймёшь.

Жаклин даже пыталась вспоминать какие-то свои знания по психологии из Университета, но они все сплошь и рядом касались личности, социума и социализации человека с ограниченными возможностями. А как вывести из себя человека с неограниченными возможностями? Как взбесить такого человека как Кирк? Если он вообще, человек.

Конечно же, логичнее было бы купить газовый баллончик, а ещё лучше — гранатомёт, но направляясь сегодня с Сулой на занятие к пяти вечера, Жаклин пошла длинной дорогой через KigstonRd и, зайдя в Blackwell, купила тушь для ресниц. Ну и конечно же, будто в насмешку, во время занятий пошёл дождь. Урок пришлось свернуть. Девушка шла домой, размазывая тушь и тени по лицу.

* * *

Дорогая, я сегодня уезжаю — завтра у меня встреча в Париже! из голоса Чарльза радость можно было добывать открытым способом, как уголь в Канаде.

«Да! — услышав такую новость по телефону, будучи на дежурстве, Жаклин обрадовалась настолько, что восторг из её мыслей можно было сепарировать, словно сливки из молока черных буйволиц. Мой Бог, спасибо, что он меня не видит в эту минуту!»

Так внезапно, — попыталась она свести к минимуму ликование хотя бы в своём голосе. — Но я рада за тебя. И когда же ты вернёшься?

Сегодня пятница, так? Надеюсь управиться за выходные и вернуться к вечеру воскресенья. В понедельник я уже должен быть на своих уроках — замену мне дали только

на пятницу и субботу.

Счастливой дороги. Ты поедешь на поезде?

Нет, я полечу.

Из Хитроу?

Нет, из Гатвика.

Ну, что же, удачи тебе, дорогой.

Спасибо, дорогая. Я позвоню.

Да, конечно, звони, нажав на экран, Жаклин завершила вызов и приложила аппарат к груди.

«Боже, какая удача — выходные я буду одна! не верила своему счастью девушка, имея в виду два её выходных подряд по расписанию. — Помою голову и накращусь!»

Что такое? — спросила её медсестра Энджи Линни, перебирая упаковки с ампулами в холодильнике. Именно она ассистировала сегодня Жаклин в приёмном покое. — Ты такая довольная.

Кажется, у мужа налаживаются дела в журналах — он едет в Париж заключать контракт на публикацию его статей. Я очень за него рада.

Оу, поздравляю! — повела бровями женщина. — Повезло вам друг с другом — вы отличная пара.

Спасибо, сделал лицо паиньки Жаклин.

«Кажется, у Энджи имеется единомышленник, — предположила она, вспомнив, что Алекс уже давно не объявлялся. Может, уже решил оставить Чарльзу такую трудную особу как я?»

Девушка, закусив уголок нижней губы, вспомнила, что последнюю СМС от парня получила вчера, в обед, в гостях у Таниты. После этого он не подал ни одного признака своего существования и присутствия в её жизни. Она нахмурилась и приготовилась ещё подождать.

Не объявился Александр и к вечеру её дежурства. Утром от него тоже ничего не поступило: ни весточки, ни звонка. Жаклин уже подумывала было начать волноваться и позвонила своей знакомой Трейси в физиокабинет. Та сообщила, что Александр МакЛарен вчера процедуры прошёл, вид имел обычный, не выглядел особенно задумчивым или хмурым. Его мама может спать спокойно — она вырастила послушного сына-паиньку.

Жаклин всё больше впадала в задумчивость и всё сильнее придавалась унынию. «Контрольным в голову» для неё явилась картинка того, как Кирк сидит сейчас где-то в своём офисе и торжествующе улыбается.

Будучи в волнении, она еле-еле заснула утром даже после суток дежурства. И проспала очень недолго всего до полудня. Проснувшись, девушка первым делом заглянула в телефон, но там значился только один вызов от Сесилии и один — от коллеги по работе Джона Фортенсона. Александр не объявлялся.

Не находя себе места в комнатах, она уже почти традиционно решила поискать его на кухне. На этот раз Жаклин нацелилась на выпечку. Закрывшись в ванной от Сулы, потому как зубы у хулиганки прорезались уже отнюдь не шуточные, Жаклин долго засовывала бельё в стиральную машину и прислушивалась к своим желаниям: чего бы ей хотелось такого покушать, а значит, и приготовить? Или наоборот.

Победителем в этой выборной гонке ею был объявлен пирог с копченостями, каперсами и луком шалот. Запустив стирку, девушка двинулась на кухню.

Привычно-умело, под изучающим взглядом Сулы, которая, получив такой сокрушительный «удар по самолюбию» под дверью ванной, взяла реванш немедленно и отвоевала-таки себе личное пространство на кухне и присутствие при процессе. Жаклин замесила в высокой кастрюле дрожжевое тесто и поставила его на плиту, предварительно включив под ней духовку. Она накрыла посудину полотенцем, а сверху старой скатертью и с огорчением поняла, что пока ей здесь больше делать нечего.

Переместившись с Сулой в гостиную, девушка плюхнулась на диван и уставилась невидящим взглядом в одну точку. Вообще-то сегодня она планировала продолжить собирать вещи, потому как при любом развитии событий оставаться с Чарльзом уже просто не в состоянии. Но всё-таки без поддержки от Алекса это оказалось не так уж и весело.

«Ну. И что это значит? недоумевала Жаклин. — Он ждёт, чтобы я сама ему позвонила? Позвонить? Нет, не могу. Ещё рано, чуть вскинула она подбородок обида ещё не прошла, да и как вести себя с парнем, учитывая вновь открывшиеся обстоятельства и эту чёртову тень Кирка, Жаклин пока не знала. — Хотя, когда я рядом с Алексом, влияние Кирка как будто отступает. Может быть мне наоборот, нужно держаться к нему поближе?»

И всё-таки, найдя в себе силы, девушка принялась упаковывать свои фотоальбомы. Как она и рассказывала Алексу, у неё имелась внушительных размеров стопка альбомов с ещё бумажными фотографиями из детства и различных экспедиций.

У археологов принято печатать даже электронные фотографии. Во-первых, для страховки сохранности, а во-вторых, для удобства изучения. И даже имея сейчас на вооружении множество программ по сравнительной характеристике изображений, археологи старой закалки, во главе с её дядюшкой, предпочитают делать это на бумажных документах с лупой и линейкой в руках.

Но сегодня её внимание больше привлекли фотки их с Чарльзом бракосочетания и некоторые моменты с вечеринок и совместных поездок. Рассматривая карточки с изображением позирующего мужа или тех «кодак-моментов», когда он дурачится и влезает в кадр или его кто-то окликает, он оборачивается и его фотографируют, Жаклин от фотки к фотке приходилось всё сильнее бороться с сильным, напористым желанием повытаскивать все эти снимки из её альбома и сложить их стопочкой на краю его письменного стола в кабинете. Пусть любитесь! Но она также понимала, что, оставив фотки, два года жизни вместе с ними вот так на углу стола не забудешь. Да и к тому же, если она сейчас один раз преодолеет себя, то потом обязательно привыкнет к присутствию бывшего супруга в своей жизни только в виде изображений на фотографиях. А со временем, на старых фотографиях. Поэтому, чтобы как-то себе помочь, девушка оставила альбом развёрнутым на той странице, где было особенно много фоток Чарльза раскрытым, положила его на журнальный столик и вышла из комнаты.

Пока ещё не до конца подошло тесто, Жак приступила к начинке. Отставив кастрюлю в сторону, она карамелизировала на плите лук, слила рассол с каперсов и капнула в них немного оливкового масла, после чего достала кусочек окорока. Почувяв запах копчёного мяса, Сула устроила настоящую истерику! Устав постоянно шикать и раздражаться на эту любительницу вкусенького, даже отнюдь не голодную, Жаклин прицепила её на поводок, рулетку которого накинула на вмонтированный в стену прихожей огромный, массивный, бронзовый крюк для зонтов. Против такого откровенного неприкрытого произвола Сула возмущалась минут пять, не меньше, но потом, видимо, всё-таки смирилась со своей горькой судьбой и затихла, если не сказать, затаилась.

Жаклин поставила тарелки с начинками на обеденный стол и, рассыпав муку по поверхности в центре, принялась обминать подошедшее к этому времени тесто, чтобы вывалить его и вымесить. Девушка изо всех сил трудилась над будущим пирогом, как в один из моментов лежавшая спокойно Сула подскочила и ринулась к входной двери. В следующее мгновение раздалась трель звонка. Собака в ответ громко гавкнула пару раз, видимо, надеясь донести до сведения визитёров, что никого нет дома. Не исключено, что они поверят и уйдут.

Но, вероятно, не в этот раз. Жаклин обмывала руки в мойке и даже слегка подпрыгнула, когда трель звонка, смолкнув на мгновение, вновь уже не зазвучала, а завопила и не замолкала, пока хозяйка не подошла к двери. Шикнув на свою подпрыгивающую и поскуливающую хулиганку, Жаклин одновременно и глянула в глазок, и повернула щеколду запора.

Звонок смолк, дверь открылась, на пороге стоял Александр. Его красивое лицо выражало досаду и недовольство.

Привет, сказал он ледяным тоном. Делая шаг в квартиру, гость отодвинул Жаклин с прохода и, поравнявшись с ней, попутно чмокнул в щёчку.

П-п-привет, пролепетала девушка, захлопнула дверь и усиленно моргая, уставилась на парня, который тут же принялся чесать за ушками Сулу и трепать её по холке.

Собирайся, сказал Александр, глядя на девушку. — Где твой муж? Я хочу с ним поговорить.

Что ты здесь делаешь? — автоматическим голосом произнесла Жак и только потом поняла, что ляпнула что-то не то.

Я приехал за тобой. Где твой муж? Позови его, пожалуйста, почувствовав, что ему удалось-таки заставить Сулу хоть немного успокоиться, Александр выпрямился.

За мной? — пролепетала Жаклин.

Да. За тобой. С тобой иначе нельзя. Меня до чертей задрали все эти эсмэсочки и звоночки, «дай мне время» и «я должна подумать». Всё. Твоё время вышло. Теперь будешь думать только вместе со мной. Зови мужа, в понукающем жесте вскинул подбородок парень и сделал зазывной жест рукой.

Его нет, девушка сказала это так, будто сама только что узнала об отсутствии супруга.

Как это «нет»? Уже почти четыре часа.

Его нет дома, Жаклин решила выдавать информацию по мере необходимости или целесообразности.

Значит, ты просто так уедешь со мной. Я на машине.

Ты в своём уме? Это же побег!

Плевать, это слово юноша действительно буквально выплюнул.

И куда я с тобой поеду? Кирк освободил квартиру?

Нет. Ты пока поживёшь со мной в общежитии, я договорился. А Сула поживёт у моего друга. Он из местных. И когда вернётся твой муж? Я его подожду.

Жаклин заморгала в недоумении, но потом лицо её разгладилось — она представила, как Александр будет сидеть здесь, в прихожей, до воскресенья и ждать Чарльза. Она хихикнула. А потом и вовсе засмеялась.

Он приедет в воскресенье вечером.

В воскресенье? — молодой человек сдвинул к переносице свои идеальные брови. Вечером? — он вначале прищурился, после чего провёл взглядом по пространству прихожей,

а когда опять вернул их на девушку, бесенята в его глазах делали руками жесты рэперов со звуком: «Йо!» в преддверии и предвкушении реванша за несостоявшийся шабаш в ноябре. Глаза парня сверкнули так, что Жаклин готова была прислушаться к грому за окном.

А-а-алекс, проблеяла девушка, по инерции отступая туда, откуда пришла, то есть в кухню. — Александр, я тебя умоляю.

Угу, кивнул парень, делая шаг за ней, я понял. — И улыбнулся.

Александр, это может...

Но ей договорить не дали. Гость, сделав ещё пару шагов на неё, схватил девушку за талию и пригвоздил своим телом к стене кухни почти сразу же за дверь, буквально распластав её под собой по этой вертикальной поверхности.

Сула рванула с такой силой, что грозила вырвать из стены крюк для зонтов.

«Гав!» выразила она протест, что, скорее всего, должно было означать: «Оставь её в покое, ты гангстер недоделанный». Но понятное дело, её не послушались.

Аг-г-х-х-х, — придавив Жаклин так, что ей пришлось повернуть голову в сторону, Александр прислонился щекой к макушке девушки и закрыл глаза. — Жак. Разведя ей руки в стороны, парень так и оставил их там, а сам задрал подол её халата и с нажимом погладил бёдра, после чего сжал их и низко протяжно застонал. Он просунул кисти рук меж её ягодиц и стеной и сжал её мягкое тело.

Жаклин, которая растерялась от неожиданности и такого уверенного натиска, отрезвило то, что она поймала парня с поличным, так сказать, «в особо крупных размерах», почувствовав его «маленького Алекса», стиснутого их телами.

Так нельзя, девушка принялась дёргаться и вырываться. Пусти меня!

«Гав!» повторила Сула для непонятливых. Когда с тобой разговаривают две женщины, у одной из которых давление челюстей почти как у волка, лучше послушаться. Юноша немного отстранился, и Жаклин смогла повернуть к нему голову.

Алекс, так нельзя. Отпусти меня, сейчас же! — сверкнула она глазами, забыв, что для её шотландца это один из лучших афродизиаков.

Жаклин, малыш, он ответил ей на взгляд и погладил рукой по щеке. И девушка поняла, что уже бессильна — «тюльпаны» были слепы от страсти.

«Всё, вынесла она приговор, обратной дороги нет».

Но и просто так сдаваться тоже не собиралась.

Алек...

Но тот, не дав ей договорить, тут же накрыл её губы своими. Жаклин не успела опомниться, как его колено упёрлось в стену ей между ног, а её груди были «вправлены» в его раскрытые кисти рук как бриллианты в оправу.

Псти, прямо ему в рот попыталась сказать девушка, но её никто не слушал. — Псти, слыш-ш? она стукнула его кулачком по плечу. — Лекс, Жаклин упёрлась двумя руками ему чуть повыше груди, и попыталась отодвинуть юношу, но, даже не пошатнув его, быстро ослабла. К тому же она дала ему возможность понять, что просто так не сдастся, и Александр чуть сильнее вдавил колено в стену и надавил на груди.

Но всё-таки Жаклин чувствовала, что он делает это только с силой, необходимой для обеспечения статичности их совместной конструкции, и не ньютоном больше.

И тут Жаклин обидела ещё и его грубость, и самоуверенность и её накрыло гневом, хотя благодаря поцелую она понимала, что сопротивляется больше себе, чем ему — её тело уже почувствовало рядом с собой ЕГО, здравый смысл, осмотрительность и продуманность в

мозгах шаг за шагом уступали отвоёванные за эти дни позиции, губы-предатели вообще жили своей жизнью. И если бы Александр вздумал сейчас отстраниться, неминуемо потянулись бы за его губами. Чувствуя, что вот-вот сдастся и нырнёт в этот водоворот потребностей и желаний, наслаждения и блаженства, а ей этого очень не хотелось бы, Жаклин со всей силы заколотила кулачками по плечам насильника и попыталась лягнуть его ногой.

Пс-с-с-сти! — всё-таки удалось ей вырваться к концу этого слова ценой неслабого укуса его нижней губы.

Ауч! Александр отдёрнул голову, закусил и пососал укушенную губу, после чего, прищурившись, взгляделся в лицо девушки. Жаклин поняла, что попалась — если она отвернётся, то распишется в кокетстве, а если нет, то будет поймана с поличным — шоколад её глаз уже приближался к состоянию «горячий» и его уже «помешали ложечкой», образовав на поверхности небольшой водоворот.

Она выбрала второе.

Александр прочитал её взгляд безошибочно — опыт либо есть, либо нет. У парня он был. И порядочный.

Тут же отпустив девушку, юноша сделал большой шаг назад как для разбега. Сула тихонько заскулила, видимо, понимая, что вот здесь бы и взять его тёпленьким, когда он отдельно от хозяйки.

Не иначе, как прочитав её мысли, гость потянулся рукой и захлопнул дверь из прихожей в кухню, игнорируя громкое: «Это произвол! Я буду жаловаться!» на фараоново-собачьем языке.

После этого, всё так же, глядя девушке в глаза, парень стряхнул с плеч куртку на пол позади себя и шагнул в сторону обеденного стола. Одним движением предплечья, как дворники с лобового стекла машины капли дождя, он сгрёб со стола всё, что на нём стояло. Через страшный грохот посыпавшейся на пол посуды и лай Сулы из-за двери, Жаклин различила в любимых глазах бесенят и почти услышала их отчётливое: «Оле-оле» под транспарантами: «Завали её, чувак!» и «Столы — в хлам!»

Давно мечтал это сделать, МакЛарен хамовато улыбнулся.

Увидев на своём полу рассыпанную муку, разбившуюся тарелку с карамелизированным луком, плюхнувшееся тесто и разбросанные по полу кусочки подкопченного окорока, Жаклин вдруг неожиданно поняла, что именно вот этой картинке ей и не хватало. Её любимый «человек с зонтом» в очередной раз спасал её, исполнив почти мечту её подсознания. У девушки сработало какое-то странное желание взять в руки биты и разнести всю кухню к чертовой матери, а потом и квартиру следом. А после надеть пуховик, взять Сулу, выйти за дверь и больше никогда и ничего из этого не видеть.

«Блымсь» где-то за её плечом как мыльный пузырь «лопнул» образ Кирка.

Чтобы не преступить к задуманному немедленно, Жаклин ринулась на Александра.

На этот раз довольно ощутимо пошатнув парня, она обхватила его за шею и впилась в губы, почувствовав кисловатый вкус его крови у себя на кончике языка. Юноша даже не удивился. Как будто они тренировались много раз, он почти на лету подхватил её под попку примерно, как главный герой главную героиню в кинофильме «Грязные танцы» и Жаклин обвилась ногами вокруг его талии. Её халат задрался чуть ли не до пояса. От души наслаждаясь этим жадным, агрессивным поцелуем, Александр развернулся и усадил девушку на край стола. Проследовав руками по внешней стороне стройных бёдер, юноша поддел

пальцами резинку трусиков и начал было их стягивать, но поскольку ему пришлось отстраниться и прервать поцелуй, он опустил взгляд вниз.

И вот тут Жаклин вспомнила: какие на ней сегодня трусики.

Когда молоденькая выпускница медицинского факультета Университета Сити Жаклин Фортескью устроилась работать в седьмой госпиталь в Челси, ей, понятное дело, выделять отдельный кабинет никто не спешил. Врачи-старожилы приёмного покоя уже вполне себе устроились друг с другом в кабинетах первой медицинской помощи, а ей партнёра по «площади» не нашлось. И тогда девушку направили в кабинет Дороти Рэмплинг — сексолога, принимавшего в их больнице только два дня в неделю. Женщинам составили совместное расписание пользования кабинетом и пожелали успехов на трудовом поприще.

Дороти была родом из далёкой Новой Зеландии, где в своё время неплохо училась в школе и, приехав в Лондон, поступила в Королевский Медицинский колледж по квотам для выходцев их бывших колоний. Когда их судьба столкнула с доктором Фортескью, доктор Рэмплинг уже заканчивала свою стажировку в Лондоне и собиралась возвращаться к себе на родину. Перед отъездом она подарила Жаклин набор трусиков, которые получила по ошибке.

Некоторые её пациенты стесняются или попросту не умеют пользоваться интернет-магазинами, и ей приходилось делать это для них. И вот однажды, заказав какое-то очередное секс-приспособление, доктор Рэмплинг по ошибке получила вот такой вот набор трусиков из пяти штук и, как в последствии выяснилось, более чем небольшого размера. По этой причине, все пять штук и были отданы Жаклин ввиду её хрупкой фигурки и весьма скромных габаритов.

А трусики были, надо признать, презанятнейшие: по центру передней части, из такого же очень даже недурственного трикотажа кто-то додумался приделать кармашек как раз по размеру упаковки с презервативом. «In anticipation of the unexpected»* гласила надпись на нём довольно крупными буквами, и из угла лукаво подмигивал симпатичный презерватив с красивыми, мультяшными глазками.

Александр прочитав надпись, сглотнул. А подняв глаза на Жаклин, ещё и моргнул. Один раз.

Э-э-э-это не мои, мелко-мелко отрицательно затрясла головой и залепетала девушка. Вернее, я хотела сказать: это не я их купила.

Парень кривовато улыбнулся.

Я понял, кивнул он и улыбнулся уже шире. — И с кого же ты их сняла?

Жаклин покраснела.

Ну вот ещё! — заелозила она попкой по столу. — Мне их подарили!

Красивые черты юноши тут же перекосило злобой и брезгливостью.

Чарльз?

Лицо Жаклин вытянулось.

Алекс, ты чего? Какой Чарльз? Мне их подарила одна врач-сексолог, с которой я работала в Челси. Она сейчас уехала к себе на родину в Новую Зеландию.

Мужское лицо тут же окрасилось довольством.

Новая Зеландия, говоришь — нужно будет запомнить, и он уже поддел пальцами боковые швы.

Нет! Не рви! Не надо, девушка опять заелозила на столе и, опершись руками позади себя о притрушенную мукой столешницу, приподняла ягодицы.

Я и не собирався, Александр ловким отработанным движением спустил трусики до колен, а когда девушка опустилась опять на стол, соединил её ноги перед собой, чуть отступив, и стянул их полностью. Но, к удивлению Жаклин, он не отбросил их тут же, допустим, на свою куртку, лежавшую в стороне на полу, а развернул задней частью к себе.

Странно, что они не предусмотрели сзади контейнер для использованных, улыбнулся он и шкодливо посмотрел на девушку.

Пошляк, тихо буркнула та, и хотела сразу что-то продолжить, но ей уже закрыли ротик губами — любящими, даже обожающими, жаждущими. От такого поцелуя она сразу же забыла про трусики, кармашки и презервативы.

Это было выражение желания. Желания насытиться, набраться ощущений до отвала. Александр принялся «пожирать» её рот своим. Заразившись его потребностью и прибавив к нему свою тоску по этому человеку, свою такую нерушимую нужду в нём, в его существовании, его присутствии, Жаклин потянулась к его ширинке на джинсах.

Аг-г-ф-ф-ф, отреагировал на это Александр прямо ей в рот.

Видимо, не в силах сдержать ощущений от прикосновений в таком чувствительном месте, он толкнулся к ней бёдрами. Но почти сразу же после этого, судя по всему, решил, что его «маленький Александр» в надёжных, умелых, а главное, желанных руках. Ладонями он направился вверх по щуплому тельцу девушки и, добравшись до её груди и убедившись, что на ней вверху действительно нет того, что он не может назвать вслух, жадно сжал её голые, упругие округлости радостным, поспешным, дорвавшимся движением.

Жаклин в это время уже вынула его окаменевший «ствол» и сжала его в ответном жесте. И вот тут Александр затрясло. У него затряслись руки на её груди, и визуально стало заметно, как подрагивают плечи под толстовкой.

Он отстранился от девушки.

— Мальщ, парень уставился стеклянным взглядом ей в глаза и обхватил рукой тоненькую шейку, словно собирався задушить. Но подложив вторую ладонь ей под спину, начал бережно укладывать её на стол. Жаклин тут же послушалась и откинулась спиной на столешницу. Её «пружинки» разметались по поверхности, вывалившись в муке.

Чуть придвинув её за бёдра к краю стола, Александр каким-то заискивающим, жалостным, жаждущим взглядом уставился ей между ног и, придвинувшись, сразу же вошёл будто с разбега.

Небольшое пространство кухни буквально наполнилось сладостной мукой из голоса Жаклин.

Юноша взвыл. Вздёрнув вверх подбородок, он к её сладости добавил в воздух свой натиск, свою агрессивность.

Выплеснув излишки впечатлений и ощущений, он как в бессилии или беспомощности перед силой этого удовольствия — быть внутри своей любимой женщины уронил голову на грудь, при этом дыша тяжело, подаваясь слегка вперёд при каждом вдохе.

— Фак, я в раю.

Услышав это, Жаклин чуть прогнулась в пояснице, выпятила свою роскошную грудь и сжала стенки влагалища.

Отреагировав стоном, парень и не смог не потянуться рукой к её соску.

— Умница, и он попробовал толкнуться.

Из Жак вырвался вымученный стон.

От соединения тел со смыслом своей жизни, от ощущения опять и вновь его внутри

себя, Жаклин захотелось не столько ощущений, сколько чувств! Она жаждала чувств. Девушка хотела чувствовать и чувствовать без перерыва и остановки на вдох и удар сердца. Ещё и ещё. Больше!! Такого с ней не было. Её распирало изнутри. Она жаждала как можно больше и сильнее почувствовать его всего в себе. Везде! На неё напало какое-то бешенство. Безумие. Она понимала, что сходит с ума, но ничего не могла поделать.

— Ещё! — Жаклин дёрнула бёдрами.

Да! — толкнулся в неё Александр так, что стол заходил ходуном. И опять задохнувшись от ощущений, чуть отдышался.

На столе, чуть выше головы Жаклин осталась валяться чайная ложечка, не попавшая под руку Алексу. При толчке она громко зазвенела.

Ещё! — захныкала девушка и, нащупав ложечку рукой, толкнула её со стола. Раздался звон и Сула тут же заскулила и заскребла лапами по паркету.

Хах, — выдохнул парень и вымученно улыбнулся, малыш, ты же меня знаешь, я пленных не беру.

Нет, опять мелко замотала головой малыш, не надо пленных.

Парень набрал больше воздуха, как перед погружением, взялся покрепче за её бёдра и «включил пятую с места».

Он с первого же толчка начал с каким-то безумным агрессивным остервенением и звериным оскалом на прекрасном лице неистово вколачивался в девушку. Это был «спринт». Рывок. Видя, что стайер забег сейчас не по зубам ни одному из них, Александр силы, чувства и желания не оставлял про запас, а выкладывал всё и сразу.

Жаклин, вначале немного растерявшись перед таким напором, тут же освоилась и чуть приподнялась на локтях, чтобы увидеть и запомнить, как прекрасен её мужчина в этом своём безумстве.

Они даже не сделали «заступ», а оттолкнулись аккуратно, вовремя и поэтому почти синхронно.

Не в силах сдержаться, Жаклин откинулась опять на спину и в бессилии заколотила кулачками по мучной пудре на столе и замотала головой, не справляясь с нахлынувшим вихрем наслаждения и удовольствия.

Парень последовал за ней, выгнувшись дугой и запрокинув голову. Подавшись вперёд только бёдрами, он инстинктивно старался как можно глубже оставить своё семя в теле своей любимой женщины. Ему очень хотелось накрыть её дёргающееся в конвульсиях тело своим, поэтому он ладонями стиснул её талию, чтобы ещё и через руки ощутить то, что он сотворил с этой девушкой.

Опустошив себя в её лоно до капли и выпихнув из нутра всё без остатка, Александр тут же упал на неё плашмя.

Кричи, сказал он ей на ушко, поглощая теперь уже всем телом остатки её оргазма.

Вымотанная вконец нестерпимой сладкой мукой, Жаклин выгнулась в пояснице и, дёрнувшись в последний раз, обняла парня поверх толстовки, затихла и тяжело задышала.

Жак, также, еле переводя дух, первым подал голос юноша откуда-то из-за её уха, а куда уехал твой муж?

Во... Францию, задыхаясь, автоматически ответила Жаклин, ещё плохо соображая, где она и что это было.

Боже, благослови Францию, поднял голову от её плеча Александр и, улыбнувшись, мягко чмокнул в губки.

* In anticipation of the unexpected — (англ.) — В ожидании неожиданного.

Глава 42

М+Ж+М

— Это ты во всём виновата!

— Я?!

— Да. Всё из-за тебя!

— Из-за меня?

— Конечно! Ну, не из-за меня же!

— Вау! Ты меня раскусил: я всё это подстроила.

— А тебе и подстраивать не надо — у тебя всё само получается. Я всегда знал, что ты ведьма, и не перестану этого повторять.

— Чёрт, как я могла забыть. Точно! Я же ведьма! Значит, я тебя заколдовала.

— Тоже мне, новость! А как ещё я мог до такого дойти?! Это же безумие какое-то — сбросить еду на пол!

— Едой это стало бы, если бы превратилось в пирог с каперсами и копчёностями.

— Пирог с копчёностями! Фак! Твою мать!! Так мне, дураку, и надо. Не смог сделать пару лишних шагов в гостиную. Сейчас бы валялся на диване, а из духовки бы... пахло!

И тут Жаклин не выдержала накала игры под названием «Репетиция будущей семейной жизни» и захохотала. Поскольку они с Алексом ползали по полу в кухне и собирали всё, чему уже не суждено стать едой, то от смеха девушка плюхнулась попой на паркет и схватилась за живот.

— Смешно ей, — буркнул юноша. — Чего делать-то будем? В кафе не поеду: я хочу еду, а не корм.

Жаклин немного успокоилась.

— Не знаю, как ты, а я с удовольствием сейчас съела бы... — она мечтательно прищурилась и задрала подбородок, как будто засмотрелась на звёзды, — тебя! — и ни с того, ни с сего бросилась на парня.

Напирая, девушка завалила его на пол рядом с кучками осколков битых тарелок и подкопчённого окорока. Само тесто уже нашло своё предпоследнее пристанище в мусорном ведре.

Конечно, он ей поддался. Мягко опустившись спиной на пол, юноша прижал раскрытыми ладонями Жаклин к себе и потянулся к её личику губами. Но девушка только приблизилась к нему нос к носу и замерла. Застыл и Александр.

От внешнего мира их скрыла пелена её волос. Жаклин молчала, смотрела на своего любимого человека, и в её глазах плескалась любовь. Казалось, она орошает обожанием его красивое лицо. Это было признание без слов. Парню сразу не очень понравилось, что не он сейчас контролирует ситуацию, иначе уже впился бы ей в губки, но через мгновение, скорей всего, почувствовав невидимые, волшебные прикосновения её глаз, он расслабился и «поплыл» от удовольствия.

И молчал.

Молчала и Жаклин.

Александр заправил ей с одной стороны волосы за ушко и провёл костяшками пальцев по щеке. От наслаждения девушка опустила веки.

— Я так рада, что ты пришёл.

Он чуть усмехнулся.

— Всегда.

— Знаю. Ты — человек с зонтом, — распахнула она глаза.

— Да. Я — Мэри Поппинс.

Жаклин как-то так очень молодо засмеялась, а юноша, поддерживая её под спину, перекатился вместе с ней по полу и, нависнув над девушкой, лизнул в губки.

— У меня в холодильнике есть ещё фарш, — вслух подумала Жак. Парень застыл. — Ты ешь равиоли со сливочным маслом и сметаной? Ну-у, или с кетчупом?

А вот тут у МакЛарена сделалось такое выражение лица, будто только что весь этот грёбаный мир бросили к его ногам. Бесенята в его глазах в срочном порядке закрашивали чёрной краской вывеску «Макдональдс» и решительно, со всей дури, заколачивали крест-накрест грубыми досками вход в это заведение.

Поэтому он был краток.

— Ем.

Для начала они всё-таки убрали мусор с пола. Пока хозяйка протирала паркет, гость под краном промывал кусочки окорока и скармливал их Суле. Человек подлизывался, а собака прощала. Всё!

После этого девушка принялась за тесто, а парень, чуть прогулявшись с четвероногой чревоугодницей по квартире, вернулся на кухню с фотоальбомами из гостиной.

Пока Жаклин раскатывала большой корж и лепила из него равиоли, Александр рассматривал её снимки. И в первую очередь — детские. Их оказалось, кстати, довольно много.

Там были фотки девочки ещё в пелёнках с какими-то бабушками, дедушками и даже кошками, которых, как выяснилось, Жаклин не помнила и знала только по рассказам дядюшки. Зато увидев на одном изображении молодого мужчину с младенцем на руках, Александр сразу же признал в нём отца Жаклин. У мистера Фортескью были такие же «пружинки», только короткие, и такой же овал лица как у его дочери и что-то ещё, но что именно, парень понять не смог. Миссис Фортескью чем-то напомнила ему его собственную маму — такая же блондинка с голубыми глазами. А когда ему встретились снимки Жаклин лет в пять-семь, он просто ужаснулся худобе этого ребёнка.

— Мой Бог, Жак, — поднял он на девушку полные какого-то осуждающего шока глаза, — а я думал, ты сейчас худая, — сделал он ударение на слове «сейчас».

Та изогнулась и, глянув, на какую фотку он смотрит, тут же выпрямилась.

— Ну, вот видишь, как хорошо, что всё познаётся в сравнении, — ответила она, стряхивая с ложки комок фарша на тесто.

* * *

— Как у тебя дела в колледже? — разложив равиоли порционно, девушка села за стол.

— Ну-у, для моей ситуации — нормально, — ответил Александр только лишь для того, чтобы что-то сказать, ибо сам уже практически расплывался вместе со сливочным маслом по этим дымящимся и лоснящимся штучкам в своей тарелке.

— А на процедурах ты сегодня был?

— Господи, Джеки... ты прям как мамочка!

— Хорошо-хорошо, извини, — девушка без труда согласилась свернуть тему. Вот уж кем-кем, а мамочкой для этого мужчины ей не хотелось быть абсолютно. — Это я к тому,

что тебе сегодня уже никуда не нужно? Надеюсь, на тренировки тебя ещё не пускают? — медленно-осторожно поинтересовалась она. Александр перестал жевать и уставился на неё со скептическим осуждением. Она картинно захлопала ресницами. — А что я такого сказала?

Парень сжал рот в тонкую линию и отчеканил каждое слово.

— Нет. Сегодня. Мне. Никуда. Не надо, — и тут же вернулся к своей тарелке.

— Тогда, после того как пообедаем, снимешь толстовку, я застираю тебе рукав, — кивнула она подбородком на следы муки и жира на манжете парня, которые стряхнуть полностью так и не удалось.

— Ты всё не о том спрашиваешь, — посмотрел он на манжет.

— Вот как? — вздёрнула она брови. — И о чём же я должна спросить, по-твоему?

— О квартире.

— Да, точно, извини. Ну и как успехи с квартирой?

— Я нашёл варианты и поэтому хочу сам разрулить эту ситуацию. Без Кирка.

«Бинго! — подумала Жаклин. — А потом мы вместе встретим его там!» — старалась она запихнуть подальше своё чувство самосохранения.

— У тебя сегодня выходной? — спросил Александр.

— Да. Сегодня и завтра. Два дня! — как бы хвастаясь и радуясь одновременно, сообщила доктор Рочестер.

Парень задрал подбородок и в раздумье погладил ладонью шею.

— Тогда я и завтра никуда не поеду.

— А куда ты собирался?

— Хотел заехать за этой тёткой, кстати, её зовут Скаут, и съездить с ней по паре адресов. Чтоб она при мне там всё посмотрела и выбрала, — сделал он круговое движение вилок над столом. — А что у тебя в воскресенье?

— Я ухожу на «сутки».

— Вот, — ткнул он указательным пальцем правой руки в потолок. — Значит, на воскресенье я назначу осмотр квартир. Правда, в этот выходной Кирк звал меня к себе, но мне учить нужно дохрена, поэтому свожу эту Скаут и — за уроки.

— Но, если квартира уже вот-вот может освободиться, зачем мне переезжать к тебе в общагу? — заморгала глазами Жаклин, как бы рассуждая вслух. — Во-первых, без разговора с Чарльзом это будет похоже на бегство, а я не сбегаяю от него, мне это ни к чему. Во-вторых, у меня не так мало вещей, как ты, может быть, думаешь. Два короба уже стоят под лестницей и это только то, что я смогла сложить незаметно, а если начну собирать остатки, то получится ещё три таких же. Я врач первой медицинской помощи с жетоном спасателя, поэтому просто обязана всегда иметь при себе хотя бы элементарное медицинское оборудование и препараты. Кстати, я что-то не помню в твоей комнате холодильника.

Парень скривился в недовольстве.

— Его нет.

— Вот! И где же, спрашивается, я буду держать Бупивакаин и Ницерголин? У них температура хранения от двух до восьми градусов Цельсия.

— Холодильник можно купить.

— На несколько дней? А смысл? — Александр молчал и поэтому, пока он не нашёл выход из ситуации, а в том, что он его найдёт, Жаклин не сомневалась, она поспешила чуть передёрнуть разговор. — Какой адрес у твоей квартиры?

— Улица Стокмур, дом девять, квартира два.

— Оу, это хорошее место.

— Да. Так близко к моему кампусу и твоей больнице сейчас ничего не найти. Скаут преподаёт в Рэдклифе, поэтому ей лучше переехать туда, — парень махнул вилкой куда-то себе за плечо, — где я нашёл адреса.

— Хорошо. Когда Скаут переедет, можно я посмотрю твою квартиру? Скорее всего, там нужно будет убраться или даже сделать небольшой ремонт.

Александр перестал жевать и уставился на девушку немигающим взглядом.

— Ну, начин-а-а-а-ается! — закатил он глаза.

* * *

«И кто меня за язык тянул? — с усердием тёрла рукав толстовки и досадовала про себя Жаклин. — И о чём я только думала?» — косилась она глазами на стоявшего в дверях голого по пояс парня. Он скрестил руки на груди, прислонился плечом к косяку и склонил туда же голову. Дверь в ванную комнату они закрыли, потому как нахождение Сулы здесь, под ногами, было явно лишним и неминуемо чревато последствиями. Тяжелыми. И хоть собака по традиции сначала попыталась выправить ситуацию и восстановить справедливость с той стороны двери, потом всё же смирилась с суровыми реалиями этого мира и затихла.

— Может, ты надел бы старый свитер моего отца? Он мне немного великоват, но я всё равно иногда в нём хожу, — недовольным тоном пробурчала прачка.

— Мне не холодно, — прищурился и ухмыльнулся юноша, глядя, как от резких движений при стирке колышутся её груди под халатом.

«Плечи! Ну и плечи!» — вздыхала про себя Жаклин.

— Тогда хоть полотенце на плечи накинь.

— У меня к тебе разговор, — вместо ответа начал МакЛарен.

Жаклин на мгновение застыла.

— Говори, — и она продолжила выстирывать манжет.

— Тут такое дело, — парень почесал указательным пальцем висок, — Кирк построил Кэму магазин.

Девушка застыла опять.

— Вот как? И что за магазин?

— Салон музыкальных инструментов. Это где-то в районе Ипподрома Би-Би-Си. У Кэма есть пара музыкальных коллективов. Они не очень известны — работают здесь да ещё немного на континенте. Но Прайс, кажется, нацеливается на свою студию звукозаписи.

Жаклин засунула руку в упаковку с порошком и, обмакнув мокрые пальцы в его содержимом, размазала его по ткани.

— Но для того чтобы держать группы и торговать музыкальными инструментами, я уж молчу про звукозапись, нужно хоть немного в этом разбираться.

— Он разбирается, можешь мне поверить, — парень перенёс тяжесть с ноги на ногу и прислонился к другой стороне дверного проёма. — Я однажды слышал, как он играет на рояле. Мужик жарит джаз как в преисподней. Он талантлив. Но я не об этом. У тебя следующая пятница свободна?

— М-м-м, — Жаклин закатила глаза, — нет. Я буду сутки дежурить.

— Жаль.

— Да? Ну-у, могу чуть передвинуть расписание. Если надо.

— В пятницу Кэм будет праздновать открытие магазина в своём клубе.

— В «№ 5»?

— Нет. «№ 5» — это проходной двор, популярное место, а он хочет закрытую вечеринку по пригласительным у себя в «Коконе». Ну, там, музыканты, художники, композиторы и прочий сброд.

— Я знаю «Кокон»! — просияла девушка, словно встретила старого доброго знакомого. — Он где-то там, — кивнула она головой куда-то за стену ванной, — возле Британского музея, в Мерилебон.

— Ты там бывала?

— Нет, в «Коконе» я не была, просто слышала про него и проходила мимо. Не знала, что он принадлежит Кэму!

— Да-а-а, «Кокон» — Кэма. Я тоже там не был. Мы вместе можем это исправить.

— Александр, но ведь мы с тобой не музыканты и не композиторы.

— Ну и что? Кирк вон вообще строитель, а по образованию — военный, но он тоже там будет. Короче, у меня есть пригласительный, и я прошу тебя составить мне компанию.

«Кирк! Там будет Кирк!», — это имя в голове у Жаклин прозвучало сродни выстрелу.

— Хорошо. Я попрошу, чтобы мне передвинули расписание, — отжимая ткань, девушка засмушалась такому своему быстрому согласию и застенчиво улыбнулась. Она уже ждала, что Александр её поцелует или хотя бы обнимет в благодарность, но парень остался стоять на месте и попытки сократить расстояние не предпринял. Не получив ожидаемых тактильных ощущений с любимым человеком, Жаклин даже с какой-то злостью выжала рукав и подошла к умывальнику, чтобы сполоснуть свою стирку прямо под краном.

Юноша наблюдал молча.

Девушка хотела скосить на него глаза, но решила, что лучше потерпеть — она уже почти закончила.

Отжав рукав, Жаклин встряхнула толстовку и, потянувшись на носочках, перекинула вещь через верёвку, временно протянутую почти под самым потолком по диагонали ванной комнаты.

Как только она расправила изделие, к ней сзади кто-то приблизился. Из-за спины протянулись две знакомые мужские ладони и накрыли грудь. Жак тут же уронила руки вдоль туловища. Видимо, ожидая, что она сейчас начнёт отдирать его кисти от себя, Александр схватился за её «третье-четвёртый размер» уже сильнее. Но девушка, решив обмануть ожидания парня, откинула голову ему на грудь, подняла руки и сцепила их в замок у него за шеей. Тот в ответном жесте наклонился к её ушку и пососал мочку. После этого ей в момент сделалось абсолютно не до смеха и игр.

Она выдохнула, прогнувшись в спине, сильно выставила грудь вперёд.

В ответ с силой сжал он как сигареты между пальцами её возбуждённые соски поверх ткани. А в следующее мгновение крутанул её к себе лицом как фигуристку на коньках.

И началось.

Александр даже целовал Жаклин уже лихорадочно. Он хотел всего, сразу и много. Парень не бродил, а судорожно и поспешно бегал раскрытыми ладонями по любимому телу, не в силах остановиться на чём-нибудь определённом. В одно мгновение он сжимал грудь, но в следующую секунду его руки находились уже на ягодицах. Но и там не задерживались, а тут же тянулись к ней между ног. Жаклин с готовностью чуть согнула колени и раздвинула бёдра в стороны — Александр сию же секунду этим воспользовался и сжал ладонью ластовицу её трусиков.

Из него вырвался стон с нотками победоносности.

От его напора Жаклин чуть попятилась назад и упёрлась внутренним сгибом колен в борт ванной. Ещё чуть-чуть и она провалилась бы в ёмкость задом. Почувствовав, что ей не очень удобно с досадным стоном парень схватил её за плечи и почти впечатал в стену с ворохом полотенец и махровых халатов, как и в тот первый раз, когда их прервал пьяный Чарльз. Прижав Жак к стене, юноша опять подсадил её под попу, и она обвилась ногами вокруг его талии.

— Мне тебя сожрать охота. — Жажда. Какая-то животная жажда насыщения овладела юношей. Ему казалось, он не успокоится, пока не «обьестся» её губ до одури.

Алекс приготовился, что Жак вот-вот руками полезет к нему в штаны, но девушка делать этого не спешила и когда разлепила веки, юноша в её глазах увидел нечто такое — толику греха, чуть-чуть бесстыдства, налёт улыбки, а всё остальное — обещание.

В голове у юноши сделалось и пусто и тесно одновременно. Он отстранился и, постепенно ослабевая хватку рук, спустил Жаклин на пол, после чего, не теряя ни секунды, тут же полез ей под халат и быстро стянул трусики до пола. Девушка переступила через них, и парень поднял её и усадил голой попой на стиральную машинку. На самый её край. Жаклин в этот момент очень старалась не улыбаться, вспомнив, насколько большая квартира сейчас была вокруг них и в полном их распоряжении.

Александр пальцами провёл у неё между складочек и, с поспешностью раздвинув ей ноги, опустил на одно колено и припал ртом к её сокам. Жаклин опёрлась чуть позади себя руками, ноги поставила парню на плечи и откинула голову. Но тут же вернула её обратно — девушку гипнотизировали эти пепельно-золотистые вихры у неё между ног. Ей захотелось ещё больше раскрыться перед ним, отдаться. Она инстинктивно раздвинула ноги до боли в сухожилиях *adductor brevis** — к доктору Рочестер автоматически пришло название одной из внутренних бедренных мышц, поскольку в университете с них латынь спрашивали гораздо строже английских наименований. Но всё это были уже последние всполохи разума, поскольку от всего почувствованного и увиденного девушка взорвалась так, что не поддержи её Александр вовремя, свалилась бы с машинки.

Это был не воспроизведённый, а буквально рождённый, живой крик, который вырвался из её нутра и, расширяясь, забегал по стеснённому пространству ванной комнаты.

Парень быстро выпрямился и с наслаждением и, даже без преувеличения сказать, любовью обнял девушку и укутал собой. Ему как будто стало жалко отдавать в пространство малейшие проявления её разрядки.

Жак карабкалась по телу юноши сначала вверх, потом в стороны, а потом опять вверх, цепляясь за него, не в силах удержать себя на месте и ища выход своим эмоциям. Но чем больше децибелов она набирала, тем громче скулила под дверью и скреблась Сула, поэтому девушке всё-таки пришлось немного держать себя в рамках.

В одно из мгновений, столкнувшись нос к носу с Алексом, она накинулась на него с поцелуем, но только успела почувствовать свой вкус на его губах и свой запах на его лице, как её очень сильно дёрнуло всем телом и она чуть не стукнулась с ним зубами при поцелуе. Поэтому сразу же отстранилась и опустила глаза вниз. На его ширинку.

— Дай, — уставилась она на бугор в его джинсах, не делая попытки протянуть туда руки.

Осоловело проследив за её взглядом, Александр расстегнул ширинку так, будто всю жизнь тренировался делать это на время — на манер раздевания и одевания в армии. И как

может быть иначе, если его женщина сказала: «Дай». Конечно же, он дал.

Секс затягивает. На него подсаживаются. Оба влюблённых хорошо понимали, что кроме всего прочего, всё это ещё и банальная физиология, но им обоим было плевать, лишь бы до конца удовлетворить потребность, желание, тягу к плотскому контакту, близости друг с другом. Лишь бы сбросить с себя груз тоски, умерить жажду интимности, побыть в положении, при котором они могут что-то творить и вытворять только друг для друга и только друг с другом и больше ни с одним человеком на всём земном шаре.

Жаклин довольно часто слышала, как люди говорят, что так, как любили они, не любил никто и никогда. Сейчас, в одно мгновение с вожделением и похотью, ею овладело именно такое чувство.

Она была практически убеждена, что, не может кто-нибудь другой чувствовать столько же любви и счастья, сколько ощущает она рядом с Александром МакЛарено. Это нереально. Так любить, как любит она этого мальчика, может любить только она и только его — и всё! Конец списка.

Поэтому занимаясь сексом или любовью со своим шотландцем, она чувствовала себя избранной.

Избранно счастливой, избранно привилегированной, избранно любимой и этой вот близостью со своим любимым человеком, она не лишней раз опечатывала это своё убеждение, будто ставила на нём печать. Сургучную. К тому же девушка доподлинно знала, что, переводя эту довольно штатную ситуацию в интимную вот так спонтанно, дико, скоропалительно, так, что не в силах отложить на секунду или потерпеть даже мгновение, она будет способна построить с ним отношения и содержать их в работающем состоянии в будущем. Настоящие, полноценные отношения, жизнеспособные, функциональные.

Стиральная машина рассчитана на какую-то определённую степень вибрации. Видимо, именно в этом и было её счастье, потому как на этот раз Александр вообще, что называется, отпустил себя.

Поняв, что Жаклин готова ко всему, её не смущает его напор и агрессивность, не отталкивает его порочность, а скорее даже наоборот, парень с радостью сосредоточился на ощущениях, на своём члене, на том, насколько волшебным было двигаться внутри его женщины и уставился взглядом в сочленение их тел. И чем больше он разгонял свой член, тем больше злости или даже какого-то садизма в нём поднималось. Ему захотелось схватить её за волосы, заломить руки, сильно ущипнуть за соски, да и вообще, хоть за что-нибудь.

— Фак! — вцепился он в бока Жаклин так, что ей действительно сделалось больно, и двигался в ней на автомате, как бегун поймавший ритм дыхания. Но, конечно же, и ему тоже много не потребовалось — он взвыл, позволяя закружить себя «сладостному торнадо». Разрядка как всегда корчила и корёжила ему мимику.

Александр понимал, что он сейчас не только кончает, изливается в свою женщину, он метит территорию, устанавливает над Жаклин своё право здесь, в этих стенах, в той самой ванной комнате, где ему не дали сделать этого парой месяцев раньше. Хотя он уже тогда точно знал, что эта женщина целиком и полностью принадлежит только ему одному. Это была его личная, индивидуальная гештальт-терапия. От морального и физического облегчения парню сделалось невероятно хорошо и легко. Он был безоговорочно, категорически счастлив.

— Фак! — упёрся он лоб в лоб с Жаклин. — Малыш, — его улыбка была вымученно-пьяной. Он чмокнул девушку в нос, а потом лизнул в губки.

Жаклин постаралась обнять тяжело дышащего, всё ещё дёргающегося Александр и прижать его к себе как ребёнка, чтобы успокоить, хоть и сама дышала не на много легче. Она, мягко говоря, пребывала под впечатлением от этого его оргазма. Эти ходившие ходуном желваки на лице, набрякшая шея, покрасневшее от напряжения лицо, вздувшиеся венки на лбу, безумный, пустой взгляд внутрь себя и уже после — корчи в сладостных муках. Ей захотелось сказать что-то очень искреннее, внезапное, бесхитростное. И милое.

— Ты так красиво кончаешь. Ничего прекрасней в жизни не видела, — она улыбнулась.

Тот замер, перестав дышать, а потом засмеялся, насколько это было возможно в его состоянии.

— Хах, малыш, ха-ха, — он покачал головой. — Спасибо, что согласилась пойти со мной в «Кокон». Я люблю тебя, — и, поцеловав её в губы, он вышел из девушки.

* * *

— Если уж ты у нас такой жадный до опыта, то может ты занимался сексом больше чем с одним человеком сразу? Можешь, кстати, не отвечать, если не хочешь, если это слишком личное для тебя, — Жаклин очень стеснялась, задавая такой вопрос, поэтому, даже повернувшись на бок к парню и положив голову на согнутую в локте руку, всё равно потупила взгляд и принялась ковырять пальчиком пододеяльник. Испытав на прочность стиральную машинку в ванной, они принялись за диван в гостиной. Шёл уже второй час после полуночи. Диван стоял. Но, не исключено, что насмерть.

Парень лежал с закрытыми глазами в полумраке комнаты освещаемой только светом фонаря за окном. Услышав вопрос, он заулыбался, но глаза не открыл. Потом повернулся к девушке и только тогда разлепил веки. От её смущённого лица он заулыбался уже во всю ширь, оттолкнулся и, повалив её опять на постель, лёг сверху — для его будущего ответа ему необходимо было подстраховаться.

Юноша чуть сполз вниз и поцеловал вытянутыми губами её плоский животик, а руки просунул под поясицу. Жаклин была настолько маленькой под ним, что он смог обнять её и ещё самого себя за плечи. Всё, теперь она в его руках. Теперь — можно.

Он поднял лицо, уткнувшись ей почти между грудей подбородком, но не сильно — иначе, боялся сделать ей больно — и утвердительно зажмурился на пару секунд, изобразив улыбку чеширского кота.

— Боже мой, какой ужас! — Жаклин притворно стала спихивать его с себя. — Мистер МакЛарен, немедленно слезьте с меня, сэр! Оставьте меня сию же секунду, вы мне противны! Фу-у-у-у-у, как вам не стыдно, сэр?! Как вы опустились до такого?! Боже мой, какой ужас! У меня нет слов! — девушка уже изо всех сил упиралась в плечи хохочущего парня и не могла сдвинуть его ни на дюйм — он держал её железобетонной хваткой.

После того, как они немного подурачились и затихли, Жаклин попыталась продолжить, наматывая простынь себе на палец.

— А-а-а...

— Я однажды присоединился к паре, — Александр великодушно избавил её от необходимости проговаривать вслух смущающий вопрос. А ещё ослабил и разорвал хватку, после чего лёг сбоку, поцеловав её грудь у подмышки.

— Паре?

— Да. Паре.

— А-а-а...

— Это были девушка с парнем, — великодушию юноша не было предела. Или ему

просто нравилось шокировать и смущать Жаклин своими «подвигами».

— И-и?

— Никак.

— В смысле? Тебе не понравилось? Это было плохо?

— Это было сносно.

— Только и всего?

— Только и всего.

— А почему? Что не так?

— Ты точно хочешь знать?

— Точно. Очень.

— Ну-у-у, поначалу всё казалось захватывающим, — Александр полез пятернёй себе в волосы. — Ново, необычно, возбуждающе. Но потом тот чувак быстро кончил и ушёл курить, а девка ещё полчаса объезжала меня, как ковбой жеребца. — Он почесал себе лоб. — Она меня просто затрахала и, честно признаться, до чертей надоела. Сразу стало понятно, почему им понадобился третий.

— Ну?!

— Я тоже кончил, оделся и ушёл. Они обещали позвонить, но позвонила только она и предложила встретиться. Вдвоём. А на кой мне это? Вдвоём я и лучше найду. Да и к тому же, когда я от них уходил, мне показалось, что этот парень её любит и ревнует ко мне, а мне этого не надо, я ему не враг. Всё. Конец истории.

Жаклин смотрела на Алекса во все глаза.

— И ты никогда не встречался сразу с двумя девушками? — закусил она ноготь большого пальца между зубов.

— А-а, вон ты о чём, — чуть закинул подбородок юноша. — Нет, никогда.

— А почему? Ни за что не поверю, что тебе не поступало предложений.

— Я знаю, что не поверишь. И они поступали. Не так много, как ты себе думаешь, но были.

— И?!

— Это банально. И мне даже не любопытно. Я спал с одной девушкой, и что уж такого поменялось бы, если бы их стало две? Или три. Или десять. Да ну, бред какой-то! И если мне мало одного партнёра, то, скорей всего, было бы мало и двух, и трёх.

— Но к паре же ты пошёл.

— Да. Это вышло странно и непонятно: когда с тобой в постели встречаются и мужчина, и женщина, когда ты можешь заниматься сексом и с мужчиной, и с женщиной. Сочетать это в постели мне всё-таки хотелось попробовать. И я попробовал.

— И получилось сносно.

— И получилось сносно.

— Поэтому ты не пытался повторить.

— Поэтому я не пытался повторить. Подожди, меня осенило: ты, что, на что-то намекаешь? А-ха-ха, — Александр засмеялся, — я не верю, ты не можешь этого хотеть.

— Правильно делаешь. Я скорей тебя убью, чем захочу с кем-то разделить.

— Взаимно.

— Я рада, — Жаклин чмокнула юношу в щёку.

Глава 43

Дупло

«Люди могут пить вместе, могут жить под одной крышей, могут заниматься любовью, но только совместные занятия идиотизмом могут указывать на настоящую духовную и душевную близость».

Макс Фрай

Рано утром Александр уехал к себе в общагу за учебниками, прихватив ещё и одну из книг Чарльза по социологии. Вчера, пока Жак выгуливала Сулу, он проник в кабинет хозяина и просмотрел там кое-какую литературу. Ему нужно было навёрстывать упущенное за время болезни, да и просто интересно. Сегодня парню предстояли две отработки: по статистике и истории мировой экономики.

Жаклин, проводив его сладостным, томным утренним сексом в постели и долгим жадным поцелуем у входной двери, после ухода своего любимого студента тоже оделась и пошла гулять с Сулой. Они с Александр договорились после его занятий пройтись по магазинам, чтобы закупить всякой еды и продуктов, которые парень уже давно присмотрел в Оксфорде, и устроить пир. Это было то самое запланированное, но отложенное свидание, на которое юноша приглашал девушку ещё в поезде по дороге в Лондон.

Она ждала его в «Costa Coffee» на Cornmarket St. Александр подъехал на «своей красавице» и оставил на стоянке, а по магазинам они отправились пешком.

На Covered Market Oxford влюблённые купили несколько видов хамона, потом ещё немного копчёного окорока и сыр, который выбрала Жаклин. Когда им предлагали попробовать продукты у прилавков, Александр кормил девушку прямо из рук, а она всё время норовила откусить ему пальцы.

Расставались они только однажды: он ходил за тортом и мороженым для неё, а она воспользовалась моментом и купила в аптеке мазь с бадягой для него — в субботу и воскресенье физиокабинет не работает, поэтому ей предстояло самой позаботиться о здоровье своего шотландского пациента.

Когда пришло время возвращаться в квартиру к Жаклин, было решено не светить больше машину возле подъезда, (на всякий случай), а поставить её недалеко — на стоянке Издательства Оксфордского Университета. Но к подъезду они прошли вдвоём, вместе, только что не держась за руки.

За столом парень долго и много разглагольствовал на тему мяса. Судя по всему, он вообще мог говорить об этом пищевом продукте двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю и поведать о нём немало. Особенно, если его попросить.

Но сегодня, раз уж они посвятили свою прогулку именно хамону, у парня рот не закрывался именно на эту тему. И во всех смыслах, жуя нарезку из окорока, он демонстрировал девушке неопровержимые доказательства того, что действительно находится «в теме». Сыпал эпитетами, тонкостями приготовления и дегустации вяленого мяса просто себя забыв. Юный гурман показывал, как нужно класть срезы на язык, как «распаковывать» вкус и просолку во рту, как почувствовать свежесть испанских лугов, где паслись эти свинки, и распознать маслянистый, трюфельный привкус желудей, выросших на могучих испанских дубах и скормленных этим животным.

Жаклин на отвечала, что он всё выдумывает, и нет там ничего такого особого в этом мясе и разница между этими окороками надумана и высосана из пальца. Юноша очень горевал и сокрушался, что девушке так и придётся ходить по земле гастрономической невеждой, а это, судя по его словам, очень тяжкий груз. На том и порешили.

А вот вернувшись с вечерней прогулки с Сулой, Жаклин застала Александр за очень интересным занятием. Парень сидел за журнальным столиком в гостиной и, достав из её альбома студийное фото Чарльза, подрисовывал ему скафандр космонавта. Конечно же, не по памяти, а срисовывал этот костюм с изображения в газете, которую они захватили на улице Оксфорда из стопки.

У «шотландского Микеланджело» получалось довольно сносно.

— Пририсуй ему усы, — заглянула парню через плечо Жаклин. Она только что вышла из ванной, где вымыла Суле лапы.

— Зачем ему усы?

— А зачем ему скафандр?

— Отправим его в космос.

— И что? В космос с усами не пускают?

— Женская логика.

— Нормальная логика. Дай я сама ему пририсую. Подвинься, — немного потеснила она рукой юношу и уместилась рядом.

— Однажды я увидел у бабушки фотки Кирка в военной форме, — Александр подвинулся, — пришёл домой и пририсовал себе военную форму на всех фотках, которые смог найти в доме. Ну, вернее, сколько успел: в комнату вошла Эшли и спасла несколько снимков. — Жаклин высокомерно скривилась в неодобрении. — Ты не любишь военных? — попробовал угадать юноша.

— Не люблю, — девушка вдобавок ещё и носик сморщила, словно почувствовала нехороший запах.

— Это странно. Обычно девушки любят военных.

— Это из-за красивой формы и выправки. Первое я вообще отменила бы, а второе меня не трогает.

— Ты отменила бы военную форму?

— Я отменила бы красивую военную форму, потому что она способствует популяризации этой профессии, а я считаю, что от неё нужно уходить и чем быстрее и дальше, тем лучше.

— Уходить куда? — захлопал ресницами парень.

— К отмене государственных границ и конфликтов на этой почве.

Александр слегка опешил.

— Но военные защищают не только границы, но и интересы государств, — совершенно искренне возразил он.

— Только не говори мне, что ты действительно в это веришь, — подняла на него взгляд Жак. — Государство — это ты и я. А военные защищают интересы руководителей и их личные амбиции. Дорвался до денег — стремись во власть, дорвался до власти — стремись в историю. И не у всех хватает ума, как у Виктории, попасть в историю с помощью мудрых реформ и созидания. Где-то что-то отвоевал, где-то что-то отстоял, вот и готово, ты уже в истории, — закусив уголок губы, Жаклин выводила усы мужу. — Я много наслушалась у дядюшки разговоров про это. Во всем времена те, кто умел сеять — сеял, кто умел строить

— строил, а те, кто не умел ничего — шёл воевать. Даже жалко, сколько такие вот лентяи разгромили и разграбили городов, которые люди старательно выстраивали веками.

Александр опять нашёлся не сразу. Но всё-таки нашёлся.

— Сейчас всё по-другому.

— Да. Ты прав. Раньше, тот, кто затевал войну, становился в первый ряд и очень часто погибал, а теперь сидит где-нибудь в кабинете. Да и вообще, сейчас и территориальные и экономические интересы некоторых государств уже давно стали номинальными. Бизнес всё больше вмешивается и иногда имеет такое влияние, что небольшим государствам только мечтать.

— Не поспоришь, — Александр был приятен комплимент в сторону бизнеса.

— Понимаешь, я в детстве много путешествовала и ещё тогда начала задумываться, что все эти стычки и пересечения интересов — это всё искусственно созданное, раздутое. Куда бы мы с дядюшкой не приехали, люди везде встречали нас с улыбками и помогали, чем могли.

— Но военный комплекс способствует развитию науки.

— Оу, а тут меня просто удивляет размеры человеческого лицемерия. — Вскинула подбородок Жак. — Когда им говорят, что вот эта винтовка попадает в цель за полтора километра, все: «Ва-а-а-у-у-у, кру-у-уто!», а когда им сообщают, что из этой же винтовки убили пятьсот человек, все: «Боже, какой ужас!». Это не лицемерие, по-твоему?

Всё время, пока говорила Жаклин, Александр сидел и усиленно моргал глазами. Он ещё серьёзно не задумывался над всем тем, про что сейчас рассуждала девушка, и её позиция его слегка удивила. Ораторша неволью залюбовалась, как порхают его ресницы, и ей пришла на ум идея. Естественно, безумная.

— У меня к тебе просьба.

Тот застыл и напрягся.

— Говори, — произнёс он таким тоном, будто собрался рвануть стометровку с места.

— Можно я тебя покрашу?

Выражение его лица сделалось бесценным.

— О-о-о-о, я так и знал. Жаклин, — он потянулся, чтобы пощупать её лоб.

— Ну, Алекс, ну пожалуйста. Мне очень хочется посмотреть, как будут смотреться твои глаза с покрашенными ресницами.

— Я твои-то ещё ни разу покрашенными не видел.

— Идёт! Я крашу свои ресницы, а потом твои!

— Ни хрена-а. Зачем мне это? Ты мне и без покрашенных очень нравишься.

— Ты мне тоже, — подпрыгнула она на месте. — Но мне всё равно очень интересно. А чего бы ты хотел взамен? — девушка склонила голову а-ля Сула.

— Я, — он повёл глазами по пространству гостиной, — хочу разрисовать ещё одну фотку Чарльза.

Жаклин этого не ожидала.

— И кем же ты его изобразишь на этот раз?

— Мм... деревом.

Лицо девушки вытянулось.

— Деревом? Каким деревом?

— Любым. Не люблю обсуждать внешность, но его рот иногда очень сильно напоминает душло.

— Ну-у, не всем же так повезло с внешностью, как тебе.

— А чего плохого в дереве и дупле? Дерево — хорошая вещь, полезная, да и в дупле уютно, спокойно. Не понимаю, чем дерево хуже космонавта.

— Космонавт умный.

— А дерево с дуплом гостеприимное.

И тут Жаклин не выдержала и захохотала.

— Хорошо, можешь найти в моих альбомах фотку Чарльза и перерисовать его в дерево. Но только потом вернёшь всё на место, — и как бы показывая пример, она принялась фото Чарльза-космонавта засовывать в альбом под плёнку.

* * *

Чем дальше Жаклин красила юноше ресницы, тем больше убеждалась, что первое впечатление самое верное. Глаза парня всё больше и больше напоминали тюльпаны с их чёрной серединкой.

— Готово, — отстранилась она. — Ты у меня самый красивый в Мире!

«Мой бог, какая красота! В жизни не видела ничего прекрасней его «тюльпанов», — и она в неверии часто заморгала своими глазами. — Кажется, я это уже говорила недавно».

Александр хлопал покрашенными ресницами и с удивлением посмотрел на девушку.

— В смысле? — он попытался не то прищуриться, не то зажмуриться.

— Что «в смысле»? — не поняла она.

— Ну, это... — развёл ладони в стороны Александр. — Это вот так вы ходите?

— Как «так»?

— Вот с такой фигнёй на ресницах? — он опять усиленно заморгал и стал похож в этот момент на трогательного мультяшного персонажа.

— Ну-у, в принципе, да. А что, неудобно? Мешает?

— Неудобно? Мешает? — взревел парень. — Да это же — отстой полный! Это опыты над человечеством! Как вы это терпите? Не видно же ничерта! — скривился он и будто хотел притронуться к своим ресницам, но не решился.

Жаклин, сидя на диване со сложенными руками на коленях, пожала плечами.

— Привычка.

— В жопу такую привычку! Это ад крошечный!

— Уж получше, чем синяки под глазами после бокса. Хотя бы не больно.

— Да вот не фига! Синяки лучше! Всё! Смывай с меня эту гадость, нахрен!

— И ты даже не хочешь посмотреть на себя в зеркало? Я так старалась, и... тебе идёт, — пролепетала девушка, чтобы не сорваться на хохот.

— Я что, похож на идиота? Смывай, говорю! — вытянул шею и с угрозой вытаращился на неё Александр.

— Хорошо-хорошо, — поднялась она с дивана. — У меня специального средства нет, но я сейчас принесу ромашковый крем.

Если наложение макияжа прошло без потерь, то, как только Жаклин нанесла парню крем на один глаз, юноша тот час же моргнул, не в силах сдерживаться, ему защемило, потекла слеза, остальная тушь размазалась, парень взвыл и рванул в ванную, словно с поджаренными пятками.

А вышел оттуда с лицом человека вернувшегося с войны. Жаклин даже показалось, что он как-то так разом повзрослел.

— Я уже никогда не буду прежним, — медленно покачал он головой из стороны в

сторону и тут же запнулся на полуслове — девушка взбалтывала в руках лак для ногтей.

* * *

А потом была ночь.

Теперь уже имея за плечами хайлэндс, недолгую разлуку после него, Кирка и такое бурное примирение, они не отказывали себе ни в чём.

Юноша, допустим, позволял себе быть зверем. Ласковым зверем, ленивым зверем, игривым зверем. А так же, машиной. Отлаженной, грубой, тяжёлой машиной и тонким лёгким взведённым механизмом. Последнее ему особенно нравилось и доставляло отдельное удовольствие.

Но в большинстве своём, конечно же, он был человеком. Мужчиной. Мужчиной, нуждающимся в любви и дарящим любовь, не чурающимся традиций и не боящимся экспериментировать, жадным и щедрым одновременно, мужчиной ведущим, увлекающим за собой и слепо следующим за своей женщиной. Любовником.

А Жаклин почти всё время была одинаковой. Она была любящей женщиной и любила. Безмерно, каждой клеточкой своего тела, каждой стрункой своей души, забыв себя и весь остальной мир. Всю ночь напролёт.

Даже если выдохнувшись от постоянной работы нутра и тела, переплетаясь руками и ногами, они забывались в дремоте, то малейшее шевеление и осознание того, где они и с кем, заставляло их пробуждаться вновь и вновь. И всё продолжалось.

* * *

Жаклин стояла у окна. В полной тишине и полумраке гостиной, замотанная в плед девушка немигающим взглядом смотрела через стекло на жёлтый свет фонарного столба расположенного чуть наискосок от их подъезда. Рядом сидела верная Сула. Увидев, что хозяйка встала, собака принялась наблюдать за ней, и как только та остановилась перед гардинами, подошла и села рядом у ног.

Жаклин не чувствовала себя плохо или хорошо. И именно это её смущало. Она стояла на самом пороге больших перемен в жизни, и ничего не чувствовала по этому поводу. Она могла бы ощущать себя сейчас счастливой, если бы не дурацкая привычка не радоваться и не огорчаться заранее.

«А вдруг он действительно меня убьёт? — ночью плохое всегда кажется более возможным или даже реальным. — Да, в принципе, если разлучит с Алексом, то тоже убьёт. Ему противостоять сможет только Алекс. И кому-то из нас двоих обязательно придётся уйти».

Она так задумалась, что не сразу услышала, как юноша зашевелился на диване, и его босые ноги зашлёпали по полу. Он подошёл и традиционно укутал сзади её своим телом поверх пледа.

Жаклин вспомнила, как мечтала примерно о таком вот мгновении когда-то давно. Вот такой же ночью в Глазго, после того, как влюбилась в первого взгляда в семнадцатилетнего красавца.

Сейчас его руки поверх её плеч действительно были очень родными, привычными. Кажется, тогда она применила термин «недавние». Да, они действительно чувствовались «недавними» — её тело ещё наполнилось свежими волнительными, греховными воспоминаниями ощущений от этих рук.

— Скоро вставать, — полушёпотом прохрипел Александр у её макушки.

— Угу.

— Идём в постель, — он поцеловал её волосы.

— Угу.

— Джеки, ты чего?

— Я? Да так — ничего. Думаю. — Направилась она к дивану.

— Интересно, о чём? — последовал за ней парень.

— О том, что поддерживает человека в этой жизни.

— И что же, по-твоему?

— Нет, я хотела бы услышать сначала тебя.

— Н-у, — он зачесал себе волосы назад, — поддерживает семья, какие-то личностные характеристики, внутренняя сила, ум, стремление чего-то добиться.

— Вот! — уюстилась она в постели по-турецки напротив парня. — Мы когда-то в студенчестве разговаривали об этом с друзьями. Вот смотри. Человек к чему-то стремится. Он идёт. Он преодолевает какие-то трудности. Понимаешь, есть вероятность и даже часто так бывает, что он подсаживается на этот путь. Мне кажется, именно таков твой Кирк. Если он достигнет мирового Олимпа, его фирма займёт первое место в таблице о рангах ведущих мировых компаний, он будет очень несчастен.

— Пф-ф, и что? Ты хочешь сказать, что биться-биться и так ничего и не добиться — это правильно? Это хорошо? — скривился Александр.

— Я не знаю, что правильно, а что хорошо, я только иногда вижу, как люди, которые привыкают всё время пробивать себе дорогу, всё время вперёд и вверх, подсаживаются на это, привыкают к этому. Если они не рождены такими, разумеется. Жить, довольствуясь какими-то промежуточными достижениями, им скучно.

— Твои предложения, — подпёр Александр голову согнутой в локте рукой.

— У меня их нет, и я не об этом. Говорят, что таким людям нужно научиться жить сегодня, сейчас, а не постоянно просчитывать завтра и откладывать жизнь. И я пробовала это делать.

— Ты?

— Да. Я. Я попыталась жить сегодня. Когда-то я перестала ждать любви и вышла замуж за Чарльза. Начала жить сегодняшним днём. И что?

— И что?

— А то, что много счастья мне это не принесло.

Александр усиленно молчал.

— Я понял, о чём ты, — он пожевал губы. — Мне очень с тобой повезло, Жак, это всё, что я могу сказать.

— Ты понял, да? Сейчас мы с тобой идём по пути. Мы преодолеваем трудности, решаем вопросы, что-то делаем. Я действительно боюсь, что когда мы всё-таки чего-то добьёмся, мы заскучаем, понимаешь? Нам с тобой вдвоём придётся учиться жить сейчас и сегодня.

— Другими словами, ты боишься быта и рутины.

— Я не боюсь быта и рутины, я боюсь быта и рутины вместе с тобой. Даже любя тебя так сильно, почти безумно, я всё равно опасаясь и не могу это игнорировать.

— Ты боишься растерять чувства? — ткнул Александр указательным пальцем в диван.

— Чтобы захотеть расстаться, любовь не обязательно нужно растерять, её просто можно перестать пользоваться, забыть о ней, отложить в нижний ящик стола. Я никогда не жила с человеком, которого люблю, поэтому и боюсь потерять тебя. Ничто так не разделяет, как совместное жильё.

— Ты хочешь мне дать отворот-поворот? — улыбнулся Алекс.

— Нет. Единственное, чего я хочу сейчас, так это, чтобы ты понимал, что очень многое может измениться, когда мы будем жить под одной крышей. Понимаешь, я не хочу... я ужасно, страшно боюсь тебя разочаровать и потерять, но и обещать тебе безоблачную жизнь день за днём, и вот такой уровень накала как сейчас, я тоже не могу. Насколько мне известно, обычно этого требуют от мужчин, почему-то возлагают ответственность за отношения на них, но я думаю это более из области женской природы. Соединяясь с тобой вот так, на такой высокой ноте страсти, любви, обожания, — девушка указательными пальцами сцепленных рук тыкала в диван перед собой. — Я всё равно не хочу настраивать тебя и себя на то, что мы будем жить всю жизнь в любви и согласии и умрём в один день. У меня сразу же появляется ощущение, что хочу женить тебя на себе любой ценой, захомутать, — Жаклин помолчала. — А я не могу себе этого позволить, ибо точно знаю, что ты сумеешь обеспечивать нашу семью и дать нам ту степень защиты, в которой мы все нуждаемся, а я могу не справиться и не удержать отношения.

Парень, прищурившись, слушал очень внимательно.

— Ну, если ты не справишься, — сделал он ударение на слове «ты» и откинулся на спину, — то тогда я уже и не знаю, на ком мне жениться. М-да, ты такая глупая умная женщина, Сасенак. — Жаклин молчала. — Иди сюда, — потянул он её на себя за руку. Жаклин тут же уместилась к нему под бок, а Александр обнял её за шею. — Живут же люди как-то. Умудряются, — он поцеловал девушку в висок. — Ты справишься.

— Я очень буду стараться оставаться разной для тебя, Александр. Мне это нравится, — Жаклин улыбнулась.

Глава 44 Прямолинейность и коварство

Глава 44

Прямолинейность и коварство

Когда на следующее утро, где-то около половины седьмого, Александр подвёз Жаклин к больнице Черчиля, у обоих было странное настроение и даже какое-то чувство неловкости. Они являлись друг для друга уже больше чем любовниками, но ещё меньше, чем семьёй. Скрываться им как бы уже и без надобности, но и заявлять о себе в открытую, тоже преждевременно.

Мужчина взял ситуацию в свои руки и на прощание поцеловал Жаклин сильно и врасплох, заряжаясь от неё уверенностью и делясь с ней своею. После чего, пообещав сегодня позвонить, уехал.

А доктор Рочестер отправилась работать. Пациенты в этот день сжалились над ней, и дежурство прошло довольно спокойно, если не сказать, монотонно. Где-то часа в три после полудня позвонил Александр и рассказал, что он только что от Скаут. Сегодня они съездили только по одному адресу. Второй — завтра. Но зато он побывал в своей квартире и ему понравился тот порядок, который в ней поддерживается. Так что никакой дополнительной уборки, или уж тем более ремонта, не требуется.

После его звонка Жаклин отключила телефон. Вот-вот должен был вернуться домой Чарльз, а вспомнив как-то так вскользь о муже после этих двух выходных с Александром, она поняла, что больше не сможет обменяться с супругом и словом. Не хочет и не будет. Конечно же, ей было интересно, сколько Чарльз ещё сможет упорно делать вид, что ничего не происходит и всё как всегда, и что ещё она должна сделать, чтобы он наконец не выдержал и предпринял уже хоть что-нибудь. Без разницы, что. Пусть хоть наорал бы на неё, допустим, или побил посуду.

Но её надежды на развитие ситуации, и уж тем более, на её разрешение не оправдались. Придя утром домой, Жаклин к сожалению или к счастью, супруга не застала, хоть и следы его возвращения из поездки заметила. Но ей было сейчас не до этого — девушка выгуливала свою хулиганку уже практически с закрытыми глазами, поэтому ничего удивительного, что даже не стала застилать постель, а упала на диван в спортивном костюме, укрылась пледом и провалилась в сон моментально.

Её разбудил Чарльз, придя домой в четвёртом часу. Проснувшись, Жаклин поздоровалась с ним, но как только он начал рассказывать о своих статьяx, не выдержала и, не дослушав, молча вышла из комнаты. Придя на кухню, она набрала номер Сесилии и, разговаривая с подругой, всё ждала, что муж придёт за ней выяснять, почему она не хочет с ним общаться, но этого не произошло. И даже когда она, договорившись о совместной прогулке с собаками, одевалась в прихожей и пристёгивала Сулу, Чарльз прошёл мимо на кухню, даже не взглянув на обеих. Девушка вдруг поймала себя на мысли, что Кирк уже не кажется ей таким уродливым, отвратительным монстром.

Зато сейчас, идя на встречу с Сесилией, Жаклин наконец-то ощутила, как изменилась её хулиганка. На занятиях Сула всё ещё казалась ей такой же своенравной любительницей прикидываться, что не понимает, чего от неё хотят. А здесь, в центре города, она вела себя уже почти как взрослая, бывалая собака. Девушка с радостью почувствовала отдачу от часов упорного труда на Портовом лугу.

Сесилия же, как и всегда, полностью уверенная в своих воспитанниках — только они зашли за кустарниковое ограждение Водяного луга, тут же отпустила их с поводка. Эти трое в начале пытались поддеть Сулу и немного проверить её на предмет борьбы на траве или хватания за холки, но женщина тут же прикрикнула на них, и все моментом успокоились. Жаклин только покачала головой — ей до такого было ещё ой как далеко, поэтому она спустила Сулу с поводка, только когда собаки подружки отвлеклись и заигрались между собой.

Женщины после каникул виделись только на работе, поэтому сейчас принялись рассказывать друг другу о том, как прошли праздники, делиться впечатлениями, и, конечно же, по традиции, перемывать косточки начальству, а так же своему семейству.

— Ты знаешь, — заулыбалась Сесилия после того, как они обсудили все новости больницы, какие вспомнили, — у моего сына с этой испанской девочкой оказывается всё серьёзно.

— Вот как? — загорелись глаза у Жак. — У Кевина? С Паломой?

— Да. Вот так, — скептически улыбнулась женщина. — Правда, на Новый год они расстались: она летала к маме в Штаты.

— В Штаты?

— Да. Её мама живёт в Америке, а отец — в Испании, так мой оболтус места себе не находил, хоть и пытался делать вид, что в норме. Но там до нормы... — Сесилия отмахнулась рукой.

— Ребёнок ещё, — сказала девушка на манер «что с них взять». — А что Палома?

Подруга вздёрнула брови.

— Точно сказать не могу, но, кажется, она очень хорошо к нему относится. Да я, признаться, очень мало их видела вместе. Она постоянно занята на учёбе.

— Да-да, — тут же согласилась Жаклин, — Палома очень хорошо учится.

— Поначалу я была удивлена, когда увидела такую девочку как Палома с этим красавцем у тебя на вечеринке, но потом убедилась, что они просто на одном курсе — и всё.

— Ты считаешь, что такие красавцы как Александр не пара Паломе?

— Сейчас — нет.

— А когда?

— Лет через десять, может быть.

— Почему так нескоро?

— Потому что, возможно, к тому времени его гормоны немного успокоятся, а её — немного разыграются. Но сейчас — нет. Сейчас ей лучше с такими мальчиками как Кевин, а красавцу лучше с такими взрослыми девушками как ты, Жаклин, — и Сесилия уставилась в глаза подруге боксёрским непробиваемым взглядом.

Жаклин задохнулась от неожиданности, но взгляд выдержала. После чего сглотнула.

— Я? — пискнула она.

— Да. Ты, Жаклин, ты. Ведь именно это тебе хочется от меня услышать в конечном итоге, раз уж ты выпрашиваешь так подробно, не так ли?

Жаклин сделалось стыдно. Она закусилась нижней губой и опустила глаза. Её щёки загорелись как по щелчку выключателя.

— Не смущайся. Могу побиться об заклад, ты ничего плохого не сделала. Ты на это просто не способна, — великодушно попыталась успокоить подругу Сесилия.

Та долго не могла говорить.

— Когда ты догадалась? — наконец выдавила она из себя.

— Господи, Жаклин, любовь скрыть невозможно! Запиши это в своём паспорте! Даже если и возможно, то только от такого слепца, как твой Чарльз. Хотя, я думаю, рано или поздно, он тоже начнёт что-то подозревать. Так, Баззи, я всё вижу! — громко крикнула женщина и погрозила пальцем всем своим трём обернувшимся собакам. — Ты сейчас же пойдёшь сидеть в машину, и в следующий раз мы тебя с собой не возьмём! — грозно сдвинула она брови к переносице.

— Кажется, уже начал. Но всё это поздно. Мы с Алексом скоро будем жить вместе, — подождав пока курцхаар Баззи успокоится, девушка продолжила разговор и с вызовом вздёрнула подбородок.

Сесилия утвердительно покачала головой, но молчала. — Что скажешь? — не выдержала Жаклин.

— А что я могу сказать, подруга, — задумчиво-спокойно ответила та. — Жизнь очень непростая штука — одни сплошные приоритеты и неоднозначности. В союзе с таким как Чарльз есть свои плюсы, но и у Алексом есть свои минусы. Любить красавцев, конечно же, очень приятно, — Сесилия с лёгкой иронией во взгляде шутливо посмотрела на подругу и улыбнулась. — Тем более, насколько я знаю, он уже неплохо устроен. Кевин видел, на какой машине ездит этот Александр.

— Я влюбилась в него с первого взгляда, — тут же затараторила Жаклин в ответ. — И его-то рассмотреть толком не успела, не говоря уже о его обеспеченности.

— Мой Бог, Жаклин, я тебя не обвиняю и не упрекаю! Ты достаточно хлебнула в своей жизни. Побольше многих из нас. Ты достойна того, чтобы быть счастливой, но только, — запнулась женщина и взялась рукой за подбородок, — не верю я, что такие как он способны приносить счастье. Извини, подруга. — Сесилия с сожалением сжала губы.

— Я уже с ним счастлива, — всё-таки немножко обиделась Жаклин. — Он умеет делать меня счастливой.

— Ни секунды не сомневаюсь. Тайра! — крикнула женщина. На неё опять оглянулись сразу все три её собаки. На этот раз хозяйка подняла высоко вверх руку с поводками и потрясла ими в воздухе. В ответ на это её питомцы чуть ли не выстроились в ряд, но через секунду уже забыли об угрозе и принялись скакать друг вокруг друга дальше. Сула, видя, что в этой стае она лишняя, держалась противоположного края дорожки и привычно нарезала витиеватые круги вокруг кустов и деревьев и собирала запахи. — Ты, пожалуйста, не подумай, что я тебя отговариваю или хочу накаркать, — продолжала меж тем женщина. — Но этот мальчик, он, понимаешь, он дерзок, он смел, он умён, он способен на поступок, он уже горит весь внутри. Он как бомба с часовым механизмом «тикает» внутри. Его в любой момент может «рвануть». И не однажды.

— Я знаю. Я тоже это чувствую.

— Конечно, чувствуешь. Я только хочу, чтобы ты знала, что бы с тобой не случилось, ты всегда можешь прийти ко мне, и я всегда тебе помогу. Я всегда сделаю для тебя всё, что смогу, Жаклин. Ты мне очень дорога.

— Спасибо. Я тоже не хочу тебя терять, — девушка нервно улыбнулась.

Когда они медленным шагом обошли почти половину периметра луга, и успокоилась уже даже Сула, у Жаклин зазвонил телефон. Услышав рингтон Алекса, девушка извинилась перед подругой и отошла в сторону. К ней тут же подбежала Сула, к немалой радости своей хозяйки.

— Да, — приняла вызов Жак.

— Привет. Как твои дела? — парень был сама вежливость.

— Спасибо, нормально. Я сейчас гуляю в парке с Сесилией и собаками.

— Молодец. У меня хорошие новости: Скаут понравилась вторая квартира. Я внёс за неё залог, потом скажу Кирку, чтобы он сам с этим дальше разбирался. У неё вещей немного, так что она обещала через день-два переехать.

— Вау! Круто! — Жаклин тут же забыла весь их разговор с Сесилией и подпрыгнула на месте. — Два дня? У меня нет слов.

— И не надо. Как только она съедет, в квартиру перееду я и в первый же твой выходной перевезу тебя.

Доктор Рочестер сразу же принялась вспоминать, когда у неё ближайший выходной.

«Вообще-то завтра и в четверг. Но четверг нужно перенести на пятницу, потому что вечеринку с Кирком пропустить нельзя. Что-то опять долго получается».

— Хорошо. Я буду ждать, — пообещала она.

— Но тут есть ещё кое-что.

— Да. Говори.

— К тебе просится Палома.

— М-м-м, — девушка глянула, как Сесилия общается в этот момент со своими питомцами. — Да, конечно, пожалуйста, привози Палому.

— У тебя завтра выходной, так? Мы можем приехать после колледжа?

— Да. Но только к пяти я уйду на занятия с Сулой.

— Договорились. Мы ненадолго.

— Я поняла. Что тебе приготовить?

— Мне?

— Ну-у-у, д-д-а-а, — заволновалась девушка, что сказала что-то не так. — Пока мы с Паломой будем заниматься, ты мог бы пообедать.

— Джеки, ты доиграешься. Я начну возить к тебе Палому каждый день, — засмеялся юноша.

— Хорошо, я придумаю что-нибудь из мяса. — В телефоне повисла пауза. Видимо, у парня не нашлось слов. — До завтра? — с улыбкой прервала паузу Жаклин.

— До завтра.

— Александр готовит для нас квартиру, — сказала она, вернувшись к Сесилии.

— Мужчина! — улыбнулась та.

* * *

На следующий день Жаклин, только лишь дождавшись пока уйдёт Чарльз, вскочила, выгуляла Сулу и побежала на рынок. Купив два довольно внушительных куска телячьей вырезки, дома она нашпиговала её чесноком и замариновала в соусе из соли, перца и выжатого лукового сока.

Оба эти красавца ещё поджаривались на второй стороне, когда в дверь позвонили. Жаклин с Сулой кинулись к двери. На всякий случай, схватив свою хулиганку за ошейник, хозяйка одной рукой справилась с замком. Когда он поддался, дверь открылась, на пороге стояли Палома с каким-то пакетом из кондитерской и Александр — с мороженым.

— Здравствуй, Жаклин, — очень вежливо, и со своим традиционным выражением лица паиньки и отличницы, поприветствовала Палома.

— Привет, — поддержал её Александр.

— Здравствуйте. Входите, — отступила с дороги Жак и за ошейник оттащила свою хулиганку.

Когда Александр, вошедший последним, захлопнул дверь, Жаклин отпустила ошейник, Сула тут же подскочила к... Александр и попыталась облизать ему руки — всё-таки, кусочки подкопчённого окорока, которые скормил ей парень, оставили «мощную» отметину в психике фараоновой собаки.

«И эта туда же», — скептически и недовольно сжала губы хозяйка.

— Боже, какой я слышу запах! — кажется, Александр сначала выпалил, а потом понял, что он сделал. — Оу, не волнуйся, Жаклин, я ни на что не намекаю.

— Конечно. Проходите в гостиную, я сейчас, — и она ринулась на кухню. Когда приподнимала стейки, на холодильнике завопил её телефон. Поскольку звучал его ходовой рингтон, то звонить мог кто угодно. Жаклин взяла аппарат, посмотрела на экран и похолодела от ужаса. В дверях в этот самый момент показался Александр.

— Мой Бог, Жаклин, что случилось? На тебе лица нет.

— Какое сегодня число?

— Двадцать первое. А что?

— Как я могла забыть? Сегодня же Мэри приезжает! Да, алло, — поднесла она телефон к уху. — Привет, Мэри. Ты уже здесь? Ах, ты уже в нашем магазине? — Жаклин подняла глаза на Алекса, чтобы видеть, что он понимает, чем всё это грозит. — Да, конечно. Ну-у-у, купи там лепёшек для пудинга и-и-и... — девушка лихорадочно взлохматила себе волосы, — и йогурт для Чарльза! Да-да. Жду. Мэри через пять минут будет здесь, — прошипела она, заканчивая вызов.

— Ну и что? — спокойно сказал парень.

— Д-д-да... ничего. Но я надеялась, что ты сможешь спокойно поесть.

Александр самодовольно улыбнулся.

— Не беспокойся. Я думаю, Мэри я могу взять на себя. Сула, — опустил он голову на собаку, которая крутилась тут же, — идём, погуляем.

— Александр, что ты задумал? — заволновалась девушка.

— Ничего. Скажу, что я у тебя работаю — выгуливаю Сулу, а ты за это кормишь меня бедного голодного студента бесплатными обедами. Всё просто.

— Не шути так. Мэри может наделать много дурного.

Парень застыл. В его глазах буквально отобразилась бурная мозговая деятельность внутри его черепной коробки. Потом он отмер.

— Жаклин, я тебя умоляю, — юноша улыбнулся той самой улыбкой, которой когда-то хотел добиться от самой Жаклин, чтобы она согласилась за ним приглядывать в Оксфорде. — Такие как Мэри — моё давно забытое хобби. Пойдём, Сула, — и он направился в прихожую.

Пристегнув собаку на поводок под неусыпным, но неуверенным взглядом хозяйки, парень вышел из квартиры и, спустившись, из подъезда направился не на задний двор, а на улицу. Отпустив Сулу с поводка, он вынул из внутреннего кармана куртки свой айфон и принялся посматривать на угол дома, откуда должна была появиться Мэри.

Он узнал её сразу, поскольку неплохо запомнил. Как только она вышла из-за угла, Александр повернулся к ней спиной и приложил свой молчащий аппарат к уху.

— Да, — сделал он вид, что с кем-то разговаривает. — Да, я понял. Да, конечно. — Чуть оглянувшись и скосив глаза на приближающуюся женщину, он продолжил. — Да,

конечно, будем! Обязательно! Я и Жаклин! Вдвоём! У нас с ней пригласительный на двоих, — громко, на весь двор отчитывался Александр перед своим телефоном. — Конечно, помню: Лондон, ночной клуб «Кокон», двадцать четвёртого, в пять вечера. Да, да! Клуб «Кокон», — прислушивался он к шагам уже почти у него за спиной, — двадцать четвёртого, в пять. Мы с Жаклин будем обязательно, — сказал он, услышав, что шаги сзади стихли. — Не держи меня за идиота, — и тут, будто почувствовав, что у него за спиной кто-то есть, парень резко обернулся. Перед ним стояла Мэри и возле неё уже крутилась Сула. — Я перезвоню, — быстро проговорил он в динамик и, сделав вид, что выключил айфон, спрятал его в карман. — Добрый день, мадам, — Александр улыбнулся красивейшей в мире улыбкой.

**ductor brevis* — (лат.) — короткая приводящая мышца.

Глава 45

«СОСООН»

«Иной находит свое сердце не раньше, чем он теряет свою голову».

Ф. Ницше.

— Здравствуй... Александр, — Мэри запнулась на полуслове, эмоционально буквально разрываясь между этой лучезарной подкупающей улыбкой юноши и его словами, которые ей только что невольно довелось подслушать. — Извини, я, кажется, прервала твой разговор.

— Оу, пустяки. Это я рассказывал другу, что собираюсь в ночной клуб со своей однокурсницей Жаклин, — Александр усиленно делал вид, что растерян до крайности, и словно в замешательстве пошёл на такую неприличную откровенность. Парень старательно показывал, что врёт и самым строжайшим образом следил, чтобы Мэри не верила ни единому его слову.

— Ах, вот оно что, — женщина в догадливом жесте вскинула подбородок и своей «змеиной» улыбкой буквально на корню обрубил у собеседника малейшие сомнения в её иронии и сарказме. Демонстрируя тем самым, что его цель достигнута. — Да, конечно! Жаклин — очень распространённое имя.

— Весьма, — на красивом мужском лице растерянность сменилась слащавым подобострастием. — А сюда я привёз мою другую однокурсницу, — теперь в интонациях юноши проскакивали нотки готовности делиться информацией в режиме нон-стоп. Примерно, как у ученика, отменно выучившего урок. Для наглядности он даже указал рукой на свою Q7, стоящую тут же, у подъезда. — В данный момент они занимаются с миссис Рочестер своей медициной, а я, чтобы им не мешать, решил прогуляться с Сулой.

— Это так мило с твоей стороны — помогать однокурсникам, — тут же с готовностью поддакнула мисс Уитни. — Ты хороший мальчик, — она покровительственно улыбнулась.

«Где ты была, когда я был мальчиком?» — промелькнуло в голове у студента.

— Я польщен, — он слегка кивнул.

— Ну, что же, — Мэри повернулась в сторону подъезда, — желаю хорошо повеселиться с однокурсницей Жаклин.

— Благодарю, — импозантно поклонился МакЛарен. — Мы с Сулой присоединимся к вам в квартире чуть позже.

Женщина ничего не сказала в ответ, а только лишь потрепала ещё раз по холке собаку, развернулась и зашагала к подъезду, ни разу не оглядываясь.

«Кажется, заглотила», — юноша, глядя ей вслед, закусил уголок губы и постучал согнутым указательным пальцем по подбородку. Он очень надеялся, что его расчёты, пусть и такие спонтанные, окажутся верными.

«С Джеки подстраховаться никогда не помешает», — подбодрил он сам себя.

И что касалось учительницы математики, то она на первых порах сыграла свою роль, отведённую ей «юным кукловодом», почти безукоризненно. Тем более, что сама Мэри считала себя женщиной опытной, хитрой, если вообще, не мудрой. И в том простом факте, что большую часть жизни провела в своей школе и далеко не каждый год выезжала даже за границы графства, корнуоллка ничего существенного, значимого, и уж тем более, судьбоносного не находила, ощущая в себя силы и способности вести свою собственную

игру. Поэтому при встрече с Жаклин она ни взглядом, ни жестом не показала, что заподозрила неладное, а затаилась и приготовилась наблюдать.

В свою очередь Александр который, хоть и в некоторых вариациях, но всё это уже предвидел, решил серьёзно позаботиться о том, чтобы «училке было на что посмотреть».

Прогулявшись с Сулой и подождав, пока Жак как подобает, встретит гостью из Корнуолла, он вернулся с улицы и сразу же по-хозяйски прошёл в ванную, где с успехом вымыл собаке лапы. От такого рода перформанса Мэри буквально застыла соляным столбом в дверях гостиной. Жаклин с Паломой в этот момент о чём-то тихонько разговаривали за рабочим столом мистера Рочестера.

Управившись с собакой, студент, всё так же по-хозяйски, обогнул телом «соляной столб» и проследовал в кабинет.

Там он в какой-то особой деревенской неотёсанной манере прервал собеседниц и попросил свои заслуженные бифштексы. После того как парень, таким не свойственным ему способом, обозначил свои пищевые притязания, пришла очередь опешить уже Жаклин, поскольку в данной ситуации она понимала ненамного больше своей золовки. Но тем не менее даже с выражением лица: «Что, чёрт побери, всё это означает?» всё-таки послушно прошла на кухню и выставила перед «голодающим» блюдо с кусками поджаренного, пахнущего специями и ещё горячего мяса.

А после того как этот «неприхотливый» студент попросил к блюду именно белый перец и обязательно горошком, и не иначе как в перечнице-мельнице, а также сконы и всенепременно с тмином, к девушке пришло прозрение. Она плотно сжала губы в тонкую линию и все силы бросила на борьбу с изрядным желанием стоявшее перед Алексом блюдо надеть ему на голову, а самого «актёра» вытолкать взапой из квартиры со словами: «Встретимся на Оскаре!».

Жаклин видела, что он совершенно не осознаёт всей опасности положения и просто издевается над Мэри, которая, кстати, хоть и отмерла, всё-таки начала несмело передвигаться по квартире, но всё больше вслед за Алексом и с неким налётом оторопи и любопытства на лице. Наблюдая за всем этим, Жаклин, конечно, попыталась достучаться до шотландского чувства самосохранения обрывками фраз сквозь зубы и уничтожающим взглядом, но верный сын этого сурового северного народа ответил только лишь усилением звука работы челюстей, а бесенята в его глазах — танцами с бубном и бутылками кетчупа вокруг барашка на вертеле.

Съев все бифштексы в доме, и забрав все материалы, которые собрала Жаклин для Паломы, студенты откланялись и отбыли. Хозяйка наконец-то облегчённо выдохнула и мысленно перекрестилась. Пяткой.

В принципе, и сама Мэри пробыла у Чарльза с Жак совсем недолго. Она только лишь похвасталась улучшениями самочувствия, обсудила с невесткой результаты посещения кардионевролога и договорилась о визите к офтальмологу в феврале. Дождавшись с работы брата, сестра передала ему привет от общих знакомых из Корнуолла и выслушала весьма распространённый рассказ об успехах со статьями во Франции. Ей даже не составило труда отодвинуть на задворки сознания свежеподслушанный разговор, чему в достаточной степени способствовало радостное настроение её невестки. Кстати, оно, в свою очередь, тоже объяснялось довольно прозаично — пребывание в квартире одновременно и Мэри, и Алекса не привело даже к Мировой революции, не говоря уже о звёздных войнах, и прошло, можно сказать, почти без потерь, если не считать увесистого клубка хозяйских нервов.

Проводив вместе Мэри у входных дверей, мистер и миссис Рочестер тут же разошлись каждый по своим делам, не сказав друг другу ни слова.

* * *

В воздухе витало напряжение. Напряжение перемен. Жаклин казалось, что она может потрогать его кончиками пальцев, разрезать ножом как агар-агар, раздвинуть руками, словно густорастущие водоросли в воде. Но, к сожалению, это всё, что она «могла». Всё остальное девушка оставалась «должна». Должна набраться терпения, должна усиленно думать над каждым своим шагом, должна верить в Алекса и в его любовь, как бы пафосно это не звучало. И ещё многое-многое другое.

Двадцать второго января, в среду, Скаут переехала по своему новому адресу, и хоть Александр просил её не рассказывать об этом Кирку, всё-таки позвонила мистеру Бикстеру и предупредила, что с помощью его племянника сменила место жительства.

Жаклин, сидя у себя в кабинете на приёме, с замиранием сердца спросила по телефону у юноши о реакции Кирка на эту новость и, узнав о полном её отсутствии — дядя не перезвонил парню, не поднял тему и не запросил подробностей — совсем упала духом. Это был плохой знак, который возвёл напряжение вокруг девушки в энную степень.

Александра реакция его патрона не сказать, чтобы прям совсем разочаровала, но, тем не менее, немного охладила. То, что Кирк сразу же не позвонил и не прояснил ситуацию, могло означать, как то, что он беспрецедентно занят, так и то, что ему факт такой успешности и самостоятельности племянника в «деле переселения народов» архи не понравился.

Поэтому, уже не ожидая от дяди никакого одобрения и уж тем более, поощрения, племянник на следующий же день, после того как Скаут освободила квартиру, собрал свои нехитрые пожитки и поспешил переехать. О чём обрадовано сообщил Жак по телефону, когда она перед сном выгуливала Сулу.

А вот следующим вечером, в четверг, во время прогулки хозяйки со своей хулиганкой, парень с девушкой по телефону серьёзно и в подробностях обговорили совместную поездку в «СОСООN».

Доктор Рочестер пожаловалась, что ей не дали на завтра выходной, как она просила, но всё-таки пошли на некоторые уступки и вместо «суток» поставили опять приём больных с восьми до шести. Поэтому ехать на вечеринку ей придётся прямо с работы и в обычной одежде. Так сказать, с борозды на именины.

Александр на это тут же вызвался разделить её участь и даже предложил выбрать тот наряд, в котором она предпочла бы видеть его в клубе. Одежда, в которой он ходит на занятия в колледж, спортивный костюм от фирмы «Nike» для футбола или боксёрская форма, включая перчатки. И добавил, что отнюдь не шутит и вполне способен прийти на вечеринку в атласных боксёрах. Красных.

Жаклин с хохотом и благодарностью приняла его жертву, выбрав одеяние для колледжа, как наиболее демократичное и попутно заметила, что лондонская арт-тусовка всегда славилась сдержанностью и нарочитой небрежностью внешнего вида. Парень также поинтересовался: как она планирует объясняться с Чарльзом, на что девушка ответила, что вообще не собирается этого делать — они с супругом не общаются.

Муж с женой действительно не разговаривали, да и вообще, в принципе, редко виделись. Жаклин одновременно и боялась, что Чарльз что-то предпримет, какую-нибудь попытку помириться, и ей придётся выкручиваться, и тут же ужасалась своим двум годам жизни с человеком, с которым жена перестала разговаривать без объяснения причин, а он не

нашёл ничего лучшего, как в ответ сделать то же самое.

* * *

На следующий день у себя на приеме в больнице доктор Рочестер поменяла негативное отношение к работе на позитивное, ибо поняла, что если бы не занятость с пациентами, то к вечеру накрутила бы себя до крайности и до упора раздраконила бы себе нервы.

Проснувшись Жаклин с ощущениями спортсмена перед олимпийскими стартами, к которым он готовился не один год. Когда пила кофе и выгуливала Сулу, Чарльз ещё спал у себя наверху. Не желая подниматься к нему на второй этаж и искать нечто более-менее праздничное из своего гардероба, девушка надела обычные будничные джинсы, чёрный свитерок с треугольным вырезом и оставила на шее короткую платиновую цепочку. Она уже давно хотела куда-нибудь «прогулять» жемчужное ожерелье, но пока что-то не получалось.

Таким образом, вечером, в десять минут седьмого Жаклин уже спешила к тёмно-коричневой Q7, стоявшей в начале Churchill Street, как они с Алексом и договаривались.

Сегодня погода удивила всех: градусы опустились заметно ниже нуля. Трава покрылась инеем, от дыхания прохожих и выхлопных труб автомобилей валил густой пар, что по меркам Британских островов являлось чуть ли не природной аномалией. От транспортного коллапса и подобных ему последствий капризов погоды и её «забегов в ширину» жителей спасло только безоблачное, ясное небо. Как известно, именно снег или, что ещё хуже, ледяной дождь у здешнего климата ходят в фаворитах в деле испытания людей на прочность и демонстрации, кто на самом деле «в доме хозяин».

Направляясь к знакомой машине и вглядываясь в отсвечивающее лобовое стекло, да ещё и отвлечённая проехавшим мимо громким мотоциклистом, девушка, тем не менее, уже поняла, что её ждёт нечто интересное. Поэтому подходила к пассажирскому месту в предвкушении.

И точно: распахнув дверцу, Жаклин взглянула на Алекса и застыла. Таким она его ещё не видела.

Парень сидел в кипенно-белой сорочке с длинными рукавами на широких манжетах, которые застёгивались на три пуговицы и выгодно оформляли его изящные крепкие запястья. Красивым породистым мужским рукам Алекса, будто мало оказалось украшения в виде руля дорогой мощной машины, так на правую он нацепил ещё и, уже знакомые Жаклин, часы тонкого корпуса, чёрной масти и шведских кровей. Сорочка сидела на юноше почти как влитая и пикантно, если не сказать сексуально, облегал его стройное тренированное тело. На груди рубашка даже разошлась в одном месте между пуговиц, которые, кстати, оказались застёгнуты все до единой, поскольку из-под воротника спускался узенький тоненький чёрный галстук, увенчанный маленьким аккуратным узлом.

Чуть замерев и оторопев от такого вида, Жаклин всё-таки залезла в автомобиль и, взглянув через разделительный бардачок, увидела, что на красавце ещё и узенькие чёрные классические брючки и довольно неплохого качества. На голове отросшие золотисто-пепельные вихры были небрежно зачёсаны назад, скорее всего, пятернёй.

Сам хозяин всего этого стиля и классики ехидно ухмылялся, довольный тем, что произвёл впечатление.

— Ты же только что после воспаления! — громко возмутилась доктор Рочестер. — Ты не успокоишься, пока тебе что-нибудь не вырежут?

«Стиляга» опешил. Его лицо вытянулось, и он моргнул. Один раз.

— У меня в машине пиджак и дублёнка. И тебе вечер добрый, Сасенак.

В общем, у юноши сегодня было прекрасное настроение, и он даже не собирался этого скрывать.

Поэтому только лишь Жаклин удобно уселась в пассажирском кресле, наблюдавший за ней студент, для начала замерев, как перед прыжком, ринулся на девушку со звуком: «Р-р-р», сгрёб в охапку и нешуточно стиснул в объятьях. После чего притянул её голову к себе за затылок, найдя губами её губы, внедрил пальцами в эти мягкие пушистые «пружинки» и принялся лакомиться сочным, сильным поцелуем. Против такого Жаклин даже и не пыталась возражать.

Только лишь почувствовав его родной запах, традиционно не разбавленный, по словам юноши «этой вонью» — туалетной водой, (в этом Александр оказался настоящим аскетом), и ощутив желанные, любимые руки и губы, Жаклин, как по взмаху волшебной палочки, стала другой. Её просто сменили, будто слайд в проекторе. Вот, только что, в машину села ещё доктор Рочестер, и вот на пассажирском месте сидит влюблённая, словно кошка, мягкая и податливая девушка Жаклин. По уже сложившейся традиции, волнения на счёт предстоящей встречи с Кирком лопнули, как мыльный пузырь. Александр продолжал оставаться «человеком с зонтом» и моментально убирал все её раздражители и тревоги. Жаклин расслабилась.

Всю дорогу разговор шёл о квартире. Будущая хозяйка расспрашивала о батареях отопления, температуре в комнатах, мебели, старого ли образца плита на кухне или нового и сколько в ней конфорок, где расположена духовка: под плитой или где-нибудь ещё (на это вопрос, кстати, Александр не ответил). А также поинтересовалась на счёт соседей, с которыми новый квартирант уже успел увидеться. Крупные ли у них собаки или не очень, и есть ли кошки.

Девушка волновалась, насколько проблематичными теперь станут прогулки с Сулой. Та хоть и начала уже своё медленное превращение в культурное, взрослое, умное животное, но вполне ещё могла тряхнуть стариной и устроить себе «праздник непослушания». Что же касается кошек, то тут Жаклин с самого начала предупреждали все и даже сама Зои: фараоновы собаки вне зависимости от возраста, пола, окраса, темперамента, типа питания и способа дрессировки, кошек не переносят на дух категорически. И этого уже не изменить.

«Смирись», — сказала тогда Зои и улыбнулась.

Так за разговорами и выполнением команд девушки-робота, к услугам которой им опять пришлось прибегнуть, они въехали в столицу.

Город встретил их привычной картинкой вечернего пятничного Лондона: горящие огни улиц, толпы жителей, спешащих с работы домой, вереницы машин, тоже возвращающихся в свои дворы и гаражи, и между всем этим шмыгающие туда-сюда велосипедисты. Люди входили и выходили с пакетами из ярко освещённых магазинов, хлопали двери подъездов, зажигались окна квартир. Но самые счастливые уже сидели в пабах, а кандидаты в эту категорию стояли кучками в очередях возле заветных дверей.

Подъехав к ночному клубу «СОСОООН» на Fitzroy Street, района Fitzrovia опоздавшие обнаружили, что парковка возле этого небольшого четырёхэтажного здания, практически полностью забита.

Поскольку Жаклин достаточно хорошо знала здешние места, то внесла предложение оставить машину неподалеку, возле одного из многочисленных скверов Британского музея. Александр его, конечно же, не колеблясь, отверг, ибо в планы парня не входило «потом пешком переться в такую даль» и пристроил «свою красавицу» здесь же, только на самом-

самом углу поворота на Grafton Way, почти на тротуаре возле железного кованого ограждения Fitzroy Square Garden.

Чтобы такой «танк», как его Q7 не торчал задом на дороге, парень загнал его прямо под сень высокой лиственницы, раскидавшей свои ветви по периметру сквера.

Правда, когда он попытался вылезти из машины в одной рубашке, Жаклин сама потянулась за его пиджаком, висевшим над задней дверцей, и сказала, что, если он сейчас же его не наденет, она никуда не пойдёт, а наймёт такси и уедет назад в Оксфорд.

Протянув своё фирменное: «Ну, начина-а-а-ется!» юноша послушался.

И даже пошёл дальше — после выхода на улицу накинул на плечи коричневую дублёнку. Доктор Рочестер, недавно получив такой мощный удар по профессионализму в виде своего любимого пациента на больничной койке, сейчас почувствовала почти сатисфакцию.

В принципе, клуб «СОСОООН» предстал перед ними таким же, каким его и запомнил: уроженка Лондона — типичная постройка Британских островов, но с явственной обработкой и доработкой современными дизайнерами.

Почему они отказались от стилизации именно под сам кокон неизвестно, но зато ощущение уюта и камерности заведения им удалось передать мастерски. Чего стоила одна только, сооруженная над банальным английским крыльцом и ещё более банальной мощной деревянной крашеной дверью с традиционным дверным молотком, арка из растущих по бокам, вечнозелёных туй. Такие же туйи каким-то волшебным образом вились и вокруг опорных столбов ограждения, на каждый из которых водрузили по круглому плафону матового жёлтого света. Окна с рамами, стилизованными под плитку шоколада, венчала лепнина в стиле ампир — такие низкие равнобедренные треугольники, а внизу на французских подставках для цветов, кое-где виднелись неприхотливые фиалки, сейчас, к сожалению, подмёрзшие. Изнутри заведения, с подоконников, лился плавкий, слабый, тёплый свет электрических свечей, что делало картинку в целом необычайно уютной и домашней. Почти сказочной.

— Вообще-то здесь вход только по членским карточкам, — Александр вёл девушку к дверям, положив руку ей сзади на поясницу. — Но в такие дни Кэм выдаёт ещё и пригласительные. Потом поймёшь почему, — он заговорчески улыбнулся.

— Потом? Что-то планируется?

— А как же! Кэм открыл магазин. Он долго к этому шёл и банальный а-ля фуршет не потерпит. Но нам нужно поторопиться.

В этот раз на входе стояли две милые девушки, которые, увидев Алекса, в первый же момент чуть не послали ко всем чертям весь свой профессионализм и борьбу с безработицей. Но к счастью, старый добрый покер фейс парня спас их от этого опрометчивого шага. Красавец протянул смутившимся контролёрам пригласительный и, даже не взяв обратно «жетон присутствия» — в заведении Кэмерона Прайса присутствие Александра МакЛарена в подтверждении не нуждается — прошёл с Жаклин сразу к гардеробу.

Внутри клуб полностью подтвердил свой фасад — уют и комфорт как они есть. Первое, что бросилось девушке в глаза в комнате размером футов четыреста на сто, может быть, сто пятьдесят — это стены. Их отделали какими-то замысловатыми, причудливыми панелями из полосок толстой верёвки бордового цвета. И если это была отсылка к кокону, то в случае с Жаклин, она не сработала, поскольку девушка понятия не имела, как выглядит кокон

изнутри. Ей это напомнило, скорее, поверхность клубка пряжи. Именно таким образом на них наматывают нить, укладывая каждый последующий виток рядом с предыдущим.

«Клубочные» панели чередовались с панелями во французском стиле рококо, обклеенные атласной тканью жаккардового рисунка с изысканными бра, в которых горели такие же электрические свечи, как и на подоконниках. С потолка свет лился из-под неглубоких английских абажуров, обтянутых тканью «французских» панелей и по краю — с бахромой из верёвки «клубочковых».

Вообще, именно освещение многократно усиливало в помещении атмосферу уюта и домашнего комфорта. Полы в залах, которых, кстати, оказалось два, устлали грубыми досками, мебель — только мягкая. По диванам и креслам валялись однотонные пледы и мягкие подушки.

Но самое интересное, что впечатлило Жаклин среди всего этого креатива — это рояль. Мягкого, тёплого, приятного глазу цвета молочных ирисок он стоял в торце первой комнаты на овальном красивом ковре такого же оттенка и притягивал к себе взор, словно магнит канцелярские кнопки.

Увидев это роскошество здесь, девушка тут же вспомнила слова Алекса о том, что Кэм талантливо играет джаз и безоговорочно в это поверила. Именно сейчас. Ей даже показалось, что она уже слышит звуки этой музыки. Это был один из тех инструментов, которые и делают с любовью, и выбирают с любовью, и играют на них тоже с любовью.

«Боже, он прекрасен». — Порода и качество просматривалось в каждой линии, в каждой поверхности. Жаклин подумала, что не выйдет за дверь и вообще, не уйдёт отсюда, пока не услышит, как он звучит.

Но, безусловно, именно он был бы признанным гвоздём программы в этой комнате, которая по сути являлась музыкальным салоном, если бы не его владелец. Кроме диванов, кресел, пледов и подушек, между двумя дверьми в боковой стене, одна из которых была открыта и вела в бар, над рабочим, мерцающим камином, висел портрет хозяина заведения. Во весь рост и в смокинге. Именно эта картина и расставляла здесь все точки над «i».

Проходя за руку с парнем мимо этого шедевра, Жаклин невольно замедлила шаг и, в восхищении покачав головой, выдохнула:

— Краса-а-авец. — И тут же почувствовала, как напрягся красавец рядом. Кривоватая, чуть надменная улыбка поползла вправо. Юноша дёрнул болтушку к себе за руку и в следующее мгновение крепко обнял этой же рукой, после чего, наклонившись к её личику, слегка пососал нижнюю губку. Видимо, отъезды из ночных клубов со всякими там Кэмеронами не проходят бесследно для молодых шотландских гормонов. Но сами того не ожидая, они оба одновременно посмотрели на картину и почувствовали, как Кэм, будто благословляет их оттуда.

«Остался только Кирк», — вздохнула про себя девушка.

Но, как бы там ни было, публика вокруг не проявила абсолютно никакой реакции на столь знаменательное и занимательное для пары событие.

Кстати, как и предсказывала Жаклин, народ пожаловал в очень разном и довольно креативном одеянии. Судя по всему, даже бомжстайл здесь не объявляли вне закона и дресс кода. Доктор Рочестер в своей повседневной одежде в этой толпе выглядела примерно так же, как смотрелась бы отличница Палома, если бы её каким-то ветром занесло на бал хиппи. Что уж говорить о Александре. Он выделялся в своём классическом костюме, как, допустим, принц Уэльский в одном из беднейших районов Ист-Энда шестнадцатого века.

Хотя, в принципе, по поведению публика ничем от обычного контингента ночных клубов не отличалась — люди стояли группками, что-то обсуждали, кто-то перемещался от одной компании к другой, кто-то целенаправленно пробирался в бар. Жаклин заметила одну уже довольно немолодую даму в весьма интересном платье, очень хорошо стилизованном под женские одеяния коренного населения Америки. Даже по низу была пущена бахрома, наверное, какого-то натурального ворса, а орнаменты отличались не идеальностью, угловатостью и натуралистичностью. Как и положено, с бокалом в руках, дама находилась в компании двух молоденьких девушек и седовласого джентльмена с тростью. Все четверо обсуждали, видимо, что-то исключительно важное и интересное — на лицах четвёрки, в сумме, присутствовал чуть ли не весь спектр человеческих эмоций, но всё это, разумеется, сквозь английскую сдержанность.

В одном из углов комнаты стояли стул и кресло. На стуле лежало нечто непонятное, какая-то средних размеров шайба не то шерсти, не то меха классического рыжего цвета.

Идентифицировать в этой «шайбе» кота Жаклин помогло только априорное ожидание и одно торчащее оттуда кошачье ухо. Второго не просматривалось. А вот в соседнем кресле свернулся клубком вполне себе такой конкретный индивид этого когтистого семейства. Отсутствие загадки в его внешнем виде объяснялось тем, что в отличии от своего собрата на стуле, этот был гладкошерстным. Ну, почти. Оба не проявляли ни малейшего интереса к происходящему вокруг и, судя по всему, привыкли рассчитывать на взаимность. Или даже на ней настаивать.

— Это Зи и Константин, — проследив за взглядом Жаклин, пояснил Алекс.

— Откуда ты их знаешь? Ты ведь здесь никогда не был, — удивилась та.

— Я видел Константина дома у Кэмерона. Кирк несколько раз брал меня к нему. Кэм тоже не очень правильный англичанин. Ты не большая любительница старины, а он не большой любитель собак. Он любит кошек.

— Вот как?

— Да. У него дома жил Константин, но потом там вышла какая-то история... — Александр почесал висок. — Кэм не следил за ним, и соседям приходилось постоянно отгонять эту рыжую лохматую сволочь от своей кошечки. — Жаклин улыбнулась. — Она им там то ли два, то ли три раза принесла выводки рыжих котят.

— Какая прелесть! — не выдержала девушка.

— Да уж, — Александр хмыкнул.

— Ну. Ну, и что дальше?

— Они потребовали от Прайса, чтобы он следил за своим самцом, и вручили ещё и котёнка, которого никто не брал. Кэм его назвал Зи и обоих перевёл сюда. Иногда он говорит, что это Роберт и Роберт Дауни-младший, — Александр улыбнулся.

— И ему разрешили их сюда перевести?

— Разумеется, нет. Но он выкрутился: завёл здесь мышей.

— Мышей? Здесь?! — Жаклин в ужасе округлила глаза и покосилась на пол.

— Да. Мышей. Купил в зоомагазине и выпустил здесь мышей, после пригласил санитарную службу их вытравить, — Александр замолчал, явно дразня свою спутницу и трусику по совместительству.

— Н-н-ну... — та действительно замерла в ожидании разрешения ситуации.

— И они вытравили. И тогда он опять завёл мышей, — парень опять замолчал, улыбаясь.

— Александр! — гаркнула Жаклин, делая руками движение, будто желает схватить юношу за грудки.

— И их опять вытравили. А потом он кому-то там, в комиссии по надзору за животными намекнул, что, кажется, видел у себя в клубе крысиную нору, и ему выписали разрешение на перевод кошек сюда, на этот адрес.

— Bravo! — девушка пару раз хлопнула в ладоши.

Александр развёл руки в стороны.

— Это Кэмерон Прайс.

— А они кастрированы? — ни с того ни с сего спросила Жаклин.

Парень вмиг стал серьёзным.

— Хм-м-м, — почесал он кончик носа, — не думаю, что слово «кастрация» вообще присутствует в лексиконе Прайса.

— М-да, ты прав, — Жаклин смущённо улыбнулась. — Если что, он всегда сумеет договориться и выкрутиться, — тут же нашлась девушка.

— Даже не сомневайся, — юноша тоже улыбнулся, взял её за руку, и они двинулись дальше в следующую комнату, откуда всё это время доносилась музыка.

Вторая зала отличалась от первой только лишь тем, что это уже не был музыкальный салон, а скорее, музыкальная площадка. В торце, на сцене, играла группа из четырёх человек одетых примерно таким же образом, как и публика. Создавалось ощущение, что сами зрители заняли места за инструментами и, вероятно, это не так уж расходилось с истиной. Невысокого роста щупленький певец несмотря на свои скромные габариты, довольно сильным, хорошо поставленным голосом исполнял нечто очень сильно напомнившее Жаклин британцев из группы «Blue». Несколько человек вытанцовывали непосредственно перед сценой. Людей, кстати, присутствовало не очень много. Отнюдь. Девушке, повидавшей на своём студенческом веку немало переполненных лондонских пабов, показалось, что сейчас она в каком-то уютном домашнем санатории.

Александр подхватил лёгкую Жаклин за талию и практически поднёс к сцене, в самый центр танцевальной площадки. Она, засмеявшись, схватилась за его шею. Почувствовав, что она крепко держится, Алекс так крутанулся вместе с ней вокруг своей оси, что её оторванные от пола ноги взлетели в воздухе.

Пара принялась танцевать, а больше — дурачиться. У Жаклин конечности и «пружинки» болтыхались в пространстве, она хохотала как ненормальная, поскольку плохо ощущала себя, не чувствовала пол и от этого жутко терялась и смешно пугалась. Юноша, играясь с девушкой как с живой игрушкой почти всю песню, довёл её до состояния полуобморока. Она буквально обессилела от страха и хохота. Их уже рассматривали в упор, но и Александр, и Жаклин с радостью замечали, что вызывают взгляды полные любования и одобрения, но никак не осуждения и раздражения.

— Спасибо за танец, — разгорячённый Александр чмокнул в губки свою гуттаперчевую партнёршу, когда песня закончилась.

— Если это танец, то что, по-твоему, воздушная акробатика, — в ответ она потянулась и поцеловала его в щёку.

А в это время на сцену из зрительного зала поднялся какой-то парень. Высокий худощавый в широких шерстяных штанах в крупную клетку, он взял у дальней стены гитару и перекинул её ремень через плечо. И теперь уже впятером музыканты заиграли композицию Карлоса Сантаны и Эверласта.

Услышав первые аккорды, Александр посмотрела на Жаклин вполне конкретным взглядом. Да и не взгляд это был вовсе, а вполне себе такое смелое, неприкрытое сексуальное домогательство. Наглое и откровенное.

Юноша, не отрывая от девушки глаз, одним небрежным движением стряхнул с плеч пиджак и бросил его на близстоящее кресло. После чего, улыбнувшись, опять вернулся к партнёрше и властным, собственническим даже, может быть, излишне картинным захватом, притянул её к себе. Та распахнула глаза в каком-то детском, наивном и наигранном испуге, после чего тоже улыбнулась. Александр наклонился к её лицу и легко чмокнул в губки. Но задвигавшись под музыку, о веселье они как-то сразу же забыли. Прижавшись к Жаклин всем телом, юноша наклонил голову к ней за плечо и, пальцами отодвинув волосы, поцеловал в шею. Долго. Даже неприлично долго. И всё. Жаклин этого хватило. Она буквально вжалась лицом в его рубашку на груди.

«Мой! Никому не отдам! — девушка глубоко и часто задышала. — Мой самый любимый, самый лучший человек на Земле! Люблю! Боже мой, как же я тебя люблю, мой милый, красивый единственный мальчик! Мой!»

А Александр, зарываясь носом ей в шею, уже буквально спрятал девушку в своих объятьях и от такта к такту всё сильнее стискивал в руках её маленькое щуплое тельце.

И вот после того как он забрался ладонями сзади ей под свитерок и, сложив руки крест-накрест, сжал в кистях её голую талию сразу выше пояса джинсов, они в танце развернулись так, что Жаклин, будучи повернутой лицом к входу, увидела в дверном проёме Кирка.

Мужчина стоял, замерев. Буквально застыв. К сожалению, девушка не могла достаточно хорошо рассмотреть выражения его лица, но этот окаменевший силуэт уже сказал ей о многом. А в это время ничего не подозревающий юноша провёл носом вдоль её шеи и продублировал этот же путь влажным языком. Жаклин специально сильнее откинула голову, облегчая парню доступ, и сквозь опущенные веки, как замороженная, следила за Киоком.

Даже в таком полумраке мужчина уловил её взгляд и то ли не захотев играть с ней в гляделки, то ли сочтя, что увидел достаточно, то ли ему было просто некогда, но мистер Бикстер, не потревожив влюблённых, развернулся и вышел.

«Интересно, что сейчас будет? На что он решится?» — Жаклин со страху автоматически вжалась в Алекса, и тот обнял её за плечи и, наклонившись, поцеловал в кончик носа.

Музыка закончилась довольно быстро и, к удивлению публики, музыканты, не говоря ни слова, начали дружно снимать через головы ремни гитар и отключать аппаратуру.

Но эта зависшая неловкость длилась совсем недолго — из первой комнаты послышались тихие, несмелые звуки рояля.

Это были пробные наигрыши, разминка, но даже с первых аккордов чувствовалась уверенная рука мастера. Публика плавно, медленно, не спеша, как и подобает интеллектуальной и творческой тусовке, двинулась на звук.

За роялем сидел Кэмерон. В белых брюках, чёрно-синей рубашке в изящную тонкую светло-жёлтую полоску и в такого же цвета бабочке он выглядел даже лучше, чем на портрете в смокинге. Жаклин всегда знала, что мужчина и рояль — это очень сексуально. Но вот рояль и Кэмерон Прайс — это было что-то уже сверх её скромных возможностей.

Позу музыкант имел соответствующую той мелодии, которую наигрывал: расслабленную, непринуждённую и, можно даже сказать, вальяжную. Зайдя с МакЛареном чуть вперёд, девушка заглянула в лицо исполнителю и невольно заулыбалась: в уголках его губ играла гордая ухмылка.

Мужчина, очевидно, доподлинно знал о том впечатлении, которое производит на мягкие пластичные женские сердца сногшибательный коктейль его вида за инструментом и его музыки. Но всё-таки глаз маэстро улыбка почти не коснулась. Что Жаклин натолкнуло на мысли об очень серьёзном его отношении к тому, что он играет, и на чём он это делает.

Исполнив вводную композицию и обеспечив себе этой приятной располагающей мелодией внимание публики, Прайс ударил джаз.

Услышав заигрывающие, интригующие аккорды джаза, Жаклин очень пожалела, что совершенно не разбирается в этом музыкальном стиле и понятия не имеет, что сейчас звучит, но музыка ей очень понравилась и даже показалась где-то знакомой. Да иначе и быть не могло, потому как джазмен исполнял знаменитейшую «Жажду» одного из основоположников классического джаза Джелли Ролла Мортонна.

Девушка заметила, как некоторые слушатели начали притопывать, кивать в такт головами и двигать плечами. Но и эта мелодия тоже подошла к концу. Взяв последние аккорды, Кэмерон, как и подобает уважающему себя пианисту, сначала опустил руки на колени и только потом, уже под бурные, громкие овации поднялся со стула, и встал рядом с инструментом, положив на него ладонь. Видя, что овации не стихают, он сделал шаг навстречу публике и, сцепив руки в замок, поклонился именно в такой манере.

Жаклин пришло на ум, что так делают, кажется, дирижёры, держа в руках свои заветные палочки. Когда Кэмерон выпрямился, аплодисменты пошли на убыль. Девушка углубилась немного в толпу, потащив за собой Алекса, ей хотелось иметь как можно больше людей в обзоре, так как не исключено, что среди них сумеет затесаться Кирк. О нём она не забывала ни на минуту.

— Добрый вечер, дамы и господа, — поздоровался хозяин заведения со своими гостями уже в полнейшей тишине. — Я рад приветствовать всех вас сегодня здесь, в нашем с вами маленьком и уютном доме, — мужчина распротёр объятая, а толпа опять заплодировала. — В «Коконе», друзья мои, — продолжил он, как только стало тише, — мы нашей маленькой, но дружной компанией праздновали много событий и дат, успехов и достижений, а иногда и просто собирались вместе, потому что очень любим друг друга и сильно соскучились, — оратор мелко-утвердительно закивал головой. — Но сегодня, друзья мои, я пригласил вас всех, чтобы отпраздновать с вами радость сбывшейся мечты. Да-да, вы не ослышались, сегодня мы празднуем мечту! Мою мечту! Я открыл магазин музыкальных инструментов.

«Интересно, какая роль отведена на этом вечере Кирку? Насколько я знаю, на инструментах он играть не умеет. И что же он здесь будет делать? Следить за нами с Алексом и всё?» — не отпускали девушку мысли о наблевшем под очередные аплодисменты.

— Ещё будучи маленьким мальчиком, — продолжал свою речь Прайс, — учеником музыкальной школы в Брикстоне, я мечтал знакомить людей с музыкой, с возможностями музыкальных инструментов, с их безгранично богатой гаммой звучания, органикой и разнообразием голосов. И вот моя мечта сбылась. — Кэмерон поднял руки вверх в торжественном, победоносном жесте. — Теперь я всё это могу. Могу рассказывать людям о том, насколько это тонкая и сложная вещь — музыкальный инструмент, до какой степени это продуманный и настроенный механизм, как он может оживать в человеческих руках и становиться живым организмом. Как с ним бывает иногда приятно поговорить, побеседовать, как многое на нём можно выразить и поведать.

Жаклин повела глазами по толпе и увидела свою старую знакомую — даму в платье коренного народа Америки. Та стояла теперь с ещё какой-то леди в зелёном. На лицах обеих отражалось буквально каждое слово оратора.

— И поэтому на радостях, друзья мои, я сегодня решил устроить аукцион, — публика, во главе с дамами, захлопала в ладоши. — Все вы были о нём предупреждены заранее, — не ожидая тишины, продолжил Прайс.

— Подержи, — шепнул Александр Жаклин и протянул ей свой пиджак, который после танцев надевать не стал. Она машинально прижала одежду к груди.

— Также вы знаете, что именно будет сегодня выставлено на торги, — продолжал тем временем Кэмерон. В этот момент двое парней-официантов внесли со стороны бара два гитарных корфа. Пока говорил хозяин, служащие устанавливали инструменты на напольные подставки, которые прихватили с собой и раскрывали футляры. — Два моих хороших друга, два знаменитых и успешных музыканта, что тоже немаловажно, Дуглас Пи и Нуно Беттанкур, все вы их отлично знаете и любите их творчество, их искусство, согласились выставить свои личные инструменты на торги, а деньги отдать на обустройство музыкального класса для слабослышащих детей в городе Тетфорде графства Норфолк.

— Жди меня здесь, — прошептал юноша. — Никуда не отходи. Это не очень долго, — слегка сжал он плечо девушки и, поцеловав в щёчку, начал пробираться по направлению к Кэмерону, на ходу расстёгивая пуговицы манжет и засучивая рукава своей белоснежной рубашки. Жаклин смотрела ему вслед, открыв рот.

— А проведёт сегодняшней аукцион один мой знакомый, — продолжал между тем Прайс, и в это момент в комнату всё те же официанты внесли невысокую трибуну. — Честно признаться, будь моя воля, я бы выставил на торги и его самого отдельным лотом, — Кэмерон показал рукой на Алекса, который уже стоял позади трибуны, — и уверен, женская половина аудитории порвала бы друг друга в клочья и изрядно раскошелилась за такое приобретение.

Александр в этот момент улыбнулся так, что слова мужчины тут же приобрели смысл. И немалый.

А сам Прайс, пошарив глазами по залу в поисках Жаклин, и, конечно, без такого ориентира рядом, как шестифутовый Александр, не найдя её, продолжил:

— Но с недавних пор он у нас помещён в частную коллекцию. Поэтому с торгов снят. Дамы и господа, встречаем — Александр МакЛарен! Прошу любить и жаловать! — Кэмерон вытянутой рукой указал на юношу.

Под бурные аплодисменты парень склонил голову в поклоне и, тут же выпрямившись, зачесал себе рукой волосы назад.

— Добрый вечер, дамы и господа, — сказал он в тон предыдущему краснослову, восходя на трибуну и поправляя рукой деревянный молоток аукциониста, который тоже уже принесли официанты. — Так получилось, что именно мне выпала честь провести сегодняшней аукцион, поэтому давайте приступим.

Жаклин застыла с отвисшей челюстью.

«Откуда?! — завопили её мозги. — Откуда в этом восемнадцатилетнем юноше столько... столько всего!».

Красивое лицо Алекса излучало доброжелательность, внутреннюю концентрацию, импозантность, небольшую долю самоиронии и самое главное — какую-то очаровательную простоту и контактность. Парень за шесть секунд и парой предложений целиком и

полностью овладел аудиторией.

«Шоумен! — воскликнула про себя девушка, всё сильнее прижимая к себе пиджак, владелец которого сейчас стоя за трибуной, с закатанными по локоть рукавами белой сорочки, в матовом свете английских абажуров и французских бра смотрелся почти нереальным, невозможным. — Таких не бывает», — подытожила влюблённая и на том успокоилась.

В то время, пока аукционист осваивал аудиторию, официанты внесли небольшой стол и приставили его боковым ребром к трибуне. После чего к нему в комплект пожаловали ещё и три стула. Как только парни отошли, к Кэмерону из двери бара вышли Кирк и какая-то женщина.

Мистер Бикстер остановился за ближайшим стулом к трибуне, а его спутница подошла к Кэмерону, и уже он подвёл её за локоть к центральному месту за столом, а сам встал за третьим ближайшим стулом к выходу. Жаклин на минуту забыла даже о Алексе и принялась во все глаза рассматривать незнакомку.

Во-первых, женщина сразу же чем-то ей понравилась. Было в ней что-то такое нормальное, располагающее. Вся её фигура, осанка, мимика внушали доверие и симпатию. А когда она в один из моментов полностью развернулась к публике, Жаклин поняла, что вновь прибывшая уже совсем не девушка, однако же это не мешает ей оставаться безоговорочной красавицей.

Природа подарила даме очень женственной округлости и правильных пропорций лицо, на котором буквально блистали, поскольку смотрели озорно и молодо, редкой лучистости небольшие синие глаза. Греческой формы соболиные брови вносили в её облик нотки мягкости и нежности. Небольшой аккуратный нос и довольно выразительный рот с одинакового размера и идеальной формы губами, что выдавало в женщине гармонично развитую личность, как бы подчёркивали избранность внешности и завершали образ. Женственность и изящество черт уравнивались коротким «ёжиком» чёрных волос, что указывало на наличие у незнакомки чувства меры, стиля или денег на грамотного талантливое стилиста. Возраст женщины угадывался с трудом, но она выглядела чуть старше Кирка и чуть младше Кэмерона. Приблизительно лет тридцать пять-тридцать шесть, не больше.

— Итак, в первую очередь, позвольте представить вам нашу комиссию, — показал Александр рукой на троицу, пока ещё стоявшую за стульями. — Ресторатор из Франции и по совместительству представитель одного из собственников наших сегодняшних лотов, мисс Матильда дэ Жюдальер Гаврош — усилил он голос на несколько децибелов, произнося имя женщины.

Незнакомка, а вернее, теперь уже Матильда, поклонилась. Кэмерон отодвинул ей стул, и она села по центру стола.

— Владелец этого уютного заведения и блестящий музыкант, в чём мы все имели удовольствие убедиться только что, — мистер Кэмерон Прайс, — произнёс аукционист, и обладатель всех этих «титолов» тот час поклонился, отодвинул стул и уселся, не забыв поцеловать руку мисс Гаврош. — Ну и наконец, владелец строительной фирмы, общества с ограниченной ответственностью «Дом Бикстер», представитель собственника одного из лотов — мистер Кирк Бикстер! — Кирк коротко кивнул и так же быстро сел за стол.

Жак использовала редкую возможность хорошенько его рассмотреть, не будучи замеченной, и просто пожирала мужчину глазами. Чёрная лохматая шевелюра волос,

довольно крупный рот, сейчас почему-то плотно сжатый, большие строгие светло-карие глаза с прямыми короткими ресницами, весьма и весьма красивые мужские руки с широкой пястью и крючковато отогнутым большим пальцем.

«Неужели же он такой неандерталец, каким был там, на Портовом лугу? Вот так взять и убить двоих людей? Сейчас? В двадцать первом веке? Как в каком-то примитивном средневековье? — рассматривая Кирка, рассуждала про себя девушка. — Нет. Не верю. Этого не может быть. Те времена, хвала небесам, уже давно прошли».

— У нас с вами два лота, — продолжил меж тем МакЛарен, — обе гитары — стратокастеры. Ещё их объединяет болтовое крепление грифов и старый чёрный стиль логотипа Фендер. В тысяча девятьсот восьмидесятом году его сменили. В остальном, эти два инструмента очень разные. Итак, я объявляю лот номер один, — ударил парень деревянным молоточком. — Прошу всех участвующих в торгах поднять вверх свои аукционные билеты, — опять повысил голос аукционист и после того как человек двадцать-двадцать пять подняли руки с большими красными листами бумаги с белыми цифрами на них, кивнул и сказал: — Прошу опустить, — и, не делая дополнительно вступления, продолжил: — Гитара, стратокастер Фендер, производство Мексики, ольховый корпус, полисандровый гриф, три сингловых звукоснимателя, трёхпозиционный переключатель, два положения тембра, сдвигающее тремоло-устройство. Приобретена Дугласом Пи в Италии и находилась в эксплуатации с тысяча девятьсот семьдесят шестого по настоящее время. Именно на ней он опробовал нео-фолк и играл свой знаменитый концерт в Нью-Касле. Начальная стоимость — две тысячи фунтов. Шаг на повышение и шаг на понижение — пятьдесят фунтов стерлингов. Что ж, поехали? — лучезарно улыбнулся юноша.

Начались торги. Жаклин простояла с открытым ртом почти всё то время, пока не ушла с молотка вторая гитара.

Александр так зазывно смотрел в толпу, так иронично шурился, когда предложения буксовали, так покровительственно и доброжелательно подбадривал улыбкой жаждущих приобрести инструменты, так уверенно стучал деревянным молоточком, так победоносно сжал кулак свободной руки, продав первую гитару за семь тысяч фунтов, что девушка и узнавала своего любимого шотландца и не узнавала, и знакомилась с ним заново, и заново влюблялась.

А ещё она им гордилась! Безусловно, он и раньше давал ей достаточно поводов к этому, но сейчас победоносное чувство выступило на самый первый план и заняло большую часть её души. Оно переполняло и возбуждало. Жаклин перевела глаза на Кирка. Кэмерон незаметно придвинулся к Матильде, и мистер Бикстер остался сидеть как-то обособленно. Девушке казалось, что он тоже гордится Алексом. Судя по его мимике, дядя чётко прислушивался к малейшим настроениям по ходу торгов и готов был в любую минуту прийти на помощь племяннику, поддержать, помочь.

Но это ни на йоту не уменьшило желание Жаклин выкинуть его из этой комнаты и заодно из жизни парня. Сейчас ей казалось, что она может легко и просто свернуть ему шею как цыплёнку, если он вздумает встать между ней и её любимым человеком. Разумеется, это был сиюминутный порыв, но в сотый раз по новой, убедившись в правильности своего выбора мужчины, пусть ему и только лишь восемнадцать, она, подкреплённая силой правды, силой своего чувства, готова была за СВОЁ свернуть горы. Но тут же испугалась, что от неё потребуют нечто другое.

Торги прошли весьма и весьма успешно. Обе гитары ушли с молотка за пятнадцать

тысяч фунтов стерлингов — музыкальный класс для слабослышащих детей в Норфолке получит хорошее подспорье.

Александр был рад, горд и светился как новая фунтовая монета. После торгов он, члены комиссии и новоявленные счастливые владельцы именитых инструментов собрались за столом для оформления бумаг и подписания чеков.

А Жаклин в это время решила потренироваться в дипломатии и попробовала наладить отношения с Зи и Константином. И, увы, безуспешно. На неё посмотрели, как на пустое место. Оба. И при попытке погладить или почесать за ушком, чуть ли не вслух послали за этими нежностями и фривольностями к «блохастым». Тем самым в наивысшей степени явственно дав понять, что к суровым лондонским котам руки лучше не протягивать, это совершенно ни к чему, да и вообще, страшнее кошки зверя нет.

Глава 46

Корнуольская моль

А вот что касается Кэмерона, то после некоторых последующих событий, он мог бы с этим утверждением даже поспорить.

— Кэм, она здесь, мать её фак! — Кирк подошёл сбоку к своему другу и процедил эту исчерпывающую, сногшибательную новость тихо сквозь зубы. Торги закончились, все бумаги были подписаны, во втором зале началась дискотека — всё чинно и благородно, как и полагается в достопочтенных элитных лондонских ночных клубах. При появлении мистера Бикстера, Кэмерон, мисс дэ Жюдальер Гаврош и ещё двое мужчин, Кирку совершенно не знакомых, тут же резко развернулись к нему.

— Кто «она»? — тревожно дёрнулся к приятелю Кэмерон. И у него на то были причины: рядом с ним стояла женщина, леди, которая в будущем обещала составить ему неплохую компанию во всех смыслах. Но вот вся беда заключалась в том, что и его бывшие дремали далеко не все, и какая-нибудь из них, прослышав о его триумфальном возвращении из Франции с украшенным левым боком одной из красивейших и успешнейших женщин Парижа, легко могла заявиться на такое мероприятие и подпортить ему реноме.

— Идём, — незаметно, по-конспиративному, дёрнул его за рукав Кирк. — Господа, я на пару минут украду у вас хозяина вечера, — обратился он к собеседникам своего друга.

— Милая, я быстро, — Кэмерон поцеловал руку Матильды, чуть поклонился мужчинам и пошёл за Кирком. — Кто здесь? Говори быстрее. Ван-Рэйс? — начал он уже на ходу змеиным шёпотом.

— Да пошёл ты со своими светскими львицами! Какая, к чертям собачим, Ван-Рэйс?! Здесь эта, — Кирк в раздражении и нетерпении, что не может вспомнить имя пожаловавшей гостьи, на ходу щелкнул пальцами. — А-а-а-ай, да не помню я! — в досаде эмоционально всплеснул он руками. — Я пьяный был!

— Кир, у тебя что, месячные? Чего ты так психуешь? — Кэм уже открывал дверь своего кабинета.

— Помнишь, мы ездили в больницу к Алексу и Жаклин нас там познакомила с сестрой своего мужа, такой... странной женщиной, — только лишь переступив дверь комнаты, Кирк устремился к окну и выглянул прямо через жалюзи. — Она там! — ткнул он пальцем в подоконник. — Иди сюда, — поманил он другой рукой друга.

Прайс устремился к нему.

— А-а-ха-ха, — даже слегка откинулся в хохоте мужчина, после того как выглянул в окно. — Так это же наше прелестное создание из прошлого! — он даже подпрыгнул, отходя от окна к своему столу, и потёр ладони от облегчения, как в последствии выяснилось, весьма преждевременного.

— Из какого прошлого? — лицо Кирка вытянулось.

— Ну, в смысле, я подумал, что она из восемнадцатого века. Не нашего времени человек, понимаешь?

— В принципе, да, понимаю, — Бикстер пожевал губы.

— Тебе про неё сказала охрана?

— Да.

— А почему они доложили тебе, а не мне?

— Эта, — Кирк дёрнул рукой в сторону окна, — требует Александра и Жаклин, поэтому они позвали именно меня, а не тебя.

— Так пусть её пропустят, в чём проблема?

— Кэм, ты тупой? Куда пропустят? Она увидит здесь моего племянника с этой... — Кирк сделал неопределённый жест рукой, — любовью всей его жизни и расскажет своему братцу, и тот выгонит из дому эту... медсестричку.

— Ну и что? — искренне удивился Кэмерон. — Пусть выгоняет. Я на ней женюсь!

— Очень смешно! Я сейчас обоссусь от смеха! — взъерепенился Бикстер и даже крутанулся на каблуках. — Если он её выгонит, эту влюблённую кошку от Алекса уже будет не отодрать! А я хочу его женить хорошо. Нор-маль-но! — по слогам произнёс Кирк, видимо, для большей доходчивости и сделал такое движение кистью у губ, будто вытаскивал пальцами изо рта разжеванную мысль. — Кэм, выручай. — Уронил он руки вдоль туловища.

— Не понял, — округлил глаза Прайс, складывая в стопочку какие-то бумаги на столе.

— Отвези куда-нибудь подальше это чудо, а! Пожалуйста! — взмолился его приятель.

— Ты ополоумел? Я сейчас здесь с Тильдой!

— Тильду я возьму на себя.

— Угу, — закивал Кэмерон головой. — Нашёл идиота. А не пойти бы тебе! Это я возьму Тильду на себя, а ты вези этого динозавра куда хочешь, — вскинул он вверх подбородок, как бы указывая им путь. — Да хоть в парк юрского периода!

— Да нельзя мне! — Кирк замахал руками так, будто отгонял ос. — Мне кровь из носу нужно поговорить с Алекс.

Тут в дверь постучали, и в кабинет буквально протиснулась Матильда.

— Извините, я не сильно помешаю? Я только лишь...

— Тильда, ты как раз вовремя! — кинулся к ней навстречу Кэмерон. — Скажи ему! — схватил он ладошку женщины и сжал её меж своих.

— Что сказать? — та даже слегка отстранилась в недоумении.

— Скажи ему, что ты меня никуда не отпускаешь.

— Тильда, видишь ли, я прошу этого придурка...

— Сам придурок, — тут же огрызнулся Кэмерон.

— Ну, хорошо, — в смирении опустил подбородок Кирк. — Видишь ли, тут один придурок просит другого придурка отвезти вон ту женщину, — он ткнул указательным пальцем, как бы ныряя им в окно и вниз, — штурмующую двери его ночного клуба куда-нибудь подальше, иначе она может здесь наделать много нехорошего. Поэтому я прошу её отвезти, — Бикстер схватился рукой за чуб, — да хоть на вокзал и посадить на поезд. Пусть катится в свой Плимут.

— Корнуолл, — ледяным тоном поправил его Прайс.

— Что? — сдвинул брови Кирк.

— Я сказал: Корнуолл. Жаклин, когда её представляла, сказала, что она из Корнуолла.

— Ну, вот видишь! — хлопнул в ладоши Бикстер. — Ты даже место её жительства запомнил, значит, тебе и ехать, пока её у входа не увидела полиция и не заинтересовалась этим делом.

— Кирк, не убивай меня такой логикой, я этого просто не переживу, — картинно закатил глаза хозяин ночного клуба.

— Кэмерон, помоги ему. Правда, отвези женщину на вокзал, — дипломатичным тоном

заговорила Матильда.

— Не хочу, — буркнул в ответ мужчина.

— А я хочу?! — взвился Кирк, — Думаешь, я хочу разруливать всё это с моим племянником? Ты не представляешь, какая это мука — воспитывать и наставлять, — сделал он страшные глаза и потряс раскрытыми кистями рук.

— Кэмерон, я подожду тебя здесь, — опять мягко сказала мисс Гаврош и улыбнулась.

— Тильда, милая...

— Кэм, что ты хочешь? — перебил их обоих Бикстер.

Прайс сначала заулыбался чеширским котиком, а потом полностью развернулся к другу и молча посмотрел ему в глаза.

Кирк тут же отрицательно закачал головой, словно не поверил своим ушам.

— Нет, — в бессилии выдохнул он.

— Тильда, пошли в зал, я что-нибудь ещё сыграю для тебя, — тут же развернулся к своей спутнице Прайс.

— Какой? — спросил Кирк уже у его затылка.

— Короткий, — ответил Кэмерон, не оборачиваясь.

— Да ты сдурел! Это вымогательство! За тот короткий палаш шестнадцатого века у меня на ней принц Гарри женится! — завопил мужчина.

Прайс развернулся к нему на каблуках.

— Я лучше, — сказал он ледяным тоном, не моргнув глазом. — И к тому же, меня больше знают в Лондоне.

* * *

Эта ночь выдалась по-настоящему ясной и холодной. А с влажностью Британских островов всякие здешние температуры ещё и умножались или делились на десять.

Мэри чувствовала себя не очень комфортно под дверью клуба «СОСООН», но отступить даже не думала. Она пришла сюда с конкретной целью, конкретней просто некуда. И решила, что уйдёт, только лишь добившись своего. И пусть этот нюня — её братец — и дальше зарывает голову в песок, делая вид, что у него всё нормально. Но она-то обманывать себя не позволит.

— Я долго буду ждать вашего хозяина? — почти выкрикнула она и разогнала рукой пар изо рта. — Позови его, слышишь? Я с тобой разговариваю, ты, истукан монолитный, — засовывая руки глубоко в карманы своей зимней плащевой куртки и притопывая на месте от холода, тем не менее, наступала она на охранника. — Я никуда отсюда всё равно не уйду, — вещала женщина на всю FitzroyStreet. — Я буду здесь ждать у двери или Алекса с Жаклин Рочестер, или владельца этого притона, — вынула она руку из кармана и указала пальцем на двери клуба.

В это самое мгновение они распахнулись, и на пороге показался Кэмерон Прайс в сером длинном, красивом и дорогом плаще на шерстяной подстёжке.

— А- а- а, — открыв рот, радостно протянула Мэри, — а-ха-ха, — она даже слегка засмеялась. — Ну, конечно! И как я могла не догадаться! Это Вы!

— И вам здравствуйте, мадам, — импозантно поклонился Прайс, приподнимая тремя пальцами над головой несуществующую шляпу. Другой рукой он уже вынимал из кармана плаща ключи. — Машину, — кинул он их охраннику.

— Слушаюсь, сэр, — громко отчеканил парнишка и, поймав брелоки на весу, бросился к стоянке. В этом клубе гаража не было, поэтому даже машина владельца стояла вместе со

всеми на парковке заведения.

— Да, мадам, это я.

— Разумеется! Как я могла не догадаться! Кто же ещё прикроет эту распутницу — мою невестушку с этим пакостником Александром.

— Мадам, выбирайте выражения, — посмотрел на неё мужчина из-под несуществующих очков.

— Я для Вас выберу выражения, можете даже не сомневаться, — погрозила ему пальцем Мэринэлл. — Я их так выберу! Вы мне потом до-о-о-олго будете доказывать, что не сводник и не сутенёр.

— Мадам! Я бы попросил Вас! — немного натянул интонации Кэмерон.

— Что? Что Вы бы попросили меня?

— Уж коль Вы находитесь у дверей моего заведения, могу я попросить Вас напомнить мне ваше имя, — спросил он уже более миролюбивым тоном.

Мэри задумалась. Естественно, этот мерзкий, низкопробный человечиска не стоил того, чтобы знать размер её ботинок, но она-то считала себя законопослушной гражданкой своей страны и опускаться до его плинтусного уровня не желала. Поэтому сочла его просьбу весьма законной и снизила до ответа.

— Мэринэлл Уитни. Но все зовут меня просто Мэри.

Кэмерон великодушно улыбнулся.

«Она понимает разумные доводы, — щёлкнуло у него в мозгах. — На этом можно сыграть».

— Я — не все, мадам. Я буду звать вас Нэлли, — опустил он подбородок в небольшом импозантном поклоне.

— Пф-ф-ф... — женщина медленно отвернула голову в сторону, желая скрыть, что индивидуальное обращение ей понравилось.

— Итак, Нэлли, могу я узнать цель вашего настойчивого желания видеть мою скромную персону? — Кэмерон поспешил отвести громы и молнии от Алекса и Жаклин.

В этот момент подъехал охранник на его Мерседесе и, остановив машину пассажирской дверцей аккуратно позади Мэри, вышел из авто и передал ключи хозяину.

— Спасибо, Алан, — весьма вежливо и по-свойски поблагодарил его Прайс. Это не ускользнуло от внимания претендентки в посетительницы его клуба.

«Надо же, — нехотя подумала она, — иногда ведь даже может быть человеком, если хочет».

Но вслух сказала совершенно другое.

— Мне ваша персона, достопочтенный сэр, в скромности которой, кстати, у меня имеются нешуточные сомнения, абсолютно безынтересна. Я хочу видеть Жаклин, которая, судя по всему, сегодня здесь, — ткнула она пальцем в стену здания клуба. — Развлекается с этим молокососом Александром.

— Что заставило Вас так думать?

— Это к делу не относится. Скажете, что их здесь нет? — ехидно вздёрнула брови Мэринэлл.

— Их здесь нет.

— Правда? А кто же тогда приехал на его машине сюда? — ткнула она тем же пальцем теперь уже в Q7, стоящую на углу в тени раскидистой лиственницы.

«Чёрт бы тебя подрал, — закрипел зубами Кэмерон. — Эх, и чего только не сделаешь

ради этого чудесного шотландского палаша шестнадцатого века».

— Разве? Это его машина? Уверяю Вас, мадам, Вы обознались.

— Да? Номер машины: джи, джи, пятьдесят четыре, а, эй, би. На ней он совсем недавно привозил свою однокурсницу к моей невестке для занятий.

— И что? А я на своей машине сегодня в обед возил руководителя департамента розничной торговли Великобритании и что из этого?

— Не заговаривайте мне зубы! — взвилась женщина. — Он здесь, и пока я его не увижу и не смогу убедиться, что он сюда не с моей невесткой приехал сегодня, потому как я только что звонила своему брату, и он пожаловался, что его жена очень сильно задерживается на работе, и ещё говорил, — Мэри запнулась, поняв, что потеряла мысль. — Короче, я никуда не уйду, — рубанула она ладонью в воздухе.

— Разумеется, не уйдёте. Вас увезут, — скептически сжал губы её собеседник.

— Увезут? Вот как? И кто же это, позвольте осведомиться? — скривилась в сарказме мисс Уитни.

— Или я, или полиция.

— Это угроза? — радостно заулыбалась Мэри. Было видно, что угрозы-то ей как раз на руку.

— Да Боже меня упаси, Вам угрожать, мадам. Вы член этого ночного клуба? — поднял брови мужчина. — Боюсь, что нет. У вас есть пригласительный именно на сегодняшний вечер? Боюсь, что тоже, нет.

— Ничего, я могу и здесь их подождать, — женщина опять засунула руки в карманы и, поёживаясь, подняла плечи.

— Само собой, можете, но это уже под вашу ответственность.

— Мою ответственность за что? — Мэри застыла.

— За то! На Вас уже начали обращать внимание из окон мои друзья и посетители. Ваше появление здесь порочит безукоризненную, кристальную репутацию моего заведения. Если Вы сейчас же отсюда не уберётесь, я вызову полицию. Вас арестуют за хулиганство и упекут на полгода в тюрьму в соответствии с законом Короны девяностого года, — не моргнув глазом, вменил женщине в вину Кэмерон футбольное хулиганство, как наиболее жестко караемое в Соединенном Королевстве. — А потом я предъявлю вам иск за моральный ущерб физическому лицу, и уж поскольку я по образованию юрист, мадам, то будьте уверены, Тарифную сетку компенсации вреда я выверну для Вас наизнанку! — довольно громко закончил свою речь Прайс.

Мэри даже не сразу нашлась, что ответить, и молчала. Но недолго.

— Да заявляйте на меня хоть в Гаагский суд, я всё равно никуда не поеду! — с места в карьер начала она таким же тоном, каким её собеседник только что закончил, и топнула ногой.

— Поедете, мадам, поедете, — надевал мужчина перчатки с выражением лица рубщика мяса на рынке. — Я отвезу Вас на вокзал, откуда Вы спокойно сможете уехать в свой Корнуолл, — Кэмерон подошёл к Мерседесу и открыл позади Мэри пассажирскую дверцу. — Прошу в машину.

Несостоявшаяся хулиганка замерла в позе человека, подошвы ботинок которого приклеили к асфальту, и Прайс решил придать ей ускорения.

— Сию секунду же села в машину, моль корнуолльская! — взревел он на всю улицу. Охранники заулыбались. — Ну! — сделал страшные глаза Кэмерон. У женщины отвисла

нижняя челюсть, но она не двигалась с места. Прайс чуть подождал, но всё-таки устало уронил голову на грудь и тут же медленно её поднял. — Вызывай полицию, — сказал он обречённым тоном, обращаясь к одному из охранников.

У Мэри от злости и обиды задрожал подбородок.

— Хам! — захлопнула она рот и гордо, но и вместе с тем как-то мужиковато, опустилась на переднее пассажирское сиденье роскошной машины.

— Вот и умница, — тихо сказал Кэмерон, исподлобья обглядывая окрестности на предмет резонанса от его, действительно, не самой красивой выходки и захлопывая дверцу за своей пассажиркой. Он только сейчас понял во что, на самом деле, ввязался.

«Если она откажется садиться в поезд, я повезу её хоть в Корнуолл. Отступить некуда — впереди этот бесподобный палаш шестнадцатого века. Он будет мой!» — у мужчины только что слюнки не потекли.

Глава 47

Разум и чувства

«Дай мне твоё сердце малышка, твоё тело малышка, эй. Дай мне твой хороший старый фанк, твой рок малышка, твою душу малышка, эй...» — пел канадец арабского происхождения Сирил Камар, больше известный в народе как «К-Маро», которого Жаклин — большая любительница рэпа, иногда слушала и даже любила.

В ночном клубе «СОСОООН» все протокольные мероприятия закончились, и началась обычная дискотека. Под такую заводную сексуальную музыку, Александр в своей беленькой сорочке с закатанными по локоть рукавами делал с Жаклин всё, что хотел. Ну, почти.

Она в его руках напоминала живую податливую куклу. Влюблённую и отзывчивую. Он, то приподнимал её и кружил в воздухе, то прижимал, то наоборот отталкивал и ловил на расстоянии руками, то хватал за талию, то за шею, то за плечи, несколько раз успел легко поцеловать. Но больше всего ему понравилось носом отодвигать треугольный вырез её свитерка и целовать там оголившуюся ключицу. Это было в духе его сегодняшнего настроения.

А тем временем толпа вокруг, уже успев хорошенько рассмотреть и запомнить своего аукциониста, с интересом наблюдала за ним и за той, которая смогла заполучить в свою «частную коллекцию» такой шедевр. Александр видел, что привлекает внимание, но стойко выдерживал одну и ту же манеру поведения, не начиная играть на публику, но и не зажимаясь от того, что его рассматривают и иногда даже откровенно любят. Он всё так же зарывался руками Жаклин в её «пружинки» на затылке и всё так же, прижимал девушку за ягодицы к своему паху.

— Святые угодники, я как представлю: ты в моей квартире и в моей постели, — шепнул парень ей прямо в ухо. — М-м... когда у тебя выходной? — продолжил он разговаривать, слыша, что песня начинает стихать.

— Двадцать седьмого, в понедельник.

— Ещё два дня и мы вместе?

— Ещё два дня, — закивала Жаклин и быстро-быстро заморгала. — Кстати, а где ты научился так лихо вести аукционы? — песня закончилась, и они остановились.

— Оу, малыш, ты меня ещё плохо знаешь, — промурлыкал Алекс. — Я многое умею, — он самодовольно скривил губы. — Очень многое. А аукционы я вёл ещё в школе. И толпа там была, кстати, гораздо больше чем здесь.

— И что же выставляли на торги у вас в школе? — наклонила девушка голову а-ля Сула.

— Дни прогулов, — начал отгибать пальцы юноша, — результаты тестов, индивидуальные работы школьников, места в экскурсионных поездках.

— И дорого это всё продавалось?

— Расплачивались не деньгами, а конфетами.

— Конфетами?

— Угу.

— В килограммах?

— В штуках. Как сейчас помню: пятьдесят конфет стоило прогулять один урок истории.

— И учителя на это соглашались? — уже заиграла следующая композиция, и Жаклин

начала двигаться и потихоньку пятиться задом вглубь танцпола.

— Конечно! Это же тоже благотворительный аукцион — все конфеты отправлялись в сиротские приюты и церковные благотворительные обеды для бродяг, — Александр мелкими шапками последовал за ней.

— Так вот вы где, — прозвучало откуда-то сбоку.

Пара одновременно обернулась на голос — рядом стоял Кирк, и его под руку держала Матильда. Оба улыбались.

Жаклин в первое же мгновение растерялась. Она только-только расслабилась по-настоящему, только начала надеяться, что этот «неандерталец» их сегодня не тронет, а потом, даст Бог, может быть, и совсем смирится, но, судя по всему, не судьба.

Ну и раз уж выяснение отношений неизбежно, девушка как можно быстрее попыталась собраться и вернуть все свои настройки, которые старательно культивировала в себе последние две недели.

Но только лишь она намерилась улучшить момент, чтобы показать мистеру Бикстеру, что её тошнит и намекнуть, что это токсикоз, но остановилась. Что-то здесь было явно не так. Чем дальше она смотрела на Кирка с матильдой, тем отчётливей ощущала какую-то непонятную энергетику, исходящую от этой пары. Какое-то странное настроение. На мгновение девушку охватило чувство дежавю.

Она уже когда-то была точно в такой же ситуации, да-да была. Жаклин нахмурилась и прислушалась к себе. И вот тут в голове у неё промелькнуло очень короткое видение. Буквально молниеносное. Она увидела, как её университетская подруга Лизи подходит к ней со своим, как впоследствии оказалось, будущим мужем — Гектором Элмэрсоном со стоматологического факультета. Влюблённые тогда переживали бурный роман, и будущая счастливая невеста решила познакомить Жаклин с владельцем своего сердца. Вот! Вот именно такое же настроение сейчас витало вокруг их четвёрки.

На мгновение замешкавшись от этого воспоминания, Жаклин сморгнула и чуть зажмурилась, а когда опять открыла глаза, то увидела стоящую перед ней пару уже в ином свете. Вот так рядом и под ручку Кирк с мисс Гаврош смотрелись точь-в-точь как семейная чета. Они будто отзеркаливали друг друга. Во всём. В манере подачи себя, в настроении, в осанке, да даже в улыбке.

Тильда была существенно ниже Кирка, но ровно настолько, чтобы хорошо оттенять и дополнять его стать. А он всё время держал голову слегка наклонённой к женщине так, что, если бы это не был Кирк, можно было бы подумать, что он к ней льнёт. И в этот момент Жаклин поняла, что энергетика, исходящая от этих двоих, была ей ни не понятна, а не привычна и полностью нереальна. И по той простой причине, что речь шла о том самом Кирке, который пару недель назад почти признался ей в убийстве двух человек. Его новая ипостась явно влюблённого мужчины оказалась очень и очень неожиданная, и, если так можно выразиться, «сидела» на нём, как на замурованной двери колокольчик.

— Ну, как, вы хорошо проводите время? — получив их внимание, тем временем спросил мужчина и, взяв Алекса повыше локтя и потянув его на себя, как бы предложил их четвёрке уйти с территории танцпола. И не дожидаясь ответа, продолжил: — Жаклин, — он нарочито целенаправленно повернулся именно к девушке, — разреши представить тебе мою хорошую знакомую — мисс Матильду дэ Жюдальер Гаврош.

Кирк и Тильда после этих слов переглянулись так, что Жаклин чуть ли не закричала: «Джон и Мэри, сидящие на дереве».* Этого не должно было случиться, этого не могло

произойти по определению, это противоречило всем правилам и законам, это не представлялось возможным ни по одной из выведенных формул теории вероятности, но «Будь я проклята, если между ними не чувство! И ес-ли-э-то-не-лю-бовь», — Жаклин произнесла это по слогам про себя и зависла.

— Тильда, познакомься, — ни с того ни с сего заговорил Александр. — Это моя девушка Жаклин Фортескью. Она врач.

После его слов дядя и племянник переглянулись.

— Мне очень приятно, Матильда, — на автомате первой протянула руку Жаклин.

— Можно просто Тильда, — пожала протянутую ладонь дама и доброжелательно улыбнулась. — И мне тоже очень приятно.

— Ну, вот и познакомились, — расплылся довольством Кирк. — Я очень рад. Жаклин, как тебе, кстати, сегодняшний вечер у Кэма? Я должен попросить за него прощения и извиниться — ему пришлось отъехать ненадолго.

— Оу, мне очень понравилось, — дежурными интонациями отозвалась доктор Рочестер. — Здесь очень мило и нескучно.

— Что же, Прайс будет польщен, когда я передам ему твоё впечатление, — великосветски проговорил мистер Бикстер. — Дорогие дамы, — завёл он ладони за спины Жаклин и Матильды, — я искренне прошу меня извинить, но всё дело в том, что мне очень, — мужчина улыбнулся, — очень нужно перекинуться словом с моим племянником. Боюсь, что в последнее время он настолько занят, и не исключено, что эта ситуация пойдёт по нарастающей, — стрельнул он глазами в Жак, — и даже до такой степени, что скоро без личного секретаря к нему на аудиенцию будет не попасть. Поэтому, позвольте я использую момент и уединюсь с ним в кабинете на пару слов? С вашего позволения, разумеется. Жаклин, Тильда — самая интереснейшая и умнейшая женщина Парижа, — мужчина взял и поцеловал руку мисс Гаврош, а та улыбнулась и в притворном несогласии закатила глаза. — Рекомендую её тебе как собеседницу.

— С удовольствием, — Жаклин улыбнулась, а вернее просто растянула губы, поскольку улыбка её глаз не коснулась.

«С удовольствием послала бы тебя с твоей Тильдой подальше», — закончила она про себя.

* * *

— Ты что же это думаешь, друг мой, ты Бога за яйца взял? — процедил Кирк, только лишь они с Александром переступили порог кабинета Кэмерона.

— Кирк, ты чего? — остановился и округлил глаза юноша, ещё толком не успев пройти.

— Я «чего»? — закрыл за ними дверь мужчина. — Это не я «чего», это ты «чего». Как здесь оказалась эта Мэри? Это привидение корнуолльское? А?

Услышав, что Мэри всё-таки была здесь, парень только чудом не подпрыгнул от радости.

«Она всё-таки приходила!» — закусил он уголок губы.

— Только не говори, что ты не в курсе, не разочаровывай меня, — Кирк уже находился за столом хозяина кабинета и согнутым пальцем постучал по его матовой поверхности. — Вижу, как глазёнки заблестели! — ткнул он этим же пальцем в племянника. — Ты что же это, дружок, — после паузы продолжил мужчина уже несколько другим тоном, — всерьёз решил, что в нашем деле можно вот так взять и пойти на поводу у своих желаний? И ждать дивидендов?

Александр тут же стряхнул с себя эйфорию, скривился и отвернулся к входной двери, словно желая закрыть её за собой с той стороны. И молчал.

— Я — идиот! Подумал, что ты тот, кто сможет! Я в тебе ошибся, — Бикстер легонько воткнул кулак в стол и двинулся к окну.

— Кирк, давай говори уже нормально. Начистоту. Я тебе не целочка, чтобы меня жалеть, — посмотрел ему вслед Алекс.

— Начистоту? — развернулся мистер Бикстер. — Давай начистоту, — он сложил руки на груди и в задумчивости большим пальцем провёл по губам. — Ты что же это, мать твою, думаешь, я столько лет вкладывался в тебя, возился с тобой, чтобы вот так взять и отдать какой-то медсестричке? — пока говорил, он подошёл к Алексу и заглянул ему в лицо.

— Она не медсестричка, — спокойно ответил тот с интонациями человека, которому надоело повторять одно и то же миллион раз.

— Плевать! — Кирк мотнул головой. — Скажи мне: ты хочешь чего-нибудь добиться? Стать мужиком! — потряс он сжатым кулаком в воздухе. — Успешным мужиком, — тут дядя засунул руки в карманы брюк и, всё ещё стоя перед своим племянником, качнулся с пятки на носок.

— Кирк, что за номера, мы уже сто раз об этом говорили, — Александр поморщился.

— Значит, мало говорили. Или я такой никчёмный собеседник, или ты туп как калоша. Ты действительно подумал, что в нашем деле можно влюбиться и легко уйти в это? Серьёзно? — прищурился бизнесмен.

— Ты узнал о нас с Жак, когда я разговаривал о квартире, почему тогда ничего не сказал? — с обидой в голосе проговорил парень. Сбывались все самые худшие его прогнозы и предчувствия. Он упал духом.

— Говорю же: я — идиот. Думал, что тебя можно использовать вслепую.

— Вслепую? — Александр сдвинул брови и угрожающе нахмурился.

— Да. Вслепую. Но я попробовал и ошибся. Хватит! — ударил кулаком в раскрытую ладонь Кирк и, развернувшись, направился вглубь помещения. — Раз ты уже такой взрослый, что в состоянии взять на себя отношения с женщиной на восемь лет старше тебя, значит, достоин, чтобы с тобой играли в открытую.

— Тоже мне — новость, — пробубнил Алекс и засунул руки в карманы своих узеньких брюк.

— Тогда не говори, что я тебя не предупреждал, — Кирк сцепил ладони за спиной, сделал два шага по кабинету и резко развернулся. — Тебе, и впрямь, повезло, сынок, — сказал он уже совсем спокойным, нормальным, доверительным тоном, — я всегда видел, что ты везунчик. Она хороша, — утвердительно закивал он головой, как бы соглашаясь с самим собой, с Алексом и ещё с кем-то. — Чертовски хороша!

Парень понимал, что эти слова ещё ничего не значат, но всё равно ему было очень приятно их слышать от дяди.

— Мало того, она ещё и умна! — поднял Бикстер указательный палец вверх. — Да она, практически, лучшая. Ты встретил лучшую женщину на Земле, Александр МакЛарен. — Кирк раскрыл объятая и широко расставил ноги. — Я-ей-угрожал, — добавил он скороговоркой.

— Что?! — Александр сдвинул брови. — Что ты ей сделал? — повторил он уже громче, сжал кулаки и сделал шаг по направлению к мужчине.

— Ну-ну, угомонись, — равнодушно махнул тот на него рукой. — Защитничек, мать

твою. Что слышал! — почти крикнул Кирк, что должно было означать, что он против того, чтобы его не понимали и перебивали. — Я сначала хотел сделать всё за твоей спиной. Встретился с Жаклин и намекнул ей, что именно я устранил Киру и твоего отца, и если она от тебя не откажется, то устрою и её.

Александр распахнул свои глаза и перестал дышать.

— Да-да, родной мой, — иронично сложил губы мужчина. — А ты как хотел? Всё, детство кончилось, — развёл он руки в стороны. — Здесь всё по-взрослому.

— Кирк, ну, ты и... монстр, — рубанул кулаком по воздуху Александр и отвернулся к стене.

— А ты тряпка! Киска! Размяк! Как пугливая, впечатлительная провинциалка раскис, мать твою! — взревел Кирк.

Александр молчал. Он стоял, отвернувшись к стене, методично и целенаправленно брал себя в руки.

— И что было дальше? — разворачиваясь назад, заговорил парень, но уже спокойным ледяным тоном. Он пришёл в себя, собрался и готов был действовать.

И вот тут Кирк им просто залюбовался.

— Молодец! — подскочил он к племяннику и обнял его за плечи. — Я же говорю: ты прирождённый делец, — радостно прихлопнул он парня по рукам. Не волнуйся — твоя Жаклин действительно лучшая, — опять направился он к столу. — Она меня просекла, — щёлкнул мужчина пальцами. — Причём, сразу же, мать её фак. Я попытался выправить ситуацию, и мне это почти удалось, но результаты нашей с ней беседы я бы смог оценить только как пятьдесят на пятьдесят. Ещё раз признаю: она молодец, — разочарованно хмыкнул он уголком рта.

— Знаю.

— М-да-а, и вот такую девушку тебе придётся бросить, сынок, — опять утвердительно закивал головой Бикстер.

Юноша молчал, насупившись. Он только сейчас начал осознавать, что творилось в голове у Жаклин всё это время. Едва лишь представив на мгновение её чувства и те усилия, которые она прилагала, чтобы скрыть свой страх, свою тревогу, не показать, не омрачить и прочее, и прочее, в его душе начала подниматься бешеная, невероятная волна любви к этой женщине. Просто какое-то цунами всепоглощающего обожания. Восхищения. Жаклин вмиг стала для него подарком небес, выигрышем в национальную лотерею и просто одним, не иссякающим источником счастья в одном лице. Он был в шоке от того, что столько времени провёл бок о бок с этой женщиной, но по-настоящему смог её оценить только с помощью дяди и его козней.

— Я- идиот, — проговорил он тихо.

— Угу, — поддакнул Кирк. — Конченный! — мужчина улыбнулся. — Мало того, она осталась умницей до конца: не пошла в полицию, ибо поняла, что там над ней только посмеются и не сказала тебе, поскольку не хотела, чтобы ты счел её за паникёршу и истеричку, а если нет, то набил мне рожу или убил бы нахер. Молодец, что и говорить. Умница! — Бикстер пару раз хлопнул в ладоши.

Александр мочал. Он был, практически, раздавлен. Расплющен. По нему проехали катком. Он много раз в своей жизни в шутку и с иронией произносил фразу: «Я уже никогда не буду прежним» и вот только сейчас начинал понимать, что на самом деле означают эти слова. Каково это: измениться в одно мгновение. Мальчик вырос. И, как и положено,

через удары и потрясения. Но самым и поразительным, и досадным одновременно в этой ситуации для него явилось ощущение, что «опрокинул» его и «перевернул вверх дном» не Кирк. Вернее, не только Кирк, да и не столько он. Это сделала Жаклин.

Она действительно, его сделала. Вот такая женщина. Его маленькая, сладкая, хрупкая, кучерявая, смешная Сасенак внутри оказалась настоящим мужиком: умным, сдержанным, сильным, храбрым, продуманным.

«Ну, хоть мышей боится, — вспомнил Александр. — И на том спасибо», — он грустно улыбнулся.

Красавец не очень любил думать о себе в таком ключе, находя это опасной скользкой дорожкой, но только сейчас понял, что ничего просто так в этом мире не случается и не зря такого как он, на которого пускали слюни многие, очень многие, заполучила именно миссис Рочестер.

Только сейчас до него дошло, что, видимо, он с первого момента, что называется, учуял эту женщину, этого человека. Прочувствовал её, потянулся к ней. За ней. Ему только пришлось проделать долгий путь и ухлопать массу сил и времени, чтобы к чувствам добавилось ещё и понимание.

Но обо всём этом ему предстоит поломать голову позже и очень обстоятельно. А пока необходимо выравнять разговор, и парень отчётливо понимал, что такими «мадригалами» в адрес Жаклин Кирк не горит желанием польстить его выбору женщин, и уж тем более не хочет сделать комплимент его девушке. Вот этой своей честностью, открытостью и объективностью дядя планомерно и последовательно его обезоруживает. Лишает аргументов. Подчистую.

Поэтому парень решил ответить тем же.

— Только все эти её качества ничего не значат, так?

— Так.

— Я понял.

— Поздравляю. А сейчас ты начнёшь хвататься за надежду, так?

— Так.

— «Что, если я смогу подняться и вместе с Жаклин» начнёшь рассуждать ты: «А что, если мне удастся добиться нормальных подвижек и без чьей-то помощи и вливаний. Ведь она того стоит!»

Александр ответил не сразу. Но потом всё-таки выдал из себя.

— Ты прав.

— Может быть. Но с твоей внешностью и моей поддержкой и в Нью-Йорке ты сможешь стать, — Кирк от полноты чувств потряс раскрытыми ладонями в воздухе, — почти Богом!

Юноша тут же скривился.

— Ки-и-ирк, не обхаживай меня, не перегибай, — поморщился племянник.

Мужчина подскочил к юноше и обнял родственника.

— Молодец! — опять потряс он его за плечи. — Хвалю! Ты реально оцениваешь свои и мои возможности, значит, так же реально сможешь оценить и свои перспективы с Жаклин, — Кирк сделал паузу, — но уже без меня, — добавил он и, как бы желая наглядно показать: как это будет происходить, оттолкнулся от парня и отошёл далеко к окну.

Александр резко вскинул голову.

— Вот как?

— Да, — медленно закивал головой дядя, опять остановившись и скрестив руки на груди. — Так. Именно так, друг мой. Я даю тебе основательно раскрученной бизнес и имею полное право требовать, чтобы к нему отнеслись с должным уважением. Выбирай. Но вначале хороше-е-енько подумай. Очень хорошенько. Вот приедешь сегодня домой, сядь, обязательно сядь, — погрозил он указательным пальцем, — и хорошенько подумай.

Александр решил зайти с другого боку.

— Это будет нелегко, — он пожевал губы.

После этих слов Бикстер приблизился к юноше очень-очень близко, почти вплотную и поскольку они были примерно одинакового роста, встал с ним нос к носу и прошептал:

— Чушь.

Александр, не выдержав взгляда и несогласия, отвернулся в сторону.

— Ты сильный, — продолжил Кирк. — Ты даже сам не представляешь, на что способен. Я когда-то отказался от тебя, и ты такой же. Ты сможешь. Справишься.

МакЛарен повернулся и высокомерно вздёрнул подбородок.

— И что будет, если я выберу её?

— Не вопрос, — спокойно и подчёркнуто равнодушно всплеснул руками мужчина, разворачиваясь и отходя к столу. — Но только когда она тебе наскучит через полгода, ко мне не приходи, я уже буду далеко, — и он махнул рукой куда-то за окно, словно показывая, где именно он будет.

«Жаклин тоже переживала о рутине», — вспомнил парень.

— Я мог бы прожить с ней счастливо много лет. Примерно, как и ты с Матильдой, — применил он нехитрый приём.

Кирк застыл. А потом медленно перевёл глаза на Алекса и твёрдо посмотрел на него в упор.

— Я не собираюсь жить с Тильдой счастливо много лет, — ответил он.

— Но ведь она же тебе нравится. Я тебя никогда таким не видел, — прищурился юноша, чтобы не ухмыляться.

— Я не собираюсь с ней жить долго и счастливо не потому, что она мне не нравится, она мне нравится и даже очень. — Кирк замолчал и задумался. Но потом, встрепенувшись, опять посмотрел на парня. — Да. Очень, — повторил он. — Но для меня счастливая семейная жизнь — это бабьи мечты и сказки, не более того. Избавь меня от этой пасторали. Так не бывает.

— Ну-у-у, живут же люди как-то, — повторил Александр свой довод, рождённый для Жаклин, теперь уже Кирку.

— Кто? Кто, Александр? — вышел мужчина из-за стола и подскочил к племяннику. — Назови мне хоть один пример? Может быть, твои родители? Твоя мать отказалась от семьи и наследства, и что получила взамен? Любовницу твоего отца? А ведь Жаклин уже один раз изменила.

— Кирк...

— Хорошо-хорошо, — примирительно выставил вперёд ладони мистер Бикстер, — Оставим в покое твоих родителей. Тогда, может быть, хорошо прожили твои бабка с дедом? Тоже вполне возможно, если бы у моего отца не было примерно столько же любовниц, сколько у Кэма. Этот перетрахал пол-Лондона, а тот — пол-хайлэндса. Кто тогда? Эшли? Тут слова излишни. Марго? Которая рванула сохранять брак аж на Барбадос? А ведь я отлично помню, как горели её глаза, когда она входила замуж. Ну и кто остаётся? Родители

твоего отца?

— Они, кстати, неплохо жили, — поспешно вставил юноша.

— Вот! — ткнул ему в грудь пальцем Кирк. — Неплохо! И ты будешь жить неплохо, мальчик мой. Но всё дело в том, что пока у тебя есть выбор: жить неплохо с докторшей, барахтаясь где-то тут в Англии среди таких же вот неудачников, или неплохо жить в Большом Яблоке, только имея на пару порядков больше нулей на счету и, поскольку со временем и любимые, и нелюбимые жены становятся одинаково надоевшими, кучу любовниц.

— Да на кой они мне! — взбеленился Александр.

— О-о-о-о, мальчик мой, жизнь длинная, — покачал головой Кирк. — О-о-очень длинная.

— И всё-таки я даже не представляю, как смогу... да даже дышать без неё, — Алекс вдруг наконец-то прошёл чуть вглубь кабинета и, сев на стул, стоявший у стола, уронил голову на руки.

— Вот! Вот именно это-то и интересно, — последовал за ним Кирк. — Ты пойми, что расстаться с надоевшей, опостылевшей, тупой, непроходимой дурой, это каждому под силу. А вот так взять и разбить вдребезги отношения с такой высоты с лучшей женщиной на свете — это, сынок, очень дорогого стоит. Тот, кто пройдёт через это, тот действительно монстр. Он всемогущ! Вот попробуй так! Сделай это! Надери себе задницу! Оставь эти отношения пока они ещё чисты и не запятнаны ничем: изменами, бытом. Оставь эту женщину для себя любимой и обожаемой на всю жизнь, пусть она будет для тебя воспоминанием, мечтой. Не зря же, в самом-то деле, люди говорят, что не стоит делать своё любимое занятие работой, а любимую женщину — женой.

Александр долго молчал.

— У тебя всё? — вымолвил он, наконец.

— У меня уже давно «всё», — вальяжно ответил Кирк и, достав свой телефон из кармана, начал что-то там искать.

— Я обещаю только подумать, — парень встал с места и направился на выход. — Но-о-о, — остановился он у двери, — знаешь, ты мне не нравишься, Кирк, — и племянник как бы выстрелил в дядю из своего указательного пальца.

— Это к делу не относится, — оторвался тот от телефона. — Как и то, что мне нравишься ты, — вскинул он подбородок.

Александр кивнул, открыл дверь и вышел.

* * *

А в это время Жаклин с Матильдой, как им и было рекомендовано, принялись мило беседовать.

По ходу дела, девушка всё больше признавалась себе, что мисс Гаврош действительно оказалась на редкость непринуждённой и интересной собеседницей. Они вспомнили о Франции, ведь мама Жак была наполовину француженкой, поговорили об Англии, ведь в жилах Жаклин текла и английская кровь тоже, затронули тему собак, ресторанов и только-только приступили к рецептам, как к ним подошёл один их охранников.

— Прошу прощения, мадам, — обратился он к Тильде и тут же развернулся прямо к Жаклин. — Александр велел вам взять такси и ехать домой, мэм. Такси уже ждёт у входа. — На лбу парня крупными буквами были практически написаны две вещи: ему поручено во что бы то ни стало выпроводить отсюда девушку подальше, и он очень боится потерять свою

работу.

В первый момент девушка откровенно испугалась. Но тут, в клубе Кэмерона, контролировала ситуацию не она, поэтому изо всех сил старалась держать себя в руках и думать. Думать, а потом говорить и действовать. Тем более, что её собеседницу заявление охранника не ввергло в смятение ни в малейшей степени.

— Ой, подвезите и меня в мою гостиницу, пожалуйста, — мисс Гаврош даже всплеснула руками. — Видимо, Кэмерона придётся очень долго ждать.

Её просьба немного встряхнула и успокоила и миссис Рочестер. Она обрадовалась попутчице и решила пока послушаться.

— Хорошо. Я еду в Оксфорд, — кивнула она парню.

— Пройдёмте со мной, — окинул тот взглядом обеих женщин.

Их провели в гардеробную. Матильда получила своё пальто по номерку, а Жаклин выдали пуховик без него, что окончательно убедило девушку в том, что дело нечисто. Но сопротивляться здесь, в клубе, она всё ещё находила бесполезным, поэтому послушно села в такси и даже смогла заставить себя обсудить с Тильдой гостиницы в Лондоне и Нью-Йорке, хоть мисс дэ Жюдальер Гаврош больше знала Канаду, чем Штаты, потому как именно в Квебеке у неё были несколько ресторанов.

После того как они высадили Тильду где-то в районе Западного сквера — Жаклин даже не удосужилась взглянуть на название её гостиницы — такси двинулось дальше.

Пассажира, выждав некоторое время, придвинулась ближе к водителю.

— Скажите, пожалуйста, — начала она очень вежливым тоном с нотками мольбы, — сколько у Вас стоит проезд до Оксфорда?

— Сто двадцать фунтов, мэм, — тут же с готовностью ответил ей шофёр — молодой парень, явный лондонец поговору.

— Вот, — протянула Жаклин свою карточку, которую всегда брала с собой на работу. — Возьмите с меня в два раза больше, только высадите, пожалуйста, прямо здесь. — Девушка посмотрела в окно — они проезжали мимо станции метро Marylebone- ей это было очень удобно.

Шофёр молчал.

— Что скажете? — Жаклин изо всех сил старалась восстановить свой лондонский акцент.

— Не нужно денег. Выходите так, — сказал он и остановил машину.

Жаклин вылетела из автомобиля как пуля, еле-еле успев поблагодарить водителя.

* * *

А вот Александр вышел из кабинета Кирка медленно. Вернее, он даже не вышел, а буквально вывалился оттуда. Парень всё ещё был сам не свой, но уже думал о том, что через несколько секунд увидит Жаклин, и как себя вести с ней именно сейчас, он не знал.

— Александр! — окликнул его Кирк из приоткрытой двери кабинета. Тот оглянулся. — Она уехала на такси в Оксфорд, — сообщил ему дядя.

Услышав новость, юноша плотно сжал губы в тонкую линию и сделал руки в боки.

— Не злись, — уже почти тихо произнёс мужчина. — Так будет лучше для неё.

Ничего не говоря, юноша развернулся и двинулся за своим пиджаком во вторую залу, где всё ещё продолжалась дискотека. Протиснувшись между танцующими и найдя свою одежду там же, где её и оставил — на запасных стойках для микрофонов, он взял пиджак и, не надевая его, плюхнулся в первое попавшееся свободное кресло и перекинул одежду себе

через колени.

Голова была пуста. Внутри тоже почти ничего не осталось. Только усталость. Какая-то всепоглощающая, тотальная разбитость. Вдребезги. Впереди ему предстояли часы раздумий, но он уже тяготился ими заранее. Подбадривала и давала силы только лишь мысль о Сасенак.

Вероятно, она за последнее время тоже немало передумала и перелопатила головой. Пришла его очередь. Мужчина он или приложение к своему члену.

Александр протёр большим и указательным пальцем глаза. Ему вдруг посреди всей этой грохочущей музыки захотелось спать. Он, наверное, смог бы лечь прямо тут, в клубе, на одном из диванов музыкального салона, рядом с Зи и Константином, и заснуть. Но вместо этого парень встал и на свинцовых ногах направился к выходу, честно признаваясь самому себе, что с одной стороны, сообщение Кирка о том, что Жаклин увезли, его даже в какой-то степени обрадовало.

Отдав в гардеробе два номерка и получив на них только свою дублёнку, юноша вышел на свежий воздух. Было ещё не очень поздно. Слева от него, по более многочисленной и оживлённой WarrenStreet, проезжали машины, и туда-сюда спешили прохожие. А вот Алекс не спешил.

Вспомнив предупреждения Жаклин о воспалении, он медленно надел дублёнку, поскольку в пиджак облачился ещё в клубе, и, с наслаждением вдохнув полной грудью морозный свежий воздух Лондона, вразвалочку побрёл к своей машине.

Он нажал на отключение сигнализации, «его красавица» приветливо моргнула фарами, и в этот момент из-под тени лиственницы выступила Жаклин. Не говоря ни слова, девушка остановилась в нерешительности.

Юноша тоже замер на ходу. Александр молча смотрел на свою Сасенак долгим задумчивым взглядом.

— Садись в машину, — наконец проговорил он и сам направился к водительскому месту.

*Cocoon- англ. (kəku: n) — кокон.

**John and Mary

Sitting in a tree

K-I-S-S-I-N-G

First comes love

Then comes marriage

Then comes baby

In a babycarriage — английский аналог русского: «Жених и невеста. Тили-тили тесто».

Глава 48 Хорошее предчувствие

Хорошее предчувствие

Глава 48

Хорошее предчувствие

— Следовательно, в условиях расширения масштабов общественного производства при несоответствии им уровня развития производительных сил порождаются экономические законы, которые предопределяют развитие общественной деятельности и господствуют над производителями, — монотонным, заунывным голосом читал лекцию по истории развития хозяйственных отношений профессор Гарди.

Вообще-то Александр очень любил микроэкономику как предмет. Парень активно и с желанием участвовал в семинарах и беседах по этой дисциплине и ходил в любимчиках у Зайки — так студенты между собой называли преподавателя общей экономической теории — миссис Ципиллию Борр за её два огромных передних верхних зуба-резца. А вот история этой структуры его, увы, не впечатляла — тупое запоминание и зубрёжка. Никакого тебе полёта мысли, и уж где там до самостоятельности и творчества, о них можно просто забыть. Да ещё и лектор попался такой, что хоть пей кофе, хоть не пей, всё равно уснёшь.

Но только не сегодня. В это субботнее утро Александр было абсолютно не до сна. Мало того, он не сомкнул глаз и всю последнюю ночь. Пробовал, но не смог.

Он думал.

В качестве итога вчерашней «милой» беседы с дядей парень уяснил одну горькую истину — всё, праздники кончились. Пора. Пришло время включать мозги, обозначать приоритеты и расставлять все точки над «і». Очень не хочется, но надо. Вот по этой-то простой причине мыслительная деятельность, столь вероломно вторгнувшись в его жизнь, разлучила студента со сном и стала для него одновременно, и неотвратимым уделом, и неизменным спутником, и, судя по всему, надолго.

Вначале была тьма.

Покидая прошлым вечером «СОСОООН», Александр вообще мало что соображал. Парень, может быть, и рад бы начать с чего-то думать, но только вот не знал — с чего. И даже после того как встретил возле машины Жаклин, всё такую же родную, любимую, хрупкую и с теми же «пружинками» на голове и со знакомой опушкой на итальянских сапожках, в мозгах у него не просветлело ни на йоту.

И пусть девушка не стала для него чужой, незнакомой, далёкой, её присутствие его не смущало и не доставляло дискомфорта, но, тем не менее, только лишь после выезда с FitzroyStreet, когда бампер его Q7 внезапно упёрся в пресечение с WarrenStreet, он очнулся и понял, что не знает, куда ехать дальше.

И Жаклин всё то время, пока её водитель забивал в навигатор адрес своей квартиры на StockmoreStreet, сидела молча, отвернувшись в своё окно, хотя точно помнила, что для того, чтобы попасть на Западное шоссе, ведущее в Оксфорд, на этом перекрёстке нужно повернуть налево. Что и подтвердила полминуты спустя услужливая девушка — робот. Правда, ей для этого понадобилось установить связь со спутником.

Да и дальше, пока они выбирались из города, в кабине было дано слово только навигатору. Ну и, конечно же, мужчине.

— Почему ты мне не сказала, что Кирк тебе угрожал? — каким-то мёртвым голосом

заговорил парень сразу же после того, как их невидимая Ариадна, выведя своих пассажиров на возделенное Западное шоссе и велев им продолжать движение шесть миль, взяла длинную паузу. Они были на верном пути выезда из Лондона.

Жаклин резко повернула к Алекса голову.

«Значит, всё-таки угрожал, — только лишь начиная осмысливать то, что ей только что сообщили, девушка сразу же почувствовала невероятное долгожданное облегчение. Это было сродни тому, будто огромная, тяжелейшая гора, медленно сползает с её плеч как отколовшийся от ледника айсберг. — Не убийца», — успела она порадоваться про себя, но тут же опять отвлеклась на своего водителя. Ей показалось, что он не столько спрашивает о встрече с Кирком, сколько намеренно даёт понять, что у того хватило ума и характера самому во всём признаться.

— Хотела дать ему шанс, — она опять отвернулась.

Парень кратко глянул на свою пассажирку, но тут же продолжил следить за дорогой.

— Шанс на что? — спросил он.

— Да хоть на что-нибудь, — Жаклин спокойно пожала плечами. — Или одуматься, или убрать меня.

После того как прозвучало слово «убрать» юноша резко дал по тормозам, и машина стала прямо посреди WesternAve как вкопанная. Хорошо, что за ними дорога была практически пуста, иначе в задний бампер их Q7 неминуемо кто-нибудь уже уткнулся своим передним.

— Ты чего! — возмутилась Жаклин, округлив на парня глаза и упёршись руками в торпеду.

— Фак, — кратко и тихо выругался тот и, не теряя ни мгновения, опять умело и аккуратно двинулся с места. — Жаклин, не нужно громких слов, — попросил Алекс, чуть набрав скорость. Справа уже виднелась авиабаза «Northolt». Столица уже вот-вот должна была остаться позади. — Пожалуйста, — добавил он.

Она ничего не ответила, а только лишь во второй раз опять столь же равнодушно пожала плечами. Что, по всей видимости, должно было означать: «Как скажешь».

А до МакЛарена тем временем уже начинало доходить, что он не с того заговорил.

— Жаклин... — парень немного запнулся, а девушка вновь с готовностью обернулась в его сторону, — я в который раз прошу у тебя прощение за моего дядю-идиота. То, что он сделал, это низко, мерзко, подло и к тому же, преступно. Я заставлю его за это заплатить, — уставившись исподлобья на дорогу перед собой, юноша прямым указательным пальцем несколько раз с силой ткнул в руль. — Уверен, он это знает и уже ждёт. Но ты... — опять осёкшись, парень в досадливом жесте запустил себе левую руку в волосы и сгрёб чуб в кулак, — а-а-а ч-ч-чёрт, я не хочу тебя ни в чём укорять — как только представлю, как тебе жилось все эти дни — но и меня пойми тоже: ты не дала мне шанса! — после столь эмоционального обвинения юноша сделал паузу. — Понимаешь? Не дала шанса нам, Жаклин! — потряс он в воздухе соединёнными: большим, указательным и средним пальцами правой руки. — Как будто для тебя «нас» не существует. Почему? Потому что мне восемнадцать? Ты мне не доверяешь? Решила сама разобраться с Кирком, как взрослый с взрослым? — юноша показал этой же рукой знак кавычек.

Жаклин молчала. Ей так много нужно было рассказать любимому человеку по этому поводу, так во многом хотелось признаться. Ну, например, покаяться в том, что боялась его реакции — как положительной, так и отрицательной, а так же передать, до какой степени ей

не хотелось жалобами снискать славу истерички и паникёрши в его глазах.

А ещё она могла бы попытаться объяснить, что старалась войти в его семью без скандала, мирно, тихо, спокойно, а не «въехать» туда на «поверженном» Кирке. При любых раскладах. Да и вообще, по мнению Жак, становиться членом клана Бикстер, когда «мяч на половине поля» такого милейшего человека как его глава, было сродни объявлению начала «холодной войны», которая, учитывая обстоятельства, легко могла перейти в «гонку вооружений». Жаклин всё-таки надеялась, что сможет переключить этого дядю на какую-нибудь другую проблему, менее острую и в ней даст мужчине «уложить» себя «на лопатки». Таким образом, он сменит гнев на милость, и они поладят.

А сейчас девушка не знала с чего начать разговор. Да даже если бы и знала, то понимала, что этого вообще пока делать не стоит. Потом. Она явственно видела, что Александр на взводе, он «вышиблен из седла», контролирует себя с трудом, поэтому начини она всё объяснять и оправдываться, он услышит лишь то, что его догадки верны (и будет прав) и они поругаются.

— Ты и меня заставишь за это заплатить? — спросила она, уставившись невидимым взглядом в лобовое стекло.

«Утверждение, что лучшая защита это нападение, ещё никто не отменял», — подумала хитрюга.

Александр кратко взглянул на неё — они уже ехали за городом, и дорожная темень обступала машину со всех сторон, обеспечив в салоне царство полумрака.

Не имея возможности хорошенько рассмотреть выражение лица девушки и оценить, насколько существенная доля юмора содержится в её шутке (а вопрос он расценил именно так), парень тот час отвернулся, и всего-навсего молча, с раздражением и осуждением отрицательно покачал головой.

Так же молча, только лишь под тихий шум двигателя, они и въехали в Оксфорд. Что касалось водителя, то он сейчас вообще многое отдал бы, вплоть до написания им рейтинговой работы по математическому моделированию нелинейных систем тому человеку, который объяснил бы ему, что же с ним, с Алексом, в данный момент происходит. А если бы ему ещё и назвали причину всего творившегося у него внутри, то не исключено, что его благодарность возросла бы до эксклюзивного набора виски «Dalmore».

Пассажирка же чувствовала примерно всё то же самое, только если ко всему перечисленному прибавить разбитость, усталость и какую-то тотальную неуверенность в происходящем. Конечно же, облегчение от того, что ситуация с Кирком разрешилась не могло её не радовать, но и только.

Александр подъехал аккуратно к подъезду девушки и остановил автомобиль прямо напротив входной двери. Даже после того как машина замерла, и водитель и пассажирка продолжали сидеть молча, не проронив ни слова и не шевелясь. Ни один из них не знал, что ему делать и как себя вести. Юноша, боясь, что в его нынешнем состоянии наделает глупостей и ошибок, не спешил с действиями в принципе. Жаклин же вообще разговаривать не собиралась, если уж не удосужилась сделать это по дороге, поэтому протянула руку, чтобы открыть дверцу и выйти. Но тут молодой человек всё-таки заговорил:

— Я ещё раз прошу у тебя прощение за своего дядю и за себя. Я тоже должен был жестче отреагировать ещё тогда, в больнице, возможно, он не решился бы на угрозы, не стал бы тебя запугивать... — юноша как будто разогнался, желая сказать ещё что-нибудь, но осёкся и замолчал.

Подождав, пока он продолжит и, не дождавшись, Жаклин повернулась к нему.

— Что с нами будет дальше?

Парень вскинул брови.

— Ты о переезде? — тут же уже более буднично поинтересовался он.

— И о нём тоже.

Юноша отвернулся в своё окно и потёр рукой подбородок.

— Я позвоню, — задумчивым примирительным тоном пообещал он, поворачиваясь к своей пассажирке.

Жаклин мелко закивала головой и, всё-таки нащупав ручку двери, вышла из машины и, захлопнув за собой дверцу, пошла в подъезд.

* * *

Этот звук хлопнувшей дверцы машины прозвучал для неё как выстрел стартового пистолета на дистанции ожидания.

Во-первых, так велел Алекс.

Во-вторых, ей просто больше ничего не оставалось — Жаклин была растеряна и озадачена до упора. Девушка мало что понимала, не знала, о чём думать, да и вообще, заниматься ли этим делом или подождать прояснения ситуации, и даже прислушиваясь к себе, распознавала свои ощущения с большим трудом. Больше всего Жаклин напрягало её спокойствие. У неё не имелось и не наблюдалось плохого предчувствия, мрачных мыслей и подавленного настроения, то есть, всего того, что по логике вещей присутствовать было просто обязано. Она пробовала волноваться, но и это, увы, безуспешно. Только режим покорного ожидания и умиротворённой готовности. Всё.

«Видимо, сама того не желая, с этими шотландцами я отрастила хороший дзен», — сыронизировала над собой девушка.

А что ей ещё оставалось? Ну, только лишь и дальше отлично понимать, что её индифферентность является очень плохим знаком, просто отвратительным, ибо разговор о том, что она «перегорела» к Алексу и ко всему, что с ним связано, не шёл в принципе. Одно воспоминание о её любимом красивом шотландце, его руках, губах, запахе поднимало в душе мощнейшую тягу к этому мальчику, буквально всепоглощающую необходимость и подчиняющее желание в его присутствии рядом. Поэтому это спокойствие для неё же самой было неожиданным, странным, противоестественным и абсолютно нежелательным.

Она пробовала предположить, что её флегматизм — не что иное, как следствие отмены необходимости бояться за свою жизнь и вскрывшегося факта, что дядя её любимого человека не является убийцей, но степень облегчения как-то не шла ни в какие сравнения с масштабами эмоционального бессилия и его уместностью.

Чтобы опустить себя с небес на землю, девушка пробовала думать. Опять.

Поскольку Жаклин могла только лишь догадываться о содержании разговора между дядей и племянником и понятия не имела о степени откровенности Кирка перед Алексом, то допускала любую мысль, которая приходила ей в голову по этому поводу. Вплоть до того, что учитывая новоиспечённый статус Кирка как влюблённого мужчины — а то, что между мистером Бикстером и мисс Матильдой де Жюдальер Гаврош вспыхнуло чувство, заметили, наверное, даже Зи с Константином — беседа между мужчинами могла пройти совсем «под другим флагом» и в другом ключе. Ну, вот не могла девушка убить в себе надежду, что мистер Бикстер, влюбившись, сменил-таки гнев на милость. Но поскольку в этом случае перед ней открывалось целое море вариантов — ведь если влюбился такой как Кирк, то он,

скорее всего, сделался столь же непредсказуем, как и воздушные массы над Атлантикой — то она сразу же оборвала для себя эту логическую цепочку шикарным многоточием.

Гораздо более предметным выглядел в её глазах разговор между мужчинами в том случае, если Кирк уже сейчас предложил Алексу какую-то конкретную кандидатуру в будущие жены, эдакую красавицу — наследницу богатенького или влиятельного папочки, дочь сенатора или владельца строительной корпорации.

«А вдруг Александр согласится»? — тут же холодело и стыло у неё всё внутри. Но, увы, это была только первая реакция и весьма недолгая. Даже такая перспектива её не брала. Не верилось в такой исход событий, не рисовалась в голове картинка, пазл не складывался. Её Александр, её своевольный, самодостаточный, дерзкий, сильный, высокомерный, себялюбивый, надменный Александр не мог вот так вот продаться за деньги. В её мире этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Абсолютно.

Потом она ещё подумывала, что дядя просто отговаривает племянника от любых подвижек в личной жизни и требует сосредоточиться на учёбе и карьере. Не исключено, что даже ставит ультиматумы или обещает наказать. А может быть, он грозится взвалить на плечи юноши какую-то часть работ уже сейчас, чтобы у того не оставалось времени на женщин. Всё это и многое, многое другое перемешивала в своей голове Жаклин.

«С одной стороны, если подумать, зря, наверное, я не рассказала всё Алексу. Наверняка он знал, что Кирк не может быть виновен в смерти его отца и Киры, и всё выяснилось бы гораздо быстрее. И Алексу дала шанс, и Кирк бы остался не у дел. Эх...», — подпёрла ладонью голову доктор Рочестер, сидя на перерыве у себя за столом. На пару с волнением у неё пропал и аппетит. Начисто. Поэтому в столовую она не пошла, а предпочла посидеть в одиночестве в своём кабинете.

«Ладно, — тут же успокаивала она саму себя, — история не терпит сослагательных наклонений. Посмотрим».

Вечером, после работы, позвонила Алиса. Вернее, они позвонили вместе с Марго, но для Жаклин разговоры с этими двумя женщинами разительно отличались.

Маргарет поблагодарила девушку за помощь Маркасу, они немного поболтали о жарких странах, океане, экзотических плодах и перспективах на будущую встречу, а под конец женщина призналась, что у неё второй месяц беременности и она очень надеется на девочку. Жаклин так обрадовалась за свою почти сводную сестру, от всего сердца поздравила их с Итаном и сказала, чтобы имя без неё не выбирали — она приедет и поможет им в этом нелёгком деле.

А вот с мамой МакЛарен всё обстояло в разы сложнее. Алиса недоумевала и жаждала пояснений хоть от кого-нибудь, почему её сын, только лишь появившись ненадолго на каникулах в Глазго, рванул, сверкая пятками, в хайлэндс и после, не заезжая домой, оказался не где-нибудь, а в самом Лондоне, в котором и предпочёл встретить Новый год. Миссис МакЛарен просила Жаклин хотя бы подтвердить нахождение этого непоседливого ребёнка в Оксфорде на данный момент, поскольку Кирк, с которым она имела «счастье» разговаривать только что, почему-то на неё очень зол, цедит слова сквозь зубы и бросает трубку посреди общения.

Жаклин, не очень хорошо разбираясь и в текущей-то ситуации, тем не менее, видела своей задачей отвечать и разъяснять Алисе положение вещей с учётом будущих их с Алексом выгод. Это оказалось невероятно сложно и чувствительно опасно. Девушка ощущала себя, словно ей только что объявили: «Всё, что вы скажете, может быть направлено против вас»,

будучи задержанной по подозрению в связях с мистером Александром МакЛареном. Проявляя все свои способности к дипломатии и не вдаваясь в конкретику, ей всё-таки удалось кое-как выкрутиться и успокоить жаждущую послушания и полной отчётности родительницу, сказав, что недавно виделась с Алексом и тот прилежно учится.

В воскресенье на работе Жаклин, уже порядком устав от этой зависшей ситуации и неизвестности, погрузилась в рабочие хлопоты. Александр всё ещё не звонил, а ведь завтра уже понедельник — тот самый день, когда парень планировал перевезти её к себе. Девушка могла бы позвонить и сама, если бы не доподлинная уверенность, что такая тактика с её шотландцем не пройдёт.

Поэтому, только лишь хлопнув за собой дверцей Q7 и по сей момент, она ждала.

Глава 49

Флэшка

А вот Чарльз в это воскресенье никого не ждал. Он с удовольствием остался дома один. Сула — не в счет.

Одному хорошо — можно делать всё, что хочется (ну, почти всё) и не пересекаться в квартире с всё ещё молчаливой Жаклин. Мужчина планировала вот-вот поговорить с женой о них, о ситуации вокруг их отношений. Сразу этого делать он не стал, разумно рассудив, что женщина должна, что называется, помолчать вволю. «Вымолчать» всё, что накипело у неё внутри, и показать, насколько она обижена. Вот только после этого можно браться за разговоры. А пока она расстроена, напряжена и полна негатива, трогать её бесполезно и даже опасно — есть риск усугубить ситуацию и навредить их совместному будущему.

Поэтому он решил заняться студенческими заданиями по социологии. Его ученики проводили небольшие исследования в офисных коллективах, и каждый из них подготовил отчёт о типах структур и моделях объединённых групп людей. Когда мистер Рочестер проверил почти половину работ и уже начал порядком раздражаться на бестолковость ребят и их невнимательность к его предмету, к тому, что он не по одному разу объяснял на лекциях и закреплял на семинарах, раздался звонок в дверь.

Сула, лежавшая у ног хозяина, подскочила и ринулась из кабинета, стуча лапами по паркету и пару раз гавкнув на бегу. Чарльз поспешил вслед за ней в прихожую. Там он схватил собаку за ошейник и, не глядя в глазок, распахнул дверь.

На пороге стоял Александр МакЛарен — знакомый его жены. Вообще-то, лицо визитёра было украшено новой, улучшенной версией фирменного шотландского покер фейса, но Чарльз, знавший Алекса мало и плохо, понятное дело, этого не оценил.

— Добрый день, — вкрадчиво поздоровался юноша.

— Привет, Алекс. Входи, — улыбнулся Чарльз, отступая с прохода. Как только гость оказался в прихожей, а хозяин закрыл за ним дверь и отпустил Сулу, та тут же оказалась рядом с парнем.

Забыв о своём покер фейсе, он с желанием улыбнулся и, наклонившись к этой хулиганке, потрепал её по загривку и поздоровался:

— Привет, непоседа.

«Непоседа» в ответ попыталась встать передними лапами ему на грудь и лизнуть его в лицо, но её вовремя остановил хозяин.

— Сула, фу! — резким, чётким голосом прикрикнул он на собаку и снова взял её за ошейник. — Тебе нужна Жаклин? — тут же предупредительно поинтересовался он у визитёра. — Но её сейчас нет дома.

Услышав вопрос, Александр как-то так задохнулся на вдохе, но тут же быстро сглотнув и шумно выдохнув, всё-таки оправился от неожиданности.

— Нет. У меня дело к тебе. Извини, что без предупреждения.

— Ко мне? — взметнулись вверх брови хозяина квартиры. — Ну, что же, проходи, — указал он рукой на двери гостиной, опять отпуская Сулу. — Что-нибудь выпьешь?

— Нет. Спасибо, не хочу, — обернулся на ходу парень.

— Тогда, может, хотя бы снимешь куртку? — постарался проявить гостеприимство

мистер Рочестер.

— Я ненадолго, — пояснил Александр и, не дожидаясь ответа, по-хозяйски двинулся дальше.

Чарльз с Сулой последовали за ним.

— Присаживайся, — показал мистер Рочестер на кресло в гостиной и сам опустился на диван. — Слушаю тебя.

— У тебя есть ноутбук? — парень полез рукой в карман куртки и вытащил оттуда флеш карту.

— Разумеется.

— Могу я его позаимствовать?

— Тебе нужен ноут? — переспросил мужчина, будто надеясь, что гость передумает — никакого настроения, и уж тем более желания, решать дела этого студента у Чарльза не наблюдалось. Но вежливость — прежде всего и поэтому преподаватель поднялся с места. — Хорошо. Сейчас принесу.

«Так бы сразу и сказал, что ему нужна консультация, — досадливо проворчал он про себя, направляясь в кабинет. — Ох уж эти студенты. Морока с ними одна. Даже дома житья не дают. Он же знакомый Жаклин, вот пусть бы она с ним и возилась».

В кабинете мужчина отключил ноутбук от сети и, закрыв на нём свои вкладки, принёс в гостиную.

Получив гаджет в своё распоряжение, Александр вставил флеш карту в гнездо, и чуть подождав пока устройство «увидит» новое оборудование, вошёл в него и раскрыл единственную имеющуюся там папку.

— Вот, — с этим словом он развернул ноутбук экраном к Чарльзу.

Тот взглянул на то, что было предложено его вниманию, и вообще ничего не понял: что это такое и зачем оно ему? Какая-то непонятная фотография какой-то спящей девушки или даже женщины. И только лишь спустя несколько мгновений он узнал в этой незнакомке свою жену, столь неожиданным был для него поворот событий.

— Что это? — с совершенно искренним удивлением или даже ошеломлением посмотрел он на юношу. Тот уже откинулся в кресле, облокотился о боковые валики и, скрестив щиколотки ног и сцепив кисти рук в замок, вращал друг вокруг друга большими пальцами.

— Фотография, — равнодушно пожал он плечами, — как видишь.

— Это Жаклин?

— Да. Это Жаклин, — подтвердил юноша и отвернулся в сторону — он ждал пока мистер Рочестер или придёт в себя или привыкнет.

— Откуда у тебя фотография спящей Жаклин? — сурово нахмурился Чарльз.

— Я сам её сфотографировал, — не меняя тона, пояснил Александр.

Теперь пришла очередь Чарльза оглядеться по сторонам. Мужчина словно попытался в обстановке комнаты найти поддержку и успокоение и удостовериться, что он не сходит с ума. Но юноша быстро вернул его в ситуацию.

— Листай дальше, — подсказал он.

Мистер Рочестер послушался.

Он принялся нажимать на клавишу, и от кадра к кадру его лицо всё больше разглаживалось, а взгляд всё сильнее слеп от гнева. Наконец, в один из моментов, увидев на экране, как его жену целует парень, сидящий сейчас сбоку от него, (Александр специально

выстроил фотографии в таком порядке, чтобы Чарльз мог получить представление о масштабах «портфолио», прежде чем его накроет гневом), он не выдержал и отшвырнул от себя ноутбук по столу. Гость заглянул в монитор — там стояло изображение его и Жаклин, целующихся на вершине горы Крика.

— Ты готов выслушать дальше? — поинтересовался он.

— Ты кто такой?! — взревел Чарльз и подскочил на ноги. Сула, лежавшая тут же, поднялась на лапы, усиленно пытаясь понять: в чём, собственно дело и может ли она считать этот поводом, чтобы вмешаться. Разумеется, на свой манер. Её хозяин в это время уже молниеносно вскинул руку по направлению к выходу. — А ну, пошёл вон из моего дома! — и, как бы не желая отпускать обидчика просто так, добавил: — Сопляк!

— Значит, ещё не готов, — почти тихо проговорил парень, а собака, услышав такой спокойный или даже равнодушный тон, осторожно заскулила. — Успокойся и сядь, — сделал движение вниз рукой Алекс. — Ты когда-то женился на девушке, имей мужество нести за это ответственность, — поднял он непробиваемый, «боксёрский» взгляд на супруга своей любимой женщины.

— Да кто ты такой, чтобы меня учить! — согнулся в коленках от возмущения и продолжал орать хозяин квартиры. — Ты! Щенок!

Александр опять отвернулся в сторону и закатил глаза.

— Ну, ещё скажи, что у меня молоко на губах не обсохло.

Чарльз тяжело дышал и молчал, ошалело вытаращив глаза на парня.

— И этот, как ты выразился, щенок, — юноша сделал паузу, — трахал твою жену последний месяц регулярно. А она трахала его. Так что успокойся и сядь. Это в твоих же интересах.

И вот тут нижняя челюсть Чарльза вдребезги разбилась об пол, а сам он послушно плюхнулся в кресло, поскольку привык свои интересы всё-таки чтить. Александр подался к хозяину квартиры всем телом и облокотился о колени.

— Видишь ли, Чарльз, — принялся крутить он между пальцами крышечку от флеш карты, — всё дело в том, что я запал на твою жену, — юноша посмотрел на своего собеседника, как бы контролируя его самочувствие и способность усваивать информацию. В глазах Чарльза сверкнули молнии, но грома не последовало, поэтому парень продолжил: — А она запала на меня, — он опять сделал паузу. — Поначалу мне это льстило. Всё-таки это тебе не малолетняя мокрощёлка, а состоявшаяся женщина с образованием и всё такое. Ты знаешь, — юноша шмыгнул уголком рта, — было клёво, — скептически скривил он губы. — Я неплохо с ней развлёкся, на каникулы ездили в хайлэнде, пока ты там прогибался под своих издателей во Франции, — Александр высокомерно улыбнулся. — Новый год встретили в Лондоне — короче, всё было по кайфу.

Чарльз это слушал с выражением лица загнанного глубоко в угол пса. Причём каждое слово гостя загоняло мужчину в этот его угол всё глубже и глубже. У него пробовала было «зашевелиться шерсть на загривке», но что-то не получилось.

— Но праздники кончились, — Александр с сожалением на лице, поджал свой мужественный подбородок. — У меня впереди учёба, карьера, все дела, — он выпрямился и хлопнул ладонями по коленкам. — Твоя жена стала меня напрягать. Видишь ли, она, признаться, излишне навязчива, — он сделал паузу, позволяя своему визави, возразить, ведь его утверждение было вопиющей ложью. Просто безбожной. И услышав лишь тишину, продолжил: — Поэтому забирай-ка её назад. Обещаю, что не ударю тебя в ответ, если ты

пару раз съездишь мне под дых. Я это заслужил, — и парень посмотрел в глаза Чарльзу таким умным, взрослым взглядом, что тот сник окончательно. Может быть, ещё и потому, что у него такого взгляда не получалось никогда, как бы он ни старался.

Мистер Рочестер закрыл лицо руками, будто хотел спрятаться от всего, что с ним сейчас происходит. Потом, тоже облокотившись о колени, как и его гость, он переместил сложенные лодочкой ладони на уши и принялся жевать губы, покачиваясь взад-вперёд как японская статуэтка-болванчик.

Никто не нарушал молчания. Притихла и Сула, лежавшая тут же.

— Значит, ты вдоволь развлёкся с моей женой и теперь хочешь, чтобы я избавил тебя от её общества? А не сильно ли ты хитрый, молокосос? — наконец зло процедил сквозь зубы хозяин квартиры.

— Она твоя жена, — парировал юноша, откидываясь на спинку кресла.

— Ну, уж нет, мне она теперь тоже не нужна. Пусть катится ко всем чертям, — Чарльз закусил верхнюю губу нижними зубами.

— Жаль, — опять шмыгнул уголком рта Александр. — Она не такая уж и плохая. Ну, подумаешь, закрутила с молоденьким. С кем не бывает.

— Закрой! Свой! Рот! — взревел Чарльз и выпрямился. Сула опять подняла голову, хоть уже и начинала понимать, что ей лучше привыкнуть и не отсвечивать. — Ты её трахал? Она тебя тоже? Вот и забирай её себе! Видеть её больше не хочу в своей квартире! — и мистер Рочестер с силой захлопнул крышку ноутбука.

— Извини, но я для неё недоступен, — Александр в утрированном сожалении скрестил руки на груди, как бы отгораживаясь от предложения. — Ко мне ей дорога закрыта. Если ты не захочешь с ней жить, ну-у-у-у... — он сделал круговое движение рукой с крышечкой от флеш карты, — или не сможешь, и такое тоже бывает, то тогда пусть она едет в свою квартиру в Лондоне, так получается? — юноша с затаённым ожиданием посмотрел на мужчину.

— Пусть катится ко всем чертям, — скрипнул зубами Чарльз. — И ты тоже. А ну, проваливай отсюда! — опять вскочил он и, сжав кулаки, протянул руки вдоль туловища. — Ты добился, чего хотел? Наслаждался триумфом? Пошёл вон!

И вот тут Александр Макларен поднялся. Как только он выпрямился во все свои шесть футов, семь дюймов, если верить Оззи, то сразу же стало понятно, что угрожать ему гораздо приятней и удобней, когда он сидел. А после того как парень расправил плечи и оказалось, что в размахе они дюймов на четыре-пять шире чем у Чарльза, воинственность последнего, ввиду своей явной нелепости, как-то так рассеялась в пространстве. А за ней поутих и праведный гнев «рогатого» мужа.

Они стояли друг напротив друга, смотрели друг другу в глаза и молчали.

Александр ждал.

Чарльз тянул время.

По правде говоря, ему хотелось наплевать на всё, и вмазать этому красавчику, который попользовался его женой, разрушил их идеальный брак и, ещё более идеальный, его, Чарльза, мир и вот сейчас выйдет из квартиры и всё. Было бы неплохо и, что самое важное, справедливо, пересчитать рёбра этому молокососу. Но всё-таки мужчина не решился — Сула могла вмешаться, да и вообще, мебель, скорее всего, пострадает, ноутбук, опять же тут.

И парень понял, что ждать бесполезно. Он зашевелился, в разочаровании поджал губы и высокомерно задрал подбородок. Потом кинул на стол крышечку от флеш карты.

— Я обещал Жаклин скинуть фотки на Фейсбук, да всё как-то не получалось. Поэтому флешка — это для неё. На память, — и он направился на выход. Сула тут же поднялась и поплелась за ним. — Кстати, — обернулся парень в дверях гостиной, — ты не ударил меня, — он сделал паузу, — но если я узнаю, что ты ударил её, а я обязательно об этом узнаю, — постучал он указательным пальцем по косяку двери перед своим точёным носом, — я вернусь и отобью тебе обе почки. Будешь писать кровью. И сделаю это так, что даже синяков не оставлю. Поверь мне, я это умею.

— Да пошёл ты, — процедил сквозь зубы Чарльз. — Болеее, чем ей сделал ты, мне уже не сделать.

Александр ответил не сразу. Он даже не уронил голову себе на грудь, а как будто не удержал её на шее. Но тут же быстро поднял.

— Да. Ты прав, — как-то нормально и задумчиво согласился он. — Но это потому, что она любит меня, а не тебя, — и, стукнув кулаком в то самое место, куда только что тыкал пальцем, развернулся и вышел.

Правда, в прихожей, пока не видит хозяин, юноша присел перед собакой, не отстававшей от него ни на шаг, и, погладив хулиганку по её грациозной шее, крепко обнял, поцеловал в морду, после чего поднялся и покинул квартиру четы Рочестер, крепко притворив за собой дверь.

Глава 50

Саламандра

Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины.

Ф. Ницше.

Измученная и вымотанная до предела и физически, и морально доктор Рочестер в понедельник утром вернулась домой с работы. Поскольку уже заранее она настроила себя на выгул Сулы, то взяв свою хулиганку на поводок и не проходя в квартиру, развернулась и пошла опять на улицу.

Девушка понятия не имела: во сколько сегодня муж уйдёт на свои занятия — у Чарльза всегда случались подвижки в расписании — поэтому, вернувшись с прогулки, для начала очень сильно удивилась стойкому запаху перегара в квартире, а потом даже тихонько вскрикнула, когда, направляясь в ванную вымыть Суле лапы, проходила мимо гостиной и увидела там сидящего в кресле Чарльза.

Миссис Рочестер замерла на месте.

Ей в глаза бросилась ещё и валяющаяся на полу пустая бутылка из-под шерри-бренди, которая до этого долго простояла у них в секретере, а так же начатый виски «ScottishHunter» на журнальном столике и неподвижно-безжизненные руки мужа на кресельных валиках.

Жаклин сразу поняла, что случилось что-то очень нехорошее. Мужчина сидел, будто каменное изваяние с полуоткрытыми глазами. После того, как он увидел жену, его веки поползли вверх, взгляд сделался чуть более осмысленным, но сам этот смысл понять было практически невозможно. К тому же, у Сулы лапы всё ещё были грязные, поэтому Жаклин поторопилась в ванную.

Управившись со своей питомицей, девушка вышла к мужу в гостиную — в конце концов, именно здесь ей хотелось бы лечь спать.

— А-а-а... — ни с того, ни с сего устало протянул Чарльз и, скривив губы в пьяной ухмылке, состроил презрительную мину. — Явилась, — он наконец-то пошевелился. — Ну, что же, проходи. Может, выпьешь?

— Чарльз, что с тобой? — озабоченно сдвинула брови жена. — Почему ты не на работе? В чём дело?

— В чём дело? — муж ещё более вальяжно раскинулся в кресле и вскинул брови. — Ты у меня спрашиваешь... в чем дело?

Доктор Рочестер отлично знала, как действует алкоголь на нервную систему, а значит, и на психику, вследствие чего, всегда и везде с пьяными старалась вести себя очень и очень аккуратно. Ну, за исключением Александра. Своего нетрезвого любимого шотландца ей всегда хотелось изнасиловать. Грубо и много раз.

Но поскольку Алекс во всех жизненных аспектах являлся для влюблённой исключением из всех её правил, а муж — нет, она не стала вступать в разговор с супругом, видя, что его спокойствие обманчиво. Он только и ждёт, чтобы ему дали повод поругаться, а подняла с пола пустую бутылку и отнесла её на кухню, где выбросила в мусорное ведро. Для ругани у неё сил не имелось абсолютно. Она смертельно хотела спать.

Вернувшись в гостиную, Жак так же спокойно и молча стала раскладывать диван и вытаскивать из него свои постельные принадлежности. Но тут прозвучало это:

— Так ты, значит, у нас молоденьких любишь.

Девушка застыла. Через мгновение она перестала дышать. А ещё через секунды почувствовала, как у неё стало горько во рту, и все внутренности сжались в какой-то комок тканей в состоянии тонуса.

«О, Господи! Только симпатoadреналового криза мне не хватало», — испугалась она про себя и повернулась к мужу. В принципе, она не собиралась скрывать свою связь с Алексом от Чарльза и понимала, что его осведомлённость в этом вопросе — только лишь дело времени, но всё-таки хотела супругу обо всём рассказать сама и желательно трезвому.

Чарльз смотрел на неё всё так же — с пьяным высокомерием и презрением. Увидев, что ему удалось задеть жену, он медленно закивал головой и добавил:

— Педофилка, значит.

— Чарльз, — предупреждающе проговорила Жаклин.

— Ну, так я тоже, дорогая, я тоже, — супруг пьяно заулыбался. И не дожидаясь вопросов от жены, поскольку подозревал, что их не будет, пояснил: — Я тоже люблю молоденьких.

Девушка почти не обратила внимания на слова мужа о нём, у неё всё ещё звучали в ушах его слова о ней самой.

«Откуда? Как? Что случилось?» — один за другим вспыхивали в голове вопросы.

И как бы прочитав мысли супруги, мистер Рочестер поспешил удовлетворить её любопытство.

— Вчера ко мне тут заходил твой шотландец, — довольный тем, какое действие производят на жену его слова, продолжал доканывать её Чарльз.

У Жаклин подкосились ноги, и она плюхнулась на диван.

— Вот. Полюбуйся, — муж потянулся к стоявшему тут же на столе ноутбуку, который девушка и не заметила, и подтолкнул гаджет к ней.

Жаклин дрожащими руками открыла крышку и взглянула на экран. У неё потемнело в глазах. В голове мозг перестал выдавать мысли вообще. Она даже на мгновение перепугалась за свой рассудок, ей показалось, что там сейчас пойдут уже необратимые процессы типа гемодинамического инсульта. На экране красовались они с Алексом счастливо улыбающиеся в кабинке «London Eye».

«Приходил шотландец, — первое, что смог выдать ей её мозг. — Приходил, — она часто усиленно моргала. — Почему без меня? Зачем он так? Показал Чарльз у наши фотографии? Что всё это значит? — и как бы в поисках ответов на эти вопросы она подняла взгляд на мужа.

— Сказал, что ты ему больше не нужна и этот альбом тебе на память, — глядя ей в глаза, уже с нескрываемым садистским удовольствием просветил её супруг.

Жаклин отшатнулась от слов мужчины как от пощёчины и закрыла рот ладонью, сдерживая крик.

— Вот, — Чарльз опять потянулся к ноутбуку, выдернул из гнезда флеш карту и бросил её жене в лицо. Та заслонила руками, но флэшка всё-таки попала ей в щёку и отскочила куда-то на пол. На экране фотография сменилась картинкой с изображением пустыни точь-в-точь как в фильмах Тарсема Сингха, а мозг девушки принялся хвататься за соломинку.

— Я тебе не верю, — кинулась она к клавиатуре чтобы проверить: может, МАкЛарен всё-таки нашёл её на Фейсбуке и скинул фотки, а Чарльз их обнаружил, скачал и мелет всякую чепуху.

Девушка лихорадочно открывала нужный сайт, упорно игнорируя тот факт, что ещё с самого начала закрыла свою страничку от действий посетителей, да и не стал бы Алекс выкладывать такие фотки прямо на страничку. И только успел открыться нужный аккаунт и показать, что никаких фоток там нет, как её мысли перебил Чарльз.

— Ты мне не веришь? — принялся он медленно подниматься с кресла. — Ты мне не веришь?! — сделал он шаг к жене. — А ему ты веришь?!

— Чарльз...

— Значит, мне ты не веришь, а ему ты веришь! — мужчина толкнул девушку на диван, и она опрокинулась на спину. К хозяину тут же кинулась Сула.

Собака легонько хватанула его за ту самую руку, которой он только что толкнул её хозяйку, и тут же отпустила, как бы предупреждая, что ещё раз, и она вцепится так, что будет ранка. Не исключено, что глубокая. Очень.

Тогда Чарльз схватил упирающееся изо всех сил животное за ошейник и поволок в ванную.

Затолкав его туда, он закрыл и защёлкнул дверь, надеясь, что Сула не догадается нажать на ручку.

Когда он вернулся в гостиную, Жаклин там уже не было. Девушка стремглав кинулась в кабинет и закрылась там, придерживая дверь плечом, хоть и понимала, что это бесполезно. Спустя несколько секунд супруг её догадку подтвердил. Только лишь пару раз толкнув дверь, с третьей попытки он налёг на неё и тут же распахнул, а Жаклин отлетела к шкафам с литературой. Полки зашатались, книги с грохотом посыпались на паркет, в ванной бешено заскреблась и заскулила Сула. Жаклин поняла, что собака по своему обыкновению улеглась на пол и царапает когтями нижний угол двери.

А в это время Чарльз подлетел к жене и толкнул её на диван.

— Чарльз, — попыталась примирительно поговорить с мужем девушка, даже не обращая внимания на то, что, толкая и опрокидывая, из неё уже три раза кряду вышибли почти весь дух, которого и так оставалось не столь уж много. Она выставила перед собой руки, как бы отгораживаясь от мужчины.

Очень быстро поймав жену за оба запястья и рывком развернув её вдоль диванного сидения, мужчина повалился сверху и вытянул ей руки над головой.

— Пус-с-с-сти! — начала вырываться и трепыхаться Жак, отворачивая лицо от ненавистного ей человека и его запаха перегара. — Пусти, Чарльз!

— Значит, ему ты веришь... а мне... нет, — как в бреду тем временем повторял тот. Он сильнее навалился на девушку одним боком, придерживая её туловище, а свободной рукой дотянулся до её ширинки. — Так ты у нас, значит, молоденьких любишь, — расстёгивая ей молнию на джинсах и стаскивая с девушки брюки вместе с трусиками, Чарльз больно процарапал ногтем большого пальца ей по бедру. — Ну, так я тоже... Жак, я тоже... очень люблю молоденьких. Хочешь... я покажу... как трахал... аспиранток? — выговаривал мистер Рочестер, задыхаясь и прерываясь от усердия, с каким удерживал супругу и одновременно спускал ей джинсы до колен. — Сейчас... — он отпустил ей руки, и Жаклин тут же рванулась было из-под него, но муж мгновенно схватил её за талию и задержал, тем более, что ей со спутанными ногами было очень не удобно двигаться.

— Чарльз, пусти меня, пожалуйста, — взмолилась Жаклин. У неё в глазах выступили слёзы.

— Я тебя отпущу, — кивнул тот, кратко взглянув жене в лицо. Он, опять уложив её на

диван, очень сильно и больно надавил ей одной рукой на грудь, а второй приподняв её ноги, подставил под них свои плечи и уже принялся заламывать конечности ей к груди, то есть складывать девушку пополам. — Но только... чуть... позже. Вот сейчас покажу... — Жаклин как могла упиралась ногами и руками и пыталась отодрать от своей груди его руку, но очень быстро ослабла и только лишь дала себе первую передышку, Чарльз тут же сложил её пополам, — ... и отпущ-щ-щу. Фух-х-х... — удерживая жену в такой неудобной позе и пользуясь тем, что она спутана, он одной рукой придерживал её ноги так, что она с трудом дышала, а сам расстёгивал свою ширинку. — Сейчас я тебе... всё-ё-ё-ё покажу, — бормотал он себе под нос, предусмотрительно отстранившись, чтобы супруга не могла дотянуться до него руками, а значит, и ногтями. — Сейчас...

Жаклин, с таким-то адреналином в крови, накрыло состоянием, при котором чувствительность очень сильно притупляется. Но, тем не менее, момент, когда он вошёл в неё, она всё-таки почувствовала. Правда, это было всё, что она смогла ощутить — сил не осталось никаких, и девушка громко, навзрыд, заплакала от бессилия и обиды. Она уже молилась только о том, чтобы всё это быстрее закончилось.

А Чарльз, будто назло, никак не мог кончить. Его отвлекали всхлипы и сопли супруги. Разражаясь всё больше на женщину и злясь на перспективу своего возможного фиаско, в какой-то момент ему очень хотелось ударить Жаклин по лицу, но он вовремя вспомнил об обещании Алекса, и от греха подальше решил сдержаться. А вот исполнять супружеский долг — это обязанность каждой жены. А ведь Жаклин ему пока что ещё жена.

— Я... их... вот... так... вот... трахал... дорогая, — приговаривал он после каждого толчка. — Вот... так... вот... — наконец, абстрагировавшись от рыданий под ним, да ещё и с помощью воспоминаний о своих похождениях с аспирантками, Чарльз пришёл к концу. Кратко застонав, он повалился на жену как куль, придавив её своим весом. Но тут же быстро вышел из неё и перекатился на бок рядом.

Под конец, от унижения и неудобной позы у девушки сил не осталось совсем. Даже на слёзы. Но только лишь почувствовав, что её уже не удерживают, она потихоньку, еле-еле, но всё-таки начала отползать. Ей очень хотелось оказаться сейчас где-нибудь в Антарктиде или на Луне — главное подальше от этого мужчины. Поэтому она ползла до тех пор, пока не свалилась с дивана. Там, на полу, сидя и всё ещё всхлипывая, Жак принялась натягивать на себя джинсы с трусиками.

Справившись, девушка так же медленно поднялась и на ватных ногах, с не застёгнутой ширинкой, поплелась из кабинета, держась руками за стены и косяки дверей.

— Дура, — прозвучало ей вслед.

Она вздрогнула и на миг остановилась, но тут же двинулась дальше. С перерывами на отдых дойдя до ванной и выпустив оттуда Сулу, она сама там заперлась, разделась, выкинула в мусор джинсы с трусиками со следами спермы Чарльза а и встала под горячий душ.

Её трясло. Всю. Слёзы опять полились градом, словно вода из разбрызгивателя, но боль не шла на убыль. И даже наоборот — по мере того как Жак приходила в себя, волной горя её накрывало всё плотнее и тяжелее. Девушка рыдала до рвоты, до судорог во всём теле. Но этому она была только рада — ей так хотелось смыть с себя и из себя всё в слив. Там всему этому было самое место. Туда же, кстати, из неё всё ещё вытекала и сперма мужа.

Обида душила, сжимала горло мёртвой хваткой и не давала дышать. Жаклин судорожно хватала ртом воздух. Она уже доходила до какого-то отчаяния, не зная, куда деться от этой всепоглощающей, раздирающей боли.

Рыдания иссякли только лишь вместе с последними силами. Полностью выжав себя всё до капли и физически и морально, Жаклин буквально выползла из душа и прошла в гостиную — Чарльза уже нигде не было видно — и, кое-как расстелив постель, замертво рухнула и уснула тут же с мокрыми волосами.

Но спала она плохо и тревожно. Постоянно просыпалась и ворочалась. Ей снились разбившиеся зеркала. Она брала зеркало и вешала его на гвоздик, но как только отворачивалась, оно падало и разлеталось на мелкие осколки. Она опять где-то находила целое зеркало и опять вешала его на этот же гвоздик, но он в который раз обламывался, и зеркало в который раз падало и разбивалось. Устав ещё и от этого, Жаклин проснулась окончательно.

Глава 5 °Саламандра Часть 2

Часть 2

Был уже вечер. Сумерки. Видимо, проспала она довольно долго и поэтому встревоженный организм, восстановив силы, тут же пробудился и взял своё.

«Александр! — первое, что пришло ей в голову, как только она открыла глаза. — Родной мой», — мысленно позвала девушка. Но никто не откликнулся.

В комнате никого не было, и только верная Сула свернула колечком на полу у дивана.

По мере того как Жаклин отряхивала с себя остатки сна, ей всё больше давало о себе знать ощущение будто её переполовинили — вроде бы руки, ноги на месте, но целой она себя ощутить не могла, как ни старалась. Ей то и дело казалось, что половина её туловища — уже не более чем фантом.

А сердце будто разрослось до невероятных размеров. Заняв почти всю грудную клетку и подступив к горлу, эта главная мышца кровообращения тут же принялась рваться на части.

Девушка приложила руку к груди. Может быть, если она погладит и приласкает своё бедное сердце, оно поймёт, что кому-то есть до него дело, обрадуется и успокоится? Но упрямое сердце и не думало униматься. Оно кричало, буквально вопило внутри и рвалось, и билось, и болело.

«Господи, — девушке начало казаться, что она гибнет, пропадает, горит заживо как саламандра*. — Если ничего не изменится, вернее, если я сама ничего не изменю, мне и руки-то на себя накладывать будет ни к чему — я и так подохну», — вынуждена была опасаться она за себя уже не на шутку, поэтому схватилась за остатки разума и попробовала думать, хоть и это напоминало ей пробные, робкие шаги по первому тонкому льду, который грозил в любое мгновение проломиться и погрести её под собой. Окончательно и навсегда.

Влюблённая даже не то что понимала, она ясно видела, что Александр её предал. Он предал их чувство, их пару. Вот так вот за её спиной пришёл и рассказал всё Чарльзу. Да ещё и поделился с ним этими радостными снимками, их счастливыми моментами. Самым сокровенным, интимным.

Мысль зацепилась за воспоминания и понеслась вскачь по недавнему прошлому. Жаклин лежала и вспоминала: хайлэндс, гору Крика, её озеро, «London Eye» и ещё много приятных и волнующих мелочей. Так вот постепенно, собрав у себя в голове пазлы их отношений за последний месяц, вспомнив, каким Александр был с ней всё это время искренним и влюблённым, да и к тому же сам юноша настолько приучил её «читать» его между строк, что она вдруг ясно осознала: он её любит. Иначе просто и быть не может.

«Он меня любит! — радостно воскликнув про себя, с удовольствием закрепила бедняга в мозгу этот постулат. — Только вот что это меняет?» — тут же спросила себя Жаклин и принялась дальше развивать мысль о том, что если уж Алекс её любит, то своим поступком он отказал не только ей в любви к нему, но и себе — в чувстве к ней и сам, скорее всего, от этого очень страдает. И получается, что его предательство было не ради самого предательства, а только лишь способом оттолкнуть её и как можно дальше?

«Поздно. Слишком поздно. Я уже прощу тебе всё, — мысленно обращалась она к своему шотландцу. — Вот такая вот я дура, — лёжа на диване в сумерках гостиной, ругалась на себя Жаклин. На том самом диване, который они с Александром две ночи подряд испытывали на прочность.

«Боже, — накрыла она лицо руками, — что мы тут тогда творили! Какой же он... сладкий, любимый, родной и единственный», — опять погрузилась в воспоминания влюблённая. Её шевеления заметила Сула и поднялась на лапы. Собака положила голову сбоку на подушку — подходило время вечерней прогулки.

— Потрепи, непоседа. Скоро пойдём, — с любовью и нежностью погладила её хозяйка по приятной, гладкой шерстке, напоминающей мех норки.

«Чёртов Кирк! Наверняка, это его рук дело», — уже в который раз злилась Жаклин на мистера Бикстера, хоть всё это время отлично понимала, что если бы Александр по-настоящему захотел быть с ней рядом, целая армия Кирков не смогла бы ему противостоять. Да и она со своей стороны могла, и была готова, вцепиться в парня хваткой питбуля и не отдавать его ни дяде, ни Господу Богу, ни дьяволу, но...

Тут открывалась целая куча «но».

Девушку мучили сомнения. Они терзали её и до предательства Алекса, а сейчас так и подавно.

Даже если она убедит парня, что они вместе со всем справятся и не нужен им никакой Кирк с его фирмой, филиалом или чем-то там ещё, сможет ли она дать этому амбициозному юноше столько, сколько дал бы ему его бизнес? Отвоевать — это одно, а вот потом всю жизнь убеждать, что он сделал правильный выбор, когда ты сама в этом далеко не уверена — это совсем другое. К тому же, её не отпускали воспоминания того, как Алекс говорил о своей мечте иметь собственную компанию. Он стремился именно к этому, а не к жизни с ней.

Имея такую перспективу, Жак принялась уговаривать себя, что всё не так уж страшно, что жила же она как-то и до Алекса, значит, сможет жить и после него. Но каждый раз, как только «ударялась» мыслью о том факте, что Алекса больше не будет в её жизни никогда, её изнутри начинало разрывать просто в лоскуты, а в голове билось только одно слово: «Нет!».

Бедняжка и понимала и не понимала, почему её же собственные мозги живут своей жизнью и всё время заворачивают свою хозяйку не туда. Её любимый мужчина её предал! Всё! По идее, ей следовало бы обидеться, а гордость обязана клокотать внутри как исландские гейзеры и придавать силы только лишь плевать и фыркать при упоминании его имени. Она должна его ненавидеть и презирать.

А она любила.

Жаклин чувствовала, что любит, просто обожает этого засранца и ничего не может с этим поделать. Душа рвалась в клочья! Противоречия, боль и отчаяние брали за глотку, наполняли голову по макушку, бедолага переставала что-то соображать, а только лишь чувствовала безграничную, болезненную, ноющую горечь. Она жутко, до внутреннего крика, до льда в жилах, до истерики хотела его видеть. Не отпускать! Мечтала ещё хотя бы раз прижаться к родному, сладкому, желанному телу. Ощутить себя под его «зонтом», вдохнуть ЕГО запах — лучший на всей Земле.

«Мне нужно с ним поговорить. Да. Обязательно», — решила Жак и даже заулыбалась. Ей сделалось гораздо легче только лишь от перспективы, что она вновь увидит Алекса, подышит с ним одним воздухом и заглянет в свои любимые «тюльпаны». Хотя бы ещё раз. Ну и, конечно же, послушает, что он сможет сказать ей в глаза.

Увидеть МакЛарена, а главное, поговорить с ним, удобней всего у него в квартире. Но сегодня она решила не идти. Ибо это будут одни сплошные рыдания и истерики, а ей хотелось пообщаться, по возможности, нормально. Ну, сколько выдержит.

Остатки этого вечера Жаклин провалялась на диване. Чарльз всё ещё не подавал признаков жизни. Видимо, пропив всю ночь, да ещё и облегчив уязвлённое самолюбие изнасилованием, он улёгся отсыпаться у себя в спальне. Девушка, поднявшись только лишь однажды и исключительно ради своей Сулы, выгуляла собаку, покормила её и, не найдя в себе силы преодолеть отвращение к любого рода и вида пище, легла спать с зажатой в руке флеш картой.

И не сомкнула глаз до трёх часов ночи.

Мысли толкались в голове, распихивая друг друга локтями.

Правда, на этот раз среди них появились и, что называется, «чужаки», то бишь, раздумья о Чарльзе. Лёжа в постели и поигрывая в руках флэшкой, миссис Рочестер осторожно попробовала подпустить к себе тот факт, что супруг ей, оказывается, изменял. И даже с облегчением выдохнула после того, как не почувствовала ни обиды, ни горечи. Ничего. Только лишь удивление и непонимание на фоне какой-то категорической брезгливости. Это всё, что было доступно ей в качестве реакции на человека, за которого она два года назад вышла замуж.

Кстати, подумав о брезгливости, Жаклин сразу же оглянулась вокруг. Никаких изменений в ночной гостиной — всё тот же секретер, всё то же окно, те же кресла и журнальный столик. Девушка и раньше особого уюта здесь не ощущала, но в свете последних откровений супруга ей стало особенно не по себе — неизвестно с кем он там ей изменял и как далеко в пылу страсти были посланы им правила личной гигиены и контрацепции. Жаклин понимала, или даже чувствовала, что её дни в этом жилище сочтены, но сейчас ей резко расхотелось прикоснуться здесь к чему бы то ни было вообще.

Скоро она будет жить одна. Опять одна.

Проснулась она около девяти часов утра. Её разбудил Чарльз, собираясь на работу.

Вообще-то, всё снова стало как всегда, будто вчерашнего дня и в календаре-то не значилось. Передвигаясь по квартире, муж всё так же ни разу не посмотрел в её сторону и не обратил на жену ни малейшего внимания. Жаклин же, будучи почему-то уверенной, что больше он её не тронет, его не боялась как раньше, так и сейчас.

Но, тем не менее, после того, как за ним захлопнулась входная дверь, вздохнула с облегчением.

В этот день девушка передвигалась по квартире точь-в-точь как зомби и очень мало. И даже когда валялась на диване, почти не шевелилась. Не ощущала потребности, не видела смысла и не находила в себе силы.

Время потеряло для неё свои обычные мерки: завтрак, прогулка с Сулой, хлопоты по дому, обед, прогулка с Сулой, сон. Выйти на улицу с собакой она себя, конечно же, заставила, но на всё остальное в доме смотрела с какой-то дикостью во взгляде. За два года жизни здесь с Чарльзом она, если не полюбила свой дом, то хотя бы к нему привыкла. И вот только лишь за несколько часов эта привычка куда-то испарилась. Сошла на нет.

Жаклин держалась только на том, что жила в этой квартире, когда познакомилась с Алексом и именно из неё ходила к нему на футбол и уезжала с ним в хайлэндс. И именно отсюда, ей предстоит отправиться на эту решающую, не исключено, что последнюю встречу со своим любимым предателем.

Жаклин знала, что он опять приступил к тренировкам, и сегодня должна была состояться одна из них, поэтому начала собираться только после шести. Предварительно выгуляв Сулу, она зачем-то опять приняла душ, расчесалась, приободрилась, а потом снова

упала духом и выдворилась из дому, еле-еле волоча ноги.

Она могла бы сесть на автобус — одиннадцатый шёл как раз к StockmoreSt, но только вот не представляла, что сможет сейчас остановиться. Хоть где-нибудь: на остановке, в магазине — не важно. Ей хотелось идти и идти. Пробираться и пробираться. К нему. Жаклин даже закралась безумная мысль — она начала жалеть, что Александр живёт с ней в одном городе, а не где-нибудь далеко-далеко. Да хоть в хайледсе! Она бы дошла туда пешком. Пришла бы к нему вся в лохмотья и стоптанных туфлях — именно такой внешний облик целиком и полностью отразил бы её нынешнее внутреннее состояние.

Скорее всего, продвигалась она медленно и довольно долго, но пути почти не заметила — внешний мир с его измерениями и раздражителями сейчас воздействовал на неё очень плохо и слабо. Погода была уже привычная — морозы отступили и пришли дожди и ветра. Девушка не взяла с собой ничего в руках, поэтому просто шла по знакомым улица вечернего Оксфорда и куталась в пуховик. Впереди была встреча с Алексом! Сквозь весь ужас, поселившийся внутри, Жаклин нашла в себе силы порадоваться.

Искать StockmoreSt, у неё не имелось никакой необходимости, доктор Рочестер доподлинно знала место её расположения. Иногда, возвращаясь с работы пешком, доктор Рочестер проходила мимо этих тихих улочек по более оживлённой CowlayRd.

В домофон, условилась сама с собой, не звонить, а дожидаться, пока кто-нибудь откроет дверь подъезда. И здесь она ждала довольно долго, но опять этого не заметила. Кажется, любые жизненные мелочи и нюансы потеряли для неё всякую актуальность. Да и к тому же, девушка как могла оттягивала встречу, как бы смакуя, предвкушая, но и в то же время страшно боясь последствий.

В конце концов, её ожидания увенчались успехом — из дома номер девять вышли две девочки лет по десять, и Жаклин без проблем зашла в подъезд.

Квартира номер два оказалась на первом этаже, так что, очутившись внутри, гостя тут же упёрлась в её двери и, не давая себе времени подумать или подготовиться, нажала на звонок.

* * *

После того как Александр высадил Жаклин возле её подъезда и остался наедине с собой, его ощущение тревоги и внутреннего дискомфорта резко усилилось. Уже паркуя Q7 на стоянке своего нового жилища, парень понял, что сна ему не видать как дна Лох-Морар**. И не исключено, что в ближайшем будущем — включительно.

Его всего что-то держало на взводе, даже на привязи, что-то раздражало, не давало покоя. Да, Кирк его поставил перед выбором, но не это тревожило парня и свербело у него внутри. По поводу ультиматума дяди Александр планировал хорошенько подумать и попытаться найти выход из положения. Прикинуть: что к чему и кое-что предпринять. Он свято верил в себя и то, что что-нибудь придумает, знал наверняка. Но это потом. Чуть позже. А сейчас-то что? Что не так? Что конкретно его беспокоит? Ему очень хотелось, что называется, «отряхнуться» от этого дискомфорта, но только вот как это сделать?

Первым делом он попытался заглянуть в своё нутро, но там был бардак способный своими масштабами посрамить хаос первичного состояния Вселенной и даже беспорядок в комнате такой творческой личности как его родная сестра.

И тогда он принялся вспоминать.

Когда-то давно, присутствуя при разговоре своей матери с Эшли, юноша, будучи ещё долговязым подростком двенадцати-тринадцати лет, подслушал, как женщины что-то

рассказывали друг другу об их общих знакомых, и тётка не могла вспомнить какую-то фамилию. И тогда мать в помощь приятельнице поделилась одним интересным приёмом: если не можешь вспомнить фамилию человека, начни проговаривать вслух алфавит. Когда ты дойдёшь до той буквы, на которую эта фамилия начинается, ты всё вспомнишь.

Взяв на вооружение этот механизм, Александр иногда обкатывал его и на других ситуациях. Так и на этот раз парень принялся последовательно вспоминать весь ход беседы с дядей. С самого начала. Вот они прошлись по Мэри, вот заговорили о Жаклин, вот Кирк начал её нахваливать, вот... и только Александр дошел до того момента, когда Кирк поставил его перед выбором, у него в мозгу как будто прозвучал щелчок. Такой ломкий и сухой. Вот! Это было оно! То самое! Выбор!

Парень понял, что не нужно ему долго и нудно думать над дилеммой и напрягать голову, не стоит искать выход из ситуации. Поздно. Выбор уже сделан. И такой, что теперь не свихнуться бы от внутреннего протеста и отвращения к себе.

Александр был даже не то, что огорчен или разочарован. Его состояние можно описать как пограничное между конечной точкой злости и начальной стадией свирепости.

Меряя шагами гостиную в своей квартире, и зарываясь пальцами себе в волосы, он никак не мог понять, почему он не хочет бороться? Ему лень? Нет. О лени речь не идёт. Ему страшно? Ну, вот ещё! Он пасует перед Кирком? Ни в коем случае! Александр точно, доподлинно знал, что может надавить на Кирка а и довольно успешно. И тут до него дошла мысль — он боится. Ужасно, просто до мороза в позвоночнике боится, что со временем начнёт понимать дядину правоту. Признает его пророчество. Парню казалось, что вот этого-то он точно не переживёт. А вдруг, действительно, пройдёт полгода, и Жаклин ему начнёт надоедать? Ну, а вдруг? Почему такого не может быть? Какой срок у их отношений? Сейчас они на самом пике, а вот что будет дальше? Если даже сама Жаклин боялась, что они погрязнут в рутине, значит, в этом есть смысл?

Парень очень чутко прислушивался к себе на предмет боязни послать Кирка подальше, «уйти в свободное плавание» и «утонуть». Такой трусости и продажности он бы себе точно не простил. И с облегчением понимал, что это его не пугает. Он бы мог взять свой траст, закончить Оксфорд, вернуться с Жаклин хотя бы в Глазго и начать пробиваться там, как начинал и сам Кирк.

Александр вспомнил, как Дженни всё время мечтала выкупить у Эшли её долю в кафе и перепрофилировать его в детское. Продумать что-нибудь ещё с творческим уклоном.

Поэтому юноша точно знал, что не пропадёт, но дело было совсем не в этом. Ещё занимаясь в спортивной школе боксом, от своего тренера мистера Вальца Александр услышал пафосную фразу о том, что в жизни нужно точно для себя решить: льёшь ты слёзы или кровь. Конечно же, тогда ему эта чепуха понравилась и иногда даже помогала в поединках. Было в ней что-то эдакое, заводное, воинственное, она давала правильный настрой. Но со временем эти слова как-то так надоели и забылись. И вспомнились только сейчас. Хотя он всегда знал, что ему проще, и лучше, и слаще, и правильной лить кровь. Таким он родился.

Он выбрал Кирка. Мечту. Ему даже полегчало.

Парень прекрасно понимал, что мечту эту ему указал Кирк, но всё-таки его мечта — это он сам. Часть его. Его сущности, его жизни, его возможностей, его желаний. Отказавшись от мечты, ему бы пришлось проститься с частью себя.

«Жаклин, — сидя на кресле в своём «логове», Алекс схватился за голову. — Боже».

Парень уже сейчас видел ясно, что и от Жаклин ему целым и живым не уйти. Если руки-ноги она ему оставит, то сердце порвёт точно. Скормит голубям на Трафальгарской площади и правильно сделает. И именно к этому он начал готовиться.

Нужно было каким-то образом и самому войти в это и впустить это в себя. Это был его ад, его Галгофа, его чистилище. Тому, что он собирался сделать, название ещё не придумано. По крайней мере, не в его мире.

Это являлось для него какой-то дикостью, варварством. МакЛарен подскочил с кресла и принялся ходить из угла в угол и приглушенно рычать. Если сказать, что ему было плохо, то это не сказать ничего — парень перерождался на глазах. Он понимал, что после того как всё закончится, ничего из этого он себе позволить уже не сможет. Сделал — не жалеет. И он не будет.

Его посещали различные мысли. В том числе и о том, что Джеки тоже поспособствовала этому решению, даже сама того не желая. Своими рассуждениями о рутине и тем, что не дрогнула перед угрозами Кирка, она показала юноше, на что способна, на что рассчитана. Александр поверил в неё. Его Сасенак справится, выживет. Но всё равно то, через что он заставит её пройти резало его по живому на полосы, а потом шинковало на кубики. Мысль о том, что, возможно, вся стойкость и вся сила девушки держится только на чувстве к нему, Александр старательно от себя гнал.

«Жаклин не такая, — стискивал челюсти парень. — Она найдёт себя и в самой жизни».

А ещё, он боялся, что если не рассмотрел в ней ту силу, которой она обладает, то скорей всего, не видел и ещё много другого. И это его пугало. Кроме того, с этой девушкой для него всё будет слишком болезненным, слишком чувствительным, каждое открытие, каждый поворот в характере. Возможно, он предпочтёт спутницу, которая не сможет его так удивить, поразить, взволновать до такой степени. Возможно.

Но и это было ещё не всё.

Когда Александр выжал из себя всё до капли, казалось, растратился весь до последнего движения души, то принялся «брать в долг» — парень подумал о том, что со временем Жак, скорее всего, его забудет, полюбит кого-то другого и выйдет за того замуж. Картинка того, что какое-то чмо прикасается к телу его Джеки, целует её губы и владеет ею, отбрасывало его прямо к разговору с Кирком. К самому его началу. Александр резко хотелось сделать вид, что этого разговора не было никогда. В природе не существовало. Отдать свою Жаклин какому-нибудь «олению» — парень и рад бы был это с чем-нибудь сравнить, да не мог. Ну, если только с беспрецедентным, кромешным адом.

В воскресенье от Чарльза Александр вышел с огромной дырой вместо груди. Ничего не ныло, не болело, не беспокоило, потому что ничего и не было. Его самого уже не было. С мира тоже стёрли все краски. Чуть позже, уже направляясь к себе домой на машине, по дороге он с удивлением обнаружил, что различает красный и зелёный сигналы светофора на пересечении HighSt и CoveredMarketSt. Это было неожиданно и странно.

Юноша даже не знал что сделать, чтобы почувствовать хоть что-нибудь. Радовало только то, что о сумасшествии пока речь идти не могла — по возвращении домой, он сел за уроки и — о, чудо! — у него получилось сосредоточиться на методе наименьших квадратов в математической статистике.

Вечером он поехал на тренировку по футболу и там статус удачливого математика сменил на статус фартового футболиста — мяч почти не срывался с ноги и ворота стали как будто на пару метров шире. Это было тем более удивительно, что после смерти Киры ему

ничего не помогало. Но тогда он хотя бы был. А сейчас... Окрылённый тем, что может заниматься спортом, парень позвонил в любительский клуб бокса в «Колледже Всех Душ» и записался на спарринг. Поединок это даже не футбол. Поединок — это сила!

Вечером позвонил Штэфан из Глазго. Александр давно не созванивался с земляками, и, признаться, почти уже о них забыл, настолько Жаклин заполонила его всего. Услышав знакомый голос Квёльца, парень даже сам удивился, что где-то есть его родной город, его Шотландия, что она, скорее всего, осталась такой, из какой он уехал всего четыре месяца назад.

Как в забытьи разговаривая со своим другом и обсуждая новости, Александр поражался тем изменениям, которые произошли в нём благодаря Жаклин и тому, что он её предал. Он как мог вспоминал, каким он прощался со своим бывшим однокурсником и товарищем по команде в Глазго и старался в разговоре быть именно таким. И может быть, у него даже получилось, но чего ему это стоило, знает только он один.

Юноша ожил только в понедельник. Зная наверняка, что сегодня вечером, после возвращения с работы Чарльза, муж с женой, скорее всего, будут выяснять отношения, он не выдержал и поехал к их дому.

Было около шести часов после полудня. Сумерки. Самый разгар студенческих обедов. Александр опять поставил свою Q7 возле Издательства Оксфордского Университета и дальше прошёл пешком. По мере приближения к подъезду ему начинало казаться, что до него уже чуть доносятся ругань и крики, но на удивление в окна квартиры четы Рочестер не было даже света. Да и вокруг стояла умиротворяющая, влажная тишина и спокойствие.

Он прошёл с улицы во двор и посмотрел на окна спальни на втором этаже, но и им обрадовать парня признаками жизни не удалось. Александр был обескуражен, ничего не понимал, но и уйти не мог. Просто стоял и всё. Ждал ли он чего-нибудь? Вряд ли. Его каким-то непостижимым образом «грело» это место. Он постоял, «погрелся» и поехал домой. Никаких выводов и мыслей от этого посещения у него не нашлось.

Кстати, проезжая по вечерним улицам Оксфорда и не испытывая желания завернуть в какую-нибудь кафешку перекусить мясом или рыбой, парень уже не в силах был игнорировать тот факт, что у него напрочь пропал аппетит. В это поверить было столь же трудно, как и в образцовый порядок в комнате Дженни, но желания что-то в себя запихнуть из еды, действительно, не наблюдалось.

Сколько себя помнил, Александр никогда не терял интереса к пище и потребности в ней же. Даже когда не стало отца, даже когда Кира обвинила его в своей смерти — никогда. А тут его организм как будто уснул и перестал требовать «горючего».

Кстати, о снах. Они ему тоже уже только снились. Он забывался лёгкой дремотой лишь к часам пяти утра, но в семь был уже на ногах. И как ни странно, это не сказывалось на его энергии — молодой организм выдерживал тяжелейшие нагрузки легко, почти играючи. Александр очень хотелось свалиться от усталости, но психика показывала, что о том, чтобы вырубиться и отдохнуть, пусть он пока только мечтает.

Этим же вечером позвонила сестра. Они не связывались друг с другом с того самого момента, как Александр уехал с Жаклин на Torrison.

Поначалу, как и положено Дженнифер, она принялась болтать о школе, учителях и общих знакомых, просила о новоселье, но потом, почувствовав, что брат отвечает кратко и односложно, тут же исправилась.

— Что-то случилось? Что с тобой?

— Я расстался с Жаклин, — ответил он так, будто не слушал ни слова из того, что ему говорили, а думал всё это время о себе и Жак.

Пауза. Дженни переваривала информацию.

— Ну и что? Сегодня поссорились, завтра помиритесь, — наконец сказала она, пытаюсь быть оптимисткой.

А вот её брата оптимизм сейчас только раздражал.

— Дженн, ты слышишь, что я говорю? Мы не поссорились, мы расстались! — немного повысил он тон.

— Почему? Она тебе надоела?

— Господи ты, почему сразу надоела? Мы встречались всего месяц! — уже не на шутку начал раздражаться парень.

— А что ты орёшь на меня?! — обиделась девчужка. — Тебе всю жизнь все девчонки надоедают, что я ещё могу подумать?

— Да... извини. — Почесал макушку Алекс. — Но она не девчонка.

— Знаю, — вздохнула на том конце его сестра. — Тебе очень плохо?

— Я уже третий день почти ничего не ем, — именно эта исчерпывающая информация, по мнению юноши, должна была дать понять Дженн о масштабах трагедии.

— Чего-о-о-о?! — действительно попала та под впечатление. — Как это, не ешь? Но этого не может быть! Ты всегда ешь!

— Получается, что, нет, — брат пожал плечами.

— М-да, — девчужка принялась думать. — Хочешь, я приеду?

Юноша несказанно обрадовался. Только сейчас он понял, что не пообщавшись с сестрой на каникулах, много упустил именно для себя.

— Да. Хочу. Приезжай.

— На выходные?

— Угу.

— Ты позвонишь маме и отпросишь меня у неё?

— Да. Я позвоню.

И поскольку впереди замаячило общение вживую, Дженни решила прощаться.

«Позвоню Уне и Марте, — уже планировала про себя девчужка. — Расскажу им, что еду в Оксфорд к брату, и заскочу на выставку бумаги в Лондоне, куплю там себе травяной папирус ручной работы. Пусть завидуют».

— Пока? — спросила она вслух у Алекса.

— Пока. До встречи, — попрощался тот и нажал на отбой.

«Жалко его, конечно, — продолжила девчужка, тоже завершая вызов. — Ну, ничего. Я ему помогу», — в задумчивости приложила она аппарат к губам.

И для Александра Дженнифер, действительно, являлась последней надеждой на успокоение.

А предпоследней был бокс.

Агрессивного желания и какой-то холодной, спокойной ярости на этот поединок у парня имелось хоть отбавляй, поэтому ничего удивительного, что он так схлестнулся с Ли Панеттой — двадцатилетним членом клуба любительского бокса, что расквасил ему нос, а тот немного подбил Александр верхнюю губу.

Никогда ещё членовредительство не доставляло юноше столько удовольствия — ранка ныла и очень неплохо напоминала, что он всё-таки скорее жив, чем мёртв. Теперь он был на

машине, поэтому, даже не стал принимать душ в клубе, а переоделся, закинул вещи на заднее сидение и рванул к себе в квартиру — отмачивать синяки в ванной.

Он только-только просушил полотенцем голову и заварил чай, когда в дверь позвонили.

Ему сразу же это не понравилось. Он не спешил оповещать ребят из колледжа о своём новом адресе — узнав, что один из них снимает квартиру в одиночку, его могут лишить уединения и покоя за шестьдесят минут и до бесконечности.

Юноша подошёл к двери и, поскольку за время жизни в общежитии успел отвыкнуть смотреть в глазок, тут же её распахнул.

Перед ним стояла Жаклин.

Вернее, не совсем Жаклин, а только то, что от неё осталось.

Осунувшееся личико, двойные мешки под глазами, впалые щёчки — Александр резко захотелось застрелить Кирка. Наверное, и рука бы не дрогнула. А когда он увидел, как просияло её лицо при его появлении, то подумал, что не меньше дяди заслуживает такой же «чести» и даже, может быть, больше.

«Боже».

Имя Господа было единственным словом доступным ему на тот момент из всего его лексикона.

— Привет, — сказала между тем Жаклин, уже рассматривая его свежесподбитую губу. Увидев, что он только что после душа, доктор Рочестер тут же догадалась об «этиологии ранения».

Она в это время, между прочим, предавала саму себя. Медленно и неотвратимо.

Вообще-то, девушка понимала, что пришла в качестве живого укора, но её неумное, наивное сердце запело, только лишь ОН появился на пороге.

Разумеется, она не заметила и не осознала, как заблестели её глаза, стоило им увидеть Алекса. Жаклин только лишь стояла и держала себя в руках — ведь перед ней был её любимый мальчик и не кинуться ему на шею, не прижаться, а точнее сказать, не вжаться в него всей собой, не попытаться срастись телами, включая системы кровообращения и органы дыхания, ей стоило вполне себе взрослых усилий.

— Привет, — поздоровался парень, избегая смотреть в глаза своей Джеки. Он возненавидел себя ещё больше, если такое возможно, но всё-таки не пригласил её в квартиру, а переступив вперёд через порог, закрыл сзади за собой дверь.

— Александр, — начала было несостоявшаяся гостя, но как только сформулировала в уме то, что хотела сказать и смысл фразы дошёл до неё самой, к горлу подступил большой плотный комок.

Слова застряли, дыхание сорвалось, в глазах налились слёзы. Но выдавливать из Алекса слезами жалось, это последнее, что она хотела бы вообще. Жаклин разозлилась, плотно сжала губы, а заодно и кулачки, всё-таки сглотнула и закончила совсем другими словами: — Очень больно? — и, кивнув подбородком на его рану, вопросительно, как ей казалось, а на самом деле, с нечеловеческой мольбой побитой собаки и одновременно твёрдостью Дарта Вэйдера во взгляде посмотрела на своего любимого человека.

Тот тяжело и медленно набрал в лёгкие воздух и так же напряженно выдохнул.

— Жаклин, — начал он доброжелательным, вплоть до нежности, тоном, — уезжай в Лондон. Чарльз не твой человек и я тоже... не для тебя, — Александр в сожалении растянул губы.

— Это из-за того, что я не дала тебе шанса разобраться с Кирком?

— Жак, — юноша сделал бровки домиком и со спокойной мольбой посмотрел на девушку, — твоё место в Лондоне. Там ты сможешь найти СВОЁ, понимаешь? — он скрестил руки на груди и, как будто этого отгораживания ему было мало, спрятал ладони у себя в подмышках.

Они стояли и молчали.

Жаклин не могла найти, что ответить на такой совет. Она сморгнула и ощутила, что по щекам потекли слёзы. Вся в смятении, девушка пыталась достать из памяти: что ещё хотела сказать и, ничего не вспомнив, с отчаянием поняла, что может быть свободна.

Александр терпеливо ждал, не решаясь произнести хоть что-нибудь. Видимо, поняв, что это — всё, и парень будет стоять здесь столько, сколько и она, Жаклин принялась разворачиваться и свинцовыми ногами сделала первый шаг к выходу из подъезда.

Потом также второй.

Потом третий.

У неё сложилось ощущение, что она идёт по шею в воде, с трудом раздвигая эту жидкую, но, тем не менее, довольно плотную среду. Вот сейчас она нажмёт на кнопку домофона, откроет дверь, выйдет, и... погибнет. Когда девушка уже протянула руку к устройству...

— Стой!

Она успела только остановиться, развернул её уже сам Алекс.

Он припал губами к её солёному от слёз рту как ненормальный, хотя, скорее всего, таким и являлся. Парень сильно, до боли сжал её лицо и, нагло, напористо, собственнически ворвавшись ей в рот языком, начал пожирать её губы своими, наслаждаясь в этот момент болью от ранки.

Юноша сминал её волосы, стискивал шею, лихорадочно прижимал к себе за затылок, а потом опять нажимал большими пальцами на щёки. И всё это время терзал её губы снова и снова.

Это был поцелуй полный отчаяния, поцелуй-воплль, поцелуй-откровение.

Выразив хоть что-то из того, что он хотел показать, МакЛарен оторвался от своей Сасенак и, обняв девушку за шею ладонями и стискивая её в руках как ножку вазы, чуть пригнулся в коленях и посмотрел ей прямо в глаза.

— Я люблю тебя, — сказал Александр. — Слышишь? — он легонько встряхнул девушку. — Я люблю тебя, Жаклин.

Та, тут же схватилась было за его запястья, открыла рот, чтобы что-то сказать, но парень быстро вырвался, сделал шаг назад и сделал «руки вверх».

— Иди, — кратко сказал он и, сделав ещё один шаг назад, низко опустил голову. Затем, чуть подождав и видя, что Жаклин не двигается с места, мягко и тихо повторил: — Иди, Жаклин.

Девушка понимала, что близка к обмороку, поэтому, схватилась за дверь одной рукой, а второй прикрыла себе рот, откуда уже вот-вот готов был вырваться шквал рыданий.

Чтобы не разрыдаться прямо здесь, перед Алексом, она быстрее нажала на кнопку домофона, и как только прозвучал сигнал, и дверь начала открываться, вывалилась на улицу.

Свежий воздух и люди вокруг придали ей силы, но рыдания девать было некуда. Они рвались, не зная удержу и им всё-таки нужен выход.

Жаклин очень хорошо знала местность, поэтому ей, даже в таком состоянии, не составило труда вспомнить, что по ближайшему переулку можно выйти прямо на Луг

Церкви Христа. Это недалеко.

Всё так же закрывая рукой рот, побрела туда.

Там, прислонившись к одному из деревьев, растущих вокруг самой лужайки, и видя, что находится в отдалении от пешеходных троп, дала себе волю.

Её настолько выворачивало, что рыдания почти сразу же перешли в рвоту. Жаклин начало рвать. А учитывая, что она три дня почти ничего не ела, её позывы к рвоте больше напоминали судороги эпилепсии.

После чего девушка, к своему удивлению, почувствовал тошноту. Скорее всего, её тошнило от голода и на нервной почве, но какой-то червячок сомнения всё-таки закрался ей в душу.

Этот червячок люди издавна окрестили «надеждой».

Тошнота прочно поселилась внутри и не уходила, даже когда Жак подняла голову и дыханием и расслаблением попыталась восстановить нормальное состояние внутренностей. И тут её буквально «прострелила» насквозь мысль о том, что сегодня же двадцать восьмое число. Или сегодня, или завтра у неё должны начаться месячные.

Не смея надеяться ни на что, ибо задержки у неё случались и раньше, девушка, тут же успокоившись и собравшись с последними силами, судорожно принялась вспоминать о ближайших к этому месту аптеках.

В филиале крупной аптечной сети «Chemistry» на улице Broad walk ей предложили на выбор четыре теста на беременность, в том числе, два из них — электронные. Примерно, по двадцать фунтов каждый. Она взяла оба.

Когда Жаклин вернулась домой, муж работал у себя в кабинете за закрытыми дверями.

«Нужно завтра же позвонить в контору, — вспомнив о муже, сразу же подумала девушка о риэлтерском агентстве «BWR», которое занималось её квартирой в Лондоне. — Пусть освобождают квартиру».

Только спустя много времени, Жаклин, вспоминая эти события, оценила, насколько вовремя появились эти надежды на беременность, не дав ей полностью сосредоточиться на своём отчаянии и погрузиться в него с головой. Она сразу же сумела взять себя в руки и её мозги, «пытаясь усидеть на двух стульях», разрывались между мыслями о Алексе и о возможной беременности, и толком не работали ни в том, ни в другом направлении.

И результат не заставил себя ждать — в тот вечер домой она вернулась почти без слёз и перед сном сумела протолкнуть в себя йогурт с кусочками яблок и даже подумать, что это необычайно вкусно. А улёгшись столь «сытой» в постель, не смотря на мандраж ожидания, только лишь активировала в телефоне будильник и уснула.

Когда в третьем часу после полуночи Чарльз вышел из кабинета и прошёл на кухню, а потом в спальню, ей уже снилась мама.

Мама была высокой и далёкой. Её фигура находилась от дочери на расстоянии, наверное, десятка футов, не меньше, но Жак отчётливо ощущала, как мамины руки гладят её по волосам. Как в детстве. У Жаклин «пружинки» постоянно запутывались и лохматились, и маме, чтобы погладить дочь по голове, приходилось попутно немного расчёсывать её волосики пальцами. Мама расчёсывала и распутывала, но это никогда не было больно. У самой Жаклин так никогда не получалось.

Вот так и сейчас мама гладила дочь по голове и улыбалась. А потом девушка увидела в руках у мамы бабочку. Бабочка была очень большая и белая как мама. Женщина посадила эту бабочку дочери на волосы, а сама исчезла после этого. Жаклин сняла с волос насекомое и

подбросила в воздух, чтобы оно полетело и вернуло ей маму. Но сколько она бабочку не отпускала, та всё время возвращалась и салилась девушке на волосы.

Так и не избавившись от бабочки и не вернув маму, Жаклин проснулась по будильнику. Вспомнив одновременно и об Алексее, и о месячных, девушка поднялась с постели, и день начался.

Даже будучи на работе, она несколько раз уже приготавливалась сделать тест, но так и не смогла. Из боязни увидеть отрицательный результат у неё опускались руки. Ей хотелось ещё хоть чуть-чуть пожить надеждой. Зато, как и планировала, она позвонила в своё риэлтерское агентство. Там её заявку приняли, но сказали, что нужно подъехать, зафиксировать сроки и оформить их официально.

Так и продержав себя в режиме ожидания, девушка не решилась вернуть себя к жизни, или окончательно добить, а придя домой уставшая и разбитая после работы, погуляла с собакой и легла спать.

А вот на следующее утро всё так же не обнаружив месячных, Жак всё-таки решилась.

Имела право — у неё уже была стопроцентная официальная задержка.

Проснувшись и даже не заглянув ванную и не умываясь, она оделась и прогулялась с собакой.

Затем, управившись с Сулой, достала из сумочки тест и сделала всё, как указывалось в инструкции.

Пока она умывалась и чистила зубы, пластиковая палочка лежала на стиральной машинке и одним своим присутствием затмевала Жаклин разум. Бедняжка волновалась невероятно. Вытершись полотенцем, она опустила руки по швам и сжала кулачки. Затем, не прикасаясь к тесту, заглянула в жидкокристаллическое окошко и прочитала там одно единственное слово: «pregnant»***.

*Саламáндра (лат. Salamandra, от перс. سمندر (samandar): sām = огонь, andarūn = внутри)

** Лох-Морар — самое глубокое озеро Шотландии.

*** pregnant — брит. / амер. прил. — беременная

Глава 51

Домой

Жизнь шла за лезвием ножа

Штрихом карандаша, спеша и не спеша,

Оставалась в прошлом кожуркой картошки.

Грифельной крошкой незаметно, немножко,

Уходила куда-то за углы и за даты,

За моря да закаты, и всегда без возврата.

Жизнь шла шажками малыша,

Ботинками бомжа, дыша и не дыша,

Просыпалась утром то легко, а то трудно,

Собиралась на встречу, возвращалась под вечер.

РОКОКУ 2015

Мягкий порыв ветра стряхнул с весенней свежей листвы остатки дождя. Вода брызгами посыпалась на плитку тротуара и без того абсолютно мокрую. Опять выглянуло солнце, и в воздухе заметно потеплело.

Эта весна на Британских островах выдалась быстрая, торопливая. В пику своим предшественницам с их нескончаемыми, затяжными дождями, холодными злыми ветрами и умиротворяющими сонными туманами, она предложила вниманию жителей много солнечных погожих деньков и таких же тёплых уютных ночей. Деревья, словно не ожидая, что «уже можно», скоропалительно принялись распускать листву, а капризные пальмы, мигом стряхнув остатки зимнего сна со своих зелёных «кринолинов», вдохнули жизнь в заиндевевшие почки. В парках и скверах не заставили себя ждать жуки, пчёлы и любители бега. Кто-то уже доставал из шкафов футболки и шорты, кто-то — из чулана шезлонг и ролики, кто-то из футляра — солнечные очки.

Именно к последним относилась и Жаклин, надевая свои «Burberry» на пороге риэлторской конторы, только лишь выйдя из помещения и закрыв за собой дверь.

— Ну, что же, — на прощанье протянула ей ладонь агент — миссис Каргайл — щуплая светловолосая женщина с мелкими чертами лица и тонкими губами, — ещё раз спасибо, что выбрали именно нас. Я очень довольна сотрудничеством, надеюсь, вы тоже. Если понадобится, звоните в любое время дня и ночи, — и она гостеприимно улыбнулась.

— Спасибо, — кивнула в ответ девушка, но дальше развивать тему прощания не стала. — Я обязательно позвоню, если возникнет необходимость.

Из агентства она направилась на железнодорожный вокзал.

Жаклин быстро шла по тротуару, наступая на слипшиеся мокрые зелёные листья под ногами. Полчаса назад, в тот самый момент, когда девушка оформляла бумаги у риэлторов, посреди этого тёплого солнечного благоденствия налетела чёрная туча, подул шквалистый ветер, и грянул ливень. Ветер на пару с большими тяжёлыми каплями воды взяли за деревья всерьёз и кое-где не только сорвали листву, но и пообломали небольшие ветки. Последние валялись тут же, поблёскивая на ярком солнце, ещё не успевшей высохнуть, листвой.

Жаклин торопилась. Ей нужно было уехать в Лондон как можно раньше. Девушка

спешила домой.

Когда она вышла на довольно оживлённую WoodlandSt, и впереди показалась станция метро Kelvinbridg, в кармане зазвонил телефон. Новый! Предыдущий аппарат пару месяцев назад приказал долго жить.

Звонила Эшли.

— Да, алло, — приняла вызов девушка.

— Жаклин, я только что освободилась и еду за тобой в агентство. Ты ещё там?

— Нет, я уже переоформила. Вот... иду в метро.

— Не спускайся туда. Я сама тебя отвезу на вокзал. Ты в районе Кельвинского моста?

— Да.

— Жди меня у входа в подземку. Я скоро.

Эшли подобрала Жаклин на Griat Western Road у подземного перехода, и за обсуждением общих дел и планов на следующую встречу, женщины успели аккурат к пятичасовому поезду.

— Счастливо тебе добраться, девочка, — уже на перроне Эшли взяла Жак чуть выше локтя и подбадривающе сжала. — Постарайся не думать о том, что тебе рассказала Алиса. Может быть, всё на самом деле не так, как ей преподнесли.

Пока она говорила, Жаклин, соглашаясь, кивала головой.

— Да-да, я знаю, Эшли, я знаю.

— Так что, летом жду вас всех в гости.

Падчерица грустно улыбнулась.

— Угу.

— Жак... — Эшли назидательно опустила подбородок и посмотрела на девушку из-под невидимых очков.

— Я постараюсь, — заулыбалась та.

— Ладно. Я тебе ещё по телефону надоем.

У Жаклин от благодарности к этой женщине комок застрял в горле. Она сглотнула.

— Ты не можешь надоесть, Эшли, — заулыбалась девушка. — Спасибо тебе, — и раз уж в руках у неё были только лишь солнечные очки, а все вещи лежали в рюкзаке за спиной, она от всей души обняла мачеху.

Прозвучал свисток к отправлению. Жаклин зашла в вагон и, поскольку он оказался полупустым, села на первое попавшееся место. Она помахала на прощание в окно мачехе. Поезд тронулся, и перрон, вместе с Эшли и зданием вокзала позади неё, очень быстро исчезли. Состав тут же, ещё не набрав крейсерскую скорость, переехал по мосту через Клайд. Замелькали улицы левобережного Глазго.

Жаклин сняла и положила рядом рюкзак, расстегнула парку, расположилась в кресле поудобней, приготовившись игнорировать соседей по вагону, и постепенно расслабляясь, погрузилась в воспоминания.

* * *

Тогда, в том далёком январе, только лишь увидев в окошке теста слово «pregnant», девушка в один момент почувствовала, как все её, казалось бы, такие острые, душераздирающие, жизнеобеспечивающие проблемы, в одночасье становятся не такими уж животрепещущими.

Оказывается, всё действительно познаётся в сравнении, и даже когда тебя ведут на эшафот, ты ещё можешь заблудиться и уйти туда, где предлагают на выбор мёртвую и живую

воды.

Поэтому всего лишь получасом позже направляясь на работу, Жаклин на ходу уже звонила доктору Абрамсону и договаривалась о приёме. Её мозги, чего и следовало ожидать, тут же по инерции зажгли в голове фразу: «А что скажет Александр?». Девушка вспомнила, как мило тот протестовал против гинеколога-мужчины, но тут же довольно уверенно решила, что пора заканчивать сверять свои поступки и желания с возможной реакцией Алекса на них. Она, скорее всего, беременна, а женщинам в её положении от вредных привычек нужно избавляться и даже не ради себя.

Жаклин нуждалась в подтверждении того, что у неё действительно будет ребёнок и беременность не внематочная. Последнего тест не распознаёт.

Надеясь на лучшее, она сразу же планировала как можно скорее переехать в Лондон. Убраться из Оксфорда к чёртовой матери. К тому же, у девушки появилось какое-то категорическое нежелание, нося в себе ребёнка Алекса, дышать одним воздухом с Чарльзом. Ей казалось, что это отравляет её организм, а значит, плохо влияет на плод. Примерно, как табачный дым.

У мистера Абрамсона, как назло, на следующий день не оказалось свободного «окна», но он согласился быстро осмотреть свою давнишнюю пациентку между приёмами и в любом случае позаботиться о том, чтобы она тут же получила обследование УЗИ.

Направившись в Лондон следующим утром сразу после суток дежурства, Жаклин ещё на железнодорожном вокзале в Оксфорде, дожидаясь поезда, первым делом подошла к стойке сотового оператора «Vodafone», купила новую SIM-карту и тут же её активировала.

Доктор Абрамсон, сурово хмуря брови, предположил у неё беременность и отправил за подтверждением на УЗИ. Электроника согласилась с человеком, но выдала ошибочное заключение о трёх неделях, хотя Жаклин доподлинно знала, что именно три недели назад забеременеть не могла никак.

Закрыв за собой дверь кабинета УЗИ и только тут, в полупустом коридоре больницы, позволив себе окончательно поверить в то, что у неё будет ребёнок, Жак почувствовала много-много всякого и разного и даже противоположного.

Во-первых, только сейчас к ней пришло осознание, что для неё начинается новая жизнь. Другая. Незнакомая. Странная, непонятная и сложная. Как её жить, такую жизнь, девушка пока не знала.

«У меня будет ребёнок», — проговорила она про себя, поставив в голове галочку обязательно повторить это вслух, когда останется одна.

А во-вторых, у неё появилась одновременная уверенность и в том, что Александр больше никогда к ней не вернётся, и в том, что он теперь от неё никуда не денется. Первое мгновенно дало понять, что её горечь, её боль, отчаяние — все это на месте и ждёт своего часа, а второе приносило облегчение и даже эйфорию, за которыми неминуемо последовала жажда бурной деятельности. По случаю у девушки имелась и куча дел для этого.

Когда Жаклин заскочила опять к доктору Абрамсону оставить выписку из анализа и свой новый номер телефона, после чего хотела, было, бежать дальше по многочисленным делам, старый врач её задержал. У него к девушке имелся разговор. Очень предметный и важный.

Переговорив с врачом, Жаклин держала путь в риэлторскую кантору.

Там её встретил новый агент — молодой парень, блондин по имени Тойво, судя по акценту — выходец из Восточной Европы. Он нашёл договор миссис Рочестер, оформил

заявку на его расторжение и объяснил процедуру соблюдения. Девушка подписала бумаги, всё добросовестно выслушала и направилась дальше в Седьмой госпиталь в Челси.

Встретившись там со своим старым знакомым начальством в лице доктора Гудвина Лунгрэма, она попросилась на работу на прежнее место. Главврач с воодушевлением ухватился за эту идею. Заполучить себе в приёмный покой доктора, пребывающего в постоянной готовности выходить в воскресенье и дежурить сутками — а именно таковой на его памяти и являлась доктор Фортескью — что может быть лучше для хорошего руководителя. И когда эта самая доктор положила ему на стол заключение УЗИ о третьей неделе беременности, на мужчину стало жалко смотреть. Жаклин, кстати, так и сделала. Но жалость коснулась только её глаз — их, с её будущим ребёнком пожалеть некому.

С многострадальным главврачом они расстались на том, что, как только Жак закончит с делами в Больнице Черчиля, она тут же может приходить сюда, в Седьмой госпиталь в Челси.

Девушка вернулась в Оксфорд уже под вечер. Зная, что её здешнее начальство никогда раньше восьми часов после полудня с работы не уходит, домой она не пошла, хоть и валилась с ног от усталости после суток дежурства и целого дня в Лондоне, а отправилась напрямик к главврачу — доктору Вэндсон.

Услышав, что доктор Рочестер увольняется, та заявление тут же подписала и сразу вознамерилась поставить девушке три смены дежурства с выходными. Не имея ни возможности, ни желания оставаться в Оксфорде и отрабатывать здесь даже один лишний час, Жаклин, скрепя сердце, положила на стол своё заключение УЗИ и миссис Вэндсон.

Видимо, подтверждённый факт беременности одной из сотрудниц, действует на руководителей везде одинаково, вне зависимости от их гендерной принадлежности и географического расположения трудового поприща. Миссис Вэндсон довольно громко скрипнула зубами, но всё-таки решив сэкономить на услугах дантиста, пообещала — поскольку сегодня вечер пятницы и сотрудники отдела кадров уже ушли домой — в понедельник дать бумагам ход, а во вторник Жаклин сможет их забрать. На что девушка тут же приписала в заявлении индекс своего почтового отделения в Челси и просьбу выслать бумаги ей туда.

Чуть позже, сидя в автобусе и направляясь теперь уже в своё почти бывшее жилище, Жаклин думала над тем, кому следовало бы позвонить с её нового номера и, хорошенько поразмыслив, решила пока от звонков воздержаться совсем. Да и вообще, рассказывать кому бы то ни было о своей беременности только в случае крайней необходимости и выдавать эту информацию лишь по мере её очевидности.

Зайдя в квартиру Чарльз а, которую она уже даже в мыслях не могла назвать домом, только лишь выгуляв Сулу и выпив чашку чая с купленным по дороге медовым пирогом, девушка улеглась спать и заснула мгновенно.

Мужа при этом нигде, ни видно, ни слышно не было.

Но, тем не менее, на следующее утро Жаклин проснулась от его хождений по квартире и, дождавшись, пока за ним захлопнется входная дверь, подскочила, прогуляла Сулу и принялась собирать все свои вещи подряд, запихивая их в коробки.

Ближе к обеду, когда она уже почти всё собрала, позвонил из риэлторского агентства Тойво и рассказал, что он предложил её квартирантам несколько вариантов другого жилья. Как только у них будет возможность, они осмотрят все эти адреса и не исключено, что, в ближайшее время квартиру ей освободят.

— Но у них есть одна просьба, — продолжил риэлтор. — Они хотят, после того как переедут, чтобы ещё некоторое время их вещи в коробках лежали в чулане.

Жаклин закусила уголок губы. Никаких проблем с такой просьбой не имелось, но какая-то мысль зашевелилась у неё в голове и мешала тут же согласиться.

— Хорошо, — догадалась и сказала девушка одновременно. — Но у меня встречная просьба.

— Да-да, говорите, — подбодрил её Тойво.

— Могу я уже сейчас перевезти свои вещи в квартиру, чтобы они меня там дожидались?

— Я спрошу у них, — тут же пообещал парень и, выяснив ещё пару моментов на счёт ключей от чулана и описи мебели, распрощался.

Квартиранты согласились. Поэтому Жаклин тут же позвонила в службу по перевозке вещей и наняла их на три часа дня, сообщив об этом своему риэлтору, чтобы квартиранты позволили носильщикам занести коробки в чулан. После того как все её пожитки увезли в Лондон, девушка принялась дожидаться Чарльза.

Она села на диван, положила рядом с собой поводок и намордник Сулы, зажала сложенные вместе ладошки между коленями и застыла.

Так они и сидели вдвоём.

Сула смотрела на свою «сбрую» и не знала: радоваться ей или огорчаться. Намордник она ненавидела, а поводок жутко любила, потому что, первый мешал ей облизываться как положено и улыбаться как хочется, а второй всегда означал прогулку.

А её хозяйка в это время сидела, уставившись перед собой в одну точку на обоях. Скорей всего, сюда она больше не вернётся никогда. Ей бы впору взгрустнуть или хотя бы заволноваться, но внутри не было ничего. Пусто. Выбрав из квартиры все свои вещи, Жаклин словно вычерпала из этих стен и саму себя по частям. Будто здесь она присутствовала только в качестве предметов своей собственности. Не стало их, не стало и поводов что-либо чувствовать к этим стенам.

Не желая, чтобы её глаза смотрели на пустой для неё дом, Жаклин встала и устремилась к окну. Перед ней открылась её улица, дома соседей напротив, окна, занавески, горшки с традесканцией и алоэ, дорога и на ней уже все знакомые припаркованные машины. Тут тоже Её не было. Как будто не было никогда и никогда больше не будет. У девушки сделалось легко и спокойно на душе — она ничего не теряет здесь, потому что ничего и не приобретала. А неподвластная, неистребимая надежда на лучшее не позволяла ей сокрушаться о том, что было, и заставляла предвкушать то, что будет.

«Нужно обязательно позвонить дядюшке», — только и успела она подумать, как тут же заметила Чарльза, направляющегося в их подъезд.

Девушка в прихожей уже справилась с намордником своей хулиганки, которой придётся сегодня впервые в жизни познакомиться со скоростными поездами, как заскрежетал ключ в замке. Чтобы не стоять столбом, она начала обувать сапожки с опушкой. Чарльз тем временем вошёл в квартиру и тут же потрепал по холке, потянувшуюся к нему Сулу.

— Привет, — поздоровался он с собакой и, положив свой портфель на тумбочку, начал разуваться.

— Я уезжаю жить к себе в Лондон. Чуть позже подам на развод, — проговорила девушка заранее заготовленную фразу.

Муж возразил сразу же, как будто у него тоже уже имелся на готовый ответ.

— Ну, уж нет, — сняв сапоги, развернулся он к жене. — Это я подам на развод.

Понятно? Оставь свидетельство о браке, кстати. Оно мне понадобится.

Жаклин такое заявление не устраивало. Она боялась, что Чарльз может затянуть с походом в суд, а ей хотелось покончить с этим своим неудачным замужеством как можно быстрее, пока ещё не заметна её беременность. Жаклин даже представить не могла, что заставило бы её добровольно признаться Чарльз у в том, что у неё будет ребёнок Алекса, вспоминая его реакцию на прошлую свою беременность.

— Нет. Не понятно. Ты можешь забыть или отложить этот вопрос на неопределённый срок, а я хотела бы его решить, как можно раньше и больше к нему не возвращаться. Поэтому я настаиваю на том, чтобы самой подать на развод.

— Так, ну, хватит! — дёрнулся к ней Чарльз, а Сула тревожно замерла, наострив уши. — Ни слова больше! — сделал он отрицательный жест указательным пальцем. — Я не потерплю, чтобы мной командовали в моём собственном доме. Это ты у своего молокососа научилась?

Жаклин не имела ни малейшего желания затрагивать тему студента, предполагая, что между мужчинами тогда, здесь, состоялся непростой разговор, поэтому тут же поспешила её свернуть.

— Хорошо. Подавай на развод ты. Но если через две недели я не получу петицию...

— То что? — резко развернулся на ходу мужчина, уже, было, направившись к себе в кабинет. — Нажалуешься своему молокососу, и он придёт и отобьёт мне обе почки?

— Что? Ты о чём? — нахмурилась Жак.

— О том! — Чарльз чуть помолчал. — Я сказал, что подам на развод сам, значит, всё сделаю, как положено. Не беспокойся, — и он скрылся в дверях гостиной.

Жаклин, чуть помедлив, сняла с плеч рюкзак, достала оттуда свидетельство о браке и прошла положила его на столе в кухне.

— Сула, идём, — вернулась она к собаке, открыла дверь и вышла вместе с ней из квартиры, хлопнув за собой дверь.

Отправилась Жаклин к доктору Абрамсону.

Ещё при первом же знакомстве, когда студентка третьего курса Университета Сити Жаклин Фортескью пришла к старому доктору на приём, эта молоденькая девушка довольно приятной наружности и с вежливым голосом чем-то приглянулась пожилому врачу. Просматривалось в ней что-то такое, что выдвигало на передний план из всего потока пациенток бывалого гинеколога, печать какой-то сложности не то характера, не то судьбы, аура настоящего, так сказать, наполненного человека.

Чем наполненного, доктор сперва и сам толком не разобрался, но быстро это выяснил, только лишь принявшись выспрашивать у девушки её анкетные данные и заносить их в медицинский журнал. Оказывается, она в детстве потеряла родителей и много ездила по Миру с родственником, не единожды меняла школы, друзей, знакомых, города, часовые пояса и климаты. Да к тому же, ещё и выбрала профессию врача. Жаклин тоже как-то постепенно, по мере общения, прониклась к взрослому доктору симпатией и уважением. Он чем-то напоминал ей дядюшку Лама, по которому она скучала всегда. Девушка с детства привыкла иметь дело со взрослыми людьми, поэтому смогла поддержать завязавшийся разговор, а в последствии, и вытекшее из него знакомство тоже.

Осмотрев Жаклин сейчас, и пока она ходила на УЗИ, восстановив по документам в памяти то, как она потеряла ребёнка в первый раз, доктор тут же принял решение проконтролировать ситуацию. Второй выкидыш подряд при отсутствии в анамнезе родов —

это уже не шутки. Поэтому без лишних оговорок он сразу же принялся выспрашивать: как обстоят у Жаклин дела с супругом и в каких условиях ей придётся вынашивать этого ребёнка. Услышав, что она уходит от мужа и категорически отказывается открывать факт своей беременности кому бы то ни было вообще, пожилой гинеколог пришёл в ужас — опять стресс, опять девушка один на один с беременностью, опять никакой поддержки ни от кого.

И тогда, выписав пациентке кучу витаминов и комплексов для беременных во главе с витамином Е, он предложил ей первое время пожить у них с его женой Сарой. Их сыновья, младшему из которых исполнилось тридцать пять лет, давно обзавелись семьями и жили отдельно (старший, кстати, снимал квартиру в Челси, недалеко от Жаклин) и визитами стариков не баловали, за исключением семилетнего внука Джереми. Того регулярно привозили из Челси на выходные к дедушке с бабушкой в Kings Cross.

Услышав, что девушка, всё-таки не одна, и у неё есть такая прелесть, как фараонова собака по имени Сула, врач, не моргнув глазом, пригласил в гости и её. Тем более, что у него у самого дома живёт бесподобная мальтипу по кличке Нуппи. Ради которой, собственно, Джереми и приезжает к ним, поскольку очень любит собак, а родители ему пока заводить её не спешат.

Жаклин приняла предложение и сейчас, выйдя из подъезда с лёгким рюкзаком за плечами и с Сулой на поводке, не оглядываясь, направилась на вокзал.

Вообще-то, получилось так, что у доктора дома она почти не сидела, а только лишь ночевала.

Девушка бегала устраиваться на работу, потом, уже устроившись, начала принимать пациентов, сама сдавала анализы, посещала физиопроцедуры, выписанные доктором и медиками Седьмого госпиталя Челси, гуляла с Сулой и Нуппи. Один раз к ним присоединился Джереми, и они вчетвером почти всё воскресенье провели в Regents Park.

А в остальное время Жаклин спала.

Спать теперь она хотела очень сильно и постоянно. Даже больше, чем всегда. С некоторых пор у неё появилась проблема не заснуть в автобусе или метро и не проспать свою остановку. Несколько раз она так и делала — садилась, тут же отключалась и просыпалась уже чуть ли не в другом конце города. Кофе для неё теперь стал «персоной нон грата», приходилось как-то выкручиваться и умудряться ложиться пораньше.

Навестила она в эти дни и своих квартирантов. Семья Грунни: муж, жена, их четырнадцатилетний сын и английский бульдог поселилась в её квартире сразу, как только девушка переехала к Чарльзу.

Жаклин прошлась по этажам и осмотрела квартиру своих бабушки и дедушки. Прожив здесь год одна, она так и не собралась сделать ремонт — не хотела тогда просить денег у дядюшки, а своих ещё не накопилось. Так и сдала её с ремонтом, который делал здесь сам дядюшка, спустя некоторое время после смерти её родителей. Поэтому, понятное дело, обновления помещениям были просто необходимы. Для неё и для её будущего малыша.

Таким образом, получив представление о состоянии квартиры и не дожидаясь пока съедут Грунни, Жаклин уже звонила и писала в интернете, подыскивая бригаду ремонтников, которые могли бы приступить к работам как можно скорее.

Ничего особенного девушка не планировала, а только лишь практичность для новорожденного и подрастающего ребёнка: везде покрасить потолки и стены; на втором этаже в детской наклеить обои беспроегрывного оптимистичного салатного цвета; кое-где встроенную мебель с замками от несанкционированного проникновения маленького

шкодника; безопасные розетки и немного обновить старые деревянные полы и лестницу.

Через два дня после переезда в столицу Жак позвонила Сесилии. Та встретила её радостными восклицаниями и облегчением от того, что девушка всё-таки отозвалась. А то узнав, что подруга уволилась и отключила телефон, женщина уже собиралась поднимать на уши Интерпол.

Сесилия, конечно же, ни словом не припомнила свои предсказания на счёт Алекса, и опять же, повторила, что Жаклин может всегда на неё рассчитывать.

Таните и Гвидо Тикарани «беглянка» звонить не стала, хоть и не очень уютно себя при этом чувствовала. Но пара жила в опасной близости от Чарльза и «протягивать к ним ниточку» было чревато волнениями.

Семье Грунни удалось освободить жилплощадь через двенадцать дней, и Жаклин тут же обосновалась в своей квартире. Сколь гостеприимны ни были бы доктор с женой, девушке не терпелось наконец-то занять возможность оставаться наедине с собой. После всего вымученного и пережитого она нешуточно нуждалась в уединении.

И, конечно же, в Александре.

Она часто вспоминала его. Грудную клетку тут же сдавливало, в солнечном сплетении поселялась тупая боль, внутри что-то начинало метаться и рваться наружу. Очень сильно хотелось выть. Громко и долго.

Александр остался в Оксфорде. Жаклин ещё отлично помнила его расписание и всегда пыталась угадать: где он сейчас и что делает. В том, что он думает и вспоминает о ней, девушка не сомневалась.

А ещё она его ждала. Всегда. Жаклин уже давно поняла, что выражение: «Надежда умирает последней» — это как раз её случай. Она способна прождать парня всю свою жизнь и уже давно простила себе эту безысходность.

«Я называла ему свой адрес, — хваталась она за соломинку. — Неужели он его не запомнил? Ну, если и забыл, то всегда может спросить у дядюшки, у Эшли».

Два раза Жак просыпалась счастливейшей из женщин — ей снился Алекс. Это было настоящее, неподдельное счастье. Его руки, его губы, его тело, нежный тихий шёпот — всё было таким, каким запомнили его её губы, её тело, её руки.

После этих снов она плакала. Вообще-то, Жаклин всегда могла быстрее пустить слезу от чего-нибудь особенно искреннего, умильного, трогательного, а в случаях с болью наоборот — не роняла ни слезинки, а застывала, мумифицировалась.

Но только не сейчас. Нынешней работоспособности своих слёзных желез девушка только и успевала, что поражаться, даже учитывая знания о «прогестероне» и его воздействии на кору головного мозга. Увидев однажды на тротуаре бабульку дёргающую за поводок скотч терьера и орущую на него, Жаклин даже не сильно-то и расстроилась, но, обогнув эту «дрессировщицу», не прошла и десятка футов, как по щекам сами собой покатались слёзы.

Через неделю после её переезда в свою квартиру, ей на почту пришла петиция о заявлении Чарльза на расторжение брака. Она подписала бумагу и отправила её по почте назад, в Оксфорд, а через неделю в назначенное время поехала туда сама, чтобы расписаться в бракоразводных документах.

Имущественных споров между супругами не имелось, детей тоже, особых претензий и пожеланий не нашлось, поэтому дело оставалось только за подписью, и всё.

Даже ещё только от мыслей, что ей предстоит визит в Оксфорд, на Жаклин

обрушивалось жуткое волнение к разводу никакого отношения не имеющее. Он сейчас там! Александр! Она сразу поняла, что не сможет с собой бороться и, поскольку ей было назначено на двенадцать дня вторника, а в это время у Алекса занятия в корпусе «D», она пойдёт к Магдален колледжу и попытается увидеть своего любимого предателя. Хоть издали. А когда почувствовала ещё и невероятную радость, и облегчение от такого фиаско собственной гордости, то просто ужаснулась.

«Нет, это не любовь. Это диагноз, — покачала сама на себя головой девушка. — Хотя... как будто для меня это новость. — А потом ещё подумала и добавила: — Или для него».

Жаклин пришла в суд вовремя, а Чарльз явился чуть с опозданием, сослался на несусветную занятость и выглядел весьма довольным. Всё произошло очень быстро и слаженно: их провели в кабинет, подсунили бумаги, они расписались, им сказали, что через несколько дней по почте можно будет получить свидетельство о расторжении брака — всё. Ничего примечательного, из ряда вон выходящего и креативного. Впрочем, как и вся их совместная жизнь.

После этого уже почти бывшая миссис Рочестер, как и планировала, направилась к Магдален колледжу.

Коричневую Q7 она увидела не сразу, да и вообще, если бы не габариты этого «танка», искала бы ещё долго — на парковке автомобилей стояло предостаточно. Увидев знакомые очертания и коричневый цвет, Жаклин невольно заулыбалась, но вплотную подходить не стала, остановилась за две машины от Audi.

Девушку одолели странные чувства, глядя на этого железного монстра. Она словно встретила старого знакомого или даже союзника. Ей почему-то казалось, что такая машина, создание таких «благородных кровей», не смогло бы так предать человека, как это сделал её владелец. Может быть, автомобиль даже жалеет девушку и, умей он разговаривать, извинился бы перед Жак за своего хозяина.

Чуть постояв, она всё-таки не удержалась и, оглядываясь на спящих туда-сюда студентов, чтобы не пропустить Алекса, если он вдруг покажется, мелкими шажками подбежала к машине и пальцем написала на дверце багажника букву «J», что, в её понимании, должно было означать только слово «Жаклин» и ни какое другое. Затем стремглав отбежала в сторонку и, спрятавшись за остановкой на противоположной стороне улицы, принялась ждать. Торопиться сегодня особо некуда, поэтому девушка могла потворствовать своим желанием. А если уж быть совсем честной, она просто не могла уйти, зная, что Александр должен неминуемо уехать сегодня на этой машине.

«А что я буду делать, если он выйдет оттуда с девушкой за ручку? — спрашивала она себя. — А то, что это хотя бы отобьёт у меня охоту к преследованию», — тут же отвечала Жак и положила себе ладошку чуть ниже живота.

Но он вышел один.

При его появлении сердце Жаклин в одно мгновение заколотило в рёбра как таран по воротам. Вернее, не совсем один. Юноша вышел без девушки, но с тремя парнями, одного из которых Жаклин, кажется, видела на дне рождения в «№ 5».

Юноша пожал руки на прощание приятелям у ворот кампуса и направился к своей машине.

Выглядел парень изрядно уставшим, угрюмым и взмыленным — его отросшие вихры, видимо, совсем недавно были взлохмачены, скорее всего, его же пятернёй, на щеках горел румянец, идеальные брови сдвинуты к переносице. Но всё равно он оставался очень

красивым, а для Жаклин так всё таким же лучшим в мире, как и раньше.

Он ничего не заметил и ничего не почувствовал, просто подошёл к автомобилю, отключая на ходу сигнализацию, открыл водительскую дверцу, кинул рюкзак с книгами на водительское сидение, сел, завёл машину, вырулил с парковки и уехал. Но Жаклин стояла как замороженная. Она настолько соскучилась, что только лишь видеть его — это уже было для девушки сродни второму пришествию. Ощущая себя именно как после посещения храма, она и направилась на железнодорожный вокзал.

Вскоре у беременной появились первые признаки токсикоза.

Ей очень резко перехотелось даже переступить пороги супермаркетов, не говоря уже о рынках с их запахами свежих грибов и рыбы. Да и на кухне стала появляться только в случаях совсем уж острой необходимости. Всё это неминуемо повлекло за собой страх перед собственным отражением в зеркале и борьбу со всё ещё возникающим в голове вопросом: «А что скажет Алекс?».

А вообще, будучи в одиночестве, девушка столкнулась с тем фактом, что у неё в неплохом темпе идёт реальная экономия по деньгам и очень этому обрадовалась. Оказалось, что ей на самом-то деле очень мало надо. Она умеет обходиться элементарным. Поиздержавшись на ремонт, на который ушла довольно ощутимая часть её сбережений от сдачи квартиры внаём, она не стала покупать себе много посуды и вообще никаких предметов обстановки в доме, которые потом всё рано разобьёт её будущий ребёнок и поранится о них.

Не стала Жаклин приобретать даже телевизор, этот, по словам дядюшки, «посредник между людьми, помогающий им выносить общество друг друга» оказался ей абсолютно без надобности. Поначалу у неё не было даже ноутбука. Этот девайс она купила, только лишь выйдя в декрет. Жаклин перестала тратить на проезд, потому как теперь никуда не спешила и везде старалась ходить пешком.

Правда, после одного инцидента передвижение по улицам на какое-то время стало для неё, по её же собственным подозрениям, очень опасно.

Всё началось с того, что из-за всего пережитого в Оксфорде Жаклин ужасно, панически, до помутнения рассудка стала бояться Кирка. Девушка с удивлением вспоминала, как решительно и смело она противостояла этому монстру там, на дорожке Портового луга. Сейчас, встретить она его, бросилась бы бежать, обгоняя Сулу. Ей казалось, что, если мистер Бикстер узнает о её ребёнке от Алекса, он не успокоится, пока не отберёт её малыша или не сделает так, чтобы этот ребёнок вообще никогда не родился.

Так вот, однажды её чуть не сбила машина. Только чудом Жаклин успела проскочить перед бампером седана Воксхолла на другую сторону улицы. В Лондоне, особенно в старых, престижных районах — а в Лондоне, чем старше район, тем престижней — сплошь и рядом очень узкие улочки, поэтому люди их переходят там, где, как говорится, приспичит. Чему способствует ещё и изогнутость линий постройки домов и, как следствие, проезжей части, не позволяющие машинам развивать большую скорость. По привычке уповая именно на это, Жаклин решила перейти KingsRd прямо в центре, не доходя до светофора на перекрёстке с BeaufortSt. Вдруг именно с той стороны вылетел серый Воксхолл и, не сбавляя скорости ни до того, как чуть не сбил девушку, ни после, умчался, грозно ревя мотором в сторону шоссе Fulham. Жаклин очень не хотела скатиться в паранойю, но с тех пор стала намного осторожнее и ругала себя на чём свет стоит, что не догадалась сделать этого раньше.

А через несколько дней она встретила самого Кирка.

Девушка сидела в кафе «Big Easy» в Челси, заказав себе печёный картофель с томатным соком, которого ей сегодня захотелось просто невероятно, только лишь она с утра открыла глаза.

В какое именно мгновение там появился мистер Бикстер, Жаклин не увидела и не услышала, она только лишь подняла голову от телефона, как уткнулась глазами в его спину в том самом тёмно-синем пальто, когда он стоял уже возле бара и что-то себе заказывал.

Видимо, почувствовав её взгляд, Кирк обернулся. Мужчина посмотрел прямо на Жаклин и, ни удивившись такой встрече, ни поздоровавшись, тут же отвернулся.

Липкий, противный холодный пот выступил у девушки на спине. Она склонилась над своей тарелкой, хоть уже ни картофель, ни сок не лезли в горло. Но делать что-то всё-таки было нужно. Жаклин подняла голову, пытаясь осмотреться в поисках официанта, и увидела, что мистер Бикстер идёт на выход из кафе с открытой бутылкой пива в руках. Вот-вот уже намереваясь скрыться из поля зрения девушки, мужчина повернул к ней голову и посмотрел таким взглядом, что Жаклин только усилием воли не положила руку себе на живот, автоматически пытаясь защитить своего ещё не родившегося ребёнка. Ей показалось, что выкидыш — это самое малое, что может случиться после таких взглядов.

Глава 52 Сердечная недостаточность

Глава 52

Сердечная недостаточность

Ремонт закончился только в марте. Девушка убрала со второго этажа комнату для гостей и перенесла её в кабинет, а вместо неё обустроила детскую.

Жаклин всё хотела позвонить дядюшке и рассказать, что ушла от Чарльза и вернулась в Лондон, но вспоминая подозрительное поведение его сердца, всё как-то не решалась. Только вот сколько не откладывай, всё равно звонить было нужно — ни дядюшка, ни Эшли, ни кто бы то ни было ещё в Глазго не знали её нового номера телефона, и начнут, скорее всего, искать её через Чарльза, если что-то случится с тем же дядюшкой или, допустим, с Марго.

И поэтому Жаклин решила позвонить Эшли. К тому же, девушка планировала накопить полагающиеся ей выходные и съездить в Глазго. Последний раз перед тем, как станет заметно её положение.

Мачеха её звонок встретила восклицаниями похлеще Сесилии.

— Жаклин?! — громко крикнула она в телефон. — Это ты?

— Да, — ошарашено ответила девушка, но тут же испугалась. — Да, Эшли, это я. Что-то случилось? Что-то с дядюшкой?

— Нет, не с Ламом. Подожди, я тут не могу говорить. Сейчас уйду к себе в кабинет, — и Эшли отключилась.

Девушка пока ждала звонка, перебрала в мыслях всех, с кем может что-то случиться вплоть до Дженни, и когда раздался рингтон, тут же приняла вызов.

— Да, Эшли, что-то случилось?

— Это ты у меня спрашиваешь? — ответила женщина уже совсем другим голосом, гораздо более спокойным. — Разве это я поменяла сим карту? Я очень волновалась, когда захотела с тобой связаться, а ты не доступна в течение четырёх дней.

— Извини, я хотела тебе сразу перезвонить, но закрутилась тут... вот, — запинаясь, начала объяснять Жак. — А зачем ты меня набирала? Ты что-то хотела?

Женщина на том конце вздохнула.

— Да. Я хотела узнать: что такое случилось с Алексом?

Жаклин застыла и перестала дышать.

— А что с ним случилось? — проговорила она голосом человека, прощающегося с жизнью.

— Он разбил свою ку семь о дом Кирка.

Жаклин схватилась за лицо.

— Что-о-о-о?! Что с ним? Говори быстрее. Он цел? — протараторила девушка, мгновенно забыв себя, своё состояние, планы, жизнь, планы на жизнь, да и вообще — всё.

— Да что ему будет в такой-то машине! К тому же, он не сразу её разбил — такой бульдозер и разбить-то не просто. Он несколько раз разгонялся, порвал подушки безопасности и врезался в колонну над крыльцом до тех пор, пока она не упала и бетонная плита козырька не рухнула на капот. Машина ремонту не подлежит.

«Боже-мой-какой-дурак», — скороговоркой ужаснулась про себя Жак.

— А Александр? Он себе что-нибудь повредил? — спросила она вслух.

— Кажется, мозги. С ними явно что-то не так. Но от него добиваться объяснений, всё

равно, что разговорить мумию Тутанхамона. По крайней мере, Алиса ничего не добила. Вот я и звонила тебе. Может быть, ты мне объяснишь?

— Не знаю, смогу ли, — пролепетала Жаклин. Но тут же спохватилась. — А что Кирк? Что он говорит?

— Ну, а что Кирк. Кирк посмеялся и сказал, что всё это мальчишеские гормоны, и что отдаст Алексу свою чёрную Ауди, пусть он ещё и её разобьёт. А дом уже ремонтируют. Ну, так что там у вас?

«Ещё один идиот», — отреагировала Жаклин на поведение мистера Бикстера.

Жаклин не планировала вот так начинать разговор с Эшли, поэтому все слова и предложения уже вылетели у неё из головы.

— Эшли, как там здоровье дядюшки? — спросила она первое, что вспомнила.

Женщина ответила не сразу, а чуть помолчав.

— Чего-то конкретного мне добиться не удалось, к сожалению. Я была у его кардиолога, но врач мне ничего не рассказал, поскольку Лам в своём уме, дееспособен, значит, сам может принимать решения о разглашении сведений о самочувствии. Я так поняла, что ты не зря забила тревогу — с Ламом что-то серьёзное, хоть он и смеётся надо мной, и говорит, что у меня паранойя.

— Эшли, я хочу приехать к вам, как только смогу. Я ушла от Чарльза и переехала в Лондон. С Алексом мы тоже расстались.

На этот раз мачеха молчала долго. Настолько долго, что Жаклин не выдержала.

— Эшли, алло, ты меня слышишь?

— Слышу, — спокойно отозвалась та. — Короче, я так поняла, что без Кирка здесь не обошлось. Весь в своего родителя... одержимый. Ладно. Ты уже живёшь в своей квартире?

— Да. Я сделала ремонт.

— Ты приедешь с собакой?

— Нет. Сулу оставлю подруге.

— Хорошо. Я буду тебя ждать. Перед тем как собратся, набери меня, я предупрежу Лама.

— Нет-нет, ни в коем случае! — тут же скоропалительно возразила Жаклин. — Наоборот, я хотела тебя попросить ничего ему не говорить и проследить, чтобы к моему приезду он не наглотался нитроглицерина — хочу его, так сказать, взять с поличным.

— Оу, вот оно в чём дело, — с улыбкой и догадкой в голосе ответила мачеха. — Понятно. Хорошо. Я постараюсь, чтобы он перед твоим приездом разминулся с таблетками.

— Буду тебе весьма признательна. До встречи?

— Ждём тебя, девочка. До встречи.

Отключившись, Жаклин всё ещё в шоке сидела на краешке дивана.

«Разбил свою машину. Какой ужас! Господи, дай ему ума, чтобы он себя не утробил», — еле приходила она в себя.

Ей тут же захотелось вскочить с места и ринуться в Оксфорд вразумлять Алекса, но что-то подсказывало, что парень знает, что делает. Да и боязнь нарваться ещё раз на фразу: «Иди, Жаклин» тоже дальнейшему общению как-то не способствовала.

В Шотландию она вырвалась только в апреле. Было уже тепло. Оставив Сулу на попечение семьи Абрамсонов, Жак, не беря с собой особых вещей, отправилась в Глазго, заранее предупредив Эшли о своём приезде.

Глазго встретил её громами и молниями. Или наоборот. Добравшись до дома дядюшки

на такси, Жаклин с удовольствием увидела там своего любимого родственника улыбающегося и довольного, и радостную Эшли на кухне в окружении запахов хорошего шотландского рагу.

За столом разговор шёл о весне, дядюшкиных гибискусах, кафе Эшли с Алисой, Марго её беременности, будущем ребёнке, а также о, уже имеющихся в наличии, Маркасе и Брайсе. А вот после ужина настало время «X» — племянница предложила дядюшке проследовать к нему в кабинет для осмотра. Тот закатил глаза, побряхтел, скривился, но встал и послушно проследовал в указанном направлении.

При аускультации он очень старался не нервничать и расслабиться, но «I» тон его сердца прослушивался уже не так чётко, как в декабре, а растянулся и слегка затих. Зато доктор Рочестер сразу же уловила, что «III» тон, переместившись в диастолу, сравнял интервалы между тонами, обеспечив тем самым характерный для стенокардии, так называемый, «ритм галопа». «IV» тона она не услышала вообще и нисколько этому не удивилась.

«Сердечная недостаточность», — вынула Жаклин оливы из ушей и застыла, не успев опустить руки на колени. Ей показалось, что она только что двумя словами описала своё состояние после расставания с Александром. Жаль только, что сейчас ей было абсолютно не до этого, потому что дядюшка, скорее всего...

«Нет. Не могу. Нет сил, — снимая с себя фонендоскоп, отвернулась Жаклин от мистера Фортеस्कью, чтоб он не увидел её лица. — Ему нужно беречься и лечиться, и он ещё поживёт. Да».

— У него, скорее всего, стенокардия, — рассказывала она Эшли уже поздно ночью на кухне.

— Ясно, — вздохнула женщина и закивала головой. — Он же ничего не говорит, не жалуется. Только свой метопролол пьёт всё больше, да и всё.

— И не скажет. Ему нужно срочно отдохнуть и пройти курс поддерживающей терапии, но только не в Шотландии. Здесь постоянные ветра и перепады давления, а они плохо действуют на сосуды. Можно летом отправить его в Италию или Испанию на тёплое море. У него и там, и там много знакомых, учеников, но к ним нельзя — это начнутся опять сплошные разговоры о теориях и экспедициях. Ему нужно отвлечься. Да и тебе тоже, Эшли.

— Ну-у-у, можно и в Италию, — широко заулыбалась женщина. — Ты поговори с ним, и когда он заартачится, а он обязательно это сделает, я к тебе присоединюсь.

— Да. Я поговорю. Но получается, что мне нельзя ему ничего рассказывать о себе, поэтому и ты, пожалуйста, молчи.

— Если ты решишь ничего ему не говорить, то я, разумеется, тоже. Но мне-то ты можешь рассказать. Может быть, я смогу чем-то помочь?

Жаклин ещё давно условилась с собой, что тому, кому первому решится рассказать о себе и МакЛарене, она расскажет всё. Так девушка и сделала.

Начала с того, что они условились жить у него в квартире, и об этом узнал Кирк. Рассказала, как мистер Бикстер её запугивал и как потом признался во всём племяннику. Эшли сидела с вытянутым лицом. Такого от Кирка она точно не ожидала.

— А потом... — Жаклин дошла до момента, когда Александр пришёл к Чарльзу, и её голос сорвался, — а потом Александр меня предал.

— Алекс? — нахмурилась женщина. — Как предал? Каким образом?

— Он пришёл и рассказал о нас Чарльзу и показал наши фото.

Эшли смотрела на девушку, как будто впервые видела.

— Чего-о-о-о? Александр?! Показал фото? — она сдвинула брови к переносице и округлила глаза одновременно. — Ты ничего не путаешь? Чарльз ничего не придумал?

— Не знаю. Но именно он передал мне флэшку со снимками, — лепетала она, как бы оправдываясь.

— Жаклин! — Эшли выпрямилась на стуле. — Это же Александр! — потрясла она ладонью в воздухе. — Он никогда никому ничего не рассказывает и не показывает! Он же с детства как частично немой! Нет, здесь явно что-то не так! — Женщина затрясла головой и отвернулась в сторону. — Да он музыку всю жизнь в наушниках слушал, чтобы никто не знал, что ему нравится. А тут! Не нашёл другого способа расстаться с девушкой, как показать фотки мужу? — Эшли часто-часто заморгала. — Нет, здесь, определённо, что-то не так. Этот засранец что-то замутил. Ну, хорошо. И что же было дальше?

— Ничего, — пожалала плечами Жак. — Я утром пришла с работы, Чарльз уже был пьян и изнасиловал меня.

Эшли в ужасе зажмурилась, приложила руку к груди и опять медленно начала разворачиваться в сторону.

— Мой Бог! — выдохнула женщина. Она опять повернулась к падчерице и молча, с жалостью посмотрела на девушку. — Этим двоим обоим нужно головы открутить! Юнцу за то, что бросил тебя с мужем, а Чарльзу за скотское поведение.

— Мне всё равно пришлось бы рассказать Чарльзу обо всём. Ещё неизвестно, как бы он повёл себя тогда.

Эшли скептически покачала головой.

— Ну, вот видишь, ты уже защищаешь этого капризного, избалованного ребёнка.

На такой укор Жаклин не нашлась что ответить.

— Ну, хорошо. И что дальше? Ты ушла от Чарльза и живёшь теперь в Лондоне? Ты там уже работаешь?

— Да. Меня сразу же приняли назад в Седьмой госпиталь. Но главное не это.

Эшли подняла подбородок.

— Вот как? И что же ещё?

— Эшли, то, что я тебе сейчас скажу, не должен знать ни один человек. Это вопрос моего спокойствия и, не исключено, что моей безопасности.

— Не пугай меня так, — чуть отодвинулась мачеха.

— У-меня-будет-ребёнок-Алекса, — скороговоркой протараторила девушка.

Эшли замерла, потом моргнула, а потом сплотнула. Она опять сидела долго и молча, глядя на падчерицу.

— Да. Ты права, — наконец вымолвила женщина. — Об этом лучше никому не знать. Поздравляю, — она улыбнулась.

— Спасибо.

— Кстати, это всё меняет, — заметила Эшли.

— Да. Это всё меняет, — согласилась Жаклин.

Таким образом, частично уладив дела с родственниками, Жаклин вернулась в Лондон и опять сосредоточилась на себе и своей беременности.

Она наконец-то вырвалась на кладбище к папе с мамой в Эбни парк в северном Лондоне.

По сути, чаще всего она там бывала, когда поселилась в Челси после университета —

где-то раз в полгода. В студенчестве же ей вечно не хватало времени из-за напряженной учёбы, а когда переехала к Чарльзу, то и подавно закрутилась на новой работе и вырвалась к родителям только однажды прошлым летом. Ничего определённого девушка возле могилки не делала. К сожалению, она была слишком мала, когда не стало родителей, поэтому и вспоминать ей особо нечего. Не успели они дать ей ту поддержку, которая придавала бы силы сейчас. На кладбище Жаклин всё больше мечтала. Что было бы, если бы папа с мамой были живы, как бы они отнеслись к Чарльзу, к Алексу и теперь вот, к его ребёнку.

«Как жаль, что у моего маленького не будет таких бабушки и дедушки, как вы, — думала девушка, сидя между двумя одинаковыми каменными плитами. — Как жаль, что у него вообще кроме меня никого не будет».

Вернувшись на работу в госпиталь, она встретила много своих бывших коллег и познакомилась с новыми. Её здешняя подруга Мара уже не работала — сказали, что она уволилась этой осенью — зато девушка познакомилась с Тишей Клостер — тоже врачом приёмного покоя. Тиша была на три года старше, но жила одна, даже без собаки, и замуж не собиралась. Жаклин присоединилась к компании своей новой подруги, и один раз они с Сулой ездили с ними за город в гольф клуб Moor Park.

Жаклин уже пробовала ходить в магазинах по детским этажам и отделам. Ещё ничего не покупала, просто знакомилась с новинками и хитрыми изобретениями и приспособлениями, что неустанно, из года в год, придумывают для детей современные изготовители детской посуды, игрушек, одежды.

Присматривалась к коляскам и кроваткам, смотрела на ценники, запоминала.

Токсикоз сошёл на нет где-то к лету, и девушка могла теперь правильно питаться. Ела рыбу, сыры, морепродукты, фрукты, овощи, пила много соков и даже укропную воду. У неё уже довольно заметно обозначился животик, что сразу же заметила приехавшая однажды в гости Сесилия.

Женщина очень обрадовалась за подругу и даже мало расспрашивала о Алексе и ещё меньше рассказывала сплетен из Больницы Черчиля. Они почти всё время говорили про беременность и роды, коих у Сесилии имелось целых трое. Много-много вспоминали, обсудили детскую медицину и договорились сходить на какие-нибудь соревнования Олимпиады, которая должна была состояться в Лондоне этим летом.

Жаклин пробовала посещать курсы будущих матерей, но быстро в них разочаровалась. Там рассказывали уж больно примитивные вещи, поскольку в основном материал рассчитан на молоденьких девушек, а такие как она уже сами могли всё это преподавать.

В конце мая Суле исполнился год. Жаклин вместе с именинницей поехала в клуб кинологов, где Чарльз покупал её хулиганку, и поменяла карточку щенка на свидетельство о родословной. Там её красавицу измерили, сфотографировали, поставили на учёт, спросили: интересуется ли хозяйку выставочная карьера её собаки и насколько возможны будущие вязки. От выставок Жаклин отказалась сразу — эти хлопоты она не могла себе позволить, а вот на счёт вязок обещала подумать.

На УЗИ в июне месяце, ей сказали, что у неё родится девочка.

«Эдельвейс», — тут же промелькнуло в мозгу у будущей мамы.

Александр постоянно присутствовал в её днях, часах, минутах. Он, как тень, везде следовал за ней. Жаклин уже к нему привыкла, к его постоянному присутствию в виде призрака. Смирилась она и с навязчивой фразой: «А что бы сказал Алекс?», поскольку поняла, что так спокойней себя чувствует. Вот эта постоянная внутренняя борьба с тягой к

этому мальчику только лишь выматывала и приносила больше вреда, чем пользы, не сдавая ни пяди своих позиций, поэтому Жаклин решила, что проще и безболезненней будет смириться и принять его в своей жизни как привидение, чем постоянно с этим воевать.

Как-то, распаковывая свои коробки из Оксфорда после окончания ремонта, она вынула оттуда альбомы с фотографиями и нашла разрисованные снимки Чарльза-космонавта и Чарльза-дерева.

Девушка сидела и смотрела на них как зачарованная. Жаклин очень удивилась сама себе, когда, взглянув именно на это проявление их с Алексом невоспитанности, начинала потихоньку, по чуть-чуть, убеждаться, что всё, что было у неё с этим мальчиком, всё это на самом деле чертовски здорово. Только сейчас до неё почему-то начинало доходить, как же ей на самом деле повезло в жизни. А ведь она могла бы его и не встретить, и эти фотографии остались бы целыми и невредимыми. И её сердце тоже.

Жаклин поднялась в спальню и достала из шкафа жемчужное ожерелье. Открыв футляр, девушка провела кончиками пальцев по твёрдым и идеальным жемчужинам.

«Интересно, когда я его надену впервые в жизни? На какой праздник?», — вынула она из самого центра атласной формы флэш карту и сжала её в кулаке. Всё-таки на снимках изображены они с Александром влюблённые и счастливые. Это было! И когда-нибудь она найдёт в себе силы просмотреть эти фото. Но не сейчас. Потом.

Иногда девушка выспрашивала про Алекса у Эшли, хоть женщина шла на разговор неохотно, заявляла, что не желает разговаривать об этом избалованном ребёнке, но всё-таки именно от неё падчерица узнала, что «ребёнок» закончил второй курс весьма успешно и, не заезжая даже в Глазго, отправился сразу в Нью-Йорк.

«Поехал вникать в дела», — подумала Жаклин и поймала себя на мысли, что даже чуть-чуть гордится.

А ещё Эшли рассказывала о кровопролитных боях с дядюшкой за поездку на юг Испании. Она уже нашла неплохой санаторий с талассотерапией в местечке Rat-Penat чуть южнее Барселоны, но Лам замахал на неё руками и ногами и сказал, что он не позволит себя мучить и таскать опять по всему миру, он своё отъездил. Эшли только чуть подождала, и старик сдался, когда, скорее всего, ему стало действительно плохо. Он бросил дела, тем более, что студенты отправились на каникулы, сказал Эшли: «Делай что хочешь» и только кивал, когда та ему объясняла, что же она на самом деле хочет.

Но женщина рассказала мужу не всё.

Только лишь они вернулись из Испании, она объявила отдохнувшему и окрепшему мистеру Фортескью, что его племянница ушла от Чарльза и рассталась с Алексом и сейчас живёт одна в Лондоне, поэтому им обязательно нужно поехать к ней на её день рождения. А вот о том, что у именинницы скоро будет ребёнок, дядюшка Лам узнал, только лишь увидев её выпирающий живот, и очень огорчился.

— Жаклин, Жаклин, — осуждающе покачал он головой. — Ну, кто так делает. Это же эгоизм! — разочарованно стукнул он ладонью по столу у неё в кухне.

— Я знаю, дядя, знаю, — девушка подняла на опекуна взгляд полный сожаления. — Но как-то по-другому у меня не получается. Непутёвая я какая-то, — пожалала она плечами.

Дядюшка в ответ только вздохнул.

Так они и уехали, поздравив Жак с днём рождения, оценив ремонт и подарив девушке тысячу фунтов.

В августе в семействе МакРосс родился третий мальчик. Когда Жаклин звонила Марго и

поздравляла с такой удачей, та шёпотом в трубку призналась, что чувствует себя как в стане врагов и начинает потихоньку всех их бояться.

— Думаю, что как только перестану кормить грудью, уйду в Аббатство Айона в монахини, замаливать грехи. Ну, в самом-то деле, не мог же Бог мне просто так послать троих сыновей, так ведь? — смеялась и плакалась она Жак.

— А что говорит Итан?

— Итан доволен как сытый удав. Ещё один повод для подстрига в монахини.

— Они все вырастут и будут носить тебя на руках.

— Не говори ерунды. Пока они все вырастут, меня на руках можно будет отнести уже только на Сайтхилл*.

Сразу после дня рождения Жаклин вышла в декретный отпуск, а во второй половине сентября ей позвонила Эшли и сказала, что из Нью-Йорка приехал Александр.

— Явился, — как она выразилась.

— Ты с ним виделась?

— Пока ещё нет, но в том-то всё и дело, что этот шалопай просится ко мне в гости. Вчера звонил. Говорит: есть разговор.

— Только, Эшли, надеюсь тебя не нужно предупреждать, ничего ему про меня не рассказывать, да и вообще, не говорить обо мне по возможности, — тут же спохватилась Жак. — Эшли, пожалуйста, не ругай его. Иначе вы можете поссориться с Алисой, а вот этого мне точно не хочется.

— Да толку! Ругать его... с леопарда пятна не исчезнут. И за нас с Алисой не беспокойся. Мы и не такое переживали. Ладно, посмотрим, что он мне там расскажет.

Мачеха перезвонила буквально через день, но разговаривала уже совсем другим тоном.

Женщина сделалась задумчивой и серьёзной.

— Видишь ли, Жаклин, он передал тебе подарок. — Она чуть помолчала, дав возможность девушке как-то переварить такую новость. — Ко дню рождения.

— Не нужно мне от него никаких подарков.

— Знаешь, Александр хотел бы отправить его тебе по почте, но я, разумеется, не назвала твоего адреса, а сам он не запомнил.

«Значит, всё-таки не запомнил», — промелькнуло в голове у Жаклин.

— Хотя, стоп, — тут же перебила она мачеху. — Давай его сюда, это подарок.

— Вот и умница. Вот и молодец, — выдохнула Эшли. — Я приеду к тебе после родов. Может, тогда и привезу тебе его?

— А что он из себя представляет?

— Да не знаю я. Он в какой-то коробке... такой... как из-под детской обуви.

Жаклин закатила глаза в раздумье: что мог придумать Александр в подарок?

— Хорошо. Привези мне его, пожалуйста, как приедешь. — Она чуть помолчала. — Эшли.

— Что?

— А что он говорит? Александр. Он про меня спрашивал? Что-нибудь говорил?

— Видишь ли, Жаклин, м-м-м, — женщина замялась. — Понимаешь, я не могу быть между вами посредником. Я и подарок-то взялась передать только лишь потому, что не даю твоего адреса. Пожалуйста, пойми меня правильно.

— Да-да, конечно. Я понимаю, — с готовностью поддакнула девушка.

«Ничего не понимаю, — думала она в этот момент про себя. — Эшли явно что-то

темнит. Не договаривает». — Но давить на мачеху, понятное дело, не стала.

Последние недели беременности Жаклин провела так, как мечтала бы прожить всю свою жизнь.

Она читала в парках на скамейках, слушала музыку дома, бродила по интернету, спала. И даже неудобства от изменений в фигуре её не удручали. После того как девушка рассказала всё Эшли, страх перед Кирком как-то так отступил. Она почувствовала, что уже не одна. А сейчас так и подавно почти о нём забыла и перестала оглядываться на улицах и прислушиваться к своему затылку.

Но вот чего она совсем не делала, так это не рассматривала себя в зеркало с этим огромным животом и не делала сэлфи. Всё это ей казалось абсолютно ни к чему.

Глава 53

Эдельвейс

Эдельвейс Фортескью появилась на свет одиннадцатого октября в четыре часа дня.

Три килограмма сто двадцать граммов заорало низким басом как хороший медвежонок.

Акушерки и врачи даже удивились таким голосовым связкам у девочки. Утром у Жаклин в больнице уже были Эшли с Сесилией, вечером после работы забежал доктор Абрамсон.

Роды прошли без осложнений, но всё-таки на следующий день, стоя перед кабинетом своего наблюдающего врача, Жаклин так же благополучно сползла по стеночке и потеряла сознание. Ввиду небольшого собственного веса, у неё быстро случилось физическое истощение.

Когда ей поднесли дочку на самом родовом столе, девушка, измученная схватками и потугами, толком ничего не увидела, а только лишь сразу автоматически протянула руки к ребёнку. Которого ей, разумеется, не дали.

Рассмотреть свою дочь новоиспечённой мамаше удалось только на первом кормлении.

Ей даже не понадобилось вглядываться в родное сморщенное личико, чтобы понять, на кого похожа её Дэлли. Возле Жаклин лежал маленький съёженный Александр МакЛарен собственной персоной.

Тот же крохотный кукольный ротик, бровей ещё не было, но надбровные дуги уже имели очень красивую форму правильной дуги. Новорожденная не открывала глазки и Жаклин тут же вспомнила спящего Алекса. У того точно так же верхнее веко, как будто натягиваясь на глазное яблоко, закрывало его в самом-самом низу. Но лидировал в этой гонке под названием: «Наиболее явная черта Александра МакЛарена», конечно же, лоб. Уже сейчас высокий, широкий с характерной линией роста волос, которые ещё только-только проступали из-под беленькой шапочки.

— Ну, здравствуй, — полная счастья по самую макушку, прошептала Жаклин, — Эдельвейс МакАлекс. — Мама поцеловала дочь в щёчку. — Боже мой, какая же ты красавица! — у девушки прямо-таки захватывало дух от того, насколько ребёнок превзошёл все её ожидания. Жаклин понимала, что её дочь будет для неё самой красивой и самой лучшей, но «понимать» и «почувствовать», как оказалось, это совсем разные вещи. Такой момент стоил всего. Всех тех страданий и усилий, что с ней произошли.

Только сейчас, получив себе свою дочь, как это ни странно, Жаклин ощутила, что Александр от неё, словно отдаляется, уходит всё дальше и дальше, а мысли о нём становятся всё менее чувствительными и болезненными. Юноша будто наконец-то отпускает Жак, оставляя вместо себя своего ребёнка, да ещё и, как оказалось, свою копию.

Молоко приходило плохо и немного, но Эдельвейс, как ни странно, наедалась с самого начала. Да и потом, когда Жаклин выписали, проблем с кормлением у девушки не возникло. Спасибо природе, подарившей большую грудь и хороший обмен веществ.

Ещё три дня, после того как она вернулась домой, с ней рядом оставалась Эшли, хоть и понимала, что Жаклин врач и вполне способна сама позаботиться о новорожденном.

Интересно встретила нового члена их небольшой семьи Сула. Она подошла к дивану, на который положили свёрток с Делли, ткнулась туда носом, почуяла запах ещё одного

человека, нового текстиля и молока и по привычке села рядом. А когда этот свёрток заворочался и заорал, поднялась и, косясь на источник звука непонимающим, жалобным взглядом, поджала хвост и поплелась в прихожую.

Мачеха привезла девушке подарок МакЛарена.

Ничего необычного в нём не было — коробка как коробка, небольших размеров, только немного высоковата, довольно лёгкая, в подарочной упаковке и бумажном пакете качественной полиграфии. Но всё-таки, не смотря на безобидный внешний вид, вскрыть его Жаклин решила только после отъезда Эшли.

Зайдя с подарком в комнату для гостей, девушка уселась на ковер, разорвала и откинула в сторону красивую упаковочную бумагу. Под ней оказалась небольшая, довольно плотная коробка такой же прямоугольной формы с ни о чём не говорящим абстрактным рисунком не то какой-то сказки, не то космоса в серо-золотистых тонах. Но оказалось, что коробка, всё-таки не так проста — когда Жаклин открыла её крышку, то все стенки упаковки сами собой начали распадаться в стороны будто держались только на одной зацепке. Девушка ахнула.

У неё в руках стояла форма из органического стекла, чуть меньшего размера, чем бумажная, разрисованная красивым витиеватым рисунком, золотистыми линиями, почти как на упаковке её шоколадного яблока. «Swarovski» гласила надпись под фигуркой лебедя на одном из боков, а внутри на небольшом стеклянном постаменте стояла сказочного, просто волшебного вида хрустальная туфелька. Причём это была обувь именно современной Золушки — кокетливо изогнутая колодка опиралась на высокую тонкую шпильку с острым золотым наконечником выше середины каблука. Девушка тут же вспомнила знаменитые творения Кристиана Лубутена.

Округлый носок украсили витиеватой брошью с причудливо заплетёнными золотыми нитями и вкраплениями полудрагоценных камней. Первое слово, пришедшее Жаклин в голову при виде такой красоты, это «воздушная». Изделие выглядело настолько изящным и лёгким, казалось, сила земного притяжения над ним не властна.

И вот тут Жаклин разрыдалась. Причём так, будто с места включила пятую скорость — резко, сильно, сразу навзрыд и задыхаясь. Рыдания били фонтаном, громко.

— Господи... как же... я... его... люблю-ю-ю-ю... — еле-еле выговаривая вслух сквозь всхлипы, девушка, тем не менее, встала и поспешила закрыть дверь, хоть Эдельвейс и спала наверху. — Люб-лю-ю-ю, — она опять уселась на пятки и закрыла лицо руками, отпустив коробку. Та упала на ковёр. Туфелька внутри зашаталась и затарахтела.

Услышав звук, Жак будто очнулась. Девушка достала вещицу, довольно плотно установленную в пазы на подставке. В руках туфелька чувствовалась плотной, хрупкой и холодной. Девушка, слизывая слёзы с губ языком вертела эту красивую штуку и так и эдак. Это было настоящее произведение искусства.

— Как же я его люблю, — очень тихо прошептала она. — Дура, — добавила Жаклин ещё тише, уже почти спокойно и, развернувшись, швырнула эту красоту в угол комнаты. Каблук отлетел, брошь разлетелась по комнате россыпью камней, но сама колодка осталась целой.

Успокоив на втором этаже проснувшуюся от грохота Делли, Жак опять вернулась в комнату для гостей, собрала все осколки и саму туфлю в пакет, а на следующий день прошла с коляской на почту, там упаковала эти остатки в почтовый пакет, написала на нём адрес Александра в Оксфорде и отправила.

Это случилось девятнадцатого октября. А через два дня, которые Жаклин, кстати,

благополучно проплакала, у парня был день рождения. Девушка полагала, что будет абсолютно справедливо, если он получит туфельку, вернее то, что от неё осталось, к праздничному столу. Но сама она двадцать первого числа всё-таки позволила себе выпить глоток вина за его здоровье. Ведь именно он подарил ей такого чудеснейшего ребёнка.

Чарльз не объявлялся и не давал о себе знать. Так получилось, что кроме Сулы и фотографий у Жаклин от него почти ничего не осталось. Флакон духов Givenchy, которые он дарил жене на двадцать пять лет, закончились, а красивые кухонные шторы, о каких она мечтала, и которые он организовал ей на двадцать шесть лет, девушка не стала снимать с окна, а так и оставила в Оксфорде.

Но зато как-то спустя пару недель после дня рождения Алекса, ей позвонила Сесилия и рассказала, что Чарльз попал к ним в больницу с обеими отбитыми почками и ещё чем-то там, подруга точно не знала. Она слышала, что он якобы возвращался поздно вечером с паба и его сбил мотоцикл. Чарльз ударился спиной об асфальт и отбил почки. А потом пришёл домой и вызвал скорую.

Девушка сначала вообще ничего не поняла, а потом вся обмерла.

«Эшли», — догадалась она. Но ей настолько полегчало от этой новости, что отругать мачеху у неё просто не повернулся язык.

Когда Делли стукнул месяц, Эшли с дядюшкой приезжали к Жаклин в гости. Увидев маленькую копию Александра МакЛарена, дядюшка немного скривился, но тут же оправился и заулыбался, потому как пускание пузырей ещё ни одного взрослого не оставило равнодушным. Мистеру Фортескью даже дали подержать и понянчить четыре килограмма живого веса.

Его не стало в ночь на двадцать седьмое ноября. Эшли позвонила Жаклин уже в девять часов утра. Дядюшка Лам умер во сне.

Оставив Эдельвейс всего на сутки у доктора Абрамсона, Жаклин полетела на похороны на самолёте.

Мистер Фортескью завещал им с мачехой напололам свою квартиру, а Жаклин — ещё и тридцать с лишним тысяч фунтов стерлингов в придачу.

Эшли тут же наотрез отказалась от своих претензий на долю. Женщина сказала, что ещё не выжила из ума, чтобы претендовать на наследство девушки, которая в девять лет осталась сиротой, а сейчас, так и вообще, одна на всём белом свете.

— Что-то Лам тут явно напугал, — категорично заявила она тогда.

Кстати, она рассказала падчерице об Итане с Марго, которые, понимая, что троим мальчикам будет уже тесно в этой квартире в центре, решили взять в кредит дом за городом, поэтому сама она сможет освободить дядюшкину жилплощадь и спокойно вернуться к себе в Valornock.

Услышав, что Марго с Итаном взяли кредит, Жаклин, ни секунды не колеблясь, заявила, что тридцать тысяч фунтов отдаст им на погашение. Как сказала, так и сделала — перевела на счёт Марго всю дядюшкину сумму целиком до последнего пенни.

Эшли довольно скоро документально оформила отказ от наследства, а вот Жаклин всё некогда было явиться к нотариусу и переделать владение квартирой дядюшки полностью на себя.

Поэтому, пока по документам они сдавали внаём его жильё пополам, хоть все пятьсот фунтов отправлялись на счёт падчерице. Той они особенногодились после того, как Делли исполнился годик, и её маме существенно урезали пособие.

Когда Александр блестяще закончил Оксфорд и уехал в Нью-Йорк, Эдельвейс исполнилось восемь месяцев, которых ей с лихвой хватило, чтобы полностью дать понять своей маме, что лоб, брови, глазки и губки, это далеко не всё, что она взяла от своего папочки, потому как, все восемь месяцев девочка отменно орала.

Её мама уже начинала потихоньку жалеть, что назвала эту крикунью именем такого нежного, невинного, горного цветка. Что-то это имя никак не вязалось с манерой поведения избранной её красавицей — Жаклин восемь месяцев почти не спала. Её и выматывало, и безумно смешило то, с каким упорством это маленький МакЛарен взялся за её воспитание. К тому же, Эдельвейс не очень хорошо кушала. Этим она пошла в мамочку.

Когда её папа поступил в аспирантуру Колумбийского университета, Эдельвейс исполнился годик.

Она стала чаще улыбаться, милостиво позволила-таки своей маме выспаться и теперь уже засовывала себе в рот четыре пальца руки, а не один большой, как раньше.

Отмечали годовщину вместе с детьми, взрослыми и собаками. Пришли мистер Абрамсон со своей Сарой и Нуппи, приехала Сесилия и ещё пришла новая знакомая Жаклин — Увил Райтли вместе со своей почти годовалой Индирой. Женщины познакомились в парке Woosk, гуляя с колясками.

Александр больше не давал о себе знать, Эшли ничего не рассказывала, Жаклин не спрашивала.

Так прошёл год.

А потом ещё один.

Глава 54 Мышка Титти и мышка Тэтти

Глава 54

Мышка Титти и мышка Тэтти

Жаклин уже ходила с Эдельвейс в детские магазины выбирать игрушки, в многочисленные лондонские детские кукольные театры, новогодние представления, цирк для самых маленьких, лондонский зоопарк. Они вдвоём уже вовсю осваивали развивающие игры и конструкторы. Эдельвейс пробовала изучать буквы английского алфавита.

Иногда в гости приходила Сара Абрамсон со своим внуком Джереми, когда бывала в гостях у своего старшего сына в Челси. Она оставалась с Эдельвейс, пока Жаклин бегала по Лондону по своим делам.

Раз в полгода приезжала в гости Сесилия. Девушка могла бы расспросить у неё о Чарльзе, но ей было попросту лень — настолько неинтересно и безразлично, что там у него и как. Так же, не слышала она больше и о Мэри. Наверняка, женщина опять стала вести оседлый образ жизни в своём Корнуолле.

После смерти дядюшки Жаклин практически перестала ездить в Глазго. Плата за квартиру ей поступала ежемесячно, никаких особых хлопот с квартирантами не возникало, но девушка всё-таки иногда подумывала, что логичней было бы продать дядюшкино наследство и положить деньги в банк. Ей платили бы примерно такую же сумму в виде процентов, сколько квартиранты давали в виде оплаты жилья, но она не решалась. Её дочь по рождению была шотландкой, хоть и носила фамилию Фортескью, и у Жаклин в очередной раз не поднималась рука на «место под солнцем» в Глазго.

Иногда звонила даже Марго, не смотря на свою «футбольную команду на дому» — как она выражалась. Об Эдельвейс Марго, как и все остальные в Глазго, не знала. Все знакомые в Шотландии, были только лишь в курсе того, что Жаклин уехала из Оксфорда и живёт теперь в Лондоне. Девушка иногда просто поражалась выдержке своей мачехи.

Эшли тоже больше не приезжала в Лондон, но звонила довольно часто.

Однажды она обмолвилась, что у Кирка с какой-то там француженкой Матильдой родился сын. И причём уже давно, ещё в апреле две тысячи тринадцатого года. Мальчик всего на полгода младше Эдельвейс. А чуть позже она объявила, что Кирк, оказывается, уже давно живёт в Париже. Больше мачеха ничего не знала, но сказала, что Алиса не исключает скорую женитьбу своего младшего брата.

Жаклин сразу вспомнила мисс Гаврош.

«М-да, Тильда, кстати, похожа на ту, ради которой и во Францию, и в Испанию, и на край света уедет даже такой как Кирк. Если она захочет, разумеется», — подумала про себя девушка в тот момент. Но если бы выяснилось, что мистер Бикстер занялся личной жизнью и завёл семью, она бы только несказанно обрадовалась и выдохнула с облегчением.

Когда Делли исполнилось полтора года, и пока ещё Жаклин не вышла на работу, она подарила радости материнства и своей хулиганке. Почти всем этим занимались члены клуба кинологов, а от девушки требовалось только не препятствовать. Сула привела четырёх щенков, которых Жак, при участии всё тех же кинологов, продала через два месяца.

Декретный отпуск доктора Рочестер подошёл к концу в апреле две тысячи пятнадцатого года, когда Эдельвейс исполнилось два с половиной года. Жаклин вышла на работу, а её дочь пошла в детский садик.

И вот тут девушка вплотную столкнулась с трудностью, к которой уже какое-то время мысленно готовилась.

Если в декретных отпусках с детками в основном сидят мамы, а папы работают, то в детский садик к ним приходят всё-таки оба родителя. Естественно, к тем, у кого они имеются.

Девушка уже дано задумывалась над тем, что же ей лучше дочери говорить про папу? Сочинять нечто очень сказочное и ещё более героическое абсолютно не хотелось. Сказать правду? Об этом не могло быть и речи — меньше всего Жаклин хотела настраивать ребёнка против собственного отца, каким бы подлецом тот не оказался. Она точно знала, что от этого больше страдают сами дети, а не их папы. Пусть Делли вырастет, и сама во всём разбирается.

А пока девушка решила ничего не выдумывать, а рассказать про Алекса близко к истине, излишне не обнадёживая. А именно: их папа учится, получает образование в далёкой большой стране, но у него своя, другая жизнь, и как он дальше поступит, он сам не знает, а решит только, когда закончит учёбу.

А ещё, если Эдельвейс спросит про папу, Жаклин приготовилась из раза в раз повторять дочери, что папа её любит. Девушка отлично понимала, что рано или поздно, случайно или преднамеренно с чьей-либо стороны, Александр обязательно узнает, что у него есть ребёнок, его плоть и кровь. И в том, что он не отвернётся от своей дочери, а полюбит её, Жаклин не сомневалась ни секунды — МакЛарен слишком любит себя.

Всё это время Жаклин пришлось как-то улаживать свои отношения с мужчинами.

Она ясно видела, что продолжает привлекать внимание, как и до встречи с Чарльзом, но также чувствовала, что по-прежнему держит их на расстоянии своей сдержанностью и равнодушием. И на первых порах девушка была этому несказанно рада. Но время шло, тоска по Алексу даже не то, что ослабла или поутихла, хотя и это было правдой, она постепенно шаг за шагом отступала на второй план, будто постепенно пряталась за спину хозяйки. Разумеется, иногда она нашёптывала на ушко, что хватит с тебя браков не по любви, неужели тебя жизнь не учит, но её голос становился всё тише, а доводы всё неубедительней.

И однажды, когда Эдельвейс исполнилось два с половиной года, весной пятнадцатого, Жаклин отправилась на семидесятилетие к доктору Абрамсону. Пожилой врач решил всё-таки оставить трудовую деятельность и удалиться на покой. По этому случаю была устроена не вечеринка, а именно застолье а-ля фуршет и не в ресторане, а у доктора дома.

Одним из гостей, кстати, довольно многочисленных, был некто по имени Роберт Доринсон, как оказалось, врач-педиатр по профессии. То ли то, что этот мужчина являлся вхожим в семью людей, которых она безмерно уважала, то ли он ей действительно понравился, то ли дело было опять в ней самой и просто пришло время, но Жаклин согласилась дать ему номер телефона.

Мистеру Доринсону стукнуло тридцать четыре года, в супружеских отношениях он никогда не состоял, хоть внешне, можно сказать, отличался весьма выгодными данными: высок, строен, неплохие черты лица на английский манер. Правда, начинал уже лысеть.

Получив номер телефона Жаклин, он принялся звонить достаточно часто, и в разговорах был любезен, учтив, спокоен и с готовностью проявлял понимание.

Для начала он пару раз напросился прогуляться вместе с мамой, дочкой и Сулой по набережной Темзы. При этом он так же, как и когда-то Алекс, по-мужски брал собаку на поводок.

А чуть позже, осенью, пригласил всех за город в яблоневый сад в Севенокс. Там местные фермеры, после сбора основного урожая, разрешают собирать яблоки, пока не выпустили в сад пастись скот.

— Мамуля, маты! — кричала Эдельвейс, и тут же бросалась к деревьям, в листве под которыми ещё валялись яблоки. За ней по пятам следовала Сула.

— Что, Дэлли, что там?

— Маты! — Эдельвейс подняла с земли яблоко и показывала на червоточинку. — Ябаку делили укочик?

— Нет. Тут поселился червячок. Он сделал яблоко своим домиком, — ответила Жаклин дочери.

Дэлли попробовала заглянуть в червоточинку как в замочную скважину, но ничего не увидела.

— Закылся, — сказала она.

— Да, Дэлли, — подоспел Роберт с полными ладонями спелых яблок. — Вот смотри сколько яблок без жильцов. Давай их с собой заберём, а червячка с его домиком оставим тут, пусть себе спокойно там сидит и пьёт чай.

Они тогда действительно набрали яблок и приехали домой усталые и довольные. А Жаклин так ещё и с пониманием того, что ничего у неё не выйдет. Всё это она уже проходила и выучила урок наизусть. Ничем хорошим это не закончится.

Но Роберт, тем не менее, не отставал и, даже видя, что у девушки нет никакого настроения, всё-таки пригласил к себе домой и познакомил с родителями.

А на Новый год сам договорился с миссис Абрамсон, чтобы она посидела с Дэлли, а они с Жаклин сходят на праздничный вечер в ресторан. Жаклин пошла только с условием, что будет платить за себя сама.

Впрочем, она не хотела, а может быть, даже и не могла резко отталкивать мужчину, всё ждала, что он сам устанет терпеть все её капризы и равнодушие. Но Роберт почему-то не уставал.

Жак даже рассказала об этом Эшли. Хотела послушать, что та скажет. Мачеха разговаривала как человек, который ожидал нечто подобное, и которого, тем не менее, застали врасплох. Но, всё-таки, гнать Роберта в шею не советовала, и на том спасибо. А в одном из последующих разговоров после Нового года, сказала, чтобы Жаклин приехала и переоформила дядюшкин дом на себя, иначе ей придётся заново писать отказ от наследства.

Жаклин тогда согласилась, но всё откладывала и собралась только весной. Оставила дочь своей подруге Увил и поехала в Глазго.

С железнодорожного вокзала доехала на автобусе в Balornock. Эшли она застала с ноутбуком на диване, но как только появилась гостья, мачеха тут же отложила свои дела и, отправив Жаклин располагаться в комнате для гостей, поспешила на кухню.

Они только-только отдали должное жареным куриным ножкам наштигованным чесноком, как в дверь позвонили.

— Наверное, Алиса. Она обещала завести мне чеки. Ты сиди, не вставай — она только на минуточку, — поднялась из-за стола мачеха.

— Ой, ну, что ты, Эшли, — тоже подскочила Жак, — я же должна хотя бы поздороваться. К тому же, я Алису уже почти три года не видела.

Девушке показалось, что это не понравилось Эшли — та как-то так еле-еле скривилась, но не стала ничего больше говорить, а направилась в прихожую.

Когда хозяйка квартиры открыла дверь, на пороге действительно стояла миссис МакЛарен.

— Привет, — поздоровалась она сначала с подругой. — Оу, да у тебя гости! Привет, Жаклин. Давно тебя не видела, — расплылась в улыбке женщина.

— Привет, Алиса. Тоже очень рада тебя видеть

— Ты к нам по делам приехала или так, погостить? — протянула она тем временем Эшли файлы с бумагами.

— По делам. Я только на один день.

— Очень жаль. Ну, если ты только на один день, то я, пожалуй, останусь с вами, — начала она расстёгивать молнию на своём утеплённом плаще. — Вы уже успели попить чаю? — посмотрела она на подругу.

— Нет, — покачала головой та, не поднимая головы от бумаг. Жаклин показалось, что Эшли хочет придаться к тому, что Алиса ей привезла что-то «не то» и отправить компаньонку за «правильными» документами. — Проходи, располагайся, — Эшли всё-таки оторвалась от файлов, видимо, не найдя ничего криминального, и сама направилась на кухню с недовольным выражением лица.

Алиса уже давно знала, что Жак развелась со своим мужем и переехала в Лондон. Она больше не звонила и не справлялась у девушки о делах своего непоседливого сына, да и вообще как-то так больше не искала поводов к общению. Поэтому девушка удивилась нынешнему рвению миссис МакЛарен попить с ней чаю.

Жаклин, кстати, иногда одолевала угрызения совести перед этой женщиной в том, что лишает её возможности видеться с внучкой. Но она очень быстро все эти муки направляла прямёхонько к Алексу — это не она, это он лишил свою мать этого счастья.

Кстати, причина, по которой Алисе не терпелось поболтать, выяснилась довольно скоро, почти в самом начале чаепития.

— А ты знаешь, Жаклин, я ведь совсем недавно стала бабушкой.

Девушка замерла с пряником в руке.

— Да, у меня ведь после Нового года родился внук! — женщина явно хвасталась и выглядела невероятно счастливой.

Жаклин тут же автоматически принялась вспоминать: сколько точно лет сейчас Дженни, но в следующую секунду её мир рухнул в преисподнюю.

— Александр в мае женился там, в Нью-Йорке, и у него родился сын.

Вообще-то, бедняжку спасло только лишь полное невнимание Алисы к её реакции. Женщина рассказывала, а сама что-то там намазывала на булку и подливала себе в кружку. Эшли с каким-то обречённым видом в это время нарезала рулет с конфитюром. Она же и помогла Жаклин, заполнив паузу.

— Ну, так он же уже заканчивает аспирантуру в этом году. Почему бы не обзавестись семьёй.

На Жаклин было жалко смотреть и хорошо, что Алиса не спешила этого делать.

«Женился, — било набатом в мозгу у девушки. — Сын».

Ей тут же захотелось обнять Эдельвейс и крепко прижать её к своему телу. Она хваталась за мысли о дочери, как за спасательный круг, как за кислородную маску. И это сработало.

«Да пош-ш-ш-щёл он! — вспомнила она, какое это наслаждение — держать в руках своего ребёнка и знать, что он у тебя есть, что ты не одна. — Да пусть там хоть

демографический взрыв устроит, мне всё равно. Пусть размножается! У меня есть Дэлли, и больше мне никто не нужен», — это помогло девушке взять себя в руки и поздравить новоиспеченную бабулю.

— Поздравляю, Алиса, — улыбнулась она одними губами. — Как назвали карапуза?

— Гордон.

— Оу, — притворно восхитилась Жаклин, — красивое имя. Будете звонить Александру, поздравьте их от меня.

— Спасибо. Обязательно передам, — пообещала Алиса голосом полным глубокого морального удовлетворения. — Алекс обещал летом с семьёй приехать сюда к нам. Вот жду, — женщина довольно улыбнулась, отправила в рот кусочек шоколадки.

— Ну, что же, очень хорошо. Очень рада за Вас, — опять поддакнула Жаклин.

— А я вот этим летом хочу слетать на Сейшельские острова, — влезла Эшли в их диалог таким тоном, что пусть бы только попробовали собеседницы её не поддержать. Само собой, те тут же подхватили тему жарких стран, и разговор пошёл своим чередом.

— Я потом тебе расскажу, — шепнула мачеха Жак, как только они принялись убирать со стола, а Алиса начала собираться домой.

— А мне неинтересно, — равнодушно бросила та и отвернулась.

Но, проводив подругу, Эшли ей всё-таки рассказала, что Александр женился на какой-то дочери владельца крупной компании по производству и установке тепловых коммуникаций. Расписались они в мае, а ребёнок родился в январе.

— Короче говоря, это типичный брак по расчёту и как там так быстро появился ребёнок, я честно сказать, ума не приложу.

— А как вообще дети появляются, — безжизненным голосом отозвалась девушка.

— Но я думаю, тебе сейчас должно быть уже не так больно — у тебя ведь есть этот Роберт. Так ведь?

Жаклин нахмурилась с откровенной болью в глазах.

— Я абсолютно ничего к нему не чувствую, Эшли, — мученически покачала она головой. — Он хороший, и даже педиатр, и если бы в моей жизни не было такого опыта, как с Чарльзом...

«А, скорее всего, как с Александром», — подумала она про себя.

— ... я бы уже наверняка решилась на более близкие отношения, — девушка сидела и равнодушно вертела в руках свой телефон. — Но второго брака без любви я уже не потяну. Нет сил, — положила она аппарат на стол и развела руки в стороны.

— Пригласи его сюда к нам, я на него посмотрю.

— Ну, если только летом. Вот и встретимся, — невесело улыбнулась Жаклин. — Александр приедет со своей семьёй, а я, вроде как, со своей.

— Ты же прекрасно знаешь, что будет, если Александр увидит Дэлли. Не узнать в ней его копию и копию Алисы может только полный идиот, а Алекс не идиот.

— Интересно, они похожи?

— Кто?

— Дети Алекса. Этот Гордон с Дэлли. Они ведь сводные брат и сестра. У Алисы нет фото мальчика?

— Кажется, у Дженни есть — она летала к нему в Нью-Йорк. Но что там можно рассмотреть — ребёнку два месяца.

— Ну, не знаю, когда Дэлли было два часа, она уже была копией папочки.

— Нет, не видела я этих фоток. Вот приезжайте летом, когда они приедут, сами увидите.

На том и порешили.

Жаклин на следующий день с утра, вооруженная до зубов бумагами, которыми её снабдила Эшли, отправилась напрямик к нотариусу и переоформила на себя владение дядюшкиной квартирой. Её попросили зайти через пару часов, когда документы будут отпечатаны и ламинированы.

Жаклин погуляла по Глазго, заглянула в магазины, в первую очередь, в детские отделы, купила Эдельвейс новые кроссовки — из старых дочь выростала, не успевая снашивать. Потом, в каком-то кондитерском набрала разных сортов вафель. В Лондоне можно было купить всё, что угодно и даже вафли, но привезти из Шотландии какой-нибудь гостинец всё-таки было нужно.

Получив у нотариуса документы, она отправилась к риэлторам, переоформила сдачу жилплощади на себя одну и тут же поспешила на вокзал, куда её подвезла Эшли.

Поезд уже подъезжал к Лондону.

— Леди и джентльмены, — заговорил машинист по громкой связи, — наш состав прибывает на вокзал Уэстонс города Лондона. Просим вас не забывать личные вещи в вагонах. Спасибо, что воспользовались нашей компанией, до скорых встреч на наших маршрутах.

Жаклин поднялась с сидения, застегнулась, накинула на плечи рюкзак и прошла в тамбур — ей нужно было поторапливаться. Так она привыкла. Поезд проехал между огородами и задними дворами окраин столицы и на перрон прибыл без опозданий.

Двери распахнулись, девушка вышла из вагона и привычно направилась в метро.

Вокруг был её Лондон, её родной город, а скоро она встретится со своей дочерью и уже сегодня на ночь прочитает ей сказку про мышку Титти и мышку Тэтти в своей родной квартире.

«Скоро я увижу Дэлли, — предвкушала Жаклин. — Надеюсь, она ещё не заснула. Домой придётся нести её на руках. Своими ногами она дойдёт только к утру».

Девушка представила, как Александр носит на руках своего сына. Жаклин поняла, что ей ещё долго привыкать к этой картинке, но она не куда не торопится — впереди вся жизнь.

Жизнь без Александра.

Глава 55

Рефлексия

Июль 2016 г. Прошло три года.

— Сула, Сула, Сула!

Александр застыл. Сидя на лавочке в парке Брук и подкрепляясь куском пиццы, мужчина тут же весь обратился в слух, перестав жевать и дышать.

«Мой Бог, пусть мне это не послышалось», — взмолился он про себя.

— Сула! Сула!

Внял Всевышний его просьбе.

Парень дёрнулся, как умеют это делать только боксёры с их реакцией и, чуть не подавившись с перепуга куском пиццы, пытаясь его проглотить, принялся лихорадочно озираться по сторонам.

В парке, как и всегда в хорошую погоду наподобие сегодняшней, рябило в глазах от собак и их сопровождающих. Поэтому шаря взглядом по лужайке и не находя никого, кто мог бы выкрикивать это имя или отозвался бы на него, то есть Жаклин или Сулу, Алекс уже подумал впасть в отчаяние.

«Неужели ушли? Если бы мне послышалось, то голосом именно Жаклин, — тут же ухватился он за мысль о доселе бесперебойной работе своего слухового аппарата. — А тут кричала явно не она».

Он перебросил ноги через лавочку, полностью развернулся в противоположную сторону и, продолжив ещё какое-то время рассматривать присутствующих, всё-таки увидел её, Сулу.

Собака стремглав неслась куда-то вдоль кустарника, растущего по периметру парка. Да, это была именно она. Представители столь редкой породы не так уж часто встречается даже в таком городе, как Лондон, поэтому вкупе с только что прозвучавшей кличкой, можно было делать вывод уже не об идентичности животного, а о его тождественности.

«Она. — МакЛарен поднялся. — Сула». — Мужчина опять затаил дыхание, следя глазами за собакой и ожидая, к кому же она подбежит.

Сула остановилась возле мальчика лет десяти-одиннадцати. Тот вынул из её пасти мяч и начал вставлять его в устройство катапульты. Разгорячённое и довольное животное в нетерпении пританцовывало вокруг пацанёнка, ожидая следующего броска. Вставив мяч в «ложку», ребёнок свободной рукой погладил собаку по загривку, а вторую вместе с её игрушкой завёл за спину. Сула зазывно ткнулась к нему в бок, поддевая носом футболку и кофту, словно призывая руку с катапульты вернуть на место.

Александр, не сводя глаз с этой парочки — боясь потерять их глазами, выкинул в урну остатки пиццы и двинулся на пацанёнка, пересекая лужайку, как запрограммированный только на движение по прямой робот.

Мальчишка увидел незнакомца футов с десяти и, чуть смутившись, опустил руку с катапульты и прижал к себе Сулу, будто старался укрыть её от опасности.

— Привет, — доброжелательно поздоровался Александр, останавливаясь напротив ребёнка.

Увлечённая по самую макушку мячом Сула, только тут заметила вновь прибывшего и устремилась прямо к нему. Она подошла и ткнулась подошедшему в колени. Тот потрепал её

по заливку, наслаждаясь приятной, гладкой, немного с игольчатым эффектом, шерстью.

— Добрый день, сэр, — очень вежливо поздоровался пацанёнок.

— Привет, Суламита, — Александр опустился перед животным на корточки.

Глаза мальчика тут же зажглись интересом. Ну, так ещё бы: какой-то незнакомый дяденька знаком с Сулой и даже знает её полное имя.

А Александр в этот момент очень захотелось обнять собаку, прижаться к ней, показать, до чего же на самом деле он рад её видеть.

Но сейчас перед ним стояло уже взрослое и довольно серьёзное животное, с которым незнакомцу следовало обращаться как со взрослым — сдержанно и по-деловому. Да-да, именно незнакомцу, потому как, судя по всему, Сула его не вспомнила и, получив поглаживание по шее, тут же вырвалась и вернулась к ребёнку.

— Это твоя собака? — поднялся Алекс и улыбнулся.

— Нет, сэр. Я с ней только гуляю иногда, — мальчик начал опять убирать от собаки мяч, к которому та уже потянулась зубами.

— Тогда, это, наверное, собака Жаклин? Мисс Фортескью?

— Да, сэр. Вы её знаете?

— Да, я знаю Жаклин. Я её старый знакомый.

— Она иногда разрешает погулять с Сулой, — пацанёнок, гордо вскинул подбородок. — Она меня слушается, — погладил он собаку по голове и даже не побоялся продемонстрировать свою полную власть над животным. — Сула, сидеть.

Та тут же оставила мяч в покое и уселась, но с таким видом, что, казалось, ещё чуть-чуть и закатит глаза от того, что как же это некоторым иногда нравится покомандовать, просто «Роял Канином» их не корми.

— А меня вот, кажется, не узнала, — пробубнил себе под нос Александр, наблюдая за собакой. — Как тебя зовут? — посмотрел она на мальчугана.

— Джереми, сэр. Джереми Абрамсон, — мальчик поправил свои густые чёрные волосы и посмотрел вверх на мужчину ясным взглядом больших чёрных глаз.

— А я Александр МакЛарен, — протянул тот пацанёнку свою большую ладонь. — Мне очень приятно с тобой познакомиться.

Ребёнок настолько смутился от обращения с ним как с настоящим взрослым, что ошибся с ответом.

— Спасибо, сэр, — сказал он, но потом понял, что ляпнул что-то не так и тут же исправился: — То есть, я хотел сказать: мне тоже очень приятно, сэр.

— Называй меня Алекс, — умилился детской непосредственности мужчина. — Ты сейчас пойдёшь назад к мисс Фортескью отдавать Сулу?

— Нет, не сейчас. Я хотел бы с ней поиграть. Мы только пришли. Она очень хорошая и весёлая. Я очень её люблю, сэр, то есть, Алекс, — и мальчишка с любовью обнял за шею красивое грациозное животное.

— Ну, что же, не буду вам мешать. Я только хотел бы с вами пройти в гости к Жаклин — давно её не видел... и сейчас вот... захотел повидаться, — с непривычки от того, что ему приходится кому-то навязывать своё общество, Александр даже начал заикаться.

Джереми только молча кивнул и тут же обратился к Суле.

— Сула, лови! — и метнул мяч из катапульты. Собака бросилась за игрушкой, а Алекс задумался.

Он вспомнил Змея.

Приехав в Лондон сразу после сдачи последних дипломных диспутов с оппонентами и вручения самого диплома, он тут же занялся компанией. Что и как там будет дальше, время покажет, а пока его задача — это их с Саймоном и Кирком стройки.

Только лишь появившись в офисе, молодой генеральный директор вызвал первым делом к себе отдел маркетинга в полном составе, и, ознакомившись с результатами привычного для них занятия, которым они испокон веков занимались при Кирке, как и положено, остался абсолютно недоволен плодами их труда. Просто категорически. Поиски, анализ и прогнозы по тендерам — это вчерашний день для «Buch&Beek». В новых условиях компания уже не может себе позволить питаться редкими подачками муниципалитетов и администраций, а должна обратиться к крупному, масштабному строительству, и не исключено, что блочному или модульному.

Поэтому ему нужен отчёт в первую очередь о рынке многоэтажного жилья и именно по районам Лондона, вне зависимости от того, спальные они или нет, а также анализ с прогнозами инфраструктуры и технических объектов на страну в целом. Континентальная Европа пока пусть живёт спокойно. Пока! Таким образом, промыв мозги маркетологам, мистер МакЛарен дал им три дня сроку и отпустил, пригрозив заменить их всех на рабочих местах своей одной единственной младшей сестрой.

Затем выслушав менеджеров и регионального директора, он долго разбирался с документами по типографии в Гринвич-районе и, материл на чём свет стоит того идиота, который, какого-то чёрта, составил смету по этому объекту левой пяткой, не иначе. Но, тем не менее, поздно вечером Александр всё-таки прояснил для себя картину положений и вещей, поставил массу вопросительных знаков в графах с документацией по подключению к водоснабжению и канализации и убрал статьи расходов на утепление крыши, после чего отдал распоряжение сделать чистовой вариант и ждать подписи.

А вот по поводу нового здания экономического колледжа в районе Брокли позвонил Кирку. Дядя вроде бы показывал, что всё ещё владеет ситуацией и вникает в проблемы и даже порывался приехать из Парижа, но вполне себе мог не сдержать обещание, и всё чаще и чаще у него в разговоре проскальзывала фраза: «Делай как знаешь. У тебя карт-бланш».

И Александр делал. В конце концов, чем более успешно будут идти дела у предприятия, тем большую сумму он сможет выручить за свои акции.

Разрулив в Лондоне за пару-тройку дней вопросы, накопленные Кирком, Алекс мог себе позволить недолгую отлучку. Естественно, оставаясь на связи. Он отправился в Глазго, где не появлялся с последних своих оксфордских каникул. И если бы не Жак, очень скучал бы по родному городу.

Мать, конечно же, сокрушалась, что ей не привезли внука, но тут имелся элементарный и железный аргумент — ребёнок ещё слишком мал, и Джесс не захотела его и себя мучить перелётом.

А вот то, зачем Александр прибыл конкретно, оказалось не так-то просто, поскольку «железной» оказалась уже Эшли, которая наотрез отказалась давать ему адрес Жаклин по его первому требованию, объясняя это своей боязнью, что он может не сдержаться при виде другого мужчины в её доме и в резкой форме обозначить свои притязания. Не исключено, что с применением грубой физической силы. Очень грубой.

К тому же, женщина призналась, что из тех денег, что он отсылал ей для девушки все эти три года, самой Жак не попало ни пенни, и что Эшли согласилась принимать переводы только лишь для облегчения его собственной многострадальной души, а для девушки — в

качестве страховки. Так сказать, на «чёрный» день.

Поэтому вся сумма ещё в американских долларах преспокойно лежит на счету самой Эшли, и она их ему вернёт, как только он встретится с Жаклин здесь, в Глазго, и не в таком взвинченном состоянии, в каком заявился, а чуть успокоившись и набравшись терпения.

Услышав такое, Александр взбеленился окончательно. Такой расклад событий его категорически не устраивал. Абсолютно. Судя по настроению тётки, она приготовилась свидетельствовать за него перед Жак, в его поддержку, да ещё и деньги эти, скорее всего, предъявит в качестве аргумента, а он не желал такой помощи, хоть и признавал, что женщина, помогая ему столь долго, заслужила право на вмешательство. Но он хотел, чтобы Жаклин поняла его просто так. Он верил в неё, она сможет. И в себя тоже верил.

Мужчина много раз вспоминал название улицы, на которой живёт девушка в Лондоне, но проклятая память никак не хотела выдавать ему это слово. Да и к тому же, если бы он даже вспомнил и нашёл улицу, то к номерам дома и квартиры тогда даже не прислушался. Тем более, что в Лондоне они странные. Но он точно знал, что найдёт её. Другого варианта МакЛарен попросту не рассматривал.

Ну а пока, всё-таки вняв голосу Эшли хотя бы в вопросе своего самочувствия, рванул к Рону в Килмарнок на пару дней. В горы. Взял у Штэфана его Ямаху и уехал.

Дядя встретил племянника с большой радостью — у него собралась хорошая компания молодёжи, прямо как в старые добрые времена. Бен всё ещё жил с ним, пока не женившись, а Хэм закончил первый курс ветеринарного колледжа и приехал на каникулы со своей очаровательной девушкой Алуной.

Поначалу Александр ни о чём таком и не думал. Он, как и раньше, как и принято в горах, только лишь поставив мотоцикл во дворе и поздоровавшись со всеми, сразу же переоделся и присоединился к работам на ферме.

Они с Беном загрузили в фургон молоко для сыроваренного цеха в Гарве, помогли работникам прошить проволокой в главном амбаре первый «срез» сена, после чего встретили стадо с пастбища, пересчитали и проследили за вечерней дойкой. А поздно к ночи все вместе уселись за стол, выпили по чарке виски за встречу и хорошенько поужинали.

На следующий день пришла очередь лошадей.

Змей опять его скинул. Да и вообще, судя по всему, позволил на себя взобраться только лишь потому, что стоял на базу уже оседлан и привязан.

Увидев этого «дьявола» в сбруе, Александр от радости тут же запрыгнул на него и пришпорил.

Змей не был бы Змеем, если бы не покатал парня тихо мирно пару кругов вдоль ограждения, а потом, будто соблюдая традиции и стараясь не изменять себе, встал на дыбы и прыгал до тех пор, пока Алекс, устав надавливать кисти вожжами и опасаясь выломать себе голеностоп в стремени, разжал руки и плюхнулся с него на спину. Чёртов конь довольный сразу же опустил на передние ноги и побежал себе дальше, а Александр поднялся, отряхнулся и пошёл за охотничьим ружьём Рональда.

Он выстрелил животному в голову сбоку, боясь, что свинец расплющится о лобную кость такого гиганта как Змей. Никто из работников даже и дёрнуться не успел. Конь, получив пулю сразу в мозг, рухнул замертво как подкошенный.

Александр откинул ружьё, вытер пот со лба и, зайдя в дом только лишь для того, чтобы сказать Нильте, что заплатит дяде за коня, сел на мотоцикл и уехал назад в Глазго.

Он понимал, что ему нужно. Вернее, кто ему нужен. Но всё было не так-то просто.

Слишком далеко зашла ситуация, слишком много всего произошло.

Сидя в своей комнате в Глазго, он, только лишь выпроводив мать с её расспросами о том, почему ей позвонила Нильта и посоветовала следить за своим сыном, взял с полки шоколадное яблоко и, вынув из коробки, принялся задумчиво вертеть его в руках.

Сам шоколад, конечно же, уже даже выглядел несъедобно — на поверхности появились белые разводы, да и золотистые линии почти исчезли, но отпечатки зубов Жаклин сохранились идеально.

Александр провёл по ним пальцами. Он вспомнил, как ему принесли ко дню рождения разбитую хрустальную туфельку, заказанную им для девушки в Нью-Йорке. Парень тогда ничуть не удивился, и уж тем более, не разозлился.

Вообще-то, с самого начала это была его идея, его гештальт. Получив от Жаклин в подарок яблоко, он тут же задумался над ответным жестом вне зависимости от развития событий и их с Жак взаимного статуса. Тогда-то вспомнил рассказ о её отце, который подарил дочери на день рождения башмачок Золушки из шоколада. Жаклин рассказывала этот эпизод как бы с сожалением — отца уже нет в живых, и никто ей такого подарка больше не преподнесёт.

Александр решил пойти чуть дальше и заказать этот же башмачок, но уже из хрустала. Даже открытку приложил с объяснениями. Но услышав от Эшли, что этот урод, муж-преподаватель, всё-таки посмел её тронуть, записку убрал и отдал красивую вещицу уже только лишь для того, чтобы дать возможность Жаклин столь же красиво послать себя подальше. Что она, собственно, и сделала.

Когда Эшли ему рассказала то, чем с ней поделилась Жаклин по поводу мужа, у парня мозги на минуту отключились совсем, волосы на затылке встали дыбом, а глаза начали медленно, но уверенно наливаться кровью. Картинка, как этот недомуж-переученный тыкается своим «прибором» в тело Жак...

— Боже, — Алекс схватился руками за голову, зажмурился и от помутнения рассудка никак не мог вспомнить, что он там обещал сделать с этим мудаком, если хоть один волосок упадёт с головы девушки, которую любил.

А когда вспомнил, то в уме у него тут же включился обратный отсчёт — почки Чарльза были приговорены. Эшли это поняла и, как заметил Алекс в разговоре, шла на разделение ответственности за последствия предприятия совершенно сознательно, доверяя благоразумию парня и надеясь, что в его планы не входит сменить статус студента Оксфорда на койко-место в одной из тюрем Девоншира из-за такого дерьма как мистер Рочестер.

Он подкараулил преподавателя у подъезда.

Увидев на лице этого почтенного сэра страх при своём появлении, Александр озверел как по щелчку пальцев и так заехал ему в пах с первого удара, что тот, выронив портфель, скрючился и обмочился. А парень при виде такой неудачи некогда удачливого насильника, принялся повторять про себя, что необходимо вовремя остановиться и не угробить к чертовой матери это ничтожество.

— Я же тебе говорил, что нужно бить меня, а не её, — процедил он тогда сквозь зубы и сделал Чарльзу спереди подножку. Тот, как и положено, рухнул на колени, подставляя спину. — Какая же ты мразь, сука трусливая, — и парень с желанием и даже с каким-то облегчением впечатал кулак в рёбра мужчины в районе почек, как и следует, занося удар снизу, чтобы разогнать кровь в тканях.

Он точно знал, что для того, чтобы отбить почки, нужно лупить не по почкам, а по

рёбрам, к которым они прикреплены и сила удара здесь вторична по отношению к точности. Почувствовав под костяшками сотрясение рёберных дуг, юноша понял, что почки своё получили.

— Ещё раз приблизишься к ней ближе, чем Оксфорд к Лондону, забью тебе твою печень в глотку. Будешь у нас младшим братом Франкенштейна, — и, сплюнув на пол от безразличия, МакЛарен вышел из подъезда.

Он осознавал, что страдания, которые принёс Жаклин он сам и те, которые доставил ей муж, совершенно несоизмеримы. Но ему было абсолютно плевать. Жаклин — его, и ни одна паскуда не смеет трогать её даже пальцем, не говоря уже о чём-то большем, а столь милого собственника с двойными стандартами он убьёт в себе как-нибудь в другой раз и по другому поводу.

К тому же, парень понимал, что если начинать за неё мстить, то первым номером в этом списке должен стоять его любимый дядюшка Кирк. И Александр решил, что как только отдаст Кирку то, что задолжал, тут же его в этот список внесёт. Пусть даже не сомневается.

Юноша считал себя должным. Сначала Кирку, а потом уже Жаклин. А долги нужно отдавать. Любые. Не только карточные. И вот сейчас, когда с дядей он расплатился, пришла очередь любимой женщины.

К которой он вернулся, увы, с довольно-таки приличным багажом за спиной в виде четырёх сумасшедших лет и не только.

За эти четыре года с парнем бывало всякое. И разное.

Конечно же, моментами у него случались девушки и, конечно же, ни в коем случае не наоборот. Да Боже упаси! Имея в прошлом себя вместе с Жак и её вместе с собой, помня, на что способно его нутро рядом с любимым человеком, каким он может быть и что умеет чувствовать — после всего этого даже думать о том, что в состоянии случиться у кого-то там другого, не приходилось.

Теперь он случался только сам у себя и, привыкнув к такому положению вещей, в минуты отчаяния готов был плюнуть на всё и сдать свою жизнь в плен. Или даже сесть в её тюрьму. При таком сценарии развития событий, судя по всему, его ждала блестящая карьера руководителя и владельца компании, образцово-показательная семья и ещё более достойная подражания и зависти свора любовниц, имя которой — легион.

А потом мистер Александр МакЛарен, вне всякого сомнения, начал бы рваться в политику, ибо умел красиво улыбаться и готов был идти по головам вперёд и вперёд и закончил бы свой путь похоронными почестями на кладбище Вашингтона. И даже можно сказать, эта картинка не вызывала у парня какого-то прямо уж отторжения или презрения, да и страха перед такого рода будущим он тоже не испытывал. Ну, вот ещё! Вполне себе достойная жизнь, почему бы, собственно говоря, и нет.

Но.

Жаклин запомнилась ему такой, какой была там, на пороге его квартиры в Оксфорде.

Девушка долго стояла у него перед глазами. Очень долго. Да практически постоянно. Он пошёл на эту жертву из любви к ней, но после всего произошедшего мощнейшее чувство вины не заставило себя ждать. Тем более, что он так опрометчиво не учёл этого гондона — её мужа. Парень железно понимал, что после такого Апокалипсиса любовь сможет себе позволить, только лишь загладив и искупив вину. А это очень нескоро.

Как только он начинал думать над сроками, его тут же за горло мёртвой хваткой брала досада от собственного одиночества в осознании того, что их разлука хоть и долгая, но всё-

таки конечна. Александр очень хотел поделиться этим с Жак.

Он мог бы раскрыть девушке страшную тайну, что на самом деле ей от него уже никогда не избавиться, что это расставание лишь для того, чтобы потом встретиться и больше никогда не разлучаться. Но он не мог позволить себе такую роскошь, поэтому Жаклин всё это время оставалась в полном неведении, для неё он ушёл, и может быть, навсегда. И вот тут его начинало разрывать изнутри противоречие между пониманием того, что всё-таки, как ни крути, но всем будет только лучше, если Жаклин его отпустит и не станет мучиться тоской по нему, и тем желанием, чтобы она его ждала. Всегда. Всё время.

Чувствуя боль девушки, её мучения, поначалу он раз за разом намеревался бросить всё и вернуться в Лондон, к ней. Но тут включались мозги и начинали генерировать мысли о последствиях такого шага и о том, что дело, стоившее им стольких усилий, страданий и расставания, нужно всё-таки довести до конца. Поэтому для того, чтобы её несчастья в один из дней прекратились, он должен успокоиться, сцепить зубы и действовать.

И в один прекрасный момент Александр смирился.

Помогло ещё и то, что, заиклившись на переживаниях Жак, на том, во что ему пришлось превратить эту умную, некогда игривую и доброжелательную девушку, он не позволял себе сосредоточиться на своей тоске по ней, на необходимости видеть её, слышать её, чувствовать, не говоря уже о необходимости близости с ней. Ему было не до себя. Последнее, правда, жило своей отдельной жизнью и периодически укладывало парня на лопатки, поскольку лежало не только в области психологии, но и в области физиологии.

Но, даже переваривая всё это в своей голове, в своей душе, Александр, тем не менее, не хотел унижать Жаклин жалостью. Вот такой подачкой себя. Тем более, что она, вне всякого сомнения, это почувствует и откажется. Девушка когда-то говорила — да и сам он это чувствовал — что сможет стать счастливой с ним, только если это принесёт счастье ему самому. А он с ней счастливым сможет быть только, будучи свободным. От долгов и от врагов.

Справедливости ради нужно упомянуть, что мужчина многое перечувствовал к Жаклин за это время, поскольку она всегда ощущалась у него внутри, словно какая-то своеобразная константа, постоянная величина. Время шло, всё менялось и к этой величине только лишь периодически присоединялись переменные в виде его отношения к этой девушке. Некоторые из этих «переменных» держались долго, некоторые — не очень. Но и те, и другие неминуемо отваливались, растворялись в воздухе и во времени или отчаливали как корабли от причала, а Жаклин продолжала оставаться внутри как неотъемлемая часть, как маяк, как Гринвич в Лондоне, как Стоунхендж в Англии.

Наверное, именно это, а ещё убеждённости, что Жак будет его ждать столько, сколько нужно, сколько потребуется, давало парню даже не веру — с которой, как известно, он состоял в весьма натянутых отношениях — а именно знание того, что он вернётся. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что они на самом деле друг к другу чувствуют, что между ними произошло, как это называется и сколько раз такое случается в жизни. Да и вести от Эшли обнадёживали.

Скорее всего, ещё и поэтому он не мучился такой зелёной тоской по девушке, тягой к ней. Если бы он изнывал, страдал, метался от желания быть рядом, то наверняка долго бы не мирился с этим, а в один прекрасный момент психонул, разозлился, стал бороться и, в конце концов, победил. Вне всякого сомнения, победил бы. Да ещё и с такими помощниками, как его несусветная занятость в Нью-Йорке и бешеный ритм жизни этой «жопы Мира», как он

стал называть мегаполис, прожив там первые пару месяцев, его непременно ждал успех в борьбе с лишними переживаниями и бесполезной тратой душевных сил.

Как оказалось, работать и учиться, это не то, что учиться и играть в футбол. Теперь, кстати, единственное, что он мог себе позволить — бокс. Правда, в Нью-Йорке заполучить тренера оказалось, намного легче, чем в Оксфорде, на родине этого вида спорта. Парень три года работал мозгами и не только, разрываясь между филиалом и учёбой. Семинары, лекции, тесты, практики, индивидуальные работы — одна только аспирантура выматывала под завязку. А тут же ещё «путались под ногами»: совещания, переговоры с подрядчиками, снабженцами, арендаторами, покупателями, заказчиками, страховщиками, санитарными службами, выезд на объекты, плюс ко всему, Кирк постепенно приучал его к работе с властями и конкурентами, что иногда являлось почти одним и тем же.

А ведь Александр ещё не нужно было дремать, а претворять свои планы в жизнь.

Поэтому, получилось так, как получилось: нужда в Жаклин, в её обществе, в её присутствии тихо, воровато забралась к нему в душу, свернулась там клубочком и умно его не мучила, не беспокоила до поры до времени. Она старалась с ним дружить. Примерно, как сама Жаклин когда-то. Девушка даже тут его обхитрила. Или, может быть, он сам себя обхитрил. Вот такое летаргическое состояние влюблённости обвело юношу вокруг пальца.

Со временем, он начал чувствовать сладкую истому, вспоминая Жаклин, ему доставляло удовольствие то, что она где-то есть, Александру считал за радость скучать по ней, да-да, даже тоска по ней была ему приятна. Потому, как только в эти моменты он чувствовал, что живёт. Чувствовал себя самого.

Это было неслыханно. Нелепо, бессмысленно, абсурдно, странно и непонятно. Он и смеялся над собой, и ругался. Может быть, Кирк даже оказался прав, и такие обрушенные с высоты отношения, это как раз то, что ему, Александру, нужно? Это и есть его зона комфорта?

Кстати, о Кирке.

Тогда, в том далёком январе, у юноши, как известно, само собой получилось сделать выбор и даже смириться с ним. Но всё это длилось не дольше, чем ему пришлось столкнуться с той грубейшей реальностью и неотвратимым фактом, что девушка достанется кому-то другому. Это оказалось сильнее даже его. Всё. Алекс понял, что ему придётся прыгнуть выше головы, усидеть на двух стульях, достать звезду с неба и так далее до конца списка. И никак иначе. Без вариантов. Поэтому, для осуществления всего перечисленного, он мысленно вернулся к разговору с дядей и принялся думать всё с начала.

Ему понадобилось что-то около суток упорного умственного напряжения, чтобы понять, что Жаклин изолировать всё-таки придётся. По-другому не получится. Кирк своих решений не меняет. Увы. Поэтому оттолкнув девушку таким, без преувеличения сказать, варварским способом, Александр увидел своей задачей не профукать свои старания и её страдания.

В первую очередь для него являлось необходимым расстановка всех без исключения точек над «i» и обозначение соотношения сил с дядей. Прямо как на грёбаной войне. Только лишь приехав из Нью-Йорка после второго курса, где он прояснил ситуацию и сделал её для Кирка максимально прозрачной, Александр смог позволить себе, по возвращении в Глазго, связаться с Эшли. Парень предполагал, что женщина просто не может совершенно ничего не знать о Жак, а он сейчас был рад любым крохам информации.

Он рассказал Эшли всё. Откровенно и открыто описал ситуацию, поделился планами и проблемами, потому как точно знал, что эта женщина не хлопнется в обморок и не

запаникует.

Эшли, в свою очередь, рассказала ему, что Жаклин живёт в Челси, что она хоть и полностью разбита морально, но, тем не менее, нормально работает и беспокоится о дядюшке. Парень хотел было заикнуться о вопросе беременности девушки, но рассудил, что, если бы такое случилось, это было бы первое, что ему сообщила тётка, поэтому просил просто проследить за Жак, проконтролировать её дела и, если случится что-то экстраординарное, наподобие другого мужчины в её жизни, тут же дать ему знать.

Что Эшли и сделала этой весной.

Как только он вернулся из Нью-Йорка и ступил на землю предков в Heathrow этим летом, чувство необходимости, потребности в Жаклин тотчас же проснулось, потянулось, выгнуло спинку и принялось точить коготки о его нутро.

Ему сию же секунду захотелось увидеть девушку.

Уже после паспортного контроля, шагая на место выдачи багажа в пятом терминале, куда прибывают рейсы из Штатов, его всего начало потряхивать. Александр сцепил зубы — ещё не хватало всё испортить под самый конец.

«Так и знал, что мне нельзя сюда приезжать. Когда она так близко, я как чёртов зомби», — подумал он при выходе из здания аэропорта.

Да и сейчас, сидя в своей комнате в Глазго, тоже не справился с эмоциями.

— Ведьма, — прошипел Александр сквозь зубы и с размаху запустил шоколадным яблоком в стену над кроватью.

Несвежий шоколад, к тому же рассохшийся за это время, с готовностью разлетелся на куски, и парень обмер — из изделия выпала какая-то белая капсула размером с куриное яйцо.

Он, как замороженный, потянулся к пластмассе, взял её в руки и осмотрел.

По виду, шгука напоминала содержимое шоколадного яйца «Киндер-сюрприз» только чуть другой формы и белого цвета, а не жёлтого. Александр потряс её в руке и внутри что-то затарахтело. Он пригляделся и действительно увидел посередине капсулы шов. Мужчина повернул края в разные стороны, и она открылась. Ему в ладонь выпал маленький серебряный цветок чертополоха — символа Шотландии. Александр уставился на него, как на восьмое чудо света. Он взял пальцами изделие за ножку и повертел вокруг оси. Да, это чертополох. Символ его страны. И, скорее всего, сделан в самой Шотландии её мастерами по серебру. Ручная работа.

— Чёртова ведьма, — прошептал он одними губами. — Люблю тебя, — и улыбнулся.

Бросив всё и даже толком не попрощавшись с матерью — Дженни сейчас в Италии проходила практику архитектурного Университета Глазго — МакЛарен рванул на железнодорожный вокзал.

В Лондоне он поселился в квартире Кирка и два дня подряд сюда, в Брук парк, ходил как на работу. Из всего, что ему говорила Жаклин о месторасположении её квартиры, он только лишь запомнил, что от стадиона Stamford к ней нужно идти через парк. Парк здесь был один — Брук парк. Значит, именно в нём она и должна выгуливать Сулу. Хотя бы, по выходным.

Он просидел здесь вчера весь день и никаких Жаклин или Сулы не встретил. Зато много разговаривал по телефону со своими подчинёнными, глядя на восемнадцатизэтажное здание, на которое когда-то жаловалась ему девушка, и к нему сюда, на лавочку, даже подъезжали каждый в своё время: начальник отдела маркетинга со своими бумагами и один лондонский

архитектор со своими мыслями и предложениями.

А сегодня Александр пришёл опять и, как оказалось, не напрасно. Он был счастлив.

Мужчина стоял возле Джереми, не в силах отойти хотя бы на шаг, боясь потеряться. Прямо, как маленький. А мальчик всё кидал и кидал мяч, а Сула всё бегала и бегала. Когда в один из моментов людей в этой части парка поубавилось, Александр предложил свою помощь. Он взялся за катапульту и так метнул мячик, что тот улетел аж за лужайку, в заросли кустарника вдоль железной дороги, проложенной на границе сквера.

Джереми поднял на мужчину полные восхищения глаза.

— Ого! Я так не умею.

— Какие твои годы, — невесело усмехнулся Алекс.

Сула, устремившись за своей игрушкой, не смогла её найти и вернулась с пустой пастью. Мужчинам пришлось пройти и помочь даме. Когда потеря была обнаружена, у пацанёнка в кармане зазвонил телефон.

— Да, — ответил он. Потом помолчал немного, добавил только: — Хорошо, я иду, — и отключился. — Это мама. Домой зовёт. Сейчас я отведу Сулу к Жаклин и пойду. Сула, ко мне! — было видно, что ему очень хотелось поканючить и поупрашивать маму позволить ему ещё погулять, но при постороннем делать он это постеснялся.

Собака тут же приблизилась и позволила себя прицепить на поводок.

— А где ты живёшь? — поинтересовался Александр.

— Да здесь недалеко, на Стардридж улице, — махнул ребёнок куда-то в сторону района Фулхэм. — А Жаклин живёт на Бовингдон проезде, — указала он прямо в сторону Темзы. — Я иногда просто так выгуливаю Сулу, но сейчас Жаклин заболела. У неё сопли и кашель. Поэтому она попросила погулять меня. Я не смог ей отказать, — совсем уже по-взрослому признался Джереми.

«Чёрт! Сопли и кашель — я как раз вовремя», — отвлекал Александр себя мыслями от того странного, страшного, радостного, долгожданного, волшебного, неописуемого момента, когда он увидит свою любимую женщину.

Сула шла спокойно рядом прямо как к себе домой, демонстрируя выучку и воспитанность настоящей лондонской собаки. Они перешли на светофоре через оживлённую KingsRd и направились вниз к Темзе. Жаклин действительно жила недалеко от парка Брук. Настолько близко, что Александр, стремясь к встрече с девушкой четыре года кряду, даже не успел как следует подготовиться.

Обычный дом на обычной лондонской улице, добротная половина строения в два этажа.

Они взошли на крыльцо, и Джереми позвонил. Сначала послышались какие-то непонятные звуки, шорохи, шелест, которые переросли в довольно отчётливые шаркающие шаги.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Жак.

Глава 56

Гипноз

— Ты любишь меня? — Любила...

— Скучаешь по мне? — Прошло...

— Нельзя ведь забыть! — Забыла...

— А плачешь порой? — Смешно...

— Другого целуешь? — Бывает...

— А руки мои... — Молчи! С любовью, как мы, не играют...

Не дети, сердца — не мячи...

— Я снился? — Давно, мгновенно...

— Простишь меня? — Нет, не могу...

— Хочешь уйду? — Непременно...

— Ты лжешь мне сейчас? — Лгу...

Анастасия Мелихова

Ничего не подозревающая Сула тут же двинулась в квартиру, а ничего не осознающий Джереми принялся отчитываться.

— Жаклин, меня мама зовёт. Мы в следующие выходные, наверное, поедem в Пенн к бабушке. Можно я возьму с собой Сулу? Я уже спрашивал у папы. Он разрешил. — Мальчик замолчал, дожидаясь ответа, но поняв, что его не слышат, что Жаклин во все глаза смотрит на этого Александра, который увязался сегодня за ними, добавил: — Извини, я тебя не сказал. Это Александр, — Джереми указал рукой на мужчину. — Он говорит, что знает тебя. Он называл твою фамилию и попросил его к тебе провести. Можно?

Пока он говорил, Жаклин не обращала на него никакого внимания, но как только ребёнок затих, девушка, услышав непривычную тишину, встрепенулась.

— А? Что? А, спасибо, Джери, — взяла она из его рук рулетку поводка. — Да-да, я потом поговорю с твоими родителями. Передавай им привет и спасибо тебе.

— Пока, — разворачиваясь, помахал рукой пацанёнок. — Пока, Сула, — крикнул он собаке, которая уже стояла возле хозяйки и ждала, когда её проведут в ванную и помоют лапы. А потом накормят!

Александр всё это время даже не шевелился, не дышал и не моргал. Он застыл и буквально пожирал глазами фигурку девушки.

В этой огромной, мешковатой мужской футболке с большим красивым принтом на груди советовавшим: «Fuck Google! Ask my wife»*, она смотрелась ещё более крохотной и субтильной, чем он запомнил, и ещё более трогательной и беззащитной, чем ожидал. На голове у неё красовалась небольшая бандана с эмблемой какого-то детского питания, из-под которой выступали знакомые «пружинки».

Подумав о надписи на футболке, Александр, скажем так, напрягся. Его лицо сделалось очень серьёзным, но в следующее же мгновение, он понял, что даже если Жаклин дважды замужем и у неё целых два мужа, для него это не имеет никакого значения и абсолютно ничего не меняет. Он это заслужил.

«Но она не может быть замужем. Эшли не стала бы меня мурыжить, а сразу бы сказала, что я опоздал. Да и не позволила бы она Жак сделать ещё одну ошибку».

— Привет, — поздоровался он тихо.

«Мой Бог, ну, почему она всё время такая худая!» — уже начинал входить в роль мужчина, ещё даже не перетупив порог дома, где жила его женщина.

Жаклин стояла, как громом пораженная. Она не верила.

— П-п-привет, — на автомате одними губами ответила девушка.

Александр только сейчас понял, что не имеет право просить, чтобы его впустили, но тут же заметил у неё покрасневший кончик носа и немного воспалённые глаза.

— Жак, ты болеешь, тебе нельзя долго стоять на улице.

— А? — прищурилась та. — А... да-да, — и, не приглашая его войти, развернулась и направилась в квартиру, не закрыв за собой дверь.

Александр вошёл следом и закрыл дверь сам.

Гость хотел сделать пару шагов по прихожей, но не смог — полы в комнате были устланы полиэтиленом, повсюду валялись рулоны обоев, тут же стояли ёмкости с клеем и, кажется, с водой- Жаклин делала ремонт.

«М-да, — почесал он кончик носа, застыв на пороге. — Я не мог появиться более вовремя».

Но парню было уже абсолютно всё равно. Предложи она ему сейчас убраться на пыльном чердаке, он согласился бы с радостью. Его в данную минуту с головой накрывала самая настоящая эйфория — вот ОНА! Прямо перед ним! ОНА рядом! Он в одном помещении с этой женщиной! Александр распирало, внутри появилось ощущение космоса, невесомости, он любил весь белый свет. На фоне такой безумной радости им тут же овладела его обычная уверенность в себе.

Это было оно! То самое ощущение, которого ему недоставало много времени, и к которому он стремился. Парню захотелось подскочить к Жак, подхватить её на руки и закружить, и чтобы она визжала, брыкалась и цеплялась за него всё сильнее и сильнее.

— Жаклин, какой дурак делает ремонт с соплями и кашлем? — сурово сдвинул он брови к переносице.

Девушка, отцепив Сулу от поводка, резко обернулась и по новой вытаращилась на гостя непонимающими глазами. Но потом часто-часто заморгала и вздохнула.

— Тот самый, у которого другой возможности не будет, — повесила она поводок на крючок возле шкафа в прихожей. — Извини, что не подготовилась к твоему визиту, — стащила со своей головы бандану и принялась поправлять волосы.

— Ничего страшного, — Александр улыбнулся. Злючка-Жаклин для него всё ещё оставалась мощнейшим афродизиаксом. — Это ты извини, что я без предупреждения. Давай помогу, — с обожанием посмотрел он на девушку.

— Хорошо, — кивнула та.

Ей тоже было всё равно.

Она точно, доподлинно знала, что там, в глубинах памяти, в недрах сознания у неё заготовлен целый арсенал фраз на случай ЕГО появления и до мелочей, по пунктам продумана схема поведения на тему: «Как выпроводить любимого молодожёна и дважды отца одним лишь гордо вскинутым подбородком и выгнутой бровью». Но вся беда в том, что ОН своим присутствием парализовал её волю буквально как тумблер вкл/выкл. Александр будто одним лишь звуком своего голоса взял весь этот боеприпас вынул из её нутра и бросил на дно самого глубокого озера в Мире. После чего сказал: «Нырй!» и улыбнулся. Это было как какая-то чёртова магия, как гипноз.

А Сула между тем уселась в начале бокового коридора, ведущего в ванную. Она знала, что лапы лучше помыть сразу. Если будешь отлынивать и заговаривать хозяйке зубы, то потом криков не переслушаешь.

Увидев, что собака ждёт, чтобы её обслужили, Алекс тут же предложил свою помощь.

— Давай, для начала, я помою ей лапы.

Жаклин с измученным видом приложила ладонь ко лбу, будто пытаешься прощупать у себя жар. Но на самом деле, будучи сбитой с толку и абсолютно дезориентированной от происходящего, девушка попыталась ухватиться за сознание, убедиться, что не бредит.

— А? Да, помой, если тебе не трудно, — не поднимая глаз на гостя, разрешила она и, отвернувшись, направилась вглубь квартиры.

После того как он помыл в ванной Суле лапы и вытер их полотенцем, которое сам нашел внизу, возле раковины, Жаклин уже ждала его в прихожей и в свитере.

Сула сразу же, как её отпустили, напрямик направилась в кухню к кормушке.

— Я намазала вот эти три полоски. Их нужно как можно быстрее наклеить. Остальное я доделаю завтра, — проводив свою хулиганку глазами и проследив, чтобы она тут не натоптала, принялась распоряжаться хозяйка.

— Почему ты делаешь ремонт сама? Услуги ремонтных бригад — это очень дорого для тебя? — стряхивал с плеч свой лёгкий бомбер Александр. Открыв шкаф, он повесил одежду на крючок, а заодно и, окинув взглядом содержимое, проверил его на наличие других предметов мужского гардероба.

«Тут пусто, — с удовольствием отметил он про себя. — Наши акции растут».

— Потому что я не делаю ремонт, я хочу обновить только прихожую. Прошлый раз я здесь покрасила слишком маркой краской, да и к тому же, её нельзя мыть. А меня это не устраивает, мне нужно, чтобы можно было мыть стены. Вон видишь? — указала девушка рукой на какие-то пятна на высоте пары футов от пола, смутно напоминающие отпечатки детских ладошек, а сама в это время достала из кармана штанов носовой платок и тихонько высморкалась. — Извини, — сказала она виновато.

— А-а-а... понятно, — начал закатывать рукава МакЛарен.

И тут началось.

— Александр, ты неправильно тянешь вниз бумагу...

— Да она не режется ни хрена...

— Жак, куда ты так высоко прислонила кромку? Внизу получается проплешина!

— Александр, следи, чтобы Сула не топталась по обоям.

— Может, проще закрыть её в кухне?

— Так бы и сказал, что не умеешь...

— Я не умею?!

— Да. Ты! Не умеешь! Вот, смотри как надо.

— Может, так и надо, но вот тут складка получилась.

— Разворачивай последнюю и подавай мне.

— Жак, она уже почти высохла и приклеилась.

— Александр, без паники. Сейчас мы её размочим.

— Как ты вообще вырезала — она не вмещается.

— Вот смотри, даже рисунок не нарушился. Ну, что я говорила?

Наконец, где-то минут через сорок последняя вырезанная и намазанная полоса удостоилась чести занять своё место на стене.

— Спасибо за помощь, — вытирая руки влажным полотенцем, поблагодарила хозяйка. — Извини, как видишь, у меня не прибрано. А там... — махнула она на плотно закрытую дверь в гостиную, — я болею. Хочешь чаю на кухне?

— Да. Хочу, — мужчина опять начал улыбаться, поправляя свою водолазку.

— Тогда иди в ванную и вымой руки.

Намыливая ладони над умывальником, Александр даже не знал, о чём и подумать. О том, что его приняли и простили, речь пока не шла. Но и тот факт, что Жаклин на него, словно даже и не сердится, тоже был плохим знаком.

«Если женщина подозрительно быстро вас простила, значит, у вас проблемы — она уже придумала, как вам отомстить», — вспомнил он мысль, прочитанную где-то в журнале или газете.

«А вдруг она действительно замужем? И поэтому не сердиться. Что-то уж больно спокойная».

Он уселся на стул за обеденным столом на кухне, а Жак нажала кнопку электрического чайника и принялась доставать чашки и ёмкость с пакетиками чая. Сула свернулась калачиком в углу на своей подстилке. Поскольку её прихожая находилась в ремонте, то собаку временно расквартировали здесь, на кухне. К немалому её удовольствию.

Гостю тоже помещение понравилось: светло, чисто, два крыла кухонной стойки одинаковой длины, поэтому всё под рукой. В центре компактного пространства добротный обеденный стол. На нём ваза-этажерка с печеньем и конфетами и рядом салфетница. Короче, всё функционально, минималистично, комфортно и приятно. Впрочем, как и сама хозяйка.

«Интересно, что она сейчас чувствует?» — подумал Александр.

«Интересно, что я сейчас чувствую?» — подумала Жаклин.

Она пока ничего не понимала, по той простой причине, что ещё ничему не верила. Для неё всё происходящее — это сон. Обычный сон. И даже совместная поклейка обоев не разогнала туман в голове — Александр своим появлением вырубил её мозги начисто, так сказать, основательно и на совесть.

«Выгнать его, что ли, — предложила самой себе Жаклин и опять схватилась за лоб ладонью. — Пока не поздно. Так вроде бы неудобно — всё-таки обои помог клеить. Судя по всему, о Дэлли он действительно ничего не знает. Эшли молодец!»

— Жак, пожалуйста, не хлопочи. Сядь, — увидев её жест, Алекс протянул руку и постучал по поверхности стола напротив себя.

Жаклин, та самая, которая только что собиралась гостя выгнать, тут же послушалась, оставила всё на рабочем столе и, загодя потупив взор и сложив губки бантиком, опустилась на стул напротив парня.

— Жаклин, — Александр буквально блаженствовал от картины перед ним. Девушка по-настоящему плавила его кости. Она была настолько уязвима и незащищена, её хотелось подбодрить, обнять. Хоть парень отлично помнил, что она мастерски справляется и с ролью уютной домашней кошечки, с которой можно расслабиться, но при желании и необходимости может выпустить из себя на волю погулять агрессивную, дикую пуму с отточенными звонкими железными когтями, которую очень хочется либо придушить, либо оттрахать. А потом придушить.

Но сейчас напротив него сидел котёнок. Маленький, бездомный, жалкий комочек. Александр «таял».

А ещё мужчина тщательно и с удовольствием принялся рассматривать любимое личико. Там появились лучики морщинок в уголках глаз. Ещё очень мелкие, почти не заметные, но такие настоящие. Конечно, Жаклин сейчас явно простывшая, и нос вон покрасневший, круги под глазами, но он поймал себя на мысли, что не может оторвать от девушки взгляда. Его глаза буквально как намагниченные прилипли к любимым чертам. Вот он готов здесь сидеть и смотреть на неё хоть до самого утра и ему не будет скучно и не надоест.

«У-у-утро, — мечтательно протянул он про себя. — Утро рядом с ней. Кхм, держись, чувак», — воровато опустил он взгляд на женскую грудь. Свитер — это, конечно же, тот ещё враг и антагонист мужским взглядам, но даже сквозь него Алекс намётанным, опытным глазом определил, что всё на месте.

«Боже, как я жил без неё... сколько? Четыре года? Нет, этого не может быть! Хотя, о чём это я».

— Жаклин, я даже не знаю, с чего начать, но... как у тебя дела? Как ты живёшь?

Гость облокотился о стол и почесал кончик носа, а девушка, не поднимая глаз, посмотрела на пол возле стола и вздохнула — она всё ещё не верила.

— Хорошо. Я живу хорошо. Работаю. А ты давно в Лондоне? — всё-таки подняла она взгляд на парня.

Переходить к самому главному было ещё не то очень рано, не то уже слишком поздно, а второстепенного у них не имелось, поэтому Алексу пришлось поддерживать именно такой разговор — обмен любезностями.

— Позавчера приехал. Но я уже был в Глазго. Хотел выпытать у Эшли твой адрес, но она не дала. Из чего сделана эта женщина? — развёл он руками. — И как они с Маргарет Тэтчер уживались в одной стране столько лет, не понятно, — улыбнулся Александр.

«Это точно! И мне не позвонила, что ты уже здесь», — про себя согласилась Жаклин.

— Вот нашёл тебя сам.

— Зачем? — она уже начинала понемногу приходить в себя и вспоминать свой обычный настрой к человеку напротив. И даже принялась его рассматривать.

Во-первых, девушка успела пустить слюну, когда он сбросил свой бомбер в прихожей — под ним оказалось всё такое же тренированное, стройное, твёрдое тело обтянутое довольно тонкой водолазкой цвета тёмной осоки. Да и сейчас, даже когда парень сидел, ткань съёжилась на его талии в мелкое плиссе, что обычно бывает на ровных, твёрдых поверхностях.

Жаклин, у которой последний секс имел место быть, ни много ни мало, четыре года назад и — какое совпадение! — именно с мужчиной, сидящим напротив, глазом не успела моргнуть, как это его плиссе буквально врубил её дремавшее либидо до максимальных значений в один момент в самом эпицентре и погнало удушливую волну через всё тело к самым мозгам.

«Ничего не изменилось, — мысленно попрощалась она со своими спокойными ночами. — Четыре года, столько усилий и всё — со скалы и в море. Чёртов шотландец! И чего тебе не сиделось в твоём Большом Яблоке».

Кстати, красота «чёртова шотландца» тоже абсолютно никуда не делась: «тюльпаны» — на месте, идеальные брови — тоже, точёный нос — в наличии. Но, опять же, ещё в прихожей Жаклин поняла, что всё-таки перемены есть и при ближайшем рассмотрении поняла: какие именно — Александр начал бриться. Сейчас его лицо блистало как лёд в клубе «Montreal Canadiens», но именно этим щетина и угадывалась.

Гость, конечно же, заметил перемены в настрое хозяйки.

«Ну, наконец-то!», — выдохнул он, поскольку готовился именно к такому и точно знал, что это только начало — его мамаша преподнесла Жаклин факт его женитьбы, хоть он и просил Эшли скрыть это от девушки. Так что, ему нужно держаться.

— Очень хотел тебя увидеть, — мужчина непробиваемо улыбнулся.

— Ну и как? — Жаклин запустила руку в карман трико и вынула оттуда носовой платок.

— Ты лучшая.

— Пф-ф-ф, — смогла уже даже зло фыркнуть она. — Лучше твоей жены?

Александр заулыбался ещё шире и с нескрываемым обожанием посмотрел на свою визави.

— Конечно! И моей, и всех остальных жён в Мире.

Девушка скривилась и, чуть отвернувшись, сдержанно высморкалась.

— Боюсь, ей не понравился бы твой ответ, — вытирала она нос. Вообще-то, Жаклин немного обескураживало то, что парень ни капли не смущается.

«Он, что, поглумиться тут надо мной пришёл? Ну, что же, в это игру могут играть двое. Скоро обещал позвонить Роберт. Удивлю его воркованием по телефону».

— Боюсь, ей в этом всё равно далеко до твоего мужа, — как будто услышал её мысли Александр. — Кстати, где он сейчас? Почему ты клеишь обои одна?

— Его сейчас нет, — Жаклин, услышав звук клавиши закипевшего чайника, поднялась из-за стола.

— А когда он придёт?

— Когда захочу, тогда и придёт, — хозяйка вынула два пакетика чая из ёмкости и опустила их в кружки.

— Не понял, — выпрямился гость.

— Да куда тебе! Нет у меня никакого мужа! — Заливала она кипяток в чашки. — А футболка эта Итана. — Оттянула она ткань на животе. — Ему Марго подарила, а он даже мерить отказался, — девушка достала две маленькие ложечки из ящика стола и разложила их по кружкам. — Вот мне Эшли её и отдала ночь переспать в Глазго. Тебя удовлетворяет мой развёрнутый ответ? — поставила она перед парнем одну из чашек, а вторую взяла в руки и села с ней напротив. — Кх... кх...кх... — начал душить её кашель. Жаклин тут же взяла с вазы-этажерки сосательную конфету и, развернув, отправила себе в рот.

— Ты даже не представляешь, до какой степени, — аккуратно помешивал свой чай Алекс.

— А как у тебя дела?

— У меня? — парень откинулся на спинку стула и медленно, протяжно выдохнул. Он расправил плечи и как-то так немного боком, выгодно — грациозно изогнулся на сиденье.

Жаклин мысленно закатила глаза.

«Выгнать! — рубанула она вывод в своей голове. — К чёртовой матери! Иначе через полчаса я привяжу его скакалкой Делли к батарее, и пусть его жена подождёт».

— Я закончил аспирантуру, — продолжал вещать между тем потенциальный «задержанный». — Теперь свободен, хотя бы от учёбы. Вот дальше работаем над «Бьюк и Бик». Наверное, компания будет строить аквапарки и зернохранилища на севере Штатов. Да многое чего.

— Ну, что же. Рада за тебя, — Жаклин облизала губы.

— Ты работаешь здесь, в Челси?

— Да. Здесь. В Седьмом госпитале.

— Угу, — медленно закивал головой гость, явно намереваясь перейти к главному. — Ты знаешь, Жаклин...

И девушка это сразу же поняла.

— Алекс, не надо, — выставила она перед собой ладонь в защитном жесте. — Я тебя умоляю, только, пожалуйста, не начинай. Давай, не будем о прошлом. Нужно смотреть в будущее. Я действительно хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. Желаю счастья твоей семье и здоровья твоему сыну.

— Я не о прошлом, — Александр отрицательно покачал головой. Ему не понравилась её тирада, и он решил, что пора идти напролом, иначе они так и будут соревноваться в равнодушии и доброжелательности. — Я о настоящем. Ты знаешь, я очень хотел бы рассказать тебе, как мне было без тебя плохо и как я жалею, что тогда так с тобой поступил, но всё дело в том, что я не жалею, Жак. — Она зыркнула на него очень зло и повзрослому. — Мой поступок был тогда совершенно оправдан для меня лично, и я сейчас в полном шоколаде, — голос мужчины сочился досадой. Ещё Кирк его учил, что для пущей доходчивости того, что ты хочешь донести до собеседника, смысл и интонации нужно делать максимально полярными, то есть разводить их в стороны до упора. — У меня хорошая благочестивая жена, прекрасный сын, компания, перспективы. Понимаешь, меня жизнь не наказала, значит, я всё сделал правильно. Сумел разумно распорядиться своим поступком, своей жертвой. Я ловко её вложил, — под конец его лицо можно смело было считать олицетворением разочарования и пессимизма.

И это сработало!

— Зачем ты пришёл, Алекс? — выпалила сквозь зубы хозяйка квартиры.

«Ага! — зажал губы меж зубами хитрец, чтобы не улыбаться. — Вот это другое дело. А то: «Хорошо. Работаю. Седьмой госпиталь»».

— Зачем я пришёл? — забегал он глазами по поверхности стола. — За чем я пришёл... — гость потёр подбородок. — Я пришёл за подсказкой. За советом. А ещё за...

— За советом я ждала тебя раньше, — не дослушала его девушка и в сердцах отставила чуть дальше салфетницу. — А теперь у тебя есть жена, вот пусть она тебе и советует, — Жаклин вынула изо рта почти ещё целую конфету, поскольку кашель улёгся, и отложила её на блюдечко. После чего отхлебнула горячий чай из кружки.

— Жаклин, ты же ведь очень умная, — Александр подался сильно вперёд на девушку и прибавил эмоций в голос. — Я знаю, что ты мне тогда не поверила. Ну! Ты же меня всегда насквозь видела! Ты всё поняла, не отрицай!

— Не приближайся ко мне так, — выставила перед собой теперь уже обе ладони Жаклин. — Можешь заразиться вирусом. Не исключено, что у меня именно он, — предупредила доктор Фортескью, хотя доподлинно знала, что у неё именно вирус, поскольку сама она его получила от Дэлли, которая в свою очередь принесла эту заразу из садика.

Александр сначала застыл в непонимании, а потом потянулся рукой к блюдечку Жаклин, взял её сосательную конфету и, глядя девушке прямо в глаза, засунул себе в рот.

Больная просто опешила. Этот жест сказал ей о многом, но...

«Всё это уже было, — стряхнула она с себя наваждение. — А потом он меня предал».

— Не буду, — продолжила она дальше. — Да, я поняла, что ты меня преднамеренно отталкиваешь и делаешь это напоказ для Кирка, но Алекс... — девушка закусила уголок губы и забегала глазами по пространству кухни, — я так не хотела с тобой расставаться.

— Я знаю, Жак, знаю, — слишком поспешно согласился мужчина — он торопился закрепить успех. — Поэтому пошёл к твоему мужу. Конечно, я в нём ошибся. Мне нужно было вывести эту тварь из себя, чтобы он сорвал зло на мне. Моя вина.

— Мне от этого не легче, — пробубнила Жаклин.

Александр скривился, словно от боли, и одним нажатием челюстей раздавил конфету. От оглушительного хруста даже Сула подняла голову, но тут же опять улеглась.

— Жа-а-а-к, я был должен Кирку, — сжал кулак Александр. — Понимаешь? Это мужское. Это мужские игры, — проутюжил он туда-сюда кулаком по столу. — Ты с самого начала попала между Кирком и его планами. Но ты ведь сама всё поняла. Я даже прощения у тебя не прошу, потому что знаю: ты видишь гораздо глубже и тоньше, тебе не нужны мои извинения.

— Да! Чёрт возьми, да! Я всё понимала, — Жаклин почти кричала и приглушённо хлопнула ладонью по столу. — Но всё равно ждала! Всё время, — проговорила уже тише. — Думала, ты освободишься от Кирка и вернёшься ко мне! Я до последнего верила. Но всё это закончилось, когда твоя мать сказала, что ты женился, а Эшли добавила, что это простой расчёт. Значит, ты действительно выбрал Кирка, — она тоже откинулась на спинку своего стула, как бы показывая, что у неё — всё.

— Вот! Вот именно, когда я женился, я отказался от Кирка! — подался к ней всем телом Александр.

Она молчала.

— Помнишь, я всегда считал себя везунчиком?

Ноль реакции.

— Так я им и остался, Жак. Мне опять повезло.

Она посмотрела на мужчину и прищурилась, но продолжала молчать.

— Я тогда действительно хотел тебя оттолкнуть подальше — со мной тебе могла грозить опасность, — Александр облокотился о стол и зажал двумя пальцами кончик носа, всем своим видом давая понять, что разговор будет долгим. — Кирк, понимаешь, это такой человек, он примерно как я — его нельзя побеждать. Его нужно или убивать, или дать выиграть. Его победить, всё равно, что прострелить лапу тигру и выпустить в центре Манхеттена. И я решил дать ему выиграть, — Александр сделал паузу. — А потом заставил заплатить по счетам. Передо мной стояла очень трудная задача, но я справился, — мужчина гордо улыбнулся.

— Не иначе как благодаря твоей «гомерической» скромности, — скривилась Жаклин сквозь довольную улыбку — не было у неё сил противостоять такому Алексу.

— Ага, — с удовольствием поддакнул тот. — Для начала я ему показал, что, расставшись с тобой, сошёл с катушек, иначе он понял бы, что я просто затаился. Поэтому я разбил свою красавицу о его дом. Потом там ещё закатил оргию у него в квартире, но тебе об этом знать не обязательно, — проговорил парень в ускоренном темпе.

— Оргию? — нахмурилась тут же Жаклин. — Какую ещё оргию?

— Д-д-да, — он скривился и поморщился, — позвал парней, и мы закатили в квартире у Кирка тусу со шлюхами и купались там в ванной в пиве. Но это было давно. Кирк на меня тогда наорал, а я ему сказал, что он получает от меня то, чего добивался.

— Ты точно сумасшедший, — медленно покачал головой девушка.

— И ещё какой, — тот с самодовольным видом закинул себе в рот печенюшку из вазы-этажерки. — Ну, так вот, — сцепил он руки в замок перед собой, как бы беря в кольцо свою

чашку с чаем. — Успокоившись, я взялся за дело. Мне хотелось отдать ему то, что должен — раскрутить ему этот филиал в Нью-Йорке любым способом, а потом оттяпать у него и филиал, и если повезёт, то и всю компанию.

Жаклин поморщилась, будто услышала что-то нехорошее, щемящее.

— Но тут мне помогла Тильда. — Рубанул кулаком в воздухе парень. — Она действительно неплохо его отвлекала. Она его любит, Жак. Ты представляешь? Я с ней много разговаривал — она такая же, как ты — умная и считает, что Кирк — тот, кто ей нужен. Она как-то пригласила меня на разговор и рассказала, что хочет, чтобы он занялся её ресторанами. Расспрашивала: справлюсь ли я один с компанией. А потом у них родился Додо.

— Кто? Как его зовут? — Жаклин склонила голову «а-ля Сула».

— Додо. Полное имя — Деодор. Это шотландское имя. Но они называют его на французский манер, — Александр отхлебнул уже приостывший чай.

— Ты его видел?

— Конечно! Они все втроём как-то прилетали в Нью-Йорк. Нормальный забавный пацан. Похож на Матильду.

— Мне кажется, Кирк должен быть хорошим отцом.

МакЛарен хмыкнул.

— Я же говорю, что ты такая же как Тильда — только вы вдвоём считаете, что Кирк способен быть хорошим отцом и мужем. Больше в него никто не верит. Но он просто помешан на своей семье, Жак.

— Что же, рада за них. Ну, и? — девушка подпёрла рукой подбородок.

— Ну, так вот. Я работал над филиалом, учился, а Кирк подыскивал мне партию из дочерей владельцев компаний. Я, в принципе, ему не мешал и не помогал, — Александр опять откинулся на спинку стула, — но у меня было условие — никаких свадеб, — он ударил указательным и средним пальцами о кромку стола. — Если это сделка, то пусть сделкой и остаётся, и плевать я хотел на то, «что скажет Нью-Йорк», — передразнил он кого-то. — Поначалу я всё время отнекивался и говорил «нет», хоть и понимал, что время тикает, и это не бесконечно. И Джесс я тоже поначалу сказал «нет».

— Это твоя жена? — вставила Жаклин.

— Да, — закивал мужчина, и его голос даже не дрогнул, озвучивая такой щепетильный, в данных обстоятельствах, факт. — Я всегда делал вид, что общаюсь с девушкой, рассматриваю её, ну, или как-то так, — покрутил он в воздухе рукой, — а сам ждал удобного случая или зацепки. И с Джессикой нашёл, — Александр вскинул подбородок. — Я сказал ей «нет», но через два месяца она пришла ко мне и попросила на ней жениться. Она была беременна и боялась, что если отец узнает, он её попросту убьёт.

Жак скептически скривилась и отвернулась в сторону с недоверием.

— Я тут же расспросил: какие у меня личные выгоды, кроме того, что мой дядя получит слияние. Она ушла и пришла ещё через два дня и предложила лично мне деньги своей матери. У неё мать и отец в разводе. И тогда я понял, что это шанс. — Щёлкнул он пальцами.

— Погоди, погоди, — выставила на него руку в останавливающем жесте Жак. — И ты ей вот так поверил? Что она беременна? — Ей так и хотелось показать парню, что его охмурили и обвели вокруг пальца. — А вдруг она сговорилась со своим отцом, который захотел слияния с вами? Тебе нужно было заказать экспертизу. Официально. У нас такие

делают.

— Обижает, — улыбнулся Алекс.

— Гм... ну, ладно, — немного стусевалась Жак.

— В Нью-Йорке тоже есть такое. Джесс мне её предлагала, но там принято оговаривать всё это дело в брачном договоре. Так проще.

— А ты у неё не спросил, почему пришла именно к тебе? — всё-таки не сдавалась Жак.

— Спросил, разумеется, — равнодушно развёл руками Алекс. — Она сказала, что я красивый и отец ей быстрее поверит, что она влюбилась и потеряла голову.

Жак с пониманием кивнула и слегка скрипнула зубами. Чуть-чуть.

А парень говорил и с восхищением понимал, что она ему верит.

Опять! Снова!

Девушка и сейчас его не подвела своей реакцией. Он знал, что она справится. Что не почувствует — поймёт, о чём не додумается — поймает интуицией. «Тому, кто не понял твоего молчания, не понять и твоих слов». Так вот у Алекса все эти четыре года периодически возникало стойкое ощущение, что Жак понимает его молчание даже через океан. И то, как она сейчас слушала его, убеждало его в правильности этого ощущения. Девушка действительно настроена на него. Заточена под него.

Он сидел и мысленно клялся самому себе, что всю оставшуюся жизнь будет носить её на руках.

— Я сказал Кирку, что Джесс от меня беременна. — Парень в задумчивости пожевал губы. — Ну-у-у, отец Джессики, Саймон, стучал кулачком и требовал церемонию, поэтому я взял девушку за руку и отвёл в офис Клерк Сити, где нас за два часа расписали. Потом мы очень долго соединяли компании, — Алекс скривился и махнул рукой, будто показывая, что всё это неинтересно. — И после того как, заказали пару аудитов, выпустили акции.

Гость рассказывал, и хозяйка больше не перебивала. Она полностью сосредоточилась на рассказчике и, прищурившись, подпёрла подбородок теперь уже обеими руками, в которых зажала края рукавов свитера с носовым платком, хоть про свою простуду уже благополучно забыла.

— У нас с Джесс в договоре указано, что я приобретаю на её деньги акции и оформляю их не на себя, потому что мне чужого не надо, — отрицательно покачал головой парень, — а на её сына и до его совершеннолетия защищаю его интересы. К тому же, мне достались акции на мой траст, который к тому времени уже составлял где-то около полумиллиона, спасибо Кирку и мне. Таким образом, у меня получилось примерно тридцать семь процентов. Тридцать процентов у Кирка и тридцать два — у Саймона Бьюкенена. Я планировал рассказать Кирку, что Гордон не мой сын, и отдать управление акциями ребёнку Саймону. Тогда он получил бы контрольный пакет, и от Кирка компания ушла бы в любом случае. Но я не терял надежды на контрольный пакет для себя и начал думать дальше, — Александр уже тоже увлёкся воспоминаниями и в задумчивости почесал мочку уха. — Я планировал натравить Кирка на Саймона, но дядя уже понял, что мы с Саймоном компанию не упустим, и начал отходить от дел.

Парень выпрямился, вытянув своё стройное тело, и Жак опять посмотрела на его водолазку. Перед ней мелькнули пару картинок их пребывания в хайлэндсе четыре с лишним года назад.

Это был первый раз, когда МакЛарен засёк и понял её взгляд.

«Да!» — рубанул он мысленно локтём в воздухе.

И вслух продолжил:

— Он всё больше вникал в ресторанный бизнес Тильды. А этой весной она со своими менеджерами ездила куда-то в Италию, договариваться насчёт не то мидий, не то устриц, и на какой-то извилистой дороге у моря они попали в аварию.

Жаклин округлила глаза и встрепенулась.

— Вот как? Я не знала.

— Да, — кивнул Александр. — Она потеряла много крови и даже пережила что-то там типа клинической смерти что ли...

— Этого не может быть, — тут же отрезала доктор Фортескью. — При сильной кровопотере клиническая смерть сразу же переходит в биологическую. Скорее, у неё случился геморрагический шок от низкого давления в тканях и гипоксии.

— Ну, наверное, так и есть, — парень поморщился, как бы отмахиваясь от подробностей, в которых ничего не понимает. — Но она два дня не приходила в сознание.

— Я же говорю. Это шок. — Ткнула в него пальчиком врач. — Спасибо, что вообще очнулась. Видимо, компенсаторные механизмы хорошо включились. Из геморрагического шока треть случаев — это летальный исход, а треть — вегетативное существование. Как она себя сейчас чувствует?

— Сейчас почти поправилась.

— Повезло. Скорее всего, её с того света вытащили.

— Кирк, кстати, так и сказал, — ответно ткнул в девушку указательным пальцем Александр. — Он отстранил Жак от работы в ресторанах, взял их на себя, а мне дал контроль над компанией, чтобы у Саймона не было шансов.

— То есть, как это «тебе»?

— Его адвокаты перевели на меня ещё пятнадцать процентов. Таким образом, у меня сейчас пятьдесят два процента. Контрольный пакет мой. До совершеннолетия Гордона, разумеется, но мне этого хватит.

— Поздравляю.

— А ещё Кирк попросил у меня прощения, что разлучил с тобой. Или догадался, что Гордон не мой сын или увидел, что мне тоже проще дать выиграть, не знаю. Сейчас дядя не отходит от своих Тильды и Додо, и сам занимается ресторанами.

Александр закончил и взялся за свой чай, а Жаклин сидела и молчала. Наконец, она с трудом разлепила губы.

— Я себя сейчас чувствую человеком, — рисовала она ногтем невидимые узоры на столе, — который долго сидел на берегу реки, и по ней только что проплыл труп его врага, но... нельзя войти в одну и ту же реку дважды, — выпрямилась она. — Много воды утекло.

— Да, — поводит туда-сюда губами Алекс, — воды утекло много. Ты права.

— Поэтому, всё это, конечно же, безумно интересно, но я всё равно не понимаю, зачем ты пришел и всё это мне рассказываешь. — Жак с мученическим выражением лица отвернулась в сторону и окинула невидящим взглядом свою кухонную дверь снизу доверху. У неё был вид хозяйки квартиры, которая только ценой своего безукоризненного английского воспитания и почитания законов гостеприимства выносит общество человека напротив.

Человек напротив немного сник.

— Я хотел, чтобы ты пожалела о том, что проклинала меня все эти четыре года.

Жак повернулась и захлопала ресницами.

— Я... я... — она сжала кулачки от эмоций, — а впрочем, это тебя не касается, —

махнула на Алекса пальчиками. — Я пожалела. Это всё?

— Нет, не всё. — Он понимал, что не должен на неё давить. — Я ни в чём не уверен. Жак, поэтому пришел ради того, чтобы прийти и... — он недовольно скривился, — уйти.

Жак молчала, насторожившись.

— Смогу ли... это... сделать... — Парень говорил так, будто с каждым словом заново переакидывал удочку в озеро. Он словно ждал, что девушка остановит его после какого-либо из этих слов.

— Даже не сомневайся! — прихлопнула она ладонью по столу и попыталась было вскочить, но парень ринулся через стол и схватил за руку.

— Да погоди ты обижаться! — потянул он её опять вниз. Жак послушалась и присела — Я мог бы тебе тут рассказать, что пришёл за тобой и что кроме тебя мне больше в жизни ничего не нужно, но мне нужно, Жак! Мне нужно! — стукнул он себя кулаком в грудь. — Я четыре года собирал очень сложную, очень классную супермашину. И она хороша, эта машина, она моё детище, но в ней нет моих деталей. Всё по лицензии. А я хочу собрать машину из своих деталей. Я собираюсь продать акции «Бьюк и Бик» и создать свою компанию. У меня есть парочка друзей в Большом Яблоке, мы решили заняться совместно. Ещё один из нас живёт в Мексике, он потом присоединится. Сначала, скорее всего, это будет стартап с додкомом, а потом я выберу себе что-нибудь одно и буду заниматься именно этим. Сейчас вся Америка помешалась на поисках альтернативного топлива и способов утилизации отходов. Очевидно, выгодно заниматься именно этим.

Жаклин прищурилась, вдумываясь в то, что он говорит.

— Но и приносить себя-человека в жертву себе-рабочей единице я тоже не собираюсь. Я всё помню, и я очень жадный и если почувствую, что хочу иметь ещё и тебя, буду этого добиваться.

Его собеседница после такой длинной тирады судорожно вздохнула.

— А как же я? Меня ты спросил?

Алекс прищурился.

— Я вижу, ты меня забыла, Жаклин. И я тоже тебя забыл. Вот и хочу, чтобы мы прислушались к себе и друг к другу.

Девушку это всё несколько разозлило.

— Что ты мне здесь... несёшь! Ты! Женатый человек! «Прислушались к себе», «Друг к другу», — передразнила она его интонации.

Мужчина спохватился.

— Прости, забыл сказать: по уговору с Джесс, я заканчиваю аспирантуру, и мы разводимся. Если она этого не делает — я подаю на генетическую экспертизу и развожусь с ней сам и вывожу свой капитал со скандалом из компании.

— Александр, — с осуждением округлила на него глаза Жаклин. — Получается, ты попользовался бедной девушкой и всё?

— О, нет, Джессика какая угодно, но только не бедная. — Покачал он указательным пальцем. — У её матери «нефтяное» наследство. — Показал он кавычки. — К тому же, её сын получил законное рождение, и у Саймона нервы спокойны. Теперь она может развестись и выйти замуж, когда ей вздумается.

— А что она за человек? — ровным голосом спросила Жаклин.

— Да нормальный человек, — флегматично скривился мужчина. — Обычный. Я не знаю, какой была до рождения ребёнка, но как мать она вполне хорошая. Сейчас никуда не

ходит, на уме только один Гордон.

— Вы живёте в одной квартире?

— Да, — кивнул Алекс. — На Манхеттене.

У Жаклин в глазах загорелось лукавство, и она улыбнулась.

— О, не-е-е-т, Жак, только не это, — развернулся от стола Александр. — Не спал я с ней. Мы живём как обычные соседи по квартире. Как студенты.

Жаклин очень хотелось спросить: с кем он тогда спал вообще, но девушка тут же поняла, что не сможет этого сделать ни сейчас, ни когда-нибудь потом. Именно в эту минуту, она вспомнила изречение, которому, вообще-то, никогда не верила: «Если хочешь узнать: твоё это или нет, отпусти его...».

«И всё-таки, он вернулся».

Хотя и этому она тоже ещё пока не верила.

Поэтому поспешила увести расспросы в другое русло.

— А ты не знаешь, кто отец ребёнка?

— Нет. — Алекс мотнул головой, и его пепельное золото всколыхнулось, немного растрепавшись. Жак подумала, что, наверное, он мыл голову совсем недавно. — Поинтересовался: не чернокожий ли он, она ответила, что нет, и ничего не добавила. Больше я не спрашивал.

Жаклин опять задумалась.

— Жаль, что ребёнок так и остался без отца, — с сожалением сжала она губки — эта тема для неё была очень болезненна.

— Он с самого начала был без отца. А так он у него будет хотя бы по документам. Извини, тебе неприятно об этом говорить, я помню, как ты хотела ребёнка, — с виноватым, сочувствующим выражением лица быстро добавил парень. — И мне очень жаль, что ты до сих пор одна, Жак. Представляю, сколько тебе это стоило.

Жаклин настороженно выпрямилась.

— Подожди... так ты что... пожалуй меня пришел?! — сдвинула она брови с возмущением.

— Что ты! — округлил свои «тюльпаны» гость. — Мне не хотелось унижать тебя жалостью, но-о-о... мне всё равно жаль. — Немного вжался он в плечи.

— Чего именно?

— Ну-у-у... может я и освободил тебя от Чарльза, но-о-о... после нашей связи у тебя ничего не осталось. Я типа пошел вперёд, к состоятельности, а ты, вроде как вернулась назад в прошлое, в Лондон.

Девушка сжала губы в тонкую линию.

— У меня осталась флэшка с нашими с тобой фотографиями.

Парень закатил глаза и отвернулся в сторону.

— Не смешно...

Такой предмет разговора с этим и знакомым, и не знакомым мужчиной, Жаклин совершенно дезориентировал. Девушка потерялась в своих мыслях и чувствах. А ей хотелось конкретики.

— Чего ты хочешь от меня, Алекс?

— Ничего, — твёрдо отрезал парень. — Я сейчас ещё немного посижу и уйду. — Он опустил голову и невидящим взглядом принялся бродить по поверхности стола перед собой. — Я ничего не хочу. До чертей устал пока всё это разгребал, все эти четыре года, и

хочу отдохнуть. Прихожу вечером домой, но внутри ничего не меняется, я даже спать перестал последнее время, — опять же, видимо, для доходчивости Александр засмеялся. — Не переключаюсь. Никакой разницы между моим домом и моей работой нет. Моя семья, ребёнок — это часть моей работы. Я работаю двадцать четыре часа в сутки. Моя сущность как нормального человека отмирает, она атрофируется. — Он выпрямился. — Короче, у меня лежат на выбор в турагентстве три заявки на неделю аренды острова с одним бунгалом в Карибском бассейне. Это сейчас очень модно в Нью-Йорке — отдыхать на частных островах, и мне это нравится. Никого не хочу видеть, даже прислугу, — отрицательно покачал мужчина головой, будто хотел прободать какую-то глухую стену перед ним. — Ни единого человека в своей жизни не хочу. Устал.

Девушка перестала дышать. Именно сейчас, только сейчас она начала его вспоминать. И себя рядом с ним.

— Хочешь, я поеду с тобой? — Жаклин наконец-то поняла, что ей, на самом деле, нечего терять.

Мужчина застыл — он почувствовал подвох.

— Я... не знаю.

— А что, я женщина свободная. — Кокетливо повела плечами свободная женщина. — Вот собираюсь даже уйти во «Врачи без границ». Опыт странствий и квалификация позволяют.

— Врачи без границ! — взревел МакЛарен распахнув свои «тюльпаны». — Работаешь за две тысячи в месяц, — он невесело и довольно высокомерно усмехнулся, — а практически это чёртова благотворительность... так тебе и этого мало?

Девушка только улыбнулась.

— Я подумаю над твоим предложением, — недовольно ответил парень — он совсем не на такой разговор рассчитывал.

— Ага. Подумай, пожалуйста. А сейчас, давай, ты допьёшь чай, и я тебя провожу, — с оптимизмом подскочила она. — Кхе... кхе...

Когда хозяйка доливала в чашку Алексу, на холодильнике зазвонил телефон.

Жаклин быстро подскочила и, не посмотрев на экран, приняла вызов.

— Да, — она чуть помолчала. — Здравствуйте, миссис Ронсон, — опять сделала паузу. — Да, я три дня на больничном, — Жаклин прикрыла микрофон телефона и обратилась к Александру: — Извини. Да, — сказала она уже опять в аппарат. — Я сейчас посмотрю, но у меня старого образца. Мне всё некогда поменять страховой договор, — девушка вышла из комнаты и прошла сразу в гостиную.

Она разговаривала с расчётным отделом своего госпиталя, потом долго искала старый договор о медицинском страховании, еле нашла к нему расширение о том, что она сама медицинский работник. Уладив эти вопросы, прошла в ванную и хорошенько высморкалась и умылась.

А когда вернулась на кухню, то Александр сладко спал, уложив голову на сложенные на столе руки.

Жаклин застыла на пороге. Это был её момент истины. Она уже почти смирилась с тем, что всё простила и даже, скорее всего, не потрудится отомстить. Ей так хотелось быть счастливой! Опять! Сколько она проплакала, тоскуя по человеку, который сейчас спал у неё на кухне, сколько горя и тоски вылила слезами. И вот он здесь, и она опять начинает бороться с собой.

Жаклин не удержалась, подошла к Алексу, положила ладошку мужчине на щёку и легонько провела по ней.

«Колется», — девушка улыбнулась.

Спящий встрепенулся от прикосновения и выпрямился. Жаклин отёрнула ладонь, но Александр тут же схватил её за руку.

— Извини, я вырубился.

— Ничего. Со мной тоже такое бывает, — девушка продолжала улыбаться. — У тебя щетина.

Александр, ловя момент, потянул её кисть к носу. Вдохнув запах, он поднёс её к губам и поцеловал внутреннюю сторону, после чего приложил к щеке, как и тогда в поезде в Лондон. Потом, не теряя времени, привлёк девушку и, развернувшись от стола, усадил к себе на колени. Он обвился руками вокруг тонкого, женского тела и уткнулся носом ей в шею. Жаклин зарылась пальцами ему в волосы.

«Боже, — у неё не было слов даже в голове. Весь словарный запас полетел со скалы и в море. — Это не с чем сравнить. Этому нет названия».

Нечто банальное, наподобие, «счастье» или «любовь» казались ей куцыми и плоскими. Это можно было бы назвать «наслаждением» или «блаженством», но только если все буквы в этих словах сделать заглавными. Но и то, не в яблочко.

Жаклин до жути захотелось поцеловать Алекса в плечо поверх водолазки.

И она это сделала.

Тот, почувствовав прикосновение её губ, так стиснул девушку в объятьях, что ей стало трудно дышать.

И тут они услышали, как отворилась дверь на втором этаже, после чего послышались какие-то не то толчки, не то шлепки по ступенькам лестницы.

Александр оторвался от девушки и удивлённо заглянул ей в лицо, а она высвободилась, встала и направилась в прихожую. Он — за ней. За ними поднялась и поплелась Сула. Уж она-то точно знала, что ничего из ряда вон выходящего не происходит.

В прихожей Жаклин тут же развернулась к лестнице и посмотрела наверх. Александр же, помимо своей воли, немного отвлёкся на открытую дверь в гостиную. Он мельком заглянул в комнату и очень удивился, увидев, там повсюду валяются детские игрушки. Но разбираться было некогда, и он тоже поднял голову на лестницу.

Там, на верху нижнего пролёта, на самом краю лестничной площадки стояла маленькая девочка примерно трёх лет.

Глава 57

Слеза

У неё были пепельно-золотистые волосики, растрёпанные после сна, и заспанные голубые глазки округло-миндалевидной формы. Одной рукой малышка крепко держалась за перила, а второй прижимала к себе плюшевого медвежонка. Её розовенькая пижамка с двумя серыми мышатами и куском жёлтого сыра на груди задралась на животике.

Увидев взрослых, ребёнок ни удивился, ни испугался, ведь одним из них была её мама Жаклин, а дядей она не сильно боялась — когда они не кричат басом, они не страшные. А этот дядя хоть и высокий, намного выше мамы, но он молчит.

— Эдельвейс, не бойся, спускайся, — мягким тоном подбодрила дочь Жак, боясь даже чуть-чуть повернуть голову в сторону Алекса. Девочка ступила на следующую ступеньку, но опять остановилась. И вот тут Жаклин повернулась к мужчине.

Таким она его ещё не видела никогда. И не исключено, что больше никогда не увидит.

Александр сначала просто посмотрел на девочку, которую не ожидал здесь увидеть вообще никак. Только он хотел вопросительно воззриться на Жак и потребовать ответа: откуда в её доме ребёнок и игрушки, и почему она об этом всю дорогу молчала, но уже не смог оторвать взгляда от малышки — что-то уж больно она ему напоминала...

«Она чем-то похожа на мою мать, — подумал он. — Нет, не так — она очень похожа на мою мать», — Александр не поверил своим глазам и прищурился. Упрямое, вероломное сходство девочки с Алисой не исчезло. На мужчину нахлынуло предчувствие какого-то финала фильма-катастрофы: вот сейчас начнут откалываться куски от стен вместе с ещё не высохшими обоями, крыша будет оседать ему на голову, дом примется разваливаться на глазах и проваливаться к центру Земли, и он ухнет вместе с ним.

«Как она её назвала? Эдельвейс?»

Александр сделалось плохо. Очень. Он приложил кулак ко рту, чтобы не закричать.

«Нет». Его тут же кинуло в жар, что ещё больше усилило ощущение преисподней.

— Боже, — просипел он. Имя Господа вырвалось у него помимо воли и словно не изо рта, а из самого нутра, откуда-то из глубин.

Он вглядывался в личико девочке, будто перед ним совершались какие-то непонятные чудеса, которым нет места на Земле вообще от слова совсем, что-то противоречащее всем законам физики, химии и экономики.

Александр стал похож не то на бешеного, не то на полоумного, глаза вылезли из орбит. Его лицо сделалось страшным, отталкивающим, поэтому Эдельвейс, к этому времени уже сделавшая ещё один шаг на следующую ступеньку, опять убрала ножку и осталась стоять на месте.

Жаклин не хотела торопить события. Не исключено, что Алекс, пока не придёт в себя, может испугать Делли своей реакцией, поэтому пока пусть всё идёт так, как идёт.

Так они и стояли некоторое время.

Сула, своими собачьими рецепторами уловив всеобщее напряжение, подошла к Александру и села перед ним. Тем самым недвусмысленно давая понять, что хоть один волосок с головки этой девочки по вине этого мужчины упадёт только через её труп. Или его.

МакЛарен опустил голову и ошалело посмотрел на собаку у своих ног. То, что его собственную дочь нужно защищать от него самого стало для мужчины последней каплей. Он моргнул и судорожно набрал воздуха в грудь, поскольку до этого, кажется, даже не дышал.

Жаклин поняла, что можно чуть продвинуть ситуацию.

— Эдельвейс, не стой там. Иди сюда. Ты же босиком.

Они спускались вниз вместе медленно, робко, несмело: маленькая девочка по ступенькам старого дома в Лондоне и слеза — по щеке её отца.

Когда Эдельвейс ступила на пол, она оказалась сразу напротив мужчины и Сулы.

Александр, стараясь не делать резких движений, медленно присел на корточки, чтобы быть с дочерью лицом к лицу. Он обнял собаку за шею и автоматически почесал ей под горлом указательным и большим пальцами.

Но Сулу так просто не возьмёшь. Верная хулиганка высвободилась из его захвата, переместилась и села рядом с Эдельвейс. И тут девочка сделала то, что заставило Александр опереться о пол пальцами, чтобы не упасть — она точно таким же захватом, как и он, обхватила собаку и точно так же указательным и большим пальцами почесала ей шею.

«Матьер божья, храни его рассудок!» — увидев это, воскликнула про себя Жак.

Девочка смотрела на дядю и тоже думала, что она его где-то видела. Ей были знакомы его глаза, брови, губы и даже волосы. Наверное, он снимался в какой-то сказке или мультике. А мультики Эдельвейс очень любила, поэтому дядя ей понравился. Она протянула ему руку и сказала:

— Привет. Я — Дэлли, а ты кто?

Александр как умственно отсталый посмотрел на руку, которую протягивал ему ребёнок и отшатнулся — это была «его» рука. Его, матери, Колама и Бена. Такая же выпирающая костяшка большого пальца с невысокой, широкой ногтевой пластиной и такие же узкие подушечки всех остальных четырёх фаланг.

Александр схватился за ручку своего ребёнка, будто за остатки рассудка — одновременно и трепетно, и неуклюже и в то же время цепко. Но она оказалась настолько нежной, мягкой и тёплой на ощупь, что пожимать он не стал, ибо боялся повредить. Да и вообще, вся Эдельвейс казалась ему каким-то нереальным, эфемерным созданием — только дотронься, и она растворится в воздухе, рассыплется на пепельно-золотистую пыль.

А девочка тем временем отдернула свою ручонку, поскольку взгляделась в лицо дяди. Она увидела там слезу. Ту самую. Одинокую, мужскую, скупую. Дэлли не знала, чем она обидела дядю, что он заплакал, и в поисках ответа повернулась к маме.

— Иди ко мне, — протянула к ней Жаклин руки.

Дочь привычно потянулась навстречу, а когда оказалась на руках у мамы, обвилась ножками вокруг талии и обняла руками за шею.

Александр тоже поднялся. Жаклин ясно видела, что сделал он это уже совсем другим человеком.

Девушка протянула руку к его лицу и вытерла тыльной стороной ладони слезу с его щеки.

— Спасибо, — сказала она и улыбнулась.

К О Н Е Ц

Гоава 58 Вау, зашибись, чума

Глава 58

Вау, зашибись, чума

Однажды погожим летним днём по улице шёл человек. Мужчина. Красивый высокий молодой блондин в тёмно-рыжих ботинках, чёрных классических брюках на ремне в тон обуви и насыщенного небесного оттенка сорочке с расстёгнутой верхней пуговицей.

Он явно никуда не торопился, продвигаясь вперёд спокойным уверенным шагом своих длинных ног и только лишь поглядывал на дома и прохожих созерцательным и даже несколько высокомерным взглядом. Из его, без преувеличения сказать, прекрасных голубых глаз, которые уместно было бы сравнить разве что с тюльпанами (не в пользу последних), исходило довольство и нега в чистом виде. Немало презентабельности и импозантности добавляла красавцу дорогая добротная трость в левой руке с витиеватой резьбы серебряным круглым набалдашником и продетой в shaft длинной шёлковой кистью в кирпичных и чёрных цветах с примесью оттенков шоколада. При каждом довольно умелом взмахе тростью хозяином, кисть взлетала вверх, красиво распадаясь фейерверком разноцветных нитей, придавая движениям парня некую молодцеватость или даже горцеватость. А когда он ударял своим аксессуаром по розовой тротуарной плитке, которой вымостили проезжую часть улицы, в воздухе раздавался краткий, уверенный, породистый стук. Примерно как от подков дорогого металла у чистокровного скакуна.

Итак, прохожий с тростью явно пребывал в прекрасном расположении духа, а вскинутый вверх подбородок вкупе с выпяченным торсом и расправленными вразлёт плечами железно доказывали, что мужчина находится ещё и в острейшем приступе чувства собственной важности. Он явно чем-то гордится.

И при первом же взгляде на него становилось понятно: чем именно. Имея подобный рост и внешность, игнорировать такую природную щедрость действительно нелегко. Что-то около шести футов в высоту, размах плеч под рубашкой, любой нормальной женщине внушающий благоговейный трепет и желание спрятаться за эту спину, лицо с идеальными мужественными скулами, высоким лбом, точёным носом изящной переносицы и ещё более совершенной линией челюсти, как будто вышедшими из-под руки Микеланджело Буонарроти — уже этого, без упоминания об атлетическом телосложении и красивых чувственных руках, достаточно, чтобы держать прямой угол между подбородком и туловищем.

Хотя, возможно, всё это только на первый взгляд, и источником величавости и форса послужила вовсе не внешность. Глядя на вышагивающую с ним под руку хрупкую миловидную брюнетку в маленьком бежевом платьице длиной до колена с квадратным вырезом и тоненьким кожаным чёрным пояском на subtilной талии, не лишним будет допустить, что и она тоже очень даже может служить поводом для гордости. При такой изящной фигуре её роскошная грива кучерявых каштановых волос смотрелась ещё более выразительной, а уже и так достаточно выразительная грудь — ещё более статусно. И даже то, что женщина выглядела явно старше своего спутника, лишь воочию добавляло благородства мужчине рядом и подчеркивало его брутальность и красоту.

Хотя, не исключено, что природа прекрасного расположения духа и гордости красавца скакала сейчас вприпрыжку от одного края дороги к другому чуть впереди него и его

спутницы. Это была маленькая девочка — примерно трёх-четырёх лет — при взгляде на которую, даже невзирая на очевидно молодой возраст хозяина трости, не оставалось ни малейших сомнений на предмет того, кто её отец. Тот же высокий и широкий лоб, такие же глаза-«тюльпаны» только ещё более округлые вследствие детского возраста, и того, что ребёнок прыгал по главной улице французского Диснейленда, длинные дугообразные бровки, два беленьких хвостика с голубыми бантиками заколками — впереди бежала маленькая копия своего папочки. И если в красоте родителя сквозило нечто картинное или даже кукольное, то детский вариант его же лица и подавно казался ожившим пупсом, статуэткой. Почти фарфоровой. Таким образом, право на гордость было доказано грубо, прямолинейно и безапелляционно. Как факт.

Но так было не всегда.

Глядя на этого счастливого гордого родителя, никто и не догадывался, что совсем недавно ему пришлось отложить или даже отменить — а что делать! — запланированную и уже предвкушаемую поездку на частный остров вдвоём со своей любимой женщиной для уединения и навёрстывания упущенного за годы разлуки, и Карибы с ужинами при свечах, купаниями в океане нагишом и занятиями любовью на пляже заменить Диснейлендом с Микки Маусами, Белоснежками, Бродягами, далматинцами, каруселями, воздушными шарами и...

— Мам, а гномы будут? — оглянулась Дэлли на бегу к Жаклин.

— Обязательно. И гномы, и их лес, и домики — всё будет. Кажется, вон в той стороне они, — показала Жаклин маленькой детской сумочкой в руке в сторону уголка с круглыми входами в жилище гномов и статуей Белоснежки у входа. Ещё в детстве, когда они с дядюшкой жили в Париже после экспедиции в Китай, она ездила в этот парк вместе с женой и детьми одного научного сотрудника, с которым работал тогда Лавалет Фортескью.

— А на карусели мы когда пойдём? — опять обернулась Дэлли.

— Мы сейчас же пойдём на карусели, — пообещал Александр, а дочка, держа в руке ленточку от наполненного гелием Микки Мауса с грузилом в виде этого же мышонка на конце, чтобы не улетел, с интересом обернулась к нему и улыбнулась. После чего, поправив на плечах ляжку новенького розовенького рюкзачка с феей Тинкербелл, принялась скакать дальше.

Жаклин посмотрела на своего мужчину и в предостерегающе-назидательной мимике плотно сжала губки.

— Ты обещал.

Тот довольно улыбнулся.

— Я помню, — медленно кивнул он и особенно резко взмахнул тростью.

— Иначе она сегодня ночью не заснёт, — с уверенностью в голосе продолжила Жаклин.

Мужчина улыбнулся ещё шире и наклонился к своей женщине. В его глазах при этом старые добрые бесенята, себя не помня, уже всюду щипали гусей, выдёргивали из них пух и перья и набивали ими перину. А один самый талантливый, ловил улетевшие пушинки ракеткой для большого тенниса и меткими подачами возвращал их, так сказать, в дело.

— Ты тоже, — промурлыкал Алекс и неловко на ходу лизнул ушко девушки.

У неё тут же помимо воли приопустились веки, грудь наоборот приподнялась, на следующий же вдох уже не хватило обычной порции воздуха, внутри всё грозило вот-вот занять и встать на дыбы. От откровенного отклика на его прикосновения и неминуемого возбуждения девушку спасли Тигра с Винни Пухом, которые давали автографы и

фотографировались с детьми на углу улицы. Дэлли вприпрыжку рванула к ним.

— Хотя бы в Диснейленде постарайся не думать о сексе. Здесь же дети! — прошипела Жаклин, чувствуя, что её собственные мысли на эту же самую тему скоро не уместятся в черепной коробке.

— Почему при детях нельзя думать о том, как они получаются? — искренне удивлённо поинтересовался парень.

— Господи, хоть ты не начинай, а, — посетовала женщина, нахмурившись при виде того, как Дэлли протискивается к диснеевским героям, распихивая детей локтями и забыв и про своих родителей, и про ту вежливость, которой её обучала мама. — Я еле успеваю на её вопросы отвечать. Ну, или хотя бы дождись ночи. Дэлли, нельзя быть такой грубой! — уже продолжила она довольно громко, ринувшись за дочерью. — Эти детки стоят в очереди, и ты должна встать в конце. Это уже твоё баловство, — с притворной укоризной обернулась она на ходу к папочке.

— Ночи... — мечтательно проурчал тот, не в силах мгновенно «вынырнуть» из злободневной темы. Но, сделав над собой усилие, добавил бодрым, командным голосом: — Дэлли, сделай их всех!

— Мама, я пить хочу, — заявил ребёнок после того, как заполучил-таки свою фотографию с Тигрой.

Они долго искали: чем бы напоить Эдельвейс.

Напитки в палатках с попкорном не нравились папе.

— Там одна химия, — авторитетно заявил он.

Соки из магазинов отвергла мама.

— Они слишком сладкие. Дэлли ими не напивается.

Обычную воду из бутылки не хотела сама дочь.

— Она невкусная, — скуксился ребёнок.

Минут через десять сошлись на «невкусном» чае, но зато с вкусным шоколадом в одном из кафе.

Утолив жажду, им пришлось выстоять длиннющую очередь на аттракцион «Чайные пары».

Александр сделал это с помощью трости, иногда поигрывая ею, Дэлли помогал новый набор под названием «Кукольный театр» состоящий из кукол — героев диснеевских историй, а Жаклин занялась волнениями по поводу того, чтобы дочку не стошнило на каруселях.

В «чашки» с ребёнком было решено идти папе.

— Вот, — всунула ему в руку мама большой мужской носовой платок, — Если ей сделается плохо, поднесёшь ко рту. — Александр лучезарно улыбнулся. — Да не к своему! А к её рту! Не перепутай! — округлила на него глаза девушка.

— Обижает, — недовольно пробурчал парень, хоть и был уже научен горьким опытом — даже за такой короткий полёт рейсом «Лондон — Париж» дочь, впервые попавшую в самолёт, успело затошнить, поэтому всю поездку на каруселях Александр так и не оторвал от неё взгляд.

Но, видимо, фортуна сегодня была само великодушие, потому что Дэлли никаких признаков недомогания не выказывала, вертелась во все стороны, как маленькая обезьянка, смеялась, подпрыгивала на месте и того и гляди грозила выпрыгнуть из «чашки». Папа с тоской пару раз скосил глаза на соседние кабинки, где детки сидели присмирившие и

немного испуганные, а счастливые родители, обладатели столь удобных отпрысков, старались их всячески подбодрить и развеселить.

— Вау, зашибись, правда, Дэлли? Чума-а-а! — выводя дочь за руку после поездки, наклонился к ней папочка. Та просияла ему глазами в ответ и тут же прыгнула навстречу встречающей их маме.

— Мамуль, вау, зашибись, чума!

Мама, приготовившаяся было умилиться радости своей девочки, опешила и метнула взглядом молнию в их «преподавателя словесности», а его трость в её руках в этот момент так и норовила довести до греха.

— Очень хорошо, что тебе понравилось, — тут же заулыбалась девушка и, присев, чмокнула дочь в щёчку. — На следующую карусель с тобой пойду я. Папа Александр словарным запасом не подходит, — ещё раз зыркнула она на парня.

— Следующие будут русские горки, — расплылся тот в клоунской улыбке. — Удачки тебе с твоим словарным запасом.

Потом они ещё долго бродили в лабиринте Алисы, возле которого вращала глазами огромная голова Чеширского кота на пригорке, после чего пришли к карусели диснеевского слона Дамбо. В очереди оставили папу с его тростью, а мама с дочкой ушли искать туалет.

И как назло именно после «Дамбо» Дэлли стошнило. Хорошо, что уже на твёрдой земле, а не в воздухе.

— Ты не сказала заветного слова «зашибись», — всё-таки вставил Александр, когда уже всё прошло.

— После горок я с удовольствием тебя послушаю, — с садистской ухмылкой парировала Жаклин.

— Пф-ф, легко! — фыркнул и закатил глаза парень, не забывая приглядывать за Дэлли, которая, уже забыв о своём недомогании, поскакала дальше к замку какой-то там очередной принцессы или феи.

Кстати, о недомоганиях. Александр ещё вчера почувствовал першение в горле, и голова не очень уютно сидела на плечах, как после не совсем удачного спарринга. Простудиться летом он не мог, поэтому, скорее всего, подхватил вирус и сразу же вспомнил: где именно. Перед глазами встало его ещё совсем недавнее прошлое. То самое, когда «Землю остановили» и он «сошёл» на конечной станции под названием «Отцовство».

Именно тогда для него и началась та самая новая жизнь.

Глава 59

Шок

Именно тогда для него и началась та самая новая жизнь.

А началась она с того, что Жак, сказав ему «Спасибо», и как ни в чём не бывало, будто у него, у Алекса, сейчас не рушится сознание и не переустраивается система ценностей, будто его не рвёт всего изнутри на части и не корёжит в ломках, не раскраивает нутро глубокими длинными порезами досады и отчаяния, прошла в гостиную с улыбкой на губах и с Эдельвейс на руках и начала что-то там ворковать с дочкой.

А мужчина, не в силах что-нибудь сказать или сделать, да и не зная: что именно, уселся на вторую ступеньку лестницы — на первой его колени доставали ему чуть ли не до ушей — и схватился руками за голову.

Он понимал, что сейчас, вот в эту самую минуту творится один из самых ярчайших моментов в его жизни, но ему всё равно захотелось чего-нибудь плохого. Только для себя одного, разумеется. Чего-нибудь отрицательного вплоть до членовредительства. Ведь он не женщина и о спасительном обмороке можно и не мечтать, поэтому, как верный выход из сознания здесь пригодился бы, допустим, хороший хук от Тима Принстона, который вполне себе мог отправить МакЛарена напрямик в вожделенный нокаут. Ну, или же пара бутылок «Laphroaig» и как следствие — отключка от сокрушительного алкогольного опьянения — тоже вариант.

Секунды тикали, а состояние шока всё не прекращалось и не ослабевало. Даже за такой короткий промежуток времени оно успело измучить, и в один из моментов мужчине ужасно захотелось застрелиться. Ну, или застрелить того человека, который знал о том, что у него, у Александра, родилась дочь и ничего ему не сказал. А ещё лучше: голыми руками раскромсать этого урода на атомы.

«Чёрт! Фа-а-ак!» — единственное, на что он сейчас оказался способен, но парень обрадовался и этому — хоть что-то. Он запустил себе руки в волосы, а потом с силой потёр лицо ладонями, взлохмачивая свои красивые длинные брови. Тут мимо в кухню проследовала Жаклин и по-матерински на ходу потормошила ему и без того всклоченные вихры на макушке. Александр захотелось схватить девушку за руку, но побоялся. Струсил. Хотя до последнего времени слово «страх» значилось в его лексиконе лишь номинально.

Страдалец остатками своего, лежавшего в руинах, разума понимал, что ему нужно прийти в себя, но трудность-то и состояла в том, что себя как такового он не помнил. Забыл. У него напрочь выскочило из головы: какой он есть, Александр МакЛарен Его нужно в себе ещё найти. Теперь — так. Да.

«Время. Мне нужно время», — схватился он за мысль и в этот момент почувствовал, что на него кто-то смотрит. Парень резко развернулся в сторону гостиной. В дверях стояла Эдельвейс и с интересом изучала этого странного дядю из мультика, уставившись на него во все свои, ну или его, глаза.

Папа округлил и свои «тюльпаны» тоже, не в силах моргнуть.

«Нет, — тут же осенило его, — не время».

— Дэлли, иди, посиди на диване, сейчас я тебе разогрею, и ты покушаешь, — выглянув из кухни, скомандовала мама, после чего скрылась за стеной, и оттуда послышался её

сдавленный кашель.

На кукольном заспанном личике девочки промелькнуло лёгкое недовольство, но она всё-таки развернулась и, один раз оглянувшись, направилась, куда ей было указано.

— Иди, посиди с ней, — неожиданно услышал Александр возле себя голос Жак. Он испуганно оглянулся и уставился теперь уже на девушку. Она наклонилась к нему и взяла за запястье, как бы призывая подняться. — Иди, — кивнула Жаклин подбородком на гостиную и улыбнулась, как и тогда, когда говорила «Спасибо».

Мистер МакЛарен поднялся и, посмотрев на свою любимую женщину почти безумным и тоскливым взглядом, словно прощаясь, тоже послушался и направился за дочерью. Сула, сориентировавшись и поровнявшись носом с его коленкой, как хорошо выдрессированный охранник, пошла рядом.

— Сула! — строго окликнула её Жак. — Место.

Александр оглянулся — девушка ткнула пальцем во временное пристанище собаки в углу кухни.

Та, понурив голову, послушалась, но на морде было написано, что с этого момента она какую бы то ни было ответственность с себя снимает, умывает руки, ну или лапы, и больше ни за что не отвечает. Хоть и понимает, что всё это до первого подозрительно звука из гостиной.

Дэлли уселась на диван, вытянула ножки и сложила на коленках свои маленькие ручки, с ещё не сошедшими полностью перетяжками на запястьях. Ребёнок после сна уже успел соскучиться по игрушками валявшимся на диване и полу и, кстати, не очень многочисленным, но этот дядя сильно смущал и отвлекал, поэтому девочка молча оглядывала своих кукол и зверей и не двигалась с места.

Дядя из мультика тоже.

Александр, устроившись на другом конце дивана, вцепился раскрытыми кистями в колени как крабами и переводил взгляд с пижамки на волосики, с волосиков на маленькие ушки, с ушек на почти крохотный кукольно правильный ротик, после чего его чуть не загипнотизировали ногти на пальчиках на голых ступнях дочери.

То, что они точь-в-точь, как и на руках, повторяют рисунок его ногтей, уже не шокировало. Парня обуяла другая и весьма тревожная мысль: что будет, когда он проснётся. Александр предположил, что Эдельвейс тогда, скорее всего, исчезнет, и тут же едва заметно тряхнул головой, как бы отгоняя такую нежелательную реальность. Он даже не чувствовал, что любит эту девочку, он понимал, что уже не сможет без неё. Никогда больше. Вообще от слова совсем. Он будет с ней на всю оставшуюся жизнь, до последнего вздоха. Он — её. В один из моментов ему захотелось взять своего ребёнка на руки, но от предвкушения небывалых, неведомых ему доселе ощущений внутри поднялось нечто такое, что тут же заставило отступить, а в голове оставило после себя твёрдое убеждение, что слово «страх» теперь в его лексиконе уже не только де юре, но и де факто.

Сколько они так просидели, никто не засекал, а потом мужчина услышал это:

— Алекс, неси её сюда. Картошка готова.

Это кричала с кухни Жаклин.

Первое что он вспомнил: как отсюда, из гостиной, добраться до входной двери.

Она была там, эта спасительная входная или, чёрт бы её подрал, выходная дверь. Стоило вот сейчас встать, рвануть с места, всего пару-тройку шагов, разобраться с замком, или вырвать его с корнем да и все дела, и там, за этой спасительной дверью, ещё прежний мир.

Тот, где всё понятно, где ещё работают законы, которые он внедрил, «обкатал», по которым уже жил и, в конце концов, те, которые вот-вот недавно сам себе издал и собирался долго и плодотворно ими руководствоваться. Они работали, эти законы! Это-то он точно помнил.

Доподлинно.

И вот сейчас от того мира уже ничего не останется. Он рухнет даже не здесь, между ним и его маленькой дочкой, которую ему предстоит впервые взять на руки, и даже не внутри него, он рухнет там, за дверь. И не будет уже ни прежней Англии, ни Шотландии, ни Америки, не будет прежнего Кирка, матери и Дженн — никого и ничего. Всё другое. Все другие. Он другой.

Александр медленно и тяжело оторвал ладони от колен и протянул их к дочери.

Молча.

Все слова у него застряли даже не в глотке, а где-то ещё ниже. Ну, или выше, но только не там, где надо.

Эдельвейс посмотрела на руки отца, будто ожидала увидеть в них мороженое или игрушку. Сразу стало понятно, что она не привыкла, чтобы её брал кто-нибудь кроме мамы. Убедившись, что у дяди из мультика ладони пусты, Дэлли догадалась, что мама из кухни кричала именно ему. На личике трёхлетнего «Александра МакЛарена» промелькнула задумчивость. Да, она находилась у себя дома, на знакомом диване, рядом была мама и Сула, и если дяде вдруг вздумается её, Эдельвейс, обидеть, то ему, наверное, будет очень плохо. Очень.

Но девочка всё равно не решалась.

— Не бойся, — вдруг прозвучал рядом чей-то голос. Александр вздрогнул и понял, что, скорее всего, это сказал он сам и не исключено, что способом чревовещания, но не это главное. Главное — с какими интонациями он это сделал. Таких интонаций у него не было. Никогда. Не разговаривает он так. Это не его голос. Скорее всего, внутри него поселился кто-то другой и пользуется телом. Но и это тоже уже в следующий момент сделалось неважным, потому что его ребёнок двинулся к нему и, привычно подползая по дивану, положил свои ручонки папе на плечи. Тому ничего не оставалось, как обхватить свою дочь за талию.

Как только он сомкнул кисти вокруг этого нежного, субтильного тельца, сразу же вспомнил, что где-то тут совсем недавно хотел застрелиться.

Сейчас ему захотелось разрыдаться. Вот прижать её сейчас к себе и рыдать в её пижамку от первой слезы до последнего судорожного облеченного вздоха. Но вместо этого Александр не очень умело посадил дочь на руку и поднялся с ней с дивана.

Она почти ничего не весила.

«Вся в мать», — тут же позанудствовал мужчина.

А мать тем временем не находила себе места. Металась по кухне на автомате, разогревая тушёный картофель с мясом в сливочном масле, и волновалась: что же теперь будет? Но появившихся в дверях папу с дочерью встретила с интересом, и даже успела спрятать волнение.

Состояние папы по бледному цвету кожных покровов и расфокусированному взгляду доктор Фортескью опытным глазом оценила как средней степени тяжести или близкое к полуобмороку.

«Ну да оно и понятно», — промелькнул полудиагноз полуприговор в голове врача.

А Дэлли выглядела немного недовольной. Видимо, ей не понравилось, что её сразу же принудили идти на ручки к этому новому дяде, пусть даже и из мультика.

«Больше не заставляй меня этого делать», — как бы говорил её взгляд, и Жаклин поняла, что форсирует события.

«Нужно постепенно», — подумала она и тут же спохватилась, что, наверное, не смогла бы отказать себе в удовольствии увидеть Александра с Дэлли на руках ещё пока вот таких вот, свежепознакомившихся. Но и подхватывать дочь с рук отца, тем самым подтверждая её страхи, мама тоже не собиралась. Она подошла к парочке и, прищурившись, взгляделась в плечо мужчины, как бы увидев там нечто непонятное.

— Что это у тебя за пятнышко? А, это, наверное, обойный клей капнул, — Жаклин поскребла ногтём материю и невинно улыбнулась дочери. Дэлли ничего не понимая, почему это её не спасают из рук этого чужого опасного дяденьки, ещё чуть с большим испугом округлила глаза. Но мама и тут не дрогнула.

— Сажай её вот сюда, — прошла, отодвинула она стул. Папа посадил дочь за стол. — Ты будешь картошку вместе с ней? — спросила его Жаклин, разворачиваясь к кастрюле на плите и оглядываясь.

Александр, который, судя по всему, теперь собирался отрывать взгляд от своего ребёнка только лишь в случаях угрозы цунами, схода лавин, выхода Темзы из берегов и иже с ними, распахнул на девушку свои «тюльпаны» так, будто с таким же успехом мог спросить у неё то же самое. Но всё-таки интонациями девушки-робота из навигатора ответил:

— Да, — и кивнул как болванчик.

Они ели друг напротив друга с одинаковыми лицами во всех смыслах. Дэлли не могла понять: почему это этот высокий дядя-гость удостоился чести в первое же посещение сесть с ними за стол. На лице Александр же удивление, судя по всему, застыло уже по умолчанию и априорно.

Глава 60

Еда

А Жаклин, смирившаяся к этому моменту наконец-то со своей радостью, теперь сосредоточилась на растерянности. Александр застал её врасплох, и она совершенно не знала: с чего начать, чтобы поспособствовать его сближению с дочерью. Кроме времени, которое, конечно же, было необходимо, скорее всего, понадобятся ещё и мозги.

Вообще-то для девушки уже сделалось привычным продумывать ситуацию или присутствие какого-нибудь человека у них в доме так, чтобы как-то его использовать.

Сейчас она, допустим, с удовольствием оставила бы папу с дочкой знакомиться и дальше, а сама в это время сгоняла в магазин. Но Жаклин боялась, что Дэлли не останется с Алексом даже в присутствии Сулы и поэтому мысленно зачеркнула у себя в голове такую попытку.

Девушка понимала, что для начала их необходимо хотя бы познакомить, но представлять дочери её отца как некоего «мистера МакЛарена» у неё язык не поворачивался. Она надеялась, что Дэлли ещё слишком мала и сможет принять без множества вопросов и излишнего недоверия продолжение той самой истории о папе, который учился далеко и о том, что он хороший, не смотря ни на что.

«Тем более, что это абсолютная правда». — И как бы в подтверждение своих мыслей Жаклин, проходя сзади Алекса, на ходу пригладила ему волосы на макушке и поцеловала туда же, скосив взгляд на дочь.

Но та в это время уже была полностью поглощена содержимым своей тарелки, которое, сколько ни смотри на него, сколько ни гипнотизируй, никак не убавляется, если его не кушать. А кушать Дэлли не очень хотелось. Поэтому, как верная дочь своего отца она тут же решила использовать ситуацию с этим привилегированным дядей с пользой для себя. Если уж он угощается их картошкой, то пусть тогда приносит пользу обществу.

— На, — заметив, что он ест картошку без хлеба, взяла девочка из вазы-этажерки хлебную палочку и положила перед мужчиной. — А то мама будет волноваться, — ребёнок явно решил обозначить, что не он один здесь плохо кушает и может вызвать волнение мамы. А если получится, то и полностью переключить внимание родительницы на аппетит дяди.

— Спасибо, — принял палочку Александр и даже улыбнулся. Но переварив в голове слово «волноваться», поднял глаза на Жаклин.

— Дэлли у нас очень плохо кушает, и я поэтому волнуюсь, — пояснила женщина.

— Правда? — тут же оживился и взметнул бровями Александр. — А я вот хорошо кушаю, — и в доказательство откусил сразу половину хлебной палочки.

Девочка застыла с открытым ртом.

— Дядя Роберт так не может, — прошептал ребёнок.

— Дядя Роберт? — опять типа удивился мужчина. — Это странно, ведь дядя Роберт у нас герой!

— Нет, — неловко мотнула головой Дэлли, — Он врач, как и мамуля.

Александр уже что-то слышал об этом от Эшли, но всё равно даже немного подскочил на стуле. Потом застыл, а после поднял взгляд на Жаклин, по которому она тут же заподозрила, что парень начинает приходить в себя.

«А другой профессии ты найти не могла?» — вопили его глаза.

— Педиатр, — подмигнула Жаклин обоими глазами и состроила дурашливую гримаску.

Александр на мгновение зажмурился, но тут же быстро оживился.

— Ну, что же, — вернул он внимание на картошку. — Я, слава Богу, не педиатр, и поэтому ем так. — Он отложил ложку и, взяв пальцами кусок мяса, обмакнул его в соус от картошки, отправил себе в рот и принялся смачно чавкать.

Дэлли уставилась на него с ужасом, как на смертника — поведение дяди начинало выходить из-под контроля. Не ровен час, мамуля очень сильно расстроится и будет долго переживать. Поэтому Дэлли тут же перевела на неё умоляющий взгляд.

— Александр, что ты делаешь! — не заставила та себя ждать слишком долго.

— Нет, тебе нужно, чтобы она ела, или ты предпочитаешь и дальше волноваться? — развёл руками мужчина. — Дэлли, бросай эту ложку, ложками едят только неудачники, — дал он отмашку рукой дочери.

Девочка весело заулыбалась и тут же послушно отбросила ложку от себя.

— Во-о-от, — подбодрил её папочка. — А теперь делай как я. — На этот раз он взял руками кусочек картофеля и, так же обмакнув его в соус, отправил себе в рот и принялся с аппетитом жевать.

Дэлли с ужасом и интересом посмотрела в свою тарелку.

— Смелее, — посоветовал ей папочка.

Эдельвейс вонзила три пальчика в картошку и взяла один кусок.

Тёплая, мягкая, скользкая картошка в жидком жирном соусе, это не то, что твёрдая холодная металлическая ложка. Ребёнок сначала поигрался куском пищи, потом поводит пальцами в соусе, после чего всё-таки взял и отправил его себе в рот. Начиная жевать, девочка уже не могла держать руки от своей тарелки и опять запустила туда пальчики. Пока она прожевывала первую картофелину, её ладошка уже сжимала следующую, превращая кусочки в пюре.

Мама смотрела на всё это, как на фильм ужасов.

— Вкусно? — спросил папа у оживившегося ребёнка. — То-то же, — подмигнул он и растянулся в улыбке.

Дэлли только лишь кивнула головой и отправила себе в рот то, что вылезло у неё сквозь пальцы.

— А теперь делай так, — улыбнулся Александр и облизал свою ладонь от основания до кончиков пальцев

Дочь засмеялась и начала тоже облизывать свою руку, не переставая счастливо улыбаться.

«Может, если им включить мультики, они посидят вдвоём, а я всё-таки сгоняю за покупками? Завтра один день остался, а потом на работу — нужно что-нибудь приготовить», — чтобы не упасть в обморок и не пойти сединой от этого душераздирающего зрелища и от вывода, что теперь у неё в доме два ребёнка, отвлекала себя мыслями Жаклин.

Дэлли съела все кусочки у себя в тарелке, и оставила только соус. Но ей настолько сильно хотелось тоже облизать тарелку, как только что это сделал их весёлый гость, она такими щенячьими глазёнками смотрела на него, что тот не выдержал и, выпив основную массу соуса из её тарелки, остатки для облизывания отдал ей.

— Она твоя, — кивнул он на тарелку, — Надери ей задницу.

— Александр! — взвилась Жаклин.

— Хи-хи, задницу, — повторила Дэлли, ехидно по-детски улыбаясь и прикрывая рот ладошкой.

— Дэлли! — Жаклин в изнеможении плюхнулась на свободный стул. Она начинала что-то в себе нащупывать, какое-то давно забытое чувство, где-то такое уже с ней случалось, нечто подобное она уже испытывала. Вот-вот девушка должна была его вспомнить. И может быть, даже пока дочь оближет-таки свою тарелку.

«Счастье? — очень робко, как бы боясь обознаться, спросила себя Жаклин. — Неужели оно?»

Дэлли отставила свою вылизанную тарелку и чуть ли не в прямом смысле лоб в лоб столкнулась с тем ужасающим фактом, что чистая здесь теперь только тарелка. А умыться Дэлли любила, поэтому мама отправила её в ванную одну, боясь, что вместе с папой они устроят там заплыв за буйки.

— Ты точно с ней на заигрываешь? — спросила девушка, когда они с Алексом остались на кухне вдвоём.

— Я не знаю, — сказал тот с такой усталостью и болью в голосе, моя руки под краном на кухне, что Жаклин не стала продолжать. Она хотела подойти и обнять мужчину, но не решилась. У неё были дела понасущней.

— Ты не мог бы посидеть с ней вдвоём, а я бы пока сбегала в магазин. Мне нужно будет завтра кое-что приготовить — послезавтра на работу.

— А? — оглянулся на неё парень, видимо, отвлекаясь от каких-то своих невесёлых мыслей. — Что? Магазин? На работу? — его «тюльпаны» начали распахиваться. — Какой магазин? Какую работу? Не морочь мне голову. Думай, что говоришь.

— То есть, что значит «думай»? Мне нужно за продуктами!

— Вызывай такси. Мы едем в «Марк и Спенсер».

Глава 61 Необходимость

Глава 61

Необходимость

В этом «бутике продуктов», который Жаклин всегда обходила стороной из-за дороговизны, у Александра всю дорогу сердце кровью обливалось при виде того, как Дэлли с каждым понравившимся йогуртом, с любой конфетой, с какой-то мелочью подходила к маме и спрашивала: можно ли ей это взять. Мужчина действительно боялся опуститься до заигрываний, но всё равно не выдержал. Он просто сдался, чувствуя, что не готов ещё к таким тяжёлым, суровым испытаниям.

— Дэлли, смотри, — взял он в руки их тележку и, пройдя вдоль ряда, закинул в неё всё, что попадалось под руку. — Вот как надо. Если ты будешь так много спрашивать у мамы, — подъехал папа к обалдевшему ребёнку, — мы и до ночи не управимся. Поэтому кидай в тележку всё, что понравится, поняла?

Девочка явно ничего не поняла, но тем не менее с готовностью кивнула. А Жаклин уже перестала обращать внимание на то, что папочка начинал баловать дочь, поэтому полностью сосредоточилась на ценниках и прейскуранте — ей действительно необходимо было купить много чего.

— Мама, — в один из моментов, воспользовавшись тем, что Александр уже кто-то позвонил, и он ходит между рядами и приглушённо покрикивает в телефон, спросила Дэлли, — а дядя кто?

Жаклин, развернувшись к дочери, в растерянности закусил губу и сжала кулачки, потом забегала глазами по прилавкам, после чего оглянулась на Алекса — помощи ждать было неоткуда.

Девушка даже задохнулась от того, что собиралась сейчас сделать, но, выдохнув, всё-таки решилась.

— Как, а ты разве не поняла? — невинно захлопала она глазами, опускаясь на присядки перед дочерью. — Ой, извини, а я думала, ты уже догадалась, — картинно всплеснула руками мама. — Это твой папа. А ты его не узнала, да? — принялась тараторить Жаклин как ни в чём не бывало.

— Папа? — сдвинул брови ребёнок.

— Ну да, твой папа. Помнишь, я тебе говорила, что он не приходит за тобой в садик, и его нет с нами, потому что учится далеко? Вот теперь он закончил учиться и будет работать и жить с нами. — Жаклин очень старалась делать такие интонации, будто то, что папы учатся, а потом приезжают, случается сплошь и рядом. Это обычная практика. Она принялась гладить маленькое плечико дочери нежно и успокаивающе.

Девушка понимала, что сейчас рискует, но почему-то не чувствовала этого риска. Не было у неё ощущения, что представляя Дэлли её папу, она отдаёт под удар маленькое сердечко. В Алекса как в отца Жаклин верила всегда. Как и в Кирка. Её мозги упорно отторгали как нечто чужеродное мысли о том, что МакЛарен, узнав о дочери, в состоянии бросить её хоть при каких бы то ни было обстоятельствах. Такая история не про него. Не могла Жак придумать что-нибудь такое, что в силах заставить или вынудить, парня отказаться от Дэлли, от члена клана Бикстер, в конце концов. Не существовало такого в её мире, шкале понятий и системе ценностей.

Дэлли нахмурилась ещё сильнее. Она хотела было спросить: нужно ли ей называть этого выучившегося дядю папой, но что-то её остановило. Наверное, она просто пока ещё не знала: какие они, папы.

— Он просто будет жить с нами и всё, — подбодрила мама.

— И всё?

— И всё. Ничего страшного. — Жаклин так и тянуло спросить: «А тебе он понравился?» и услышать тот самый заветный ответ, но до этого было ещё ой как далеко.

Ну и, конечно же, небольшого инцидента не удалось избежать у кассы. Девушка по привычке попыталась расплатиться своей карточкой, но Алекса всего аж затрясло при виде этой милой картинки.

— За кого ты меня принимаешь? — процедил он сквозь зубы. Бесенята в его глазах, все сплошь одетые в костюмы от Бриони играли в шашки черными и белыми бриллиантами размером с куриное яйцо, (белые выигрывали!), а один, судя по всему, самый богатый, достал из золотого портсигара папироску и, подпалив золотой Zippo стофунтовую купюру, прикурил от неё.

Как сложилась их дальнейшая судьба, и кто выиграл, Жаклин узнать не успела — у неё зазвонил телефон. Увидев имя на дисплее, девушка заулыбалась.

— Алло, Роберт? — приняла она вызов и приложила аппарат к уху. — Привет, я — хорошо, а ты как? — Жаклин посмотрела на свои ноги. — Когда мы сможем встретиться? Мне хотелось бы с тобой поговорить. — И в этот момент девушка подняла взгляд на МакЛарена, ожидая увидеть в его глазах всё тех же бесенят, но уже тыкающие иголками в куклу Вуду подозрительно смахивающую на её знакомого педиатра.

Но её ждало разочарование. Последний раз настолько чужим и отстранённым она видела Александра разве что только на том их первом ужине в Глазго. Перед ней стоял человек, которому совсем не до шуток и дразнилок. Чужой человек. Примерно таким, по представлениям Жак молодой мистер МакЛарен бывал у себя на работе за столом в кабинете.

«Что ответственность с людьми творит», — подумала женщина и, рассеянно договорившись с Робертом о встрече через неделю, отключилась.

Даже не смотря на успехи у дочери, из магазина Александр вернулся задумчивым и грустным.

Кроме всего прочего, наступала пара прощаться — приближалась ночь. Парень ходил по квартире за Эдельвейс, как привязанный, а за ним, как привязанная, ходила Сула.

— Я сейчас буду читать Дэлли книжку и укладывать спать. А ты иди, — мягко погладила своего мужчину по плечу Жаклин после того как они выпили все вместе чаю с купленными бисквитами. — Тебе нужно побыть одному.

— Да-да, — закивал парень, ощущая внутри какую-то нехорошую, противную, сладко-тревожную пустоту. Но, тем не менее, поднялся с дивана и взял с кресла свой бомбер. Он долгим задумчивым взглядом посмотрел на Дэлли, пытающуюся раскрасить треугольники в книжке так, чтобы не совпадали цвета рядом, и, увидев, что девочка совершенно не обращает на него никакого внимания, двинулся на выход.

Его ждала ночь. Первая ночь в статусе отца. Та самая, которую он начал бояться ещё днём.

«Отец!» — вспоминал он своего родителя, сидя в полной темноте в квартире Кирка. Александр вошёл сюда и, не разуваясь и не зажигая свет, в отрешенности и опустошении

тяжело опустился в кресло. Как сделал бы это столетний, дряхлый старик. Проследив в этот момент за собой словно со стороны, он почему-то пожалел, что сейчас его таким не видит Жаклин. А поняв, что хочет вызвать жалость, очень сильно разозлился и взял себя в руки.

Парень всегда чувствовал, что Кирк ему неплохо заменяет отца, хоть после последних событий это и казалось каким-то даже странным и неуместным.

«Чушь какая-то. Причём здесь Кирк? Эта девочка моя кровь и плоть». — Перед его глазами встала Эдельвейс. Наверное, даже встретив её где-нибудь в Аргентине на улице или в пустыне Монголии, он не смог бы пройти мимо и не задержать на ней свой взгляд.

«Чёрт бы меня подрал», — сжал челюсти Александр и, облокотившись о колени и запустив руки в свои жёлто-пепельные вихры, сгрёб полные жмени волос. Он ужаснулся насколько ему, оказывается, не хватает сейчас отца. Родного. И всегда не хватало. Он бы показал ему Дэлли, посмотрел: как отец берёт её на руки, как улыбается ей, как позволяет маленьким ладошкам прикасаться к своему лицу. Ему нужна была модель поведения родителя мужского пола и если раньше казалось, что он лишился её уже будучи вполне взрослым, то сейчас стало понятно, что произошло это почти в том возрасте, когда он только мог бы начать перенимать опыт отцовства. И опять появился повод в очередной раз разозлиться на родителя.

— Чёрт, — стукнул по коленке Александр.

«Отец рано ушёл... сбежал... и я... тоже... рано. Херовые из нас отцы», — выругался мужчина про себя.

Никогда ещё парень не чувствовал себя до такой степени безумным — мысль о том, что он теперь отец — не брат, не сын, не племянник, не дядя, а именно отец — и то, что Жаклин мать его ребёнка расправлялась с его мозгами, как хороший блендер с мякотью бананов.

А ему очень хотелось двинуться дальше и не перемалывать себе нутро, не пропускать себя через мясорубку, не буравить укорами и не метать кинжалы совести — разбитый и сломленный он не нужен ни себе, ни своим девочкам. Чтобы навёрстывать упущенное необходимо быть в форме.

Но мужчина понимал, что и без рефлексии ему с места не сдвинуться. И в прямом, и в переносном смыслах. Корить себя и линчевать было не только бессмысленно, но и очень важно одновременно — из прошлого нужно извлечь настоящее, соткать как полотно из нитей, тянущихся оттуда, из того самого момента, когда он в своём подъезде оторвался от Жаклин, сделал шаг назад и сказал: «Иди». Когда оттолкнул её.

Он вспомнил свой подарок туфельку.

— Боже, — Александр закрыл лицо руками.

Сегодня днём он шёл к любимой девушке с полной уверенностью, что тогда, у себя в подъезде всё сделал правильно. И вот теперь...

Бессмысленность самобичевания шла рука об руку с беспомощностью — прошлого не изменить. Оно само с этим отлично справляется. Теперь для него начал меняться не только его настоящий мир, и даже не прошлый, изменилось ко всему этому отношение.

Эта женщина родила ему дочь, а он почти четыре года ничего не знал об этом, занимался там своими мужскими разборками, учился, женился, разводился. А она в это время вынашивала, рожала, кормила грудью, вставала ночами, экономила, воспитывала, работала, читала сказки на ночь, лечила, поила горячим молоком. Как вообще впустила его в квартиру после такого? Да и вообще, как жила без него? Без никого.

Конечно, мужчина понимал, что, скорее всего, силы девушке давала их дочь. Но у

Жаклин не было их любви, она думала, что их чувств больше нет. А у него есть. У него есть и дочь, и любовь её матери.

— Жаклин, — Александр подскочил с кресла и направился к одной из довольно больших музыкальных колонок, стоявших в гостиной Кирка. Нажав на переднюю панель одной из них, он повернул её, и перед ним оказался средних размеров сейф. Открыв дверцу и достав оттуда ключи от машины, он только лишь хлопнул рукой по лежавшим там нескольким пачкам евро, тут же всё закрыл и выскочил из квартиры, машинально замкнув замок.

Здесь, в квартире Кирка на BarclayRoad лежали ключи только от Maserati Gran Turismo — машины неудобной и непрактичной, но зато весьма показательной и знаковой. Кирк ездил на ней заключать договора на выгодных для себя условиях. Свою чёрную Q7, коричневую копию которой он когда-то подарил племяннику, и которую тот благополучно разбил вдребезги о колонну дома на LadbrokeRoad мистер Бикстер уже давно продал. Но зато в большом гараже загородного дома Итана и Марго МакРосс уже стояла его новая Q7 гораздо более поздней модификации, поскольку Кирк тоже любил с семьёй навещать в хайлендс и прививать сыну, шотландцу по рождению, любовь к этнической родине и горам.

Выгнав из территориального гаража машину, Александр по ночному Челси довольно быстро домчался к дому Жаклин. То здесь, то там на улицах ему попадались на глаза люди, но на самой BovingdonRoad не было ни души и только лишь безмолвно и неподвижно стояли под домами припаркованные машины.

Остановившись возле фонарного столба с горящей лампой жёлтого уличного света, прямо возле дома его, теперь уже семьи, мужчина, быстро заглушив двигатель и потушив фары, выскочил из машины.

Взлетев на крыльцо заветной квартиры, даже не поставив авто на сигнализацию, он кратко позвонил. С той стороны сразу же громко и показательно рявкнула Сула.

«Чёрт. А вот про неё-то я и забыл», — в досаде запустил парень руку в волосы, доставая из кармана телефон. Возможно, придётся набрать номер Жаклин, который он попросил тот же час после её разговора с Робертом в супермаркете, если она не откроет. Но тут уже зажёгся свет в длинном узком окошке прихожей.

— Кто там? — глухо послышался голос девушки.

— Жаклин, это я. Открой, пожалуйста.

За дверью послышалось копошение.

— Сула, фу. Нельзя.

Пару раз лязгнул замок и дверь распахнулась.

Он буквально снёс её с места и пригвоздил собой к стене рядом. Не дав возможности опомниться, Александр тут же впился в любимые желанные губки, а руками обхватил талию в хлопковом, стёганом халате.

Но и Сула тоже не дремала. Жаклин не успела отпустить её ошейник, поэтому собака не смогла в свойственной ей манере впиться гостью где-нибудь внизу, в лодыжку или голень. Она схватила то, что оказалось ровно напротив её пасти, а точнее — коленку. Но поскольку коленная чашечка парня такого роста как Александр МакЛарен, это тоже не семечко рожкового дерева, то собаке удалось только лишь обхватить её челюстями, но сильно сжать не получилось — слишком широко была разинута пасть.

— А-а-а-а... — приглушенно взвыл парень, хватаясь за ногу.

— Сула! — крикнула Жаклин довольно громко и дёрнула за ошейник.

Собака тут же разжала челюсти. На морде было написано, что она всё понимает, но и её тоже понять нужно.

— Уф-ф, — держался ладонями за коленку гость.

— Сула, бессовестная такая! — поволокла охранницу Жаклин в ванную. — Сказала же: «Нельзя». Почему не слушаешься?

Хозяйка отвела животное и тут же прибежала к парню, который при свете лампы в прихожей, пытался рассмотреть дырочки на своих джинсах.

— Идём скорей на кухню, — потянула его за руку девушка. Александр похромал за ней.

— Ставь ногу, — подвинула Жаклин ему низенький детский стульчик. Гость тут же послушался. — Ну... тут у тебя прокусана штанина, — пригнувшись и прищурившись, осторожно, но уверенно и умело дотрагивалась доктор Фортескью до пострадавшего участка. — Чтобы осмотреть получше положено разрезать, — выпрямилась она.

— Режь, — кивнул Алекс.

Девушка достала ножницы и разрезала сбоку брючину до самого таза.

Никакой трагедии с коленом не оказалось, Сула даже до крови не прокусила, а только лишь очень сильно прижала и сдавила ткани и покарябала кожу. Поэтому Жаклин продезинфицировала рану, намазала ранозаживляющим кремом и перевязала.

— Мазь с анестезирующим эффектом, — поясняла она, зашивая штанину крупными рабочими стежками и стыдясь в это время своих собственных мыслей.

Дело в том, что увидев обнажённую стройную мускулистую ногу Алекса с довольно внушительной порослью мягких светлых волос, Жаклин вспомнила: как приятно эти волосинки ласкали и щекотали кожу на её ногах, когда переплетались их конечности под одеялом. — Вот, — перекусила нитку девушка и помассировала немного пальчиками повреждённое колено под джинсами и повязкой.

— Спасибо, — потерпевший кивнул, выпрямляя ногу и прислушиваясь к ощущениям. Острой боли не было, только лишь что-то ноющее.

«Ерунда», — подумал бывший футболист и действующий боксёр.

— Чай будешь? Тебе стоит немного посидеть спокойно пока впитается мазь, — Жаклин укладывала швейные принадлежности в жестяную коробку из-под шоколадок.

— Нет, не буду. Ты только что переболела и тебе нужно лежать. Я сейчас кое-что скажу и уйду.

Девушка вспомнила, как сегодня вечером, всего несколько часов назад, легко и просто отправила Александр побыть одному. Сейчас, уже ночью, его «уйду» больно резануло по ушам и откликнулось эхом где-то там, в районе солнечного сплетения. Слишком много ночей она провела в одиночестве, слишком много места пустовало в её холодной постели.

«Как больно», — внутренне сжалась девушка и, замявшись, будто в неловкости забегала глазами по пространству кухни.

— Не уходи, — тихо прошептала Жаклин и тут же, застеснявшись своей откровенности, кинулась убирать коробку в шкаф. Она всё ждала, что Александр что-нибудь скажет, и как могла заполняла тишину грохотом предметов и дверец шкафа. Но от парня не исходило ни звука, и когда источник шума исчерпал себя, девушка повернулась.

На её любимом родном лице красовался старый добрый покер фейс, и что спрятал за ним хозяин, оставалось только догадываться.

«Ему тоже больно», — догадалась Жаклин, а Александр тем временем сделал к ней пару шагов и взял за руку.

— Идём, — двинулся он на выход из кухни.

Глава 62

Ночь

Они прошли в гостиную. Попутно Жаклин всё-таки освободила из заточения свою хулиганку и наказала ей охранять пустую прихожую. Та сделала вид, что если не послушалась, то хотя бы согласилась.

Когда девушка зашла в гостиную, Александр, стоял там, не зажигая света и сжимал в руках мягкую игрушку ёжика.

— Ложись, — показал он рукой с ежом на диван. — Я с тобой посижу, — и отложил игрушку на столик рядом. Жаклин послушно улеглась, а парень опустился перед ней на колени и оперся о край её ложа предплечьями. Он замер и принялся блуждать нежным ласкательным взглядом по её личику. Потом прикоснулся к её щеке указательным пальцем и в задумчивости начертил на ней пару кругов.

— Я люблю тебя. — Он всё-таки не выдержал, взял её руку и поцеловал внутреннюю сторону ладони, после чего погладил это место своим большим пальцем. — Я действительно люблю тебя, Жак.

— Алекс...

— Постой... — в предостерегающем жесте остановил её мужчина. — Помнишь, ты как-то сказала, что не признаёшься мне в любви, потому что слова: «Я тебя люблю» не передают того, что ты ко мне чувствуешь?

Девушка несильно кивнула, а парень, будто тоже соглашаясь с самим собой, утвердительно закивал головой и закусил уголок губы.

— Вот и я пришёл попросить у тебя прощения, но теперь понимаю, что слова: «Прости меня» не передают того, насколько мне жаль, что мы не были вместе эти четыре года.

— Мне тоже. — Она чуть придвинулась к нему поближе.

— Поэтому, что бы я там ни сказал, это всё будет не то, — развёл он ладони в стороны. — Недостаточно. Я вообще, честно признаться, даже не представляю: как тебе жилось все эти годы. Я не представляю, Жаклин, — медленно закачал он головой.

На этом моменте девушка плотно закусила губы меж зубов и её глаза налились слезами. Но вместе с тем, она радовалась, поскольку понимала, что мужчина находит нужные слова. Нужные ей. Именно ей.

— Жаклин... — дёрнулся к ней МакЛарен, — иди ко мне. — Развёл он руки в стороны шире, приглашая её в свои объятия.

Она бросилась к нему и обвилась вокруг шеи, как утопающий хватается за проплывающее мимо дерево. Почувствовав его тело, ладошками ощутив его волосы на затылке, звуки жёсткого, мужского дыхания, запах кожи с остатками лосьона, такой родной, долгожданный, желанный, необходимый, такой обволакивающий и анестезирующий, Жаклин захотелось заорать. На весь Лондон. Как орёт человек на вершине горы после трудного восхождения или подняв штангу с рекордным весом на Олимпийских играх.

Девушка тут же вспомнила, как она обнимала Алекса, когда он заступился за них с Сулой там, на Новой улице Оксфорда. Кажется, тогда она подумала, что ей с ним очень надёжно и спокойно, намного надёжней и спокойней, чем с Чарльзом. Но что были те чувства против её теперешних, после этих четырёх лет без него, без его уверенности, его

силы, стойкости, непробиваемости, упрямства, честолюбия. Без его голоса, его объятий, шуток, ревности.

Поэтому только лишь она уткнулась носом в шею родного любимого человека, из неё хлынули рыдания. Девушку затрясло, и она схватилась за парня ещё сильнее, чтобы не выдать себя конвульсиями.

Боль. Боль и горечь растворялись в слезах и вместе с ними выходили наружу. Всё это выплёскивалось прямо в его водолазку цвета осоки, и через полминуты та сделалась мокрая.

— Ш-ш-ш, тише, тише, малыш, не плач. Не надо. Теперь всё будет хорошо, — гладил он девушку по волосам.

Жаклин затрясла головой.

— Больше никогда... слышишь, никогда не бросай... меня... Александр МакЛарен, слышишь? Никогда! — сквозь рыдания буквально выбрасывала она из себя слова. — Нико... гда! — сгребла она ткань его мокрой водолазки в кулачок.

— Никогда, Жаклин. Я всегда буду с тобой, — он целовал её куда попадал: в лицо, волосы шеи.

Тут её накрыл приступ кашля, но после него она продолжила:

— Я всё наврала... что хочу... чтобы ты был с тем... с кем хорошо тебе, — всхлипывала и вздёргивала подбородок девушка. — Я врала! — схватилась она руками за его предплечья. — Я всегда, слышишь, всегда, хотела, чтобы ты был со мной, — попробовала она встряхнуть шестифутового мужчину, но сама себе напомнила человека, который дёргает ручку двери хранилища швейцарского банка.

— Я знаю, родная, я знаю.

— Всег... да! В тебе заключена... вся моя жизнь, — Жаклин обняла родное красивое лицо ладошками. — Я люблю нашу дочь и не умру... если ты опять уйдёшь, но теперь точно знаю, что без тебя это не жизнь. — Она вытерла нос рукой и шмыгнула носом. — Это просто дни и ночи, недели и месяцы, обеды и завтраки и... и всё. Не бросай меня Александр, — прильнула она лбом к щетинистой щеке своего любимого мужчины.

— Жаклин, я точно так же жил без тебя, если это можно назвать жизнью, — гладил он девушку по спине. — Я заберу тебя с собой. Ты поедешь со мной? — он отстранился и скосил глаза на её ушко.

— Куда... скажешь, — отрицательно покачала головой Жаклин.

— Я люблю тебя, — опять прижал он её к себе.

— Как же я тосковала... без тебя... как же мне... хотелось... к тебе, — на вдохе, уже чуть спокойней только лишь с судорожными всхлипываниями выпалила Жаклин. — Как же мне тебя не хватало. — Она отстранилась. Но тут же ринулась к его лицу и принялась покрывать его поцелуями. — Родной мой... любимый... жизнь моя. Никто и никогда так не любил никого, как я люблю тебя, Алекс. — Жаклин сделалось немножко стыдно за такие пафосные, банальные слова, но, как ей казалось, только так она сейчас могла быть доходчивой.

— Я этого не заслуживаю.

— Этого не заслуживают. На это либо отвечают, либо нет.

И Александр ответил.

Он медленно склонился и сначала лизнул её в солёные от слёз губки. Потом углубил поцелуй, держа в голове только два слова: «Не увлекайся». Сейчас он решил прогуляться по лезвию бритвы, ведь его тело жило отдельно, а голова — отдельно. И, конечно же, не смотря

на обстановку, ему до разрыва нутра захотелось положить ладони на её груди выпирающие под халатом. Ощутить их упругость, мягкость. Да просто потрогать! Но он понимал, что тогда уже не остановится, пока не дойдёт до конца. До полного.

«Не время, — мысленно заскрежетал зубами парень, — Не-вре-мя», — и прервал поцелуй.

— Жаклин, тебе нужно поспать, — взял он её руки за запястья и прикоснулся губами к внутренней стороне одного из них, где под кожей бешено бился пульс. — Да и мне с утра в офис. Теперь, когда я тебя нашёл, вернее, вас, нужно улаживать дела с бизнесом здесь.

— Что ты собираешься делать? — впервые за всё время вытерла слёзы ладонью девушка.

— Я хотел поговорить с Кирком, а потом уехать с тобой на недельку на остров. И сюда уже не возвращаться.

— Сразу в Нью-Йорк?

— Да.

— А сейчас?

— А сейчас я хочу быть поближе к Эдельвейс. Мне очень хочется что-нибудь для неё сделать. Вернее, мне хочется для неё сделать всё, но я думаю начать с Диснейленда. Что скажешь? — в нерешительности закусил губу мужчина.

— Париж?

— Да, — кивнул он. — Там я смогу поговорить с дядей и побыть с дочерью. Порадовать её... развлечь.

— А ты не боишься реакции Кирка на Дэлли? — Жаклин всё время говорила с одним и тем же выражением лица неуверенности и покорности воли мужчины. За эти четыре года она настолько устала принимать решения и нести ответственность, что с удовольствием и облегчением выясняла: куда их с Дэлли повезут, и что с ними собираются сделать.

— Нет, — отвернулся к окну Александр, как бы давая понять, что подобного рода сомнения здесь неуместны. — Она моя дочь, а значит, она Бикстер. Для Кирка — это священо.

— А как же твоя мама? Ты не хочешь показать внучку бабушке?

— Очень хочу, — замялся парень. — Но, видишь ли... — почесал он большим пальцем подбородок, — я бы хотел поехать с Дэлли домой, когда она уже будет называть меня папой.

— Оу, — догадливо улыбнулась женщина. — Если ты будешь ей потакать и баловать, позволять есть руками и разбрасывать игрушки и не чистить зубы, я думаю, это быстро случится.

— Спасибо за список, — лучезарно улыбнулся Александр, и Жаклин не смогла не залюбоваться в темноте его улыбкой, которая когда-то буквально вышибла из неё весь дух.

— И ещё, — поковыряла пальчиком Жак обивку дивана. — Я надеюсь, ты не заставишь меня бросать Сулу?

— Разумеется, нет. Сула летит с нами.

— Ну, тогда, значит, нужно узнать конкретно условия провоза животных в самолёте. Я когда-то везла собаку из Китая в Париж. Там очень много справок и время карантина немаленькое.

— Хорошо, давай я завтра же узнаю.

— Я сама. Но уже заранее могу сказать, что её нужно пораньше свозить на вакцинацию.

Они ещё долго тихо разговаривали, обсуждая своё будущее, а потом Жаклин не

выдержала.

— Алекс-я-хочу-тебя, — выпалила она и закусила меж зубов ноготь указательного пальца.

Мужчина застыл на вдохе. «Тюльпаны», распахнувшись, сделали картинку мрака вокруг чуть красивее, добавив в неё красок.

— А... а-ха-ха... — засмеялся Александр. — Жак...

— Ну, так возьми меня, — несильно стукнула она ему кулачком в грудь и состроила обиженную гримаску.

— Малыш, я знаю себя, — потянулся и чмокнул он её в щёчку, всё ещё улыбаясь. — Если сейчас тебя попробую, уже не остановлюсь. И тебя никуда не отпущу, и сам не пойду. Для этого мне и нужна была та самая неделя на острове.

Он ещё хотел добавить, что у него секса не было что-то около четырёх месяцев, но вовремя спохватился.

— И что теперь? — Вообще-то Жаклин понимала, что все эти его слова, всё это до первого поцелуя.

Стоит ей сейчас потянуться и прильнуть губками к его рту и зарыться пальчиками в это пепельное золото, она получит всё и сразу. Но девушка не хотела в сложившейся ситуации прибегать к запрещённым приёмам. Для них ещё будет время.

— Дай мне два дня, — показал на пальцах парень. — Я немного подобью дела здесь, и мы полетим в Париж. У Додо есть очень хорошая няня. Она нянчила ещё самую Жаклин.

— Эм-м... — оживилась девушка.

«У нас будет первый секс в Париже! Боже!»

— ... вообще-то я бы хотела сначала съездить в Глазго. Вот там бы Дэлли действительно можно было бы оставить или с Эшли, или с твоей мамой, или даже с Марго. Можно было бы съездить в том дом под стеклом, помнишь?

Александр застыл и напрягся, но потом как-то так обмяк и даже прилёг на один бок на диван. Парня явно повело.

«Помнит», — сделала вывод девушка.

— Кхе-кхе, — прочистил горло мужчина. — Не думаю, что смогу сейчас вот так расстаться с Дэлли. Не успокоюсь, пока не стану для неё своим.

Жаклин чуть помолчала.

— Да, ты прав.

Они так и не заснули до утра, провалявшись в обнимку.

Жаклин рассказывала о Дэлли, о том, что уже призналась девочке, что он её папа, а так же о том, что говорила о нём, когда его не было.

Потом разговор зашёл про саму дочь: во сколько месяцев она начала ходить, говорить, что любит кушать. И хоть аппетит у неё оказался всё-таки мамин, приоритеты в рационе смахивали на папины: девочка любила мясо и мясо. Не очень жаловала сдобные сладости, как это ни парадоксально, из конфет признавала только шоколадные. Да и вообще, когда Жак рассказывала о привычках и капризах дочери, об отношении с другими детками в садике и многом другом, Александр, часто обнаруживал, что Дэлли повторяет его онтогенез. Подскакивая, он восклицал, что тоже в детстве был таким же и тоже так делал.

Перед самым уходом Жаклин провела папу в спальню к Дэлли, и там он переродился ещё раз. По новой.

Во сне дочь была настолько сладкой, до бесконечности нежной, и просто невыносимо

умильной. Почти как её мама, только маленькая. Детские щёчки Дэлли смотрелись ещё более пухленькими и манящими, а маленький кукольный ротик очень напоминал клювик воробушка.

Александр не удержался и, протянув руку, погладил высокий, выразительный лобик своей дочери костяшкой пальца. Та тут же зашевелилась и, сморщившись и протерев кулачками нос, шмыгнула и опять затихла, раскидав ручки по постели.

Парень покачал головой как бы в бессильном ужасе от того, как же много он пропустил. А потом, хорошенько поцеловав на прощание женщину, которая родила ему это прелестное создание и ещё раз смазала ранки на коленке, и, почесав за ушами свою обидчицу, отправился на работу.

Глава 63

Начало

Следующие два дня сборов в Париж явились для их семьи своеобразным дебютом. Началом. Всё свершалось впервые и было в диковинку, поэтому каждый делал только маленькие несмелые шажочки, а иногда так и вообще действовал на ощупь. Но вместе они справились и даже успели достичь разнообразия в этом, пусть и интересном, но всё-таки нелёгком деле.

Наконец-то почувствовавший разницу между семьёй и работой Александр в первый день заехал перед офисом в дом Кирка и забрал все свои вещи, оставленные там после окончания Оксфорда. Он тут же переделся в старые джинсы и был неприятно удивлён, что они ему не так уж и свободны, как три года назад.

«Тесновато, — подумал он, застёгивая последнюю верхнюю пуговицу. — Матерью».

В Сити его уже заждались, и приготовились было позаботиться о том, чтобы шеф не смог свободно вдохнуть и поднять глаза к небу часов до десяти-одиннадцати вечера, но наивные подчинённые просто ещё не знали, что у них теперь появился мощный и заносчивый конкурент за внимание мистера МакЛарена — его семья.

Днём Жаклин позвонила Зои и узнала правила транспортировки животных в самолётах и ввоза их в такую страну как США. Предвкушая длинный затяжной поход, а если проще сказать, то мытарства по кинологическим клубам и ветеринарным службам, девушка прикинула, что им с Сулой придётся отсутствовать дома минимум часа три или даже четыре и, уже не стесняясь, позвонила Алексу на работу. Впервые.

Тому пришлось впервые посреди рабочего дня мчаться за дочерью домой, чтобы забрать её к себе в кабинет. Он впервые попросил у своего ведущего экономиста Бориса Ларди его машину Volkswagen Tiguan и мчался через весь центр в Челси, всю дорогу проклиная и костеря на чём свет стоит и Maserati Gran Turismo, и «итальяшек», сделавших такую непригодную для поездок с детьми машину, а заодно и дядю, купившего этот бесполезный дорогой «тазик».

Жаклин впервые, настраивая Дэлли на то, чтобы та не боялась ехать с Алексом в офис, где ходят много незнакомых чужих дяденек и тётенок, и не будет рядом ни мамы, ни Сулы, ни любимой воспитательницы — миссис Нитсон, пропустила пункт о том, что всё это не так страшно, как кажется, а сразу приступила к наставлениям, чтобы дочь не баловалась, не мешалась, не обижала незнакомых людей, не ломала там мебель, не рвала бумаги и не нажимала незнакомые кнопки на ноутбуках. И знакомые тоже.

«Не можешь убедить — запутай», — улыбалась про себя хитрая мама.

Даже излишне говорить, что в этот день работа лондонского офиса «Buch&Beek» была парализована сенсационным фактом неоспоримого, вероломного сходства молодого босса и его, непонятно откуда взявшейся, маленькой дочки. А после того, как за ней приехала освободившаяся мама и окончательно отправила в нокаут этот «офисный планктон» тем, что внешне оказалась не на год и не на два старше их красавчика Алекса, немного очухавшись, весь этаж стоял на ушах до поздней ночи и гудел как растревоженный улей, тем более, что семейное положение молодого генерального ни для кого не являлось секретом.

Наверное, вследствие ещё и столь бурно развивающихся событий, с работы Александр

вернулся примерно около десяти вечера. И не один! С ним в квартиру ввалился огромных размеров гобеленовый чемодан. Увидев такой «резервуар» и, видимо, почувствовав в его габаритах угрозу безопасности себе и всем, кого она приручила, Сула предупредительно зарычала, а в борьбе за нерушимость правильной иерархии в семье и ответа на вопрос: «Кто здесь главный» даже заметно пошевелила шерстью на загривке.

Всё дело в том, что по ходу сборов в Париж, внезапно выяснилось, что отправляться им туда абсолютно не с чем. Воспоминания о пластиковом чемодане Жаклин, предложенном ею как вариант, вызвали у Алекса взрыв здорового гомерического хохота, а его дорожная сумка годилась разве только чтобы взять с собой в «столицу любви» боксёрские перчатки и полотенце.

— Ну и чемоданище! — округлила свои «тюльпаны», выскочившая встречать папу Александра с работы, дочь. — Аж до неба! — поднялась она на носочки и подняла вверх ручки, как бы показывая, где оно, это небо.

На том и порешили. Новый «жилец» был окрещён «чемоданищем» и поставлен рядом с комодом в спальне Жаклин, посрамив последнего своими размерами самым наглым вероломным образом.

В тот вечер мужчина, поужинав как полноценный усталый муж, уселся на пол в гостиной смотреть с дочерью мультик. Впервые.

Вернее, начали они вдвоём, но не успела коварная Круэла сосчитать, сколько далматинцев ей понадобится для шубы, как папа, не имея опыта в таком трудоёмком деле, да и к тому же, ослабленный прошлой бессонной ночью, позорно уснул.

Но Дэлли не обиделась — так иногда получалось и у мамы, когда та сильно уставала на работе и дома. Поэтому девочка, увидев, что «папа Александр», как она всё-таки называла его про себя, закрыл глаза и засопел, прошла на кухню и рассказала о его фиаско мамуле. Жаклин тут же выключила телевизор, соня проснулся, переполз на диван и только лишь улёгся поудобней, вырубился в ту же секунду.

А на второй день всё шло уже по другому сценарию.

Пока мама с утра выгуливала Сулу, папа впервые за ручку отвёл дочь в садик.

Там пришла очередь падать в обморок уже миссис Нитсон. Не помог ни почти тридцатилетний стаж работы в детских дошкольных учреждениях, ни богатый опыт общения с папами хорошими и разными — ничего.

Впервые встретившись со столь молоденьким, красивым, поразительно похожим на свою трёхлетнюю дочь, родителем с замашками рыцаря, непробиваемым взглядом боксёра и уверенными интонациями двигателя танка или бронетранспортёра, женщина подумала, что, наверное, всё-таки ещё не всё видела в своей жизни и, оказывается, её ещё есть чем удивить.

Счастливой Дэлли же, впервые пришедшей в садик с папой, от радости очень-очень захотелось выдать из себя это трудное непонятное слово, но она не смогла. Не получилось.

Потом Александр впервые завёз Жаклин на работу в Седьмой госпиталь, всю дорогу доказывая ей, что стоит взять окончательный расчёт в этой её «благотворительной организации» так ловко и умело прикидывающейся медицинским учреждением, но добился только лишь того, что девушка обещала поговорить с начальством и действовать по ситуации.

Поскольку в этот день в офисе мистер МакЛавен тоже старался закрыть как можно больше вопросов и решить дела поважнее, его отпустили только к полуночи. Ну, или он всех отпустил.

Секретарша Кирка вручила ему электронные билеты на завтра на рейс АВ306 «Лондон — Париж» в восемь пятьдесят утра, а вечером, придя с работы, он застал довольную Жаклин, испытывающую истинное удовольствие и долгожданную радость, укладывая в чемоданище вместе с их Дэлли вещами ещё и одежду Алекса.

Как можно компактнее и плотнее утрамбовывая брюки, джемпера, кофточки, костюмчики и мужские сорочки, девушка чувствовала, что вот примерно так же теперь наполняется и её мир. Теперь в нём нет пустот и трещин, каждая вещь, каждый человек занял своё пространство, свою нишу в её днях, как и когда-то в её душе. Теперь полный комплект.

Мало того, здесь нашлось место даже для упаковки с тростью. Девушка не то больше удивилась, не то обрадовалась, увидев среди пожитков парня свой подарок.

— Я думала, она у тебя в Глазго, — заметила Жаклин мужчине уже почти ночью, ставя перед ним блюдо с английским вариантом испанской паэльи.

— Нет. Она была со мной в Оксфорде, — разламывая скону, разглядывал еду у себя в тарелке тот. — Я уже как-то... — он замялся, — ходил с ней по Лондону. Она как продолжение меня. Ты опять угадала, Сассенак, — поднял благодарные глаза на девушку и улыбнулся.

На самолёт они, конечно же, проспали. Поэтому схватили чемоданище, завезли по дороге Сулу к доктору Абрамсону — они с женой согласились присмотреть за хулиганкой — и помчались дальше в аэропорт.

Жаклин поймала себя на мысли, что Дэлли в последнее время что-то очень притихшая и послушная. Ну, так ещё бы! События разворачиваются стремительно, ребёнок не успевает перерабатывать информацию и позволяет делать с собой всё, что взрослые сочтут необходимым. Им виднее. Мало того, что Эдельвейс вполне спокойно и без последствий пробыла у папы на работе четыре часа кряду, она даже не мешала утром себя собрать, погрузить в такси, в котором чуть не заснула, потом молча в состоянии сомнамбулы стояла в очереди на регистрацию, всё, что не доспала в такси, додремала в самолёте. И только при посадке её начало тошнить. Но не успели родители перепугаться, как шасси авиалайнера коснулось посадочной полосы в аэропорту Шарля де Голя.

Кстати, ещё в Лондоне выяснилось, что Жаклин владеет французским лучше Алекса, поэтому в Париже с таксистом общалась она и, продвигаясь в машине по направлению к шестнадцатому округу, рассматривала в окно знакомые места, рассказывая и на французском, и английском, как они здесь жили с дядюшкой в Латинском квартале возле Практической школы высших исследований, в которой в то время обрабатывал собранный материал мистер Фортескью.

Жаклин уже ждала их в своём доме на улице Eugene Labiche, поскольку Александр предварительно позвонил Кирку.

«Тильда постарела», — только лишь взглянув на женщину, с которой виделась ещё тогда, четыре года назад, заметила Жаклин.

Мадам Матильда Бикстер немного располнела, немного, что называется, «увяла» — всё-таки ей пришлось пережить страшную аварию — но производила впечатление человека, не сдавшегося испытаниям и продолжающего жить нормальной, полноценной жизнью. Её волосы были свежевыкрашены, стрижка обновлена, двигалась она легко и молодо, одетая нараспашку белая сорочка поверх такой же белой футболки на ходу надувалась на спине ветром, а полы напоминали расправленные крылья бабочки.

— Алекс, как я рада тебя видеть, — воскликнула на английском хозяйка, только лишь распахнув дверь. — Проходи.

— Привет, — с порога обнял её парень.

Отстранившись, Тильда хотела было кинуться с объятьями к Жаклин, но тут заметила Дэлли.

Женщина онемела. С неё вмиг спало всё веселье. Она скользнула ошарашенным, ошеломлённым взглядом по взрослым, после чего медленно опустилась на корточки перед ребёнком, будто её перестали держать собственные ноги. Потом заторможено подняла голову на её родителей и басом пропела:

— Ой-ля-ля, — и с осуждением покачала головой. — Александр, каналья, — не глядя на парня, а разглядывая его дочь, сказала женщина, — разрази тебя гром. И как же это у тебя получилось! — Она поднялась. — Привет, Жаклин, — уже как бы мимоходом обняла миссис Бикстер свою гостью и опять наклонилась к Дэлли.

— Так-так-так, — не стесняясь, с искренним любопытством, как какую-то диковинку, рассматривала она личико девочки. — Ну, здравствуй, — протянула она ладонь. — Как тебя зовут, прекрасное создание?

Дэлли заулыбалась в ответ и положила ладошку на руку тётеньки. Та тут же накрыла её своей второй ладонью и погладила.

— Дэлли.

— Эдельвейс, — тут же басом поправил её папочка Александр. — Её зовут Эдельвейс. — Видимо, имя ему действительно очень нравилось.

— Дэлли? Эдельвейс? Матерь божья, отродясь не слыхала имени прекрасней, — распахнула хозяйка свои красивые глаза. — А меня зовут Тильда. Мне очень приятно с тобой познакомиться, Дэлли. Ну, проходите, располагайтесь. Додо сейчас в садике, я за ним поеду в четыре, а Кирк будет, наверное, ещё позже... — опять посмотрела она на ребёнка, — и упадёт в обморок. Я должна это видеть! — её глаза сверкнули, она щёлкнула пальцами и ослепительно улыбнулась. — Поэтому давайте пока подготовимся.

Жаклин провела их в комнату для гостей, показала, где они могут принять душ, сделала небольшую экскурсию по дому и вкусно накормила французским сырным супом и немецким айсбаном с квашеной капустой в гостиной.

Сразу стало понятно, что эта женщина отменно владеет собой и умеет быть тактичной — она безукоризненно выполняла свои обязанности гостеприимной хозяйки и ни единым словом, ни жестом не показала своего отношения к вскрывшемуся факту существования Дэлли, а только лишь старалась побаловать саму малышку — пока не было Додо, девочку отправили в детскую немного покопаться в его игрушках. Там оказались не сплошь машинки и пистолеты, а много конструкторов, развивающих игр с алфавитами, причём и с английским, и с французским наравне, пазлы с картинками и прочими интересностями.

Вопреки ожиданиям жены, Кирк явился довольно рано.

Перед встречей с этим человеком Жаклин всё время вспоминала недавние слова Алекса о дяде. О том, что он очень изменился, стал другим, что его не узнать. Всё-таки ей очень хотелось, чтобы Кирк понял, осознал свою неправоту и до конца проникся чудовищностью своих поступков.

Однако в дом вошёл всё тот же мистер Бикстер. Почти такой же, как и тогда, четыре года назад, на Рождество, появился в квартире Эшли. Только чуть больше поседели виски, и заметнее прорезались продольные морщины на лбу.

С появлением хозяина, вместе с ним в квартиру вломилось нечто отталкивающее, что-то перпендикулярное, чужеродное, во всяком случае, в глазах Жаклин. И всё те же манеры. Немного высокомерия, немного театральности, немного ироничности, немного опасности, но больше злости и недоверия. И неизменный взгляд светло-карих глаз плюс узнаваемый капризный изгиб губ.

Девушка почувствовала, что опять не верит ни единому его слову, ни единому жесту.

— Здравствуй, Жаклин, — слегка поклонился хозяин дома, останавливаясь перед гостьей, после того как Тильда, встретив мужа, отправилась на кухню разогревать ему обед. — Добро пожаловать в Париж. Мой дом — твой дом.

— Здравствуй, Кирк, — не протягивая руки, тоже кивнула женщина. — Спасибо, — улыбнулась она одними губами.

— Привет, — довольно увесисто хлопнул мистер Бикстер племянника по плечу. — У меня к тебе разговор.

— Запишись в очередь. Это у меня к тебе разговор.

— А! — улыбаясь, в восхищении кивнул Жак головой на племянника дядя. — Как разговаривает, а! Какого зверя воспитал! — радостно похлопал он Александр по спине. — Сейчас подожди, дай немного отдышусь, и пройдем в кабинет.

Но Жаклин больше переживала: что будет, когда сюда выйдет Дэлли, которую она уложила на дневной сон в комнате для гостей.

И всё-таки за всё то зло, которое Кирк принёс им с Алексом, за все те страдания, которые доставил лично ей, Жаклин смогла хоть как-то насладиться столь редким моментом, когда мистер Бикстер, привыкший контролировать, «перекрывать кислород», побеждать и тут же опять бить наотмашь, сам получил удар под дых.

Пока они ждали Тильду в гостиной, и Кирк появился там из душа уже переодетый, в комнату, тихонько шлёпая босыми ножками по паркету, вошла заспанная Эдельвейс. Видимо, будучи весьма взбудораженной поездкой, ребёнок не смог хорошенько поспать.

Мышление Кирка всегда имело мощный «крутящий момент» и отменную «трансмиссию», да и логика на него не жаловалась, поэтому где-то секунде на третьей при виде этой обычной шотландской девочки лицо мсье Бикстера разгладилось, потом вытянулось, после чего на нём застыла крайняя степень беспомощности и даже какой-то несуразности. Мужчина засуетился на месте, хватая ртом воздух, но потом всё-таки застыл с округлившимися глазами, а его руки остановились в некоем незаконченном жесте.

Сонная, заспанная Дэлли в это время, как ни в чём небывало подошла и встала возле мамы.

— Ой, солнышко, ты уже проснулась! — спохватилась Жаклин. — Познакомься с дядей, скажи ему, как тебя зовут, и мы пойдём, приведём тебя в порядок.

В этот момент в комнату вошла миссис Бикстер и, с порога оценив обстановку, заулыбалась.

Дэлли, как воспитанный английский ребёнок, сделала пару несмелых маленьких шажков навстречу этому довольно грозному, но и в то же время растерянному дяденьке.

А тот уже не сводил с неё намагниченного взгляда и причём такого, будто в комнате были только он и она и всё. Вдвоём. Большой, высокий, выдавший виды и не раз прогулявшийся по головам мужчина и маленький ангел с золотисто-пепельными волосиками и кукольной мордашкой пупса.

Мужчина пожирал её личико глазами. Миллиметр за миллиметром, чёрточку за

чёрточкой.

— Будь... я... проклят, — наконец ошарашено прошептал он и зажал себе рот ладонью.

«Вот это уж точно», — не смогла не согласиться про себя Жаклин. Но тут даже она заметила, что в глазах Кирка появилось нечто такое, что-то с одной стороны знакомое, но и какое-то абсолютно новое. В поисках подсказки, девушка глянула на сидящего в кресле Алекса. Тот не выглядел ни встревоженным, ни заинтересованным. Только гордым. Ну, и ещё, может быть, чуточку радостным.

И только заново переведя взгляд на мсье Бикстера Жаклин поняла, что имел ввиду парень, когда говорил, что Кирк изменился. Она увидела, что именно зародилось в его глазах.

Там была доброта.

— Ну, так это же совсем другое дело! — вдруг обрадовано всплеснул руками мужчина и посмотрел на Алекса. После чего заливисто рассмеялся.

Судя по всему, он абсолютно не смущался своего пошатнувшегося мира и того, что из него только что выбили весь дух. Дэлли, приготовившаяся было поздороваться, застыла на месте.

— Какая ты красавица! — сам первым осторожно ринулся к ребёнку мужчина и опустился перед ней на колени и опять говорил так, будто они с Дэлли остались в комнате одни. Судя по всему, Кирка совершенно не интересовало, что о нём думают окружающие. — И как тебя зовут? — склонил он голову набок, а ля Сула.

Жаклин и верила, и не верила своим глазам. Перед ней, а если точнее, перед Дэли стоял уже кто угодно, но только не Кирк. Этот мужчина с готовностью раскрыл руки для объятий, вокруг глаз собрались красивые морщинки-лучики, сами глаза сияли, улыбка олицетворяла простоту, доброту и радушие.

«Ангел!» — сыронизировала про себя девушка.

Видимо, такого же мнения была о дяде и сама Дэлли, потому что она в момент расслабилась и даже попробовала улыбнуться.

— Эдельвейс, — теперь уже сама назвала она своё полное имя, очевидно, начиная попадать под обаяние хозяина дома и главы клана, членом которого являлась.

На лице мужчины отобразилось неподдельное восхищение.

— Эдельвейс! — воскликнул он и, посмотрев на Жаклин, потянул к себе Дэлли за руку, осторожно, трепетно обнял, но потом всё-таки прижал покрепче. — Какое красивое имя! — воскликнул он, отстранившись и улыбаясь во все тридцать два. — А ты знаешь, что оно означает?

«Чёрт! — заскрежетала зубами Жак. — Я всё собиралась напомнить ей, что это горный цветок!»

— Эдельвейс — это очень редкий красивый цветок, — продолжил Кирк, — который растёт так высоко в горах, куда не забирается ни единый другой цветочек, понимаешь? Так вот и ты, когда вырастешь, тоже станешь редким интересным человеком, и тебе тоже покорятся многие вершины. Добро пожаловать в семью, — он опять притянул к себе ребёнка и радостно поцеловал в щёчку.

А отстранившись, впервые взглянул на жену.

— Я в шоке, — сказал он ей тоном выражения: «Меня сделали».

— Брось, — махнула рукой женщина. — Если подумать, то ничего из ряда вон не произошло. От любви иногда рождаются дети, это нормально, — укоризненно глянула она

на мужа. — И именно вот такие красивые, — кивнула Жаклин на Дэлли. — Так что... всё идёт своим чередом, — сказала, как отрубилась, женщина и, улыбнувшись гостям, вышла из комнаты.

Кирк вмиг задумался.

— М-да, — закивал он головой как болванчик, — всё идёт своим чередом. — А потом подхватился и опять обратился к девочке. — Ну, так вот, скоро из садика вернётся мой сын Деодор и я тебя с ним познакомлю. Он хороший мальчик, я его очень люблю. Вы с ним поиграете.

— Я не хочу с ним, я хочу в Дислэнт, — вдруг заявила Дэлли и гордо вскинула подбородок.

У месье Бикстера округлились глаза, и он восхищённо захлопал ресницами.

— Оу, моя радость, сегодня в Диснейленд уже поздно. А завтра утром я лично отвезу вас на карусели, хорошо?

Ребёнок ответил не сразу. Девочка о чём-то подумала, но всё-таки утвердительно кивнула.

— Вот и договорились, — подытожил Кирк, садясь в кресло и наконец-то расслабляясь. — Это Бикстер, — гордо кивнул он подбородком на Дэлли и посмотрел на Алекса, как бы продолжая какой-то их давний спор. — Однозначно.

— Дэлли, идём, переоденемся, — встала с кресла Жаклин и уже направилась на выход, но тут поднялся со своего места Александр.

Он всё это время сидел и подмечал весь немой диалог между дядей и своей любимой женщиной.

Вообще-то, по его мнению, здесь должно было последовать от Кирка «Прости» по отношению к Жаклин, но судя по всему, дядя этого делать не собирался. Как оказалось, выказать готовность и претворить её в жизнь — это разные вещи и требуют они приложения разных усилий и подключения различных душевных сил.

Поэтому Алекс молча подошёл к Жаклин и даже с какой-то неприкрытой страстью и налётом агрессивности обнял её за шею, а, притянув, с чувством прижал и кратко поцеловал в губы.

— Спасибо, — сказал он, отстранившись. — Я люблю тебя, — и опять чмокнул в губки. После чего отпустил.

Жаклин просто не смогла не зыркнуть на Кирка. Месье Бикстер сидел, облокотившись о ручки кресла и соединив подушечки растопыренных пальцев перед собой. Ну, конечно же, в его глазах преобладало покровительственное одобрение. А как же иначе! Но не только. Девушка могла дать голову на отсечение, что смотрел он на Алекса в этот момент ещё и с какой-то даже любовью. И что это была за любовь, известно только Кирку и Богу.

Глава 64

Сказка на ночь

После того как хозяин дома пообедал, и все обменялись последними сплетнями и новостями из Глазго, Нью-Йорка и Лондона, не забыв про Кэмерона Прайса (о котором у дяди пока был секрет от племянника) мужчины удалились в кабинет, а женщины уехали забирать из садика Додо и погулять с ним в Булонском парке, расположенном неподалёку.

Деодор оказался мальчиком довольно живым и резвым, действительно очень похожим на Тильду (только подбородок и губы были точь-в-точь как у Кирка), поэтому обещал вырасти в привлекательного молодого красавца, повторив «подвиг» своего двоюродного брата Алекса. К тому же ещё и ростом он оказался уже заметно выше Дэлли, хоть и родился на полгода позже.

При первой же встрече на свою двоюродную племянницу парень только лишь рассеяно взглянул и принялся рассказывать маме о том, как сегодня кто-то из девочек поливал цветы и разбил кашпо, а он не подпускал детей к осколкам, чтобы никто не порезался, а потом помогал уборщице всё это собирать.

В столице Франции стояла прекрасная летняя погода. Что-то около двадцати пять градусов. День угасал, и солнце уже приготовилось вот-вот скатиться за горизонт. Дневной ветерок ещё не перестал перемешивать между собой запахи парижских улиц, поэтому в воздухе витали и ароматы хлеба, и жаркого, и горячего камня, и кофе, и ещё много чего непонятного и неуловимого. На то он и Париж. Шлейф от выхлопной трубы какого-то не до конца, сжигающего топливо, мотора тут же уносило неизвестно куда, а на его место спешил дух пролады и сырости из метро. Звуки мегаполиса тоже старались не отставать и предлагали прохожим всю палитру больших городов: от шума автомобилей до стука каблучков и несильных шипящих звуков из наушников встречных меломанов всех возрастов и цветов кожи.

Но на улицах всего этого замечать не принято. Там принято спешить по своим делам.

В парке Булонь на детской площадке было довольно многолюдно, но это абсолютно никого не смущало — здесь собирались в основном парижане, а их толпой не впечатлишь и не спугнёшь.

Жаклин очень обрадовалась их совместному походу в парк. Во-первых, ей нравилась Тильда, и проведённое с ней время обещало много приятностей и удовольствия, а во-вторых, у девушки появилась хоть какая-то возможность удовлетворить своё любопытство.

Естественно, разговор всё время вертелся вокруг детей, но всё-таки доктор Фортеस्कью расспросила Матильду и о том, что с ней конкретно случилось в ту аварию и о самочувствии сейчас.

— Вегетативная система сильно нарушилась... начались проблемы со сном, — стараясь не жаловаться, равнодушным спокойным тоном рассказывала Тильда. — И вот всё никак не восстановится, — пояснила она, поглаживая, как Додо тянет верёвочные качели, пытаюсь их запутать.

Жаклин всё это отлично понимала и, разговаривая, старалась, так сказать, рассуждать и давать советы изнутри проблемы, то есть так, как если бы подобное случилось с ней самой. Но ещё ей очень не терпелось поговорить о Нью-Йорке.

— А вы с Александр очень сильно меня удивили, — вдруг неожиданно сама затронула эту тему миссис Бикстер.

Жаклин ответила не сразу.

— Да, вот так всё получилось, — развела она руками.

— И что вы планируете делать дальше?

— Алекс хочет, чтобы мы поехали с ним в Нью-Йорк, — не очень уверенно поделилась девушка.

— А с Джесс он хочет развестись.

— Да. Ты её встречала?

— Конечно. Мы же останавливались у Александра на Манхеттене. Но она была только ещё на восьмом месяце, поэтому их сына я не видела.

— И как она тебе?

Тильда немного замялась, а потом заулыбалась.

— Посплетничаем? — лукаво зыркнула она на Жаклин.

Матильде нравилась эта молчаливая, серьёзная, милая девушка, и ей очень захотелось сделать для неё что-нибудь приятное. К тому же, женщина считала, что Жаклин должна быть сполна вознаграждена за то, что родила своему мужчине такую прелестную дочь и воспитывала её долго одна и многое простила этому красивому молодому засранцу.

— А как мне, взрослой женщине, европейке до корней волос, может быть молоденькая американка. Никак, — пожалала плечами мадам Бикстер. Она молила Бога, чтобы Жаклин её поверила, потому как на самом деле, не очень приветствовала европейский снобизм и пренебрежение по отношению к Новому свету. Считала это глупым, близоруким и недальновидным. — Она почти ничего не говорила, и я с ней почти не общалась. Кирк всё время был занят на фирме, а я с Додо ездила по подругам. У меня в Нью-Йорке живут две мои хорошие приятельницы. Я показывала им сына.

— А как она общалась с Алексом?

Тильда состроила скептическую гримаску.

— Да ты знаешь... такого уж их общения я не заметила, — взгляд женщины сделался слепым от воспоминаний и всплывших картинок перед глазами. — Не помню. При мне они разговаривали между собой мало. Я, наверное, должна попросить прощения у Алекса, если скажу, что мне тогда всё показалось странным, — Жак посмотрела на свои руки. — Я имею в виду эту беременность. Этот парень не похож на идиота, который будет делать детей направо и налево.

— Но ведь Дэлли же родилась, — улыбнулась Жаклин и кивнула на дочь, которая в это время как заведённая влезала на горку и скатывалась с неё.

— Я именно об этом. Не делай вид, что не видишь разницы между собой и молоденькой американочкой, — Тильда хитро прищурилась и улыбнулась.

«Кажется, получилось», — подумала она, пристально разглядывая лицо своей неуверенной в себе, но очень заинтересованной в разговоре собеседницы.

— И Александр тоже её видит. И то, что ты без него родила и растила дочь, ещё раз доказывает, что он далеко не дурак. Он парень, конечно, нарасхват и ещё очень молод, но и голова у него тоже там, где надо прикреплена. Я с ним много разговаривала и именно после этого начала подталкивать Кирка к моим ресторанам. К слову, о ресторанах, — женщина с заговорщическим видом легонько толкнула Жаклин в бок. — У нас с Кирком для вас подарок. Мы дарим вам ужин в нашей «Амбросии». У неё две звезды Мишлен, кстати.

Услышав такое, Жаклин даже подпрыгнула на лавочке.

— Тильда, опомнись! Александр не приглашал меня в ресторан! Тем более со звёздами Мишлен!

— Разумеется, не приглашал. Во-первых, он просто не успел — насколько мне говорил Кирк, парень всего несколько дней в Лондоне — а во-вторых, на кого вы, интересно, оставили бы Дэлли?

Жаклин усиленно моргала, не зная, что ответить.

— Поэтому завтра вы нагуляетесь в Диснейленде и уложите Дэлли спать — я с удовольствием присмотрю за ней — а сами сходите в ресторан. Он, правда, в другом конце города, поэтому я дам вам ключ от своей старой квартиры. Всё никак не придумаю: что с ней делать — это недвижимость моей бабки. Квартира двухэтажная, с верандой. Оттуда виден почти весь Париж. — После этого замечания парижанка лукаво скосила глаза на Жак и продолжила: — Мы там с Кирком жили довольно долго. И Додо оттуда привезли, — насмешливо-шутливо призналась женщина и заразительно открыто засмеялась.

А Жаклин наоборот сделалась очень серьёзной.

— Ты любишь Кирка, да? — даже с какой-то мольбой в голосе спросила она свою собеседницу.

— Очень, — утвердительно низко-глубоко кивнула та. — Он лучший из всех, кого я встречала.

Даже ожидая услышать нечто подобное, Жаклин всё равно растерялась и не нашла ничего лучшего, чем потупить взгляд и засмушаться.

— Боюсь, мы из твоей квартиры тоже привезём ещё одну Дэлли.

— Да хоть двух, глупенькая! — уже захохотала мадам Бикстер. — В вашем возрасте и с таким как Александр можно рожать и рожать. Мы вот с мужем тоже хотели ещё одного... но тут эта авария.

— М-да... мне очень жаль. И спасибо тебе.

— Пожалуйста. Я же вижу, как Александр разговаривает с тобой, как смотрит на тебя. Он весь светится, — женщина как бы обвела раскрытыми кистями рук силуэт парня в воздухе. — Весь. Такое не сыграешь. А с Джесс он такой... другой. Тоже хороший... но... и только.

— Александр вообще хороший, — вскинула подбородок Жаклин. После слов о том, что Кирк может оказаться лучшим из людей, ей захотелось что-нибудь подобное сказать и о своём мужчине тоже.

— Ну, не знаю, не знаю, — с недоверием покачала головой Матильда. — Поверь, я видела их с Кирком совсем другими. Допустим, в офисе. Там Александр посмотрит — деревья вянут. По жёсткости и непробиваемости он ещё и моего... заставит в спину дышать. А с тобой он такой... — сделала витиеватый жест рукой парижанка, — счастливый. А его счастье и в моих интересах тоже. Я меркантильна, — она заулыбалась.

Тут Жаклин хотела добавить, что ей тоже как-то довелось видеть мистера Бикстера другим, но промолчала.

* * *

— Рассказывай! — хлопнул раскрытой ладонью по столу Кирк, как только они вошли к нему в кабинет.

— Хансон хочет, чтобы мы с тобой перепрофилировали здание на Гринвич. Нам компенсируют.

— Не притворяйся идиотом. Тебе не идёт, — вскинул подбородок на племянника дядя, усаживаясь в своё кресло.

— Мог бы и поздравить, — развалился на диване в кабинете Александр, не в силах скрыть удовольствие и даже некое торжество.

— Да. Точно. Прости, — в извиняющем жесте поднял ладонь мужчина. — Проклятое любопытство. Поздравляю! Она — просто чудо!

— Спасибо.

— Ты думаешь: Саймон будет в восторге?

Александр сложил губы дудочкой. Кирк намекал на развод с Джесс, но, понятное дело, саму девушку в расчёт не брал.

— Ну... ты же послал компанию и самого себя ради семьи. Или ты считаешь, что моя семья этого не достойна?

— Брось. Не обижайся. Я о деле.

— Если о деле, то слияние удалось, дела идут, и вряд ли Саймон захочет скандала, — МакЛарен дал дяде время усвоить его фразу, а потом добавил: — Любого.

Мистер Бикстер сделался окончательно серьёзным, и пожевав губы, потёр костяшкой пальца кончик носа.

— Что же, я думаю, ты прав. Вряд ли он захочет скандала. Скандалы ему ни к чему. Ну, хорошо. Я так понимаю, вы все летите в Нью-Йорк.

— Да.

— А как же мать? Ты не покажешь ей внучку?

Теперь задумался уже Алекс и точно так же пожевал губы.

— Я бы хотел отвезти Эдельвейс домой, когда она будет называть меня папой.

На лице дяди отразилась крайняя степень удивления или даже возмущения, но он тут же смягчился.

— Ах, ты наглючий сучий потрох, — с умилением и любовью в голосе, засмеялся Кирк. Но почти сразу сделался серьёзным. — Не выдумывай! Ты опять ставишь себе какие-то цели. А это ребёнок! Расслабься. И съездите в Глазго.

— Я подумаю, — кивнул Александр.

— Так что там насчёт Хансона? Перепрофилирование? Я же тебе говорил, что это удачный проект.

* * *

— Папа, папа, а знаешь, что я хочу собрать из своего нового конструктора? — закричал Додо, как только женщины вернулись с прогулки, и мужчины вышли им навстречу из кабинета.

— И что же, родной мой? — подхватил Кирк сына на руки.

— Динозавра! Вот такого! — показал мальчик руками огромный шар. — А к нам приехала вот она! — тут же ткнул он пальцем в Дэлли, которая несмело следовала за ним. Но тут пацанёнок заметил Алекса, которого запомнил ещё по Нью-Йорку и заулыбался — брат много учил его боксу и комнатному футболу, когда они гостили у него на Манхэттене.

Но, к сожалению, или к счастью, брату было уже не до Додо — при громко прозвучавшем слове «папа», да ещё и дважды, Дэлли вздрогнула и распахнула свои «тюльпаны», а Александр, стоя сзади дяди, от досады закусил губы меж зубов.

«Не расстраивайся», — сказали ему глазами обе женщины: и Жаклин, и Тильды.

Вечером все уселись за чаем с паштетами, сырами и пирожными, и Жаклин регулярно

ловила себя на мысли, что уже давно так хорошо не проводила время. За столом собрались весьма разносторонне развитые, грамотные, умные люди и беседа протекала исключительно интересно и живо. Кирк был расслаблен, игрив, владел ситуацией в своём доме легко и без усилий и то и дело засматривался на Дэлли, резвившуюся тут же с Додо. Жаклин почему-то показалось, что он смотрит на Эдельвейс уже не как на дочь Алекса, а просто как на маленькую девочку.

«Дочку хочет», — сделала она далеко идущие выводы.

Но, само собой, её больше интересовал Александр. Девушка сидела и вспоминала его поведение на вечеринке в честь назначения Чарльза. Там он, хоть и с интересом, но только лишь слушал и внимал. Здесь же парень с удовольствием общался с дядей и Тильдой, подкалывал обоих и тут же сыпал комплиментами, по ходу обсуждения умело вовлекал в дебаты притихшую, скромную Жаклин, и тоже, как и Кирк, успевал обращать внимание на детей.

Жаклин умилялась.

«Он стоит того, чтобы его ждать всю жизнь», — ликовала про себя девушка.

Спать они легли в этот раз впервые втроём: Жаклин, Александр и между ними Дэлли.

Папа под чутким руководством и неусыпным наблюдением мамы делал первые шаги в трудном и кропотливом деле чтения сказок на ночь.

Понятно, что с непривычки он то и дело ошибался интонациями и всё время грозился скатиться в стёб.

Допустим, прочитав несколько предложений начала сказки «Три собаки»: «Девочки все росли и хорошели, но за месяц до того дня, когда старшей должно было исполниться пятнадцать лет, королю пришлось уехать на войну», Александр не выдержал и выдал краткое:

— Папаша свалил на разборки, короче.

— Александр, там точно это написано? — возрилась мама, а Дэлли просто хихикнула.

Конечно же, родителю понравилась её реакция.

— Во-о-от, — протянул он, пробегая глазами следующее: «Возле каждой двери в замке всегда стояла стража, которой было приказано не выпускать принцесс, но девочки так просили и умоляли, что охранник, который не знал, почему был издан такой приказ, не выдержал и позволил принцессам выйти в сад». — Короче, принцессы обвели вокруг пальца охрану, вырвались из замка и-и-и... — отрывок: «Некоторое время они играли среди цветов, но вскоре спустилась густая мгла, обернулась пленой вокруг них и взмыла в небеса, унося принцесс неведомо куда» Александр сократил до фразы: — и небо засосало их как пылесос.

— Александр, дай сюда, я сама дочитаю, — протянула руку Жаклин.

— Нет! — тут же воскликнула дочь. — Пусть он, пожалуйста, — жалобно пропела она почти как принцессы стражникам.

Александр только лишь посмотрел на них обеих и продолжил:

— Вот. Короче, папа разобрался там со всеми до отказа и приехал, а дочерей нет.

Дэлли опять захихикала.

— Александр, она так никогда не заснёт, — с нешуточным укором в голосе проговорила Жаклин.

— Я не хочу спать! — повернулась к маме дочка.

— Вот! Видишь? — показала на неё ладонью девушка. — А сказка должна помогать ребёнку успокоиться и уснуть.

— Уснуть? — вскинул брови папа. — Нет проблем. — И он принялся заунывным монотонным голосом как молитву читать дальше.

— Не-е-ет, — перебила его Дэлли и затрясла за рукав футболки. — Не та-а-ак. Говори, как раньше.

— Делайте что хотите, — откинулась на подушку мама.

— Хм... — хмыкнул папа и облизнулся, увидев лежавшую в постели Жаклин. — Что хотите, говоришь. Так вот, — продолжил уже бодрым голосом. «А в той же самой стране, далеко от столицы, в маленькой лесной избушке жили-были бедная женщина с сыном. Он был славным парнем, кроме того, храбрым и сильным. Целыми днями он пас в лесу трёх свиной — всё их богатство — и наигрывал красивые мелодии на деревянной флейте». — А тут недалеко жили хорошая тётка с сыном. Этот сын был крут. Очень крут. Он пас целых трёх свиной. Не двух, а трёх, понимаешь? — в притворном восхищении распахнул «сказочник» свои «тюльпаны» на дочь, показывая три пальца, и та в ответ тут же распахнула свои. — Ужас до чего крутой «шнур»! Просто надиратель задниц!

— Александр! — подскочила мама.

— Нет, ну, крутой же чувак! — ткнул в книгу пальцем чтец, как бы не понимая суть претензий. — Реально крутой! — Бесенята в его глазах в это время устроили скачки на осёдланных поросятах, паля на ходу из колышек по пустым пивным банкам.

Жаклин закатила глаза, а Дэлли заговорщически прыснула в ладошку.

— Так вот, а потом этот «шнурок» обменял всех трёх поросят на собак, — читал и тут же пересказывал Александр. — Он был просто пипец какой умный, — сдвинул брови мужчина. — Сама понимаешь: собаки в сто раз лучше свиной.

В такой манере папа прочитал целых две сказки и, судя по отсутствию сна хоть в одном из прекрасных глаз его дочери, рисковал за этим занятием встретить рассвет. Пришлось маме его сменить, и только лишь она дошла до того, как Том-Тит-Тот спрял пару клубков волшебной пряжи, как её слушатели заснули. Папа первый, дочь — вторая.

«Наконец-то!» — вздохнула с облегчением про себя девушка, но тут же застыла как замороженная.

Сейчас возле неё в кровати лежало всё её богатство. И слово «богатство» здесь было абсолютно не в шутку. Глядя на этих двоих, Жаклин чувствовала, что истекает, или просто сочтётся любовью.

Мало того, что у неё росла дочь от её любимого, обожаемого мальчика-мечты, так он ещё и вернулся к ней, он любит её, они вместе. И если изливать свои чувства на Дэлли у неё было много возможностей, и она это делала постоянно, то в ситуации с её отцом Жаклин подозревала, что её скоро прорвёт.

За эти четыре года, даже не смотря на обстоятельства и ситуации, в её душе накопилась огромная масса душевной теплоты к этому человеку, которая рождается внутри помимо воли и вопреки всему. Она хотела было вспомнить: вопреки «чему» именно, но тут же отогнала от себя эти мысли. Сейчас пришло время только наслаждаться.

Александр лежал, закинув руки за голову. Идеальные пропорции его идеального лица отбрасывали идеальные тени от света прикроватной настольной лампы. Отросшая чёлка красиво-сексуально закрыла парню один глаз.

«Глаза, — млела от наслаждения Жаклин. — Его глаза, — ласкала она взглядом красивое лицо спящего мужчины рядом. — До какой же степени можно любить человека, уму непостижимо!» — влюблённой очень хотелось что-нибудь сформулировать, облечь хоть

в какие-нибудь слова то, что творилось у неё в душе. Но их не было, и она просто продолжала повторять про себя его имя как молитву, вдыхала эти звуки как воздух, впитывала кожей, словно целебный бальзам.

На следующее утро их рано разбудила Матильда, накормила завтраком, а Кирк отвёз к самому входу на первый уровень Диснейленда, всю дорогу восхищаясь Жаклин, которая догадалась подарить его племяннику такую классную трость.

Итак, они покатались на «Дамбо» и в «чашках», а потом ещё проехали по парку на паровозике и лошадке, прогулялись по магазинам, после чего зашли посидеть в кафе.

К пяти часам вечера Эдельвейс уже была вымотана до состояния усталой отрешенности и начала капризничать. Алексу пришлось отдать трость маме и взять дочь на руки. Он вспомнил, как благодарил Жаклин за подарок, и о том, что трость — это продолжение его самого.

«Дурак, — подумал он сейчас, прижимая к себе маленькое, родное тельце. — Ни хрена я не понимаю в продолжениях».

После ужина, когда Жаклин принялась рассказывать уже практически сонной Эдельвейс, что сегодня на ночь ей сказку прочитает тётя Тильда, девочка до этого, в принципе, если и не очень охотно, но всё-таки соглашавшаяся побыть или с четой Абрамсонов, или с Увил — маминой подругой, сейчас почему-то сильно заупрямилась. Она всё выслушивала, а потом отрицательно качала головой, показывая, что не согласна с предлагаемым ей способом отхода ко сну и вот-вот готова заплакать и, если к ней не прислушаются, она им тут такое устроит, звук истребителя Еврофайтера в режиме атаки покажется им невнятным шёпотом.

И всё время посматривала на Александра.

Поэтому папа плюнул на всё и отправился опять читать сказку на ночь. На этот раз он не упражнялся в пересказывании и не стебал героев, себя не помня. Он таял. Его ребёнок потянулся к нему. Его девочка захотела его общества. Сейчас победа над Кирком и Саймоном казалась ему пустяком, ничего не значащим пшиком.

Поэтому он выбрал сказку поспокойней, про золотую табакерку, а не про всяких там крутых «шнурков» и Дэлли довольно быстро заснула. Мужчина чувствовал себя повелителем воды или заклинателем огня.

«Чудеса — я читаю, а она засыпает. Я грёбаный волшебник!» — думал он про себя, не в силах оторваться от этой мирной, сказочно-райской картины спящей Эдельвейс. Ему захотелось примоститься рядом, обнять её как днём, когда нёс на руках, и лежать так долго-долго, не засыпая. Но его ждала её мама.

«Я сегодня прямо нарасхват», — с удовольствием резюмировал мужчина.

На такси, в той же самой одежде, что они были в Диснейленде, папа с мамой отправились в ресторан, сказав таксисту только одно слово: «Амбросия». Кстати, оказалось, что заведение находится в соседнем округе, а не на другом конце города, как утверждала миссис Бикстер, и необходимости в квартире как таковой не имелось абсолютно.

«Хитрюга Тильда», — улыбалась Жаклин, сидя на заднем сидении с Александром, где он всю дорогу в нетерпении лихорадочно сжимал её руку и теребил пальчики.

Это было сродни сексу руками. В принципе, ничего такого уж удивительного или умопомрачительного в человеческих руках нет. Конечность как конечность. Но ладошка Жак являлась для Алекса нескончаемым источником удовольствия и какого-то особого кайфа. Он как заведённый, как помешанный всё теребил и теребил нежные пальчики, наслаждаясь

шелковистостью кожи и тонкостью кости. И когда ему захотелось взять ещё и вторую руку, парень понял, что это наркотик — на это подсаживаешься, оно вызывает привыкание и всё время хочется увеличить дозу.

«Мне опять повезло, что я попал в зависимость к Жак, а не к какой-нибудь дуре», — порадовался мужчина и, подумав об уме своей женщины, вспомнил кое-что важное.

— Кирк ничего не спросил меня про Джесс, — проговорил он задумчивым, но не тревожным голосом.

Девушка не ожидала такой темы, поэтому в растерянности распахнула глаза и закусила верхнюю губу.

— Он ведь знает, что ваш брак по расчёту.

Мужчина вздохнул.

— Да, но для него Гордон должен быть членом клана Бикстер. Точно так же, как и Эдельвейс. — Жаклин молчала и поэтому парень продолжил: — И, если он не интересуется его судьбой, значит... значит, — Александр вздохнул, — либо слепо полагается на меня, что я не брошу своего ребёнка, либо уже догадался, что это не мой сын.

Жаклин задумалась.

— Я думаю... — она потёрла кончик носа, отвернувшись в окно и глядя на улицу Saint — Charles, по которой они проезжали в это момент. — Насколько я за ним понаблюдала — его либо всё устраивает, либо ему всё равно. Мне он не показался затаившимся, — повернулась она к парню.

Тот поднёс её руку к губам и поцеловал.

— Мне тоже.

— А ещё мне кажется, что это Тильда сумела его так... обработать. — Александр взглянул на девушку и обаятельно улыбнулся. Именно обаятельно. — Вот говорят же, что муж голова, а жена — шея. Вот она и есть такая... шея.

— Что же, — сложил губы дудочкой парень. — Тогда нам с ней очень повезло.

— Угу, — в задумчивости мелко закивала Жаклин.

А в ресторане выяснилось, что лишней была не квартира, вернее, не только она, лишним был как раз-таки этот ужин.

Александр, так тот сразу заказал что-нибудь, что быстрее проглатывается и не требует тщательного пережевывания. Не дошли они ещё до той стадии, когда могли свободно, сидя друг напротив друга и расслабляясь вином и приглушенной игрой на рояле, отдаться гастрономическим изыскам, пусть даже и награждённым звёздами Мишлен, а под них — предвкушению и соблазнению. Пока хотелось только секса. Грубого, прямолинейного и результативного. Любимого тела под ладонями, любимых губ на своих губах, любимых стонов в ушах — близости. Дорваться, наконец, друг до друга.

Блюда были отменными, сервис сказочным, обстановка обволакивающей, но сожрать хотелось только друг друга. И хотелось очень сильно. Всю трапезу они просидели, почти не разговаривая и давясь вкусятиной, и слюна выделялась только в предвкушении ночи.

Наконец Александр не выдержал и рассмеялся.

— Чёрт бы меня побрал, — запустил он себе руку в волосы.

Жаклин лишь целомудренно улыбнулась, но ту же кокетливо, как ей показалось, на французский манер, состроила парню глазки.

В квартиру они ехали на такси ресторана. Алекс так и не понял: как ему удалось не напасть на Жаклин на заднем сидении. Он решил, что если выдержит сейчас, то сможет

сдвинуть земную ось, если понадобится. А когда они вошли в обозначенный подъезд, то перед ними сразу же предстала кованая решётка лифта.

Оба застыли. Парень ни секунды не сомневался, что земную ось он, может быть, и сдвинет, но вот лифт, чёрт бы его побрал...

«Мы в нём застрянем к чёртовой матери, — закусил он щёку изнутри. — До утра».

Был вариант добираться до последнего этажа по лестнице.

«Долго», — рубанул про себя Александр и решительно взялся за ручку решётки.

Двери ещё не успели встать на место, а он уже прижал Жаклин к стене собой, распластал руки по стене и впился ей в губы.

«Всё», — последнее, что он подумал, а дальше — провал.

Вспоминая спустя некоторое время всё, что случилось в этой квартире, оба сошлись на слове «угар».

Самозабвение, сладострастие, ликование и умопомрачение, безудержное проявление желания. Оно здесь буквально царило или даже царствовало. Алчное, адское, жгучее, агрессивное, дикое, звериное, всё подчиняющее и всепоглощающее. Желание интимного, примитивного плотского контакта и желание любви одновременно. Любви давней, проверенной временем. Временем длиной в четыре года. Четыре долгих сложных года.

Почувствовав её нежное тело с изгибами и выпуклостями по всему своему твёрдому и плоскому, Александр перестал понимать: кто он, где он, почему и каким образом. А вместо ощущения себя, внутри всплыли воспоминания, каково это, когда его разрывающийся от желания и возбуждения член сжимают тесные упругие стеночки её тёплого, мокрого, скользко влагилица.

«Фак!»

Парень утробно кратко рыкнул, и с желанием сжал — наконец-то! — её крупные манящие груди и почувствовал, что лучше ему быть уже не может. Это было аптекарски чистое отборное наслаждение. Рай.

А Жаклин в это время сильно прижатая довольно крупным твёрдым сильным мужским телом, вроде бы должна была чувствовать стеснённость, но её наоборот распирало от лёгкости и какого-то внутреннего полёта. Александр даже не почувствовал, как она вытащила из его классических чёрных брюк рубашку небесно-голубого цвета. Положив ладони на его обнажённое, такое родное, долгожданное, желанное, любимое тело, она принялась водить ладонями по спине парня, чувствуя, что «улетает». Ей до умопомрачения захотелось раствориться сейчас в этом человеке, слиться с ним, соединиться, сделать так, чтобы даже сам Господь Бог больше никогда не смог их разъединить. Гарантированно.

Чтобы то, что поддерживает в них жизнь, было одним на двоих. Чтобы никто и никогда не отнял у неё человека, который является для неё кислородом, который она вдыхает и не разлучил её с тем, кто с кровью течёт по её артериям. И даже то, что теперь у Алекса кололась щетина, воспринялось Жаклин как вишенка на торте.

В принципе, лифт их вполне устраивал бы, но тот быстро приехал.

Двери открылись. Они, не в силах разъединиться, неловко вывалились наружу, и Александр нащупал у себя в кармане ключ, который им дала Матильда. Дверь открылась после третьего щелчка, а квартира оказалась вполне ожидаемой. Пахло залежалым текстилем, пылью, деревом, какой-то химией и засохшей канализацией. Все предметы мебели были накрыты большими кусками флизелина.

Гостиная начиналась сразу от прихожей, без коридора и перегородок, но даже до неё

они дошли не сразу.

Как только дверь захлопнулась, Александр опять прижал Жак к покрашенной стене за входом и тут уже дал волю рукам. Он мял её грудь своими загребущими, вместительными, красивыми сильными ладонями, сжимая и возбуждаясь от её размеров, мягкости и упругости, а потом в такой же манере пустился по всему остальному, к чему мог дотянуться.

— Малыш... — выдохнул Александр каким-то не своим, чужим голосом и, не договорив, опять принялся с жадностью сминать её губы. Она тут же раскрылась ему навстречу и ответила на поцелуй, уже расстёгивая свой ремешок. Он надавливал языком у неё во рту на всё подряд, дотягивался и полизывал, взрывая себе голову и пах, от того, до какой степени они могут проникать друг в друга, и как далеко готовы впустить. До конца. До дна.

А малыш в это время жалела, что у неё не десять рук, тогда бы она могла одновременно и зарываться ему в волосы, и рвать пуговицы на рубашке, и водить руками по этому стройному любимому телу, и уже расстёгивать ремень и ширинку и лезть в штаны.

Хотелось одного — дорваться. Заполучить.

Немного удовлетворив потребность в поцелуе, Жаклин высвободилась и развернулась к Алексу спиной. Там имелась молния. Он аккуратно провёл собачкой по всей длине застёжки (с молниями не шутят, когда одежда в единственном экземпляре), и платье разошлось в стороны, открывая вид на такую красивую, тонкую, изящную, такую манящую женскую спинку. Александр, расстегнув застёжку бюстгалтера, с желанием прошёлся языком вдоль позвоночника, как бы собирая всю сладость с поверхности кожи девушки. Она пахла женщиной и была на вкус как женщина.

Любимая женщина. ЕГО женщина. Одна единственная на всём белом свете, которая заставляет плавиться и терять рассудок только лишь от прикосновений и поцелуев. Потом он поцеловал и лизнул её в плечико и шейку, просунул руки под одежду. Но Жаклин тут же развернулась и принялась высвобождаться из одежды и, естественно, запуталась, но и это уже было не важно, потому что Александр тоже помогал, забыв про то, что сам ещё одет полностью.

Девушка, спустив платье к ногам, вышла из него и откинула в сторону бюстгалтер. Александр понимал, что ему тоже нужно раздеться, но оторвать руки от её голых грудей пока не мог. Оставшись в одних трусиках, Жаклин видя, что от парня адекватного поведения и помощи ждать не стоит, принялась расстёгивать ему ширинку сама. А тот в этот момент пробовал дотянуться ртом до сосков, но было не очень удобно.

— Боже... у меня такое чувство... что мы сейчас разобьёмся на большой скорости, — запыхавшись, проговорила Жаклин. Она хотела хоть разговорам выяснить состояние мужчины и немного его очнуть, и у неё это даже получилось.

— Насмерть, — выдавил-таки из себя Алекс, не отрывая полоумного взгляда от полуголой девушки и освобождаясь от джинсов с боксёрами и сдёргивая с себя рубашку, и отшвырнул её в сторону в такой же манере, как она минутой назад куда-то отшвырнула бюстгалтер.

— Жаклин, малыш, — выпученными ошалелыми глазами уставился он на её трусики.

— Рви, — прозвучала команда.

Александр взялся за швы на её бёдрах, послышался треск ткани, потом ещё раз.

— Фух, — выдохнул мужчина, и улыбнулся, а Жаклин успела хихикнуть, но в следующее мгновение её уже подхватили под ягодицы сильные руки и понесли к дивану.

И на этом занятие любовью внезапно оборвалось, и начался животный трах.

Оба понимали, что после такой разлуки для того, чтобы дорасти, дотянуться до способности смаковать и наслаждаться каждым мгновением нужно иметь хотя бы отчасти вменяемое состояние, а таковое им пока и не снилось. Поэтому дальше началось даже не остервенение, нет — бешенство. Болезненное, нездоровое бешенство. У обоих была четырёхлетняя боль за плечами. Они мечтали и грезили о том, что сейчас происходит ни одну ночь и даже не месяц, а четыре грёбаных года.

Он вдалбливался в неё остервенело долго и иступлённо трудно, однако же с упоением, и к несказанному удовольствию обоих. Этот первый оргазм появился отнюдь не по щелчку пальцев и дался ему далеко не сразу. Жаклин была счастлива: у парня давненько не было секса. Уж врача-то он не провёл бы. Понимая, что и себе с оргазмом тоже нужно помочь, она потянулась руками к клитору и начала его ласкать.

Для Александр такой манёвр оказался сродни мощному впрыску афродизиака. Увидев, как Жаклин своими тоненькими пальчиками ласкает себя между ног, у него выстрелило сначала в мозгу, почти одновременно с этим в паху, он взвыл, вскинув подбородок вверх, и его затрясло так, что, если бы не нарастающий оргазм, мужчина реально испугался бы — такое с ним впервые, так его ещё не колотило никогда. Вымученный конвульсиями, он взревел, словно раненый медведь. Его буквально истязала и пытала сладостная эйфория, он упивался своей блаженной мукой. И Жаклин тоже. После того как она увидела, как его всего корёжит, а потом взрывает наслаждением, её одолело чувство победы.

Это было счастье. Даже не переводя дыхание, пара принялись целоваться, ласкать и любовно поглаживать друг друга. Оба блаженно улыбались. Александр нежил ладонями любимую женщину, которая только что заставила его вспомнить: как же это чертовски здорово, когда твоё тело идёт рука об руку с нутром, с душой и сливается с ним в синхронном экстазе. Какое же это счастье — купаться в этих беспрецедентных ощущениях наслаждения и плавиться от её близости, от её кожи, губ, рук и проливаться на неё горячим, обжигающим дождём чувства обожания, желания и любви и оставить в ней своё семя, частичку себя.

Жаклин же в этот момент вообще мало что понимала. Счастье текло по её венам, кружило вихрем в голове, щекотало кончики пальцев и душу. Он был с ней, её Александр, её любимый, горячий, упрямый, своенравный мальчик. Он дарил ей себя. Всего себя, без остатка. Она впитывала его всей кожей, ловила каждый душераздирающий стон наслаждения, и еле уловимый, слабый, страдальческий хрип желания.

— Малыш, — Александр не выдержал первым, — я хочу с тобой на остров. Хочу тебя на песке... в воде...

Жаклин захихикала.

— Ты такой романтик... — вымученно выдавила она, — Александр МакЛарен.

Тот провёл поцелуями по животу Жак, как бы намекая и приготавливаясь к следующему раунду.

Он с обожанием ласкал её грудь, похлопывая по ней чтобы та красиво колыхалась. Жаклин с готовностью выгнулась ему навстречу. Полизывая и ссасывая соски, парень потянулся рукой девушке между ног.

— М-м-м... кайф, — ощутил он там следы своего недавнего пребывания. — Это ничего, если ты завтра не сможешь ходить?

«Да-а-а! Господи, как давно я этого ждала!» — вырвалось у Жаклин про себя, и она

даже рискнула быть оригинальной.

— Господи, как давно я этого ждала!

Парень поймал её руку и положил себе на член и яички.

Жаклин принялась гладить и сжимать его ствол, не забывая и о единственном внутренне-наружном парном органе.

Александр опять утробно застонал потом наружно зашипел, а после опустился на девушку всем телом и принялся елозить собой по ней. Он как будто пытался «вывалиться» в ней, покрыться её запахом, и оставить свой запах на ней. Перемешаться ещё и так. Жаклин прижимала его к себе с чувством и желанием.

После чего парень отстранился и прищурился с лукавством во взгляде. Он окинул её тело под собой и, быстро наклонившись, как наркоман вдыхающий дорожку кокаина, повёл носом вдоль живота, а потом впился губами в место на боку на уровне пупка, на изгибе талии и хорошенько присосался.

Жаклин было немножко больно, но и в то же время очень сладко и возбуждающе. Даже если бы он поставил ей засос на лбу, она бы не возражала. Дэлли ещё слишком мала, чтобы понять, что к чему, а все остальные пусть идут далеко и надолго.

«Он мой мужчина, а я его женщина. Все, кто что-то имеют против, могут писать заявление».

— Я тоже хочу, — когда Александр оторвался и, лизнув, поцеловал место засоса, закусила она нижнюю губку, рассматривая небольшой кровоподтёк у себя на талии.

МакЛарен широко улыбнулся.

— У меня для тебя предложение получше. Я хочу сделать тату с чем-нибудь, что касается тебя.

Жак в удивлении распахнула глаза.

— Это такое детство! Нам же не по восемнадцать лет.

— Мне плевать. Тебе было очень неприятно носить в себе моего ребёнка? — он улёгся сверху девушки, опираясь на локти.

— Я была счастлива, — засучила ступнями та и укутала своими ладошками его взмыленное счастливое лицо.

— Вот! Вот и я хочу чего-нибудь такого. Хочу носить твоё имя на себе.

После этого Жаклин почувствовала, как он вошёл в неё опять, и всё начало накаляться. Девушку потянуло на дно омута первобытной, чисто плотской эйфории. Она закрыла глаза.

— Малыш, открой глаза, — услышала она и, послушавшись, увидела, что мужчина, поднявшись на руках, входя в неё и выходя, смотрит туда, где соединены их тела. — Посмотри. Ничего прекрасней в жизни не видел.

Жаклин немного отряхнулась от наваждения и увидев, как его член входит в её лоно, нашла в себе силы пошутить.

— Извращенец.

— Ах-а-х, — коротко засмеялся парень, но и тут же принялся ускоряться.

Второй раз был уже немного другим. Он будто являлся второй створкой ворот, которая закрывает что-то свершившееся, как вторая половинка ножниц, которые обрезают нечто оформленное и автономное, как второе стекло в очках, которое обеспечивает бинокулярность зрения.

Они наслаждались каждым шагом, и в то же время все шаги слились в одну сплошную пошаговую вакханалию, а когда всё закончилось, то в воздухе и в душах Алекса и Жак

воцарилось осознание того, что только что здесь воплотилась мечта. Исполнилась. Эта мечта, эта близость не заменяла им понимание и выяснение отношений, она венчала или даже короновала их любовь. Уже выясненную, констатированную и подтверждённую тысячу раз.

Глава 65

Что-то зелёное в тарелке

Жаклин лежала на диване на животе, а на ней, можно сказать, валялся Александр. Дыхание обоих было ровным, еле слышным. В воздухе, в телах и в головах молодых людей шумел лёгкий гул, и витало полное умиротворение.

— Алекс...

— М-м

— Тильда сказала, что у неё со второго этажа открывается отличный вид на Париж. Нужно будет выйти посмотреть... а то неудобно как-то.

— Что неудобно? — приподнял голову мужчина.

— Ну... она будет спрашивать: понравилось ли нам, а мы и не смотрели.

Парень затрясся в немом смехе.

— Тильда не так наивна, но давай выйдем. Французы тоже умеют строить города.

Александр натянул брюки, а Жаклин не стала напяливать платье и закуталась в плед.

Квартира миссис Бикстер находилась в пятнадцатом округе Парижа, вблизи Сены, поэтому перед её гостями открылся отличный вид на Эйфелеву башню, Марсово поле, проспект Гарибальди и южные кварталы.

Город завораживал. Гипнотизировал и вводил в транс, в состояние зависания, невесомости. Почти как в горах. Обращало внимание на себя и это огромное чёрное пространство над ним. Небо. Подсвеченное огнями улиц, оно затягивало в себя как бездна, в которую всматриваешься, и она начинает всматриваться в тебя. Лондон из кабинки Колеса Обозрения тоже впечатлял, но здесь Париж раскинулся перед ними, что называется, вживую, как театр. Его можно было потрогать, понюхать, послушать, вмешаться в его жизнь, как он вмешивался в их любовь.

Да, действительно в этом городе хотелось любить. И быть любимым. Алекс обнял Жаклин за плечи.

— Я очень жалею, что не видел тебя беременной. Беременной от меня. Хочу погладить твой округлившийся животик.

Девушка несильно фыркнула.

— Пф, это только первые несколько месяцев у меня будет «округлившийся животик», — повторила она интонации мужчины, — а потом я стану похожа на раздувшегося покемона.

— Вот! — сжал её плечи сильнее Александр. — И этого тоже хочу. Говорят, беременные становятся слезливыми и капризными. Хочу тебя такой. Капризулей. А когда ты станешь раздувшимся покемоном, наш сын уже начнёт в тебе толкаться.

— Сын? — выгнула бровь девушка.

— Угу.

Они занимались любовью прямо под этим открытым небом Парижа, притащив туда все диванные подушки и пледы. Почти что на крыше. И всё это даже не вступало в противоречие с островом хайлэндса, а даже наоборот, перекликалось. Теперь они были свободны. Тогда в горах, им ещё предстояло узнать о реакции на них Кирка, ещё было впереди сражение с Чарльзом и мнением друзей, и самое главное, ещё на свете не было Дэлли — их соединения.

А вот сейчас.

А сейчас была свобода. Внешняя и внутренняя. И пусть утром нужно было спуститься с праздника в быт, и пусть пришлось отложить поездку на частный остров.

Заснули они только под утро полностью обессиленные и опустошённые. Часов в пять.

Тильда обещала позвонить, когда проснётся Дэлли, но Жаклин пробудилась почему-то сама и, обнаружив, что уже одиннадцать, подскочила как ужаленная. Александр лежал рядом и спал праведным сном грешника.

— Тильда, — набрала женщину Жаклин, — почему ты меня не разбудила? Как там Дэлли?

— А? Что? — закричала в телефон миссис Бикстер, перекрикивая в динамике телефона какую-то музыку и шум толпы. — Жаклин, это ты? Извини, я пока ничего не слышу — мы с Додо и Дэлли втроём в Диснейленде на параде.

— На параде? — тоже крикнула Жаклин, и Александр наконец-то «ожил» и зашевелился, нащупывая её рукой. — Как Дэлли себя ведёт? Не капризничает?

— Всё нормально! Я её сфотографировала с принцессой Жасмин, сейчас скину Алексу фотку. Сможете приехать сюда?

— Да, конечно. Как будем на месте, созвонимся. Только на карусели её не сажай — её может стошнить.

— Хорошо, мы только на паровозике.

Жаклин отключилась и отбросила телефон.

— Просыпайся, папочка, — положила она руку на спину парню, но не выдержала и легла на него сверху вся. — Твоего ребёнка увели в Диснейленд без тебя.

Александр не шевелился, а только открыл один глаз и косился на Жаклин как конь одной стороной. А в следующее мгновение она уже лежала, прижатая твёрдым мускулистым телом. Всё-таки боксёрские тренеры не даром свой хлеб едят.

— Доброе утро, малыш, — Александр припал к её губкам.

* * *

Они встретились в стране Фантазий возле фуникулёра Питера Пэна, и Дэлли сразу же принялась рассказывать маме о том, какой та пропустила интересный парад.

— Там были принцесса и Красавица и ещё... — ребёнок замолк, вспоминая, кого видел.

— А ещё Пиноккио и Скрудж, — тут же помог ей Додо.

— Да-да, Скрудж МакДак!

— Боже мой, как интересно! — схватилась за щёки Жаклин.

— Да. Они прямо прошли... прямо мимо нас! Мы их видели! — захлопала в ладоши Дэлли. — Мама, а мы приедем сюда на следующий раз?

— Конечно, приедем, — сказал папа.

— Хочу сюда постоянно ездить. Каждый день! — подпрыгнула девочка. Сегодня она была уже без своего нового рюкзачка и сумочки, но зато тётя Матильда, одетая в короткие джинсы и футболку, сзади несла внушительный рюкзак и в руках шелестела пакетами.

Они прокатились на фуникулёре, потом ещё немного побродили по территории и направились на выход — сегодня вечером гости собрались домой.

Правда, не обошлось и без шероховатостей.

Додо был действительно гиперактивным мальчиком. И уследить за двумя детьми в такой обстановке, чтобы ни один из них не толкнул и не ткнул другого, оказалось очень сложно.

В один из моментов, когда Дэлли засмотрелась на двух девочек, которых привели в парк уже одетыми в платья Белоснежки и принцессы Авроры, Додо, в это время близко от неё размахивал руками и кричал нечто одобряющее каруселям-ракеткам, которые разгонялись по соседству. В один из моментов мальчик взмахнул своей палкой от воздушного шарика и ткнул Дэлли почти в ухо.

— Додо! — крикнула Тильда, застыв на месте.

Жаклин только дёрнулась, а Александр уже был рядом с дочерью и, подхватив пацанёнка, отставил его на безопасное расстояние. Жаклин, бросившаяся успокаивать заплакавшую дочь, посмотрела на папочку и заметила, что у того даже губы побелели. Он схватил Додо за руку, но тут же остолбенел — на предплечье мальчика, прямо повыше запястья обычной шариковой ручкой были написаны штук восемь-десять цифр.

— Что это? — вытаращил глаза Алекс.

— Это мой номер телефона, — ответила встревоженная Тильда. — Когда я иду в парк не с одним Додо, всегда пишу ему свой телефон на руке. С ним иначе нельзя — обязательно потеряется. Уже было такое, когда приезжала кузина из Тулузы.

Алекс усмехнулся и отпустил мальчугана, который даже не сильно обратил внимание на него и на заплакавшую Дэлли, продолжая выражать свою поддержку уже вовсю летящим ракетам.

И после этого Жаклин заметила, что отношение Александр к Додо заметно охладело.

— Как она себя вела? — тихонько спросила она у Тильды, когда дочь успокоилась.

— Как нормальный ребёнок, — пожала плечами та. — Спала хорошо, только кушала плохо. Но она у тебя понимает английскую речь, она приучена к диалогу со взрослыми. Ей говоришь, объясняешь, она слушает и старается понять. А как у вас дела? — зыркнула женщина на Алекса.

Жаклин в смущении сложила губки бантиком и потупила взгляд.

— Нормально, — буркнула она. Но тут же спохватилась. — Александр, дай ключи.

Тот вынул из кармана ключ от квартиры миссис Бикстер и протянул его Жаклин.

— Спасибо тебе за всё, — отдала девушка ключ хозяйке и чмокнула в щёку.

Ты расплылась в довольной, хитровой ухмылке.

— Ну, и? Какое блюдо тебе понравилось в моём ресторане больше всего?

У Жаклин лицо вытянулось: Париж они с Александром посмотрели, а вот про блюда совсем как-то и не подумали.

— Эм-м-м...

— Александр? — выгнула Матильда бровь на парня.

— Эм-м... что-то там зелёное в тарелке...

— Ты такой засранец! — в шутливом жесте топнула ногой женщина. — И Жаклин заставил забыть названия блюд, и сам не помнишь! Это неслыханно! — стала она руки в боки, радостно улыбаясь своей красивой улыбкой.

— Один-ноль в мою пользу, — в свою очередь пожал плечами мужчина. — Всё как всегда, — он лучезарно улыбнулся, думая о том, что на Жаклин сейчас нет трусиков. Вот об этом он, как ни старался, всё никак не мог забыть.

А Жаклин подумала о том, что и по улыбкам он тоже, пожалуй, выиграл.

«Два-ноль, — поправила она его про себя. — Да, всё как всегда».

* * *

— Я еду с вами в Лондон! — только лишь войдя в дом после работы и появившись в

гостиной, заявил Кирк. — Если что, прикроешь меня? — обратился он к жене, которая в этот момент готовила стол к ужину.

— Разумеется, — кивнула та и улыбнулась.

— Чёрт, — стукнул кулаком в ладонь мужчины, — вы ведь поедете в Глазго, — дядя посмотрел на Алекса, который в это время, сидя в кресле, пытался распутать не то ноги, не то уши у пса Плуту из кукольного театра дочери. Дэлли с Додо в это время разносили по кирпичику детскую, а Жаклин в комнате для гостей собирала чемоданище.

— Эх, хотел бы я видеть лицо Алисы... — Кирк запнулся на полуслове.

— Когда она встретится с внучкой? — выгнула на него бровь супруга.

— Именно! Пропустить такое зрелище! — мужчина потряс раскрытыми кистями в воздухе.

— Это тебе не представление, — отрезала женщина, направляясь в кухню. — Твоя сестра, скорее всего, предпочла бы увидеть Дэлли года на три раньше. А ты собираешься глазеть на её растерянность.

— М-да... ты как всегда права, дорогая, — мсье Бикстер шмыгнул уголком рта. — Но я всё равно посмотрел бы.

В Англию они отбыли на предпоследнем Eurostar с Северного вокзала Парижа до Сент-Панкрас в Лондоне. В вагоне Алекс сел вместе с дядей, а Жаклин впереди них разместила с Дэлли на руках, хотя рядом место пустовало.

Минут через двадцать пути дочь заснула, и Кирк попросил взять её на руки, а девушка расположилась на двух креслах и тоже немного вздремнула.

Последнее, что она видела, прежде чем сомкнуть веки, это замелькавшие фонари-тире тоннеля под Ла-Маншем, а когда проснулась, за окном уже мерцали огни небольших прибрежных городков родного Туманного Альбиона.

Проводница разносила кофе и чай, Дэлли мирно спала на руках у отца, а дядя с племянником всё ещё что-то довольно оживлённо обсуждали.

«Бикстеры — машины, а не люди, — скептически резюмировала Жаклин, выпрямляясь в кресле и протирая ладонями лицо. — Интересно, Кирк вообще когда-нибудь устаёт?»

От вокзала добирались на такси, которое сначала довезло Кирка до его квартиры, а потом уже приехали и семья МакЛарен.

Сразу же по приезду мама с папой уложили, так и не проснувшуюся, Эдельвейс в её кроватку, а сами прошли в свою.

— Иди ко мне. — Александр без предисловий и прелюдий наконец-то воплотил в жизнь своё навязчивое желание нырнуть рукой Жаклин между ног, зудевшее в нём всё то время, пока она гуляла по Диснейленду без трусиков.

Этот факт прямо-таки не давал ему покоя. Там, даже там, посреди Белоснежек, фей и бесчисленной толпы малышни под ногами, он чувствовал, что распалается. Предыдущей ночью его тело вспомнило, что такое секс с любимой женщиной и начинает подымать на дыбы физиологию. Его вот-вот рванёт изнутри. Именно этого он и боялся.

Правда, тут бедняге немного повезло — горло першило прямо-таки нешуточно, нос «дал течь», а в позвоночнике уже болезненно чувствовались все позвонки в отдельности и даже места их сочленений. Это немного отвлекало. Но недостаточно.

Видя, что мужчина после её «тайного стриптиза» готов опять форсировать события, Жаклин для начала улеглась на него сверху и зарылась ему пальчиками в волосы, а он поглаживал её нежную шёлковую спинку, не забывая и о ягодицах. Её большие груди

приятно ласкали торс, а нежное голое тело волшебно чувствовалось по всей длине его роста. Они долго так лежали и целовались, переплетаясь ногами.

Александр немного пришёл в себя, и всё потекло медленно, протяжно, со вкусом и дегустацией. Сейчас кроме всего прочего, они находились дома, появилась возможность почувствовать теплоту и гладкость кожи, не мять друг друга руками, а нежить и окутывать лаской, не хватать всё без разбору, не зная, куда податься сперва, а с толком, с расстановкой насладиться тем же самым, но уже задерживаясь и никуда не торопясь. Да и в голове, слава Богу, не рвались снаряды, оставляя после себя лёгкую контузию, оглушая и дезориентируя.

Александр, не разжимая рук, перекатился на девушку и навис над ней. Он долго поигрывал упругой грудью, не торопясь, ласкал пальцами между ног, сколько хотел впивался в губы посасывал, покрывал поцелуями личико. А потом перевернул её на живот и, пройдя языком в ложбинке позвоночника, вошёл сзади.

— Сладкая... — переводя дыхание, поцеловал он Жаклин в волосы.

А когда оба уже затихли, с чувством и любовью чмокнул в попку.

— Моя.

Кстати, именно это и приходилось вспоминать Жаклин последующие два дня, потому как в первое же утро уйдя в офис около девяти, парень вернулся оттуда только к полуночи — слишком много вопросов накопилось у них с Кирком.

Жаклин пришлось днём самой взять Дэлли за руку и вместе с ней съездить к Абрамсонам за Сулой. Там они с дочкой засиделись за чашкой чая, и девушка чистосердечно призналась своему пожилому врачу и его Саре, что собирается уехать с Александр в Нью-Йорк, даже не смотря на столь нехороший «анамнез» их отношений, отягощённый его предательством.

Доктор Абрамсон внимательно слушал, почёсывал лоб, шевелил губами и бровями, его супруга всё это время молча теребила матерчатую салфетку. В конце концов, мужчина только лишь многозначительно вздохнул и сказал, что Жаклин всегда может на них рассчитывать, а миссис Абрамсон согласно кивнула.

А на вторую ночь Александр не пришёл вообще, заночевав у Кирка на квартире. Объяснил это тем, что не хотел будить своих девочек в три часа ночи, а потом ещё и в шесть утра, когда ему предстояло отвозить дядю в аэропорт — тот улетал домой. Да и поговорить перед расставанием им явно было о чём — неизвестно, когда доведётся свидеться в следующий раз.

К Жаклин он приехал сразу из Heathrow. Она только успела проснуться и выгулять Сулу, как перед её порогом остановилась тёмно-зелёная Maserati Gran Turismo.

— Ну что же, завтра отправляемся в Глазго, — сидя на кухне за утренним кофе, Александр наблюдал, как девушка варит молочный мусс для дочери. Только что проснувшаяся Дэлли в это время чистила зубы в ванной под присмотром Сулы. — Чёрт, надо как-то прорваться в хайлэндс! — проутюжил парень кулаком поверхность стола и, отхлебнув глоток горячего напитка, взялся рукой за горло.

«Дьявол! Долбаные вирусы!»

— Хоть на день, — подытожил он так, будто в эту болезнь действительно собирался умереть.

— Так давай съездим, — подседа к нему на колени Жаклин и обвила руками вокруг широких плеч спортивной выправки.

Влюблённые вместе не пробыли ещё и недели, но девушка уже успела до ломки в теле и

трясучки в кончиках пальцев привыкнуть к «обнимашкам» со своим мужчиной. Ей было жизненно необходимо пощупать его, потрогать руками, подышать им, приложить ухо к родному любимому торсу. Только так она могла чувствовать себя живой, полноценной, цельной и уже «человеком» жить дальше.

— Мать будет против, — растянул губы Алекс. — Но посмотрим. Я сегодня постараюсь более-менее всё подогнать в офисе... — взял он в кольцо рук её талию под футболкой и хорошенько сжал, — и позвоною Эшли. — После чего зарылся лицом в шею и поцеловал в ямочку ключицы. — Хочу, чтобы она присутствовала... там... с нами. — Парень отстранился. — Тётка не помешает, — и чмокнул девушку в щёчку.

Жаклин обратила внимание, как он возмужал за эту неполную неделю. Она сидела на коленях уже не у оптимистичного, задорного победителя, который предлагал ей легче отнестись к его поступку и к тому, что за ним последовало. Тот, вернувшийся из Штатов Алекс сейчас превратился в серьёзного, встревоженного мужчину «глотившего» ответственности за ребёнка. За своего ребёнка. Как виделось девушке, с непривычки и по незнанию он даже излишне напрягается и драматизирует.

«Ничего. Привыкнет».

И как бы ободряюще поцеловала парня в щетинистую скулу.

Но как оказалось, «привыкание» — это игра, в которую могут играть трое: он, она и их совместный быт.

Слияние двух людей со столь различными уровнями жизни, привычками, запросами, потребностями и, конечно же, возможностями, просто не может пройти ровно, гладко, без шероховатостей и несостыковок. И даже, несмотря на то, что всё это, при желании, преодолевается, а иногда так и даже неплохо обогащает общение, тем не менее, новые условия требуют к себе и новых подходов. А если конкретней, то финансовых затрат.

Раньше мама с дочерью жили исключительно оседло, развлечения позволяли себе не очень часто и только более-менее недорогие, чтобы не терять платёжеспособности.

С появлением папы всё изменилось. И даже если на поездку во Францию Жаклин не потратила ни пенни, то вот что касалось Лондона, то тут всё шло по другому сценарию. За эту неполную неделю выяснилось, что одно дело прокормить двух женщин с плохим аппетитом, а другое, когда к ним присоединяется один мужчина с хорошим.

Конечно же, во время того, их первого совместного похода в магазин полностью дезориентированная и растерянная Жаклин просто не в состоянии была об этом подумать. Тем более, что и подобного опыта ей пока нажать не посчастливилось. Да, когда-то в её жизни был Чарльз, но тот входил в её дни, не говоря уже о ночах, медленно, постепенно, так сказать «в гомеопатических дозах». Не то что Александр. Да и таким уж отменным аппетитом как мистер МакЛарен, мистер Рочестер не отличался.

И вот сейчас.

Девушка оглянуться не успела, как к их отправлению в Глазго в доме опять почти закончились продукты. Чтобы и дальше полноценно кормить Алекса и себя с Дэлли, ей предстояло отправиться в магазин. Столкнувшись с тем ужасающим фактом, что у неё денег имеется только на пару закупок, в первую секунду она даже испугалась — сказались четыре года ответственности за бюджет и рацион. Но потом выдохнула и задумалась.

Ей ещё не приходилось просить деньги ни у кого. Ну, может, когда-то в детстве у дядюшки на мороженное, но это не считается. Когда Жаклин училась в Университете, опекун всегда посылал ей определённые суммы два раза в месяц, не спрашивая: нужно или

нет. Он отлично помнил: что такое студенчество и долгая учёба.

У Чарльза ей тоже заимствовать не доводилось — тратила она немного и для этого зарабатывала вполне достаточно.

Таким образом, покупая сегодня днём в близлежащей лавке на предпоследние деньги мясо, ветчину и сыр, то есть всё то, что любит кушать её мужчина, Жаклин ясно понимала, что стоит на пороге одного из самых важных шагов в своей жизни. Очень уж ей хотелось как-нибудь по-умному распорядиться готовностью парня её обеспечивать. Тупо взгромоздиться на его шею и чувствовать себя этим реализованной, она не собиралась.

В принципе, в сложившейся ситуации у девушки не присутствовало такого уж непреодолимого эмоционального барьера. Она доверяла парню и доподлинно знала, что ей стоит только заикнуться, и у неё будет всё. И даже больше. Но и того, как она ему объявит, что ей нужны его деньги, тоже не представляла. Как-то так прикинув, поняла, что даже не в состоянии слова подобрать к этой ситуации. О том же, чтобы полностью отвергнуть помощь МакЛарена речи тоже идти не могло — даже если она устроится на три работы, то всё равно не потянет его запросы и привычку ни в чём себе не отказывать.

Так она промучилась сомнениями и раздумьями два дня, пока не подошла поездка в Глазго, и Жаклин отложила свои терзания до возвращения — в дороге мужчина платил за всё сам.

Но кое-что девушку радовало несказанно — Александр ни намёком, ни жестом не показывал своей озабоченности каждодневными расходами на совместное питание. Для неё это значило только одно: у него не имелось никакого опыта семейной жизни. Несмотря на свою готовность взять финансовые вопросы исключительно на себя, он совершенно не привык планировать совместный бюджет и кого бы то ни было обеспечивать. Жаклин даже выдохнула с облегчением. От этих мыслей у неё поднималось настроение, и она с радостью запаслась надеждой, что может ей представится какая-нибудь случайность намекнуть ему в поездке, ну, или вдруг Александр со временем и сам додумается.

Вечером на семейном совете решили Сулу взять с собой. Та всеми лапами была только «за».

Четыре часа в поезде прошли «весело» и «непринуждённо».

Глава 66

Трудно ли рисовать волосы

Началось с того, что Сула с Дэлли вдвоём наотрез отказались понимать все эти «живодёрские» замашки человека в виде намордника. Объяснения мамы о том, что кругом люди, ясности не добавляли и облегчения не приносили. По мнению обеих, люди присутствовали везде: и на улице, и в парке, но почему-то там свободу собаки не попирали столь жестко, если не сказать жестоко.

Самой суровой мерой являлось укорачивание поводка. А здесь!

— Мамуля, Сулачке больно! — чуть ли не хныкала дочь, сидя на руках у отца и глядя, как их хулиганка с непривычки всё время трясёт мордой, и то и дело ковыряет лапой перепонки толстой кожи с заклёпками.

— Нет, Дэлли, ей не больно. Ей просто непривычно, — гладила хозяйка «Сулачку» по спине, пытаясь хоть как-то её успокоить и тогда, возможно, затихла бы и Дэлли. Но такие незначительные, поверхностные меры результатов не приносили, поэтому папа перешёл к кардинальным. Почти драконовским. Ему надоело смотреть, как волнуется дочь, он сдвинул брови и рявкнул на Сулу хорошим низким басом, сдобренным увесистой порцией раздражения.

— Сула, лежать!

Кстати, после Франции, Александр начал звать собаку на французский манер, делая ударение на последнем слоге. Дэлли это жутко понравилось.

Сейчас на него выпучили глаза все три женщины. Да ещё и через проход сидели две молоденькие девушки и всё время с умилением заглядывались на породистое животное. Может быть, ещё и поэтому фараонова собака посмотрела на мужчину так, словно вообще не понимала, как этот «человек из народа», практически плебс, может приказывать ей, той самой, чьи предки ходили в любимцах ещё у самих фараонов. Да и сейчас вон, она не может спокойно проехать и часа в поезде не привлекая внимание и не вызывая восхищения.

Но кому-кому, а «человеку из народа» всё это было очень знакомо. Любованием и восхищением его не удивишь и победишь. Поэтому он не отводил взгляда от собаки, пока та не послушалась.

Почувствовав агрессивную, волевою энергетику от «плебса», Сула решила «проиграть сражение». Сделав недовольную физиономию, она, тяжело кряхтя и вздыхая, как старая бабка, уложила свои члены у ног хозяев и затихла. Но тут же подняла морду к Алекса, как бы вопрошая: «Я всё правильно сделала? Так надо, да?»

— Умница, — похвалил её мужчина с улыбкой в голосе.

И через некоторое время Дэлли действительно уснула, растянувшись на руках у папы с мамой, и смогла немного поспать. А когда проснулась, то в ней так же пробудилась и творческая личность.

Ребёнку захотелось рисовать. Мама достала из рюкзака карандаши и альбом, и довольная юная художница, вдохновлённая атмосферой поездки, развела бурную деятельность и принялась творить.

Александр сидел у окна через стол от дочери, как бы уютившись в угол между креслом и стеной вагона. Он обнял Жаклин за шею, поэтому она прилегла на него спиной. В

один из моментов, мужчина не выдержал и, воспользовавшись тем, что их ребёнок сосредоточен на живописи, закрыл глаза, с чувством зарывшись носом своей девушке в волосы, и с наслаждением вдохнул её аромат. У той веки опустились как под гипнозом, она сразу же обмякла и, повернув голову к мужчине, уткнулась лицом ему в шею. Легонько поцеловала или даже просто коснулась губами и затихла.

Когда они перестали шевелиться, обоим сразу не понравилась окружающая тишина, если не считать звука хода поезда. Она показалась какой-то подозрительной. Кажется, родители одновременно поняли, что это перестал скрипеть карандаш их дочери об альбомный лист. Папа с мамой дружно распахнули глаза и застыли.

На них уставились два распахнутых «тюльпана».

К тому же, Дэлли не смогла поглотить столь удивившее её зрелище только глазками, поэтому открыла ещё и свой маленький кукольный ротик. Она смотрела на своих родителей, как на нечто ошеломляющее, как на первый восход солнца в своей жизни. Это были глаза ребёнка, открывающего для себя мир. В них не виднелось и намёка на какую бы то ни было оценку или отношение. Только знакомство и открытие.

Жаклин сглотнула, а Александр показательно чмокнул её в щечку, широко улыбнулся и обратился к дочери:

— Нарисуешь нас с мамой?

Дэлли отмерла, заморгала, сморщила носик и опустила голову в свой листок.

— Нет, — неловко мотнула она головой. — Я не умею рисовать волосы.

По приезду в Глазго, они первым делом выгуляли в парке возле вокзала свою «особу, приближённую к императорам», а потом на такси отправились за Эшли.

Погода стояла ветреная и пасмурная, но на голову не капало, за что путешественники были небу несказанно благодарны. Не иначе как им благоволили Боги фараонов.

— Привет! — воскликнула, встречающая их у подъезда, Эшли, увидев Дэлли и Алекса. Папа с дочкой вышли из такси, а мама осталась в машине с Сулой. — Привет-привет, — бабушка трёх внуков, привычным движением обняла маленькую гостью, но на руки брать не стала, боясь испугать ребёнка своим напором. — Как же я давно тебя не видела! Какая ты уже у нас большая и красивая. И на папу похожая, — добавила она тихо, поднимая голову на парня, который шёл следом за дочерью.

— Эдельвейс, познакомься с бабушкой Эшли, — сказал он, тоже обнимая любимую тётку. Ту самую, которая так и не сказала ему, что у него растёт дочь. Вообще-то, Александр уже вспоминал Эшли и, конечно же, вначале хотел приехать и хорошенько с ней поругаться. Но всё это сквозь уважение к женщине, которая умеет так прочно хранить тайны. А потом первая злость прошла, МакЛарен прикинул: что последовало бы за её признанием, и сдался.

«На её месте я бы тоже ничего не сказал».

«В поход на квартиру» Алисы выстраивались как войско перед сражением. Тактически и стратегически. С учётом назначения, экипировки и боевой мощи. Первый шёл Александр с чемоданищем, за ним — Эшли за ручку с Дэлли, а замыкали ряды Жаклин с Сулой.

— Сынок! — просияла от неожиданности Алиса, как только открыла дверь и увидела на пороге своего ребёнка с огромным чемоданом в руках. — Ого, какой у тебя... саквояж. Входи, как я рада тебя видеть! — обняла и похлопала она по спине парня. — Уж и не ожидала что... Эшли? — оторопела женщина в ещё не закрытую дверь, заметив подругу, поднимающуюся по лестнице вместе с какой-то маленькой девочкой.

— Привет, — заулыбалась Эшли. — Мы к тебе.

— Это хорошо, — гостеприимно улыбнулась Алиса, отпуская сына и глядя на свою внучку. — И кто же это с тобой?

— Её зовут Эдельвейс, — чётко произнёс Александр, снимая бомбер и набрасывая его на вешалку.

— Эдель... — начала было его мать, но что-то как-то замолкла на полуслове. Женщина прищурилась и внимательно присмотрелась к девочке, которая как ни в чём не бывало, входя в квартиру, мило хлопала глазками и старалась понравиться новым людям, у которых ей придётся гостить.

Немного рассмотрев ребёнка, Алиса вдруг сделала к Дэлли большой шаг и не очень крепко, но весьма волевым движением взяла её за плечи, как бы призывая не шевелиться. Дэлли слегка огорчилась, но ещё не забеспокоилась. После этого миссис МакЛарен присела перед ней и уже совсем близко принялась разглядывать личико внучки. Миллиметр за миллиметром, чёрточку за чёрточкой.

— Александр! — наконец резко выкрикнула она, не поворачиваясь к сыну. — Что всё это значит? — подскочила женщина и развернулась к своему ребёнку. — Ты ничего не хочешь мне объяснить? Эшли? — взглянула она на подругу, видимо, чувствуя, что на Алекса просто так не надавишь.

Та лишь кивнула на парня, как бы предлагая сначала разобраться с ним. Но тут в дверь постучали, и Эшли, ещё не отошедшая от входа, сразу открыла.

Те же и Жаклин с Сулой.

— Жа-а-ак? — уже не сдерживаясь и не стесняясь, выпучила глаза миссис МакЛарен, даже не удивляясь собаке.

— Здравствуй, Алиса, — несмело улыбнулась девушка, а Дэлли не выдержала, подбежала к маме и встала рядом, схватившись ручкой за ошейник Сулы.

— Так, давайте все успокоимся и пойдём в квартиру, — взяла ситуацию в свои руки Эшли.

Все засуетились и направились в комнаты. Хозяйка шла последней.

— Александр, Суле нужно помыть лапы, — услышала она тихий голос Жаклин.

— Да-да, идём, — парень направился налево по коридору в ванную.

«Он и Жаклин? Нет, только не это», — запаниковала Алиса.

Парень показал: как можно управиться с лапами, и поспешил назад к матери и Эшли, которая уже держала за руку Дэлли. Он переживал за дочь.

— Александр! — воззрилась Алиса на сына. — Это то, что я думаю?

Мужчина подошёл к дочери и осторожно, словно фарфоровую, поднял её на руки.

— Я её папочка, — впервые у всех на виду чмокнул он девочку в щёчку. Александр говорил, а у самого сердце замирало от возможной реакции ребёнка на его заявление вслух. Но Дэлли никак не отреагировала. Видимо, она не совсем понимала: что здесь вообще происходит, и что правильно и хорошо, а что неправильно и плохо.

К тому же, когда их лица встали почти на одном уровне, то и для взрослых его слова прозвучали как-то даже странно и нелепо. Как ненужное пояснение, излишняя подробность.

— Да что ты говоришь, — тихо, с насмешкой не выдержала Эшли и закатила глаза под потолок. — Никогда бы не подумала.

— То, что ты её папа, — между тем продолжила его родительница, — это я вижу, не слепая, а вот кто мама этой девочки? — с опаской застыла она в заинтересованной, но и в то же время враждебной позе, очень опасаясь услышать имя женщины старше её сына на

восемь лет.

— Как зовут нашу маму? — спросил у дочери Александр.

— Мама Жаклин, — машинально ответила та, с неопределяемыми интонациями.

Алиса в ужасе закрыла рот рукой.

«Это ведь я дура просила её присмотреть за ним в Англии».

— Ма, не паникуй! — тут же басом попробовал успокоить её сынок. — Ничего же страшного не произошло.

После такого «успокоения» у «ма» сделалось лицо, будто её озарила какая-то важная мысль. Идея.

— Не произошло? — с низким стартом в интонациях проговорила женщина. — Так, значит, не произошло. А ну-ка, зайка, — протянула она руки к внучке, — иди-ка сюда. — Алиса уверенным движением женщины, вырастившей двоих детей, одним из которых является Александр МакЛарен, подхватила Дэлли на руки, спустила на пол и тут же схватила сына за ухо. — Ничего страшного, да? Так ты говоришь: ничего страшного?

— Мам, это не смешно! — скривился тот от боли.

— Ты что творишь, я тебя спрашиваю! Дети это тебе что, игрушки что ли? Там сына оставил, тут дочь у него, оказывается, растёт!

В это время из ванной вышли Жаклин с Сулой.

— Сула, место, — увидев столь эмоциональную сцену, от греха подальше не громко, но быстро скомандовала и ткнула в угол пальцем девушка. Хулиганка тут же послушалась, хотя, судя по подвижному хвосту, была не прочь вмешаться и охладить накал первого знакомства. А Дэлли опять подбежала к маме.

Девушка не столько с волнением, сколько с любопытством наблюдала развернувшуюся перед ней трагикомедию. Она ни на секунду не сомневалась, что Александр не даст матери укорять её тем, что она из рук вон плохо присмотрела за её сыном в Оксфорде. Но, к сожалению, и саму миссис МакЛарен Жаклин знала не очень хорошо. Даже хуже Кирка. Поэтому, если о возможной реакции мистера Бикстер могла хотя бы догадываться, то поведение матери мужчины, которого любила больше жизни, для неё оставалось тайной покрытой мраком.

И вот мрак понемногу рассеивался на глазах, и Жаклин начала успокаиваться. Реакция Алисы показалась ей искренней, адекватной и вполне ожидаемой. Никаких «масок» и лживой затаённости.

— Мам! — в досаде отдёргнул руку матери Александр, — Да перестань ты! Ты пугаешь Дэлли! — посмотрел он на дочь, а потом оглянулся на Сулу. — Да и собака может не выдержать.

Алиса скривилась, видимо, от досады, что не дают ей возможности развернуться во всё её пышущее гневом нутро. А Жаклин с удовольствием отметила, что женщина, скорее всего, на самом деле не хочет пугать внучку. И действительно, бабушка оглянулась по комнате и, увидев ребёнка рядом с мамой, тут же нахохлилась.

— И как же это у вас получилось-то, а?

— Элис! — тут не выдержала уже Эшли и с укоризной посмотрела на подругу. — Александр, объясни всё матери поскорее, пока она тут не наговорила, о чём потом будет жалеть.

Парень набрал воздуха в грудь, после чего залез себе пятернёй в волосы и взъерошил их.

— Жаклин, Дэлли, идёте в комнату к Дженн, — выдохнул он и подхватил

чемоданище. — Там ещё есть куклы, и вообще, вы сможете отдохнуть.

Мама с дочкой послушно двинулись за ним.

— А ты, я смотрю, в курсе была? — услышала Жаклин позади себя голос всё той же Алисы.

— Ну... это была не моя тайна, ты же понимаешь, — оправдывалась Эшли. — Может, и ты что-то о моих детях знаешь, что мне ещё не время знать или вообще лучше никогда не узнать. — Последнее, что долетело до ушей девушки в исполнении мачехи.

Александр провёл их к себе и показал комнату Дженни рядом.

— Обе ванны в вашем распоряжении, — сказал он и, поцеловав Жаклин в губы, ушёл.

Когда парень вернулся в гостиную, там стояли тишина и Алиса. Эшли уже расположилась в кресле, а вот миссис МакЛарен всё ещё нервно озиралась по сторонам, как бы не найдя место куда приткнуться в собственной квартире. Сула, как ей и было велено, сидела в коридоре.

— Эшли правильно тебя остановила, ма, — сходу начал сын. — Она знает: как я люблю Жаклин и не дам её в обиду никому. Даже тебе.

— Какая Жаклин?! Причём здесь Жаклин?! — подскочила на месте Алиса. — У тебя жена есть! И сын!

Парень начал отрицательно мотать головой ещё, когда она говорила.

— Это не брак. Это сделка. Я спас Джесс от отца. Он гарантированно выгнал бы её из дома, когда она забеременела от... кого-то там. — Александр помолчал. — А потом она помогла мне с компанией. Гордон не мой сын.

Вообще-то, Алиса любила смотреть сериалы. Нравились ей эти бесконечные сцены с душещипательными выяснениями отношений и вскрытиями фактов отцовства.

Сейчас у неё появилось ощущение, что она в них снимается. Скрытой камерой, но в главной роли. Если сказать, что новоиспечённая бабушка была ошарашена, это ничего не сказать. Алиса застыла, её лицо разгладилось, ноги подкосились, она попятилась и грузно плюхнулась на диван. Глаза женщины смотрели с возмущением и беспомощной мольбой одновременно, а руки в бессилии лежали, если не сказать, валялись в подоле длинной кофты.

Молчала она долго. Её собеседники тоже не спешили открывать рты, ждали, что скажет мама.

— Святой Андрей, — наконец разлепила мама сухие губы и обхватила немощными руками голову, — кого я... родила.

И вот тут опять вмешалась Эшли.

— Я бы на твоём месте гордилась таким сыном, — поднялась она с кресла. — Ему только двадцать два! А у него уже! Пойдём на кухню, заварим чаю, — подошла она и взяла подругу за запястье точно так же, как не так давно Жаклин — сына этой самой подруги у себя на лестнице. Алиса послушно поднялась. — Он выручил Джесс, спас её от позора и скандала, полюбил прекрасную девушку. Ты же знаешь Жаклин! Она ведь хорошая, так ведь?

— Но он увёл её из семьи! — остановилась на месте Алиса и оглянулась на улыбающегося сыночка.

— Ой, не смей меня, — отмахнулась от неё как от мухи, Эшли. — Жаклин не дурочка, которую можно просто так взять и увести. Если ушла, значит, полюбила.

— Но они с Чарльзом казались такой хорошей парой, — опять двинулась с места Алиса, делая щенячьи глазки.

— Ну, значит, ключевое слово здесь «казались». И потом, у тебя есть прекрасная внучка. Ой, что будет с моей Марго, когда она узнает, что у Алекса с первой попытки получилась девочка. Она умрёт от зависти!

А Жаклин в это время располагалась в комнате и переодевала дочь.

Распаковав чемоданище, она сортировала одежду и попутно оглядывала помещение, в котором вырос её любимый мужчина. От обстановки на неё сразу же сильно повеяло домом Кирка. Один стул, один стол, один шкаф, один постер с Батистутой и кадрами с того самого матча «Аргентина — Ямайка», ставшим притчей во языцех, песочного цвета стены, жалюзи вместо штор, никакой мелочовки, ничего лишнего, идеальный порядок и только одна «изюминка». Холодильник! На стене за шкафом примостился небольшой подвесной холодильник.

Жаклин умилительно улыбнулась.

«Александр».

Пока Дэлли вытаскивала свои игрушки, её мама в поисках кукол мельком заглянула и в соседнюю комнату Дженнифер.

Полная противоположность.

Стены разрисованы какими-то небольшими сценками из мультиков или «Звёздных войн»; красивые шторы и гардины на окне; постер с разложенным на мельчайшие оттенки цветовым спектром; один стул; но зато в углу перед окном стояло, казавшееся особенно огромным в небольшой комнате, очень мягкое кресло с красочным пёстрым чехлом; широкий шкаф с бумажными холстами, кисточками и ещё кучей всякой мелочовки. А ещё множество каких-то маленьких ковриков на полу и нет холодильника. Короче, бардак.

«Дженни — творческая личность», — тоже улыбнулась Жак. Она оглядела комнату в поисках обещанных кукол и не увидела их. Но зато на бортике за кроватью выстроились в ряд мягкие игрушки. Все сплошь собаки. Без исключения. Большие и маленькие, пушистые и милые, забавные и с лапками-верёвочками. Гостья схватила парочку самых необычных и вернулась к дочери.

Вечером все собрались за столом в гостиной.

Бабушка сидела рядом с Дэлли и не сводила с неё влюблённых покрасневших и слезящихся глаз — аллергия на близкое присутствие собаки в кои-то веки пригодилась и помогла скрыть настоящие слёзы радости и долгожданного счастья.

Алиса в любвеобильном порыве всё время норовила попотчевать внученьку чем-нибудь вкусненьким и, пребывая в полной уверенности, что для маленькой девочки это: конфетки, шоколадки и тортики, намазала ей печенюшку сладким молочным кремом со вкусом пломбира.

Однако, когда ребёнок пару раз попросил утиного паштета и нарезного бекона, бабушка быстро сориентировалась и, вспомнив, чья перед ней дочь, собрала со стола всё мясное и выставила перед Дэлли в ряд.

А перед её сыном теперь выстроились в ряд множество задач, и самая сложная из них: как сказать матери, что они ненадолго, а если точнее, то на два дня, а потом их ждёт хайлэндс.

— Вот вы здесь немного погостите, — опять помогла ему Эшли, — а потом я позову Марго с мальчиками. Надо собрать вас всех у меня.

— Нет, — с серьёзным видом покачал головой Алекс. — Мы поедем к ним сами. Мне нужна машина. — Парень воровато покосился на Алису и быстро добавил высоким,

писклявым голосом: — Смотраться в горы.

Его мать подскочила как ужаленная. Судя по всему, нечто подобного она и ожидала.

— Не пуцу! — резко выкрикнула женщина и надавила сжатыми кулаками на край стола. — Где это видано: к родной бабке внучку на один день за почти четыре года привозить! Вы с Жаклин езжайте, а Дэлли оставьте мне.

— Она не станется, — вздохнула Жаклин.

— Я её не оставлю, — резко заявил парень. — Мне уже скоро в Штаты возвращаться.

— А они? — кивнула на Жаклин с Дэлли Эшли.

— Жаклин написала заявление на увольнение, но её обязывают отработать ещё две недели, — парень скривился от досады. — И она собирается отрабатывать, — посмотрел он на свою девушку как на юродивую. — Хотя я бы их послал, — Александр махнул рукой куда-то в чернеющую ночную даль за окном, как бы указывая вектор, по которому он отправил бы этих «ушных ребят в белых халатах», как уже успел окрестить Седьмой госпиталь вкупе со всей медициной Великобритании в одном из последних пререканий на тему «благотворительной деятельности» его любимой женщины. — Да и у Сулы карантин. А я не могу столько ждать. Вернусь за ними, когда документы на собаку будут готовы.

Тема того, что Александр опять собирается уезжать в свою Америку без них, каждый раз вызвала внутри Жаклин волнение и тревогу. Она всё видела и всё понимала, но ничего не могла с собой поделать. И даже сильное желание доверять своему мужчине не помогало.

Да, девушка осознавала, что сейчас уже всё не так и всё по-другому, не то что четыре года назад, но не действовало даже это. Ей нужен был Александр и всё. Нужен рядом, возле неё, с ней, вокруг и около. Как воздух, как солнце. Она смертельно устала выживать без него.

Поэтому, пропустив все эти наезды на её работу мимо ушей, она с такой болью в глазах и так серьёзно взглянула в глаза парню, что тот даже чуть поперхнулся и, опустив голову в тарелку, больше не сказал ни слова.

В эту ночь Жаклин заснула вместе с Дэлли в комнате Дженни, но Александр, засидевшись допоздна с Эшли и Алисой, пришёл и перенёс её на руках к себе.

— Давно мечтал любить тебя в своей постели, — сказал он, задирая девушке футболку и хватая ртом её сосок.

На этот раз, кроме всего прочего, всё происходило ещё и почти без звука. В режиме «No sound». Вместе с влюблёнными в квартире чутким, тревожным сном бабушек спали две женщины с отличным слухом. Поэтому, когда ритмично закрипели пружины старенькой кровати, молодёжь прыснула со смеху и всё-таки перетащила матрас на пол.

На следующий день, пока все просыпались и бегали по квартире в утренних хлопотах, Жаклин в коридоре поймала мачеха.

— Ты знаешь, — потянула Эшли девушку рукой в комнату Дженнифер, — дело в том, что Александр тут присылал тебе деньги.

— Деньги? — нахмурилась Жак. — Какие ещё деньги? Когда присылал? — округлила она глаза.

— Ну... все эти четыре года он посылала тебе деньги.

Девушка один раз моргнула.

— Да. Но я тебе их не отдавала. — Мачеха говорила с мягкими, вкрадчивыми интонациями, как бы делая падчерице скидку на сенсационность новости.

— Почему?

— А ты бы их взяла?

Жаклин опустила голову и посмотрела на коврики Дженни.

— М-да, ты права, — она зажала себе нос пальцами и шмыгнула.

— Но он отказывается их брать назад. И я его отлично понимаю, и знаю, да и ты знаешь, что если он сказал, то точно не возьмёт. Мне их перечислить на твой счёт? Или, может быть, ты заведёшь счёт Дэлли?

— А сколько там?

— Примерно сто тысяч долларов.

— Сколько?! — испуганно закричала падчерица. Таких сумм она даже немного побаивалась.

— Ну... он перечислял по две тысячи в месяц. Иногда больше, — пожала плечами Эшли.

— Да, — как болванчик кивнула Жаклин. — Перечисли. Буду кормить его мясом.

— Что, прости? — сдвинула брови мачеха.

— Да так... ничего.

После обеда они двинулись за город, в район Mollinsburn, к МакРоссам.

Итан как раз взял небольшой отпуск, поэтому гостей встретило всё семейство: Марго и её пятеро мужчин. Чемми, уже давно выросший, но не повзрослевший, скакал тут же как маленькая козочка.

— Ой, какая девочка с вами приехала! — всплеснула Марго руками и широко заулыбалась, увидев Дэлли за ручку с Алисой, когда те, выйдя из машины, направились по дорожке во двор. — Приве-е-ет, — протянула она, наклоняясь к ребёнку, чтобы поприветствовать. Но потом весёлость, хоть и не очень быстро и охотно, но всё-таки сползла с её лица, уступив место удивлению и сосредоточенности. Женщина вцепилась глазами в лицо ребёнка, будто ощупывая его взглядом. — Ой, какая девочка с вами приехала, — повторила она басом полностью ошарашенная и, насупив брови, выпрямилась.

— А это вот моя внучка Эдельвейс. Дочь Александра и Жаклин, — даже с какой-то долей сарказма в голосе вывалила новость Алиса.

Марго часто заморгала глазами, потом открыла рот, по всей видимости, собираясь что-то сказать, но вовремя спохватилась и прикрыла его ладонью. После чего попыталась вытереть руки о свою футболку. Наконец она сглотнула и посмотрела сначала на Жаклин, а потом и на Алекса, выходявшего из-за руля машины её матери.

— Да... действительно... Александр, — подытожила женщина, переводя взгляд на Эдельвейс.

Но Марго всё-таки являлась матерью трём сыновьям, а это почти Ми-6 и спецназ «в одном флаконе», поэтому вышибить у неё почву из-под ног было не так-то просто.

— Ну и молодцы, что приехали! — всплеснула она руками и заулыбалась, не сводя глаз со своей новой знакомой. — Привет! — протянула она руку Дэлли. — Меня зовут Марго.

Дэлли, которой уже надоели все эти нескончаемые «новые» взрослые, в это время засмотрелась на трёх мальчиков, высыпавших на передний двор. А ещё в этот момент мимо неё проскакал Чемми, со всех ног спеша поприветствовать Сулу.

— Да, — рассеяно кивнула девочка, только лишь взглянув на протянутую ей ладонь, и опять отвернулась к пацанятам. Самый старший из них, Маркас, увидев Александра, ринулся к тому с воплем:

— Алекс, привет! Как здорово, что ты приехал! Ты обещал мне показать пару ударов, помнишь?

Марго умильно рассмеялась и погладила свою маленькую гостью по золотисто-пепельным волосикам.

— Вот именно такую дочку я и хотела, — с грустью призналась она чуть позже на кухне Алисе с Жаклин, поглядывая в открытую дверь на задний двор, где Итан вместе с сыновьями колдовали над барбекю.

Дом семьи МакРосс оказался вполне себе неплохой, добротной постройкой в шотландском стиле из современных лёгких материалов, в том числе и декоративных. Отличительную черту — обозначенные тёмным камнем углы, выдержали в традиционной цветовой гамме и размерах. Два этажа, два гаража, два двора: передний и задний, невысокая шлакоблочная изгородь с открытым входом без ворот и калиток.

Эшли уехала дальше по делам кафе, Александр на переднем дворе занимался с машиной Кирка, Эдельвейс, которой, судя по всему, окончательно разонравилось служить предметом умиления и любования, застыла в дверях кухни и как замороженная, не шелохнувшись, наблюдала за процессом поджарки мяса и сосисок.

Трое пацанов кружили возле отца словно муравьи, и каждый старался обратить на себя внимание, так редко бывающего дома родителя. А за их спинами уже как старые приятели-задиры скакали Чемми с Сулой. Даже Жаклин заметила, сколько раз в минуту из этой компании звучало заветное слово «папа». Причём, кратко отца звали старшие сыновья, а младший Дональд всё ещё по-детски канючил: «папочка». Что творилось сейчас в белокурой головке её ребёнка оставалось только догадываться. Глядя на дочь, девушке взгрустнулось. Сколько ещё времени должно пройти, пока в маленьком сердечке Дэлли Александр займёт своё место, а в её лексиконе появится и прочно пропишется магическое слово.

Наконец, Итан, заметив стеснительность гостыи, решил её задействовать в процесс и пригласил вместе с мальчиками выколупывать зелёную фасоль из стручков. А пока дело дошло до застолья, Эдельвейс уже вовсю носилась с пацанятами по двору и дому и даже успела вместе с младшим Дональдом постоять в углу за то, что, найдя в траве кашку Чемми, они не сообщили взрослым, а растоптали её ногами.

Поэтому к обеду подошли с потерями — только одни взрослые.

Все выпили за встречу и Шотландию, разговорились о Глазго, Нью-Йорке, вспомнили Кирка и его семью, Рональда. Как только заикнулись про референдум о выходе их страны из Евросоюза, Марго замахала руками и взмолилась «только, пожалуйста, не о политике» и поспешила перевести тему на Дженни, которую ждёт с практики из Италии, чтобы вместе с ней начать ремонт кухни. Женщине понравилось, как девчушка оформила ей детские на втором этаже.

Алиса призывала всех присутствующих выказать своё неодобрение её сыну и Жаклин, которые привозят ей внучек уже подростками и только на один день, а потом опять увозят. На что, подоспевшая к столу Эшли тут же вставила, что с удовольствием пропустила бы пелёночно-младенческий период хотя бы у одного из своих проказников. Александр в шутку советовал матери не расслабляться, возможно, Дэлли не последнее явление его тайно рождённых детей, будут ещё и другие. И даже ещё более взрослые. Мать погрозила ему пальцем, а Жаклин боднула под столом ногой в коленку. Тётке парень предложил подать заявку на вакансию в МИ-6. Ей там прогулы ставят и, если что, он напишет для неё такую рекомендацию, что её возьмут сразу начальником отдела. Кадров. Все дружно выказали готовность эту рекомендацию подписать. А когда Марго опять подняла больную для себя тему гендерной принадлежности детей, парень предложил Итану свой мастер-класс по

зачатию девочек. Платно! На что Итан внёс встречное предложение не торопиться и подождать пока у Александр будет три девочки.

— Вот тогда и поторгуемся, — сделал он улыбку чеширского кота.

Смущенная Жаклин молчала. Она опять наблюдала за своим мужчиной. Если за столом в доме Кирка ей вспоминался Александр на вечере в честь Чарльза, то сейчас перед её глазами встала картинка их первого совместного ужина здесь, в Глазго. Тогда перед ней предстал отстранённый, холодный красавец, сосредоточенный на себе и внутри себя. Обаятельный и притягательный балагур и экстраверт, сидящий возле её сегодня, не лишней раз показывал, что этот парень может и умеет быть разным, полон сюрпризов и, скорее всего, ещё не раз её удивит.

«Если он продолжит в том же духе, я умру от любви к нему. Я просто не выживу», — не стесняясь, полностью отдалась наслаждению девушка. Именно в эту минуту она вспомнила, что им опять предстоит разлука.

* * *

— Доброго здоровья благородному собранию! — прозвучало откуда-то с парадного входа, когда застолье уже подходило к своему закату. Все присутствующие, кроме Жаклин — она вышла на задний двор к детям — повернули головы на голос.

В дверях гостиной со стороны прихожей стоял Шон МакРосс.

Глава 67

Папочка

— Привет, Шон, — первой отозвалась хозяйка дома. — Проходи. — Она поднялась и, взяв ещё один стул у стены, начала его придвигать к столу между матерью и мужем.

Победоносно улыбаясь, гость поздоровался за руку с братом и Александром и поклонился дамам. Получилось, что его усадили за стол прямо напротив парня. На кричащих с заднего двора детей, он, разумеется, не обратил ни малейшего внимания.

— Ты к матери в гости? — улыбнулся он Алексу, отклоняясь и позволяя Марго поставить перед собой тарелку.

— Да, — сдержанно кивнул тот.

Не сказать, чтобы парень напрягся. Отнюдь. Во-первых, он уже виделся с Шоном после того злополучного дня, когда МакРосс катал Жаклин по всему Глазго. А во-вторых, сейчас у него уже есть все права при малейших поползновениях со стороны работника транспорта в сторону Жак, показать ему своё к этому отношение и если тот не поймёт, то увеличить степень доходчивости до максимальных значений любым удобным для себя способом.

А вот Марго напряглась. Как-то уже давненько они с матерью обмолвились при Шоне, что Жаклин развелась с мужем и ушла от него. Этот холостяк тут же заинтересовался столь занимательным фактом и попросил свести его с девушкой. Обе женщины, даже будучи в разной степени осведомлённости о делах Жаклин, одинаково интенсивно замахали на него руками и сказали, чтобы он не выдумывал. Но Шон всё-таки улучил минутку и шепнул Марго на ушко, что не шутит и действительно хотел бы повидаться с Жаклин. На что она ответила, что как только та приедет к ним в гости в Глазго, так ему и поводья в руки.

И вот сейчас женщина переживала, что её деверь эти поводья в руки действительно возьмёт.

Когда Жаклин вернулась с заднего двора, то, увидев нового персонажа, сразу же настороженно застыла, но тут же спокойно поздоровалась, улыбнулась и села на своё место рядом с Алексом.

И началось.

Приехав, судя по всему, к брату, Шон моментально забыл о нём и сосредоточился на девушке. Сменив манеры делового мужика на повадки кота близ сметаны, он тут же абстрагировался от разговоров за столом, не спускал с Жаклин глаз полных любования и соблазнения и ловил каждое её движение. Он упивался её смущением и скромностью.

Но не долго.

Александр, в принципе, ничего против Шона не имел. Ну, обознался мужик, ну, с кем не бывает. Вообще-то парень считал младшего МакРосса человеком неплохим и вполне себе адекватным. Ему нужно только дать понять, что он опоздал.

И только парень хотел взять кусок мяса в своей тарелке и демонстративно обмакнуть его в соус с блюда своей женщины, как его сзади кто-то задёргал за рукав толстовки.

— Алекс, Алекс. — Тот оглянулся. Перед ним стоял Маркас. — Ну, пойдём, ты нам покажешь пару ударов. Помнишь, ты говорил вот про такой. Снизу. — И мальчик сделал какой-то неопределённый взмах рукой. — Ну, пожалуйста.

— Да-да, я сейчас, — улыбнулся МакЛарен.

Марго сидела и не знала: на что решиться. Раньше она обязательно запретила бы эти уроки бокса, потому как Маркас с Брайсом и так неплохо дерутся друг с другом. Иногда так просто не разнять. Но вот сейчас, может быть, это было и на руку, если бы Александр ушёл к детям, а они с Жаклин пока смогли бы всё объяснить Шону.

Алексу же в этот момент уже всё надоело, он готовился было поцеловать Жаклин в губы, да и дело с концом.

Пока они с Марго размышляли, Шон решил действовать. Он поднялся из-за стола, под неотрывным взглядом невестки обогнул его и, остановившись за спиной у Жаклин, обратился к Алексу:

— Паренёк, там тебя попросили показать пару ударов. Может, пойдёшь, покажешь, а я пока с женщиной пообщаюсь. — При этом в его интонациях или мимике не проскальзывало ничего отрицательного. Мужчина явно хотел, как можно сильнее всё свести к шутке и разыграть ситуацию непринуждённо.

Теперь за столом замерли все без исключения.

— Шон, — обратился к нему Итан.

— Что? — посмотрел на него старший брат и, встретив укоризненный, запрещающий взгляд, поднял вверх брови.

А Александр развернулся к мужчине всем корпусом, с места, естественно, не встал, а только лишь выпрямился в струнку, выпятив грудь колесом, после чего по кругу оглядел всех сидевших за столом. Парень приготовился поддержать шутливый тон, заданный ухажером его женщины.

— А может, лучше... — только он собрался предложить показать пару ударов вместо Маркаса самому Шону, как его перебили.

— Мама, мама! — влетела в гостиную Дэлли и бросилась к Жаклин. — Вот! — положила она ей на колени свой кроссовок.

Вообще-то это был не её кроссовок, а Дональда. Дэлли приехала сюда в красивых сандалиях с Микки-Маусами на носках, купленных в Диснейленде. Но те сейчас лежали на фундаменте и сушились на солнце, отмытые от какашки Чемми. Поэтому маленькой гостье надели обувь младшего МакРосса, которая ей оказалась чуть велика.

— Что случилось? — посмотрела мама на кроссовок.

— Он не держится! — сдвинула свои идеальные бровки девочка.

— Ладно. Пойдём, посмотрим, может, твои высохли, — девушка поднялась, взяла дочь за руку и уже собралась выходить, но тут ей предстояло протиснуться мимо Шона. — Оу, Шон, — как будто опомнилась она. — Познакомься, это моя дочь Эдельвейс. Дэлли, скажи дяде: «Здравствуйте».

Дэлли на улице ждали трое мальчишек и две собаки, поэтому у неё каждая секунда была на счету. Девочка совершенно не хотела останавливаться, тем более для знакомства с очередным «новым» взрослым. Но всё-таки сказала:

— Здравствуйте, — и тут же потянула маму из комнаты.

Шон проводил их хмурым сосредоточенным взглядом до двери, а когда они скрылись, автоматически вернул голову прямо и, так получилось, что упёрся глазами прямо в Александра.

Его лицо сначала окаменело, потом окаменело ещё сильнее, после чего исказилось ужасом, а затем озарилось догадкой. Маленькие глазки сделались чуть больше и остановились, как бы в беспомощности стать огромными адекватно степени удивления их

хозяйина. Но в следующее мгновение в них заплескалась лёгкая, несмелая улыбка. Мужчина как бы в неверии и неодобрении отрицательно покачал головой, в конце концов, улыбнулся и губами.

— Ну, ты и говнюк, — сказал он парню и, широко заулыбавшись, отошёл, в сторону, показывая, что инцидент исчерпан.

Марго выдохнула с облегчением, а чуть позже, когда они с Жаклин остались в гостиной вдвоём, посмотрела на девушку как-то так с сочувствием и заговорила со скорбью в голосе.

— Да, я всегда знала, что Александр просто так не женится и у него никогда не будет всё, как у нормальных людей. — Женщина грустно улыбнулась. — Но он всё равно меня удивил. — Потом она немного помолчала и подняла взгляд на Жаклин. — Ну, а как же Чарльз?

Та сделала щенячьи глазки.

— Хотя, — махнула на неё рукой Марго, — какой там Чарльз.

* * *

— Александр, а куда мы поедем в горы? В какой отель? — поинтересовалась Жаклин, прижимаясь к своему мужчине этой ночью. Они лежали в его комнате при свете уличных фонарей из окна, и девушка пальчиками поигрывала небольшими и ещё очень немногочисленными волосинками у парня на груди.

— В отель? Ну, вот ещё, — пробубнил уже засыпающий шотландский горец и поцеловал Жаклин в висок. — Пусть по отелям... туристы... — он не договорил. — А мы... к своим.

— К каким «своим»?

— Увидишь, — коснулся он губами её волос. — Спи.

Александр действительно повёз семью не на туристический маршрут или популярное место, затопанное приезжими гостями.

— Не хочу я толпу. Она мне в Нью-Йорке надоела, — чиркнул пальцем по больному горлу глава семьи, ведя новую Q7 Кирка по шоссе на замок Стерлинг. Они только-только выехали из Глазго, и за окном потянулся пригород с частными хозяйствами. Машина летела вдоль ограждений из подстриженного непроходимого кустарника или невысоких перегородок из рваного камня. На зелёных лугах паслись овцы, реже — свиньи или лошади. Сейчас всё вокруг было зелёным или тёмно-зелёным. Погода с утра настроилась пасмурно, но к обеду, судя по всему, могла сменить гнев на милость.

— Мне тут по телефону как-то Кит звонил. Помнишь такого чёрненького на моём дне рождения? — мельком зыркнул на девушку Александр, боясь оторвать глаза от дороги.

Та иронично улыбнулась. Конечно, она помнила его праздник в «№ 5». Такое не забывается.

Жаклин вспомнила Анну и тут же повернулась, посмотрела на заднее сидение, где в детском кресле сидела недовольная Эдельвейс. Быть пристёгнутой в этом «фиксированном ужасе» её начали уговаривать ещё вчера и все вместе: папа, мама и бабушка. Подключили даже Сулу, которая только-только оправилась от своего путешествия в наморднике, и вспомнили о Дональде, поскольку это было его кресло. Которое он, кстати, ненавидел ничуть не меньше, чем Сула — намордник. Алиса же то и дело, возвращалась к предложению не травмировать ребёнка и оставить ей и даже грозились приехать к ним в гости в Лондон, пока они не укатили в свою Америку.

— Наша с ним бывшая одноклассница вышла замуж за паренька тут одного. Я его так немного знал по городу. — Александр красиво и быстро, одним движением руля, без

поворотников и переключения скоростей, обошёл небольшой грузовичок. Водитель приноравливался к новой машине. — Ну, так во-о-от... у него родители владеют здесь недалеко рыбным хозяйством. У них в долгосрочной аренде небольшой рукав на Катрине и чуть подалее есть гостевой домик. Я уже звонил Реве. Ключ у управляющего.

— Рева, это кто?

— Моя одноклассница.

— А Катрина?

— Озеро.

— А куда мы пойдём гулять? Там есть гора Крика?

— Высоко не получится, — помотал головой парень и глянул в зеркало заднего вида на недовольную Эдельвейс. — Прогуляемся там недалеко... да и всё. — Пощупал он рукой горло.

Когда через пару часов они приехали на место, на территории хозяйства кипела работа. Туда-сюда ездил небольшой трактор, двое мужчин в каком-то высоком большом гараже наполняли мешки чем-то сыпучим, женщина в жёлтом комбинезоне макала огромные сачки в большую ванную с тёмной жидкостью.

Но здесь гости не задержались, и как только Алекс пришёл с ключом, направились дальше по грунтовой дороге вдоль берега озера. Не проехав и мили, они увидели расчищенную площадку перед небольшим, старинной постройки домом, где парень и остановился.

— Я сам тут ещё ни разу не был, — выходя из машины и потягиваясь, признался он. — Вот за этими деревьями, говорят, есть неплохая тропинка. — Указал он рукой на задний двор построек, за которым начинался невысокий лиственный лес и переходил в покатую, обычную для центральной Шотландии округлую гору, тоже сплошь заросшую. — По ней поднимутся даже непривыкшие.

Жаклин, очень боявшаяся, что Александр, как знаток и ценитель хайлэндса, опять завезёт их куда-нибудь в высокогорье и заставит там «умирать» на подъёмах, с облегчением выдохнула.

— Даже дети? — спросила она, тоже выходя из машины и глядя, с каким рвением Сула принялась осваивать территорию.

— Шотландские дети, у которых это в крови — вне всякого сомнения, — посмотрел на дочь мужчина и расплылся в улыбке полной гордости и умиления. — А спустимся с той стороны и там, в гостиничном комплексе, пообедаем.

Гостевым домиком оказался обычный небольшой жилой дом. Очень старый, но в хорошем состоянии и очень ухоженный. Скорее всего, это было жилище ещё тех, кто когда-то жил на озере и рыбачил. И судя по тому, какое обширное открытое пространство расположилось у подножия горы, когда-то дом здесь стоял не один. Просто ему чуть больше остальных повезло с хозяевами.

Озеро Катрина же предстало перед ними вполне себе обычным шотландским озером, если такие эпитеты вообще уместны для тамошних красот. Довольно крупное, с крутыми заросшими невысокими деревьями берегами, обступившими горами, рваной береговой линией, и парочкой традиционных островков и полуостровков.

Нынешним пасмурным утром ветер ещё не проснулся, поэтому поверхность воды оставалась спокойной, почти умиротворённой. Сейчас солнце уже слегка разорвало пелену туч и облаков, которые сегодня заволокли небо, не сортируясь на кучевые, дождевые,

перьевые и прочие, а с утра дружно столпились над средней Шотландией и спрятали от неё желанное светило. Но солнечные лучи, как бы протиснувшись между воздушными массами, где-то после десяти начали довольно резво расталкивать их в стороны «локтями» и часам к трём обещали окончательно победить в борьбе за место над Землёй.

Пока Жаклин раскладывала вещи и разбиралась с продуктами, которые они накупили по дороге в одной из придорожных лавок, Александр с Дэлли и Сулой прогулялся вдоль берега по направлению к хозяйству. Их не было что-то около часа, но по возвращению Жаклин узнала уже не всех. Во всяком случае, Сула больше напоминала Rang Rover после Camel Trophy — чистыми остались только спина и роскошные уши. А после того, что рассказали папа с дочкой, мама не смогла не возрадоваться, что они вообще вернулись в полном составе.

Как оказалось, возле хозяйства, где постоянно витал запах рыбы и рыбных кормов, в рецепт которых зачастую тоже входят отходы рыбной переработки, околачивались несколько котов и кошек, различной расцветки, упитанности и степени прирученности. А зная давнюю, засевшую в ДНК, любовь фараоновых собак к «усатому племени», нетрудно спрогнозировать, что Сула, учуяв дух «конкурирующей организации», тут же ринулась прямо в какие-то заросли кустарника.

Её ловили всем хозяйством и поймали только, когда одному из котов вздумалось спрятаться от неё на дереве. Пока они удирали от неё по кустам, погоня продолжалась. Александр пришлось волоочь охотницу к дому за ошейник, а она всё время оглядывалась итогу и гляди норовила всё-таки вернуться и восстановить справедливость этого мира — прогнать усатые исчадия ада с их кормушки на вольные хлеба.

Александр рассказывал, и они с Дэлли хохотали над тем, что ни одного усатого бедолаги они так и не увидели. Только слышали.

— Они от неё разлетались как пули. И свистели также, — в восхищении распахивал свои тюльпаны папа, а дочь хлопала в ладоши.

По приходу пришлось грязнулю оставить пока в коридоре, таким образом, ещё раз подтвердив её догадку о несправедливости этого мира.

Выпив чаю, все вместе вышли на улицу.

Александр принялся разводить огонь для барбекю, а женщины подошли к берегу озера и что-то там чертили на камушках. Грязная Сула вилась вьюном вокруг, как бы призывая всех не терять драгоценного времени и немедленно двинуться в «крестовый поход» на кошачьих.

Когда сухие дрова разгорелись, Александр подбросил в них немного веток, валявшихся на берегу, и подошёл к своим женщинам.

— Вот видишь это буковка «вэ», — поясняла мама дочке и царапала на большом плоском камне каким-то осколком букву «v». — Напиши мне эту букву, — протянула она осколок Дэлли. Девочка приняла из рук мамы импровизированный «мелок», но тут между ними вклинила морду Сула.

— Сула, фу, уйди! — с досадой отстранила её рукой Жаклин, — Ты же грязная! — девушка оттолкнула животное и чуть потёрла вымазавшийся рукав толстовки. — Нужно её искупать.

Александр подобрал на берегу гальку и, метнув её ловким движением параллельно поверхности воды, пустил вприпрыжку. Женщины застыли, а Сула, намеревавшаяся было кинуться за камнем и не найдя его над водой — тот как в воду канул — обернулась к мужчине в поисках объяснений.

«Ну и в чём подвох, хозяин?» — склонила она голову в своей фирменной манере.

— У меня идея, — воскликнул тот и направился к дому.

Дело в том, что, когда они гостили у Кирка, из всех игрушек Додо Дэлли больше всего понравился яркий гляцевый с выразительными красивыми картинками огромный мяч. Выполненный из какого-то непонятного химического соединения повышенной упругости, напоминающего каучук и латекс, он небольшими ручными мехами мог надуваться до довольно внушительных размеров, а потом сдуваться через ниппель, не провисая в боках и не съезжаясь, полностью сохраняя свою округлую форму.

Эдельвейс так понравилось укладываться на него животом и кататься, что Тильда, когда они возвращались из Диснейленда, остановила машину у какого-то универмага и, забежав туда, вернулась с таким же мячом, как и у её сына, только розовым.

Именно с ним папа и вышел из дому, всю работу мехами.

Дэлли заулыбалась и захлопала в ладоши, а Жаклин засомневалась.

— Только надувай так, чтобы Сула не смогла схватить. Она у Джереми два мяча разорвала.

Александр накачал этот красивый мяч размером с баскетбольный, отсоединил от ниппеля и крикнув:

— Сула, лови! — забросил довольно далеко в озеро.

Женщины только рты открыли, а грязная хулиганка уже ринулась в воду и поплыла за игрушкой, чуть обрызгав хозяек на прощанье.

Собака подплыла к мячу и, развернувшись, толкнула его носом к берегу.

— Сула, Сула, — негромко позвал Александр. — Давай сюда, — он похлопал в ладоши.

Та, толкнув мяч, проплыла мимо, но тут же вернулась и опять направила его к берегу.

— Я видел, как она носит мячик Джереми, — Александр не отрывал взгляд от собаки. — Она должна.

И точно. Сула дотолкала мяч до линии прибоя, а потом попыталась схватить его пастью, но мужчина, сделав шаг на один из камней, забрал у неё игрушку.

— Разбегаемся! — придерживая мяч, он подхватил за руки Дэлли и переставил подальше.

И тут Сула отряхнула воду с шерсти. Жаклин взвизгнула и отскочила. Но самое интересное, что собака действительно сделалась чистой. Мокрой. Но чистой.

— Ну вот и мыть не надо, — расслабился парень.

— Воу, воу! — захлопала в ладоши Дэлли. — Дай мне, я тоже... — она забрала у папы мяч, хоть тот отдал и не очень охотно, и подбежала опять к озеру и бросила игрушку в воду. — Сула! — крикнула девочка, неловко покачнувшись на ногах и грозясь свалиться в озеро. Папа быстро подскочил и придержал, но мимо него уже пронеслась собака.

Конечно же, на этот раз мячик приводился почти у берега, и только все приготовились, что Сула его одним движением подаст им, как хулиганка, ринувшись в воду, толкнула игрушку дальше, на глубину и поплыла за ним.

Дэлли опешила, да и папа с мамой понимали не на много больше. Все наперебой стали звать собаку и, как это ни странно, та послушалась. Она развернулась и поплыла к берегу, оставив мяч в озере. Тот сразу же начал медленно дрейфовать в сторону основного массива водоёма.

На этот раз на брызги хулиганки никто не обратил внимание.

— Боже, — внутри у Жаклин всё похолодело. Она опустила взгляд на дочь. У той глаза

уже наполнились слезами, а нижняя губка выпятилась и задрожала.

Александр тут же скинул кроссовки и принялся расстёгивать ремень на джинсах. Когда он стаскивал с себя толстовку, Жаклин уже кинулась в дом за полотенцем и пледом. Вода оказалась, конечно же, холодной, несмотря на июль месяц — всё-таки это шотландское озеро, а не тайское, но мужчина, разгоняя волны, быстро забежал в воду и нырнул. Вынырнул он через десяток футов и поплыл. Когда волнение на поверхности после человека более-менее улеглось, за ним в воду зашла и собака.

Жаклин выскочила из дому с полотенцем и пледом, которых в любом шотландском доме валяется великое множество, а мужчина уже плыл к берегу, толкая перед собой мяч. Чуть позади плыла Сула.

— А нырять было обязательно? — заворчала Жаклин на парня, окутывая его полотенцем, когда тот вышел на берег и вручил мяч дочери.

— Вода тёплая, — улыбнулся папа, глядя, как Дэлли пытается не отдать мяч хулиганке, которая уже так и выпрашивает поиграть.

— Не... на... до... — чуть захныкала девочка, видя, что не может спрятать игрушку.

— Сула! — прикрикнула мама, и собака тут же замерла и оглянулась. — Прекрати! — сдвинула брови хозяйка, помогая мужчине вытираться.

— Да, всё... всё нормально, — забрал у неё Александр полотенце и принялся хорошенько сушить себе волосы.

«Ну, всё, мне конец», — сглотнул он в этот момент слюну и почувствовал нешуточную боль и першение.

— Вот. Укутайся, — начала Жаклин накидывать на него довольно внушительных размеров шерстяной плед в тёмно-вишнёвую клетку с махрами по бокам. Парень послушно замотался в тёплую шерсть.

— Может, пройдем в дом? — заботливо предложила девушка, хоть и видела, что на улице, на солнце гораздо теплее, чем в неотопливаемом доме. — Там включим батарею, и ты выпьешь чаю.

— Жаклин, да всё нормально.

— Да где же нормально, если я слышала, как ты шмыгаешь носом!

Александр застыл и зажмурился.

«Нет, врач — это не профессия, это диагноз».

Но тут его осенило.

— У меня есть лекарство, — заговорщически улыбнулся парень и принялся всовывать ноги в кроссовки. Он направился к машине и, открыв заднюю дверцу, достал оттуда бутылку виски.

— У Кирка завалилась! — в победоносном жесте поднял он находку. Придерживая на ходу плед, мужчина откупорил зубами уже распечатанную бутылку, и прошёл в противоположный конец двора помешать разгоревшиеся дрова в жаровне. Он прямо из горла сделал три хороших глотка.

Нутро обожгло приятным огнём, в нос ударил знакомый запах хорошего виски.

— Будешь? — подойдя, протянул он бутылку девушке.

— Нет, — мотнула та головой.

У Александр уже начал растекаться расслабляющая теплота по телу. Он улыбнулся.

— А ну-ка, — мужчина заткнул бутылку пробкой и отставил её подальше на камень. Он поднял с травы свои джинсы и вопреки ожиданиям женщин принялся вытаскивать из них

ремень. Его глаза горели идеей, а лицо светилось радостью. Достав ремень, он бросил его у ног и принялся получше запахиваться в плед.

— Подержи, вот тут, — подняв ремень, повернулся он боком к девушке. Жаклин придержала край пледа, а Александр подпоясался. В таком одеянии он стал похож на Рождественского деда на шотландский манер. Дэлли заулыбалась, всё ещё прижимая к себе мяч, а папа закинул края «килта» за шею и завязал огромным узлом.

— Ну вот как-то так, — похлопал он себя по бедрам. Жаклин тоже умильно улыбнулась. — А теперь, Дэлли, ну-ка, дай мячик, — приняв у дочери игрушку, он развернулся к Суле.

— Сула лови! — и, кинув мяч на небольшую поляну, расположенную за полуразрушенной каменной изгородью, ринулся следом. Обгоняя его, к мячу пулей полетела Сула. Дэлли побежала за ними, а за ней поспешила мама.

Они гоняли в футбол минут пятнадцать. Сула прыгала на мяч, потом его у неё выбивал Александр, за ним летела Дэлли. Папа мяч буцал дочери и на неё тут же набрасывалась Сула, сбивала девочку с ног. Но на хулиганку накидывалась мама и, отвоевав и ребёнка, и мяч, тут же пинала игрушку папе. Сула спешила к нему и всё начиналось по новой.

Дэлли хохотала и визжала как ненормальная, собака улыбалась довольная, папа с мамой были счастливы.

Потом уставший Александр в своём «килте» повалился на траву, а поверх него начала топтаться Сула, но её отогнала Дэлли и сама повалилась на отца. Рядом опустилась на траву мама.

— Огонь уже, наверное, перегорел, — переводя дыхание, вспомнила она о том, зачем они, собственно, вышли на улицу, потому как кормить семью предстояло именно ей.

— Ничего... у нас же не мясо, а колбаски, — успокоил её мужчина. — Надо пиво достать.

* * *

— Дьявол! — рубанул кулаком по кровати рядом с собой Александр. — У-у-у, дьявол, — сцепил он зубы. Парень лежал в постели, а Жаклин, стоя возле него с градусником в руках.

— Тридцать семь и восемь. Нормальная температура для вируса. У меня чуть побольше была.

— Жаклин!

— Что.

— Поставь меня на ноги.

— Как? Ты ведь не будешь пить наши с Дэлли лекарства.

— Нет, не буду. — Александр отвернулся. Но тут же повернулся опять. — А у тебя есть, какая-нибудь одна таблетка, чтобы глотнул и выздоровел?

— Есть, — как это ни странно ответила девушка.

— Правда? — распахнул «тюльпань» Александр. — Дай.

— На ночь глядя? Зачем? Завтра утром дам. А сейчас спи, — поправила она одеяло. — Если температура не даст уснуть, дам тебе таблетку. Но лучше не надо.

Больной имел настолько раздосадованный вид, столько страдания и отчаяния выливалось из его красивых глаз в пространство комнаты, казалось, что он действительно чуть ли не прощается с жизнью.

Но, как известно, в жизни всё имеет свойство приходить в равновесие — как только

случается что-то плохое, тут же происходит что-то хорошее.

Дэлли, увидев мучения этого большого, но сейчас такого жалкого, больного и беспомощного мужчины, взобралась к нему на кровать и погладила по волосам.

— П-а-а-апочка, бе-е-едненький.

Кажется, в этот момент застыло даже само время. Остановилось. Зависло. Замерло. В этой комнате. Над Катрин озером. В горах Шотландии.

У Жаклин отвалилась челюсть, руки затряслись, она чуть не выронила градусник.

Алекс выгляде ещё хуже. На него вообще сделалось больно смотреть — в «тюльпанах» показался страх или даже леденящий душу ужас. Чего он испугался, парень в тот момент, разумеется, не знал. Это чуть позже он поймёт, что, скорее всего, его напугал молниеносный вывод о том, что эта девочка одним только словом или улыбкой может заставить его прыгнуть ради неё с Эйфелевой башни без парашюта. Эмоции, проявления любви и обожания, которые рождает в нём его маленькая дочь, посеяли в его мужском шотландском сердце нешуточную панику.

И тут Александр сдался. Капитулировал.

Мысленно послав ко всем чертям все свои законы, понятия, ценности и просто привычки, то есть, всего себя целиком, он без остатка отдался своему ребёнку и превратился в огромный сгусток живого настоящего счастья.

Смущённо заулыбавшись, он протянул руки к дочери и бережно обнял её. А притянув к себе, уткнулся лицом в субтильное тельце ребёнка с плохим аппетитом.

— Зашибись... чума, — проговорил он в её кофточку с аппликацией в виде мельницы-цветка.

Дэлли заулыбалась, потому что ей сделалось немножечко щекотно, а папа отстранился и, подняв к ней лицо, распахнул свои «тюльпаны» и посмотрел на дочь как на первый восход солнца в своей жизни. — Родная моя, — и поцеловал Дэлли в щёчку.

Жаклин всю аж затрусило. Она столько лет представляла эту картину, так ждала этого момента, но, когда мечта сбылась, девушка почувствовала, что вот-вот не выдержит. Ей захотелось выйти из комнаты и, не то заорать на улице на весь хайлэндс нечеловеческим криком, не то разрыдаться на всю Шотландию.

К тому же ещё и Александр в этот момент своей мимикой и движениями напомнил Жаклин женщину. В нём засквозила женская реакция. Даже там, у неё в прихожей, будучи полностью эмоционально раздавленным и разбитым, со слезой на щеке он оставался типичным верным представителем сильного пола. Таким же упрямым, замороженным и брутальным. А вот здесь, сейчас, Дэлли двумя словами сняла с него всю эту мужественность и силу. Мама уже действительно хотела было выйти, чтобы не смущать папу своим свидетельством его слабости, и не делать уязвимым ещё больше, но тот вовремя спрятал лицо в кофточке дочери.

Всех выручила Дэлли.

— Ты считаешь мне сказку про собак? Помнишь?

— Конечно, помню. Тащи книжку.

— Ой, я забыла её взять, — картинно-театрально всплеснула руками Жаклин, потому как на этот раз книжки решила не брать. — Расскажи ей лучше какую-нибудь историю про себя. — Хитрая мама подумала, что если уже от папы как от чтеца нет никакого толку, он всё равно ничего не читает, а только балуется, то пусть тогда лучше что-нибудь рассказывает.

Александр МакЛаренк своим двадцати двум годам, само собой, уже накопил довольно изрядный багаж историй, которые, что называется, было приятно вспомнить. Но вот что касалось рейтинга этих воспоминаний, то тут закралась большая проблема. Да что там, просто беда. Одна только лишь вечеринка у него дома, когда мать уехала с Дженни в Бат лечить сестру от пневмонии, чего стоит. По приезду родительница ещё долго находила в квартире то тут, то там женские кружевные трусики и ходила с ними за Алексом по пятам, требуя объяснений.

Поэтому папа как-то так сразу же завис, закатил глаза под лоб, но быстро оживился и рассказал про то, как в одну из поездок в горы в район Turriff у них палатку с продуктами снесло ветром и всё намокло под дождём. Естественно, МакЛарен умолчал: сколько перед этим было выпито.

Проспавшись, парни поняли, что остались почти без еды, и направились на ближайшую ферму разжиться продуктами. Он очень красочно и в подробностях описал, как они с Луском залезли в курятник и хотели просто собрать яиц, но тут заметили крупного жирного петуха. Налётчики гоняли этого красавца по всему курятнику, а потом Александр подпрыгнул, поймал, но зато упал спиной в кладку с яйцами.

Дэлли смеялась и хлопала в ладоши, а Жаклин мотала головой в неодобрении.

— На фермах всегда много собак. Вас могли собаки покусать.

И все обернулись на лежавшую тут же, у входа в спальню, Сулу. А потом свои истории об экспедициях начала рассказывать Жаклин, и под звуки её спокойного, умиротворяющего голоса Дэлли закрыла глаза на четвёртой минуте. Александр отнёс дочь во вторую спальню, а потом вернулся к своей женщине, и они уснули, как ложки в буфете с той лишь поправкой, что с внешней стороны спала Жаклин и, постоянно просыпаясь, щупала лоб своему больному.

В один из моментов, он проснулся и заворочался.

— Тебе плохо? — подскочила Жак.

Тот ответил не сразу.

— Жаклин... — как-то глухо позвал он.

— Что? Что, Алекс? — поднялась девушка на локте. — Что ты хочешь? Может, тебе чаю сделать?

— Жаклин, Дэлли действительно назвала меня папой, или мне приснилось? Я никак не могу понять.

Женщина в изнеможении рухнула назад на подушку.

Наутро Александр почувствовал себя лучше. Но поскольку насморк не давал нормально жить, Жаклин всё-таки пришлось дать ему таблетку Антифлу.

В принципе, гора оказалась не такая уж и сложная. Да и тропинка шла не круто вверх, а всё время вдоль склона. Поэтому путешественники и оглянуться не успели, как оказались на вершине.

Александр всю дорогу держал Дэлли на шее, придерживая её руками за ножки в кроссовках, а Жаклин первое время вела на поводке охотницу за кошачьими скальпами, и спустила её, только когда верхушки прибрежного леса оказались под ногами.

Мама воспользовалась тем, что Дэлли назвала Александр папой как отмашкой, и теперь начала по случаю и без обращаться к парню не иначе как «папочка». Сегодня от неё то и дело было слышно:

— Дэлли, не болтай ногой. Папочке неудобно тебя удерживать.

— Папочка, у тебя нет температуры? Дэлли, потрогай папочке лоб.

— Папочка, а ты здесь где-нибудь купался? Здесь есть озёра с песочным грунтом?

Александр поначалу иногда даже вздрагивал и оглядывался на девушку, думая, что она шутит или подтрунивает, но потом понял, что Жаклин просто хочет приучить дочь слышать это слово постоянно, сделать его обычным, или даже незаметным. Чтобы оно не резало слух и не заставляло ребёнка напрягаться.

На этот раз вид с горы оказался немного другой, нежели тот «лунный» пейзаж на Torrison. Сейчас под ними простиралась не дикая, неказистая суровая природа севера, а более живой, затейливый ландшафт центра. Горы вокруг Катрины выглядели как холмы, поросшие кустарником, хотя это всё только казалось из-за немалых расстояний, и на склонах произрастали всё-таки деревья. Небольшие каменистые включения разнообразили внешний вид берегов, сделали его более интересным, эклектичным. Здесь и речи идти не могло о заснеженных вершинах, но, тем не менее, картинка дух захватывала.

Дэлли смотрела на всё это ещё более удивлёнными и ошарашенными глазами, чем в Диснейленде.

— Ого! Мам, ого! — оглянулась она на Жаклин.

Издали хребты соседних гор, точно таких же как та, на которой они стояли, казались чуть ли не лезвием бритвы. Но под их ногами вершина составляла в ширину футов десять-пятнадцать. К тому же почва здесь была довольно плотно утоптана — судя по всему, со стороны гостиничного комплекса сюда поднимались частые гости.

Жаклин всё ждала, что Алекс что-нибудь скажет или даст понять: как он ко всему этому относится, но парень молчал. Он выглядел как человек, которому просто полегчало.

«Как он будет в Нью-Йорке без этого? — озадачилась женщина. Она доподлинно знала, что в США найти горы — не проблема, но вот смогут ли они приносить МакЛарену такое же облегчение. — Если не получится, будем летать сюда. И ездить в тот дом под стеклом», — закусила нижнюю губу она.

Говорят, что спускаться всегда труднее, чем подниматься. Но со стороны гостиничного комплекса постояльцы вытоптали предостаточное количество тропинок. Выбирая наиболее удобные из них, семья уже почти приблизилась к территории комплекса, как увидели сбоку, слева, небольшую смотровую площадку, открывающую прекрасный вид на озеро Катрина. Вернее, на ту его часть, что прилегала к гостинице. От самого подножия к площадке были проложены ступеньки. Решив воспользоваться этим благом цивилизации, Александр отпустил Дэлли, справедливо полагая, что по ступенькам дочь сможет спуститься и сама.

Эдельвейс оступилась и полетела вниз где-то в середине пути. Благо не далеко, потому что впереди неё спускалась Сула, и ребёнок упал больше на собаку, чем на каменные ступеньки. И сильнее испугалась, нежели ударилась.

Папа подлетел к ней и подхватил быстрее,

чем она успела вообще, что-либо почувствовать, но рёву всё равно было много.

Может, даже больше от своего упущения и неосторожности, чем от боли. Жаклин, спускаясь последней, кинулась было успокоить ребёнка, но потом, невольно засмотревшись на то, как это делает Александр, отступила.

— Ну-ну, не плачь. Ну, моя каирдеач, — перешёл он на гэльсикй и дальше продолжил нашёптывать что-то дочери, перемежая английские и гэльские слова, вытирая слёзы со щёчек малышки и легонько, невесомо целуя её личико.

Наконец Дэлли, отложив свои разборки с судьбой в виде злых ступенек, начала

прислушиваться к тому, что говорит её папочка. Она всхлипнула ещё пару раз по инерции, после чего уставилась на его губы, как бы желая не только услышать, но и увидеть слова, вылетающие из его рта, чтобы по их виду распознать, что они означают.

Папочка не выдержал и заулыбался. Потом засмеялся и прижал к себе дочь сильно-сильно.

— Пойдёмте, покушаем. Я есть хочу, — взял он её поудобней, и направился вниз.

Жаклин очень хотелось убить их официантку. Спустить её с тех ступенек. Эта рыжая «швабра» не обращала ни малейшего внимания даже на то, что у симпатичного клиента имеется дочь. Очень на него похожая, между прочим. Да. Эта непрофессиональная девица всё время крутилась возле их столика и посылала Алексу такие флюиды, что хоть топор вешай. Во всяком случае, Жак ощущала их довольно отчётливо. От метода эмоционального взрыва девушку спасло только то, что симпатичный клиент, воспользовавшись тем, что сегодня неплохо кушала даже Дэлли, её не нужно было уговаривать, не обращал на официантку внимания не больше, чем та на его дочь, а полностью отдался еде. И хотя, кажется, от этого только ещё больше вырос в глаза рыжеволосой работницы гостиничного комплекса, но вот она, взаимностью похвастаться, увы, так и не смогла.

Жаклин казалось, что ещё чуть-чуть и эта кокетка выхватит у Александр тарелку из-под носа и прикажет обратить внимание на себя.

«Хоть бы она так и сделала, — представила Жаклин картинку. — Ей тогда жить останется четверть секунды», — посмотрела она, с каким аппетитом её мужчина поглощает картошку со свининой в луке.

Возвращались уже без приключений и в обход горы.

К вечеру Александр сделалось хуже, но он долго не мучился, а лёг и уснул.

На следующий день, ещё немного побродив по окрестностям, после обеда они вернулись в Глазго.

Чем ближе подъезжали к городу, тем серьёзней и сосредоточенней становился папочка. Жаклин поняла, что он что-то задумал, но молчала.

Только лишь появившись дома, парень отвёл её в сторону.

— Я сейчас еду на кладбище. — Он очень серьёзно и даже как-то нервно посмотрел на девушку.

Она в растерянности оглянулась по сторонам, потом запустила руку в волосы и наконец кивнула.

— Да-да, ты прав. Я с тобой. Давай не будем брать с собой Дэлли. Пусть она останется с Алисой.

Александр тоже кивнул, и его лицо смягчилось.

Они оставили дочь бабушке, а сами направились на Сайтхилл.

Ворота кладбища были распахнуты, поэтому Алекс въехал сразу на территорию. Он остановил машину возле небольшого пятка с лавочками. Найдя нужную аллею, парочка прошла вдоль, выстроившихся в ряд на лугу могильных обелисков, чем-то напоминающих каменных великанов.

Но у мистера Фортескью плита оказалась невысокой и небольшой. К своему стыду, Жаклин её видела впервые.

— Здравствуй, дядюшка, — поздоровалась племянница с надписью на плите. — Это мы.

Александр молчал. Девушка тоже затихла. Мужчина искоса наблюдал за Жак и когда убедился, что она не плачет и не расстраивается сильно, обнял за плечи и впился в губы

жадным поцелуем. Так обычно целуют, когда не хотят, чтобы видели их лица. Оторвавшись, он ободряюще сжал её ладошку и сделал шаг в сторону. Девушка вопросительно вскинула на него голову.

— Не ходи за мной, — отстранённо чужим голосом попросил её парень. — Встретимся возле машины, хорошо? — попятился он по направлению к восточной части кладбища. — Жди меня там.

Она мелко закивала.

— Да-да, хорошо.

Александр развернулся и отправился прочь.

Шагал он быстро, очень быстро, но по мере приближения к могиле отца, его прыть постепенно сходила на нет. По ряду, где лежал мистер МакЛарен-старший, его сын уже шёл тяжёлым, грузным шагом. Наконец, он заметил знакомый обелиск и, подойдя, остановился напротив.

Теперь они были вдвоём: он и отец.

Александр последнее время всё чаще и чаще вспоминал отца, сам того не желая. Открывая и узнавая: каково это, быть папочкой, он поневоле сравнивал себя со своим родителем. И скорее всего, этого уже не изменить.

Но сейчас он пришёл не за этим. Ему очень, очень-очень, ещё раз, хоть на минуточку, захотелось побыть сыном. Сыном своего отца. Говорят, что дети перестают быть детьми, когда сами становятся родителями. А у Александр внутри свербело обратное: дети становятся настоящими, полноценными детьми, с отдачей, мощной обратной связью, пониманием, но уже без эгоизма, потребительского отношения и грубости, только когда сами становятся родителями и он — первое тому подтверждение.

К тому же, даже если у человека будет десять детей, для своих родителей он так и останется ребёнком. Парню очень хотелось, чтобы отец мог бы порадоваться своему сыну, ставшему отцом маленькой девочке Эдельвейс. Но тот не дождался. Ушёл. Ему это не показалось интересным, не нашёл он такое важным. Александр вспомнил Дэлли. Неужели ему может когда-нибудь сделаться неважным её успехи, её жизненные шаги?

Парень вроде бы как стремился к могиле отца, чтобы побыть с ним, поделиться радостью, но сейчас стоял и понимал, что опять скатывается в упрёки.

— Мне даже отцовство не помогает, — проговорил он вслух не понятно кому. Сын стоял и изо всех сил старался простить родителя. Хоть за что-нибудь, хоть по какой бы то ни было причине! Он давно к этому стремился. Даже живя в Америке. И тут, грубо говоря подвернулось это отцовство, и вот он самым прямолинейным способом использует его, чтобы понять отца и простить.

И не может.

Он подумал, что ему следовало бы вести себя проще. Не прятаться за размышления, а просто заплакать от обиды и поклясться здесь, в Шотландии, что никогда не бросит своего ребёнка и свою семью.

Но даже этого он сделать не смог. Не позволял себе. Он не будет любить свою семью, только лишь из боязни нарушить клятву. Он любит, не может по-другому и всё.

В принципе, Александр мог быть свободен. Сказать спасибо отцу за такой урок, который он ему преподал и уйти. За то, что показал, что никогда, ни в коем случае не стоит так делать.

От такого накала мыслей и эмоций парень внезапно отключился, и из его головы и

нутра каким-то волшебным образом пропало всё подчистую. Он был пуст. Как носитель со стёртой информацией.

И вот тут мужчина испугался. Он явно почувствовал, что если простит отца, то станет равнодушной, а ему никак нельзя становиться на эту скользкую дорожку. Равнодушие его засасывает. Как бездна, в которую он всматривается. Вместе с равнодушием самоубийство родителя станет частью его жизни, чуть ли не рядовым событием. Поэтому от греха подальше, сын решил оставить всё как есть.

— В любом случае, это была твоя жизнь. — Единственное, что решил он сказать вслух, тут же развернулся и широким шагом направился прочь по свежей зелёной траве поступью сына, который так и не простил своего отца.

Жаклин ждала его на лавочке недалеко от машины. Девушка приготовилась встретить мужчину хмурым и недовольным и уже начала придумывать, как бы его отвлечь.

Но Александр приближался весьма энергичной походкой, с довольной физиономией и горящими глазами. Она даже немного растерялась.

— Давно ждёшь? — улыбнулся парень.

— Нет, — немного заторможено мотнула головой Жаклин, поднимаясь с лавочки навстречу.

Он приблизился вплотную и как будто даже с разбегу накинулся на неё. Обнял, сильно прижал и опять впился в губы. На этот раз целовал нежно и с благодарностью.

— Садись в машину, — пригласил он, отстранившись.

— А мы сейчас куда? — поинтересовалась девушка, оглябая капот Q7.

— К Итану. Поставим машину. — Улыбнулся водитель.

«Значит, я успею с ним поговорить», — успокоилась Жаклин.

Для начала, немного обсудив завтрашний отъезд в Лондон, они заговорили о переезде в Штаты. И когда Александр принялся рассуждать о том, как это можно устроить, как он приедет за ними, и как они потом все вместе будут собираться и уезжать, Жаклин долго его слушала, не перебивая, а потом положила ладошку на разделительный бардачок.

— Подожди, — воровато скосила она глаза на парня. — Не торопись.

Глава 68

Гусеница по имени Доротея

— Горячая?

— Горячая.

— Вот видишь, я же говорю.

— И что делать?

— Сейчас принесу градусник.

— Какой градусник! Нужно врача вызвать!

Жаклин, развернувшись уходить за инструментом, остановилась с вытянутым лицом.

— А я кто, по-твоему?

Тот шумно выдохнул и с досадой запустил руку в волосы.

— Но ты же не педиатр! А тут нужен специалист!

Жаклин сложила губки бантиком и поправила на носу невидимые очки.

— Довожу до Вашего сведения, мистер МакЛарен, что перед Вами врач приёмного покоя с жетоном Спасателя и правом работы в медицине катастроф.

Мужчина кулаком ударил в ладонь и посмотрел на лежащую в постели дочь.

— Вот-вот, катастроф. Это катастрофа.

— А здесь никакой катастрофы нет, — продолжила доктор Фортескью, пропустив мимо ушей его исчерпывающий «диагноз», и указала рукой на Дэлли, — а, вероятнее всего, простая акклиматизация у ребёнка. Сейчас дам ей парацетамол, и завтра она будет в порядке. Ну, может, ещё раз к вечеру поднимется температура опять...

По мере того, как она произносила последнее, «тюльпаны» всё сильнее раскрывались от ужаса.

— Опять! — схватился за лоб их обладатель.

— Да, опять, — Жаклин уже начала подумывать, куда бы ей сбежать на этом крохотном островке и хорошенько посмеяться. — А ты как думал: дети растут.

— Пф-ф-ф, — закатил глаза папочка и закинул назад голову. — Да лучше бы я ещё одни переговоры с Вайпером провёл!

У Жаклин опять вытянулось лицо: парень не переставал её удивлять.

— Александр, ты чего. При чём здесь переговоры. Кто такой Вайпер?

— Да так... никто, — отмахнулся он. — Олень один.

— Иди, ложись спать, — положила ему руку на плечо Жаклин. — Ночь уже.

Сегодня, оставив свою хулиганку одну на этом крохотном частном острове, они весь день провели в аквапарке на Пуэрто-Рико и вернулись обратно только под вечер. Утром на катере троица добралась до порта Tallaboа, а оттуда на такси доехала до горы San German. С её вершины спускается небольшая, но весьма энергичная речка, на чистых водах которой и построили аквапарк «SurfN Fun Water».

Только вот папа с мамой не успели нормально покататься на желобах для взрослых или высоких пороговых горках — все силы и внимание ушли на дитя.

Но зато Эдельвейс веселилась за троих.

Только появившись в этом «Диснейленде на воде», ребёнок исползал все до единой плиты с фонтанчиками, очень сильно напоминающие Жаклин питьевые источники Рима.

Бьющие из центра квадратов струйки воды девочка зажимала, то пальчиками, то ладошками, то животом, а потом освобождала и визжала, когда те выстреливали вверх словно гейзеры. Тут же рядом стояли настоящие водяные пушки. Эти орудия били такой струёй, что никакому водяному пистолету и не снилось. Дочка с мамой «расстреливали» папу к несказанному удовольствию последнего — температура воздуха приближалась к тридцати пяти по Цельсию в тени, а вне её, солнце жгло напалмом, не считаясь ни с желаниями, ни с самочувствием людей, и не сортируя их на привыкших к жаре и не знакомых с тропическим климатом. А после путешествия на катере Александр не возражал бы, если бы в него пальнули даже из настоящей пушки, не говоря уже о водяной.

Но больше всего им понравилось огромное ведро с водой, подвешенное на шестах и опрокидывающееся разом. По незнанию папа с мамой вначале оставили под ним дочь одну, и водяная масса сбила ребёнка с ног. Дэлли упала и довольно сильно перепугалась, захлебнувшись, но тут же попросила ещё, и когда папа попытался взять её на руки и встать вместе с ней, вырывалась до тех пор, пока её не оставили в гордом одиночестве и не опрокинули ведро по новой. Во второй раз Дэлли выстояла. Её счастьем не было предела, а родители чуть не лопнули от гордости.

Поплавали и на надувных кругах, которые Алекс тут же окрестил «пончиками». А вот на лодках с электромоторами, некоего аналога машинок в Диснейленде, где можно врезаться друг в друга и играть в догонялки, катались уже только вдвоём с мамой — папе хватило и катера в океане.

Вернулись к себе на остров затемно. По пути вымотанный ребёнок уснул, а когда проснулся, мама сразу же обнаружила у него температуру.

— Дэлли, что у тебя болит? — Жаклин склонилась к дочери.

— Доченька, у тебя болит что-нибудь? — зачем-то продублировал Александр и тоже пригнулся к кровати.

Эдельвейс лежала вялая и почти безучастная в постели родителей в спальне, поскольку, получив остров в своё полномочное владение, их «барахольщица» стянула с кровати ребёнка в гостиной всё бельё, собрала в кучу и взгромоздилась дожидаться хозяев.

Но даже в кроватке папы с мамой было похоже, что девочке больше всего хочется, чтобы её оставили в покое.

— Я не хочу кушать, — наконец промямлила она.

— Тебя тошнит? — тут же подсказала мама.

— Да, — недовольно буркнула Дэлли. О еде ей теперь больше нравилось разговаривать с папой — он не волновался и не огорчался, а позволял есть что хочешь и делать это как получится. И нередко присоединялся.

— Я же говорю: она перекупалась, — развела руками доктор Фортескью. — Плюс акклиматизация.

— Но она не может подцепить здесь какую-нибудь заразу? Ты ей все прививки сделала? — паника в голосе папочки вроде бы пошла на убыль, но всё-таки выдавала в нём состояние настороженности, а никак не желанной расслабленности.

— Александр, а зачем, по-твоему, мы в Лондоне целый месяц перед вылетом сидели?

Хотя, если называть вещи своими именами, то сидеть им было некогда.

Прибыв тогда в Лондон из Шотландии, Александр опять пропал на два дня в офисе, но тем не менее успел купить дочери мягкую игрушку «растущую гусеницу», которую очень удобно обнимать ночью во сне и закидывать на неё ногу.

Всё дело в том, что в процессе совместного проживания внезапно выяснилось, что Дэлли с пелёнок привыкла ночью обнимать маму и менять свои, столь глубоко уходящие корнями в быт, традиции, как англичанка и консерваторша, не собиралась. Алексу вскрывшийся факт приятно грел нутро, ибо лишний раз доказывал, что в ночах Жак присутствовала только их дочь, но тем не менее, эту практику решил прекратить, поскольку планировал сам занять это тёпленькое, во всех смыслах, местечко. Итак, к гусенице прилагались дополнительные сегменты тела. Их можно было привязывать лентами и замками к хвосту, чтобы игрушка могла «расти» вместе с ребёнком. Этим же вечером на семейном совете насекомое торжественно нарекли Доротеей или кратко Дорри.

А маме папа успел приобрести уже совсем взрослые, но не менее полезные вещи: MacBookPro и iPhone7 с Hangouts и Viber в них. Обеспечив, таким образом, любимую женщину продукцией от «Яблока» и всем, что к ней прилагается, мужчина на третий день улетал к себе в «Большое Яблоко».

Само расставание было тяжёлым. Или даже давящим. Но Жаклин уже заранее смирилась с тем, что разлука с Алексом для неё априорно болезненна и трудна, и по-другому не может быть, потому что не может быть никогда. Это часть её сущности. Сущности женщины, любящей до самозабвения.

«Чёртова работа!» — моментами ругалась она на себя. Когда дело дошло до того, что ЕГО не будет рядом, девушка готова была бросить абсолютно всё, послать к чертям ещё больше и не отрываться от МакЛарена ни на фут. Ни на дюйм.

Но тут же понимала, что и это тоже не выход. Так нельзя. Да и не изменит это ничего — как его не привязывай к себе, как себя не приковывай к нему: физически, эмоционально, финансово, юридически, социально, если он захочет уйти — уйдёт. И даже если пристегнуть наручниками к батарее, отгрызёт себе руку, как волк в капкане — лапу, и будет таков.

Она не навязывалась ему все эти четыре года. Не искала, не звала, не просила, не требовала. Выстояла, выдержала, дождалась. Может, ещё и поэтому он вернулся. Таким образом, сейчас от неё требуется только не изменять себе и надеяться на лучшее. В том числе и на то, что Дэлли не успеет запаниковать после отъезда папы, как уже придёт время собираться.

Последние часы перед разлукой пролетели словно одна минута.

— Да бросай ты эту работу, — в прощальную ночь, будто Мефистофель, то и дело нашёптывал Александр на ушко и целовал в шейку. — Что вообще за мания — работать. Кстати, не исключено, что ты уже беременна, и что тебе та квалификация? Ты её будешь полгода подтверждать, а потом сразу же уйдёшь в декрет, а потом... — как бы намекая на варианты, замолкал парень.

— Нет. Нужно всё сделать, как положено, — склоняла голову на бок девушка, но как только видела, что он готов с ней согласиться, тут же начинала паниковать. — Алекс, мне страшно.

От её страхов парню резко хотелось влезть на стену. Или набить кому-нибудь морду. Ну, или ещё что-нибудь в этом роде.

Доподлинно понимая, что все они полностью на его совести и дело его рук, он принимался топить девушку в своей нежности и ласке, сам от себя не ожидая такого проявления. Алекс будто открывал на полную мощность шлюзы своей мужественности, они уравнивали его брутальность с его же слабостью, и потом всё это обрушивалось на Жаклин. Беззастенчиво и открыто.

Он окутывал, укутывал и обволакивал её обнажённое тело своим таким же голым торсом, как бы стараясь собрать весь негатив, всю печаль с неё самой, с её души. Вобрать в себя и увезти далеко за океан. Долго целовал повсюду, прикасался нежно губами, как бы делая инъекции своей любви в неё и одновременно заживляя раны, которые перед расставанием опять воспалились.

— Господи, я так устал скучать по тебе, Джеки, — поцелуй в носик, — что уже думаю только о том времени, — поцелуй в щёчку, — когда мне это уже не будет грозить, — поцелуй в губки. — Вы будете со мной. — Ещё поцелуй в губки. — И уже навсегда. К тому же, нам светит целая неделя на острове. — Александр оторвался от девушки и, остановившись с ней нос к носу, улыбнулся своей беспрецедентной улыбкой. — Оторвёмся по полной.

Они действительно, ещё тогда, в Глазго, договорились перед Нью-Йорком заехать на недельку в Карибский бассейн.

— Ты же этого хотел, — внесла столь заманчивое предложение Жаклин в машине, по дороге с кладбища. — А если сразу уехать в Нью-Йорк, то мы там осядем, будем откладывать и откладывать, да так и не выберемся. Так всегда бывает. Ты исчезнешь в своём офисе, и всё.

— И куда бы ты хотела поехать? — сразу же приступил к деталям обрадованный мужчина.

— Я тебя умоляю, — закатила глаза девушка. — Да какая мне разница!

— Хорошо, я приеду за вами.

— И не нужно за нами приезжать. Мы и сами в состоянии долететь.

— Хорошо, — опять согласился Александр. — Но вашу дорогу оформляю я. Ты только делаешь мне документы на Сулу.

— Договорились.

Жаклин тоже, как могла, отвлекала себя мечтами об острове, но всё-таки, провожая его рано утром на самолёт, не смогла не сделать бровки домиком и щенячьи глазки.

— Считай, я улетаю в обычную командировку, — ответил ей на это мужчина и впился в губы. У порога уже стояло такси. — Позвоню сразу же, как буду на месте. Я люблю тебя.

И он действительно позвонил. А потом ещё. А потом ещё, ещё и ещё.

И где-то день на третий Жаклин выдохнула.

Александр много говорил с ней по ночам. Рассказывал, что Джесс уже подписала документы о разводе, и он отдал их в Клерк-центр. О том, какую ему нашли отличную квартиру на восточной, более спокойной, так называемой «семейной» стороне Манхэттена, и он заказал там небольшой ремонт.

А Жаклин докладывала о их сборах с Дэлли и в один из дней заявила, что совершенно правильно поступила, решив, пройти все формальности в Седьмом госпитале и отработать там всё, что полагается. У неё начались «критические дни», а значит, она не беременна и будет и дальше продвигаться по пути к своей полноценной профессиональной состоятельности в Штатах. На что Александр, тут же, не моргнув глазом и даже не сделав паузы, пообещал, что он и дальше будет продвигаться по пути к её беременности.

Каждый день папочка разговаривал и со своим ребёнком. В основном по Skype. Интересовался: как прошёл у Дэлли день, что она запомнила, учил рисовать с ним картинки и писать буквы. Дочь только начинала знакомиться с таким интересным способом связи и поэтому иногда, глядя на экран, спрашивала:

— Папочка, а ты где?

Зато однажды, когда Жак, заимев на своём счету кругленькую сумму от Эшли, купила Дэлли красивое платье в «Selfridges», дочь нарядилась и показала папе, какая она красавица.

— У нас в садике будет концерт. Я в нём схожу, — крутилась перед веб камерой счастливая Эдельвейс.

— Да. Это будет бал госпожи Феи, так ведь, Дэлли? — подсказывала мама.

Папа улыбнулся и похвалил наряд, но тут же недовольно крикнул и сказал, что первый выход в свет его дочери состоится только после её восемнадцати лет и только с ним под руку.

— Такие дела, — сжал он губы в тонкую линию и развёл руками.

Кстати, что касается платица, то его Жаклин заметила в «Selfridges» ещё весной, когда коллекцию только-только выставили. Девушка уже засматривалась на детские балльные наряды, один прекрасней другого, подбирая что-нибудь не столько красивое или праздничное, сколько то, в чём Эдельвейс неминуемо почувствовала бы себя настоящей принцессой. Платье-сказку. Платье-мечту.

Именно перед таким женщина обомлела и замерла, словно замороженная, любуясь белорозовым шёлковым шедевром, украшенным плетёными нитями, цветами и длинным шлейфом из газа.

«Оно», — на второй секунде решила мама.

На себе такого она не помнила. У неё были какие-то «платья принцессы», но только в младенческом возрасте, поэтому от них остались лишь смутные, размытые картинки в голове. С трудом удерживаемые в воображении, они так и норовили исчезнуть, так как половину из них Жаклин, скорее всего, выдумала. А дядюшка ей никогда ничего нарядного не покупал. Во-первых, эту красоту не всегда было куда надеть в степях Монголии или джунглях Китая, а во-вторых, мужчина — он и есть мужчина.

Таким образом, недополучив сказки в детстве, Жаклин очень не хотела, чтобы та же участь постигла и её дочь, и даже взглянув на ценник шедевра, сомневалась не очень долго.

«Куплю с отпускных», — вздохнула она тогда и пошла дальше, а когда обнаружила у себя на чеке цифру: «83143,6» фунтов стерлингов, у неё сразу же перед глазами встало это платьице будто живое.

Пока папа с дочкой общались, мама ненароком во все глаза рассматривала задний план, маячивший за спиной её мужчины. Из-за разницы во времени, это почти всегда был вид его кабинета в офисе. Вполне себе обычного, кстати сказать. Но однажды ей удалось увидеть и комнату в их квартире с Джесс. Тоже, не ахти какую. А вот саму миссис МакЛарен мисс Фортескью не видела ни разу. И даже голоса не слышала. Ни её, ни её сына.

Через две недели после отъезда Алекса, к Жаклин с Дэлли приехала погостить Алиса.

Вообще, что касалось отношений девушки с матерью своего любимого мужчины, то мало того, что она знала её не достаточно хорошо, но и узнать-то не очень стремилась. Алиса и раньше играла не самую важную роль в их отношениях с Алексом (уж никак не сравнить с Кирком) а сейчас так и подавно — они втроём уезжали далеко за океан, встречи с «бабушкой Алисой» обещали быть редкими, поэтому единственную способность, которую ощущала в себе Жаклин, или даже обязанность, какую она за собой признавала, это проявлять уважение к матери человека, который является смыслом её жизни. И не более того. Кирк в этой ситуации настолько сильно и грубо «потянул одеяло на себя», забрав увесистый кусок душевных сил и эмоций, что на долю Алисы почти ничего не осталось. Выстраивать отношения и упорядочивать взаимодействие ещё и с миссис МакЛарен Жаклин

была не в состоянии.

И надо признать пользовалась взаимностью.

Её довольно сильно отвлекало общение Алекса и Дэлли, поэтому она без особого труда не обращала внимания на равнодушие и отстранённость Алисы после того, как у той прошли первые шок и эйфория от обретения внучки. При встрече миссис МакЛарен набросилась на сына с бранью и упрёками, но в последствии именно такой сценарий развития событий оказался благоприятным, потому как спустя пару часов, мать уже как ни в чём не бывало разговаривала с Алексом, смеялась и ласково журила.

А вот с Жаклин общение складывалось совсем по-другому.

Хмурых, укоризненных взглядов на неё женщина не бросала, но и напрямую почти не обращалась. В её манерах чувствовалась настороженность и затаённость. А по отношению к их паре с Александром — наблюдательность. Миссис МакЛарен, не стесняясь, рассматривала, как сын общается с его девушкой, а так же не упускала случая уловить нюансы взаимодействия Жаклин с дочерью.

В Лондоне, как только свекровь вышла из такси и переступила порог их квартиры, невестка уже по выражению её лица поняла, что разговора не избежать.

Хоть впоследствии, справедливости ради и признавала, что бабушка в первую очередь приезжала всё-таки к Дэлли. По прибытию она тут же вывалила перед внучкой кучу каких-то игрушек, выставила «батарею» пирожных, которые специально для Эдельвейс приготовил кондитер их с Эшли кафе, книжек и дорогие фигурные коньки. Да и вообще, за время пребывания у них в гостях она Жаклин очень помогла в том плане, что много гуляла с Эдельвейс в парках, водила её в лондонский зоопарк, на начавшуюся в музее Виктории и Альберта выставку современных кукол и на шоу кошек в здании Barbican Centre.

Но это не помешало ей в первый же вечер приступить к «разбору полётов».

Уложив в кроватку возбуждённую подарками Эдельвейс и успокоив её сказками, Алиса спустилась на кухню к Жаклин, где та заделывала на завтра лапшовое тесто.

Женщина прошла в комнату, уселась напротив и облокотилась о край стола.

— Что ты собираешься лепить? — шмыгнула она носом.

— Пирожки с сыром и творогом во фритюре. — Почувяв «запах пороха», безрадостно объяснила девушка. — Но это только завтра. Тесто должно полежать в холоде.

— Угу. Ясно. — Женщина с интересом следила за проворными умелыми руками невестки. — Ты знаешь, Жаклин, — подняла она на неё голову, — хоть меня и просили этого не делать, но я всё-таки спрошу: это я вас с Александром так... свела?

«Эшли», — успела предположить Жаклин.

— Алиса, будешь чай? — она выпрямилась и застыла.

— Нет. Спасибо. — Женщина положила подбородок на скрещенные пальцы, как бы отгораживаясь этим жестом от всего, что может помешать разговору.

Девушка сглотнула от волнения и ненадолго задумалась.

— Я влюбилась... — начала было она, но тут же запнулась. — Нет, не так. Я полюбила твоего сына, едва успев пару раз вдохнуть в его присутствии. С первого взгляда. — Она опять вернулась к своему тесту.

Алиса скептически сжала губы в тонкую линию.

— Значит, — её лицо подернулось неприязнью, а взгляд сделался брезгливым, — когда я просила тебя присмотреть за ним...

— Да, — кивнула Жаклин. — Но это моё личное дело. — Девушка почувствовала, что

женщина не собирается ценить её откровенность, поэтому решила быстро свернуть признания. — Я могу у тебя попросить прощения, но только не знаю: за что.

— То есть, как это не знаешь? — подскочила на месте миссис МакЛарен и развела руки в стороны. — Как это не знаешь! Ты пообещала мне рассказать, если произойдёт что-нибудь... — сделала она витиеватый жест рукой, — такое. А сама молчала! — погрозила она невестке пальцем. — Даже Алекс рассказал о вас Кирку! Брат первым пролез и здесь. И Эшли знала. Да все, кроме меня!

«Александр, скорее всего, не мог ей сказать про Кирка. Значит, она уже разговаривала с самим Кирком»,

— Ты разговаривала о нас с Кирком?

— Да, я уже поговорила с братом, — обиженно вскинула подбородок миссис МакЛарен. — Он, естественно, во всём обвинил меня, но ему легко рассуждать, это ведь не из-за его сына угробилась девушка, повесив на парня грех убийцы.

— Но я-то вешаться не собираюсь.

— Но ты обманула мои надежды на помощь! Ты обещала присмотреть, а сама...

— А сама.

— Отвлекала его отношениями! Любовью... этой...

Жаклин остановилась.

— Я постоянно была на работе, Алиса. А он учился. — Она открыла ящик стола и вынула оттуда рулон пищевой плёнки. — Не отлынивал, не употреблял наркотики, не гулял по девкам, не зависал с парнями в пабах. — Девушка принялась заматывать тесто, чтобы оно не засохло в холодильнике.

Алиса с возмущением открыла было рот, но потом раздражённо причмокнув губами, продолжила уже спокойнее.

— Ты не представляешь, что я пережила, когда повесилась Кира. Ещё и записку эту оставила. Поэтому, когда он женился, — чертила пальцем фигуры на муке женщина, — выдохнула с облегчением. А теперь вот... всё заново? Это ведь из-за тебя он не смог создать семью.

«А со мной это будет не семья?» — Жаклин отвернулась и засунула тесто в холодильник.

— Нет. Это из-за его семьи он не смог сразу быть со мной.

— Ах, вот как ты рассуждаешь! — потрясла Алиса ладонями. — Как можно быть с женщиной на восемь лет старше?! Как ты могла, Жаклин? Ему ведь тогда было... сколько, восемнадцать?

— Семнадцать, — оглянулась на неё уже от мойки девушка.

«Против твоего Александра не устоял даже Кирк». — Намочила она губку для стола.

— Пф-ф, конечно, ты запудрила ему мозги. А он дурачок... ему это льстило — взрослая женщина. Врач.

И тут Жаклин поняла, что Алиса совершенно не знает своего сына. Он для неё так и остался «дурачком», «несмышлёнышем» и «бестолковым». Одним словом — ребёнком.

«И этого уже не изменить», — с сожалением стиснула она губы, потому сочла самым разумным в этой ситуации — молчать.

Видя, что ей не собираются оказывать сопротивление, Алиса совсем сникла.

— Я знаю, что моё мнение никого не волнует. Да и то, что я чувствую тоже. — Женщина выглядела растерянной.

Жаклин захотелось ей сказать что-нибудь такое, что помогло бы покончить с этой темой раз и навсегда.

— Алиса, если ты попросила меня когда-то присмотреть за твоим сыном, то почему сейчас недовольна тем, что я смогу присматривать за ним всю его жизнь. Разве это плохо? — плеснула она воды на стол, чтобы отмокла прилипшая мука.

Миссис МакЛарен открыла рот, а кандидатка на это имя тем временем продолжила.

— Да! Я заполучила твоего сына, Алиса! Да! — резко и твёрдо кивнула она головой. — Да. Охмурила, завоевала и заполучила. Да, я запудрила ему мозги. Потому что не могла дышать без него. — Жаклин раздула ноздри. — Он... — она пробежала глазами по кухне, как бы подыскивая нужные слова. — Он... я пробовала запретить себе думать о нём, но моя одержимая потребность в нём... Я не смогла. — Уронила она руки вдоль туловища. — Это чувство вобрало всю меня. Но я и потом много сомневалась и злилась, и скучала. Да чего я только не делала! Но сейчас, когда он вернулся ко мне после этих четырёх лет — всё. Хватит! — резанула она ладонью по воздуху. — С меня довольно! Он мой, понятно?! Мой! Я убью за него, если понадобится. — Кивнула она головой куда-то за окно. — Кого угодно прикончу. Нет в этом мире ничего, чего бы я ни сделала для него и за него. Он источник моей жизни, её смысл, моя родина, мой дом. Я ему всё прощу и всё отдам. Всю себя отдам и всё, что у меня есть, и всё сделаю так, как он захочет. И буду для него такой, какой он пожелает. И даже сделаю так, чтобы ему всё это было нужно и необходимо. Расшибусь вдребезги, но сделаю, ясно? — Жаклин упёрлась прямыми руками в стол и нависла над женщиной.

Миссис МакЛарен сидела ошеломлённая и не узнавала девушку напротив. Это была не та Жаклин, которую она знала. Гостья потянулась рукой и заторможено почесала кончик носа.

— Я так и думала, что ты стерва.

— Угу, — продолжила вытирать стол хозяйка квартиры.

— Я расскажу об этом Александру.

— Поздно. Он уже давно говорит, что я ведьма и околдовала его. Но что моё колдовство по сравнению с тем, что он сделал со мной. Мне его никогда не околдовать так, как он свёл с ума меня.

Жаклин видела, что от Алисы её слова отскакивают, словно мячик от стен в сквоше. Но всё-таки надеялась, что хотя бы в виде информации они останутся с женщиной.

— Значит, это не из-за меня вы познакомились. Так и скажу Кирку.

Жаклин мысленно закатила глаза.

— Ты знаешь, — как-то так заискивающе миссис МакЛарен подвинулась на стуле, — у меня что-то в последнее время очень сильно болят на ногах места, где вот после пальцев. — Потянулась он рукой куда-то под стол.

— Плюсна.

— Да. Наверное.

«Слава Деве Марии! Отстрелялась», — обрадовалась Жаклин и приступила к обычной процедуре выяснения симптома.

Когда Алиса уехала, девушка выдохнула с облегчением, хоть и понимала, что на месте этой женщины сама не знает, как бы себя повела.

«Как сложно иметь привлекательных детей, — несмело улыбнулась она сама себе и посмотрела на кукольное личико Эдельвейс. — Ещё неизвестно, какой буду я. Не говоря уже

о Александре».

На день рождения, третьего августа, рано утром ей принесли огромную охапку тюльпанов и записку от МакЛарена со словами: «С Днём рождения. Люблю тебя».

— И я тебя, — тихо прошептала именинница и, улыбнувшись, зарылась лицом в цветы.

Поздравить её приехала Сесилия. Подруга привезла Жак красивое пончо из натуральной шерсти, а Дэлли — очаровательные заколки с розовенькими бантиками и конфеты.

Услышав новость о том, что Александр вернулся, и Жаклин уезжает за ним, миссис Хамонд застыла и, судя по всему, лихорадочно соображала: что теперь будет, и чем всё это грозит её подруге.

— Но ты же понимаешь, что он может повторить свой фокус, — сказала она спокойно.

— Я готова к этому, — с улыбкой кивнула Жаклин.

Сесилия молчала.

— А вообще, я ко всему готова, — продолжила девушка. — Сколько мне не отпущено с ним, всё моё и отдавать это кому бы то ни было, и отказываться от этого я не буду. Всё равно мне без него... — она хотела сказать: «Ещё хуже», но поняла, что эти слова не передают её состояния без Александр, поэтому подумала и призналась: — Мёртво.

Подруга и на это не проронила ни звука.

— К тому же, я точно знаю, что он никогда не бросит Дэлли, а это для меня ещё важнее.

После этого лицо Сесилии расслабилось, потеплело, и она умильно заулыбалась.

— Поезжай, Жаклин. И будь счастлива, — накрыла она своей ладонью, ладошку подруги.

Та расплылась в смущённой улыбке.

— Буду, — посмотрела она на Дэлли, которая в это время пыталась просунуть Суле под ошейник скакалку и сделать из собаки лошадь.

— Ты знаешь, — неуверенно продолжила дальше миссис Хамонд, — тут ко мне где-то с год назад Чарльз заходил.

Жаклин застыла и насторожилась. Но тут же подумала, что год — большой срок.

— Он что-то хотел?

— От тебя? Да вроде бы ничего, — пожала плечами женщина. — Я и сама ничего не поняла, но выглядел он растерянно. Говорил, что якобы недавно расстался со второй женой. Он, оказывается, был женат после тебя. Во-о-от. — Аккуратно прихлопнула ладонью по столу Сесилия. — Сказал, что ездил в Лондон и видел вас с Дэлли.

Жаклин молча приложила руку к груди и через силу сглотнула.

— Боже.

— Да. — Медленно кивнула подруга. — Сказал, что ты, кажется, живёшь нормально, хоть этот молокосос тебя и бросил.

— Интересно, а как он узнал, что Александр меня бросил. Он, что, следил за нами?

— Этого я не знаю. Он ничего не сказал, но просил передать, что прощает тебя.

— Прощает? Меня? — округлила глаза Жаклин.

— Да. За то, что ты изменила ему.

Бывшая миссис Рочестер поджала губки.

— М-да. А как у него дела сейчас?

— Я как-то недавно встретила в больнице Кайру. Она обмолвилась, что Чарльз живёт вроде бы со своей сестрой.

— С Мэри?

— Да. Она якобы переехала к нему и устроилась у нас преподавательницей.

Жаклин растянула губы в тонкую линию и пожала плечами.

— Что я могу на это сказать. Пусть живёт себе с Богом. — Ей действительно так до сих пор и не удалось хоть что-нибудь почувствовать к бывшему мужу. От всей этой богатой на события истории с ним у девушки осталось только лёгкое, ненавязчивое чувство недоумения. От себя, от него, от них.

Кстати, во время разговора с Сесилией позвонил Роберт и тоже поздравил с днём рождения. Именинница, не желая упускать возможность поговорить с мужчиной, пригласила его прийти. И каково же было её удивление, когда он заявил, что присутствовать у неё в доме не может, потому как встретил другую женщину и компрометировать себя перед ней не хочет.

Излишне говорить, что Жаклин удивилась такому признанию в день своего рождения, но и тут пожелала мужчине счастья, поблагодарила за поздравление и распрощалась.

Поздно ночью позвонил Александр. Ещё раз поздравил с именинами, вспомнил, как на второй год жизни в Большом Яблоке мертвецки напился в день её рождения и рассказал, что уже арендовал на неделю, с восемнадцатого по двадцать пятое августа остров под названием «Белая полоса» близ Пуэрто-Рико.

— «Белая полоса»? Звучит оптимистично. А в честь чего так назвали? — поинтересовалась девушка.

— Ты всё увидишь, — пообещал парень.

Глава 69

Дорога

И вот, наконец, подошёл срок карантина Сулы. Жаклин с Дэлли ходили забирать результаты анализов своей хулиганки и на обратном пути купили для неё в зоомагазине памперс и снотворное. Транспортировочный контейнер, приобретённый по интернету с доставкой, уже давно стоял дома. Почитав в сети отзывы о путешествиях с собаками — люди жаловались, что вместо того, чтобы пропускать быстрее, наоборот очень много досматривают и взвешивают — Жаклин воспользовалась их советами и запаслась памперсом со специальным ароматизатором, который животные не грызут и не сбрасывают. А на крайний случай прихватила ещё и таблетку лёгкого снотворного.

Дома, у них уже почти все шкафы и антресоли опустели, вещи из них перекочевали в комнату для гостей, где разместились в огромных баулах и сумках во главе с чемоданищем.

А в свой пластиковый чемодан девушка сложила всё самое ценное и хрупкое. Она присела на минутку на кровать прежде чем упаковать футляр с жемчугом и флэшкой. Вертела и стискивала в руках маленький пластмассовый корпус девайса. И чувствовала, что ещё не готова увидеть ТЕ снимки. Те самые, которые видел Чарльз. Но, тем не менее, была себе несказанно благодарна, что не выкинула и не уничтожила. Хотя соблазн был. Александр же смог выкинуть.

«Он наверняка скопировал, — зажала она в кулаке карту. — Потом. Потом обязательно посмотрю. Или мы вместе посмотрим».

А сейчас девушка вела за ручку дочь по вечернему Лондону.

«Как-то не судьба мне осесть в родном городе», — не то радовалась, не то огорчалась она.

На самом деле, она, конечно же, очень любила свой Лондон. Тот самый, где родилась и училась, получила профессию, где появилась на свет её дочь. Жаклин пожила во многих городах Мира, но именно Лондон отличался тем, что в её понимании являлся городом для жизни. Ведь для того, чтобы увидеть настоящих англичан здесь совершенно не обязательно забираться куда-то на окраины, в глубинку. Наоборот. Спальные районы облюбовали эмигранты из Европы и Азии.

А в центре жили обычные англичане и вели обычный английский образ жизни. Любой турист, встав пораньше, мог оказаться свидетелем тому, как местные собираются на работу, отъезжают на своих автомобилях, разбирают на улицах утреннюю бесплатную прессу, забегают в кафешки за стаканчиком кофе. В Риме такого нет, там центр города это сплошь административные здания, исторические памятники и снующие между ними туристы. Да и кофе стаканами итальянцы не пьют. В Париже — то же самое. А Лондон совсем другой. Он является домом для своих жителей и не сепарирует их от гостей.

«Твой дом — я», — вспомнила Жак. Как бы там ни было, она ни о чём не жалела и точно знала, что её место на этой Земле там, где Алекс.

Поздно вечером за ключами от квартиры заехала секретарша Кирка. На этот раз Жаклин не сдавала жильё, потому как мистер Бикстер собрался продать всю свою недвижимость в Лондоне, и она сделала ему предложение во время визитов пользоваться её квартирой. Тем более, что у неё имелось даже парковочное место. Кирк отказаться не смог. Во время

наездов в Лондон он не всегда успевал побывать даже в своём жилище, круглосуточно обитая на работе, так что квартиры Жаклин ему вполне хватило бы.

Их вылет был ночным, поэтому вечером следующего дня к дому на Bovington Road подкатил довольно внушительных размеров минивэн. Жаклин открыла дверь на звонок.

— Сопровождение в аэропорт прибыло, мэм, — объявил высокий худощавый мужчина с акцентом выходцев из восточной Европы и в форменном комбинезоне каких-то наземных служб.

— Да-да, я вас жду. Проходите, — отступила хозяйка с прохода и увидела, как женщина-водитель открывает задние двойные двери автомобиля. «Private Jet Charter» разобрала Жаклин размашистый синий шрифт на кузове. — Сюда, пожалуйста, — открыла она комнату для гостей. — Скажите, а из какой вы авиакомпании?

— Из аренды частных самолётов «Сиело», мэм. Это индивидуальные рейсы в Латинскую Америку. — Подхватил сумку мужчина одной рукой, а другой повёз на выход чемоданище. — Вы ведь заказали борт в Пуэрто-Рико? — слегка обернулся он на ходу.

— Да, я... заказала, — как болванчик закивала ему вслед Жаклин, глядя, как навстречу мужчине за багажом направляется женщина-водитель. На них пару раз попробовала гавкнуть Сула из своей «конуры», но скорее всего от злости исключительно на саму себя, ведь столько лет прожила на свете, наивно полагая, что ничего страшнее намордника быть не может.

«Частный самолёт?! Он рехнулся?! — вся в смятении Жак прижала к себе подбежавшую Дэлли. — Так. Нужно немедленно ему позвонить!» — потянулась она к сумочке за телефоном, но аппарат в этот момент «ожил» сам — звонила Увил последний раз пожелать счастливого пути.

— Это все ваши вещи? — взялся за рукоятку контейнера с собакой мужчина, когда клиентка завершила вызов.

— Да.

— Тогда мы ждём Вас в машине, — направился он на выход. — У Вас в двенадцать пятьдесят взлёт в Гатвике.

«Так, разговор откладывается. Придётся прилететь и утопить его в океане».

Прибыв в аэропорт, они с Дэлли и Сулой всё с помощью того же мужчины прошли регистрацию и посадку, после чего на заднем сидении обычного легкового автомобиля их уже только вдвоём с ребёнком привезли к трапу небольшого, аккуратненького даже не самолёта, а самолётика. Синее размашистое: «Private Jet Charter» красовалось и на его фюзеляже тоже. Жаклин насчитала всего лишь семь иллюминаторов, а позади лобового окна прочитала серебристые буквы: «Bombardier Global Express 5000».

Когда она, ещё более оторопевшая, с дочерью за руку поднялась на борт, её там уже встречали проводница и Сула в своём контейнере.

Жаклин летала как-то в детстве на небольших самолётах с дядюшкой в Китае. Но там были эдакие непонятные агрегаты наподобие тех, с которых сбрасывают парашотистов — все пассажиры сидели в два ряда вдоль стенок. А сейчас она оказалась в комфортабельном, добротно сделанном, из хороших материалов летательном аппарате с креслами, обтянутыми свиной кожей цвета сливок, и с синим ковровым покрытием натуральной шерсти на полу. Кстати, в салоне оказалось не так уж много мест, поскольку примерно посередине его перегородили стеной с дверью-купе. Жаклин почему-то подумалось, что вторая половина помещения отдана другим пассажирам, примерно как дома

на двух хозяев на её Bovington Road.

— Добрый вечер, мисс Фортескью, — поприветствовала пассажирку улыбочивая бортпроводница с именем «Виктория» на бирке. — Добро пожаловать на борт, — отступила она с прохода и гостеприимно показала рукой.

— Добрый вечер. Спасибо.

— Моё имя Виктория. Я буду сопровождать Вас в этом полёте и постараюсь, чтобы он прошёл для Вас комфортно и безопасно.

— Спасибо, — опять кивнула Жак, по новой окидывая взглядом салон.

— Это первый, гостиный отсек нашего самолёта, а там, — указала рукой на перегородку проводница, — спальный салон. Поскольку это ночной полёт, думаю, Вам с ребёнком будет лучше после взлёта и набора высоты расположиться именно там. За собакой я присмотрю.

«Вот каждый день бы так», — не удержалась помечтать Жаклин.

— Да-да, конечно, спасибо, — улыбнулась она благодарно.

Потом стюардесса познакомилась с Дэлли и принесла ей очень вкусные сосательные конфеты в виде мишек, заек и собачек и прочих представителей фауны. В том, что они вкусные убедилась и сама мама, закинувшись слоником, а потом и белочкой, когда у неё начало закладываться уши при взлёте.

Всё это время перед глазами стояло красивое любимое лицо Александра.

«Это всё от него. Это всё он для нас устроил», — нутро наполнилось теплом и нежностью.

Когда начал говорить командир, Жаклин расслышала только, что расстояние около четырёх тысяч двести миль, время в пути — десять часов.

Но тут произошло нечто непредвиденное. Как только их лёгкий, быстрый лайнер взял разгон на взлётной полосе и взмыл в воздух, Сула начала выть. Не помогали ни мольбы, ни разговоры, ни угрозы — ничего. Причём собака не то чтобы истошно выла, она скорее подвывала какие-то свои песнопения, из своего «собачьего» фольклора. Складывалось ощущение, что своими «ариями» она отвлекает себя и несведущую хозяйку от той опасности, которая грозит им в воздухе. У хулиганки, кстати, прорезался неплохой голос. Да. Но не помогло даже её отменное «контральто» — неблагодарная хозяйка, не оценив заботы, прослушала всего-навсего минут десять от силы и засунула в пасть «певице» таблетку снотворного. Иначе ни о каком сне речь идти не могла.

Поспать им всё-таки удалось и даже неплохо. Дэлли вообще сопела как у себя дома, обняв Дорри, а Жаклин просыпалась несколько раз и выходила посмотреть на свою хулиганку.

Но весь казус оказался в том, что вполне себе выспавшиеся и отдохнувшие они прилетели в аэропорт города Каролина, острова Пуэрто-Рико в десять часов вечера. Дэлли разбудили, она еле успела умыться, как её тут же пристегнули к креслу, ибо самолёт приступил к снижению. Приземлились они в какой-то странной, интригующей тишине, если не считать гул турбин, шум системы кондиционирования и храп Сулы.

Это небо напомнило ей перуанское. Даже учитывая пасмурные ночи Лондона, только в Перу Жаклин видела такую чернь над головой. Такое ощущение, что там, за огнями аэропорта начиналась самая настоящая мгла Космоса.

Только выйдя на трап, девушка тут же почувствовала жару, влажность и горячий морской воздух и принялась стаскивать традиционные для летнего Лондона ветровки с себя и с дочери.

— Мама, смотри! — дёрнула её за пояс джинсов Дэлли и указала пальчиком куда-то вправо.

Проследив за её жестом, Жаклин увидела, как по бетонному покрытию стоянки самолётов со всех ног бежит курица. Обыкновенная рыжая курица, какие встречаются везде и всюду. Она пронеслась в свете софитов и скрылась во «мгле Космоса» как всадник Апокалипсиса.

Но девушка улыбнулась довольная и счастливая.

— Курица — это к удаче, Дэлли. Нам с папой здесь будет хорошо. Вот увидишь.

Дэлли широко заулыбалась и просияла своими маленькими «тюльпанчиками».

У трапа их поджидала сопровождающая — темнокожая женщина, отлично говорящая на английском с американским акцентом. Также, на машине она привезла маму с дочкой к небольшому зданию аэровокзала, к залу прилётов.

Где их уже встречал мистер МакЛарен.

В лёгкой футболке, свободных джинсах тонкого текстиля и с валявшейся у ног спортивной сумкой через плечо, он показался Жаклин особенно молодым или даже юным. Почти таким же, каким она увидела его впервые пять лет назад в кафе.

Полёт прошёл нормально, Дэлли даже не мутило, они почти хорошо выспались, Жаклин не держала в руках ничего тяжелее своего небольшого чемодана, но, увидев любимого, с трудом сдержалась, чтобы не ринуться вперёд и не врезаться в него как воды Амазонки в Атлантический океан.

«Люблю! Люблю, люблю, люблю, люблю», — начала рваться в душе у неё радость от встречи.

— Привет! — Александр подхватил дочь на руки, вручил ей надувную игрушку в виде двух вишенок со скреплёнными черешками и листиками. — Привет, — пересадил он её на одну руку и, отдав Жаклин букет африканских ромашек, чмокнул в губки.

— Привет, — с облегчением выдохнула девушка. Она опять почувствовала себя дома. — Давно нас ждёшь?

— Нет. Я прилетел вечером на Сан-Хуан и пока добрался сюда... Это и весь ваш багаж? — показал парень на чемодан у ног девушки.

— Нет. Ещё Сулу сейчас привезут, — Жаклин разговаривала, а сама сияла как начищенный цент. — Сначала я сильно ругала тебя за такое расточительство, но потом... — она картинно пару раз хлопнула ресницами, — спасибо тебе, — благодарно сжала девушка тонкое, но крепкое и надёжное запястье своего мужчины.

— Никакого расточительства. Всё в пределах нормы, — кривовато улыбнулся тот.

Жаклин принялась рассказывать о «концерте» устроенном Сулой, а Дэлли во все глаза уставилась на букет цветов в руках мамы.

— Какие... паучки... — как в прострации разглядывала она необычные свернувшиеся лепестки цветков.

Александр с Жаклин рассмеялись, а в дверях зала прилёта показался мужчина в форме работника аэропорта, кативший перед собой контейнер со «спящей красавицей» Суламитой.

У стойки перерегистрации багажа Алекс подписал кое-какие бумаги, поскольку основанная масса сумок и баулов во главе с чемоданищем отправлялась дальше в Нью-Йорк, и после этого путешественников на машине по какому-то оживлённому и освещённому шоссе привезли к довольно большому и, несмотря на поздний час, тоже весьма многолюдному пирсу.

В принципе, ночью все кошки серы и города похожи. Но даже в темноте Жаклин не переставала поражаться буйной растительности там, за дорожными фонарями. Казалось, дома и виллы, расположенные по обеим сторонами автомагистрали уже устали бороться с зарослями, уступили в этой схватке с флорой и, смирившись, позволили утопить себя в гуще листвы различных формы и калибра.

На причале то здесь, то там по деревянным помостам сновали люди, в основном мужчины. На многих из пришвартованных яхт кто-нибудь копошился, управляясь со снастью или убираясь на палубах. Повсюду звучала испанская речь. Реже — английская. Где-то негромко играла музыка и столь же мягко и тихо плескалась вода о днища судов.

По причалу за сопровождающим все трое путешественников шли, глупо улыбаясь и лукаво поглядывая друг на друга.

Их подвели к двадцать первому номеру причала «D» на котором стоял пришвартованный довольно неплохой и весьма немаленький водоизмещающий катер по имени «Do not dry»*.

С кормы к ним вышел загорелый кучерявый мужчина средних лет с неторопливыми, несуетливыми повадками и такой же размеренной речью. На хорошем английском он представился Эльбисом и сказал, что они с его «Не просыхающим» всю неделю будут к услугам отдыхающих на «Белой полосе».

Которая и показалась «во мгле Космоса» где-то на сороковой минуте плавания. Всё это время Жаклин как могла отвлекала Александра рассказами о Дэлли, об их самолёте, спальном отсеке, курице, багаже и прочих подробностях. Сам остров разглядеть не представлялось возможным, только лишь посреди ряби волн слабо засверкали несколько огоньков. На них и указал рукой Эльбис.

— Приехали.

Глава 70

Белая полоса

Минут через десять он довольно ловко и умело для катера таких размеров, причалил к длинному узкому помосту.

Очутившись на пирсе, Жаклин с Дэлли озирались по сторонам с открытыми ртами. Казалось, их привезли к огромному, просто гигантскому густому кусту тропической растительности. Все эти плотные заросли здесь, посреди океана, чудились непролазными, дремучими джунглями из которых, как утопающие из трясины болота выглядывали высокие бедняжки пальмы. «Куст» окаймляла песчаная полоска пляжа, сейчас, в свете фонарей у причала, казавшаяся жёлтого цвета и шириной футов двадцать-двадцать пять.

«Мелко», — успокоилась Жаклин, вспомнив, как просила Алекса подобрать остров с неглубоким и не обрывистым берегом, чтобы было удобно купаться ребёнку.

Не успели «робинзоны» сделать и пары шагов по пирсу, как из «джунглей» материализовалась невысокая, темнокожая женщина в форме прислуги, лёгких шлёпанцах из койры и с радушной, гостеприимной улыбкой жительницы Карибских островов. Поспешив навстречу, она поздоровалась и поклонилась на манер японцев, представилась Тамарой и принялась вытаскивать на причал контейнер со спящей Сулой, не переставая тараторить о том, сколько еды в холодильнике, сколько продуктов на кухне, сколько блюд можно заказывать, во сколько будут приезжать её сменщицы и как составлять меню.

Тамара по выложенной круглым камнем дорожке провела отдыхающих вглубь острова.

Как только они миновали через довольно узкую прореху прибрежные заросли, то сразу же очутились посередине весьма просторного и совсем даже не заросшего газона. Мягкий матовый свет наземных фонарей струился над идеально стриженной зелёной сочной травой, очень сильно напоминающей лондонский Hyde Park с той лишь разницей, что здесь, вдобавок ко всему прочему, немногочисленные, но очень раскидистые пальмы своими стройными стволами одинаковой высоты и толщины словно мраморные колонны в каком-нибудь соборе или дворце подпирали «потолок», образованный их собственной листвой. А «на полу» дорожка из круглого камня образовывала целую сеть тропинок и проходов, петляя и кружа, будто желая запутать гостей и заставить их заблудиться даже на таком крохотном островке.

Однако по ней вполне спокойно можно было попасть и к гамаку, растянутому меж пальмами, и к небольшому бассейну со столиком и скамейками в противоположной стороне двора-лужайки и к верандам трёх небольших бунгало, крытых пальмовыми листьями.

Как оказалось при ближайшем рассмотрении в каждом из домов имелось только по одной комнате. По сути это были три комнаты с отдельными стенами и крышами. По центру стояла самая большая — гостиная, а по бокам от неё — спальни. Из левой спальни имелась дверь в ванную, из правой — на кухню. Тамара объяснила, что первая спальня называется северной, а вторая — южной. Меж домами в сопредельных стенах друг напротив друга прорезали двери и перекинули мостики. Все три дома-комнаты имели выходы на пляж через стеклянные «французские» двери с верандами. Жаклин резко захотелось здесь пожить хотя бы с полгодика.

— Дева Мария, какая красота, — заговорщически прижалась она к боку Александра, а

тот одобрительно сжал её ладошку.

Горничная, дав последние пояснения, укатила вместе с Эльбисом на его «Не просыхающем», Дэлли сразу же залезла в гамак вместе с Дорри, а папа с мамой принялись обживать.

И поскольку в любой точке острова и во всех трёх домах-комнатах не смолкал этот ненавязчивый, манящий, сулящий самые прекрасные ощущения, шум волн океанического прибоя, то убедившись, что Сула ещё мирно спит, все пошли купаться.

Океан, вследствие безлунной ночи, к сожалению, не выглядел почти никак, а только лишь чернел синевой и еле заметной линией горизонта. Вода была тёплая как дома в ванной, приятная, но слегка опасная с виду. Песок по ощущениям напоминал муку грубого помола. Александр попробовал немного отплыть от берега, и когда его голова уже почти слилась с еле заметной рябью волн, Жаклин прокричала вслед и попросила не испытывать на прочность её нервную систему. Парень развернулся назад.

А перед этим произошло знакомство Атлантического океана с Эдельвейс.

— Дэлли, смотри, — зайдя чуть глубже от берега, папа набрал пригоршни воды и, подойдя к, стоявшей у линии прибоя Дэлли, лизнул жидкость языком.

— Попробуй, — протянул он руки дочери.

Та по незнанию довольно много хлебнула из его ладоней и тут же выплюнула с отвращением.

— Фу-у-у, — хорошенькое личико исказилось крайней степенью удивления и ужаса одновременно. — Какая невкусная! — разозлилась на воду Эдельвейс, а довольный папа рассмеялся. Дэлли во все свои «тюльпаны» уставилась на прибой. — А кто это посолил? — Ей не верилось, что кто-то в состоянии сделать такой невкусной такое количество воды.

— Никто, — улыбнулся Александр. — Так природа распорядилась.

Дочь не нашла, что ответить, поэтому парень не стал торопить её, давая время и возможность делать то, к чему она будет готова.

Искупавшись и немного освоившись, папа с мамой принялись ходить друг вокруг друга и щенячьими глазками посматривать на выспавшееся дитя. Поняв, что от перевозбуждённой Дэлли сна не дождёшься, Александр потянул всех на кухню, и после плотного, не то ужина, не то завтрака, уложил своего ребёнка рядом с собой на кровать в доме-гостиной и принялся читать самые скучные сказки.

Но даже после этого Дэлли долго крутилась и перебивала вопросами об океане и о том, когда же наконец «проснётся Сулачка», но всё-таки в конце концов заснула.

— Идём, — шепнул Александр Жаклин, когда та развешивала в ванной мокрые купальники, и обвился сзади руками вокруг талии.

Хоть и приближалось утро, песок ещё не остыл. Даже не дойдя до неосвещённой, отдалённой части пляжа, Александр впился в любимые губы и, задрвав тонкое трикотажное платье, просунул руку между ног.

И застыл.

— Фак, — отстранился он. Жаклин была без трусиков, но дело заключалось совсем не в этом. — Это то, что я подумал? — округлил мужчина свои «тюльпаны».

— Да. У меня ведь пляжный отдых, — смущённо улыбнулась девушка. — Я подготовилась.

— Но это же... больно!

— Очень! Я чуть не поседела! — воскликнула девушка и сама ринулась за поцелуем.

— Мазохистка.

Он сдёрнул с неё платье через верх, закинул куда-то в сторону и абсолютно голую повалил на песок. Именно так, как давно мечтал. Пляж превратился в ложе, по которому можно кататься, валяться, не боясь упасть или неловко спрыгнуть.

— Малыш, если сейчас не попробую твоего вкуса, сдохну, — оторвался Александр от очередного поцелуя, пальцами теребя её голенькие складочки.

Жаклин видела, что он уже начинает походить на безумного, отстраняется, остаётся наедине с собой, со своим желанием, уходит внутрь себя. Девушка от души наслаждалась тем эффектом, который имеет на этого мужчину близость с ней.

Жаклин с готовностью раздвинула ноги.

— М-м-м, — припал Александр к её бугорку и потом начал вылизывать всё меж складочек. — Но я немного опоздал, — оторвался он. — Тут побывал океан. Вылизал. — Парень улыбнулся.

— Алекс! — с укором уставилась на него Жак, но тот уже продвигался вверх поцелуями по её телу, и ей резко сделалось не до смеха, поскольку получилось дотянуться до его члена.

— Войди в меня — сжала она обеими ладошками свою находку.

Мужчина отстранился и застыл.

— Быстрее, — добавила девушка, — пожалуйста.

Под ними распростёрлась незнакомая, чужая земля, их временная обитель, пристанище. Сверху влюблённых укрывало открытое чёрное небо тропиков, пятки ласкал «карибский» прибой океана, но в руках чувствовались всё тот же Александр и всё та же Жаклин. Принять ЕГО в себя радовало всё такой же сладостью, а внутри НЕЁ ощущалось всё столь же волшебно. Теперь рай был и внутри и снаружи.

После первых двух толчков Александр сразу же начал с ожесточением вдавливать в девушку своим каменным членом. Его взгляд ослеп, красивое лицо исказилось непереносимой сладостной мукой. Жаклин поняла, что он хочет для начала сбросить излишки гормонов, которые мешают любить друг друга с чувством, с толком, с расстановкой и наслаждаться. Девушка и сама решила отдаться своим желаниям, которые наконец-то совпали с возможностями. Она принялась «царапать» ногтями песок что есть силы. Именно так уже давным-давно, чуть ли не с самого начала, хотела исполосовать спину парня, но, по понятным причинам не решалась. Жалела. Поэтому сейчас бороздила кистями песок и выгибалась навстречу Алексу и всё это не только от сладости и блаженства.

Она торжествовала. ОН с ней! Опять! Теперь окончательно и бесповоротно. Поэтому ничего удивительного, что её мир взорвался первым. Из груди вырвался один утробный, хриплый стон, захотелось скрючиться в самой дикой позе, чтобы хоть как-то справиться с нахлынувшим оргазмом, но она схватилась за предплечья парня и, не меняя положения, держалась из последних сил, чтобы не помешать ему последовать за ней.

И Александр, уже будучи на «краю» этого мира, только почувствовав её первую пульсацию вокруг своего члена, тут же сорвался в «пропасть». Его крутило, вертело, кидало как шарик внутри шейкера и било конвульсиями одновременно, но, тем не менее, парень старался не выпадать из реальности и не смазать разрядку девушки и даже смог прижать её к себе.

Под действием эйфории от того, что секс с любимым человеком всё так же не сравним ни с чем в этой жизни и всё столь же фееричен, оба кинулись страстно стискивать друг друга в объятьях и целовать куда попало.

Отходили неторопливо и долго. Александр рассыпал тёплый, мелкий и нежный, как французская пудра, песок по такому же бархатистому и шелковистому телу Жаклин и водил по нему руками, целуя губы и соски. А она гладила его плечи и линию челюсти, в утренних сумерках излучая свою безусловную и всепоглощающую любовь глазами.

Немного отдохнув, парень подхватил девушку на руки и понёс в воду.

Они долго плавали. В этот момент их было трое: обнажённый мужчина, обнажённая женщина и океан.

Скользили друг по другу руками и телами. Оба чувствовали, что даже несмотря на бодрящую воду, как будто пьянеют, мозги поддёргиваются дурманом. Как во хмелю. Океан сделал наслаждение от близости не возбуждающим, а наоборот расслабляющим. Будто под действием наркотика, они прикасались друг к другу в воде, получая тем самым новую и новую дозу. Забытьё.

Нежность и ласка, трепетность и желание. Появились даже какие-то нотки лени и бессилия. Но только до тех пор, пока Александр не наткнулся под водой на груди Жаклин — Фа-ак!

Они были теперь уже не такие тяжёлые в воде, но столь же упругие и большие. Парень принялся мять их и стискивать, глядя на Жак даже с какой-то мольбой о помощи. Словно ждал, что она сможет облегчить его участь, нелёгкую долю человека, мужчины обуреваемого жгучим, невыносимым желанием. Тогда он потянулся к её складочкам между ног. После этого дурман вмиг как рукой сняло. У обоих. Сразу. Пробудилось желание соединиться здесь и сейчас. Немедленно. Жаклин подумала, что на этот раз в ней нешуточно разыгрались гормоны — она захотела траха. Жёсткого, ритмичного, животного и бездушного. Полностью удовлетворив свою душевную составляющую, девушка поняла, что пришла очередь телесной.

Александр с безумными глазами её приподнял, и когда она обвилась ногами вокруг его талии, вошёл в неё. К наслаждению от купания прибавилось эйфория от соития. Двигаться в воде оказалось немного тяжелее, хоть сейчас можно было не беспокоиться, что вода выплеснется за края джакузи, поэтому Александр смог разогнаться до такой скорости, с которой уже не останавливаются. Так и разбиваются насмерть и вдребезги о первую попавшуюся на пути преграду.

Ему повезло. Он «разбился».

И попал в Рай. Нутро разорвало в клочья мощным ударом всепоглощающего наслаждения. За ним последовала и Жаклин. На этот раз всё было по-взрослому. Гормоны клочкотали, как беснующаяся лава внутри Земли, и бились о ткани и рёбра, требуя выхода. Свободы. И, когда наконец покинули и мужчину, и женщину, то оставили после себя, почти «руины». «Развалины».

В которых опять, в который раз, осталась жить любовь.

С нежностью и заботой Александр начал поддерживать девушку, чтобы она не ушла под воду, поскольку та тоже имела свои минусы — тут же захотелось повалиться на любую горизонтальную поверхность, потому как даже с помощью океана ноги не держали совсем. А Жаклин обвилась вокруг парня и прилипла как ламинария. Она просто не знала: как ещё выразить такое количество счастья и любви.

Кое-как на дрожащих подгибающихся конечностях парочка выбралась на берег и ещё долго валялась на песке, восстанавливая дыхание и лаская друг друга.

Но нежились они только до тех пор, пока не услышали совсем недалеко истошный, тягучий вой.

Наверное, примерно так же выла собака Баскервилей в центре Гримпенской трясины. Оба застыли.

— Сула проснулась, — догадалась Жак.

— Нужно её выпустить, пока она не разбудила Дэлли и не распугала всю рыбу в океане, — подскочил и ринулся Александр к бунгалу, обматывая бёдра на бегу футболкой.

Вернулся он через пару минут с полотенцами и фараоновой собакой.

Та вроде бы и бежала за ним, но тут же возвращалась, поскуливала, прыгала то вправо, то влево и вообще всем своим видом показывала, что вся в смятении и в «растрёпанных» чувствах, поскольку совсем не ожидала от любимых хозяев такого подвоха — запихнули в конуру, усыпили, привезли невесть куда, к какой-то огромной луже, которая постоянно наступает на лапы и того и гляди грозит утопить.

Жаклин, смеясь и дурачась, кинулась обнимать свою хулиганку, стараясь показать, что всё нормально и всё в порядке. Но уже учёная и опытная Сула не поддавалась на отвлекающий манёвр и, «держа ушки на макушке», зорко бдела ситуацию.

И когда мужчина с женщиной пошли опять в воду, закатила на берегу настоящий скандал. Хулиганка была категорически против. Она бегала вдоль берега, уворачиваясь от прибой, и громким лаем призывала не очень умных и не совсем путёвых хозяев одуматься и вернуться на твёрдую почву. Рыла лапой песок и поддевала его носом. А стоило Александру схватить протестующую в охапку, затащить в воду и заставить плыть, она тут же повернула к берегу, показав, кстати, довольно неплохой результат.

Выскочив из воды, Сула отряхнулась и принялась вываливаться в песке так, что стала похожа на дикобраза. Правда, породистой шерстке фараоновой собаки всё было нипочём — пару раз отряхнувшись и чуть подсохнув, она опять блистала красотой и породой волосок к волоску.

Когда же хозяйева наконец-то вняли голосу разума, одумались и целые и невредимые появились из океана, Сула ринулась прямо к Жаклин, и если бы не Алекс, от радости сбила бы её с ног.

Поскольку мама наотрез отказалась спать где-либо кроме как рядом с дочерью, боясь, что та проснётся и сразу же побежит купаться в океан, то заснули уже утром в гостиной все вчетвером, считая собаку.

Кстати, со сном не было проблем и все последующие дни. Свежий морской воздух, комфортная температура, вкусные блюда, купание в океане — и Жаклин, и Александр да и Дэлли первые два дня постоянно хотели спать. И даже Сула.

Их сонливость в эти дни могла дать фору только их же аппетиту.

Папа Александр всё-таки сменил гнев на милость и не стал отказываться от услуг повара. На кухне, на специальной подставке стоял переносной терминал электронного меню. В нём нужно было отмечать блюда, которые проживающие на «Белой полосе» не прочь увидеть сегодня на своём столе, получить пояснения на их счёт или же заказать что-нибудь особенное.

В двухстворчатом холодильнике имелось всё, что может пожелать человек, который в состоянии арендовать остров, а в два часа по местному времени на «Не просыхающем» приплывали официанты и накрывали обед.

Который даже не поедался, а уничтожался. Буквально.

Океан забирал много сил, свежий воздух способствовал быстрому пищеварению, еда оказалась очень вкусной и интересной, поэтому хорошо кушали даже мама и Дэлли.

Понимая, что картошки фри они наедятся и в Нью-Йорке, «робинзоны» старались заказывать именно местные блюда: пряное мясо, морепродукты, соусы на кокосовом молоке. Особенно необычным оказался вкусный чёрный суп из черных бобов, внешне напоминающий обыкновенную дэрбиширскую грязь, а так же всякие экзотические виды рыб типа миноги и акулы плавники. На ура были приняты и истреблены тушеные свиные рёбрышки с помидорами, бобами, оливками, орегано, гвоздикой и душистым перцем, а после них ликвидировали ещё и говядину со сладким перцем, картофелем, чесноком, луком и каперсами.

Суле тоже предлагали на выбор около шести видов собачьего корма, но хулиганке понравились лепёшки из лапшового теста в растительном масле. Их она могла съесть столько, сколько дадут.

В море купались в первый же день только утром и вечером, а когда следующий день выдался пасмурным, то в океан, можно сказать, переселились. И всё это под категорические протесты Сулы. Хулиганка так и не примирилась с «лужей», и даже предыдущие удачные возвращения хозяев из пучины морской её не успокаивали.

Особенно огорчало собаку поведение Дэлли. Ребёнка совершенно невозможно было вытащить из воды. Он не слушал ни разумные доводы «Сулачки», ни мамы, ни папы. Последнему приходилось применять силу и вытаскивать брыкающуюся дочь на берег.

Но зато потом, когда её удавалось заинтересовать играми на песке, Дэлли принималась что-то там сама себе мастерить, строить и копать, давая тем самым папе с мамой отдохнуть. Александр воочию убедился, что дочь вниманием не избалована и вполне приучена занимать себя сама. Поэтому иногда первый заигрывал с ней, начинал что-то городить или чертить на песке, а потом Дэлли делал ему массаж спины или завязывала хвостики на голове.

К тому же, Эдельвейс определённо пришёлся по нраву гамак. Она сама залезала в него вместе с Доротеей и пару раз даже засыпала там. Ей так понравились эти «качели», что она чуть ли не на крови заставила поклясться папу, что он сделает ей такие же дома. А ещё лучше, если они каждые выходные будут ездить или сюда, или в «Дислэнт».

Но вообще-то, именно здесь, на острове, выяснилось, что ребёнку не столько нужны Диснейленд и аттракционы, сколько папа и мама. Они вчетвером вместе с Сулой провели семь великолепных дней. Этот эпизод их жизни показал: насколько они, оказывается, уже самостоятельны как семья. Настоящая, полноценная, сложившаяся. Им больше никто не был нужен, они почти ни разу за всё время ни о ком не вспомнили и не заговорили. Жаклин начала подозревать, что началась та самая, белая полоса в её жизни.

Кстати, о «Белой полосе».

Глава 71 Самый счастливый пончик в Мире

Глава 71

Самый счастливый пончик в Мире

В первый же день пребывания на острове они вчетвером легко, где-то буквально за полчаса, обошли его весь по периметру и даже успели искупаться на противоположном каменистом пляже, где вода оказалась просто кристально чистой.

Тут-то, наконец, Жаклин и открылась истина.

С левой стороны острова, на участке пляжа, расположенного за северной спальней, в океан уходила небольшая песчаная коса. Видимо, течение, разбиваясь о противоположный, каменистый берег острова, встречалось здесь, неся с собой некоторое количество взвешенного, промытого, чистейшего белого песка и нагромождая из него целую косу. Которая оказалась весьма невысокой, её то и дело перехлёстывало волнами, а при шторме, она неминуемо скрывалась под водой. Но именно в этом и состояла её уникальность, ценность и красота.

Белый, мельчайший, отсеянный песок и чистейшая лазурная вода захватывали дух. Волны постоянно омывали эту полоску суши, поэтому никаких следов, отметин на песке не имелось. Не было и камней. Ничего. Только гладкое, твёрдое, девственное покрытие и вода. Чистота и простор. Казалось, на этой косе можно остаться жить, питаясь только красотой и не умереть с голода.

Но самым, без преувеличения сказать, волшебным, и, скорее всего, тем из-за чего остров оказался в частных руках, было то, что за эту косу садилось солнце. Как и положено в этих широтах, оно буквально падало, ухалось в океан в правильное время, окрашивая белый песок в розово-оранжевые оттенки, а лазурную воду — во все цвета радуги.

Путешествуя с дядюшкой, Жаклин вполне себе насмотрелась на прекрасные необычные уголки Земли, но даже она застыла, впервые увидев такое зрелище, такой «перфоманс» от природы. Картинка казалась нереальной.

— Боже, — только и смогла выдать из себя девушка.

— Вот это я понимаю «Белая полоса», — забрался пятернёй себе в волосы Александр, стоя у основания косы и держа за руку Дэлли, которая уже пыталась закопать себе ступню в песок. — Сегодня вечером вернёмся сюда с бутылкой вина.

Если дни на острове проходили фантастически, то вечера просто волшебны. Подсветка зарослей тропического кустарника была продумана по типу уличных ночников — свет струился мягкий, ненавязчивый, обволакивающий и успокаивающий. Во всех трёх комнатах-домах или домах-комнатах включали светильники, на кухне заваривали чай и усаживались или на террасе гостиной, или переносной столик втыкали ножками в песок на носу косы.

Под ногами мягкие, как казалось Жаклин, «улыбчивые» волны, накатывающие на косу эдакими длинными дугами, напоминающими улыбки, каждый раз заново расстилали для отдыхающих мельчайший, чистейший песок. Океан улыбался им и ласкал своими солёными лазурными водами ступни и лодыжки, умиротворяя ленивыми негромкими звуками плёска воды. Всё это казалось сном. Ожившей мечтой, фантастикой.

А в один из вечеров, когда уже стемнело, к их пирсу причалил «Не просыхающий», из него вышел Эльбис.

Вытянув на пирс пластиковую бадью с рыбой, мужчина начал кидать содержимое в воду

прямо с помоста. Пока к нему подбежали «робинзоны» во главе с Сулой, океан возле него уже кишел своими обитателями. Особенно поражали воображение скаты. Такие огромные и прожорливые. Эти монстры довольно агрессивно били по воде округлыми плавниками, стремясь урвать кусок побольше. Их попыталась было призвать к порядку Сула, но её никто не послушался.

Показав отдыхающим, как нужно кормить рыбу, мужчина вытащил из катера длинный раскладной шест и пошёл сбивать кокосы с пальм. Эти большие тяжёлые плоды, падая с деревьев, могли легко ударить по голове и принести увечья. Тут же разделав кокос и напоив гостей свежим соком, Эльбис удалился, потрепав напоследок по холке возбуждённую всем происходящим фараонову собаку.

Иногда мимо их острова проплывали катера, пролетали гидросамолёты с лыжами вместо шасси, а однажды строго на горизонте показался, судя по абрису, огромный, многопалубный океанический лайнер, скорее всего, направляющийся из Пуэрто-Рико.

В последнее утро жизни — а скорее даже сна — на острове, когда семейка завтракала на веранде южной спальни, и Жаклин уже приготовилась было огорчиться отъездом и озаботиться сборами вещей, вдруг послышался звук самолёта.

Но не сильный, мощный гул, а лёгкое тархтение и весьма близко. Через пару секунд сверху, сквозь прорехи в «пальмовом потолке», показался гидросамолёт. Маленький и белый. Его корпус очень походил на моторную лодку, только с хвостом, крыльями и поплавками на их концах. Сделав петлю, гость заметно снизился, а потом и вовсе сел на воду футах в ста пятидесяти от причала. После чего быстро и довольно умело подплыл к пирсу и его два двигателя-вертушки на крыльях заглохли и остановились. Валявшаяся в тени под кустом Сула, выбежала на пляж, к причалу, и зорко и воинственно пожирала глазами вновь прибывшего, как бы сканируя его на степень опасности.

— Что-то случилось? — всё это время наблюдавшая и молчавшая Жаклин всполошилась и заметалась глазами между самолётом и Алексом, но увидев нескрываемое лукавство в «тюльпанах», остановилась. — Что, что такое?

— Это твой подарок ко дню рождения, — заулыбался молодой человек.

Сидевшая рядом Дэлли, услышав слово «подарок», застыла и уставилась на отца.

— Мой подарок? — Жаклин озадаченно заулыбалась. — Какой? Что за подарок?

— Сюрприз, — бесенята сидели на причале с заклеенными скотчем ртами. Самый талантливый хотел просигналить морскими флажками, но его быстро скрутили и связали. — Ты сейчас поедешь с ними, — кивнул парень на самолёт. — Они тебе всё объяснят. Надень купальник.

С самолётом прилетела женщина и представилась Ядирой. Она мило улыбалась, пожала всем руки и вежливо пригласила Жаклин следовать за ней. Девушка сбегала, переоделась, с заторможенным, озадаченным видом поцеловала в щёчку Алекса и Дэлли на его руках и направилась за гостьей.

В самолёте с ней радушно поздоровался пилот — молодой парень вполне себе европейской внешности: блондин с голубыми глазами. Жаклин представила, как они сейчас будут взлетая, подпрыгивать на волнах, но агрегат набрал разбег довольно сильно, если не сказать нагло разрезая волны, как горячий нож сливочное масло, и плавно и уверенно взмыл в воздух.

После того как на неё надели гарнитуру, Жаклин тут же начала «листать» в голове версии по поводу этого подарка и сошлась на том, что, скорее всего, Александр купил ей

сеанс спа процедур с каким-нибудь массажем и очень обрадовалась.

«Это никогда не помешает», — принялась предвкушать девушка.

У Ядиры она уточнить постеснялась поскольку, во-первых, в сопровождающей угадывался профессионализм, а во-вторых, Жаклин подумала, что, вероятно, лететь им недалеко — спа салоны здесь утыканы на каждом шагу.

Однако в воздухе её держали около часа. Она даже успела устать от, хоть и красивой, но всё-таки однообразной картинке океана под крылом самолёта. А к концу уже начала немного волноваться, что увезли её явно далековато от «Белой полосы».

«Странно, — недоумевала она. — До ближайшего спа здесь рукой подать. Я видела в интернете».

Приземлились они у довольно длинного, широкого причала как показалось Жаклин принадлежащего даже не острову, а континенту. Во всяком случае, очертаний противоположного берега с воздуха она не увидела.

— Идёмте со мной, — открыла дверцу и опять услужливо улыбнулась Ядира, как только самолёт причалил к помосту.

«Нужно было захватить с собой что-нибудь чистое из одежды, — немного огорчилась Жаклин. — Будет неприятно одевать после процедур эту майку», — взглянула она себе на грудь, где красовалась разноцветная ящерица и надпись: «Bobbi».

И каково же было её удивление, когда на электромобиле, в который на стоянке у пирса усадила её Ядира, они проехали мимо всех попавшихся на пути построек хоть как-то годящихся для спа салонов и массажных кабинетов и остановились на каком-то открытом пространстве перед воротами со шлагбаумом.

— Идёмте, — уже традиционно улыбнулась сопровождающая.

Выйдя из машины, они прошли на территорию и по красивой пальмовой аллее попали к некоему бунгалу. Кстати, не единственному здесь, но самому большому.

— Одну минуточку, — остановилась Ядира. — Подождите меня, пожалуйста, здесь. — И скрылась за дверями центрального входа. Не прошло и полминуты, как она вернулась, но уже не одна, а с какой-то девушкой возраста и комплекции Жаклин, только с русыми волосами и мелкими чертами лица.

— Жаклин, — радостно и даже немного торжественно обратилась Ядира, — перепоручаю Вас вот этой милой даме. Её зовут Миша. Дальше Вы всё узнаете от неё. Но я не прощаюсь, а чуть позже заеду за Вами. До встречи.

— До встречи, — промямлила Жак, но всё-таки не забыла сказать: — Спасибо.

Ядира улыбнулась, слегка поклонилась и направилась назад по аллее.

— Ну, что же, будем знакомы, — заулыбалась теперь уже Миша. — Я знаю: тебя зовут Жаклин. Так вот, Жаклин, разреши тебя кое с кем познакомить. Идём за мной.

И вот тут Жак догадалась сразу же.

И точно, как только они подошли к пляжу и взошли на помост одного из бунгало, выходящего верандой прямо на глубину, у их ног из воды вынырнули сразу три головы дельфинов, и послышался их громкий «щебет».

Жаклин забыла всё на свете. И себя саму тоже забыла.

Дельфины все трое разинули пасти, показывая вообще-то неплохие зубки, и улыбались. Девушку обуюла уверенность, что они ждали именно её и очень ей рады, хоть и понятно, что животные приплыли к своей дрессировщице.

— Знакомься, — Миша указала на своих питомцев рукой. — Это Эфа, Алекс и Раш, —

по очереди ткнула она пальчиком в головы, которые для Жаклин казались похожими друг на друга словно клоны.

— Алекс? — округлила глаза гостья.

— Да. Знакомое имя?

— Да, — закивала и заулыбалась Жаклин. — Очень.

— Вот и хорошо. Сейчас мы с тобой будем купаться с ними. Они очень общительные и любят, когда к ним приходят гости.

Жаклин тут уже присела и протянула руку к дельфинам. Они зашевелились и защебетали ещё сильнее. Она дотронулась до кончика носа того, кого ей представили как Алекса. Ей сильно захотелось нырнуть к нему в воду.

— Жаклин, я понимаю твоё нетерпение, но для начала тебе нужно надеть жилет и взять маску для ныряния. — Словно прочитала её мысли Миша. — А так же внимательно послушать всё, что я тебе скажу.

Гостья поднялась и окинула взглядом территорию. Вдалеке виднелась нитки поплавков, дальше по пляжу врезались в океан два узких длинных помоста, судя по всему, дополнительно разрезающие территорию на бассейны, на берегу стояли несколько бунгало тоже крытые пальмовыми листьями. В этот момент девушка пожалела, что рядом нет Дэлли и её папочки.

— Хорошо, я готова — вернула она внимание к хозяйке.

Они прошли в бунгало, где проделали всё, что перечислила Миша, захватили с собой игрушки и вышли опять к её питомцам.

Потом, уже спустя время, Жаклин вспоминала эти неполные два часа и могла описать их только лишь как детство. Она опять почувствовала себя маленькой девочкой Жаклин, которой на день рождения подарили чудо. Волшебство. Эти животные буквально навязывали свою весёлость и заражали хорошим настроением. С ними невозможно было не отдаться игривости и ребячеству. Девушка пинала с ними огромный куб, поднимала над головой обруч, в который с особым удовольствием прыгала Эфа, обнималась и гладила их плотные спины.

Дельфины на ощупь были твёрдыми, гладкими, но не скользкими. И только рядом с ними стало понятно, насколько это всё-таки мощные, сильные животные. Подплывая, они гнали довольно ощутимую волну. Во всяком случае, Жаклин, с её массой, заметно отталкивало и даже топило под воду. Они вертелись как веретено, напрашиваясь на «обнимашки». Когда Миша предложила обнять Эфу, и Жаклин послушалась, дельфин так закружилась вокруг своей оси, что Жак побоявшись, что её сейчас выкинет, завизжала и вцепилась в животное, словно медведь в сосну.

Они переворачивались и ложились на спину, чтобы им почесали пузико, точь-в-точь как это делала Сула.

Миша иногда взмахивала рукой и Ращ, скрываясь из виду в воде, выпрыгивал из неё, извиваясь телом, где-то футах в тридцати-сорока, а потом хвостом плюхался назад, почти не создавая брызг. Эфа всё время крутилась рядом, то тёрлась боком, то просто торчала своей пастью, и только Алекс как-то не очень жаждал компании. Он игрался с кубом, всё время исчезал где-то на глубине, и даже когда подплывал, держался за хвостами своих друзей.

— Он как-то не очень общительный, — посмотрела на Мишу Жаклин.

— Он умный, — прищурилась дрессировщица. — И самостоятельный. Дрессуре поддаётся хуже, но и глупостями не занимается как эти... шkodники, — кивнула она на Эфу

с Рашем.

— Угу, — с готовностью закивала Жаклин.

Время пролетело совершенно незаметно. Оно как-то так сжалось в маленький момент расслабления и наслаждения, хоть эти животные заставили Жаклин и воды нахлебаться и иногда даже почувствовать настоящий страх.

Прощаться не хотелось ни в какую. Девушка вспомнила Дэлли, которая собирается ездить каждые выходные в «Дислэнд», поскольку и сама сейчас, словно маленькая девочка, захотела приезжать к этой троице каждую субботу.

— Я никогда вас не забуду, — поцеловала она на прощанье Эфу в висок, чуть повыше глаза, а дельфин в ответ лукаво улыбнулась и что-то опять зачирикала на своём, на дельфиньем.

«Не уезжай. Оставайся», — слышалось гостье.

Возвращалась она уже немного другим человеком. Как прививка укрепляет иммунитет, так и общение с дельфинами немного сдвигает менталитет человека. Жаклин железно поняла, поверила, убедилась, что белая полоса в её жизни действительно началась. Девушка пришла к окончательному выводу, что всё-таки она счастливица. Ей повезло.

Когда они с Ядирой прилетели к причалу «Белой полосы», Жак уже чуть ли не плакала. У неё хватило сдержанности тепло распрощаться со своей сопровождающей и поблагодарить её, но упав в объятия Александра, всё-таки захныкала.

— Они такие... они такие классные, весёлые, они вообще лучшие! — обвила она руками вокруг пояса любимого мужчины. — Спасибо, спасибо, спасибо!

Парень обнял и похлопал по спине.

— Ну-ну, не грусти. Вот Дэлли чуть подрастёт, и мы отправимся все вместе туда.

— Одного из них зовут Алекс, — оторвала от него голову девушка и посмотрела снизу вверх. — Ты знал?

— Знал. Мне сказали, — широко улыбнулся Александр.

— Он умный.

— Ну, так он же Алекс!

Жаклин засмеялась, но тут же опять скусилась.

Тем более, что этим вечером нужно было ещё и собираться.

Упаковывая чемодан, она опять наткнулась на футляр с жемчугом.

«Флэшка», — резануло у неё в мозг. Девушка молниеносно поняла, что это тот самый случай. Лучшего и быть не может. Свой макбук она не распаковывала, поэтому рванула на веранду к ноутбуку МакЛарена, вставила карту туда и вошла в появившуюся папку.

Перед ней появилась фотография её спящей в постели там, в стеклянном доме на Torgdon. Жаклин выпрямилась и уставилась на картинку немного испуганным, задумчивым взглядом. И сидела не шелохнувшись. Мыслей не было, чувств — тоже. Имелся только факт — она смогла посмотреть на ТЕ фотографии. Этого ей вполне хватало.

Просидев так, потеряв ощущение времени, Жаклин спиной почувствовала, как с кухни вошёл Александр. Он повёл дочь кушать, чтобы не мешать маме собираться. Парень застыл, буквально окаменел на пороге. Воцарилась тишина и скованность. Девушка не выдержала первая и оглянулась. На Александр было страшно смотреть. Его «тюльпаны» распахнулись, брови сошлись на переносице, рот сжался в плотный бантик.

— Ты, — перевёл он взгляд на Жак, — ты, что, не выкинула её? — искреннее удивление из голоса парня можно было разливать по бутылкам.

— Нет, как видишь, — Жаклин нажала на клавишу и перед ними показалась её фотография в стеклянной капсуле London Eye. — Как давно это было, — тихо прошептала она.

И опять тишина. И опять неловкость. Из кухни прибежала Дэлли и прижалась к ноге папочки.

— Я покушала, — вытерла она губки о его шорты.

— Хорошо, родная. Сейчас пойдём, — погладил он дочь по белокурой головке.

Жаклин молча листала фотографии. А потом услышала это:

— Пока ты плавала с дельфинами, мне написал Мартин.

— Кто такой Мартин? Что-то случилось? — не оборачиваясь, поинтересовалась она.

— Да. Случилось. Нас с Джесс развели. Я могу получить свидетельство о разводе.

Жаклин улыбнулась.

— Что же, рада за Вас, мистер МакЛарен, — она наконец обернулась. — Теперь Вы свободный молодой человек. Можете устроить там... секс в большом городе.

Но Александр что-то было не до веселья.

— Я просчитался тогда, Жак, — упавшим тоном признался парень. — Просчитался с Чарльзом.

— Что ж, — равнодушно пожала она плечами, — что было, то было. Зато мне так легче было жить без тебя и не жалеть о Чарльзе.

Александр чуть помолчал и пожевал губы.

— Ты умная.

— Нет. Я везучая. И счастливая. Теперь я это точно знаю. — И, закрыв флэшу, Жаклин отвернулась от макбука и с игривой улыбкой слегка ущипнула дочь за измазанные каким-то соусом щёчки. — Правда, Дэлли?

* * *

Последнюю ночь на острове они провели на косе вдвоём. Просто валялись и разговаривали.

— Как мы будем жить в Нью-Йорке? — поинтересовалась Жаклин.

— То есть как это «как», — вскинул брови Александр. — Счастливо будем жить.

— Это в общем, а я про частности. Ну, вот ты будешь уходить по утрам на работу...

— Я?! — Округлил свои «тюльпаны» парень. — С чего ты взяла? Что я там забыл на этой работе, когда у меня жена — врач! Врачи знаешь сколько в Штатах получают! О-го-го!

— Знаю.

— И зачем тогда мне работать? Нет, я буду сидеть дома с Дэлли, гулять с Сулой, ходить по магазинам, встречаться в кафе с друзьями, — загибал он пальцы, — а ты будешь лечить людей и нас обеспечивать. — В его глазах бесенята, сидя в казино Монте-Карло в Монако, играли в кости на щелбаны, поскольку самый талантливый уже складывал пирамидки из фишек стоимостью двадцать тысяч евро каждая.

— По рукам, — подставила ладонь девушка, но парень не отбил, а схватил в охапку, подтянул к себе и принялся щекотать бока. И вдруг даже несмотря на писк и хохот Жак, остановился и замер.

— Жаклин...

— Ч-что... — сквозь смех отозвалась девушка.

— Мне кажется, или ты действительно поправилась?

— Не знаю, — выдохнула она.

— Нет, ты реально поправилась! — буквально завопил парень. — Жаклин, это победа! Я победил! Ты мой пончик, Джеки! — Александр любил весь белый свет и стиснул её в объятьях.

— Вот. Я уже толстая, — шутя надула губки «пончик», когда он ослабил хватку.

— Нет, ты просто мягкая и с дырочкой.

Александр предполагал, что девушка сейчас завопит от его намёков, но она только задумчиво прищурилась и, приблизившись к самому его лицу, прошептала:

— Я самый счастливый пончик в Мире.

Вместо эпилога

Вместо эпилога.

— Уважаемые пассажиры, наш самолёт совершил посадку в аэропорту города Глазго. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах до полной остановки судна и подачи трапа. К выходу вы все будете приглашены. Температура воздуха за бортом — восемнадцать градусов Цельсия, местное время — одиннадцать часов четырнадцать минут. Наш рейс: эф, эй, двадцать семь по маршруту Париж, аэропорт Шарля де Голя — аэропорт города Глазго завершен. Командир корабля и экипаж прощаются с вами. До новых встреч на судах Шотландских авиалиний.

Слушая стюардессу, Жаклин прислонилась лбом к иллюминатору и шарила глазами по территории аэропорта. Много разных самолётов по размеру и окраске, машины, тележки с багажом, но самого здания вокзала пока ещё видно не было.

«Интересно: с какой он стороны?» — скептически скривилась девушка и заглянула за крыло — где-то тут, совсем рядом, её должен ждать Александр.

Так получилось, что из Котону — города республики Бенин на Африканском континенте, где доктор Фортескью работала в одной из больниц в рамках организации «Врачи без границ», не оказалось прямого рейса в Глазго. Да и в Нью-Йорк, к слову, она тоже летала через Касабланку.

Поселившись в Большом яблоке с Алексом, Жак быстро вспомнила опыт скитаний с дядюшкой, довольно легко привыкла к местному говору, освоилась в квартале на их Восточной стороне, где Александр нашёл действительно очень неплохую квартиру, и сдала документы в Высшую школу медицины при Нью-Йоркском Университете, в её Квалификационную комиссию для выпускников иностранных ВУЗов.

Заканчивая дело, начатое Дэлли и Сулой, которые тут же разбросали свои игрушки по всем восьми комнатам, включая папин спортзал, Жаклин до конца распаковала багаж и, наведя чистоту и уют, принялась старательно штудировать литературу к экзаменам. Опыта работы ей было не занимать, а вот теория уже немного забылась. Хотела ещё оформить Дэлли в садик, но папочка попросил пока этого не делать.

— Успеет, — махнул он рукой, окидывая взглядом разложенные по всему столу учебники мамы и её уже чуть ли не пыхтящий как паровоз ноутбук.

Сам он продолжал работать в «Buch&Beek» и понемногу поднимать своё предприятие по поиску, обработке, обкатке и передачи технологий.

Поскольку доктор Фортескью являлась уже практикующим врачом, после успешной сдачи всех трёх шагов экзаменов, её определили в резидентуру сразу же в госпиталь Рузвельта на десятой авеню к главврачу тамошнего приёмного покоя Бенджамину Бемму. С этого-то и начались её приключения — доктор Вирджиния Эппер, работающая там врачом первой медицинской помощи тесно сотрудничала с организацией «Врачи без границ» и иногда ездила в составе групп в командировки. Судьба Жаклин была предрешена.

Первые полгода счастья семьи МакЛарен ничего не омрачало. Даже трудности. Хотя, какие для Жак могли быть трудности после четырёх лет жизни одной без Алекса. Да никаких. Так, досадные недоразумения.

Волноваться она начала после того, как месяц за месяцем не могла забеременеть. Досчитав до восьми, девушка отправилась к врачу. У неё взяли что-то около полусотни

анализов и объявили, что сказываются четырёхлетнее воздержание и резкая смена климата.

Сейчас, сидя в кресле самолёта, Жаклин положила ладошку на свой уже выступающий животик. Таким большим Александр его ещё не видел — они пробыли в разлуке полтора месяца.

Тогда он очень сильно злился и волновался, что «эти маньяки» выписали им кучу лекарств и целый список рекомендаций — не нравилось ему любить свою женщину с лекарствами и рекомендациями.

— Без них справимся, — отмахивался он.

Самолёт остановился, их вывели в зону прибытия, Жаклин прошла паспортный контроль и получила свой огромный багаж, поскольку Алекс в этот раз отпустил только в обмен на обещание, что это последняя командировка. Первый раз он, кстати, отпустил только лишь потому, что от госпиталя Рузвельта Жаклин летела вдвоём с гинекологом Сарой Медельс. И жили в Котону они тоже вдвоём на квартире.

— Приве-е-ет! — распахнул объятя МакЛарен.

Девушка бросилась к нему и сразу же без слов посильнее закопалась в родной торс и укуталась в любимые руки.

— Привет, — прошептала она его запаху. — Я скучала.

— Что ты там бормочешь? — чуть отстранился парень. Она ничего не ответила, а только подняла счастливые глаза и молча смущённо заулыбалась. Александр потянулся к её губам.

А вечером этого же дня они танцевали медленный танец на дне рождения Дженнифер.

К своему двадцатидвухлетию Дженнифер МакЛарен, недавно окончившая Университет Глазго, с помощью своих друзей художников и бригады строителей отреставрировала и оформила кафе Эшли и Алисы, перепрофилировав его в детское, как и мечтала когда-то. Из двух зальных колонн сделали огромный мухомор и пальму, всю мебель обтянули губчатой ярко полосатой тканью, амортизирующей удары, под потолком подвесили красочные большие пластиковые вишни, груши, яблоки и апельсины, в одном из углов устроили палатку, в которой можно было рассматривать и читать книжки с фонариком в руках. Уже почти всё было готово, и кафе ждало своего открытия.

Играла композиция Рори Грэма, Александр обхватил Жаклин за талию, не очень крепко притянул к себе — всё боялся излишне надавить ей на живот — и покачивался в такт музыке. Женщина вспомнила, как когда-то мечтала танцевать с ним в этом кафе при всех. Ну, что же, её мечта сбылась.

«Только вот дядюшки уже нет», — получило сердце осязаемый укол грусти.

Девушка потянулась рукой к ожерелью на шее. Твёрдые, большие жемчужины приятно обласкали подушечки пальцев своей породистой округлостью. Жемчуг уже приходилось надевать дома, в Нью-Йорке, но почему-то особенно приятно было носить его здесь, в Шотландии, где он и был когда-то подарен.

Александр не выдержал и уже, наверное, в пятидесятый раз за сегодня положил ладонь ей на живот.

— Ты родишь мне сына.

Женщина кокетливо склонила головку.

— Не пугай меня так. А вдруг это будет девочка? Куда мне её прикажешь девать?

Они, не сговариваясь, повернули головы в одну сторону и посмотрели на Эдельвейс, Аврору, Додо, Маркаса, Брайса и Дональда, которые в этот момент рассматривали каких-то

«полунастоящих» бабочек, подаренных Эшли. Пёстрокрылые красавицы, конечно же, не летали, но зато очень сильно напоминали «всамделишных» и крепко держались на ладони и даже на одежде.

Тогда, в Нью-Йорке, видя, что их проблема может затянуться надолго, и они погрязнут в лечении, Жаклин как-то однажды вечером под села к своему мужчине на колени, когда он после ужина развалился на диване, и робко завела разговор:

— Ты знаешь, когда меня дядюшка забрал из приюта в Дерби, я очень хотела взять с собой свою подругу Эмили. Мы с ней дружили. — Осматривая золотисто-пепельную макушку парня, Жаклин зачесала ему пятернёй волосы назад, оголив роскошный, красивый лоб. — Но так этого и не сделала, и потеряла её следы. А потом, когда ты меня бросил...

— Жак...

— Когда ты уехал в Штаты, и у меня родилась Дэлли, я почему-то захотела взять ребёнка из приюта, — тихонько прислонила она кулачок к его груди. — Скорее всего, это была страховка против того, чтобы иметь ребёнка с каким-нибудь другим мужчиной кроме тебя, но всё-таки. Я думаю: время пришло. — В ожидании застыла она, неуверенно заглянув в глаза своему шотландцу.

Ожидание весьма затянулось, поскольку он тогда долго молчал. Потом сказал, что тоже должен подумать и завис где-то на неделю. Жаклин терпеливо ждала и была несказанно благодарна, что, хотя бы не отговаривает сразу. И ещё больше обрадовалась, когда парень так и не стал этого делать, а сначала выспросил всё подробно: как она себе это представляет, и, получив увесистую долю здравого смысла в её позиции, принялся обсуждать процедуру.

У обоих осталось гражданство Великобритании, поэтому, в принципе, бумаг потребовалось не на много больше, чем обычно, а ещё — два раза слетать в Англию, в Дерби, и встать на учёт в консульстве Великобритании в Вашингтоне, поскольку в США отсутствуют надзорные органы за усыновлёнными детьми.

Жаклин очень волновалась при знакомстве с электронной картотекой детей, а потом ещё больше — когда её привели к ним в зал для игр. Увидев Аврору на фотографии, ей показалось, что она уже давно знает этого ребёнка. Что это ЕЁ человек. А заметив девочку среди детей, убедилась в своём первом впечатлении. Поскольку Алекс был занят, да и в приюте не советовали приезжать с мужчинами, которых дети — и мальчики, и девочки — побаиваются, поэтому в Дерби с ней поехала Марго.

— Она похожа на тебя, — шепнула женщина тогда на ушко Жаклин.

Аврора Мэсси жила с мамой музыкантшей, без папы, которого никто из соседей никогда не видел и не знает. Мужчина в их доме появился чуть позже, и ровно до того момента, как однажды ударил маму кулаком в живот. Она умерла от внутренней кровопотери, сожителя посадили, а пятилетнюю Аврору поместили в приют. Через год её оттуда забрала Жаклин.

Первые дня три в Нью-Йорке Александр с девочкой смотрели друг на друга как на приведения. Она — как на страшное, он — как на маленькое. А потом Аврора влюбилась в парня. Она вела себя как ребёнок, который только что познал: что такое иметь папу, да и вообще, мужскую компанию рядом. Александр не лез к ней с угодливостью, не старался понравиться и не пытался подлизаться, а просто шутил, Дэлли смеялась, а Аврора наблюдала и кушала шоколадные конфеты с начинкой из вишнёвого желе, которые очень полюбила. Жаклин видела, как засматривается девочка на улыбку парня. Казалось, что ей вообще никто никогда не улыбался красиво и искренне.

А ещё через пять месяцев, когда начал сдаваться уже даже Александр, у Жаклин оказалась задержка. С того момента прошло четырнадцать недель и у женщины шёл сейчас пятый месяц беременности. Именно после известия о том, что у них будет ещё один ребёнок, Александр сделал себе тату на груди, прямо возле вершины складки подмышки: «Your home is me». Эту фразу ему напомнила Жаклин.

Столы в кафе поставили вдоль стен, освободив площадку для танца. Тут же покачивались под музыку и другие пары, а Марго с Итаном о чём-то оживлённо разговаривая, старались перекричать звуки музыки. Матильда сидела с Эшли и Алисой — поскольку Кирку уже кто-то позвонил, и он вышел на улицу поговорить — и держала в руках его новую трость.

Именно поэтому Александр смог потанцевать с Жаклин — дядя постоянно его дёргал и отвлекал на разговоры о делах, ведь не исключено, что дальше им будет просто некогда. В основной массе сновали туда-сюда молодёжь — друзья и подруги Дженни по Университету и изостудии. С ними шепталась и взбудоражено жестикулировала и сама именинница.

И вот музыка стихла, и когда все пары спокойно и неспешно начали расходиться по местам...

— Кэ-э-э-э-э-м! — «выстрелил» в воздух протяжный крик голосом Дженни, а сама она кинулась к двери, в которой с огромным букетом крупных белых ромашек застыл Кэмерон Прайс. Она подбежала и, проигнорировав букет, повисла у него на шее. Да так и застыла.

Александр поморщился, и они с Жаклин вместе посмотрели на Алису. На лице миссис МакЛарен красовалась откровенная боль. Вплоть до отчаяния.

— Мать Кэма никогда не примет, — тихо посетовал сын.

— Ты лучше посмотри: как влюблена твоя сестра, — ткнула его в бок девушка.

Дженнифер сияла словно солнце. От неё исходила сильная, густая волна искреннего девичьего счастья, а сколько радости излучала её счастливая улыбка! Кэмерон кратко поцеловал её в губы и прошёл, поднёс букет Алисе. Та подношение приняла и даже улыбнулась, но не встала и не протянула руки. Однако дочь это не смутило. Да, казалось, её вообще ничего не смущает.

Вслед за Кэмероном в зал вошёл Кирк. Вот он-то улыбался по-другому: самодовольно и расслабленно. Руки приятно холодил и тяжелил короткий палаш шестнадцатого века, который ему только что вернули назад, ведь роман века разгорался на его глазах и при его непосредственном участии.

После того, как Дженни призналась Александру, что любит Кэмерона Прайса, брат рассвирепел и призвал к ответу дядюшку Бикстера.

— Без его ведома у Кэма и прыщ на члене не вскочит, — лихорадочно набирал он номер дяди.

— Александр! — округлила тогда на него глаза Жаклин и покосилась на Дэлли, Аврору и Сулу, раскрашивающих поролоновые фигурки красками.

Как объяснил Кирк по телефону, в тот раз, когда Дженни была у него в Париже на мастер-классах «какого-то там наикрутейшего художника», а также, ходила по выставкам и Лувру, к нему заглянул и Кэмерон.

Мистеру Прайсу требовались работы для его галереи в «СОССОН». Он и Дженн разговорились об искусстве, поскольку оба неплохо в нём разбирались. Затем девчушка пригласила мужчину к одному знакомому молодому художнику, коих в Париже великое множество, а он взял её с собой на премьеру балета и светский раут у знакомого музыканта

после неё.

И началось.

У Алекса и так случилось много забот — жена просилась во «Врачи без границ», приёмный ребёнок, раскрутка фирмы, а тут ещё и сестрица решила пощекотать себе нервы романом с одним из лучших ловеласов и знаменитейшим Казанова Лондона. Это было уже слишком.

Но, разумеется, Дженни, которая тоже носила фамилию МакЛарен (по крайней мере, пока), сумела отстоять своё право на выбор, на любовь, и сейчас не отрывалась от своего избранника, а тот смотрел на неё как на радугу.

Дженни подбежала к ноутбуку, что-то на нём набрала, а когда опять заиграла медленная композиция, подошла к Кэму и пригласила.

Они танцевали вдвоём. Одни. Зрелый, импозантный мужчина и молоденькая, тоненькая девушка, но Жаклин получала истинное эстетическое наслаждение, глядя на эту пару.

— Ты только посмотри на них, — повернулась она уже со слезой на щеке к Алексу — гормоны беременной женщины не дремали. — Разница в возрасте — это ведь такой пустяк, правда?

Парень ухмыльнулся.

— Когда ей будет тридцать, ему уже стукнет пятьдесят, — смерил он с ног до головы танцующих.

— Когда тебе будет пятьдесят два, мне стукнет шестьдесят. Он её дом, неужели ты не видишь?

Мужчина долго и с ироничным умилением смотрел на свою любимую женщину, беременную его ребёнком.

— Сокровище ты моё без границ, — вытер он тыльной стороной ладони слезу с её щеки. Бесенята в его «тюльпанах» старательно разучивали по нотам свадебные марши, а один, самый талантливый, уже подобрал мелодию на слух.

Больше книг на сайте - Knigolub.net